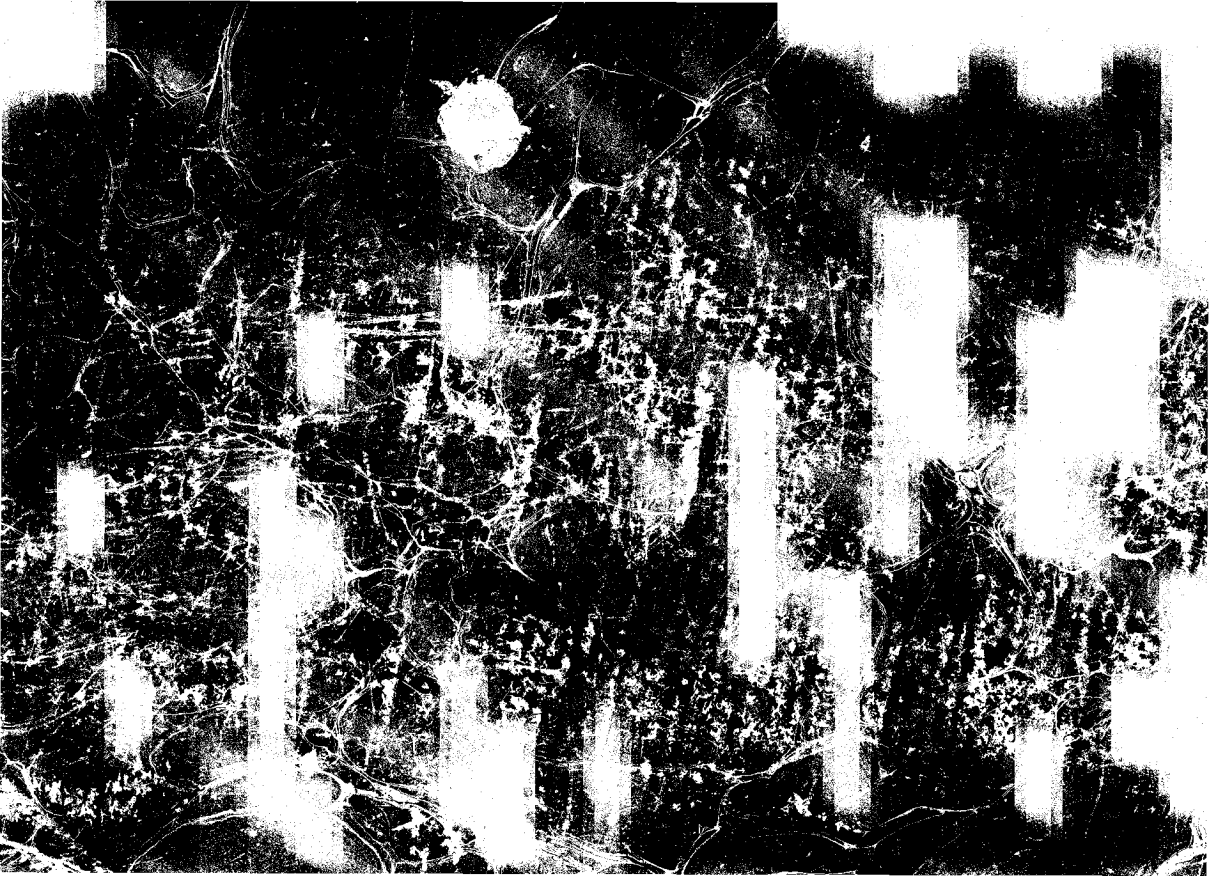

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЫПУСКЪ XI.

АКМОЛИНСКАЯ
ГУБЕРНСКАЯ

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

89(09)И.Л
П-48
Г. ПЕТРОПАВЛОВСК.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ
М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

XI в. Исторической Хрестоматіи имѣетъ своею задачею — выяснить характеръ русскаго просвѣщенія въ XVIII ст. Соотвѣтственно такой задачѣ составитель далъ, съ одной стороны, рядъ статей, рисующихъ намъ, главнымъ образомъ, внутреннюю сторону учебныхъ заведеній, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ; съ другой стороны — помѣстилъ рядъ статей объ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ, употреблявшихся въ школахъ, и такихъ общеобразовательныхъ книгахъ, которыя имѣли въ глазахъ читающей публики характеръ учебниковъ. Для полноты картины, рисующей намъ просвѣщеніе въ XVIII в., помѣщены нѣсколько статей объ Академіи Наукъ и Россійской Академіи.

В. Покровскій.

ЯРОСЛАВЛЬ

Русская образованность при Петрѣ Великомъ.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтія два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя: это — заведеніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія — одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни Петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ, — эпохѣ не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформаціи, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого-нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто

только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда — разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщеніи другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространившагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ орудіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападокъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературѣ, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ — полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только по своимъ знаніямъ и способностямъ выходили изъ ряда обыкновенныхъ тружениковъ, растрачивали свои дарованія на полемику или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ пріемовъ школьной польской учености сдѣлали то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону: именно, съ помощью ея въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являются въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не вò-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьмы ошибокъ, не повредивъ самаго простого смысла текста, а въ заключеніе не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ...

Наконецъ, отъ грековъ, пріѣзжавшихъ въ Россію за подаяніями, на Востокѣ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границею, и вотъ по этому случаю въ 1686 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ къ царю: „нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитаютъ неподобная мудрованія въ монастырехъ... довольна бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ фи-

лософію и суетную прелесть... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣютъ нравы, ихъ же не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ..."

Впрочемъ, и безъ этого посланія малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные расчеты; ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ способствовали умноженію недовѣрія къ пришельцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоакимъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, впрочемъ, и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣдуя которому можно было оставаться православнымъ и въ то же время не гнушаться знаніями, добытыми послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій.

Какъ неблагосклонно смотрѣли на иноземцевъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: „православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ; христіане постятся, еретики же никогда: ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево... Паки вспоминаю, еже бы иновѣрцомъ еретиковъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводите, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространится и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне... Здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, въ которотыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ кленутъ и лаютъ, и вѣру укоряютъ, и иконы святыя попираютъ..."

Послѣ такихъ мнѣній объ европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторыя исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказатель-

ствомъ служитъ размноженіе рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знаніе, какъ на ересь, какъ на нѣчто, несовмѣстное съ православіемъ: „братіе, не высокоумствуйте“, учили въ тѣ времена, „но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: эллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ — учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣха“.

Въ этихъ словахъ, — столь, повидимому, смиренныхъ, — презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочувствовавшаго просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси) и подтверждавшаго, что сейчасъ приведенное нравоученіе имѣло приверженцевъ въ тогдашней Россіи: „Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящемся быти учительми, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголютъ бо они, прельщающи юношъ тщаливыхъ къ науцѣ хотящихъ навыкати писанія, понеже въ оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущися о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ: и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашелся, а онъ сица въ ересь впалъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются — сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ!“

Въ 1690 г., большая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подверглась опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кіевской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты, и предъ смертною казнью ему напомнили, что онъ прельщался „кіевскими новотворными книгами“... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не на долго продолжалась реакція: какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего между иными средствами избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кіевскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образо-

ванія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кіевской академіи, было болѣе подготовки къ воспринятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недовѣріе къ наукамъ, которое изъ разныхъ, чисто личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть на первый разъ только тѣ изъ русскихъ, которые чему-нибудь учились и что-нибудь знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей Петра, его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кіевскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, но тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ людяхъ, и кіевляне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, большая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы — все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ и носили на себѣ несомнѣнные слѣды малороссійскаго происхожденія.

Знакомство Россіи съ науками европейскими изъ первыхъ рукъ начались при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ, учившихся за границей; по краткости времени, новость дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали явственными только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка лица, успѣвшія побывать за границей и узнать нáскоро кое-что, употреблялись по большей части для переводовъ разныхъ сочи-

неній, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ какимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки, — лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія (чему и въ нашей исторіи есть примѣры); но не въ силахъ воля, даже и не знающая себѣ предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій — кіевской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей.

Пекарскій.

Обзоръ предположеній относительно распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Въ 1724 году, по порученію Петра Великаго, Татищевъ отправлялся въ Швецію, и лейбъ-медикъ Блюментростъ, встрѣтившись съ нимъ тогда, просилъ его узнавать, не будетъ ли въ Швеціи ученыхъ, которыхъ можно было бы пригласить оттуда во вновь открывавшуюся въ Петербургѣ Академію наукъ: „Напрасно ищете сѣмянъ, возразилъ Татищевъ, когда земли, на которую сѣять, не приготовлено“. Императоръ, замѣтивъ этихъ лицъ и узнавъ, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь, отвѣтилъ Татищеву такимъ апологомъ: „Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно зачалъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили“.

Въ апологѣ Петра Великаго слышится мысль, которую нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя высказалъ Шиллеръ: „просвѣщеніе есть медленно развивающееся растеніе — чтобы созрѣть ему необходимы благодатное небо, много ухода и длинный рядъ весенъ“. Что касается до иносказательнаго возраженія Татищева — этого безспорно передового человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не приходилось бывать правителемъ, т.-е. тогда, когда онъ нисколько не отличался отъ воеводы временъ всеобщей неурядицы и грубаго произвола — то справедливость его возраженія получаетъ особенное значеніе, когда вспомнить, въ какомъ положеніи находились въ тѣ времена науки въ европейскихъ государствахъ, и что засталъ Петръ Великій въ Россіи относительно просвѣщенія и знаній.

Въ исторіи почти всѣхъ наукъ на Западѣ вторая половина XVII вѣка не даромъ считается блестящею эпохою. Тогда философія окончательно одержала верхъ надъ схоластикою, изслѣдованія сущности природы — надъ авторитетомъ и преданіями. Въ концѣ этого столѣтія является новое философское ученіе Лейбница, которое, въ продолженіе почти ста лѣтъ, было исходною точкою для германскихъ мыслителей и служило посредствующимъ звеномъ между ученіями Спинозы и Канта. Наука исторіи все еще слѣдовала старой рутинѣ и попрежнему оставалась лишь сборникомъ официальныхъ бумагъ, дипломовъ и т. п., но и при такомъ направленіи Пуффендорфъ, въ своихъ историческихъ трудахъ, уже сталъ обращать вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на причины возвышенія и упадка ихъ и т. п., чѣмъ самымъ намѣтилъ для исторіи путь, болѣе вѣрный и соотвѣтственный важности задачи ея. Юридическія науки, съ появленіемъ сочиненій Пуффендорфа „De jure naturae et gentium“ и „De officio hominis et civis“, стали также покидать схоластику и старинную рутину. Сейчасъ названный писатель яснѣе Гуго Гроція сознавалъ идею науки, которая, независимо отъ вліянія положительнаго права или теологіи, должна опредѣлять юридическія отношенія на основаніи законовъ разума. Томазій стремится мирить науку съ жизнію и первый осмѣлился доказывать нелѣпость судебныхъ и религіозныхъ преслѣдовній противъ волшебниковъ и чародѣевъ. Въ медицинскихъ наукахъ великое открытіе Гарви законовъ кровообращенія было поводомъ къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ ихъ. Но надъ всѣми науками въ описы-

ваемое время безспорно первенствовала математика. Въ области ея, послѣ Коперника и Кеплера, не прерывался рядъ великихъ открытій, которыя въ исходѣ XVII столѣтія заканчиваются почти одновременнымъ изобрѣтеніемъ Ньютономъ и Лейбницемъ дифференціальнаго исчисленія и объясненіемъ первымъ изъ нихъ законовъ движенія небесныхъ тѣлъ, опредѣленіемъ орбиты планетъ, раскрытіемъ причинъ большаго или меньшаго удаленія ихъ отъ солнца и т. п. Въ Россіи со второй половины XVII вѣка тоже замѣчается небывалое до того времени стремленіе къ просвѣщенію и наукамъ, но онѣ стали распространяться исключительно почти подъ вліяніемъ Кіева, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время господствовало подражаніе сосѣдственнымъ польскимъ школамъ, бывшимъ въ полномъ распоряженіи іезуитовъ. Ученіе Аристотеля, или, лучше сказать, искаженное въ средніе вѣка изложеніе мыслей этого мудреца особенно процвѣтало здѣсь. Философіи суждено было исключительно служить требованіямъ теологіи, а послѣдняя имѣла дѣло только съ истинами, не требовавшими научныхъ доказательствъ или же неудобными къ тому. Чрезъ кіевскихъ уроженцевъ такое направленіе перешло въ концѣ XVII столѣтія въ Москву, и ему, вѣроятно, предстояла бы особенная удача, если бы не явился во главѣ правленія такой государь, какъ Петръ Великій. Впрочемъ, было бы ошибочно думать, что онъ совершенно уничтожилъ вліяніе іезуитскихъ школъ въ русскомъ просвѣщеніи, такъ какъ это вліяніе было еще замѣтно во все продолженіе его царствованія и гораздо послѣ него.

Слѣды преобладанія религіозныхъ воззрѣній на науки можно встрѣтить въ такихъ русскихъ книгахъ начала XVIII столѣтія, въ которыхъ всего менѣе можно бы было ожидать этого. Такъ въ Треязычномъ лексиконѣ 1702 года составитель его считалъ необходимымъ предупредить читателя, что изученіе языковъ (лексиконъ былъ словено-латино-греческій) не значило выдумывать новую вѣру, и что, напротивъ, это одобряетъ самъ Спаситель; для бо̀льшаго же подтвержденія вспомянуты притомъ и семьдесятъ толковниковъ. У тогдашнихъ книжниковъ считалось грѣховнымъ читать иностранныхъ писателей на томъ-де основаніи, что они были неправославные. Въ правилахъ юношеству, напечатанныхъ въ Москвѣ при заповѣдяхъ Божіихъ и церковныхъ, 1702 года, и въ Букварѣ, 1704 года, именно преподавалось: „не чести книгъ еретическихъ, ниже

слушати вредословнаго ученія тѣхъ неискусныхъ о божественномъ и святомъ Писаніи и вѣдѣніи священнаго благочестія, но ниже съ таковыми разглагольствовати, ниже сообщатися“... Послѣ этого не удивительно, что старинный русскій человѣкъ смотрѣлъ подозрительнымъ окомъ и даже враждебно на истины, добытыя наукою. Аврамовъ, современникъ Петровскихъ преобразованій и человѣкъ для своего времени далеко не невѣжественный, прямо называлъ великія открытія Коперника кознями врага рода человѣческаго и сатанинскимъ коварствомъ. При Петрѣ Великомъ переведено и даже издано въ свѣтъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, но принесли ли они ожидаемую пользу, это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ для усвоенія ихъ надобно было владѣть основательными свѣдѣніями въ математикѣ, а между тѣмъ въ тогдашней Россія не существовало еще ни одного, сколько-нибудь сноснаго, учебника этой науки. Въ печатномъ кіевскомъ календарѣ на 1714 годъ толковалось весьма обстоятельно, что имѣющія быть въ томъ году затменія грозятъ людямъ бѣдами, но что, впрочемъ, русскимъ ихъ бояться нечего, на томъ лишь основаніи, что затменія тѣ не будутъ видимы въ Россіи. Не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ, именно въ 1717 году, у насъ вдругъ является переводъ сочиненія въ свое время славнаго астронома Гюйгенса, подъ заглавіемъ: „Книга мірозрѣнія“, гдѣ принимаются всѣ выводы, которые такъ высоко поставили астрономію въ началѣ XVIII столѣтія. Появленіе у насъ въ печати токого сочиненія можно, пожалуй, считать за доказательство быстраго распространенія въ Россіи научныхъ свѣдѣній, но это будетъ несправедливо, потому что лѣтъ сорокъ спустя у насъ подверглось цензурнымъ урѣзкамъ одно стихотворческое переводное произведеніе по тому соображенію, что въ немъ признавалась за истинную система Коперника.

Наивный лѣтописатель дѣтства Петра Великаго утверждалъ, что онъ еще въ малыхъ лѣтахъ, „вся въ совершенство изучи... книжное же ученіе толико имѣя въ твердости, что вся Евангелія и Апостолъ наизусть или памятію остро прочиталъ...“ А между тѣмъ самъ государь впослѣдствіи сознавался, что только въ четырнадцать лѣтъ отъ роду онъ въ первый разъ услыхалъ объ астролябіи, и что никто изъ окружавшихъ его тогда не могъ разъяснить ему этого инструмента до тѣхъ

поръ, пока не выискался одинъ голландецъ, знавшій настолько математику, что былъ въ состояніи преподавать Петру геометрію и фортификацію. Какъ и отъ кого этотъ государь узналъ о другихъ наукахъ, неизвѣстно. Есть много данныхъ предполагать, что въ томъ случаѣ ему не мало помогали иноземцы, жившіе издавна въ Россіи и съ которыми онъ особенно любилъ проводить время въ своей юности. Нѣкоторые изъ нихъ, како-то Вейде, Брюсъ, Виніусъ, были знакомы не по-наслышкѣ съ европейскими науками Послѣдній даже занимался переводами на русскій языкъ и владѣлъ замѣчательною библіотекою. Только въ перепискѣ съ этимъ Виніусомъ Петръ примѣшивалъ иногда сравненія изъ миѳологіи, упоминалъ о Вулканѣ, Марсѣ и т. п.

По возвращенія изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ въ первый разъ высказалъ о необходимости распространенія въ Россіи знаній въ бесѣдѣ своей съ патріархомъ (въ 1698 или 1698 г.).

Въ 1703 году плѣнный шведскій пасторъ Глюкъ, съ разрѣшенія царя, завелъ въ Москвѣ школу въ домѣ Нарышкина на Покровкѣ и надѣялся преподавать въ ней не только картезіанскую философію, но и языки, кромѣ европейскихъ, еврейскій, сирскій и халдейскій (самъ Глюкъ былъ оріенталистъ).

Въ 1720 году баронъ Магнусъ-Вильгельмъ Нирод подалъ Петру прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что онъ по духовному завѣщанію, составленному 28 мая 1717 года, имѣнія свои: Альпъ, Седелькауленъ и Куфлеръ, отказалъ на содержаніе устроеннаго имъ училища, и что въ это заведеніе выписаны наставники изъ Германіи, имѣется докторъ и болѣе двадцати „шляхетныхъ и нешляхетныхъ учениковъ“. „Въ школѣ, писалъ Нирод, обучены будутъ дѣти нѣмецкому, латинскому и французскому языкамъ, географіи, исторіи, философіи, ариѳметикѣ, землемѣренію (геометріи) и фортификаціи, архитектурству и живописному. Они жъ обучены будутъ политикѣ, морали (граждано-нравіямъ) и въ политичныхъ дѣлахъ; такожъ и танцовать, на шпагахъ битца и на лошадяхъ ѣздить...“ Нирод предлагалъ царю свое училище для образованія и русскихъ: „понеже государство вашего царскаго величества и младенчество многочисленно, то обѣщаюсь всепокорнѣйше такое число школъ пристроить, чтобъ по вся годы двѣсти или триста дѣтей для обученія вышеписаннымъ же договоромъ

(Нирод̈ъ полагалъ взимать въ год̈ъ за каждаго ученика на полномъ содержаніи по 100 рублей) могли приняты быть; но понеже для произведенія такого великаго строенія довольнаго числа людей не им̈ѣю, того ради прошу нижайше, да соблаговолитъ ваше царское величество отъ обр̈ѣтающихся полоненниковъ такое число, сколько понадобится къ экономіи и для всякой потребы при школ̈ѣ, такожъ и мастеровыхъ людей для строенія школъ всемилостив̈ѣйше повел̈ѣть мн̈ѣ опред̈ѣлить, егда они къ тому добровольно похотятъ и присягу в̈ѣрности прежде учинятъ...“ Надобно зам̈ѣтить, что училище барона Нирода еще прежде обратило на себя вниманіе архіепископа Ѳеофана Прокоповича, и онъ писалъ о немъ къ Марковичу 10 мая 1720 года: „... чрезъ Ливонію, на пути въ Дерптъ, я посѣтилъ село Альпъ, чтобы взглянуть на семинарію, которую тамъ содержитъ баронъ Нирод̈ъ, владѣлецъ этого и другихъ селъ: самъ онъ служитъ здѣсь въ Петербург̈ѣ вицепрезидентомъ коммерцъ-коллегіи, управляемой княземъ Голицынымъ. Въ школ̈ѣ его четыре учителя и до ста воспитанниковъ, большею частію ливонцы, но есть нѣсколько и русскихъ. Я увеличилъ число ихъ, послав̈ъ туда трехъ молодыхъ людей (которые прибыли вм̈ѣстѣ съ родителями изъ Кіева) для изученія греческаго, еврейскаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи...“

При помянутомъ прошеніи барона Нирода приложенъ проектъ указа отъ имени царя, въ силу котораго им̈ѣнія, завѣщанныя на пользу училища, освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей, а окончившимъ тамъ курсъ ученикамъ обѣщалось всякое покровительство и поощреніе. Въ указѣ, обращенномъ къ ревельскому губернатору и прочимъ властямъ, сказано, что им̈ѣнія тѣ предназначены „къ споможенію славы Божіей и на созиданіе и присное содержаніе для обученія сиротъ одного дому, въ которомъ шляхетскія и нешляхетныя сироты и убогія д̈ѣти въ страсѣ Божіи и въ христіанскихъ добродѣтеляхъ обучены и воспитаны быть им̈ѣютъ“. Неизв̈ѣстно, состоялся ли на д̈ѣлѣ этотъ указъ, а также, какая судьба постигла учебное заведеніе барона Нирода, о которомъ есть св̈ѣд̈ѣніе, что оно было учреждено по образцу сиротскихъ домовъ въ Галле, стало-быть въ немъ была введена метода изв̈ѣстнаго въ свое время піетиста Августа Германа Франка. Изъ нирод̈овскаго училища изв̈ѣстенъ только одинъ ученикъ

Шилингъ, который потомъ учился при Академіи наукъ и былъ впослѣдствіи русскимъ придворнымъ врачемъ.

Таковы были предположенія о мѣрахъ къ распространенію и водворенію просвѣщенія въ Россіи, которыя представлялись Петру Великому и которыя дошли до нашего времени. При разсмотрѣніи теперь этихъ предположеній не трудно замѣтить, что въ нихъ прежде всего высказывалась потребность въ образованныхъ людяхъ для замѣщенія различныхъ должностей въ государствѣ, и что въ этихъ людяхъ чувствовался тогда великій недостатокъ. Такимъ образомъ просвѣщенію придавалось значеніе лишь потому, что съ помощію его надѣялись достать болѣе знающихъ людей, чѣмъ тѣ, которые тогда имѣлись подъ руками. Нельзя не сознаться, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, несомнѣнно заключало въ себѣ что-то случайное и непрочное, и это необходимо долженствовало неблагопріятно вліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи, такъ какъ при такомъ направленіи капризный произволъ, а также поверхностность, отсюда легкомысленное и неуважительное отношеніе къ наукѣ, наконецъ равнодушіе къ ея успѣхамъ, если только не имѣла она тотчасъ же понятнаго для многихъ примѣненія на дѣлѣ, — все это могло быть явленіями, прямо вытекавшими изъ такого взгляда на просвѣщеніе.

Пекарскій.

Взглядъ на профессіональное образованіе въ Петровскую эпоху.

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патріархомъ Адріаномъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что „евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе Божеское человѣкомъ паче всего въ жизни сей надобное“; намъ нѣтъ надобности подозрѣвать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патріархомъ; по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго общества было столь же необходимо, какъ другія профессіональныя формы для другихъ классовъ. Это именно

выражаетъ Петръ въ слѣдующихъ словахъ: „и изъ школы бы во всякія потребы люди благоразумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“. Т.-е. образованіе въ глазахъ Петра явилось не въ своемъ существенномъ единствѣ, а въ частныхъ профессіональныхъ формахъ своихъ, какъ образованіе духовное, военное, художественное (архитектура) и медицинское.

Эту мысль Петръ дѣлилъ со многими прогрессивными умами того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить взглядъ Петра со взглядомъ всѣхъ тѣхъ прожекторовъ, которые въ началѣ XVII в. подавали русскому правительству массу соображеній о развитіи образованія на Руси. По самой сущности дѣла составители проектовъ, большею частію, принадлежали не къ русской народности, а къ образованнымъ людямъ или Востока (Греціи и южной Руси), или Запада (Германіи). Понятіе о цѣли образованія у первыхъ существенно разнится отъ понятія о томъ же у вторыхъ. Первые, сохраняя болѣе живыя преданія о необходимости общаго образованія, придаютъ ему однако характеръ исключительно религіозный и тѣмъ помимо воли своей, вмѣсто общаго образованія, рекомедуютъ спеціально духовное. Такъ одинъ изъ нихъ, рекомендуя для школы греческій языкъ, какъ „главу прочихъ языковъ“, тѣмъ обличаетъ свое греческое происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, принадлежность къ греческой Церкви; по его мнѣнію, цѣль образованія есть „прославленіе Св. Троицы“. Распредѣленіе классовъ и составъ наукъ, рекомендуемые имъ, тѣ самые, которые приняты были въ южно-рускихъ среднихъ школахъ со времени преобразованія Петра Могилы и которые усвоены были въ семинаріяхъ великорусскихъ. Такимъ образомъ этотъ проектъ, подъ именемъ общаго образованія, опредѣляетъ одну изъ профессіональныхъ формъ его, которая и была усвоена законодательствомъ и практикою; слѣдовательно, напрасно говорятъ, что „этотъ проектъ не имѣлъ въ Петровскія времена никакого примѣненія“. Ко времени образованія коллегіи начинается рядъ другихъ проектовъ, въ которыхъ уже понятіе о единой сущности образованія совершенно теряется. Одинъ безыменный составитель проекта опредѣляетъ цѣль образованія слѣдующимъ образомъ: „къ коллегіямъ, яко же къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ

людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ всѣ такія достойныя персоны имѣть можетъ...“ Конечно, для дѣйствія государственной машины рѣшительно все равно, къ какой національности принадлежатъ орудія, приводящія ее въ движеніе, но составителю проекта казалось выгоднѣе имѣть ихъ изъ природныхъ подданныхъ, между прочимъ, именно вслѣдствіе относительной дешевизны этихъ послѣднихъ. Для такой цѣли и только для этой составитель проекта рекомендуетъ установить академіи для шляхетной юности, — академіи, „въ которыхъ юность не токмо всѣмъ разнымъ языкомъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ выучиться могутъ“. Такимъ образомъ, если первый проектъ указываетъ одну форму профессіональнаго образованія, именно образованіе духовное, второй указываетъ другую, именно образованіе дворянское, преимущественно военное. Впрочемъ, у составителя этого послѣдняго проекта было нѣкоторое понятіе о расчлененіи профессіональнаго образованія: „на такихъ академіяхъ, говоритъ онъ, можно каждаго понятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію наученъ быть можетъ, еже въ чужихъ земляхъ большей части юности удается. А вышеупомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учены быть могутъ“.

Другой такой же секретъ, какъ въ малое время россійскихъ младыхъ людей въ совершенство поставить чрезъ обученіе и воспитаніе, имѣлъ особенный успѣхъ. Совершенство, о которомъ здѣсь говорится, состоитъ въ томъ, чтобы царь могъ наполнить всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и проч. „своими природными подданными и могъ получить собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ“. Проектъ этотъ представленъ царю тѣмъ самымъ Генрихомъ Фикомъ, который впослѣдствіи такъ жестоко поплатился за свою страсть къ проектамъ, іюля 1718 г.; Петру, вѣроятно, понравилась въ немъ полнота, обнимающая собою большую часть профессій, именно государственно-служебныхъ и экономическихъ. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что этотъ третій проектъ опредѣляетъ преимущественно лишь одну третью профессію гражданской службы (экономическая, какъ увидимъ, въ понятіяхъ людей

начала XVIII в. тѣсно сливалась съ этою послѣднею). Именно такой смыслъ придалъ проекту самимъ Петромъ, который надписалъ на немъ: „*сдѣлать* академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія кто (вѣроятно, какія можетъ); сіе учинить сего году начало“. Въ мысляхъ Петра академія прежде всего носила приказно-юридическій хиракторъ.

Итакъ, три прожектера рекомендуютъ, подъ видомъ общаго образованія, отдѣльныя профессіональныя формы его; и ни одинъ изъ нихъ не возвысился до указанія на другую высшую цѣль образованія, на то значеніе его, которое такъ твердо выразилъ XVII вѣкъ въ терминахъ: „людкость“ и „мудрость“.

До какой степени въ глазахъ этихъ просвѣтителей Россіи человѣческое образованіе было ничтожно предъ другими задачами государства, это самымъ циническимъ образомъ высказалъ Vockerodt, составившій свой очеркъ Россіи при Петрѣ Великомъ. Сказавъ, что Петръ извлекъ свое духовенство изъ такого невѣжества, которое превосходило невѣжество европейскаго духовенства въ самые темные вѣка папства, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ: „политично ли поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ?“ И отвѣчаетъ, что неполитично: образованное духовенство противопоставило ему въ другихъ реформахъ гораздо болѣе сильную оппозицію, чѣмъ какую онъ могъ встрѣтить въ невѣжественномъ клирѣ. Насъ, конечно, занимаетъ здѣсь не историческая неправда объ оппозиціи Петру со стороны образованнаго имъ духовенства, а дикая мысль о вредѣ образованія для кого бы то ни было.

Изо всей этой толпы изобрѣтателей секретовъ, какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ, блестящее исключеніе составляетъ величайшій умъ той эпохи — Лейбницъ: его понятія объ образованіи, рекомендованное имъ Петру, столь же отличается отъ мнѣній представленныхъ выше, и впослѣдствіи усвоенныхъ у насъ, насколько „воинскія экзерциціи“ разнятся отъ изученій философіи, несмотря на то, что и Лейбницъ платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распространенному въ ту эпоху. Въ запискѣ о распространеніи наукъ въ Россіи, относящейся къ декабрю 1808 г., онъ опредѣляетъ свое участіе къ распространенію просвѣщенія въ Россіи желаніемъ „содѣйствовать сколько-нибудь общему

благу и усовершенствованію людей, а также славѣ Божіей". Въ ней цѣль образованія опредѣляется такъ: „истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т.-е. состояніе постояннаго удовлетворенія, насколько это возможно для человѣка...; средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по Его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; между тѣмъ взрослыхъ, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія. „Какія средства ведутъ къ этой цѣли? или иначе: какую организацію образованію въ Россіи хотѣлъ бы придать Лейбницъ? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Лейбницъ въ запискѣ, которую относятъ къ 1716 году, поданной имъ царю.

Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейбницъ даетъ характеръ общаго образованія лишь первому, приписывая второму спеціальный характеръ, а третьимъ считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соотвѣтствуетъ школа, второму университетъ, третьему Академія наукъ. — Его школа однако не есть школа элементарная; не отъ азбуки переходитъ онъ къ спеціальному образованію; его школы (которыя онъ рекомендуетъ учредить при монастыряхъ) суть гимназіи. Удивительно только то, что онъ для такого широкаго образованія назначаетъ весьма короткій срокъ: дѣти, предназначенныя къ ремесламъ и торговлѣ, обучаются въ школѣ до 12 или 14 лѣтняго возраста, а готовящіяся къ высшимъ профессіямъ до 18 лѣтняго возраста. Этимъ прежде всего отличается схема Лейбница отъ усвоенной и практикованной тогда въ Россіи. Образованіе заключается: въ нравственномъ воспитаніи, изученіи языковъ и пріобрѣтеніи реальныхъ знаній (Künste). Оставляя пока въ сторонѣ воспитательное значеніе школъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ въ высшей степени распредѣленіемъ матеріала, образующаго собственно умъ: языки русскій, латинскій, нѣмецкій, греческій, французскій (или итальянскій) и еврейскій распредѣляютя такъ: для дѣтей, которыхъ будущая профессія есть ремесло (и, вѣроятно, земледѣльческій

трудъ), образованіе должно ограничиться русскимъ языкомъ; для готовящихся къ торговой профессіи — латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, для предназначенныхъ къ свѣтскимъ т. н. „ученымъ“ профессіямъ образованіе должно заканчиваться греческимъ и французскимъ языкомъ; для готовящихся къ духовной дѣятельности, сверхъ всѣхъ прочихъ, необходимъ еврейскій языкъ. Ни отъ кого не скроется, что такимъ образомъ Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессіональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія. Здѣсь именно Лейбницъ платитъ дань своему вѣку. Эта же наклонность къ раннему введенію въ образованіи профессіональныхъ началъ замѣчается и въ составѣ наукъ и искусствъ, изъ которыхъ слагается реальный эллементъ образованія; эти науки и искусства слѣдующія: „катихизисъ, основанія логики, музыка, ариѳметика, рисованіе, ручныя работы (какъ напр., токарное искусство и рѣзьба), геометрія, главныя основанія хозяйства, фехтованіе, верховая ѣзда, смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго“. Но распредѣленіе этихъ знаній для каждаго ученика, очевидно, — опредѣляется не склонностями, а будущею профессіею (не имъ избранною); такъ, указанныя ремесла предназначаются для будущихъ ремесленниковъ, фехтованіе и верховая ѣзда для будущихъ офицеровъ и т. д. Общими предметами для всѣхъ, вѣроятно, остаются законъ Божій и математика.

Зато Лейбницъ въ спеціальное образованіе вводитъ элементъ общій. — Спеціальное образованіе дѣлится у него на два существенныхъ вида: одинъ для военной службы, другой для гражданской и духовной. Для готовящихся къ первой практической школою должны служить гарнизоны и гавани; для готовящихся ко вторымъ учреждаются Ritteracademien (терминъ, которымъ Лейбницъ обнаружилъ, что онъ предназначаетъ ихъ только для высшаго сословія), здѣсь-то, предъ факультетскими занятіями, каждый долженъ посвятить нѣкоторое время общему образованію“, именно изученію математики и механики. Факультеты, проектируемые имъ, суть: богословскій, юридическій и учительскій (педагогическій). Въ частности юридическій факультетъ долженъ заключать два отдѣле-

нія: собственно юридическое (гдѣ изучается юстиція практически) и политическое для готовящихся къ высшимъ должностямъ администраціи; здѣсь изучается государственное право и всеобщая исторія.

Наконецъ, образованіе на высшей ступени (въ академіяхъ) достигаетъ снова характера общинности. Это высшій идеальный образъ науки, изъ котораго для школьнаго обученія берутся лишь частныя, отрывочныя средства. Однако школьное обученіе должно имѣть въ виду эту идеальную цѣль, потому что въ ней выражается то возможное совершенство человѣческаго развитія, къ которому въ концѣ концовъ должно стремиться образованіе юношества. „Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе“, а потому преподается богословіе, результаты котораго проявляются въ достиженіи истинной любви къ Богу и ближнему, существа духовные составляютъ предметъ пневматики; человѣческій разумъ (Verstand) есть предметъ логики; исправленіе наклонностей воли есть предметъ иѳики; науки, посвященныя изученію человѣческаго тѣла, суть медицина и хирургія. Познаніе о другихъ людяхъ и законахъ отношеній къ нимъ сообщается въ исторіи и правѣ естественномъ и государственномъ. Наконецъ, къ общему образованію Лейбницъ присоединяетъ науки естественныя, которыя разумѣетъ подъ двумя формами: географіи и астрономіи. Уже затѣмъ Лейбницъ указываетъ науки прикладныя (между которыми, къ удивленію, онъ помѣщаетъ математику, а именно геометрію и ариѳметику), механику, физику и химію и для отдохновенія музыку. На изученіе языковъ онъ смотритъ только какъ на средство пріобрѣтенія и распространенія знаній. Несмотря на видимые недостатки этой схемы наукъ самой по себѣ и въ особенности въ приложеніи ея къ Россіи, проектъ Лейбница безконечно выше другихъ тѣмъ, что указываетъ въ образованіи совсѣмъ другую цѣль, или правильнѣе, видитъ цѣль въ самомъ образованіи, а не подчиняетъ его другимъ цѣлямъ.

Лейбницъ представлялъ эту систему наукъ именно въ виду интересовъ Россіи; несомнѣнно, что на Россію онъ смотрѣлъ, какъ на tabula rasa; онъ хотѣлъ и считалъ возможнымъ испытать на ней примѣнимость высшихъ представленій о человѣческой цивилизаціи; но онъ зналъ также, что для Россіи того времени, для обновленія ея въ экономическомъ и политиче-

скомъ отношеніи были крайне необходимы профессіональныя знанія. Однако, именно для Россіи того времени насущною потребностію онъ считалъ „улучшеніе нравовъ и большую кротость“ народа и средствомъ для этого признавалъ воспитаніе и обученіе. Пекарскій старается доказать, что мысли Лейбница не имѣли почти никакого практическаго значенія для Россіи въ эпоху реформы ея; кажется, что это совершенно излишне, потому что взглядъ нашего законодательства того времени на сущность и цѣль образованія и взглядъ Лейбница на тотъ же предметъ находятся на двухъ противоположныхъ полюсахъ. И мудрено ли, что правительство того времени въ числѣ своихъ основныхъ задачъ не считало распространенія образованія, если писатель нашего времени рѣшается сказать, что „просвѣщеніе, если говорить отковенно, было бы *излишнею тягостью* при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія въ старину“. До такой жалкой крайности можетъ дойти никому не нужное желаніе защищать дѣятельность нашего правительства начала XVIII в.; авторъ „исторіи просвѣщенія“ сумѣлъ найти такое положеніе, въ которомъ бы „просвѣщеніе было излишнею тягостью“, и одною этою фразою доказалъ, что нашему современному образованію еще долго не приблизиться къ цѣли, указанной Лейбницемъ около 200 лѣтъ назадъ.

Въ этихъ словахъ, звучащихъ такъ странно, есть однако сторона истины, а именно: въ половинѣ XVIII в. народное образованіе не включено въ составъ задачъ государственнаго управленія, какъ самостоятельная часть его. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлію всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства.

Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи; говоря точнѣе, *образованіе вовсе не ставилось цѣлію законодательной и административной дѣятельности государства:* государство заботится о томъ,

чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботилось объ обученіи, а не объ *образованіи;* ремеслу можно обучать, но не образовывать человѣка; образованіе умственныхъ силъ человѣка и, необходимое послѣдствіе его, образованіе воли (воспитаніе) не было въ виду у государства той эпохи. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются; вотъ почему намъ приходилось и придется говорить не разъ о такихъ мѣрахъ, которыя не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ народнымъ образованіемъ.

Правительство, выдавая въ началѣ 1700 года Тессингу привилегію на торговлю въ Россіи книгами, учебными пособіями и картинами, опредѣляетъ, что книги эти должны быть „математическія, архитектурныя и всякія по военной части“, и что содержаніе этихъ книгъ должно служить „къ наивящей похвалѣ россійскому царствію межъ европейскими монархи... и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію“. Цѣль, къ которой стремилось законодательство Петра и его ближайшихъ преемниковъ въ своемъ отношеніи къ народному образованію, выражается въ слѣдующихъ началахъ: „чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились“ (какъ сказано въ резолюціи на прошеніе тобольскаго митрополита Филофея); „учить подъячихъ ихъ дѣлу“ (указ. 1721 г., ноября 10). Самое отчетливое уясненіе цѣли образованія даютъ намъ Петръ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ; здѣсь законодатель, начиная рѣчь о пользѣ образованія, пишетъ: „Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ *ученія,* и какъ державный нашъ монархъ его величество Петръ I обучилъ же изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію“.

Актъ учрежденія кадетскаго корпуса съ одной стороны подтверждаетъ, что такова именно была цѣль петровскихъ законовъ о народномъ образованіи, съ другой стороны свидѣтельствуетъ, что правительство и при Аннѣ продолжало руководиться тѣмъ же взглядомъ. Сказавъ, что Петръ сдѣлалъ для

дворянъ гвардію школою и тѣмъ поднялъ военное образованіе и искусство, актъ продолжаетъ:

„Такожъ и въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ (т.-е. въ высшей и низшей гражданской службѣ) не меньше старанія прилагать изволилъ посылкою для обученія въ чужія краи и потомъ (въ) государствѣ указомъ опредѣлилъ во всѣхъ коллегіяхъ изъ шляхетства быть коллегіи юнкеромъ, дабы изъ нихъ, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ чрезъ секретарство до высшихъ градусовъ производить могли, и напослѣдокъ академію наукъ учредилъ“. Затѣмъ переходя къ изложенію цѣли, для которой учреждается кадетскій корпусъ, законодатель такъ излагаетъ эту цѣль: „Хотя воинское дѣло понынѣ еще въ настоящемъ порядкѣ содержится, однакожъ, дабы таковое славное и государству зело потребное дѣло наивящте въ искусствѣ производилось, весьма нужно, дабы шляхетство отъ *младыхъ лѣтъ* къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были, того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ“ и т. д.

Но государство не есть такой нравственный институтъ, который можетъ разсчитывать на постоянное самоотверженіе подданныхъ; опредѣляя службу себѣ цѣлію образованія частныхъ лицъ, оно должно было вызвать къ жизни какой-либо личный стимулъ, указать личную пользу въ образованіи для гражданъ. Это не трудно было сдѣлать при сословномъ характерѣ образованія: если въ сословіи наслѣдственно передаются права на общественную дѣятельность, то въ немъ государственная цѣль дѣятельности сливается съ частною. Всякій долженъ учиться для себя, чтобы не ниспасть къ низшей профессіи, въ низшее сословіе. Эта личная цѣль постоянно и указывается законодательствомъ. Такъ, ученикамъ медицины оно указываетъ: „къ наукѣ такъ склоняться, дабы случай, (который) по ея императорскаго величества высочайшей милости имѣютъ доброму научиться, не упущали, ибо чрезъ то неточію ея императорскаго величества службы вредь ими исправлены да будутъ, но и они собственное свое благополучіе вредь получатъ“. Такъ, поощряя учиться военно-служилыхъ людей, законодатель съ укоромъ замѣчаетъ, что они не хотятъ учиться, несмотря на то, „что мы по высокоматерному своему милосердію, желая имъ всякаго добра, повелѣли учредить школы“ и дать жалованье неимущимъ, „чтобъ всѣ малолѣтные слу-

жилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучились, кто къ какимъ наукамъ преклонность имѣть будетъ, дабы со временемъ не токмо государству полезны быть, но и сами себѣ чрезъ тѣ науки довольное пропитаніе сыскать могли".

Не трудно понять, что эта личная цѣль есть цѣль внѣшняя, т.-е. цѣль, которую ставитъ себѣ человѣкъ, какъ членъ семьи, общества, государства или, наконецъ, какъ существо матеріальное. Эта цѣль есть „пропитаніе", кусокъ хлѣба въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ этого понятія. Она лежитъ въ самомъ существѣ профессіональнаго образованія, назначеннаго къ служенію внѣшнимъ интересамъ человѣка и общества (духовная профессія, какъ профессія, а не исповѣдничество, есть также дѣятельность внѣшняя, служебная). То, что можетъ указать человѣку въ его профессіи высшую общечеловѣческую цѣль, повести его при исполненіи профессіи далѣе „добычи", дается не профессіональнымъ образованіемъ, а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ *все* образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ.

Итакъ, въ образованіи правительство видитъ одни интересы службы, а частныя лица — одни интересы матеріальной выгоды.

Хотя наклонность къ системѣ исключительно профессіональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ первыхъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія и системы развитія его въ обществѣ законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ, въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. стоятъ нерѣшительно одна противъ другой три формы общаго образованія: 1) форма, основанная на изученіи классическихъ языковъ (которая утвердилась въ Московской академіи), 2) форма, основанная на изученіи математики (которая усвоена исключительно Сухаревой башнею) и 3) форма, основанная на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (которая представляема была „разноязычными школами"). Когда послѣдняя отпала, какъ непригодная ни къ какому роду службы, то двѣ первыя — классическое и математическое образованіе — соперничаютъ между собою, причемъ всякое представленіе объ общемъ образованіи утратилось, и эти двѣ господствовавшіе формы его пріурочены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ об-

щества, превратились въ образованіе духовное и свѣтское и, наконецъ, каждое изъ нихъ разбилось на мелкія группы по профессіямъ, сословіямъ и классамъ.

Такъ утвердилась эта господствующая и характерная система того времени; здѣсь, однако, мы должны отмѣтить тѣ комбинаціи, въ которыя невольно вступало профессіональное образованіе съ общимъ, уничтожить которое вполнѣ не могла профессіональная система ради собственнаго существованія: нельзя же учиться фортификаціи, не зная грамоты. Комбинаціи эти слѣдующія. Профессіональное образованіе или совершенно исключаетъ общее, если конкуренція этого послѣдняго вредна для перваго, или допускаетъ предварительно одно элементарное образованіе (при низшихъ профессіяхъ), или, наконецъ, обращаетъ общее образованіе въ приготовительное къ профессіональному (при высшихъ профессіяхъ).

Первый способъ отношеній къ общему образованію представляетъ, напр., узаконеніе 1735 г. о горныхъ школахъ. В. Н. Татищевъ представляетъ кабинетъ-министрамъ, между прочимъ, слѣдующее: „обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать“. Побужденіемъ къ такой странной мѣрѣ, идущей въ разрѣзъ съ общею системою принужденія, служитъ слѣдующее соображеніе: „понеже такого возраста (дѣти) многія заводскія работы исправляютъ и при добычѣ мѣдныхъ рудъ носятъ руду на пожеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и у *мастеровъ* въ *наукахъ* бываютъ, и послѣ отцевъ заводское дѣло на себѣ пріемлютъ; а ежели такого возраста работныхъ людей дѣти отлучены будутъ въ школы, и отъ того впредь заводовъ размножать будетъ некѣмъ“. Такимъ образомъ, здѣсь профессія легче можетъ быть изучена практикою, а всякое образованіе, даже элементарное (для котораго назначается самая ранняя молодость), вредитъ профессіи. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ Татищева.

Гораздо болѣе важное приложеніе того же начала мы видѣли въ отношеніи къ классу городскихъ обывателей, которые, ради занятій за прилавкомъ, уволены были отъ элементарнаго образованія. Наконецъ, еще болѣе важное и особенно пагубное примѣненіе это начало нашло въ крестьянскомъ населеніи, котораго профессія вовсе не требуетъ никакого образованія, и потому „крестьянскихъ дѣтей въ школы принимать не велѣно“.

Но такъ какъ лишь весьма грубыя, ремесленныя профессіи могутъ обойтись безъ грамотности, то большая часть видовъ профессіональнаго образованія допускала, а потомъ и требовала предварительнаго элементарнаго образованія. Первоначально это образованіе сообщалось въ самыхъ спеціальныхъ школахъ, при которыхъ и полагались первоначально особые низшіе классы, обыкновенно называемые тогда „россійскими школами“. Здѣсь безъ измѣненія продолжалась старая до-петровская система элементарнаго обученія: „чтеніе шло общепринятымъ, освященнымъ древностію порядкомъ; оно начиналось азбукою, продолжалось часословомъ и псалтыремъ и оканчивалось гражданскою печатью“. Впослѣдствіи, приблизительно съ царствованія Анны, признано было удобнѣйшимъ возложить элементарное образованіе на попеченіе и обязанность семьи. Возрастъ всякаго человѣка, призваннаго къ общественной профессіи (кромѣ самыхъ низшихъ профессій) и общественному образованію, распредѣленъ былъ на слѣдующія эпохи: 1) отъ рожденія до 7 л. (младенчество), — періодъ, на который государство не заявляетъ никакихъ притязаній: оно въ первый разъ свидѣтельствуетъ гражданъ въ 7 лѣтъ. 2) отъ 7 до 12 есть время, назначенное для пріобрѣтенія элементарнаго образованія въ семействахъ: „чтобы они (дѣти) при томъ другомъ смотрѣ, по послѣдней мѣрѣ уже дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать обучены были“. Въ духовномъ сословіи срокъ, съ котораго наступалъ періодъ элементарнаго образованія, и которымъ оканчивался онъ, не былъ строго и повсемѣстно опредѣленъ. Уже послѣ духовнаго регламента, въ 1723 г., Синодъ опредѣлилъ собирать въ школы всѣхъ дѣтей отъ 7 до 18 лѣтъ; но 7-лѣтнія являлись только на смотръ и потомъ отпускались домой для обученія грамотѣ. И въ этомъ сословіи, по постановленіямъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII в., ученики, представленные въ первый разъ на смотръ, должны быть обучены грамотѣ. Если смотръ захватилъ ихъ безграмотными, то родителямъ и родственникамъ ихъ назначается (за подпискою) срокъ, къ которому они должны обучить дѣтей грамотѣ и вновь представить ихъ, подъ угрозою штрафа до 10 руб. въ случаѣ неисполненія (т.-е. если дѣти опять останутся безграмотными). Несмотря на эти угрозы, элементарное домашнее обученіе шло плохо: на смотръ являлось много неграмотныхъ или притворявшихся неграмотными. Срокъ окон-

чанія элементарнаго образованія опредѣлялся практикою довольно однообразно; напр., въ Псковской епархіи требовалось, чтобы поступившія въ семинарію дѣти были не менѣе 12 лѣтъ. Еще въ 1740 г., по поводу судьбы лицъ, откупившихся отъ военной службы и обязанныхъ, по указу кабинета, пріобрѣсти спеціальное духовное образованіе для занятія должностей по церковной службѣ, кабинетъ предписывалъ синоду „имѣть довольное разсужденіе“ о томъ, „отъ какихъ лѣтъ такого (полнаго духовнаго) обученія взыскивать, а прочихъ отъ дальнѣйшихъ наукъ освободить надлежитъ, и положа тому указаные годы, надлежащее опредѣленіе учинить“. Наконецъ регламентъ новгородской семинаріи 1740 г. опредѣлилъ набирать въ семинаріи такихъ, „которые уже обучены читать и писать на русскомъ языкѣ, а именно отъ 10 до 11 лѣтъ“. Въ другомъ мѣстѣ того же регламента 12-лѣтній возрастъ признается крайнимъ предѣломъ элементарнаго образованія: до сего времени, говоритъ регламентъ, содержали при семинаріи такихъ учениковъ, которые читать и писать по русски не обучены; всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ, „чтобы они своихъ дѣтей до возраста ихъ въ 12 л. всему тому конечно обучили“ и представили въ семинарію для обученія прочимъ наукамъ.

Хотя государство предоставило элементарное образованіе семьѣ и само непосредственно не участвовало въ заботахъ о немъ, но по временамъ сознавало необходимость регулировать домашнее элементарное обученіе. Такъ, въ 1722 году, Ѳеодосій, архіепископъ новгородскій, предложилъ синоду слѣдующее: „въ С.-Петербургѣ люди духовнаго и мірскаго чиновъ обучаютъ дѣтей С.-Петербургскихъ жителей словесной грамотѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно граматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они, учащіе, всѣ-ли таковаго находятся искусства, о томъ святѣйшему правительствующему синоду неизвѣстно. Чего ради надлежитъ быть имъ подъ присмотромъ и вѣдѣніемъ учителя, обрѣтающагося при Троицкомъ Александро-невскомъ монастырѣ Иродіона Тихонова“. Синодъ приказалъ приходскимъ священникамъ сыскать всѣхъ такихъ учителей и объявить имъ, что они должны явиться на экзаменъ къ Тихонову; явились архіерейскіе пѣвчіе, дьячки, дѣти ихъ и дворовые служители. Экзаменаторъ, запретивъ преподаваніе неспособнымъ, остальнымъ далъ инструкцію, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей чтенію и письму.

Въ томъ же регламентѣ Новгородской семинаріи предписывается учреждать элементарные школы по уѣздамъ спеціально для дѣтей духовенства. Эта обязанность возлагается на начальство семинаріи, чтобы отцы не отговаривались, что школъ нѣтъ и они учителей сыскать не могутъ; въ школахъ должна преподаваться русская грамотность; въ учителя избираются такіе священники и причетники, „которые въ правоглаголаніи и правописаніи знаютъ силу“; плата учителямъ назначается примѣнительно къ тому, что платили до сего времени ученики учителямъ, разумѣется — въ приходскихъ школахъ.

3) Возрастъ отъ 12 до 16 лѣтъ (или 15) назначается на пріобрѣтеніе *приготовительнаго* образованія. Это тотъ добавокъ къ элементарному образованію, который обязанъ былъ своимъ существованіемъ Петру и который онъ хотѣлъ сдѣлать обязательнымъ для всего населенія въ цифирныхъ школахъ. Законодательство разсматривало эту форму образованія, какъ элементарную, хотя она заключаетъ въ себѣ существенные признаки спеціальнаго образованія. Теперь она сдѣлалась для большей части высшихъ профессій приготовительною. Неизмѣнною основою приготовительнаго образованія ариѳметики и геометріи оставались до царствованія Екатерины II-й, „чтобы оные (недоросли) всеконечно до другаго смотра.... ариѳметикѣ и геометріи со основаніемъ обучены были“. Но кромѣ этой основы оно заключало въ себѣ обязательно законъ Божій и необязательно иностранные языки. Знаніе „артикуловъ нашей православной каѳолической вѣры греческаго исповѣданія признано“ само собой „разумѣющимся должнымъ и нужнѣйшимъ“ знаніемъ. Но въ дѣйствительности это знаніе, какъ видно, вовсе не разумѣлось само собой.

Въ составѣ приготовительнаго образованія это единственный предметъ, обнаруживающій всѣ свойства общаго образованія; въ изученіи его не предвидѣлось никакой сторонней цѣли; цѣль его для всѣхъ равнозначительна — „христіанскую должность и догматы православныя нашея вѣры узнать и въ томъ бы право поступать“.

Что касается до изученія иностранныхъ языковъ (которымъ, какъ мы упоминали уже, обозначается обыкновенно среднее образованіе), то оно предоставлено было свободному произволу родителей высшихъ сословій. Они обязаны были обучить ариѳметикѣ и геометріи „съ крѣпкимъ обязательствомъ“; объ

иностранныхъ же языкахъ говорится, что имъ „по своему изволу учить станутъ“. Здѣсь разумѣются новые иностранные языки, которые въ духовномъ сословіи замѣняются классическими, и преимущественно латинскимъ. Организаціею общественныхъ школъ (именно съ основаніемъ сухопутнаго корпуса) иностранные языки сдѣлались въ нихъ обязательною частью приготовительнаго образованія, но только какъ средство пріобрѣтенія профессіональныхъ знаній, въ виду крайняго недостатка учителей изъ русскихъ: „ежели такихъ учителей, говоритъ уставъ кадетскаго корпуса, которые-бъ россійскому языку искусны, довольное число найти не можно, то во всѣхъ классахъ надлежитъ сначала обучать иностраннымъ языкамъ французскимъ и нѣмецкимъ, понеже молодые люди скорѣе оные языки, изъ которыхъ имъ науки разумѣтъ, перенимать могутъ, нежели учители въ надлежащемъ совершенствѣ имъ по россійски о наукахъ толковать“. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что для профессіонально-военнаго и юридическаго образованія приготовительное образованіе получаетъ иной оттѣнокъ, чѣмъ для духовнаго: тамъ существенно подготовляющимъ предметамъ служитъ математика, здѣсь классическія языки. Нельзя не сознаться, что это весьма сообразно съ сущностью дѣла.

Но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что общаго образованія въ строгомъ смыслѣ ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ. Два предмета, всегда считавшіеся могущественными и единственными факторами общаго образованія, разъединены; общеобразовательная сила ихъ была парализована односторонностію и той и другой формы образованія. Что такая система не въ состояніи была замѣнить общее образованіе, это наиболѣе опредѣляется служебною ролью, назначенною для общеобразовательныхъ предметовъ въ отношеніи къ будущему спеціальному образованію.

Такимъ образомъ профессіональное образованіе не предупреждалось общимъ. Каждый съ отроческихъ лѣтъ наклонялся къ той или другой внѣшней цѣли образованія. А это и было виною того, что ремесло оставалось ремесломъ; къ нему не привходило значеніе человѣческой образованности; хотя профессіональное и общее образованіе составляютъ формы одного и того же образованія, но первое безъ второго совершенно теряетъ значеніе образованія и дѣлается ремесломъ. Оттор-

женное отъ общаго профессіональнаго образованія получило тотъ отталкивающій характеръ, который наша литература нерѣдко приписываетъ ошибочно самому профессіональному образованію.

Только въ самомъ концѣ описываемаго времени послышались въ нашемъ законодательствѣ отдѣльныя и робкія мнѣнія, что до извѣстнаго срока всѣ должны учиться одинаково, не готовясь еще ни къ какой службѣ. Представителемъ такихъ мнѣній въ законодательныхъ сферахъ едвали не нужно признать одного Ив. Ив. Шувалова.

Владимирскій-Будановъ.

Мѣры Петра Великаго къ распространенію техническаго образованія въ Россіи.

Послѣ заботъ о распространеніи знаній по военному искусству и морскому дѣлу Петръ особенно старался распространить, посредствомъ обученія, знанія, необходимыя для добывающей, обрабатывающей и передаточной промышленности. Учителями въ этомъ случаѣ были преимущественно иностранцы, призываемые въ Россію умножать промышленное дѣло вообще и обучать при этомъ русскихъ. Однако въ послѣдніе годы царствованія Петра стало сказываться, что „иноземцы мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ срокъ, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ“, такъ что велѣно было прежде всего свидѣтельствовать вывезенныхъ мастеровъ, знаютъ ли они свое дѣло, а потомъ, ежели окажутся искусными, „со всѣми мастерами, которые употреблены будутъ въ какую-нибудь фабрику и мануфактуру, договориться, чтобъ они изъ россійскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и время, во сколько выучитъ“.

Въ ученики могли поступать, главнымъ образомъ, свободные люди всякихъ чиновъ людей. Крѣпостныхъ же людей старались не иначе допускать, какъ только съ отпускной отъ помѣщика, а бѣглыхъ сначала совсѣмъ запрещали принимать, какъ заводчикамъ, фабрикантамъ, такъ и мастеровымъ. Съ 1722 года замѣтно колебаніе правительства относительно допущенія бѣглыхъ крестьянъ на заводы. Указомъ 18-го іюля 1722 года разрѣшено было, до возвращенія государя изъ по-

хода, не отдавать бѣглыхъ помѣщикамъ. Этотъ указъ не былъ отмѣненъ, и въ указѣ слѣдующаго года (Демидову) также не запрещалось держать учениковъ изъ бѣглыхъ. Исключеніе составляли бѣглые солдаты. Въ маѣ 1724 года встрѣчаемъ противорѣчащее предыдущимъ распоряженіе сената: „какъ на заводы, такъ и въ приписныя къ нимъ слободы бѣглыхъ не принимать". Петръ не довольствовался добровольно-поступающими учениками: онъ издавалъ указы, требовавшіе чего-то въ родѣ небольшихъ наборовъ для обученія какому-нибудь мастерству.

Такъ, въ 1711 году „государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человѣкъ, которые были бы лѣтъ по 15-ти или 20-ти, и умѣющихъ писать", чтобъ раздать въ ученики къ мастерамъ по разнымъ дѣламъ.

Потомъ велѣно было адмиралтейской коллегіи опредѣлять сиротъ послѣ умершихъ офицеровъ для обученія, по разсмотрѣніи ея, грамотѣ и въ мастерство, „кто куды пристойны". Кромѣ этихъ мѣръ, касающихся поступленія учениковъ, дальше придется встрѣтиться и съ частными распоряженіями подобнаго рода.

Для обученія не было устроено особенныхъ школъ, гдѣ бы преподавались теоретическія или даже просто техническія научныя и практическія свѣдѣнія, кромѣ школъ въ Екатеринбургѣ и въ адмиралтействѣ. Учили же, большею частію, при самомъ отправленіи дѣла, безъ учебниковъ и, очень возможно, безъ строгой системы порядка. „Выписывая и вызывая иностранныхъ мастеровъ изъ-за границы, — говоритъ Аѳанасьевъ, — Петръ въ то же время посылалъ своихъ подданныхъ въ чужіе края учиться мануфактурамъ и ремесламъ. Такіе посылки начинаются съ перваго его путешествія по Европѣ (1698 г.). Въ 1700 году онъ заставилъ многихъ мѣщанъ послать своихъ дѣтей на казенный счетъ въ Амстердамъ, Лондонъ, Тулонъ, Брестъ и др. извѣстные города, назначивъ, чему именно каждый долженъ учиться. Съ этого времени отправка молодыхъ русскихъ за границу продолжалась безпрерывно, но извѣстія объ этомъ неполны и отрывочны.

Именнымъ указомъ 3-го декабря 1723 года велѣно было мануфактуръ-коллегіи „для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для искусства художества посылать въ чужіе края изъ моло-

дыхъ людей такихъ, которые къ тому обученію склонны, и для того ихъ обнадежить, что фамиліи ихъ даны будутъ нѣкоторыя привиллегіи по разсмотрѣнію ихъ науки, они-жъ награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія жалованьемъ".

Чтобы вполнѣ представить, какого рода промышленнымъ знаніямъ и въ какихъ размѣрахъ началось обученіе при Петрѣ, нужно припомнить то большое число фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, которое возникло по иниціативѣ государя, число мастеровъ разнаго рода, выписанныхъ и работавшихъ въ Россіи. Самое основаніе промышленнаго заведенія, мастерской, даетъ право предполагать, что рабочимъ ихъ придется обучаться тому или другому, мастерамъ придется сообщать свѣдѣнія, не дожидаясь объ этомъ указовъ свыше. Подробнымъ свѣдѣніямъ объ обученіи повсюду трудно было сохраниться; факты же, почерпнутые изъ законодательства, не раскроютъ всѣхъ, но только главнѣйшія стремленія и усилія Петра въ дѣлѣ обученія народа промышленности.

Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ старался научить свой народъ добывать руды и обдѣлывать добытое.

Въ 1710 году въ жалованной грамотѣ греку Левандіану ставится ему въ заслугу то, что онъ на основанныхъ имъ серебряныхъ заводахъ въ Нерчинскѣ „выучилъ тамошнихъ жителей нѣсколько человѣкъ тому мастерству". Въ 1711 году говорится о русскихъ ученикахъ руднаго дѣла, — всѣхъ ихъ велѣно было послать въ Сибирскую губернію: тамъ по сыску явились серебряныя и желѣзныя руды. Ученикамъ шло жалованье.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились объ ученьи на мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ.

Извѣстно, что Петръ всегда принималъ близко къ сердцу все способствовавшее развитію у насъ горнаго дѣла. Самыми дѣятельными помощниками въ этомъ случаѣ являлись Татищевъ и Геннингъ, или Геннинъ; особенно много они сдѣлали для сибирскихъ заводовъ — можно сказать: создали ихъ.

Что касается до обученія горному дѣлу на заводахъ, то прежде всего укажемъ на интересный въ этомъ отношеніи, хотя и неподтверждаемый, кажется, другими свидѣтельствами, отрывокъ одного извѣстія, полученнаго Веберомъ изъ Петербурга. Онъ приводитъ его въ своихъ запискахъ: „въ настоящее время (1718 г.) царь повелѣлъ уже устроить въ своей

резиденціи, въ Петербургѣ, небольшой горный заводъ съ двумя плавильными печами, серебро и мѣдно-обжигательныя печи, бродильный и среброочистительный горны для того, чтобы, съ одной стороны, показать русскимъ операціи, какимъ образомъ разработываются извлеченныя рудокопомъ изъ шахты руды и розсыпи, а съ другой — чтобы нѣкоторымъ образомъ практически обучить и пріохотить особенно способныхъ людей къ плавленію металловъ и вообще горнозаводскому дѣлу".

Для той же цѣли во время пребыванія въ 1719 году на петровскихъ заводахъ Петръ велѣлъ набрать 300 человѣкъ въ науку къ оружейному дѣлу и къ прочимъ (здѣсь плавили желѣзо, лили пушки и др. орудія). Въ продолженіе года успѣли опредѣлить только 62 человѣка, назначивъ имъ ученичье жалованье, какъ прежде было ихъ братьи. На этихъ заводахъ за ходомъ дѣла часто наблюдалъ самъ царь.

Татищеву было поручено завѣдываніе сибирскими заводами только въ 1720 году. Съ нимъ, кромѣ нѣсколькихъ мастеровъ, отправились еще 4 ученика артиллерійской московской школы и двое рудныхъ учениковъ съ олонецкихъ заводовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ, недостатокъ въ мастерахъ и людяхъ грамотныхъ. И вотъ, „лѣтомъ 1721 года, съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, учреждены были имъ школы въ Кунгурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, въ которыя собраны умѣющія грамотѣ дѣти подьячихъ и церковнослужителей, а въ уктусскую школу поступили, кромѣ того, многіе сыновья мастеровъ, рабочихъ и солдатъ. Въ этихъ школахъ назначено было обучать ариѳметикѣ, геометріи и прочимъ горнымъ дѣламъ. Главною цѣлью ученія было приготовленіе къ службѣ горной... Татищевъ просилъ учителей у сибирскаго губернатора, но получилъ въ отвѣтъ, что „для обученія ариѳметики и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ". Поэтому онъ поручилъ обучать въ этихъ школахъ изъ-за должности шахтмейстерамъ (рудничнымъ смотрителямъ) изъ артиллерійскихъ школьниковъ... Учащимся въ школахъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ съ Голіеромъ 24 декабря 1721 года опредѣлили каждому по полтора пуда въ мѣсяцъ ржаной муки и по рублю въ годъ на платье; а тѣмъ, у которыхъ отцы зажиточные, либо, находясь при церквахъ или въ службѣ заводской, получаютъ болѣе 10-ти рублей въ годъ, ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить трой-

наго правила: тогда и имъ выдавать то же содержаніе, какое назначено сиротамъ. Кромѣ учениковъ, взятыхъ въ школу для приготовленія къ горной службѣ, (Татищевъ) велѣлъ принимать и постороннихъ желающихъ, „имая себѣ за трудъ отъ родителей по возможности ихъ, а отъ неимущихъ ничего не требовать“. Въ одной изъ школъ въ августѣ 1721 года было 29 учениковъ, и двое изъ нихъ учили уже тройное правило, а въ другой — къ началу 1722 года — двадцать семь.

Мѣсто Татищева, отозваннаго въ концѣ 1721 года въ Москву, занялъ Геннингъ, знатокъ горнаго дѣла. Инструкціей, данной ему, предписывалось обратить вниманіе на литье пушекъ, дѣлать укладъ, сталь, жесть, дощатое и кровельное желѣзо, устроить машины для рѣзанья желѣза и для проволочнаго дѣла, и которые похотятъ тому всему отъ партикулярныхъ заводовъ учиться и такихъ учить“. Къ сожалѣнію, болѣе извѣстны факты объ его неутомимой дѣятельности вообще по умноженію и исправленію заводовъ, а не его заботы объ обученіи русскихъ. Извѣстно, напримѣръ, что на мѣдноплавильнѣ Кунгурскаго уѣзда онъ надѣялся съ плавкой металла начать обученіе русскихъ людей, далъ Демидову плавильнаго мастера для очищенія мѣди и обученія его людей и хотѣлъ послать къ нему горнаго ученика для указанія, какъ вести штольны и шахты. Имъ же была выстроена и школа въ Екатеринбургѣ, гдѣ стали обучать горнымъ наукамъ. Во время же управленія Геннинга, при посредствѣ Татищева, состоялся указъ объ устройствѣ фабрики, гдѣ бы обучали крестьянъ дѣлать складные и столовые ножи, ножницы бритвы и т. п. желѣзныя издѣлія. Всѣ эти свѣдѣнія, такъ заботливо распространяемыя Петромъ, Татищевымъ и Геннингомъ, носили характеръ элементарныхъ. Но ими не удовольствовался Татищевъ. Въ сентябрѣ 1724 года онъ сдѣлалъ слѣдующе предложеніе въ своей вѣдомости о сибирскихъ заводахъ: „потребно послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли“. Эта мысль нашла энергическую поддержду въ Петрѣ. Поручивъ русскому посланнику Бестужеву добиться позволенія у шведскаго сената на помѣщеніе русскихъ учениковъ, онъ скоро отправилъ съ Татищевымъ 22 ученика адмиралтей-

ской и артиллерійской школъ. Татищеву удалось все устроить уже послѣ смерти Петра.

Въ 1712 году велѣно было губернаторамъ выучить около 300 кузнецовъ и столяровъ дѣлать ружья. Въ случаѣ же недостатка ружейныхъ мастеровъ по губерніямъ, велѣно выслать такое же число на тульскіе оружейные заводы, снабдивъ деньгами, провіантомъ и одеждой на дорогу. Указомъ слѣдующаго года опредѣлено, по скольку именно на человѣка, — по 10 алтынъ, по полуосьминѣ, по мундиру сермяжному и по шубѣ. Этотъ же указъ говоритъ, что отъ посланныхъ на тульскіе заводы иные бѣжали съ дороги или съ завода.

Въ 1717 году велѣно было компаніи Томилина, братьевъ Рюминыхъ съ товарищами, устроить игольный заводъ „и русскихъ людей тому игольному мастерству обучать, а во ученье брать въ Москвѣ и въ Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню, и тѣмъ ученикамъ быть при томъ дѣлѣ до совершеннаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ компанейщикамъ на своемъ коштѣ“. Въ 1722 году компанія извѣщала, что мастеровъ и учениковъ съ 40 человѣкъ могутъ иглы дѣлать сами, и новымъ указомъ подтверждено: „россійскій народъ обучать во всемъ противъ заморскаго дѣла иглъ“.

Кромѣ упомянутыхъ заводовъ и фабрикъ, учились обработкѣ металловъ и на другихъ.

Впрочемъ, не на однихъ фабрикахъ и заводахъ хотѣли учить русскихъ. Такъ, въ 1715 году Петръ велѣлъ сыскать изъ шведовъ кузнецовъ добрыхъ, взять во всякую губернію по 2 человѣка и велѣть имъ учить кузнечному дѣлу русскихъ, въ которой губерніи сколько содержать можно. При типографіяхъ учили гравировальному художеству, пунсонному и словолитному дѣлу.

Въ извѣстіяхъ Пекарскаго о типографіяхъ XVIII столѣтія упоминаются нѣсколько русскихъ обучавшихся у Шюнебека, „грыдорованнаго дѣла мастера“ Пекарда и Никитина. Въ основанной по именному указу въ 1711 году петербургской типографіи для обученія россійскаго народа типографскому дѣлу, по словамъ директора этой типографіи Абрамова, „пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ, а грыдоровальныхъ дѣлъ мастеръ и живописецъ здѣсь же

въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи наилучшую науку получили, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцевъ не токмо грыдовальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые при домѣ его и. в. въ своихъ мастерствахъ чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы". По словамъ Голикова, велѣно было въ 1719 году Скорнякову-Писареву отправить въ Москву для обученія гравированью двухъ геодезистовъ.

Добыванію и обработкѣ металловъ русскіе учились и за границей. Въ 1711 году упоминается рудныхъ дѣлъ мастеръ Зубковъ, который „былъ того руднаго дѣла въ Саксоніи во ученьи". Впослѣдствіи было поручено Татищеву взять изъ школъ молодыхъ людей и раздать въ Швеціи для наученію горному дѣлу, и онъ, дѣйствительно, роздалъ 16 русскихъ учениковъ на разные шведскіе заводы. Въ бытность въ Амстердамѣ Неплюевъ встрѣтилъ русскихъ, учившихся мѣдному ремеслу. По словамъ Соловьева, отъ 1722—24 гг., возвращались домой учившіеся въ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые; между ними мастеровъ замочнаго и мѣднаго дѣла 4, мѣднаго литейнаго дѣла 2, грыдоровальнаго одинъ. Давъ имъ вспоможеніе на первое обзаведеніе, объявили, чтобы они учили русскихъ учениковъ.

Петръ заботился обучать русскихъ и обработкѣ минераловъ. Въ 1724 году, въ письмѣ къ Куракину о томъ, чтобы онъ отыскалъ мастера, умѣющаго выдувать круги стекляные прямо и чисто, съ подмастерьемъ, Петръ предполагаетъ поставить такому мастеру однимъ изъ условій то, „чтобы онъ и русскихъ выучилъ". „Немедленно по возвращеніи изъ путешествія, Петръ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣщанъ въ Голландію для изученія каменнаго мастерства и лучшаго способа обжигать кирпичъ, и выписалъ изъ Голландіи каменщиковъ и кирпичниковъ въ Петербургъ, которымъ отдалъ на обученіе русскихъ". „Въ 1700 г. онъ велѣлъ сибирскимъ воеводамъ отдавать въ обученіе по 2—3 человѣка тобольскимъ кирпичникамъ и каменщикамъ. Такъ какъ петербургскимъ и московскимъ жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ велѣно было крыть строенія только гонтомъ и черепицей, а петербургскіе гонтовые заводы не удовлетворяли требованіямъ, то велѣно было помѣщикамъ ближнихъ уѣздовъ присылать на гонтовые заводы своихъ крестьянъ и людей для обученія, которое можно окончить въ день

или два. Для обученія же москвичей велѣно было послать въ Москву изъ малороссійцевъ, да изъ Смоленска по 3 человѣка съ пристойными инструментами; и сдѣлавъ нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оные дѣлать, для образца... разослать по всѣмъ градскимъ воротамъ. Буде же кто похочетъ тому обучать людей и крестьянъ, и таковыхъ велѣть обучать онымъ же мастерамъ безъ денежной платы".

Петръ Великій заботился обучить русскихъ улучшеннымъ способамъ добыванія и обработки продуктовъ растительнаго царства.

Петромъ была сдѣлана попытка научить крестьянъ снимать хлѣбъ болѣе лучшимъ способомъ, чѣмъ переданное отъ прадѣдовъ жнитво серпомъ. „Понеже въ здѣшнихъ краяхъ, говорится въ именномъ указѣ Голицыну, въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссахъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ, хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что предъ нашими серпами гораздо скорѣе и выгоднѣе, что̀ средній работникъ за 10 человѣкъ сработаетъ, того для сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣскольку человѣкъ для обученья, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами". При этомъ Петръ писалъ къ подпоручику Болотову: „принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человѣкъ и ѣхать съ ними въ Тамбовъ съ поспѣшеніемъ, дабы можно было съ ними поспѣть къ тому времени, какъ начинаютъ первый хлѣбъ снимать и, будучи, дорогою ихъ беречь, дабы не разбѣжались".

Желая умноженія пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ, Петръ велѣлъ: „гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ". Такъ какъ при бракованіи льну и пеньки оказалась нужда для Петербурга въ бунтныхъ вязальщикахъ, то велѣно было выслать изъ близкихъ деревень 5 мастеровъ, живущихъ безъ дѣла для обученія другихъ. Въ провинціяхъ же учить чистить пеньку и вязать бунты поручалось промышленникамъ, скупающимъ пеньку, пока уѣздные и градскіе люди то въ обычай себѣ не примутъ.

Стремясь на основаніи „Духовнаго регламента" ввести въ женскіе монастыри рукодѣлья, правительство старалось обучить незнакомыхъ съ послѣдними монахинь и готовящихся къ постриженію. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ синодскій указъ 11 сентября 1722 г. Рукодѣлья, которымъ должно было

обучать, раздѣлены этимъ указомъ на: 1) честные (почетные?), какъ шитье, низанье и т. п., и 2) прядильное мастерство, „нынѣшнее“, болѣе удобное сравнительно съ прежнимъ. Одному изъ первыхъ, по свободному выбору, велѣно было обучать монахинь, происходящихъ отъ благородныхъ и честныхъ родителей, прядильному же мастерству монахинь простонародья и тѣхъ же благородныхъ, которыя не хотятъ или не могутъ заниматься честнымъ рукодѣльемъ. Монастыри были обязаны обучить всѣхъ въ 2 или 3 мѣсяца со времени полученія указа. Учить прядильному мастерству посылались мастерицы изъ села Покровскаго (гдѣ была фабрика для пряжи льна). Въ 1724 г. велѣно было дѣвочекъ сиротъ и подкидышей обучать въ монастыряхъ грамотѣ, а также пряжѣ, шитью, плетенью кружевъ и для этого выписать изъ Брабандіи сиротъ, наученныхъ въ монастыряхъ. Въ меморіи Петра, относящейся къ этому указу, добавлено: „также хотя бъ по одному монастырю, чтобъ и языки притомъ“. Такимъ образомъ, Петромъ были сдѣланы попытки, хотя и слабыя, ввести образованіе и въ среду женщинъ.

Русскихъ еще учили при Петрѣ на заводахъ и фабрикахъ ткать полотна, скатерти, салфетки, тики, при чемъ ученикамъ платилось жалованье. Голиковъ упоминаетъ про учениковъ на парусной фабрикѣ Тиммермана. Петръ отправилъ въ Голландію Короткина для обученія бумажному (писчей бумаги) мастерству, и въ 1710 году, по его возвращеніи на основанную бумажную фабрику и мельницу, отдано ему нѣсколько молодыхъ людей въ ученики.

Петръ стремился научить русскихъ разнымъ родамъ строительнаго искусства. Неплюевъ упоминаетъ про русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ столярному ремеслу. Для обученія строенія мазанокъ Петръ велѣлъ выставить въ Москвѣ нѣсколько образцовъ во всякомъ лѣсномъ ряду. Въ одномъ указѣ 1712 г. упоминаются ученики при архитекторахъ. Неплюевъ говоритъ, что въ 1216 году посланы были во Францію для обученія архитектурѣ 4 человѣка. 1723 г. велѣно было двухъ архитектурныхъ учениковъ, находившихся въ Римѣ, взять въ Петербургъ и опять послать вмѣсто нихъ столько же въ Италію, а отъ 1724 года уцѣлѣлъ указъ, данный русскому агенту фонъ-деръ-Бургу относительно 4-хъ учащихся въ Голландіи и Брабандіи наукѣ архитектурной. Петръ велѣлъ ему надзирать, „чтобы они выучили манеръ голландской архитек-

туры, а особливо фундаменты, которые нужны здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и тонкости стѣнъ, къ тому бы обучились строенію огородовъ, какъ ихъ размѣривать и украшать, такожъ бы и слюзному дѣлу обучались, которое здѣсь зѣло нужно, и чтобъ они сему послѣднему паче первыхъ учились. И для того, гдѣ такая работа въ Голландіи случится, туда ихъ и посылай для практики". Съ обученіемъ архитектуры шло обученіе и тѣсно связанному съ ней инженерному искусству и механикѣ. Такъ, въ 1715 г. царь писалъ: „Суворова и Туваркова отправить въ Мадридъ (у Соловьева въ Мардинъ), гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, говани и старые починиваютъ и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли бъ у тѣхъ фабрикъ учиться". Неплюевъ упоминаетъ о 4-хъ русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ экипажеству и механикѣ. О Нартовѣ, посланномъ усовершенствовать свои знанія за границу, въ отзывѣ президента французской академіи говорится, что онъ „при изученіи учинилъ великіе успѣхи въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается до токарнаго станка", говорится о „чистотѣ, исправности и субтильности" его токарныхъ издѣлій. Нартовъ впослѣдствіи (1723 г.) былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ.

Но гораздо болѣе Петръ заботился обучить русскихъ кораблестроенію и судостроенію. Обученіе кораблестроенію началось очень рано. Такъ, отъ 1692 г. сохранилось письмо 16 мостильщиковъ (плотниковъ) корабельнаго дѣла, обученныхъ самимъ государемъ-плотникомъ, при участіи и руководствѣ котораго они строили нѣсколько судовъ и первый военный корабль. Большая часть изъ 30 волонтеровъ великаго посольства была отдана въ Голландіи учиться — кто корабельному дѣлу, кто мачтовому, ботову, парусному, кто дѣлать блоки. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ пошло дѣло обученія съ учрежденіемъ адмиралтейства, гдѣ должно было работать 1000 человѣкъ изъ рекрутъ и матросовъ, кромѣ гардемариновъ. Здѣсь должно было быть по 3 человѣка учениковъ у мастеровъ, корабельныхъ, галерныхъ, ластовыхъ судовъ, камельныхъ, мачтовыхъ, ботовыхъ, шлюпочныхъ, машинныхъ, парусныхъ, весельныхъ, блоковыхъ. Въ адмиралтействѣ же учили и нѣкоторымъ другимъ ремесламъ, болѣе или менѣе касающимся кораблестроенія. Котель-

ники, паяльники, слесари, ложники, рѣзчики, компасники, оконнишные, фонарные, печники, трубочисты, прядильщики, парусные швецы, конопатчики, пильщики, столяры, токари, свѣчники должны были имѣть при себѣ учениковъ. При комиссарѣ надъ лѣсами, на обязанности котораго лежалъ осмотръ и правильная выдача доставляемаго лѣса и отчетность, были также ученики. Кромѣ того, у каждаго мастера всякаго мастерства должны были быть по 2 подмастерья. „Всѣ, какъ корабельные, такъ и прочихъ художествъ мастера должны учениковъ данныхъ имъ со всякимъ прилежаніемъ учить, не скрывая ничего, понеже за то имъ опредѣлено награжденіе. И которые ученики тщательно будутъ приниматься или нѣтъ, о томъ мастерамъ подавать вѣдомости оберъ-сарваеру“, подъ вѣдѣніемъ котораго находились всѣ мастера. Замѣчательно распоряженіе, которымъ не велѣно было мастеровыхъ людей переводить отъ одного мастерства къ другому, — это дѣлалось затѣмъ, чтобы „лучше въ своемъ художествѣ обыкли“. Для дѣтей плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей адмиралтейства велѣно было устроить школу и обучать грамотѣ, цыфири и „платъ-геометріи“, чтобы потомъ могли добрыми мастеровыми быть. Для распространенія въ Россіи вмѣсто старомanерныхъ судовъ — новыхъ: ботовъ разной величины, еверсовъ, гальотовъ и др., Петръ не только запрещалъ строить прежнія суда, но и посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства, чтобы обучать этому дѣлу. Посланные, большею частію, строили въ разныхъ мѣстахъ образцовыя суда, по которымъ окрестные жители сами могли бы учиться новому судостроенію. Такъ, упоминаются образцовыя суда на Ладогѣ, Вышнемъ Волочкѣ, въ Твери, Дѣдиновѣ Московской губ., въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1719 г. велѣно было подмастерью корабельнаго дѣла Сурмину ѣхать въ Ярославскій и Романовскій уѣзды съ приказаніемъ дѣлать романовки по новому образцу, какой сдѣланъ въ Петербургѣ плотниками-крестьянами Ярославскаго уѣзда, и объявить по пріѣздѣ имена послѣднихъ, чтобы судохозяева могли нанимать ихъ, а другіе учиться отъ этихъ плотниковъ. Указъ 11 янв. 1723 г. говоритъ, что на Олонцѣ промышленники уже изучены въ судовомъ строеніи, а ученика корабельнаго дѣла Илью Нѣмцева, бывшаго тамъ, нужно перемѣстить въ низовые города, гдѣ

одному Шпаку трудно находиться въ разныхъ мѣстахъ у судостроенія. Посылались въ мѣста судостроенія канопатчики учить крѣпко конопатить новоманерныя суда.

Наконецъ, Петръ Великій заботился научить русскихъ добыванію и обработкѣ нѣкоторыхъ продуктовъ животнаго царства.

Такъ, въ завоеванную отъ Персіи провинцію Гилянь, богатую тутовыми садами, Петръ посылалъ молодыхъ людей изъ астраханцевъ и кизлярцевъ учиться шелководству. Въ 1718 г. позволено было армянину Сафару Васильеву на заводимый имъ заводъ для дѣланія шелку-сырцу нанимать въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ, съ платежомъ за труды достойной платы. Изъ донесенія его (въ указѣ 5-го мая 1826 г.) видно, что „къ обученью въ работу у него наняты городскіе обыватели армяне, тезики и черкесы, а также и кочевые татары 10 кибитокъ... тѣ ученики и работники оному шелковому дѣлу являются заобычайны“.

По предложенію Кассиса (1724 г.) — выписать италіанскихъ мастеровъ, какъ не только очень искусныхъ въ уходѣ за шелковичными червями, въ приготовленіи шелка и въ выдѣлкѣ разнаго рода шелковыхъ матерій, но и могущихъ научить всему этому русскихъ безъ большихъ издержекъ, Петръ поручилъ ему доставить въ Россію такихъ „мастеровъ шелковыхъ, которые около червей ходятъ и шелкъ строить по-италіански умѣютъ“, также бархатныхъ и легкихъ парчей мастеровъ и отправить въ Италію „русскихъ ребятъ для ученья; но ежели скорѣе поймутъ, нежели опредѣленный срокъ ученикамъ, тобы ихъ, освидѣтельствовавъ, прислать, хотябъ на то и особливое иждивеніе употребить“. Больше вниманія Петръ обращалъ на обученіе фабричному производству шелковыхъ матерій. На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ приготовлялись позументы, тесьма, шнурки, Петръ отдалъ иноземцамъ въ ученье русскихъ молодыхъ людей изъ бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ и мѣщанъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ эту первоначальную фабрику и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, и государь разспрашивалъ ихъ о занятіяхъ. Объ основанной въ 1714 г. по повелѣнію Петра „для народнаго обученія“ шелковой фабрикѣ Милютина, научившагося самоучкой ткать шелковыя матеріи, послѣдній въ 1717 г. доносилъ, что онъ нанялъ мастера-армя-

нина для чистки пряжи и крашенья шелковъ съ платой 300 рублей, да сверхъ того поилъ и кормилъ, „а за тое плату училъ на моемъ же харчѣ учениковъ 6 человѣкъ и изъ того числа годныхъ обучилось 4 человѣка...“ Нанялъ (еще) „мастера гамбургца на 3 года, и платы ему плачу 330 рублевъ на годъ... и обѣщалъ оный мастеръ выучить 15 человѣкъ русскихъ людей ленты и позументы ткать, гладкіе и фигурные узоры набирать и рисовать, чему онъ самъ умѣетъ; а вышеупомянутые ученики и работники всѣ на моемъ хлѣбѣ, также и на одежду даю имъ плату и набираю учениковъ изъ убогихъ людей, и держу съ записьми, а за записи плачу пошлины я же своими деньгами; въ томъ числѣ есть ученики добрые, а иные и злые: не хотятъ учиться и добрыми людьми быть, бѣгаютъ, покиня мастерство и противъ записей не держатся“. При основаніи шелковой фабрики Шафировымъ и Толстымъ (1718 г.) было дано имъ право свободнаго найма въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ.

Упоминаются мастеръ и ученики воскобѣлильнаго завода.

Въ концѣ одного именного указа прибавлено: „мастера послать, дабы выучить солить треску“.

Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, правительство нашло нужнымъ научить русскихъ болѣе правильнымъ пріемамъ овцеводства, а для этого составило и объявило „регулы, какъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію“. Нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, слѣдуя этимъ правиламъ, начали получать шерсть, которая стала цѣниться вчетверо дороже противъ прежней. Впослѣдствіи то же самое было еще разъ подтверждено малороссіянамъ особымъ манифестомъ, обнадеживавшимъ ихъ милостью: „а мастеровъ, которые будутъ каждаго наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи“. Около этого времени (1724 г.) Петръ хотѣлъ „послать Румянцеву на Украйнѣ ордеръ... чтобы высылалъ своихъ людей для изученія ходить за овцами и баранами, такожъ чтобъ они научились стричь и порядочно выдѣлывать шерсть“. Въ томъ же году состоялся именной указъ: въ Шлезію для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержать и довольствуютъ и стригутъ и шерсть въ дѣло употребляютъ, послать изъ мануфактуръ-коллегіи комисаровъ майора Коло-

гриваго и къ нему придать и дворянъ и молодыхъ двухъ человѣкъ и съ ними изъ русскихъ овчаровъ, которые къ тому же позаобычайные, сколько человѣкъ пристойно"...; ихъ оставить тамъ года на два. Еще въ 1705 г. упоминаются ученики суконнаго дѣла; ихъ вмѣстѣ съ мастерами и работниками поручено было вѣдать судомъ и расправою Меншикову и не велѣно было брать съ нихъ никакихъ податей, кромѣ дворовaго тягла. При заведеніи одной изъ суконныхъ фабрикъ въ 1719 году велѣно было Петромъ „смотрѣть накрѣпко... дабы россійскій народъ оной фабрики обучались съ прилежаніемъ". Такъ какъ оказалось, что „нѣкоторые изъ россійскаго народа трудолюбивые и тщательные ко оной фабрикѣ шерсть прясть и ткать научились, а красить и лощить, и гладить, и тискать, суконъ простригать и ворсить еще необыкновенны: для того всѣхъ тѣхъ мастеровъ договариваясь, съ мастерами обучать изъ россійскаго народа безкрытно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ россійскихъ людей было довольное число; а которыхъ мастеровъ при томъ суконномъ дѣлѣ нынѣ нѣтъ, и такихъ оной компаніи изъ иноземцевъ добраго мастерства и принадлежащіе инструменты выписывать самимъ". Требованія правительства основывались и на томъ, что оно дало этой компаніи 30.000 р. заимообразно съ правомъ уплачивать этотъ долгъ приготовленными на фабрикѣ сукнами.

Были также ученики на шпалерной фабрикѣ. Желая ввести въ Россію улучшенные способы кожевеннаго производства, Петръ старался обучить имъ русскихъ промышленниковъ: „понеже юфть, — говорится въ указѣ 1715 года, — которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, распалзывается и вода проходитъ: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года". Невыучившимся запрещено подъ угрозой ссылки въ каторгу приготовлять юфть попрежнему.

Въ 1718 году подтвержденъ этотъ указъ чрезъ промышленниковъ, которые „учились" уже дѣлать кожи съ ворваннымъ саломъ. Въ 1717 г. состоялся указъ о высылкѣ изъ городовъ,

гдѣ есть кожевенные заводы, по два и больше мастеровыхъ людей „къ кожевенному обученію“.

Въ 1719 году велѣно было послать иноземцевъ-мастеровъ юфтяного дѣла для обученія русскихъ людей въ Кіевскую и Азовскую губерніи, по 2 человѣка. На учрежденномъ въ Казани заводѣ пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри учениковъ, повидимому, учитъ прилежно и ученики сказываютъ что онъ ни въ чемъ отъ нихъ не скрывается...“ Наконецъ, Петръ посылалъ въ Англію молодыхъ людей учиться выдѣлкѣ кожъ.

Отношенія, въ какія былъ поставленъ закономъ промышленный ученикъ къ людямъ, завѣдывавшимъ его обученіемъ, — къ мастерамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, — во многихъ случаяхъ сходны съ отношеніями, въ какія былъ поставленъ по закону тогдашній работникъ къ капиталисту, но отъ введенія новаго элемента обученія эти отношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали различаться.

Такъ, завѣдывавшіе обученіемъ должны были желать вознагражденія за свои труды и заботы, и законъ позаботился объ этомъ. Хотя по указамъ отъ ученика не требовалось денежной платы за ученье, а напротивъ, правительство и частныя лица безденежно предлагали свои услуги желающимъ учиться, платили жалованье мастеровымъ-учителямъ, даже часто давали харчи, одежду, „достойную плату“, „ученичье жалованье“; но зато за свои услуги и затраты правительство и частныя лица, фабриканты, заводчики и мастеровые, по закону, вознаграждались трудомъ обучаемаго и пользовались сообщенными знаніями не только во время самаго ученья, но и послѣ, — ученикъ долженъ былъ „заживать урочные годы“. Обыкновенный срокъ былъ 7 лѣтъ, но иногда къ этому сроку прибавлялась еще трехлѣтняя обязательная работа въ качествѣ подмастерья. Сначала въ отдѣльныхъ указахъ, потомъ въ общемъ постановленіи, регламентѣ мануфактуръ-коллегіи, Петръ старался установить подобнаго рода вознагражденіе за обученіе, старался прикрѣпить учениковъ къ обучившимъ ихъ, предписывалъ наказаніе ученикамъ, бѣжавшимъ до срока, и назначилъ сторублевый штрафъ съ лицъ, умышленно переманивавшихъ къ себѣ на работу, а съ принявшаго неумышленно — обыкновенный штрафъ за бѣглаго.

Послѣ наказанія, пойманнаго ученика обратно отдавали на заводъ или фабрику.

По окончаніи ученья мастеръ, какъ дѣлалось въ чужихъ краяхъ, давалъ свидѣтельственное письмо о томъ, что ученикъ совершенно выучился; не то послѣдній не признавался за мастера. Въ концѣ 1723 г. законъ озаботился о промышленномъ ученикѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегіи предписано было ей „всякое попеченіе имѣть о ученикахъ“, „смотрѣть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамъ и мастерамъ“, и чтобы ихъ „порядочно содержали“. Мануфактуръ же коллегіи поручено было и экзаменовать учениковъ.

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условій своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣгали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать.

Пріучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути, — морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самаго торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было „посылать въ чужіе края торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 15 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣть здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно); чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человѣкъ 20 и раздать капиталистамъ сіе обое изъ посадскихъ; къ тому жъ коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей“.

Соколовскій.

Школа математическихъ и навигаціонныхъ наукъ.

При первыхъ попыткахъ къ кораблестроенію и военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Азова, Петръ встрѣтилъ недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ по всѣмъ частямъ. Гдѣ только требовалось какое-нибудь спеціальное знаніе, тамъ дѣло не могло обойтись безъ иностранцевъ, которыхъ приходилось выписывать

издалека, за большія деньги, и при этомъ нерѣдко ошибаться въ выборѣ. Обстоятельства требовали образованія русскихъ дѣятелей, по возможности, въ большемъ числѣ и въ скорѣйшее время. Для достиженія этой цѣли Петръ почти одновременно съ отправленіемъ молодыхъ людей въ ученье за границу приступилъ къ основанію въ Москвѣ школы.

Въ первое заграничное путешествіе государя въ 1698 году, ему рекомендовали для будущаго училища хорошаго преподавателя математики и морскихъ наукъ, профессора Эбердинскаго университета Генриха Фарварсона (Henry Wargwarson), который, по приглашенію царя, и согласился переѣхать въ Россію. Вмѣстѣ съ Фарварсономъ для обученія собственно морскимъ или, по тогдашнему, „навигацкимъ“ наукамъ были вызваны учителя: Степанъ Гвынъ (Stephen Guyn) и Грызъ (Richard Gries).

1701 года апрѣля 14-го послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ школы „математическихъ и навигацкихъ, т.-е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія“. Школѣ приказано состоять въ вѣдѣніи оружейной палаты, у боярина Ѳ. А. Головина „съ товарищи“, и въ ученье набирать „добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ“.

Для помѣщенія школы сначала назначали мастерскія палаты полотнянаго двора, въ Кадашевѣ (въ Замоскворѣчьѣ), но по неудобству и отдаленности этого мѣста отъ центра города, по просьбѣ учителей, государь, въ іюнѣ того же 1701 года приказалъ отдать подъ школу Срѣтенскую и Сухареву башню „со всѣмъ платнымъ строеніемъ и землею подъ дворъ“.

По странной случайности, башня эта, какъ говоритъ преданіе, съ самаго ея построенія, начавшагося въ 1692 году, имѣла морской характеръ. Первоначально, Петръ хотѣлъ придать ей видъ корабля съ мачтою: восточная сторона должна была представлять носъ, а западная — корму. Впослѣдствіи эта мысль оставлена, и башня получила настоящую свою, весьма оригинальную наружность. Въ третьемъ ярусѣ Сухаревой башни были классныя комнаты, школы и такъ называемый „рапирный“ залъ, гдѣ школьники учились фехтованію.

Въ школѣ проходили ариѳметику, геометрію, тригонометріи плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію, и сообщались краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Для необходимаго подготовленія учениковъ

къ слушанію этого курса при школѣ было два начальныхъ класса, носившіе названіе „русской школы“, въ которой учили читать и писать, и „цыфирной школы“, гдѣ обучали счету и началамъ ариѳметикѣ. Навигація и астрономія подраздѣлялись на нѣсколько отдѣленій: навигація плоская (плаваніе по плоской картѣ), навигація меркаторская (плаваніе по картѣ меркаторской), навигація круглая (плаваніе по дугѣ большого круга), діурналъ (веденіе журнала и счисленіе пути корабля). Подъ именемъ „географіи“ преподавались начальныя понятія географіи математической и въ самомъ краткомъ объемѣ общее обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Кромѣ этихъ наукъ, нѣкоторые изъ школьниковъ учились фехтованію („рапирной наукѣ“), за что имъ и давалось большее противъ другихъ жалованье.

Ученики проходили послѣдовательно науки и разныя части ихъ, отъ ариѳметики до географіи включительно. Опредѣленнаго времени для экзамена и переводовъ, а также и для выпусковъ, не было; переводили изъ одного отдѣленія въ другое или, какъ тогда выражались: „изъ одной науки въ другую“, по мѣрѣ выучки; при переходахъ, по степени наукъ, возвышалось и жалованье, или „кормовыя деньги“. Выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію разныхъ вѣдомствъ, а очищавшіяся ваканціи немедленно замѣщались вновь принятыми учениками.

Судя по тѣснотѣ помѣщенія и малому числу учителей, должно полагать, что отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, кромѣ цыфирной и русской школы, было не болѣе числа учителей, т.-е. три или четыре.

Навигацкая школа, находившаяся первоначально въ вѣдѣніи Оружейной палаты у Ѳ. А. Головина, по кончинѣ его, указомъ 1706 года 15 декабря передана въ завѣдываніе приказа морского флота, а потомъ въ іюнѣ 1712 года — въ вѣдѣніе московской адмиралтейской конторы. Такимъ образомъ, послѣ Головина высшій надзоръ надъ школою имѣлъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Посредствующимъ лицомъ между высшимъ начальствомъ и учителемъ, или, вѣрнѣе, ближайшимъ и дѣйствительнымъ начальникомъ школы, былъ сначала дьякъ оружейной палаты Курбатовъ, а впослѣдствіи комиссаръ московской адмиралтейской конторы Бѣляевъ. Черезъ нихъ шла офиціальная переписка, касающаяся школы, и отпускались деньги на ея содер-

жаніе. Но нерѣдко учителя обращались и непосредственно къ главнымъ начальникамъ.

Андрей Даниловичъ Фарварсонъ или, какъ онъ подписывался по-русски, Фархварсонъ, Гвынъ и Грейсъ пріѣхали въ Москву осенью 1699 года. Кромѣ ихъ, учителемъ въ школѣ былъ Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной русской ариѳметики, по отзывамъ начальства, человѣкъ настолько свѣдущій въ математикѣ, что могъ преподавать курсъ до навигаціи; но на самомъ дѣлѣ онъ преподавалъ и эту науку, вѣроятно, подъ руководствомъ Фарварсона.

Въ указѣ объ основаніи школы высшій окладъ кормовыхъ денегъ ученикамъ положенъ 5 алтынъ въ день; въ дѣйствительности же, какъ видно изъ списковъ 1705 года, ученики получали отъ 4 денегъ до 3 алт. 2 ден., отъ двухъ до десяти копѣекъ. Количество „кормовыхъ денегъ“ зависѣло отъ усмотрѣнія учителей и назначалось по наукамъ и средствамъ ученика. Бѣднѣйшимъ изъ нихъ, кромѣ выдачи этихъ денегъ, шили на казенный счетъ платье.

Въ 1705 году у Фарварсона съ Гвыномъ (Грейса уже не было: онъ былъ какимъ-то образомъ убитъ на улицѣ) окончили навигацію 30 человѣкъ, а у Магницкаго 34 человѣка. Всего въ то время въ школѣ находилось 198 человѣкъ, въ томъ числѣ: 2 *князя*, 36 *дворянъ*, 43 *дѣтей священниковъ и причетниковъ* и 117 — разныхъ сословій, какъ-то: людей боярскихъ, посадскихъ, солдатскихъ, приказныхъ и стрѣлецкихъ дѣтей. Изъ числа учениковъ окончили навигацію 64, проходили ее 51, учили тригонометрію 27, геометрію 43 и ариѳметику 13. Судя по этимъ числамъ и обращая вниманіе на новость дѣла и неприготовленность вновь поступающихъ въ ученье, нельзя не согласиться, что въ первые годы существованія школы занятія въ ней шли довольно успѣшно.

Первоначально велѣно было принимать въ школу изъ „недорослей дворянскихъ дѣтей и дьячихъ, изъ домовъ боярскихъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ, изъ недорослей же, лѣтъ отъ 12 до 17“. Но какъ въ указанныя лѣта изъ дворянскихъ домовъ являлось мало, то 1710 года января 7 приказано принимать отъ 12 и до 20 лѣтъ и давать ученикамъ кормовыхъ денегъ въ день отъ 6 денегъ до 4 алтынъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть достаточное число крестьянъ. По окончаніи курса ученику обѣщалось, что онъ „не только денежнымъ удо-

вольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучитъ пріять и честь противъ мѣры дѣла своего".

Въ октябрѣ 1710 года число учениковъ дошло до 421. Въ 1711 году марта 15 разрѣшено принимать въ школу до 500 человѣкъ; но на дѣлѣ учениковъ было болѣе. Штатное число имѣло только значеніе для получавшихъ кормовыя деньги; дѣтей же достаточныхъ дворянъ, не нуждавшихся въ жалованьи, могло быть неограниченное число. Охотниковъ поступить въ школу, конечно, являлось болѣе изъ простого класса; дворянскимъ дѣтямъ тяжело было мѣнять домашнее барство на грубую жизнь школы и изъ привилегированныхъ властителей своихъ сверстниковъ дѣлаться ихъ товарищами, поступить въ руки ненавистныхъ иностранцевъ, а потомъ на вѣчную службу.

Малое число являвшихся дворянъ заставило въ іюлѣ 1714 года повторить указъ 1710 года, а въ томъ же и въ слѣдующемъ году всѣхъ дворянскихъ недорослей, не явившихся къ государю на смотръ, велѣно было назначить на урочные годы въ каторжную работу и къ битью свай. Послѣ перваго указа въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ школу записались 111 человѣкъ (изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 41), а съ дѣтьми гвардейскихъ солдатъ было записано 250 человѣкъ.

Уклоненіе дворянъ усилило строгія мѣры противъ ослушниковъ царскаго приказа. Въ городахъ и большихъ селахъ выставляли списки неявившихся на смотръ; доносителю, указавшему укрывающагося отъ смотра, обѣщалось имѣніе виновнаго, и доносящій о такомъ бѣглецѣ имѣлъ право явиться прямо къ царю, что прежде допускалось только въ доносахъ о дѣлахъ государственныхъ и о неправомъ рѣшеніи суда.

За побѣгъ изъ школы недорослямъ обѣщалась смертная казнь, а родственникамъ ихъ за ходатайство „объ отбываньствѣ отъ школы" — каторжныя работы.

На содержаніе школы отпускались деньги съ монетнаго двора и взыскиваемыя съ царедворцевъ, не желавшихъ отправляться въ ученье за море или на службу. На всѣ расходы по школѣ съ основанія ея по ноябрь 1703 года израсходовано 8341 руб. 4 алт., не включая сюда 4385 руб. 19 алт. 1 деньги, употребленныхъ собственно на строеніе.

Въ 1711 году, когда сборъ денегъ отошелъ въ вѣдѣніе сената, отпускъ суммъ на содержаніе школы замедлился въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, такъ что многіе ученики, не

имѣя возможности содержать себя, разбѣжались. Зимою 1714 года ученики, не получая пять мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ, по словамъ офиціальнаго донесенія, „не только проѣли кафтаны, но истинно, босыми ногами ходя, просятъ милостыни у оконъ“.

Выведенный изъ терпѣнія комиссаръ Бѣляевъ рѣшился написать къ Апраксину слѣдующій ультиматумъ: „ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будетъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости“. Это представленіе подѣйствовало, и объ отпускѣ денегъ для навигацкой школы послѣдовало распоряженіе. Сумма, назначенная сенатомъ для отдачи въ адмиралтейскій приказъ, на содержаніе навигацкой школы и посланныхъ за море, простиралась до 22.495 руб. Деньги эти велѣно отпускать попрежнему съ денежныхъ дворовъ.

Трое учителей-англичанъ получали сначала всѣ вмѣстѣ окладного жалованья 550 руб. въ годъ, не считая денегъ, выдаваемыхъ по ихъ требованіямъ на разные предметы, какъ-то: на одежду, столъ, лошадей, ихъ кормъ и сбрую, и проч. Такихъ денегъ со времени пріѣзда англичанъ по 1704 годъ израсходовано около 1370 руб. Но съ того времени имъ назначено выдавать, кромѣ жалованья, на всѣ расходы, безъ означенія предметовъ, въ годъ на всѣхъ 100 руб. Сверхъ того, съ Фарварсономъ, при поступленіи его на службу, сдѣлано было особенное условіе, по которому ему за каждаго ученика, кончавшаго удовлетворительно курсъ, обѣщано выдавать по 50 фунтовъ стерлинговъ, — сумма весьма значительная, равняющаяся двумъ стамъ тогдашнихъ рублей; но этихъ денегъ Фарварсонъ, несмотря на многія самыя настоятельныя просьбы, никогда не могъ получить. Магницкій вначалѣ, кажется, не имѣлъ опредѣленнаго жалованья, потому что въ 1702 году онъ получалъ жалованья всего 20 рублей 1 алт. 4 деньги, а въ 1703 году 90 руб. 1 алт. 4 деньги. Впослѣдствіи, въ 1710 году (апрѣля 20), когда Фарварсону было назначено жалованье 600 руб., Гвыну — 300 руб., и Магницкій сталъ получать 150 руб.

Между тѣмъ онъ трудился болѣе англичанъ, потому что, кромѣ преподаванія, наблюдалъ еще за поведеніемъ учениковъ. По отзыву дьяка Курбатова, англичане хотя учили и хорошо, только истинно дѣльнымъ былъ одинъ Фарварсонъ, а другіе

два (Гвынъ и Грейсъ) „хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія (Магницкаго) наукою не дошли“. „Временемъ,— пишетъ Курбатовъ,— англичане и загуливаются, или по своему обыкновенію по часту и долго проспятъ“. Магницкій же всегда въ классы являлся во-время.

Кромѣ учителей, при школѣ въ 1702 году былъ переводчикъ „эллино-греческаго и латинскаго діалектовъ“, котораго, впрочемъ, въ спискахъ слѣдующихъ годовъ уже не видно. При школьной канцеляріи состоялъ одинъ писецъ и 4 сторожа.

Съ первыхъ годовъ существованія школы раздавались ученикамъ подъ ихъ расписки слѣдующія книги и учебныя пособія: ариѳметика, вѣроятно, Магницкаго, изданные для школы логариѳмы, аспидныя доски, „каменныя перья“ (грифели) и карандаши; изъ инструментовъ — шкалы (линейки съ различными дѣленіями) планныя и гантирскія, радіусы (градштоки), секторы и квадранты (три послѣднихъ инструмента служили для измѣренія высоты свѣтилъ); ноктурналы — инструменты для опредѣленія времени по наблюденіямъ звѣздъ Малой и Большой Медвѣдицы: „книги морскихъ хартинъ“ (морскіе атласы), готовальни съ мѣдными инструментами, циркули простые и треножные, циркули „хартинные“ (употреблявшіеся при картахъ). Часть этихъ инструментовъ выписывалась изъ-за границы, а другіе дѣлались въ своей мастерской при школѣ.

По выходѣ учениковъ изъ школы всѣ розданныя имъ книги и инструменты отбирались. Въ 1713 году „на покупку инструментовъ и школьныя всякія починки“ начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья школьниковъ.

Изъ учениковъ навигацкой школы нѣкоторые жили въ самой школѣ, другіе — на частныхъ квартирахъ. За поведеніемъ ихъ смотрѣлъ Магницкій, и въ 1711 году (мая 6) велѣно было въ помощь ему выбрать изъ учениковъ „десятскихъ, добрыхъ людей, и всякому смотрѣть въ своемъ десяткѣ, или отдѣленіи, чтобы школьники не пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили“.

Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, соотвѣтствовали грубости тогдашнихъ нравовъ. Такъ, напримѣръ, за большіе проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ плетьми; на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни, или за такъ-называемыя нѣты, положена была (указомъ 1707 года, февраля 28)

страшная пеня: за первый прогульный день 5 рублей, за второй — 10 рублей, за третій и всѣ слѣдующіе — 15 рублей. Такихъ денегъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ 1707 года, набралось 8545 рублей. Для взысканія штрафныхъ денегъ, несмотря ни на какія отговорки, брали у виновныхъ людей и били ихъ на правежѣ, а у кого не было крѣпостныхъ, били самихъ господъ, покуда они не выплачивали штрафа.

Въ навигацкой школѣ, наполненной преимущественно дѣтьми низшихъ сословій, были однакоже ученики и знатныхъ фамилій, какъ напр.: князья Волконскіе, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Барятинскіе и др., Шереметевы, Собакины, Дмитріевы-Мамоновы и проч.; многіе изъ нихъ встрѣчаются въ штрафномъ спискѣ.

Навигацкая школа въ продолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія принесла большую пользу не только флоту, но и другимъ вѣдомствамъ, въ которыя поступали ея воспитанники, мало-по-малу вытѣснявшіе иностранцевъ. Въ указѣ 1710 года сказано, что „школа оная не только потребна къ единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству“. И, дѣйствительно, ученики школы требовались и посылались всюду, гдѣ нужны были свѣдущіе люди. Кончившіе навигацію отправлялись для науки „за море“, назначались для практики на нашъ флотъ, отсылались для „ученья бомбардирскому дѣлу, къ инженерной наукѣ (для которой въ 1711 году уже готовы были 170 человѣкъ), кондукторами къ генералъ-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ, и проч. Такимъ образомъ, первые русскіе моряки, гидрографы и типографы, извѣстные подъ именемъ геодезистовъ, инженеры, артиллеристы и вообще многіе сотрудники Петра по разнымъ частямъ, были воспитанники навигацкой школы. Изъ нихъ же назначались учителя въ школы, учреждаемыя въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ.

Учителя школы, кромѣ преподаванія наукъ и сочиненія руководствъ, исполняли, въ случаѣ нужды, и другія обязанности. Вообще, къ ихъ содѣйствію обращались по самымъ разнороднымъ предметамъ: учителямъ школы поручалось разсматриваніе близкихъ къ ихъ спеціальности книгъ; въ 1709 году царь приказалъ имъ прислать въ Воронежъ трубы для наблюденія затменія солнца, вычислить время затменія и сдѣлать рисунокъ, какъ оно будетъ видимо. Это нужно было Петру

для предупрежденія публикаціями суевѣрныхъ толковъ въ народѣ, являвшихся обыкновенно по поводу затменій. Иногда учителямъ поручались и некабинетныя работы, такъ, напр., они посылались съ учениками проложить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ.

Веселаго.

Цыфирныя школы.

Извѣстно, что реформаторская дѣятельность Петра по всѣмъ сферамъ государственной жизни первоначально направлялась на улучшеніе существовавшихъ до него учрежденій. Ясный переворотъ къ новаторству замѣчается лишь со второго десятилѣтія XVIII вѣка. Разница двухъ этихъ эпохъ въ законодательной и правительственной дѣятельности Петра еще не оцѣнена по достоинству. Тѣмъ болѣе жаль, что мѣры Петра по народному образованію, о которыхъ упоминаетъ митрополитъ Іовъ, совершенно не могутъ быть уяснены по недостатку историческихъ свѣдѣній.

Со второго десятилѣтія правительство совершенно отказалось отъ старой системы приходскихъ школъ и, между прочимъ, отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ развитію ихъ. Оно рѣшилось создать новую систему народныхъ школъ для распространенія совершенно новаго элементарнаго образованія; это—школы цыфирныя, а образованіе математическое.

Правительство составило себѣ совершенно особенное понятіе объ элементарномъ образованіи, не имѣющее никакой связи съ господствовавшими прежде понятіями о немъ. И, дѣйствительно, ученіе въ цыфирныхъ школахъ (судя по рязанской, составъ ученія которой, благодаря отчету синода въ верховный тайный совѣтъ 1727 года, намъ извѣстенъ) состояло въ слѣдующемъ: учили нумераціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизіи, тройному, десятичнымъ дробямъ, изъ геометріи — циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ.

Въ первомъ пунктѣ интересной инструкціи, данной 9 декабря 1721 года учителю Павлову, отправляемому въ Переяславль Рязанскій, стоитъ слѣдующее:

„Ѣхать тебѣ въ Переяславль Рязанскій и, по указу Его Императорскаго Величества 714 и 716 годовъ, учить тебѣ дьячихъ, подьяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чину

архіерейскаго дому и монастырскихъ слугъ дѣтей ихъ, по высылкѣ отъ воеводы, отъ 10 лѣтъ до 15, а посадскихъ и прочихъ чиновъ дѣтей же, которые сами похотятъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать, ариѳметики, а именно нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультопликаціи, дивизіи, тройныхъ правилъ и тройныхъ детрательныхъ какъ безъ долей, такъ и съ долями и десятичнаго счету и дѣленія, радіусу квадрата и радіусу куба; а который ученикъ вышеозначенную науку обучитъ, тѣхъ учить геометріи, а именно: прежде истолкованію геометріи и циркульныхъ пріемовъ, потомъ — тригонометріи плоской, плегометріи и штирометріи".

Судя по этой оригинальной спеціальности образованія, повидимому, никакъ нельзя считать его элементарнымъ, которое по существу своему не должно быть спеціальнымъ. Къ этому предположенію можетъ привести слѣдующее соображеніе: если въ цыфирныхъ школахъ начинали прямо съ математики, то слѣдуетъ предположить, что въ нихъ поступали уже грамотные, слѣдовательно, образованіе цыфирныхъ школъ шло за элементарнымъ, а не само было элементарнымъ. Но другія свойства этого образованія, особенно его общеобязательность, рѣшительно не позволяютъ причислить его къ разряду профессіональныхъ знаній. Далѣе, такъ какъ въ ариѳметическія школы должны поступать всѣ дѣти 10—14 лѣтняго возраста, то никакъ нельзя предположить, что въ нихъ поступали всѣ грамотные; въ классахъ, называемыхъ по имени частей ариѳметики, рядомъ съ ариѳметикою преподавалась и грамотность, т.-е. чтеніе и письмо. Въ монастырскихъ школахъ для нищихъ Петръ предписалъ въ 1724 году „обучать, сверхъ вѣры и заповѣдей Божіихъ, цыфири и геометріи". „Во всѣ вновь учреждаемыя школы учителей брали изъ навигацкой школы, и они вездѣ, *кромѣ чтенія и письма,* учили ариѳметикѣ и геометріи". Въ цыфирной и русской школахъ при самой Сухаревой башнѣ учили читать, писать и считать. Итакъ, мы должны признать это образованіе элементарнымъ.

Какимъ же образомъ законодатель могъ прійти къ странной мысли создать народное образованіе на изученіи цыфири и нѣкоторой части геометріи? Почему онъ полагалъ, что весь народъ долженъ учиться тангенсамъ и употребленію циркуля и именно только этимъ предметамъ? Цыфирныя школы иначе

называются навигацкими не потому только, что состояли въ завѣдываніи адмиралтействъ-коллегіи. Самое это подчиненіе ихъ морскому вѣдомству можетъ быть изъяснено не иначе, какъ тѣмъ, что законодатель и элементарному образованію придавалъ ту же цѣль, какую преслѣдовала морская академія. Если самъ законодатель, при его страсти къ мореходству, считалъ знанія, необходимыя для навигаторовъ, знаніями, имѣющими самый высокій интересъ, то и весь народъ во всемъ его культурно-историческомъ значеніи не могъ имѣть другой болѣе возвышенной цѣли; всѣ должны быть мореплавателями или, по крайней мѣрѣ, готовыми къ тому.

Это стремленіе основать все народное образованіе на такой узкой спеціальности можетъ показаться весьма дикимъ, а потому и наше предположеніе мало вѣроятнымъ. Не вѣрнѣе ли предположить, что законодатель признавалъ математику наиболѣе общеобразовательнымъ предметомъ? Но другія подобныя же мѣры царствованія Петра Великаго, повидимому, оправдываютъ первое предположеніе. Въ началѣ XVIII вѣка (1701—1715 года), то-есть до времени открытія цыфирныхъ школъ, открывались во многихъ городахъ адмиралтейскія (навигаціонныя въ полномъ смыслѣ) школы. Изъ записокъ Неплюева и Мордвинова видно, что такія школы были до 1715 года — въ Нарвѣ, Ревелѣ, въ Вел. Новгородѣ. Въ Нарвѣ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловичъ, сынъ Кашинцовъ. Въ Новгородѣ обучали начальнымъ основаніямъ математики. Подобная же школа была основана Петромъ въ Воронежѣ въ 1703 году, когда Петръ посѣтилъ этотъ городъ. „На первый разъ набрано было 90 человѣкъ молодыхъ драгунъ, которымъ преподавалась грамота и сверхъ того ариѳметика. Въ приходо-расходныхъ книгахъ 1710 года, хранящихся въ воронежскомъ архивѣ, есть указаніе на то, кто былъ первымъ воронежскимъ педагогомъ, „словеснаго ученія мастеромъ“, и сколько онъ получалъ жалованья. Таковымъ былъ нѣкто Семенъ Мининъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и переплетчикомъ книгъ для адмиралтейскаго приказа; между его учениками упоминается нѣкто Ѳедоръ Ѳедоровъ и двое его товарищей, которые всѣ получали въ годъ кормового жалованья 14 рублей“.

Окончательное утвержденіе математическо-навигаціонной системы образованія, какъ общеобязательной для всѣхъ, относится, какъ извѣстно, въ 1714—1716 гг.

Образованіе въ указанномъ составѣ и размѣрахъ объявлено обязательнымъ. Карательныя мѣры, придуманныя какъ законодателемъ, такъ и практикою того времени, для огражденія обязательности образованія, направлены были прежде всего на дѣтей, а не на родителей. Этотъ весьма нераціональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребность въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи.

Мѣра, придуманная первымъ узаконеніемъ о цыфирныхъ школахъ (1714), повидимому, придумана весьма остроумно: кто не усвоитъ вполнѣ элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ правительствомъ, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, а безъ такого свидѣтельства не позволяется жениться. Личный интересъ, который раздражаетъ здѣсь законодатель, повидимому, самый общій и самый чувствительный. Но мѣра эта поражена двумя существенными пороками: а) исполненіе угрозы ведетъ къ нарушенію другого государственнаго интереса, который въ государствахъ XVIII в. считался весьма существеннымъ, именно умноженіе народонаселенія. Очевидно, что государство само должно было не настаивать строго на исполненіи этого неразумнаго постановленія и тѣмъ парализовать обязательность обученія. Если въ первые 10 лѣтъ существованія цыфирныхъ школъ во всѣхъ ихъ перебывало 1389 человѣкъ, а выучено 92 чел., то можно ли думать, что остальная масса населенія можетъ быть лишена брака? И что̀ дѣйствительно было бы въ такомъ случаѣ съ государствомъ? Очевидно, что всѣ, а не одни 92 счастливца, преблагополучно получили право жениться, вопреки узаконенію 1714 г. б) Это узаконеніе считаетъ исполненіемъ школьной обязанности не посѣщеніе школы, а дѣйствительное усвоеніе требуемыхъ знаній: „ту науку выучатъ совершенно“. Государство никогда не можетъ потребовать этого вопреки педагогикѣ и психологіи.

Что угроза недопущенія до брака мало дѣйствовала, это доказываютъ жалобы учителей на отсутствіе учениковъ, жалобы, начавшіяся вскорѣ по прибытіи учителей на мѣста. Поэтому указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ мѣрамъ административныя, — рекомендуетъ губернаторамъ

(указъ данъ боярину Салтыкову) въ тѣ школы опредѣлять (дѣтей), не упуская времени „велѣть высылать ихъ безъ мотчанія“. Какъ ревностно исполняла это тогдашняя администрація, показываютъ прошенія посадскихъ людей 1720 г.: „держать изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ“. Тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ, „таскали“. Способъ набора, практиковавшійся тогда во всѣхъ случаяхъ, слѣдующій: родители представляли своихъ дѣтей подлежащей власти для разбора; власть распредѣляла ихъ, смотря по ихъ возрасту и собственному усмотрѣнію. Разборъ для опредѣленія въ цыфирныя школы производили воеводы, каждый въ своей провинціи.

Принудительность образованія была одною изъ причинъ неуспѣха цыфирныхъ школъ, и, дѣйствительно, случалось, что дѣти, силою забранныя въ эти школы, разбѣгались изъ нихъ, какъ это случилось въ Воронежѣ.

Мы сказали, что характеръ элементарныхъ школъ въ цыфирныхъ можно замѣчать потому, что они предназначены для всѣхъ гражданъ. И дѣйствительно, въ первыхъ узаконеніяхъ о нихъ правительство не дѣлаетъ исключеній ни для кого относительно обязанности посѣщать ихъ, кромѣ однодворцевъ: по узаконенію 28 фев. 1714 г., ей подлежали дѣти дворянскія и приказнаго чина дьяческія и подьяческія отъ 10 до 15 лѣтъ, „опричь однодворцевъ“. По узаконенію 28 декабря 1715 г., „молодые робятки изо *всякихъ чиновъ людей*“. Почему сдѣлано исключеніе въ пользу однодворцевъ? Потому конечно, что однодворцы были лица, составлявшія народное поголовное ополченіе. Если ихъ держать въ школахъ до 15 лѣтъ, то некогда имъ готовиться къ своей постоянной профессіи, и отцамъ ихъ не кѣмъ замѣнить себя въ случаѣ общаго движенія ополченія. Что это такъ, доказывается параллельною мѣрою 1736 г.: въ Петербургъ къ герольдмейстеру для записи въ школы должны явиться „всѣхъ служилыхъ людей дѣти отъ 7 лѣтъ и выше, кромѣ однодворческихъ, которыя ландмилицію содержатъ“.

Но такъ какъ въ подобныхъ же условіяхъ находилось и дворянство, то законодатель счелъ необходимымъ вскорѣ исключить и его изъ общій обязанности посѣщать элементарныя школы. Указъ 18 янв. 1716 г., повторяя распоряженіе двухъ первыхъ указовъ, уже прибавляетъ „окромѣ дворянскихъ дѣ-

тей"; и это было весьма резонно, потому что въ то же время дѣйствовала строгая спеціальная система обязательнаго обученія дворянъ въ спеціальныхъ школахъ. Въ приведенномъ выше 1-мъ пунктѣ инструкціи учителю Павлову сказано: „и дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать".

Такимъ образомъ, подлежащими обязанности посѣщать элементарныя школы, уже съ 1716 г., остались одни низшіе классы. Но такъ какъ эти классы въ первоначальныхъ узаконеніяхъ не были перечислены порознь, то отсюда возникало сомнѣніе, какія именно изъ нихъ подлежатъ ей лица, — завѣдывавшіе школами этимъ объясняли неуспѣхъ ихъ. Въ 1719 г. полковникъ Скорняковъ-Писаревъ доносилъ, что только въ одной ярославской есть ученики; въ то же время навигаторы новгородской и ярославской школъ просили разъяснить, кто именно подлежитъ обязанности посѣщать школу: „Въ вышеписанныхъ — де цар-го в-ва указахъ помянутой наукѣ, опричь дьяческихъ и подьяческихъ дѣтей, другихъ всякаго чина дѣтей о дѣтяхъ порознь не означено. И дабы о высылкѣ ихъ въ провинціи въ подтвердительныхъ указахъ чины дьячихъ приказныхъ посадскихъ церковниковъ, монастырскихъ и прочихъ чиновъ написать именно, чтобы никто въ томъ не отговаривался".

Сенатъ 6 ноября 1719 г. именно такъ и приказалъ. Послѣ этого сдѣлалось несомнѣннымъ, что цыфирныя школы должны быть посѣщаемы между прочимъ посадскими людьми. Администрація тотчасъ приняла рѣшительныя мѣры къ исполненію этого указанія; но вотъ въ 1720 году явилось челобитье отъ посадскихъ людей въ Сенатѣ, а именно отъ каргопольцевъ, устюжанъ, вологжанъ, калужанъ и другихъ городовъ, „что де въ помянутыя школы принуждаютъ ихъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ, и въ томъ держатъ изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ".

Что въ общей жалобѣ 1720 года участвовали не одни перечисленные здѣсь города, а многіе другіе, — это доказывается подлиннымъ прошеніемъ посадскихъ гор. Шуи, отысканнымъ г. Борисовымъ въ архивѣ бывшей городской ратуши. На основаніи этого прошенія и словъ именного указа 13-го апрѣля 1720 года, мы можемъ съ несомнѣнностію опредѣлить причины, возбудившія этотъ коллективный адресъ городовъ. Прежде всего, изъ словъ самого правительства ясно, что причина этого

не заключалась въ мрачномъ отвращеніи отъ образованія, какъ иногда рѣшается этотъ вопросъ съ плеча въ нашей литературѣ; весьма основательныя причины заключаются: а) въ томъ, что округи школъ были непомѣрно велики: дѣтей нужно вести изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги — въ Москву, и т. п.; б) въ срокѣ ученія, по мнѣнію гражданъ, слишкомъ длинномъ, хотя, повидимому, онъ былъ сокращенъ впослѣдствіи сравнительно со срокомъ, назначеннымъ въ 1714 году (по крайней мѣрѣ прошеніе шуянъ говоритъ о 13 лѣтнемъ возрастѣ, какъ предѣлѣ элементарнаго обученія). Но и этотъ срокъ посадскіе находятъ тяжелымъ, потому что въ эти лѣта дѣти ихъ сидятъ уже въ рядахъ за лавками или находятся въ отъѣздѣ съ отцами; в) разумѣется, это не причина для того, чтобы спѣшить слишкомъ окончаніемъ элементарнаго образованія. Общій принципъ и педагогики и администраціи образованія требуетъ, чтобы начало профессіи не мѣшало окончанію образованія. Но дѣло въ томъ, что профессія эта въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательная, государственно-служебная: отцы, по государственнымъ указамъ, должны быть у сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ многихъ службахъ. Кто же при отъѣздѣ отцовъ на эту службу замѣнитъ ихъ дома въ торговлѣ? Будетъ одно изъ двухъ: остановится торговля, и, слѣдовательно, уменьшатся государственные доходы, или потерпитъ вредъ служба, то-есть, опять казна понесетъ убытокъ; г) наконецъ, самая основательная причина это та, что обязательной наукѣ (т.-е. цыфири и нѣкоторой части геометріи) обучаются многіе сами собою безъ принужденія. Посадскіе люди не могли съ добросовѣстностью утверждать, что они всѣ обучаются требуемымъ знаніямъ, потому что ариѳметика преподавалась не во всѣхъ приходскихъ школахъ, а геометрія, разумѣется, нигдѣ; но другія элементарныя знанія (грамотность) жители посадовъ несомнѣнно пріобрѣтали по требованію своей профессіи. Свидѣтельства о грамотности челобитчиковъ шуянъ въ XVII вѣкѣ, приводимыя г. Борисовымъ, подтверждаютъ это. Правительство признало основательными доводы коллективныхъ прошеній городовъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, по указу царя, въ сенатѣ опредѣлено:

„Посадскихъ людей, хотя въ посланномъ указѣ ноября 6-го дня 1719 году объ нихъ и именовано, однакожъ къ той наукѣ высылкою ихъ въ неволю не понуждать и въ томъ отцамъ ихъ

и свойственникамъ убытковъ и утѣсненія не чинить (какъ нынѣ челобитьемъ своимъ о томъ являютъ), потому что дѣти ихъ въ такія лѣта приходятъ въ купеческое состояніе и чтобъ отъ того, какъ въ торгахъ и промыслахъ ихъ, такъ и въ сборѣ съ нихъ таможенныхъ и всякихъ государевыхъ податей не было поврежденія, а принимать въ ученіе изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которые сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ, да кромѣ ихъ противъ именного его величества государя указу въ такомъ ученіи, которые возмутся у другихъ чиновъ людей, обрѣтатися учениковъ будетъ довольное число".

Расчетъ правительства, высказанный въ послѣдней фразѣ приведеннаго сейчасъ указа, тотчасъ же оказался невѣрнымъ. Кто, за отчисленіемъ дворянъ, однодворцевъ и посадскихъ, остался подлежащимъ школьной повинности? Дѣти священниковъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ, дьяковъ и подьячихъ.

Когда въ началѣ слѣдующаго года былъ изданъ духовный регламентъ, то въ силу его предписаній духовное вѣдомство обязывалось имѣть свои школы, а дѣти священниковъ и причетниковъ обязывались учиться въ этихъ школахъ. Итакъ, главный контингентъ посѣтителей цыфирныхъ школъ отливалъ отъ нихъ. Изъ 1389 учениковъ, бывшихъ въ цыфирныхъ школахъ до 1722 года, 92 было выпущено за окончаніемъ курса, а *всѣ остальные,* дѣти людей, подлежащихъ вѣдомству синода, бѣжали. Такое повальное бѣгство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что отцы или просто почуяли временную свободу, когда по духовному регламенту дѣтямъ ихъ слѣдовало учиться въ архіерейскихъ школахъ, а такихъ еще не было, или дѣйствительно должны были вести дѣтей въ архіерейскія школы, гдѣ онѣ были уже открыты. Адмиралтейская коллегія не разъ въ 1621 году требовала высылки ихъ въ цыфирныя школы, но синодъ, указами — іюня 22-го 1721 года и августа 17-го 1721 г. — далъ знать, что „церковниковы и приказныхъ чиновъ людей дѣти потребны ко учреждаемой отъ правительствующаго синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ". Синодъ объявилъ даже, что въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ школъ отводить не велѣно.

Но въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла оставаться не могли; въ 1721 году ноябри 19-го Святѣйшій Синодъ, между прочимъ, докладывалъ государю: „о поповскихъ и причетни-

ческихъ дѣтяхъ, по прежнимъ указамъ, въ ариѳметическія школы и къ прочимъ *свѣтскимъ* наукамъ спрашиваемыхъ требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по духовному регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ". Царь рѣшилъ: „быть такъ".

Въ силу этой резолюціи въ слѣдующемъ 1722 году Сенатъ приказалъ: дѣтей *дѣйствительно служащихъ* поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не спрашивать. Это опредѣленіе Сената не было, однако, простымъ исполненіемъ высочайшей воли, но истолковывало ее: дѣти не всѣхъ духовныхъ лицъ подлежатъ обязанности учиться въ архіерейскихъ, а не ариѳметическихъ школахъ, но только дѣйствительно служащихъ. Это было однимъ изъ результатовъ ряда переворотовъ, совершонныхъ первою ревизіею, а потомъ повторялось не разъ впослѣдствіи.

Повтореніе высочайшаго повелѣнія 1721 г. почти черезъ годъ Сенатомъ было вызвано тѣмъ, что и администрація продолжала еще повсюду исполнять законодательныя повелѣнія 1714 и 1716 гг., и мы увидимъ, что для администраціи поистинѣ было трудно помирить эти узаконенія съ узаконеніями 1720 и 1721 гг. Св. Синодъ 1722 г. 31 мая съ своей стороны счелъ нужнымъ подтвердить указанное выше распоряженіе Сената.

„Хотя прежними въ 1714, 1716 и 1720 годахъ состоявшимися Его Императорскаго Величества указы, до установленія св. синода, въ ариѳметическія школы для ученія цыфири и геометріи были они (дѣти лицъ духовнаго званія) и опредѣлены; но потомъ духовнымъ регламентомъ въ архіерейскихъ школахъ учиться одолжены. Апрѣля 4 числа нынѣшняго 1722 г. собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утверждено такое сенатское мнѣніе, что служащихъ у церквей дѣйствительно протопоповъ, поповъ и діаконовъ изъ дѣтей, которыя отъ подушнаго оклада уволены, учить въ школахъ и производить на убылыя мѣста въ попы и во діаконы. Объявить коемуждо архіерею во всей своей епархіи церковникамъ указами, дабы они знали, что дѣти ихъ отъ вышеозначенныхъ ариѳметическихъ школъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ свободны учинены".

Чтобы парализовать необходимость посѣщенія ариѳметическихъ школъ, Синодъ за благо нашелъ ввести въ архіерейскихъ школахъ преподаваніе „какъ ариѳметики, такъ нужнѣйшей части геометріи, дабы они обѣихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны и тѣмъ оба опредѣленія, т.-е. и прежде состоявшіеся объ ариѳметическомъ и геометрическомъ ученіи Его Императорскаго Величества указы и изложеное потомъ о свойственной наукѣ (т.-е. профессіональной духовной) синодальное установленіе исполнили бъ“.

Но такимъ образомъ далеко не примиряются противорѣчія требованій 10-хъ и 20-хъ годовъ: ариѳметическія школы существуютъ отдѣльно отъ архіерейскихъ и должны имѣть учениковъ; воеводы и губернаторы ревностно смотрятъ, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. Но откуда же взять учениковъ? И вотъ цыфирные учителя или навигаторы, а равно и администрація продолжаютъ „таскать“ въ свои школы дѣтей церковническихъ. Въ началѣ 1722 г. до Синода дошло свѣдѣніе, что это насиліе совершаетъ костромской воевода Стрешневъ, который „велѣлъ духовнымъ и монастырскимъ служителямъ представить къ нему въ канцелярію своихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ для осмотра и разбора, не взирая и не отговариваясь св. пр. синодомъ. Протекторъ школъ и типографій, архимандритъ Гавріилъ, представилъ въ синодъ копію съ предписанія, даннаго Стрешневымъ. Св. синодъ опредѣлилъ послать при вѣдѣніи въ сенатъ копію съ указа, объявленнаго во всенародное извѣстіе Стрѣшневымъ (въ которомъ онъ „вящшую достойную св. прав. синода честь: *святѣйшество* не написалъ“) и потребовать отъ сената посылки къ Стрешневу и другимъ указовъ о томъ, чтобы они въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ не имали. Въ мартѣ 1722 г. архимандритъ Гавріилъ донесъ св. синоду, что синодскій духовный приказъ въ Костромѣ получилъ 21-го февраля изъ Костромской воеводской канцеляріи указъ о высылкѣ „безъ замедленія“ священно-и церковнослужительскихъ дѣтей въ науку къ прибывшему въ Кострому учителю Семену Прокшину, который учениковъ себѣ на канцеляріи воеводскаго правленія требуетъ неотступно. Гавріилъ представилъ св. синоду при доношеніи и копію съ указа воеводской канцеляріи, объясняя, что безъ повелѣнія синода не смѣетъ сдѣлать распоряженія объ отсылкѣ

требуемыхъ дѣтей къ Прокшину. Въ концѣ года повторилось тоже въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ."

„722 года октября 3 дня въ присланномъ указѣ Переяславля Залѣсскаго изъ канцеляріи воеводскаго правленія на синодальной десятильничь дворы (?) написано, чтобъ для обученія цыфири и нѣкоторой части геометріи дьячихъ и подьяческихъ и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ дѣтямъ учителю Якову Степанову отвесть, гдѣ надлежитъ, школу, также де Переяславской десятины всѣхъ церквей поповъ и дьяконовъ и всякаго церковнаго причта людей, въ поставкѣ дѣтей ихъ ради обученія во оную школу таскаютъ непрестанно..."

Это доношеніе заставило снова Св. Синодъ повторить:

„Въ синодальной области и въ епархіяхъ принуждаемыхъ къ *навигатскимъ* наукамъ поповыхъ, дьяконовыхъ и причетническихъ дѣтей какъ губернаторамъ и воеводамъ, такъ и посланнымъ въ губерніи и провинціи навигацкихъ наукъ учителямъ силою не принуждать и синодальнымъ управителямъ не отдавать, также и оныхъ церковниковъ, въ поставкѣ тѣхъ своихъ дѣтей во оныя навигацкія школы къ свѣткимъ командамъ, тѣмъ командирамъ отнюдь не имать, и духовнымъ управителямъ въ томъ ихъ оберегать... А что помянутой свѣтской команды учитель церковническихъ дѣтей къ цыфирному ученію принуждаетъ и отъ того *священному чину не малую наноситъ обиду*... требовать надлежащей сатисфакціи"...

Потомъ не разъ повторяется та же борьба въ разныхъ провинціяхъ: такъ Іоанникій, митрополитъ Коломенскій и Каширскій, на требованіе губернской канцеляріи о побужденіи подчиненныхъ ему духовныхъ къ высылкѣ своихъ дѣтей въ ариѳметическую московскую школу, отвѣтилъ, что „безъ послушнаго Великаго Государя указа изъ св. прав. духовнаго синода вышеписанныхъ поповыхъ и діаконовыхъ и церковничьихъ дѣтей въ помянутое школьное ученье высылать онъ не хотѣлъ". Изъ Переяславля-Залѣсскаго также доносили Синоду, что священно- и церковнослужители этой епархіи, безъ послушныхъ указовъ изъ Св. Синода, также уклоняются отъ исполненія царскихъ указовъ о высылкѣ дѣтей въ ариѳметическія школы. Изъ Смоленска было получено подобное же доношеніе.

Итакъ, борьба между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ за право образовать духовное юношество дошло до „требованія надлежащей сатисфакціи". Были же для этого весьма

основательныя причины, но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до окончательнаго указанія этихъ причинъ, здѣсь отмѣтимъ слѣдующій не безынтересный фактъ: Синодъ въ вышеприведенномъ указѣ постоянно обходитъ то ограниченіе, которое было постановлено въ сенатскихъ указахъ апрѣля 4 и октября 8 относительно лицъ, освобожденныхъ отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ; онъ не упоминаетъ о дѣтяхъ такихъ церковниковъ, которые оставались по ревизіи заштатными и подлежали записи въ подушный окладъ. Не слѣдовало ли этимъ послѣднимъ подчиняться требованію навигаторовъ? Этотъ вопросъ вызываетъ впослѣдствіи новыя затрудненія и новыя узаконенія, рѣшающія ихъ. Но общій отвѣтъ на него и вмѣстѣ причина того, что Синодъ не упоминаетъ о дѣтяхъ заштатныхъ церковниковъ есть то, что всякій, записанный въ подушный окладъ, не обязанъ былъ посѣщать школы.

Далѣе административная борьба элементарнаго образованія съ профессіональнымъ питалась неполнотою узаконенія 19-го ноября 1721 г. и сенат. ук. 8 ноября 1722 г. Эти узаконенія говорятъ объ освобожденіи отъ цыфирныхъ школъ дѣтей поповъ и причетниковъ. Между тѣмъ „синодская команда“ состояла не изъ нихъ только, а вмѣстѣ изъ многочисленнаго класса свѣтскихъ лицъ, состоявшаго изъ дьяковъ и подьячихъ въ разныхъ церковныхъ приказахъ и изъ монастырскихъ слугъ. Послѣдніе были поименованы прямо въ сенатскомъ указѣ 6-го ноября 1719 г., какъ подлежащіе ученію въ цыфирныхъ школахъ, но узаконенія 1721 и 1722 г. объ нихъ не упомянули вовсе; что же касается до дьяковъ и подьячихъ синодской команды, то объ нихъ нигдѣ не было упомянуто. Нужно было вновь возбудить и этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ. Когда однажды, въ 1723 г., Петръ присутствовалъ въ адмиралтейской коллегіи, то эта послѣдняя представила ему на разсужденіе упомянутый вопросъ; Петръ велѣлъ рѣшить его въ сенатѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ связи съ другими о цыфирныхъ школахъ, повело было, наконецъ, къ совершенному измѣненію организаціи цыфирныхъ школъ, къ образованію изъ нихъ опять общихъ для всѣхъ сословій элементарныхъ школъ подъ вѣдомствомъ духовенства.

Именно, въ 1723 г. мая 2-го адмиралтейская коллегія доносила Сенату, что государь велѣлъ рѣшить въ Сенатѣ между прочимъ: „дѣтей приказнаго чина и монастырскихъ для обу-

ченія цыфири и нѣкоторой части геометріи при тѣхъ школахъ имѣть или въ семинаріи и въ архіерейскихъ школахъ обучать". Рѣшеніе этого вопроса состояло въ тѣснѣйшей связи съ отвѣтомъ на другой, тогда же предложенный вопросъ: не соединить ли цыфирныя школы съ архіерейскими? Впослѣдствіи вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. При этомъ кругъ лицъ, подлежащихъ обученію въ архіерейско-цыфирныхъ школахъ, вновь расширился, или, точнѣе, архіерейскія школы могли сдѣлаться опять общими элементарными училищами. Пока эта мѣра примѣнялась къ одной новгородской цыфирной школѣ; при этомъ сенатъ прибавилъ: „а въ ученіи ученикамъ въ той цыфирной школѣ быть изъ такихъ чиновъ, которымъ по прежнимъ Его Императорскаго Величества указамъ обучаться велѣно", т.-е. въ этой школѣ соединяются дьяческія, подьяческія, церковническія дѣти и дѣти лицъ, подчиненныхъ церкви, но не носящихъ духовнаго званія — дѣти монастырскихъ слугъ и проч.... Кромѣ того, въ тѣхъ же элементарныхъ школахъ предполагалось давать образованіе и такимъ классамъ, которые освобождены отъ обязательнаго опредѣленія дѣтей въ школы, съ обязанностью замѣнять его домашнимъ обученіемъ.

„А для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ, дѣтей своихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобы таковое правильное обученіе умножалось, токмо бы въ обученіи отъ учителей для какой страсти предложеній не происходило, о томъ надлежитъ изъ правительствующаго синода въ тѣ школы подтвердить Е. И. В. указами".

Эта боязнь правительства, чтобы дѣти слишкомъ долго не заучились въ школахъ, объясняется весьма просто: служилые люди въ 15 или 20 лѣтъ должны служить; имъ некогда долго возиться съ образованіемъ; „особливо хотя бъ они и сами желали, возраста ихъ болѣе какъ до 15 лѣтъ не держали, а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь не принимали, дабы подъ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались". Лишь въ этомъ смыслѣ нужно разумѣть слова указа, „что обрѣтающихся въ Новгородской епархіи свѣтскихъ людей, а именно: шляхетскихъ и приказныхъ и купеческихъ и прочихъ чиновъ дѣтей ко ученію отдавать въ оныя же (архіерейскія) школы".

Ни профессіональное назначеніе архіерейскихъ школъ („въ надежду священства"), ни направленіе свѣтскаго образованія (для службы) не дозволили выполнить предложенную и лишь отчасти осуществленную здѣсь реформу цыфирныхъ школъ. Мы увидимъ, что Петръ отказываетъ тѣмъ архіереямъ, которые просятъ о дозволеніи принимать въ архіерейскія школы дворянскихъ дѣтей.

И дѣйствительно, всѣ школы, кромѣ одной (новгородской, удержали свою отдѣльность. Однако ученики этихъ школъ набирались попрежнему (уже противозаконно) изъ дѣтей лицъ духовнаго вѣдомства: „какъ ученики, такъ и школы едва не всѣ духовнаго жъ правительства; токмо изъ оныхъ приказнаго чина гражданскаго правленія и оныхъ недовольное число... За неимѣніемъ приказнаго чина и за отбытіемъ изъ ариѳметическихъ школъ церковничьихъ дѣтей изъ многихъ провинцій попрежнему въ академію (морскую) учители прибыли, а нынѣ въ другихъ провинціяхъ въ тѣхъ школахъ учениковъ обрѣтается малое число, въ которыхъ и учителямъ быть не у чего". Такъ писала адмиралтейская коллегія въ 1726 г. о причинахъ упадка ариѳметическихъ школъ. И нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать за указанными здѣсь причинами другія, скрытыя.

За освобожденіемъ отъ цыфирныхъ школъ дѣтей однодворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ, остается единственный классъ лицъ, подлежащій имъ, — это дѣти дьяковъ и подьячихъ. Но и этотъ классъ былъ призванъ законодательными мѣрами Петра къ образованію изъ себя отдѣльнаго сословія. Петръ, сознавая необходимость спеціальной подготовки для гражданскихъ чиновниковъ, принималъ для этого и спеціальныя мѣры; почти одновременно съ изданіемъ духовнаго регламента учреждены и школы для подьячихъ, назначенныя для подготовки къ низшимъ сферамъ гражданской службы. Несмотря на все это, сословіе гражданскихъ чиновниковъ, дѣйствительно, представляло собою классъ лицъ, никуда еще не прикомандированный въ новой сословной организаціи общества; и, дѣйствительно, впослѣдствіи классъ подьячихъ не составилъ изъ себя отдѣльнаго сословія. Вотъ почему и при существованіи подьяческихъ школъ, дѣти подьячихъ составляли единственный скудный контингентъ ихъ.

Въ послѣднихъ узаконеніяхъ о цыфирныхъ школахъ посто-

янно говорится, что онѣ предназначаются для „дьячихъ, подьячихъ и *прочихъ*“ (послѣднее „и проч.“ повторяется лишь по старой привычкѣ, потому что правительству хорошо уже было извѣстно, что подъ этимъ „и проч.“ не разумѣется никто).

Бѣдственное существованіе цыфирныхъ школъ поддерживалось еще около 20 лѣтъ (послѣ освобожденія отъ нихъ духовныхъ лицъ) дѣтьми тѣхъ изъ шляхетскаго сословія, которымъ, по ихъ большей самостоятельности, было позволено (съ 1737 г.) добровольно обучать дѣтей дома до извѣстнаго срока. Нѣкоторые изъ нихъ предпочитали посылать дѣтей для элементарнаго образованія въ цыфирныя школы. Да кое-кто изъ солдатъ успѣвалъ помѣстить сюда дѣтей, невѣдомо какъ ускользнувшихъ отъ записи въ гарнизонныя школы.

Не скрывается ли подъ миѳическимъ „и проч.“ та громадная масса народа, для которой преимущественно устраивается элементарная школа? И гдѣ она, эта масса? Почему мы ни разу не встрѣчались съ нею при этомъ кропотливомъ разборѣ, кому гдѣ учиться: гдѣ дьяческимъ, гдѣ церковниковымъ дѣтямъ? Объ ней-то, этой массѣ, на которой созидалась вся работа пигмеевъ, забыли. Ни законодатель не прибавилъ ни разу: „и крестьянскихъ дѣтей“, ни услужливая практика не тащила дѣтей этой многомилліонной массы въ городъ въ школу. Конечно, подобная истинно-нелѣпая мысль не могла прійти никому въ голову. Какъ собрать со всей губерніи, которая равнялась, по крайней мѣрѣ, 5 нынѣшнимъ, всѣхъ крестьянскихъ дѣтей 10—15-лѣтняго возраста въ одинъ губернскій городъ?

Но кромѣ этой резонной причины, доказывающей наиболѣе несостоятельность новой системы, была и другая причина этого страннаго забвенія сельскихъ классовъ. По новой системѣ XVIII в., сельскіе классы не должны получать общественнаго образованія. Существованіе этой роковой мысли, къ сожалѣнію, можно доказать съ несомнѣнною очевидностью. Не одна совокупность узаконеній объ элементарныхъ школахъ своимъ согласнымъ молчаніемъ о крестьянскихъ дѣтяхъ наводитъ на это подозрѣніе. Не всегда можно было обходить ихъ молчаніемъ. Другіе виды низкихъ школъ: школы для нищихъ и гарнизонныя школы, смѣнившія собою цыфирныя, уже имѣютъ въ виду крестьянскихъ дѣтей. Во-первыхъ, повидимому, опять выступила старая обязанность общества воспитывать всѣхъ

лишенныхъ семьи, и потому онѣ именно должны быть открыты для всѣхъ, требующихъ призрѣнія. Но по указу 25 іюля 1729 г. только *вольныя* нищія дѣти отсылаются въ коллегію экономіи для призрѣнія и образованія. Если бѣглый помѣщичій мальчикъ или дѣвочка будетъ пойманъ въ Петербургѣ, а помѣщика его въ Петербургѣ нѣтъ, то это дитя лишь на время сношенія съ помѣщикомъ отдается въ школу, а потомъ тотчасъ, по заявленіи помѣщикомъ желанія взять его обратно, оно берется изъ школы; при этомъ помѣщикъ даже возвращаетъ правительству деньги, истраченныя на содержаніе его въ школѣ; правительство считаетъ этихъ дѣтей людьми сторонняго для себя вѣдомства. Въ гарнизонныя школы отнюдь не велѣно брать дѣтей, положенныхъ въ подушный окладъ. Объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ *людьми* (холопами въ прежнемъ смыслѣ), правительство было послѣдовательно, не вмѣшиваясь совершенно во внутреннія дѣла помѣщиковъ и крестьянъ. Но оно столь же мало заботилось объ образованіи собственныхъ (дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ); только инородцы некрещенные и новокрещенные, по особому государственно-церковному интересу ихъ образованія, были счастливѣе.

Вотъ истинная причина неудачи новой системы элементарнаго образованія: некого учить въ элементарныхъ школахъ. При исключительно профессіональной системѣ образованія элементарному, общему нѣтъ мѣста.

Но это не есть единственная причина упадка школъ. Хотя указъ 172-го года апрѣля 30 заявилъ желаніе, чтобы „ученики для училища домы свои имѣли по близости, а не въ дальномъ разстояніи“, но это было лишь желаніе, неисполнимость котораго, конечно, предвидѣло само правительство; школы должны быть заведены въ архіерейскихъ домахъ, которыхъ всѣхъ въ эпоху Петра было немного, и только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, въ „знатныхъ монастыряхъ“. Послѣднее истолковать очень трудно; но если бы въ каждомъ монастырѣ была заведена школа, то, конечно, училищные округи могли быть не чрезмѣрно велики. Но Сенатъ не могъ серьезно заявить этого требованія; онъ зналъ, что учителей послано во всякую губернію лишь по 2 человѣка.

Во все время существованія цыфирныхъ школъ изъ морскихъ академій, московской и с.-петербургской, было отправлено въ провинціи 47 учителей, изъ нихъ 18 возвратились

вскорѣ, за неимѣніемъ въ школѣ тѣхъ чиновъ, какіе указаны въ узаконеніяхъ 1714 и 1716 гг. Въ губерніяхъ и провинціяхъ осталось 29 человѣкъ.

По статистикѣ Кирилова, данныя которой, какъ извѣстно, относятся къ 1727 г., къ этому году число цыфирныхъ школъ упало съ 29 до 24 или 23; къ 1744 г. оно понизилось до 8.

Число учениковъ въ этихъ школахъ въ 20-хъ годахъ приблизительно можетъ быть опредѣлено по донесеніямъ Скорнякова-Писарева и адмиралтейской коллегіи. Въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, управлявшій школами С.-Петербургской губерніи (псковскою, новгородскою и ярославскою), доносилъ, что только въ одной ярославской было 26 человѣкъ изъ однихъ церковниковъ, въ прочихъ вовсе не было учениковъ. Въ томъ же году навигаторы московской и вологодской школъ доносили, что въ ихъ школахъ тоже вовсе не было учениковъ.

Въ 1721 г. Скорняковъ-Писаревъ, завѣдывавшій въ это время уже всѣми цыфирными школами въ государствѣ, доносилъ Сенату:

„Писали-де къ нему изъ московской школы учители, что по присылкѣ прошлыхъ и 1720 годовъ изъ губернской канцеляріи во ученіи ихъ обрѣтается учениковъ всякихъ чиновъ людей 70 человѣкъ, а *другихъ провинцій изъ городовъ* къ нимъ учениковъ никого не прислано, а въ иныхъ губерніяхъ и провинціяхъ же обрѣтается учениковъ малое число“.

Въ 1726 г. адмиралтейская коллегія въ своемъ донесеніи Сенату (съ предположеніемъ отдать цыфирныя школы подъ вѣдомство Синода) между прочимъ пишетъ: „Изъ губерніи и провинціи рапортами объявили, что въ тѣхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 722 годъ 1.389, изъ того числа выучено 93 человѣка, а затѣмъ оставшіеся едва не всѣ синодальной команды бѣжали“ (т. е. остальные были по происхожденію подвѣдомы Синоду и всѣ бѣжали).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда уже въ трехъ мѣстахъ цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными, по рапортамъ учителей въ адмиралтейскую коллегію и по донесенію этой послѣдней въ Сенатъ, учениковъ въ этихъ трехъ школахъ было: въ *смоленской* (гарнизонной): изъ шляхетства 5, служилыхъ чиновъ (низшихъ) 72, подьяческихъ дѣтей 1; итого 79. Въ *казанской* (гарнизонной): офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей 484. Въ *новгородской* (цыфирной): солдатскихъ (на жало-

ваньѣ) 54, архіерейскихъ 2; итого 56. Всего въ трехъ школахъ 619 человѣкъ.

Между тѣмъ въ остальныхъ пяти цыфирныхъ школахъ, сохранившихъ свою отдѣльность, тогда же было всего въ пяти школахъ 91 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ 40-хъ годахъ всѣхъ цыфирныхъ школъ было уже только 5, а съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ смѣшанныхъ — 8.

Присланные въ Москву въ 1716 году два учителя для московской цыфирной школы въ 1726 году имѣли только 10 человѣкъ учениковъ и потому въ этомъ году были отосланы въ канцелярію московскаго гарнизона для ученія драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ прежними учениками цыфирной школы. Въ 1744 году у нихъ уже вовсе не было въ ученіи дьяческихъ и подьяческихъ дѣтей.

Въ 1744 г. 17 марта галицкая провинціальная канцелярія доносила правительствующему Сенату, что бывшій въ галицкой провинціи цыфирной школы учитель Григорій Корсаковъ, „за малоимѣніемъ учениковъ, съ 1734 года (т.-е. 10 лѣтъ) почти былъ праздно и для указнаго опредѣленія присланъ въ Москву въ правительствующій сенатъ“.

Постепенное уменьшеніе числа учениковъ въ цыфирныхъ школахъ можетъ быть опредѣлено на слѣдующемъ примѣрѣ переяславско-рязанской школы: 7 мая 1722 г. (при основаніи школы) въ нее собрано было 65 учениковъ. Въ 1727 г., по вѣдомости, представленной въ Синодъ, въ ней училось уже только 32 человѣка. Изъ 96 человѣкъ, перебывавшихъ въ ней съ 1722 г., обучено 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 „отлучились отъ ариѳметической школы самовольно“. По рапорту же учителя Павлова, приведенному выше, въ томъ же 1727 году у него училось только 15 чел. Не трудно рѣшить, чему надо вѣрить: офиціальной ли вѣдомости, поданной отдаленному начальству, или рапорту, поданному мѣстному воеводѣ.

Такъ разрушилась въ цыфирныхъ школахъ первая черта элементарнаго образованія — его всеобщность.

Принудительное образованіе должно быть безплатнымъ: узаконеніе 1714 г. говоритъ, что съ „учениковъ имъ (учителямъ) себѣ отнюдь ничего не имать“. Содержаніе школы распредѣляется между церковью и государствомъ такимъ образомъ: помѣщеніе для школы, разумѣется, со всѣми ея классными

принадлежностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщеніе для учителя отводится духовенствомъ въ архіерейскихъ домахъ и въ „знатныхъ монастыряхъ“. Въ этомъ смыслѣ даны были указы еще въ 1714 г. Стефану, митрополиту рязанскому, а отъ него разосланы предписанія по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. Мы видѣли, что съ изданіемъ Духовнаго регламента и освобожденіемъ дѣтей духовенства отъ обязанности посѣщать цыфирныя школы духовное вѣдомство уже не признавало за собой обязанности давать имъ помѣщеніе. Однако мы видимъ также, что канцеляріи воеводскаго правленія продолжаютъ требовать помѣщенія для школы у духовнаго вѣдомства, какъ именно требовала воеводская канцелярія Переяславля-Залѣсскаго: „учителю Якову Степанову отвесть, гдѣ надлежитъ, школу“; и требованія эти были законны, потому что объ этомъ прямо не выражено ни въ высочайшемъ повелѣніи 1721 г., ни въ сенатскомъ указѣ 1722 г.; напротивъ, въ указѣ 30 апрѣля 1720 г. именно упомянуто объ удержаніи прежней обязанности „опредѣлять школы въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерейскихъ домовъ нѣтъ, въ монастыряхъ“. Думать надобно, что помѣщеніе для учителей и школъ продолжали отводить въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ до самаго соединенія цыфирныхъ школъ съ гарнизонными. Хотя иногда приказывается учителямъ: „квартиры себѣ и ученикамъ требовать отъ воеводы“, но въ дѣйствительности эти же самые учителя получали квартиру въ монастыряхъ, а воевода долженъ былъ лишь снестись съ духовнымъ начальствомъ.

Государство съ своей стороны даетъ содержаніе школѣ и учителямъ. Въ 3-мъ пунктѣ инструкціи переяславскому учителю стоитъ: „сторожей, кому топить школы и для караулу школъ, по 3 человѣка солдатъ и въ школу бумаги, свѣчи и дрова, а именно въ ноябрѣ, въ декабрѣ, въ генварѣ, въ февралѣ мѣсяцахъ на день по 10 свѣчъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, бумаги въ годъ по три стопы... требовать отъ воеводы“. Скорняковъ-Писаревъ въ своемъ письмѣ къ воеводѣ рязанскому прибавляетъ къ этому: „для обученія тѣхъ учениковъ извольте купить досокъ учебныхъ каменныхъ (т.-е. аспидныхъ) и прочаго инструменту, который къ тому дѣлу принадлежитъ по объявленію онаго учителя числомъ, сколько учениковъ въ ученіи обрѣтаться будетъ; понеже безъ того инструменту учениковъ обучать невозможно“. По смерти учи-

теля Павлова въ числѣ школьнаго имущества оказалось 9 логариѳмъ, 9 скалъ, 39 циркулей, шесть перьевъ мѣдныхъ.

Что касается до содержанія учителей, то они въ цыфирныхъ школахъ получаютъ уже опредѣленное *жалованье,* чѣмъ эти школы предупредили народныя школы Западной Европы. Это жалованье состоитъ въ „кормовыхъ книгахъ“ по 3 алтына и 2 деньги на день, т.-е. по 36 руб. въ годъ (содержаніе по тому времени не малое) изъ нештатныхъ губернскихъ сборовъ; но, при постоянномъ стремленіи всѣхъ вѣдомствъ сбыть съ своихъ рукъ цыфирныя школы, это жалованье выдавалось весьма неаккуратно и иногда нѣсколько лѣтъ сряду не выдавалось. Кромѣ этого жалованья, учитель могъ получить съ ученика деньги только одинъ разъ при окончательномъ выпускѣ ученика изъ школы, именно, по 1 руб. съ человѣка. Мѣра весьма странная, при очевидномъ стремленіи правительства сдѣлать ученіе даровымъ и обязательнымъ; при выпускѣ учитель выдаетъ ученику столь важное свидѣтельство, на которомъ основывается вся обязательность обученія, — тутъ-то ему позволено брать деньги съ ученика.

Государство проявляло свое участіе въ элементарныхъ школахъ и другимъ, еще болѣе значительнымъ, способомъ: приготовленіемъ и выборомъ учителей. Въ 1714 г. предположено было взять учителей изъ математическихъ школъ московскихъ, т.-е. отъ Сухаревой башни. Но указъ 1715 г. назначаетъ ихъ изъ морской академіи: „взять изъ школы господина адмирала“. А такъ какъ въ дѣйствительности учителя были отправлены лишь въ 1716 г., то ихъ взяли изъ обоихъ морскихъ училищъ: петербургскаго и московскаго, какъ объ этомъ именно упоминается въ указѣ 26-го октября 1744 г. Въ учителя могли быть посланы люди, изучившіе географію и геометрію. Думать надобно, что учителями въ цыфирныя школы были отправлены не самые лучшіе ученики морскихъ академій, потому что ихъ ближайшая задача — приготовленіе офицеровъ морской службы, конечно, болѣе озабочивала начальство, чѣмъ вліяніе академіи на народное образованіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что эти учителя были несомнѣнно выше по своей образованности прежнихъ учителей приходскихъ школъ, зато первые неизмѣримо уступали вторымъ по своей численности.

Незначительное число цыфирныхъ школъ объясняется ближайшимъ образомъ недостаткомъ учителей. Лишь по недостатку

приготовленныхъ лицъ правительство рѣшилось послать только по два человѣка на губернію. Такъ возвышеніе уровня образованія сокращаетъ объемъ его распространенія; здѣсь наглядным образомъ объясняется тотъ роковой законъ обратно-пропорціональнаго отношенія между содержаніемъ образованія и его объемомъ. Всѣ благія предначертанія правительства начала XVIII вѣка должны были разбиться объ одно это препятствіе, которое такъ легко обходили приходскія народныя школы.

При новой системѣ, т.-е. системѣ профессіональнаго образованія, трудно было ожидать, что для управленія общимъ народнымъ образованіемъ (и въ томъ числѣ элементарнымъ) устроено будетъ какое-либо вѣдомство народнаго просвѣщенія. То обстоятельство, что въ цыфирныя школы ученики посланы изъ морскихъ академій, и подразумѣваемая цѣль учрежденія ихъ естественно отдавали ихъ подъ вліяніе морской академіи и потомъ адмиралтейской коллегіи. Но такъ какъ эти школы должны помѣщаться и устраиваться въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ подпадали подъ надзоръ духовенства. Уплата жалованья учителямъ изъ губернскихъ доходовъ привлекала къ управленію ими губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, всеобщность обязательнаго обученія въ цыфирныхъ школахъ дѣлала недостаточными для управленія всѣ эти вѣдомства. Мы видѣли уже, что Синодъ и адмиралтейская коллегія спорятъ между собою по поводу того, — подлежатъ ли отдачѣ въ эти школы дѣти духовенства. Поэтому въ управленіи ими должно было принять непосредственное участіе центральное правительство — Сенатъ.

До 1720 г. школы, дѣйствительно, находились подъ такимъ разнообразнымъ управленіемъ.

При первоначальномъ учрежденіи ихъ законодатель не опредѣлилъ вѣдомства, которому онѣ подчиняются. Пришлось непосредственно управлять ими Сенату. Управленіе школами каждой губерніи, въ зависимости отъ Сената, возложено было или на губернаторовъ, или на особыя спеціально назначенныя лица; такъ, для Петербургской губерніи былъ назначенъ Скорняковъ-Писаревъ еще до своего директорства въ морской академіи. Неизвѣстно, былъ ли онъ назначенъ непосредственно Сенатомъ, только и онъ прямо относился къ Сенату съ своими представленіями.

Извѣстно, что при устройствѣ коллегій не было предназначено спеціальной коллегіи для вѣдомства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ Сенатъ желаетъ себя избавить отъ непосредственнаго управленія всѣми подробностями въ провинціяхъ, и вотъ, указомъ 1720 г., апрѣля 30-го, завѣдываніе элементарными школами вообще поручено *адмиралтейской коллегіи*.

Вскорѣ начинается печальная борьба разныхъ вѣдомствъ, причемъ каждое старается освободить себя отъ цыфирныхъ школъ, начинавшихъ приходить въ упадокъ. Эта борьба есть точное указаніе на то, что при господствѣ профессіональнаго образованія элементарному нѣтъ мѣста; разныя вѣдомства перебрасываются имъ, какъ мячикомъ, до тѣхъ поръ, пока правительство не примкнуло его къ военному вѣдомству, т.-е., правильнѣе, пока совершенно не покончило съ нимъ.

Владимирскій-Будановъ.

Морская Академія.

Спустя пятнадцать лѣтъ по основаніи навигацкой школы государь вздумалъ перенести морское училище поближе къ морю, въ свой „парадисъ“, какъ онъ называлъ въ шутку Петербургъ. Въ августѣ 1715 года приказано было перевести сюда изъ Москвы всѣхъ учителей и учениковъ навигацкой школы къ 1-му октября. Но какъ учащихся было до 600 человѣкъ и большая часть изъ нихъ по бѣдности должны были перевозиться на счетъ казны, то комиссаръ московской адмиралтейской (школы) конторы Никифоровъ, представляя невозможность исполнить указъ въ такой короткій срокъ, спрашивалъ Апраксина: не удобнѣе ли будетъ низшіе классы оставить въ Москвѣ, а въ Петербургъ перевести одни высшіе? Предложеніе Никифорова, кромѣ облегченій перевозки, представляло еще и ту важную выгоду, что въ Москвѣ было готовое помѣщеніе, приспособленное къ школьнымъ потребностямъ, и небогатымъ людямъ изъ большей части Россіи въ Москву было ѣхать ближе и дешевле, нежели въ Петербургъ; наконецъ, въ близости моря для низшихъ классовъ не было никакой надобности. Дѣльное мнѣніе Никифорова измѣнило первоначальное распоряженіе о перевозкѣ всѣхъ учениковъ въ Петербургъ. Въ 1715 году октября 1-го состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Пе-

тербургѣ морской академіи и вышла полная инструкція ученія и содержанія въ ней учениковъ, которыхъ конплектъ положенъ 300 человѣкъ, а въ московской школѣ велѣно содержать 500 человѣкъ. Изъ учителей въ Петербургъ переведены Фарварсонъ и Гвынъ и, въ помощь имъ, назначено восемь навигаторовъ. Въ Москвѣ оставленъ Магницкій съ нѣсколькими помощниками, выбранными изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ, и велѣно учить только ариѳметикѣ и геометріи. Московская школа осталась по-прежнему въ вѣдѣніи московской адмиралтейской конторы, а академію повѣлено „вѣдать военной морского флота канцеляріи“, а для ближайшаго надзора назначался особый директоръ. Жалованье ученикамъ академіи назначалось не по днямъ, но по мѣсяцамъ и также по степени познаній. Самое низшее было одинъ рубль, высшее — три рубля, съ вычетомъ на мундиръ „съ рубля по полуполтинѣ“. Въ академію старались выбирать преимущественно дворянъ, имѣющихъ нѣкоторое состояніе, а московская школа предостлвлена была исключительно для другихъ сословій, но и въ нее принимались также бѣдные дворяне, имѣвшіе не болѣе 10-ти дворовъ.

Въ числѣ документовъ, сохраняемыхъ въ залѣ засѣданій Адмиралтействъ-Совѣта, находится слѣдующій собственноручный указъ государя о предметахъ ученія въ морской академіи: Дѣтей учить: 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Фехтъ или пріему ружья; 4) Артиллеріи; 5) Навигаціи; 6) Фортификаціи; 7) Географіи; 8) Знанію членовъ корабельнаго гола и такеляжа; 9) Рисованію; 10) На произволеніе танцамъ для постуры (т.-е. для позитуры). Этотъ указъ писанъ 1715 года, сентября 9-го. Въ немъ подъ рубрикою навигаціи разумѣется и морская астрономія.

Къ числу предметовъ, преподаваемыхъ въ академіи, послѣ прибавлена еще геодезія, для изученія которой ислючительно назначалось 30 учениковъ. Впослѣдствіи въ адмиралтейскомъ регламентѣ этотъ списокъ наукъ болѣе разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжементамъ (т.-е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіямъ съ мушкетами — совершенно, а фортификаціи и апрошамъ (т.-е. долговременной фортификаціи), также и корабельнымъ членамъ, — чтобъ только знали, что для чего дѣлается, и наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно.

Морскую академію помѣстили въ домѣ бывшемъ Кикина, который вначалѣ отдѣлали на скорую руку и пристроили къ нему нѣсколько мазанокъ; окончательно же достраивали его лѣтомъ 1718 года. Мѣсто, выбранное для академіи, вполнѣ соотвѣтствовало назначенію воспитанниковъ: Кикина домъ находился „на набережной“ Невы, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, именно на углу, обращенномъ къ адмиралтейству и главному штабу. Въ то время вся часть Петербурга между Невою и Фонтанкою по справедливости называлась „Адмиралтейскимъ островомъ“ и, дѣйствительно, почти вся была занята адмиралтейскими строеніями и домами лицъ, принадлежащихъ къ морскому вѣдомству.

Желая устроить свою морскую академію по образцу французскихъ морскихъ училищъ, основанныхъ при Людовикѣ XIV въ Марселѣ, Тулонѣ и Брестѣ, государь назначилъ директоромъ француза, барона Сентъ-Илера, который, благодаря своимъ связямъ за границею, вѣроятно, былъ рекомендованъ царю съ отличной стороны. При новомъ своемъ назначеніи Сентъ-Илеръ вовсе не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: на словахъ онъ обѣщалъ много, но на дѣлѣ не исполнилъ ничего. Любимымъ занятіемъ его было составленіе разнообразныхъ проектовъ; такъ, кромѣ проекта объ устройствѣ морской академіи, онъ предлагалъ свои мысли о составленіи морского регламента. Всѣ его предположенія показывали полное незнаніе страны и народа, нисколько не согласовались съ тогдашними обстоятельствами и средствами и ясно выражали нескрываемую алчность къ деньгамъ. На одномъ изъ подобныхъ проектовъ государь, уже, вѣроятно, выведенный изъ терпѣнія, написалъ: „чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать безъ хитростныхъ вышеписанныхъ запросовъ? и буде будетъ, чтобы дѣлалъ, буде нѣтъ, то чтобы отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли“. Къ этому нужно прибавить, что Сентъ-Илеръ былъ самаго неуживчиваго характера и тотчасъ по принятіи начальства надъ академіей завелъ ссору съ Фарварсономъ, доходившую до Апраксина. Одно изъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ служебныя сношенія, относится объ немъ слѣдующимъ образомъ: „Воистину такого злонравнаго и пакостнаго человѣка отъ жизни моей никогда не видѣлъ, никому съ нимъ ужиться невозможно отнюдь“.

Конечно, такая личность не могла удержаться во главѣ но-

ваго училища, и 1716 года января 31-го главное начальство надъ академіей и московской школой поручено было графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Это былъ сынъ извѣстнаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, образованный человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ государя и, по отзыву современниковъ, „мужъ въ разумѣ и дѣлахъ достохвальный“. Онъ служилъ по дипломатической части, бывалъ уполномоченнымъ въ Голландіи, Франціи, Англіи и Австріи, гдѣ получилъ и графское достоинство. Назначеніе подобнаго человѣка для управленія морскими школами показываетъ, какую важность придавалъ государь этимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ февралѣ 1717 года, когда велѣно было Сентъ-Илера „для его прихотей, отпустить“, школами и академіею сталъ завѣдывать одинъ Матвѣевъ.

Въ 1719 году января 3-го, по назначеніи Матвѣева сенаторомъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, начальство надъ академіею и школами перешло къ полковнику и бомбардиръ-капитану Григорію Григорьеву Скорнякову-Писареву, человѣку также весьма умному и получившему образованіе за границею. Писаревъ хорошо зналъ математику и за четыре года до назначенія своего начальникомъ школъ преподавалъ въ академіи артиллерію, а впослѣдствіи напечаталъ книгу по части механики подъ заглавіемъ: „Практика художества статическаго или механическаго“.

Несмотря на свои научныя свѣдѣнія, Скорняковъ-Писаревъ, имѣвшій много другихъ занятій, кажется, не обращалъ на ввѣренныя ему учебныя заведенія большого вниманія и ограничивался составленіемъ строгихъ инструкцій, мало заботясь о дѣйствительныхъ нуждахъ подчиненныхъ ему училищъ.

Въ 1722 году вмѣсто Скорнякова-Писарева велѣно управлять академіею и морскими школами: московскою и бывшими въ нѣкоторыхъ губерніяхъ адмиралтейскими — капитану Александру Львовичу Нарышкину и въ товарищи ему назначенъ родной братъ его лейтенантъ (поручикъ) Иванъ Нарышкинъ. Новый директоръ былъ человѣкъ молодой (28 лѣтъ), отлично образованный, любимецъ и даже родственникъ государя. Нарышкинъ за границею изучалъ морское дѣло и, возвратясь послѣ долговременнаго отсутствія въ Россію, часто находился при государѣ, который иначе не называлъ его, какъ „Львовичемъ“.

Нарышкинъ горячо принялся за ввѣренное ему управленіе морскими училищами и много сдѣлалъ полезнаго для юной академіи; при сдачѣ училищъ Писаревымъ въ Петербургѣ оказалось болѣе 100 учениковъ сверхъ штата, а въ Москвѣ недоставало около 80. Много было неизлѣчимо больныхъ и 116 человѣкъ въ бѣгахъ. Нарышкинъ привелъ все это въ порядокъ; хлопоталъ, на основаніи адмиралтейскаго регламента, о пріисканіи недостававшихъ учителей; требовалъ переводчика иностранныхъ книгъ и даже лѣкаря, котораго не было при академіи. При Нарышкинѣ ученики ходили въ походъ на эскадрѣ; а для изученія корабельной архитектуры онъ, также на основаніи регламента, заставилъ сдѣлать модель корабля и поставилъ ее въ академіи. Кажется, при немъ же была при морской академіи заведена типографія. Нарышкинъ началъ обучать воспитанниковъ ружейной пальбѣ съ порохомъ и вытребовалъ для этого, какую могъ сыскать въ магазинахъ, аммуницію. Онъ не велѣлъ принимать въ школу безграмотныхъ, запретилъ ученикамъ жениться ранѣе 25 лѣтъ, строго смотрѣлъ, чтобы учителя не брали взятокъ и проч.

Въ классахъ академіи математическимъ и морскимъ наукамъ учили профессора Фарварсонъ и Гвынъ, также учителя, подмастерья и навигаторы, вышедшіе изъ воспитанниковъ навигацкой школы. Для другихъ предметовъ, если не находилось своихъ учителей, приглашали и постороннихъ лицъ.

Для обученія фронту и вообще для начальства надъ воспитанниками, съ самаго основанія академіи, прикомандировали къ ней гвардіи поручика Бестужева и, въ помощь ему, гвардіи же прапорщика Кафтырева и двухъ сержантовъ Семеновскаго полка.

Хозяйственною частію въ петербургской академіи и въ московской школѣ завѣдывали комиссары. Въ Москвѣ комиссаръ былъ настоящимъ начальникомъ школы, а въ Петербургѣ управлялъ директоръ, за отсутствіемъ его — помощникъ директора, а если и его не было, то начальство переходило къ Бестужеву, Кафтыреву и комиссару; но никогда къ учителямъ. Иванъ Нарышкинъ нерѣдко подписывалъ и бумаги вмѣстѣ съ братомъ.

Въ морской академіи, такъ же какъ и въ навигацкой школѣ до 1715 года, проходились преимущественно математическія и морскія науки. Къ первымъ принадлежала ариѳметика, начала

алгебры, геометрія и плоская и сферическая тригонометрія; ко вторымъ — навигація, морская астрономія и геодезія или, точнѣе, морская съемка. Преподаваніе ариѳметики находилось въ рукахъ Магницкаго, и онъ проходилъ ее, держась составленной имъ книги, которая, по своему не всегда ясному изложенію, чудовищной техникѣ и большому объему, должна была для большинства учениковъ представлять весьма тяжелый трудъ. Не легко было совершенно неприготовленнымъ къ ученью юношамъ понимать или даже заучивать изъ ариѳметики Магницкаго наизусть опредѣленія, въ родѣ слѣдующихъ: „ариѳметика или числительница есть художество честное, независимое и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явившихся, изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенная и изложенная“. Или: „Радиксъ есть число яковыя либо четверобочныя и равномѣрныя фигуры или вещи единъ бокъ содержащія. И того ради радиксъ или корень именуется, зане отъ него вся пропорціи всея алгебры начинаются и рождаются“. Въ книгѣ различныя степени назывались: вторая квадратъ или зензусъ, третья — кубусъ или кубикъ, четвертая — биквадратъ или зензизензусъ, восьмая — триквадратъ или зензизензезусъ и пр. Въ этой ариѳметикѣ, кромѣ дѣйствій надъ числами цѣлыми, дробными и именованными, изложены были различныя правила: тройное, товарищества и проч., прогрессіи, извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней и начала алгебры. Въ концѣ книги находились нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ навигаціи и астрономіи; но въ академіи послѣдніе дни предмета проходились по запискамъ Фарварсона, совершенно въ другомъ видѣ.

Изъ геометріи и тригонометріи давались ученикамъ только отрывочныя свѣдѣнія, заключавшія въ себѣ теоремы, необходимыя для рѣшенія задачъ изъ морскихъ наукъ. Навигація и астрономія проходились въ формѣ рѣшенія различныхъ задачъ, встрѣчающихся на практикѣ. Въ навигаціи изучалось почти все то, что проходится и теперь (разумѣется въ болѣе трудной формѣ), за исключеніемъ предметовъ, не бывшихъ въ то время извѣстными. Въ астрономіи же рѣшались задачи суточныхъ явленій свѣтилъ, опредѣлялась широта мѣста по меридіанальной высотѣ солнца, склоненіе компаса, время прилива и отлива моря и т. п. При рѣшеніи навигаціонныхъ и астро-

номическихъ задачъ употребляли логариѳмы и нѣкоторыя изъ морскихъ таблицъ. Подъ названіемъ географіи проходили „краткое и соборное изъясненіе о земноводномъ глобусѣ“, состоявшее въ описаніи положенія точекъ и круговъ, воображаемыхъ на земной поверхности, а также объяснялись явленія свѣтилъ для жителей поясовъ жаркаго, умѣреннаго и холоднаго, и т. п.; собственно же изъ географіи сообщалось ученикамъ самое краткое обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Наконецъ, къ числу географическихъ задачъ причислялось опредѣленіе разстоянія между двумя точками на землѣ, которыхъ широты и долготы извѣстны, и нѣкоторыя другія.

Преподаваніе корабельной архитектуры и фортификаціи ограничивалось названіями болѣе необходимыхъ предметовъ и краткими практическими указаніями. Ученики геодезическаго класса, кромѣ математическихъ и морскихъ наукъ, проходимыхъ ими въ академіи, знакомились съ существовавшими тогда простѣйшими способами съемки и промѣра и болѣе другихъ учениковъ практиковались съ употребленіями при съемкѣ инструментами.

По сохранившимся запискамъ учениковъ надо полагать, что всѣ теоремы, относящіяся къ математическимъ и морскимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся должны были довольствоваться заучиваніемъ наизусть различныхъ истинъ и прилагать ихъ къ бездоказательному же рѣшенію практическихъ задачъ. Своеобразной успѣшности такого преподаванія много пособляло усиленное развитіе памяти и, въ сущности, весьма небольшой объемъ курса. Трудно повѣрить, что подобный порядокъ могъ сохраниться въ морской академіи во все время ея существованія, т.-е. цѣлое полустолѣтіе. Объясненіе этого обстоятельства надо искать въ глубокой рутинѣ, подъ вліяніемъ которой трудились учителя и ученики. При основаніи навигацкой школы требованіе скорѣйшаго обученія по необходимости заставляло ограничиться такимъ „бездоказательнымъ“ преподаваніемъ; а потомъ оно вошло въ привычку, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и впослѣдствіи до того укоренилось, что даже лучшимъ изъ учениковъ не приходило на мысль доискиваться разумныхъ причинъ, почему извѣстная теорема сложилась такъ, а не иначе. Все слышанное въ классѣ принималось за несомнѣнную истину, вовсе не нуждающуюся въ доказательствѣ, и преподаватели заботились только о томъ,

чтобы учащіеся знали, какъ что дѣлается, и не думали о разъясненіи почему? Со стороны преподавателей видно, однакоже, нѣкоторое стремленіе пополнить до извѣстной степени недостатокъ теоріи множествомъ и разнообразіемъ частныхъ примѣровъ, представляющихъ всевозможные случаи, особенно относительно задачъ, которыя скорѣе другихъ могли встрѣтиться на практикѣ. Къ этому необходимо прибавить, что ученики академіи, проходившіе морскія науки, лѣтомъ назначались для практики на флотѣ.

Для содержанія морской академіи изъ суммы, назначенной въ 1714 году вообще на школы, велѣно было отпускать половину, т.-е. 11.229 руб. Впослѣдствіи же, въ 1719 году, для (морской) московской школы оставлено только 5.600 р., а остальные 19.579 руб. употреблялись на академію. Но эти деньги отпускались до того неисправно, что по недостатку средствъ, осенью 1717 г., комнаты верхняго этажа академіи стояли недостроенныя, безъ печей, и „42 ученика не ходили въ ученье, затѣмъ что стали наги и босы“. Къ предстоявшей зимѣ не на что было исправить печей и даже купить дровъ, и директоръ академіи Матвѣевъ опасался, чтобы не пришлось прекратить и ученья. „Воистину не могу самъ описать какія несносныя докуки несу отъ тѣхъ бѣдныхъ и нужныхъ (нуждающихся) людей, — писалъ онъ къ кабинетъ-секретарю Макарову, — которые безотступно у меня просятъ денегъ, и уже весьма наги и босы“. Въ этомъ же 1717 году, когда нѣсколькимъ ученикамъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, въ наказаніе за неявку въ ученіе, велѣно было пять лѣтъ не давать жалованья, то многіе изъ нихъ, покуда не получили помилованія, ходили по міру.

Кромѣ первыхъ годовъ существованія академіи, относительно недостатка средствъ были особенно тяжелы три послѣдніе года царствованія Петра. При посѣщеніи классовъ академіи, 10-го іюня 1724 года, государь замѣтилъ въ числѣ учениковъ нѣкоторыхъ очень худо одѣтыхъ, и на вопросъ о причинѣ, ему доложили, что жалованье выдается съ недоимками, да и то не деньгами, а товарами. По слѣдствію, которое велѣно было произвести, оказалось, что 85 учениковъ „за босотою и неимѣніемъ пропитанія“ не ходили въ школу въ продолженіе трехъ, четырехъ и даже пяти мѣсяцевъ; а изъ нихъ 55 человѣкъ объявили, что они „кормились вольною работою“.

Послѣ этого коллегія приказала немедленно выдать жалованье всѣмъ недостаточнымъ ученикамъ.

Морская академія, или академія морской гвардіи, сколько можно судить по данной для нея „инструкціи“, была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней предполагалось соблюдать правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ, съ сохраненіемъ строгой дисциплины. Воспитанники раздѣлялись на шесть отдѣленій, или „бригадъ“, въ каждой по 50 человѣкъ. Надъ ними начальствовалъ офицеръ, назначаемый изъ гвардейскихъ полковъ, и называвшійся „командиромъ морской гвардіи“. Въ помощь ему назначались, также изъ гвардіи, одинъ или два офицера, два сержанта и нѣсколько хорошихъ старыхъ солдатъ, исполнявшихъ должность дядекъ. Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ.

Воспитанники должны были, сколько дозволяло помѣщеніе, жить въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ всѣ ученики, послѣ завтрака, собирались въ залѣ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ и садились по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадуя другъ на друга“.

Въ классахъ приказано было „никакого крику, ни шуму не чинить“, и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ и имѣть „хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, несмотря какой бы ученикъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ“, т.-е. кто будетъ потворствовать.

Воспитанники, или, какъ ихъ называли въ бумагахъ, „морская гвардія“, имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Они стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной комнатѣ, у часового колокола и т. п.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во время и обучать морскую гвардію „всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумнѣйшимъ образомъ“. Строго предписано было: „ничего не

брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возвратить", и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался тѣлесному наказанію. Но недостаточность средствъ для содержанія Академіи обращала данную первоначально инструкцію въ мертвую букву, и въ дѣйствительности Морская академія походила на тѣ бурсы, которыя существовали въ иныхъ мѣстахъ Россіи лѣтъ за двадцать до настоящаго времени.

По недостатку помѣщенія многіе ученики жили въ частныхъ домахъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, учениковъ размѣстили по квартирамъ гвардейскихъ солдатъ, бывшихъ въ то время въ походѣ. Впослѣдствіи, въ 1722 году ученикамъ отводились 68 квартиръ въ дальнихъ частяхъ города, въ бѣдныхъ домишкахъ матросовъ, мастеровыхъ и т. п. Несмотря на это, въ Академіи все-таки соблюдались нѣкоторыя военныя правила, необходимыя для сохраненія порядка. Такъ напр., въ опредѣленное время били „тапту" (зорю), рундъ повѣрялъ часовыхъ, и ночью дозоръ обходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Это дѣлалось не для одной формы, но и по необходимости: строгость была нужна для удержанія тогдашнихъ юношей; многіе изъ нихъ не отличались трезвостью, и сосѣди Академіи знали, что замки и запоры мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: „сѣкли по два дня нещадно батогами, или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута наказывали кошками"; за значительные проступки гоняли шпицрутенами сквозь строй, и послѣ такихъ наказаній оставляли „по-прежнему въ ученьи".

При отпускахъ учениковъ брались подписки, что въ случаѣ неявки въ срокъ виновный будетъ посланъ въ каторжную работу, а за побѣгъ подвергнется смертной казни. Но такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе и были не болѣе, какъ канцелярская формальность.

Несмотря на довольно печальное положеніе Морской академіи относительно средствъ содержанія, общественное ея значеніе было на столько высоко, что, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшаго тогда въ Петербургѣ, „во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая-бы не представляла бы въ академію сына или ближайшаго родственника". Дѣйствительно, для вся-

каго лица, извѣстнаго государю, лучшимъ средствомъ обратить на себя его милостивое вниманіе было отдать сына въ морскую службу. Къ этому нельзя не прибавить, что на самомъ дѣлѣ тяжелая школа Морской академіи выработала много прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и даже нѣсколько замѣчательныхъ людей своего времени. Адмиралы: гидрографъ Начаевъ, побѣдитель турокъ, Ѳ. Ѳ. Ушаковъ, Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, сопутникъ Беринга ученый морякъ Алексѣй Ильичъ Чириковъ были воспитанниками Морской академіи.

Веселаго.

Училище Глюка.

Училище, заведенное въ Москвѣ пробстомъ Ернстомъ Глюкомъ, обращаетъ на себя вниманіе если не по своимъ результатамъ, — Глюкъ умеръ скоро послѣ открытія его, — то по своей программѣ и имени основателя. Извѣстно, что въ домѣ этого лица, когда еще онъ былъ въ Маріенбургѣ, жила schönes Mädchen von Marienburg, какъ ее звали маріенбургскіе жители, впослѣдствіи русская императрица Екатерина I. Справедливо ли то, что разсказывается при этомъ случаѣ придворными: Веберомъ, Бассевичемъ, Беркхольцомъ и имъ подобными людьми — здѣсь говорить не мѣсто: мы ограничимся только тѣмъ, что въ жизни Глюка имѣетъ соотношеніе къ исторіи русскаго просвѣщенія.

Изъ собственноручнаго объясненія Глюка, поданнаго въ 1699 г. лифляндскому генералъ-губернатору графу Дальбергу, видно, что онъ родился 1652 г. въ Веттинѣ (Wettin) близъ Магдебурга, въ Саксоніи; занимался преимущественно восточными языками и богословіею въ Альтенбургѣ, Виттенбургѣ и Лейпцигѣ; въ 1673 г. пріѣхалъ въ Лифляндію для проповѣдыванія слова Божьяго; здѣсь старался изучить латышскій и русскій языки, изъ которыхъ послѣдній былъ въ употребленіи въ восточныхъ провинціяхъ Лифляндіи, гдѣ жили многіе изъ русскихъ, особенно раскольники. Глюкъ хотѣлъ перевести для латышей библію съ еврейскаго и греческаго текста, но, еще не чувствуя себя довольно сильнымъ въ этихъ языкахъ, отправился въ Гамбургъ, гдѣ изучалъ ихъ подъ руководствомъ оріенталиста Езарда (Ezardus). Съ 1680 г. Глюкъ снова является въ Лифляндіи сначала пасторомъ, а потомъ пробстомъ. Здѣсь онъ

занимался переводомъ книгъ св. Писанія для латышей, а также заведеніемъ школъ. Въ 1684 г. онъ ѣздилъ съ лифляндскимъ суперъ-интендантомъ Іоанномъ Фишеромъ, ученикомъ и другомъ своимъ, въ Швецію къ королю, и тамъ представилъ свои предложенія: a) касательно заведенія при пробстскихъ приходахъ по Лифляндіи латинскихъ школъ и b) о русскихъ, называвшихся раскольниками. Второе предложеніе, объ учрежденіи русскихъ школъ и переводѣ на русскій языкъ учебниковъ, было одобрено королемъ изъ политическихъ видовъ, но не приведено въ исполненіе за смертію его. „Я однако, писалъ Глюкъ, не оставался праздным, и съ упованіемъ на милость Божію изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ иждивеніемъ, русскаго пожилого священника, который служитъ мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской Библіи на простой русскій языкъ, и твердо уповаю, что Господь Богъ благословитъ, къ славѣ Его и спасенію людей, и сіи труды по примѣру подъятыхъ на пользу латышей, а къ сему поощряютъ меня письмами и изъ Германіи, и изъ Москвы, особливо Головинъ, царскій посланникъ“.

Есть извѣстіе, что русскій духовный, помогавшій Глюку узнать русскій языкъ, былъ ученый монахъ изъ Пичуговскаго монастыря, недалеко лежащаго отъ лифляндской границы. При осадѣ и взятіи Маріенбурга, русскій переводъ библіи погибъ. Когда была потеряна всякая надежда на спасеніе этого города, Глюкъ съ семействомъ, слугами и нѣкоторыми изъ горожанъ, явился въ русскій лагерь, держа въ рукахъ русскую библію.

Петръ Великій и прежде слышалъ о трудахъ и знаніяхъ Глюка, а потому, два мѣсяца спустя послѣ взятія Маріенбурга, именно 4 марта 1703 г., опредѣлилъ ему ежегодное жалованье въ 3000 т. руб. съ тѣмъ, чтобы Глюкъ открылъ въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ и выбралъ самъ нужныхъ при этомъ учителей; для помѣщенія плѣннаго пробста отведенъ былъ въ Москвѣ, на Покровкѣ, домъ умершаго передъ тѣмъ боярина Василія Ѳедоровича Нарышкина, куда Глюкъ и переѣхалъ изъ Нѣмецкой слободы.

Въ томъ же 1703 году Глюкъ напечаталъ на русскомъ языкѣ программу преподаваемымъ въ его училищѣ предметамъ. При этомъ было объявлено такимъ образомъ объ учителяхъ: „1) Для географіи, дѣятельной философіи, иѳики, политики, латинской

реторики съ ораторическими упражненіями и съ изъясненіемъ примѣровъ ихъ историковъ Курція и Юстина, и изъ стихотворцевъ Виргилія и Горація — учителемъ Іоаннъ Рейхмутъ. 2) Для философіи картезіанской, также для языковъ греческаго, еврейскаго, сирскаго и халдейскаго — Христіанъ Бернардъ Глюкъ. 3) Для языка французскаго — Іоаннъ Мерла. 4) Для грамматики нѣмецкой и латинской съ изъясненіемъ словаря (vestibulum) и введенія въ латинскій языкъ (Janua linguarum) — Іоаннъ Густавъ Вурмъ. 5) Для начальнаго чтенія и письма латинскаго и для ариѳметики — Отто Бирканъ. 6) Для танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ — Стефанъ Рамбуръ. 7) Для рыцарской конной ѣзды и берейторскаго обученія лошадей — Іоаннъ Штурмелевъ. Самъ Ернстъ Глюкъ для сихъ школъ приготовилъ на русскомъ языкѣ лютеровъ катихизисъ, молитвенникъ, нѣмецкую грамматику, вестибулъ, т. е. преддверіе, или словарь къ познанію русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ и Коменіево введеніе въ языки".

Въ Europäische Fama сказано, что Глюкъ, по повелѣнію царя, въ Москвѣ снова занимался переводомъ Новаго Завѣта, и приготовилъ на русскомъ языкѣ: 1) молитвенникъ и въ немъ молитвы, писанныя риѳмами; 2) лютеранскій катихизисъ, вмѣстѣ съ ритуаломъ; 3) русскую грамматику; 4) Vestibulum; 5) Orbis pictus (Свѣтъ, зримый въ лицахъ) и 6) Janua reserata linguarum Comenii. Прибавлено тамъ же, что Глюкъ помогалъ Поликарпову въ составленіи его Трязычнаго Лексикона (напеч. 1704 г.), но это извѣстіе въ Relation 1706 г. измѣнено, и Поликарповъ показанъ уже одинъ авторомъ этого словаря.

15 декабря 1703 г. Глюкъ, представивъ свои труды царю, просилъ „повелѣть: 1) открывшееся уже училище въ дѣйствіи освидѣтельствовать и учениковъ испытать боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину; 2) книгу переведенную имъ для школъ Преддверіе къ познанію русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ напечатать; 3) ему плѣннику съ 15 дѣтьми и прислужниками, потерявшему все имѣніе, помочь"...

„Глюкова программа, или приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глинѣ:

„Здравствуйте, плодовитые, да токмо подпоръ и тычинъ требующіе дидивины! По указу державнѣйшаго вашего монарха полюбится мнѣ треми точію словесами васъ о изъясненіи ра-

зума вашего обучати. Врата умудренія нынѣ отпиралися, сирѣчь врата къ торговлѣ добрыхъ наукъ, которымъ уподобленіемъ Цицеронъ сыну своему въ аѳинской академіи Кратиппу философу, преданному школьныя сладости, прекрасно располагаетъ въ 3-й книгѣ службъ. Сія рѣчь въ россійскихъ предѣлахъ отъ древнихъ временъ не часто слышана, суетнымъ папаротамъ и негоднымъ куколомъ приличіе дала въ нестроенныхъ юношъ коренится. Нынѣ же, чтобы чаще у васъ услашалася, милость Божія благодатно вамъ въ пользу установила. Вы сами въ своей пазухѣ обрящете причины, для которыхъ вамъ достоитъ покорно сіе призваніе внимати и послушно остроуміе свое приклонити, и что полезно вліется, принимати, понеже младая юность

„Аки воскъ, преобразится,
„Часто въ злобу превратится,

и истиннымъ нарицаніемъ въ первыхъ лѣтехъ безумствуетъ. Того ради, слово сирѣчь юношествовати отъ эллино-греческихъ въ притчу установлено, и о тѣхъ речется, которые неопамятно дѣло свое чинятъ. Благоудумайте, что благочестіе не прирождается, но притязается. Нива бо не дѣлана и не носитъ пшеницу, но волчецъ и осоты; подобаетъ разумъ нашъ очищати и соху прозорливаго наказанія прилагати, сѣмена же благихъ наукъ разсѣяти: сей чинъ есть и сей путь къ жатвѣ обильнѣйшій. Сія же врата вамъ нынѣ отпираются.

„Того ради внидите въ тайное пріятилище премудрости и къ благоухищреннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; внидите наипаче по монархскому государя вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ вооружается тьму неискусства отъ очей своихъ подданныхъ вытирати, и того ради палаты Нарышкина къ сему употребленію благодатно установилъ.

„Егда путь къ симъ вратамъ и къ симъ покрытымъ сокровищамъ не знаете, се десница готова немощныхъ водити, плавающимъ помогати, и всякимъ заблудившимся милостію Божіею свѣтило предносити, и тако на семъ пути цѣль будетъ отъ заблужденія, ниже со Иксіономъ, яко въ притчахъ поетискихъ читаемъ, облако вмѣсто богини Юно будете обнимати; но, вмѣсто простыя и лицемѣрныя вѣдомости, прямую и истинную премудрость добудете“.

„Что же познали, что отъ школьныхъ трудовъ нашихъ въ вашу пользу пригодится, каталогъ учителей и наукъ симъ росписомъ изъявляемъ, изъ котораго увидите, что не пульные черви суть, которыхъ отроки въ бобахъ находятъ, ниже кропивы, которыми гряды разума вашего посѣяны будутъ, но полезныя науки, сколько ихъ вамъ въ пользу и красоту пригодятся.

„О томъ же и паки коегождо отъ васъ охотника призываю словесами цицероніанскими отъ вышеупомянутаго мѣста: сколько умомъ своимъ возможете усильствовати, сколько трудомъ умѣете достигнути, только сотворите, чтобы совершили, да не повинайтеся при простираніи всея благія требности, да не слава отъ васъ услышится, что вы свое благополучіе сами примедлили. Эрнстъ Глюкъ, лифляндскій препозитъ, нынѣ полоняникъ.

„Каталогъ учителей и наукъ. 1) Іоаннъ Рейхмутъ учитъ географіи и изъ философіи дѣятельныя итику и политику, такожде и вышнимъ ученикомъ латинскій языкъ реторскимъ изъясненіемъ располагаетъ отъ историческихъ авторовъ Курція и Іустина, отъ поетискихъ же Вергилія и Горація истолкуетъ и своихъ къ ораціотворенію проводитъ. 2) Христіанъ Бернардъ Глюкъ учитъ философію картезіанскую, когда угодные ученики будутъ, такожде языкъ греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей. 3) Іоаннъ Мерла, французскаго языка учитель, всѣмъ охотникамъ онаго языка доброхотнѣ помогаетъ. 4) Іоаннъ Густавъ Вурмъ вестибулъ (преддверіе) латино-нѣмецкій и януу латинскую ясно научаетъ и грамматиская основанія непрестаннымъ прилежаніемъ полагаетъ. 5) Отто Бирканъ учитъ первыхъ зачальниковъ по-нѣмецки и по-латински читати и писати и ариѳметискую науку изъявитъ. 6) Стефанъ Рамбуръ, танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ. 7) Іоаннъ Штурмевель, конскій учитель, охотниковъ отъ первыхъ дѣтей научаетъ кавалерскимъ чиномъ ѣхати, и лошадей во всякихъ школахъ манерахъ умудрити“.

Въ рукописяхъ Академіи Наукъ сохранилась краткая Географія Глюка на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ: въ ней находится указаніе о государствахъ Европы, Азіи, Африки и Америки; указаны границы каждой земли, моря, рѣки, острова и провинціи. Въ концѣ статья „о незнакомыхъ зем-

ляхъ“ (von den unbekandten Ländern), къ которымъ причислены Новая Земля, „отъ голландцевъ убо обрѣтена, а еще нихто не вѣдаетъ островъ ли есть, или къ великой Тартаріи прикасается“; Шпицбергъ, Гренландія, ужина (fretum) Дависъ, ужина Гудзонисъ, Новая Голландія, Новая Гвинея, Карпентарія (токмо еще только не берегъ ѣзжено) Терра дель Фуего лежитъ у Америки южеской (America meridionalis) и токмо чрезъ ужину морскую Магелланскую отъ того отлучено; на самомъ концѣ кабо Горнанское (caput Hornanum), которую Лемаре изъ города Горна открылъ“.

Въ началѣ этой книги есть посвященіе царевичу Алексѣю Петровичу, также на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, которое здѣсь и выписывается, чтобы дать понятіе о степени знанія Глюкомъ русскаго языка:

„Надежду воспріимаютъ лучіи юности твоея, сирѣчь твое великое и къ будущему владѣнію отчичихъ и дѣдичихъ государствъ угодное переимство, твоя геройска честь и хвалу любящая охота, твоя къ вящимъ вещамъ остроумная бодрость, твой благолѣпный нравъ, твое скорое перенятіе самотягчайшихъ вещей укрѣпляютъ дерзновенную надежду, что съ умноженіемъ лѣтъ твоихъ ясность благочестій твоихъ впредь будетъ умножатися и возвышатися.

„Къ сей ясности юности твоея и благочестій твоихъ и я прихожу съ сею географскою книжицею:

Я хочу елей во огнь возліяти
И охотное остроуміе твое еще болѣе возбуждати.

Надобіе и пространную пользу сія книги не могу я на симъ тѣсномъ листѣ описати: но твой преславный совѣтникъ и учитель (Глюкъ здѣсь упоминаетъ о баронѣ Гюйссенѣ), который очима своима бо́льшую часть земныхъ государствъ самъ видѣлъ и испыталъ, той же тебѣ сія пространнѣе выкладетъ. Нынѣ же почтися далѣе, о любве и лѣпота своего россійскаго государства! Богъ да сохранитъ цвѣтеніе твое и дастъ созрѣти плодамъ твоимъ, да будеши древо правды и ясное солнце въ благополучіе всѣмъ подданнымъ. Воздыми такожде ясность милости твоея на меня, убогаго невольника, который множайшимъ вострудженіемъ впредь будетъ изъявляти, что онъ есть пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго благородства нижайшій рабъ Эрнстъ Глюкъ“.

Глюкъ умеръ въ 1705 году, и дальнѣйшая судьба заведеннаго имъ училища не извѣстна: знаемъ только, что оно перешло потомъ въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза, магистра философіи и бывшаго послѣ первымъ переводчикомъ въ петербургской Академіи Наукъ. Одинъ грекъ, іеромонахъ Серафимъ, просилъ о дозволеніи ему продолжать ученіе въ заведенномъ въ Москвѣ училищѣ: „нынѣ, понеже случилась смерть Глукхію (5 мая 1705 г.), а дѣло уже обрѣтается въ порядкѣ, чтобъ не испортилось, если изволеніе ваше по договору, что онъ имѣлъ, принимаюся и я, и пошлю иного вонъ для дѣлъ моихъ, сыскавъ и помощниковъ моихъ, ради нѣмецкаго языка. Понеже я наши языки оба, латинской, французской и англійской подлинно и говорить и писать разумѣю; а къ тому же несовершенно русской, итальянской и другіе, сирѣчь испанской, португальской и нидерляндской, при тѣхъ же и еврейскій“... Просьба эта однако не была уважена, можетъ быть, потому, что самъ Серафимъ откровенно свидѣтельствовалъ, что въ его время въ Россіи грековъ ставили ниже всѣхъ иноземцевъ.

Пекарскій.

Учрежденіе Академіи Наукъ.

Извѣстно, что уставъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ январѣ 1724 года; онъ помѣщенъ въ полномъ Собраніи Законовъ. Въ кабинетныхъ бумагахъ государя сохранились двѣ бумаги, очевидно, написанныя до составленія устава и любопытныя въ томъ отношеніи, что могутъ служить объясненіемъ тѣхъ предположеній, съ которыми основалось у насъ наше высшее ученое учрежденіе. Первая изъ этихъ бумагъ безъ года, съ краткимъ обозначеніемъ, что она „руки Петра Алексѣевича Курбатова:“

„Въ установленіи академіи подобаетъ слѣдующіе пункты примѣчать:

I. Сумма, которая надобна къ установленію и содержанію академіи, такая да будетъ, чтобъ Е. И. В. казнѣ убытку не было-бъ, ниже бы государству какова отягощенія принесла. Та сумма пребываетъ непоколебимо при академіи и сія да будетъ за фундаментъ высокой Е. И. В. милости академіи, дабы никто не дерзалъ оную сумму подъ какимъ бы видомъ ни было на иныя вещи издержать.

II. Мѣсто, идеже установлена будетъ академія, было бы такое, чтобъ былъ тамъ здравый воздухъ и добрая вода, и положеніе того мѣста было-бъ удобно, чтобъ отъ всѣхъ странъ можно было надежно приходить, такожде и съѣстное бы было въ довольности.

III. Строенію подобаетъ быть тако учреждену, дабы принадлежащіе къ академіи люди свободно могли тамо жить и имѣло бы то строеніе привилію (привиллегію) или увольненіе, да никто дерзнетъ тамо какое усильство учинить, но егда кто въ какое прегрѣшеніе тамо впадетъ, то опредѣленные отъ Е. И. В. на управленіе академіи персоны его судили бы и обвинили. И тако, дабы академія прямо подъ Е. И. В. властію, а ни подъ какою бы коллегіею была.

IV. Персоны къ управленію да будутъ слѣдующія: 1) президентъ; 2) вице-президенты; 3) инспекторъ.

V. Управленіе вышеупомянутыхъ персонъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Оная сумма денегъ обрѣтается подъ управленіемъ вышепомянутыхъ персонъ и тратятъ онѣ тѣ деньги, гдѣ нужда будетъ. 2. Президентъ и вице-президенты стараются о наукахъ, а инспекторъ управляетъ домостроительство. 3. Держатъ они по вся недѣли конференцію съ учительми для познанія, которые ученики прилежно и которые лѣниво учатся, какая въ чемъ скудость учинилась, и какъ оную исправить? И что въ такой конференціи учинено, надобно въ протоколъ записать и по вся мѣсяцы о томъ экстрактъ президенту подавать, дабы онъ всегда могъ, егда Е. И. В. о состояніи академіи изволитъ спросить, о томъ всенижайше отвѣтъ дать. 4. Вице-президенты смотрятъ прилежно надъ профессорами, вѣрно ли они свою службу исправляютъ. 5. Испытуютъ они юныхъ сердца и склоннсти, къ чему охоту имѣютъ и потому учреждаютъ они имъ и ученія. 6. Такожде смотрятъ они, чтобы во всей академіи единъ образъ былъ языку и ученію.

VI. Штуденты могутъ быть разнаго чину, но надобно слѣдующія вещи между ними хранить: 1. Надо ученикамъ, или штудентамъ объявить, что ученіе ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бы они сіе за милость Е. И. В., и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть. 2. Надобно онымъ уреченные годы въ академіи пребыть. 3. И когда они свои ученія окончили, надобно президенту и вице-президентамъ ста-

раться, дабы они иностранныя земли съ пользою увидѣли и даютъ они имъ инструкціи, какъ имъ содержать себя на пути, и добрую рекомендацію къ ученымъ людямъ, а паче всего не надобно допускать, чтобъ они въ иностранныя земли поѣхали, а языку того, куда поѣдутъ, не знали-бъ, ибо чрезъ сіе (знаніе языка) въ той землѣ въ 4 недѣли больше можно познать, нежели кто незнающій того языка въ нѣсколькихъ (sic) лѣта.

VII. Прибыль, которая изъ сей академіи будетъ, есть слѣдующая: 1. Что Е. И. В. изъ своихъ подданныхъ ученые люди получитъ. 2. По сему иноземцы будутъ пріѣзжать въ академію и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3. Оные, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научаться, нежели иной въ десять лѣтъ.

Сіе токмо генерально предложено, но если Е. И. В. милостиво повелитъ, то можно пространнѣе и подробнѣе описать и что больше еще надобно усмотрѣть съ предложеніемъ (какимъ образомъ оную сумму получить) Е. И. В., токмо чтобъ надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивеніе будетъ употребляема".

Вторая бумага помѣщена рядомъ съ указомъ о переводчикахъ, состоявшимся 23 января 1724 г. Она также безъ обозначенія года, помѣчена лишь январемъ: „сообщено изъ сената".

„Въ установленной Академіи будетъ обучаться студенты во всякихъ наукахъ, кромѣ богословія, юриспруденціи собственно таковой, и такъ до перваго степени членовъ надлежащіе студенты, смотря по ихъ натуральному наклоненію, будутъ обученіе имѣть (отъ) учителей; 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Астрономіи; 4) Географіи; 5) Навигаціи; 6) Механикѣ; 7) Оптикѣ; 8) Архитектурѣ гражданской и воинской; 9) Физикѣ, Ѳеоретикѣ и експериментальной; 10) Институціи методической, анатомической и хирургической; 11) Химіи; 12) Исторіи натуральной; 13) языкамъ, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому; 14) Реторикѣ и ораторіи; 15) Исторіи древней и нынѣшней; 16) Логикѣ; 17) Метафизикѣ; 18) Этикѣ; 19) Политикѣ; 20) Юсъ публикъ натуръ и народовъ"...

Секретарь Петра Великаго, Алексѣй Макаровъ, состоявшій при немъ много лѣтъ, сохранилъ для потомства одну „присловицу", которую часто говаривалъ государь: „легче-де вся-

кое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать". Эту присловицу Петръ Великій осуществилъ при основаніи въ Петербургѣ Академіи Наукъ: онъ не обратился къ исправленію, улучшенію или распространенію существовавшихъ до того времени русскихъ училищъ, но рѣшился создать такое новое заведеніе, которое и по назначенію своему — преслѣдованіе въ одно и то же время цѣлей учебнаго общества и учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ — и по составу, — въ нихъ должны были быть приглашены иноземцы, незнакомые ни съ языкомъ, ни съ нравами такого особеннаго отъ прочихъ европейскихъ странъ государства, какъ Россія — представляло безспорно единственный примѣръ въ исторіи европейскаго просвѣщенія.

Намѣреніе Петра Великаго учредить на такомъ основаніи Академію Наукъ въ Петербургѣ должно отнести никакъ не позже 1720 года, такъ какъ германскій мыслитель Вольфъ, 11 января 1721 года, уже писалъ къ царскому лейбъ-медику Блюментросту: „Его Императорское Величество имѣетъ намѣреніе учредить Академію Наукъ и при ней другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ и писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ"...

Въ февралѣ того же 1721 года государь уже отправилъ Шумахера хлопотать, между прочимъ, „для сочиненія соціетета наукъ, подобно, какъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ.

Въ 1722 и 1723 годахъ Петръ, отвлеченный, вѣроятно, государственными дѣлами, не преступалъ намѣренія, о которомъ такъ положительно заявилъ въ 1720 году Вольфу. По современнымъ разсказамъ оказывается, что императоръ вспомнилъ о томъ при докладѣ лейбъ-медика Блюментроста о приглашеніи нѣсколькихъ ученыхъ для императорской библіотеки и кунсткамеры и приказалъ вызвать въ Петербургъ спеціалистовъ по важнѣйшимъ наукамъ, чтобы составить Академію, къ чему государь считалъ себя какъ бы обязаннымъ въ качествѣ члена Парижской Академіи Наукъ.

Мысль Петра Великаго, высказанная имъ въ письмѣ къ Вольфу, была потомъ развита и обработана въ докладѣ объ Академіи Наукъ лейбъ-медикомъ Блюментростомъ, и этотъ докладъ разсматривался государемъ 22 января 1724 г. Въ началѣ пред-

ставленія ясно обозначено различіе Академіи — высшаго ученаго общества, — отъ университета — высшаго учебнаго заведенія, а потомъ говорится, что оба эти учрежденія, если будутъ основаны въ Россіи, по примѣру другихъ государствъ, отдѣльно, то не принесутъ пользы, такъ какъ хотя отъ Академіи „художества и науки въ своемъ состояніи производятся, однакоже оныя не скоро въ народѣ расплодятся. А при заведеніи университета и меньше того: ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ... то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ". Поэтому академики обязывались, кромѣ прямой своей должности объ усовершенствованіи тѣхъ наукъ, которымъ себя посвятили, читать публичныя лекціи и приготовлять молодыхъ людей къ наставнической обязанности. По мнѣнію составителя доклада, такое умноженіе и усложненіе обязанностей академиковъ давало будто бы преимущество петербургской Академіи предъ парижскою. Она должна была состоять изъ трехъ классовъ: въ первомъ классѣ содержались бы всѣ науки математическія и которыя отъ оныхъ зависятъ; во второмъ — всѣ части физики (сюда входили, кромѣ физики, анатомія, химія и ботаника); въ третьемъ — гуманіора, гисторія и права". Члены этихъ трехъ классовъ Академіи въ то же время дѣлались профессорами установленнаго при ней университета, который дѣлился на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Далѣе предполагалось, чтобы каждый академикъ написалъ на латинскомъ языкѣ систему науки, для которой онъ призванъ, и чтобъ эти ученые приготовляли одного или двухъ молодыхъ людей, которые могли бы современемъ заступить ихъ мѣста. Противъ этого пункта Петръ Великій написалъ: „надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить". Это повелѣніе императора не было оставлено безъ вниманія, и тогда же писано въ Вѣну къ нашему дипломатическому агенту Ланчинскому о пріисканіи тамъ двѣнадцати студентовъ, способныхъ, хорошаго поведенія и знающихъ по-славянски или по-чешски. На это нашъ дипломатъ отвѣчалъ (въ іюнѣ 1724 г.), что въ вѣнскомъ университетѣ не процвѣтаютъ математическія науки и только по части humaniora и медицины можно найти такихъ людей, въ какихъ нуждается Академія. Впрочемъ, по словамъ Ланчинскаго, славянскій

языкъ весьма мало въ употребленіи у студентовъ, такъ какъ имъ пренебрегаютъ даже тѣ, которые происходятъ изъ славянъ.

Въ концѣ проекта говорится, что Академія не можетъ быть учреждена, не имѣя двадцати тысячъ на свое содержаніе, а государь противъ этого мѣста написалъ: „Доходъ на сіе опредѣляется 24.912 р., которые сбираются съ городовъ Дерпта, Нарвы, Пернова и Аренсбурга таможенныхъ и лицентныхъ".

Послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ проекта академическаго устава, началась обширная переписка о вызовѣ академиковъ изъ чужихъ краевъ. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ, къ которымъ относились по этому предмету, отвѣчали похвалами монарху за стараніе водворить науки въ своемъ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда выражали и сомнѣніе въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Такъ напр. Петръ фонъ-деръ Аа изъ Лейдена писалъ къ Блюментросту 25 апрѣля 1724 г.: „учрежденіе Академіи его императорскимъ величествомъ есть дѣло образцовое и достойное осуществленія и исполненія такимъ великимъ государемъ и героемъ — это увѣковѣчится въ памяти людей. Современемъ его императорское величество, при помощи очень значительнаго жалованья, найдетъ людей знаменитыхъ въ литературной республикѣ, но въ настоящее время, не угодно ли вамъ, милостивый государь, обратить вниманіе на то, что тѣ, которые уже пріобрѣли себѣ извѣстность, имѣютъ хорошія мѣста и не покинутъ ихъ для того, чтобы ѣхать такъ далеко. Не пріобрѣтшіе же себѣ извѣстности должны поступать весьма осмотрительно, чтобы не быть отосланными назадъ, если не будутъ соотвѣтствовать требованіямъ его императорскаго величества относительно искусствъ и наукъ..." Впрочемъ, было получено нѣсколько и такихъ отвѣтовъ, въ которыхъ требовались дальнѣйшія разъясненія объ условіяхъ.

Существованіе въ первое время Академіи Наукъ тѣсно связано съ двумя учрежденіями, основанными въ Петербургѣ также Петромъ Великимъ, но гораздо прежде — это библіотекою, замѣчательною какъ первое, доступное для общественнаго пользованія книгохранилище, и кунсткамерою. Первая начала составляться изъ книгъ, которыя попадались нашимъ войскамъ при завоеваніи городовъ въ Остзейскомъ краѣ, потомъ увеличилась нѣсколькими собраніями, поступившими въ нее послѣ смерти или опалы разныхъ вельможъ. Кунсткамера въ особенности обогатилась послѣ пріобрѣтеній царемъ, во вторую

его поѣздку по Европѣ, самыхъ разнообразныхъ коллекцій. Въ 1719 году библіотека настолько умножилась, что не могла помѣщаться въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ находилась до того времени, а потому перенесена въ домъ Кикина, находившійся близъ Смольнаго двора, на берегу Невы, прямо противъ охтенскихъ слободъ. Въ 1722 году уже строилось зданіе на Васильевскомъ островѣ, предназначавшееся для помѣщенія кунсткамеры: Петръ Великій, будучи въ Астрахани, писалъ 22 декабря 1722 года, чтобы домъ для кунсткамеры непремѣнно окончить къ будущему лѣту. Это зданіе есть то самое, въ которомъ и теперь помѣщаются библіотека и обсерваторія Академіи Наукъ, противъ Дворцоваго моста. По преданію сохранилось, что до сооруженія кунсткамеры на мѣстѣ, гдѣ она построена, росли двѣ сосны, у которыхъ сукъ одной вросъ въ другую такъ, что нельзя было узнать, которой изъ сосенъ обязанъ онъ своимъ происхожденіемъ. Это обстоятельство и подало Петру Великому мысль устроить на этомъ мѣстѣ хранилище рѣдкостей и въ числѣ ихъ помѣстить также отрубокъ съ помянутымъ сукомъ, который дѣйствительно хранится въ академическомъ музеѣ и донынѣ.

Послѣ кончины Петра Великаго Екатерина I поспѣшила заявить чрезъ русскихъ дипломатовъ при европейскихъ дворахъ и посредствомъ газетныхъ статей, что она твердо намѣрена довершить предпринятое покойнымъ государемъ намѣреніе учредить въ Петербургѣ Академію Наукъ, а потому приглашенные при жизни императора ученые во второй половинѣ 1725 года стали съѣзжаться въ Петербургъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, именно 30 апрѣля 1725 года, лейбъ-медикъ Блюментростъ, назначенный потомъ новою императрицею въ президенты Академіи, ходатайствовалъ, чтобы для вновь ожидаемыхъ членовъ и взятыхъ ими студентовъ былъ очищенъ отобранный въ казну домъ Шафирова (на Петербургской сторонѣ, по берегу Невы, близъ мыса къ Большой Невкѣ). Лейбъ-медикъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о постройкѣ вышеупомянутаго зданія на Васильевскомъ островѣ для библіотеки и кунсткамеры, а также объ отдачѣ Академіи находящагося рядомъ, съ лѣвой стороны этого зданія, дома царицы Прасковьи Ѳеодоровны, который тогда былъ отдѣланъ только вчернѣ. Домъ этотъ впослѣдствіи уступленъ таможенному вѣдомству, и въ настоящее время въ немъ, между прочимъ,

помѣщается рисовальная школа для приходящихъ. Въ докладѣ Блюментроста императрицѣ невольно останавливаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто, которое, представляя образчикъ взглядовъ и нравовъ добраго стараго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, въ какія мелкія подробности входилъ Петръ Великій при осуществленіи разъ задуманныхъ имъ предпріятій: „Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорское величество именно приказалъ, чтобъ домъ академическій домашними потребами удостачить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ не въ зачетъ кушаньемъ довольствовать, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ Академіи экономa, кормить въ томъ же домѣ, дабы, ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не научились ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно, понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ раскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли учинили...“

Докладъ Блюментроста былъ утвержденъ вполнѣ: дома, о которыхъ онъ ходатайствовалъ, переведены въ вѣдѣніе Академіи; кромѣ того, нанято было нѣсколько домовъ частныхъ лицъ для временнаго помѣщенія членовъ Академіи и служившихъ въ ней. Первое время пріѣхавшіе въ Петербургъ академики не имѣли никакихъ заботъ ни о помѣщеніи, ни о содержаніи, такъ какъ все было заготовлено заранѣе къ ихъ пріѣзду и притомъ въ изобиліи. „Однимъ словомъ, говоритъ современникъ, старались всѣми способами сдѣлать жизнь въ Петербургѣ пріятною для новопріѣзжихъ. Еще не много съѣхалось сюда профессоровъ, однако императрица, которой докладывалось о прибытіи каждаго, приказала лейбъ-медику Блюментросту представить ей ученыхъ. Это происходило 15 августа 1725 года въ Лѣтнемъ дворцѣ... При входѣ въ садъ г. Блюментростъ встрѣтилъ академиковъ увѣреніями, что ихъ присутствіе будетъ пріятно ея величеству. Онъ повелъ ихъ по саду и показывалъ прекрасныя мраморныя статуи и фонтаны, придававшія великолѣпіе саду, и въ особенности прелестный гротъ, украшенный Венерою, ни въ чемъ не уступавшею медиційской. Академикъ Байеръ считалъ и описалъ ен какъ произведеніе древняго греческаго искусства. Здѣсь еаходисял гофмаршалъ Олсуфьевъ, любезно привѣтствовавшій

ученое общество отъ имени императрицы. Затѣмъ пришелъ князь Меншиковъ и, поздравивъ ученыхъ съ счастливымъ прибытіемъ, представилъ имъ бывшаго при немъ юнаго сына своего, какъ будущаго слушателя... Нѣкоторое время, спустя, вошелъ камеръ-президентъ баронъ фонъ-Левенвольдъ съ объясненіемъ, что общество можетъ явиться на аудіенцію къ ея величеству, и повелъ ихъ въ императорскіе покои. Императрица стояла около стола, окруженная обѣими цесаревнами, герцогомъ голштинскимъ и знатнѣйшими изъ придворныхъ. Послѣ почтительнаго поклона, академикъ Германъ произнесъ краткую рѣчь на французскомъ языкѣ, которую переводилъ г. Блюментростъ. Затѣмъ говорилъ по-нѣмецки академикъ Бильфингеръ: этотъ языкъ императрица понимала очень хорошо, и потому г. Блюментростъ не имѣлъ надобности передавать рѣчь въ переводѣ. Императрица отвѣчала сама очень милостиво, выразивъ притомъ, что ей чрезвычайно пріятно прибытіе изо всѣхъ странъ ученыхъ, и что она будетъ заботиться всѣми способами выказывать къ нимъ свое благоволеніе. Затѣмъ академики при отпускѣ были допущены къ рукѣ императрицы и всѣхъ особъ императорской фамиліи, а потомъ ихъ угощали императорскимъ столомъ въ одномъ изъ смежныхъ покоевъ. Таковъ былъ почетъ, оказанный Академіи при ея началѣ, на аудіенціи, которой великолѣпнѣе и благосклоннѣе не могли желать и важнѣйшіе изъ посланниковъ!...“

Послѣ этого представленія тотчасъ же начались въ вышеупомянутомъ шафировскомъ домѣ засѣданія, называвшіяся конференціями, въ которыхъ академики, какъ и нынѣ, предлагали на судъ сочленовъ свои сочиненія, мысли и открытія. Впрочемъ первое записанное въ протоколъ извѣстіе о томъ, что происходило въ конференціи, относится только къ 12 ноября 1725 года: въ это засѣданіе происходило чтеніе статьи, касавшейся высшей математики — науки, занятіями которой наша Академія въ короткое время пріобрѣла особенный блескъ и значеніе въ ученомъ мірѣ.

Выше было уже говорено, что собственно основаніе Академіи было признано дѣломъ рѣшеннымъ послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ доклада о томъ Блюментроста. Между тѣмъ ученое общество не имѣло еще устава, въ которомъ бы точно и опредѣлительно изложены были всѣ относящіяся до Академіи постановленія. Блюментростъ, какъ только прибыли въ Пе-

тербургѣ ученые, поспѣшилъ составить такой уставъ, въ который, въ распространенномъ видѣ, вошли всѣ статьи первоначальнаго доклада.

Представляя этотъ уставъ, въ сентябрѣ 1725 года, императрицѣ Екатеринѣ I, Блюментростъ писалъ: „Всепокорно прошу ваше императорское величество, да повелитъ изслѣдовать сей регламентъ, что въ немъ есть исправить и что согласно въ народъ объявить". Впрочемъ, представленіе осталось неутвержденнымъ, отчего Академія Наукъ была съ перваго года своего существованія предана безотчетному произволу лицъ, которымъ поручено было ея управленіе, что и было потомъ главнѣйшею причиною разстройства хозяйственной части ея управленія, а также внутреннихъ нескончаемыхъ раздоровъ между учеными и лицами, считавшими себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбами этого учрежденія.

Одною изъ первыхъ заботъ Блюментроста было также назначеніе торжественнаго засѣданія въ Академіи. Сначала его предполагали устроить на другой день тезоименитства императрицы Екатерины I, но такъ какъ по Невѣ шелъ ледъ и сообщеніе съ Васильевскаго острова съ остальнымъ городомъ прекратилось, то это засѣданіе могло состояться только 27 декабря 1725 года. Тогда къ петербургскому обществу было обращено особое печатное приглашеніе съ просьбою почтить своимъ присутствіемъ засѣданіе. Приглашеніе было напечатано на латинскомъ и русскомъ языкахъ, и оно должно считаться первымъ заявленіемъ о себѣ Академіи предъ русскимъ обществомъ. Замѣчательно, что въ этотъ только разъ Академіи приданъ былъ титулъ россійской, такъ какъ впослѣдствіи она уже называлась петербургскою, а первое названіе усвоило себѣ другое учрежденіе, основанное въ позднѣйшія времена, именно при Екатеринѣ II.

Празднованіе Екатеринина дня подало императрицѣ Екатеринѣ I новый случай выказать свое благоволеніе къ академикамъ: 24 ноября передъ обѣднею они поздравляли государыню съ праздникомъ, при чемъ академикъ Гольдбахъ произнесъ краткую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ. По приказанію императрицы, президентъ угощалъ потомъ въ своемъ домѣ обѣдомъ отъ императорскаго двора всѣхъ академиковъ и адъюнктовъ, при чемъ было объявлено о возведеніи императрицею двухъ молодыхъ ученыхъ Гросса и Мейера въ академики.

Первое торжественное засѣданіе Академіи происходило 27 декабря 1725 года. Потомъ оно неизмѣнно повторялось въ этотъ день до 1776 года, когда, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Академіи, императрица Екатерина II пожелала присутствовать въ засѣданіи и назначила день собранія 29 декабря, послѣ чего донынѣ, въ воспоминаніе посѣщенія Екатерины II, наши торжественныя годовыя собранія происходятъ въ этотъ день.

Нынѣшній Петербургъ далеко не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ въ 1725 году. Полузабытая теперь Петербургская сторона около Троицкой площади тогда могла считаться аристократическою частью города. Тамъ, въ сосѣдственныхъ съ Троицкою площадью улицахъ, жили многія изъ историческихъ личностей Петровскихъ временъ; церковь св. Троицы посѣщалъ каждый праздникъ царь съ своимъ семействомъ; не далеко отъ нея, въ небольшой мазанкѣ, началъ впервые въ Петербургѣ работать печатный станокъ. Самая Троицкая площадь была свидѣтельницею всѣхъ торжественныхъ входовъ и шумныхъ празднествъ, которыя любилъ устраивать государь въ ознаменованіе радостныхъ для него событій. Недалеко отъ этой площади возвышался великолѣпный по тому времени домъ Шафирова, въ которомъ и происходило первое торжественное собраніе Академіи Наукъ. Къ десяти часамъ утра, въ одну изъ залъ этого дома собрались всѣ значительнѣйшія лица города. Въ числѣ ихъ былъ герцогъ голштинскій, мужъ старшей дочери Петра Великаго. Изъ высшаго духовенства присутствовалъ покровитель многихъ изъ академиковъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Между царедворцами, тамъ бывшими, виднѣлись: князь А. Меншиковъ, графъ Ѳ. Апраксинъ и др. Члены Академіи помѣщались за полукруглымъ столомъ, и изъ нихъ Бильфингеръ, любимый и талантливый послѣдователь германскаго мыслителя Вольфа, произнесъ рѣчь объ учрежденіи Академій и ихъ назначеніи, а потомъ разсуждалъ о магнитѣ. Бильфингеру отвѣчалъ Германъ, котораго такъ уважалъ Лейбницъ. По окончаніи засѣданія, герцогъ голштинскій пригласилъ къ себѣ академиковъ на обѣдъ, и здѣсь они видѣли привѣтливую цесаревну Анну Петровну, которую одинаково любили и русскіе и иноземцы.

На основаніи первоначальнаго доклада Блюментроста, академическія засѣданія долженствовали происходить по одному

разу въ недѣлю; впрочемъ, это съ самаго начала не выполнялось, такъ какъ собирались то чаще, то рѣже, смотря по накопленію предметовъ для сообщенія въ собраніи. Потомъ вошло въ обычай собираться по два раза въ недѣлю въ конференціи, по вторникамъ и пятницамъ. Старинныя засѣданія происходили не всегда въ мирныхъ собесѣдованіяхъ для преуспѣянія наукъ, и иногда тамъ возникали споры, въ которыхъ, по занесенному изъ нѣмецкихъ университетовъ обычаю при диспутахъ, допускались горячія выходки другъ противъ друга, уже не относившіяся до наукъ. Изъ замѣтокъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ о нашихъ первоначальныхъ академическихъ засѣданіяхъ, можно видѣть, что президентъ Академіи употреблялъ въ такихъ случаяхъ свое вліяніе и останавливалъ спорящихъ замѣчаніями и даже выговорами. Однажды ему привелось высказать свое неудовольствіе нѣкоторымъ академикамъ, для чего было назначено особое засѣданіе 14 мая 1726 года. Въ протоколѣ о немъ было занесено, что однажды президенту было сообщено, что нѣкоторые изъ академиковъ, войдя въ русскую церковь, когда отправлялась торжественная служба, вели себя тамъ не такъ, какъ того требовало достоинство Академіи и уваженіе къ святости мѣста. Тогда президентъ, насколько это возможно было, извинялъ тѣхъ, которые были въ томъ обвиняемы, и выражалъ притомъ огорченіе отъ происшедшаго; но теперь онъ снова получилъ свѣдѣнія отъ одного лица, облеченнаго въ знатнѣйшее званіе, что подобный же проступокъ былъ совершенъ въ храмѣ не только при людяхъ изъ простого народа, но и при многихъ знатнѣйшихъ лицахъ. Такъ какъ Академія подвергается отъ того нареканіямъ и опасности, если русскіе начнутъ питать къ ней ненависть, то президентъ не считалъ болѣе за нужное скрывать этого и, собравъ академиковъ, серьезно изложилъ имъ о томъ въ строгой рѣчи. Тогда же онъ замѣтилъ о неприличіи для академиковъ ходить въ трактиры и харчевни (in cauponis atque tabernis), съ людьми низкаго званія.

Въ маѣ же 1726 года Блюментростъ хотѣлъ назначить новое торжественное собраніе Академіи Наукъ, но императрица объявила, что она тогда не можетъ присутствовать сама, а между тѣмъ желаетъ посѣтить Академію, почему собраніе было отложено до 1 августа. Собраніе началось въ три часа пополудни, и вотъ какъ происходило по разсказу очевидца: „Изъ прави-

тельствующаго сената, который еще помѣщался тогда на Петербургской сторонѣ, принесли въ шафирскій домъ тронъ съ балдахиномъ, съ котораго обыкновенно Петръ Великій принималъ иностранныхъ пословъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, и помѣстили его въ залѣ передъ среднимъ окномъ. У дома поставили роту солдатъ, долженствовавшихъ встрѣчать высокихъ посѣтителей съ распущеннымъ знаменемъ и музыкою: на балконѣ дома стояли барабанщики и литаврщики. Императрица прибыла въ сопровожденіи своихъ двухъ дочерей-цесаревенъ и герцога голштинскаго. Они были приняты президентомъ и академиками при сходѣ съ баржи, потому что тогда на Невѣ еще не существовало мостовъ. Многія изъ дамъ и мущинъ находились въ свитѣ императрицы; многіе же и прежде того прибыли. Почти никого не доставало изъ знатнѣйшихъ придворныхъ, сенаторовъ, высшаго духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и иностранныхъ посланниковъ. Когда императрица помѣстилась на тронѣ, а около нея сѣли цесаревны и герцогъ, тогда началось пѣніе придворной капеллы, находившейся въ смежной комнатѣ, которой двери были раскрыты. При этомъ была пропѣта кантата, сочиненная г. академикомъ Бекенштейномъ. Онъ сочинялъ стихи, какъ могъ, и они казались тогда хорошими, потому что въ немъ одномъ проглядывало дарованіе къ нѣмецкой поэзіи. На противоположной отъ трона сторонѣ зала, гдѣ также были окошки и помѣщался дворъ, поставленъ былъ небольшой круглый столъ, за который всходили три оратора. Прочіе академики и адъюнкты помѣщались въ полукругѣ по обѣимъ сторонамъ стола. Никто не сидѣлъ. Президенту былъ данъ съ трона знакъ приблизиться. Императрица, во время произнесенія рѣчей, спрашивала его много разъ о разныхъ предметахъ. Въ началѣ академикъ Байеръ произнесъ похвальное слово въ честь императрицы на нѣмецкомъ языкѣ. Готшедъ считалъ ее потомъ образцовымъ произведеніемъ нѣмецкаго краснорѣчія. Такъ какъ она продолжалась нѣсколько долговато, и боялись, чтобы императрицѣ не показалась скучною латинская рѣчь, то г. Германъ изъ нея предложилъ только важнѣйшее вкратцѣ, а г. Гольдбахъ отвѣчалъ ему также коротко. Извѣстно, изъ печатнаго изданія, что г. Германъ избралъ предметомъ своей рѣчи именно исторію геометріи и замѣчательнѣйшихъ математическихъ открытій... По окончаніи рѣчей продолжалась опять музыка. За-

тѣмъ императрица съ высшимъ обществомъ введена была президентомъ въ другую комнату, гдѣ былъ приготовленъ столъ съ разными сластями и буфетъ со всякаго рода винами. Сюда послѣдовали и всѣ члены Академіи. Ея Величество приказала представить себѣ академика Бернулли, братъ котораго за нѣсколько дней предъ тѣмъ скончался. Она сожалѣла объ его потерѣ, которую признавала чувствительною и для Академіи, и увѣряла ученаго въ своемъ благоволеніи къ нему. Потомъ она выпила бокалъ вина съ пожеланіемъ, чтобы Академія могла всегда преуспѣвать, процвѣтать и приносить государству существенную пользу. Увѣривъ всѣхъ академиковъ въ своемъ высокомъ покровительствѣ, она допустила ихъ къ рукѣ и при наступленіи ночи возвратилась во дворецъ. Въ Академіи прошла вся ночь въ пированіи, такъ какъ тамъ былъ приготовленъ ужинъ. Въ этомъ празднествѣ участвовали лица и не принадлежащія къ Академіи, но приглашенныя ею...“ *Пекарскій.*

Академія Наукъ до царствованія Елизаветы Петровны.

Екатерина I скончалась въ день прибытія въ Петербургъ Эйлера, т.-е. 6 мая 1727 года, и знаменитый математикъ сохранилъ извѣстіе, что онъ нашелъ тогда всю Академію въ величайшемъ страхѣ. Предчувствіе не обмануло ученое общество, потому что дѣйствительно съ кончиною императрицы окончилось то значеніе, которое государыня желала придать Академіи. Впрочемъ, въ первые мѣсяцы царствованія Петра II, когда князь Меншиковъ не подвергался еще опалѣ и ссылкѣ, для Академіи не замѣчалось перемѣнъ къ худшему: напротивъ, изъ среды ея сочленовъ былъ избранъ воспитатель императора, а нѣкоторымъ изъ академиковъ было поручено составить руководства для преподаванія разныхъ наукъ молодому государю. Представители Академіи, по-прежнему, являлись ко двору, и не было еще помину о тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ между ними и правителями Академіи, которыя существовали потомъ.

Все это продолжалось весьма недолго. Едва Петръ II отправился со дворомъ въ Москву, Академія Наукъ съ опустѣвшею гимназіею, такъ какъ всѣ, кто только имѣлъ малѣйшую воз-

можность выѣхать изъ нелюбимаго тогда Петербурга, покидали его съ семействами своими, была предоставлена на произволъ судьбы и усерднаго, но деспотическаго секретаря президента Шумахера. Самъ же Блюментростъ послѣдовалъ за дворомъ въ Москву. Первымъ послѣдствіемъ такого положенія для ученаго общества былъ недостатокъ въ деньгахъ. Проходили мѣсяцы, а назначенная на Академію сумма не выдавалась, отчего происходила задержка въ выдачѣ жалованья и въ уплатѣ необходимыхъ расходовъ. Испуганный Шумахеръ умолялъ Блюментроста похлопотать о деньгахъ, но къ его напоминаніямъ были глухи въ Москвѣ: еще въ августѣ 1728 года въ Академіи не было получено ни копейки изъ денегъ, слѣдовавшихъ ей на тотъ годъ, и Шумахеръ писалъ президенту: „я почти не смѣю сказать никому слова — всѣ недовольны. Назначеніе денегъ, ожидаемое этими господами, опять успокоитъ ихъ“. Только въ ноябрѣ сказаннаго года стали получать академики ассигновки на слѣдующія имъ деньги, но и тутъ дѣло не обошлось безъ затрудненій: ассигновки были написаны на имя торговаго дома Люпса, который, по рѣдкости тогда денегъ, затруднялся въ платежахъ. Задержки въ выдачѣ денегъ на Академію продолжались все время пребыванія двора въ Москвѣ.

Кромѣ несвоевременныхъ выдачъ денегъ, Академію Наукъ постигла другая, гораздо сильнѣйшая невзгода: съ перваго года ея существованія у ней ежегодно оказывался дефицитъ, который росъ все болѣе и болѣе, и, наконецъ, въ 1732 году составлявшій по тому времени значительную сумму, именно: 35.818 р. $39^1/_3$ к. Правители Академіи объясняли постоянныя передержки противъ назначенной на нее Петромъ Великимъ суммы тѣмъ, что при Академіи были вновь заведены: стоившая большихъ расходовъ типографія съ словолитнею, переплетная, мастерская для рѣзьбы на камняхъ. Кромѣ того, опредѣлены были граверы и живописцы и даны имъ ученики, отчего образовались палаты гравировальная и рисовальная. Такое учрежденіе мастерскихъ и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ было поводомъ къ постояннымъ и сильнымъ жалобамъ академиковъ на Шумахера, такъ какъ они видѣли въ этихъ именно учрежденіяхъ единственную причину разстройства хозяйственной части Академіи. Конечно, съ точки зрѣнія ученыхъ, терпѣвшихъ отъ недостатка въ деньгахъ и лично, и

еще потому, что, вслѣдствіе поддержанія постороннихъ учрежденій, они постоянно встрѣчали отказы, напр., въ покупкѣ нужныхъ инструментовъ, въ учрежденіи лабораторіи и пр. При всемъ томъ нельзя, однако, учрежденіе всѣхъ подобныхъ мастерскихъ при Академіи не помянуть иногда добрымъ словомъ, если вспомнить, что тогда въ Петербургѣ, да и во всей Россіи, не было еще достаточнаго количества искусныхъ и опытныхъ мастеровъ и ремесленниковъ, которые между тѣмъ были дѣйствительно надобны для ученаго общества. Теперь, при бо́льшемъ знакомствѣ съ старинными академическими бумагами, оказывается, что существованіе при Академіи разныхъ заведеній и мастерскихъ имѣло вліяніе на распространеніе разныхъ ремеслъ и промысловъ не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ русскихъ городахъ. Такъ напр., типографія Академіи, устроенная въ такихъ размѣрахъ, которыхъ никогда не достигала ни одна изъ прежде существовавшихъ въ Россіи книгопечатней, до самаго разрѣшенія учреждать подобныя заведенія частными лицами, снабжала всѣ казенныя типографіи станками, шрифтами и прочими типографскими принадлежностями, даже типографщики въ послѣднихъ или обучались своему ремеслу при Академіи, или же поступали изъ нея. Такимъ образомъ пользовались подобнымъ содѣйствіемъ и помощью въ прошедшемъ вѣкѣ казенныя типографіи морского вѣдомства, московскаго университета, сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, артиллерійская, сенатская.

Заботы Академіи Наукъ о вызовѣ искусныхъ европейскихъ граверовъ и содержаніе значительнаго числа учениковъ, обучавшихся этому искусству, также остались далеко не безплодными. Въ этомъ случаѣ можно смѣло сослаться на авторитетъ такого знатока по исторіи русской гравюры, какъ г. Д. Ровинскій: въ его трудѣ указаны дѣйствительно замѣчательные русскіе граверы, изучавшіе свое искусство при Академіи Наукъ и оставившіе множество произведеній, которыя любопытны или для исторіи своего времени, или какъ произведенія искусства. Внѣ Академіи въ тогдашнее время издавались въ Россіи только однѣ лубочныя картинки или такія гравюры, которыя, по исполненію, не много отличались отъ нихъ. Особенно замѣчательно заключеніе г. Ровинскаго, что впослѣдствіи Академія Художествъ, учрежденная исключительно съ цѣлью развитія искусствъ, „не создала въ продолженіе долгаго періода

времени ни одного дѣйствительно замѣчательнаго русскаго гравера".

У насъ еще мало обнародовано матеріаловъ для исторіи разныхъ ремеслъ въ Россіи, но со временемъ, можетъ быть, откроется, что и въ этомъ отношеніи придется вспоминать о существовавшихъ при Академіи Наукъ мастерскихъ, въ родѣ переплетной, или объ устройствѣ въ Петергофѣ въ 1736—1740 годахъ академическимъ механикомъ Исаакомъ Брюкнеромъ мельницы для шлифованія и обдѣлки камней — той самой, въ которой потомъ обучались ученики, нарочно присланные изъ Екатеринбурга, гдѣ нынѣ, какъ извѣстно, помянутое мастерство производится въ широкихъ размѣрахъ.

Само собою разумѣется, что академики, не получая своевременно содержанія, что было особенно чувствительно въ чужомъ, для нихъ, городѣ, не старались утѣшать себя въ этомъ случаѣ ожидаемыми въ будущемъ плодами отъ подобныхъ учрежденій при Академіи Наукъ, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ возставали противъ ихъ основателя и покровителя Шумахера. Въ 1729 году ученые подавали прошеніе на имя императора Петра II, въ которомъ объясняли, что они считаютъ для себя унизительнымъ распоряженіе президента, въ силу котораго Академія въ отсутствіе его поручена Шумахеру, а этотъ распоряжается академическими деньгами такъ, что жалованье получается несвоевременно, и Академія въ долгахъ. Для избѣжанія всѣхъ неустройствъ, академики между прочимъ предлагали выбрать изъ среды ихъ директора и ходатайствовали объ утвержденіи академическаго регламента. Прошеніе ученыхъ было оставлено безъ послѣдствій, и при воцареніи императрицы Анны Академія оставалась въ прежнемъ положеніи. Для показанія своей заботливости о ней, а также и для поддержанія ученаго учрежденія въ предѣлахъ подчиненности, Блюментростъ, конечно по внушенію Шумахера, далъ составленныя послѣднимъ инструкціи, въ которыхъ подробно излагались всѣ обязанности какъ ученыхъ, такъ и служившихъ при Академіи лицъ.

18 іюля 1733 года назначенъ въ Академію Наукъ новый президентъ баронъ Германъ Кейзерлингъ, бывшій нѣкогда, по увѣренію Рюльера, самъ профессоромъ Кенигсбергскаго университета. Пользуясь значительнымъ вліяніемъ при дворѣ императрицы Анны, онъ поспѣшилъ употребить его въ дѣло для

Академіи Наукъ и 17 сентября 1733 года представлялъ этой государынѣ, что затрудненія по хозяйственной части ученаго общества произошли отъ учрежденія при ней Академіи Художествъ, „которая, кромѣ показанныхъ по сіе время Академіи Наукъ услугъ, особливо нѣсколько учениковъ россійской націи представить можетъ, которые уже многія похвалы достойныя пробы своего искусства учинили... но понеже, кромѣ полной выдачи впередъ денегъ, всѣ другія учрежденія, какъ профессоровъ, такъ и прочихъ при Академіи обрѣтающихся служителей, которые на сей годъ еще ничего не получили, удовольствовать и ихъ жалобъ прекратить не могутъ, то принужденъ я ваше императорское величество о состоящей въ тридцати тысячахъ рубляхъ суммѣ всенижайше просить, дабы всякому подлежащее его жалованье выдано и понынѣ происходившія жалобы вдругъ пресѣчены были". Кейзерлингъ былъ въ большей силѣ при дворѣ, чѣмъ Блюментростъ, который просилъ единовременное пособіе Академіи въ меньшихъ размѣрахъ и не получилъ его: императрица на докладѣ Кейзерлинга написала „вышеозначенную сумму 30.000 рублей отпустить изъ штатсъ конторы".

Кейзерлингъ, получивъ въ концѣ того же 1733 г. другое назначеніе, оставилъ Петербургъ, и мѣсто его занялъ, съ 18 сентября 1734 года, баронъ Корфъ съ титуломъ главнаго командира Академіи Наукъ. И этотъ начальникъ, подобно своимъ предшественникамъ, пытался о приведеніи хозяйственной части Академіи въ лучшее положеніе. Первое представленіе его по этому предмету сдѣлано Сенату 7 марта 1735 года. Противъ петровскаго проекта устава Академіи главнѣйшая разница заключалась въ прибавкѣ „одного профессора древностей восточныхъ, потому что, ради сосѣдства и великаго союза восточныхъ народовъ съ нами, о семъ ученіи паче всѣхъ прочихъ стараться надлежитъ".

Что касается до штата, то, по исчисленію барона Корфа, на содержаніе Академіи было необходимо 64.086 рублей.

Любопытно, что въ объяснительной запискѣ, приложенной при штатѣ, баронъ Корфъ косвенно опровергаетъ мнѣніе академиковъ на счетъ ненадобности при Академіи заведеній по части художествъ и ремеслъ, а также обширной канцеляріи.

Сенатъ, разсмотрѣвъ представленіе барона Корфа, 30 іюля 1735 г. подалъ докладъ императрицѣ Аннѣ, въ которомъ со-

кратилъ исчисленія начальника Академіи болѣе чѣмъ на десять тысячъ рублей. Докладъ этотъ оставался неутвержденнымъ, а потому начальникъ Академіи, 22 октября 1736 года, снова напоминалъ о томъ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ: „ежели Академія скорой помощи не получитъ и не приведена будетъ въ надлежащее и опредѣленное состояніе, то имѣетъ она безъ сомнѣнія разрушиться, и толь многія тысячи купно съ оною честію, которую Академія у иностранныхъ себѣ получила, пропадутъ безъ всякія пользы...“ Послѣ этого ходатайства хотя не послѣдовало опредѣленія о штатѣ Академіи, однако ей было выдано единовременно 10.000 рублей. Это пособіе не поправило хозяйственной части ея, такъ что въ псловинѣ слѣдующаго 1737 года слѣдовало выдать въ жалованье и на содержанье заведеній 34.125 руб. 28 коп., но ихъ не имѣлось, почему въ томъ году дѣйствительно уплачено было только 3001 руб. $40^2/_3$ коп. Баронъ Корфъ повторилъ прежнія представленія въ императорскій кабинетъ, который, попрежнему, не предпринявъ ничего рѣшительнаго въ отношеніи академическаго штата, разрѣшилъ 30 іюля 1737 года выдать единовременно еще 20.000 рублей.

Въ апрѣлѣ 1740 года баронъ Корфъ пересталъ быть начальникомъ Академіи, не дождавшись утвержденія составленнаго при немъ устава ея. Назначенному вмѣсто него президенту Бреверну возвращенъ былъ изъ кабинета проектъ его предмѣстника со всѣми слѣдующими приложеніями, съ тѣмъ, чтобы „наипаче всего смотрѣть, дабы оный (штатъ) въ порядочное состояніе приведенъ и довольною на содержаніе Академіи суммою снабденъ былъ, а никакихъ бы излишнихъ расходовъ не было“.

По предписанію кабинета, Бреверпъ потребовалъ мнѣній объ академическомъ уставѣ отъ академиковъ, и старѣйшій и опытнѣйшій изъ нихъ Гольбахъ (который исполнялъ долгое время обязанности конференцъ-секретаря), представилъ отзывъ, тѣмъ болѣе любопытный, что въ немъ есть много тонкихъ чертъ, рисующихъ тогдашнее академическое управленіе. Несмотря на краткое существованіе Академіи, правители ея, изъ личныхъ расчетовъ, старались водворять тамъ канцелярскіе взгляды на науку и ея представителей, тогда какъ ученое общество и по цѣли и по назначенію своему должно быть освобождаемо отъ оковъ бюрократизма именно потому, что

послѣдній, требуя безмолвнаго повиновенія и распложая бумагомараніе, охотно благопріятствуетъ бездарности и посредственности и смотритъ враждебно на дарованія и заслуги, какъ на качества, дающія право стоять выше притязаній самовластія и произвола.

Бревернъ, очевидно, находившійся подъ вліяніемъ Шумахера, большого охотника до канцелярскихъ порядковъ Академіи, оставилъ безъ вниманія мнѣніе Гольдбаха; напротивъ того, въ представленіи своемъ о новыхъ штатахъ, 16 марта 1741 года, прежде всего доказывалъ императорскому кабинету о полезности, необходимости и удобствѣ для Академіи отъ присоединенія къ ней художествъ и ремеслъ, а также отъ множества канцелярскихъ служителей. О мѣрахъ, чтобы возвысить значеніе Академіи въ ученомъ свѣтѣ и облегчить ей возможность имѣть въ средѣ своей людей дѣйствительно ученыхъ и извѣстныхъ своими заслугами, объ этомъ Бревернъ, подобно своимъ предшественникамъ, не распространялся, но краснорѣчиво указывалъ, что Академіи Наукъ на содержаніе слѣдуетъ ассигновать не менѣе пятидесяти тысячъ въ годъ и, сверхъ того, двадцать тысячъ единовременно для расплаты долговъ.

Представленіе Бреверна осталось безъ исполненія. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ уволенъ отъ званія президента Академіи Наукъ, а въ концѣ года на престолъ вступила императрица Елизавета Петровна.

Если теперь обратиться отъ внѣшней исторіи Академіи Наукъ къ ученой ея дѣятельности въ разсматриваемый періодъ времени, то и здѣсь найдется много такихъ явленій, которыя состояли болѣе или менѣе въ связи съ окружавшею ученое общество дѣйствительностью, а иногда даже принуждены были подчиняться ей. Для безпристрастнаго сужденія о прошедшемъ, давно уже отжившемъ, не лишне указать на подобныя явленія тѣмъ болѣе, что они рѣдко принимаются въ соображеніе при общей оцѣнкѣ дѣятельности Академіи Наукъ.

Когда изъ Петербурга просили Христіана Вольфа содѣйствовать къ приглашенію ученыхъ во вновь открывавшуюся здѣсь Академію Наукъ, то германскій мыслитель, понимая всѣ трудности, неизбѣжно имѣвшія встрѣтиться при добросовѣстномъ выполненіи такого порученія, откровенно писалъ (26 іюня 1723 г.) Блюментросту, что было бы легче и можетъ быть полезнѣе для Россіи основать вмѣсто Академіи Наукъ универ-

ситетъ, такъ какъ скорѣе можно отыскать способныхъ наставниковъ, чѣмъ ученыхъ, пріобрѣтшихъ извѣстность своими трудами, и что если настаивать на учрежденіи именно Академіи, то можетъ тоже случиться, что случилось уже съ берлинскою, которая въ ученомъ свѣтѣ извѣстна только по имени. Но это предложеніе Вольфа не нашло себѣ сочувственнаго отголоска въ Петербургѣ, и тогда германскому философу ничего не оставалось, какъ хлопотать о вызовѣ ученыхъ людей, изъ которыхъ должна была составиться Академія. Какъ добросовѣстно исполнялъ онъ принятое имъ на себя порученіе, лучше всего видно изъ письма графа А. Головкина въ январѣ 1724 г.: „г. Вольфъ, писалъ онъ тогда, чрезвычайно строгъ относительно рекомендацій, что происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только ученое общество и требуетъ наибольшихъ заслугъ и извѣстности въ желающихъ вступить въ учрежденіе, которое должно блистать, а не такихъ лицъ, которыя ищутъ сдѣлаться только профессорами“. Послѣ этого неудивительно, что ученые, приглашенные въ петербургскую Академію Наукъ Вольфомъ, какъ напр. Германъ, Николай и Даніилъ Бернулли, Бильфингеръ, съ самыхъ же первыхъ годовъ ея существованія, успѣли упрочить за нею положеніе, поставившее наше ученое общество на ряду съ подобными учрежденіями въ Европѣ. Органъ ея дѣятельности — академическіе Комментаріи, при появленіи своемъ, встрѣтилъ лестный пріемъ у европейскихъ ученыхъ. Въ 1734 году, когда вышло только три тома этого изданія, Даніилъ Бернулли писалъ къ Эйлеру: „Не могу вамъ довольно объяснить, съ какою жадностью повсюду спрашиваютъ о петербургскихъ мемуарахъ... Желательно было бы, чтобы поспѣшили печатаніемъ ихъ“... Первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были проникнуты тѣмъ же самымъ сознаніемъ въ важности назначенія Академіи, какимъ руководился Вольфъ при избраніи ихъ въ члены ея, и это лучше всего выразилось въ томъ, что молодые люди, которыхъ сочли нужнымъ пригласить съ собою первые члены Академіи, въ качествѣ адъюнктовъ, настолько были далеки въ избранныхъ ими наукахъ и обладали такими дарованіями, что нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлавшись членами нашей Академіи, они, въ свою очередь, пріобрѣли себѣ извѣстность въ ученомъ свѣтѣ, конечно не въ равной степени, но имена всѣхъ ихъ невозможно и нынѣ пройти молчаніемъ въ исторіи тѣхъ

наукъ, которымъ посвящены были ихъ труды. Говоря такимъ образомъ, я разумѣю академиковъ Эйлера, Мюллера, Гмелина, Крафта и Вейтбрехта.

Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ спустя, при выборѣ въ члены Академіи Наукъ стали руководиться не тѣмъ взглядомъ, который такъ блистательно примѣнилъ на самомъ дѣлѣ Христіанъ Вольфъ, но другими, посторонними для науки соображеніями, отчего первоначально пріобрѣтенную извѣстность ученаго общества пришлось долгое время потомъ поддерживать только тѣмъ членамъ его, которые были вызваны къ открытію его или же избраны этими изъ своихъ учениковъ. Какъ на исключеніе изъ этого должно указать на двухъ ученыхъ, вступившихъ въ позднѣйшее время и съ честью носившихъ званіе академиковъ — это Стеллеръ и Рихманъ: одинъ былъ рекомендованъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, другой — графомъ Остерманомъ. Менѣе строгая разборчивость при избраніи въ члены Академіи стала являться прежде всего отъ того, что при этомъ не требовалось мнѣній ученыхъ, что было дѣйствительно и излишне при случаяхъ въ родѣ назначенія въ академики такихъ лицъ, которыя были въ состояніи писать бойко нѣмецкіе стихи на иллюминаціи и фейерверки и сочинять аллегоріи и надписи (Юнкеръ и Штелинъ). Академиковъ, не имѣвшихъ никакой самостоятельности, разумѣется не было надобности спрашивать, что они думали при объявленіи имъ въ конференціи, что число ихъ увеличено, по волѣ начальства, лицами, хотя и не пріобрѣтшими никакихъ правъ на ученыя заслуги, но бывшими одинъ секретаремъ, другой учителемъ дѣтей тогдашняго временщика Бирона (Штрубе де Пирмонъ и Ле-Руа).

Нельзя не замѣтить, что увеличеніе числа академиковъ посредственностями, иногда, впрочемъ, полезными, началось изъ личныхъ расчетовъ правителей Академіи; при чемъ пользовалось не малымъ значеніемъ желаніе угодить сильнымъ міра сего, и черезъ то пріобрѣсть болѣе права на бюрократическое распоряженіе ученымъ учрежденіемъ. Такое желаніе казалось въ тѣ времена столь естественнымъ, что даже не считалось нужнымъ скрывать о томъ. Сигезбекъ назначенъ былъ на каѳедру ботаники потому только, что этого желалъ Лестокъ, имѣвшій, какъ извѣстно, огромное значеніе при дворѣ Елизаветы въ первые годы ея царствованія, и Шумахеръ

наивно писалъ о томъ Эйлеру. Послѣ Сигезбекъ пользовался печальною для нашей Академіи извѣстностью, какъ противникъ открытій Линнея.

При оцѣнкѣ событій болѣе или менѣе удаленнаго времени, гораздо легче рѣшать вопросы о томъ, какъ должно было бы поступать при такихъ-то обстоятельствахъ, чѣмъ объяснять, можно ли было тогда дѣйствовать такъ, какъ теперь по-нашему мнѣнію слѣдовало бы дѣйствовать. Въ первомъ случаѣ обыкновенно болѣе всего имѣются въ виду современные взгляды и убѣжденія хорошо извѣстные, такъ какъ не требуютъ большихъ усилій и трудовъ для ознакомленія съ ними. Совсѣмъ иное дѣло при сужденіяхъ о возможности или невозможности осуществленія какой-нибудь мысли въ данную эпоху: здѣсь уже необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство съ этою эпохою, которое иногда ведетъ къ тому, что позднѣйшія, можетъ-быть, очень возвышенныя соображенія оказываются просто невозможными для старины.

Переписка о вызовѣ ученыхъ для петербургской Академіи Наукъ началась прежде всего приглашеніемъ въ нее самого Вольфа; переписка эта продолжалась довольно долго, но тѣмъ не менѣе кончилась неудачно, такъ какъ германскій философъ постоянно уклонялся принять такое приглашеніе. Суровый климатъ, иная пища, питье — обо всемъ этомъ, кромѣ разныхъ вопросовъ о вознагражденіи и пр., можно встрѣтить упоминанія въ каждомъ письмѣ Вольфа въ Петербургъ. „Кромѣ того, писалъ онъ, наконецъ, 3 іюля 1722 года, еще одинъ главный вопросъ: долженъ ли я приниматься за осуществленіе моихъ мыслей касательно наукъ только въ той степени, въ какой будетъ это угодно современнымъ русскимъ? Въ такомъ случаѣ я, можетъ-быть, буду вынужденъ оставить безъ осуществленія то, что здѣсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, осуществилъ бы, а между тѣмъ другой на моемъ мѣстѣ не можетъ продолжать здѣсь мною покидаемаго“... Вопросъ этотъ становится очень понятнымъ, когда вспомнить, что вскорѣ затѣмъ даже въ Германіи Вольфъ подвергся преслѣдованіямъ суевѣрныхъ піетистовъ, видѣвшихъ въ немъ христіанина, непохожаго на созданный ими, подъ вліяніемъ религіозной нетерпимости, идеалъ. Быть-можетъ, по этимъ отчасти соображеніямъ мыслитель этотъ, несмотря на увѣренія изъ Россіи, что Петербургъ, въ отношеніи просвѣщенія, не уступитъ никакому

германскому городу, уклонился вовсе отъ предложенія пріѣхать туда, что, впрочемъ, не помѣшало ему, какъ сказано уже выше, оказать существенныя услуги нашему ученому обществу.

Извѣстно, что въ петербургской Академіи Наукъ съ самаго основанія ея наиболѣе процвѣтала высшая и прикладная математика, и даже въ такой степени, что безошибочно можно сказать, что нынѣшнее преуспѣяніе математическихъ наукъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ много обязано Академіи Наукъ, такъ какъ Эйлеръ, умирая, оставилъ семь даровитыхъ послѣдователей своихъ, считавшихъ за честь себѣ называться его учениками и бывшихъ не только кабинетными учеными, но и лучшими наставниками въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Этотъ успѣхъ математическихъ наукъ въ Россіи, кажется, не слѣдуетъ приписывать случайностямъ въ родѣ того, что Вольфу удалось убѣдить братьевъ Бернулли ѣхать въ Петербургъ, а эти, въ свою очередь, хлопотали за Эйлера о принятіи его въ нашу Академію, и что, благодаря такому стеченію обстоятельствъ, положено было начало процвѣтанію математическихъ наукъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ цѣлой Россіи. Математика, имѣя дѣло съ умозаключеніями, которыхъ первое условіе опредѣленность и очевидность, въ то же самое время поставлена въ такое счастливое положеніе, что въ ея области можно дѣлать великія открытія, производить перевороты и пр. — все это безъ малѣйшаго соотношенія къ послѣдовательному развитію идей политическихъ и религіозныхъ, которыя имѣютъ такое преобладающее значеніе въ наукахъ политическихъ и историческихъ. Этимъ самымъ легко объяснить, почему величайшіе изъ когда-либо бывшихъ математиковъ, Ньютонъ и Эйлеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ не только оставались вѣрными преданіямъ и мистицизму, но даже печатали произведенія, въ которыхъ пытались защищать ихъ. Поэтому не удивительно, что у насъ математическимъ наукамъ въ прошломъ столѣтіи не могло представляться внѣшнихъ препятствій къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ какъ эти науки, не касаясь ни умственнаго ни политическаго строя современнаго общества, могли даже и въ средѣ, не особенно цѣнившей науки вообще, иногда наглядно показать существенную пользу отъ примѣненія математическихъ знаній на дѣлѣ. И дѣйствительно, знаменитый Эйлеръ, когда

былъ въ Россіи, то, по порученію начальства, отрывался отъ геніальныхъ выкладокъ, чтобы писать разсужденія о чувствительности вѣсовъ для взвѣшиванія монетъ; подавалъ мнѣніе, какъ бы удобнѣе поднять большой московскій колоколъ на колокольню; работалъ также надъ картами русскихъ областей и пр. Кромѣ того, въ математикѣ нуждались наши моряки, въ механикѣ нашъ монетный дворъ и т. д. Все это, въ соединеніи съ изумительными успѣхами математическихъ наукъ въ прошломъ столѣтіи въ Европѣ, было не маловажными причинами къ особенному преуспѣянію у насъ этой важнѣйшей отрасли человѣческихъ знаній. Но едва эти же самыя науки какимъ-нибудь образомъ касались такихъ истинъ, которыя опровергали утвердившіяся съ вѣками воззрѣнія, то распространеніе *ихъ встрѣчало непреодолимыя затрудненія*. Рѣчь Делиля, гдѣ разрѣшался утвердительно вопросъ — вертится, или нѣтъ земля, по-русски печатать нашли невозможнымъ въ 1728 году. Въ 1731 году рѣшительно не смѣли издать, безъ разрѣшенія высшаго начальства, сочиненія о множествѣ міровъ Фонтенеля. Кромѣ этой осторожности въ храненіи утвердившихся, хотя бы и ложныхъ убѣжденій, замѣчалась въ описываемое время подозрительность, которая хотѣла, чтобы и истины, добываемыя путемъ научныхъ изслѣдованій, составляли государственную тайну. Такъ, обвиненія астронома Делиля въ сообщеніи за границу астрономическихъ наблюденій доходили даже до Сената, а между тѣмъ извѣстно, что достовѣрность и полезность подобныхъ наблюденій получается именно чрезъ сравненіе того, что наблюдаемо астрономами въ разныхъ земляхъ.

Академикъ Байеръ, извѣстный знатокъ множества восточныхъ языковъ, неустрашившійся даже предъ трудностями китайскаго языка, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, не принялся, однако, за изученіе русскаго языка и ограничился только тѣмъ, что убѣдилъ Мюллера, тогда еще молодого человѣка, заниматься имъ въ видахъ изученія потомъ русской исторіи. Многихъ удивляетъ это равнодушіе Байера къ языку страны, въ которую онъ переселился. Но едва ли со стороны извѣстнаго оріенталиста и филолога это не было слѣдствіемъ простого расчета, именно, что, потративъ время и усилія на изученіе русскаго языка, онъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, чтобы это знаніе когда-нибудь ему пригодилось, такъ какъ

занятіе въ тѣ времена русскою исторіею для русскихъ сопряжено было не только съ трудностями, но и опасностями. Мюллеръ гораздо позднѣе Байера явился съ своимъ разсужденіемъ о происхожденіи русскаго народа и все-таки не избѣгъ обвиненія едва не въ политическомъ преступленіи. Тотъ же Мюллеръ далъ на нѣкоторое время знакомцу своему Крекшину рукописную тетрадь съ выписками изъ иностранныхъ писателей о Россіи. Такъ какъ въ этихъ выпискахъ былъ между прочимъ разсказъ о томъ, какъ наши великіе князья должны были унижаться предъ татарами, то Крекшинъ подалъ доношеніе на академика съ обвиненіемъ его въ преступленіи по второму пункту, т.-е. въ оскорбленіи величества.

Въ разсматриваемую эпоху въ Академіи Наукъ было очень немного обнародовано матеріаловъ по русской исторіи, но будетъ не справедливо думать, чтобы это происходило по винѣ ученаго общества. 25 апрѣля 1734 года Академія представляла въ Сенатъ, что она „имѣетъ намѣреніе, чтобъ по прикладу другихъ народовъ, которые о исправленіи исторіи отечествъ своихъ тщаніе имѣютъ, обрѣтающихся россійскихъ древнихъ лѣтописцевъ, по приложенной при семъ формѣ, въ печать выдать, не перемѣняя во оныхъ ни нарѣчія, ни матеріи, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя со исторіею свѣтскою никакого союза не имѣютъ, но токмо до духовности касаются, и о которыхъ святѣйшій правительствующій синодъ впредь разсмотрѣть можетъ. А понеже можно надѣяться, что чрезъ сей способъ россійская исторія будетъ приведена современемъ въ лучшую ясность, къ тому жъ и типографіи истая будетъ польза и народу чтеніемъ оныхъ пріятное упражненіе, того ради правительствующаго сената Академія Наукъ покорно проситъ, дабы соблаговолено было вышереченныхъ россійскихъ древнихъ хронографовъ нынѣ и впредь при Академіи Наукъ въ россійской типографіи печатать, также и продавать по настоящей цѣнѣ“. Сенатъ препроводилъ ходатайство Академіи на заключеніе Синода, и вотъ какое состоялось тамъ по этому предмету опредѣленіе: „Разсуждаемо было, что въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже во оныхъ писаны лжи явственныя. Во которыхъ-де писано то, будто-де царь Иванъ Васильевичъ посылалъ къ цесарю Максимиліану посольство за тѣмъ только, какъ писать къ нему, и какъ

тотъ цесарь славно живетъ. Стоитъ градъ Виденъ надъ превеликимъ моремъ; а тотъ-де градъ стоитъ не надъ моремъ — надъ рѣкою Дунаемъ. И будто все у него златое. Тотъ же цесарь, посадя будто бы того посла въ карету съ собою, говорилъ о нашемъ государствѣ пророческія слова и пр. И другія многія неимѣющія истины, отчего въ народѣ можетъ произойти не безъ соблазна.“ Далѣе слѣдуютъ разсужденія о томъ, что не опредѣлено заранѣе, въ сколькихъ томахъ будетъ заключаться изданіе: „ А изъ приложеннаго для аппробаціи видится, что ихъ будетъ не мало; къ тому же иное и внесть въ нихъ не должно. И если напечатаны, чтобъ были многіе къ покупкѣ того охотники, безнадежно, понеже и штиль единъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту и возымѣли, то первому тому покупку учиня, до послѣдующихъ весьма не приступятъ. Того ради не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какова ущерба“.

Очень можетъ быть, что Мюллеръ, когда бы узналъ о такомъ опредѣленіи, тотчасъ бы покинулъ свои занятія русскою исторіею и принялся бы за что-нибудь другое, но, къ счастію, онъ во время составленія такого опредѣленія былъ уже въ Сибири и усердно изслѣдовалъ тамошніе архивы. По независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ не воспользовался при жизни своимъ громаднымъ собраніемъ матеріаловъ по русской исторіи, такъ что они еще не исчерпаны всѣ и до настоящаго времени.

Пекарскій.

Академія Наукъ при Елизаветѣ Петровнѣ.

(Управленіе Академіею Наукъ и состояніе ея въ 1742—1766 годахъ.)

„Нѣтъ-де у насъ никакого добраго порядку: овладѣли-де все у насъ иноземцы; Бирон-де всѣмъ овладѣлъ!“ Шопотомъ и только между задушевными друзьями велись такія рѣчи въ царствованіе императрицы Анны, потому что тогда не были терпимы въ высшихъ сферахъ русскаго общества выходки противъ нѣмцевъ. Несмотря, однако, на такую сдержанность въ выраженіи непріязненныхъ чувствъ, за границею не было тайною, что въ Россіи гнѣздится недовольство на преобладаніе тамъ

иноземцевъ, и что это чувство не замедлитъ обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ. Объ этомъ узнала также и дочь Петра Великаго: при вступленіи своемъ на престолъ въ первыхъ заявленіяхъ къ народу не было ею забыто напоминаніе о нелюбви къ иноземцамъ и намѣреніи положить предѣлъ вліянію ихъ на дѣла въ Россіи.

Любопытно то обстоятельство, что во Франціи, удаленной, но тѣмъ не менѣе ревниво слѣдившей за усиливавшимся значеніемъ Россіи, какъ державы европейской, во Франціи довольно вѣрно угадывали, что съ возвращеніемъ Россіи къ до-петровскимъ порядкамъ она неизбѣжно утратитъ это значеніе и снова сдѣлается безучастною къ событіямъ, совершавшимся въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако французы глубоко заблуждались, полагая, что возвращеніе къ старинѣ очень легко и удобно произвести въ Россіи посредствомъ удаленія отъ вліянія на дѣла иноземцевъ въ родѣ графа Остермана. Подобная мысль, очевидно, могла возникнуть только отъ неяснаго пониманія значенія того, что происходило въ Россіи съ XVII столѣтія. Совершавшійся тамъ переворотъ подготовлялся сыздавна, и въ немъ, стало быть, отдѣльныя личности могли только способствовать ему, но никакъ не противодѣйствовать съ успѣхомъ новому порядку вещей.

Лучшій примѣръ тому — Петръ Великій: несмотря на всю геніальность этого государя, переворотъ въ Россіи созданъ не имъ; онъ только вѣрно угадалъ его и приступилъ къ осуществленію скорѣе и рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ.

По этой же самой причинѣ императрица Елизавета, лично, можетъ быть, предубѣжденная противъ многаго, что дѣлалось въ государствѣ со временъ царствованія ея отца, послѣ вступленія своего на престолъ, должна была поддаться потоку, увлекшему Россію на путь преобразованій и заимствованій. Новая государыня, чтобы удержаться на высотѣ, на которую возвело ее счастливое сцѣпленіе обстоятельствъ, явилась продолжательницею того, что такъ ясно и опредѣлительно выразилось въ дѣятельности русскаго правительства со временъ Петра Великаго. При такомъ положеніи дѣлъ иноземцы, которыхъ этотъ государь охотно призывалъ въ Россію, такъ какъ мудро умѣлъ пользоваться ими для достиженія разныхъ цѣлей на пользу и благо Россіи, иноземцы должны были пригодиться и при императрицѣ Елизаветѣ, почему большая часть изъ нихъ

спокойно осталась у насъ, и исключенія были сдѣланы въ отношеніи только навлекшихъ на себя по разнымъ причинамъ личное неудовольствіе новой императрицы.

Впрочемъ, прежде чѣмъ государство успокоилось отъ внезапныхъ перемѣнъ въ высшемъ правительствѣ, въ народѣ не прошло безъ проявленій ненависти къ порѣшенной бироновщинѣ. Надежда на легкую поживу, разгулъ и опьяненіе — эти неразлучные спутники всякаго государственнаго переворота — имѣли въ такихъ проявленіяхъ немаловажную долю участія. Жившіе въ Россіи нѣмцы приходили тогда въ непритворный ужасъ. „Всѣ мы, чужеземцы, писалъ секретарь саксонскаго посольства изъ Петербурга, 9 декабря 1741 года, живемъ здѣсь постоянно между страхомъ и надеждою, такъ какъ отъ солдатъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе наглыми, слышны только угрозы, и надобно приписать Провидѣнію, что до сихъ поръ не обнаружились ихъ злыя намѣренія.“ Или 12 декабря 1741 года: „Все дѣло было начато чернью, и недостаточно цѣлой тетради для описанія наглости ея, и потому мы, бѣдные иноземцы, трепещемъ и дрожимъ здѣсь, особенно, когда извѣстно, что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвращенные.

... 18 апрѣля 1742 г. на адмиралтейской площади подъ качелями офицеры изъ иностранцевъ хотѣли разнять солдатъ, подравшихся съ разнощикомъ, но тѣ кинулись на офицеровъ и послѣдніе принуждены искать спасенія въ сосѣднемъ домѣ. Солдаты начали его осаждать, грабя и разбивая тамъ посуду, а народъ внизу кричалъ: „надобно иноземцевъ всѣхъ уходить!“ Въ русскомъ лагерѣ противъ шведовъ, 12 мая того же года, возникло также волненіе между русскими солдатами, и они было уже начали арестовывать офицеровъ съ иностранными фамиліями, подозрѣвая ихъ въ измѣнѣ. И при этомъ случаѣ слышались крики: „надобно нѣмцевъ всѣхъ побить!...“

Не одни солдаты и чернь выказывали въ первые мѣсяцы царствованія Елизаветы намѣреніе раздѣлаться съ нѣмцами: въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ ту эпоху разными проповѣдниками въ церквахъ, раздавались ярыя выходки противъ недавнихъ властителей. „Доселѣ дремахомъ, говоритъ, напр., Флоринскій въ своей проповѣди 18 декабря 1741 года, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Мюнихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіи, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключи-

шася, сія бо имъ обѣтова сатана... Что же Остерманъ и Мюнихъ съ своими соузники таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ сіи доводы“... Другой проповѣдникъ, Амвросій Юшкевичъ, тогда же долгомъ счелъ въ своей проповѣди, между прочимъ, такъ отозваться объ иноземцахъ: „Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ гдѣнибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его...“

Послѣ подобныхъ выходокъ, возбуждавшихъ не только толки, но и надежды раздѣлаться такъ или иначе съ иноземцами, нисколько не покажется удивительнымъ, что къ этому именно періоду времени относятся доношенія на академическаго совѣтника Шумахера отъ состоявшаго при инструментальной мастерской въ Академіи Наукъ Нартова, астронома Н. І. Делиля и нѣсколькихъ академическихъ переводчиковъ, студентовъ и канцелярскихъ служителей. Кромѣ казнокрадства и превышенія власти, Шумахеръ обвинялся еще ими въ гоненіи русскихъ ученыхъ и учащейся русской молодежи, покровительствѣ иноземцевъ и т. д. Нельзя не признать, что время къ подачѣ такихъ доношеній было избрано чрезвычайно удачно, и на первыхъ порахъ они произвели свое дѣйствіе: 30 сентября 1742 года послѣдовало повелѣніе императрицы Елизаветы удалить Шумахера отъ должности съ преданіемъ суду, а Нартову поручено правленіе дѣлъ Академіи Наукъ. При Петрѣ Великомъ Нартовъ былъ извѣстенъ какъ искусный въ своемъ мастерствѣ токарь. Потомъ это имя сохранилось въ нашей исторической литературѣ по запискамъ, подъ заглавіемъ „Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго“.

Служба Нартова началась съ 1709 года въ Москвѣ, гдѣ на Сухаревой башнѣ онъ завѣдывалъ токарными инструментами послѣ мастера Блеера. Въ 1712 году онъ переведенъ въ Петербургъ въ токарную царя, большого охотника и знатока этого мастерства. По собственному разсказу Нартова, онъ 30 іюня 1718 года былъ отправленъ сначала въ Берлинъ „отъ лица царскаго съ дарами и съ нѣсколькими великорослыми солдатами къ королю прусскому“. Послѣдній принялъ его очень ласково и выказывалъ большое удовольствіе за табакерку съ

портретомъ царя, которую онъ точилъ самъ. Когда Нартовъ впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ Петру, то послѣдній сказалъ: „я зналъ, что работа наша королю пріятнѣе золота: онъ таковъ, какъ и я — роскоши и мотовства не любитъ“.

„Путешествіе Нартова, продолжаетъ онъ разсказывать, въ Парижѣ и Лондонѣ по повелѣнію государеву было ради того, дабы пріобрѣлъ онъ вящшіе успѣхи въ механикѣ и математикѣ, а притомъ, чтобъ сдѣлалъ тамъ для собственнаго упражненія его величества токарныя махины, которыя понынѣ въ сохраненіи находятся въ санктпетербургской кунсткамерѣ, съ вырѣзаніемъ на каждомъ станкѣ имени сего россійскаго механика; сверхъ того поручено ему было въ Лондонѣ домогаться получить свѣдѣнія о нововымышленномъ лучшемъ пареніи и гнутіи дуба, употребляющаго на корабельное строеніе, съ чертежомъ потребныхъ къ сему печей, и собрать въ обоихъ мѣстахъ для любопытства монарха сего лучшихъ художниковъ физическихъ инструментовъ, механическія и гидравлическія машины...“ Когда Нартовъ уѣзжалъ изъ Парижа, то президентъ тамошней Академіи Наукъ, аббатъ Биньонъ, по просьбѣ его, далъ ему рекомендательное письмо къ царю. Здѣсь, послѣ похвалъ успѣхамъ Нартова во всемъ, что касается токарнаго искусства, говорилось о немъ: „Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлить и не возъимѣете ваше величество случая каяться въ иждивеніяхъ, правдиво королевскихъ, которыя вы изволили чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которыя ему потребны“... Затѣмъ слѣдуютъ похвалы сработанныхъ Нартовымъ медалей. Послѣдній къ этому прибавляетъ: „государь велѣлъ письмо сіе перевесть, и нѣкогда отправляющимся по указу его въ чужіе края для обученія наукъ и художествъ россіянамъ: Еропкину, Хрущеву, Земцову, Овсову, Матвѣеву, Захарову и Меркурьеву прочесть, сказавъ имъ: „желаю, чтобъ и вы съ такимъ же успѣхомъ поступали“.

Уже по смерти Петра Великаго, именно 13 августа 1725 года, императрица Екатерина I приказала Нартову „сдѣлать тріумфальный столбъ, на которомъ будутъ изображены его вѣчно достойныя блаженныя памяти Императорскаго Величества баталіи“. Нартовъ для выполненія этого повелѣнія требовалъ къ себѣ различныхъ мастеровъ; подготовительныя работы для

этого памятника дѣйствительно были начаты, но онъ никогда оконченъ не былъ.

О занятіяхъ Нартова въ первую половину царствованія императрицы Анны такъ объяснялъ самъ въ одномъ изъ своихъ прошеній: что онъ „въ минувшемъ 1733 г. августа дня, по именному указу пожалованъ въ ассесоры въ Москву въ монетную канцелярію, въ которой и служилъ по 1736 г. и немалый казенный траченый интересъ усердными его трудами и вѣрною службою на монетныхъ дворахъ имъ отысканъ; да сверхъ же положеннаго на него дѣла отправлялъ и другія дѣла въ литіи большаго колокола и въ прочихъ...“

25 апрѣля 1735 года императрица Анна словесно приказала передать въ Академію Наукъ оставшіеся послѣ Петра Великаго токарные инструменты и разныя недодѣланныя на нихъ вещи, которыя до того времени хранились во дворцѣ, извѣстномъ въ старину подъ названіемъ Итальянскаго дома. Между сданными въ Академію предметами былъ неоконченный тріумфальный столбъ, о которомъ говорено выше. Тогдашній начальникъ Академіи Наукъ, баронъ Корфъ, былъ увѣренъ, что этотъ столбъ „безъ ассесора Нартова въ совершенство приведенъ быть не можетъ“, почему и ходатайствовалъ объ опредѣленіи Нартова при Академіи „къ токарнымъ станамъ“. Такимъ образомъ петровскій токарь и механикъ сталъ состоять при ученомъ учрежденіи и завѣдывать учениками токарнаго и механическаго дѣла и слесарями.

19 мая 1741 года Сенатъ далъ знать академической канцеляріи, что Нартовъ, по представленію артиллерійской канцеляріи, „за оказанное въ сверленіи пушекъ полезное искусство“, произведенъ въ коллежскіе совѣтники съ годовымъ жалованьемъ по 1200 руб. въ годъ и единовременною наградою въ 1500 руб. Это повышеніе подало Нартову поводъ къ подачѣ въ Академію Наукъ предложенія, въ которомъ онъ ссылался на сенатскій указъ 28 іюля 1741 года объ учрежденіи при Академіи „экспедиціи лабораторіи, механическихъ и инструментальныхъ наукъ“, и настаивалъ на производствѣ жалованья состоявшему при немъ для письменныхъ дѣлъ канцеляристу. Академическій совѣтникъ Шумахеръ отвѣчалъ Нартову указомъ, что до новаго штата нельзя дѣлать никакихъ новыхъ назначеній о жалованьѣ. Въ слѣдующемъ 1742 году Шумахеръ относительно Нартова пошелъ далѣе и распоря-

дился вовсе не выдавать назначеннаго ему жалованья на томъ, во-первыхъ, основаніи, что полученной на Академію суммы не достало на удовлетвореніе академиковъ и прочихъ служащихъ, во-вторыхъ, потому, что повелѣніемъ императрицы Елизаветы запрещено продолжать всѣ денежныя назначенія предшествовавшаго правленія безъ подтвержденія ихъ новаго императрицею. Нартовъ на этотъ указъ жаловался Сенату, который потребовалъ объясненія отъ Шумахера. Академическій совѣтникъ въ отвѣтѣ распространялся, что Нартовъ не исполнилъ главную свою обязанность относительно тріумфальнаго столпа въ память славныхъ дѣлъ Петра Великаго: „сего великаго и важнаго дѣла не только не окончалъ, но и чрезъ шесть лѣтъ онаго не начиналъ; а между тѣмъ трудился на артиллерію въ сверленіи пушекъ и на партикулярныхъ людей дѣлалъ новыя вещи и старыя обрѣтающимися въ его вѣдомствѣ академическими служительми починивалъ, не спрашиваясь Академіи Наукъ...“ Шумахеръ также доказывалъ, что Нартовъ пожалованъ совѣтникомъ не въ ученое учрежденіе: „ибо, не зная чужестранныхъ языковъ и свободныхъ наукъ, въ Академіи Наукъ быть не можно, а инструментское дѣло есть художество, равно какъ литье колоколовъ, сверленіе пушекъ ручная работа, а до высокихъ и свободныхъ наукъ нимало не касается“. Донесеніе обо всемъ этомъ Шумахеромъ было отправлено въ Сенатъ 24 августа 1742 года, но оно осталось втунѣ, такъ какъ Нартовъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ находился тогда дворъ, и, пользуясь неостывшимъ еще негодованіемъ противъ чужеземцевъ, успѣлъ настолько, что Шумахеръ, какъ упомянуто выше, отданъ подъ судъ, а онъ занялъ его мѣсто.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей о Нартовѣ не трудно убѣдиться, что это былъ довольно искусный токарь, смыслившій и въ пушечномъ дѣлѣ; но что ни по своему образованію ни по дарованіямъ онъ никакъ не могъ удержаться во главѣ правленія ученымъ обществомъ.

Отсутствіе всякаго пониманія о научной дѣятельности и значеніи ея не замедлило обнаружиться у Нартова: вообразивъ, что въ произведеніяхъ и работахъ ея членовъ найдется что-нибудь такое, что имѣетъ соотношеніе съ государственными тайнами, Нартовъ велѣлъ опечатать архивъ академической канцеляріи, гдѣ хранились всѣ бумаги, касающіяся исключительно ученой переписки академиковъ. Само собою разумѣется,

что такое распоряженіе съ самыхъ первыхъ дней правленія Нартова возстановило противъ него ученыхъ, и они систематически противились тому, что онъ ни требовалъ отъ нихъ. Такъ однажды въ академической канцеляріи состоялся указъ къ академикамъ о разсмотрѣніи описанія сѣверной части Казанцова. Указъ носилъ секретарь канцеляріи Волчковъ, который долженъ былъ вернуться съ нимъ обратно, такъ какъ, по его словамъ, академики указа „не приняли, да сказали, чтобъ и впредь указовъ къ нимъ не присылать, а писать бы сообщеніемъ или партикулярными письмами отъ г. совѣтника Нартова, въ которыхъ бы г. совѣтникъ при концѣ подписывался своею рукою: вашего благородія покорный слуга. „Сіе сказалъ мнѣ, прибавлялъ Волчковъ, профессоръ Вейтбрехтъ съ такимъ словомъ, что канцелярія — хвостъ, а конференція профессорская — глава Академіи Наукъ". Другіе академики требовали, чтобы бумаги изъ канцеляріи присылались съ нѣмецкимъ переводомъ, „понеже они россійскаго языка не знаютъ". Любопытно то, что и Ломоносовъ, повидимому, державшій сторону Нартова противъ иноземныхъ ученыхъ, также открыто заявлялъ, что не считаетъ себя въ подчиненіи канцеляріи, и когда послѣдняя потребовала его для перевода помянутаго описанія Казанцева, то онъ рѣшительно объявилъ, „что въ Академію не идетъ, секретаря Волчкова не слушаетъ".

Послѣ этого Нартовъ долгомъ счелъ въ ноябрѣ 1742 года войти съ жалобою въ слѣдственную комиссію, производившую розысканія по доношеніямъ на Шумахера. Здѣсь прописывалось, что онъ съ самаго своего вступленія въ управленіе Академіею, т.-е. съ 4 ноября 1742 года, встрѣчаетъ противодѣйствіе отъ ея членовъ, которые отказываются принимать отъ него указы и не пишутъ донесеній въ канцелярію. „Понеже по дѣламъ старыхъ лѣтъ видно, что прежніе профессоры, нынѣшнихъ при Академіи наукъ обрѣтающихся профессоровъ учители, а именно: Бернулли, Лейтманъ, Байеръ, Бильфингеръ и другіе, по вступленіи своемъ въ Академію Наукъ, о новыхъ своихъ обрѣтеніяхъ и о прочихъ до народной и собственной пользы касающихся дѣлахъ и должности ихъ главнаго и всегда въ канцеляріи наукъ присутствовавшаго командира репортовали. А нынѣшніе профессора, какъ по тѣмъ же старыхъ лѣтъ текущимъ въ канцеляріи Академіи Наукъ дѣламъ видно, что уже третій годъ канцелярія о обрѣтеніяхъ и другихъ въ государ-

ственную пользу дѣлахъ должности своей и ни о чемъ не репортуетъ... А по указамъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, къ присутствующимъ и команду имѣющимъ въ канцеляріяхъ всякое почтеніе имѣть должно, ибо оные профессоры контракты свои получаютъ, въ профессоры опредѣляются и жалованье получаютъ по указамъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ, а не отъ конференціи своей...“ Комиссія оставила безъ уваженія жалобу Нартова, вѣроятно, потому, что сама была убѣждена въ неспособности его управлять Академіею Наукъ.

Такую же неудачу испытали представленія Нартова относительно улучшенія положенія Академіи Наукъ. Въ первомъ томѣ настоящаго труда, при общемъ обозрѣніи событій въ Академіи, было уже говорено о жалкомъ положеніи, въ которомъ находилась хозяйственная и денежная часть ученаго общества при императрицѣ Аннѣ и въ послѣдующія за тѣмъ правленія. Въ первые годы царствованія Елизаветы такое положеніе оставалось безъ измѣненія, и иногда проходилъ слишкомъ годъ безъ получанія жалованья служащими при Академіи лицами. Нартовъ 11 ноября 1742 года представлялъ въ контору правительствующаго Сената, что всѣ эти лица „съ самаго ихъ вступленія въ академическую службу всегда получали жалованье съ большими задержками, а иногда вмѣсто него, за неимѣніемъ денегъ, выдавалось имъ книгами, отчего служившіе въ Академіи терпѣли съ семействами большіе убытки и пришли въ убожество.

На первый разъ Нартовъ не могъ придумать другого средства, какъ ходатайство объ уплатѣ Академіи должныхъ ей изъ Сената денегъ 7902 руб. за печатаніе съ 1734 года разныхъ указовъ, манифестовъ и пр.

На это ходатайство Нартова не обращено было никакого вниманія, и во второй половинѣ 1743 года недостатокъ въ Академіи денегъ былъ до такой степени великъ, что служащіе и мастеровые сами стали уже просить о выдачѣ имъ, вмѣсто причитавшагося имъ жалованья, книгъ. Тогда стали отпускать просителямъ экземпляры Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Граціана придворнаго человѣка, даже оды, рѣчи и т. п.

Въ постановленіи академической канцеляріи 30 апрѣля 1743 года значилось, что въ академическомъ книжномъ складѣ много накопилось не проданныхъ разныхъ русскихъ книгъ, а также

и иностранныхъ, присылавшихся въ Академію отъ заграничныхъ ея корреспондентовъ. При этомъ случаѣ Нартовъ съ своимъ секретаремъ Волчковымъ придумалъ представить Сенату разрѣшить обязательную продажу русскихъ книгъ по всему государству не только въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, но и служащимъ, какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, которые обязывались волей-неволей покупать въ Академіи книгъ на 5—6 рублей съ каждой получаемой ими сотни рублей жалованья; купцы также должны были участвовать въ этой насильственной покупкѣ „по препорціи своего торгу“. Такимъ же точно способомъ Нартовъ предлагалъ сбыть иностранныя книги въ Лифляндіи и Эстляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось прибыльнымъ перепечатать при Академіи нѣкоторыя собранія указовъ, а также изъ выданныхъ въ свѣтъ при Петрѣ Великомъ книгъ гражданской печати, такъ какъ, по свидѣтельству Нартова, „съ охотою купить желаютъ: Іерусалимской исторіи, Пуффендорфовой книги о должности человѣка и гражданина, Квинта Курція Исторіи объ Александрѣ Великомъ, Троянской войны, Езоповыхъ притчей, Эмблематъ, Описаній кавалерскихъ орденовъ въ Европѣ и другихъ... А Академія Наукъ оныхъ книгъ не имѣетъ и по силѣ полученныхъ въ нынѣшнемъ году указовъ безъ позволенія и аппробаціи правительствующаго сената вновь печатать не смѣетъ...“ Нартовъ считалъ также необходимымъ переводить съ латинскаго языка издававшійся тогда Академіею сборникъ ученыхъ разсужденій: Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae: „для пользы россійскаго народа, только одинъ Комментарій въ 1728 году на россійской языкъ переведенъ и всѣ экземпляры сея книги раскуплены. А съ того ни одного Комментарія болѣе на россійскій языкъ не переведено, а печатаются на одномъ латинскомъ языкѣ, отчего россійскимъ, латинскаго языка незнающимъ людямъ никакой прибыли нѣтъ“. Въ заключеніе предположеній предлагалось завести въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Академіи Наукъ типографскую контору и книжную лавку. Сенатъ и на это представленіе Нартову не далъ никакого отвѣта.

Впрочемъ послѣднее обстоятельство нисколько не помѣшало состояться 22 іюня 1743 года въ академической канцеляріи опредѣленію о новыхъ предположеніяхъ, о которыхъ долженствовало Сенату. Въ опредѣленіи сначала говорилось, что Акаде-

мія Наукъ „въ великихъ долгахъ, потому что по смерти Петра Великаго бывшіе Академіи наукъ президенты и прочіе правители присовокупили къ Академіи Наукъ цѣлую Академію Художествъ, а именно: рисовальную, типографію, словолитню, переплетную, фигурную, пунсонную, грыдоровальную палаты, книжную лавку, а притомъ приняли живописцевъ и другихъ многихъ художниковъ...“

Нартовъ уже уволилъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ излишними и безполезными. „А нынѣ въ профессорской конференціи уже усмотрѣно, что одной науки, какъ напр. астрономіи, математики, натуральной исторіи и прочихъ не только по два, но и по три профессора; сверхъ того каждой науки по адъюнкту...“ Канцелярія совершенно въ неизвѣстности, что дѣлается у академиковъ. „Да изъ числа оныхъ же профессоровъ есть два человѣка, а именно Леруа, который былъ учителемъ дѣтей бывшаго герцога курляндскаго и получалъ за то по триста рублей въ годъ, а оттуда опредѣленъ въ Академію съ жалованьемъ по 600 руб. Да другой молодшій профессоръ же Рихманъ находился сперва при Академіи адъюнктомъ, а притомъ, живучи у бывшаго графа Остермана въ домѣ, училъ дѣтей его, а въ 1740 г. опредѣленъ въ Академію профессоромъ и нынѣ жалованья получаетъ по 500 руб. въ годъ. А оба оные, что дѣлаютъ, о наукахъ своихъ въ канцелярію ничего не сообщали; къ тому жъ въ тѣхъ своихъ наукахъ не весьма далеки и во всю свою при Академіи бытность публичныхъ лекцій никогда не читали и ни одного комментарія не издали и ничего знатнаго не сдѣлали...“ Затѣмъ Нартовъ повторяетъ прежнія свои жалобы на непослушаніе ему академиковъ, а въ концѣ предлагаетъ: „всякой науки по одному профессору и адъюнкту оставить, а для обученія имъ членовъ, или учениковъ россійской націи, по проекту... Петра Великаго пожаловать изъ кадетскаго корпуса семь или восемь человѣкъ такихъ кадетовъ изъ шляхетства, которое бы нѣмецкой, французской и латинской языкъ такъ довольно знали, чтобъ ученіе и лекціи профессоровъ разумѣть и отъ часу въ вышнія науки простираться могли; которыхъ кадетовъ можно ободрить довольнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ имъ рангомъ. Достальныхъ же излишнихъ профессоровъ отъ Академіи отпустить...“ Почетнымъ же ея членамъ прекратить производство пенсій.

Образчикомъ тому, какъ рѣшалъ Нартовъ вопросы, касаю-

щіеся наукъ, можетъ служить слѣдующее опредѣленіе, подписанное имъ въ академической канцеляріи 3 ноября 1743 года: „указомъ... повелѣно въ правительствующій сенатъ подать изъ Академіи вѣрное извѣстіе для надзиранія при сочиненіи исторіи блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго изъ ученыхъ достаточный къ тому человѣкъ имѣется ли и кто именно? И по силѣ онаго ея императорскаго величества указу канцелярія Академіи Наукъ приказали: въ правительствующій сенатъ взнесть доношеніе, въ которомъ написать, что при Академіи исторіи имѣется переводчикъ (sic) Иванъ Горлицкій, секретарь Василій Тредіаковскій, изъ которыхъ уповательно, что оные Горлицкій и Тредіаковскій въ томъ надзираніи способными себя учинить могутъ."

Комиссія, назначенная для изслѣдованія дѣйствій Шумахера по управленію ученымъ обществомъ, не находила достаточныхъ уликъ къ его обвиненію, и затѣмъ правительству предстояло рѣшить судьбу Академіи Наукъ. Можно было оставить ее въ завѣдываніи Нартова или другого, ему подобнаго лица, отчего ученое общество было бы несомнѣнно доведено до самоуничтоженія. Даровитые иностранные ученые не хотѣли тамъ оставаться и старались скорѣе покинуть Россію; изъ-за границы не было никакой надежды вызвать новыхъ лицъ, способныхъ замѣстить свободныя каѳедры; а русскихъ ученыхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія рѣшительно не предвидѣлось, такъ какъ Ломоносовъ былъ только извѣстенъ тогда, какъ удачный перелагатель нѣмецкихъ стиховъ Штелина и Юнкера и авторъ нѣсколькихъ, для своего времени замѣчательныхъ одъ; Тредіаковскій, послѣ изобрѣтенія тоническаго размѣра для русскаго стиха, перешелъ къ занятіямъ переводами; Ададуровъ и Тепловъ, оба безспорно способные и образованные люди, не написали однако въ свою жизнь ни одной ученой статьи, — вотъ всѣ, на кого можно было указать, какъ на людей, наиболѣе свѣдущихъ въ наукахъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, а съ ними не могло быть и рѣчи о возможности поддержать блескъ ученаго общества, въ средѣ котораго уже были такія свѣтила науки, какъ: Эйлеръ, Бернулли, Германъ, Гмелины.

Когда въ 1725 году въ Европѣ разнесся слухъ о кончинѣ Петра Великаго, вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ стали толковать, что всѣ преобразованія и мѣры этого государя къ сближенію съ Евро-

пою и къ усвоенію европейскаго просвѣщенія и гражданственности непремѣнно должны рушиться, и что въ Россіи все снова пойдетъ такъ, какъ шло тамъ до Петра. Русское правительство узнало объ этомъ, и первымъ его дѣломъ, для опроверженія такихъ слуховъ за границей, было приказаніе всѣмъ дипломатическимъ представителямъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что мысль Петра Великаго — учредить въ Петербургѣ Академію Наукъ непремѣнно будетъ осуществлена его супругою, и ученымъ, вызваннымъ для основанія ея, повторено приглашеніе пріѣхать въ Россію. Такимъ образомъ, существованіе въ Петербургѣ высшаго ученаго учрежденія служило какъ бы порукою въ продолженіи умственнаго общенія съ Европою, о которомъ мечталъ преобразователь.

Едва ли не по тѣмъ же соображеніямъ Академію Наукъ не сочтено было умѣстнымъ упразднить въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы. 5 декабря 1743 года состоялось повелѣніе, въ силу котораго Нартовъ былъ отстраненъ отъ управленія Академіею Наукъ, съ тѣмъ, чтобы ему „быть у прежняго дѣла, у котораго онъ до отрѣшенія совѣтника Шумахера былъ“. Послѣдній, впредь до назначенія въ Академію новаго президента, возвращенъ былъ тогда къ прежней своей должности.

Такое счастливое окончаніе непріятнаго для Шумахера дѣла возбудило въ немъ бо́льшую противъ прежняго самоувѣренность и охоту самовластно распоряжаться всѣмъ и всѣми въ Академіи. Ученые члены ея скоро примѣтили такое настроеніе совѣтника и пробовали если не сопротивляться, то, по крайней мѣрѣ, представлять ему на видъ всю неумѣстность подобныхъ дѣйствій. Шумахеръ, и прежде привыкшій безотчетно управлять именемъ президентовъ всѣми академическими дѣлами, теперь, когда былъ оправданъ правительствомъ, обходился съ академиками съ возмутительнымъ высокомѣріемъ. Такъ, онъ однажды предписывалъ ученой конференціи, чтобы въ протоколахъ ея не смѣли упоминать его имени безъ полученія на то его согласія. Въ другой разъ, въ письмѣ туда же онъ прямо обругалъ одного изъ старѣйшихъ академиковъ Гмелина. Тогда между совѣтникомъ, съ одной стороны, и академиками съ другой — завязалась горячая переписка, которая служила къ усиленію взаимнаго раздраженія. Ученые, упрекая Шумахера въ разныхъ несправедливостяхъ и непорядкахъ, не оставили

безъ вниманія старанія Шумахера выдвинуть и усилить въ Академіи будущаго своего зятя, Тауберта.

Въ письмѣ 14 іюня 1745 года они такъ писали совѣтнику: „Понеже г. Тауберть при здѣшней Академіи съ молодыхъ лѣтъ воспитанъ, то и намъ его знать надлежитъ лучше, нежели кому иному. То правда, что онъ россійскому, отчасти и французскому языкамъ обученъ, и что онъ въ переводахъ, ежели тщаніе свое приложитъ, нарочитое искусство имѣетъ и онъ бы могъ въ томъ при Академіи служить съ пользою, ежели бы вы его при тѣхъ переводахъ оставляли. А оное знатно, что вашему высокоблагородію для него мало показалось. Вы ему, какъ родственнику своему, титулъ адъюнкта исходатайствовали, котораго однакожъ никто достоинъ быть не можетъ, кромѣ кто въ произведеніи наукъ и обученіи въ тѣхъ наукахъ упражняться можетъ; а потомъ еще ему и титулъ унтеръ-бібліотекаря исходатайствовали, дабы ему по малу и бібліотекарство и канцелярское правленіе получить, и такимъ образомъ оба чина на вашу фамилію наслѣдственными учинить". Шумахеръ не ограничился перебранками на бумагѣ и началъ распространять по Петербургу клеветы противъ ученыхъ. Въ такомъ положеніи послѣдніе, въ іюлѣ 1745 г., обратились къ барону Черкасову съ просьбою о защитѣ ихъ отъ нападокъ академическаго совѣтника: „онъ насъ, писали они при томъ, обноситъ напрасными клеветами только для того, что мы, сколько можемъ, непорядочному его правленію не согласуемся и попеченіе имѣемъ о чести и пользѣ Россійскаго государства и не даемъ ему Академіи въ конецъ разорить..." Того же мѣсяца и года академики подали доношеніе на Шумахера и въ сенатъ. Всѣ обвиненія здѣсь сводились къ тому, что совѣтникъ „всякія дѣла при Академіи, какъ ученыя, такъ и экономическія, хочетъ править одинъ собою въ своей канцеляріи безъ общаго согласія... онъ, совѣтникъ, уже давно къ намъ въ собраніе не ходитъ, но хочетъ присутствовать въ одной канцеляріи и оттуда насъ командировать по своей волѣ..."

Взаимныя пререканія и препирательства обѣихъ сторонъ продолжались въ 1745 году и перешли въ слѣдующій 1746 годъ. Сенатъ по доношеніямъ академиковъ посылалъ запросы къ Шумахеру и велѣлъ произвести ревизію библіотеки и кунсткамеры; но при этомъ нельзя не замѣтить, что правительство затруднялось дать окончательное рѣшеніе въ чью-либо сторону, по-

чему, напр., и вышеупомянутая ревизія не состоялась, за возникшими между академиками и Шумахеромъ новыми столкновеніями.

21 мая 1746 г. состоялось назначеніе въ президенты Академіи Наукъ графа Кириллы Разумовскаго, о чемъ извѣстить академическое собраніе явился 23 мая давно небывавшій тамъ Шумахеръ.

Нельзя не сознаться, что этимъ назначеніемъ императрица Елизавета, съ своей точки зрѣнія, выказала несомнѣнное желаніе добра Академіи и полную готовность содѣйствовать ея преуспѣнію; новый президентъ, если не по рожденію своему, то по брату своему, графу Алексѣю Разумовскому, справедливо могъ считаться тогда однимъ изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ и самымъ близкимъ человѣкомъ къ императрицѣ, стало-быть, имѣвшимъ возможность легко и во всякое время оказывать словомъ и дѣломъ могущественное содѣйствіе процвѣтанію ввѣреннаго ему ученаго общества. Но на дѣлѣ оказалось, что для лица, поставленнаго въ главѣ управленія подобнымъ учрежденіемъ, недостаточны знатность и значеніе, а что президенту Академіи Наукъ необходимы также знанія, склонность къ наукамъ и нѣкоторая доля самоотверженія, потому что заслуги на поприщѣ умственной дѣятельности вообще проходятъ незамѣтными въ средѣ, гдѣ внѣшній лоскъ и блескъ прикрываютъ недостатокъ знаній и полнѣйшее къ нимъ равнодушіе.

Графу Кириллѣ Разумовскому было двадцать два года, когда онъ сдѣлался президентомъ Академіи Наукъ. При господствовавшихъ у насъ въ старину убѣжденіяхъ, каждое лицо, стоявшее во главѣ управленія отдѣльною частію, признавалось отъ всѣхъ полнымъ хозяиномъ и непогрѣшимымъ распорядителемъ судебъ его: воля начальника считалась закономъ, и подчиненные имѣли неуклонно и вполнѣ подчиняться этой волѣ. При такомъ положеніи дѣла могъ ли быть полезенъ высшему ученому обществу новый президентъ? Не далѣе, какъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ, этотъ юноша велъ образъ жизни, свойственный малороссамъ простого званія, и только со вступленіемъ на престолъ Елизаветы братъ его, Алексѣй Разумовскій, сталъ хлопотать объ образованіи своего родственника, для чего отправили его учиться за границу. Здѣсь молодой Разумовскій выучился свободно объясняться по-французски и по-нѣмецки,

но не пріобрѣлъ особенной охоты не только къ наукамъ, но даже къ чтенію. Во время заграничнаго путешествія онъ былъ порученъ „въ смотрѣніе и предводительство“ Григорія Теплова — лица,имѣвшаго свою долю значенія въ событіяхъ изъ русской исторіи второй половины XVIII вѣка. Тепловъ несомнѣнно обладалъ большими дарованіями, зналъ нѣкоторыя науки и готовился было къ ученой карьерѣ: сначала онъ прошелъ тяжолый схоластическій курсъ ученія въ Невской семинаріи, а оттуда попалъ въ студенты Академіи, гдѣ одновременно почти съ Ломоносовымъ получилъ степень адъюнкта. Въ то время, когда Шумахеръ былъ удаленъ отъ дѣлъ, а академиковъ-иноземцевъ тѣснилъ Нартовъ, Тепловъ былъ явно на сторонѣ первыхъ и отзывался съ великимъ презрѣніемъ о всѣхъ русскихъ, недовольныхъ въ Академіи Шумахеромъ.

Этимъ самымъ Тепловъ выказалъ свою проницательность и изворотливость, такъ какъ уже видѣлъ, что владычество Нартова продолжится недолго, почему по возвращеніи къ дѣламъ Шумахера нашъ адъюнктъ очутился въ наилучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Поѣздка за границу съ молодымъ Разумовскимъ сдѣлала то, что Тепловъ съ тѣхъ поръ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на молодого вельможу и управлялъ за него всѣми его дѣлами. Съ наклонностью къ малороссійской лѣни и безпечности, большой любитель женскаго пола и всякой нѣги, графъ Кирилла Разумовскій охотно поддавался вліянію бывшаго своего ментора. Послѣдній тѣмъ болѣе пользовался такимъ настроеніемъ его, что былъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ современныхъ свидѣтельствъ о немъ, въ высшей степени честолюбивъ, имѣлъ влеченіе къ деспотизму и притомъ былъ щедро надѣленъ отъ природы хитростью и пронырливостью. Это - то лицо, по повелѣнію императрицы Елизаветы, 1-го іюля 1746 года было назначено въ академическую канцелярію асессоромъ. Послѣ такого назначенія не трудно было отгадать, что президентъ Академіи Наукъ будетъ только по имени начальникомъ ея, а на дѣлѣ ею будетъ управлять Тепловъ. Это дѣйствительно, такъ и случилось, при чемъ Шумахеръ и Таубертъ, дѣйствовавшіе заодно съ любимцемъ президента и сумѣвшіе встать съ нимъ въ самыя дружескія отношенія, продолжали по-прежнему распоряжаться въ Академіи, какъ главные командиры ея. При первомъ появленіи своемъ въ Ака-

демію, графъ Разумовскій произнесъ къ академикамъ сочиненную, вѣроятно, Тепловымъ рѣчь, замѣчательную тѣмъ, что президентъ говорилъ здѣсь объ Академіи Наукъ, какъ объ ученомъ обществѣ, главнѣйшее назначеніе котораго состояло въ служеніи на пользу и славу Россіи, и что къ осуществленію этой цѣли она преимущественно обязана стремиться. Вообще нельзя не признать, что рѣчь была составлена умно, ловко и соотвѣтственно обстоятельствамъ, какъ вообще большая часть того, что выходило изъ подъ пера Теплова. Вотъ она:

„Почтеннѣйшіе господа! Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая государыня и повелительница, Елизавета Петровна, наша всемилостивѣйшая императрица и самодержица, съ неутомимымъ материнскимъ попеченіемъ старается неустанно споспѣшествовать благу и чести своихъ подданныхъ. Нынѣ она соблагоизволила своимъ высочайшимъ повелѣніемъ назначить меня президентомъ императорскаго общества столько-же ученаго, сколько и славнаго. Такая высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей монархини налагаетъ на васъ, государи мои, на всѣхъ вообще и на каждаго въ особенности, обязанность направлять свои труды къ согласованію ихъ съ мыслію высокоблаженной и достославной памяти Петра Великаго, перваго основателя вашего общества. Меня же эта милость побуждаетъ наблюдать и приводить въ исполненіе точнѣйшимъ образомъ все то, что изъ вашего прилежанія и усердія можетъ быть извлечено на пользу нашего отечества. Не требуется подробныхъ изъясненій, чтобы убѣдить васъ, какъ горячо желаетъ того наша всемилостивѣйшая монархиня, такъ какъ это вы достаточно усматриваете изъ множества до сихъ поръ изданныхъ полезныхъ постановленій и славныхъ распоряженій ея императорскаго величества, которыя служатъ тому подтвержденіемъ и доказательствомъ. Я нахожу одно необходимымъ — это поощрять васъ, государи мои, чтобы отнынѣ же для выполненія своего долга вы обратились со мною къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ наше обширное государство извлекло бы, вмѣстѣ съ славою, и истинную пользу для себя. Это есть первая и важнѣйшая цѣль вашего ученаго общества, для которой оно основано. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что не можетъ быть благороднѣе и прекраснѣе той славы, которая зиждется на благѣ цѣлаго общества. И какъ можетъ не быть славы, когда польза распространится по широкому

русскому государству? Соединеніе таковыхъ двухъ дѣятельностей имѣлъ также цѣлію заботливый монархъ для своего отечества, и въ составленномъ имъ самимъ проектѣ объ основаніи Академіи Наукъ, въ которой въ то же время учрежденъ и университетъ. Итакъ, на эти два главные предмета должны мы преимущественно обратить наше вниманіе, и я твердо убѣжденъ, что ваши всестороннія усилія и стремленія на будущее время будутъ согласоваться, какъ это было и до сихъ поръ, съ волею, мыслями и желаніями нашей всемилостивѣйшей государыни. Я во всякое время буду пользоваться вашими добрыми совѣтами и своею главнѣйшею обязанностью буду считать достиженіе благоденствія этого учрежденія и удовольствованіе каждого его сочлена въ особенности, согласно всемилостивѣйшему намѣренію ея императорскаго величества; при чемъ имѣю основательную надежду, что вы, милостивые государи, моимъ усердіемъ, а я вашимъ содѣйствіемъ будемъ взаимно довольны. Да подастъ Всевышній, чтобы наше единодушіе скорѣе принесло такіе плоды, которые были бы въ состояніи содѣлать насъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ, достойными лестной, высокой милости ея императорскаго величества.“

На эту рѣчь Шумахеръ долгомъ счелъ отвѣтствовать графу Разумовскому отъ имени всей Академіи: „Милостивѣйшій государь! Академія Наукъ, оставшаяся въ продолженіе пяти лѣтъ безъ главы, чувствуетъ истинную радость и полнѣйшее удовольствіе, потому что нынѣ начальникомъ ея поставлены вы, столь знатный господинъ, котораго благородный образъ мыслей обѣщаетъ намъ, что ее скоро увидятъ поставленною на твердомъ и прочномъ основаніи.

„Мы славимъ божеское попеченіе и удивляемся материнской заботливости, выказанной славно царствующею императрицею для возстановленія столь полезнаго учрежденія, которому положилъ основаніе пресвѣтлѣйшій ея родитель, Петръ Великій безсмертныя памяти. Каждый изъ насъ почувствуетъ въ себѣ удовольстіе, милостивѣйшей государь, подъ вашимъ начальствомъ усердно и вѣрно, въ твердой надеждѣ, что Академія Наукъ успѣшнѣйшимъ образомъ достигнетъ желаемой цѣли, которая была предположена славнымъ ея основателемъ, именно: заставить процвѣтать въ его отечествѣ художества и науки и просвѣтить духъ своего народа основательнымъ образованіемъ.

Однимъ словомъ, милостивый государь, мы готовы и обѣщаемся наши труды соединить съ вашимъ попеченіемъ къ тому, чтобы въ этомъ отношеніи привести въ исполненіе благое намѣреніе ея императорскаго величества, дѣянія которой всѣ въ совокупности клонятся ни къ чему иному, кромѣ блаженства ея народовъ".

Не трудно замѣтить изъ этого отвѣта, что Шумахеръ старательно прошелъ молчаніемъ неудовольствія и пререканія, происходившія въ послѣдніе годы въ Академіи Наукъ и, упомянувъ прежде наукъ художества, хотѣлъ тѣмъ самымъ оправдать и поддержать разныя мастерскія, которыя завелъ при Академіи къ великому недовольству ея ученыхъ членовъ. Впрочемъ, послѣдніе готовились также произнести рѣчи при встрѣчѣ въ Академіи юнаго президента и при томъ далеко не въ столь спокойномъ и покорномъ тонѣ, въ какомъ отвѣчалъ Шумахеръ. Удалось ли академикамъ высказаться предъ новымъ президентомъ — неизвѣстно, но проекты ихъ рѣчи уцѣлѣли въ нѣсколькихъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ писанъ рукою академика Мюллера; другой заключается во французской передѣлкѣ его рѣчи; третій списокъ на французскомъ языкѣ съ поправками академика астронома Николая-Іосифа Делиля.

Въ рѣчи, приготовленной Мюллеромъ, послѣ изъявленій удовольствія отъ назначенія президента и всѣхъ возможныхъ пожеланій ему, слѣдовали намеки, которые должны были принять на свой счетъ Шумахеръ и Таубертъ; а именно: „мы вполнѣ убѣждены въ ревности вашего сіятельства ко благу общественному и потому нисколько не страшимся, чтобы ложныя внушенія людей или малосвѣдующихъ, или злонамѣренныхъ могли произвести на васъ самомолѣйшее впечатлѣніе... Ничто для насъ такъ не прискорбно, какъ то, что мы вынуждены при самомъ вступленіи вашего сіятельства въ управленіе представлять вамъ записки, которыя въ состояніи возбудить въ васъ непріятную мысль, что въ Академіи васъ ожидаютъ только труды, изнеможеніе и препятствія, весьма тяжелыя къ преодолѣнію". Впрочемъ, по словамъ Мюллера, это дѣло не представляетъ особенныхъ трудностей, такъ какъ академики уже представляли о всѣхъ непорядкахъ правительствующему Сенату, который и освободилъ ихъ отчасти отъ всѣхъ каверзъ академической канцеляріи. Въ другой редакціи

рѣчи, съ поправками Н. І. Делиля, говорилось, что академики уже и въ предшествовавшія царствованія и въ нынѣшнее жаловались правительству на господство академической канцеляріи и тѣхъ, кои въ ней засѣдаютъ. Назначеніе президента возбуждаетъ въ академикахъ надежду на дарованіе давно желаннаго для Академіи устава. Въ концѣ рѣчи увѣренія въ признательности, довѣренности и почтеніи.

Всѣ эти выраженія надежды и увѣренія въ признательности были потрачены академиками вотще, такъ какъ юнымъ президентомъ, обладавшимъ, впрочемъ, по увѣренію современниковъ, очень добрымъ сердцемъ, вполнѣ овладѣли Тепловъ и Шумахеръ. Они на первыхъ же порахъ постарались показать ученымъ предѣлы своей власти и способы, какъ полагали они примѣнить ее на дѣлѣ. Само собою разумѣется, что при этомъ случаѣ науки, ихъ успѣхи и процвѣтанія — все это отходило на дальній планъ, и усилія стараго совѣтника и новаго асессора направились болѣе къ тому, чтобы академическій корпусъ — какъ тогда выражались — держать въ непрестанномъ опасеніи и безусловной покорности. Горе было тѣмъ изъ ученыхъ, кто осмѣливался тогда думать, что онъ можетъ заниматься избранною имъ наукою, не ища милости и покровительства членовъ академической канцеляріи.

Притѣсненія академиковъ начались съ соблюденія канцелярскихъ формальностей. Такъ, 25 іюня 1746 года, въ академической канцеляріи состоялось уже опредѣленіе, въ силу котораго академику Ле Руа слѣдовало объявить: „дабы онъ впредь о дѣлахъ ея императорскаго величества присылалъ къ его сіятельству на россійскомъ языкѣ репорты на цѣломъ листѣ, а не на полулистѣ формою письма писанные. И притомъ-бы вѣдалъ, что за подписаніемъ его сіятельства посланъ къ нему, профессору, о дѣлахъ гимназіи ордеръ, а не партикулярное письмо. А ежели впредь ему, инспектору гимназіи, или другому кому изъ профессоровъ о дѣлахъ ея императорскаго величества потребно будетъ его сіятельству г. графу и президенту подавать репорты, то бы подавали его сіятельству на цѣломъ листѣ; а въ заглавіи бы писали такимъ образомъ: ея императорскаго величества дѣйствительному камергеру, ордена св. Анны кавалеру и Академіи Наукъ президенту графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому отъ такого именемъ профессора репортъ“.

„По вступленіи новаго президента, разсказываетъ Ломоносовъ, сочиненъ новый статъ, въ коемъ расположеніи и составленіи никово, сколько извѣстно, не было изъ академиковъ участника. Шумахеръ подлинно давалъ сочинителю совѣты, что изъ многихъ его духа признаковъ, а особливо изъ утвержденія канцелярской великой власти, изъ выписыванія иностранныхъ профессоровъ, изъ отнятія надежды профессорамъ происходить въ высшіе чины несомнѣнно явствуетъ...“

Въ позднѣйшихъ разборахъ академическаго устава, Ломоносовъ не разъ указываетъ на Теплова, какъ на составителя его.

„Регламентъ императорской Академіи Наукъ и художествъ“ подписанъ императрицею Елизаветою 24 іюля 1747 года. Это первый уставъ ученаго общества, такъ какъ Петръ Великій не успѣлъ таковаго составить при своей жизни, а въ послѣдующія царствованія Академія управлялась по утвердившимся въ ней обычаямъ и преданіямъ, болѣе же всего по волѣ и усмотрѣнію президентовъ и совѣтника Шумахера.

Участіе Шумахера въ составленіи новаго устава уже замѣтно изъ названія Академіи Наукъ и Художествъ; далѣе, оно всего болѣе выказывается въ частомъ упоминаніи академической канцеляріи и предѣлахъ ея власти, одинаковой, по уставу, президентской. Это сдѣлано именно въ тѣхъ видахъ, что въ жалобахъ академиковъ Сенату часто повторялось, что канцелярія при Академіи не узаконена никакимъ постановленіемъ и что, стало-быть, власть его, присвоенная надъ ученымъ обществомъ, не имѣетъ никакого законнаго основанія.

По уставу 1747 года Академія Наукъ раздѣлена на Академію собственно и на университетъ, и затѣмъ сдѣлано различіе между членами этихъ учрежденій. Ученые, призванные быть членами Академіи собственно, „не только о томъ стараются чтобъ собрать все то, что уже въ наукахъ извѣстно, но и далѣе трудятся въ изобрѣтеніяхъ поступать. Видно по сему, что такіе люди заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобы дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ; чего ради имъ времени мало останется на то, чтобъ обучать другихъ публично. Итакъ, опредѣляются особые академики, которые составляютъ Академію и никого не обучаютъ, кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ, и особливые профессоры, которые учить должны въ университетѣ (пунктъ 1)...“

Въ Академіи учреждено три класса: первый состоялъ только

изъ астрономовъ и географовъ; ко второму — физическому — принадлежали науки: ботаника, натуральная исторія, анатомія и химія; третій — физико-математическій, къ которому относились: физика экспериментальная, механика и высшая математика. Такимъ образомъ, въ новомъ уставѣ Академія Наукъ, вопреки начальной мысли Петра Великаго, имѣла представителей только физико-математическихъ наукъ; исторія же и древности, столь важныя для изученія прошедшихъ судебъ Россіи, отнесены къ университету, гдѣ, стало-быть, онѣ могли преподаваться безъ всякой заботы о дальнѣйшемъ преуспѣяніи тѣхъ наукъ. „Академиковъ должно быть десять, и они собственно симъ именемъ называются, а не профессоровъ; и почетныхъ внѣ государства десять же“. При каждомъ академикѣ полагался адъюнктъ-помощникъ академика. „Ежели когда случай придетъ произвести кого въ академики изъ адъюнктовъ или выписать, то недовольно, чтобъ былъ токмо науки великой человѣкъ, но притомъ чтобъ состоянія былъ честнаго и добраго, какъ изъ россійской, такъ изъ иностранной націи; а притомъ стараться, чтобъ адъюнкты были всѣ изъ русскихъ, и никто какъ въ академики, такъ и въ адъюнкты не можетъ войти, не показавъ ученому свѣту въ чемъ-нибудь своей науки“.

За этотъ, а также и другіе пункты устава, гдѣ говорится о приглашеніи въ Академію иностранныхъ ученыхъ и вообще служащихъ при ней, Ломоносовъ впослѣдствіи укорялъ Теплова: „вредительнѣе всего и поносительнѣе россійскому народу (а напечатанъ регламентъ на иностранныхъ языкахъ), что сочинитель въ должныхъ постоянными быть россійскихъ государственныхъ узаконеніяхъ положилъ быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и въ другихъ должностяхъ и тѣмъ далъ поводъ разсуждать о насъ въ другихъ государствахъ, яко бы не было надежды вездѣ имѣть своихъ природныхъ россіянъ въ профессорахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ должностяхъ за тѣмъ, что смотрѣлъ на настоящее только“...

Въ пунктѣ 19 устава узаконены офиціальными языками для Академіи латинскій и русскій: „а французской никогда употребленъ быть тамъ не долженъ“.

Собранія академическія назначены были по три раза въ недѣлю, по утрамъ отъ 9 до 12 часовъ; чтенія темъ происходили, начиная съ старшаго академика. Особенно замѣчательно

постановленіе, которымъ стѣснялись ученые даже въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Верховнымъ судьею ихъ въ этомъ отношеніи былъ опять президентъ и канцелярія, и отъ воли ихъ зависѣло дать или не дать ходъ тому или другому открытію академика въ области наукъ. 17 пунктъ устава гласилъ: „Новое изобрѣтеніе, которое должно быть напечатано въ Комментаріи академическомъ, не должно быть въ оный внесено безъ позволенія президента, ибо собою академикъ, тѣмъ меньше адъюнктъ ничего опредѣлить не могутъ, о чемъ не позволено будетъ отъ президента, а въ небытность президента отъ канцеляріи“.

Далѣе, въ пунктѣ 37 постановленія объ учебной части: „университетъ есть собраніе учащихъ и учащихся людей. Первые называются профессоры, а другіе студенты. Профессоры не обучаютъ языковъ, но обучаютъ наукъ. Того ради студенты должны уже искусны быть въ языкѣ латинскомъ, дабы лекціи въ наукахъ, которыхъ на иномъ ни на какомъ языкѣ давать не позволяется, какъ токмо на латинскомъ и русскомъ, могли они совершенно разумѣть: сего ради надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучше усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при Академіи, давъ имъ жалованье и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ. А чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ Академію художествъ...“ Въ концѣ устава говорится о разныхъ учрежденіяхъ при Академіи. Первымъ изъ нихъ была канцелярія. На нее встрѣчается столько жалобъ въ прошломъ столѣтіи и противъ членовъ ея возставали тогда такъ часто ученые, что въ настоящемъ трудѣ необходимо дать о ней болѣе точное понятіе. Вотъ какъ Тепловъ считалъ нужнымъ разъяснить въ уставѣ предѣлы власти академической канцеляріи: „канцелярія учреждается по указамъ ея императорскаго величества, и оная есть департаментъ, президенту для управленія всего корпуса академическаго принадлежащій, въ которой члены быть должны по нѣскольку искусны въ наукахъ и языкахъ, дабы могли разумѣть должность всѣхъ чиновъ при Академіи, и въ небытность президента корпусомъ такъ, какъ президентъ

самъ, управлять, чего ради и въ собраніи академиковъ имѣть имъ голосъ и засѣданіе. Въ ней надлежитъ со всѣми иностранными людьми заключать контракты; дѣлать прибавки и убавки, смотря по заслугамъ и достоинству, жалованья; смотрѣть на труды всѣхъ чиновъ, такимъ ли они образомъ и то ли отправляютъ, къ чему контрактами своими обязалися; имѣть сношеніе со всѣми мѣстами о дѣлахъ, до Академіи касающихся, и принимать указы и промеморіи. Однимъ словомъ, ученымъ людямъ и учащимся, кромѣ наукъ, ни въ какія дѣла собою не вступать, но о всемъ представлять канцеляріи, которая должна имѣть обо всемъ попеченіе, наблюдая при томъ цѣлость интереса, порядокъ экономіи и всѣхъ трудовъ пользу, чего ради быть въ ней, кромѣ членовъ, которые имѣютъ ранги коллежскихъ членовъ, секретарю, актуаріусу, коммиссару, регистратору, купчинѣ, лѣкарю съ подлѣкаремъ, переводчику, двумъ канцеляристамъ при россійскихъ дѣлахъ, одному при нѣмецкихъ дѣлахъ и осмерымъ копіистамъ (пунктъ 50)“. По новому уставу расходы по Академіи Наукъ были исчислены въ 53.298 р., стало-быть, вдвое противъ суммы, отпускавшейся на это учрежденіе при Петрѣ Великомъ (24.912 р.). При императрицѣ Аннѣ испрашивалось на Академію сначала 64.086 р., а потомъ 48.900 р. Въ штатѣ при новомъ уставѣ выставлена была валовая сумма, безъ указанія: сколько, на кого и на что слѣдовало расходовать ее. Конечно, это было сдѣлано не безъ намѣренія въ видахъ полученія возможности распоряжаться денежными средствами общества съ большимъ произволомъ. Жалованье академиковъ было разное и увеличеніе его зависѣло вполнѣ отъ воли президента. Обыкновенно академики при началѣ своего вступленія въ это званіе получали 660 руб.; тѣ, которые служили нѣсколько лѣтъ или исполняли какую-нибудь дополнительную должность, имѣли 860 руб. въ годъ; адъюнктамъ назначалось 360 руб. Впрочемъ, изъ этого были исключенія: Гмелину, Мюллеру и Бургаве по контрактамъ, съ ними заключеннымъ, давалось по 1000 руб. въ годъ каждому. Пробывши на службѣ въ Академіи около тридцати лѣтъ, Мюллеръ получалъ изъ Академіи 1700 руб., на которые, по свидѣтельству Шлецера, онъ жилъ въ довольствѣ, не имѣя ни копейки долгу. Ломоносовъ вначалѣ, какъ академикъ, получалъ 660 руб., потомъ 860; сдѣлавшись коллежскимъ совѣтникомъ — 1200; а послѣ награжденія чиномъ статскаго совѣт-

ника — 1875 руб. Кромѣ того, онъ пользовался единовременными денежными выдачами за поднесеніе одъ и другихъ сочиненій; ему были пожалованы крестьяне и земля для фабрики, которая потомъ поддерживалась заказами изъ казны, для чего выдавались впередъ значительныя суммы денегъ. Вотъ почему его современники считали, что онъ сдѣлалъ блистательную карьеру. Такъ, одинъ изъ значительныхъ петербургскихъ купцовъ, В. Коржавинъ, писалъ къ своему брату въ Парижъ, 4 октября 1754 г.: „Г. Ломоносовъ не болѣе какъ пять лѣтъ тебя старе, изъ бѣдной самой фамиліи; никто объ немъ для пищи не старался; всегда хлѣбъ самъ доставалъ и обучаться самъ пятнадцать лѣтъ довольно имѣлъ. А нынѣ, я признаваю, по крайней мѣрѣ 3000 р. и болѣе на годъ достаетъ; честію — Академіи совѣтникомъ; всегда при милости императорской“.

При разсмотрѣніи академическаго устава, утвержденнаго императрицею Елизаветою по представленію гр. Разумовскаго, легко замѣтить, что составителя его мало заботила мысль о преуспѣяніи наукъ, о споспѣшествованіи дальнѣйшаго развитія ихъ и о предоставленіи ученымъ легчайшихъ способовъ къ осуществленію главной и существенной цѣли, для которой учреждаются Академіи Наукъ. Напротивъ того, Тепловъ съ Шумахеромъ, составляя уставъ, увлеклись однимъ помысломъ, видимо преобладавшимъ у нихъ въ каждой, введенной ими въ уставѣ мѣрѣ — это получить для себя возможность безотчетно распоряжаться всѣмъ, что ни касалось Академіи, а затѣмъ поставить какъ можно въ большую зависимость отъ канцеляріи академиковъ. По этимъ-то причинамъ введенъ огромный и совершенно излишній для ученаго общества наличный составъ разныхъ письмоводителей, помощниковъ ихъ, канцеляристовъ, копіистовъ, писчиковъ. Кромѣ типографіи, словолитни, книжной лавки, переплетнаго заведенія, при Академіи Наукъ состояли: архитекторъ, гравировальщикъ портретовъ, гравировальщикъ литеръ, живописецъ и инвенторъ, рѣзного дѣла мастеръ, механикъ для дѣланія инструментовъ, часовой, слесарный, столярный и токарный мастера. У всѣхъ у нихъ были еще подмастерья. Не довольствуясь тѣмъ, что по новому уставу академики были совершенно подчинены канцеляріи и ея членамъ, гр. Разумовскій счелъ нужнымъ при самомъ объявленіи устава въ конференціи,

28 іюля 1747 года, присовокупить, что асессоръ Тепловъ назначенъ „членомъ академическаго собранія и дано ему старшинство по чину его предъ всѣми академиками“, кромѣ г. совѣтника Шумахера, почему конференціи дано было знать, что Теплову тамъ слѣдуетъ „садиться подъ г. Шумахеромъ въ первомъ мѣстѣ“.

Не удивительно послѣ всего этого, что уставъ Академіи Наукъ 1747 г. не имѣлъ особенно благодѣтельнаго вліянія на процвѣтаніе ея. Напротивъ того, со времени введенія его умножилось безплодно для наукъ канцелярское бумагомараніе: росло недовольство ученыхъ, которыхъ старались всячески огорчать и преслѣдовать члены канцеляріи; стали встрѣчаться наконецъ безпрестанно непріятности, столкновенія, взаимныя пререканія и каверзы, что все поощрялось тѣми лицами, которые, руководясь одними личными расчетами и своими собственными выгодами, не признавали, что ученое учрежденіе основано для блага цѣлаго общества, а не для нѣсколькихъ интригановъ, которые только умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ.

5 декабря 1747 года въ академическомъ зданіи, въ которомъ находилась обсерваторія и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщались библіотека и кунсткамера, произошелъ пожаръ, грозившій утратою драгоцѣннымъ собраніямъ, заведеннымъ стараніями и усиліями Петра Великаго. Къ счастію, бо́льшая часть наиболѣе примѣчательныхъ коллекцій была спасена, а то, что дѣйствительно погибло отъ огня, Шумахеръ съ Таубертомъ старались представить въ незначительныхъ размѣрахъ. Причина пожара осталась неизвѣстною, хотя при этомъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ слуховъ о поджогѣ. Впрочемъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ къ подобному преступленію Шумахеру прибѣгать не было никакой надобности: онъ оставался полновластнымъ и безотчетнымъ распорядителемъ всѣхъ собраній и коллекцій, принадлежащихъ Академіи Наукъ, почему и не имѣлъ никакой надобности ссылаться для чего-нибудь на утраты отъ пожара. При этомъ же цѣнныя рѣдкости дѣйствительно всѣ были спасены. По донесенію графа Разумовскаго императрицѣ, 7 декабря 1747 года, оказывается, что огонь первоначально показался подъ самою кровлею академическаго зданія, почему и полагали, что должно быть лопнула которая-нибудь изъ трубъ около деревяннаго бруса, что не было замѣчено во́время и онъ отъ того заго-

рѣлся. „Кромѣ потерянія палатъ, писалъ далѣе президентъ Академіи во всеподданнѣйшемъ донесеніи, во всѣхъ вещахъ, которыя въ библіотекѣ и кунсткамерѣ хранилися, самый малый ущербъ, и оный не столько отъ огня, сколько отъ скоропостижной выноски происходитъ. А именно вынесены: 1) мюнцъ-кабинетъ, золотыя и серебряныя и прочія при томъ находившіяся рѣдкія вещи; 2) восковой портретъ блаженныя вѣчнодостойныя памяти родителя вашего государя императора Петра Великаго со всѣми его величества токарными машинами и высокихъ трудовъ его вещми; 3) минеральный весь кабинетъ; 4) библіотека, анатомическіе и всѣ до одного Рюйшевы препараты выбраны, рыбы, инсекты, и большая часть птицъ, звѣрей и травъ; 5) инструменты физическіе и математическіе, типографія и всѣ мастерскія палаты въ такомъ состояніи, какъ и прежде были. Слѣдующее сгорѣло: 1) большой глобусъ, котораго спасти ни по какой мѣрѣ было невозможно, потому что еще бывшимъ княземъ Меншиковымъ онъ былъ такъ застроенъ. И хотя я и намѣренъ былъ его въ такое состояніе привести, что въ случаѣ несчастія можно было его вынести, однакожъ, по мнѣнію архитекторовъ, надлежало было всю башню для того чуть не до основанія разбирать, но когда я вспоможенія въ малыхъ дѣлахъ ни откуда сыскать не могъ, то такое предпріятіе, которое одно около десяти тысячъ требовало, тѣмъ меньше мнѣ было возможно. Однако потому, что помянутый глобусъ сдѣланъ изъ мѣди, то въ немъ внутри желѣзная машина осталась цѣла и по мнѣнію знающихъ людей глобусъ сей поправить и гораздо исправнѣе здѣсь въ Россіи при Академіи сдѣлать можно малою суммою, ежели только къ тому всемилостивѣйшее вспоможеніе вашего императорскаго величества будетъ. Башня потому что деревянная была и загорѣлася подъ кровлею, то ничего того, что въ употребленіи при астрономіи было, спасти было невозможно, и сгорѣло около двѣнадцати астрономическихъ иструментовъ и восьмеро стѣнныхъ часовъ, что все двумя или тремя тысячами можно въ одинъ годъ въ лучшее привести состояніе, нежели прежде было...“ Академикъ Винцгеймъ, который завѣдывалъ ученою перепискою въ Академіи, 6 декабря 1746 года доносилъ академической канцеляріи: „что до архивы принадлежитъ, то по бо́льшей части г. профессоръ Мюллеръ дѣла къ себѣ въ саняхъ на домъ повезъ, а отчасти и я нѣкоторыя

у себя имѣю. И въ географическомъ департаментѣ многія дѣла и почти все сохранено, такъ что надѣяться можно какъ архивныя, такъ и географическія дѣла всѣ опять найти и въ порядокъ привести можно будетъ...“ Наконецъ изъ денежной казны въ академическій пожаръ пропалъ только одинъ мѣшокъ съ двадцатью рублями мѣдныхъ денегъ.

Между тѣмъ въ академической канцеляріи болѣе полгода послѣ того событія опасались ложныхъ толковъ о немъ въ Европѣ, а потому Таубертомъ написано вчернѣ такое распоряженіе: „о помянутомъ пожарѣ всякіе противные и предосудительные слухи въ чужестранныхъ государствахъ распространяться могутъ, того ради въ сегодняшнихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ напечатать приложенный при семъ аппробованный артикулъ и тѣхъ печатныхъ газетъ отослать нѣкоторое число въ иностранную коллегію для сообщенія нашимъ обрѣтающимся при чужестранныхъ дворахъ министрамъ, дабы оные такіе слухи основательно опровергать могли“.

Вотъ эта статья, помѣщенная въ прибавленіи къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ 12 іюля 1748 года: „Въ прошедшую пятницу прибавленій сюда для смотрѣнія двора ея императорскаго величества и примѣчанія достойныхъ рѣдкостей здѣшней резиденціи мальтійскій кавалеръ Маркъ Сакрамозо съ графомъ Гамилтономъ, мальтійскимъ же кавалеромъ, и другими какъ чужестранными, такъ и здѣшними персонами, получа позволеніе отъ президента Академіи Наукъ, его сіятельства графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, смотрѣлъ библіотеку и кунсткамеру ея императорскаго величества, которыя нынѣ въ домѣ дворянъ Демидовыхъ опять порядкомъ расположены, и охотникамъ показаны быть могутъ. По прибытіи помянутаго маркиза съ прочими въ канцелярію Академіи Наукъ ведены они были чрезъ палату профессорскихъ собраній и залу публичныхъ ассамблей, въ департаментъ россійской исторіи, гдѣ показаны были имъ разныя въ Китаѣ напечатанныя книги на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ. Обрѣтающійся при Академіи переводчикъ Россохинъ, который болѣе пятнадцати лѣтъ въ Пекинѣ жилъ, и въ обоихъ языкахъ весьма искусенъ, толковалъ имъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ оныхъ книгъ, касающихся до исторіи натуральной, до астрономіи и архитектуры, а ученики его отправляли разговоръ на помянутыхъ языкахъ съ особливою способностью. Оттуда прошли

они въ рисовальную палату, гдѣ не малое число молодыхъ людей россійской націи въ рисованіи съ натуры упражнялись. Потомъ смотрѣли они сочиняющійся въ географическомъ департаментѣ на двѣнадцати алексадрійскйхъ листахъ С.-Петербургскій планъ, который съ проспектами города, около лежащими мѣстами и публичными строеніями на мѣди вырѣзанъ быть имѣетъ. Видѣвъ послѣ и спеціальныя карты россійской имперіи, прошли они чрезъ типографію, книжную лавку, словолитную, инструментальную и грыдавальную палаты, и смотрѣли работу медальеровъ, вырѣзываніе на камняхъ и печатаніе грыдовальныхъ фигуръ. Оттуда надлежало ихъ вывести на обсерваторію, для показанія тѣхъ пріуготовленій, которыя чинятся къ наблюденію сего мѣсяца 14 числа солнечнаго затменія, а послѣ въ домъ бароновъ Строгановыхъ, гдѣ между тѣмъ временемъ, какъ академическія палаты построятся, у чре ждены аудиторіи для публичныхъ лекцій и театры для анатоміи и физическихъ экспериментовъ. Но понеже время коротко стало, то они пошли прямо въ библіотеку и кунсткамеру. Тамъ они не мало удивились порядочному расположенію, учиненному чрезъ такое краткое время послѣ пожару, множеству книгъ и натуральныхъ и художественныхъ вещей. Особливо пріятно было упомянутому маркизу видѣть въ библіотекѣ такъ называемую книгу: Speculum Saltis, то-есть: Зерцало спасенія, которая одна изъ самыхъ первыхъ по вымышленіи печатанія книгъ, и о которой, по объявленію Меттера въ его типографскомъ лѣтописцѣ, многіе весьма сумнѣвались, чтобъ она дѣйствительно гдѣ находилась, такожъ первую книгу, которая печатана въ Россіи при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Потомъ смотрѣли они съ немалымъ любопытствомъ анатомическіе препараты славнаго доктора Руйша, а особливо собраніе о зачатіи человѣческомъ которое подобнаго себѣ въ свѣтѣ не имѣетъ, такожъ животныя четвероногія, птицы, рыбы и гады. Особливо показывали они свое удивленіе о изрядномъ собраніи бабочекъ и великомъ множествѣ фигурныхъ камней и рудъ. Изъ художественныхъ вещей видѣли они медальной кабинетъ, старинные рѣзные камни и древности золотыя и серебряныя, найденныя въ могилахъ древнихъ сибирскихъ народовъ, разныя токарнымъ и рѣзнымъ художествомъ сдѣланныя вещи, и въ томъ числѣ нѣсколько штукъ собственныхъ трудовъ государя Петра Великаго. На-

конецъ частопомянутой маркизъ не могъ довольно показать своего удивленія о миніатюрахъ госпожи Меріанши, которыхъ онъ нигдѣ столько не видѣлъ, какъ здѣсь. Достальныя курьезности, а именно: машины, модели и прочія вещи, которыхъ онъ краткостью времени видѣть не могъ, показываны будутъ ему въ другое время.

Вчерашняго числа въ учрежденномъ въ здѣшней императорской Академіи Наукъ и художествъ въ университетѣ публичныя лекціи, при присутствіи призидента Академіи, его сіятельства графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, и многочисленномъ собраніи слушателей, паки начало свое воспріяли, какъ о томъ особливою программою объявлено"...

1748 годъ въ исторіи ученаго общества въ особенности памятенъ строгими мѣрами, принятыми академическою канцеляріею противъ нѣкоторыхъ изъ членовъ его. Николай-Іосифъ Делиль, вернувшись изъ Петербурга въ Парижъ съ званіемъ почетнаго члена нашей Академіи, при одномъ случаѣ рѣзко выразился о лицахъ, стоявшихъ во главѣ ея управленія. Въ наказаніе за это академическая канцелярія придумала такія мѣры взысканія: 1) ходатайствовать предъ французскимъ правительствомъ не только объ отобраніи отъ Делиля всѣхъ имѣющихся у него бумагъ о Россіи, но и о неопредѣленіи ни къ какой должности; 2) просить всѣхъ ученыхъ, состоявшихъ въ сношеніяхъ съ нашею Академіею, о прекращеніи всякаго общенія съ Делилемъ. Такія требованія признаны были за границею неудобоисполнимыми, и академической канцеляріи пришлось вымѣщать свою неудачу на академикѣ Мюллерѣ. Къ нему Делиль написалъ письмо, гдѣ при упоминаніи объ Академіи проскользнуло выраженіе — corps phantasque. Письмо это было перехвачено, и по поводу его была наряжена цѣлая слѣдственная комиссія; бумаги Мюллера подверглись строжайшему осмотру, а самъ онъ принужденъ былъ подавать оправдательные пункты.

Придворный докторъ Антоній Рибейра Санше, при отъѣздѣ изъ Россіи, получилъ званіе почетнаго члена нашей Академіи и, живучи въ Парижѣ, исполнялъ разныя порученія ея. Вдругъ въ 1748 году состоялось распоряженіе объ исключеній Санше изъ числа почетныхъ членовъ Академіи, почему у него и былъ отобранъ русскимъ президентомъ въ Парижѣ, Гроссомъ, дипломъ на это званіе. Санше сначала никакъ не могъ себѣ объяснить

причины такой внезапной немилости, но послѣ открылось, что этого доктора подозрѣвали въ тайномъ исповѣданіи іудейства. Какъ ни остороженъ былъ въ отношеніи высказыванія своихъ сужденій Эйлеръ, однако, когда великій математикъ узналъ о случившемся съ Делилемъ и Санше, то не могъ удержаться, чтобы не написать къ Шумахеру: „я сильно сомнѣваюсь, чтобы подобные удивительные поступки могли много содѣйствовать къ распространенію славы Академіи Наукъ“.

Много также надѣлало въ 1748 г. шума въ кружкахъ заграничныхъ ученыхъ дѣло объ академикѣ Іоаннѣ-Георгѣ Гмелинѣ. Онъ долго и тщетно просилъ, чтобы его уволили изъ Академіи, но Шумахеръ съ Тепловымъ придумали отпустить его не иначе, какъ съ обязательствомъ опять вернуться въ Россію, для чего и принудили Гмелина представить за себя поручителями Мюллера и Ломоносова. Проживъ годъ въ Германіи, Гмелинъ написалъ къ графу Разумовскому, что онъ не въ состояніи выполнить свое обязательство пріѣхать въ Петербургъ. Это извѣстіе возбудило бурю въ академической канцеляріи: грозили Гмелину истребовать его выдачи Россіи чрезъ вюртембергское правительство и о его поступкѣ сообщили съ укоризнами ко многимъ европейскимъ ученымъ. Впрочемъ, несмотря ни на что, академическое начальство и въ этомъ случаѣ ничего не добилось и вынужденнымъ нашлось потомъ удовольствоваться извиненіемъ скрывшагося ученаго. „Дѣло г. Гмелина, сказано было въ отчетѣ о заграничной поѣздкѣ Тауберта, такъ извѣстно во всей Германіи, что вездѣ, куда онъ, г. ассесоръ, ни пріѣзжалъ, его о томъ спрашивали. И хотя онъ его противные поступки, какъ надлежитъ, всѣмъ описывалъ, и всѣ вину его совершенно признавали, однако, всякъ желалъ, чтобъ его сіятельство г. президентъ учинилъ съ нимъ милость, дабы примѣръ строгости въ разсужденіи его не отвратилъ другихъ ученыхъ, которые иногда въ Россію ѣхать пожелаютъ“.

Если такъ поступало академическое начальство съ тѣми изъ членовъ Академіи, кои жили внѣ Россіи, то легко себѣ представить, что оно нисколько не стѣсняло своего произвола въ отношеніи академиковъ, находившихся въ Петербургѣ и, стало-быть, въ полной зависимости канцеляріи, которая дѣйствовала именемъ вліятельнаго вельможи. Шумахеръ сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ постановленіе, къ которому Тепловъ

прибавилъ разныя дополненія въ русскомъ переводѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Росписаніе, въ какіе когда часы гг. членамъ Академіи наукъ и художествъ гг. профессорамъ историческаго и географическаго собранія и прочимъ академическимъ служителямъ къ своему дѣлу приходить и отъ онаго отходить въ нынѣшнемъ 1748 году, мая съ 1 числа, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ календарѣ предписанныхъ". Вслѣдъ затѣмъ, 24 мая того же года, состоялось опредѣленіе о взысканіи штрафовъ за неисполненіе этого росписанія, для чего возложено было на разныхъ лицъ записывать всѣхъ отсутствовавшихъ, отъ которыхъ потомъ не принимались никакія оправданія, если они заранѣе не предувѣдомляли о причинахъ ихъ небытія въ Академіи.

Академики пробовали было протестовать противъ такой мѣры: „настоящіе профессорскіе упражненія и труды — писали они — должны отправляться въ домѣ и въ библіотекѣ его: тутъ то ему дѣло, чтобъ не только чему молодыхъ людей обучать, прилежно изыскивать, въ порядокъ привести и, много въ томъ поправляя, новое выдумать, но потомъ продолжавшееся по нынѣ въ наукахъ несовершенство наградя пріобрѣтеніемъ у всѣхъ публичнаго въ томъ согласія, а похвалою у чужестранныхъ славу Академіи утвердить. На сіе жъ-то дней у него недовольно, и для того часто попеченія о своемъ тѣлѣ не имѣя, при слабомъ здоровьѣ, по ночамъ трудится. А кудабъ уже бѣда его конечно неслышимою и неизречимою становится, буде-бы въ награжденіе трудовъ за малократное его по причинѣ нечаянныхъ случаевъ небытіе, или за несоблюденіе по нуждѣ непотребной канцелярской церемоніи и формаліи (обряда) онаго и такъ уже едва къ содержанію недостаточнаго жалованья лишить...".

Такіе доводы не имѣли успѣха, и мѣры къ стѣсненію ученыхъ на томъ не остановились. 9 декабря 1748 года въ академической канцеляріи состоялось новое распоряженіе такого рода: „понеже усмотрѣно, что нѣкоторые академическіе служители у профессоровъ переписываютъ нѣкоторыя книги и прочее партикулярно и тѣмъ теряютъ время быть при ихъ должностяхъ и дѣлахъ, того ради опредѣлено въ университетъ ко всѣмъ студентамъ и прочимъ чинамъ, которые въ письмѣ имѣютъ достатокъ, послать указъ, въ которомъ написать: всѣмъ умѣющимъ писать запрещается, чтобъ никто никакихъ

дѣлъ академическихъ и которыя касаются до наукъ, также и партикулярныхъ писемъ безъ особливаго отъ канцеляріи приказу брать и переписывать не дерзали, а упражнялись бы всегда при порученныхъ имъ дѣлахъ. Ежели-же кто явится въ пренебреженіи сего, оный имѣетъ тяжко быть штрафованъ".

Въ мартѣ 1749 г. Шумахеръ распорядился, чтобы журналы, выписываемые Академіею, доставлялись для выписокъ и извлеченій сначала къ академикамъ и ихъ адъюнктамъ, а потомъ уже къ профессорамъ университета, которые того пожелаютъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ профессорамъ такое распоряженіе, то они имъ обидѣлись, и Мюллеръ отъ имени ихъ писалъ: „г. совѣтникъ Шумахеръ по новому своему учрежденію хощетъ, чтобъ гг. профессоры университетскіе ученыя вѣдомости впредь получали и читали послѣ гг. академиковъ и адъюнктовъ, а сіе неприлично для того, что по оному могъ бы кто заключить, якобы университетскіе профессоры были хуже академиковъ и адъюнктовъ, чего никто изъ академиковъ самъ не потребуетъ, но паче всѣ себѣ въ честь поставляютъ, чтобъ профессорами названными быть... Г. совѣтникъ Шумахеръ проронилъ или выключилъ вовсе г. профессора Тредіаковскаго будто ему ученыя вѣдомости читать не нужно, а онъ, г. профессоръ, желаетъ ихъ читать, равномѣрно какъ и прочіе. И хотя онъ по-нѣмецки совершенно не разумѣетъ, однако по латынскимъ, французскимъ и итальянскимъ титуламъ книгъ можетъ познавать, которая книга для его профессіи потребна. И ежели ему въ нѣмецкихъ реляціяхъ что казаться будетъ сомнительно или невразумительно, то онъ можетъ ково просить, чтобъ оное ему истолковать..."

Высказанное въ академическомъ уставѣ раздѣленіе ученыхъ на академиковъ и профессоровъ было и потомъ поводомъ къ распрямъ между ними, и Тепловъ, будучи при гр. Разумовскомъ въ Москвѣ, написалъ, 21 мая 1749 года, слѣдующее опредѣленіе: „Понеже усмотрѣно, что между профессорами-академиками университетскими и между членами дѣйствительными и почетными происходятъ споры и несогласія о ихъ старшинствѣ, преимуществахъ, а паче предсѣданіяхъ, того ради, чтобы отвратить помянутую причину несогласія, нынѣ симъ опредѣляется быть профессорамъ-академикамъ и профессорамъ историческаго собранія и университета въ безспорномъ равенствѣ, ибо профессоры одни отправляютъ академическаго

собранія должность, а другіе — историческаго и университета, но всѣ равно трудятся для произвожденія и поспѣшенія наукъ въ Академіи и всѣ суть тѣ же профессоры, чего ради когда случится имъ чиновное имѣть между собою засѣданіе, и особливо въ публичномъ мѣстѣ, тогда одинъ другого неотмѣнно должны почтить старшинствомъ, которое считать имъ надлежитъ по вступленію въ службу академическую. А хотя въ 30-мъ пунктѣ академическаго регламента и изображено сіе только объ однихъ академикахъ, однакожъ понеже всѣ равны между собою, то въ случаѣ ихъ общаго собранія, тому же 30-му пункту послѣдовать надлежитъ. Что же касается до почетныхъ Академіи членовъ, тѣ не яко дѣйствительные Академіи члены, но почетные, не должны ни въ какомъ случаѣ у дѣйствительнаго Академіи члена мѣсто отнять. И сіе только разумѣется въ академическихъ собраніяхъ, а въ постороннихъ, гдѣ случиться можетъ, всякъ свое мѣсто разбирать долженъ по старшинству вступленія въ службу ея императорскаго величества. И тако почетные члены, когда введены бываютъ въ собранія академическія, имѣютъ мѣсто свое ниже всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, развѣ кого президентъ изъ особливыхъ заслугъ мѣстомъ почтить захочетъ. Сіе гг профессорамъ накрѣпко между собою наблюдать".

Съ самаго учрежденія Академіи ввелось тамъ въ обычай, чтобы предъ началомъ засѣданій академики пробѣгали приносимые туда ученые журналы и дѣлали изъ нихъ замѣтки и выписки о замѣткахъ, полезныхъ для своихъ работъ. Въ 1749 году этому обычаю положенъ конецъ постановленіемъ академической канцеляріи: „ибо примѣчено, сказано тамъ, что вмѣсто того, чтобъ они слушали читаемую диссертацію, забавлялись чтеніемъ вѣдомостей". Взамѣнъ просмотра ученыхъ журналовъ до начала засѣданія было заведено, чтобы они разсылались для прочтенія академикамъ. Впрочемъ обычай одержалъ верхъ надъ постановленіемъ: ученые журналы для просмотра ихъ академиками и донынѣ приносятся въ залу засѣданій.

Между тѣмъ за границею стали распространяться слухи, невыгодные для стоявшихъ во главѣ управленія нашею Академіею, и даже носилась молва, что она вскорѣ вовсе рушится. Тогда Шумахеръ придумалъ дать академику, доктору Бургаве, порученіе, заключавшееся въ слѣдующемъ: „Понеже отъ не-

доброжелательныхъ къ Академіи людей слухъ рапсвялся, якобы ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая государыня намѣреніе воспріяла здѣшнюю Академію Наукъ отрѣшить и будто уже оная въ отсутствіе г. президента и дѣйствительно рушилась, и понеже вы, докторъ и профессоръ, позволеніе получили отъѣхать за море на шесть мѣсяцевъ для пользованія своего теплицами, то поручается вашему благородію слѣдующая коммиссія: 1) въ какой городъ вы прибудете, то оный неосновательный слухъ вездѣ вамъ стараться отвергать и ученыхъ людей накрѣпко увѣрять, что ея императорское величество никогда таковаго намѣренія имѣть не изволила, чтобъ отмѣнить Академію, но всемилостивѣшимъ попеченіемъ и неоцѣненными щедротами своими оную день отъ дня въ лучшее состояніе приводить благоизволяетъ. 2) Г. президентъ хотя и въ отсутствіи находится, однакожъ равномѣрно, какъ и въ присутствіи, благоразумнымъ учрежденіемъ съ знатнымъ успѣхомъ оною управляетъ, какъ оное по изданнымъ во время отсутствія его на свѣтѣ дѣламъ и другимъ полезнымъ учрежденіямъ довольно явственно, чего ради вашему благородію изъ тѣхъ академическихъ дѣлъ, кои въ отсутствіе г. президента въ народѣ вышли, дано по одному экземпляру, чтобъ тѣмъ ложный слухъ вовсе опровергнуть". По возвращеніи изъ за границы Бургаве долгомъ счелъ (12 декабря 1752 г.) донести академической канцеляріи: „1) Хотя мнѣ объ ономъ несправедливомъ разглашеніи, яко бы ея императорское величество Академію отрѣшить вознамѣрилась, никто не говорилъ, однако я всѣмъ, а во-первыхъ ученымъ людямъ объявлялъ, что Академія день отъ дня въ лучшее состояніе приходитъ. 2) Привезенными чрезъ море ко мнѣ книгами явно доказалъ, что въ отсутствіе г. президента всѣ дѣла при Академіи отправляются такъ, какъ и во время его присутствія, понеже меня сама оранская принцесса, соединенныхъ Нидерландовъ управительница, о приращеніи наукъ и художествъ въ Академіи спрашивала, то я ея высочеству по возможности объявлялъ надлежащимъ образомъ".

Подобныя мѣры къ поддержанію славы Академіи Наукъ за границею, конечно, не приносили ученому обществу существенной пользы. Замѣчательно, что во все время пребыванія тамъ президентомъ графа К. Разумовскаго всѣ попытки къ приглашенію ученыхъ знаменитостей занять свободныя каѳедры

въ нашей Академіи оставались безуспѣшными, и она по необходимости должна была довольствоваться посредственностями, иногда весьма полезными для избранныхъ ими наукъ, но никогда не прославившимися ни глубокими изслѣдованіями, ни обширными трудами. Только предъ выходомъ изъ Академіи гр. Разумовскаго въ 1765 г. принятъ былъ туда ученый, который стяжалъ себѣ впослѣдствіи огромную извѣстность, какъ изслѣдователь древней русской исторіи и еще болѣе какъ историкъ, статистикъ и политическій писатель — Августъ-Людвигъ Шлецеръ. Но за возведеніе его въ званіе академика и удержаніе его на нѣсколько лѣтъ въ Россіи Академія обязана личному желанію и настойчивости императрицы Екатерины II. Славу, пріобрѣтенную нашею Академіею въ ученомъ мірѣ въ первые годы ея существованія, поддерживалъ въ описываемый періодъ времени Эйлеръ геніальными статьями, которыя продолжалъ онъ высылать и изъ Берлина для помѣщенія въ академическихъ Комментаріяхъ, почему это изданіе и донынѣ цѣнится спеціалистами. Затѣмъ обнародованіе извѣстій и открытій, добытыхъ въ знаменитое путешествіе по Сибири академиковъ Іоанна-Георга Гмелина и Мюллера, несомнѣнно должно считать самымъ крупнымъ явленіемъ въ лѣтописяхъ учености не только петербургской Академіи Наукъ, но и всей Европы того времени. Классическій трудъ Гмелина Flora sibirica произвелъ эпоху въ исторіи ботаники, также какъ его Reise durch Sibirien обогатило область естествовѣдѣнія множествомъ новыхъ, совершенно неожиданныхъ открытій и подробностей. Мюллеровскія сообщенія точныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію свѣдѣній о Россіи и ея исторіи возбуждали къ себѣ въ Европѣ всеобщее вниманіе. Еще болѣе историографъ заслуживаетъ признательность потомства своимъ обширнымъ собраніемъ матеріаловъ для русской исторіи. Ими пользуются болѣе ста лѣтъ, и до сихъ поръ не могутъ исчерпать всѣхъ рукописныхъ богатствъ, заключающихся въ этомъ собраніи. Однимъ словомъ, оба эти ученые по своимъ заслугамъ, по своей любви къ наукамъ и, наконецъ, по даровитости были таковы, что ими смѣло могла гордиться всякая европейская академія, гдѣ они были бы лучшимъ украшеніемъ. Между тѣмъ все это не мѣшало академическому начальству при жизни Гмелина и Мюллера именно съ ними обходиться наиболѣе грубо, ихъ всего чаще преслѣ-

довать разными канцелярскими придирками и даже подвергать взысканіямъ и наказаніямъ, въ особенности Мюллера.

Время президента графа К. Разумовскаго замѣчательно для нашей Академіи въ томъ отношеніи, что тогда начали впервые появляться академики изъ русскихъ. Такимъ образомъ, кромѣ Ломоносова и Тредіаковскаго, встрѣчаемъ тамъ академиками и адъюнктами: Крашенинникова, Никиту Попова, Котельникова, Румовскаго, Софронова, Красильникова, Козицкаго, Мотониса. Будетъ ошибочно думать, чтобы эти лица возведеніемъ ихъ въ ученыя званія были обязаны особливой заботливости тогдашняго академическаго начальства. Напротивъ того, оба распорядители Академіею, Шумахеръ и Таубертъ, неблагосклонно смотрѣли на проникновеніе русскаго элемента въ ученое общество. Первый изъ нихъ говаривалъ: „я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры“. А Таубертъ сознавался: „развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? И одинъ-де намъ въ тягость!... Однако Шумахеръ и Таубертъ знали очень твердо, что императрица Елизавета при всякомъ удобномъ случаѣ высказывала особенное расположеніе ко всему родному, и что ея національному самолюбію было пріятно, когда ей говорили, что въ царствованіе ея умножалось просвѣщеніе въ Россіи, что русскіе дѣлаютъ успѣхи въ наукахъ и литературѣ. Только такимъ направленіемъ самой императрицы и слѣдуетъ объяснять, что въ Академіи Наукъ при жизни этой государыни допускалось отъ времени до времени возведеніе въ ученыя званія лицъ, подобныхъ вышеназваннымъ.

При воспоминаніи первыхъ ученыхъ изъ природныхъ русскихъ нельзя не сознаться, что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ достигнуть знаменитости въ ученомъ свѣтѣ и не оставилъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ въ наукахъ, которымъ себя посвящалъ. Несмотря на это, въ исторіи русскаго просвѣщенія первымъ ученымъ изъ русскихъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ самыя почетныя мѣста, хотя до сихъ поръ почти вовсе проходили молчаніемъ, такъ какъ у насъ, къ сожалѣнію, все болѣе въ ходу то желчныя выходки, то меланхолическія жалобы противъ нѣмцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало охоты къ настойчивымъ и пристальнымъ работамъ для разъясненія нашего прошедшаго. Нѣтъ ничего страннаго, ни оскорбительнаго для народнаго самолюбія въ томъ, что въ странѣ, гдѣ не только

просвѣщеніе, но и грамотность была развита въ самой ничтожной степени, не явилось при первомъ востребованіи нѣсколькихъ десятковъ первоклассныхъ ученыхъ. Русскому, который рѣшался посвятить себя наукамъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, предстояло побѣдить множество самыхъ разнородныхъ преградъ и препятствій. Одно изученіе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, безъ которыхъ тогда, какъ и теперь, немыслимо для русскаго основательное усвоеніе какой бы то ни было науки, это изученіе языковъ, при отсутствіи учебныхъ руководствъ и самыхъ первоначальныхъ пособій, стоило многихъ лѣтъ жизни. Затѣмъ, слѣдовали занятія науками, что также было не легко, такъ какъ при томъ требовалось добывать изъ чужихъ краевъ всѣ выходящія новыя книги и періодическія изданія, чтобы слѣдить за открытіями, изобрѣтеніями и новостями, а все это доходило до Петербурга весьма поздно, по причинѣ прежней медленности въ сообщеніяхъ съ центрами европейской образованности, а иногда вовсе оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи по недостатку сношеній. Положимъ, наконецъ, что русскому ученому удалось побѣдить всѣ подобныя трудности, и онъ овладѣлъ настолько наукою, что могъ стоять на современномъ уровнѣ ея и въ состояніи былъ самъ писать ученыя сочиненія. Но и здѣсь для него встрѣчаются новыя терніи: чтобы имѣть читателей своему ученому труду, и пріобрѣсти себѣ извѣстность, ему необходимо было писать на иностранныхъ языкахъ, которые, какъ бы ни хорошо зналъ онъ ихъ, все-таки ему чужіе и на нихъ гораздо труднѣе излагать свои мысли, чѣмъ на отечественномъ. При такомъ положеніи дѣла не слѣдуетъ еще забывать и того важнаго обстоятельства, что въ жизни ученаго не можетъ не имѣть значительный доли вліянія равнодушіе и даже пренебреженіе общества, въ которомъ принужденъ онъ вращаться. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сѣтовать на то, что изъ русскихъ ученыхъ въ XVIII столѣтіи не было много европейскихъ знаменитостей, когда, начиная съ высшихъ слоевъ русскаго общества и кончая низшими, повсюду въ Россіи на ученыхъ и ученость смотрѣли не только равнодушно, но даже неблагосклонно? Извѣстно, что вообще невѣжество или не любитъ, или боится того, что выше его пониманія. Когда президентами Академіи бывали люди, пользовавшіеся значеніемъ при дворѣ, то ни Сенатъ ни Коллегіи не рѣшались придираться къ уче-

ному учрежденію; но едва оно оставалось безъ президента, то подъячіе наперерывъ спѣшили показать ученымъ, каковы были ихъ сила и значеніе, и какъ мало ихъ заботили успѣхи наукъ и т. п. Тогда-то начинались цензурныя придирки и требованія съ приправою угрозъ и подтвержденій. Духовенство, которое было все-таки грамотнѣе толпы и, стало-быть, могло лучше понимать пользу отъ знаній, первое поднимало вопли противъ безбожія, будто бы разсѣеваемаго въ академическихъ изданіяхъ, въ которыхъ въ дѣйствительности ничего не было, кромѣ изложенія научныхъ истинъ. Какое значеніе имѣло все это въ тогдашнія времена, то доказываетъ, что Ломоносовъ въ 1759 году въ числѣ преимуществъ академическаго университета полагалъ помѣстить: „духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. Послѣднее слышалось и въ обыкновенныхъ разговорахъ. Такъ, напр., въ 1749 г. священникъ при церкви св. Самсонія въ Петербургѣ, Симеонъ Лукинъ, узнавъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ гостяхъ находились академическіе граверы и вообразивъ, что и они принадлежатъ къ ученому сословію, долгомъ счелъ говорить: „я-де ученыхъ людей вездѣ не люблю на смерть: старанія-де и труды изъ такихъ людей происходятъ больше ничего, какъ пустые враки!“ Послѣ этого въ простомъ народѣ и особенно у раскольниковъ, у которыхъ невѣжество возведено въ религіозный догматъ, конечно, нельзя было ученымъ ожидать сочувствія. Одинъ изъ раскольниковъ, укоряя Петра Великаго за грѣховныя нововведенія, между прочимъ не забылъ упомянуть и слѣдующаго: „и учинилъ по еретическимъ книгамъ школы математическія и академіи богомерзкихъ наукъ, въ которыхъ уставилъ отъ звѣздочетія погодно печатать зловѣрующіе календари. И по нихъ и паче привели русскій народъ въ планеты и въ прочіе знаки, яко въ Бога, вѣровати, понеже, что въ нихъ напечатано, того всякъ смотритъ и впредь тому вѣруютъ быти, а на Бога имѣти въ томъ упованіе свое отложили...“

Кромѣ появленія въ средѣ академиковъ русскихъ людей, во времена императрицы Елизаветы въ дѣятельности по Академіи замѣтна была одна особенность — это поощреніе и размноженіе изданій русскихъ переводныхъ книгъ неученаго содержанія, но предназначавшихся для легкаго чтенія, какъ-то:

романовъ, повѣстей, сказокъ и т. п. Число подобныхъ изданій такъ умножилось впослѣдствіи, что при Академіи учредилась отдѣльная типографія, называвшаяся новой въ отличіе отъ первоначальной (изъ которой выходили преимущественно изданія ученаго содержанія). При основаніи новой типографіи именно имѣлось въ виду „умножить въ оной печатаніе книгъ какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной“, почему она для менѣе взыскательныхъ читателей печатала въ огромномъ количествѣ экземпляровъ: Синопсисъ, Троянскую исторію, Повѣсть о разореніи града Іерусалима. Чтобы удовлетворить вкусамъ болѣе прихотливыхъ читателей, тамъ издавались переводы въ родѣ: Жилблаза, Исторіи о Кирѣ младшемъ, Басенъ Пильпая, Бакалавра саламянкскаго и пр. Подобныхъ произведеній нельзя было ожидать отъ пера академиковъ, а потому пришлось обращаться къ постороннимъ лицамъ. Послѣднія сначала уступали рукописи за небольшое количество печатныхъ экземпляровъ своихъ трудовъ; потомъ они стали требовать денежнаго вознагражденія, а подъ конецъ встрѣчались уже примѣры платы переводчикамъ по уговору съ печатнаго листа. Между лицами, входившими въ подобныя сдѣлки съ академическою канцеляріею, встрѣчаются имена Фонъ-Визина, Лукина, А. Карпова и др. Такимъ образомъ здѣсь впервые возникли вопросы о литературной собственности и вознагражденіи за умственный трудъ въ Россіи.

Бо́льшая часть переводчиковъ, являвшихся въ академическую канцелярію съ переводами для изданія, были бывшіе воспитанники академическихъ университета и гимназіи, или же лица, служившія при Академіи Наукъ. Особенное расширеніе тамъ издательской дѣятельности и притомъ для такихъ сочиненій, которыя не соотвѣтствовали назначенію ученаго общества, сдѣлалось первоначально также вслѣдствіе воли, выраженной императрицею Елизаветою. 27 января 1748 года, гр. Разумовскій, во время присутствія въ академической канцеляріи, „объявилъ именной ея императорскаго величества изустный указъ, коимъ всемилостивѣйше повелѣно стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскаго различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ „свѣтскому житію нравоученіемъ. Для выполненія этого порученія въ академической канцеляріи былъ составленъ, а потомъ напечатанъ такой вы-

зовъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: „понеже многіе изъ россійскихъ какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ, того ради по указу ея императорскаго величества канцелярія Академіи Наукъ чрезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго или съ другихъ какихъ языковъ, тѣ бъ явились въ канцеляріи Академіи Наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ буде найдется ихъ искусство къ переводу книгъ, то дана будетъ книга для переводу. А какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ начисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному по напечатаніи съ его имени, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той же книги“.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что русскія изданія при Академіи Наукъ временъ императрицы Елизаветы расходились довольно бойко и обращали на себя вниманіе даже лицъ изъ такихъ сословій, которыя тогда еще не получали большого образованія. Въ доказательство можно указать на нѣкоего Петра Дементьева, удалившагося изъ Россіи въ Польшу, а потомъ неизвѣстно какъ попавшаго въ Лондонъ. 3 октября 1753 г. онъ писалъ оттуда въ Петербургъ къ купцу Василію Коржавину: „Я вамъ весьма благодарю, что благодѣянія ваша еще ко мнѣ являются и человѣколюбіе милостію каплетъ — книжку мою не задержали. Только тѣмъ я несчастливъ, что по обѣщанію вашему не благоволилъ ко мнѣ прислать роспись, какія нынѣ при Академіи продаются книги. Прошу впредь, какъ возможно, безъ всякаго продолженія, не презри и увѣдомь: сочиненія Михаила Ломоносова, Грамматика, Ораторія, Поэзія и Прибавленіе къ реторикѣ, Григорія Теплова Логика, Лексиконъ на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, по какой цѣнѣ продаются? И какія еще новоизданныя или переведенныя книги напечатаны, пожалуй увѣдомь меня? А я вамъ, моему благодѣтелю, ежели что до меня позовется, только чтобы мнѣ было возможно, со усердіемъ буду служить“...

Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы произошли перемѣны въ личномъ составѣ по управленію Академіею Наукъ. Одряхлѣвшаго Шумахера замѣнилъ—по мѣткому выраженію Ломоносова— „зять его, и мнѣнія, и дѣлъ, и чуть не Ака-

деміи наслѣдникъ", однимъ словомъ Таубертъ. Другимъ членомъ канцеляріи былъ назначенъ академикъ Штелинъ, который, какъ говорилъ Ломоносовъ же, „за художества стоялъ больше нежели за науки". Наконецъ третьимъ членомъ академической канцеляріи гр. Разумовскій опредѣлилъ Ломоносова. При той непримиримой враждѣ, которую уже много лѣтъ питали другъ къ другу Таубертъ и Ломоносовъ, трудно было ожидать, чтобы засѣданія въ канцеляріи, послѣ назначенія туда этихъ лицъ, могли отличаться мирнымъ характеромъ, а постановленія ея — особеннымъ единодушіемъ. И дѣйствительно, въ этомъ присутственномъ мѣстѣ съ обновленнымъ составомъ членовъ воцарились непрерывные споры и запальчивыя пререканія. Достаточно было одному предложить какую-либо мѣру, чтобы другой непремѣнно возсталъ противъ нея и постарался всѣми силами противодѣйствовать ея осуществленію. При такомъ распорядкѣ дѣла не могли итти удачно. Нельзя также не замѣтить, что Ломоносовъ, часто жаловавшійся до поступленія своего въ канцелярію, на деспотизмъ ея, когда достигнулъ званія члена ея, поступалъ, гдѣ представлялся случай и возможность, не менѣе самовластно, чѣмъ Шумахеръ и Таубертъ. Притомъ знаменитый академикъ, въ запальчивости и раздраженіи, нерѣдко увлекался чувствами личной непріязни. Впрочемъ, несмотря на страстность Ломоносова и выдававшійся даже и въ тѣ суровыя времена крутой нравъ его, безпристрастный изслѣдователь все-таки не въ состояніи будетъ отказать ему въ своемъ сочувствіи, потому что во всѣхъ дѣйствіяхъ Ломоносова проглядывало чрезвычайно много благороднаго, возвышеннаго и геніальнаго. Напротивъ того, Таубертъ былъ не что иное, какъ посредственность, которую не трудно найти во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Получивъ свѣтское образованіе и обладая искательнымъ и угодительнымъ характеромъ, этотъ академическій совѣтникъ держалъ себя всегда благопристойно и съ достоинствомъ, обладалъ въ высшей степени умѣньемъ вкрадываться въ милость къ знатнымъ и пользоваться ихъ расположеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ мелкій честолюбецъ и великій интриганъ, любившій дѣйствовать окольными путями и притомъ всегда въ видахъ наибольшаго извлеченія пользы и прибытка собственно для себя. Императрица Екатерина II хорошо знала это и, не стѣсняясь, прямо называла его въ своихъ резолюціяхъ казнокрадомъ. Въ этомъ отноше-

ніи память Ломоносова чиста отъ всякаго нареканія. Онъ отличался безкорыстіемъ и честностью. Его прямая душа гнушалась канцелярскихъ каверзъ и всякаго крючкотворства. Всѣмъ его поступки, какъ ученаго и администратора, проникнуты были неподдѣльною любовью къ родинѣ; помыслы и желанія его были направлены къ прославленію Россіи и русскихъ и къ возбужденію уваженія къ нимъ въ Европѣ. Вотъ почему имя Ломоносова, независимо отъ его огромныхъ заслугъ русскому языку и литературѣ, такъ дорого для русскихъ, и вотъ гдѣ слѣдуетъ искать причины тому, что еще недавно вся Россія спѣшила торжественно почтить память Ломоносова въ день столѣтней годовщины его кончины.

Петръ III, по вступленіи на престолъ, наслышавшись объ академическихъ распорядкахъ отъ бывшаго своего наставника акад. Штелина, говаривалъ ему: „Я очень хорошо знаю, что и въ вашу Академію закралось много злоупотребленій и безпорядковъ. Ты видишь, что я занятъ теперь болѣе важными дѣлами, но, какъ только съ ними управлюсь, уничтожу всѣ безпорядки и поставлю ее на лучшую ногу". Впрочемъ, царствованіе этого государя было такъ кратковременно, что для Академіи Наукъ оно осталось памятнымъ только тѣмъ, что тогда отъ придворной конторы часто присылались въ академическую типографію заказы разныхъ входныхъ билетовъ и программъ для празднествъ при дворѣ. Кромѣ того, начали было печатать голштинскій уставъ, но, послѣ кончины императора, эта работа была оставлена.

Первые годы по вступленіи на престолъ Екатерины II положеніе дѣлъ въ Академіи не измѣнялось. Гр. К. Разумовскій продолжалъ давать рѣшенія, то въ угоду Тауберта, то и Ломоносова, смотря по тому, которому изъ нихъ первому удавалось доложить президенту о дѣлѣ съ своей точки зрѣнія. Схватки и препирательства двухъ враждовавшихъ между собою академическихъ совѣтниковъ и взаимные ихъ отказы подписывать канцелярскія опредѣленія другъ друга — все это имѣло мѣсто и при новой государынѣ. Она въ это время видимо была отвлечена другими болѣе важными государственными заботами. Впрочемъ, уже и тогда эта благосклонная къ наукамъ и литературѣ императрица не упускала случая выразить особливое вниманіе свое къ ученому обществу. Первое торжественное засѣданіе Академіи, послѣ воцаренія Екате-

рины II, 2 іюля 1763 г., она почтила своимъ присутствіемъ. Въ этотъ день, въ 11-мъ часу утра государыня, въ сопровожденіи наслѣдника престола и множества придворныхъ дамъ и кавалеровъ, прибыла въ Академію Наукъ. Эпинусъ и Цейгеръ произносили рѣчи: первый — о воздушныхъ явленіяхъ и о способахъ къ приведенію въ большее совершенство этого отдѣла натуральной исторіи; второй — о стеклахъ, различно преломляющихъ свѣтъ. При этомъ замѣчательно было то, что оба ученые читали свои рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, вопреки Елизаветинскаго академическаго устава, въ силу котораго, какъ видѣли выше, офиціальными языками для ученаго общества признавались только языки латинскій и русскій. Съ той поры нѣмецкій языкъ сталъ мало-по-малу вытѣснять изъ академическихъ изданій и рѣчей латинскій и наконецъ сдѣлался тамъ господствующимъ.

Возвращаясь къ торжественному собранію, которое почтили императрица и наслѣдникъ престола своимъ присутствіемъ, я долженъ упомянуть, что послѣ Эпинуса и Цейгера читалъ академикъ Румовскій на русскомъ языкѣ Исторію о началѣ и приращеніи оптики. „По прочтеніи упомянуыхъ рѣчей, сказано въ современномъ извѣстіи объ этомъ засѣданіи, секретарь Академіи г. профессоръ Мюллеръ, приступая къ мѣсту ея императорскаго величества съ прочими академическими членами, всеподданнѣйше поднесъ великой покровительницѣ и любительницѣ наукъ осьмую часть Новыхъ Комментаріевъ, или академическихъ ученыхъ разсужденій, яко вышедшій нынѣ изъ печати плодъ трудовъ сего собранія; а при томъ и тѣ сочиненія иностранныхъ ученыхъ, которыя въ прошломъ году отъ Академіи удостоены награжденія. Послѣ сего ея императорское величество, обнадежа Академію всегдашнимъ своимъ высочайшимъ покровительствомъ, всемилостивѣйше соизволила всѣхъ оныя членовъ къ рукѣ жаловать. И какъ ея императорское величество высочайше указать соизволила желаніе видѣть опыты упомянутыхъ профессоромъ Цейгеромъ въ его рѣчи новыхъ изобрѣтеній къ поправленію зрительныхъ трубъ, то ея величеству всеподданнѣйше представлены были отъ онаго г. Цейгера Доландовымъ манеромъ изъ здѣшняго стекла составленныя призмы, которыя, въ сравненіи съ англійскими, то же самое дѣйствіе имѣютъ; также и сдѣланную на сихъ основаніяхъ Доландомъ зрительную трубу и другую простую

такой же величины. Ея императорское величество о всемъ вышеписанномъ соизволила сказать высочайшее свое удовольствіе и, препроводя болѣе полутора часа въ Академіи, съ его императорскимъ высочествомъ въ прежней свитѣ возвратилась въ лѣтній дворецъ. На другой день поутру собравшіеся ко двору члены Академіи, будучи представлены ея императорскому величеству, принесли ея величеству за оказанную къ нимъ вчерашняго числа отмѣнную высочайшую милость всеподданнѣйшія свои благодаренія и при томъ подали говоренныя того дня рѣчи. Ея императорское величество, всемилостивѣйше принявъ оныя рѣчи, паки высочайшею своею императорскою милостію Академію обнадежить и членовъ ея къ рукѣ допустить соизволила".

Послѣ кончины Ломоносова (4 апрѣля 1765 года) Таубертъ остался одинъ властителемъ Академіи и, по признанію почитателя его А. Л. Шлецера, распоряжался тамъ деспотически. Wer etwas bei ihm suchte, беззастѣнчиво прибавляетъ къ тому этотъ знаменитый германскій писатель, wähnte sich nur an mich wenden zu dürfen.

Впрочемъ это продолжалось не долго.

Екатерина II, выведенная изъ терпѣнія продѣлками Тауберта, 5 октября 1766 года назначила директоромъ Академіи гр. Владимира Григорьевича Орлова. 30 октября того же года была учреждена особая комиссія изъ академиковъ для управленія академическими дѣлами. Нелюбимая академическая канцелярія рушилась, а съ нею послѣ и наслѣдникъ Шумахера—Таубертъ. Нѣсколько времени спустя, онъ умеръ забытый прежде всего тѣми, которые пресмыкались предъ нимъ въ ожиданіи отъ него удобныхъ казенныхъ квартиръ, добавочныхъ окладовъ и прочихъ милостей.

Пекарскій.

Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи.

Уже въ началѣ прошлаго столѣтія предполагалось учредить въ Петербургѣ правительственную гимназію: въ дѣлахъ Академіи Наукъ сохранилась рукопись подъ заглавіемъ.

„Einrichtung und Abtheilung der Information in dem gymnasio Petrino, anno 1706."

По этому плану гимназія должна была состоять изъ шести классовъ, и главнымъ предметомъ преподаванія назначался латинскій языкъ, изъ иностранныхъ языковъ вводились: нѣмецкій, французскій и итальянскій, а въ третьемъ классѣ и шведскій. Гимназія эта, однако, открыта не была.

Учрежденіе академической гимназіи совпадаетъ съ основаніемъ самой Академіи Наукъ. Для устройства гимназіи и управленія ею вызванъ былъ изъ Пруссіи проректоръ Кенигсбергской каѳедральной школы, профессоръ древностей Ѳеофилъ Сигфридъ Байеръ. Президентъ Академіи Блюментростъ заключилъ 3 декабря 1725 года съ Байеромъ форменный контрактъ, по которому онъ предоставлялъ Байеру устроить гимназію по представленному имъ проекту, завѣдывать ею и управлять по собственному его усмотрѣнію, назначать часы и предметы преподаванія, вводить учебныя руководства и методу преподаванія, какія заблагоразсудитъ. При такомъ контрактѣ естественно не могло быть и рѣчи о какомъ-либо уставѣ для гимназіи; назначено было только время ученія, именно предъ обѣдомъ отъ 9-ти до 11-ти и послѣ обѣда отъ 2 до 4-хъ. 3 сентября 1728 года Байеръ назначенъ былъ офиціально инспекторомъ гимназіи.

Въ 1726 году принято было въ гимназію 112 учениковъ.

Въ этотъ первый пріемъ поступили въ гимназію сдѣлавшіеся впослѣдствіи довольно извѣстными: Ададуровъ, Кондоиди и Таубертъ.

Ададуровъ занимался сначала при Академіи Наукъ переводами съ нѣмецкаго языка на русскій, а потомъ перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ въ 1729 году руководство академика Крафта о машинахъ, а въ 1740 году руководство Эйлера къ ариѳметикѣ для академической гимназіи. Спеціальностью же его были науки математическія, почему въ 1733 году онъ опредѣленъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ высшей математики, и оставался въ этой должности до 1741 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ададуровъ занимался и русскою словесностію, что и послужило основаніемъ къ назначенію его преподавателемъ русскаго языка великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и приблизило его къ государственнымъ дѣятелямъ времени императрицы Елизаветы Петровны до такой степени, что, въ концѣ ея царствованія, онъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ Оренбургъ вицегубернаторомъ, за прикосновенность

къ извѣстному политическому дѣлу канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, въ которомъ замѣшана была Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна. Съ восшествіемъ ея на престолъ, открылась для Ададурова болѣе обширная служебная дѣятельность: въ 1762 году онъ былъ назначенъ куратором Московскаго университета и президентомъ мануфактуръ-коллегіи, находившейся въ Москвѣ. Университетъ обязанъ ему учрежденіемъ каѳедры анатоміи и устройствомъ анатомическаго театра, также распоряженіемъ объ изданіи сочиненій по юридическому факультету. Ададуровъ продолжалъ заниматься русскою словесностію и впослѣдствіи, въ 1768 году издалъ „Правила россійской орѳографіи".

Кондоиди (Павелъ) былъ помѣщенъ въ академическую гимназію дядею своимъ, Аѳанасіемъ Кондоиди, воспитателемъ князя Антіоха Кантемира, назначеннымъ Петромъ Великимъ ассессоромъ Синода, при самомъ его учрежденіи, а потомъ совѣтникомъ его; впослѣдствіи онъ былъ епископомъ вологодскимъ, а послѣ суздальскимъ. Павелъ Кондоиди, уроженецъ Корфу, учившійся прежде въ Венеціи, по окончаніи своего образованія при Петербургской Академіи Наукъ, отправился въ Лейденскій университетъ, гдѣ прошелъ курсъ медицинскаго факультета, и, получивъ тамъ въ 1733 году степень доктора медицины, возвратился въ Петербургъ. Назначенный полевымъ врачемъ, онъ находился въ 1737 году при арміи фельдмаршала графа Миниха, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ генералъ-штабъ-докторомъ. Впослѣдствіи пожалованъ онъ былъ гофъ-медикомъ, а въ 1753 году назначенъ директоромъ Медицинской канцеляріи, и оставаясь въ этой важной административно-медицинской должности до самой смерти своей въ 1760 году, принесъ значительную пользу русскимъ медицинскимъ учрежденіямъ.

Ададуровъ и Кондоиди были въ гимназіи учениками извѣстнаго академика, историографа Мюллера. „Я не понимаю ихъ языка", говоритъ Мюллеръ, „точно такъ-же, какъ они моего"; но такъ какъ они нѣсколько подготовлены были въ латинскомъ языкѣ: Ададуровъ въ новгородской семинаріи, гдѣ онъ первоначально обучался, а Кондоиди въ своей родинѣ или въ Венеціи, то Мюллеръ объяснялъ имъ трудныя мѣста латинскихъ писателей обыкновенною разговорною латынью и находилъ, что эта трудность послужила имъ въ пользу.

Таубертъ былъ библіотекаремъ публичной библіотеки, занимался переводами, а впослѣдствіи былъ весьма вліятельнымъ лицомъ въ академической администраціи, въ званіи совѣтника академической канцеляріи.

По свидѣтельству Мюллера, кромѣ офиціально записанныхъ въ гимназію учениковъ, въ ней обучались тогда нѣкоторымъ предметамъ, въ особенности у преподавателей Крамера и Шванвица, дѣти лучшихъ фамилій, между которыми онъ называетъ Новосильцева и Адама Васильевича Олсуфьева, впослѣдствіи статсъ-секретаря императрицы Екатерины.

На основаніи заключеннаго контракта, Байеръ раздѣлилъ гимназію на два отдѣла: нѣмецкую школу, или приготовительную, подраздѣленную на три класса, и латинскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа необходима была потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики не могли бы ихъ понимать, не выучившись по-нѣмецки.

Въ 1727 году поступило въ гимназію уже гораздо меньше учениковъ, чѣмъ въ предыдущемъ году, именно 58. Между ними былъ сынъ артиллерійскаго генерала Писарева и сынъ контръ-адмирала Синявинъ.

Съ самаго учрежденія этой гимназіи, въ нее принимали учениковъ какъ для прохожденія всего гимназическаго курса, такъ и для изученія только нѣкоторыхъ предметовъ, въ особенности новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Этимъ только можно объяснить значительную разницу въ лѣтахъ учащихся, что, конечно, было вовсе не педагогично; такъ, напримѣръ, принятымъ въ этомъ году Синявину и Делену было 6 лѣтъ, а нѣкоему Тодорскому 24 года, и противъ него было означено: „пріѣхалъ по-нѣмецки учиться“.

Въ декабрѣ 1726 года опредѣлена была въ гимназію надзирательница, „для смотрѣнія надъ дѣтьми, которые при помянутой гимназіи обрѣтаются“.

Въ 1728 году вступило въ гимназію еще менѣе, всего 26, а многіе вышли, не кончивъ курса. Байеръ писалъ Шумахеру: „отъѣздъ императорскаго двора (Петра II) въ Москву нанесъ здѣшней гимназіи ударъ, потому что ея ученики, и особенно изъ знатныхъ, всѣ почти уѣхали туда же съ своими родителями“. Въ числѣ принятыхъ въ гимназію были сынъ вице-адмирала Синявина, братъ извѣстнаго адмирала, командовавшаго

въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ первую турецкую войну, азовскою флотиліею, и три сына графа Карла Скавронскаго, брата императрицы Екатерины I, изъ коихъ средній, Мартынъ, въ царствованіе Екатерины былъ оберъ-гофмейстеромъ. Скавронскіе поручены были надзирателю Генингеру. Обязанности его, при самомъ учрежденіи Академіи, опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: „Юноши благородные, въ академическомъ домѣ живущіе, надзирателя и правителя ученія своего имѣть будутъ — Іоаннъ-Конрада Генингера; ибо надлежитъ гражданству, чтобы тѣ, которые къ знатнѣйшимъ на санъ государства достоинствамъ рождены, не токмо разными науками обучалися, но ко всякой учтивости и къ пріятному обхожденію съ людьми привыкали". По словамъ Мюллера, надзоръ Генингера ограничился тремя Скавронскими, которые не долго остались въ гимназіи.

Въ 1728 году гимназія понесла также чувствительный уронъ въ своихъ преподавателяхъ; изъ нея вышли адъюнкты академіи Мюллеръ, преподававшій латинскій языкъ, исторію и географію, Крафтъ и Вейтбрехтъ, обучавшіе математикѣ; они получили другое назначеніе и были замѣнены не адъюнктами, а учителями.

Въ 1729 году пріемъ въ гимназію былъ гораздо значительнѣе, именно поступило въ нее 74 мальчика. Но для того принята была искусственная мѣра наполненія гимназіи дѣтьми такихъ родителей, которые вовсе не нуждались для своихъ сыновей въ гимназическомъ образованіи, именно приняты были сыновья нѣсколькихъ солдатъ, столяра, крестьянина, семи плотниковъ, кузнеца, трехъ адмиралтейскихъ десятскихъ и одного господскаго человѣка. Такіе ученики, по большей части, не оканчивали курса и для гимназіи составляли ненужный и затруднительный балластъ, а стали отвлекать отъ нея дѣтей высшихъ сословій. Впрочемъ, и впослѣдствіи поступали иногда въ гимназію и дѣти изъ образованныхъ семействъ; такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ же 1730 году, когда всего было только 14 поступившихъ въ гимназію учениковъ, принятъ былъ Иванъ Меллесино. Имя его сдѣлалось весьма извѣстнымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины: въ 1736 году онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ синода, а съ 1771 года по смерть свою, въ 1795 году, былъ куратором Московскаго университета, при коемъ учредилъ благородный пансіонъ.

9 сентября 1731 года Байеръ ввелъ въ дѣйствіе составленное и собственноручно написанное имъ положеніе о гимназіи, подъ заглавіемъ: Gegenwärtige Einrichtung des Gymnasiums. Этимъ положеніемъ подтверждалось существовавшее дѣленіе гимназіи на двѣ школы — нѣмецкую и латинскую, и назначались каникулы, когда наступаетъ большая жара, на четыре недѣли, изъ коихъ въ первый и послѣдній день вовсе не было ученья, а въ остальные дни только половина уроковъ.

Между тѣмъ гимназія все падала какъ по числу, такъ и по составу учениковъ. Учрежденіе же въ 1731 году Шляхетскаго кадетскаго корпуса нанесло ей такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла поправиться. Кадетскій корпусъ давалъ оканчивающимъ въ немъ курсъ чины, гимназія же не предоставляла своимъ абитуріентамъ никакихъ правъ на службѣ, почему всѣ стремились въ корпусъ и избѣгали гимназію. „Съ основанія кадетскаго корпуса“, говоритъ Мюллеръ, „гимназія должна была довольствоваться учениками одного средняго сословія. Дѣти иностранцевъ, непринимаемыя въ кадетскій корпусъ, въ достаточномъ еще числѣ поступаютъ въ гимназію, для приготовленія себя къ гражданской службѣ“.

Баронъ Кейзерлингъ, въ кратковременное свое президентство въ Академіи Наукъ, 1733 году, обратилъ вниманіе на неустройство гимназіи, и поручилъ адъюнкту Академіи Фишеру, бывшему лекторомъ въ гимназіи, представить соображенія объ ея улучшеніи. Въ представленной 7 августа 1733 года запискѣ, Фишеръ прежде всего старался опредѣлить значеніе гимназическаго ученія и различіе гимназіи отъ простой школы даже съ латинскимъ языкомъ, тѣмъ именно, что гимназія предназначается для гуманистическаго образованія, почему въ курсъ ея должны быть необходимо введены, кромѣ латинскаго языка, и греческій, также чтеніе римскихъ поэтовъ, правила ораторскаго искусства и логики. Вообще записка его отличается здравыми педагогическими понятіями; такъ, напримѣръ, онъ требовалъ, чтобы древнихъ писателей изучали не разомъ многихъ, но одного послѣ другого, во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ, но разнородныхъ, именно одного поэта и оратора, или же историка. Онъ оставлялъ также въ составѣ гимназіи и нѣмецкую школу, говоря: „когда русскіе ученики познакомятся нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, ихъ можно переводить въ латынскую школу“. Для наполненія гимназіи надеж-

ными учениками Фишеръ не видѣлъ другого средства, какъ учрежденіе при ней по крайней мѣрѣ 30-ти стипендій, что, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило бы казнѣ не болѣе 1.600 рублей и доставило бы большую пользу государству, такъ какъ изъ этихъ стипендіатовъ можно было бы приготовлять не только чиновниковъ, но и учителей въ школы, которыя со временемъ неминуемо должны были возникнуть, а это было бы гораздо лучше и дешевле, чѣмъ выписывать съ этою цѣлью иностранцевъ. И съ этимъ новымъ расходомъ содержаніе гимназіи не превышало бы 4000 р. Вмѣсто четырехнедѣльныхъ, какъ мы видѣли, полувакацій (половину недѣли гимназисты учились), онъ предлагалъ установить двухнедѣльныя полныя вакаціи. Зданіе гимназіи было крайне неудобно: проходные классы, помѣщеніе въ ней цѣлыхъ семействъ служителей, происходившіе отъ этого шумъ и крики, плачъ дѣтей, мѣшавшихъ преподаванію. На все это обращалъ Фишеръ вниманіе президента; но баронъ Кейзерлингъ занималъ эту должность не болѣе полугода, въ 1734 году онъ перешелъ на дипломатическую службу, и гимназія осталась въ прежнемъ положеніи.

14 сентября 1734 года президентомъ Академіи назначенъ былъ баронъ Іоганнъ Альбертъ Корфъ, учившійся въ свои молодые годы въ Іенскомъ университетѣ.

Для наполненія гимназіи учениками, баронъ Корфъ, вѣроятно, по внушенію того же Фишера, находилъ также необходимымъ содержаніе нѣкотораго числа изъ нихъ на казенный счетъ. Сенатъ назначилъ на то по 3000 р. ежегодно, и приказалъ принять въ Академію 20 учениковъ изъ Московскаго Спасскаго училищнаго монастыря; но оттуда прислано было только 12 человѣкъ. Баронъ Корфъ просилъ Сенатъ приказать прислать еще учениковъ „изъ двухъ училищныхъ монастырей“, то-есть изъ семинарій, но это не было сдѣлано.

Въ началѣ 1735 года Фишеръ назначенъ былъ ректоромъ гимназіи, а Байеръ инспекторомъ. Но Фишеръ оставался недолго одинъ въ этой должности: въ слѣдующихъ 1737—1738 годахъ встрѣчаемъ на ней уже Шванвица, бывшаго преподавателя, о которомъ упоминаетъ Мюллеръ; какъ ни странно можетъ показаться, они были ректорами гимназіи въ одно и то же время. Конректоромъ гимназіи опредѣленъ былъ въ 1736 году Геллертъ, спеціалистъ по химіи и физикѣ, оказавшій впослѣдствіи, по возвращеніи его въ 1744 году въ Германію, значительныя услуги горно-заводскому дѣлу въ Саксоніи.

Изъ репортовъ Шванвица академической канцеляріи видно, что въ 1736 году учениковъ въ гимназіи было только 28, и что многіе изъ нихъ не ходили въ классы; такихъ бывало до 12-ти, а иногда и до 20-ти. Библіотекарь Шумахеръ не рѣдко вытребовалъ гимназистовъ на работы въ типографіи, или употреблялъ ихъ на занятія по академической канцеляріи. Съ сентября до конца года большая часть учениковъ перестала вовсе ходить въ гимназію, такъ что въ классахъ бывало отъ 8-ми до 15-ти учениковъ.

При такой незначительной ихъ численности, ректоры жаловались на тѣсноту помѣщенія гимназіи и объясняли этимъ, почему они будто-бы не могутъ преподавать въ гимназіи, а учатъ гимназистовъ въ своихъ квартирахъ, для отопленія коихъ просили и получили казенныя дрова.

Въ 1737 году гимназія состояла всего изъ 19-ти учениковъ, изъ коихъ многіе не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназіи находили только одного ученика, а разъ случилось, что ни одного не было.

Гимназія разрушилась; нужно было возобновить ее. Съ этою цѣлію учреждено было въ 1737 году Академіею Наукъ, во время президентства барона Корфа, особая комиссія изъ 4 лицъ — юстицъ-совѣтника, академика по математикѣ Гольдбаха, только что назначеннаго тогда совѣтникомъ академическаго правленія, а прежде бывшаго воспитателемъ императора Петра II, потому имѣвшаго репутацію основательнаго педагога, и профессоровъ Байера, Эйлера и Крафта, въ распоряженіе которой предоставлены были всѣ документы, касающіеся до гимназіи.

Байеръ предлагалъ раздѣлить гимназію на два отдѣленія: высшее и низшее, а низшее отдѣленіе подраздѣлить еще на два отдѣленія: для русскихъ и для нѣмцевъ; когда одни изучатъ нѣмецкій, а другіе русскій языкъ, то въ высшемъ, или латинскомъ, отдѣленіи они проходили бы курсъ вмѣстѣ. Высшее отдѣленіе онъ полагалъ составить изъ трехъ, а низшее изъ двухъ классовъ и назначить продолжительность ученія въ каждомъ классѣ двухлѣтнюю, то-есть ввести 10-ти лѣтній курсъ, за исключеніемъ особо даровитыхъ учениковъ, которыхъ переводить изъ класса въ классъ и ранѣе. Особенно пространна записка, поданная Эйлеромъ. Въ сущности, его взгляды сходятся съ мыслями Байера: онъ предлагалъ также раздѣлить гимназію на два отдѣленія: русское и нѣмецкое, и назначалъ такую же

продолжительность курса, то-есть десятилѣтнюю; въ каждомъ классѣ онъ полагалъ 26 недѣльныхъ часовъ ученія. Эйлеръ составилъ и подробный планъ преподаванія всѣхъ предметовъ. Съ нимъ согласился Крафтъ.

Въ эту комиссію представилъ свое мнѣніе и Фишеръ, какъ ректоръ гимназіи. Въ запискѣ его находился, между прочимъ, слѣдующій основательный взглядъ его объ отдѣленіи нѣмецкой школы отъ гимназіи: „Нѣмецкій языкъ“, говоритъ онъ, „необходимъ до тѣхъ поръ, пока русское юношество обучается нѣмецкими преподавателями; для этого можно было бы завести отдѣльную нѣмецкую школу и оттуда переводить въ гимназію наиболѣе даровитыхъ учениковъ, хорошо изучившихъ нѣмецкій языкъ“. Но въ особенности оригинально въ его запискѣ различіе взглядовъ на гимназическое образованіе въ Россіи и другихъ государствахъ. „Многіе ученые“, говоритъ онъ, „трудились надъ составленіемъ плана народнаго образованія; но мысли ихъ легче было изложить на бумагѣ, чѣмъ привести въ исполненіе. Многіе выдаютъ свои воззрѣнія за непремѣнныя правила, но когда посмотришь на нихъ попристальнѣе, то онѣ окажутся далеко не удовлетворительными и даже педантичными. Обстоятельства мѣста и времени и національныя особенности столь различны, что невозможно въ подобныхъ предметахъ начертить общія правила; такъ, напримѣръ, то, что высоко цѣнится въ Германіи, далеко не настолько же уважается въ Россіи: въ Германіи процвѣтаютъ языки латинскій, греческій и еврейскій, Аристотелева философія, римское право и спекулятивное богословіе; все это мало цѣнится въ Россіи, за исключеніемъ латинскаго языка. Здѣсь напираютъ главнымъ образомъ на практичность, въ особенности на науки математическія, полезныя для страны въ военное и мирное время. По этому при учрежденіи гимназіи въ Россіи нужно въ особенности сообразоваться съ этими взглядами.“ Читая эти строки, невольно припоминаешь полемику нашихъ реалистовъ противъ классическаго образованія въ началѣ семидесятыхъ годовъ, утверждавшихъ также, что русскія дѣти не способны къ тому ученію, которое получаетъ юношество въ другихъ государствахъ, и что будто русскій національный геній какой-то особенный, болѣе практическій. Нужно сознаться, что въ теченіе полутора вѣка извѣстная часть общества не далеко ушла впередъ въ учебномъ дѣлѣ, даже попятилась назадъ, ибо

прежде, какъ видно, всѣми признавалась въ Россіи по крайней мѣрѣ польза латинскаго языка, а наши реалисты и ее отвергаютъ.

Изъ представленныхъ въ комиссію мнѣній и записокъ составленъ былъ уставъ гимназіи, озаглавленный: Reglement des Gymnasii bey der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg"; но дальнѣйшаго хода ему дано не было.

Въ 1738 году Байеръ умеръ отъ горячки, и на мѣсто его назначенъ былъ академикъ по физикѣ, Крафтъ, инспекторомъ гимназіи. Онъ былъ извѣстенъ составленными имъ для гимназіи руководствами, по которымъ долгое время преподавались въ ней математическая географія и геометрія, именно: 1) Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geografie, nebst dem Gebrauche der Erdkugeln und Landkarten zum Nutzen der russischen studirenden Jugend 1738. Русскій переводъ изданъ въ 1739 году. 2) Einleitung zur Geometrie 1738. Русскій переводъ вышелъ въ 1762 году.

Въ 1738 же году Крафтъ составилъ и представилъ Академіи свой уставъ для гимназіи. По этому уставу гимназія раздѣлена была на шесть классовъ; три низшихъ, русскіе, и три высшихъ, латинскіе, гдѣ преподавался и греческій языкъ, и увеличено число начальствующихъ лицъ: кромѣ ректора и инспектора, явились конректоръ и проректоръ. Число же учениковъ оставалось, по-прежнему, незначительное: въ началѣ 1738 года 13, изъ коихъ въ классы ходили три — четыре. „Большая часть учениковъ адмиралтейства", доносилъ Крафтъ, „не посѣщаютъ гимназію, потому что у нихъ нѣтъ платья, и вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ адмиралтейство не выдаетъ имъ содержанія". Самое большое число учениковъ въ 1739 году было 33, изъ нихъ половина, иногда и болѣе, не ходили въ классы. Эйлеръ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ 1738 году руководство къ ариѳметикѣ — Anleitung zur Arithmetic" — для гимназіи. Но учитель ариѳметики не былъ въ состояніи воспользоваться руководительствомъ знаменитаго ученаго: ариѳметику преподавалъ одинъ студентъ, а геометрію танцмейстеръ, пока въ 1740 году академическая канцелярія не поручила оба эти предмета адъюнкту Ададурову. Французскій языкъ преподавалъ въ гимназіи съ 1739 года академикъ Ле Руа. Вмѣсто того, чтобы улучшить составъ учителей, Крафтъ старался объ уменьшеніи ихъ числа:

назіи замѣстилъ его академикъ по новой исторіи Ле Руа, онъ остался инспекторомъ гимназіи до 1748 года.

Отношенія президента Академіи, графа К. Г. Разумовскаго, къ академической гимназіи были чисто формальныя. Онѣ изображены характерно въ слѣдующемъ протоколѣ Академіи 30 іюня 1746 года. „По указу ея императорскаго величества, дѣйствительный камергеръ, орденовъ святаго Александра и святой Анны кавалеръ и Академіи Наукъ президентъ, гр. Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, слушавъ присланное отъ инспектора гимназіи и профессора Ле Руа на имя его сіятельства письмо текущаго мѣсяца отъ 13 числа, опредѣлилъ: оное письмо отослать къ нему Ле Руа чрезъ канцеляриста Албома назадъ, съ такимъ объявленіемъ, дабы онъ впредь о дѣлахъ ея императорскаго величества подавалъ его сіятельству репорты на россійскомъ языкѣ на цѣломъ листѣ, а не на полулистѣ, формою письма писанные, ибо и къ нему, Ле Руа, за подписаніемъ руки его сіятельства посланъ ордеръ, а не партикулярное письмо. А ежели ему, инспектору гимназіи, или другому кому изъ профессоровъ о дѣлахъ ея императорскаго величества потребно будетъ его сіятельству репорты подавать, то бы въ заглавіи репортовъ на цѣломъ листѣ такимъ образомъ писать: ея императорскаго величества дѣйствительному камергеру, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеру и Академіи Наукъ президенту, сіятельному гр. Кириллу Григорьевичу Разумовскому отъ такого именемъ профессора репортъ, а не такъ, какъ отъ него, инспектора, подано письмомъ. О чемъ чрезъ сіе всѣмъ господамъ профессорамъ, для вѣдома и исполненія сообщается".

Въ 1747 году, для помѣщенія университета и гимназіи, нанятъ былъ на шесть лѣтъ на Васильевскомъ островѣ домъ бароновъ Строгановыхъ.

Мальчики низшихъ сословій составляли, попрежнему, главный контингентъ академической гимназіи; такъ, въ 1731 году приняты были восемь сыновей плотниковъ, въ томъ числѣ шестерыхъ адмиралтейскихъ; въ 1735 году поступили въ гимназію сыновья писаря, шкипера, боцмана; въ 1737 году прислано было въ гимназію изъ полковой канцеляріи Преображенскаго полка 19 кантонистовъ и 13 солдатскихъ сыновей принято по прошеніямъ; въ 1747 году помѣщенъ былъ въ гимназію сынъ камердинера, а въ 1748 году приняты были сыновья

нѣсколькихъ солдатъ, придворныхъ кучеровъ и конюховъ, сторожа, столяра, повара. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1741 году, въ числѣ солдатскихъ дѣтей, поступилъ въ гимназію Котельниковъ, впослѣдствіи извѣстный академикъ.

Но и дѣти образованныхъ семействъ не переставали однако поступать въ гимназію, хотя и въ весьма небольшомъ числѣ.

24 іюня 1747 года утвержденъ былъ новый уставъ Академіи Наукъ, а 25 сентября того же года и штатъ гимназіи, въ которомъ положены были, кромѣ ректора и конректора, слѣдующіе учители: 1) учитель первыхъ основаній латинскаго языка, 2) учитель читать и писать, 3) учитель нѣмецкаго языка, 4) учитель ариѳметики и геометріи и 5) учитель рисовальный: „За науку ни отъ кого и никому ничего не требовать“, сказано въ этомъ уставѣ, другими словами, установлено безплатное обученіе, и положено было имѣть въ гимназіи 20 казенныхъ стипендіатовъ, чтобы число студентовъ могло всегда пополняться. Всѣ учителя гимназіи должны были преподавать на русскомъ языкѣ и латинскому языку обучать обязывались по-русски, не употребляя для этого ни французскаго ни нѣмецкаго языка. Съ самаго же начала требованіе это оказалось неисполнимымъ, за неимѣніемъ русскихъ учителей, знающихъ основательно древніе языки. 12 января 1749 года записано въ протоколѣ академической канцеляріи: „Хотя канцелярія всячески старалась пріискать искусныхъ учителей, которые бы могли помянутымъ образомъ обучать, но такихъ съискать не могли; того ради представить его высокографскому сіятельству, Академіи Наукъ г. президенту: не благоволено ли будетъ приказать, чтобы въ гимназіи попрежнему учили, до тѣхъ поръ, пока съищутся искусные учители“. Представленіе это осталось безъ разрѣшенія президента; но составъ учителей и языкъ преподаванія, какъ увидимъ ниже, сохранились прежніе.

Въ слѣдующемъ 1748 году ректоръ гимназіи Фишеръ представилъ свой проектъ устройства гимназіи, озаглавивъ его: „Расположеніе гимназіи въ 1748 году“. По этому проекту предполагалось, оставивъ гимназію по-прежнему раздѣленною на два отдѣла, нѣмецкую и латинскую школы, образовать въ каждомъ отдѣлѣ по два класса, опредѣливъ продолжительность курса въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ одинъ годъ, а во всѣхъ остальныхъ по два года, такъ чтобы весь гимназиче-

скій курсъ продолжался семь лѣтъ. Такое раздѣленіе гимназіи на четыре класса вынуждалось, повидимому, недостаткомъ помѣщенія, потому что въ нанимаемомъ у барона Строганова домѣ отведено было подъ гимназію только четыре комнаты.

Въ проектѣ своемъ Фишеръ распредѣлилъ подробно часы преподаванія по всѣмъ классамъ, отводя на болѣе важные предметы, именно на нѣмецкій языкъ въ нѣмецкой школѣ и на латинскій въ латинской школѣ, наиболѣе уроковъ, и назначивъ эти уроки весьма педагогично въ предъобѣденное время, такъ какъ „большаго размышленія требуютъ“.

10 августа 1750 года послѣдовало „учрежденіе о университетѣ и гимназіи, за подписаніемъ Академіи Наукъ господина президента“. По этому „учрежденію“, высшее завѣдываніе гимназіею поручено ректору университета, совмѣстно съ ректоромъ гимназическимъ, и они сообща должны были назначать часы преподаванія и учебныя руководства; гимназія состоять должна была, по-прежнему, изъ шести классовъ, т.-е. трехъ нѣмецкихъ и трехъ латинскихъ; но если будутъ ученики способные и желающіе продолжать дальше свое ученіе, „то учредить еще латынскій классъ, въ которомъ толковать труднѣйшихъ авторовъ, какъ въ прозѣ, такъ и стихами, также и греческому языку обучать“. По всей вѣроятности, это дозволеніе учредить въ гимназіи высшій классъ послѣдовало вслѣдствіе сдѣланнаго въ 1749 году Мюллеромъ, тогдашнимъ ректоромъ академическаго университета, представленія о необходимости прибавить въ гимназіи верхній, ректорскій классъ, гдѣ доучивались бы студенты. Въ гимназіи можно было по прежнему учиться только тѣмъ предметамъ, которые выберутъ ученики, или ихъ родители, а прохожденіе полнаго гимназическаго курса, съ обоими древними языками, требовалось только отъ предназначавшихъ себя къ высшему университетскому образованію; это выражено въ § 28 этого „учрежденія“ такимъ образомъ: „Ежели кто изъ вольныхъ въ наукахъ преуспѣвать и въ университетѣ на профессорскія лекціи ходить пожелаетъ, тотъ, по предписанному образцу, долженъ учиться латынскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и геометріи, а ежели кто не отъ наукъ содержаніе свое имѣть похочетъ, тому учиться въ гимназіи тѣмъ наукамъ, которыя служатъ къ его намѣренію“. Это „учрежденіе“ или уставъ утвержденъ былъ президентомъ Академіи, гр. Разумовскимъ.

Въ 1750 году ректоромъ гимназіи былъ профессоръ Крашенинниковъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ ученомъ мірѣ, еще бывши студентомъ, участвовавъ во второй камчатской экспедиціи Беринга, съ 1736 по 1743 годъ. Составленное имъ „Описаніе земли Камчатки“ издано было Мюллеромъ въ 1755 году, и переведено на французскій, нѣмецкій и латинскій языки. Онъ сдѣлалъ также „Ботаническое описаніе растеній по Ингерманландіи“, переведенное на латинскій языкъ и изданное въ 1761 году Гертеромъ, подъ заглавіемъ: „Flora ingrica“. Кромѣ того, онъ перевелъ и напечаталъ въ 1750 году исторію объ Александрѣ Великомъ Квинта Курція. Въ 1750 году Крашенинниковъ назначенъ былъ профессоромъ ботаники. Опредѣленіе Крашенинникова ректоромъ гимназіи не помѣшало академической канцеляріи назначить и второго ректора, знающаго основательно древніе языки, и на эту должность былъ выписанъ изъ Тюбингена магистръ Роткагеръ. Способъ пополненія гимназіи учениками не измѣнился: въ 1749 году академическая канцелярія просила военную коллегію дозволенія взять въ гимназію 15 малолѣтнихъ учениковъ изъ Петербургской гарнизонной школы, и, получивъ ея согласіе, поручила профессору Штелину и тогдашнему ректору гимназіи, Фишеру, „чтобы, какъ возможно, они старались, по ихъ усмотрѣнію, удобныхъ и самыхъ хорошихъ и надежныхъ къ понятію наукъ и художествъ выбрать изъ тѣхъ учениковъ пятнадцать человѣкъ“.

Гимназія состояла, какъ и прежде, преимущественно изъ солдатскихъ дѣтей, вполнѣ неимущихъ. Изъ учениковъ гимназіи только 20, какъ мы видѣли, были стипендіатами, получая отъ Академіи по рублю въ мѣсяцъ. Вскорѣ стало очевиднымъ, что такое число стипендіатовъ недостаточно для пополненія университета. „Изъ двадцати человѣкъ учениковъ, кои еще несовершенныхъ лѣтъ, весьма довольно было, ежели изъ нихъ добрыхъ, понятныхъ и къ превышнимъ наукамъ надежныхъ половина осталась, чего же однако чаять не возможно“. На основаніи этихъ справедливыхъ доводовъ, число академическихъ стипендіатовъ въ гимназіи увеличено было въ 1750 году сначала до 30, а въ концѣ этого года до 40.

Но и эта мѣра признавалась недостаточною, и въ то же время „для одобренія, чтобы они изъ одного класса въ другой скоро происходить старались“, назначено было, по ходатайству

Крашенинникова, стипендіатамъ особое мѣсячное жалованье по классамъ, именно постепенно возвышавшееся: въ старшемъ латинскомъ классѣ, въ которомъ, впрочемъ, въ 1750 году не было ни одного ученика, по 3 рубля, а въ среднемъ латинскомъ классѣ, состоявшемъ всего изъ одного гимназиста, по 2 рубля 50 к., въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ, гдѣ было 9 учениковъ, по 1 рублю 50 к., и въ низшемъ нѣмецкомъ классѣ, съ 7 учениками, по 1 рублю.

Неуспѣшности ученія въ гимназіи способствовало и то, что ученики принимались не въ опредѣленный срокъ, а въ теченіе всего года, отчего и происходило, что они „непрестанно вновь прибываютъ и всѣ учатъ разное, а именно иные читать, иные грамматику, иные переводить".

Главнымъ дѣятелемъ въ гимназіи и распорядителемъ ея обыкновенно бывалъ не ректоръ, имѣвшій общее надъ нею наблюденіе, а инспекторъ, непосредственно ею завѣдывавшій. При Крашенинниковѣ инспекторомъ гимназіи былъ адъюнктъ Академіи Модерахъ, педагогъ, содержавшій у себя частный пансіонъ для дворянскихъ дѣтей, и хорошо владѣвшій какъ русскимъ, такъ и нѣкоторыми иностранными языками. Когда исторіографъ Мюллеръ замышлялъ учрежденіе приготовительной школы для образованія переводчиковъ, то именно указывалъ на Модераха, какъ на такого по этой части спеціалиста, который былъ бы въ состояніи организовать и вести ее. „Я часто совѣтывалъ", писалъ онъ въ 1766 году Эйлеру, „сдѣлать распорядителемъ такой пріуготовительной школы г. профессора Модераха, котораго познанія въ русскомъ языкѣ чрезвычайно обширны; при чемъ обязать его, чтобы онъ показывалъ переводчикамъ какъ ихъ промахи, такъ и дѣйствительно хорошую сторону переводовъ. Однажды даже послѣдовало такое распоряженіе, но многія обстоятельства повредили пользѣ отъ того. Мой совѣтъ вамъ, хорошенько переговорите съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ безъ сомнѣнія очень способный человѣкъ, и если будетъ принужденъ оставить Академію, скоро можетъ найти себѣ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ". Гр. Разумовскій имѣлъ полное довѣріе къ Модераху и потому поручилъ ему представлять о всѣхъ недостаткахъ гимназіи и о способѣ ихъ исправленія. Модерахъ находилъ, и совершенно основательно, что главное неустройство гимназіи происходитъ оттого, что не всѣ ученики ея проходятъ обяза-

тельно весь гимназическій курсъ, какъ это установлено въ иностранныхъ гимназіяхъ, что почти втрое большее число ихъ поступаютъ въ гимназію только для изученія какого-либо языка, или другого предмета, которые могутъ быть имъ полезны впослѣдствіи въ жизни, отчего происходитъ раздѣленіе учениковъ на двѣ категоріи, изъ коихъ каждая требуетъ особаго распредѣленія преподаванія.

Составъ учителей, по справедливому мнѣнію Модераха, могъ быть улучшенъ только требованіемъ предварительнаго ихъ экзамена въ академической канцеляріи и недопущеніемъ къ преподаванію студентовъ университета.

Главная же причина малоуспѣшности большей части гимназистовъ, взятыхъ изъ простонародья, по замѣчанію Модераха, происходила отъ недостатка воспитанія и надзора за ними ихъ родителей, тратившихъ непроизводительно и деньги, отпускаемыя Академіею на стипендіатовъ; поэтому онъ находилъ необходимымъ принимать въ гимназію дѣтей необразованныхъ сословій съ бо́льшею разборчивостію, не отпускать денегъ на руки родителей, а устроить для стипендіатовъ интернатъ при гимназіи. Главные недостатки гимназіи, по мнѣнію Модераха, заключались въ смѣшеніи дѣтей изъ порядочныхъ семействъ съ сыновьями людей низшихъ сословій, отъ которыхъ они перенимаютъ дурныя привычки, отчего лица высшаго сословія избѣгаютъ помѣщать въ нее своихъ сыновей, а также и въ небрежности преподавателей, или вовсе не приходящихъ на свои уроки, опаздывающихъ, или уходящихъ съ нихъ до окончанія урока, на что жалуются многіе родители: осенью и весною, по колѣно въ грязи, приходятъ ученики въ гимназію и не находятъ учителей. Въ заключеніе Модерахъ представилъ о необходимости изданія устава гимназіи, въ которомъ опредѣлены были бы обязанности инспектора, преподавателей и учениковъ, распредѣленіе предметовъ и часы преподаванія, учебныя руководства и, наконецъ, взысканія, дабы каждый зналъ въ точности свои обязанности.

Всѣ эти дѣльныя мысли и предложенія остались неосуществленными. Конечно, Модерахъ старался, по возможности, примѣнять ихъ къ дѣлу, пользуясь своимъ положеніемъ въ гимназіи; но, при существовавшемъ ея устройствѣ, нельзя было улучшить ее безъ коренного преобразованія. Вѣроятно, въ этихъ видахъ послѣдовало въ 1750 году палліативное распоряженіе

академической канцеляріи слѣдующаго содержанія: „обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особеннымъ столомъ, а которые незнатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ особливо отдѣлить“.

До какой степени требовалось опредѣлить въ точности обязанности начальствующихъ въ гимназіи лицъ, оказалось вскорѣ изъ распоряженія президента Академіи относительно ректора гимназіи Роткагера. Въ 1757 году, когда графъ Разумовскій былъ въ Москвѣ, къ нему присланы были жалобы на Роткагера отъ нѣкоторыхъ дворянъ, сыновья коихъ учились въ гимназіи, на строгость къ нимъ ректора, въ особенности при ученіи древнихъ языковъ.

Въ 1751 году Крашенинниковъ назначенъ былъ ректоромъ университета, а изъ ректора гимназіи переименованъ былъ ея инспекторомъ: такимъ образомъ, вмѣсто двухъ ректоровъ, явились два инспектора гимназіи. Въ это же время конректоромъ гимназіи былъ Штенгеръ.

Положеніе Роткагера, заключеннаго въ одинъ старшій классъ, сдѣлалось критическимъ, потому что въ этомъ классѣ не было ни одного ученика, значитъ некого было и обучать древнимъ языкамъ. Этому пособили тѣмъ, что низвели 12 студентовъ университета въ этотъ гимназическій классъ.

Курсъ гимназіи измѣнялся такъ же произвольно и случайно, какъ и составъ гимназическихъ властей. Въ 1748 году опредѣленъ былъ въ гимназію учителемъ французскаго языка итальянецъ Годенди, и ему было предписано: „ежели сыщутся ученики, то обучать ему нѣсколько часовъ въ недѣлю и по-итальянски“. Съ тѣхъ поръ итальянскій языкъ, случайно вошедшій въ курсъ гимназіи, сохранился въ немъ до конца прошлаго столѣтія. Въ 1751 году понадобилось, неизвѣстно почему, ввести въ гимназическій курсъ фортификацію.

Едва ли успѣшно могло происходить обученіе гимназистовъ Закону Божію, потому что постояннаго законоучителя въ гимназіи не было, а, по распоряженію петербургской духовной консисторіи, два ключаря Петропавловскаго собора преподавали по-годно, то-есть каждый годъ перемѣнялись.

Составъ учителей гимназіи былъ, по-прежнему, неудовлетворительный. Въ 1750 году Крашенинниковъ представлялъ: „Въ нѣмецкомъ и французскомъ классахъ ученіе отправляется не съ такою пользою, какой бы ожидать надлежало, ибо учи-

тель Гервартъ, который нынѣ обучаетъ нижній французскій и вышній нѣмецкій классы, во французскомъ языкѣ не токмо не силенъ, но и весьма худое имѣетъ произношеніе; да и въ нѣмецкомъ почти такое же; и по крайней мѣрѣ сіе правда, что онъ обучаетъ учениковъ нѣмецкому языку такъ безпорядочно, что нѣтъ ни малой надежды, чтобы отъ его ученія можно было понять свойство онаго языка; не старается же онъ и о томъ, чтобы ученики правильному произношенію словъ привыкали, а для того они такъ по-нѣмецки читаютъ, что не токмо произношеніе ихъ, знающимъ оный языкъ противно, но и чтеніе неуразумительно, и сію причину подало, что нѣкоторые изъ вольныхъ учениковъ, отъ безплодной при такомъ наставленіи траты времени, принуждены были отстать отъ гимназіи, и на сторонѣ обучаться за плату, къ предосужденію гимназіи. И не соблаговолено ли де будетъ учинити нѣкоторую перемѣну при гимназіи, въ большую пользу учащихся, прибавя учителей нѣмецкаго и французскаго языковъ".

Вслѣдствіе этого представленія Гервартъ отрѣшенъ былъ отъ преподаванія въ гимназіи французскаго языка, и на его мѣсто опредѣленъ былъ учитель кадетскаго корпуса Сужи; нѣмецкій же языкъ остался временно за нимъ, съ помощію информатора Эстерлена и самого Модераха, которому поручено было пріискать на этотъ предметъ другого преподавателя. Модерахъ рекомендовалъ на эту должность уроженца Гданска Кожина, который и былъ опредѣленъ. Удаленіе изъ гимназіи Герварта ускорено было его ссорою съ Модерахомъ: „Герварта за его неспособность и безпокойное житіе", писалъ графъ Разумовскій Шумахеру, „а особливо, что онъ письменно ругаетъ и поноситъ Модераха, какъ я самъ изъ собственноручнаго Гервартова письма усмотрѣлъ, отрѣшить отъ Академіи". Другимъ учителемъ нѣмецкаго языка назначенъ былъ бывшій студентъ академическаго университета, англичанинъ Букеръ, чисто говорившій по-русски и легко переводившій съ одного языка на другой. Въ 1753 году опредѣленъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ нижній нѣмецкій классъ студентъ изъ русскихъ, „которую де должность онъ отправить въ состояніи, ибо онъ по-нѣмецки лучше всѣхъ студентовъ знаетъ". Въ томъ же году опредѣленъ былъ въ конректорскій классъ (средній латинскій) также студентъ Герасимовъ, потому что преподававшій въ этомъ классѣ конректоръ

Штенгеръ не зналъ русскаго языка, и ученики его переводили съ латинскаго на нѣмецкій; обязанность Герасимова состояла въ томъ, чтобы, помогая Штенгеру, онъ заставлялъ учениковъ переводить на русскій языкъ, что составляло двойной переводъ, сначала на нѣмецкій, а потомъ на русскій языкъ. „Въ пользу гимназіи необходимо потребно", писалъ Крашенинниковъ, „чтобы изъ студентовъ одинъ обучалъ учениковъ Штенгерова класса переводамъ на россійскій языкъ, и то бы самое переводить приказывалъ, что они у Штенгера съ латинскаго на нѣмецкій языкъ переводятъ; ибо усмотрѣно имъ, что ученики, разумѣя совершенно содержаніе автора латинскаго, гдѣ имъ толковано, по-нѣмецки переводятъ, а по-русски перевесть не могутъ. А ежели такой человѣкъ къ нимъ опредѣлится, то они и способнѣе по-латыни научатся, и заблаговременно къ переводамъ привыкнутъ".

Обращеніе учителей съ учениками было грубое. Всего рельефнѣе обрисовывается оно въ подлинныхъ протоколахъ академической канцеляріи.

Такъ въ протоколѣ 31 октября 1752 года записано: „Сего числа профессоръ университета, ректоръ и гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ рапортомъ канцеляріи представлялъ коимъ образомъ конректоръ Штенгеръ поступалъ съ учениками въ наказаніи, увѣча ихъ палкою, что одинъ изъ нихъ Илья Аврамовъ около двухъ недѣль былъ боленъ, о чемъ онъ доносилъ словесно въ канцеляріи, и ему Штенгеру за то учиненъ выговоръ и запрещено отнюдь не употреблять трости; но онъ Штенгеръ сего октября 30 числа ученика Веденскаго не токмо увѣчилъ своею тростью, но и глазъ оного подшибъ опасно. А понеже де отъ такихъ наказаній не столько исправленіе учениковъ, сколько вреда ожидать должно, для того что такія увѣчья могутъ въ нихъ и охоту къ наукамъ угасить, и здравію молодыхъ оныхъ дѣтей неисцѣльный вредъ нанесть и великому ущербу ожиданной отъ нихъ пользы, тѣмъ наипаче, что у него учатся лучшіе изъ жалованныхъ учениковъ, которые не только ариѳметику, геометрію, тригонометрію и географію обучили, но и въ фортификаціи нѣсколько успѣли, а по нѣмецки столько знаютъ, что латинскому языку въ классѣ его посредствомъ нѣмецкаго обучаются, ибо онъ Штенгеръ по русски не разумѣетъ. И требовалъ онъ профессоръ, чтобы его Штенгера отъ такихъ предосудительныхъ своевольствъ

унять, и за ослушаніе команды положить на него штрафъ, чтобы какъ ему, такъ и другимъ впредь преслушникомъ неповадно было. Ужели-же положеннаго штрафа нести онъ не пожелаетъ, то Академіи немного убытку будетъ, когда онъ Штенгеръ службу оставитъ; ибо на его мѣсто много достойнѣйшихъ его и искуснѣйшихъ изъ россійскихъ студентовъ. И по тому онаго профессора репорту въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: конректора Штенгера, призвавъ въ канцелярію, учинить выговоръ, дабы онъ впредь съ академическими и вольными учениками поступалъ добропорядочно; и такъ какъ въ репортѣ профессорскомъ объявлено, палкою не наказывалъ, и тѣмъ ихъ не увѣчилъ, а за вины, съ докладу профессору, наказывать впредь розгами. А ежели онъ Штенгеръ впредь ему профессору въ чемъ явится ослушенъ, или непорядочнымъ образомъ учениковъ станетъ наказывать, въ такомъ случаѣ отъ Академіи будетъ отрѣшенъ, или по винѣ штрафованъ быть имѣетъ вычетомъ изъ жалованья". Вскорѣ оказалось, что и розгами можно увѣчить учениковъ точно также, какъ и палкою. Въ протоколѣ 24 апрѣля 1753 года читаемъ: „Сего апрѣля 22 дня Модерахъ подалъ отъ себя доношеніе, коимъ объявилъ, что де онъ Сужи (учитель французскаго языка) предъявленному, полковника Грана сыну, учинилъ прежестокое, и дворянскимъ дѣтямъ совсѣмъ неприличное наказаніе, и одинъ изъ истопниковъ, прищемя оному Грану голову, держалъ, а другой лозою сѣкъ такъ немилосердно, что онъ нѣсколько дней не могъ ни сидѣть, ни лежать; чего для онъ Модерахъ его Сужи призывалъ къ себѣ и учинилъ ему, яко подчиненному, за такую продерзость выговоръ, котораго онъ тѣмъ болѣе казался ему достойнымъ, ибо де отъ г-на профессора Крашенинникова и отъ него учителямъ при гимназіи многократно подтверждено, чтобы они, безъ общаго ихъ вѣдома, или позволенія, дворянскихъ и знатныхъ отцовъ дѣтей бить отнюдь не дерзали. Но понеже нѣкоторые изъ оныхъ учителей люди такъ разсудливые, что ежели имъ въ томъ дать дозволеніе, то гимназія въ скоромъ времени будетъ пуста. При томъ, де оный Сужи не одного токмо Грана, но и разныхъ другихъ учениковъ больно сѣкъ чрезъ того-же истопника, котораго онъ заставляетъ бить нарочно, для того, что онъ сильно бьетъ, за что Сужи самъ публично его и хвалитъ, и какъ ученики его сказываютъ, за такую знатную услугу,

даетъ на вино деньги. А такіе де поступки пристойны-ли гимназическому учителю, и отъ такого безразсуднаго наказанія не можетъ-ли быть нареканіе Академіи, оное де оставляется на разсмотрѣніе канцеляріи Академіи Наукъ".

Въ 1753 году умеръ безвластный ректоръ гимназіи Роткагеръ, а конректоръ Штенгеръ вышелъ въ отставку. Крашенинниковъ представилъ на его мѣсто студента Герасимова, и прибавилъ, что „уповаетъ, что россійское юношество скорѣе обучаться имѣетъ латинскому языку, для того что онъ чрезъ россійскій языкъ толковать будетъ, вмѣсто того что прежде надлежало дѣтямъ сперва научиться по нѣмецки, чтобы посредствомъ нѣмецкаго языка обучаться латинскому". Но графъ Разумовскій написалъ: „опредѣляется конректоромъ гимназіи студентъ Николай Поповскій". Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Поповскій былъ ученикомъ Ломоносова въ русской словесности, и скоро показалъ свою даровитость переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій, прозою и стихами. Онъ перевелъ стихами и издалъ въ 1753 году письмо Горація о стихотворствѣ и нѣсколько его одъ. Потомъ перевелъ стихами же съ французскаго языка „Опытъ о человѣкѣ" Попе, и напечаталъ въ 1753 году; этотъ переводъ имѣлъ шесть изданій. Имъ переведено было также съ французскаго языка сочиненіе Локка „О воспитаніи дѣтей" и издало въ 1760 году. Вскорѣ открылся Московскій университетъ, и Поповскій назначенъ былъ профессоромъ элоквенціи. Онъ первый началъ издавать принадлежащія университету Московскія Вѣдомости.

Графъ Разумовскій сознавалъ неудовлетворительное состояніе гимназіи, напоминалъ учителямъ ихъ обязанности, и въ 1753 году приказалъ составить для нея уставъ. Въ данной имъ 13 февраля этого года инструкціи академической канцеляріи сказано: „При гимназіи всячески наблюдать, чтобы учители были люди способные и рачительные, и должности свои исполняли прилежно. Которые-же явятся не способны, лѣнивы и положенные для ученія дни и часы прогуливать будутъ, о таковыхъ, такъ и генерально о состояніи гимназіи, инспектору Модераху репортовать въ канцелярію, для надлежащаго по тому опредѣленія, и дабы какъ учители, такъ и учащіеся свѣдомы были о ихъ должностяхъ, то разсмотрѣть прежній регламентъ гимназіи, и что въ ономъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, требовать будетъ перемѣны, или пополненія, оное

немедленно исправить, и такимъ образомъ поставя на твердомъ основаніи, прислать ко мнѣ для апробаціи".

Ограниченное 40 человѣками число гимназическихъ стипендіатовъ расширено было въ 1752 году постановленіемъ, что оно можетъ быть увеличиваемо безъ опредѣленія нормы, если только достаточно будетъ академическихъ суммъ. Несмотря на это, въ 1758 году гимназистовъ на казенномъ содержаніи было всего 44. Для пополненія гимназіи учениками переводились на нѣкоторые предметы гимназическаго курса студенты университета.

Такъ въ 1758 году, при произведенномъ Штенгеромъ, Таубертомъ и Брауномъ экзаменѣ гимназистовъ, оказался въ старшемъ латинскомъ классѣ только одинъ ученикъ; „а въ добавокъ къ нему", постановила академическая канцелярія, „можно опредѣлить изъ студентовъ нижняго класса, которые въ латинскомъ языкѣ не сильны". Въ 1757 году въ верхнемъ нѣмецкомъ классѣ, вмѣстѣ съ гимназистами, обучались нѣмецкому языку и студенты университета.

Главный контингентъ гимназическихъ учениковъ состоялъ, по-прежнему, изъ мальчиковъ низшихъ сословій, въ особенности солдатскихъ дѣтей. Не мало было также въ гимназіи сыновей служителей графа Разумовскаго, и на нихъ начальство обращало особое вниманіе.

18 августа 1758 года графъ Разумовскій поручилъ завѣдываніе ученою и учебною частію въ Академіи Ломоносову, подчинивъ ему вполнѣ какъ университетъ, такъ и гимназію. Академическія учебныя заведенія давно занимали Ломоносова, и еще прежде онъ старался придумать мѣры къ ихъ улучшенію. Въ 1755 году онъ обращалъ вниманіе на слабые успѣхи учениковъ и на малочисленность ихъ въ гимназіи, предлагалъ увеличить число казенныхъ стипендіатовъ и принимать въ гимназію сыновей лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ. „Школьники въ гимназіи", писалъ онъ, „не по пропорціи студентовъ положены. Сочинитель не имѣлъ никакого понятія о человѣческомъ родѣ, не зналъ: 1) что молодыхъ больше умираетъ, нежели старыхъ, такъ что едва сороковой человѣкъ до тридцати лѣтъ доживетъ, для чего школьниковъ много больше надобно, нежели студентовъ; 2) не разсудилъ того, что не всякій школьникъ въ студенты годенъ, по разности понятія и прилежанія; 3) хотя иной остроуменъ, да по разнымъ обстоя-

тельствамъ далѣе произойти не можетъ. По всему сему должно было положить больше школьниковъ, нежели студентовъ. Однако въ штатѣ положено студентовъ 30, школьниковъ 20 человѣкъ. Ежели сочинитель думалъ о безжалованныхъ школьникахъ, то долженъ былъ думать и о безжалованныхъ студентахъ; а жалованные должны имѣть всегда свою между собою пропорцію. Другія европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился, а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь, въ россійскомъ государствѣ, ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ-быть, сочинитель думалъ, что россійскому государству великая тягость, ежели оно сорокъ алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и сорокъ алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1,800 рублей, чтобы иноземца выписать; однако, чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ? Довольно бъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ". Академикъ Мюллеръ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія: онъ находилъ, что академическая гимназія испорчена тѣмъ, что состояла преимущественно изъ мальчиковъ низшаго сословія, и предлагалъ обучать ихъ отдѣльно отъ дворянскихъ дѣтей. 17 іюля 1756 года произошли въ академическомъ собраніи жаркія объ этомъ пренія, до такой степени, что Ломоносовъ, Штелинъ и Поповъ вышли изъ залы; вопросъ этотъ остался неразрѣшеннымъ. Въ 1758 году Ломоносовъ представлялъ графу Разумовскому о дурномъ состояніи гимназіи.

Получивъ гимназію въ полное свое распоряженіе, Ломоносовъ тотчасъ же завелъ при ней пансіонъ на 40 казенно-коштныхъ воспитанниковъ, что, какъ мы видѣли, еще прежде предлагалъ Модерахъ, и полагалъ увеличить впослѣдствіи ихъ число до 60, что и было сдѣлано въ 1760 году. 22 февраля 1760 году напечатано было въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе, что число содержащихся въ гимназіи на казен-

номъ счету учениковъ увеличено втрое, а потому родители приглашаются отдавать своихъ дѣтей въ гимназію. Это объявленіе о числѣ казенныхъ учениковъ вѣрно только по отношенію къ 20-ти положеннымъ по академическому уставу 1747 года; но уже въ 1750 году оно было удвоено, а въ 1752 году разрѣшено было, какъ мы видѣли, принимать неограниченное число учениковъ на казенное содержаніе, лишь бы дозволяли денежныя средства Академіи.

Въ гимназіи Ломоносовъ устроилъ нижніе русскіе классы, вмѣсто нѣмецкихъ. Въ 1759 году онъ представилъ, что для гимназистовъ старшаго класса полезно было бы, передъ вступленіемъ въ университетъ, имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, для избранія себѣ факультета, потому находилъ необходимымъ, чтобы по каждому предмету университетскаго преподаванія составленъ и напечатанъ былъ краткій конспектъ, и по его требованію и предписано было: „дабы господа профессоры учинили то безъ всякаго замедленія“. Но они не учинили этого вовсе, и едва ли можно о томъ сожалѣть, потому что пользы отъ того было бы мало.

Въ томъ же 1759 году Ломоносовъ составилъ „узаконенія“ для учащихся въ гимназіи, въ которыхъ изложены были правила о томъ, какъ ученики должны были вести себя въ отношеніи учителей и другъ съ другомъ. Правила эти не болѣе какъ общія мѣста, не имѣющія практическаго значенія.

Въ томъ же 1759 году составлены были Ломоносовымъ регламенты университета и гимназіи, но они не сохранились.

Составъ учителей гимназіи былъ, по-прежнему, не удовлетворительный; ихъ набирали преимущественно изъ недоучившихся студентовъ, которые, конечно, преподавали по-русски, но не имѣли достаточныхъ познаній.

Хотя число казенно-коштныхъ учениковъ опредѣлено было имѣть 60, но это число никогда не наполнялось, по недостатку желающихъ поступить въ гимназію: въ 1762 году пансіонеровъ было 32, а въ 1763—34. Для удержанія учениковъ въ гимназіи придуманы были принудительныя мѣры: обязывали родителей не брать назадъ своихъ сыновей изъ гимназіи, отдавая ихъ всецѣло Академіи навсегда, а малолѣтнихъ учениковъ приводили къ присягѣ.

При неудовлетворительномъ составѣ преподавателей и несо-

отвѣтственномъ наборѣ учениковъ, плохи были и успѣхи гимназистовъ; такъ, въ августѣ 1764 года произведенъ былъ экзаменъ казеннымъ ученикамъ гимназіи, и изъ 13-ти учениковъ низшаго класса переведено было въ средній только три, а изъ 10-ти учениковъ средняго въ старшій только одинъ.

Ломоносовъ надѣялся придуманными имъ мѣрами поправить гимназію. Въ 1760 году писалъ онъ, и нужно сказать, безъ излишней скромности: „Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы“. Онъ убѣжденъ былъ даже, что привелъ гимназію въ порядокъ; „всѣми силами стараюсь о ученыхъ россіянахъ“, писалъ онъ въ 1760 году И. И. Шувалову, „сочинивъ регламенты, привелъ въ порядокъ гимназію“. Не всѣ академики раздѣляли, однако, это мнѣніе. Въ 1761 году Мюллеръ писалъ вліятельному секретарю гр. Разумовскаго, Теплову: „Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, Ломоносовъ—бѣшеный, съ ножомъ въ рукахъ. Онъ разоритъ всю Академію, если его сіятельство не возстановитъ скоро порядокъ. Мы видимъ печальный тому примѣръ на университетѣ и гимназіи, которыми онъ исключительно управляетъ: они никогда не были въ такомъ плохомъ положеніи, какъ теперь“. Мы познакомились уже выше съ педагогическими взглядами инспектора гимназіи Модераха, который желалъ для гимназіи иного контингента учителей и другого состава учениковъ. Ломоносовъ имѣлъ, какъ видно, другія воззрѣнія, не сошелся съ Модерахомъ и, наконецъ, въ 1761 году потребовалъ удаленія его отъ должности, и, не ожидая рѣшенія президента, не бывшаго тогда въ Петербургѣ, удалилъ Модераха отъ должности, а на его мѣсто назначилъ профессора Котельникова. Въ то время гр. Разумовскій жилъ въ Малороссіи. Онъ давно зналъ и цѣнилъ Модераха; но съ другой стороны, отдавъ гимназію въ полное распоряженіе Ломоносова, не могъ противиться ему въ выборѣ главнаго ея дѣятеля; онъ долго медлилъ отвѣтомъ, наконецъ согласился на представленіе Ломоносова, но какъ-бы условно и нехотя.

Котельниковъ былъ несомнѣнно человѣкъ дѣльный и старательный, но исправить гимназію не могъ: онъ употреблялъ давно испытанныя, недѣйствительныя средства: выгонялъ изъ гимназіи учениковъ (такъ 1764 году исключено было 8 гимназистовъ), увольнялъ негодныхъ учителей изъ студентовъ, но замѣнялъ ихъ тоже студентами.

Въ 1764 году Котельниковъ просилъ о назначеніи ректоромъ гимназіи конректора академической типографіи Киница, который прежде былъ въ Гданскѣ конректоромъ; президентъ поручилъ профессорамъ Фишеру, Брауну и Котельникову проэкзаменовать Киница, и онъ былъ опредѣленъ ректоромъ гимназіи.

Помѣщеніе гимназіи не соотвѣтствовало также правильно устроенному учебному заведенію. „Учители въ зимнее время“, представлялъ Котельниковъ, „даютъ лекціи въ классахъ, одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперекъ по классу, и ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ, отчего дѣлается по всему тѣлу абструкція, и потомъ рождается корчета и скарбутъ, которыхъ ради болѣзней принуждены оставить хожденіе въ классы; чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей“.

Домъ Троицкаго подворья нанятъ былъ въ 1756 году для гимназіи первоначально только на одинъ годъ; но, вмѣсто того, гимназія оставалась въ немъ восемь лѣтъ. Наконецъ, домъ этотъ пришелъ почти въ совершенное разрушеніе, какъ это видно изъ слѣдующаго репорта Котельникова академической канцеляріи 6 августа 1764 года: „Со вступленія моего въ гимназію инспекторомъ подавалъ я каждый годъ въ канцелярію Академіи Наукъ репорты о починкѣ дому, въ которомъ гимназія, всегда заблаговременно; но починка начиналась очень поздно и никогда не приходила къ окончанію, отчего домъ безпрестанно приходилъ въ большое разрушеніе, и живущіе въ немъ претерпѣвали зимою отъ холоду нужду. Часто учители, ради нестерпимой стужи, не окончивъ лекцій, выходить принуждены и учениковъ распускать. Двери во всемъ домѣ такъ ветхи, что не токмо не можно плотно затворить и запереть, но и замка и петель прибить нельзя. Окончины такожде, ради ветхости, стеколъ не держутъ, которые часто выбиваетъ, чего ради въ покояхъ учениковъ и студентовъ, такожде и въ классахъ, принуждены сторожа зимою окны тряпицами и рогожами завѣшивать, которыя лѣтомъ стоятъ полы, какъ то и теперь еще можно видѣть. Въ сѣняхъ не токмо стеколъ, но и окончинъ нѣту; двери весьма ветхи, которыя ни запереть, ни затворить не можно. Подъ кровлею, въ слуховыхъ окнахъ, ставни индѣ худы, индѣ вовсе нѣту. Зимою набиваетъ снѣгъ,

какъ подъ кровлею на потолки, такъ и въ сѣни, отъ котораго въ оттепели подопрѣваетъ у потолковъ подмазка и обваливается. Такожде и въ покояхъ подмазка весьма худа. Разъ убило-было мою жену, а въ другой дѣтей. О передѣлкѣ кухни, гдѣ на студентовъ и гимназистовъ стряпаютъ, поданъ мною репортъ уже третьяго году. Она такъ худа, что зимою тѣсто въ квашнѣ мерзнетъ". Въ 1764 году купленъ былъ для гимназіи, на сумму книжныхъ доходовъ, домъ бароновъ Строгановыхъ за 9900 рублей. Ломоносовъ думалъ и утверждалъ, что онъ устроилъ гимназію, какъ слѣдуетъ. Уже въ царствованіе императрицы Екатерины, сравнивая положеніе этого учебнаго заведенія, въ какомъ онъ его засталъ, съ тѣмъ, какъ его поставилъ, онъ писалъ: „Въ гимназіи хотя не мало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, за тѣмъ что жалованье имъ давалось въ руки, которое брали къ себѣ ихъ родители, или свойственники, и держали больше на себя, нежели на школьниковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и стужу, и стыдно было ихъ показать постороннимъ людямъ. При томъ же пища ихъ была весьма бѣдная и одинъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла въ голову. Да и времени имъ къ тому не было, затѣмъ что дома должны были служить отцу и матери, для бѣдности, а въ гимназію ходя, по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школы отгуливать. Итакъ, не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единаго человѣка. Но послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобствія отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены, какъ и студенты, въ общежитіе, снабжены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ, по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья, не теряютъ времени ни ходьбою на домъ, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей передъ глазами въ одномъ домѣ".

Не такъ смотрѣла Академія на сдѣланныя Ломоносовымъ улучшенія въ академической гимназіи. Въ протоколѣ 21 августа 1765 года читаемъ: „Въ прошломъ 1760 году, опредѣленіемъ его сіятельства Академіи г-на президента графа Кирилла

Григорьевича Разумовскаго велѣно въ Академической гимназіи учениковъ содержать въ общежитіи 60, полагая на каждаго по 36 рублевъ въ годъ, въ силу котораго опредѣленія и находилось учениковъ отъ 45 до 50 человѣкъ. И хотя съ того времени разные опыты собраніемъ въ общежитіи тѣхъ гимназистовъ учинены, но ни мало не соотвѣтствовали намѣренію, дабы изъ нихъ произвесть людей способныхъ къ наукамъ и къ принесенію такой пользы отечеству, которая хотя-бы нѣсколько замѣняла употребленный на нихъ и на содержаніе учителей и другихъ нижнихъ чиновъ коштъ. А какъ изъ поданныхъ въ канцелярію о состояніи университета и гимназіи репортовъ усмотрѣно, что между студентами и гимназистами нашлась почти половина отчасти пьяницъ, забіякъ, лѣнивыхъ, непонятныхъ, и въ ученіи никакого успѣха понынѣ не оказавшихъ, а сіе паче происходило оттого: 1) оные ученики принимаемы были болѣе для скорѣйшаго наполненія числа, не разсматривая при томъ и лѣтъ, состоянія и способности къ наукамъ, и набираемы были изъ самой подлости, почему не имѣли добраго воспитанія, а въ общежитіи о поправленіи сего недостатка никакого попеченія не приложено, особливо что и надзиратели сами были люди, всякими пороками зараженные, 2) между гимназическими учениками многіе такіе находились, которые при неспособности своей и худыхъ поступкахъ достигли уже 20-ти лѣтняго возраста, а иные оный и превзошли, признавая ученіе себѣ крайнимъ принужденіемъ и тягостію". Съ своей стороны, можемъ привести доказательство справедливости этого факта: 25 мая 1765 года принятъ былъ въ низшій классъ гимназіи Андрей Корьяченко, 25-ти лѣтъ.

Въ 1766 году Мюллеръ писалъ Эйлеру: „Дѣло заключается не въ одной Академіи, но и въ рѣшительномъ преобразованіи такъ называемаго университета и гимназіи, и особенно въ доведеніи этой послѣдней до такого совершенства, чтобы и значительные родители отдавали въ нее воспитывать дѣтей своихъ".

Достигнуть этого было трудно, потому что гимназія не предоставляла никакихъ правъ, а родители заботились преимущественно о будущей служебной карьерѣ своихъ сыновей; значитъ, нужно было придумать другія мѣры для улучшенія состава учащихся въ гимназіи.

Примѣръ этому поданъ былъ именно въ то время И. И. Бец-

кимъ, который находилъ, что отъ существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній „мало, буде совсѣмъ ничего, существительныхъ плодовъ собрано“. Система воспитанія Бецкаго извѣстна: онъ находилъ необходимымъ удалять дѣтей, съ самаго нѣжнаго возраста и вплоть до совершеннолѣтія, изъ грубой среды ихъ родителей, и тѣмъ предостеречь ихъ отъ дурныхъ навыковъ, и такимъ образомъ создать изъ нихъ „новую породу“, или новыхъ отцовъ и матерей, которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки!“ „Великое сіе намѣреніе исполнить“, писалъ онъ, „нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣ, какъ по пятому и по шестому году... Итакъ, о воспитаніи юношества пещися должно неустанными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестого до осемнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ“. Составленное Бецкимъ „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества“ утверждено было Императрицею 12 марта 1764 года.

Въ 1765 году, уѣзжая изъ Петербурга, графъ Разумовскій далъ 19 апрѣля инструкцію академической канцеляріи, въ которой сказано было: „Университетъ и гимназію съ принадлежащими къ онымъ профессорами, учителями, студентами и учениками, учредить на такомъ основаніи, чтобъ сходствовало съ высочайшимъ намѣреніемъ ея императорскаго величества о воспитаніи и обученіи россійскаго юношества“ (т.-е. по системѣ Бецкаго)... „а дабы вслѣдствіе того никакого затрудненія не было, то въ нужной перемѣнѣ прежнихъ распорядковъ полагается на разсмотрѣніе канцеляріи“.

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, именно 4 апрѣля, умеръ Ломоносовъ, „который имѣлъ единственное надзираніе и смотрѣніе надъ академическими студентами и гимназистами“.

Слѣдуя инструкціи президента Академіи, Таубертъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Какъ ея величество въ публико-

ванномъ генеральномъ планѣ сама Высочайше предписать соизволила порядокъ, какимъ образомъ воспитаніе обоего пола россійское юношество, чему по апробованнымъ отъ ея величества какъ Академіи Художествъ, такъ и благородныхъ дѣвицъ регламентомъ учинено въ обоихъ оныхъ мѣстахъ благополучное и впредь всякую надежду подающее начало: того ради, по указу ея императорскаго величества, канцелярія академическая за должность свою признаваетъ и при Академіи о воспитаніи назначеннаго къ наукамъ юношества учинить точно такое-жъ учрежденіе, а именно: 1) изъ находящихся нынѣ при гимназіи сорокъ семи учениковъ выбрать тридцать человѣкъ лучшихъ, какъ въ разсужденіи нравовъ, такъ и способности къ наукамъ, а достальныхъ непорядочнаго поведенія и превосходящихъ настоящія лѣта, а притомъ никакой надежды о себѣ впредь не подающихъ, отчасти вовсе отрѣшить, а отчасти распредѣлить къ художествамъ, если къ онымъ способные явятся; 2) набрать вновь и содержать, на основаніи закона воспитательнаго училища при Академіи Художествъ, тридцать человѣкъ молодыхъ ребятъ, возрастомъ пяти и шести, а отнюдь не свыше семи лѣтъ, которыхъ принимать, какъ изъ бѣдныхъ дворянъ, буде пожелаютъ, такъ и изъ разночинцевъ; о пріемѣ оныхъ публиковать при газетахъ печатнымъ листочкомъ, и во всѣ команды разослать, а между тѣмъ, покуда происходить будетъ сей наборъ учениковъ, сдѣлать къ ихъ содержанію штатъ и какія для того окажутся надобности немедленно приготовить и исправить такимъ образомъ, что, буде возможно, къ первому числу будущаго августа сего года къ дѣйствительному принятію и содержанію сихъ для воспитанія къ наукамъ вновь принимаемыхъ тридцати учениковъ все въ готовности было, и ученіе ихъ въ то же время начаться могло“. Публикація въ газетахъ была сдѣлана, съ прописаніемъ въ ней, въ видѣ справки, правилъ о пріемѣ дѣтей въ Академію Художествъ. Желающихъ поступить въ гимназію дѣтей явилось 64; по троекратномъ осмотрѣ ихъ Таубертомъ, профессоромъ Протасовымъ и докторомъ Иберкампферомъ, принято изъ нихъ было 30, „надежду къ обученію подающихъ“, а отъ представившихъ ихъ отцовъ и родственниковъ отобраны были подписки въ томъ, что они „вовсе отъ нихъ отказываются, и ни подъ какимъ видомъ впредь требовать не будутъ“. Для обученія ихъ грамотѣ опредѣлены

были подканцеляристъ Карякинъ и ученикъ географическаго департамента Матвѣевъ. Мальчики эти были, по большей части, сыновья чиновниковъ, писарей и солдатъ.

Въ августѣ открытъ былъ при гимназіи пансіонъ, раздѣленный на два отдѣленія, порученныхъ классными дамамъ, по 15-ти дѣтей каждой. Эти классныя дамы или надзирательницы не были пріисканы, а вызывались также публикаціями въ газетахъ.

Между тѣмъ Императрицѣ донесли, что Таубертъ завелъ, безъ всякаго будто спроса, самовольно, и „въ дѣйствіе произвелъ“ при гимназіи пансіонъ для малолѣтнихъ дѣтей отъ 5 до 6 лѣтъ „всякаго чина, кромѣ крѣпостныхъ“ какъ онъ объявилъ, „для поправленія худаго состоянія университета и гимназіи“, и набралъ въ него 30 малолѣтнихъ мальчиковъ разночинцевъ. Императрица, какъ видно знавшая, но не любившая Тауберта, велѣла его спросить: по какому праву онъ это сдѣлалъ. Не желая выдавать графа Разумовскаго, распоряженіе котораго приведено выше, Таубертъ отвѣчалъ, что слѣдовалъ примѣру Академіи Художествъ, то есть Бецкаго. На его запискѣ Екатерина написала: „Il est extrêmement singulier de dire произвелъ: chacun qui viendra changera à cet établissement tout ce qu'il voudra, parce que l'approbation de Mr. Taubert ne fait pas loi, et que c'est bâtir sur le sable que d'agir ainsi самовольно, et sans approbation“. Однако, малолѣтнее отдѣленіе осталось при гимназіи во все царствованіе Императрицы.

Вскорѣ оказалось, что принятыя черезъ газеты и наскоро надзирательницы, или какъ онѣ названы „мадамы“, вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію. 20 декабря 1766 года состоялось слѣдующее постановленіе академической канцеляріи: „Имѣя разсужденіе, что находящіяся при Академіи для обученія малолѣтнихъ гимназистовъ мадамы Миллерша и Ремерша, сколько извѣстно, были прежде худого состоянія, да и нынѣ бываютъ у нихъ частые сторонніхъ людей съѣзды и компаніи, и въ ночное время, а потому весьма ненадежно, чтобъ малолѣтные дѣти воспитаны и научены были хорошему поведенію, и съ желаемою пользою, того ради: 1) онымъ мадамамъ объявить, что онѣ далѣе перваго числа будущаго генваря при гимназіи содержаны не будутъ, и для того бы къ тому времени изъ дому казеннаго выѣхали, 2) надъ дѣтьми

имѣть смотрѣніе впредь до резолюціи учителямъ Корякину и Матвѣеву, у которыхъ быть въ командѣ какъ лакеямъ, такъ и нянькамъ, а главное надзираніе во всемъ имѣть инспектору Бакмейстеру... А дабы желающая изъ природныхъ россійскихъ женщина, имѣющая о своемъ поведеніи и качествахъ надежныя одобренія, опредѣлиться надзирательницею явилась въ коммиссію, объявить чрезъ газеты".

На этотъ разъ газетныя публикаціи были удачны: на нихъ явилась весьма достойная женщина „егермейстерша" Мальтицъ, которой и было поручено нераздѣльно и вполнѣ все малолѣтнее отдѣленіе гимназіи. „Опредѣлено", говорится въ протоколѣ, „инспектору Бакмейстеру, по вступленіи ея, ни во что не вступаться... учителямъ Корякину и Матвѣеву остаться при прежней ихъ должности, то есть при обученіи гимназистовъ россійской грамотѣ, и пока при томъ пробудутъ, быть имъ у оной госпожи Мальтицы во всякомъ послушаніи и чинить благопристойное почтеніе".

Къ этому времени слѣдуетъ отнести сохранившуюся въ бумагахъ Академіи Наукъ „Инструкцію для женской особы, которой смотрѣніе надъ тридцати малолѣтними дѣтьми поручено будетъ". Въ этой инструкціи излагается, какъ нужно обращаться съ дѣтьми, и дается, между прочимъ, такое наставленіе: „ей (смотрительницѣ) дозволяется наказывать ослушниковъ, смотря по винѣ; однако, должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобъ въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою, но въ такихъ случаяхъ наказывать токмо лозою; также, при исправленіи дѣтскихъ нравовъ, ограничиваться ей всякихъ поносныхъ и подлыхъ бранныхъ словъ". Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ дурного поведенія прежнихъ надзирательницъ, предписывалось смотрительницѣ „подозрительныхъ гостей въ отведенную ей квартиру не принимать, а особливо ночныхъ бесѣдъ не имѣть".

Г-жа Мальтицъ обратила вниманіе на учителей своего отдѣленія: это видно изъ протокола 16 ноября 1777 года, въ которомъ сказано: „находящемуся при малолѣтныхъ гимназистахъ учителю Сергѣю Матвѣеву объявить съ подпискою, чтобъ онъ пьянства и другихъ поступковъ воздержался и къ должности своей былъ прилѣженъ; а если хотя въ маломъ какомъ поступкѣ впредь окажется, то никакого извиненія и обѣщанія его принято отъ него не будетъ, и будетъ отъ Ака-

деміи отрѣшенъ съ безчестнымъ атестатомъ". Но онъ не исправился, и въ 1770 году замѣненъ былъ другимъ. Къ обязанности этого учителя относилось обученіе дѣтей, по средамъ и субботамъ, съ 9 до 11 часовъ, молитвамъ и чтенію церковныхъ книгъ, и въ остальные дни съ 9 до 12—ариѳметикѣ, а съ 3 до 5 русской грамотѣ.

Въ 1770 году 15 мальчиковъ малолѣтняго отдѣленія были уже достаточно подготовлены и переведены въ гимназію.

Къ сожалѣнію, достойная смотрительница г-жа Мальтицъ оставалась недолго на этомъ мѣстѣ: въ 1770 году, совершенно неожиданно для Академіи, она была назначена Императрицею гофмейстериною надъ фрейлинами и замѣщена временно женою учителя Антонова. Въ это время директоръ Академіи, графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ, былъ въ отсутствіи, и академическая канцелярія распорядилась слѣдующимъ образомъ: „Чтобы малолѣтные гимназисты, пока прислана будетъ надлежащая надзирательница, на мѣсто отбывшей отъ оныхъ статской совѣтницы г-жи Мальтицъ, не токмо не позабыли того знанія, которое они подъ ея предводительствомъ пріобрѣли въ нѣмецкомъ языкѣ, также въ исторіи и географіи, но могли бы въ оныхъ еще и болѣе успѣвать, препоручить обучать ихъ на то время учителю Шульцу четыре дни въ недѣлю, употребляя на то въ каждый день по два часа послѣ полудни... А смотрѣніе надъ опредѣленными при тѣхъ гимназистахъ учителями, чтобъ они порядочно отправляли свою должность, поручить до прибытія его сіятельства, Академіи Наукъ господина директора, графа Владиміра Григорьевича Орлова, инспектору Бакмейстеру".

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, графъ Орловъ назначилъ смотрительницею малолѣтняго отдѣленія г-жу Кабритцъ, предоставивъ ей тѣ же права надъ учителями и дѣтьми, какими пользовалась ея предмѣстница, и отстранивъ вовсе инспектора гимназіи отъ завѣдыванія этимъ пансіономъ. 14 февраля 1772 года г-жа Кабритцъ умерла, а на ея мѣсто назначена была ея дочь Маргарита Кабритцъ.

Въ 1773 году поручено было академикамъ Котельникову и Румовскому сдѣлать экзаменъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, и послѣ экзамена шесть мальчиковъ переведены были изъ этого отдѣленія въ гимназію. На мѣсто ихъ принято было семь малолѣтнихъ, „а что вышепоказанныхъ оныхъ дѣтей", вновь

повторено было, „отцы отдаютъ ихъ въ службу академическую добровольно и впредь о увольненіи ихъ отъ Академіи въ другую какую-либо команду ни подъ какимъ видомъ требовать не будутъ, въ томъ вышепомянутыхъ отцовъ ихъ обязать подписками". Насчетъ обученія этихъ малолѣтнихъ, переведенныхъ въ гимназію, новымъ иностраннымъ языкамъ, состоялось 1 мая 1773 года такое постановленіе: „На представленіе инспектора Бакмейстера въ разсужденіи недавно переведенныхъ ко взрослымъ 6 малолѣтнихъ, также и въ разсужденіи переведенныхъ туда же за нѣсколько уже лѣтъ прежде сего другихъ 15 гимназистовъ, изъ коихъ однако ни одинъ еще не учится по французски, но только по нѣмецки: французскому ли, или нѣмецкому языку обучаться новопереведеннымъ онымъ 6, и учиться также французскому языку прежнимъ тѣмъ 15 гимназистамъ? Объявить ему Бакмейстеру, чтобы онъ приказалъ не только переведенныхъ тѣхъ 6, но и тѣхъ, которые сверхъ ихъ еще вновь переведены быть имѣютъ туда-жъ 7 человѣкъ изъ малолѣтнихъ-же, обучать французскому и нѣмецкому языку, къ которому кто изъ нихъ больше окажетъ охоты и склонности, и притомъ обучать ихъ всѣхъ и латынскому языку, равно какъ и прежнихъ 15 французскому, хотя понемногу; но русскій языкъ для всѣхъ ихъ до нѣкотораго времени отставить".

Повидимому, Маргаритою Кабритцъ не были довольны, и въ октябрѣ 1773 году она была уволена отъ должности, а надзоръ надъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ порученъ былъ временно учителю Корякину. Учителемъ нѣмецкаго языка, ариѳметики и географіи назначенъ былъ въ 1774 году въ это отдѣленіе Кинъ, съ обязательствомъ преподавать четыре дня по три часа, т.-е. 12 часовъ въ недѣлю.

Смотрительницею надъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ назначена была г-жа Христенекъ, и по ея представленію въ 1775 году шесть малолѣтнихъ переведены были въ гимназію, съ извѣстнымъ обязательствомъ для родителей не брать ихъ изъ гимназіи,но прибавлено „до 18 лѣтъ возраста ихъ". Вскорѣ г-жа Христенекъ занемогла, просила уволить ее отъ должности, и въ 1775 году малолѣтнее отдѣленіе вновь поручено было временно учителю Корякину.

Г-жа Христенекъ рекомендовала на свое мѣсто жену гимназическаго эконома Новакъ, которая и была опредѣлена. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, ей было предписано, „чтобъ она къ находящимся подъ ея смотрѣніемъ малолѣтнымъ гимназистамъ ни родственниковъ, ни присылаемыхъ отъ нихъ слугъ для свиданія никогда бы, кромѣ что въ праздничные дни, не пускала, и крѣпко бы того смотрѣла, чтобы приходящіе къ нимъ люди никакихъ съѣстныхъ вещей не приносили; да и самимъ симъ дѣтямъ, когда случится отпустить ихъ въ праздничные дни къ родителямъ для свиданія, ночевать у нихъ никогда бы не дозволяла".

Въ 1776 и 1777 годы переведены были въ гимназію изъ малолѣтняго отдѣленія по четыре мальчика.

Мы видѣли, что только одинъ разъ два академика экзаменовали дѣтей этого пансіона, и отмѣтили достойныхъ къ переводу въ гимназію; обыкновенно же ихъ переводили туда по рекомендаціямъ смотрительницъ, и нерѣдко вовсе не подготовленныхъ къ прохожденію гимназическаго курса.

Въ 1778 году переведены были изъ малолѣтняго отдѣленія въ гимназію девять мальчиковъ.

3 ноября 1778 года директоръ Академіи отдалъ малолѣтнихъ гимназистовъ, отъ которыхъ до тѣхъ поръ инспекторъ былъ устраненъ, въ распоряженіе инспектора гимназіи, академика Лепехина, „поелику, для общей пользы всей гимназіи, нужно благовременнѣе провидѣть ихъ способности и свойства, чрезъ что ему, господину академику, самому облегчится будущее оными управленіе въ ихъ возрастѣ, а при томъ почти всѣ они вышли уже изъ младенческихъ лѣтъ и способны воспріять основательные начатки ученія у учителей".

Это распоряженіе вызвано было безпорядками, открытыми въ малолѣтнемъ отдѣленіи: оказалось, что у малѣтнихъ гимназистовъ проживаетъ „вдвое противъ ихъ числа невѣдомо какихъ постороннихъ людей", что, собственно говоря, даже малолѣтнихъ дѣтей тамъ болѣе и не было, „поелику оные гимназисты всѣ уже перешли тѣ лѣта, въ кои нужно было смотрѣніе надъ ними женщинъ". Поэтому г-жа Новакъ была уволена, а малолѣтнее отдѣленіе поручено было учителю Петрассу, которому предписывалось „особливо приложить все свое стараніе о поселеніи какъ охоты къ наукѣ, такъ ясныхъ и правильныхъ началъ въ юношествѣ, и дать имъ всѣ понятія, кои, по ихъ лѣтамъ, они принять могутъ, какъ-то: первыя правила ариѳметики, исторіи, географіи и миѳологіи... Въ бытность же

его, Петрасса, въ классахъ внизу (т.-е. въ гимназіи), быть во всѣ тѣ часы при помянутыхъ гимназистахъ учителю письменнаго класса Карякину". Такимъ образомъ, малолѣтнее отдѣленіе какъ-бы вошло въ составъ гимназіи, въ видѣ приготовительнаго класса, хотя при этихъ дѣтяхъ продолжали держать нянекъ.

Возвратимся къ гимназіи, которую мы оставили на 1765 году.

Въ это время при учрежденіи малолѣтняго отдѣленія, въ которомъ думали найти единственно надежный разсадникъ для гимназіи въ будущемъ, изъ прежнихъ гимназистовъ, какъ сказано выше, оставлено было только 30 лучшихъ. Отъ нихъ взята была слѣдующая подписка: „Чувствуя Высочайшее Ея Императорскаго Величества къ намъ милосердіе и желая соотвѣтствовать намѣренію пекущихся о будущемъ нашемъ благополучіи, обѣщаемъ мы отнынѣ исправить свою жизнь, и, при крайнемъ прилежаніи къ ученію, удаляясь отъ всякихъ пороковъ и подлыхъ поступокъ, другъ друга поощрять къ благонравію и честному поведенію. Ежели же между нами окажется умышленный, и никакими увѣщаніями неисправляемый пренебрегатель сего нашего обѣщанія, то мы сами просить будемъ, дабы оный, въ страхъ и примѣръ другимъ, съ публичнымъ безчестіемъ изверженъ былъ изъ нашего числа и общежитія. Въ Санктъ-Петербургѣ ноября 1 дня 1765 года. Въ исполненіе сего обще подписуемся".

Подтягивая учениковъ, нужно было подтянуть и учителей и самое гимназическое начальство. Котельниковъ не жилъ въ гимназіи и рѣдко въ ней бывалъ; ему предлагалось посѣщать гимназію по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда онъ бывалъ въ Академіи, и кромѣ того, отъ времени до времени, заходить туда. Съ учителями были менѣе деликатны: имъ предписывалось повиноваться ректору, приходить въ классы за четверть часа до урока, а выходить изъ нихъ по звонку, доносить о своей болѣзни, поручать свои уроки, въ случаѣ невозможности быть въ гимназіи, одному изъ своихъ товарищей; не исполнявшимъ эти распоряженія угрожали вычетомъ изъ жалованья. Въ заключеніе, возлагалось на ректора, вмѣстѣ съ преподавателями старшихъ классовъ, составленіе новаго плана ученія гимназіи и распредѣленіе часовъ преподаванія. Вотъ этотъ протоколъ 23 ноября:

„Понеже канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые учи-

тели гимназіи приходятъ въ классы не точно въ то время, когда имъ быть надлежитъ, а нѣкоторые иногда и совсѣмъ не приходятъ, не давъ о себѣ знать и не показывая законной причины своему отлученію, отъ чего ученики въ ихъ классахъ находятся праздны; а какъ сіе всемѣрно требуетъ исправленія, дабы, сколько возможно, отвести нареканіе, якобы Академія никакого раченія не имѣла о обученіи съ дѣйствительнымъ успѣхомъ учащагося въ гимназіи юношества. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: къ г-ну профессору Котельникову послать ордеръ, въ которомъ написать: 1) Гимназіи учителямъ съ строгостію подтвердить, чтобъ всегда за четверть часа до предписаннаго имъ времени приходили въ классы и по колоколу выходили. 2) Если котораго класса учителю, за болѣзнію, къ должности своей придти невозможно, то чтобъ благовременно попросилъ одного изъ своихъ товарищей, чтобъ смотрѣлъ за учениками его; а если болѣзнь можетъ быть продолжительна, то чтобъ немедленно репортовалъ инспектору, для учиненія по тому надлежащаго распорядка. 3) Неделю приказать таковыхъ, не объявившихъ о отлученіи своемъ, учителей записывать и еженедѣльно подавать репорты, для вычету изъ нихъ жалованья, въ силу указовъ за нехожденіе. 4) Приказать учителямъ равное попеченіе имѣть о наставленіи какъ казенныхъ, такъ и вольныхъ учениковъ, потому что какъ тѣ, такъ и сіи учатся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ, пришедъ въ лѣта, служить съ пользою своему отечеству. 5) Должны всѣ учители генерально, подъ инспекторскимъ надзоромъ, въ послушаніи быть у ректора гимназіи, какъ то вездѣ водится при гимназіи. 6) Сочинить ректору Киницу, приглася въ совѣтъ верхнихъ классовъ учителей, новый распорядокъ ученія въ гимназіи и расположеніе часамъ, дабы по тому начать исполненіе чинить съ новаго года, который планъ, разсмотря напередъ самому ему г-ну профессору Котельникову, обще съ г-мъ Киницомъ, представить какъ наискорѣе на апробацію академическому собранію. 7) Признаваетъ академическая канцелярія за весьма нужное, чтобъ г-нъ профессоръ Котельниковъ, для лучшаго во всемъ при гимназіи успѣха, и чтобъ какъ учителей, такъ и учащихся чрезъ то принудить къ вящему прилежанію, то чаще туда хожденіе имѣлъ, на что употребить можетъ тѣ дни, когда въ Академію къ собранію пріѣздъ имѣетъ;

но при томъ должно по перемѣнамъ иногда и на то посмотрѣть, съ какимъ порядкомъ и раченіемъ послѣ полудня ученіе въ классѣ происходитъ; однимъ словомъ, неотмѣнно требуется, чтобъ прежніе недостатки въ гимназіи поправлены и всѣ причины къ жалобамъ, сколько возможно, отвращены были. Передъ наступленіемъ новаго года должно, такъ какъ и о университетѣ, весь распорядокъ ученія публиковать печатными листами, а какъ немного уже времени къ тому остается, то все сіе распорядить должно какъ наискорѣе".

Академическая канцелярія не разсчитывала, повидимому, на исполненіе своихъ строгихъ письменныхъ предписаній, и въ первые дни января 1766 года удалила Котельникова отъ должности, подъ предлогомъ предстоявшей ему ученой командировки, а инспекторомъ гимназіи назначенъ былъ педагогъ Бакмейстеръ.

Бакмейстеръ, родомъ изъ Мекленбурга, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Германіи въ 1762 году; тогда ему было 35 лѣтъ. Въ то время онъ извѣстенъ былъ въ ученомъ мірѣ только изданными имъ извѣстіями о бывшихъ въ Дерптѣ и Перновѣ университетахъ. Впослѣдствіи имъ перевено на нѣмецкій языкъ нѣсколько ученыхъ сочиненій, относящихся до исторіи Россіи, именно: Русская исторія Ломоносова (въ 1768 года), Жизнеописаніе фельдмаршала графа Шереметева, написанное Мюллеромъ, Дневникъ Петра Великаго (въ изданіи подъ заглавіемъ: „Beyträge zur Geschichte Peters des Grossen" 1774—1784). Съ 1771 по 1774 годъ онъ издавалъ „Типографическія извѣстія, служащія для полнаго описанія Россійской исторіи". Входя въ мысль императрицы, занятой программою собиранія словъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ, онъ напечаталъ въ 1773 году самостоятельный трудъ, подъ заглавіемъ: „Idea et desiderata de colligendis linguarum speciminibus". Самое замѣчательное его изданіе было предпринятое въ 1772 году подъ заглавіемъ: „Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland". Это былъ ученый журналъ, въ которомъ разбирались почти всѣ выходившія сочиненія, относившіяся до Россіи, какъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, такъ и переведенныя на русскій, что возможно было при маломъ числѣ существовавшихъ тогда въ Россіи типографій; онѣ были только въ шести пунктахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Оберпаленѣ,

въ Эстляндіи. Въ этомъ изданіи излагалось, съ точностію и правдивостію, безъ всякой ѣдкой критики, содержаніе сочиненій о столь многочисленныхъ въ то время и столь замѣчательныхъ ученыхъ путешествіяхъ: — трудовъ, относящихся до русской исторіи, до географіи Россіи; въ немъ разсмотрѣны достойныя вниманія топографическія описанія разныхъ провинцій, географическія карты губерній, переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній на русскій языкъ, для чего императрица учредила, какъ извѣстно, особую комиссію, и т. п. Въ „Russische Bibliothek“ помѣщались постоянно свѣдѣнія о русскихъ ученыхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ: объ Академіи Наукъ, съ краткими біографіями ея членовъ, о Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, Академіи Художествъ, Московскомъ университетѣ, съ ежегоднымъ перечнемъ читаемыхъ въ немъ лекцій, о Московской Духовной Академіи (Заиконоспасскомъ монастырѣ), о Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, и даже о второстепенныхъ, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ: о греческой гимназіи въ Петербургѣ, о семинаріяхъ: Тверской, Рязанской, Архангельской и т. д.; также извѣстія изъ остзейскихъ губерній. Во времена войны и общественныхъ народныхъ бѣдствій выбирались сочиненія, которыя могли интересовать публику по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, такъ: въ первую турецкую войну приведены были сочиненія, касавшіяся до военныхъ дѣйствій или описывавшія страны, гдѣ они происходили; во время чумы — книги, въ которыхъ эта эпидемія описана и т. п. Однимъ словомъ, не было критическаго или литературнаго явленія въ Россіи, сколько-нибудь замѣчательнаго, которое не нашло бы себѣ мѣста въ этомъ изданіи, и выраженная редакторомъ въ предисловіи надежда осуществилась, что со временемъ всѣ занимающіяся исторіею просвѣщенія Россіи за этотъ періодъ времени найдутъ въ его трудѣ руководную нить, которую никогда не выпустятъ изъ рукъ. Императрица поощрила издателя пожалованіемъ ему золотой табакерки, наполненной 250 червонцами. Въ этомъ изданіи участвовали: Арндтъ (онъ помогалъ также Бакмейстеру въ переводѣ Дневника Петра Великаго), извѣстные академики Георги и Больденштедтъ, пасторы Гротъ и Гупель, академикъ Крафтъ, астрономъ Лексель, исторіографъ Мюллеръ, знаменитый Палласъ, академики Штелинъ, Стриттеръ, Вольфъ и др. Въ теченіе 16-лѣтняго суще-

ствованія этого изданія, въ немъ разобрано было 1,100 сочиненій, вполнѣ хладнокровно и безпристрастно. „Ни одинъ правдивый читатель“, говоритъ Бакмейстеръ, „не станетъ отрицать, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, пользы этой Библіотеки: изъ нея можно почерпнуть свѣдѣнія о состояніи литературы въ Россіи начиная съ 1770 года и о постепенномъ ея ростѣ, объ укорененіи въ странѣ различныхъ отраслей знанія, о большей части вышедшихъ сочиненій и брошюръ, о самыхъ писателяхъ и ихъ занятіяхъ, и о столь многихъ другихъ предметахъ, достойныхъ вниманія. Въ этой Библіотекѣ собраны данныя, которыя впослѣдствіи трудно будетъ отыскать; даже теперь нѣкоторыя довольно замѣчательныя литературныя произведенія уже всѣ разошлись и едва ли не въ одной этой Библіотекѣ останутся ихъ слѣды“. Все это совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію, въ 1788 году Бакмейстеръ долженъ былъ прекратить свое полезное изданіе, за недостаткомъ денежныхъ средствъ: ему нужно было нѣсколько сотъ рублей въ годъ, для покупки разбираемыхъ имъ книгъ, и никто не пришелъ ему на помощь.

Оставшись съ гимназіею, Бакмейстеръ представилъ въ августѣ 1766 года записку о положеніи, въ которомъ онъ ее нашелъ. Тогда въ ней было 88 учениковъ, изъ нихъ 30 пансіонеровъ и 58 приходящихъ. Такъ какъ по возрасту они были чрезвычайно различны и притомъ такъ называемые вольные ученики могли учиться, чему хотѣли, смотря по будущему ихъ предназначенію, то приходилось подраздѣлять классы по языкамъ отъ трехъ до пяти отдѣленій, а по наукамъ отъ двухъ до трехъ.

Соотвѣтственно съ этимъ, недоставало учителей: ихъ всего было 15. Притомъ многіе изъ нихъ жили далеко отъ гимназіи, и почти всѣ получали незначительное содержаніе: самый большой окладъ былъ въ 400 руб., почему учителя должны были искать другихъ оплачиваемыхъ занятій. Самое зданіе гимназіи было до того тѣсно, что одинъ классъ помѣщался въ столовой. Бакмейстеръ просилъ увеличить число учителей, прибавить имъ жалованье, или же даже казенныя квартиры вблизи гимназіи, гдѣ жили только три надзирателя. Ходатайство Бакмейстера не было уважено.

Поэтому курсъ гимназіи оставался тотъ же. Однако, въ нее принимали учениковъ нѣсколько подготовленныхъ, по крайней мѣрѣ, знавшихъ русскую грамоту.

Составъ гимназическихъ учителей продолжалъ пополняться студентами университета, но иногда они обязывались не прерывать своего университетскаго курса. Такъ въ январѣ 1766 года инспекторъ студентовъ, профессоръ Румовскій, представилъ, что студентъ Антоновъ „къ продолженію наукъ въ университетѣ охоты болѣе не имѣетъ, а желаетъ быть при гимназіи учителемъ математическаго класса, пока заблагоразсужденно будетъ опредѣлить его къ другой какой должности. Студентомъ находится съ 1763 года. Приказали: упомянутому студенту Семену Антонову, по засвидѣтельствованію о способности его господъ профессоровъ Котельникова и Румовскаго, быть въ должности учителя математическаго класса, а изъ университета выключить..... а чтобы онъ къ ученію въ гимназіи математическихъ наукъ тѣмъ больше могъ сдѣлать себя способнымъ, то ему, по-прежнему, ходить на математическія и физическія лекціи, и сверхъ того, стараться собственнымъ упражненіемъ и читаніемъ, по совѣту профессоровъ, полезныхъ о сихъ наукахъ книгъ пріобрѣсть большее въ томъ совершенство, и когда черезъ годъ какъ о прилежаніи и дальнѣйшихъ успѣхахъ, такъ и добропорядочныхъ поступкахъ представитъ себѣ атестаты, тогда опредѣленъ будетъ и настоящимъ учителемъ“.

Бакмейстеръ старался однако улучшить преподавательскій персоналъ гимназіи по крайней мѣрѣ по главнымъ предметамъ гимназическаго курса, то-есть филологическимъ и, послѣ смерти инспектора гимназіи Герасимова представить о необходимости, „для ученія юношества словеснымъ наукамъ и языкамъ, выписать изъ чужихъ краевъ конректора, съ жалованьемъ 360 рублевъ въ годъ, и съ выдачею ему на проѣздъ 100 рублевъ“. Объ этомъ написано было въ Геттингенъ Шлецеру, и по его рекомендаціи Стриттеръ опредѣленъ былъ конректоромъ. Уроженецъ городка Идстейна, въ Нассу-Зигенѣ, онъ пріѣхалъ въ Россію совершенно молодымъ человѣкомъ, ему было 26 лѣтъ отъ роду, но онъ уже прошелъ весьма основательный филологическій курсъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и посвятилъ себя спеціально изученію византійской исторіи. Съ 1771 по 1779 годъ онъ напечаталъ въ Петербургѣ, въ четырехъ большихъ томахъ, на латинскмъ языкѣ, замѣчательное свое сочиненіе: „Memoriae popolorum olim ad Danibium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Mare Cas-

pium et inde magis ad septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae byzantinae erutae et, digestae ab Joanne Gottlieb Gtrittero;“ сокращеніе этого сочиненія, относящееся до русской исторіи, сдѣлано было на русскомъ языкѣ Свѣтовымъ, и напечатано въ 1774 году подъ заглавіемъ: „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія исторію россійскую древнихъ временъ и переселенія народовъ“. Въ 1779 году Стриттеръ переведенъ былъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи, а въ 1783 году, послѣ смерти Мюллера, назначенъ былъ начальникомъ этого Архива.

Едва прошелъ годъ со времени назначенія Бакмейстера гимназіи, какъ академическая канцелярія, не извѣстно почему, отрѣшила его отъ должности; въ протоколѣ 6 февраля 1767 года, лаконически сказано, что нѣкоторые учители были излишни, „потому оныхъ отпустить... а именно: инспектора Бакмейстера, учителей: Михайлу Студинскаго, Мѳллера и Готфрена“.

Четые дня спустя, именно 10 февраля, объявлено было такое распоряженіе: „Для лучшаго распорядка ученія, въ академической гимназіи быть главнымъ инспекторомъ г-ну профессору Фишеру; чего ради какъ ректору Киницу, такъ и прочимъ учителямъ, кромѣ уволенныхъ, завтрешній день по утру собраться всѣмъ въ классы, гдѣ объявить имъ сочиненное расположеніе, по которому какъ ректору, такъ и учителямъ поступать во всемъ непремѣнно, и оному г-ну Фишеру быть послушнымъ“. Еще черезъ четыре дня, 14 февраля, предписывалось: „г-ну профессору Фишеру дать ордеръ, чтобъ учители, по предписанному штату, начали ученіе съ понедѣльника первой недѣли великаго поста, а вмѣсто того дана имъ будетъ свобода на третьей недѣли“. Что была за причина такой необычайной, лихорадочной дѣятельности академической канцеляріи, заставившей даже учить и учиться, когда обыкновенно говѣли и уроковъ не бывало, остается неизвѣстнымъ. Канцелярія поторопилась въ то же время усилить пріемныя требованія для поступленія въ гимназію: „къ г-ну профессору Фишеру“, записано въ протоколѣ 26 февраля, „послать ордеръ, которымъ велѣть, чтобъ въ гимназію принимать для ученія такихъ, которые бы знали не только что одну россійскую грамоту хорошо, да чтобъ умѣли хотя нѣсколько читать на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, то-есть на латинскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ, дабы ученіе происходило съ желаемымъ успѣхомъ и пользою“.

14 марта уволенъ былъ и Стриттеръ отъ „надзиранія за учениками“, то-есть отъ конректорства, подъ предлогомъ его занятій византійскою исторіею.

Сталъ Фишеръ водворять порядокъ въ гимназіи. „Г-нъ профессоръ Фишеръ“, читаемъ въ протоколѣ 12 іюня, „словесно въ коммиссіи представлялъ, что находящіеся у смотрѣнія надъ большими гимназистами учители Шульцъ и Петровскій почасту со двора отлучаются, а гимназисты, оставаясь безъ присмотру, дѣлаютъ непристоинства, и не порѣдку приходятъ къ нимъ посторонніе люди. Почему въ комиссіи разсуждено означеннымъ учителямъ чрезъ инспектора Киница подтвердить, чтобъ они оба въ одно время со двора не сходили и гимназистовъ безъ присмотру не оставляли; а если кому-либо случится нужда, то сходить одному, а другому оставаться дома, и за всѣми гимназистами имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе, чтобъ они никакихъ шалостей и непристоинства не дѣлали и ни съ кѣмъ съ посторонними людьми сообщенія не имѣли, о чемъ и гимназистамъ объявить“.

Мѣры, принятыя Фишеромъ, не только не упорядочили гимназіи, но еще болѣе ее разстроили; 23 октября случилось небывалое въ ней явленіе: гимназисты подожгли гимназію.

Грубость нравовъ учениковъ гимназіи всюду проявлялась: они царапали другъ друга, рвали свою одежду и т. п. Наказанія, на нихъ налагаемыя, были столь же грубы, какъ ихъ проступки: ихъ сѣкли розгами, и налагать такое наказаніе предоставлено было наконецъ каждому изъ надзирателей. Въ протоколѣ 16 января 1768 года записано: „Сего числа въ присутствіи гимназіи учитель Покровскій представилъ нѣсколько изодранныхъ тулуповъ, которые вновь сдѣланы и взрослымъ гимназистамъ розданы только еще три недѣли, то-есть минувшаго декабря 24 числа, и требовалъ, чтобъ оные приказано было починить. Но какъ коммиссія усмотрѣла, что овчины оныхъ такъ изодраны, что другихъ и починить почти не можно, а по призывѣ тѣхъ гимназистовъ, чьи тулупы, усмотрѣно, что и лица у нихъ исцарапаны, да и платье изорвано, что происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ чрезвычайной ихъ рѣзвости и небреженія, въ чемъ какъ они, такъ учители ихъ не меньше виновны, потому что рѣзвости гимназистовъ происходятъ отъ ихъ слабаго и неприлежнаго смотрѣнія: того ради разсуждено учинить: 1) всѣхъ тѣхъ гимназистовъ, у которыхъ

тулупы чрезъ такое короткое время изодраны, во-первыхъ, наказать розгами, при собраніи прочихъ гимназистовъ, и сверхъ того, выдержать каждаго за штрафнымъ столомъ въ обѣдъ и ужинъ на хлѣбѣ и водѣ по три дни; во-вторыхъ, въ отвращеніе впредь происходимыхъ рѣзвостей и непорядочнаго житія, дозволяется гимназистовъ наказывать, по разсмотрѣнію винъ, собственно учителямъ; ибо имъ, какъ они живутъ въ однихъ съ ними покояхъ, всегдашніе поступки ихъ видимы, и ректору Киницу усмотрѣть всего не можно. А гимназистамъ объявить, чтобъ они учителямъ во всемъ были послушны и ничего безъ ихъ воли не дѣлать; да и учителямъ объявить же съ крѣпкимъ выговоромъ, чтобъ за гимназистами имѣли крѣпкое во всемъ смотрѣніе, а въ противномъ случаѣ взыскано будетъ на нихъ. И о томъ за извѣстіе какъ къ г-ну профессору Фишеру, такъ и ректору Киницу дать съ сего копіи".

Фишеръ также освобожденъ былъ отъ управленія гимназіею. Пришлось вновь обратиться къ Бакмейстеру.

Не желая зависѣть отъ произвола академической комиссіи, уже разъ лишившей его безпричинно должности, Бакмейстеръ рѣшился вновь принять ее не иначе, какъ на основаніи особеннаго письменнаго условія. По этому контракту, всѣ учителя и ученики подчинялись исключительно инспектору, который зависѣлъ только отъ Академіи и кромѣ не долженъ былъ имѣть другого начальства; Бакмейстеру же предоставлялось и самое устройство гимназіи.

Бакмейстеръ обратилъ особое вниманіе на старшій классъ гимназіи. Въ 1768 году 16 гимназистовъ отправлены были въ ученыя экспедиціи, въ помощь академикамъ, предпринявшимъ изслѣдованіе восточнаго края имперіи: губерній Оренбургской и Астраханской. Во главѣ этихъ экспедицій были академики: Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гильденштетъ и Фалькъ. Гмелину дано было четыре гимназиста, остальнымъ академикамъ по три, въ томъ числѣ весьма замѣчательный впослѣдствіи академикъ Озерецковскій прикомандированъ былъ къ Лепехину.

Въ 1770 году Бакмейстеръ ввелъ для лучшихъ учениковъ старшаго класса университетское преподаваніе, на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, начальныхъ основаній математики и прикладныхъ ея частей, также естественныхъ наукъ, и призналъ способными къ слушанію этихъ лекцій, возложенныхъ

на академиковъ, только шесть гимназистовъ, которые должны были продолжать изучать въ гимназіи латинскій языкъ и логику. „Для поданія представленнымъ отъ инспектора Бакмейстера гимназистамъ общаго понятія о наукахъ, въ которыхъ они при Академіи впредь упражняться должны“, сказано въ протоколѣ 17 февраля, „учредить, на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ лекціи, въ коихъ начальныя основанія математики, также и прочихъ ея прикладныхъ частей, какъ-то: механики, оптики, вообще взятой, и антропологіи преподавать имъ адъюнкту Лекселю, исторіи натуральной — академику Гертнеру, химіи — академику Вольфу. И оныя лекціи продолжать имъ по 2 раза въ недѣлю, употребляя на каждую лекцію по одному часу. А въ какіе точно дни и часы, о томъ согласиться имъ между собою. Но притомъ продолжать онымъ гимназистамъ обучаться еще далѣе въ гимназіи чистотѣ латинскаго языка, также и логикѣ, которымъ обучать ихъ инспектору Бакмейстеру. Къ слушанію же оныхъ лекцій за способныхъ признаются слѣдующіе гимназисты (6 фамилій)“.

„А (7 гимназистовъ, поименованныхъ по фамиліямъ) поелику они, за слабостію ихъ въ помянутыхъ языкахъ, слушать оныхъ лекцій съ надлежащимъ успѣхомъ еще не въ состояніи, оставить по-прежнему на нѣкоторое еще время въ гимназіи, для снисканія въ оныхъ языкахъ и въ прочихъ словесныхъ наукахъ большаго знанія“.

Въ слѣдующемъ 1771 году предположено было расширить этотъ курсъ, почему и предложено было Бакмейстеру „сдѣлать планъ чему, когда и сколько часовъ обучаться имъ у академиковъ, и подать оный въ коммиссію на разсмотрѣніе“.

Бакмейстеръ представилъ такое распредѣленіе лекцій: 1) математическія по 2 раза въ недѣлю, и на каждую лекцію по 2 часа, поручить академику Лекселю; 2) лекціи по естественной исторіи читать академикамъ Вольфу или Лаксману 3 раза въ недѣлю, выбравъ для нихъ такіе дни, въ которые гимназисты не имѣли уроковъ послѣ обѣда; 3) на преподаваніе теоретической физики, пока не будутъ изготовлены инструменты для экспериментальной, употреблять два часа въ недѣлю, а когда инструменты будутъ готовы, то четыре часа въ два дня. Физику долженъ былъ преподавать академикъ Крафтъ. Академическая комиссія утвердила этотъ планъ преподаванія, прибавивъ: „остающіеся за симъ расположе-

ніемъ въ разсужденіи оныхъ шести гимназистовъ прочіе часы въ недѣлю для гимназическихъ упражненій оставить въ распоряженіе инспектора Бакмейстера, которому притомъ наказать, чтобы онъ въ расположеніе оныхъ часовъ для гимназическихъ упражненій наипаче смотрѣлъ на латинскій языкъ и рисованіе, поелику прочія въ гимназіи упражненія для тѣхъ шести гимназистовъ не столь уже нужны, какъ для прочихъ. Впрочемъ, которые часы и на какія именно упражненія назначитъ онъ имъ, о томъ подать ему въ коммиссію репортъ". Самые дни и часы для лекцій, равно какъ и учебныя руководства предоставлено было избрать самимъ преподававшимъ академикамъ. При этомъ было сдѣлано одно только замѣчаніе: „въ разсужденіи представленія г. академика Вольфа, чтобы обучать оныхъ гимназистовъ препараціямъ, или самой практикѣ анатомической, объявить ему г. Вольфу, чтобы онъ не упражнялъ ихъ въ оной практикѣ, но показалъ бы имъ нынѣ начальныя только теоретическія основанія сей науки, не вступая въ дальнія ея тонкости; тожъ ему г. Вольфу дать знать и въ разсужденіи ботаники, то-есть, чтобы онъ принялъ на себя трудъ показать имъ ея первыя начала, дабы они могли получить хорошее объ оныхъ наукахъ понятіе".

Этимъ шести гимназистамъ даны были Шпаги, какія носили тогда студенты университета, „въ знакъ ихъ отличнаго предъ прочими своими товарищами знанія въ наукахъ, также и для поощренія ихъ къ большимъ въ оныхъ успѣхамъ". Имъ отведено было въ гимназіи и особое помѣщеніе, во флигелѣ, „чтобъ они могли спокойнѣе упражняться въ ихъ ученіи".

Въ 1772 году потребованы были отъ этихъ гимназистовъ, письменныя заявленія, къ какому именно изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ они чувствуютъ болѣе склонности, и какою наукою желали бы заниматься впослѣдствіи, а отъ профессоровъ извѣщенія, „какъ они находятъ вышеупомянутыхъ гимназистовъ въ разсужденіи ихъ прилежности и успѣховъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ, и которыя изъ нихъ оказываютъ къ онымъ больше склонности и способности".

Между тѣмъ эти гимназисты уволены были отъ уроковъ математики въ гимназіи, а дабы они могли продолжать учиться латинскому языку и рисованію, преподаваніе коихъ совпадало иногда съ профессорскими лекціями, часы этихъ лекцій были измѣнены. Вообще академическая комиссія держалась и впо-

слѣдствіи строго правила, чтобы уроки, назначенные въ гимназіи, не пропускались изъ-за лекцій, и отказывала тѣмъ изъ профессоровъ, которые предполагали назначить свои чтенія въ дни и часы, опредѣленные для ихъ слушателей на уроки въ гимназіи.

Въ 1773 году поручено было академику Лаксману упражнять этихъ гимназистовъ въ лѣтнее время ботаникою, осенью же и зимою они должны были ходить на анатомическія лекціи къ академику Вольфу. Крафтъ отдѣлялъ нѣсколько часовъ въ недѣлю, изъ положенныхъ для преподаванія физики, на алгебру, для тѣхъ „кои въ состояніи слушать оную на латинскомъ языкѣ“. Въ 1775 году за академикомъ Крафтомъ оставлены математическія лекціи, а физическія перешли къ адъюнкту Иноходцеву; въ томъ же 1775 году лекціи Крафта и Иноходцева обращены были въ публичныя, въ аудиторіи гимназіи, причемъ Иноходцеву вмѣнено было директоромъ Домашневымъ въ обязанность читать по-французски. Химію преподавалъ академикъ Лаксманъ. Лаксманъ читалъ курсъ ботаники только одинъ годъ, и въ 1774 году замѣненъ былъ Лепехинымъ. Въ полное распоряженіе Лепехина отданъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ботаническій садъ. Въ протоколѣ 30 апрѣля записано: „Его сіятельство дѣйствительный камергеръ и Академіи Наукъ г. директоръ, графъ Володимеръ Григорьевичъ Орловъ приказалъ: преподаваніе ботаническихъ лекцій для гимназистовъ, которые къ слушанію оныхъ способность и охоту имѣютъ, поручить г. академику Лепехину. А какъ оныя лекціи должно необходимо преподавать въ самомъ ботаническомъ саду, да и г. академикъ Вольфъ, въ смотрѣніе котораго порученъ былъ оный садъ на время, до возвращенія котораго-либо изъ путешествующихъ господъ профессоровъ натуральной исторіи, сверхъ надлежащей его должности по анатомическому театру, довольно также упражненъ надзираніемъ при кунсткамерѣ, надъ анатомическими и другими натуральными вещами, то отдать оный садъ въ полное и непосредственное смотрѣніе его же г-на академика Лепехина, съ тѣмъ, чтобы онъ, разсмотрѣвъ немедля тотъ садъ, въ какомъ оный найдетъ состояніи и какія средства къ поправленію и приведенію оный въ надлежащій порядокъ признаетъ за лучшія, представилъ бы о томъ коммиссіи“.

Лучшимъ изъ этихъ, такъ сказать, гимназистовъ-студен-

товъ, объявившимъ, что они желаютъ „посвятить себя единственно наукамъ“, дозволялось слушать не весь очерченный выше курсъ, а избрать одинъ изъ нея предметъ по своему желанію, и тогда они поручались профессору этой науки; такъ Головинъ, заявившій, что „чувствуетъ въ себѣ особливую склонность и охоту къ физикѣ“, отданъ былъ академику Крафту, Флоринскій и Леманъ, для изученія химіи, Лаксману, Галченко, намѣревавшійся посвятить себя анатоміи — академику Вольфу. Иногда они обязывались изучать двѣ сродныя науки, а болѣе слабые изъ нихъ даже ходить на уроки въ гимназію.

Для этихъ гимназистовъ придумано было особое наименованіе: ихъ назвали элевами. (Въ протоколѣ 23 октября 1773 года записано: „старшаго гимназиста Михаила Головина, поелику онъ изъ общества гимназистовъ уже вышелъ, переименовать элевомъ и впредь писаться ему симъ званіемъ и о томъ ему объявить“).

Элевъ Моисеенковъ отправленъ былъ въ 1774 году для усовершенствованія себя въ химіи въ Фрейбургскую горную академію: „Элева Федора Моисеенкова“, записано въ протоколѣ 29 сентября, „въ разсужденіи особливой его охоты къ химіи, а наипаче металлургической, тако жъ и въ разсужденіи хорошихъ о немъ господъ академиковъ, у которыхъ онъ понынѣ слушалъ лекціи, свидѣтельствъ, что онъ, Моисеенковъ, по отмѣнной его склонности и способности къ физическимъ наукамъ, конечно достигнетъ въ оныхъ до того степени совершенства, какой требуется, послать, по примѣру отправленныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ отъ Академіи студентовъ, въ иностранные университеты, и именно въ Фрейбургскую горную академію, что въ Мисніи, какъ такое мѣсто, которое къ достиженію его намѣренія признано на первый случай предъ прочими за удобнѣйшее... А потому, какъ онъ, Моисеенковъ, положитъ къ помянутой Фрейбургской академіи довольное основаніе въ металлургической химіи, списаться съ пребывающимъ отъ здѣшняго двора въ Вѣнѣ полномочному министру князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, и просить Его Сіятельство, чтобъ онъ, для пріобрѣтеніе ему, Моисеенкову, большаго въ металлургической наукѣ совершенства, исходатайствовалъ у тамошняго двора дозволеніе обучаться оной наукѣ въ Шемницѣ у г-на Генкеля“.

Кромѣ казеннокоштныхъ гимназистовъ, профессорскія лек-

ціи дозволялось посѣщать и вольноприходящимъ ученикамъ гимназіи, но желающихъ ихъ слушать было очень мало.

Такой сокращенный университетскій курсъ, низведенный въ среднее учебное заведеніе, и притомъ только для весьма немногихъ учениковъ, не могъ быть полезенъ: онъ не произвелъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго ученаго, а гимназіи повредилъ, потому что сосредоточилъ на себѣ все вниманіе инспектора, который занимался этимъ высшимъ классомъ гораздо болѣе, чѣмъ самою гимназіею. Нельзя не признать, что торопливое окончаніе гимназическаго ученія нѣсколькими учениками, для сообщенія имъ наскоро нѣкоторыхъ энциклопедическихъ и неполныхъ научныхъ свѣдѣній, какъ анатоміи безъ анатомическихъ препаратовъ, и т. п. было педагогическою ошибкою Бакмейстера: этимъ портились разомъ какъ гимназическое ученіе, такъ и университетскій курсъ, а всегоболѣе, какъ сказано, сама гимназія, на которой Бакмейстеръ не имѣлъ времени сосредоточиться, особенно при своихъ литературно-ученыхъ занятіяхъ.

Несомнѣнно было желаніе повысить гимназическій курсъ, и съ этою цѣлію напечатано было въ газетахъ сдѣланное уже прежде распоряженіе, что въ гимназію принимаются только мальчики, умѣющіе уже читать и писать по-русски. Со времени назначенія Бакмейстера инспекторомъ гимназіи, ежегодно поручалось академикамъ производить экзаменъ гимназистовъ два раза въ годъ: въ іюнѣ и декабрѣ, оттого и назывались эти экзамены: лѣтній и зимній.

При Бакмейстерѣ обращено было вниманіе и на учителей. Въ протоколѣ 28 октября 1769 года читаемъ: „Инспектору Бакмейстеру на представленіе его о гимназическихъ учителяхъ, что они, не давая ему знать напередъ, отлучаются отъ дѣлъ своихъ въ учебные дни, приказать, чтобы онъ, сдѣлавъ для сихъ случаевъ мѣсячныя табели, какія прежде сего при гимназіи бывали, записывалъ въ оныя тѣхъ учителей, которые не бываютъ въ надлежащее время при своихъ должностяхъ, и оныя табели, по прошествіи каждаго мѣсяца, подавалъ бы въ коммиссію; а учителямъ, между тѣмъ, объявить, что съ тѣми, которые изъ нихъ, не взявъ отъ него, Бакмейстера, напередъ позволенія, отлучаться будутъ впредь отъ своихъ дѣлъ въ учебные дни, какія бы тому причины не были, поступлено будетъ по данному оному Бакмейстеру отъ быв-

шей академической канцеляріи прошлаго 1766 года въ іюлѣ мѣсяцѣ указу".

И до этого постановленія академической комисіи совершенно негодныхъ учителей увольняли.

Бакмейстеръ настаивалъ на прежнемъ своемъ представленіи о необходимости увеличить число учителей, и прибавить содержаніе преподавателямъ, но и на этотъ разъ тщетно: академическая комиссія дала уклончивое и неудовлетворительное рѣшеніе. „Въ разсужденіи представленія инспектора Бакмейстера", сказано въ протоколѣ 19 мая 1770 года, „о поправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ въ гимназическихъ классахъ, какъ вновь учителей принять, также и нынѣшнимъ прибавить жалованья, до возвращенія Его Сіятельства Академіи Наукъ господина директора графа Владиміра Григорьевича Орлова не можно. Послать къ нему, г. Бакмейстеру, копіи съ контрактовъ нынѣшнихъ учителей, чтобъ онъ ихъ разсмотрѣлъ: не найдетъ ли онъ у сихъ учителей праздныхъ нынѣ часовъ, которые они по контрактамъ ихъ должны употреблять на обученіе гимназистовъ, и не можно ли тѣ часы расположить такъ, чтобы оными дополнить показанные имъ, г. Бакмейстеромъ, въ оныхъ классахъ недостатки, и потому, сдѣлавъ въ тѣхъ часахъ распоряженіе, представилъ бы оное въ коммиссію, на разсмотрѣніе".

Новые иностранные языки преподавались гимназистамъ несовмѣстно, а одинъ послѣ другого, и при этомъ наблюдалось педагогическое правило, чтобы не затруднять учащихся изученіемъ разомъ нѣсколькихъ языковъ, и достаточно ознакомившись уже съ латинскимъ. 22 іюня 1771 года академическая комиссія постановила: „Что же касается до обученія французскому языку необучавшихся еще оному гимназистовъ, то велѣть ему (Бакмейстеру) оному обучать тѣхъ, которые пріобрѣли уже довольное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ, наблюдая при томъ прежнее въ разсужденіи сего установленіе, то-есть, чтобы обученіемъ трехъ языковъ вдругъ не обременять памяти учащихся".

Преподаваніе въ гимназіи Закона Божія производилось, какъ мы видѣли, перемѣнными законоучителями; такъ и въ 1769 г. петербургскою духовною консисторіею назначены были два ключаря Петропавловскаго собора, и велѣно имъ, „съ перемѣною, быть по-годно". Наконецъ, 13 сентября 1770 года состо-

ялось слѣдующее постановленіе: „Для обученія гимназистовъ въ учрежденномъ при Академіи училищѣ Закону Божію и для исправленія другихъ потребъ полезнѣе для Академіи имѣть постояннаго іеромонаха, который бы могъ при томъ отправлять для нихъ по праздничнымъ и торжественнымъ днямъ и Божію службу, нежели какъ то по сіе время было, обучающихъ только перемѣнныхъ священниковъ. Къ сему потребно также имѣть при оном училищѣ и церковь, но которой, не зная точно, что для оной надобно, самой Академіи устроить не можно. И для того требовать напередъ отъ Святѣйшаго Синода, для исправленія всѣхъ оныхъ дѣлъ, знающаго и кроткаго іеромонаха, который бы потомъ могъ учредить и самую церковь. А какъ коммиссія способнымъ къ тому признаетъ находящагося нынѣ при Академіи Художествъ іеродіакона Кирилла, тѣмъ наипаче, что онъ, упражнялся тамъ въ обученіи малолѣтнихъ воспитанниковъ, пріобрѣлъ уже безъ сумнѣнія не малую къ тому способность, то подать въ Святѣйшій Синодъ доношеніе, чтобъ онъ, производя онаго іеродіакона Кирилла въ іеромонахи, опредѣлилъ его въ Академію Наукъ, для исправленія помянутой должности“.

Кириллъ былъ посвященъ въ іеромонахи, и назначенъ законоучителемъ въ гимназіи, гдѣ онъ устроилъ и церковь. Но вскорѣ Кириллъ умеръ, и Синодъ затруднился пріискать ему преемника изъ чернаго духовенства, по недостатку въ немъ богословски образованныхъ монаховъ, почему Академія просила назначить законоучителя хоть изъ бѣлаго духовенства. „Хотя Св. Прав. Сѵнодъ“, сказано въ протоколѣ 29 сентября 1774 года, „по поданному въ оный за шесть мѣсяцевъ уже предъ симъ, и послѣ того не однократно повторенному коммисскому прошенію, для обученія воспитываннаго при Академіи юношества Закону Божію, и для исправленія при томъ другихъ духовныхъ требъ, обѣщалъ на мѣсто умершаго іеромонаха Кирилла прислать другого способнаго къ тому іеромонаха, однако онаго, за недостаткомъ нынѣ таковыхъ въ иноческомъ чинѣ людей, и по сіе время не прислалъ, и по той же причинѣ присылкою онаго, какъ видно, можетъ продлить еще не малое время, а между тѣмъ воспитанники при гимназіи остаются безъ обученія Закону Божію, и безъ хожденія въ церковь, то послать въ оный Св. Сѵнодъ вновь доношеніе, и онымъ просить, чтобы благоволилъ вмѣсто іеромонаха прислать хотя

изъ свѣтскихъ способнаго къ тому священника". Законоучителемъ назначенъ былъ священникъ Самойловъ.

Утренніе учебные часы въ гимназіи, какъ мы видѣли, назначены были зимою отъ 8-ми до 12-ти, а лѣтомъ отъ 7-ми до 11-ти часовъ. Въ 1772 году введено было преподаваніе какъ лѣтомъ, такъ и зимою, съ 8-ми до 12-ти.

Составъ учащихся былъ, попрежнему, мало удовлетворительный: кромѣ дѣтей изъ низшихъ сословій, гимназію стали наполнять, какъ въ давнее время, семинаристами, въ особенности изъ Тверской и Псковской семинарій, по назначенію мѣстныхъ преосвященныхъ; 14 ноября 1767 года графъ В. Г. Орловъ писалъ Синоду: „Академіи настоитъ теперь нужда въ молодыхъ людяхъ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, а не болѣе, поведенія добраго и незадорнаго, и разумѣющихъ латинскій языкъ, то прошу Св. Правит. Сунодъ не угодно ли будетъ приказать Академіи таковыхъ качествъ пять человѣкъ изъ Иконоспасской Академіи, десять изъ Троицкой Сергіевой лавры, семь изъ Тверской и пять изъ Псковской семинаріевъ." Эти семинаристы, по большей части, оставались недолго въ гимназіи.

При такомъ контингентѣ учащихся академическая комиссія находила необходимымъ сколь можно бдительнѣе наблюдать за ними; потому 2 марта 1771 года состоялось такое постановленіе: „Инспектору Бакмейстеру приказать, чтобы онъ взрослыхъ казенныхъ гимназистовъ, для свиданія съ ихъ родителями, однихъ, и больше одного раза въ мѣсяцъ не выпускалъ со двора, и то тогда только, когда родители ихъ сами за ними придутъ, или пришлютъ отъ себя надежныхъ людей, только не холопей, и приводили бы ихъ назадъ родители сами, или бы присылали ихъ съ тѣми же надежными людьми, съ которыми они отпущены будутъ, а съ холопями не отпускать". Эта стѣснительная для гимназистовъ мѣра была вскорѣ отмѣнена. „За нѣсколько дней передъ симъ опредѣлено было", сказано въ протоколѣ 13 апрѣля, „чтобы взрослыхъ гимназистовъ, для свиданія съ ихъ родителями и сродственниками однихъ и болѣе одного раза въ мѣсяцъ со двора не отпускать. Но какъ въ разсужденіи представленныхъ отъ инспектора Бакмейстера причинъ, отъ строгаго такого ограниченія могутъ иногда произойти вредныя для оныхъ гимназистовъ слѣдствія, то прежнее о томъ опредѣленіе отмѣнить; а кого изъ тѣхъ гимназистовъ, когда и для какихъ нуждъ отпускать

со двора, то оставить на волю его, Бакмейстера, и поступать ему въ семъ по его разсужденію, какъ то и прежде сего было, однако съ тѣмъ, чтобы младшихъ изъ нихъ, кои въ прошломъ году переведены изъ малолѣтнихъ, однихъ, въ разсужденіи ихъ малолѣтства, не отпускать, но всегда съ проводниками и въ такомъ случаѣ требовать отъ ихъ родителей, или сродниковъ, къ которымъ они для свиданія идти похотятъ, чтобъ они сами за ними приходили и назадъ бы ихъ приводили, или посылали бы за ними надежныхъ отъ себя для провожанія ихъ людей".

Въ 1771 году состоялось опредѣленіе Сената о томъ, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ велись кондуитные списки учащихся, съ означеніемъ въ нихъ ихъ успѣховъ въ наукахъ и поведенія, а при выпускѣ выдавались бы аттестаты. Въ исполненіе этого указа академическая комиссія предписала: „Сдѣлавъ четыре книги бѣлыя, за секретарскою скрѣпою, двѣ изъ оныхъ, съ пріобщеньемъ къ нимъ копіи съ онаго сенатскаго опредѣленія, отослать къ инспектору Бакмейстеру въ гимназію, и съ такимъ предписаніемъ, чтобы инспекторъ Бакмейстеръ велъ по одной изъ данныхъ ему оныхъ книгъ о учащихся въ гимназіи казенныхъ, а по другой о вольныхъ ученикахъ вѣрный журналъ, записывая въ оный время вступленія въ гимназію каждаго ученика, кто изъ нихъ какой природы, съ какимъ понятіемъ и прилежностью ученіе продолжаетъ, сколько времени въ ономъ и въ чемъ именно упражнялся и какое въ ономъ пріобрѣлъ кто знаніе: также и во всю ту свою бытность при гимназіи добропорядочно ль, или съ какими пороками поступалъ. При выпускѣ же казенныхъ и отпускѣ вольныхъ учениковъ изъ гимназіи давать имъ изъ коммиссіи, по его инспектора Бакмейстера свидѣтельствамъ, надлежащіе, со изъясненіемъ всего въ разсужденіи ученія ихъ и поведенія, аттестаты. Но, между тѣмъ, объявить всѣмъ вольнымъ ученикамъ въ гимназіи, что тѣмъ изъ нихъ, которые впредь отъ сего времени оставятъ гимназію самовольно, а послѣ будутъ просить о бывшемъ ихъ ученіи аттестаты, оный не инако данъ будетъ, какъ съ точнымъ прописаніемъ прилежанія, или нерадѣнія, и самаго того ихъ своевольства, съ которымъ они оставятъ училище свое, въ каковыхъ случаяхъ и поступать ему, Бакмейстеру, точно по сему предписанію, безъ всякаго послабленія".

Несмотря на всѣ эти письменныя строгости, многіе гимназисты засиживались въ классахъ, безъ существенной пользы для ихъ ученія. Въ 1775 году Бакмейстеръ обратилъ на это вниманіе академической комиссіи, которая 8 мая постановила: „На представленіе инспектора гимназіи г-на Бакмейстера въ разсужденіи казенныхъ гимназистовъ, чтобы сдѣлать общее опредѣленіе: сколь долго, или до какого возраста, или до какого познанія надлежитъ гимназисту быть въ гимназіи, и какое надлежитъ имѣть знаніе какъ тѣмъ, кои оставлены будутъ при Академіи, такъ и тѣмъ, которые, по ихъ прошенію, уволены будутъ отъ Академіи; также что должно дѣлать съ тѣми, кои, хотя еще малолѣтны, но о которыхъ самымъ искусствомъ чрезъ три года, или болѣе, извѣдано будетъ, что они какъ къ изученію языковъ, такъ и къ наукамъ совсѣмъ не способны? Объявите ему, г-ну Бакмейстеру, что въ коммиссіи Академіи Наукъ заблагоразсуждено, какъ то и опредѣляется симъ: впредь ни одного гимназиста моложе 18 лѣтъ не выпускать изъ гимназіи. Въ разсужденіе же тѣхъ, кои, хотя и малолѣтны, но о которыхъ чрезъ довольное искусство усмотрѣно будетъ имъ г-мъ Бакмейстеромъ, что они къ наукамъ совсѣмъ неспособны, велѣть ему, г-ну Бакмейстеру представлять коммиссіи, безъ потерянія времени".

По временамъ исключали за неспособность учениковъ и опредѣляли ихъ, какъ то водилось изстари, въ типографію или въ академическія мастерскія. Такъ, въ протоколѣ 29 апрѣля 1773 года означено: Что касается до представленія инспектора Бакмейстера о пяти взрослыхъ гимназистахъ..., которые никакой не показываютъ способности и склонности къ ученію, и потому большой отъ нихъ пользы отъ обращенія ихъ въ наукахъ ожидать не можно, то опредѣлить, по желанію ихъ, къ другимъ дѣламъ, а именно первыхъ трехъ... въ типографію къ наборному... и въ механическую палату къ инструментальному художеству.

Обыкновенно гимназистовъ старшаго класса, объявившихъ, что они „не имѣютъ болѣе охоты остаться при наукахъ", и выходившихъ потому изъ гимназіи до окончанія въ ней курса, переименовывали въ студенты, и этимъ званіемъ означали ихъ въ выдаваемыхъ имъ аттестатахъ. Это злоупотребленіе особенно часто стало повторяться съ 1773 года.

Въ 1775 году директоромъ Академіи назначенъ былъ Сер-

гѣй Герасимовичъ Домашневъ. Съ самаго начала онъ обратилъ вниманіе на гимназію. Въ первый бывшій при немъ въ 1776 году экзаменъ гимназистовъ старшаго класса онъ предложилъ производившимъ его академикамъ, чтобы они задали четыремъ лучшимъ ученикамъ написать сочиненіе на избранную экзаменаторами тему, на томъ языкѣ, которымъ лучше владѣетъ, и доставили бы ихъ ему. Домашневъ потребовалъ, чтобы инспекторъ гимназіи ежедневно присылалъ къ нему одного гимназиста, съ распредѣленіемъ дневныхъ уроковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая очистить гимназію отъ вредныхъ учениковъ, онъ „приказалъ“, какъ сказано въ протоколѣ 5 іюля, „гимназистамъ взрослымъ, которыѣ пробыли уже въ гимназіи 12 лѣтъ, сдѣлать разборъ, и разсмотрѣвъ каждаго успѣхи, тѣхъ изъ нихъ, кои надобны для Академіи, выключить изъ гимназіи, и распредѣлить по мѣстамъ, который къ чему способенъ явится, а прочихъ, кои ненужны для Академіи, отпустить отъ оной, для опредѣленія себя въ службу при другихъ командахъ“. Академическая комиссія поручила этотъ разборъ академикамъ Котельникову, Румовскому, Протасову и Лепехину, съ приглашеніемъ профессоровъ университетскаго курса въ гимназіи. Повидимому, они не сочувствовали крутой мѣрѣ, которую предполагалъ принять Домашневъ, и ознакомившись съ успѣхами въ наукахъ 10-ти учениковъ старшаго класса, нашли, что только двое изъ нихъ не могутъ продолжать ученія. Поэтому академическая комиссія постановила: „Прочихъ всѣхъ осмерыхъ оставить еще на годъ въ гимназіи, для пріобрѣтенія большихъ успѣховъ въ ихъ знаніяхъ, чтобы они, утвердясь болѣе въ оныхъ, тѣмъ полезнѣйшими обществу и способнѣйшими сдѣлаться могли къ отправленію ихъ должностей, когда на послѣдокъ вступятъ въ дѣйствительную службу, или пользоваться далѣе наставленіями господъ академиковъ. А между тѣмъ, для одобренія и поощренія ихъ и прочихъ учащихся къ большему прилежанію въ наукахъ, четырехъ изъ нихъ (слѣдуютъ фамиліи), какъ отличившихся преимущественно успѣхами своими предъ прочими ихъ товарищами въ наукахъ, переименовавъ студентами, наградить, по примѣрамъ прежде бывшимъ, шпагами, и чтобъ они могли спокойнѣе упражняться въ ихъ ученіи, отдѣливъ ихъ отъ общежитія прочихъ гимназистовъ, дать имъ особливый покой, но въ той же гимназіи, и быть имъ, попрежнему,

подъ смотрѣніемъ инспекторскимъ, и когда время придетъ дѣлать на нихъ и на прочихъ гимназистовъ платье, сдѣлать имъ въ томъ отъ другихъ отмѣну".

Взрослые гимназисты не оправдали ожиданій академиковъ, вскорѣ они произвели грубый скандалъ: въ сентябрѣ 1777 года прибили конректора Стриттера. „Для изслѣдованія случившагося въ гимназіи нѣкотораго между конректоромъ Штриттеромъ и взрослыми гимназистами происшествія", Домашневъ учредилъ особый комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Лепехина и Протасова, въ качествѣ секретаря, и Бакмейстера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ этой комиссіи „разсмотрѣть расположеніе ученій въ гимназіи, изыскать причину худого успѣха всѣхъ учениковъ, и представить мнѣніе о возможномъ исправленіи". Вслѣдствіе этого положено было: „собираться имъ, господамъ академикамъ, для сего дѣла по средамъ и субботамъ по утру въ гимназической аудиторіи, и по разсмотрѣніи расположенія ученія въ оной гимназіи, какая окажется причина худого успѣха помянутыхъ учениковъ, такожъ и какимъ образомъ признаютъ они, господа академики, наилучше исправить оную гимназію, къ полученію надежнѣйшихъ отъ ея успѣховъ, подать о томъ свое мнѣніе". Послѣдствіемъ изысканій этой комиссіи было увольненіе отъ должности въ декабрѣ 1777 года какъ Бакмейстера, такъ и Стриттера, которому поручено было обученіе верхняго нѣмецкаго класса. „На мѣсто же его, Бакмейстера", сказано въ протоколѣ 8 декабря, „къ отправленію бывшей его при гимназіи должности, выписать изъ чужихъ краевъ другого, и при томъ такого человѣка, который бы преимущественно зналъ древности и латинскій языкъ, и могъ бы поступить на ректорское при гимназіи мѣсто, преподавать совершенныя наставленія въ ономъ на латинскомъ языкѣ, также въ штилѣ и въ сочиненіяхъ, и притомъ имѣть смотрѣніе надъ казенными въ гимназіи учениками". Домашневъ съ этимъ не согласился и 18 декабря 1777 года на протоколѣ написалъ: „По способности и усердію господина академика Лепехина, препоручено ему смотрѣніе надъ гимназіею, надѣясь твердо, что она его раченіемъ выйдетъ изъ сего жалостнаго и развратнаго состоянія, въ каковомъ она находится. По текущимъ надобностямъ имѣетъ онъ подавать записки въ комиссію, а въ какихъ-либо новыхъ учрежденіяхъ требуетъ непосредственно отъ меня наставленія".

Лепехинъ назначенъ былъ въ 1768 году адъюнктомъ Академіи по естественной исторіи, а вскорѣ послѣ этого предпринялъ ученое путешествіе по восточному краю Россіи, продолжавшееся около шести лѣтъ; въ 1771 году онъ былъ произведенъ въ академики, а въ 1773 году отправился въ Бѣлоруссію и въ Псковскую губернію, изъ котораго въ томъ же году возвратился въ Петербургъ.

Вступивъ въ должность инспектора гимназіи, Лепехинъ не сдѣлалъ въ ней никакихъ существенныхъ измѣненій; все, повидимому, осталось въ ней по-старому, и какъ прежде, гимназистовъ жаловали въ студенты, оставляя ихъ въ гимназіи. Придуманы были даже весьма оригинальныя правила производства гимназистовъ въ студенты. Они излагаются въ протоколѣ 23 іюля 1778 года. „Его превосходительство, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ Академіи Наукъ господинъ директоръ и кавалеръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, почитая за нужное установить единожды навсегда вѣрное правило къ произведенію гимназистовъ въ студенты, приказалъ впредь въ таковыхъ случаяхъ, поступать по сдѣланному отъ его превосходительства нижеслѣдующему учрежденію: 1) Гимназистовъ въ студенты не производить, покамѣсть они не будутъ въ состояніи слушать на латынскомъ языкѣ всѣхъ профессорскихъ лекцій, и переводить исправно съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. 2) Студентами быть три года, по прошествіи которыхъ опредѣлять ихъ въ переводчики, или въ учители, смотря по нуждамъ Академіи и по ихъ способности. 3) Студентъ въ каждый годъ долженъ перевести книгу, какая ему дана будетъ; но чтобъ не произошло въ семъ злоупотребленія, то назначается величины книги предѣлъ, а именно до ста листовъ печатныхъ въ осмушку. Если же оная превзойдетъ сіе число, то превосходство замѣняется въ другой годъ. Въ число же годоваго урока переводовъ замѣняться имѣютъ и мелкія пьесы, которыя имъ даны будутъ для переводу.“ Но и эти странныя правила не всегда примѣнялись, а какъ и прежде бывало, неокончившаго гимназическаго курса ученика, оставившаго гимназію, переименовывали въ студенты; такъ, въ протоколѣ 27 марта 1783 года записано: „по прошенію взрослаго гимназиста Василія Михайлова отца его, Козьмы Васильева, объ отпускѣ онаго сына его отъ Академіи для опредѣленія въ дѣйствительную ея императорскаго величества

службу, отпустить его Михайлова отъ Академіи, переименовавъ студентомъ".

Неудовлетворительное состояніе гимназіи Лепехинъ приписывалъ единственно неисправному отпуску суммъ на ея содержаніе. Въ 1782 году онъ представилъ, между прочимъ, академическому собранію: „Въ остальное время наиболѣе надлежало мнѣ попечительствовать о испрошеніи денегъ на содержаніе гимназистовъ, ибо экономъ удержаніемъ оныхъ доводимъ былъ часто до крайности. Сіи крайности принуждали меня приносить жалобы между сочленами академическаго собранія, что обучающіеся на казенномъ иждивеніи гимназисты доходятъ до крайности, что малое ихъ число (ибо нынѣ дѣйствительно учащихся только двадцать восемь человѣкъ, а по штату академическому надлежало имъ быть пятдесяти, кромѣ 40 тѣхъ, коихъ Академія, въ силу Высочайшаго именнаго повелѣнія обязана воспитывать и наставлять въ россійскомъ правописаніи, для наполненія ими приказныхъ мѣстъ) не можетъ удовлетворять тѣмъ ожиданіямъ, каковыхъ отъ сего училища по справедливости требовать надлежитъ. Сіе самое подало поводъ г. академику Крафту, при разсужденіи о задаваемыхъ вопросахъ, замѣтить, что опредѣляемыя за рѣшеніе сихъ вопросовъ деньги лучше употребить на поправленіе, то есть на содержаніе полнаго числа учащихся въ гимназіи, нежели платить чужеземцамъ".

Курсъ гимназіи, сколько можно судить о немъ по весьма немногимъ уцѣлѣвшимъ документамъ, былъ весьма неправиленъ; такъ, напримѣръ, такъ называемые „студенты" гимназіи только начинали учиться по-гречески; въ протоколѣ 24 августа 1780 года записано: „требуемыя г. академикомъ Лепехинымъ для студентовъ, начавшихъ обучаться греческому языку, книги" и т. д.

Домашневъ налегалъ только на переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ. Такъ, въ протоколѣ 8 января 1781 года находимъ, что „опредѣлено, чтобы присланную въ Академію, по Высочайшему ея императорскаго величества именному повелѣнію, чрезъ его сіятельство, г-на дѣйствительнаго камергера, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, графа Александра Сергѣевича Строганова, для преложенія на россійскій языкъ, книгу: „Spectacle de la nature et des arts", состоящую въ шести частяхъ, перевести какъ возможно скорѣе; то

раздать оную въ разныя руки, а именно: при переводческой переводчикамъ Ковалеву и Волкову, да при гимназіи студентамъ Лиховому, Киріаку, Васильеву и Петрову, каждому по части, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы каждый изъ нихъ данную ему часть перевелъ непремѣнно въ два мѣсяца, употребляя на то все послѣобѣденное свободное имъ отъ другихъ дѣлъ время".

Княгиня Дашкова, вступивъ въ 1783 году въ должность директора Академіи, потребовала отъ Лепехина именной списокъ всѣмъ находящимся въ гимназіи казеннокоштнымъ ученикамъ и стала заниматься гимназіею. Она была строга и взыскательна къ учителямъ и заставляла ихъ болѣе трудиться. Прежде всего она увеличила на одинъ часъ ежедневно учебное время; „Академику Лепехину", предложила она 27 февраля, „какъ учителямъ, такъ и гимназистамъ приказать ходить въ классы съ 1-го числа наступающаго марта мѣсяца въ 7 часовъ поутру, и сей прибылой часъ расположить ему г. Лепехину, по его усмотрѣнію, въ пользу гимназистовъ въ обученіе". За пропуски учителями уроковъ стали вычитать изъ ихъ жалованья. „Какъ гимназіи конректоръ Гакманъ", находимъ въ протоколѣ 30-го сентября 1784 года, „не исполняетъ своей обязанности по контракту и никакихъ наставленій не преподаетъ въ гимназіи, то удержать у него жалованье съ 1 сентября сего 1784 года". Въ протоколѣ 2 іюля 1795 года означено: „По репортамъ инспектора гимназіи Круглашева, за небытіе въ гимназическихъ классахъ въ назначенные для обученія воспитанниковъ дни: г-на профессора Якова Захарова апрѣля 26 и іюня 20, г. Роммеля 24, 26 апрѣля и мая 15, г. Гронскаго и Сентъ-Илера мая 14 числа, по силѣ учиненной сего года марта въ 9 день резолюціи, вычесть, при нынѣшней дачѣ имъ жалованья, за каждое небытіе по недѣлѣ".

Въ курсѣ гимназіи не было сдѣлано никакихъ существенныхъ измѣненій; введенъ былъ только англійскій языкъ, коимъ свободно владѣла княгиня Дашкова. Попрежнему гимназистовъ, даже не окончившихъ курса, жаловали въ студенты. Въ 1783 году встрѣчаемъ два объ этомъ постановленія: 1) 24 октября: „Вслѣдствіе ея сіятельства Академіи Наукъ директора и кавалера, княгини Екатерины Романовны Дашковой, приказанія, находящагося въ Академической гимназіи изъ присланныхъ изъ Москвы семинаристовъ Александра Губина, просящагося

къ опредѣленію при другой командѣ, по его желанію, уволить отъ Академіи студентомъ. 2) 30 октября: „Состоящихъ въ Академической гимназіи изъ присланныхъ изъ Москвы семинаристовъ Ѳедора Каменскаго и Петра Соколова, наименовавъ студентами, по объявленнымъ отъ нихъ желаніямъ опредѣлить, ко исправленію письменныхъ дѣлъ, Каменскаго по здѣшней книжной лавкѣ, а Соколова по книжному магазину... Ивана Флоринова, Алексѣя Шестакова и Сергѣя Лаврова (также всѣ трое изъ Московской Академіи), которые желаютъ отправлены быть въ Тобольскъ, въ сходствіе полученнаго въ канцеляріи изъ тамошняго намѣстническаго правленія сообщенія, которымъ требовано о присылкѣ въ оное, буде есть, изъ обучающихся въ состоящихъ въ вѣдомствѣ Академіи учениковъ таковыхъ, которые бы могли быть свободными и способными къ опредѣленію въ тамошнія присутственныя мѣста къ отправленію секретарскихъ, канцелярскихъ и прочихъ должностей, съ надлежащими аттестатами, наименовавъ же студентами".

Въ 1785 году четыре гимназиста, наименованные студентами: Кононовъ, Захаровъ, Севергинъ и Павловъ, посланы были въ Геттингенскій университетъ; первые три возвратились въ 1789 году, и тогда же назначены были адъюнктами Академіи; Севергинъ получилъ въ 1793 году званіе Академика.

Въ 1793 году построенъ былъ для гимназіи домъ въ 7-й линіи, и въ немъ устроена церковь, освященная 20 декабря 1794 года.

Княгиня Дашкова такъ описываетъ состояніе, въ которомъ она нашла гимназію и что въ ней сдѣлала въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ своего директорства: „Pour encourager et donner de l'émulation entre les jeunes gens du gymnase, j'ai établi deux examens par an, où des prix en livres et médailles leur sont distribués. Entre les plus avancés j'en ai envoyé quatre pour quatre ans à l'université de Guoettingue aux frais de l'académie. Au gymnase au lieu de 50 élèves qu'il devait y avoir, je n'y ai trouvé que 27, dont trois ne donnant aucun espoir de progrès ont été pris pour l'imprimerie, six ont été renvoyés à leurs parents à cause d'incapacité; il n'en resta que 18, bien petit nombre pour un empire aussi vaste, manquant déjà de gens sachant lire. L'académie même en souffrait, car dans un besoin de gens, elle ne savait d'où en tirer. Il y a à présent à leur place 89 élèves, qui, j'ose le dire, sont infiniment

mieux nourris, vêtus, instruits, en un mot mieux entretenus qu'avant. Au lieu des maîtres nécessaires qui manquaient, il y avait au gymnase un musicien, qui recevait 350 roubles pour enseigner à jouer du violon; le musicien a été payé et renvoyé; j'ai fait venir à sa place un régent de classse instruit et un maître de langue italienne et anglaise".

Отдавая полную справедливость заслугамъ княгини Дашковой для Академіи и всѣхъ ея учрежденій, въ томъ числѣ и гимназіи, для которой построенъ былъ ею впослѣдствіи, какъ только что сказано, домъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго самообольщенія въ ея словахъ. Что казеннокоштные гимназисты содержались при ней лучше, чѣмъ прежде, этому можно вѣрить: она была заботливая хозяйка. Во всемъ же остальномъ въ гимназіи не видимъ большой разницы съ тѣмъ, что находили въ ней прежде. Со времени инспекторства Бакмейстера, какъ видѣли, производились въ ней два раза въ годъ экзамены академиками. И при Бакмейстерѣ посылали гимназистовъ учиться въ иностранные университеты, что имѣло свою хорошую и свою дурную сторону: несомнѣнно, что въ германскихъ университетахъ молодые люди могли получить болѣе основательное образованіе, чѣмъ тогда въ Петербургѣ, какъ то и доказали посланные княгинею Дашковой, но этимъ самымъ подрывался окончательно и такъ опустѣвшій академическій университетъ. Увеличеніе числа учениковъ не доказываетъ еще благоустройства гимназіи; и прежде, по временамъ, число учащихся въ ней возрастало, а гимназія оттого не улучшалась; все зависитъ отъ качествъ допускаемыхъ къ гимназическому ученію, а въ этомъ отношеніи не видимъ разницы съ давно бывшимъ. Въ составѣ учителей, въ самомъ курсѣ преподаванія не сдѣлано было, во время управленія княгини Дашковой, никакихъ существенныхъ улучшеній. Все-таки, однако, нельзя не видѣть ея заботливости о гимназіи, въ смыслѣ порядка и приличнаго ея содержанія.

Академическая гимназія, по времени учрежденія, была первая, и въ теченіе болѣе четверти вѣка — единственная гимназія въ Россіи. Неудивительно поэтому, что въ ея устройствѣ и управленіи вкрались недостатки, обыкновенные въ каждомъ новомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ старанія завѣдывавшихъ ею

устранить ихъ. Академія Наукъ обращала постоянно на нее вниманіе: учреждала комиссіи для ея улучшенія, поручала академикамъ экзаменовать гимназистовъ, назначала изъ своей среды ректоровъ и инспекторовъ гимназіи. Многіе академики составляли проекты лучшей организаціи, или представляли свои мнѣнія, преподавали въ гимназіи, писали даже учебныя руководства; такъ знаменитый Эйлеръ составилъ учебникъ для гимназистовъ. Президенты и директоры Академіи заботились также о гимназіи: баронъ Кейзерлингъ поручалъ въ 1733 году академику Фишеру составить уставъ для гимназіи; баронъ Корфъ достигъ въ 1735 году учрежденія при ней стипендій; графъ Разумовскій ввелъ въ 1747 году штатъ гимназіи, а въ 1750 году краткій уставъ, и неоднократно вмѣнялъ въ обязанность какъ академическому управленію, такъ и лицамъ, близко стоявшимъ къ гимназіи, устроить ее на правильныхъ началахъ; съ этою цѣлію онъ ввѣрилъ ее въ 1758 году Ломоносову; въ 1765 году велѣлъ составить для гимназіи планъ преподаванія; Фишеръ, Модерахъ и Бакмейстеръ представляли ему проекты объ упорядоченіи гимназіи. Домашневъ учредилъ въ 1777 году особый комитетъ изъ академиковъ, для исправленія гимназіи. Княгиня Дашкова заботилась также о гимназіи, построила для нея особое зданіе, улучшила содержаніе казенно-коштныхъ учениковъ.

Несмотря на всѣ эти мѣры, академическая гимназія оставалась, въ продоженіе всего прошлаго столѣтія, въ неудовлетворительномъ состояніи, отъ ошибочной постановки въ ней учебнаго дѣла. Органическіе, такъ сказать, ея пороки состояли въ назначеніи несоотвѣтствующихъ учителей и въ дурномъ составѣ учащихся. Въ первое время по учрежденіи гимназіи выписаны были, для занятія въ ней учительскихъ мѣстъ, изъ Германіи основательные ученые, сдѣлавшіеся впослѣдствіи извѣстными академиками: Мюллеръ, Крафтъ и др.; но они не знали по-русски, и ученики мало понимали своихъ преподавателей. Иностранные учители замѣнены были потомъ, по большой части, русскими, но многіе изъ нихъ не были достаточно подготовлены для преподаванія въ среднемъ учебномъ заведеніи: очень часто назначались они изъ недоучившихся студентовъ. Въ началѣ по открытіи гимназіи въ нее поступали мальчики изъ достаточныхъ и относительно образованныхъ семействъ, но это продолжалось недолго. Гимназія

стала наполняться учениками изъ низшихъ сословій, съ грубыми нравами и привычками, и притомъ, по своему общественному положенію, вовсе не предназначавшихся къ высшему образованію, для котораго гимназическое ученіе служитъ необходимою ступенью. Явившееся въ 1765 году намѣреніе улучшить составъ учащихся, устройствомъ при гимназіи малолѣтняго отдѣленія, осуществлено было неумѣло и потому не удалось.

Управленіе гимназіею никогда не было организовано. При учрежденіи ея, она отдана была по контракту Байеру, который имѣлъ право устроивать ее, какъ желаетъ, и этимъ правомъ онъ воспользовался въ 1731 году, введя въ гимназію имъ самимъ составленное положеніе. Въ 1738 году инспекторъ Крафтъ ввелъ свой уставъ гимназіи. Тридцать лѣтъ послѣ того, именно въ 1768 году, гимназія, на основаніи письменнаго условія, подобнаго тому, которое заключено было съ Байеромъ при ея открытіи, перешла въ полное распоряженіе инспектора Бакмейстера, которому предоставлялось учредить ее по своему усмотрѣнію, чѣмъ онъ и воспользовался. При такомъ порядкѣ въ гимназіи никогда не было опредѣленнаго курса, да и число классовъ въ ней постоянно измѣнялось, то прибавлялись, то убавлялись классы; произвольно вводились и вычеркивались разные предметы преподаванія. Ученики не обязаны были проходить всего гимназическаго курса, а выбирали науки по своему желанію или по волѣ своихъ родителей. Пріемъ въ гимназію производился въ теченіе всего учебнаго года, что естественно затрудняло преподаваніе. Лѣта принимаемыхъ учениковъ не были опредѣлены, потому и встрѣчаемъ между ними 5-и 25-лѣтнихъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ.

Начальство гимназіи было слишкомъ многочисленно: кромѣ ректора и инспектора, полагался конректоръ, также главный инспекторъ, назначавшійся обыкновенно изъ академиковъ, по связи гимназіи съ Академіею. Но что всего страннѣе — иногда бывали въ гимназіи въ одно и то же время два ректора или два инспектора. Обязанности ихъ и взаимныя отношенія не были положительно установлены; оттого и встрѣчаемъ, напримѣръ, такого ректора, какъ Роткагеръ, у котораго отнята была всякая власть надъ гимназіею.

Академическая гимназія никогда не имѣла правильно утвер-

жденнаго устава; ибо такъ называемый уставъ гимназіи графа Разумовскаго 1750 года состоитъ изъ нѣсколькихъ только статей, не заключающихъ въ себѣ ничего существеннаго.

Педагогическое дѣло, болѣе чѣмъ какое-либо другое, требуетъ единства мысли и направленія, и неизмѣнной въ нихъ стойкости, отчего и можетъ итти успѣшно только тогда, когда сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, и когда учебная система опредѣлена точно и не зависитъ отъ произвола лицъ. Этого именно и не было въ организаціи академической гимназіи: инспекторы распоряжались ею по своимъ взглядамъ, директоры Академіи — по своимъ вкусамъ: Домашневъ мѣрилъ успѣхи учениковъ знаніемъ французскаго языка, княгиня Дашкова, говорившая отлично по англійски, ввела въ гимназическій курсъ англійскій языкъ. Академія Наукъ давала дѣльные совѣты для улучшенія гимназіи; но, по самому своему существу, не могла низойти до управленія однимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ; для нея гимназія была постороннимъ и только обременительнымъ придаткомъ.

Несмотря однако на всю неустроенность гимназіи, она принесла все-таки пользу русскому юношеству, приготовивъ нѣсколькихъ ученыхъ и даровитыхъ административныхъ дѣятелей и доставивъ нѣкоторое образованіе многимъ сотнямъ обучавшихся въ ней учениковъ. Въ исторіи же просвѣщенія Россіи академическая гимназія имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ первая учрежденная въ имперіи гимназія.

Д. Толстой.

Выборъ студентовъ въ Академическій университетъ.

Духовныя училища издавна служили разсадникомъ, откуда свѣтскія учебныя заведенія пріобрѣтали своихъ первыхъ питомцевъ. Академія Наукъ, открывая публичныя чтенія, призывала охотниковъ до математики, физики, исторіи и реторики и объявленіе о своихъ лекціяхъ препровождала въ св. Синодъ съ цѣлью привлечь въ свои аудиторіи людей любознательныхъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному вѣдомству. Воспитанники духовныхъ училищъ были до такой степени необходимы для академической гимназіи и университета, тчо Академія Наукъ не открывала лекцій до прибытія молодыхъ

людей изъ различныхъ семинарій. То, что происходило въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка, повторилось и въ девятнадцатомъ столѣтіи: при учрежденіи университетовъ оказалось необходимымъ обратиться къ мѣстнымъ духовнымъ семинаріямъ. Лица, на которыя возложено было устройство учебнаго дѣла въ Россіи, такимъ образомъ отзываются объ участіи со стороны духовенства: „Россійскому духовенству отечество наше много одолжено со стороны просвѣщенія. Науки первое пристанище въ Россіи нашли въ духовномъ званіи; въ немъ они имѣли первыхъ своихъ любимцевъ. Въ доказательство сего можно здѣсь торжественно указать на тѣ случаи, какъ духовенство наше доставило государству болѣе трехсотъ учителей при учрежденіи народныхъ училищъ во время царствованія великой Екатерины. И нынѣ, когда всемилостивѣйшій монархъ Александръ I захотѣлъ осчастливить народъ свой повсемѣстнымъ распространеніемъ наукъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія не могло обойтись безъ того, чтобы не заимствовать опять учителей изъ духовныхъ училищъ. Въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ поступило слишкомъ сто человѣкъ, въ Харьковскій университетъ сорокъ, имѣющихъ отличныя дарованія и склонности къ наукамъ“, и т. д.

Впрочемъ, это снабженіе университетовъ учащеюся молодежью не всегда происходило добровольно. На предложеніе Академіи Наукъ прислать ей хорошо приготовленныхъ воспитанниковъ изъ тѣхъ, которые признаны способными занять учительскія мѣста въ епархіальныхъ училищахъ послѣдовалъ отвѣтъ Св. Синода въ такомъ смыслѣ, что хотя читаемыя при Академіи лекціи „и всякому не безполезны“; но тѣмъ не менѣе учителя для семинарій также очень нужны, да и средствъ для содержанія студентовъ нѣтъ ни въ епархіяхъ ни въ самомъ Синодѣ, а потому и „невозможно отлучить“ семинаристовъ въ Академію Наукъ. Постоянныя вербовки семинаристовъ въ другія училища послужили даже поводомъ къ столкновенію между Академіею Наукъ и духовными властями. Столкновеніе это кончилось побѣдою со стороны Академіи, пріобрѣтшей нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей и въ числѣ ихъ Румовскаго.

Еще въ 1735 году баронъ Корфъ, „главный командиръ академіи“, представлялъ Сенату объ учрежденіи академической семинаріи на тридцать учениковъ и о предварительномъ выборѣ спо-

собныхъ воспитанниковъ изъ монастырей, гимназій и другихъ училищъ. Въ числѣ юношей „непослѣдняго остроумія“, выбранныхъ по этому случаю, былъ и знаменитый впослѣдствіи Ломоносовъ. Будучи уже профессоромъ, Ломоносовъ предложилъ Академіи снова обратиться къ той же мѣрѣ и просить Сенатъ о разрѣшеніи выбрать семинаристовъ, достаточно подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій; при этомъ указывалъ преимущественно на семинаріи Невскую и Новогородскую. Добиться отъ Сената постановленія о присылкѣ студентовъ изъ духовнаго вѣдомства Ломоносовъ считалъ дѣломъ въ высшей степени полезнымъ для Россіи, а въ заботахъ Академіи о научномъ развитіи молодыхъ силъ видѣлъ залогъ ея славы: “образуя — говорилъ онъ — въ стѣнахъ своихъ умы учащагося поколѣнія и содѣйствуя ихъ успѣхамъ на ученомъ поприщѣ, Академія по справедливости пріобрѣтетъ имя перваго русскаго университета“.

Мысли Ломоносова суждено было скоро осуществиться. Въ академическомъ регламентѣ 1747 года сказано между прочимъ слѣдующее: „университетъ есть собраніе учащихъ и учащихся людей: первые называются профессоры, а другіе — студенты; профессоры не обучаютъ языковъ, но обучаютъ наукъ. Того ради студенты должны уже искусны быть въ языкѣ латинскомъ, дабы лекціи въ наукахъ, которыхъ на иномъ языкѣ давать не позволяется, какъ токмо на латинскомъ и русскомъ, могли они совершенно разумѣть. Сего ради надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ, способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при Академіи“. На основаніи регламента президентъ Академіи Наукъ, графъ Разумовскій, обратился въ Св. Синодъ съ представленіемъ, что „въ канцеляріи Академіи Наукъ за благо разсуждено, чтобъ тѣ ученики имѣли быть выбраны токмо изъ семинарій: Александроневскаго монастыря и изъ Новгородской, да изъ Москвы изъ училищнаго Спасскаго монастыря, по пропорціи“. Св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о выборѣ учениковъ, по десяти изъ каждой семинаріи, преимущественно изъ дѣтей разночинцевъ, и только въ случаѣ крайней необходимости дозволялось дополнить недостающее число дѣтьми причетниковъ. Въ Москвѣ и Новгородѣ мѣра эта не встрѣтила препятствій; для выбора и пріема семинаристовъ отпра-

вленъ былъ туда академикъ Тредьяковскій. Но петербургскій архіепископъ Ѳеодосій находилъ требованіе президента крайне стѣснительнымъ въ отношеніи Александроневской семинаріи, которая, по числу учащихся, весьма ограниченному, далеко уступала другимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ Московской академіи число учащихся простиралось до четырехсотъ, въ Новгородской до двухсотъ, а въ Невской не превышало семидесяти, да изъ этихъ семидесяти одни еще слишкомъ молоды и едва только вступили въ училище, другіе, напротивъ того, черезчуръ не молоды и уже поженились въ ожиданіи посвященія въ духовный санъ. Годныхъ къ выбору оказывалось не болѣе тридцати, изъ которыхъ „ежели взяты будутъ десять человѣкъ, а, какъ уповательно еще, лучшіе, понеже всѣмъ равнымъ не удается быть, то въ Александроневской семинаріи не только піитика и риторика съ малымъ плодомъ останутся, но и философія, а потомъ и богословіи не будетъ для кого производить и то воспослѣдуетъ, что какъ въ Петропавловскій соборъ, такъ и въ другія знатныя мѣста, куда ученые люди требуются, не будетъ кого опредѣлить, съ чего порицаніе на семинарію, яко могущую быть безплодною, не воспослѣдовало бъ“. Въ отвращеніе такихъ печальныхъ послѣдствій Ѳеодосій просилъ вовсе отклонить выборъ отъ Невской семинаріи; если же это окажется невозможнымъ, то ограничить его тремя и отнюдь не болѣе, какъ пятью учениками. Св. Синодъ призналъ доводы петербургскаго архіепископа уважительными и постановилъ выбрать изъ Невской семинаріи пять воспитанниковъ, а остальныхъ пять — изъ семинаріи Смоленской. Но Разумовскій настаивалъ на своемъ правѣ произвести выборъ по собственному своему усмотрѣнію и не безъ колкости объяснялъ Синоду, что рѣшенія правительственныхъ мѣстъ должны основываться на предварительномъ собраніи точныхъ свѣдѣній и справокъ и не могутъ подлежать быстрымъ перемѣнамъ. Въ такую даль, какъ Смоленскъ, за учениками „посылать, и такихъ, какихъ мнѣ давать будутъ, принять не могу“, — говорилъ Разумовскій. Въ выборѣ десяти человѣкъ изъ Невской семинаріи онъ видѣлъ не притѣсненіе, а особенное вниманіе и даже любезность: „намѣренъ я былъ всѣхъ тѣхъ тридцать человѣкъ взять изъ Александроневской семинаріи, ибо оные здѣшнія обыкновенія знать и поступки имѣть могутъ лучше, нежели другихъ, гораздо отдаленныхъ

отсюда, семинарій ученики", и отмѣнилъ свое намѣреніе только потому, чтобы не отяготить Невской семинаріи. Разумовскій доказывалъ, что „въ силу регламента онъ крайне старается университетъ въ наискорости размножить добрыми и искусными студентами", и въ заключеніе пригрозилъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, довести дѣло до свѣдѣнія императрицы. Архіепископу Ѳеодосію президентъ Академіи Наукъ писалъ слѣдующее: „По указу св. синода ваше преосвященство должны ко мнѣ въ Академію отпустить десять такихъ учениковъ изъ монастырской семинаріи, какіе выбраны будутъ посланными отъ меня нарочно для того. И какъ я по высочайшему именному ея императорскаго величества указу сего требованія отъ св. синода и въ государевыхъ дѣлахъ отстрочки дѣлать не могу, того ради прошу безъ задержанія ихъ въ Академію отправить для того, чтобъ они къ празднику св. Пасхи могли въ такое же состояніе въ ихъ одеждѣ приведены быть, какъ и изъ прочихъ мѣстъ присланные. Ибо мнѣ отрапортовано, что посланнымъ отъ меня людямъ отстрочено до двухъ недѣль за отсутствіемъ учителей семинаріи въ Новгородѣ, которые однакожъ нынѣ въ С.-Петербургѣ". Уступая въ необходимости, Св. Синодъ разрѣшилъ выбрать десять учениковъ изъ Невской семинаріи, но только изъ тѣхъ, которые еще не посвящены въ стихарь; что же касается до посвященныхъ въ стихарь, то „таковыхъ, яко уже на степень священнаго церковнаго причта молитвами, съ призываніемъ Духа Святаго, въ церкви при народномъ собраніи возведенныхъ, отъ церкви святой отрѣшать и въ помянутый университетъ, яко къ свѣтскому дѣлу требуемыхъ, отдавать не подобаетъ".

Сухомлиновъ.

Устройство Академическаго университета и бытъ студентовъ.

Академическій университетъ былъ въ теченіе нѣкотораго времени единственнымъ для Россіи учрежденіемъ, готовившимъ молодыхъ людей преимущественно, хотя и не исключительно, къ ученой и учебной дѣятельности. Въ стѣнахъ его получили научное образованіе многіе изъ нашихъ ученыхъ, имена которыхъ не должны быть забыты въ исторіи просвѣщенія въ Россіи

восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтія. Всѣ безъ исключенія члены Академіи Наукъ, избранные въ члены Россійской академіи, были питомцами Академическаго университета. Поэтому мы полагаемъ, что не будетъ излишне остановиться, на нѣкоторыхъ чертахъ замѣчательнаго по мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ малоизвѣстнаго у насъ учрежденія, нѣкогда существовавшаго при Академіи Наукъ. 24 іюня 1747 года учрежденъ новый уставъ Академіи Наукъ, по которому университетъ признанъ ея существенною и необходимою частью.

„Академія Наукъ — сказано въ уставѣ — раздѣляется на Академію собственно и на университетъ. Академія собственно называется собраніе ученыхъ людей, которые стараются познать и разыскивать различныя дѣйствія и свойства всѣхъ на свѣтѣ пребывающихъ тѣлъ, и чрезъ свое испытаніе и науку одинъ другому показывать, а потомъ общимъ согласіемъ издавать въ народъ. Сіи люди не только о томъ стараются, но и далѣе трудятся въ изобрѣтеніяхъ поступать. Россія не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобы только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ. Но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо, что за первый случай учрежденіе академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, и впредь должно оно состоять изъ природныхъ россійскихъ, того ради въ Академіи другая ея часть присоединяется — университетъ; чтобъ число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ, и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ Академію Художествъ.

„Университетъ учрежденъ быть долженъ по примѣру прочихъ европейскихъ университетовъ. Въ немъ перво имѣть надлежитъ школы для языковъ латинскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго, чего обучать имѣютъ учители. Изъ сихъ школъ производиться имѣютъ ученики въ студенты и принимать лекціи профессорскія на латинскомъ и русскомъ языкѣ, которыя имѣютъ быть трехъ классовъ, какъ-то: математическія, физическія и гуманіора.

„Науки въ университетѣ отправляются слѣдующія:

1. Латинскій языкъ чрезъ русскій, въ который не долженъ мѣшаться никакой иностранный — французскій и нѣмецкій.

2. Просодія.
3. Языкъ греческій.
4. Латинское краснорѣчіе.
5. Ариѳметика.
6. Рисовать.
7. Геометрія и прочія части математики.
8. Географія, исторія, генеалогія и геральдика.
9. Логика и математика.
10. Физика теоретическая и экспериментальная.
11. Древности и исторія литеральная.
12. Права натуральныя и философія практическая или нравоучительная

„Учители всѣ обучать должны на русскомъ языкѣ, а профессоры на латинскомъ.

„Студенты производимы быть могутъ въ магистры, адъюнкты, профессоры и академики.

„Порядокъ наукъ быть долженъ слѣдующій. Латинскаго языка перво надлежитъ обучаться столько, чтобъ безъ нужды всякаго автора разумѣть было можно, а между тѣмъ и греческаго, географіи, исторіи и ариѳметики.

„Когда приведенъ будетъ ученикъ въ гимназіи, что онъ безъ нужды будетъ латинскія лекціи разумѣть, то къ профессору элоквенціи въ университетъ перевести его должно, который курсъ профессоръ начинать долженъ съ просодіи латинской и продолжать риторику латинскую. Риторики русской и элоквенціи особливо не обучать, ибо кто знаетъ, въ чемъ элоквенція на латинскомъ языкѣ состоитъ, тотъ знать можетъ и на всѣхъ языкахъ оныя правила, дабы время студентовъ въ безнужныхъ наукахъ не было трачено. Между тѣмъ часы его раздѣлены быть должны на французскій языкъ и рисованіе, буде охота есть. Сіе окончавъ, логики и метафизики долженъ лекціи принимать, а потомъ физики теоретической и экспериментальной, и между тѣмъ исторіи гражданской, литературной, генеалогіи, геральдики, философіи нравоучительной по порядку; только смотрѣть, чтобъ студентъ вдругъ многими лекціями отягченъ не былъ. Изъ всякой лекціи въ другую переходить съ экзаменомъ“.

Передъ началомъ учебнаго курса академики обращались къ молодому поколѣнію съ призывомъ посѣщать университетскія лекціи и пользоваться тѣми умственными благами, которыя приноситъ съ собою наука. При этомъ указывали на

заслуги правительствъ, умѣвшихъ цѣнить по достоинству успѣхи ума и просвѣщенія. Расписаніе лекцій опубликовано было въ такомъ видѣ:

„Всѣмъ извѣстно, что раченіе и любовь къ почтеннымъ наукамъ между лучшими украшеніями владѣющихъ государей почитаются. Знатные весьма примѣры видимъ мы въ тѣхъ, которые въ распространеніи наукъ и въ обученіи своихъ подданныхъ рачительно старались. Всѣмъ подробно исчислять излишно бы было, и для того тѣхъ только упомянемъ, которые къ намъ принадлежатъ ближе, т.-е. восточныхъ греческихъ императоровъ: Льва Премудраго, Константина Порфирогенита, Анну Комнину, Іоанна Контакусина, которые тѣмъ прехвальны, что не токмо любленіемъ наукъ славное имя у потомковъ заслужили, но и знаки собственнаго своего въ наукахъ искусства оставили, которые и понынѣ у знающихъ суть въ великомъ почтеніи. Наши времена весьма славны государями не меньшими тѣхъ, которыхъ за любленіе наукъ древность превозноситъ. И, во первыхъ, Россію благополучною почитать должно, что похвалиться можетъ безсмертныя памяти государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, который для совершенія преславныхъ дѣлъ своихъ къ онымъ присовокупилъ повелѣніе о учрежденіи Академіи, которая бы науки въ Россіи распространяла. Всепресвѣтлѣйшая его супруга, великодушная Екатерина, подражая сему толь полезному примѣру, едва токмо на Всероссійскій престолъ вступить изволила, наивящшее попеченіе о томъ возымѣла, чтобы учредить Академію, и для того во всемъ государствѣ указомъ объявить повелѣла, чтобы никто изъ россійскаго народа не пренебрегалъ сего удобнаго способа въ полученію толь великаго счастія. Августѣйшая Елисавета, родительскихъ добродѣтелей наслѣдница, толикое россійскимъ наукамъ благодѣяніе присовокупила, что Академію законами утвердить и довольною оную суммою снабдить благоволила. И Академія Наукъ ничего не преминетъ, чѣмъ за толикое щедролюбіе ревностно служить и россійскому юношеству пользовать можетъ. Прочее отъ васъ, россійскіе юноши, зависитъ, чтобъ вы толикимъ благодѣяніемъ съ пользою наслаждались. Здѣсь предлагается вамъ расписаніе академическихъ наставленій, которыя въ академическихъ авдиторіяхъ публично предлагаться будутъ. Дай Богъ, чтобы оныя были въ вашу и всего россійскаго государства пользу.

Іосифъ Адамъ Браунъ, теоретической и практической философіи профессоръ, предлагать будетъ руководство во всю философію, употребляя за основаніе сокращенную Тиммигомъ Вольфіанскую философію, которая для сего намѣренія лучше другихъ служить можетъ, однакожъ чтобъ притомъ сію систему пополнять и исправлять, гдѣ за благо разсудится.

Георгъ Вильгельмъ Рихманъ, экспериментальной физики профессоръ, всѣ части математики будетъ показывать, чтобъ слушателямъ тѣмъ приготовить путь къ самой физикѣ, которую безъ математики начинать безполезно.

Христіанъ Крузіусъ, древностей и литеральной исторіи профессоръ, толковать будетъ древнихъ римскихъ авторовъ, при чемъ и того, что до ученія древностей и до правилъ о чистотѣ штиля надлежитъ, изъяснять не оставитъ. Онъ же покажетъ, когда потребно разсудится, и литеральную исторію по печатному Гейманову руководству.

Іоганъ Эбергардъ Фишеръ, исторіи профессоръ и гимназіи ректоръ, будетъ обучать универсальной исторіи съ присовокупленіемъ вездѣ хронологіи.

Фридерихъ Генрихъ Штрубе фонъ Пирмонтъ, профессоръ юриспруденціи, толковать будетъ новѣйшую исторію всѣхъ государствъ въ Европѣ, а потомъ ихъ внутреннее состояніе и каждаго съ прочими союзы и политическое состояніе.

Василій Тредіаковскій, профессоръ краснорѣчія, прочитавъ слушателямъ Целларіеву ортографію, изъяснять будетъ Гейнекціевы основанія чистаго штиля.

Когда по окончаніи сихъ лекцій студенты къ прочимъ наукамъ будутъ приготовлены, тогда, по понятію и по охотѣ каждаго, имъ толковать будутъ:

Христіанъ Николай фонъ Винцгеймъ — практическую астрономію.

Авраамъ Кау Бургаве — анатомію и физіологію.

Михайло Ломоносовъ — химію.

Христіанъ Готлибъ Краценштейнъ — механику.

Стефанъ Крашенинниковъ — ботанику.

Никита Поповъ — астрономію теоретическую“.

При устройствѣ чтеній имѣлось въ виду, чтобы профессора избѣгали говорить на своихъ лекціяхъ о такимъ предметахъ, изложеніе которыхъ входитъ въ составъ другого курса. Весьма опасно — замѣчаетъ Миллеръ — чтобъ студенты не замѣша-

лись, ежели одна наука отъ двухъ профессоровъ по разнымъ принципіямъ истолкована быть имѣетъ. Профессоръ исторіи, говоря о натуральныхъ и всенародныхъ правахъ, можетъ встрѣтиться съ профессоромъ философіи, въ курсъ коего входитъ эта часть нравоучительной философіи.

Прежде другихъ открыли свои курсы Тредьяковскій и Крузіусъ. Тредьяковскій представилъ такой планъ занятій своихъ со студентами въ теченіе 1748 года: „начну имъ диктовать Гейнекціевы основанія стиля, а сіе продолжать имѣю чрезъ весь годъ. Для экзерцитаціи въ латинскомъ стилѣ буду имъ читать и толковать по одной изъ тѣхъ гражданскихъ орацій, которыя выбраны Целларіемъ изъ самыхъ лучшихъ древнихъ историковъ римскихъ, а на подобіе читанныя прикажу имъ и самимъ въ домѣ сочинять въ томъ же содержаніи. Съ начала октября по январь 1749 г. вмѣсто помянутыхъ оныхъ орацій изъ латинскихъ историковъ имѣю имъ читать по одному панегирику изъ оныхъ, которые сочинены Мамертиномъ, Евменіемъ, Назаріемъ Авзоніемъ и Пакатомъ. Иногда жъ вмѣсто панегириковъ по Цицероновой орациі или иногда по Муретовой, которыя мнѣ покажутся лучшими къ пользѣ моихъ слушателей. Но на-домъ имѣю имъ задавать переводъ нѣкоторыхъ частей изъ оныхъ панегириковъ и орацій, а иногда оныя части и самимъ равнымъ вымысломъ прикажу сочинять то латинскимъ, то и нашимъ языкомъ. Симъ способомъ настоящій годъ лекціями моими съ Богомъ окончить я намѣренъ".

Къ концу 1748 года успѣхи студентовъ достаточно опредѣлились, какъ можно судить по отзывамъ профессоровъ и ректора, которымъ былъ на ту пору академикъ Миллеръ. Если студентамъ — говоритъ Миллеръ — раздѣлить преміи по ихъ остротѣ, прилежности и искусству въ наукахъ, то слѣдующіе тому кажутся достойны: Протасовъ, Котельниковъ, Тепловъ, Барсовъ, Софроновъ, Яремскій, Григорій Павинскій, Волковъ, Румовскій.

Математическія лекціи Рихмана посѣщались всѣми студентами, какъ прежними, такъ и вновь поступившими, какъ жалованными, т.-е. состоящими на жалованьи, такъ и вольными. Особенно хвалитъ онъ: изъ старыхъ студентовъ — Котельникова, а изъ новичковъ — Барсова, Волкова, Софронова и Румовскаго.

Профессоръ Крузіусъ, посвящавшій свои лекціи объясненію

древнихъ латинскихъ авторовъ, лучшими изъ слушателей своихъ почитаетъ Котельникова и довольно много другихъ, а пониже ихъ Румовскаго и другихъ.

Тредьяковскій для оцѣнки успѣховъ, оказанныхъ студентами, прибѣгаетъ къ риторической фигурѣ уподобленія, заимствуя ее изъ военнаго быта: первый и лучшій отдѣлъ составляетъ у него образцовую роту; второй состоитъ изъ воиновъ, болѣе или менѣе заслуженныхъ, а третій и послѣдній изъ рядовыхъ или новобранцевъ. Онъ говоритъ: „Auditores meos sistendos judico in tres ordines divisos: primus est primipilorum; secundus militum non aeque emeritorum; tertius denique sive tyronum sive gregariorum".

Въ 1749 г. Рихманъ читалъ ариѳметику, геометрію и плоскую тригонометрію.

Въ томъ же году Фишеръ излагалъ исторію вавилонянъ и ассиріянъ съ разсужденіемъ о причинахъ величія ассирійской монархіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомилъ съ жизнію и заслугами тѣхъ ученыхъ, имена и труды которыхъ упоминались на лекціи. Онъ много разъ обращался къ нимъ, диктуя и спрашивая, чтобы глубже запечатлѣть ихъ въ памяти слушателей.

Всего слабѣе оказались успѣхи студентовъ въ чистописаніи и отчасти въ орѳографіи, особенно нѣмецкой. Въ концѣ 1748 года ректоръ университета Миллеръ, съ большою похвалою отзываясь о студентахъ вообще, замѣчаетъ, что только немногіе изъ нихъ, „одни за старостью, другіе за молодостью, не весьма способны; нѣкоторые пишутъ очень худо: ихъ надлежитъ еще обучать хорошему и твердому письму".

Въ 1749 году студентамъ предложено было избрать науки, которымъ желаютъ обучаться, по своей охотѣ и склонности.

Дорожа умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ своихъ питомцевъ, Академія Наукъ заботилась объ открытіи имъ возможно большихъ средствъ для занятій и обращала зоркое вниманіе на поведеніе и образъ жизни учащейся молодежи. Чтобы удержать ее на вѣрномъ пути, руководители ея признавали необходимымъ: правильное устройство учебныхъ курсовъ, точное исполненіе обязанностей, доступъ студентамъ въ общество академиковъ и справедливое назначеніе наградъ и взысканій. Въ выборѣ и самомъ свойствѣ различныхъ мѣръ къ поощренію достойныхъ и къ противодѣйствію невѣжеству

и распущенности выражаются черты тогдашнихъ понятій о научномъ и воспитательномъ началѣ въ образованіи юношества.

Посѣщеніе университетскихъ лекцій было строго обязательно для студентовъ. Слѣдить за исправностію въ этомъ отношеніи долженъ былъ полагавшійся по уставу педель, но какъ въ дѣйствительности его не имѣлось, то на одного изъ студентовъ возлагаемо было записывать приходъ и выходъ профессоровъ и „нѣтчиковъ изъ студентовъ“. Въ замѣткахъ этихъ, веденныхъ изо дня въ день весьма обстоятельно и точно, находятся такого рода подробности:

„Іюля 1-го дня г. профессоръ Тредьяковскій зачалъ читать въ началѣ четвертаго; окончилъ въ исходѣ пятаго часа пополудни. Сію лекцію не слушалъ студентъ Румовскій.

Іюля 29-го проф. Браунъ не читалъ для наблюденія луннаго затмѣнія; проф. Крузіусъ, Фишеръ, Штрубе и Тредіаковскій читали. Студентъ Степанъ Румовскій, по просьбѣ его, отпущенъ къ отцу своему для того, что отецъ его жестоко неможетъ.

Августа 2-го студентъ Румовскій, который отпущенъ былъ къ отцу своему, явился и лекціи слушать зачалъ же

Августа 19-го на лекціяхъ проф. Фишера и Тредіаковскаго не было студента Румовскаго за болѣзнію, о которой объявлено академическому лѣкарю.

Августа 17-го проф. Браунъ и Тредіаковскій читали лекціи въ присутствіи президента Академіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго и вицеканцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова“.

Требуя исправнаго посѣщенія лекцій, Академія предоставляла своимъ питомцамъ разумную свободу въ выборѣ предметовъ, изложеніе которыхъ входило въ составъ университетскаго курса. Одни изъ студентовъ посвящали себя преимущественно математическимъ наукамъ, другіе словеснымъ, и т. д. Настаивая на неуклонномъ и добросовѣстномъ изученіи существенно-важнаго въ области занятій, сознательно избранной самими студентами, академическое начальство смотрѣло снисходительно на такія упущенія, которыя не влекли за собою важнаго ущерба для студентовъ, не служили препятствіемъ для ихъ дальнѣйшаго научнаго образованія. Отъ студентовъ требовалось дѣйствительнаго труда и занятія наукою,

а не наружнаго только исполненія регламента, и имъ не ставилось въ большую вину неисправности въ посѣщеніи лекцій въ томъ случаѣ, если оно могло обратиться въ одну только формальность. Самъ блюститель университетскихъ порядковъ, ректоръ гимназіи Фишеръ, надзору котораго преимущественно ввѣрены были студенты, выражаетъ такой взглядъ на посѣщеніе студентами лекцій: „Изъ шести студентовъ трое: Румовскій, Софроновъ и Братковскій часто на лекціи ко мнѣ не хаживали. Причиною тому, что положились они на математическія науки и, можетъ-быть, разсуждали, что словесныя науки къ ихъ намѣренію ничего не способствуютъ, и что они, по примѣру многихъ ученыхъ, хотятъ знать столько токмо по-латыни, сколько потребно къ читанію или къ предложенію мыслей въ ихъ должности. И правду сказать, понеже словесныя науки требуютъ неусыпнаго труда, а они избрали другую дорогу, то и не можно отъ нихъ столь много требовать“.

Желая сосредоточить научныя занятія студентовъ и удалить все препятствующее достиженію главной цѣли пребыванія ихъ въ университетѣ, академическая канцелярія запретила студентамъ заниматься посторонними дѣлами и между прочимъ перепискою бумагъ. Вслѣдствіе этого и для студентовъ имѣло обязательную силу распоряженіе канцеляріи, въ которомъ говорится: „Понеже усмотрѣно, что нѣкоторые академическія служители у профессоровъ переписываютъ нѣкоторыя книги и прочее партикулярное и тѣмъ теряютъ время быть при ихъ должностяхъ и дѣлахъ, того ради всѣмъ умѣющимъ писать запрещается, чтобъ никто никакихъ дѣлъ академическихъ и которыя касаются до наукъ, также и партикулярныхъ писемъ безъ особливаго отъ канцеляріи приказу, брать и переписывать не дерзали, и упражнялись бы всегда при порученныхъ имъ дѣлахъ. Ежели же кто явится въ пренебреженіе сего, оный имѣетъ тяжко быть штрафованъ“. Всѣ студенты расписались на указѣ.

Студентамъ, добросовѣстно исполняющимъ свои обязанности, присуждаемы были различныя награды. На публичныхъ экзаменахъ раздавались книги съ надписями въ духѣ того времени; оказавшимъ особенные успѣхи прибавлялось жалованья, давалось лучшее помѣщеніе и — вѣнецъ награды — дозволялось посѣщать ученое собраніе академиковъ и пользоваться ихъ мудрою бесѣдою.

Отличившемуся студенту торжественно вручалась книга съ надписью, гласившею, что по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію его графскаго сіятельства Академіи Наукъ президента, даруется студенту N книга казенная, именуемая N, при чемъ его графское сіятельство желаетъ, уповаетъ и ему, студенту, повелѣваетъ, дабы онъ сею книгою впередъ пользовался со всякимъ прилежаніемъ, и отъ времени до времени болѣе хвалы и награжденія заслуживать старался. При выборѣ книгъ, раздаваемыхъ въ награду, канцелярія руководствовалась преимущественно экономическими соображеніями: для этой цѣли служили большею частью дублеты академической библіотеки. Такъ въ 1749 году Румовскій, какъ отличный студентъ, получилъ на актѣ книгу изъ дублетовъ Академіи, изданную еще въ семнадцатомъ столѣтіи, именно: Andr. Taquet Elementa geometriae. Amstel. 1683. И книги и надписи на нихъ цѣнились весьма высоко; удостоенные наградъ студенты подносили президенту благодарственныя письма и стихи. Вотъ какою прозою и какими виршами студенты выражали свою благодарность за награды, полученныя на публичномъ экзаменѣ, на которомъ на долю Румовскаго достались элементы геометріи Таке:

„Сіятельнѣйшій графъ! Ея Императорскаго Величества дѣйствительный камергеръ, Академіи Наукъ президентъ, Лейбгвардіи Измайловскаго полку подполковникъ, разныхъ орденовъ кавалеръ!

Милостивѣйшій Государь!

Какъ всѣмъ людямъ тѣ благополучные случаи обыкновенно пріятнѣе бываютъ, которыхъ они не надѣятся, такъ и намъ благодѣяніе вашего высокографскаго сіятельства, показанное въ награжденіи насъ полезными книгами, тѣмъ болѣе чувствительно есть, чѣмъ меньше мы себя достойными онаго почитаемъ, ибо заслуги наши за такія вмѣняемъ, которыя ничего знатнаго въ пользу нашу принести не могутъ. Однакожъ, когда оныя вашему высокографскому сіятельству ко удовлетворенію могли служить, то мы не имѣемъ причины сожалѣть, какъ бы малы онѣ ни были, хотя и признаемъ, что удовольствіе ваше, сіятельнѣйшій графъ, одному вашего жъ высокографскаго сіятельства особливому великодушію приписать должно. Сіе жъ самое великодушіе ваше исходатайствовало

намъ отъ вашего высокографскаго сіятельства оное честное свидѣтельство и оную высокую благосклонность, которая въ пріобщенныхъ къ даннымъ намъ книгамъ печатныхъ листахъ точно изображена, и которую мы по достоинству выше всего въ свѣтѣ почитаемъ. Черезъ сіе неизрѣченное благодѣяніе или лучше чрезъ сіи благодѣянія столько изволили насъ себѣ, ваше высокографское сіятельство, обязать, что ко изъясненію нашей благодарности не только свой молодой умъ, но и высокоученыхъ людей искусство за недовольное мы призываемъ. Того ради, напраснымъ продолженіемъ не утруждая, заключаемъ сіе не многословнымъ, но искреннимъ нашимъ усердіемъ, чтобъ оный всѣхъ благъ источнихъ Господь Богъ за помянутыя къ намъ благодѣянія достойною мѣрою учинилъ вашему высокографскому сіятельству награжденіе, продолжая свое на васъ благословеніе, высочайшую милость помазанницы своея непремѣнну къ вамъ содержа, здравіе ваше крѣпко сохраняя и лѣта жизни вашея многочисленны творя, чтобъ между тѣмъ подъ разумнымъ управленіемъ вашего высокографскаго сіятельства санктпетербургская Академія Наукъ въ совершенство возрасла, а при оной и мы, нижайшіе, имѣли бъ кому засвидѣтельствовать наше прилежаніе, которое, по повелѣнію вашего высокографскаго сіятельства, въ ученіи нашемъ всевозможнымъ образомъ имѣть вѣрно обѣщаемся“.

Вашего Высокографскаго Сіятельства нашего
Милостивѣйшаго Государя нижайшіе
слуги студенты.

Въ Санктпетербургѣ, февраля 23 дня 1749 г.

подлинное письмо за руками студентовъ:

Алексѣя Протасова, Семена Котельникова, Василья Петрова, Антона Барсова, Филиппа Яремскаго, Бориса Волкова, Григорья Повинскаго, Михайла Сафронова, Стефана Румовскаго.

Въ такомъ же духѣ написаны и благодарственные стихи, сочиненные, отъ имени всѣхъ питомцевъ Академіи, студентомъ Яремскимъ:

„Когда бы мой былъ духъ съ желаніемъ согласный,
То бъ скоро весь Парнасъ подвигнулъ я прекрасный,
Чтобъ пѣніе твоихъ украсить тѣмъ похвалъ,
Не годенъ къ коимъ умъ, и силъ достатокъ малъ...

Твоими музы здѣсь щедротами цвѣтутъ,
Твоею ободренъ ихъ ревностію трудъ,
Довольство оныхъ ты всегда усугубляешь,
И къ счастью дверь своимъ раченьемъ отверзаешь.
Невѣжество теперь блѣднѣетъ предъ тобой,
Откуду сладостный приходитъ намъ покой.
Тебя прославятъ всѣ и будущіе роды,
Что милость равно льешь на насъ, какъ море воды...“

Профессорскія собранія должны были происходить по два раза въ недѣлю, отъ десятаго часа отъ полудня, и „ежели не случится никакой диссертаціи для прочтенія, то бы господа профессоры имѣли между собою разсужденія и разговоры о ученыхъ матеріяхъ, а студенты, которые имѣютъ позволеніе сидѣть за стульями, разговорами ихъ пользовались“ и т. д.

Различіе между студентами двухъ отдѣленій состояло въ томъ, что студенты, избравшіе своею спеціальностію математическія науки, могли посѣщать оба ученыя собранія, а посвятившіе себя словеснымъ наукамъ — только одно; первые обязаны были представить диссертацію, вторые — диспутацію.

Какъ дозволеніе являться въ ученое собраніе академиковъ признавалось высшею наградою, такъ, съ другой стороны, наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ было преданіе виновнаго суду академической канцеляріи. Оно показывало, что вина въ высшей степени серьезна, и что ближайшее начальство истощило всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи для удержанія студентовъ въ предѣлахъ ихъ правъ и обязанностей. Въ наказаніяхъ допускались различные виды и степени, которые весьма подробно исчислены въ инструкціи ректору университета. Виновнымъ угрожали карцеръ, отдача подъ караулъ, сѣрый кафтанъ и т. п. Послѣднее наказаніе было особенно чувствительно потому, что бросалось въ глаза и служило наглядною уликою для виновнаго; притомъ же, по общему складу понятій и привычекъ того времени, одежда студентовъ не была для нихъ вещію вполнѣ безразличною: на нее смотрѣли какъ на одно изъ довольно крупныхъ условій общежитія. Предписано было одѣвать студентовъ такъ, какъ одѣваются люди, имѣющіе доступъ въ образованное общество; самое званіе студентовъ, по убѣжденію университетскаго начальства, давало право на вниманіе къ нимъ и хорошій пріемъ въ обществѣ.

Обыкновенный костюмъ студентовъ составляли: зеленый кафтанъ и при немъ форменная шляпа и шпага, а головной уборъ состоялъ изъ кошелька на волосы, который былъ въ большой модѣ между тогдашними петиметрами. При поступленіи въ университетъ Румовскаго и его товарищей опредѣлено было произвести слѣдующіе расходы на каждаго изъ нихъ: суконный зеленый мундиръ или кафтанъ и того же цвѣта камзолъ и штаны: аршинъ сукна по 1 руб. 80 коп.; шпага съ портупеей 3 руб. 50 коп.; шляпа гамбургская 1 руб.; кошелекъ на волосы 1 руб.; кровать съ веревкою, деревянный стулъ и столъ, сапоги, башмаки, чулки англійскіе гарусные; всего на каждаго 57 руб. 72 коп.

Свойство и порядокъ наказаній опредѣлены были „учрежденіемъ о университетѣ и гимназіи“, имѣвшимъ силу и значеніе университетскаго регламента. Для студентовъ установлены были такого рода взысканія:

1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ или какое-либо непочтеніе, о такихъ немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ нимъ поступить по указамъ, а до резолюціи отдать подъ караулъ.

2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора — на двѣ недѣли въ карцеръ на хлѣбъ и воду, а за адъюнкта — на недѣлю.

3) Ежели противъ профессоровъ и учителей, то за профессоровъ — на недѣлю въ карцеръ, а за учителей — на три дня.

4) Ежели обидитъ товарищей или другаго кого словомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать.

5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой — на двѣ, за третій — въ канцелярію репортовать.

6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго или его адъюнкта со двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ; за другой — вдвое; за третій — репортовать.

7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за второй — вдвое; за третій — репортовать.

8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ — въ сѣрый кафтанъ на недѣлю, за другой — на двѣ, за третій — на три, и такъ далѣе.

9) Ежели заданнаго урока не выучитъ, то за первый разъ

въ сѣрый кафтанъ на день, за другой — на два, за третій — на три и т. д.

10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать.

11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣланныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ и смотрѣть, дабы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ такожде лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали.

Въ ордерѣ ректору гимназіи сказано: „Никакихъ бы между студентами ссоръ и несогласій, также рѣзвости, крику и шуму не происходило. Вина горячаго и прочаго подобнаго въ квартирѣ не держать и табаку не курить. Въ карты и другія игры на деньги отнюдь никогда бъ играть не дерзали. Постороннихъ пришлыхъ мужска полу ни на одну ночь, а женска полу ни на одну минуту пущать крайне запрещается, а въ противномъ случаѣ таковыхъ брать черезъ солдатъ и объявлять въ канцелярію. Посылать кустосовъ осматривать, нѣтъ ли у студентовъ посторонних людей, не происходитъ ли пьянства или какой зерни, дракъ, ссоръ и шуму“, и т. д.

Предписанія и требованія были гораздо строже на бумагѣ, нежели въ дѣйствительности. Главная забота профессоровъ-академиковъ направлена была къ тому, чтобы предупредить проступки и нарушеніе правилъ, дѣйствуя силою слова и убѣжденія, а не страхомъ наказанія. Академическія власти, отъ ближайшей къ студентамъ и до самой высшей, относились съ большимъ участіемъ къ питомцамъ университета и не желали видѣть дурныхъ цѣлей и умысла въ легкомыслонномъ увлеченіи молодежи. Президентъ Академіи, графъ Разумовскій, писалъ въ академическую канцелярію: „О студентахъ и ихъ наукахъ какъ возможно извольте прилагать тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и исправные переводчики или учители въ гимназіи первыхъ классовъ латинскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодыя лѣта, не вовсе надлежитъ отчаяваться, и стараться, сколько возможно, о ихъ исправленіи, когда уже не малый коштъ и время на нихъ потрянно“.

При столкновеніи университетской молодежи съ лицами посторонними, позволявшими себѣ произволъ и насиліе, акаде-

мическое начальство принимало студентовъ подъ свою защиту, не отдѣляя ихъ интересовъ отъ своихъ собственныхъ, тѣсно связанныхъ съ достоинствомъ университета. Жалобы, возникавшія по поводу оскорбленій и ссоръ, рисуютъ и нравы того времени и отношенія, существовавшія между студентами и ихъ непосредственными начальниками, которые избирались изъ среды академиковъ. Ректоръ гимназіи или — что то же самое— инспекторъ студентовъ, академикъ Крашенинниковъ, доносилъ канцеляріи: „Февраля 4 дня въ ночное время приходилъ лѣкарь Елачичь въ студенскіе покои и ругалъ ихъ всякою непотребною бранью, называя, между прочимъ, каналіями, бестіями и попами за то, что они, играя на скрыпицѣ, пьянымъ шумомъ его безпокоятъ, а по осмотру Барсова, который сеніоромъ въ университетѣ, тамъ пьяныхъ не было, а былъ въ томъ покоѣ рисовальный ученикъ Рыковъ, который обучаетъ ихъ на скрыпицѣ, у котораго оный лѣкарь, выхватя скрыпицу, разбилъ о его голову на мелкія части, а оная скрыпица была его, Барсова, и дана двѣнадцать рублей. Такія наглыя поступки г. лѣкаря не столько обиженнымъ студентамъ, сколько намъ, коимъ они поручены въ смотрѣніе, чувствительны и огорчительны. Самому бы его ученику или цирюльнику несносно было, если бы онъ, г. лѣкарь, отважился безпокоить его въ его квартирѣ во время неуказное, а съ такими людьми, каковы студенты, по крайней мѣрѣ для одного сего честнаго имени, поступать такимъ образомъ предосудительно. Не было бы бѣднѣе студентскаго состоянія, если бы всякому, каковъ г. лѣкарь, вольно было поступать съ ними объявленнымъ образомъ. Чего ради канцелярію покорнѣйше прошу о удовольствіи за учиненную *намъ* обиду и о возвращеніи двѣнадцати рублевъ за разбитую имъ скрыпицу студента Барсова, также и о запрещеніи и о удержаніи его, г. Елачича, впредь отъ такихъ недозволенныхъ поступокъ, особливо же что оныя могутъ быть причиною худыхъ слѣдствій и безвинному нашему нареканію въ слабости команды и несмотрѣніи".

Ограждая студентовъ отъ грубыхъ выходокъ со стороны людей полуобразованныхъ, академическія власти желали искоренить грубость и жестокость, замѣчаемую подчасъ между самими студентами, и пріучить ихъ къ сдержанности и самообладанію, отличающимъ людей благовоспитанныхъ. Главною и существенною цѣлью университетской науки и жизни было

поднять уровень умственной образованности и нравственнаго развитія студентовъ. Но независимо отъ этой высокой цѣли руководители академическаго юношества не упускали изъ виду и другихъ сторонъ воспитанія, необходимыхъ для общежитія и содѣйствующихъ въ большей или меньшей степени смягченію нравовъ и привычекъ. Противодѣйствовать замкнутости и одичалости и пріучать къ людкости и общежитію не считалось задачею ничтожною и мелочною. Въ этомъ смыслѣ высказывались многіе изъ академиковъ, и въ отзывахъ ихъ любопытенъ взглядъ на значеніе танцевъ, очевидно, сложившійся подъ вліяніемъ того, что дѣлалось и говорилось въ тогдашнемъ обществѣ. Въ приведенномъ нами свидѣтельствѣ ученой корпораціи объ успѣхахъ студента Румовскаго въ философіи, математикѣ и гуманіорахъ отмѣчено, какъ обстоятельство, заслуживающее вниманія: „танцуетъ всѣхъ лучше; въ поступкахъ весьма хорошъ“.

Ломоносовъ находилъ нужнымъ одного изъ лучшихъ своихъ слушателей, студента Поповскаго, помѣстить такимъ образомъ, чтобы онъ „съ хорошими людьми обращаясь, привыкъ къ пристойному обхожденію, ибо между студентами, которые пристойнаго воспитанія не имѣли и для своей давней фамиліарности не безъ грубостей поступаютъ, учтивыхъ поступковъ научиться нельзя“. Чтобы усвоить себѣ хорошія привычки, надо пріобрѣсти знакомство съ пріемами и условіями общежитія, а въ ряду средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, не послѣднее мѣсто отводилось тогда танцамъ. Въ расписаніи учебныхъ занятій неоднократно упоминается и „плясаніе“, какъ предметъ обязательный для всѣхъ воспитанниковъ. Академикъ и профессоръ исторіи Фишеръ въ рапортѣ своемъ о состояніи академической гимназіи говоритъ: „Къ недостаточнымъ въ гимназіи вещамъ надлежитъ и танцмейстеръ. Тому спорить нельзя, что человѣку, который внѣшнихъ поведеній не знаетъ и наукою впрочемъ не послѣдній будетъ, смѣются. Сіе правда, что танцованіе есть такая вещь, которая къ модѣ и къ пристойности нынѣшняго свѣта надлежитъ. И сколь много учениковъ отъ гимназіи отстали съ того времени, какъ танцованіе во оной отмѣнили, а ежели и впредь то будетъ, то наконецъ гимназическіе ученики отъ кадетовъ и другихъ добраго воспитанія дѣтей ничѣмъ другимъ, какъ невѣжествомъ и угрюмствомъ отличаться будутъ. И о самыхъ ученыхъ людяхъ худо гово-

рятъ, что они не по модѣ поступаютъ и никогда хорошенько поклона отдать не умѣютъ, буде когда къ какому знатному господину, къ какой госпожѣ или въ какое честное собраніе придутъ. Оттого презираютъ сперва ученыхъ, а потомъ и самыя науки, понеже наукамъ въ порокъ ставятъ угрюмство и немодное обращеніе ученыхъ. Хотя бы другой причины къ принятію танцмейстера въ гимназію не было, кромѣ сей токмо, чтобъ онъ своихъ учениковъ училъ комплиментамъ и показывалъ бы имъ, какъ весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться, однако сего довольно, что танцмейстера должно принять и содержать".

Выдающеюся особенностію университетской жизни того времени были стремленія сблизить питомцевъ Академіи съ ихъ наставниками и руководителями и дать возможность открыто высказывать то, что касалось занятій, научныхъ потребностей и образа жизни учащейся молодежи. Студенты имѣли право обращаться къ своему начальству съ ходатайствомъ о своихъ нуждахъ и подавать коллективныя письма, которыя были тогда въ обычаѣ и принимались весьма благосклонно. Встрѣчалась ли надобность въ книгахъ, журналахъ и учебныхъ пособіяхъ; возникала ли потребность въ отмѣнѣ заведенныхъ порядковъ и т. п., — академическимъ властямъ представляемы были письма за общею подписью или за подписью нѣкоторыхъ студентовъ, уполномоченныхъ всѣми своими товарищами. Иногда само начальство требовало отъ студентовъ ихъ общаго и откровеннаго мнѣнія, чтобы, зная ихъ образъ мыслей, тѣмъ вѣрнѣе разсчитывать на успѣхъ предпринимаемой мѣры. При этомъ оно руководствовалось соображеніемъ, что изъ всѣхъ предписаній особенно усердно и точно исполняются тѣ, въ справедливости которыхъ убѣждены исполнители, а съ другой стороны, оно желало имѣть самыя вѣрныя данныя о состояніи, бытѣ и потребностяхъ студентовъ, не подвергая ихъ давленію какой бы то ни было посторонней силы. Какъ бы въ доказательство искренности и прямоты своего образа дѣйствій ближайшіе руководители университетскаго юношества представляли всѣмъ и каждому изъ своихъ питомцевъ письменно высказывать просьбы и желанія, возникшія въ студентской средѣ. Такимъ образомъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если что-либо представлялось высшею властью обдуманному выбору студентовъ, то ближайшее начальство

выслушивало ихъ голосъ со всевозможнымъ безпристрастіемъ, не стѣсняя подчиненныхъ своимъ авторитетомъ и не отказывая въ участіи и вниманіи ни одному изъ младшихъ членовъ академической семьи.

Студенты Котельниковъ, Протасовъ, Барсовъ и другіе подали Фишеру слѣдующее письмо отъ имени всѣхъ академическихъ студентовъ:

„Благородный господинъ профессоръ и гимназіи ректоръ! Понеже мы усмотрѣли, что къ лучшему знанію политической географіи, которая намъ нынѣ на русскомъ языкѣ преподается, необходимо нужна и политическая исторія, а особливо нынѣшнихъ временъ, безъ которой въ помянутой географіи едва ли можно надлежащій успѣхъ получить, то мы за полезно разсудили, съ согласія всѣхъ товарищей нашихъ, обще просить ваше благородіе объ отвращеніи онаго нашего недостатка такимъ образомъ, чтобы у канцеляріи Академіи Наукъ вашимъ стараніемъ исходатайствовать, дабы соблаговолено было впредь всегда для читанія выдавать намъ изъ книжной лавки русскія еженедѣльныя вѣдомости, также и изъ конференціи, послѣ употребленія господъ профессоровъ, латинскія лейпцигскія Nova Lipsiensia называемыя, дабы мы читаніемъ оныхъ могли съ большимъ понятіемъ оной географіи обучаться. При чемъ мы надѣемся, что канцелярія Академіи Наукъ въ семъ нашемъ желаніи, которое слѣдуетъ къ лучшему и большему совершенству нашему въ наукахъ, намъ не откажетъ. Того ради мы теперь, именемъ всѣхъ студентовъ, ваше благородіе покорнѣйше просимъ вашимъ стараніемъ испросить желаемую резолюцію у канцеляріи Академіи Наукъ на сіе наше прошеніе. Вашего благородія покорнѣйшіе слуги, студенты“ и пр.

Вслѣдствіе слуховъ о томъ, что нѣкоторые изъ студентовъ гуляютъ по ночамъ, ходятъ въ подозрительные дома и оттого получаютъ опасныя болѣзни, академическая канцелярія велѣла запереть всѣ ходы, кромѣ однихъ воротъ, и къ нимъ приставить часового, который бы не пропускалъ ни одного студента безъ дозволенія инспектора, особенно вечеромъ и ночью. Такое распоряженіе показалось студентамъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма стѣснительнымъ, и они придумали весьма благовидный предлогъ, чтобы хотя нѣсколько ослабить довольно строгую мѣру. Видя въ ней препятствіе къ исполненію религіозныхъ обязанностей, студенты просили разъ навсегда до-

зволить имъ отлучаться по вечерамъ для посѣщенія всенощныхъ, которыя служатся обыкновенно каждую субботу и сверхъ того наканунѣ праздниковъ. Коллективное письмо вручено Фишеру; оно писано на латинскомъ языкѣ, на которомъ большею частью Фишеръ говорилъ съ академическими студентами.

Clarissime professor et gymnasii rector!

Ut iis vigiliis, quarum nos catalogum tibi exhibuimus, semper nobis interesse liceat, impense te obsecramus. Hoc si nobis concedetur semel, tum maxime nobis consultum iri putamus, quia unamquamque adituri vigiliam, molesti tibi esse non debebimus. Itaque, ut, quod rogamus, per te obtinere possimus, iterum atque iterum te, vir clarissime, oramus et obtestamur enixissime. Qui vero frequentare has vigilias cupiunt, quique hoc sibi concedi postulant, eorum hic nomina subjiciuntur:"

Всенощныя въ приходскихъ церквахъ совершались только въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ мая до августа, и на основаніи росписи, составленной студентами, имъ приходилось отлучаться по вечерамъ около сорока разъ въ періодъ совершенія всенощныхъ. Канцелярія разрѣшила это студентамъ, но съ тѣмъ, чтобы они не заходили ни въ какія другія мѣста.

Въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта студентовъ, канцелярія Академіи Наукъ предложила содержать ихъ вполнѣ на казенномъ коштѣ: пищею, обувью и т. п., не выдавая имъ жалованья. Вслѣдствіе этого канцелярія предписала собрать всѣхъ студентовъ и отобрать у нихъ голоса, желаютъ ли они подобной перемѣны, или нѣтъ. Фишеръ донесъ, что всѣ до единаго однимъ голосомъ объявили, что желаніе ихъ въ томъ состоитъ, чтобы „отъ онаго общаго трактира ихъ уволить". При донесеніи своемъ Фишеръ представилъ и письмо студентовъ, въ которомъ они весьма уклончиво оцѣниваютъ непріятную для нихъ мѣру, восхваляя предусмотрительность канцеляріи и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывая рѣшительную безполезность предлагаемаго нововведенія. „Милостивое сіе и благоусмотрительное о насъ канцеляріи попеченіе — пишутъ студенты — не столько Академіи и намъ будутъ въ пользу, сколько тѣмъ, которые трактиръ оный намъ представлять и содержать будутъ, понеже не столько намъ иногда приготовлено, сколько въ расходъ написано и канцеляріи представлено будетъ, откуду какъ Академіи мало пользы воспослѣдовать должно, такъ и намъ

иногда безъ обиды и безъ помѣшательства въ наукахъ нашихъ обойтиться не можетъ. Итакъ, предложивъ сіи, по мнѣнію нашему, резоны, всепокорнѣйше просимъ, дабы канцелярія сего не полагала за препятствіе, что якобы должно намъ будетъ въ такомъ случаѣ самимъ на рынокъ для покупокъ, которыя къ пропитанію надлежатъ, безвременно бродить, что весьма нечестно и званію нашему неприлично, а притомъ и для лекціи неспособно. Того ради мы, какъ и по сіе время чинить не дерзали, такъ и чтобъ впредь сего не чинить, подпискою себя обязать обдолжаемся; но для исправленія такихъ нуждъ истопники, намъ отъ канцеляріи опредѣленные, будутъ послушны, какъ и до сихъ поръ безъ всякихъ оговорокъ исправляли".

По заведенному обычаю студентамъ университета поручаемо было преподаваніе того и другого предмета въ академической гимназіи съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ по два рубля въ мѣсяцъ въ видѣ прибавки къ получаемому жалованью. Нѣкоторые изъ профессоровъ находили, что преподаваніе въ гимназіи, болѣе или менѣе невольное, служило студентамъ помѣхою въ ихъ собственныхъ занятіяхъ. Вслѣдствіе этого канцелярія предписала „выбрать къ тому дѣлу охочихъ, которые бы письменно объявили, что такое дѣло упражняться имъ въ наукахъ не мѣшаетъ, и что такой трудъ добровольно принимаютъ на себя изъ награжденія, и о томъ въ канцелярію немедленно репортовать". Въ доказательство, что никто изъ студентовъ не приневоленъ, представлены ихъ собственноручныя письма къ академику Фишеру. Вотъ одно изъ нихъ: „Благородный г. профессоръ! Понеже по приказу вашего благородія велѣно намъ, которые хотятъ въ гимназіи обучать, объявить всякому свое мнѣніе, того ради я, нижеподписавшійся, объявляю вашему высокоблагородію, что радъ обучать въ гимназіи, въ чемъ и подписуюсь. Стефанъ Румовскій".

Сухомлиновъ.

Академическій университетъ въ XVIII ст.

Вызванные при учрежденіи Академіи Наукъ ученые изъ-за границы обязаны были, по заключеннымъ съ ними, по большей части, на пять лѣтъ, контрактамъ, читать лекціи въ учреждавшемся тогда же при Академіи университетѣ,

Въ 1725 г. приглашены были: на каѳедру математики Германъ, Даніилъ Бернулли, занимавшійся прежде физіологіею, и Гольдбахъ, для химіи Бюргеръ, для физики Бильфингеръ, начавшій свою академическую дѣятельность логикою и метафизикою, для анатоміи и зоологіи Дювернуа, для механики Николай Бернулли, по каѳедрѣ греческихъ и римскихъ древностей Байеръ, для логики и метафизики Мартини, принявшій сначала каѳедру физики, на каѳедру краснорѣчія и церковной исторіи Коль и на каѳедру правовѣдѣнія Бекенштейнъ. Въ 1726 г. прибыли въ Академію два астронома, Делиль и Лейтманъ, на каѳедру механики и оптики. Еще прежде открытія Академіи пріѣхалъ въ Петербургъ ботаникъ Буксбаумъ.

Нѣкоторые изъ этихъ академиковъ уже пользовались ученою извѣстностью. Германъ назначенъ былъ еще въ 1701 г., по предложенію Лейбница, членомъ Берлинской Академіи Наукъ, а потомъ былъ членомъ Болонской Академіи; въ 1707 г., также по рекомендаціи Лейбница, онъ получилъ каѳедру математики въ Падуанскомъ университетѣ. Германъ первый изъ иностранныхъ ученыхъ поступилъ въ Петербургскую Академію, потому и называли его professor primarius et Matheseos sublimioris. Даніилъ Бернулли, выдающійся математикъ своего времени, прославился сочиненіемъ: „Гидродинамика“, или „Законы движенія воды“, напечатаннымъ въ 1738 г. и посвященнымъ Бирону. Іосифъ Делиль, приглашенный по повелѣнію императора Петра, въ продолженіе 21 года усердно работалъ въ Россіи по части астрономическихъ наблюденій. Бильфингеръ былъ одинъ изъ выдающихся ученыхъ по физикѣ. Байеръ извѣстенъ былъ по обширнымъ своимъ филологическимъ познаніямъ, въ особенности литературы восточныхъ народовъ. На саксонца Лейтмана обратилъ вниманіе самъ Петръ Великій и приглашалъ его пріѣхать въ Россію; но саксонское правительство тогда его не отпустило; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1726 года. Буксбаумъ принятъ былъ ботаникомъ въ Медицинскую коллегію еще въ 1721 году, въ 1724 г. отправленъ былъ докторомъ при посольствѣ Александра Ивановича Румянцева въ Константинополь, при чемъ ему были поручены ботаническія изслѣдованія. Академикъ Рупрехтъ говоритъ о немъ: „Въ кратковременную бытность свою при Академіи, онъ составилъ сочиненіе о 500 новыхъ или малоизвѣстныхъ растеніяхъ, собранныхъ имъ какъ въ путешествіяхъ въ окрестно-

стяхъ Константинополя, въ Малой Азіи и около Каспійскаго моря, такъ и вблизи Петербурга". Гольдбахъ былъ хорошій педагогъ, почему и назначенъ былъ воспитателемъ великаго князя Петра Алексѣевича, впослѣдствіи императора Петра II. Изъ всѣхъ приглашенныхъ ученыхъ наименѣе удачнымъ оказался выборъ Мартини, потому и мѣняли поручавшіеся ему предметы: сначала дали каѳедру физики, а потомъ перевели на каѳедру логики и метафизики; по словамъ Мюллера, онъ не былъ достоинъ званія академика. Не оправдалъ также своего назначенія и астрономъ Делиль-де-ла-Кройеръ, братъ Іосифа Делиля. Николай Бернулли умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ іюлѣ 1726 года.

По указаніямъ нѣкоторыхъ изъ этихъ академиковъ, вызваны были извѣстные имъ даровитые студенты. Наиболѣе рекомендацій поступило отъ Бильфингера, бывшаго профессора Тюбингенскаго университета. Изъ прежнихъ своихъ слушателей онъ выбралъ Гмелина и Крафта, и оба они вполнѣ оправдали лестные его о нихъ отзывы и впослѣдствіи сдѣлались сами академиками. Гмелинъ отправленъ былъ въ 1733 году въ Камчатскую экспедицію, и результатомъ его ученыхъ изысканій въ Сибири было классическое сочиненіе его: „Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae" 1747—1769 года. Въ этомъ сочиненіи заключается описаніе 1178 растеній и 300 чертежей. Линней говоритъ, что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ. Даніилу Бернулли обязана наша Академія рекомендаціею знаменитѣйшаго изъ математиковъ — Леонарда Эйлера, бывшаго студента Базельскаго университета, гдѣ Бернулли былъ профессоромъ. Эйлеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1727 г. 20-ти лѣтнимъ юношею и назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ математики. Уже въ 1723 г. онъ получилъ степень магистра въ Базельскомъ университетѣ. Крафтъ имѣлъ также эту ученую степень отъ Тюбингенскаго университета. Эйлеръ написалъ въ теченіе своей жизни до 756 математическихъ сочиненій, а изъ его учениковъ восемь достигли впослѣдствіи званія членовъ Академіи, именно: Альбрехтъ Эйлеръ, Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцевъ, Головинъ и Николай Фуссъ.

При такихъ ученыхъ силахъ казалось возможнымъ открыть новый университетъ. Но для него не доставало слушателей: гимназій, приготовляющихъ къ университету, не было; семи-

наріи заведены были только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по произвольному плану, и вовсе не были приспособлены къ типу предварительной университетской школы; притомъ, языкъ новыхъ преподавателей былъ совершенно не понятенъ для русскихъ учениковъ, а латинскій, на которомъ читались лекціи, мало распространенъ въ странѣ. Оставалось и слушателей выписать изъ-за границы, какъ выписаны были оттуда профессора. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ прямо обязывались къ этому по письменнымъ условіямъ; такъ Бильфингеръ, по заключенному съ нимъ контракту, долженъ былъ привезти съ собою одного или двухъ студентовъ. „Я примѣтилъ“, писалъ въ 1725 г. академикъ Коль студенту Мюллеру въ Лейпцигъ, „что здѣсь, при скоромъ открытіи Академіи, потребуется еще нѣсколько студентовъ, изучавшихъ гуманіоры“. Изъ Германіи вывезено было восемь студентовъ, изъ которыхъ четыре сдѣлались впослѣдствіи академиками, именно: Мейеръ, Гроссъ, Вейтбрехтъ и Мюллеръ. Мейеръ и Вейтбрехтъ имѣли уже дипломъ магистра отъ Тюбингенскаго университета, но поступили студентами въ новооткрывающійся университетъ. Гроссъ и Мейеръ оставались впрочемъ студентами не долго; 29 января 1726 года состоялось опредѣленіе президента Академіи Блюментроста: „понеже студентъ Мейеръ разныя пробы искусства своего объявилъ, того ради велѣно онаго въ Академіи Наукъ опредѣлить профессоромъ матезисъ чрезвычайнымъ“, то-есть экстраординарнымъ. Въ тотъ же самый день студентъ Гроссъ назначенъ былъ профессоромъ „философіи нравоучительныя чрезвычайнымъ“. Вейтбрехтъ получилъ каѳедру физіологіи только въ 1731 году. Наконецъ, Мюллеръ пріобрѣлъ впослѣдствіи громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность своими изысканіями по русской исторіи и получилъ званіе исторіографа.

„Требовалось“, говоритъ Мюллеръ, „чтобы Академія имѣла и учениковъ, которые могли и желали бы извлекать пользу изъ ея учрежденій; но ни того ни другого не было, какъ иначе это и быть не могло. Низшія школы должны предшествовать высшему образованію. Но чтобы можно было начать лекціи въ назначенный день, то сами профессора стали ходить другъ къ другу на лекціи. Настоящими слушателями были адъюнкты, одни только для вида, другіе на самомъ дѣлѣ. Настоящихъ же студентовъ было очень мало; одинъ кенигсбер-

гецъ, пріѣхавшій съ профессоромъ Байеромъ, и одинъ голштинецъ, искавшій мѣста при великогерцогскомъ дворѣ, остались не долго". Совершенно справедливо заявлялъ впослѣдствіи академикъ Мартини, что въ академическомъ университетѣ было болѣе учащихъ, чѣмъ учащихся: выше мы видѣли, что академиковъ было 15 и вскорѣ двое изъ студентовъ назначены профессорами, значитъ, преподающихъ, или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ преподавать считалось тогда 17, студентовъ же было всего 8.

О томъ, какъ опредѣляли въ этотъ, такъ называемый, университетъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе, напримѣръ, академическій протоколъ 5 февраля 1726 года, въ которомъ записано, что статскій совѣтникъ Макаровъ объявилъ Высочайшее повелѣніе Анахина „опредѣлить въ Академію Наукъ". Вѣроятно, этотъ Анахинъ вовсе не былъ подготовленъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, однако онъ былъ принятъ безъ экзамена и съ такимъ предписаніемъ: „придать онаго, для совершеннаго обученія наукъ, профессору Мейеру", то-есть тому молодому ученому, который за недѣлю передъ тѣмъ самъ былъ студентомъ.

При таковомъ недостаткѣ слушателей, ничего не оставалось другого, какъ обратить профессорскія лекціи въ публичныя, въ надеждѣ, что публика наполнитъ аудиторіи. Но и это ожиданіе не оправдалось. „Когда сдѣлалось явнымъ", говоритъ Мюллеръ, „что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8 и 14 марта 1727 г. объявлено было въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювернуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи съ экспериментами. Эти эксперименты Бильфингера, для коихъ выписаны были отъ Мушенбрека изъ Лейдена, по системѣ Гравезанда „jnstitutionibus philosophiae Newtonianae", необходимые инструменты, еще кое-какъ шли вначалѣ, но нѣсколько недѣль спустя прошла къ нимъ охота публики. Что же касается анатомическихъ демонстрацій, то любителей ихъ нашлось весьма немного; изъ нихъ извлекъ пользу едва ли не одинъ Вейтбрехтъ, который еще въ предыдущемъ году сталъ посѣщать госпиталь на Выборгской сторонѣ".

Случалось, что молодого человѣка отдавали, такъ сказать, на выучку тому или другому профессору, и тогда онъ состоялъ въ полномъ его распоряженіи. Вотъ, напр., что мы

читаемъ въ протоколѣ 28 марта 1729 года. „По указу Его Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ опредѣлено: оной же Академіи господина профессора Лейтмана ученика Матиса Андреяса, что онъ безъ вѣдома онаго Лейтмана, отъ него отлучался и пьянствовалъ, и не явился шесть дней, бить батогами нещадно, для того дабы ему впредь чинить того было не повадно".

Въ Академію посылали учиться всему, даже и такимъ наукамъ, которыя вовсе не полагались въ академическомъ университетѣ; такъ, военная коллегія прислала одного недоросля, чтобы обучить его фортификаціи; не долго думая, его отдали на выучку академическому архитектору, вѣроятно потому, что этотъ архитекторъ преподавалъ математику въ гимназіи...

Академическій совѣтникъ Шумахеръ жаловался президенту, что академики уклоняются отъ преподаванія: „профессора обязаны читать лекціи", писалъ онъ ему въ 1729 г., „а между тѣмъ это исполняютъ только Бекенштейнъ, Бернулли и Мейеръ; другіе даже не помышляютъ о томъ". Несправедливо было обвинять профессоровъ, когда у нихъ не было слушателей: ни студентовъ ни публики. „Бекенштейнъ былъ бы очень прилежный и полезный преподаватель", говоритъ Мюллеръ, „если бы только были у него слушатели", а слушатели эти состояли исключительно изъ немногихъ иностранцевъ.

Разсказывая о положеніи Академіи и ея учрежденій въ 1729 г., Мюллеръ пишетъ: „жалобы профессоровъ на то, что у нихъ нѣтъ слушателей, все продолжались. Еще въ гимназію отдавали родители изъ порядочныхъ семействъ своихъ дѣтей, для изученія новыхъ языковъ. Что же касается до высшаго образованія, то Академія не знала бы что ей дѣлать съ тѣми, которые прошли бы основательно университетскій курсъ. Русское дворянство ищетъ повышеній чинами. Между тѣмъ знаменитѣйшіе ученые оставались безъ чиновъ, и это въ странѣ, гдѣ всѣ преимущества соразмѣрены съ чинами, гдѣ неимѣющій чина не можетъ показаться ни при какомъ оффиціальномъ представленіи; какой же послѣ этого порядочный человѣкъ рѣшится оставаться при учености, я хочу сказать, сдѣлаться ученымъ по профессіи? Думаю, что не ошибаюсь, приписывая этому главнѣйшія затрудненія, встрѣчаемыя Академіею быть полезною, сколько можетъ и должна. Правда, Петръ Великій, учреждая Академію, а императрица Екатерина

въ своемъ указѣ 21 декабря 1725 г., коимъ она повелѣвала всѣмъ отдавать своихъ дѣтей для обученія въ Академію, не представили чиновъ ни учащимъ, ни тѣмъ изъ учащихся, которые пройдутъ основательно курсъ ученія. Но опытъ показалъ, какія были отъ того послѣдствія, и представители Академіи должны были бы достигнуть возвышенія значенія наукъ, если не для своей славы, то для блага страны. Никогда Академія надлежащимъ образомъ объ этомъ не представляла; поэтому нельзя винить высшее правительство за то, что оно не приняло во вниманіе столь существенный недостатокъ".

По свидѣтельству Мюллера, въ 1731 г. въ университетѣ не было ни одного студента; но, вѣроятно, и гораздо ранѣе университетъ оставался безъ студентовъ, ибо послѣ 1726 года, когда вывезенные изъ Германіи нѣмецкіе студенты получили разныя назначенія, въ академическихъ протоколахъ не встрѣчается ни упоминанія о студентахъ, ни опредѣленій о выдачѣ имъ содержанія. Несмотря на это, составлялись программы лекцій, чтобы показать, по словамъ Мюллера, что „не вина Академіи, что она не можетъ приносить пользы посредствомъ устнаго преподаванія. Одинъ профессоръ издалъ свою программу". Въ слѣдующемъ 1732 г. напечатаны были всѣ программы лекцій, съ означеніемъ часовъ чтенія, и прибавлено, что по нимъ профессора станутъ читать лекціи, *если будутъ слушатели*...

Въ 1735 г. предложено было профессорамъ составить свои программы, на случай, если найдутся слушатели; при этомъ Академія разсчитывала, повидимому, на возможность получить человѣкъ 30 такихъ слушателей изъ шляхетнаго кадетскаго корпуса; но надежда эта не осуществилась.

Въ 1736 г. прислано было изъ Заиконоспасской Академіи 10 учениковъ и профессору Байеру поручено было проэкзаменовать ихъ; онъ донесъ, что „онъ присланныхъ изъ Москвы учениковъ десять человѣкъ свидѣтельствовалъ, а по свидѣтельству его надлежитъ онымъ ученикамъ нѣсколько времени обучаться въ гимназіи, дабы они къ слушанію профессорскихъ лекцій способными быть могли", потому, вмѣсто университета, они помѣщены были въ гимназію...

Въ 1738 г. найдено было, что нѣкоторые ученики гимназіи въ состояніи слушать профессорскія лекціи, потому сдѣлано было распоряженіе о возобновленіи публичныхъ лекцій въ университетѣ...

Въ 1740 г. Сенатъ прислалъ восемь учениковъ изъ Московской Заиконоспасской Академіи, для опредѣленія ихъ въ академическій университетъ; они были проэкзаменованы и положено трехъ изъ нихъ готовить въ переводчики, четырехъ „въ математикѣ и астрономіи обучать, дабы они могли быть впредь геодезистами“, и одного опредѣлить корректоромъ при типографіи.

Излагая исторію Академіи, Мюллеръ такъ описываетъ 1842 г.: „Такъ какъ публичныя лекціи теперь должны были вновь начаться какъ для студентовъ, которые содержались на счетъ Академіи, такъ и для слушателей, желающихъ въ нихъ участвовать, то, для составленія и печатанія программъ лекцій, созвано было 10 августа чрезвычайное собраніе Академіи. Положено было начать чтеніе публичныхъ лекцій съ 1 сентября, а студенты росписаны между профессорами. Изъ росписанія видно, что къ 12-ти преподающимъ профессорамъ и адъюнктамъ могли набрать только 12 студентовъ: семь изъ нихъ присланы были, какъ сказано выше, въ 1740 г. изъ Заиконоспасской Академіи, три иностранца и двое только-что окончившихъ курсъ въ академической гимназіи, Протасовъ и Котельниковъ, будущіе академики. И съ этими немногими студентами, какъ сейчасъ увидимъ, не занимались профессора, какъ слѣдуетъ“.

Преподававшій анатомію академикъ Вильде заявилъ въ 1736 г., что не можетъ исполнять данную ему инструкцію относительно чтенія лекцій, за неимѣніемъ слушателей. Астрономъ Делиль доносилъ 19 сентября 1742 г. конторѣ Сената: „Хотя отъ самаго моего пріѣзда довольно требовалъ русскихъ студентовъ отъ Академіи, однако получить не могъ“. Явилась опять мысль, мелькнувшая было въ 1735 г., комплектовать университетъ кадетами шляхетскаго корпуса. Академическій совѣтникъ Нартовъ представилъ 22 іюня 1743 г. Сенату: „Всѣ профессоры, тому ужъ близъ года, по проекту блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, пожаловать изъ кадетскаго корпуса семь или восемь человѣкъ кадетъ изъ шляхетства, которые бы нѣмецкаго, французскаго и латинскаго языку такъ довольно знали, чтобы ученіе и лекціи профессоровъ разумѣть и отъ часу въ высшія науки простираться могли, которыхъ кадетовъ можно ободрить довольнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ ранговъ“. Сенатъ, однако, не далъ кадетовъ университету.

Между тѣмъ профессора уклонялись, какъ уже выше замѣчено, отъ занятій и съ тѣми студентами, которые посылались къ нимъ академическою канцеляріею. Кромѣ только что приведеннаго свидѣтельства Нартова, въ октябрѣ 1744 г. студенты Протасовъ и Котельниковъ представили въ Академію рапортъ, на нѣмецкомъ языкѣ, такого содержанія: „Во исполненіе послѣдовавшаго 18 октября приказанія канцеляріи Академіи Наукъ, отправились мы къ профессору Вейтбрехту и заявили ему, что мы присланы къ нему канцеляріею для слушанія лекцій по анатоміи; на что онъ намъ отвѣчалъ, что онъ профессоръ не анатоміи и медицины (онъ былъ академикомъ по каѳедрѣ физіологіи), поэтому не обязанъ преподавать эту науку; если же Академія Наукъ пожелаетъ заключить съ нимъ на этотъ предметъ новый контрактъ, то онъ согласенъ преподавать анатомію и въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ поэтому соотвѣтствующее представленіе Академіи“. Академическая канцелярія не сдѣлала никакого распоряженія и объявленныя профессорскія лекціи не состоялись.

Итакъ, профессора жаловались на то, что у нихъ нѣтъ студентовъ, студенты на то, что профессора ихъ не учатъ; и то и другое было справедливо, и требовалось доставить университету какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Такова была, между прочимъ, задача Высочайше утвержденнаго 25 сентября 1747 г. Регламента Академіи Наукъ и Художествъ.

Академики, обязанные преподавать въ, такъ сказать, безстудентномъ университетѣ, стѣснялись этимъ обязательствомъ, отнимавшимъ у нихъ время отъ ученыхъ, чисто академическихъ занятій, и нерѣдко не исполняли его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, привыкшихъ къ преподаванію на каѳедрахъ германскихъ университетовъ. Регламентъ подраздѣлилъ академиковъ на двѣ категоріи: освобожденныхъ отъ преподаванія и профессоровъ, читающихъ лекціи.

Университетъ остался по-прежнему при Академіи, что выражено въ статьѣ 36 регламента. „Россія“, сказано въ ней, „не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ, но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что за первый случай учрежденіе академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, а впредь

должно оно состоять изъ природныхъ россійскихъ; того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется — университетъ.“ Наполненіе безлюднаго университета студентами уже давно озабочивало правительство. На гимназію, доставившую, въ продолженіе 20-ти лѣтняго своего существованія лишь весьма немногихъ слушателей въ университетъ, разсчитывать было нельзя, если не были бы приняты особыя мѣры, обезпечивавшія комплектъ учащихся. Съ этою цѣлью учреждались казенокоштные студенты, въ числѣ 30 человѣкъ съ общежитіемъ и 20 стипендіатовъ въ гимназіи.

Составители регламента сознавали, повидимому, однако, что такое ничтожное число казеннокоштныхъ студентовъ и учениковъ гимназіи не можетъ удовлетворить образовательныхъ потребностей обширнаго государства. „Ежели такимъ образомъ“, сказано въ статьѣ 39-й, „заведены науки, то сіе извѣстно, что въ государствѣ люди способные весьма надобны, и такъ изъ университета не одни только будутъ такіе происходить, которые бы наполняли корпусъ академическій; но то бы весьма не мѣшало, ежели бы во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства были россійскіе люди ученые“. Для сего надобно изъ кадетскаго корпуса тѣхъ, кто желаетъ и статскихъ наукъ обучаться, на такія лекціи въ университетъ отсылать, которыхъ у нихъ не учатъ, дабы профессоры никогда не были праздны и тѣмъ не отговаривался, что у нихъ нѣтъ учениковъ“ (стат. 40). Доступъ въ университетъ открытъ былъ для лицъ всѣхъ сословій, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Университетъ не представлялъ прежде никакихъ служебныхъ правъ окончившимъ въ немъ курсъ, какъ другія спеціальныя высшія заведенія, и этимъ объясняли неимѣніе желающихъ поступать въ него. Это препятствіе къ пополненію университета студентами отстранялось отчасти слѣдующимъ постановленіемъ: „кто обучался на своемъ содержаніи, того Академія въ свою службу удержать не можетъ и онъ къ корпусу академическому не принадлежитъ; а ежели обучатся такіе люди высокихъ наукъ, о такихъ дѣлать представленіе въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы они опредѣлены были въ штатскіе чины по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ армейскихъ“ (стат. 42).

Точнаго раздѣленія наукъ по факультетамъ не сдѣлано: ска-

зано только, что „лекціи имѣютъ быть трехъ классовъ, какъ-то: математическія, физическія и гуманіора“ (стат. 38).

Представленіемъ президенту Академіи выбрать въ университетъ, на основаніи 37-й статьи Регламента, „изъ училищъ россійскихъ 30 учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ“, ясно указывалось на духовно-учебныя заведенія, въ которыхъ только и учились тогда по-латыни. Поэтому, „въ канцеляріи Академіи Наукъ за благо разсуждено“, сказано въ протоколѣ 9 февраля 1748 года, „чтобы тѣ ученики имѣли быть выбраны токмо изъ семинарій Александровскаго монастыря и изъ Новгородской, да изъ Москвы изъ училищнаго Спасскаго монастыря по пропорціи“. Заиконоспасская Академія, Петербургская и Новгородская семинаріи должны были доставить университету по десяти студентовъ; но Петербургскій архіепископъ Ѳеодосій, несмотря на настоянія Академіи, согласился уступить изъ своей семинаріи только четырехъ учениковъ, такъ что общее число студентовъ изъ семинаристовъ составило 24 человѣка и въ числѣ ихъ весьма извѣстный впослѣдствіи академикъ Румовскій. Выбранные въ Александровской семинаріи четыре ученика не были достаточно подготовлены для слушанія профессорскихъ лекцій, потому сдѣлано было распоряженіе „обучаться имъ нѣкоторое время въ гимназіи, ибо оные отъ профессоровъ принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи“; кромѣ того, еще двухъ изъ присланныхъ въ студенты семинаристовъ велѣно было „послать на нѣсколько времени въ Александровскую гимназію латинскому языку учиться“.

10 ноября 1747 года Мюллеръ назначенъ былъ ректоромъ университета.

Въ мартѣ 1748 г. предложено было профессорамъ представить немедленно ихъ программы, а 18 апрѣля начать чтеніе лекцій; но это не состоялось, какъ видно изъ протокола 14 апрѣля, въ которомъ сказано: „Хотя минувшаго марта отъ 29 числа сего года посланныхъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ въ собраніе историческое указовъ и велѣно, чтобы господамъ профессорамъ читать лекціи студентамъ, и къ начатію того назначено 18 число сего апрѣля, но понеже нынѣ какъ для худого проходу чрезъ рѣку, такъ и за не взятіемъ остальныхъ изъ Невской семинаріи студентовъ, въ предположенное число начать лекціи невозможно, что отмѣняется до

будущаго времени, какое назначено будетъ отъ канцеляріи". Несмотря на это, протоколомъ 19 апрѣля сдѣлано было распредѣленіе лекцій...

Профессора все таки не начинали лекцій, и студенты оставались безъ занятій; только Тредіаковскій и Крузіусъ изготовили свои курсы, потому и предложено имъ было преподавать порученные имъ предметы. „Понеже для нѣкоторыхъ резоновъ", сказано въ протоколѣ 11 мая, „еще всѣ лекціи при университетѣ начать невозможно, а присланные изъ Москвы и Новгорода студенты до тѣхъ поръ напрасно время свое тратить могутъ, того ради въ канцеляріи опредѣлено: господамъ профессорамъ Тредіаковскому начать свои лекціи съ пятаго на десять числа сего мѣсяца о штилѣ и чистотѣ латынскаго языка, а Крузіусу начать толковать авторовъ классическихъ, исторію литеральную соединя съ древностями. Господинъ Тредіаковскій имѣетъ читать свои лекціи всѣмъ двадцати студентамъ пополудни отъ второго по пятый часъ, а Крузіусу отъ девятаго по двѣнадцатый часъ, также для всѣхъ студентовъ. Оныя лекціи такимъ порядкомъ продолжаться имѣютъ по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ, пятницамъ и субботамъ, до тѣхъ поръ, пока генеральное для другихъ профессоровъ и ихъ лекцій распредѣленіе учинено не будетъ. А какихъ авторовъ и какимъ методомъ трактовать помянутыя лекціи профессоры Тредіаковскій и Крузіусъ намѣрены, о томъ имъ подать въ канцелярію репортъ".

Изъ дѣлъ академической канцеляріи не видно, чтобы постановленное ею распредѣленіе лекцій между профессорами когда либо было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ одинъ изъ двухъ преподававшихъ профессоровъ былъ въ скорости уволенъ. Въ протоколѣ 27 апрѣля 1749 г. находимъ: „Указомъ Ея Императорскаго Величества, полученнымъ изъ Москвы отъ главной конторы Академіи Наукъ сего апрѣля отъ 20 числа велѣно: профессора Крузіуса, весьма за худые его и предосудительные къ Академіи поступки, изъ службы академической отпустить и жалованья ему производить токмо мая по 1 число сего 1749 г., а профессору Фишеру велѣть учить въ университетѣ элоквенціи, а историографу Миллеру — исторіи и при томъ немедленно выписать другого способнаго и въ латинскомъ штилѣ искуснаго человѣка". Но Фишеръ этого не исполнилъ: „хотя профессору Фишеру", сказано въ прото-

колѣ 18 іюня 1750 г. „велѣно было продолжать лекціи профессора Крузіуса, но того и понынѣ не учинено, подъ такимъ видомъ, что смотрѣніе надъ студентами и ректорство въ гимназіи столь много труда ему причиняютъ".

Еще прежде увольненія Крузіуса, именно въ февралѣ, прекращены были лекціи Тредіаковскаго о красотѣ латынскаго языка, для того, чтобы доставить студентамъ болѣе времени къ занятію новыми иностранными языками...

Студенты изъ семинаристовъ не знали новыхъ иностранныхъ языковъ; нѣкоторые изъ нихъ пожелали выучиться по-французски и по-нѣмецки, потому ректоръ Мюллеръ представилъ о преподаваніи имъ этихъ предметовъ учителями гимназіи, что и было разрѣшено. „Прилежнѣйшіе изъ студентовъ сами сознавали недостаточную свою подготовленность въ латынскомъ языкѣ и по другимъ предметамъ, и просили дать имъ возможность доучиться по нимъ". Мюллеръ находилъ, что лучше всего было бы учредить для этого при гимназіи старшій, или ректорскій классъ, а до тѣхъ поръ поручить одному изъ профессоровъ заниматься съ ними... Нельзя не признать полной основательности мнѣнія Мюллера, что, для сознательнаго усвоенія университетскаго курса, молодымъ людямъ необходимо пройти предварительно серьезную гимназическую школу, чего не сознавали многіе изъ его современниковъ, и что, къ сожалѣнію, не всѣми раздѣляется и въ наше время.

Студенты, болѣе другихъ подготовленные, обучали своихъ товарищей, и ими, между прочимъ, воспользовался президентъ Академіи, чтобы занять студентовъ во время вакацій...

Нѣкоторые студенты преподавали въ гимназіи, что не могло не мѣшать ихъ университетскимъ занятіямъ, и Мюллеръ на это указывалъ, но безуспѣшно. Въ протоколѣ 18 мая 1750 г. записано: „студенты Волковъ, Сафоновъ и Барсовъ нѣсколько часовъ послѣ полудня учатъ въ гимназіи ариѳметикѣ, а изъ репорта г-на профессора Миллера, поданнаго имъ послѣ экзамена, надлежитъ заключить, якобы, упражняясь въ томъ, имѣли остановку въ настоящемъ своемъ ученіи. „А понеже канцелярія Академіи Наукъ никоимъ образомъ допустить не намѣрена, чтобъ студентамъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, могло причиниться какое препятствіе въ ихъ ученіи, того ради г-ну профессору Фишеру симъ повелѣвается выбрать къ отму

дѣлу охочихъ, которые бы письменно объявили, что такое дѣло упражняться имъ въ наукахъ не мѣшаетъ, и что такой трудъ добровольно принимаютъ на себя изъ награжденія, и о томъ въ канцелярію немедленно репортовать; почему канцелярія тѣмъ, которые примутъ на себя такое ученіе, опредѣляетъ награжденіе до 24-хъ рублевъ, сверхъ настоящаго ихъ жалованья". Соблазненные, вѣроятно, такимъ вознагражденіемъ и уговоренные ректоромъ гимназіи, эти студенты согласились продолжать давать уроки въ гимназіи; въ протоколѣ 31 іюня записано: „сего мая 22 числа профессоръ репортомъ представилъ, что къ тому обученію студенты сами охотно желаютъ: Барсовъ, Сафоновъ и Волковъ, съ обѣщаннымъ имъ награжденіемъ, и тому уже обучаютъ..."

Академическимъ регламентомъ предоставлено было президенту Академіи утвердить своею властію уставъ для университета. Графъ Разумовскій поручилъ составленіе этого устава Мюллеру, какъ ректору университета. Когда приступили къ исполненію этого проекта, то убѣдились, что нѣтъ возможности составить университетскій уставъ, потому что настоящій университетъ въ дѣйствительности не существовалъ, и не изъ чего было его составить, какъ по недостатку профессоровъ, такъ и по крайней незначительности числа студентовъ; поэтому, вмѣсто устава, сочинена была временная инструкція. Графъ Разумовскій объявилъ объ этомъ 10 августа 1750 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „понеже въ академическомъ регламентѣ въ 44 пунктѣ написано всѣ какъ профессоры и учители, такъ студенты и ученики, на академическомъ и своемъ содержаніи обрѣтающіеся, подвержены регламенту, который президентомъ сочиненъ быть долженъ, по примѣру европейскихъ университетовъ, какимъ образомъ, и когда чего учить и обучаться: но понеже какъ учащіе, такъ и учащіеся понынѣ не находятся еще въ такомъ состояніи, по которому можно бы было сдѣлать совершенно университетскій регламентъ, а дабы въ семъ не произошло какого упущенія, то за благо я разсудилъ: до сочиненія регламента, учинить инструкцію, или учрежденіе на время о университетѣ и гимназіи".

Это „учрежденіе о университетѣ и гимназіи" не болѣе какъ дисциплинарныя правила, относящіяся какъ до профессоровъ, такъ въ особенности до студентовъ. О профессорахъ сказано въ статьѣ 25-ой: „понеже съ удивленіемъ извѣщаюсь, что

нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои безъ важныхъ причинъ либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ положить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ вычитать дневное жалованье по окладу". Взысканія со студентовъ изложены подробно въ статьѣ 6-й слѣдующимъ образомъ: „Имѣть ему (ректору университета) смотрѣніе за ученіемъ и поступками жалованныхъ (то-есть состоящихъ на жалованьѣ, или казенныхъ) студентовъ, и смотрѣть, чтобы они добропорядочно жили, также и въ наукахъ по надлежащему упражнялись бы. Ежели же кто изъ нихъ въ чемъ провинится, то, по разсмотрѣнію дѣла, приказать ему штрафовать, а въ штрафованіи поступать такъ: 1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ, или какое-либо непочтеніе, о такихъ ему немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ ними поступить по указу, а до резолюціи отдать подъ караулъ. 2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора на двѣ недѣли въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, а за адъюнкта на недѣлю. 3) Ежели профессоровъ и учителей, то за профессоровъ на недѣлю въ карцеръ, а за учителей на три дни. 4) Ежели обидятъ товарищей, или другого кого словомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать. 5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой — на двѣ, за третій въ канцелярію репортовать. 6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго, или его адъюнкта, съ двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ, за другой — вдвое, за третій репортовать. 7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за второй вдвое, за третій репортовать. 8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на недѣлю, за второй на двѣ, за третій — на три, и такъ далѣ. 9) Ежели заданаго уроку не выучитъ, то за первый разъ — въ сѣрый кафтанъ на день, за другой — на два, за третій — на три, и такъ далѣ. 10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать. 11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣланныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ, и смотрѣть, чтобы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ такожде лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали".

Еще прежде утвержденія „Учрежденія о университетѣ“, именно въ іюнѣ, уволены были Мюллеръ отъ ректорства, а Фишеръ отъ надзора за студентами, а ректоромъ университета назначенъ профессоръ Крашенинниковъ, „и къ нему придать“, прибавлено въ протоколѣ 18 іюня, „адъюнкта г-на Модераха такимъ образомъ, чтобъ онъ, въ отсутствіе профессорскаго, подъ его смотрѣніемъ, исправлялъ все, что профессору желать должно“.

При введеніи новыхъ правилъ для студентовъ, графъ Разумовскій, желая поощрить ихъ, приказалъ раздать шпаги 12-ти лучшимъ изъ нихъ (въ томъ числѣ Румовскому), что и занесено въ протоколъ 6 сентября.

Новый ректоръ университета дѣйствовалъ мѣрами строгости, какъ относительно профессоровъ, такъ и со студентами.

Прежде всего напалъ онъ на Мюллера, въ подчиненіи коего онъ находился, еще бывши студентомъ, во время сибирскаго путешествія, и, выражаясь словами самого Мюллера, Крашенинниковъ „былъ у него подъ батожьемъ“. Профессорамъ назначено было начать лекціи 10 сентября, и каѳедра исторіи отведена была Мюллеру; онъ отказался отъ нея, потому что уже 18 лѣтъ какъ не читалъ никакихъ лекцій. Вслѣдствіе этого состоялось 13 сентября постановленіе академической канцеляріи: „У онаго профессора Миллера за небытіе его при каждыхъ лекціяхъ, начиная отъ 10 числа сего сентября, вычитать за каждый часъ дневное его по окладу жалованье, и когда онъ при лекціяхъ не будетъ, о томъ подавать профессору Крашенинникову въ канцелярію репорты, того ради на сію сентябрьскую треть жалованья ему, Миллеру, безъ особливаго указу не производить, а дабы онъ, Миллеръ, о семъ былъ свѣдомъ, и воли главнаго командира былъ послушенъ, и повелѣнное дѣло прилежно отправлялъ, и для того сіе объявить ему въ канцеляріи“. Мюллеръ не подчинился этому постановленію, и не хотѣлъ читать лекцій. Тогда принесена была канцеляріею на него жалоба президенту, въ которой и исчислялись разныя его вины, основанныя болѣе на личномъ нерасположеніи къ дѣлу вліятельныхъ въ академическомъ управленіи лицъ, и графъ Разумовскій разжаловалъ историографа Миллера изъ академиковъ въ адъюнкты. Но кара эта продолжалась не долго: „Понеже адъюнктъ Миллеръ“, писалъ графъ Румовскій 12 февраля 1751 года, „по собственному своему признанію, кото-

рое онъ учинилъ въ просительномъ своеручномъ письмѣ ко мнѣ сего 21 числа, что онъ чувствуетъ себя достойна того штрафу, которому онъ самъ случай своими поступками подалъ, того ради, въ надеждѣ его надобности въ Академіи и ожиданіи многихъ отъ него дѣлъ, на которые не малое уже иждивеніе Ея Императорскаго Величества положено, возвращается ему чинъ его и достоинство по прежнему профессорское, и жалованье ему производить профессорское по тысячѣ рублевъ въ годъ, начавъ сего 21 числа февраля, и отъ всѣхъ дѣлъ его уволить, оставя токмо при одномъ сочиненіи сибирской исторіи, и сколько когда имъ оный на нѣмецкомъ языкѣ написано будетъ, оное подавать ему для переводу на русскій языкъ въ канцелярію".

Въ октябрѣ 1750 года Крашенинниковъ жаловался, что нѣкоторые профессора пропустили свои лекціи. Объ этомъ такъ записано въ протоколѣ 31 октября; „По новоподписанному о университетѣ и гимназіи учрежденію прошедшаго августа отъ 10 числа сего 1750 года по 25 параграфу, за небытіе профессоровъ на лекціяхъ положенъ штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ дневное жалованье по окладу, да въ томъ же учрежденіи, въ 31-мъ параграфѣ, написано: ни профессорамъ, ни учителямъ не имѣть другихъ праздничныхъ дней, кромѣ положенныхъ Св. Пр. Синодомъ въ табели, въ календарь сообщенной. А сего октября 29 числа профессоръ г-нъ Крашенинниковъ репортуетъ: ученіе въ университетѣ отправляется по силѣ учрежденія, только на лекціяхъ не были 29 числа сентября, а именно профессоры: Фишеръ, за праздникомъ, по нѣмецкому календарю, святого Архангела Михаила, прочіе же профессоры — Рикманъ, Броунъ и Краценштейнъ не читали, въ объявленіи же 29 числа изъ оныхъ Рикманъ извинялся болѣзнью, а прочіе о причинѣ небытности своей не объявили, а бывшій тогда профессоръ, что нынѣ адъюнктъ, Миллеръ, во весь сентябрь мѣсяцъ, считая съ 10 числа, не давалъ лекцій. Того ради въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: къ объявленію профессорамъ Фишеру, Брауну и Краценштейну (кромѣ профессора Рикмана, который не былъ за болѣзнью) послать ордеръ, и въ ономъ написать, чтобъ они поступали въ праздничные дни по русскому календарю, а не по нѣмецкому, а впредь ежели кто на тѣхъ лекціяхъ не будетъ, не объявя законныхъ причинъ, у тѣхъ по силѣ учрежденія, вы-

четъ чиненъ будетъ, не пріемля никакихъ отговорокъ. Что же касается до адъюнкта Миллера, за небытіе его при лекціяхъ, вычитать, по силѣ учиненнаго опредѣленія сентября 13 дня. И для того онаго опредѣленія изъ сего въ счетное повытье, чтобъ въ спискѣ при дачѣ жалованья отмѣчено было по подаваемымъ отъ профессора Крашенинникова репортомъ, дать копію".

Въ августѣ 1751 года Крашенинниковъ представилъ снова о пропущенныхъ профессорами лекціяхъ, и заявилъ академической канцеляріи, что они ихъ не возобновили послѣ вакацій. Канцелярія постановила: „то имъ на первый случай прощается, а впредь, ежели на лекціяхъ университетскихъ кто не будетъ, а законной причины, или о болѣзни, зачѣмъ кому быть невозможно, не объявитъ, у такихъ за ослушаніе, по силѣ учиненнаго его сіятельствомъ учрежденія, учиненъ будетъ вычетъ безъ опущенія".

Однако всѣ эти угрозы и понужденія не заставили профессоровъ исполнять ихъ обязанности; такъ въ протоколѣ 23 сентября 1753 года находимъ слѣдующее заявленіе: „при университетѣ никакихъ лекцій нѣтъ, кромѣ лекцій г-на профессора Броуна".

Со студентами Крашенинниковъ поступалъ самымъ безобразнымъ образомъ: находя, что заключеніе въ карцеръ и одѣяніе въ сѣрый кафтанъ не достаточно ихъ исправляютъ, онъ предлагалъ сѣчь ихъ розгами, предъ ихъ товарищами, и получалъ на то разрѣшеніе. Повѣствованіе объ этомъ находимъ въ нѣсколькихъ академическихъ протоколахъ. Такъ въ протоколѣ 23 марта 1751 года внесено слѣдующее: „Его высокографское сіятельство Академіи Наукъ г-нъ президентъ, слушавъ поданнаго въ канцелярію Академіи Наукъ отъ профессора и университета ректора г-на Крашенинникова репорта, которымъ представлено: сего мѣсяца 10 числа видѣлъ онъ нѣкоторыхъ студентовъ во время службы Божіей шатающихся по улицамъ, которые изъ университета въ церковь отпущены были, за что приказалъ онъ посадить ихъ въ карцеръ, и изъ того числа Иванъ Барковъ (довольно извѣстный впослѣдствіи эротическій писатель, † 1768 года), ушелъ изъ университета безъ позволенія, пришелъ къ нему, Крашенинникову, въ домъ, съ крайнею наглостію и невѣжествомъ, учинилъ ему прегрубые и предосадные выговоры съ угрозами, будто онъ его

напрасно штрафуетъ, а наконецъ, сказавъ, что онъ радъ сидѣть въ карцерѣ, токмо онъ писать на него будетъ, и хлопнувъ дверью такъ, что она отворилась настежь, ушелъ; и тою наглостію не удовольствовавшись, бѣгалъ онъ по нѣкоторымъ изъ г-дъ профессоровъ, и клеветалъ на него, г-на профессора, и на своихъ товарищей. И ежели сей поступокъ отпущенъ ему будетъ безъ штрафа, то другимъ подастся поводъ къ бо̀льшимъ наглостямъ, а карцеръ и сѣрый кафтанъ, чѣмъ они штрафуются, ни мало ихъ отъ того не удерживаетъ. И въ разсужденіи онаго представленія, что оные студенты отъ такого штрафа сажаніемъ въ карцеръ и надѣваніемъ сѣраго кафтана ни мало отъ худыхъ поступокъ воздерживаются, изволилъ приказать: показаннаго студента Баркова за такую учиненную имъ продерзость, въ страхъ другихъ, при собраніи всѣхъ студентовъ, высѣчь розгами; да и впредь, ежели кто изъ оныхъ студентовъ явится въ такихъ же худыхъ поступкахъ, оныхъ по тому же наказывать розгами, кто бы какого возраста не былъ. О наказаніи же помянутаго студента Баркова къ вышеписанному г-ну профессору Крашенинникову послать ордеръ, въ которомъ написать, чтобъ онъ впредь о являющихся въ продерзостяхъ, достойныхъ таковому наказанію студентахъ, представлялъ канцеляріи, отколѣ о учиненіи того наказанія посылать ордеры, а безъ вѣдома канцеляріи никого тѣмъ штрафомъ не наказывать“. Въ протоколѣ 18 января 1752 года занесено: „Сего 1752 г. генваря 15 числа профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представляетъ: сего де генваря 13 числа велѣно было посадить въ карцеръ двухъ студентовъ, а именно: Фадея Охтенскаго да Петра Добротворскаго, за то что Охтенской пришелъ въ университетъ поздно, мертвъ пьянъ, а Добротворскій, репортуясь больнымъ, неходитъ на лекціи, а со двора почти ежедневно ходитъ безъ спросу и вѣдома; но оба помянутые студенты оказали себя непослушными и столь наглыми, что Охтенскій, разругавъ г-на Модераха, сказалъ, что онъ перваго того заколетъ, кто его подъ караулъ брать будетъ, а Добротворскій заперся въ лазаретѣ, и не пошелъ же въ карцеръ, и ночью ушелъ со двора безъ вѣдома, и гдѣ былъ неизвѣстно. И за такіе оныхъ студентовъ худые и командѣ противные поступки опредѣлено: въ страхъ другимъ, въ силу объявленнаго отъ его сіятельства Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, высѣчь ихъ въ университетѣ, при со-

браніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно, при присутствіи г-на Крашенинникова и адъюнкта г-на Модераха..., а ежели впадутъ паки въ какія продерзости, то, по жесточайшемъ наказаніи, имѣютъ отосланы быть въ матросскую службу". Въ протоколѣ 10 іюня 1753 года записано: „Яремскаго (студента) за кричаніе караула, за пьянство и за драку высѣчь, при собраніи всѣхъ студентовъ, розгами нещадно". 12 іюля 1754 года академическая канцелярія представляла графу Разумовскому: 1753 года сентября 20 дня г-нъ профессоръ Крашенинниковъ репортомъ представилъ, что Братковскій (студентъ) въ университетѣ не ночуетъ нѣсколько ночей, и въ пьянствѣ потерялъ шпагу, за что изъ университета выключенъ, и опредѣленъ въ географическій департаментъ, гдѣ будучи, къ дѣлу своему нѣсколько дней хожденія не имѣлъ, и казенный мундиръ пропилъ, и за то высѣченъ розгами, и содержанъ былъ не малое время подъ карауломъ". Кромѣ того, Крашенинниковъ придумалъ отнимать у провинившихся студентовъ мундиры и шинели, что и изложено въ протоколѣ 23 сентября 1752 года такъ: „Профессоръ г. Крашенинниковъ репортомъ представилъ: Сего-де сентября 16 числа объявлено ему отъ адъюнкта господина Модераха, что съ 14 на 15 число въ ночи происходила драка между студентами Полидорскимъ и Охтенскимъ, которые, какъ думать можно, были пьяны; однако начинатель ссоры Полидорскій, для того, что Охтенскаго, уже соннаго, по щекѣ ударилъ; а понеже ему, профессору, о такихъ случаяхъ велѣно доносить канцеляріи письменно, а при томъ онъ проситъ, чтобъ Полидорскаго изъ университета вывесть, для того, что онъ ни на какія лекціи не ходитъ, токмо худымъ житіемъ своимъ другихъ портитъ. А которые студенты часто въ пьянствѣ и въ другихъ порокахъ приличатся, то, по его мнѣнію, чувствительнѣе будетъ наказаніе, ежели у нихъ мундиры и епанчи (плащи) отбираны будутъ до исправленія. А чѣмъ будутъ они въ платьѣ недостаточнѣе, тѣмъ уповательно скорѣе исправятся, ибо примѣчено имъ, что карцеръ не доволенъ къ ихъ исправленію. И ежели оное канцелярія апробуетъ, то бъ дать ему о томъ указъ, или ордеръ. И по тому онаго профессора репорту канцелярія Академіи Наукъ опредѣлила: студента Полидорскаго, который находится въ географическомъ департаментѣ, изъ университета вывесть и впредь его туда ни подъ какимъ ви-

домъ не допущать, а что онъ въ такихъ худыхъ поступкахъ явился, за то у него убавить жалованья... Чтожъ касается до поступокъ съ прочими студентами, оныхъ профессору г-ну Крашенинникову, по разсмотрѣнію ихъ винъ, въ силу его высокографскаго сіятельства, Академіи Наукъ г-на президента опредѣленія, наказывать розгами, карцеромъ, такожъ, какъ онъ представилъ, отбирать у нихъ мундиры и епанчи".

Хотя всѣ эти унизительныя для студентовъ наказанія закрѣплены именемъ президента Академіи, но позволительно думать, что графъ Разумовскій не сочувствовалъ имъ и имѣлъ о молодежи лучшее понятіе. „О студентахъ и ихъ наукахъ", писалъ онъ 1 августа 1751 года Шумахеру изъ Глухова, „какъ возможно прилагать извольте тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и исправные переводчики, или учители въ гимназію первыхъ классовъ латынскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодыя лѣта, не вовсе надлежитъ отчаяваться, а стараться, сколько возможно, о ихъ исправленіи, когда уже не малый коштъ и время на нихъ потеряно".

Относительно учебныхъ занятій студентовъ сдѣлано было при Крашенинниковѣ нѣсколько распоряженій. Подтверждено было введенное Мюллеромъ обученіе ихъ новымъ и иностраннымъ языкамъ, но не въ гимназіи, какъ прежде, что оказалось неудобнымъ, а черезъ особыхъ учителей... Крашенинниковъ замѣтилъ также, что большинство студентовъ слабы въ русскомъ языкѣ, и находилъ необходимымъ упражнять ихъ въ русскихъ сочиненіяхъ и переводахъ, принимая это на себя. Въ протоколѣ 15 іюля говорится: „Сего іюля 8 числа профессоръ, университета ректоръ, а гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ въ канцелярію представлялъ: понеже усмотрѣно имъ, что большая часть студентовъ лучше по-латыни пишутъ, нежели по-русски, и, разумѣя совершенно латынскаго автора, силы его не могутъ выразить на природномъ языкѣ, и чтобъ соблаговолено было оныхъ студентовъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю обучать россійскому штилю и переводамъ; а понеже къ той должности нынѣ опредѣлить некого, то оный г-нъ Крашенинниковъ обученіе россійскаго штиля и переводамъ самопроизвольно пріемлетъ на себя по

понедѣльникамъ и по пятницамъ, девятый и десятый часы. Того ради опредѣлено: россійскому штилю и переводамъ обучать ему, г-ну профессору, въ показанные дни и часы". Введено было также обученіе танцованію, „которое для нихъ необходимо потребно, дабы могли знать, какимъ образомъ себя въ люди показывать; того ради", сказано въ протоколѣ 10 октября 1750 года, „въ пользу студентовъ и гимназистовъ, а въ славу академическую, сыскать танцовальнаго искуснаго учителя, которому въ новомъ каталогѣ дать два дня въ недѣлю". Сначала приглашенъ былъ для этого танцмейстеръ шляхетнаго кадетскаго корпуса Нестеровъ, но вскорѣ его замѣнили придворнымъ танцмейстеромъ Литровымъ. Студенты занимались также другъ съ другомъ, нѣкоторые изъ нихъ продолжали читать лекціи своимъ товарищамъ. Лучшіе изъ студентовъ имѣли позволеніе находиться въ профессорскихъ собраніяхъ, „сидѣть за стульями, и разговорами ихъ (профессоровъ) пользоваться", какъ сказано въ протоколѣ 12 декабря 1757 года...

Въ январѣ 1753 года произведенъ былъ экзаменъ всѣмъ 20-ти студентамъ. Семь изъ нихъ признаны были окончившими курсъ, въ томъ числѣ Румовскій. Канцелярія Академіи нашла, что тѣ изъ окончившихъ курсъ, которые предназначаютъ себя къ наукамъ философскимъ и словесности, произвести въ магистры. Долго не получалось разрѣшенія на это отъ президента; въ сентябрѣ Крашенинниковъ вновь объ этомъ ходатайствовалъ, и, наконецъ, только въ декабрѣ объявлено было согласіе на то графа Разумовскаго...

Въ концѣ 1753 года произведенъ былъ экзаменъ въ старшемъ классѣ гимназіи, и, по представленію Крашенинникова, восемь гимназистовъ приняты были въ университетъ студентами, въ томъ числѣ Полѣновъ (будущій юристъ). „Они только знаютъ по-нѣмецки", писалъ Крашенинниковъ, „что могутъ разумѣть книгу и разговаривать, знаютъ ариѳметику, геометрію, тригонометрію и часть фортификаціи, въ практикѣ геометрической и въ черченіи фортификаціи имѣютъ нарочитое искусство, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ плановъ и изъ сообщенныхъ нынѣ чертежей; латинскій же языкъ столько же почти знаютъ, сколько знали набранные по разнымъ городамъ студенты, котораго де имени гимназисты тѣмъ достойнѣе, что набранные ничего въ началѣ не знали, кромѣ малаго основанія латинскаго языка".

Кромѣ нихъ, Крашенинниковъ отмѣтилъ еще нѣсколько учѣниковъ гимназіи, которые въ скоромъ времени могли бы быть приняты въ университетъ. Нѣкоторые изъ нихъ произведены были предварительно въ студенты, съ оставленіемъ въ гимназіи, собственно для увеличенія ихъ содержанія, такъ какъ студентъ получалъ такъ называемаго жалованья болѣе, чѣмъ гимназистъ. Ссылаясь на это, стали принимать въ гимназію и со стороны на томъ же основаніи, то-есть называя такихъ гимназистовъ студентами.

25 февраля 1755 года умеръ Крашенинниковъ, и университетъ и гимназія „препоручены въ смотрѣніе“ адъюнкту Модераху.

Въ университетѣ давно не было лекцій. Въ 6-мъ пунктѣ данной 13 февраля 1757 года графомъ Разумовскимъ инструкціи академической канцеляріи сказано: „Понеже отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ университетѣ лекцій не читаетъ, и академическіе студенты находятся безъ всякаго ученія, того ради въ общемъ собраніи академиковъ и профессоровъ сочинить каталогъ лекціямъ, въ которомъ назначить, по скольку дней въ недѣлѣ и въ какіе часы каждому изъ принадлежащихъ къ университету профессоровъ читать лекціи въ университетскомъ домѣ. То же разумѣется и о академикахъ, которые опредѣляемымъ къ нимъ студентамъ должны равномѣрно читать порядочныя лекціи и подавать имъ всякое руководство и наставленіе. А оный каталогъ прислать ко мнѣ напередъ, для апробаціи, и съ перваго мая сего года непремѣнно начать упомянутыя лекціи. Которые академики и профессоры въ томъ должности своей исполнять не будутъ и такимъ образомъ регламенту и моему опредѣленію учинятся противными, о таковыхъ ко мнѣ репортовать, а между тѣмъ отъ канцеляріи жалованья имъ не производить“...

Дисциплинарныя мѣры относительно студентовъ не измѣнились; къ нимъ прибавлена была одна новая: студентовъ стали низводить въ гимназисты, съ цѣлью уменьшать ихъ степендію, но съ обязательствомъ слушать, попрежнему, профессорскія лекціи.

По сохранившимся свѣдѣніямъ, въ университетѣ было студентовъ: въ 1752 году — 20, въ 1753 — 18, въ 1751 — 18, въ 1758 — 16. Нельзя не согласиться съ Ломоносовымъ, что „при Академіи Наукъ не токмо настоящаго университета не

бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно".

24 марта 1758 года завѣдываніе университетомъ и гимназіею поручено было президентомъ Ломоносову. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по вызову Ломоносова, графъ Разумовскій поручилъ ему написать проекты уставовъ (регламентовъ) для университета и гимназіи. Составленные имъ проекты переданы были въ 1759 году на разсмотрѣніе комиссіи изъ академиковъ и профессоровъ: Мюллера, Фишера, Броуна и Модераха, но, не ожидая ихъ заключенія и утвержденія этихъ уставовъ (чего никогда и не было), Ломоносову предоставлено было вводить ихъ. Для него это было тѣмъ легче, что въ 1760 году президентъ отдалъ университетъ въ полное его распоряженіе. „Понеже чрезъ разные опыты я усмотрѣлъ", писалъ въ январѣ 1760 года графъ Разумовскій академической канцеляріи, „что учрежденію и распорядку, а особливо сочиненію регламентовъ гимназіи и университета, отъ несогласія разныхъ мнѣній, также и надлежащему происхожденію сихъ департаментовъ чинится остановка, и уже многіе годы минули не съ такимъ успѣхомъ и пользою, каковыхъ бы, по справедливости, ожидать должно было; и сверхъ того сумма, опредѣленная на университетъ, исходила по сіе время, по большей части, такъ что академическое комиссарство должно стало университету многія тысячи. Того ради прошедшаго 1758 года данъ былъ отъ меня ордеръ господину коллежскому совѣтнику Ломоносову, чтобы онъ сочинилъ регламенты для университета и гимназіи, которые имъ сочинены, и, по ордеру моему, отданы въ канцелярію, для общаго разсмотрѣнія и для поданія мнѣ на апробацію. Но какъ я еще вижу, что дѣло сіе, попрежнему, отъ несогласныхъ мнѣній претерпѣваетъ остановку, а господинъ Ломоносовъ, между тѣмъ, по сочиненному отъ него регламенту гимназіи, поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ, того ради, по данной мнѣ отъ ея императорскаго величества власти, поручаю учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи единственно одному господину совѣтнику Ломоносову, по сочиненнымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе и уповая, что онъ въ произведеніи до цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ, по должности сына отечества, со всякимъ прилежаніемъ

и усердіемъ поступать будетъ. И потому академической канцеляріи чинить ему въ произведеніи сей на него единственно положенной должности всякое снисхожденіе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенію наукъ въ отечествѣ, а особливо, чтобы опредѣленную на университетъ сумму не токмо не употреблять на никакіе другіе расходы, но и недоимочную на прошлые годы, въ случаѣ надобности для помянутаго учрежденія, выдавать по частямъ изъ академической суммы, или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришолъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный господинъ Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхъ".

Ломоносовъ не только настоялъ на томъ, чтобы отпускалась вся положенная на университетъ и гимназію сумма, но и выхлопоталъ въ 1760 г. увеличеніе ея на 5,000 руб.; именно съ этого времени, вмѣсто ассигновывавшихся прежде на нихъ 10,300 р. назначено было 15,248 р. Въ томъ же 1760-мъ году, по его представленію, число казенно-коштныхъ студентовъ было увеличено десятью человѣками (вмѣсто 20-ти положено было содержать 30) и всѣ они приняты на полное казенное содержаніе пищею и платьемъ, съ назначеніемъ на каждаго по сто рублей въ годъ. Гимназія и университетъ были выведены изъ дома Троицкаго подворья, и для нихъ въ 1764 г. купленъ былъ домъ Строгановыхъ, по настоянію Ломоносова въ этомъ домѣ не размѣщены разныя академическія учрежденія, какъ домогалась того академическая канцелярія, а весь домъ предоставленъ былъ этимъ двумъ учебнымъ заведеніямъ.

Студенты перемѣщены были во вновь купленный домъ уже послѣ смерти Ломоносова, именно въ сентябрѣ 1765 года.

Такъ называемые регламенты для университета и гимназіи, сочиненные Ломоносовымъ, не сохранились, а немногіе ихъ слѣды остались лишь въ возраженіяхъ на нихъ академика Фишера, который возставалъ противъ допущенія въ эти учебныя заведенія лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ, не видѣлъ надобности въ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ и гимназистовъ и находилъ недостаточнымъ отво-

димое время на гимназическій курсъ, а въ особенности на латинскій языкъ...

При составленіи университетскаго регламента, Ломоносовъ болѣе всего старался выхлопотать разныя преимущества и служебныя права учащимъ и учащимся, и придать особую торжественность открытію университета, созданнаго по его плану, посредствомъ такъ называемой инавгураціи. Оффиціально университетъ существовалъ уже 35 лѣтъ, значитъ нечего было и открывать его; въ дѣйствительности же его не было, потому что три-четыре профессора, по временамъ читавшіе лекціи, и человѣкъ 20 студентовъ не могли составить университета, подраздѣленнаго на факультеты. Очевидность указывала на то, что прежде всего нужно доставить университету преподавателей, а для нихъ слушателей. Вмѣсто того, Ломоносовъ думалъ только о томъ, чтобы получить для профессоровъ „пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы“, а также пенсіи; для студентовъ, окончившихъ курсъ, — права по службѣ, для магистровъ — чинъ поручика, для доктора — капитана и т. п. Но еще болѣе озабочивала его, повидимому, мысль какъ бы придать болѣе торжественности объявленію этихъ дарованныхъ университету привилегій... Прося всѣхъ этихъ привилегій для университета, существовавшаго лишь по имени, Ломоносовъ расчитывалъ на покровительство И. И. Шувалова, и такъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ, что сочинилъ уже и рѣчь для торжественнаго собранія; но императрица Елизавета скончалась, и проектъ этотъ былъ оставленъ.

Въ учебной части университета, во время управленія Ломоносова, не было сдѣлано никакихъ улучшеній; все шло по-старому, несмотря на то, что ему предоставлено было президентомъ вводить имъ составленный, хотя и неутвержденный уставъ, чѣмъ онъ и воспользовался. Онъ подраздѣлилъ университетъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, но на всѣхъ этихъ факультетахъ лекціи читали только пять профессоровъ: Фишеръ, Броунъ, Эпинусъ, Котельниковъ и Козицкій. Нѣкоторые изъ нихъ иногда не читали лекціи въ университетѣ, а заставляли студентовъ приходить къ себѣ на домъ. Число студентовъ также не увеличилось: ихъ было всего 18, по большей части изъ солдатскихъ дѣтей. Этотъ мнимый университетъ выставлялся передъ публикою, какъ бы

настоящій. „1760 года ноября 14 дня“, записано въ протоколѣ, „по указу ея императорскаго величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: въ Академическомъ университетѣ быть около 18 числа декабря публичному диспуту, и для того, отобравъ господамъ профессорамъ Броуну и Модераху лучшихъ студентовъ, чинить приватно экзерцицію, а въ гимназіи быть ораторской экзерциціи публично, и для того къ тому же времени приготовиться адъюнкту Козицкому“.

Несмотря на то, что университетъ предоставленъ былъ въ непосредственное распоряженіе Ломоносова, президентъ ограничивалъ, однако, иногда его власть относительно студентовъ. Такъ, въ 1760 г. Ломоносовъ исключилъ изъ университета двухъ студентовъ, Лобысевича и Дѣвовича за то, что они не ходили на лекціи. Исключенные студенты пожаловались графу Разумовскому, и онъ прислалъ изъ Батурина такой ордеръ: „Студенты академическіе, Лобысевичъ и Дѣвовичъ, передъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга, просили меня, при многихъ своихъ атестатахъ, что они въ произведеніи передъ прочими оставлены. Я, увидѣвши тогда справедливость ихъ жалобы, словесно приказалъ г-ну совѣтнику Ломоносову имъ сдѣлать справедливое удовольствіе. А нынѣ каковое они доношеніе ко мнѣ прислали, оное въ оригиналѣ при семъ въ канцелярію посылаю, и канцелярія имѣетъ, немедленно давъ имъ на прогоны, не въ зачетъ ихъ жалованья, надлежащія деньги, ко мнѣ прислать въ Глуховъ обоихъ. А между тѣмъ, объявить г-ну Ломоносову, что я весьма удивляюся, по чьему учрежденію таковой, противу воли ихъ, отпускъ имъ безъ моей апробаціи сдѣланъ, да, какъ вижу, и безъ вѣдома канцеляріи, изъ службы академической, а паче такимъ людямъ, которые въ Академію приняты по моему собственному опредѣленію и которые атестаты объ успѣхахъ ихъ мнѣ самому довольно извѣстны. Сколько мнѣ памятуется, я такъ далеко власти г-ну Ломоносову не давалъ. Чего ради и впредь изъ студентовъ, безъ моего собственнаго опредѣленія, никого канцелярія, тѣмъ меньше самъ собою г-нъ Ломоносовъ, высылать изъ академической службы не долженъ. Какое же опредѣленіе о сихъ студентахъ, Лобысевичѣ и Дѣвовичѣ, учинить надобно, о томъ впредь отъ меня будетъ писано. А заслуженное имъ жалованье безудержно выдать, разумѣя ихъ дѣйствительно въ той же службѣ, въ которой они до сего были“.

Въ 1765 году число студентовъ, составлявшее всего 18 человѣкъ, разомъ сократилось на половину: 9-ть изъ нихъ вышли изъ университета, а одинъ опредѣленъ былъ учителемъ гимназіи.

Въ томъ же 1765 году два студента, Свѣтовъ и Венедиктовъ, посланы были въ Геттингенскій университетъ для обученія подъ руководствомъ Шлецера.

Вступивъ въ должность директора Академіи, княгиня Дашкова нашла въ университетѣ только двухъ студентовъ, и то такихъ, прибавляетъ она, которые ничего не могли перевести съ иностранныхъ языковъ, даже съ нѣмецкаго. Она сама принялась ихъ учить, какъ можно заключить изъ перваго ея распоряженія: „Въ ея сіятельства приказаніи“, въ протоколѣ 30 января 1783 года написано: „Изъ студентовъ приказать, чтобъ понедѣльно одинъ при мнѣ дежурилъ, чтобъ я чрезъ то могла узнать каждаго способности и поведеніе. Должность на первый случай имъ объявляется нижеслѣдующая: являться ко мнѣ въ 8 часовъ поутру, и быть упражнену въ письмѣ, или переводѣ, какъ я прикажу, до 2-хъ часовъ пополудни, да отъ 4-хъ часовъ пополудни до 7-ми приказанные мною ордера разсылать съ вѣстовымъ и пещись, донесены ли оные въ слѣдующія къ исполненію по онымъ руки. Съ ордеровъ копіи въ то же самое время вносить въ мою канцелярію, а до учрежденія оной, ко мнѣ самой“. Этимъ и ограничились всѣ мѣры, принятыя княгинею относительно университета и студентовъ.

Дѣятельность профессоровъ обращена была на чтеніе публичныхъ лекцій. Начиная съ 1785 года, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, читали публичныя лекціи Котельниковъ — математическія, адъюнктъ Соколовъ — химическія и Озерецковскій — по естественной исторіи.

Въ концѣ директорства княгини Дашковой въ университетѣ осталось всего три студента. Университетъ угасъ... Не даромъ сказалъ Татищевъ Блюментросту: „Напрасно ищете сѣмянъ, когда земля, на которую сѣять, не приготовлена“. Справедливо и мнѣніе Болтина: „Захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣка; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія“.

Толстой.

Значеніе Академіи Наукъ въ XVIII столѣтіи.

Многознаменательно и не случайно то, что учрежденіе Академіи Наукъ совпадаетъ съ основаніемъ военнаго и политическаго могущества Россіи въ европейской системѣ государствъ. Какъ геній, далеко опередившій свой вѣкъ, Петръ сознавалъ, что для доставленія Россіи мѣста въ числѣ первенствующихъ державъ Европы недостаточно было одного войска и флота. Необходимо было гармоническое развитіе тѣхъ началъ, совокупность которыхъ мы называемъ просвѣщеніемъ, потому что оно создаетъ силу государствъ гораздо прочнѣе, чѣмъ крѣпости и пушки. Дайте намъ просвѣщеніе, науку, а съ этимъ мы уже и сами изобрѣтемъ пушки и укрѣпленія. Разъ сознавши эту истину, Петръ, какъ человѣкъ сильнаго характера, не любившій отступать передъ трудностями и дѣлать вещи на половину, задумалъ обширный и оригинальный планъ пересадки къ намъ европейской науки во всемъ ея значеніи. Такъ родилась и созрѣла въ немъ мысль объ Академіи, планъ которой, по идеямъ Петра, былъ начерченъ его лейбъ-медикомъ Блюментростомъ. Именно двухъ цѣлей желалъ онъ достигнуть учрежденіемъ Академіи: во-первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы и въ Россіи разрабатывалась наука въ своемъ высшемъ, безотносительномъ значеніи. Понимая, что наука сама по себѣ у всякаго народа можетъ привлекать и занимать только небольшое число людей изъ общей массы, и что для успѣховъ ея необходимы покровительство и попеченія правительства, онъ возлагалъ поощреніе учености на обязанность государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ для славы отечества, чтобы и оно наконецъ имѣло свою долю въ общемъ ходѣ успѣховъ науки. „Академики“, говорилъ онъ, „должны пріобрѣсть намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки, и что пора перестать считать насъ за варваровъ, пренебрегающихъ наукой“. Во-вторыхъ, это заведеніе должно было получить такое устройство, чтобы отъ него „чрезъ обученіе и размноженіе художествъ и наукъ польза въ народѣ впредь была“. Это двоякое назначеніе Академіи, въ проектѣ Петра, изложено слѣдующимъ образомъ:

„При заведеніи простой Академіи Наукъ оба намѣренія не исполняются, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ

своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожъ де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета и меньше того. Ибо когда разсудишь, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы младые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. И тако, потребнѣе всего, чтобы здѣсь таковое собраніе заведено было, ежели-бъ изъ самолучшихъ ученыхъ мужей состояло". Главнымъ назначеніемъ этихъ „самолучшихъ ученыхъ" поставлено „науки производить и совершать"; но въ то же время имъ вмѣнялось въ обязанность „публично обучать младыхъ людей, ежели которыя изъ оныхъ угодны будутъ", т.-е. читать публичныя лекціи и сверхъ того „обучать при себѣ нѣкоторыхъ людей, которые бъ и сами младыхъ людей первымъ рудиментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли". Каждому изъ академиковъ предлагалось придать по нѣсколько воспитанниковъ „изъ словенскаго народа". Такимъ образомъ предлагалось одно зданіе, которое должно было состоять изъ трехъ „собраній":

1) Изъ „совершенной Академіи", которой члены должны были „трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывать, въ случаѣ надобности, своими познаніями помощь присутственнымъ мѣстамъ и заботиться о распространеніи и заведеніи „вольныхъ художествъ и мануфактуръ". 2) Въ то же время Академія предназначалась быть „университетомъ", гдѣ преподавались бы академиками публичныя лекціи о художествахъ и наукахъ, и 3) при ней долженъ быть еще „гимназіумъ", въ которомъ адъюнкты академиковъ должны были преподавать первыя основанія наукъ и приготовлять своихъ учениковъ къ университету, къ должности учителей для будущихъ училищъ и т. д.

Таковъ былъ планъ Петровской Академіи. Если вспомнить тогдашнее состояніе просвѣщенія въ Россіи, не представлявшее никакихъ матеріаловъ для такого зданія, то величіе и смѣлость этого плана не можетъ не броситься въ глаза. Но не таковъ былъ Петръ, чтобы бояться великаго, потому только, что оно трудно. Задумавъ строить зданіе полезное и не имѣя вокругъ себя нужныхъ для того матеріаловъ, онъ положилъ выписать ихъ извнѣ, и подобно тому, какъ онъ, въ теченіе

тридцати лѣтъ, образовалъ войско при помощи нѣсколькихъ тысячъ иностранныхъ офицеровъ, онъ, желая водворить въ Россіи науку, выписалъ изъ-за границы ученыхъ для созданной имъ Академіи.

Дѣятельность Академіи, учрежденной по плану Петра, имѣла въ прошломъ столѣтіи значительное, хотя до сихъ поръ еще не довольно оцѣненное, вліяніе на успѣхи просвѣщенія въ Россіи. Она выражалась не въ однихъ ученыхъ трудахъ. Академическая гимназія, существовавшая до 1803 года, воспитала подъ управленіемъ ректоровъ, подобно Байеру, Ломоносову и Лепехину, замѣчательныхъ государственныхъ людей, ученыхъ и педагоговъ. Академическій университетъ, закрытый въ 1766 г., дополнялъ собою кругъ педагогической дѣятельности академиковъ. Конечно, къ этимъ заведеніямъ нельзя прилагать мѣрки нынѣшнихъ однородныхъ съ ними заведеній; но не забудемъ, что они были учреждены въ то время, когда окружающая ихъ среда представляла еще очень мало данныхъ для ихъ развитія; и при всемъ томъ эти заведенія принесли, по времени, полезные и ощутительные плоды. Упомянемъ, между прочимъ, что однажды пересаженная къ намъ изъ Европы наука, при помощи этихъ заведеній, постепенно болѣе и болѣе принималась на нашей родной почвѣ. Такъ, не далѣе, какъ черезъ 8 лѣтъ послѣ открытія Академіи, въ нее уже вступилъ, въ качествѣ адъюнкта (въ 1733), первый изъ русскихъ питомцевъ академической гимназіи, В. Ададуровъ, бывшій впослѣдствіи кураторомъ Московскаго университета; вскорѣ затѣмъ, а именно въ 1742 году, введены въ Академію съ званіемъ адъюнктовъ Тепловъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ на иномъ поприщѣ, и славный Ломоносовъ. Послѣ этого и до начала нынѣшняго столѣтія вступили въ Академію: въ 1745 г. Тредьяковскій и Крашенинниковъ, профессоръ ботаники, составившій столь извѣстное описаніе Камчатки; въ 1748 г. Поповъ — астрономъ; въ 1751 г. Протасовъ — анатомъ и Котельниковъ — математикъ; въ 1754 г. Румовскій — астрономъ, бывшій впослѣдствіи вице-президентомъ Академіи и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа; въ 1768 г. Лепехинъ, профессоръ естественной исторіи, и астрономъ Иноходцевъ; въ 1776 г. Головинъ, адъюнктъ по части физики; въ 1779 г. Озерецковскій и Зуевъ, принесшіе особенную пользу наукѣ своими путешествіями по Россіи; въ 1783 г. Соколовъ — химикъ; въ 1789 г. —

Кононовъ — математикъ и минералогъ Севергинъ; въ 1790 г.— Захаровъ — химикъ; въ 1796 математикъ Гурьевъ и, наконецъ, въ 1799 Савостьяновъ — по естественной исторіи. Имена этихъ русскихъ возбуждаютъ воспоминаніе о цѣломъ рядѣ полезныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, большая же часть этихъ ученыхъ обязана своимъ образованіемъ Академіи.

Независимо отъ педагогической дѣятельности, Академія принимала весьма значительное участіе въ распространеніи у насъ просвѣщенія посредствомъ общедоступныхъ сочиненій и періодическихъ изданій. Притомъ, съ какими трудностями приходилось здѣсь бороться! Нужно было и создавать языкъ для выраженія понятій науки, и заохочивать мало-образованное общество къ серьезному чтенію и умственному труду, и даже устраивать типографское дѣло, такъ какъ до заведенія при Академіи типографіи въ Петербургѣ не было возможности печатать книги ученаго содержанія; наконецъ, Академія должна была завести у себя цѣлое гравировальное заведеніе для изготовленія чертежей и рисунковъ къ издаваемымъ ею сочиненіямъ. Нужно было даже завести свою переплетную и свою книжную лавку, по неразвитости въ то время книжной торговли въ столицѣ. Когда, со временемъ, будетъ составлено полное библіографическое обозрѣніе ученыхъ трудовъ и учебныхъ, общезнаменательныхъ и литературныхъ изданій Академіи въ прошломъ столѣтіи, то многихъ, конечно, изумитъ огромная масса изданнаго Академіею на русскомъ языкѣ: тутъ есть и чисто-ученыя сочиненія, какъ *Краткое описаніе комментаріевъ Академіи* (1728), *Содержаніе ученыхъ разсужденій* (4 тома съ 1748 по 1754 г.); тутъ есть и календарь, и политическая газета (С.-Петербургскія Вѣдомости), редакціею которыхъ завѣдывали академики; есть и *Ежемѣсячныя сочиненія* (съ 1755 по 1764 г., 20 томовъ), первый на русскомъ языкѣ общеполезный энциклопедическій журналъ, издававшійся по предложенію и подъ редакціею Миллера, при сотрудничествѣ нѣсколькихъ академиковъ; въ президентство княгини Дашковой являются и чисто-литературныя изданія какъ: *Россійскій Ѳеатръ* (1786—1794 г., 43 части) и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1794, 16 частей), а по прекращеніи этого журнала возобновлено подъ заглавіемъ: *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій* (1786—1796, 121 часть или 20 томовъ) изданіе такого журнала, который имѣлъ цѣлью

распространять общеполезныя знанія въ кругу читателей, недостаточно приготовленныхъ къ тому, чтобы черпать ихъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, т.-е. непосредственно изъ спеціально ученыхъ сочиненій. Наконецъ, этой цѣли соотвѣтствовало изданіе Академіей большого числа переводовъ на русскій языкъ какъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, являвшихся въ то время на разныхъ европейскихъ языкахъ, такъ и многихъ писателей классической древности. Масса знаній и понятій, пущенныхъ такимъ путемъ въ ходъ въ русскомъ обществѣ, огромна. Кромѣ того, нельзя не вспомнить, что все это дѣлалось въ то время, когда ни въ матеріальномъ ни въ нравственномъ отношеніи общество, по малому развитію образованія, не представляло еще для подобныхъ предпріятій той поддержки, какую оно представляетъ теперь, и когда поэтому существованіе ихъ могло быть дѣломъ только такого правительственнаго учрежденія, какъ Академія, которая съ интеллектуальными средствами соединяла и средства вещественныя, нужныя для издательскихъ предпріятій. Съ этой точки зрѣнія Академія своими популярными изданіями прошлаго столѣтія приготовила пути для послѣдующихъ дѣятелей, и продолжала этого рода дѣятельность, пока общество не созрѣло настолько, что само могло взяться за дѣло.

Но какъ ни велика была польза, принесенная Академіею русскому просвѣщенію педагогическою и учено-литературною дѣятельностію, однако, гораздо большее значеніе для Россіи имѣли труды Академіи по главной, существенной части ея обязанностей, въ которой заключается настоящее ея назначеніе, и которая состоитъ въ расширеніи предѣловъ человѣческаго знанія и въ обогащеніи науки новыми изслѣдованіями. Исторія почти всѣхъ наукъ въ Россіи начинается только съ учрежденія Академіи; этого мало, въ теченіе долгаго времени вся ученая дѣятельность въ нашемъ отечествѣ сосредоточивалась почти исключительно въ Академіи, изъ которой потомъ, при успѣхахъ общаго образованія и развитія высшихъ учебныхъ заведеній, она постепенно стала распространяться въ болѣе обширныхъ кругахъ общества.

Веселовскій.

Учрежденія, предшествовавшія Россійской Академіи.

Изслѣдованіе и разработка русскаго языка и словесности возлагала на Академію, учреждаемую съ этою цѣлью, выполненіе задачъ, указанныхъ при самомъ ея открытіи и состоявшихъ въ слѣдующемъ: составленіе словаря русскаго языка и русской грамматики, составленіе теоріи прозы и теоріи поэзіи, обогащеніе русской литературы посредствомъ перевода на русскій языкъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражалась увѣренность, что Академія можетъ содѣйствовать изученію памятниковъ литературныхъ въ связи съ историческими, открытію и воспроизведенію письменныхъ памятниковъ отечественной исторіи, уцѣлѣвшихъ отъ древности и разсѣянныхъ по всему лицу русской земли.

Попытка образовать литературное общество съ подобными цѣлями встрѣчается уже въ первые годы существованія Академіи Наукъ. Общество, учрежденное въ 1735 году, называлось Россійскимъ Собраніемъ и даже Россійскою Академіею. Татищевъ († 1750) говоритъ: „Академія Россійская учреждена въ 1735 году для исправленія языка русскаго, сочиненія грамматики и лексиконовъ, на томъ основаніи какъ во Франціи, и оная подчинена президенту Академіи Наукъ“. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой Академіи — Тредьяковскій — свидѣтельствуетъ, что цѣль ея учрежденія — усовершенствованіе русскаго языка, изданіе переводовъ образцовыхъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ и составленіе грамматики, словаря, реторики и піитики. Обращаясь къ своимъ сочленамъ, Тредьяковскій говоритъ: „Сего дождались мы щастія, что и о совершенствѣ россійскаго языка попеченіе воспріемлется. Однако коль ни полезно есть россійскому народу возможное *дополненіе языка*, *чистота, красота* и желаемое его *совершенство*, но мнѣ толь трудно было кажется, что не не страшитъ, уповаю, и васъ трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ, чистомъ *переводѣ степенныхъ, старыхъ и новыхъ, авторовъ,* что и едино и само собою колико проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитеся. Но

и о *грамматикѣ* доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности. Но и о *дикціонаріѣ* полномъ и довольномъ, который въ *имѣющихъ трудиться васъ* еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізуфѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самаго почитай верьха нанизъ его нехотя опускаетъ. Но и о *реторікѣ* и *стіхотворной наукѣ,* что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ". Въ день перваго засѣданія Россійскаго Собранія 14-го марта 1735 года послѣдовало распоряженіе, по которому академическимъ переводчикамъ вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно собираться для исправленія переводовъ; и непремѣнными членами собраній назначены: Тредьяковскій, Ададуровъ и Шлановичъ, какъ видно изъ слѣдующаго документа, уцѣлѣвшаго въ академическомъ архивѣ: „По указу Ея Императорскаго Величества въ Академіи Наукъ приказалъ обрѣтающійся главный командиръ дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ-Корфъ Академіи Наукъ переводчикамъ сходиться въ Академію дважды въ недѣлю — въ среду и въ субботу поутру и послѣ обѣда, и имѣть межъ собою конференцію, *снося и прочитывая все, кто что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи россійскаго языка случающихся переводовъ.* Чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать: секретарю Тредіаковскому, адъюнкту Ададурову и ректору нѣмецкаго языка Шлановичу, а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту и во вся понедѣльники оный предлагать его превосходительству господину камергеру". О дальнѣйшей судьбѣ этого общества сохранилось чрезвычайно мало извѣстій: оно существовало весьма недолго, и въ 1743 году донесено Сенату, что „россійское собраніе разрушилось" и члены его получили другое назначеніе. Впослѣдствіи полагали, что оно погибло при самомъ своемъ рожденіи, вслѣдствіе интригъ со стороны кого-либо въ родѣ Остермана, погубившаго академію ремеслъ въ самомъ ея началѣ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, „немногое число способныхъ сочленовъ, недостатокъ образцовъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателямъ разборчивостію своею", сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ. Оно существовало три года, и мѣсто его послѣ заступилъ *пере-*

воднический департаментъ при Академіи, но и тотъ скоро разстроился, а возобновленъ уже по указу Императрицы Екатерины II въ 1790 году".

Чѣмъ болѣе Россія сбижалась съ умственною жизнію западной Европы, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Екатерина сама трудилась надъ переводами, и желая дать дѣлу правильный ходъ, назначила ежегодно по пяти тысячъ рублей изъ собственной шкатулки; надзоръ за употребленіемъ этой суммы „въ пользу общества" и въ награду переводчикамъ возложила на Козицкаго, графа Владимира Григорьевича Орлова и графа Андрея Петровича Шувалова. Назначеніе это послѣдовало въ октябрѣ 1768 года. Издатели придавали особенную цѣну переводамъ твореній греческихъ и римскихъ писателей, и приглашали вновь переводить тѣ сочиненія, которыя были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностраннаго переложенія. Въ числѣ первыхъ книгъ, выбранныхъ для перевода, были: разсужденіе короля прусскаго о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ, Кандидъ Вольтера, персидскія письма Монтескьё, нѣсколько жизнеописаній изъ Плутарха, нѣсколько статей изъ Энциклопедіи, словарь французской Академіи, для перевода котораго образовалось цѣлое общество, и т. д. Постепенно издаваемы были переводы самаго разнообразнаго содержанія; переводились сочиненія: Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Юлія Цезаря, Овидія, Виргилія, Іосифа Флавія, Торквато Тассо, Локка, Геллерта, Вольтера, Корнеля, Робертсона (исторія Карла V) Ахенвалля (начертаніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ державъ), путешествіе Палласа, путешествіе Гмелина, статьи изъ Бюшинговой географіи, множество статей изъ французской энциклопедіи, и т. д. О дѣятельности переводчиковъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной нами на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ прошлаго столѣтія:

	Напечатано книгъ.	Отдано въ печать.	Переводится.	Выбрано для перевода.	Всего.
1774 г.	85	33	78	63	259
1775 „	105	26	83	59	273
1776 „	121	24	94	57	296
1781 „	154	47	95	17	313

Современники относились не вполнѣ довѣрчиво къ дѣятель-

ности комиссіи, учрежденной для изданія переводовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ говорили съ нѣкоторою гордостью о появленіи на русскомъ языкѣ твореній литературныхъ знаменитостей различныхъ эпохъ и народовъ. „Греческіе, римскіе и новѣйшихъ народовъ писатели — сказано въ одномъ изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій — чтутся на языкѣ нашемъ: Геродотъ, Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій, Цицеронъ, Лукіанъ, Мильтонъ, Робертсонъ, Вольтеръ и проч. Но никакой народъ не отплатилъ столько Греціи за все, чѣмъ она науки снабдила, какъ Россія. Есть-ли слабодушіе потомковъ побѣдителей Фермопильскихъ сдѣлало тщетными покушеніе о ихъ освобожденіи, Екатерина II взяла подъ покровъ свой ихъ потомство: она воспитываетъ ихъ свойственнымъ ей образомъ, просвѣщая ихъ. Училище грековъ, на Невѣ основанное, есть наипріятнѣйшее въ исторіи наукъ достопамятство, прославляющее нашъ вѣкъ, Россію и науки“. Екатерина писала Вольтеру, что ей придется скоро учиться греческому языку въ какомъ нибудь университетѣ, а пока — прибавляетъ она — переводятъ по-русски Гомера, и это что-нибудь да значитъ, въ особенности для начала. Въ списки книгъ, появлявшіеся отъ времени до времени на страницахъ Петербургскихъ Вѣдомостей, включалось обыкновенно общее число всѣхъ изданій комиссіи съ самаго ея учрежденія. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывается, что въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1769—1780) напечатано всего 154 книги и брошюры, считая за отдѣльную книгу каждый выпускъ сочиненія, выходившаго по частямъ. Слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится на каждый годъ не болѣе какъ по 14 книгъ и брошюръ — число не особенно крупное. Но не одна только малочисленность изданій возбуждала въ обществѣ невыгодные толки и нареканія на комиссію. Ее подозрѣвали въ злоупотребленіи денежными средствами, которыми она располагала по собственному произволу. Дашкова прямо обвиняетъ людей, заправлявшихъ дѣломъ, въ томъ, что они клали по своимъ карманамъ деньги, отпускаемыя на переводы, и поэтому она предлагала Екатеринѣ возложить изданіе переводовъ на членовъ Россійской Академіи. Предложеніе Дашковой вполнѣ одобрено Екатериною. Комиссія для переводовъ уничтожена съ основаніемъ Россійской Академіи, въ распоряженіе которой переданы всѣ суммы, принадлежавшія Комиссіи. Въ учредительномъ актѣ сказано: „о потребныхъ сум-

махъ указъ нашъ данъ будетъ, обращая въ число ихъ деньги, положенныя на комиссію для переводовъ, которая нынѣ не нужна будетъ". Передача находившихся въ комиссіи переводовъ въ Академію производилась весьма медленно, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ первые года дѣло о переводахъ было отодвинуто на задній планъ, уступая мѣсто главнѣйшей заботѣ Академіи о составленіи словаря. Въ 1802 году, слѣдовательно спустя почти двадцать лѣтъ послѣ открытія Академіи, бывшій членъ комиссіи, академикъ Лепехинъ представилъ рукописные переводы, оставшіеся отъ временъ комиссіи, въ томъ числѣ: Одиссея Гомера, Родогуна Корнеля въ переводѣ Княжнина, Энхиридіонъ Эразма Ротердамскаго и другіе. Академія рѣшила справиться, не появились ли въ печати переводы этихъ произведеній, и если они напечатаны, то сравнить ихъ съ рукописными.

За двѣнадцать лѣтъ до учрежденія Россійской Академіи составилось при Московскомъ университетѣ учено-литературное общество подъ названіемъ Вольнаго Россійскаго Собранія. Главною цѣлью этого общества, учрежденнаго въ 1771 году, поставлено исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли, признано изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Въ „объявленіи любителямъ россійскаго языка" говорится: „Московскій университетъ, почитая распространеніе наукъ за главный свой предметъ, вознамѣрился для исправленія и обогащенія россійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учедить въ Москвѣ *Вольное Россійское Собраніе*. Исправленіе и совершеніе россійскаго языка имѣетъ составлять особливый предметъ сего собранія, а сочиненіе правильнаго россійскаго словаря по азбукѣ будетъ первый присутствующихъ трудъ. Сочиненія и переводы съ иностранныхъ языковъ на россійскій инако не будутъ напечатаны, какъ по разсмотрѣніи и исправленіи въ семъ собраніи. Сочиненія отъ сего собранія издаваны будутъ о разныхъ вниманія достойныхъ матеріяхъ, касающихся какъ до словесныхъ, такъ и до прочихъ наукъ. Столь обширное владѣніе россійское, состоящее изъ разныхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, можетъ любопытство трудящихся членовъ довольно снабдить рѣдкими и

достойными примѣчанія вещами. Публичныя и приватныя книгъ и писемъ хранилища, содержащія въ себѣ достопамятныя предковъ россійскихъ дѣла, глубокою древностію закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствія общенароднаго и для произведенія въ совершенство россійскія со временъ исторіи". Засѣданія общества, временно закрытыя вслѣдствіе чумы, возобновились по миновании бѣдствія. Общество собирало лѣтописи и другіе историческіе памятники, и — что̀ заслуживаетъ особеннаго вниманія — признало нужнымъ ввести въ словарь мѣстныя особенности русскаго языка, и приступило къ собранію „рѣдкихъ словъ, въ Москвѣ мало извѣстныхъ". Періодическое изданіе общества выходило подъ именемъ „Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія": вышло всего шесть частей и послѣдняя — шестая часть появилась черезъ девять лѣтъ послѣ первой, вышедшей въ 1774 году. Главнымъ изданіемъ Вольнаго Россійскаго Собранія былъ словарь церковно-славянскаго языка — трудъ протоіерея Алексѣева. Многіе члены Вольнаго Россійскаго Собранія вошли въ составъ Россійской Академіи, большею частію при самомъ ея учрежденіи; сама основательница Академіи, княгиня Дашкова, была дѣйствительнымъ членомъ Собранія. Въ члены Россійской Академіи избраны слѣдующіе члены Вольнаго Россійскаго Собранія: Дашкова, Ржевскій, Соймоновъ, Херасковъ, Фонвизинъ, Державинъ, Барсовъ, Княжнинъ, Десницкій, Потемкинъ, протоіерей Алексѣевъ, Мелиссино, епископъ Дамаскинъ, Щербатовъ, архимандритъ Павелъ, Забѣлинъ, Веревкинъ, Нарышкинъ, Д. И. Хвостовъ. Труды Вольнаго Россійскаго Собранія признаны такимъ же важнымъ матеріаломъ при составленіи академическаго словаря, какъ и сочиненія Ломоносова: изъ тѣхъ и другихъ выбирались слова для помѣщенія въ словарь, предпринятый Россійскою Академіею. Прекращеніе дѣятельности Собранія справедливо объясняютъ учежденіемъ Академіи. Послѣдняя часть трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія вышла въ 1783 году, въ которомъ основана Россійская Академія.

Сухомлиновъ.

Основаніе Россійской Академіи.

1783 годъ памятенъ для русской литературы двумя событіями, вызванными потребностями и стремленіями, именно—основаніемъ литературнаго журнала „Собесѣдникъ“ и учрежденіемъ Россійской Академіи. „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ произвелъ замѣтное впечатлѣніе на современниковъ, признавшихъ появленіе этого журнала залогомъ процвѣтанія нашего языка, подобно тому, какъ въ Германіи журналъ Геллерта и Рабенера (Belustigungen des Verstandes und des Herzens) послужилиъ причиною цвѣтущаго состоянія нѣмецкаго языка и словесности. Въ появленіяхъ, помѣщавшихся на страницахъ журнала, выражались надежды, что, при содѣйствіи Собесѣдника, русскій языкъ очистится; значеніе словъ опредѣлится и установится; русскія сочиненія размножатся; разовьется любовь къ русской старинѣ и народности; откинутся несвойственные намъ чужеземные обычаи, и нечувствительно умножится число читающихъ, въ ряду которыхъ появятся даже и женщины. Существенная задача журнала, по собственному признанію издательницы его, княгини Дашковой, состояло въ томъ, чтобы „Россійское слово вычищалось и процвѣтало“.

Та же мысль, выраженная тѣмъ же лицомъ, достигла своего наиболѣе полнаго осуществленія въ основаніи Россійской Академіи. Свидѣтельство Дашковой, какъ лица, ближайшаго къ дѣлу и знавшаго всю его суть, имѣетъ особенное значеніе. По счастью, она довольно подробно говоритъ объ основаніи Россійской Академіи въ запискахъ своихъ, подаренныхъ ею другу ея — Миссъ Уильмотъ, и долго хранившихся въ рукописи. Приводимъ разсказъ Дашковой, относящійся къ 1783 году:

— Однажды я гуляла съ императрицей въ садахъ Царскаго Села, и зашелъ разговоръ о красотѣ, о богатствѣ русскаго языка; я выразила нѣкоторое удивленіе, что ея величество, могущая хорошо оцѣнить достоинство языка и сама будучи писателемъ, никогда не подумала объ основаніи русской академіи. Я замѣтила, что ничего болѣе не нужно кромѣ правилъ и хорошаго словаря, чтобы нашъ языкъ вполнѣ освободился отъ иностранныхъ словъ и фразъ, которыя такъ много уступаютъ нашимъ собственнымъ въ выразительности и силѣ, и которыя такъ нелѣпо въ него введены.

— Я право не знаю — возразила ея величество — какъ могло случиться, что мысль эта еще не приведена въ исполненіе, несмотря на мои приказанія.

— Это поистинѣ удивительно — сказала я — потому что ничего не можетъ быть легче, какъ исполнить такое намѣреніе. Можно найти много различныхъ образцовъ, и вамъ остается только выбрать изъ нихъ самый лучшій.

— Не доставите ли вы мнѣ, княгиня — отвѣчала императрица — очеркъ одного изъ нихъ.

— Было бы лучше — возразила я — если бы вы приказали одному изъ вашихъ секретарей представить вамъ планъ французской, берлинской и нѣсколькихъ другихъ академій съ замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыя наиболѣе примѣнимы къ духу и обычаямъ вашего народа.

— Повторяю свою просьбу, — сказала императрица — примите на себя этотъ трудъ, потому что при вашемъ усердіи и дѣятельности я могу быть увѣрена въ исполненіи дѣла, которое, сознаю это со стыдомъ, черезчуръ долго залежалось.

— Трудъ весьма незначительный, государыня, и я постараюсь исполнить вашу волю со всевозможною скоростью, но у меня нѣтъ подъ рукою нужныхъ для этого книгъ, и я снова позволяю себѣ увѣрить ваше величество, что любой изъ вашихъ секретарей исполнилъ бы это порученіе лучше меня.

— Такъ какъ, несмотря на это, ея величество выразила противоположное мнѣніе, то я сочла безполезнымъ предлагать дальнѣйшія возраженія.

— Воротившись домой вечеромъ, я стала обдумывать, какъ бы лучше исполнить ея приказаніе, и прежде, чѣмъ легла спать, набросала нѣчто въ родѣ плана, который, какъ я полагала, могъ дать нѣкоторое понятіе объ имѣющемся въ виду учрежденіи. Я отослала этотъ планъ императрицѣ — въ дѣйствительности болѣе для того, чтобы исполнить ея желаніе, нежели съ серьезною мыслью представить планъ, достойный ея выбора и одобрѣнія. Поэтому, можно себѣ представить мое удивленіе, когда этотъ несовершенный, наскоро задуманный, неоформенный очеркъ я получила обратно изъ рукъ ея величества со всѣми формальностями офиціальнаго акта, утвержденнаго подписью императрицы и сопровождаемаго указомъ о назначеніи меня президентомъ зарождающейся академіи. Въ то же время я узнала, что копія съ этого указа сообщена сенату.

Въ виду такой необычайной поспѣшности въ составленіи плана, Дашкова сочла нужнымъ въ рѣчи своей при открытіи академіи обратить вниманіе своихъ сочленовъ на несовершенство составленнаго ею „доклада“. Въ оправданіе себя она приводитъ, во-первыхъ, то, что привыкла съ безпредѣльною довѣренностью представлять государынѣ хотя и несовершенныя, но чистыя свои намѣренія; во-вторыхъ то, что она не считала себя въ силахъ основать такое важное учрежденіе.

Подъ именемъ „доклада“ Дашкова разумѣетъ здѣсь составленный ею планъ академіи; самый же докладъ состоитъ изъ общихъ мѣстъ, обязательныхъ въ подобныхъ случаяхъ, и напоминаетъ собою торжественныя восхваленія временъ Анны Іоанновны. Въ рѣчи при открытіи Россійскаго собранія Тредьяковскій въ такихъ выраженіяхъ говоритъ о доблестяхъ Анны Іоанновны: „Поистинѣ дѣйствія и добродѣтели увѣнчанныя сея героини толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что ни самый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, найти не можетъ. И сего то ради нынѣ должность сія вамъ вручается, чтобы, поскольку возможно, въ совершенство приводить нашъ языкъ и чрезъ то бъ имѣть хотя малое средство къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей государыни нашея“. Не то же ли самое говоритъ и Дашкова въ своемъ докладѣ: „Никогда не были столько нужны для другихъ народовъ обогащеніе и чистота языка, сколько стали оныя необходимы для насъ. Намъ нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣмъ и каждому чувствованій благодарности за монаршія благодѣянія, толико же доселѣ невѣдомыя, сколь неисчетныя; для начертанія оныхъ на вѣчныя времена съ тою же силою, какъ онѣ въ сердцахъ нашихъ, и съ тою красотою, какъ ощущаемы въ счастливый вѣкъ Вторыя Екатерины“.

Докладъ представленъ въ августѣ 1783 года (число не выставлено), а 30 сентября 1783 года послѣдовалъ указъ объ учрежденіи Россійской Академіи: предсѣдателемъ назначена Дашкова, и учрежденъ составленный ею планъ или „краткое начертаніе императорской Россійской Академіи“.

При всей краткости этого плана или устава въ немъ ясно и опредѣленно указана задача Академіи. Россійская Академія — гласитъ уставъ — должна имѣть предметомъ своимъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употре-

бленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этого предмета должно составить русскую грамматику, русскій словарь, реторику и правила стихотворства. Какъ такого рода книги не могутъ быть сочинены однимъ человѣкомъ, то и нужно общество. Но какъ подобныя общества доселѣ не могли существовать или по недостатку средствъ или по несогласію членовъ, то Академія должна зависѣть отъ высшей власти, упрочивающей ея существованіе и дѣятельность. Въ рѣчи своей Дашкова расширяетъ предѣлы академическаго устава, говоря, что вмѣстѣ съ составленіемъ грамматики и словаря академики должны заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣковѣчить въ произведеніяхъ слова знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Но слова Дашковой выражали только pium desiderium, подобно приведенному выше заявленію вольнаго Россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ Дашковой въ дѣлахъ академическихъ, непремѣнный секретарь Академіи Лепехинъ, такъ опредѣляетъ цѣль Россійской Академіи: „ей предлежало возвеличить россійское слово, собрать оное въ единый составъ, показать его пространство, обиліе и красоту, постановить ему непреложныя правила, явить краткость и знаменательность его изреченій, и изыскать глубочайшую его древность“.

Для достиженія цѣли, съ которою учреждена Академія, необходимо было заручиться содѣйствіемъ лицъ, готовыхъ положить трудъ свой на общее дѣло и одушевленныхъ любовью къ родному языку и словесности. Поэтому выборъ сочленовъ былъ первою заботою энергическаго предсѣдателя академіи. Писатели, составлявшіе красу и гордость тогдашней литературы, заняли по праву мѣста въ Академіи русскаго языка и словесности. Къ участію въ трудахъ ея призваны и нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ того времени, преимущественно члены петербургской Академіи Наукъ и профессора Московскаго университета. Въ числѣ членовъ Россійской Академіи были и представители высшаго круга русскаго образованнаго общества, заявившіе такъ или иначе свое сочувствіе къ литературѣ и наукѣ. Наконецъ, для болѣе успѣшнаго хода предпринятыхъ работъ задумано учрежденіе разсадника молодыхъ силъ, готовящихся къ исполненію академическихъ обязанностей.

На основаніи учредительнаго акта, общее число членовъ не должно превышать шестидесяти, а на первый разъ должно быть выбрано не менѣе тридцати пяти, изъ „извѣстныхъ людей, знающихъ россійскій языкъ“. При открытіи Академіи, въ первомъ и торжественномъ засѣданіи ея, происходившемъ 21 октября 1783 года, провозглашены многія лица членами Академіи. Въ числѣ ихъ находились и писатели — художники, и ученые спеціалисты, и лица, которыя были собственно почетными членами, и если не назывались этимъ именемъ, то только потому, что въ первоначальномъ уставѣ Россійской Академіи не сдѣлано было различія между дѣйствительными и почетными членами.

При избраніи академиковъ не было въ обычаѣ сообщать подробныя свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ предлагаемаго кандидата. Въ протоколѣ Академіи заносился самый фактъ избранія, и только изрѣдка встрѣчаются замѣтки, и то самыя краткія и общія, о томъ, на какомъ основаніи избрано въ академики то или другое лицо. Избирая Нарышкина, Академія „отдавала справедливость его дарованіямъ, отличному знанію языка отечественнаго и трудамъ, употребленнымъ на тотъ предметъ, коимъ Академія наипаче занимается“. Д. И. Хвостовъ и Мальгинъ избраны въ академики „по извѣстному ихъ знанію нашего отечественнаго языка“; Иноходцевъ — „по извѣстному его знанію россійскаго слова“; Захаровъ — потому, что „его знаніе и упражненіе въ россійскомъ словѣ въ преложеніи его похожденія Телемака доказано“; епископъ Иринѣй — „по извѣстному его отличному знанію и любленію россійскаго слова“; архимандрита Анастасія избрали „какъ мужа, въ россійской словесности съ похвалою знаемаго“, и т. п.

Число членовъ Россійской Академіи возрастало съ каждымъ годомъ, а первое время почти съ каждымъ засѣданіемъ. Въ 1787 и 1794 годахъ оно достигало опредѣленной уставомъ нормы — шестидесяти; обыкновенное же число академиковъ простиралось отъ 56 до 59. Въ теченіе всего перваго періода, обнимающаго собою четырнадцать лѣтъ, съ 1783 по 1796 годъ, всѣхъ членовъ Россійской Аакадеміи было 78; изъ нихъ 24 умерли въ продолженіе этого періода.

Сухомлиновъ.

Княгиня Дашкова, какъ директоръ Россійской Академіи.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) родилась въ Петербургѣ; императрица Елизавета Петровна была ея крестною матерью, а наслѣдникъ престола, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ ея крестнымъ отцомъ. Воспитывалась она въ домѣ своего дяди по отцу, государственнаго канцлера Михаила Иларіоновича Воронцова. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни Дашкова пристрастилась къ чтенію; любимыми писателями ея были: Бейль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ; кромѣ библіотеки дяди, ее снабжалъ книгами Ив. Ив. Шуваловъ, получавшій изъ Франціи всѣ литературныя новости; да и собственная ея библіотека простиралась до девяти сотъ томовъ: драгоцѣнными пріобрѣтеніями Дашкова считала Энциклопедію и Лексиконъ Морери. Дальнѣйшее образованіе и умственное развитіе Дашковой происходило при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Она имѣла возможность проводить цѣлые года за границею въ избранномъ кругу ученыхъ и писателей разныхъ странъ и народовъ: Робертсона и Адама въ Шотландіи, Дидро во Франціи, Вольтера въ Швейцаріи и т. д.

Литературная дѣятельность Дашковой состояла преимущественно въ сотрудничествѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ второй половины восемнадцатаго столѣтія и самаго начала девятнадцатаго. Журналы, въ которыхъ помѣщались ея произведенія, оригинальныя и переводныя, были слѣдующіе: Невинное Упражненіе, Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія, Другъ Просвѣщенія, Русскій Вѣстникъ.

Литературныя занятія Дашковой начались съ первыхъ поръ ея знакомства съ русскимъ языкомъ. По ея собственному признанію, до выхода замужъ она очень плохо говорила по-русски, а какъ родня ея мужа не жаловала иноземщины, и свекровь ея не говорила ни на какомъ иностранномъ языкѣ, то Дашкова ревностно принялась за изученіе русскаго языка, и оказала въ немъ такіе быстрые и блестящіе успѣхи, что заслужила единодушное одобреніе отъ своихъ московскихъ

родственниковъ. Она писала въ стихахъ и въ прозѣ, сочиняла комедіи и разсужденія. Изъ безцвѣтныхъ мадригаловъ, надписей и другихъ стихотворныхъ бездѣлокъ того времени, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, выдѣляются нѣкоторыя стихотворенія Дашковой въ родѣ слѣдующаго четверостишія.

Что есть всему Творецъ — сомнѣнья не имѣю:
Мнѣ сердце говоритъ о немъ;
Но иначе любить я Бога не умѣю
Какъ только въ ближнемъ лишь своемъ.

Эти стихи — говоритъ Дашкова — „сердечныя и умственныя убѣжденія перу моему диктовали“...

Дашкова любила писать стихи, и современные ей цѣнители и судьи съ большою похвалою отзывались о произведеніяхъ ея стихотворческаго таланта. Она перевела стихами изъ Лукана, съ французскаго перевода Бребефа, рѣчь Катона, и знатоки латинскаго языка увѣряли Дашкову, что переводъ ея ближе къ подлинному, нежели переводъ Бребефа, помѣщенный Вольтеромъ въ его разсужденіи объ эпической поэзіи...

Въ статьяхъ Дашковой, касающихся вопросовъ общественной жизни, выражается преобладающее направленіе мыслящихъ людей ея времени. Въ основѣ понятій своихъ о призваніи русскаго писателя и требованіяхъ умственной и общественной жизни Дашкова сходилась съ воззрѣніями Новикова, Болтина, Щербатова и другихъ замѣчательныхъ ея современниковъ. Недовольство настоящимъ естественно ведетъ къ сочувствію къ прошедшему, вытѣсненному настоящимъ; и также естественно и въ природѣ человѣка — нѣсколько преувеличивать и присущее зло и давно минувшее добро. Это психологическое условіе нельзя терять изъ виду при оцѣнкѣ образа мыслей того или другого писателя, ибо нерѣдко увлеченіе писателя доказываетъ отнюдь не его умственную близорукость, а, напротивъ, того, — его живое отношеніе къ дѣлу, является протестомъ противъ окружающей его неправды. Тотъ же самый Новиковъ издавалъ и сатирическіе журналы и памятники русской старины, и оба изданія вызваны были одною и тою же цѣлью — пробудить въ русскомъ обществѣ самосознаніе, уваженье къ своей странѣ, къ своему народу, къ умственному и нравственному достоинству человѣка. И у Дашко-

вой сочувствіе къ доброму старому времени находилось въ живой связи съ сознаніемъ недостатковъ настоящаго и съ разумнымъ стремленіемъ къ лучшему. Не представляя прошлаго исключительно въ розовомъ свѣтѣ, Дашкова отдаетъ преимущество старинному быту въ томъ отношеніи, что главнымъ врагомъ добра и истины было тогда одно невѣжество, а теперь — нравственная испорченность: а „неуча — говорила она — научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить". Степень умственнаго и нравственнаго развитія общества особенно ясно опредѣляется господствующими понятіями о воспитаніи. Въ этомъ отношеніи въ исторіи нашего общественнаго развитія Дашкова указываетъ четыре періода, соотвѣтствующіе четыремъ поколѣніямъ, представители которыхъ: прадѣды наши, дѣды, отцы и, наконецъ, дѣти, т. е. поколѣніе, современное автору.

Прадѣды наши называли воспитаніемъ то, когда выучатъ дѣтей своихъ псалтири и считать по счетамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они научали ихъ повиноваться закону и свято хранить данное слово или обѣщаніе. Нельзя однакоже назвать этого *воспитаніемъ*, потому что они не имѣли понятія о *естественномъ правѣ*, и въ невѣдѣніи своемъ могли быть суровыми отцами и мужьями и жестокими въ отношеніи рабовъ.

Дѣды наши понимали воспитаніе нѣсколько иначе. Жалкое состояніе правосудія заставило ихъ учить дѣтей своихъ уложенію, за которымъ слѣдовало чтеніе воинскаго артикула и сказки о Бовѣ королевичѣ; иные не брезгали и ариѳметикой. Само собою разумѣется, что все это не заслуживаетъ названія воспитанія; но хорошая, хотя и отрицательная, сторона тогдашнихъ нравовъ заключалось въ томъ, что русскіе еще не стыдились быть *русскими*.

Отцы наши старались воспитывать насъ именно такимъ образомъ, чтобы мы перестали быть русскими. Орудіемъ къ этому служили французы и француженки, учителя, бывшіе лакеями, и мадамы сомнительный нравственности. Знатные господа увѣряли, что просвѣщеніе водворилось въ нашемъ отечествѣ, и доказывали это тѣмъ, что у насъ завелись marchandes de mode, французскіе обойщики, швейцары и лотереи, но отнюдь не въ пользу бѣдныхъ или больныхъ. Такое воспитаніе не только безполезно, но положительно вредно, подрывая любовь къ отечеству и нравственныя основы семейной и общественной жизни.

Воспитаніе, которое мы даемъ своимъ дѣтямъ, еще болѣе удаляется отъ истиннаго смысла слова *воспитаніе*. Къ учителямъ — французамъ прибавилось теперь новое зло — путешествіе за границей безъ всякой разумной цѣли: предаваясь праздности, роскоши и всевозможнымъ порокамъ въ Парижѣ или въ Стразбургѣ, путешественники возвращаются на родину съ истощеннымъ тѣломъ, съ истощеннымъ смысломъ и кошелькомъ. Такое воспитаніе отзывается гибельными послѣдствіями на семейной жизни. Отъ браковъ уклоняются какъ люди достойные, такъ и люди легкомысленные: первые потому, чтобы не взять за модной женой множества неоплатныхъ долговъ; вторые, которыхъ Дашкова называетъ *парижскими россіянами,* не женятся потому, что c'est du bonton быть холостымъ, и чтобы не увеличивать затрудненій, которыми они и безъ того обременены, увертываясь и обманывая своихъ кредиторовъ.

Воспитаніе раньше начинается и позднѣе оканчивается, нежели обыкновенно думаютъ. Оно состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное *воспитаніе* заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одно цѣлое, начала: воспитаніе *физическое, нравственное* и, наконецъ, *школьное, или классическое.*

Подобнымъ же образомъ опредѣляется слово воспитаніе и въ академическомъ словарѣ: „*воспитываю* — пекуся, прилагаю стараніе о наученіи, наставленіи дѣтей касательно упражненія *разума,* упражненія *тѣлеснаго,* а *наипаче добронравія; воспитаніе* — стараніе, пріемлемое кѣмъ-либо въ разсужденіи наставленія, наученія дѣтей нужнымъ знаніямъ, добронравію и проч“.

Школьное, или классическое, воспитаніе требуетъ, по понятію Дашковой, прежде всего изученія отечественнаго языка; древніе языки также должны быть изучаемы съ тою цѣлью, чтобы заимствовать высокія мысли и красоты изъ греческихъ и римскихъ писателей; для сношенія съ иностранцами надо знать языки нѣмецкій, англійскій или французскій; необходима также ариѳметика. Затѣмъ Дашкова исчисляетъ предметы, входящіе въ составъ испытанія для полученія ученой степени (magister artium) въ Эдинбургскомъ университетѣ.

Чувство народнаго самосознанія, одушевлявшее лучшихъ

людей восьмнадцатаго вѣка, пробудилось съ новою силою въ нашей литературѣ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія отчасти вслѣдствіе политическихъ событій. Главнѣйшая наука для человѣка — говорили писатели — заключается въ познаніи себя, а для гражданина — въ познаніи своего отечества: изучая его правдиво и всесторонне, русскіе обогатятся своимъ роднымъ добромъ, а не чужимъ и не заимствованнымъ. Цѣль, съ которою предпринято изданіе Русскаго Вѣстника, соотвѣтствовала настроенію тогдашняго общества. На призывъ издателя откликнулась Дашкова: она услышала знакомые звуки, въ душѣ ея ожили преданія ея вѣка. Въ статьѣ своей она возстаетъ противъ безумнаго презрѣнія къ своему и слѣпого подражанія иноземщинѣ. Сочувствіе свое къ новому журналу она объясняетъ тѣмъ, что увидѣла въ немъ и любовь къ Россіи и любовь къ русскому языку. Читая первую книжку Русскаго Вѣстника, она говорила сама себѣ: „есть еще русскіе писатели, любящіе свое отечество и знающіе цѣну, плѣнительную нѣжность, богатство и силу прародительскаго нашего языка...“

Принявъ въ свои руки управленіе Академіею Наукъ, Дашкова сразу дала почувствовать окружающимъ, что они имѣютъ дѣло съ „бабой-мужикомъ“, какъ называлъ Державинъ сподвижницу Екатерины, обладавшую неженской силой воли и характера.

24 января 1783 года послѣдовалъ именной указъ Сенату о томъ, что „дирекція надъ С.-Петербургской Академіею Наукъ препоручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой“.

Въ первой рѣчи своей, обращенной къ академикамъ, Дашкова выразила надежду, что свѣтъ наукъ, пустившихъ глубокіе корни, распространится изъ Академіи по всему отечеству: „науки не будутъ уже водворяться въ семъ единомъ обиталищѣ, но, присвоены будучи всему отечеству и вкоренившись, процвѣтать будутъ“.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для достиженія просвѣтительной цѣли Дашкова считала открытіе публичныхъ курсовъ. Она пригласила русскихъ академиковъ и адъюнктовъ избрать предметы для лекцій, и благодаря разумному содѣйствію ежегодно, въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, читались на русскомъ языкѣ публичные курсы по нѣсколькимъ предметамъ. Общество обнаружило большое сочувствіе къ этимъ

чтеніямъ, доказательствомъ чему служитъ быстро возраставшее число слушателей, достигшее такихъ размѣровъ, что въ залѣ не доставало мѣста для всѣхъ желающихъ посѣщать академическіе курсы. Дашкова, принимая живое участіе въ чтеніяхъ, открытыхъ по ея мысли, предлагала въ нихъ тѣ или другія измѣненія и снабжала аудиторіи необходимыми научными пособіями.

Стараясь возбуждать и поддерживать ученую и литературную дѣятельность на пользу Россіи, Дашкова заботилась о снаряженіи ученыхъ экспедицій въ различные края Россіи и предприняла нѣсколько періодическихъ изданій. Во время ея директорства стали выходить при Академіи Наукъ: Собесѣдникъ любителей россійскаго слова и Новыя ежемѣсячныя сочиненія, а также начата новая серія академическихъ мемуаровъ подъ названіемъ: Nova acta academiae scientiarum petropolitanae. Рядъ ученыхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ „Новыхъ актахъ“, начинается съ 1783 года, и въ предисловіи къ первому тому заявлено, что для обновленія ученаго изданія нельзя было найти лучшаго времени, какъ знаменательный 1783 годъ, въ которомъ „во главѣ Академіи является лицо, возбуждающее удивленіе литературнаго міра своею образованностью и своею ревностью къ распространенію полезныхъ знаній“. Съ именемъ Дашковой связано появленіе изданій, имѣющихъ неоспоримую цѣну въ наукѣ и литературѣ, и послужившихъ признакомъ лучшей поры, наступившей для многихъ сторонъ академической дѣятельности.

Принимая непосредственное участіе въ періодической печати, внося въ нее свои литературные вклады, Дашкова слѣдила за впечатлѣніемъ, которое производили статьи, помѣщаемыя въ академическихъ изданіяхъ...

Прислушиваясь къ говору общества, Дашкова поручила академикамъ внимательно разсмотрѣть помѣщенную въ „Новыхъ актахъ“ статью Зуева, заключающую въ себѣ описаніе двухъ экземпляровъ муренъ, и немедленно исключить ее изъ академическаго изданія, если невыгодные отзывы о ней окажутся справедливыми. Академики единогласно заявили, что статья Зуева, не заключая въ себѣ ничего противнаго научнымъ требованіямъ, должна сохранить свое мѣсто на страницахъ ученаго изданія. При извѣстіи о смерти Зуева Академія снова подтвердила, что *всѣ* мемуары его свидѣтельствуютъ о его

обширныхъ познаніяхъ: въ словѣ *всѣ* заключается намекъ на гоненія, которымъ подвергался Зуевъ въ послѣдніе года своей жизни.

Выходка противъ мемуара Зуева идетъ въ разрѣзъ съ обыкновеннымъ образомъ дѣйствій Дашковой, неоднократно увѣрявшей и устно и письменно, что она уважаетъ права спеціальности и не позволитъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ ученые труды и изданія. Она даже сдѣлала видъ, что вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ академиковъ, признавшихъ нужнымъ исключить изъ печатаемаго очерка многословныя восхваленія построеннаго ею академическаго зданія. На самомъ же дѣлѣ, она была въ высшей степени чувствительна ко всякаго рода похвалѣ и писала конференціи, что никогда не забудетъ тѣхъ лестныхъ отзывовъ, которые многіе изъ академиковъ сдѣлали о ней въ ученомъ собраніи. Но, будучи самолюбива и тщеславна, Дашкова умѣла щадить самолюбіе другихъ, и не давала младшихъ членовъ ученой корпораціи въ обиду старшимъ и вліятельнымъ.

Въ академической конференціи состоялось постановленіе, чтобы адъюнкты представляли труды свои предварительно на судъ спеціалиста-профессора и только по его одобреніи вносили ихъ въ общее собраніе. Дашкова рѣшительно воспротивилась этому, считая подобную мѣру нарушеніемъ правъ ученаго, оскорбительною для него опекою, стѣсняющею необходимую для науки свободу. Слава — говоритъ она — часто бываетъ единственною наградою для труженика науки: зачѣмъ же посягать на его достояніе? Пусть всѣ узнаютъ о его открытіи, и оцѣнятъ оное по справедливости; если же какое-либо научное открытіе сообщено будетъ въ мемуарѣ адъюнкта, прошедшемъ черезъ руки профессора, то весьма возможно предположеніе о постороннемъ участіи, умаляющемъ заслугу автора, въ особенности если молодой ученый успѣлъ нажить себѣ завистливыхъ недоброжелателей.

Равноправность, требуемая Дашковою въ вопросахъ чисто научныхъ, была наблюдаема, въ большей или меньшой степени, и въ академической жизни вообще. Несмотря на нѣкоторыя увлеченія, Дашкова обнаружила много такта въ сношеніяхъ своихъ съ академиками. Она знала, кому и какъ выразить свое вниманіе и уваженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла сдерживать заносчивыя выходки людей, добивавшихся почета

не по ученымъ заслугамъ, а по своимъ чинамъ и внѣшнимъ отличіямъ. Впервые вступая въ Академію Наукъ въ званіи ея директора, Дашкова явилась въ академическое собраніе въ сопровожденіи знаменитаго Эйлера, и когда тщеславный Штелинъ по праву статскаго совѣтника занялъ первое мѣсто, Дашкова, обратясь къ Эйлеру, сказала: „садитесь, гдѣ вамъ угодно: мѣсто, которое *вы* займете, будетъ всегда *первымъ*“.

Вникая во всѣ подробности академической жизни и въ отношенія ея къ обществу, Дашкова не оставалась равнодушной даже къ слухамъ, ходившимъ по городу, и стараясь разоблачать ихъ, прибѣгала иногда къ пріемамъ весьма оригинальнымъ. Въ одномъ изъ академическихъ собраній она сообщила черезъ непремѣннаго секретаря, что Палласъ распускаетъ по городу слухъ, будто бы академики недовольны своимъ директоромъ, и потребовала, чтобы каждый изъ нихъ прямо и открыто объявилъ, доволенъ ли онъ ею, или нѣтъ. Почти всѣ академики заявили, что они не имѣютъ ни малѣйшаго повода жаловаться на Дашкову, управленіе которой находятъ какъ нельзя болѣе благопріятнымъ и для нихъ лично и для развитія наукъ вообще. Въ лагерѣ недовольныхъ оказалось только двое — Лексель и Палласъ, выразившіе готовность изложить свои доводы не только устно, но и письменно. У Лекселя были чисто личныя причины къ неудовольствію. Палласъ же возставалъ всего болѣе противъ удаленія адъюнкта Зуева, и видѣлъ въ этомъ поступкѣ Дашковой оскорбленіе всей ученой корпораціи и произволъ власти, для котораго нельзя найти оправданія. Дашкова исключила Зуева изъ академіи на томъ основаніи, что онъ не исполнялъ лежащихъ на немъ обязанностей, занимаясь посторонними дѣлами и въ теченіе двухъ лѣтъ не представлялъ отчета о своемъ путешествіи. Палласъ предлагалъ баллотировать вопросъ: исполнялъ ли свои обязанности удаленный Дашковой членъ Академіи, но это предложеніе отвергнуто большинствомъ. Въ свою очередь Дашкова не жаловала Палласа, который былъ вхожъ ко двору и участвовалъ въ изданіи сравнительнаго словаря, Екатерины. Дашкова насмѣшливо говоритъ объ этомъ словарѣ, называя его компиляціей Палласа, который, по ея словамъ, желая польстить литературному самолюбію Екатерины, истратилъ огромныя суммы на изданіе своей компиляціи и на разсылку гонцовъ въ отдаленные края, чтобы поймать на лету нѣсколько словъ

на разныхъ языкахъ. Неудовольствіе на Палласа, сдерживаемое его громкой извѣстностью въ ученомъ мірѣ и близостью ко двору, обрушилось со всею силою на его адъюнкта — Зуева. Впрочемъ, Дашкова упорствовала недолго: уступая единодушному ходатайству академиковъ, она согласилась отмѣнить свое рѣшеніе касательно Зуева. Преслѣдованіе ученаго изъ личной ненависти и мести бросаетъ невыгодный свѣтъ на лицо, въ рукахъ котораго была власть. Но надо замѣтить, что подобныя вспышки самоуправства проявлялись у Дашковой весьма рѣдко и исчезали довольно скоро. Самая среда дѣйствовала благотворно: общество ученыхъ, жившихъ и трудившихся для науки, не давая пищи для интригъ, указывало честолюбію Дашковой цѣль болѣе высокую — завидную роль просвѣтительницы русскаго общества. Дашкова въ средѣ ученыхъ академиковъ и Дашкова въ придворномъ кругу — два совершенно разныя лица.

Удаленіе члена академіи представляется исключительнымъ случаемъ, и заботы Дашковой направлены были къ тому, чтобы не уменьшать, а увеличивать число дѣйствительно достойныхъ и полезныхъ тружениковъ. Нѣкоторые изъ русскихъ академиковъ, составившіе себѣ почетную извѣстность своими трудами, призваны были къ ученой дѣятельности Дашковою. Она избрала изъ питомцевъ академіи (élèves académiques) нѣсколькихъ молодыхъ людей, отличавшихся своею даровитостью, въ томъ числѣ Севергина, и послала ихъ въ Геттингенскій университетъ для окончательнаго образованія. Не полагаясь безусловно на свой личный выборъ, она поручила провѣрить его академику Лепехину. Поддержанные и руководимые совѣтами Лепехина, они выбрали спеціальные предметы для изученія: Севергинъ — минералогію, Павловъ — астрономію, Кононовъ — физику, Захаровъ — химію. Академія Наукъ напутствовала ихъ инструкціею, и они обязаны были представлять Академіи отчеты о своихъ занятіяхъ. Отзывы иностранныхъ профессоровъ о ихъ русскихъ ученикахъ были самые лестные и притомъ вполнѣ заслуженные. Послѣдующая дѣятельность возвратившихся въ отечество питомцевъ академической гимназіи какъ нельзя болѣе оправдала счастливый выборъ Дашковой.

Разсадникъ молодыхъ силъ — академическая гимназія всегда была предметомъ заботливости Дашковой. Въ теченіе одиннад-

цати лѣтъ ея директорства много полезныхъ для Россіи дѣятелей вышло изъ этого заведенія, и изъ всей массы учащихся умеръ только одинъ. Заботясь о матеріальномъ благосостояніи гимназіи, Дашкова испросила разрѣшеніе внести сбереженныя ею сорокъ тысячъ рублей въ государственный банкъ съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты употреблялись на увеличеніе и улучшеніе академической гимназіи. Умѣнье Дашковой распоряжаться матеріальными средствами видно изъ того, что она сберегла болѣе полумильона академическихъ суммъ и уплатила лежавшіе на Академіи долги: при прежнихъ порядкахъ Академія Наукъ задолжала многимъ книгопродавцамъ — русскимъ, французскимъ и галландскимъ; Дашкова выплатила этотъ долгъ безъ пособія правительства, а посредствомъ продажи книгъ, изданныхъ Академіею, тридцатью процентами ниже обыкновенной цѣны, и т. п.

Съ цѣлью доставить русскому обществу возможность читать на родномъ языкѣ произведенія иностранныхъ литературъ и публицистики, Дашкова основала учрежденіе, въ составъ котораго вошли преимущественно бывшіе воспитанники академической гимназіи, принявшіе на себя обязанность заниматься переводами съ иностранныхъ языковъ подъ руководствомъ Протасова. Это и есть тотъ „Переводческій департаментъ“, который, по свидѣтельству митрополита Евгенія, замѣнилъ собою „Собраніе переводчиковъ“ или „Россійское собраніе“ при Академіи Наукъ. Въ прежнія времена политическія извѣстія заимствовались изъ иностранныхъ источниковъ людьми неподготовленными, чуждыми не только политической, но и какой бы то ни было образованности; Дашкова сдѣлала распоряженіе, чтобы всѣ иностранныя газеты отсылались къ академику Протасову, и чтобы все, касающееся политики, переводилось изъ нихъ по его выбору и подъ его руководствомъ и т. д.

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку всѣхъ дѣйствій и предпріятій Дашковой, замѣтимъ, что каковы бы ни были сужденія о ней, какъ о человѣкѣ, ея неутомимая заботливость о ввѣренномъ ей ученомъ учрежденіи пріобрѣла ей неотъемлемое право на видное мѣсто въ исторіи Академіи Наукъ.

Такую же энергію и дѣятельность обнаружила Дашкова и въ управленіи учрежденною по ея мысли Россійской Акаде-

міею. Во многихъ отношеніяхъ лучшею порою для Россійской Академіи было то время, когда во главѣ ея находилась Дашкова. Все, что относится ко внутренней жизни Академіи и къ ея внѣшней обстановки, было близко сердцу Дашковой, не щадившей ни времени ни труда, чтобы довести свое созданіе до возможной степени совершенства. Въ личной дѣятельности Дашковой заключалось созидающее и оживляющее начало, проявлявшееся въ первомъ періодѣ Академіи — въ работахъ и предпріятіяхъ членовъ, въ предметѣ и характерѣ ученыхъ собраній. Самою ревностною посѣтительницею академическихъ собраній была Дашкова. Только болѣзнь и преимущественно отсутствіе изъ Петербурга лишали ее возможности являться въ Академію. Но и во время своего отсутствія она не переставала принимать живое и дѣйствительное участіе въ академическихъ дѣлахъ: продолжала работать для словаря, дѣлала различныя заявленія черезъ посредство непремѣннаго секретаря Академіи и т. п. При избраніи новыхъ лицъ въ члены Россійской Академіи Дашкова свидѣтельствовала передъ собраніемъ о ихъ заслугахъ. Огромное большинство академиковъ избрано по ея предложенію; по ея же мысли возникъ разсадникъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя ученой дѣятельности. Избравъ сочленовъ, Дашкова распредѣляла между ними занятія, неутомимо слѣдила за ходомъ ученыхъ работъ, подвергала ихъ внимательному разсмотрѣнію въ академическихъ собраніяхъ, привѣтствовала каждую счастливую мысль и горячо спорила противъ мнѣнія, которое признавала несправедливымъ. При оспариваніи чужихъ мнѣній она иногда впадала въ крайность, обнаруживала излишнюю настойчивость и нетерпимость. Дашкова умѣла ставить вопросы, возбуждала оживленныя пренія, призывала сочленовъ къ изслѣдованію различныхъ сторонъ въ области занимающаго ихъ предмета и руководила научными работами. Не ограничиваясь ролью руководительницы, Дашкова принесла Академіи и весьма значительную долю своего личнаго труда, работая сама надъ рѣшеніемъ вопросовъ и выполненіемъ предпріятій, возникавшихъ въ ученомъ кругу Академіи. Въ управленіи Россійской Академіей, въ сношеніяхъ съ ея членами, въ академической жизни вообще Дашкова обнаружила много ума, таланта, энергіи и уваженія къ наукѣ и къ человѣческому достоинству.

Сказанное нами о Дашковой, какъ о членѣ и предсѣдателѣ

Россійской Академіи, не заключаетъ въ себѣ ни одной произвольной черты и подтверждается многочисленными данными, находящимися въ рукописяхъ академическаго архива. На основаніи архивныхъ матеріаловъ составлены нами и статистическія указанія для болѣе точнаго опредѣленія сообщаемыхъ фактовъ.

Въ теченіе всего времени предсѣдательства Дашковой происходило въ Россійской Академіи 364 собранія: изъ общаго числа 364 Дашкова присутствовала въ 263 собраніяхъ, и если она не могла быть во всѣхъ академическихъ засѣданіяхъ безъ исключенія, то, главнымъ образомъ, потому, что неоднократно и надолго уѣзжала изъ Петербурга. Но мысль и трудъ ея не покидали Академіи и во время разлуки съ нею.

Около половины членовъ Россійской Академіи вошли въ составъ Академіи до открытія ея собраній, слѣдовательно выборъ ихъ исключительно зависѣлъ отъ Дашковой. Изъ остальныхъ членовъ 16 предложены Дашковою и 6 ею же вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами. Для успѣшнаго хода академическихъ работъ необходимо было участіе молодыхъ силъ, неотвлекаемыхъ посторонними занятіями, и Дашкова придумала учрежденіе такъ называемыхъ пріобщниковъ Академіи. „Предсѣдать Академіи, княгиня Екатерина Романовна Дашкова — сказано въ запискахъ Академіи — попечительствуя всегда о благопоспѣшеніи общаго Академіи труда, предложила, поелику настоящій Академіи трудъ требуетъ довольнаго предварительнаго упражненія, чтобы съ пользою и добрымъ успѣхомъ участвовать въ ономъ, избрать осьмерыхъ изъ молодыхъ людей, оказавшихъ уже успѣхи въ отечественномъ языкѣ нашемъ, подъ названіемъ пріобщниковъ Россійской Академіи, которымъ предоставить право засѣданія за общимъ съ членами столомъ, но ниже оныхъ и не мѣшаясь съ ними; притомъ подавать свои голоса и мнѣнія при разсужденіяхъ въ собраніяхъ Академіи, также и соучаствовать въ трудахъ оныя, исключая право на жетоны, медаль и на избраніе въ члены. И когда кто изъ таковыхъ пріобщниковъ окажетъ усердіе и успѣхи въ общемъ трудѣ, то по избранію Академіи можетъ заступить упалое мѣсто члена и пользоваться тогда всѣми правами, членамъ Академіи предопредѣленными“. Предложеніе Дашковой принято было всѣми съ полнымъ сочувствіемъ, и постановлено — предоставить исключительно ей выборъ пріобщниковъ

какъ при первомъ устройствѣ этого учрежденія, такъ и на будущія времена.

Разнообразіе и сложность работъ по изданію словопроизводнаго словаря требовали раздѣленія труда, и Дашкова образовала три отдѣла: грамматическій, объяснительный и редакціонный, и распредѣлила сочленовъ своихъ по избраннымъ ими отдѣламъ. Такимъ же образомъ составленъ ею особый отдѣлъ для объясненія словъ техническихъ, употребляемыхъ въ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ, промыслахъ и т. п. Члены этого отдѣла собирались еженедѣльно въ ея домѣ и подъ ея предсѣдательствомъ, и результаты своихъ работъ и совѣщаній представляли на утвержденіе общаго собранія Академіи. Дашкова же настояла на томъ, чтобы трудъ составленія словаря былъ систематически распредѣленъ между академиками, и чтобы каждый членъ, собиравшій слова на ту или другую букву, непремѣнно доставилъ ихъ къ опредѣленному сроку...

Вліяніе Дашковой обнаруживалось на всѣхъ отрасляхъ академической жизни и дѣятельности, въ литературныхъ трудахъ Академіи, какъ и въ устройствѣ ея матеріальнаго благосостоянія и въ характерѣ академическаго управленія вообще. Пріемы, усвоенные Дашковой въ борьбѣ ея съ прежнимъ порядкомъ вещей въ Академіи Наукъ, отразились и на устройствѣ хозяйственныхъ дѣлъ Россійской Академіи. Дашкова гордилась тѣмъ, что смѣты, представляемыя ею, удивляли Екатерину своею чрезвычайною умѣренностью. На средства, образовавшіяся изъ суммы, отпускаемой на переводы и три года остававшейся безъ употребленія, и изъ другихъ сбереженій, Дашкова построила два дома и тѣмъ увеличила доходъ Академіи на 1,950 рублей. Сверхъ того она устроила библіотеку, положила въ воспитательный домъ 49,000 рублей и т. д...

Вникая во всѣ подробности управленія, требуя отъ другихъ точнаго исполненія обязанностей, Дашкова и сама подчинялась этому требованію, и, несмотря на предразсудки вѣка и общественнаго положенія, основою академической жизни признавала начало равноправности. Въ уставѣ, составленномъ предсѣдателемъ Академіи, Дашковою, постановлено, что предсѣдатель имѣетъ „и почести и голосъ равныя каждому члену“. То же равенство соблюдала она при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся ученаго общества, при распредѣленіи наградъ и т. п.

Занимая высокое положеніе въ обществѣ, радушно принимаемая многими европейскими государями въ ихъ избранномъ кругу, Дашкова не позволяла себѣ ни малѣйшаго неравенства въ сношеніяхъ съ своими собратами по Академіи. Оказывая почетъ и уваженіе Эйлеру и Лепехину, которому уступила первую награду, пожертвовавъ личнымъ самолюбіемъ, Дашкова тѣмъ самымъ свидѣтельствовала, что умѣетъ цѣнить истинныя заслуги и отдаетъ должное таланту, знаніямъ и трудамъ для блага и славы Россіи.

Свѣтила тогдашней литературы привѣтствовали труды Дашковой на пользу Россійской Академіи и видѣли въ нихъ побѣду ума и знаній надъ самонадѣяннымъ невѣжествомъ...

Современники признавали за Дашковой обширный умъ, разностороннюю образованность и тонкій, нѣжный и разборчивый вкусъ. На судъ ея представляли литературныя произведенія съ полнымъ довѣріемъ къ справедливости и мѣткости ея приговоровъ. Посвящая Дашковой одну изъ своихъ трагедій, Княжнинъ говоритъ: „остроумію вашему все свойственно: вы столько же легко мыслію протекаете пространства Уранією измѣренныя и проницаете въ таинства природы, какъ пожинаете цвѣты парнасскіе. Таковъ и долженъ быть предстатель наукъ“.

Послѣдніе годы управленія Россійской Академіей были отравлены для Дашковой столкновеніями съ лицами, окружавшими Екатерину. Подъ вліяніемъ ихъ Екатерина безпощадно осудила трагедію Княжнина „Вадимъ“ — сказала, что ее надо сжечь рукою палача. Враги Дашковой сравнивали пьесу Княжнина съ извѣстнымъ „Путешествіемъ“ Радищева, и указывали на то, что трагедія напечатана Дашковой, а авторъ путешествія — любимецъ ея родного брата. Но размолвка по поводу трагедіи Княжнина не повлекла за собою особенно серьезныхъ послѣдствій: по крайней мѣрѣ сама Дашкова называетъ этотъ непріятный случай сѣрою, а отнюдь не черной кошкой, пробѣжавшей между ею и Екатериною. Чтобы ни происходило въ душѣ Екатерины, она до послѣднихъ дней жизни удерживала свою избранницу на высотѣ ея общественнаго положенія, и соглашаясь на ея частыя и продолжительныя отлучки, требовала, чтобы она оставалась во главѣ Академіи.

Послѣднее академическое засѣданіе, протоколъ котораго подписанъ Дашковою, происходило 3 мая 1796 года. Удаляясь

надолго изъ Петербурга, Дашкова не разрывала связи съ своимъ любимымъ дѣтищемъ — Россійской Академіей. Разрывъ этотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая смерть Дашковой послѣдовала скоропостижно — въ самомъ началѣ новаго царствованія. 6 ноября 1796 года скончалась Екатерина, а 12 ноября того же года послѣдовалъ указъ ея преемника объ увольненіи Дашковой отъ всѣхъ занимаемыхъ ею должностей. Не довольствуясь этимъ, Павелъ I осудилъ Дашкову на изгнаніе, и велѣлъ сказать ей, чтобы она въ ссылкѣ своей вспоминала о событіяхъ 1762 года.

Управленіе двумя академіями давало Дашковой, по ея собственному свидѣтельству, нравственную силу въ борьбѣ съ житейскими невзгодами, съ явною и тайной враждой и недоброжелательствомъ. Изъ толпы никто не выходитъ безъ шума — замѣтилъ Пушкинъ, и Дашкова, выдѣляясь изъ массы своею образованностью надѣлала много шума, послужила пищею для различныхъ толковъ и пересудовъ. Она владѣла несомнѣнными правами на вниманіе и уваженіе и современниковъ и потомства. Права эти пріобрѣтены ею тѣми добросовѣстными трудами и разумными стремленіями, которыми ознаменована дѣятельность ея въ Академіи Наукъ и въ Россійской Академіи, направленная къ развитію въ Россіи литературы и науки. Покидая Академіи, Дашкова оставляла въ нихъ добрую по себѣ память; въ прощальныхъ словахъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, не звучало ни одной фальшивой ноты ни съ той ни съ другой стороны. Впослѣдствіи, по вступленіи на престолъ Александра I, члены Россійской Академіи единодушно обратились къ своему бывшему предсѣдателю съ призывомъ снова вступить на поприще, съ которымъ связано столько свѣтлыхъ воспоминаній. Въ собраніи Россійской Академіи 11 мая 1801 года постановлено просить Дашкову стать во главѣ Академіи, какъ „виновницу ея существованія, показавшую примѣрное усердіе къ россійскому слову и ревностное попеченіе о благосостояніи Академіи“. Дашкова, не чувствуя въ себѣ прежнихъ силъ, отклонила предложенную ей честь; но самый фактъ единодушнаго избранія сохраняетъ все свое значеніе и служитъ лучшимъ приговоромъ объ академической дѣятельности Дашковой.

Сухомлиновъ.

Значеніе Россійской Академіи въ исторіи умственной жизни Россіи.

Болѣе нежели полувѣковое существованіе Россійской Академіи не прошло совершенно безслѣдно для русской литературы и науки. Къ такому заключенію приводитъ безпристрастное свидѣтельство данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при оцѣнкѣ академической дѣятельности.

Появленіе учено-литературнаго общества, которому дано названіе *Россійской Академіи,* отнюдь не было простою случайностью, не имѣвшею связи ни съ прошедшимъ ни съ настоящимъ русской образованности. Мысль объ учрежденіи общества, которое посвятило бы себя изученію и разработкѣ отечественнаго языка, восходитъ къ первымъ годамъ существованія Академіи Наукъ. Въ средѣ Академіи Наукъ образовалось такъ называемое *Россійское Собраніе,* поставившее своею задачею составленіе словаря, грамматики, реторики и піитики. Слѣдовательно, *Россійское Собраніе* стремилось къ тому, что впослѣдствіи сдѣлалось цѣлью Россійской Академіи. Однородную цѣль имѣло въ виду и открытое при Московскомъ университетѣ *Вольное Россійское Собраніе,* многіе изъ членовъ котораго избраны и въ члены Россійской Академіи. Пришло время перейти отъ попытокъ и начинаній къ болѣе опредѣленной и постоянной дѣятельности, и учрежденіе Россійской Академіи было отвѣтомъ на требованіе времени. Новая Академія ревностно принялась за дѣло, завѣщанное ей прежде поколѣніями ученыхъ и писателей, дорожившихъ успѣхами родного языка и словесности. Въ основной цѣли Россійской Академіи, въ кругѣ академическихъ занятій и предпріятій, обнаруживается то стремленіе къ самосознанію, которое такъ ярко выразилось въ нашей умственной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Мысль о всестороннемъ изученіи нашего отечества проявилась тогда съ особенною силою. Съ этою цѣлью предпринимаемы были научныя путешествія по различнымъ краямъ Россіи, имѣющія такое важное значеніе въ области естественныхъ наукъ; этой же цѣли должно было служить и изученіе духовной стороны русскаго народа — его языка и его исторіи. Главнѣйшею задачею учреждаемой Академіи полагалось изученіе и разработка

отечественнаго языка, а также и отечественной исторіи. Самое названіе: *Россійская,* данное Академіи, какъ бы указывало на ея національное значеніе. Не высокъ былъ въ ту пору уровень общественной образованности, тѣмъ не менѣе отовсюду, изо всѣхъ слоевъ общества были призваны живыя силы для участія въ предпринятомъ Академіей трудѣ, который, по убѣжденію современниковъ, долженъ былъ сдѣлаться сокровищницею отечественнаго языка. Въ дружномъ стремленіи къ одной и той же цѣли сошлись и представители наукъ, и свѣтила тогдашней литературы, и скромные, никому неизвѣстные труженики, и образованнѣйшіе изъ людей блестящаго свѣтскаго общества, занимавшіе самыя высокія мѣста въ государственной службѣ. Первый періодъ существованія Россійской Академіи ознаменованъ составленіемъ и изданіемъ словопроизводнаго словаря, котораго одного достаточно, чтобы сказать, что Академія существовала не даромъ. Собраніе громаднаго, по тому времени, количества словъ: общеупотребительныхъ, старинныхъ, областныхъ, техническихъ; объясненіе ихъ, во многихъ случаяхъ вполнѣ удовлетворительное, по тогдашнему состоянію филологіи; умѣнье довести дѣло до конца, и т. д. — все это свидѣтельствуетъ, что Россійская Академія добросовѣстно исполнила свою задачу и проложила путь для дальнѣйшихъ работъ на открытомъ ею поприщѣ. Какъ велико было сочувствіе къ Россійской Академіи въ кругу ученыхъ и писателей, можно судить по дѣятельному участію въ трудахъ ея такихъ представителей литературы и науки, какъ Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ, Озерецковскій и др. И количество и качество вкладовъ, внесенныхъ этими замѣчательными людьми, краснорѣчиво говоритъ о дѣйствительномъ сочувствіи цѣлямъ и предпріятіямъ Академіи. Литературный органъ, получившій историческое значеніе — „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ издавался членами Россійской Академіи; на страницахъ его помѣщались статьи, представляемыя въ Россійскую Академію и читанныя въ ея засѣданіяхъ.

Тяжелая пора настала для Академіи со смертью ея основательницы, императрицы Екатерины II, принимавшей непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ. Думали даже, что дни Россійской Академія уже сочтены, что пробилъ ея послѣдній часъ. Ссылка президента и явное нерасположеніе

власти къ учено-литературному обществу, учрежденному Екатериною II, служили какъ бы подтвержденіемъ тревожныхъ ожиданій. Лучомъ свѣта показалась тогда и такая мѣра, которая во всякое другое время была бы сочтена за большое лишеніе. Выслушавъ извѣстіе о томъ, что отпускъ суммъ на содержаніе Академіи прекращается, академики почувствовали нѣкоторую радость. Причина ея заключается въ томъ, что Академіи предоставлялось отнынѣ содержать себя исключительно своими собственными средствами. Значитъ — заключали академики — право на существованіе признано за Академіею, и она не будетъ окончательно уничтожена.

Съ воцареніемъ императора Александра I судьба Россійской Академіи измѣнилась къ лучшему. Все, отнятое у Академіи, было ей возвращено и притомъ за все время, протекшее со смерти Екатерины II до восшествія на престолъ императора Александра I. Но зданіе было уже расшатано, и для возстановленія его требовалось много такихъ условій, которыя были не по силамъ людямъ, желавшимъ призвать Академію къ новой жизни. Многіе изъ дѣятелей Екатерининской эпохи сошли въ могилу; не было въ живыхъ ни Фонвизина, ни Лепехина, ни Болтина. Дашкову не могъ замѣнить Нартовъ, назначенный президентомъ, хотя Академія избрала въ президенты другое лицо, именно графа Александра Сергѣевича Строганова. Преемникъ Нартова Шишковъ сдѣлался полнымъ властелиномъ Академіи; его воззрѣнія, его сочувствія, даже его литературные предразсудки находили вѣрный отголосокъ въ сужденіяхъ и приговорахъ Россійской Академіи. Вслѣдствіе этого Академія представлялась постороннему наблюдателю не столько учено-литературнымъ обществомъ, оцѣнивающимъ заслуги писателей, сколько литературною партіею, почтительно повторявшею мнѣніе своего руководителя.

Несмотря однакоже на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, Россійская Академія продолжала приносить свою посильную пользу. Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи необходимо припомнить, что Россійская Академія принимала на себя обязанности, которыя впослѣдствіи раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работая надъ словаремъ, расположеннымъ по азбучному порядку, составившимъ славу Академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одинъ за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, Академія занималась вмѣстѣ

съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ и т. д. На пособіе писателямъ и на снабженіе едва возникавшихъ тогда мѣстныхъ библіотекъ, въ различныхъ краяхъ Россіи, Академія употребила около семидесяти тысячъ. Замѣтимъ, что въ тѣ времена нуждающіеся писатели находили единственную поддержку въ Россійской Академіи: она шла имъ на помощь, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ сочиненій, или же печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора.

Нельзя забыть также, что Россійской Академіи принадлежитъ починъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ. Среди всеобщаго равнодушія къ славянству, Россійская Академія заговорила о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ и т. п. Россійская Академія приглашала въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими учено-литературными обществами и съ замѣчательнѣйшими изъ представителей науки и литературы славянъ — съ Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ и др. Не мало научныхъ трудовъ на пользу славянства появилось въ свѣтъ только благодаря щедрымъ пособіямъ со стороны Россійской Академіи; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ весьма значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра и т. п.

Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о дѣятельности Россійской Академіи и ея значеніи въ исторіи нашей умственной жизни, необходимо имѣть въ виду тѣ черты, которыя связываютъ Россійскую Академію съ тѣмъ ученымъ учрежденіемъ, съ которымъ она и слилась впослѣдствіи, именно съ Академіею Наукъ. Извѣстно, что при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ въ Россіи геніальнымъ основателемъ Академіи указаны ей двѣ великія цѣли: разработка наукъ вообще и распространеніе знаній въ Россіи. Для достиженія второй

цѣли Петръ Великій поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы академики-иностранцы готовили себѣ преемниковъ изъ природныхъ русскихъ. Для распространенія свѣта знаній въ странѣ необходимо было близко знать эту страну, ея нужды и потребности, складъ понятій, нравы и обычаи ея жителей. Эту истину превосходно понимали самые замѣчательные изъ ученыхъ, призванныхъ въ нашу Академію изъ чужихъ краевъ. Предпринимая научныя путешествія по Россіи, академики-иностранцы выбирали достойныхъ спутниковъ, и при помощи ихъ открыли себѣ возможность познакомиться со многимъ, что было бы имъ недоступно по незнанію ими страны, народа и его языка. Значительное число научныхъ наблюденій сдѣлано русскими спутниками иностранныхъ ученыхъ, а то, что относится къ этнографіи, принадлежитъ почти исключительно русскимъ ученымъ. Въ этомъ удостовѣряютъ и печатныя изданія путешествій, и сохранившіяся въ рукописяхъ сообщенія лицъ, находившихся во главѣ экспедицій. Почти всѣ изъ русскихъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ научныхъ путешествіяхъ и ихъ описаніяхъ, избраны въ члены Россійской Академіи при самомъ ея учрежденіи или же въ первый періодъ ея дѣятельности.

Вступленіе въ Россійскую Академію сплотило русскихъ ученыхъ въ одно цѣлое, и открыло передъ очами обширное поле для трудовъ на пользу Россіи и для распространенія знаній въ русскомъ народѣ. Завѣтная мысль Петра Великаго, развитіемъ которой служила дѣятельность Ломоносова, сдѣлалась руководящимъ началомъ для учениковъ Ломоносова, избранныхъ въ члены Россійской Академіи. Стоя на высотѣ современной имъ науки, пользуясь вполнѣ заслуженною извѣстностью въ европейскомъ ученомъ мірѣ, они постоянно имѣли въ виду поднятіе уровня русской образованности, и въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ по справедливости можетъ названа быть просвѣтительною. Въ своихъ трудахъ, по различнымъ отраслямъ знаній, ученики Ломоносова и ученики его учениковъ поднимали вопросы, имѣющіе жизненное и просвѣтительное значеніе для русскаго общества. Русскіе ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, внесли весьма важные вклады въ словарь Россійской Академіи, и много сдѣлали для русской научной терминологіи; своими изслѣдованіями, своими статьями въ повременныхъ изданіяхъ и своими лекціями они безспорно со-

дѣйствовали распространенію знаній въ Россіи. Къ чести этихъ достойныхъ тружениковъ надо еще замѣтить, что, будучи членами Академіи Наукъ, они постоянно являлись горячими защитниками русскихъ дарованій, и отстаивали права русскихъ ученыхъ на избраніе въ академики. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу членами Академіи Наукъ, бывшихъ въ то же время членами Россійской Академіи, проникнуты и уваженіемъ къ наукѣ и сочувствіемъ къ умственной жизни Россіи. Эта неизгладимая черта, это единодушіе сближаетъ между собою всѣхъ замѣчательныхъ членовъ Россійской Академіи, въ теченіе всего ея существованія, отъ Лепехина, котораго современники признавали „человѣкомъ, въ честности святымъ", до Н. С. Мордвинова, называвшіе его „русскимъ думникомъ" утверждали, что завѣтнымъ убѣжденіемъ его было: „должно поддерживать русскія дарованія". Замѣчательнѣйшіе изъ членовъ Россійской Академіи служили живою связью между Академіею и образованною частью русскаго общества. Къ Россійской Академіи обращались университеты съ просьбою объ указаніи лицъ, достойныхъ занять каѳедру русской словесности. Члены Россійской Академіи принимали участіе и въ устройствѣ университетовъ и въ другихъ вопросахъ нашей умственной и общественной жизни. Стоитъ только прочесть составленные Озерецковскимъ и его сотрудниками проекты уставовъ: цензурнаго и университетскаго, чтобы убѣдиться, до какой степени вѣрны были просвѣтительнымъ началамъ лучшіе изъ дѣятелей Россійской Академіи.

Все сказанное нами, подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, сохранившихся въ первыхъ достовѣрнѣйшихъ источникахъ. Но вмѣстѣ съ свѣтлыми сторонами въ академической дѣятельности были въ ней и темныя стороны, о которыхъ мы неоднократно говорили въ своемъ историческомъ обозрѣніи. Отыскивая главную ихъ причину, невольно припоминаемъ отзывъ Даламбера о нареканіяхъ на Французскую Академію, заключающій въ себѣ черты, поразительно сходныя съ тѣмъ, что представляетъ судьба Россійской Академіи.

Французскую Академію обвиняли въ томъ, что нѣкоторые изъ знаменитыхъ писателей оставлены ею безъ вниманія, а многія посредственности попали въ члены Академіи. Даламберъ замѣчаетъ на это, что нельзя руководствоваться исключительно приговоромъ позднѣйшихъ критиковъ, а надо при-

нимать въ соображеніе, какъ современники смотрѣли на тотъ или другой академическій выборъ. Есть много условій, совершенно ясныхъ и понятныхъ для современниковъ, но теряющихъ свой смыслъ для потомства. По убѣжденію Даламбера, корень зла заключается въ томъ, что Академія лишена была самостоятельности. Даламберъ находитъ необходимымъ, чтобы Академіи предоставлена была полная свобода выборовъ, и чтобы Академія могла дѣйствовать совершенно независимо, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, безъ всякихъ требованій, приказаній и запрещеній: тогда, въ средѣ ея появятся члены, которые вполнѣ достойны этой чести. Писатели, дѣйствительно знаменитые, займутъ подобающее имъ мѣсто: *рано или поздно*, но во всякомъ случаѣ *неизбѣжно,* они будутъ избраны въ члены Академіи и т. д.

И въ отношеніи Россійской Академіи можно сказать, что главное ея несчастіе заключалось въ томъ, что она не была предоставлена самой себѣ и не имѣла свободы выбора. Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наивно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствіе талантовъ подрывало авторитетъ Академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а нѣкоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Г. Ѳедорова и кн. Шихматова...

Долго, чрезвычайно долго господствовало въ Академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было *рано или поздно* уступить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковскаго въ члены Россійской Академіи, помирило съ нею общественное мнѣніе, и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красу и славу отечественной литературы.

Пушкинъ признавалъ, что Россійская Академія принесла истинную пользу нашему прекрасному языку, и можетъ, если захочетъ, ободрить и оживить нашу словесность. Краснорѣчивымъ приговоромъ надъ дѣятельностью Россійской Академіи могутъ служить отзывы современниковъ, высказанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ закрытія Россійской Академіи, т.-е. преобразованія ея во Второе отдѣленіе Академіи Наукъ.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ отзывъ князя Вяземскаго — писателя, не сочувствовавшаго направленію Россійской Академіи и вообще не любившаго скрывать темныя стороны ни въ людяхъ ни въ учрежденіяхъ. Князь Вяземскій обвиняетъ Россійскую Академію въ томъ, что она дѣлала на пользу словесности гораздо менѣе, чѣмъ могла и должна была дѣлать. Онъ приводитъ остроту Крылова, называвшаго Академію богатою и скупою невѣстою, копившею приданое для Московскаго университета. „Свадьба не состоялась, — говоритъ князь Вяземскій — академическій капиталъ былъ отобранъ; богатая невѣста замужъ не вышла, и, какъ сиротка, пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодованіи своемъ иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованіемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой: она была основательницей Академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ Академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, *лучше было бы не трогать Академіи,* не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все же не совсѣмъ праздно просуществовала. *Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику.* Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литературной дѣятельности. Впрочемъ наша Академія тоже записала событіе въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ Исторіи государства россійскаго, и получилъ золотую медаль изъ рукъ незлопамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился *съ новымъ,* но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія. Чтеніе академика Пушкина могло бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники

полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней".

Сухомлиновъ.

И. И. Шуваловъ.

Всякое учрежденіе есть слѣдствіе какой-нибудь потребности, которая чувствовалась извѣстнымъ обществомъ въ извѣстное время. Понятно, что учрежденіе тѣмъ полезнѣе, тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ потребности, вызвавшей его основаніе, чѣмъ живѣе между его членами преданіе о цѣли учрежденія, чѣмъ сознательнѣе переходитъ это преданіе изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это преданіе, присущее членамъ учрежденія при ихъ соединенной дѣятельности, составляетъ духъ учрежденія. Учрежденіе живетъ полною жизнію, процвѣтаетъ, когда этотъ духъ силенъ, когда даетъ себя чувствовать и въ совокупныхъ дѣйствіяхъ членовъ учрежденія, и въ поведеніи каждаго изъ нихъ, гдѣ бы онъ ни находился: тогда многія другія учрежденія заимствуютъ отъ него жизнь, духъ и сильны бываютъ этою жизнію, этимъ духомъ. Когда же преданіе забывается, духъ слабѣетъ — учрежденіе клонится къ упадку; тогда люди, ревностные ко славѣ учрежденія, стараются воскресить преданіе, возвратить его къ первоначальной чистотѣ. Обыкновенно основателями учрежденія бываютъ люди, которые яснѣе другихъ сознаютъ извѣстную потребность общества, которые образомъ мыслей и всею дѣятельностію своею осуществляютъ ту цѣль, къ которой должно стремиться учрежденіе; дѣятельность основателей поэтому становится живымъ преданіемъ, образцомъ, котораго члены учрежденія никогда не должны терять изъ виду.

Въ чемъ же состоитъ преданіе, духъ того учрежденія, столѣтіе котораго мы собрались теперь торжествовать, и кто былъ человѣкъ, въ нравственномъ образѣ котораго осуществляется это преданіе? Чей нравственный образъ мы должны благоговѣйно перенести изъ одного вѣка въ другой?

Чтобъ уяснить себѣ преданіе, духъ нашего учрежденія, мы должны обратиться ко времени, когда оно возникло, должны обратить вниманіе на потребности этого времени и указать, какимъ образомъ онѣ явились.

Къ концу XVI вѣка отечество наше, заключавшее въ себѣ

тогда только еще сѣверовосточную часть нынѣшней Россійской Имперіи, было однако уже такъ богато средствами къ дальнѣйшему преуспѣянію, что и сами русскіе и народы сосѣдніе сознавали обиліе этихъ средствъ. Но съ такимъ сознаніемъ соединялось также сознаніе слабости; сознавали недостатокъ искусства въ употребленіи обширныхъ средствъ, данныхъ Богомъ народу и странѣ его; сознавши этотъ недостатокъ, начали стремиться къ пріобрѣтенію искусства, къ пріобрѣтенію путей, ведшихъ къ народамъ, у которыхъ можно было заимствовать искусство. Но одного искусства, посредствомъ котораго достигались внѣшнія цѣли государственныя, было недостаточно: сознавалась потребность искусства нравственнаго, умѣнья приносить частныя выгоды въ жертву благу общему, сознавалась необходимость распространеннаго между гражданами познанія обязанностей гражданскихъ, чтобы понятія о служеніи государству не смѣшивались съ понятіями о служеніи личнымъ выгодамъ, и служеніе послѣднимъ не подавляло бы служенія первому. Торжество надъ страшными смутами, ознаменовавшими начало XVII вѣка, всего яснѣе показало нравственную крѣпость юнаго русскаго общества, возможность бороться съ опасными болѣзнями и преодолѣть ихъ. Вслѣдствіе сильныхъ внутреннихъ потрясеній государственнаго тѣла, вслѣдствіе обнаруженія многоразличныхъ нравственныхъ недуговъ его, русскіе люди 1612 года сознали необходимость всеобщаго нравственнаго очищенія, котораго всенародное покаяніе, всенародный постъ служилъ выраженіемъ. Это сознаніе не было безсильно, это покаяніе не было одною формою: доказательствомъ послужило то, что русскіе люди стали, какъ одинъ человѣкъ, и очистили землю отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Нечаямое совершилось, по ихъ словамъ, и смиренно сознались они, что наказались, и что это наказаніе служитъ залогомъ сохраненія наряда, порядка государственнаго въ будущемъ, залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія.

Такъ наступилъ XVII-й вѣкъ, вѣкъ, богатый славными событіями, великими торжествами, но еще болѣе замѣчательный тѣмъ, что откликается историку непрестаннымъ воплемъ о необходимости нравственнаго очищенія, совершенствованія, о мѣрахъ, которыя должны быть употреблены для этого. У насъ въ XVII вѣкѣ не нѣкоторыя только частныя лица вопіютъ противъ нравственныхъ недостатковъ общества, но само пра-

вительство безпощадно, въ сильныхъ выраженіяхъ, указываетъ на нравственныя болѣзни, требуя излѣченія ихъ, употребляя къ тому средства. Напрасно укоряютъ Россію XVII вѣка за упадокъ нравственности: объ этомъ мнимомъ упадкѣ заключаютъ изъ громкихъ воплей правительства церковнаго и гражданскаго противъ нравственныхъ недостатковъ; но эти самые вопли, какъ признакъ сознанія, суть вмѣстѣ съ тѣмъ признакъ превосходства XVII вѣка надъ вѣками предшествовавшими, которые имѣли тѣ же надостатки, но не имѣли сознанія о нихъ, или имѣли его мало. Не порицать мы должны XVII вѣкъ за упадокъ нравственности, напротивъ съ живымъ участіемъ обязаны мы слѣдить за этимъ напряженіемъ нравственныхъ силъ государства въ борьбѣ съ многочисленными препятствіями, которыя оно встрѣчало при достиженіи общественной цѣли. Въ XVII вѣкѣ мы ясно слышимъ преданіе, идущее отъ знаменитыхъ борцовъ 1612 года, собравшихся на очищеніе государства, провозгласившихъ всеобщее покаяніе, необходимость нравственнаго очищенія для великаго дѣла освобожденія отечества отъ враговъ и установленія наряда, порядка государственнаго. Поучительность исторіи извѣстнаго народа извлекается изъ прослѣженія борьбы, которую онъ ведетъ съ препятствіями, встрѣчающимися на пути установленія наряда. Мы имѣемъ полное право сказать, что наша исторія въ высокой степени поучительна, ибо едвали найдемъ другое общество, которое должно было бы выдержать сильнѣйшую борьбу съ препятствіями при достиженіи своихъ цѣлей, и мы прежде всего должны воздать благодарность своимъ предкамъ за то, что они, при этой борьбѣ, никогда не отчаявались въ спасеніи отечества.

При усиленной борьбѣ съ многочисленными препятствіями внѣшними и внутренними, встрѣченными Россіею при достиженіи государственныхъ цѣлей, въ XVII вѣкѣ было сознано, что необходимое средство для торжества надъ этими препятствіями есть призваніе на помощь науки, мудрости гражданской, распространяющей свѣтъ, при помощи котораго члены общества видятъ, что̀ они, гдѣ они, что̀ обязаны дѣлать для отечества: ибо только тотъ можетъ быть вѣрнымъ сыномъ отечества, кто сознаетъ свое отечество, его потребности и въ состояніи употребить способности свои для удовлетворенія той или другой изъ этихъ потребностей. Старшій братъ Петра

Великаго, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ объявилъ, что, подобно Соломону, онъ ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ, всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются. Съ этою цѣлію онъ учреждаетъ Академію, въ которой хочетъ, по его же словамъ, посѣять сѣмена мудрости, то-есть науки гражданской и духовной, начиная отъ грамматики, піитики, реторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравственной, даже до богословіи, учащей вещамъ божественнымъ и совѣсти очищенію; сюда же должно было войти и ученіе правосудія духовнаго и мірского, и прочія всѣ науки.

Такъ было понято значеніе науки у насъ въ концѣ XVII вѣка: она была признана какъ мудрость, царскихъ должностей родительница, всякихъ благъ изобрѣтательница и совершительница, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются: и благо намъ, что предки увѣровали въ такое обширное, великое значеніе науки! Наука призывалась не только, какъ изобрѣтательница внѣшнихъ благъ, подательница средствъ для достиженія внѣшнихъ цѣлей, внѣшнихъ выгодъ и удобствъ, — она призывалась прежде всего какъ мудрость, должностей родительница. Пріобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній извѣстнымъ разрядомъ гражданъ, которые, въ свою очередь, сообщаютъ познанное ими другимъ, болѣе къ тому способнымъ соотечественникамъ, необходимо для государства; но такое пріобрѣтеніе свѣдѣній далеко не исчерпываетъ всей пользы, отъ науки происходящей, еще не есть пріобрѣтеніе мудрости гражданской, необходимой для установленія внутренняго наряда, для нравственнаго преуспѣянія общества. Наука тогда только вполнѣ достигаетъ своей цѣли, когда распространяетъ познанія о значеніи человѣка и гражданина, о его обязанностяхъ, когда проливаетъ свѣтъ, при помощи котораго человѣкъ видитъ потребности своего отечества и, благодаря наукѣ, имѣетъ средства удовлетворять этимъ потребностямъ; когда распространяетъ умѣнье воспитывать человѣка отъ раннихъ лѣтъ такъ, чтобъ онъ могъ явиться понимающимъ свое значеніе, свои обязанности гражданиномъ. Когда у одного грека спросили, зачѣмъ онъ учитъ своего сына, то онъ отвѣчалъ: затѣмъ, чтобъ послѣ сынъ мой не сидѣлъ въ театрѣ, какъ камень на камнѣ. Такая цѣль ученія понятна въ древнемъ язы-

ческомъ обществѣ при одностороннемъ, преимущественно художественномъ развитіи народа; но не такова цѣль ученія въ нашемъ новомъ христіанскомъ обществѣ: у насъ отецъ долженъ учить сына для того, чтобъ тотъ не сидѣлъ какъ камень на камнѣ при великомъ зрѣлищѣ дѣятельности гражданской, чтобы не только умѣлъ рукоплескать подвигамъ добра и выражать негодованіе противъ зла, но чтобъ и самъ могъ участвовать въ борьбѣ между добромъ и зломъ, имѣлъ средства способствовать постоянному торжеству перваго надъ вторымъ, благодаря своему просвѣщенію, знанію, благодаря тому, что при чистотѣ голубиной пріобрѣлъ онъ мудрость змѣи.

Но извѣстно, что все великое и прекрасное въ человѣчествѣ достигается не вдругъ; такъ и наука долго должна бороться и съ невѣжествомъ и съ ложными ученіями, лжемудрствованіями, которыя такъ много препятствуютъ распространенію мудрости гражданской, утвержденію наряда государственнаго. Самое вѣрное средство къ низложенію лжемудрствованій есть мудрость; лжемудрствованія, воздавая невольную дань мудрости, обыкновенно пользуются ея же средствами; тогда мудрость усиливаетъ эти средства и такимъ образомъ низлагаетъ лжемудрствованія. Отсюда наша обязанность, сознавая правду и величіе дѣла науки, вести постоянную, неутомимую борьбу со всѣми препятствіями, противополагаемыми ей невѣжествомъ и лжемудрствованіями; наша обязанность не отчаяваться въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія и быть достойными своихъ предковъ, которые, увѣровавши разъ въ пользу, необходимость науки, не теряли этой вѣры.

Они не теряли ея въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда наука принималась медленно, когда, вслѣдствіе необходимаго закона, сначала старались извлечь изъ науки только одну внѣшнюю, матеріальную пользу, удовлетворить, съ помощію науки, внѣшнимъ потребностямъ. И въ это время лучшіе люди понимали, что такое пользованіе наукою недостаточно, что наука имѣетъ еще другую, высшую цѣль. Кантемиръ, на языкѣ, едва только начавшемъ образовываться, провозглашалъ высокую нравственную цѣль, которую имѣютъ науки и искусства. Укоряя современниковъ своихъ за то, что они позабыли главную цѣль просвѣщенія, распространеннаго Петромъ Вел ким, и бросились къ однимъ матеріальнымъ

выгодамъ, доставляемымъ цивилизаціею, пренебрегши пользою нравственною, Кантемиръ говорилъ:

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.

Голосъ Кантемира раздался одиноко въ первой половинѣ XVIII вѣка; преданіе о высокой нравственной цѣли науки, преданіе, которое старался поддерживать Кантемиръ, повидимому, готово было исчезнуть среди матеріальныхъ стремленій времени. Но это было только повидимому: на самомъ же дѣлѣ наука, внѣдряясь все болѣе и болѣе, готовилась принять высшее, нравственное значеніе въ обществѣ. И вотъ безсмертныя слова Кантемира, раздававшіяся одиноко въ первой половинѣ вѣка, во второй его половинѣ повторяются цѣлымъ хоромъ лучшихъ людей, лучшихъ писателей.

„Съ давняго уже времени (говорилъ Бецкій) имѣетъ Россія Академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ не доставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было... Корень всему злу и добру *воспитаніе:* достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то-есть, произвести, сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки“. Различіе между стремленіями первой и второй половины XVIII вѣка всего

рѣзче выражено въ слѣдующихъ словахъ Бецкаго, обращенныхъ къ императрицѣ Екатеринѣ II: „Петръ Великій создалъ въ Россіи людей, Ваше Величество влагаете въ нихъ души". Какъ сама императрица Екатерина понимала дѣло нравственнаго воспитанія, видно изъ слѣдующихъ словъ ея: „Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обращеніи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и въ благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія. Пороки вообще уменьшаютъ смѣлость и храбрость; добродѣтели же умножаютъ твердость духа и укрѣпляютъ разсудокъ, истинную его смѣлость и храбрость. Истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобъ пребывать въ томъ, что долгъ человѣку предписываетъ". — Это не были только слова, не находившія отзыва, не были только требованія, не находившія исполненія: во второй половинѣ XVIII вѣка мы замѣчаемъ большое смягченіе нравовъ; людямъ второй половины XVIII вѣка первая половина его казалась временемъ грубости, варварства; вельможамъ Екатерины II становилось дурно при чтеніи о нѣкоторыхъ явленіяхъ предшествовавшаго времени*).

Противопоставляя вторую половину XVIII вѣка первой, мы говорили о явленіяхъ царствованія императрицы Екатерины; но понятно, что подобныя явленія не могли произойти вдругъ въ одно это царствованіе; люди, дѣйствовавшіе въ царствованіе Екатерины, образовались прежде, образовались въ царствованіе Елисаветы. Въ это-то знаменитое царствованіе совершился переходъ отъ понятій и стремленій первой половины вѣка къ понятіямъ и стремленіямъ второй; мы поймемъ, почему люди Екатерининскаго времени обнаруживали такую мягкость въ нравахъ, такое отвращеніе отъ мѣръ жестокихъ, когда вспомнимъ, что они воспитались въ царствованіе, въ которое отмѣнена была смертная казнь. Изъ царствованія Елисаветы слѣдовательно лучшіе люди Екатерининскаго времени вынесли убѣжденіе въ необходимости просвѣщеннаго воспитанія, сознаніе о высшей, нравственной цѣли науки; въ это царствованіе у престола императрицы явился человѣкъ, при образо-

*) Семена Порошина Записки, стр. 69, 74, 75.

ваніи котораго „наука и искусство подали руки, чтобъ сдѣлать его отечеству полезнымъ, между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ“; — и по мысли этого-то человѣка въ царствованіе же Елисаветы возникло учрежденіе, долженствовавшее удовлетворить потребности времени, а именно дать наукѣ возможность достигать своей высшей, нравственной цѣли, дать ей значеніе мудрости гражданской. Этотъ человѣкъ былъ И. И. Шуваловъ; это учрежденіе былъ Московскій университетъ.

Обыкновенно съ именемъ Шувалова соединяется у насъ знаменитое по классическимъ преданіямъ названіе Мецената: это понятіе о Шуваловѣ, какъ Меценатѣ, запечатлѣно въ насъ стихами Державина:

Безсмертны музами Периклы
И Меценаты въ вѣкъ живутъ:
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дщерь его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ:
Равно безсмертенъ въ Петріадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ.

Здѣсь Державинъ разумѣетъ извѣстный отзывъ Ломоносова о Шуваловѣ, что онъ

Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Но мы, питомцы Московскаго университета, не можемъ быть удовлетворены этимъ сравненіемъ нашего Шувалова съ Меценатомъ. Покровительство наукѣ, искусству, произведенія которыхъ служатъ часто только украшеніемъ, забавою праздной, роскошной жизни, такое покровительство не даетъ еще права на то высокое значеніе, съ какимъ является для насъ Шуваловъ. Если мы хотимъ съ кѣмъ-нибудь сравнивать его, то должны сравнивать не съ Меценатомъ, а съ лицами болѣе отдаленной древности, съ тѣми благодѣтелями людей, которымъ преданіе приписываетъ выводъ колоній, изобрѣтеніе или

принесеніе благодѣтельныхъ искусствъ и знаній, основаніе учрежденій, распространявшихъ людскость, поддерживавшихъ основы общества. Шуваловъ не отличался однимъ только легкимъ, ничего не стоющимъ при его положеніи, покровительствомъ наукѣ и искусству; но, познавъ на самомъ себѣ благое дѣйствіе науки и искусства, пріобрѣтши благо, онъ старался распространить его между соотечественниками своими, старался, чтобъ сколько можно большее число ихъ пользовались этимъ благомъ и становились чрезъ это пользованіе такими же, какимъ былъ онъ самъ.

Каковъ же былъ Шуваловъ? Какъ на немъ отразились благія дѣйствія науки? Рано приблизился онъ къ престолу монархини, рано получилъ могущественное вліяніе; его провозгласили счастливцемъ и мудрецомъ за умѣнье пользоваться всѣмъ, не употребляя ничего во зло. Но такое опредѣленіе дѣятельности Шувалова односторонне: Шуваловъ не довольствовался тѣмъ, что не употреблялъ только во зло своего вліянія, онъ постоянно употреблялъ его на добро. У престола благодѣтельствовавшей ему монархини онъ стоялъ съ высокимъ характеромъ посредника, миротворца, вѣрно служа и будущему Россіи, какъ въ лицѣ непосредственнаго наслѣдника престола, такъ и въ лицѣ малолѣтняго внука императрицы*); съ тѣмъ же характеромъ миротворца являлся онъ и для семействъ частныхъ и для семьи, къ нему близкой, для семьи ученыхъ и литераторовъ. Слѣдовательно, имѣемъ полное право не ограничиваться для Шувалова названіемъ счастливца; въ нашихъ глазахъ Шуваловъ является человѣкомъ, искавшимъ не счастія только, но блаженства, обѣщаннаго миротворцамъ. — Провозглашали, что даже самые соперники Шувалова не могли ничего сказать о немъ, кромѣ добра: это происходило отъ того, что у Шувалова, собственно говоря, не было соперниковъ, ибо онъ не искалъ почестей, выгодныхъ мѣстъ, не заслонялъ никому дороги при ихъ достиженіи, старался о пріобрѣтеніи только нравственнаго значенія, нравственнаго превосходства; высокій титулъ, къ которому онъ стремился и котораго достигъ, былъ титулъ просвѣщеннѣйшаго вельможи въ государствѣ. Просвѣщеніе есть самое лучшее средство противъ корысто-

*) Императоръ Павелъ I-й въ рескриптѣ Шувалову писалъ, что „всегда съ благодарностію воспоминаетъ попеченіе его объ немъ во время младенчества“.

любія, противъ неумѣнья приносить частныя выгоды въ жертву общему благу, благу отечества: Шуваловъ понималъ, что титулъ просвѣщеннѣйшаго вельможи налагаетъ на него обязанность быть безкорыстнѣйшимъ, и онъ ограничился своимъ небольшимъ состояніемъ, когда могъ такъ легко и даже безукоризненно пріобрѣсти обширное имѣніе. Мы не остановимся долго на извѣстіи біографовъ Шувалова, что просители имѣли къ нему свободный доступъ; важнѣе для насъ умѣнье, пріобрѣтенное просвѣщеннѣйшимъ вельможею, умѣнье предупреждать просьбы людей, медленныхъ на просьбы. Въ какихъ отношеніяхъ находился Шуваловъ, какъ господинъ, къ своимъ подвластнымъ, показываетъ слѣдующій случай: однажды онъ рѣшился продать деревню для уплаты долговъ; крестьяне этой деревни немедленно сдѣлали складчину и явились къ нему съ просьбою принять деньги и оставить деревню за собою, потому что имъ не нажить такого добраго помѣщика.

Когда Шуваловъ явился за границею, то первыя знаменитости времени нашли въ немъ одного изъ самыхъ образованныхъ и самыхъ любезныхъ людей. Этотъ отзывъ иностранцевъ важенъ для насъ потому, что Шуваловъ производилъ такое же точно господствующее впечатлѣніе и на своихъ соотечественниковъ: на немъ болѣе чѣмъ на комъ-либо виднѣлось это сіяніе просвѣщенія, которое, по словамъ Кантемира, дѣлаетъ человѣка между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ; къ Шувалову подходили съ какою-то радостію, говорятъ его современники*). Это качество въ Шуваловѣ засвидѣтельствовано и знаменитымъ духовнымъ ораторомъ, которому выпалъ жребій сказать надгробное слово просвѣщеннѣйшему вельможѣ XVIII вѣка**). „Время его жизни показываетъ“, говоритъ ораторъ, „что Богъ хранилъ его для счастія многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобъ благодѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, когда имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ.... О! если образуемое юношество можно нарещи обновляющеюся юношестію человѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся

*) Тимковскій: Мое опредѣленіе на службу.

**) Преосвящ. Анастасіемъ.

память той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступковъ благороднымъ учтивствомъ. Остается желать, дабы они совершили, согласно Евангелію и закону, доброе намѣреніе его".

Конечно, духовный ораторъ, и при такомъ случаѣ, подъ благороднымъ учтивствомъ разумѣлъ не одну внѣшнюю учтивость, требуемую свѣтскими приличіями; конечно, не одною этою внѣшнею учтивостію хотѣлъ онъ опредѣлить характеръ человѣка, котораго жизнь растворена была желаніемъ благодѣтельствовать, который счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, когда имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ. Въ благородномъ учтивствѣ Шувалова отражалась внутренняя людскость, сознаніе человѣческаго значенія въ себѣ самомъ и въ другихъ. И здѣсь, въ словѣ нашего оратора, какъ въ сочиненіяхъ другихъ лучшихъ писателей времени, выставлено двойное требованіе отъ просвѣщеннаго человѣка, требованіе, чтобы въ немъ украшенному наукою уму соотвѣтствовали поступки, удовлетворяющіе нравственнымъ требованіямъ, нравственному достоинству человѣка. Шуваловъ удовлетворилъ этому требованію самимъ собою, своимъ нравственнымъ существомъ, и потомъ старался, чтобъ и другіе одинаково удовлетворяли ему, тщился, какъ говоритъ ораторъ, не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступковъ благороднымъ учтивствомъ. Плодомъ этого тщанія былъ нашъ университетъ, учрежденный вслѣдствіе ходатайства Шувалова у престола Елисаветы, при чемъ въ первый же годъ основанія университета однимъ изъ первыхъ его преподавателей было провозглашено, что цѣль наукъ есть возможное нравственное совершенствованіе человѣка*). Таково преданіе старцевъ нашихъ, преданіе живущее въ нравственномъ образѣ Шувалова. *Соловьевъ.*

Проектъ И. И. Шувалова объ учрежденіи гимназій и школъ.

И. И. Шувалова озабочивало безпомощное положеніе дворянскихъ дѣтей, какъ въ учебномъ, такъ и въ служебномъ отношеніи. Не получая никакого образованія и теряя напрасно

*) Рѣчь А. Барсова о пользѣ учрежденія Московскаго университета, говоренная при началіи университетскихъ гимназій, 1755 года, Апрѣля 26 дня.

первые юношескіе годы, они поступали потомъ на службу солдатами, подвергались побоямъ за неисправности по службѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ производились въ унтеръ-офицеры, да и къ этой должности не всегда были подготовлены, „по снисхожденію командировъ, ибо всякому совѣстно, взыскивая строгую исправность, бить своего брата дворянина за малый проступокъ“.

Въ ноябрѣ 1760 г. Шуваловъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о томъ, чтобы не требовать дворянскихъ дѣтей на службу до 18-ти лѣтняго возраста, чтобы до тѣхъ поръ они учились, а, по выдержаніи экзамена, производились прямо въ офицеры, какъ ученики кадетскаго корпуса.

Но какъ и гдѣ могли они учиться? Въ этомъ именно и было непреодолимое затрудненіе: немногія учебныя заведенія существовали только въ двухъ столицахъ, да только что открылась гимназія въ Казани, а дворянскія дѣти разсѣяны были по всей имперіи. При томъ, и малочисленныя тогда училища были вообще не въ цвѣтущемъ состояніи.

„По всевысочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, по представленію Правительствующаго Сената“, писалъ Шуваловъ, „я удостоенъ быть куратором московскаго университета. Съ крайнимъ сожалѣніемъ представить долженъ, что успѣхи не соотвѣтствуютъ Императорскаго Величества волѣ; многія тому препятства, которыхъ я отвратить не въ состояніи, если основаніе воспитанія перемѣнено не будетъ, о чемъ одинъ приступъ имѣю честь представить Правительствующему Сенату“.

Этотъ именно *приступъ* и составляетъ существенную заслугу Шувалова по народному образованію: онъ первый понялъ, въ свое время, что единичныхъ, на перечетъ тогда бывшихъ учебныхъ заведеній недостаточно для просвѣщенія обширнаго государства, что образованіе нужно обобщить, сдѣлать всѣмъ доступнымъ, всеобщимъ, по крайней мѣрѣ, для дворянства, которое одно тогда училось, и что система образованія должна быть обще-европейская.

Шуваловъ предложилъ учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а въ малыхъ городахъ — школы грамотности, въ которыхъ можно было бы приготовлять дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ, и,

по окончаніи тамъ образованія, поступать въ военную или гражданскую службу. — „И когда дворяне“, прибавлялъ Шуваловъ, „выучась, по примѣру европейскихъ государствъ, прямо чины офицерскіе получать станутъ, не служа солдатами и унтеръ-офицерами, то польза будетъ слѣдующая: употребятъ способныя свои лѣта къ полезному ученію, получатъ чины, сходные съ ихъ рожденіемъ, и не будутъ штрафованы неприличнымъ дворянину наказаніемъ“. Шуваловъ полагалъ, что учрежденіе цѣлаго такого ряда учебныхъ заведеній, по тогдашней дешевизнѣ жизни, во внутреннихъ губерніяхъ, не обойдется слишкомъ дорого“, впрочемъ прибавлялъ: „да если бы оное и великаго содержанія стоило, но, въ разсужденіи изъ того великой пользы, ни за что почесть должно“.

Въ наше время этотъ проектъ, конечно, представляется одностороннимъ, узкимъ, сословнымъ, исключительно дворянскимъ, но въ эпоху его составленія только одно дворянство, и то въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, было въ состояніи цѣнить образованіе, и если бы плодами его воспользовалось это сословіе, то можно было бы сказать, что оно распространилось на всю страну, разумѣя подъ этимъ именемъ всѣхъ тѣхъ, которые сознавали потребность въ просвѣщеніи.

Сенатъ, одобривъ патріотическое усердіе Шувалова, предоставилъ ему развить его мысль, представивъ подробности устройства и содержанія предполагавшихся имъ гимназій и школъ, и для того уполномочилъ его обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть полезными въ этомъ дѣлѣ, и въ томъ числѣ въ Академію Наукъ.

По порученію Сената, И. И. Шуваловъ просилъ академиковъ доставить ему свои соображенія: 1) въ коихъ именно городахъ должны быть учреждены гимназіи и школы, и 2) какимъ наукамъ слѣдуетъ въ нихъ обучать.

На эти вопросы отвѣчали академики Браунъ, Цейгеръ, Фишеръ, Котельниковъ и адъюнктъ академіи Протасовъ. Академики Миллеръ, Эпинусъ и Модерахъ присоединились къ мнѣніямъ Бауера и Цейгера, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ со стороны Эпинуса.

Впрочемъ, на первый вопросъ не послѣдовало положительнаго отвѣта: одни извинялись незнаніемъ Россіи, другіе указывали, въ общихъ выраженіяхъ, на обширные портовые и

вообще значительные города, въ которыхъ много дворянъ, чиновниковъ и богатыхъ купцовъ, и въ окрестностяхъ коихъ живетъ дворянство, гдѣ слѣдовало бы открыть гимназіи; академикъ Фишеръ назвалъ прямо Казань, но тамъ уже въ то время гимназія была учреждена.

Что касается до курса, который слѣдовало бы установить для гимназіи и школъ, и до связи обоего рода этихъ учебныхъ заведеній между собою, то, повидимому, сословное значеніе, которое давалъ имъ Шуваловъ, подало поводъ и академикамъ предложить для нихъ курсъ не общій для всѣхъ учениковъ, а видоизмѣняющійся, соотвѣтственно съ тѣмъ званіемъ, къ которому каждый себя готовилъ. Всѣ они, за исключеніемъ Котельникова, полагали особые планы преподаванія для учениковъ, предназначавшихся къ высшему образованію, какъ дворяне и желающіе быть учеными, и другой курсъ для купеческихъ дѣтей, также различный для мальчиковъ низшихъ сословій. Для первыхъ считали необходимымъ изученіе не только латинскаго, но и греческаго языка, для купцовъ — англійскаго и голландскаго языковъ, для будущихъ военныхъ нѣкоторыя военныя науки, какъ-то — фортификацію, артиллерію, и т. п. Съ наибольшею опредѣленностію разъяснилъ эту мысль академикъ Цейгеръ: онъ предлагалъ раздѣлить какъ школу, такъ и гимназію на отдѣлы (Abtheilungen oder Stufen), изъ которыхъ каждый заключалъ бы въ себѣ нѣсколько классовъ; въ нижнемъ отдѣлѣ всѣ предметы преподаванія, въ томъ числѣ латинскій языкъ, должны быть обязательными для всѣхъ учениковъ; въ слѣдующемъ — второмъ отдѣлѣ только немногіе ученики освобождались отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ; въ третьемъ отдѣлѣ приготовлять будущихъ ученыхъ основательнымъ ученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и ихъ литературы, и въ четвертомъ — тѣхъ, которые предназначаютъ себя для службы.

Неосновательность этого взгляда такъ очевидна, что не стоитъ на ней и останавливаться: ни въ какомъ ребенкѣ нельзя предвидѣть, что изъ него выйдетъ, потому-то общее образованіе и должно быть для всѣхъ одинаковое.

Исходя изъ той же идеи сословности и находя нужнымъ доставить разнымъ сословіямъ различные пути къ образованію, академикъ Фишеръ указалъ болѣе практическій путь для осуществленія этой мысли, именно не бифуркацію курса, а

учрежденіе особыхъ школъ для разныхъ сословій, какъ-то: для крестьянъ, для купцовъ, дѣти которыхъ должны обучаться въ городахъ; дворяне, приготовляющіеся къ военной службѣ, учатся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.

Курсъ гимназій предлагался весьма разнообразный и многопредметный; въ него включались, напримѣръ, и права: естественное и международное и политика, а въ такъ называемыхъ академическихъ гимназіяхъ всѣ вообще юридическія науки, и даже медицина. Но всѣ академики сходились въ томъ, что основаніемъ подготовленія для высшихъ наукъ должны служить studia humanitatis.

Всѣ они также находили, что школы, которые имѣлись въ виду для небольшихъ городовъ, слѣдуетъ устроить такъ, чтобы онѣ, кромѣ общихъ началъ грамотности, для всѣхъ необходимыхъ, служили бы и подготовительными училищами для гимназій, или низшими ихъ классами, по нынѣшнему были бы прогимназіями, изъ которыхъ ученики переходили бы въ гимназіи, почему всѣ вводили въ ихъ курсъ латинскій языкъ, кромѣ Эпинуса, который, вѣроятно, смотрѣлъ на нихъ, какъ на простыя школы грамотности.

Фишеръ и Протасовъ обратили вниманіе на выборъ учителей: первый указывалъ, что ихъ слѣдуетъ испытывать въ Академіи, дабы дурнымъ преподаваніемъ несвѣдущихъ людей не вселить въ ученикахъ отвращенія къ наукамъ, а другой настаивалъ на томъ, чтобы они были природные русскіе, что, конечно, было желательно, но, по тогдашнему состоянію нашего просвѣщенія, неисполнимо.

Всѣ эти разсужденія изложены лишь въ общемъ видѣ, а не въ формѣ подробнаго положенія, не приложено ни числа уроковъ, ни штатовъ, однимъ словомъ, это были только мысли, не получившія положительной опредѣленности.

Остались онѣ безъ результатовъ, вѣроятно, за послѣдовавшею вскорѣ кончиною императрицы Елизаветы, имѣвшею послѣдствіемъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова. Но за нимъ остается несомнѣнная заслуга предъявленія впервые мысли объ образованіи цѣлаго сословія, что̀ въ то время, какъ уже сказано, было однозначительно со всеобщимъ просвѣщеніемъ страны, гдѣ тогда стояли особнякомъ, единицами, и то только въ столицѣ, нѣкоторыя учебныя заведенія, со спеціальнымъ, по большей части, назначеніемъ.

Въ такомъ положеніи застала учебную часть императрица Екатерина II; вся она заключалась только въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому мы и постараемся представить ихъ, такъ сказать, біографію.

Толстой.

Шляхетный кадетскій корпусъ.

Шляхетный кадетскій корпусъ учрежденъ былъ указомъ 29 іюля 1731 года на 200 человѣкъ дворянъ, 150 русскихъ и 50 финляндскихъ и эстляндскихъ, отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ отъ роду, и помѣщенъ на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ князя Меншикова.

Мысль объ учрежденіи этого учебнаго заведенія принадлежитъ фельдмаршалу Мюниху; онъ же приводилъ ее въ исполненіе, бывши главнымъ его начальникомъ въ царствованіе императрицы Анны.

До этого времени офицеры не получали вовсе правильнаго образованія, а выучивались своему дѣлу только практически, въ полкахъ; потому созданіе такого училища не могло не принести огромной пользы для арміи, что вскорѣ и сдѣлалось очевиднымъ черезъ длинный рядъ военныхъ подвиговъ и отличій его питомцевъ.

По уставу корпуса, утвержденному 15-го ноября 1731 г., кадеты раздѣлены были на двѣ роты, по сто человѣкъ въ каждой. Число ихъ, черезъ годъ послѣ основанія корпуса, увеличено было до 360-ти и, съ теченіемъ времени, все возрастало; такъ, по штату 2-го декабря 1760 г. ихъ полагалось уже 490, раздѣленныхъ на пять ротъ: гренадерскую, три мушкатерскія и одну конную. Въ царствованіе императрицы Екатерины, по штату 29 августа 1762 г., ихъ было уже 600 человѣкъ, и въ концѣ ея царствованія это число дошло до 700.

Съ поступленіемъ корпуса 7 марта 1765 г. въ главное завѣдываніе И. И. Бецкаго, управлявшаго имъ до февраля 1773 г., онъ подвергся существенному преобразованію, въ сходственность съ идеями о воспитаніи, которыя проводилъ Бецкій по всѣмъ подчиненнымъ ему училищамъ, и состоявшимъ въ томъ, чтобы съ младенческихъ лѣтъ отдѣлить дѣтей отъ грубой среды ихъ семействъ и дать имъ правильное, по его мыслямъ, образованіе, безъ помѣхи со стороны ихъ семей. По плану Бец-

каго, корпусъ предполагалось раздѣлить на пять возрастовъ, и принимать въ него дѣтей не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Въ эти лѣта ребенокъ поступалъ въ первый возрастъ, и чрезъ каждые три года переходилъ въ слѣдующій возрастъ, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ пробыть въ корпусѣ пятнадцать лѣтъ. Кадеты перваго возраста подчинены были женскому надзору, а въ четырехъ остальныхъ — воспитателямъ изъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Для разсмотрѣнія проекта Бецкаго императрица назначила, подъ предсѣдательствомъ графа Н. И. Панина, комиссію изъ Петра Ивановича Панина, князей Голицыныхъ, генерала (впослѣдствіи фельдмаршала) и вице-канцлера графа З. Г. Чернышева, генералъ-поручика Муравьева и статсъ-секретаря Олсуфьева. Комиссія одобрила предположенія Бецкаго, и они были утверждены императрицею 11-го сентября 1766 г.

Несмотря на всю пользу, принесенную войскамъ учрежденіемъ шляхетнаго корпуса, самая его организація не была правильна. Она грѣшила въ главныхъ своихъ основахъ тѣмъ, что, съ самаго начала, преслѣдовала двѣ цѣли: приготовлять не только военныхъ офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ; эта педагогическая ошибка отразилась неблагопріятно на всемъ строѣ этого учебнаго заведенія. Мюннихъ разсуждалъ, что не всякій склоненъ къ военной службѣ, а потому слѣдуетъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ приготовлять и къ гражданской, что, конечно, съ большимъ удобствомъ и большею правильностію могло быть достигнуто предоставленіемъ имъ возможности переходить въ гражданскія учебныя заведенія. На основаніи такого неправильнаго взгляда и введены были въ корпусъ юридическія и политическія науки, и другіе предметы, вовсе ненужные для приготовленія къ военному званію, или вовсе недостаточные по своимъ размѣрамъ, какъ напр., обязательное и въ маломъ числѣ часовъ изученіе латинскаго языка, и это спеціальное военное училище, съ самаго своего основанія, сдѣлалось энциклопедическимъ, что, естественно, не могло не умалить пользы отъ него для арміи, и не быть совершенно недостаточнымъ для другихъ отраслей государственнаго управленія. Многопредметность была такова, что ученики одолѣть ее не могли, и потому освобождались отъ изученія многихъ наукъ, даже самыхъ необходимыхъ. Изъ рапорта о состояніи корпуса, поданнаго въ 1733 г. Мюнни-

хомъ, видно, что обязательными для всѣхъ кадетъ предметами были только три: законъ Божій, ариѳметика и военныя упражненія; остальнымъ же наукамъ и языкамъ учился, кто хотѣлъ; такъ изъ 245-ти русскихъ кадетовъ только 18 учились русскому языку, французскому 51, латинскому 15, нѣмецкому 237; изъ наукъ: геометріи училось 36, географіи 17, исторіи 28, юриспруденціи 11.

Задача кадетскаго корпуса усложнилась еще тѣмъ, что въ 1761 г. велѣно было обучать тамъ 50 солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей, для снабженія арміи мастеровыми, и число ихъ вскорѣ было увеличено до 150-ти. Въ 1765 г. они были расформированы и замѣнены 50-ю учениками, которыхъ стали приготовлять въ учителя корпуса.

Мало того, въ учебную программу корпуса введены были такъ называемыя „художества“: живопись, гравированіе, ваяніе, дѣланіе статуй, и т. п.

Съ Сумароковымъ этотъ корпусъ сдѣлался и колыбелью русскаго театра; сценическія представленія много занимали кадетъ, отвлекая ихъ отъ изученія наукъ.

Однимъ словомъ, нельзя было устроить болѣе энциклопедическаго учебнаго заведенія, какимъ современемъ сталъ шляхетный кадетскій корпусъ. Не военныхъ только людей приготовлялъ онъ, но и гражданскихъ чиновниковъ, и педагоговъ, и артистовъ, даже актеровъ. Воспитанниковъ его встрѣчали на всѣхъ поприщахъ, во всѣхъ отрасляхъ гражданской службы. Понадобились ли межевщики, и въ 1746 г. 38 кадетъ отправлены были для межеванія земель въ Ингерманландію, а въ 1756 г. 68 выпущенныхъ изъ корпуса кадетъ помѣщены въ межевую канцелярію, для черченія картъ и межеванія земель. Нужны ли были дипломатическіе чиновники, и кадеты, по выпускѣ, опредѣлялись въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, для изученія языковъ, не только тѣхъ европейскихъ, которыхъ не преподавали въ корпусѣ, но и восточныхъ. Гражданская служба всѣхъ вѣдомствъ должна была въ немъ же искать своего контингента, и тѣ изъ кадетовъ, которые къ ней приготовлялись, освобождены были отъ занятія другими науками и отъ фронта.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы Сенатъ вмѣнилъ въ обязанность шляхетному корпусу приготовить для гражданской службы 24 кадета, напоминалъ объ этомъ начальству корпуса, запретилъ занимать такихъ кадетовъ военными упраж-

неніями, но не мало былъ удивленъ, узнавши впослѣдствіи, что такихъ кадетовъ вовсе нѣтъ. Значитъ, разсчитывать на этотъ источникъ было нельзя. Еще въ царствованіе Анны Іоанновны учреждены были при Сенатѣ и нѣкоторыхъ другихъ присутственныхъ мѣстахъ школы, въ которыхъ приготовлялись, конечно исключительно практически, чрезъ производство письменныхъ дѣлъ, такъ называемые „коллегіи и титулярные юнкеры“, которыхъ велѣно было обучать также ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи и грамматикѣ; но въ 1763 году эти школы были упразднены, и ученики ихъ распредѣлены въ Московскій университетъ и кадетскіе корпуса, а частію помѣщены на службу, и Сенату вмѣнено въ обязанность предувѣдомлять начальство шляхетнаго корпуса, сколько понадобится ему чиновниковъ для обученія соотвѣтственнаго числа кадетъ юриспруденціи, несмотря на то, что предыдущія царствованія могли бы убѣдить въ ненадежности такой подготовки.

Пока корпусъ былъ въ рукахъ военныхъ людей, какъ знаменитый полководецъ Мюннихъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Людвигъ Гессенъ-Гамбургскій (съ 1743 г.), даже великій князь Петръ Ѳедоровичъ (съ 12 февраля 1759 г.), столь пристрастный ко всему военному, а впослѣдствіи (съ марта 1763 г.) князь Н. В. Репнинъ, то военный духъ преобладалъ въ корпусѣ. Но съ назначеніемъ 7 марта 1765 г. главнымъ его начальникомъ И. И. Бецкаго, своеобразныя его педагогическія идеи взяли верхъ надъ прямымъ назначеніемъ военно-учебнаго заведенія, и оно стало еще болѣе энциклопедическимъ, потому что, разумѣется, нѣтъ никакой возможности предугадать военныя склонности и способности, даже степени здоровья въ шестилѣтнемъ ребенкѣ — возрастъ, въ которомъ только и принимали въ корпусъ; притомъ Бецкій былъ военный только по имени, то-есть по чину, но вовсе не по знанію военнаго дѣла; онъ былъ, такъ сказать, штатскій-военный.

Такое направленіе воспитанія не могло, конечно, не отразиться на его питомцахъ. „Офицеры, которые выходили изъ прежняго кадетскаго корпуса“, писалъ въ 1789 г. графъ С. Р. Воронцовъ своему брату, „были хорошими военными, и только военными; тѣ же, которые образовались подъ руководствомъ Бецкаго, играли хорошо комедію, писали стишки, однимъ словомъ, знали все, кромѣ того, что нужно знать офицеру“. Къ сожалѣнію, неправильная постановка учебной части въ кор-

пусѣ не только не сознавалась правительствомъ, но императрица даже хвалилась тѣмъ, что̀ несомнѣнно слѣдовало бы порицать и исправить. „Наставьте же г-на Кошена“, писала она въ 1767 г. Фальконету, „онъ думаетъ, что мои кадеты приготовляются для войны; можетъ быть, Парижская военная школа ввела его въ это заблужденіе. Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и наклонностямъ.

26-го марта 1774 г. П. В. Завадовскій объявилъ Комиссіи объ учрежденіи училищъ, что императрица, оставшись довольною тѣми преобразованіями учебной части, которыя сдѣланы были Комиссіею въ Смольномъ, изъявила желаніе, чтобы разсмотрѣны были безотлагательно учебный планъ и состояніе преподаванія въ шляхетномъ корпусѣ, и что чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ будетъ пріятнѣе ея величеству.

Комиссія пригласила въ свое засѣданіе только что назначеннаго главнаго директора корпуса, генералъ-поручика графа де-Бальмена, и, истребовавъ отъ него нужныя свѣдѣнія о преподаваемыхъ наукахъ, раскрыла настоящее положеніе дѣла.

Въ то время было въ корпусѣ 661 кадетъ, раздѣленныхъ на пять возрастовъ. Въ корпусѣ преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, между прочимъ, науки юридическія, политическая экономія (экономія государственная), астрономія, наутика, или „свѣдѣніе о морскомъ искусствѣ“, гравированіе, ваяніе, дѣланіе статуй, и проч. Первый возрастъ состоялъ изъ дѣтей отъ 5-ти и 6-ти до 9-ти лѣтъ и раздѣленъ былъ на шесть классовъ, такъ какъ въ немъ находилось 141 дѣтей. Къ каждому классу приставлена была воспитательница. Главнымъ предметомъ ученія въ этомъ возрастѣ былъ французскій языкъ, на который употреблялось 14 часовъ въ недѣлю, на русской же только 6; на танцы назначено было также 6 часовъ. Общее число часовъ въ недѣлю въ этомъ возрастѣ составляло 34. Законъ Божій не преподавался вовсе. Второй возрастъ состоялъ изъ мальчиковъ отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ, ихъ было 136. Общее число уроковъ простиралось въ этомъ возрастѣ до 42-хъ въ недѣлю, то-есть по семи часовъ въ день. „Въ томъ же полученномъ извѣстіи“, сказано въ журналѣ Комиссіи, „значитъ, что, ради слабаго понятія и употребленія большого времени на изученіе языковъ, нельзя было преподавать кадетамъ сего возраста: географіи, исторіи, миѳоло-

гіи, геометріи, началъ славянскаго языка", которые, однако, положены были по учебному плану. Въ третьемъ возрастѣ были ученики отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, въ числѣ 134. Для этого возраста положены были, между прочимъ, и латинскій языкъ, „кто захочетъ", и „бухгалтерство"; „географіи обучаются по диктуемой учителями". „По полученному извѣстію", читаемъ въ журналѣ Комиссіи, „воспитанники сего возраста не обучаются: 1) хронологіи, потому что она вмѣстѣ съ исторіею показана будетъ, и 2) исторіи, за недовольнымъ знаніемъ географіи, которая еще во второмъ возрастѣ съ исторіею предписана, 3) геометріи, за недовольнымъ знаніемъ ариѳметики до 15-ти лѣтняго возраста, 4) латинскому языку, потому что не оказались къ тому склонными, 5) основанію военной и гражданской архитектуры, за незнаніемъ ариѳметики и геометріи, 6) бухгалтерству, за неокончаніемъ ариѳметики, и недостаткомъ времени". Къ четвертому возрасту причислялись юноши отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ; ихъ было 134. Число недѣльныхъ часовъ въ этомъ возрастѣ положено было 45, и въ число учебныхъ предметовъ включены были, между другими, *краснорѣчіе* и *философія*. „Въ семъ возрастѣ", сказано въ журналѣ комиссіи, „не преподаютъ ни одной науки, предписанной собственно возрасту сему, для того, что хронологія будетъ сопряжена съ исторіею, къ латинскому языку не оказалось въ кадетахъ склонности; основанія же воинской и гражданской архитектуры, которыя предписаны еще въ третьемъ возрастѣ, но оставлены были за незнаніемъ геометріи, оставлены и здѣсь, за незнаніемъ оныя же". Въ пятомъ возрастѣ были молодые люди отъ 18-ти лѣтъ до 21-го года. Число учебныхъ часовъ назначено было 45. „Латинскому языку", говорится въ журналѣ комиссіи, „не обучаются за тѣмъ, что желающихъ нѣтъ, а гражданскія науки будутъ, по окончаніи россійской исторіи, сопряжены съ россійскою статистикою. А для чего прочимъ наукамъ не обучались, самимъ приставникамъ кадетскаго корпуса не извѣстно".

Всѣхъ учителей въ корпусѣ было 43, и изъ нихъ 14 для французскаго языка.

Ознакомившись съ положеніемъ учебной части въ корпусѣ, комиссія пришла къ такому заключенію: „хотя при числѣ 43-хъ учителей и можно бы надѣяться, что каждый возрастъ всѣмъ въ уставѣ предписаннымъ наукамъ могъ быть совер-

шенно обученъ, а особливо когда кадеты въ нѣкоторыхъ возрастахъ болѣе семи часовъ въ день обучалися; но какъ при всемъ томъ видно, что воспитанники, достигая пятаго возраста, гдѣ бы имъ всѣ науки оканчивать уже должно, оныя вмѣсто того лишь начинаютъ, то и неудивительно, что еще многія другія остаются безъ всякаго преподаванія, какъ, напримѣръ, гражданскія науки всѣ. Причина же таковаго запущенія воспослѣдовала очевидно отъ одного возраста на другой чрезъ откладываніе ученія, ибо не видно ни въ одномъ, начиная съ самаго перваго и до послѣдняго, чтобы всѣ тѣ науки были точно преподаваемы, какія которому уставомъ предписаны, менѣе же всего въ какомъ либо порядкѣ и распоряженіи, такъ что и тѣ самыя, которыя преподаются, преподаваемы были во всѣхъ почти возрастахъ не всѣмъ кадетамъ, возрастъ тотъ составляющимъ, но нѣкоторой токмо части онаго, безъ всякаго плана, по книгамъ, иногда вовсе къ предмету науки не относящимся. Почему воспитанникамъ, препроведшимъ такимъ образомъ первые четыре возраста, и нѣтъ уже болѣе возможности совершить себя въ пятомъ, гдѣ обременены будучи вдругъ множествомъ различныхъ наукъ, и отчаяваяся успѣть во всѣхъ, ни къ одной за тѣмъ повидимому не прилѣпляются и не въ одной не успѣваютъ".

Комиссія предложила значительно сократить число уроковъ, оставивъ отъ 30-ти до 32-хъ недѣльныхъ часовъ въ каждомъ классѣ; вовсе исключить изъ курса нѣкоторые предметы, именно: наутику, химію и всѣ „художества", какъ-то: живопись, гравированіе, ваяніе и дѣланіе статуй; на латинскій языкъ положить въ первыхъ трехъ возрастахъ по четыре, а въ двухъ старшихъ по два часа; первоначально предполагала она обязать преподавать на латинскомъ языкѣ всѣ юридическія науки, какъ это дѣлалось въ тогдашнихъ университетахъ, но впослѣдствіи отступила отъ этой мысли. Въ трехъ низшихъ возрастахъ комиссія находила возможнымъ примѣнить способы и методъ преподаванія, принятые въ народныхъ училищахъ.

Существенную же фальшь учебнаго корпуса, то-есть совмѣщеніе въ немъ съ науками военными юридическихъ, и двойственность цѣли этого учебнаго заведенія, состоявшую въ приготовленіи не только офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ, Комиссія оставляла незатронутою. Только ака-

демикъ Эпинусъ указалъ на этотъ главный въ организаціи корпуса вопросъ. Въ засѣданіи 27 іюля онъ заявилъ, что кадетскій корпусъ долженъ готовить только военныхъ людей, что всѣ несвойственные съ этою цѣлью предметы должны быть исключены изъ плана его ученія, что этимъ облегчится курсъ, и корпусъ не будетъ болѣе обязанъ терять напрасно время для воспитанія кадетовъ, неспособныхъ къ военной службѣ, а такихъ въ немъ очень много, и всегда такъ будетъ, ибо, при пріемѣ 5 и 6-лѣтнихъ дѣтей, никогда нельзя предвидѣть, будутъ ли они годны для строя. Поэтому Эпинусъ предлагалъ не занимать напрасно такихъ учениковъ предметами, не соотвѣтственными ихъ наклонностямъ и способностямъ, а переводить ихъ въ гражданскія учебныя заведенія, при переходѣ въ четвертый возрастъ, и мѣста ихъ въ корпусѣ предоставлять другимъ; въ такомъ случаѣ весь учебный планъ корпуса могъ бы быть направленъ къ спеціальной его цѣли — приготовленія военныхъ людей, а общеобразовательные предметы преподавались бы въ немъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка. Комиссія не могла не согласиться съ правильностію этого взгляда, но не рѣшилась однакоже его принять изъ чисто формальнаго предлога, что такое существенное измѣненіе курса кадетскаго корпуса не соотвѣтствовало бы его уставу, что измѣнять уставъ она не имѣетъ права, а уполномочена императрицею только улучшить учебный планъ, не касаясь главныхъ основаній утвержденной организаціи корпуса.

Въ дѣлахъ Комиссіи объ учрежденіи училищъ не сохранилось свѣдѣнія: были-ли одобрены государынею ея предположенія относительно шляхетнаго корпуса; но слѣдуетъ думать, что они остались безрезультатными, потому что и въ концѣ царствованія Екатерины находимъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія въ корпусѣ и ту же многопредметность, и то же непомѣрное число недѣльныхъ уроковъ, такъ называемыя „художества“ исключены не были, и въ каждомъ классѣ бывало ежедневно по четыре двухчасовыхъ уроковъ, то-есть по восьми часовъ въ день. Такимъ образомъ, неправильный курсъ шляхетнаго кадетскаго корпуса удержался въ продолженіе всего царствованія императрицы.

Въ царствованіе императрицы Екатерины въ шляхетномъ корпусѣ получили воспитаніе болѣе 4000 кадетовъ, изъ коихъ болѣе 3000 окончили курсъ. *Толстой.*

Московскій университетъ.

Московскій университетъ учрежденъ былъ 12 января 1755 года съ десятью профессорскими каѳедрами, именно: по три въ факультетахъ юридическомъ и медицинскомъ, и четыре въ философскомъ. Этотъ послѣдній факультетъ былъ полнѣе по преподавательскимъ силамъ, потому что, по примѣру германскихъ университетовъ, онъ составлялъ основу всего университетскаго образованія: студентъ обязывался сначала окончить курсъ словесныхъ наукъ, въ которомъ преобладали языки латинскій и греческій, а потомъ уже остаться не менѣе трехъ лѣтъ въ избранномъ имъ факультетѣ.

Профессора въ университетъ выписаны были изъ Германіи; Академія Наукъ, Тюбингенъ, Штутгартъ, Вѣна, Лейпцигъ и Геттингенъ доставили Московскому университету первыхъ ея наставниковъ. Лекціи читались по-латини или по-французски; для студентовъ, не понимавшихъ достаточно латинскій языкъ, на которомъ читали лекціи большинство профессоровъ, приставлены были такіе студенты, которые были въ состояніи переводить профессорскія лекціи на русскій языкъ. Всѣ протоколы университетской конференціи писались на французскомъ языкѣ. Даже офиціальныя рѣчи произносились на иностранныхъ языкахъ; такъ въ 1760 г. директоръ университета И. И. Мелиссино привѣтствовалъ новаго куратора Веселовскаго рѣчью на французскомъ языкѣ, и Веселовскій отвѣчалъ ему также по-французски.

Студентовъ набрали преимущественно изъ семинаристовъ; въ 1758 г. ихъ было сто человѣкъ.

Несмотря на легкость замѣщенія иностранцами профессорскихъ каѳедръ и на незначительное ихъ число, каѳедры эти долгое время не были заняты: Дильтей, основатель юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ, не только во все царствованіе императрицы Елизаветы, но вплоть до семидесятыхъ годовъ, одинъ преподавалъ всѣ юридическія науки; Керстенъ даже въ началѣ царствованія Екатерины, читалъ въ медицинскомъ факультетѣ, также одинъ, всѣ науки.

Ученье не составляло тогда потребности общественной: родители не только не поощряли къ нему своихъ сыновей, но нерѣдко мѣшали ихъ занятіямъ, принуждая оставить универ-

ситетъ до окончанія курса, для поступленія на службу. И. И. Мелиссино представилъ куратору И. И. Шувалову расчетъ занятныхъ дней студентовъ, изъ котораго видно, что, если исключить праздничные дни и вакаціи, то студентъ занимается въ году не болѣе ста дней, а отсутствующій подъ разными предлогами — едва сорокъ или тридцать дней. Въ концѣ 1759 г. графъ С. Р. Воронцовъ писалъ своему отцу изъ Москвы: „Осмѣлюсь вамъ представить, милостивый государь батюшка, что Воронцовы, которые въ университетѣ учатся, лучше, ежели бъ вы съ ними милость сдѣлали, чтобъ взять ихъ въ Петербургъ, и отдать куда-нибудь въ пансіонъ или въ кадетскій корпусъ, затѣмъ, что учитель дядюшкинъ, который весьма знающій есть человѣкъ, ихъ экзаменовалъ, и сказалъ, что они совсѣмъ ничего не знаютъ. Нечему и дивиться, когда учители пьяницы, а ученики самые подлые поступки имѣютъ. Человѣкъ самаго лучшаго воспитанія тамъ испортиться можетъ, не токмо чтобы научиться“.

Такое положеніе новооткрытаго университета не могло быть неизвѣстнымъ императрицѣ Екатеринѣ, и въ первые годы своего царствованія, едва справившись съ внутренними смутами и утвердивъ свою власть, она обратила на него свое вниманіе. Въ концѣ 1765 г. она поручила профессорамъ Московскаго университета представить свое мнѣніе объ улучшеніи состоянія университета; повидимому, мысль эта сильно ее тогда занимала, потому что она дала имъ сроку только три недѣли. На этотъ вызовъ императрицы семь профессоровъ потребовали полной автономіи университету, а профессорамъ увеличеніе содержанія, назначеніе пенсій, пожалованіе университету подмосковныхъ деревень, которыя управлялись бы не университетскимъ начальствомъ, а самими профессорами, и т. п. Объ улучшеніи учебной части, о замѣщеніи поступающихъ каѳедръ не было и рѣчи. Само собою разумѣется, что такого рода проектъ не могъ имѣть никакого практическаго значенія, а только, какъ кажется, охладилъ императрицу къ университетскому вопросу, и съ тѣхъ поръ, во все ея царствованіе, нѣтъ слѣдовъ о ея какихъ-либо особыхъ заботахъ относительно Московскаго университета.

Въ царствованіе императрицы Екатерины Московскій университетъ началъ пополняться русскими профессорами: 1767 г., кромѣ профессора Барсова, было уже въ немъ пять русскихъ

молодыхъ ученыхъ, которые образовались изъ его питомцевъ, отправленныхъ Шуваловымъ, въ концѣ царствованія Елизаветы, въ заграничные университеты. Когда указомъ 4 марта 1784 г. императрица повелѣла учредить комиссію, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Петровича Шувалова, для составленія записокъ о древней исторіи Россіи, то въ составъ ея вошли два профессора Московскаго университета, Барсовъ и Чеботаревъ. Съ 1765 г. протоколы университетской конференціи стали составляться на латинскомъ, а не на французскомъ языкѣ, какъ было прежде.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ немногихъ каѳедръ, которыя положены были въ этомъ университетѣ по его уставу, долгое время оставались незанятыми и не имѣли необходимыхъ научныхъ пособій; такъ напр., въ первые годы царствованія Екатерины анатомія преподавалась исключительно теоретически, потому что нельзя было доставать труповъ для анатомическаго театра. Науки медицинскія не имѣли еще значительнаго развѣтвленія, и, даже въ концѣ царствованія Екатерины, многія изъ нихъ соединялись въ одномъ профессорѣ. Во время свирѣпствованія въ Москвѣ чумы въ 1771 г. дѣйствовали только два профессора медицинскаго факультета, Зыбелинъ и Веніаминовъ, въ качествѣ членовъ медицинскаго совѣта, образованнаго для прекращенія язвы.

При такомъ недостаткѣ ученыхъ силъ и при понятномъ желаніи правительства удостовѣриться въ способностяхъ лицъ, предназначавшихся къ гражданской службѣ, естественно, что Московскій университетъ въ теченіе долгаго времени не пользовался исключительнымъ правомъ возводить въ ученыя степени. На экзаменъ юридическаго факультета назначался обыкновенно генералъ-прокуроромъ одинъ изъ оберъ-секретарей Московскихъ департаментовъ Сената, которые составляли и экзаменные вопросы, или темы, на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Только указомъ 29 сентября 1791 г. дано было право медицинскому факультету производить въ степень доктора медицины, но съ условіемъ, чтобы экзамены производились при депутатахъ отъ медицинской коллегіи; правомъ этимъ воспользовался, во все царствованіе Екатерины, только одинъ врачъ, въ 1794 году. Ученыя медицинскія степени выдавались медицинскою коллегіею, гдѣ врачи и сдавали экзамены.

По крайне ограниченному числу студентовъ, не предстояло

часто и экзаменовать ихъ на ученыя степени; такъ въ 1765 г. во всемъ юридическомъ факультетѣ былъ только одинъ студентъ; также и медицинскій факультетъ имѣлъ въ 1768 г. одного представителя-студента. Когда въ 1767 г. взято было 18 студентовъ въ комиссію сочиненія проекта новаго уложенія, то конференція университета заявила, что университетъ опустѣлъ, что на всѣхъ курсахъ юридическаго факультета осталось всего четыре студента, потому и было назначено перевести въ этотъ факультетъ пять студентовъ изъ философскаго факультета.

Оставленіе университета до окончанія курса было обыкновеннымъ явленіемъ: изъ актовъ конференціи 1770 г. видно, что 300 студентовъ вышли изъ университета, не окончивъ курса, и что только двое юристовъ вполнѣ его докончили. Черезъ тридцать почти лѣтъ послѣ основанія Московскаго университета, въ немъ было менѣе студентовъ, чѣмъ при его учрежденіи, именно въ 1758 г. ихъ считалось 100, а въ 1787 г. 82. Такому студенческому малолюдству содѣйствовало, конечно, и то обстоятельство, что тогда университетское образованіе не давало никакихъ правъ на чинопроизводство.

Толстой.

Университетская гимназія.

Университетская гимназія получила и полвѣка сохраняла особенный свой обликъ, соотвѣтственный духу, свойству и тогдашнимъ требованіямъ русскаго народа и правительства, обликъ во многомъ не схожій съ училищами иностранными и нѣсколько отмѣнный отъ характера нынѣшнихъ русскихъ гимназій.

Великое, премудрѣйшее правило руководило учредителей университета при его основаніи: „науки не терпятъ принужденія и между благороднѣйшими упражненіями человѣческими справедливо счисляются“, — сказано въ статьѣ 26 проекта о учрежденіи Московскаго университета, и потому университетское и гимназическое образованіе предоставлено молодымъ людямъ благороднаго и другихъ свободныхъ состояній, кромѣ крѣпостныхъ людей. Открыты были двѣ гимназіи — дворянская и разночинская: въ первой должны были образовываться дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, въ другой же гимназіи дѣти канцелярскихъ служителей, священно- и церковно-

служительскіе, солдатскіе, купеческіе, мѣщанскіе, и всякихъ другихъ свободныхъ званій люди, кромѣ крѣпостныхъ, помѣщикамъ принадлежавшихъ (ст. 28 того же проекта). Каждую гимназію составляли четыре *школы:* первая россійская, другая латинская, третья первыхъ основаній математики и наукъ, и четвертая знатнѣйшихъ европейскихъ языковъ (ст. 29 того же проекта). Эта послѣдняя школа по *штату университета* и *гимназій* раздѣлена была на двѣ: на школу французскаго языка и школу нѣмецкую. Каждая изъ сихъ пяти школъ по *росписанію жалованья на гимназіи* должна была раздѣляться на классы, а именно: предполагалось въ школѣ россійской три класса, въ латинской три класса, въ школѣ первыхъ основаній математики и наукъ три класса, въ школѣ французскаго языка два класса и въ школѣ нѣмецкой два же класса. Ученіе въ гимназіяхъ началось чрезъ полгода по объявленіи Высочайшаго Указа объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій. Знаменитый первый кураторъ Шуваловъ собственноручно отмѣтилъ въ расписаніи жалованья по гимназіи имена первыхъ учителей и предметовъ ихъ занятій.

Обѣ гимназіи въ Москвѣ помѣщены были въ каменномъ зданіи главной аптеки, что у Воскресенскихъ Курятныхъ воротъ въ Китаѣ городѣ, — и охотниковъ учиться явилось множество, особенно же дворянъ, которые въ тѣ времена всѣ безъ изъятія были обязаны непремѣнно образовать себя подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуться весьма строгому взысканію.

Но по русской пословицѣ: „первую пѣсенку зардѣвшись пѣть“, — и ученіе въ гимназіяхъ не вдругъ устроилось въ порядокъ. Покойный профессоръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ въ запискѣ о первыхъ лѣтахъ жизни своей между прочимъ упомянулъ такъ: „въ 15 день (т.-е. 15 ноября 1755 г.) послѣ смерти отца моего записанъ былъ матерью въ университетъ, и лишній годъ потерялъ въ праздности по неустройству новооснованнаго училища. До 1757 года продолжался безпорядокъ въ ученіи“.

На основаніи того же премудраго правила, что „наука не терпитъ принужденія“, не было назначено курсовъ, или срочнаго времени ученія, каждый могъ учиться во всякомъ классѣ столько долго, сколько дозволяли ему средства, обстоятель-

ства и дарованія его: талантливый учился успѣшно и, начавъ съ азбуки, могъ въ четыре года или въ пять лѣтъ достигнуть степени студента, между тѣмъ какъ не весьма даровитый въ это время едва-едва могъ выбраться изъ среднихъ гимназическихъ классовъ въ высшее, а бездарный при одинакомъ и даже при большемъ радѣніи и прилежаніи успѣвалъ и того медленнѣе, однакоже всѣ они одинаково жаждали, искали просвѣщенія, одинаковую имѣли въ немъ потребность, и училище обязано было всѣми ими озабочиваться съ должнымъ вниманіемъ и попеченіемъ, дабы всѣхъ ихъ сдѣлать полезными членами обществу. Продолжительныя, многочисленныя наблюденія убѣждали начальство университета въ томъ, что память, понятливость и прочія умственныя способности не у всѣхъ дѣтей одновременно раскрываются, зрѣютъ и совершенствуются; но у одного раньше, у десятерыхъ позже, у сотни и того позднѣе; премного бывало и такихъ примѣровъ, что мальчики до четырнадцати- и до пятнадцатилѣтняго возраста казались тупоумны, безпонятливы, а потомъ какъ бы мгновенно перерождались, и оказывали такую степень умственныхъ силъ, что въ самое короткое время отмѣнно успѣвали и не только догоняли, но и опережали такихъ товарищей, которые съ раннихъ лѣтъ выказывали особенныя дарованія и всегда отличались скорыми успѣхами въ ученіи. Требовать быстрыхъ успѣховъ отъ неразвившагося и медленнозрѣвшаго ума, по мнѣнію тогдашнихъ начальниковъ, значило попусту неволить природу, а отказывать въ училищномъ образованіи скудоумному отроку значило принуждать науки, стѣснять, обижать человѣчество; напротивъ того, осторожно и терпѣливо открывать притаенныя природою дарованія человѣческія, образовать и совершенствовать ихъ въ томъ, въ комъ онѣ еще не видны, и безъ помощи ученія вовсе бы остались погибшими, все это конечно не легко, даже неимовѣрно трудно, но зато и похвально, и достославно, и утѣшительно. Можно утвердительно сказать, что университетскія гимназіи могли гордиться своими отмѣнными успѣхами въ образованіи молодыхъ людей со всякими — и быстрыми и медленными способностями. Еще въ 1756 году, по представленію университета и по приговору Правительствующаго Сената, семилѣтнимъ и двѣнадцатилѣтнимъ недорослямъ изъ дворянъ, являвшимся въ опредѣленныхъ мѣстахъ на смотрахъ и получавшимъ надлежащіе паш-

порты, дозволено было вступать въ университетъ и быть тамъ *въ обученіи* до 16 и 20 лѣтъ и даже далѣе тѣхъ лѣтъ возраста ихъ, что все подтверждено еще особеннымъ указомъ марта 20-го дня 1758 года; а съ восшествіемъ на престолъ государя императора Петра Ѳеодоровича и это ограниченіе уничтожилось, когда предоставлена была дворянству совершенная свобода служить и не служить, и когда прекращены были вышеупомянутые срочные смотры дворянскимъ недорослямъ. Долговременное ученіе молодыхъ людей въ гимназіяхъ и университетѣ признавалось не только безвреднымъ, но даже полезнымъ для учащихся и нимало не тревожило и не могло быть безпокойно ни университету, ни обществу, ни правительству; ибо университетъ лишь занимался образованіемъ учившихся, свидѣтельствовалъ объ ихъ ученіи, успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи; лучшихъ студентовъ рекомендовалъ къ удостоенію оберъ-офицерскаго чина, и въ аттестатахъ лишь поминалъ такъ: „а чтобы онъ гдѣ надлежитъ явился и праздно не находился, обязанъ реверсомъ“. Самъ же университетъ никакихъ правъ и преимуществъ неотъемлемыхъ никому не давалъ: это всегда предоставлялось начальствамъ тѣхъ мѣстъ, куда обучавшіеся поступали на государственную службу. Своекоштные гимназическіе ученики какъ во время своего обученія въ университетѣ, такъ и по выходѣ изъ онаго, если не поступали на службу, оставались при своихъ семействахъ и при тѣхъ обществахъ, при коихъ семейства ихъ состояли приписанными.

По тому же великому правилу, что науки не терпятъ „принужденія“, дозволено было всякому учиться лишь тѣмъ предметамъ, которые самъ онъ признавалъ надобными къ своему образованію (ст. 31 и 32 того же проэкта), и сообразно съ сею цѣлію каждый предметъ раздроблялся на разныя части, и для каждой изъ нихъ назначались и особый классъ и особый учитель; напримѣръ, ученіе закону вѣры было въ двухъ классахъ, въ первомъ, или нижнемъ, по сокращенному катихизису для народныхъ училищъ, и во второмъ, или высшемъ, классѣ по катихизису пространному, изданному для народныхъ училищъ. Въ самомъ университетѣ преподаваніе богословія не было дозволено, потому что для сей части образованія учреждены въ государствѣ особыя училища; ученіе русскому языку дѣлилось на четыре части, или на четыре класса, и препода-

валось четырьмя учителями. Первый изъ нихъ училъ чтенію и письму, другой грамматикѣ, третій синтаксису и начаткамъ логики и реторики, четвертый краснорѣчію; въ такомъ же порядкѣ распредѣлялось и ученіе нѣмецкому и французскому языкамъ; латинскій языкъ раздроблялся на пять классовъ: чтенія, грамматики, синтаксиса, начатковъ риторическихъ, и филологіи, или ректорскій классъ; ученіе математики также преподавалось въ пяти классахъ: въ первомъ начальныя четыре дѣйствія ариѳметическія въ простыхъ и именованныхъ числахъ, во второмъ классѣ о дробныхъ числахъ, квадратахъ и кубахъ, въ третьемъ классѣ пропорціи, тройное правило всѣхъ случаевъ или видовъ, прогрессіи и логарифмы, въ четвертомъ классѣ геометрія и плоская тригонометрія, въ пятомъ классѣ алгебра, тригонометрія сферическая и криволинейная геометрія. Даже искусства рисованія и музыки распредѣлялись каждое на два класса. Время утреннее посвящалось изученію закона вѣры, языковъ, чистописанія, а послѣобѣденное время наукамъ и искусствамъ, какъ то: исторіи, географіи, математикѣ, архитектурѣ, естественной исторіи, философіи, рисованію, музыкѣ, танцамъ и фехтованію. Учитель, особенно въ нижнихъ и среднихъ классахъ, занимался въ день по четыре часа, которые раздѣлялись на двѣ перемѣны: первые часы, или первая перемѣна, — утромъ отъ 6 до 10 часовъ и послѣ обѣда отъ 2 до 4 часовъ; другіе, вторые часы или вторая перемѣна, утромъ отъ 10 до 12 часовъ, и вечеромъ отъ 4 до 6 часовъ. Итакъ, по-нынѣшнему сказать, каждый, или почти каждый, учитель бывалъ занятъ однимъ своимъ предметомъ въ недѣлю двѣнадцать двухчасовыхъ уроковъ по утрамъ и восемь двухчасовыхъ уроковъ по вечерамъ: ибо въ среду и субботу ученія не было, кромѣ нѣкоторыхъ вышнихъ предметовъ: архитектуры, натуральной исторіи и т. п., и вообще было немного исключеній изъ сего порядка; такъ учители, занимавшіе два класса, напримѣръ, который-либо изъ русскихъ, или латинскихъ, по утрамъ, и математическій по вечерамъ, бывали на службѣ университетской по шести, либо по осьми часовъ въ день; преподаватели предметовъ въ послѣобѣденное время по средамъ и субботамъ занимались уроками лишь по два часа въ день, или по 4 часа въ недѣлю. Каждаго класса ученики раздѣлялись въ утреннее время на четыре отдѣленія и въ послѣобѣднее время на два отдѣленія:

напримѣръ въ классѣ русской грамматики по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ на *первыхъ* утреннихъ часахъ училось одно отдѣленіе мальчиковъ, напримѣръ 120 или 150; на *вторыхъ* часахъ въ тѣ же дни другое такое же отдѣленіе; по средамъ и субботамъ на первыхъ часахъ третье отдѣленіе и на вторыхъ часахъ четвертое отдѣленіе. Учитель во всѣ четыре часа оставался на своемъ стулѣ, смѣнялись по звонку ученики; отъ 10 минутъ до четверти часа времени дозволялось на выходъ прежнихъ учениковъ и на сборъ ихъ *смѣнщиковъ;* затѣмъ начиналась перекличка, остальное время, часа съ полтора, либо 75 минутъ, посвящалось уроку. Впослѣдствіи съ умноженіемъ числа учившихся, необходимо увеличивалось и число учителей такъ, что одна часть предмета преподавалась въ нѣсколькихъ классахъ въ одно и то же время; напримѣръ, чтенію и письму по-русски учили два учителя въ двухъ отдѣльныхъ классахъ, русская грамматика преподавалась тремя учителями въ трехъ классахъ, грамматикѣ нѣмецкаго языка учили два преподавателя особо одинъ отъ другого; то же самое было и съ грамматикою французскаго языка. Для нижней части ариѳметики было три класса, для средней два и вышней два же класса, и постольку учителей. Всѣ учители одинаковыхъ классовъ проходили одну и ту же часть предмета въ одинаковомъ пространствѣ, по однимъ и тѣмъ же учебнымъ руководствамъ, какъ будто бы одинъ и тотъ же учитель былъ въ цѣлой гимназіи. При такомъ распредѣленіи каждый ученикъ имѣлъ совершенную свободу учиться въ тѣхъ классахъ, которые соотвѣтствовали его предварительнымъ познаніямъ, наклонностямъ и успѣхамъ; такъ, напримѣръ, случалось нерѣдко, что ученикъ средственно шелъ по предмету латинскаго языка, успѣшнѣе по французскому или нѣмецкому языкамъ, а и того успѣшнее въ математическихъ классахъ; и потому въ классахъ латинскихъ просиживалъ по три года, въ классахъ новѣйшихъ языковъ по два года, а въ классахъ ариѳметическихъ по полугоду или много что по цѣлому году въ каждомъ.

Во исполненіе статьи 44 проекта объ учрежденіи университета, конференція онаго составила краткія для учителей правила на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: *способъ ученія.* На томъ же основаніи было составлено и для учениковъ гимназіи краткое наставленіе къ исполненію обязанностей ихъ, печатанное на та-

бѣляхъ, которыя отъ инспектора выдавались каждому гимназисту свое, съ означеніемъ: у кого именно, чему и когда онъ долженъ былъ учиться; онъ обязывался хранить у себя табель эту во все продолженіе времени ученія своего въ гимназіи. Въ нижнихъ и среднихъ классахъ языковѣдѣнія, также исторіи и географіи и вообще гдѣ гимназисты должны были выучивать наизусть уроки, заданные на домъ, учители избирали себѣ въ помощники прилежнѣйшихъ и вмѣстѣ благонравнѣйшихъ учениковъ, которые назывались *авдиторами* (auditores, спросчики или спрашивальщики); имъ препоручалъ онъ въ надзоръ по нѣскольку изъ прочихъ учениковъ. Обязанность авдиторовъ была до начатія учительскаго преподаванія спрашивать уроки у ввѣренныхъ имъ товарищей и въ особыхъ своихъ малыхъ спискахъ, или *нотатахъ* (notata), отмѣчать знаніе или причину неявки въ классъ, для чего употреблялись условные знаки: o—optime, *очень хорошо,* когда урокъ выученъ былъ безъ всякой ошибки даже въ разбивку; b—bene, *хорошо,* когда урокъ былъ сказанъ твердо, но съ нѣкоторыми остановками въ разбивкѣ; m—mediocriter, *средственно,* когда урокъ не твердъ и съ частыми запинками; n—nescit, *не знаетъ.* когда совсѣмъ былъ невыученъ урокъ; ae—aeger, *боленъ* и не былъ въ классѣ по этой причинѣ; V.-abest, vel abfuit cum *venia,* отпущенъ начальствомъ или учителемъ; a или ab—abest, s. abfuit sine venia, не былъ въ классѣ по неизвѣстной причинѣ. Кромѣ того авдиторы задавали и объясняли уроки новичкамъ и отсталымъ ученикамъ, которые по разнымъ причинамъ не могли съ большинствомъ товарищей слѣдовать за общимъ преподаваніемъ предмета. Когда учитель перекликалъ учениковъ по списку, тогда ему отвѣчали авдиторы по своимъ нотатамъ, и онъ тѣми же условными знаками отмѣчалъ противъ имени ученика въ графѣ того дня. За перекличкою слѣдовалъ спросъ урока прочими учениками, по замѣткамъ авдиторскимъ, т.-е., учитель спрашивалъ урокъ въ разбивку у тѣхъ, кто бывало ему взглянется, а особенно у заявленныхъ знавшими средственно или худо. Затѣмъ дѣлалъ въ спискѣ своемъ поправки; туда же записывалъ и проступки дѣтей, замѣченные во время урока, и учиненныя за то имъ наказанія, какъ то, поставка на колѣни во время класса, *пали,* или удары линейкою по ладонямъ. За важнѣйшіе проступки и упорную лѣность считалось большимъ наказаніемъ лишеніе обязанности авди-

торской, пересадка на низшее мѣсто и на конецъ стола, или даже отмѣтка на бѣлой страницѣ въ печатномъ листѣ мѣсячной вѣдомости, подаванной инспектору. Мѣрами поощрительными за успѣхи и прилежаніе были: пересаживаніе на высшее мѣсто, порученіе авдиторства, награда книгою, эстампомъ, прописью или нотами на публичномъ годовомъ собраніи университета. Прочее занятіе учениковъ въ упражненіяхъ производилось по предписаніямъ печатнаго способа ученія: въ концѣ *перемѣны* задавался общій урокъ для выучиванія на дому и приготовленія къ слѣдующему дню ученія; на праздничные дни уроки задавались болѣе обыкновенныхъ, на малыя вакаціи, т.-е. святки, масленицу, Свѣтлую недѣлю, такіе уроки бывали и еще длиннѣе; на лѣтнюю большую вакацію уроки задаваны не бывали, потому что за нею слѣдовалъ переводъ изъ низшихъ классовъ въ высшіе по всей гимназіи. Изъ учительскаго списка съ ежедневными отмѣтками составлялась къ первому числу каждаго мѣсяца именная вѣдомость, которая писалась на особенной печатной бумагѣ, всегда благовременно присылавшейся отъ инспектора къ учителямъ. Такой печатной бумаги одинъ бѣлый листъ прилагается при семъ; онъ имѣетъ заглавіе: Index discipulorum in classe et cet. На такомъ листѣ имена учившихся писались по алфавитному порядку заглавныхъ буквъ ихъ фамилій или прозваній и на томъ языкѣ, какой преподавался или употреблялся учившимъ въ классѣ. На верхней страницѣ этого листа малая таблица для вѣдомости итоговъ, или общихъ числъ, выводившихся изъ поименной вѣдомости и отмѣтка времени небытія учителева въ классѣ и причинъ этого отсутствія. Сіи печатные листы бумаги доказываютъ, что преподававшіе въ гимназіяхъ профессоры и учители, равно какъ штатные и своекоштные студенты, продолжавшіе образованіе свое въ гимназіяхъ и еще не переведенные въ университетъ къ слушанію факультетскихъ лекцій, по отношенію къ обязанностямъ своимъ въ классахъ состояли подъ наблюденіемъ инспектора. Въ первыхъ числахъ новаго мѣсяца сіи вѣдомости профессоръ доставлялъ, учитель же самъ лично подавалъ инспектору, который по таковымъ вѣдомостямъ дѣлалъ въ кондуктной книгѣ учившихся отмѣтки о продолжительности самовольныхъ отлучекъ или отгуливаній отъ класса и о предосудительныхъ поступкахъ.

Надзоръ за хожденіемъ своекоштныхъ учениковъ въ гимна-

зическіе классы предоставлялся самимъ родителямъ, или попечителямъ, или знакомымъ, у коихъ дѣти проживали и были на рукахъ: но самъ университетъ не принималъ и не могъ принять на себя этой обязанности, которой точное и строгое исполненіе было бы весьма тягостно и потребовало бы и особыхъ чиновниковъ и значительныхъ денежныхъ расходовъ, что было бы невозможно при тогдашнихъ весьма небогатыхъ средствахъ и доходахъ университета. Въ то время объ этомъ дѣлѣ просто и основательно разсуждали, что молодые люди учились добровольно, ради пользы собственной и своихъ семействъ, а не для университета, и что потому семейства были сами обязаны имѣть присмотръ за поведеніемъ мальчиковъ, ходившихъ учиться въ гимназію университета, обязаны были если не провожать ихъ до училища, такъ по крайней мѣрѣ почаще навѣдываться въ ономъ отъ начальства какъ объ исправности хожденія дѣтей въ классы, такъ и объ ихъ успѣхахъ и прилежаніи. Впрочемъ, для надзора за поведеніемъ учениковъ по классамъ и на дворѣ университета были особые чиновники, *дежурные офицеры*, состоявшіе подъ непосредственнымъ начальствомъ инспектора; они дежурили понедѣльно двое, одинъ отъ дворянской, а другой отъ разночинской гимназіи и притомъ въ учебные лишь дни. Они наблюдали за хожденіемъ учителей въ классы, прекращали и предупреждали всякія рѣзвости и шалости учениковъ, смотрѣли за опрятностію классическихъ покоевъ. Въ 1801 и въ послѣдующихъ трехъ или четырехъ годахъ состояло при университетѣ на службѣ до двѣнадцати таковыхъ дежурныхъ офицеровъ.

По статьѣ 12 того же проекта назначалось большимъ вакаціямъ въ университетѣ быть дважды въ году: зимою отъ 16 декабря по 6 генваря, а лѣтомъ отъ 10 Іюня по 1 число іюля; но съ 1762 года продолженіе лѣтней вакаціи установилось со дня восшествія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны Второй на престолъ, или съ 28 числа Іюня по 17 августа. Причиною такой перемѣны было также то, что въ лѣтнемъ курсѣ попрежнему постановленію отъ 1-го іюля по 16 декабря было учебнаго времени пять съ половиною мѣсяцевъ, а въ зимнемъ курсѣ отъ 6 числа генваря по 10 день іюня выходило кругомъ безъ недѣли пять мѣсяцевъ, а за вычетомъ короткихъ вакацій, т.-е. масленицы, первой и послѣдней недѣли Великаго поста и Свѣтлой седмицы, да съ четыре недѣли продолженія

окончательныхъ годичныхъ экзаменовъ, оставалось настоящаго учебнаго времени въ классахъ около трехъ мѣсяцевъ; по новому же распредѣленію продолженіе учебнаго времени уравнивалось въ томъ и другомъ полугодіи. Правда, что новая лѣтняя вакація сдѣлалась подлиннѣе противу прежняго и противу зимней вакаціи, но сего требовало тогдашнее во многихъ благородныхъ домахъ обыкновеніе говѣть цѣлыми семействами объ Успеньевѣ постѣ; къ тому же, эта лѣтняя вакація была единственнымъ временемъ, когда студенты и гимназисты изъ иногородцевъ могли отъѣзжать въ мѣста своей родины для свиданія съ семействами своими, чему двадцатидневный срокъ прежней вакаціи очень много препятствовалъ и по тому самому принуждалъ быть по неволѣ нарушителями постановленія: съ новымъ порядкомъ такія помѣхи устранились къ спокойствію начальниковъ и къ совершенному удовольствію подчиненныхъ.

Въ концѣ перваго семестра послѣ зимняго Николина дня производились, на основаніи 34 статьи того же проекта, сперва приватные, а потомъ инспекторскіе полугодичные экзамены въ начальныхъ или самыхъ нижнихъ классахъ языковѣдѣнія, въ нижнихъ и среднихъ классахъ ариѳметическихъ; къ этому времени учители сихъ классовъ готовили именные списки тѣмъ изъ учениковъ, которыхъ они признавали достаточно успѣвшими и *назначали,* какъ способныхъ, къ переводу въ старшіе классы. Въ опредѣленный отъ инспектора день экзамены сіи происходили такимъ порядкомъ: учитель старшаго класса, напримѣръ высшаго ариѳметическаго, приходилъ въ средній ариѳметическій классъ, а этого класса учитель являлся въ нижній ариѳметическій классъ, и экзаменовали по вышесказаннымъ *спискамъ назначенныхъ* къ тому учениковъ и тѣхъ, которые сами желали экзаменоваться, хотя и не были внесены въ тѣ списки; а чтобы въ этотъ день ученики высшаго или старшаго класса не оставались безъ учителя и не тратили напрасно времени, инспекторъ обыкновенно назначалъ туда одного изъ казеннокоштныхъ студентовъ на этотъ день вмѣсто учителя. Учитель-экзаменаторъ по своему усмотрѣнію дѣлалъ въ спискѣ назначенныхъ отмѣтки и представлялъ его инспектору, который въ одинъ изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ дней проходилъ по классамъ и лично самъ экзаменовалъ дѣтей и по своимъ соображеніямъ съ учительскими отмѣтками опредѣ-

лялъ удостоеніе учениковъ къ переводу въ старшій классъ; точно также все происходило и по другимъ классамъ. Января 7 числа наступалъ учебный зимній семестръ. Въ этотъ день директоръ, инспекторъ, учители, студенты и ученики слушали въ университетской церкви молебное пѣніе предъ начатіемъ ученія. Изъ церкви учители и ученики шли по своимъ классамъ и приступали къ нему. Въ послѣднія недѣли зимняго учебнаго полугодія въ іюнѣ мѣсяцѣ на основаніи 35 статьи проекта университета производились публичные, всеобщіе экзамены. Конференція назначала расписаніе, въ какой день утромъ, или пополудни, какой именно классъ долженъ былъ экзаменоваться, и это расписаніе выставлялось на стѣнѣ въ сѣняхъ, чрезъ которыя былъ входъ въ церковь, въ конференцію, въ нѣкоторые классы и къ инспектору. Дня за три, либо за четыре до публичнаго экзамена изъ какого-либо младшаго класса, напримѣръ въ синтаксическомъ латинскомъ классѣ, начинался экзаменъ приватный учителемъ старшаго класса подобно декабрскимъ приватнымъ экзаменамъ; въ день же публичнаго экзамена учитель класса приводилъ всѣхъ учениковъ своихъ порядкомъ попарно въ большую аудиторію, гдѣ въ переднемъ углу, близъ дверей библіотеки, ставился накрытый краснымъ сукномъ большой четыреугольный столъ, за которымъ въ креслахъ и спиною къ библіотекѣ сидѣлъ директоръ, съ правой стороны отъ него сидѣлъ инспекторъ, и кругомъ стола сидѣли профессоры, приглашенные къ тому директоромъ; по всей же залѣ разставлены были классическіе плоскіе столы и скамьи для учениковъ. Войдя въ залу, учитель представлялъ директору полный, большой списокъ учениковъ, съ означеніемъ времени вступленія въ классъ каждаго изъ нихъ, прилежанія, успѣховъ, поведенія и числа дозволенныхъ и самовольныхъ отлучекъ въ продолженіе цѣлаго года; въ этомъ спискѣ прежде всѣхъ писались имена казеннокоштныхъ учениковъ, послѣ того имена пансіонеровъ, потомъ сверхкомплектныхъ и, наконецъ своекоштныхъ; каждое отдѣленіе писалось въ алфавитномъ порядкѣ по заглавнымъ буквамъ прозваній. Кромѣ сего большого списка еще представлялъ директору, инспектору и профессорамъ-экзаменаторамъ по особому списку назначенныхъ отъ него и на приватномъ испытаніи проэкзаменованныхъ учениковъ. Директоръ, принявъ списки, передавалъ большой инспектору, а сей, привставъ съ мѣста своего, перекликалъ

по этому списку поодиночкѣ всѣхъ вообще учениковъ, отмѣчалъ неявлявшихся; выкликнутые одинъ за другимъ садились за столы. Если учившихся было очень много и неумѣщались за столами въ залѣ, то оставлялись тутъ одни назначенные и тѣ изъ неназначенныхъ, которые надѣялись на себя и желали экзаменоваться для перехода въ старшій классъ, прочіе же, неготовые къ тому, ученики отпускались на это время въ другіе классы. Остававшіеся на экзаменѣ должны были при себѣ имѣть чистую бумагу и перья, тетрадей же и книгъ туда приносить не позволялось. По окончаніи переклички производился экзаменъ, напримѣръ: изъ класса закона вѣры, слѣдующимъ порядкомъ: директоръ, инспекторъ и всѣ члены-экзаменаторы подходили къ столамъ ученическимъ и, по предложенію директора, инспекторъ, либо кто другой изъ профессоровъ, начиналъ спрашивать дѣтей поодиночкѣ; вопросы не должны были выходить изъ предѣловъ сокращеннаго катихизиса въ нижнемъ классѣ. На экзаменахъ же по другимъ предметамъ обыкновенно по перекличкѣ выходилъ на середину залы одинъ лишь инспекторъ или, по назначенію директора, кто-либо другой изъ членовъ-экзаменаторовъ, и иногда и учитель высшаго класса, экзаменовавшій учениковъ приватно и громкимъ, явственнымъ голосомъ диктовалъ общую для всѣхъ задачу, напримѣръ изъ нижняго русскаго либо латинскаго класса, какой-нибудь строчекъ въ семь либо въ шесть переводъ, что каждый ученикъ долженъ былъ писать четкимъ и чистымъ скорописнымъ почеркомъ и, подписавъ внизу свое имя и прозваніе, подать за красный столъ любому профессору-экзаменатору, или инспектору, который просматривалъ написанное мальчикомъ, замѣчалъ ошибки, разспрашивалъ, почему онъ написалъ одно такъ, а другое иначе; заставлялъ и еще тутъ же при себѣ писать что-нибудь, потомъ прочитать изъ какой-нибудь русской, либо латинской книжки, и смотря по всему тому, отвѣчалъ противъ его имени въ спискѣ назначенныхъ; если же этотъ ученикъ въ семъ спискѣ не былъ вписанъ, то профессоръ приписывалъ учениково имя къ сему списку съ отмѣткою объ оказанныхъ познаніяхъ мальчиковъ. Если ученикъ оставался по чему-нибудь недоволенъ своимъ экзаменомъ у профессора, могъ подойти къ другому и еще просить себѣ экзамена, даже и послѣ могъ о томъ же просить и третьяго профессора, и ему не отказывали. При допу-

щеніи такой свободы ученикамъ приступать къ экзамену, университетское начальство имѣло въ виду сугубую пользу: оно тутъ могло видѣть справедливость и пристрастіе учителей, и хорошо разсмотрѣть степень умственныхъ способностей и нравственныя наклонности ученика, и если примѣчало въ немъ признаки упрямой неосновательной настойчивости, своенравія, то здѣсь же, на экзаменѣ, старалось кроткими и благоразумными совѣтами исправить сіи душевные недостатки. Такое снисходительное, благородное обращеніе съ дѣтьми и такая свобода имъ искать себѣ просвѣщенія и пользы проистекали изъ одного и того же премудраго источника, что науки не терпятъ принужденія и между благороднѣйшими упражненіями человѣческими справедливо считаются. Когда всѣ были проэкзаменованы, когда ученики отпускались домой и выходили изъ аудиторіи, директоръ же съ прочими экзаменаторами оставались на своихъ мѣстахъ для совѣщанія объ удовлетвореніи переводомъ въ классъ и награжденіи подарками, здѣсь обыкновенно директоръ по списку назначенныхъ спрашивалъ поименно о каждомъ ученикѣ, и члены-экзаменаторы объясняли свои мнѣнія о степени успѣховъ ученика, а за ними говорилъ замѣчанія и учитель, приватно ихъ экзаменовавшій въ классѣ, и такимъ образомъ съ общаго согласія утверждали, кого оставить въ прежнемъ еще классѣ, кого удостоить переводомъ въ старшій классъ и кого притомъ наградить подаркомъ за прилежаніе и успѣхи. На экзаменѣ изъ русской грамматики для общей задачи диктовалась какая-нибудь согласовка въ четвертную страницу; ученикъ долженъ былъ всѣ слова согласовать и возстановить подлинный смыслъ рѣчи и правильный порядокъ словъ, не замѣняя надиктованныхъ словъ другими, придуманными имъ самимъ, и все это долженъ былъ сдѣлать на томъ же самомъ листкѣ, на которомъ писана диктовка. Изъ русскаго синтаксическаго класса служила задачею надиктованная краткая тема для сочиненія изъ ней какого-нибудь періода, письма и тому подобнаго, что кому легче и способнѣе казалось. На экзаменѣ изъ класса грамматики латинскаго языка для общей задачи диктовался по-русски легкій, строкъ въ семь длинный, нравоучительный періодъ, или басня; притомъ назначались и соотвѣтственныя русскимъ латинскія слова, которыя ученики надписывали между строкъ надъ русскими словами; это должны были они перевесть на латинскій языкъ съ однимъ лишь наблю-

деніемъ этимологическихъ правилъ, и подошедъ къ красному столу, подать любому экзаменатору на разсмотрѣніе и для особеннаго себѣ испытанія, по вышеизъясненному порядку. Ученикамъ синтаксическаго латинскаго класса диктовалась по-русски изъ газетъ, либо изъ какой-нибудь русской книги, статья величиною въ страницу и больше, латинскія слова назначались очень немногіе только въ мѣстахъ трудныхъ, при особенныхъ оборотахъ: это экзаменовавшіеся должны были перевести на латинскій языкъ по всѣмъ его свойствамъ и синтаксическимъ правиламъ. Изъ вышнихъ классовъ на экзаменѣ задавались темы для сочиненія латинскихъ переводовъ и краткихъ разсужденій. Такимъ же порядкомъ производились экзамены изъ прочихъ классовъ языковѣдѣнія. При экзаменѣ изъ математическихъ классовъ для общихъ занятій обыкновенно писались мѣломъ на черной доскѣ задачи и предложенія, напримѣръ, на экзаменѣ изъ нижняго ариѳметическаго класса раздробленіе, либо приведеніе чиселъ; въ среднемъ классѣ число для извлеченія квадратнаго, либо кубическаго корня, въ классѣ же вышнемъ задача тройного правила смѣшаннаго, либо товарищества и т. п. Для геометрическаго класса предложеніе изъ тригонометріи плоской, и прочая и прочая. Во всякомъ случаѣ, какъ выше сказано, всякому ученику дана была полная свобода выбирать себѣ экзаменатора и подходить къ нему съ рѣшенною своею задачею. Къ экзамену изъ класса чистописанія ученики должны были заготовлять прописи на русскомъ, греческомъ, латинскомъ и на другихъ иностранныхъ языкахъ; таковыя прописи учитель чистописанія при вводѣ учениковъ своихъ въ залу на экзаменъ представлялъ директору, а между тѣмъ ученики по вызову инспектора выступали поодиночкѣ и садились за столы; каждый мальчикъ долженъ былъ имѣть при себѣ листокъ бѣлой налиневанной бумаги и хорошо очиненное перо; по перекличкѣ инспекторъ выходилъ на средину залы и диктовалъ по-русски небольшое какое-нибудь предложеніе; ученики писали оное, чистымъ, крупнымъ почеркомъ, подписывали имена свои и подавали каждый любому экзаменатору, который иногда еще заставлялъ мальчика при себѣ написать что-нибудь мелкимъ и скорописнымъ почеркомъ. По выходѣ учениковъ изъ аудиторіи, директоръ, инспекторъ и члены-экзаменаторы сличали прописи, заготовленныя къ экзамену и писанныя въ залѣ и судили о успѣхахъ; за

лучшее и красивѣйшее письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ за прилежаніе назначали подарки. Изъ класса архитектуры приготовлялись планы съ фасадами и профилями, перспективы, чертежи архитектурныхъ украшеній; а изъ классовъ рисованія также готовились разные рисунки, дѣланные акварелью, гуашемъ, пастелью, а болѣе всего карандашами. Экзаменъ изъ искусствъ: музыки, танцованія и фехтованія производился въ одно время и походилъ на празднество, къ которому пріѣзжали семейства профессоровъ, учителей, студенческихъ и ученическихъ родственниковъ, родственницъ и знакомыхъ. Онъ открывался обыкновенно увертюрою, либо симфоніею, которую играли ученики нижнихъ музыкальныхъ классовъ на скрипкахъ, флейтахъ; затѣмъ нѣкоторые студенты и ученики изъ вышнихъ музыкальныхъ классовъ играли концерты на скрипкѣ и на флейтѣ съ аккомпанированіемъ общаго оркестра. Послѣ того былъ экзаменъ фехтовальный. Студенты и старшіе ученики попарно фехтовали на рапирахъ, вмѣсто шпагъ, и на эспадронахъ, вмѣсто сабель. Потомъ были танцы, при которыхъ учениками классовъ музыкальныхъ игрались польскіе, кадрили, экосезы, котильоны, манимаска, вальсы и т. п. Наконецъ пѣвчіе пѣвали разныя духовныя сочиненія, иногда даже и съ музыкою.

Всѣ гимназическіе экзамены должны были оканчиваться по крайней мѣрѣ за недѣлю до Петрова дня, или, что все равно, до публичнаго собранія, которое происходило почти всегда іюня въ 28 день, либо въ первыхъ числахъ іюля. За три, либо за четыре дня, либо и раньше, выставлялся въ сѣняхъ на стѣнѣ списокъ учениковъ, признанныхъ достойными наградъ, за прилежаніе, подарками, которые состояли изъ книгъ, прописей, нотъ, эстамповъ, рапиръ съ перчатками и личными сѣтками. Книги, прописи и ноты бывали всегда въ кожаныхъ, одинаковыхъ переплетахъ; на верхней доскѣ у каждаго переплета былъ оттиснутъ золотой гербъ университета, на исподней доскѣ отпечатаны золотыми буквами слова: *„за прилежаніе“*, а на бѣломъ листѣ, который приплетался предъ выходнымъ или заглавнымъ листомъ, дѣлалась надпись: *„Изъ такого-то класса за прилежаніе и успѣхи такому-то, года, числа“*, — что подписывалъ директоръ университета; на эстампахъ дѣлалась такая же надпись за директорскимъ подписаніемъ, на фехтовальныхъ перчаткахъ отпечатывалась золотыми буквами

такая же надпись съ орломъ, какъ и на книжныхъ переплетахъ; за успѣхи въ танцахъ дарились черные козловые башмаки. Ученикамъ, признаннымъ достойнымя производства въ студенты, дарились въ день собранія предъ начатіемъ акта портупеи, которыя имъ раздавалъ дежурный студентъ, а на самомъ актѣ награждались они шпагами; кромѣ того, въ царствованіе государыни Елисаветы Петровны и государыни Екатерины Алексѣевны Второй, казеннокоштнымъ ученикамъ изъ разночинцевъ, удостоиваннымъ званія студента, шивались ко дню торжественнаго собранія новые темнозеленые мундиры.

Страховъ.

Казанская гимназія во время директорства Веревкина.

Для предварительныхъ распоряженій, а особенно для пріисканія приличнаго подъ гимназію помѣщенія отправленъ былъ туда Московскимъ университетомъ капитанъ фонъ-Траубенталь, бывшій учителемъ при университетской гимназіи. О личности его мы знаемъ только то, что онъ, „гордясь своимъ военнымъ рангомъ“, никакъ не хотѣлъ подчиняться ректору гимназіи Шадену, который, впрочемъ, и самъ пылкимъ своимъ характеромъ раздражалъ самолюбіе многихъ своихъ подчиненныхъ. Директоръ университета, миролюбивый Мелиссино, какъ ни старался уладить эти распри, сдѣлать ничего не могъ и вынужденъ былъ донести о томъ Шувалову. На рапортъ его Шуваловъ отвѣчалъ: „Учители Михельсонъ, Траубенталь, Чернавскій, также Менвильверъ и Буле, не хотятъ быть въ вѣдѣніи ректорскомъ, первые, сказывая за резонъ, что офицеры; но когда они пошли на такую должность, которая имъ должна быть извѣстна, то имъ надобно было то предусмотрѣть и осторожность принять въ своихъ обязательствахъ, а шли просто въ учители, — такъ ихъ и вести было должно: намъ надобна способность для ученія, а не ранги. Менвильверъ и Буле еще того менѣе имѣютъ причины; но чтобы не сдѣлать неспокойства, отдаю сіе на волю вашу: только жаль, что и впредь другимъ примѣръ быть можетъ“. Неизвѣстно, какъ Мелиссино уладилъ это дѣло; однако, надобно полагать, что онъ воспользовался первымъ благовиднымъ случаемъ къ уда-

ленію такого самолюбиваго и строптиваго подчиненнаго, какъ Траубенталь.

Казенныхъ домовъ, удобныхъ для помѣщенія гимназіи, въ Казани не нашлось; Траубенталь осмотрѣлъ всѣ частные, отдававшіеся въ наемъ; губернская канцелярія въ особенности рекомендовала дома дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кудрявцева и генералъ-маіора Кольцова; но въ выборѣ ихъ онъ, однако, не рѣшилъ ничего. Кромѣ того, какъ видно, Траубенталь принялъ или зачислилъ въ ученики дворянскихъ дѣдей: маіора Тютчева (2), заводчика Глазова, подполковника Сумарокова, ассесора Левашева, вахмистра Дурнева, маіора Бутистова, капитана Аристова, подпоручика Елагина, подпоручика Могутова, капрала Глазова, подполковника Державина (2), капитана Рѣпьева, — всего 14 человѣкъ.

Между тѣмъ 18-го января 1759 года прибылъ въ Казань самъ Веревкинъ и въ тотъ же день „принялъ надъ гимназіями команду“, хотя на самомъ дѣлѣ гимназіи существовали почти in spe. Немедленно осмотрѣлъ онъ показанные ему отъ казанской губернской канцеляріи дома и способнѣйшимъ предъ прочими призналъ домъ Кольцова, который 19-го числа и нанялъ, по заключенному въ присутствіи канцеляріи договору, на каждый мѣсяцъ по 15 рублей. Домъ этотъ былъ каменный двухъэтажный, но почти совершенно заброшенный домохозяевами и продавался за 800 рублей. Въ верхнемъ этажѣ находилось шесть комнатъ и два чулана, которые, безъ большихъ хлопотъ, было возможно обратить въ приличныя комнаты; то же можно было сдѣлать и съ нижнимъ этажемъ, хотя онъ оказывался еще въ большей запущенности. Вообще, на поправки и передѣлки требовалось не менѣ 200 рублей, — по тогдашнему времени сумма довольно значительная.

Января 20-го Веревкинъ сдѣлалъ „распоряженіе классовъ и раздѣленіе ихъ между учителями“. Въ чемъ состояло это раздѣленіе — неизвѣстно, но изъ другихъ бумагъ, относящихся къ самымъ первымъ днямъ открытія гимназіи, усматривается, что каждый учитель долженъ былъ заниматься ежедневно не менѣе четырехъ часовъ. Такъ, знакомый намъ капитанъ фонъ-Траубенталь преподавалъ исторію и географію — по понедѣльникамъ и средамъ отъ 1 до 5-ти часовъ пополудни, а по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 7 до 11-ти пополудни; поручикъ Морозовъ преподавалъ геометрію и фор-

тификацію — по понедѣльникамъ и средамъ отъ 7 до 11-ти пополудни, по вторникамъ же, четвергамъ и пятницамъ отъ 1 до 5-ти часовъ пополудни; въ тѣ же часы и дни преподаваніемъ ариѳметики занимался учитель — студентъ Любинскій; французъ де-Форжъ, „свидѣтельствованный въ званіи своемъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ“ занимался ежедневно, кромѣ субботы, отъ 7 до 11-ти часовъ пополудни; учитель-студентъ Моревъ въ субботу училъ „правописанію и первымъ приступамъ и штилю латинскаго языка“ а въ остальные дни недѣли преподавалъ въ часы, незанятые другими учителями.

Вообще учрежденіе классовъ и методы ученія университетъ „оставлялъ на разсужденіе“ самого Веревкина, рекомендуя ему „учреждать то по совѣту съ нѣкоторыми лучшими учителями, а больше по своему знанію и совѣсти“, а учителямъ объявлялось, что „когда оное такимъ образомъ утверждено будетъ, то они не должны о томъ болѣе разсуждать, а должны повиноваться приказаніямъ командира“.

Должно замѣтить, что изъ всѣхъ рапортовъ Веревкина не видно, кто и когда занимался преподаваніемъ русскаго языка, хотя еще при отправленіи фонъ-Траубенталя поручалось ему „отъ казанской губернской канцеляріи сыскать способнаго къ тому званію учителя“. Преподаваніе закона Божія началось не ранѣе половины февраля. По крайней мѣрѣ, въ рапортѣ отъ 17-го числа того мѣсяца Веревкинъ писалъ: „Преосвященный епископъ Гавріилъ Казанскій и Свіяжскій, благодѣтельствуя гимназіямъ, опредѣлилъ, по требованію оныхъ, нарочно для того произведеннаго семинариста въ священники (Григорія Котельницкаго), которому повелѣно безъ всякаго жалованья и отъ однихъ христіанскихъ потребъ по вся воскресенья и праздники, передъ обѣднею за два часа, учить гимназистовъ знанію православнаго христіанскаго закона, а со временемъ и церковной исторіи“. Января 21-го совершалось открытіе гимназій, не сопровождавшееся однако какими-либо чрезвычайными особенностями, на что̀ такъ склонны были въ прошедшемъ столѣтіи. Въ этотъ день, въ 7 часовъ утра, собрались въ домѣ Кольцова, какъ „всѣ чины Казанскихъ гимназій“, такъ и всѣ дотолѣ принятые ученики (въ томъ числѣ и Гавріилъ Романовъ Державинъ, сынъ подполковника). Отслужили „молебенъ благодарный о вседражайшемъ ея имера-

торскаго величества здравіи", затѣмъ каждому учителю вручена была копія съ „гимназическаго регламента", а ученикамъ были розданы извлеченія изъ этого регламента, заключавшія въ себѣ „наставленія о должности учащихся".

Послѣ этого ученики распущены были на три дня.

Ученіе началось съ 25-го января, по выраженію Веревкина въ рапортѣ университету, „въ разсужденіи безполезно получаемаго учителями жалованья и праздности записанныхъ уже учениковъ". Учениковъ было только 30 человѣкъ, но число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ половинѣ марта считалось 52, въ концѣ апрѣля 63, а въ первыхъ числахъ мая дошло до 95 человѣкъ. Веревкинъ былъ увѣренъ, что „съ началомъ лѣтняго пути число гимназистовъ знатно умножится"; онъ разсчитывалъ на 200 или 300 человѣкъ и предупреждалъ, что въ учителяхъ будетъ недостатокъ". Самые первые ученики исключительно были „дѣти благородныхъ родителей"; но послѣ стали являться дѣти разночинцевъ, и съ 10-го мая открыта „разночинская гимназія", въ который записанъ былъ 31 ученикъ.

Сословное раздѣленіе учащихся признавалось тогда необходимымъ условіемъ, хотя, видимо, на первомъ планѣ выставлялось возможное распространеніе просвѣщенія. Казанскія гимназіи являлись первымъ опытомъ исполненія очень обширнаго и довольно сложнаго плана, по которому предполагалось во всѣхъ знатныхъ городахъ учредить гимназіи, гдѣ бы обучались нужнымъ европейскимъ языкамъ и первымъ основаніямъ наукъ; а по городамъ малымъ открыты школы для обученія русской грамотѣ, ариѳметикѣ и первымъ основаніямъ другихъ наукъ. Обучавшіеся въ этихъ первоначальныхъ школахъ, для дальнѣйшаго образованія, могли переходить въ гимназіи, а изъ гимназій въ кадетскіе корпуса, университетъ, академіи,— и уже по выходѣ изъ этихъ послѣднихъ заведеній получали право поступать въ дѣйствительную службу. Дѣти дворянъ, не обучавшіяся въ корпусѣ, въ академіи или въ университетѣ, обязаны были, предъ поступленіемъ на службу, подвергаться испытаніямъ въ этихъ заведеніяхъ. Этому плану суждено было осуществиться во всей полнотѣ лишь по истеченіи полустолѣтія, когда, по проекту Сперанскаго, даже состоявшіе уже на службѣ чиновники должны были держать университетскій экзаменъ.

Съ увеличеніемъ числа учениковъ въ гимназіяхъ представлялась необходимость увеличенія и числа учителей, и ощутительнѣе чувствовался недостатокъ въ учебныхъ книгахъ и другихъ пособіяхъ. Должно отдать полную справедливость Веревкину, что онъ чрезвычайно заботливо, можно сказать, настойчиво, старался удовлетворить всѣ нужды ввѣреннаго ему заведенія. Его рапорты и представленія университету исключительно посвящены такимъ предметамъ и во многихъ случаяхъ могутъ послужить матеріаломъ для изображенія экономическаго и нравственнаго состоянія не только гимназій, но и самой Казани, отчасти и всего тамошняго края.

Особенно затруднительно было пріобрѣсти хорошихъ преподавателей и удержать ихъ при гимназіи на продолжительное время. Оклады жалованья были ничтожные, а между тѣмъ въ ту пору въ Казани „не можно было имѣть ниже пансіонеровъ, ни другихъ какихъ-либо акциденцій“; да, въ добавокъ къ этому, и самый университетъ слишкомъ экономно ассигновывалъ на содержаніе казанскихъ гимназій суммы, или просто замедлялъ въ высылкѣ денегъ. Такъ, изъ одного рапорта (10-го октября 1759 года) видно, что на жалованье лишь учителямъ и другимъ чинамъ, кромѣ командира, требовалось въ треть по 476 руб. 32 коп., а университетъ высылалъ по 250 рублей. Такими суммами, конечно, невозможно было удовлетворять вполнѣ и учителей, а между тѣмъ требовались „непресѣкаемо текущіе расходы“ по содержанію самыхъ зданій и проч. „Жалованные гимназическіе чины“, писалъ Веревкинъ, „всѣ будучи бѣдные, имѣя почти всѣ самое малое жалованіе, нищенствовать принуждены, а нищета и всегдашній въ необходимыхъ къ сохраненію жизни своей вещахъ недостатокъ не инако, какъ неспособнымъ дѣлаютъ человѣка къ его должности“.

Разсужденія Веревкина вполнѣ справедливы. При такихъ порядкахъ только нужда заставляла нѣкоторыхъ учителей искать мѣста при гимназіяхъ; наоборотъ, и командиръ гимназій, только по крайней необходимости, принималъ или держалъ учителя не всегда способнаго. Первоначально, напримѣръ, былъ одинъ учитель для французскаго и нѣмецкаго языковъ; но черезъ два мѣсяца по открытіи гимназій желающихъ учиться этимъ языкамъ явилось столько, что „одного учителя не доставало роздать и прослушать уроки“. Поэтому собственно для преподаванія нѣмецкаго языка принятъ былъ отставной

поручикъ голштинской службы Тихъ, съ платою по 60 руб. въ годъ. Вскорѣ затѣмъ и такое раздѣленіе преподаванія оказалось неудовлетворительнымъ: чувствовалась надобность имѣть по два учителя для каждаго языка. Для нѣмецкаго выискался кандидатъ въ самой Казани, унтеръ-офицеръ датской службы голштинецъ Менсенъ, „находившійся при архіерейскомъ домѣ въ нѣкоторой должности; онъ согласился быть преподавателемъ за 12 рублей въ годъ, лишь бы оставили его „по-прежнему продолжать положенное на него въ домѣ архіерейскомъ дѣло“; онъ даже согласился и на то, чтобы за первые три мѣсяца получить жалованье только послѣ одобрительной аттестаціи. Относительно второго учителя (французскаго языка) Веревкинъ просилъ, чтобъ его назначили „изъ университетскихъ студентовъ“; это ходатайство, однако, кажется, осталось неудовлетвореннымъ, и уже долго спустя Веревкинъ пріискалъ „свидѣтельствованнаго въ университетѣ“ француза Ружа, который, „для крайней его бѣдности“, рѣшался быть учителемъ за 45 р. въ годъ, а между тѣмъ „онъ былъ въ состояніи переводить съ французскаго и нѣмецкаго на русскій, а съ русскаго на оные языки“. Французы, впрочемъ, вообще шли въ большей цѣнѣ, нежели другіе учителя: де-Форжъ, поступившій при самомъ открытіи гимназій, получалъ сначала 100 руб. въ годъ, а потомъ ему назначено 150 рублей; Ла-Кассанъ опредѣленъ былъ въ 1760 году съ производствомъ 120 руб. въ годъ, а прежде того Денвилль находилъ для себя недостаточнымъ и 200 рублей. Что касается учителей языка латинскаго, то они были не дороги: семинаристъ Яковъ Славянскій договорился учить „въ разночинскомъ классѣ“ за 24 рубля въ годъ, при чемъ, подобно голштинцу Менсену, обязался за первые три мѣсяца получить вознагражденіе, „если способнымъ явится“. Однако, онъ не выдержалъ и двухъ мѣсяцевъ; вмѣсто него явились университетскій студентъ Вуколъ Ѳедотовъ и семинаристъ Петръ Тихомировъ, также согласившіеся получать по 2 рубля въ мѣсяцъ.

Затрудненія, происходившія отъ недостатка въ учебныхъ пособіяхъ, были еще значительнѣе. При самомъ открытіи гимназіи (въ рапортѣ 28-го января 1859 г.) Веревкинъ доносилъ университету, что предвидится крайняя нужда „въ нѣмецкихъ азбукахъ, въ грамматикахъ трехъ преподаваемыхъ языковъ, въ лексиконахъ, въ глобусахъ, атласѣ, въ александрійской и

полуалександрійской бумагѣ, въ математическихъ инструментахъ". Черезъ три мѣсяца послѣ того (14-го мая) онъ объяснялъ, что „по шести экземплярамъ нѣмецкой азбуки принуждены учиться больше тридцати человѣкъ; грамматикъ же ни на какомъ надобномъ языкѣ не сыскалось, а изъ сего явствуетъ, какую нестерпимую имѣютъ въ томъ нужду гимназіи". Къ сожалѣнію, университетъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ высылкѣ денегъ, выказывалъ скупость или, скорѣе, дѣйствительно не имѣлъ возможности удовлетворять требованія директора. Только въ концѣ іюля выслалъ онъ 25 экземпляровъ французской грамматики, а руководствъ по языкамъ нѣмецкому и латинскому такъ и не явилось въ 1759 году, несмотря на безпрестанныя просьбы. Соображая все это, нельзя не удивляться, какъ гимназіи, съ такими скудными пособіями къ образованію, могли достигать хоть сколько-нибудь положительныхъ успѣховъ въ знаніи языковъ. А между тѣмъ эти успѣхи дѣйствительно были: въ началѣ слѣдующаго учебнаго года (т.-е. черезъ 7 мѣсяцевъ по открытіи гимназій) ученики уже занимались переводами пресловутыхъ „Странствованій Телемака", чуть не на цѣлое столѣтіе сдѣлавшихся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ единственною книгою для упражненій въ переводахъ съ французскаго языка. Въ заботахъ о расширеніи преподаванія въ гимназіяхъ, Веревкинъ (18-го сентября 1759 года) представлялъ университету слѣдующее: „Разсуждая, что здѣшній городъ есть главной цѣлаго царства, имѣвшаго національный діалектъ, не повелѣно ли будетъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка? Со временемъ могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдѣ подобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ-быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи". Мысль эта въ ту пору не встрѣтила сочувствія; однако, она не погибла вовсе: впослѣдствіи предположеніе Веревкина осуществилось, и Казанская гимназія постепенно сдѣлалась почти цѣлымъ институтомъ восточныхъ языковъ, потому что въ ней, кромѣ татарскаго, преподавались языки монгольскій, калмыцкій, турецкій, арабскій, персидскій, армянскій, китайскій, не говоря о двухъ древнихъ и трехъ европейскихъ новыхъ.

Нельзя отрицать, что во всѣхъ хлопотахъ Веревкина значительную роль играло его личное самолюбіе, его желаніе „выказать свое усердіе"; но винить его безусловно въ такомъ

направленіи едва ли должно. Многое тогда (да и послѣ) дѣлалось напоказъ, самое ученіе облекалось тогда въ какой-то вычурный нарядъ, обставлялось особою парадностію, аллегорическими празднествами и проч.; такія приманки отчасти были необходимы, потому что при посредствѣ ихъ масса народа знакомилась хоть съ внѣшностію образованія и мало-по-малу усвоивала расположеніе къ нему.

Всѣ предположенія и ходатайства Веревкина убѣдительно доказываютъ, что онъ, если и „не забывалъ себя", если и имѣлъ, при этомъ, какіе-либо личные интересы, какъ впослѣдствіи старались доказать доносчики, то все-таки въ сущности его стремленій лежало желаніе принести дѣйствительную пользу заведенію, которое ввѣрено было его управленію, и обществу, въ которое поставленъ былъ онъ такими обстоятельствами.

Въ 20-хъ числахъ іюня произведены были экзамены, а 28-го числа совершился публичный актъ, послѣ котораго ученики распущены были на лѣтнюю вакацію по 1-е августа.

Актъ, какъ водится, происходилъ съ обычною торжественностью. По собраніи всѣхъ гимназическихъ чиновъ въ гимназіи, прибылъ преосвященный епископъ съ знатными духовными, вице-губернаторъ и всѣ находившіеся въ Казани разныхъ командъ офицеры и дворянство. Учитель геометріи, студентъ Любинскій, открылъ актъ латинской рѣчью „о пользѣ наукъ вообще". Затѣмъ восемь особливую прилежность оказавшихъ учениковъ краткими же рѣчами на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, по-двое, говорили „о нуждѣ, чтобы знать учимое ими". Послѣ того учитель латинскаго языка, студентъ Моревъ, произнесъ на русскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь собранію. Въ заключеніе всего гимназическій священникъ въ приходской церкви отпѣлъ молебенъ о вседражайшемъ здравіи прещедрой матери отечества Россійскаго, всемилостивѣйшей государыни императрицы, и напутствовалъ гимназистовъ краткимъ увѣщаніемъ, въ какихъ упражненіяхъ должны они препроводить вакацію.

Съ 1-го августа опять началось ученіе, и открытіе классовъ также сопровождалось молебномъ и рѣчами. Ученики, успѣвшіе въ каникулярное время „много впередъ въ наукахъ", представлены были Веревкинымъ къ особой наградѣ. Вслѣдствіе чего, по приказанію куратора, напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1759 г. 10 августа, № 64) отчетъ о со-

стоянiи гимназiи и происходившихъ въ ней экзаменахъ, при чемъ заявлено: „наиприлежнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: гвардiи капралъ Николай Левашевъ, гвардiи жъ солдатъ Сергѣй Полянскiй и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ, и нижеписанные еще за свою прилежность, успѣхи и доброе поведенiе, похвалы достойными нашлись, а именно: Василiй и Дмитрiй Родiоновы, Петръ Наржанской, Гаврила Державинъ, Алексѣй и Петръ Норовы“. Число всѣхъ учениковъ въ это время простиралось до 120-ти человѣкъ.

Здѣсь не лишне будетъ привести отзывъ одного изъ аттестованныхъ учениковъ о томъ, какъ шло тогда ученiе въ Казанской гимназiи. Державинъ съ братомъ своимъ поступилъ въ гимназiю въ числѣ первыхъ 14-ти учениковъ, и пробылъ въ ней все то время, когда директорствовалъ Веревкинъ, — слѣдовательно, отзывъ его въ особенности важенъ при разсмотрѣнiи этого перiода.

„Поелику же въ 1758 году открылась въ Казани гимназiя, состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета“, говоритъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, „то и записаны дѣти (то-есть, онъ съ братомъ) въ сiе училище, въ которомъ преподавалось ученiе языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометрiи, танцованiю, музыкѣ, рисованiю и фехтованiю, подъ дирекцiею бывшаго тогда ассесоромъ Михайла Ивановича Веревкина; однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде. Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько-нибудь, по грамматикѣ и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшiя тогда въ славѣ Сумарокова трагедiи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собранiяхъ по случаю экзаменовъ, что̀ сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращенiи“.

Съ открытiемъ классовъ въ новомъ полугодiи начались вновь хлопоты Веревкина объ устройствѣ гимназiи, о пріисканiи учителей, о доставкѣ учебныхъ пособiй и проч. Наконецъ, этотъ отпускъ былъ разрѣшенъ съ наступленiемъ зимней вакацiи, и Веревкинъ пробылъ въ Москвѣ и Петербургѣ до на-

чала марта 1760 года. Отправляясь въ эту поѣздку, Веревкинъ, такъ сказать, запасся осязательными доказательствами успѣховъ подчиненныхъ ему гимназій. Между прочимъ, приказалъ отличившимся ученикамъ начертить геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ландшафтами, по выраженію Державина, дабы тѣмъ дать блескъ своему старанію о наученіи ввѣреннаго ему благороднаго юношества. Личныя объясненія его съ высшимъ начальствомъ, какъ видно, имѣли результатъ вполнѣ удовлетворительный. Различныя представленія Веревкина, большею частью, удостоились утвержденія: между прочимъ, тогда же разрѣшено увеличить жалованье преподавателямъ, прилежные и благонравные изъ учениковъ приняты на казенное содержаніе (въ томъ числѣ и сынъ Веревкина, Михаилъ, „для небогатства его, опредѣленъ на жалованье“, другимъ — обѣщано сдѣлать на казенный счетъ мундиры; ученики, трудившіеся надъ геометрическими чертежами и картами, записаны въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами (Державинъ въ инженерный корпусъ) — вслѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежавшіе званью каждаго мундира[1]). Тогда же и самъ Веревкинъ получилъ новое преимущество: въ видахъ лучшаго управленія дѣлами гимназіи, ему повелѣно быть товарищемъ казанскаго губернатора, съ сохраненіемъ должности директора.

Всѣ эти награды объявлены были Веревкинымъ на другой день по возвращеніи его въ Казань „и наполнили его радостію и удовольствіемъ: подъ покровомъ добродѣтели и знатности не инако, какъ всему успѣвать съ невѣроятною скоростію должно“ — выражается онъ въ своемъ рапортѣ 11-го марта 1760 года.

Черезъ недѣлю послѣ этого гимназіи были перемѣщены въ губернаторскій домъ, а потомъ и вовсе распущены на цѣлый мѣсяцъ. Поводомъ къ тому были хлопоты директора о постройкѣ особеннаго дома для гимназіи, а еще болѣе приготовленія къ празднеству, которымъ по распоряженію куратора, предположено было торжествовать 26-е апрѣля, день открытія

[1]) И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ („Взглядъ на мою жизнь“ стр. 63) сообщаетъ, что Державинъ, по собственнымъ его словамъ, обратилъ на себя вниманіе Веревкина успѣхами въ рисованіи и черченіи плановъ, особенно же портретомъ императрицы Елизаветы, снятымъ простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа“. Сравн. „Записки Державина“, стр. 12.

Московскаго университета. Объ этомъ празднествѣ дошло до насъ слѣдующее подробное донесеніе Веревкина (29-го апрѣля 1760 года):

„Милосердый государь! По приказу вашему, можно сказать, весь городъ Казань обильно трактовалъ. Здѣшній архіепископъ, умножая отъ часу благоволеніе свое къ гимназіямъ, самъ съ великолѣпною ассистенціею началъ торжество служеніемъ молебна за безцѣнное здоровье всероссійской чадолюбивой и прещедрой матери, въ приходской гимназической церкви. При восклицаніи многолѣтія производилась стрѣльба изъ пушекъ. По молебнѣ, духовные и свѣтскіе чиновные люди, пріобщая къ тому магистратскаго президента съ богатѣйшими купцами, вошли въ аудиторію. Рѣчи были латинскія, французскія, нѣмецкія и русскія. Истинно, милосердый государь, слезы отъ удовольствія многіе проливали. Послѣ рѣчей, всѣ слушатели, безъ изъятія обѣдали: числомъ ихъ было 117 человѣкъ. Три длинныя линіи изъ столовъ касались между собою одними концами, составляя ими три тупые угла. На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей нашей самодержицы, Европы, Азіи и Африки (?!), украшенныя террасами и деревьями вокругъ, а въ срединѣ или въ стеченіи столовъ сдѣлана была крутая каменистая и ущелистая гора, съ преузкими и претрудными тропинками къ вершинѣ; сто фигуръ человѣческихъ, имѣя въ рукахъ книги и разные инструменты, по нимъ идутъ; многіе, какъ напримѣръ искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, почти при самомъ началѣ пути своего падаютъ, другіе съ четверти и съ половины горы свергаются, премалый счетъ карабкающихся достигаютъ до вершины, которая имѣетъ форму долины, обросшей пальмовымъ лѣсомъ. Аполлонъ, девять сестеръ Парнасскихъ, господа Ломоносовъ и Сумароковъ, повинуются повелѣнію Юпитерову, присланному къ нимъ чрезъ Меркурія, въ одной рукѣ имѣющаго вензелевое имя ея императорскаго величества, а въ другой свою кадюсею, которою даетъ знакъ Парнасскимъ жителямъ, указывая на имя государское, чтобъ, оставя всѣ древніе и новые объекты, достойнѣйшей предъ всѣми превозносили вѣчными похвалами. Меркурій летящимъ внизъ такъ искусно былъ на тонкомъ волоскѣ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть. Послѣ обѣда почти

смеркаться стало и для того я гостей моихъ, немного удержавъ, повелъ въ комедію. Представлена была Мольерова пьеса: „Школа мужей“. Вотъ, милосердый государь, и въ Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ. Театръ, ей-Богу, такой, что желать лучше не можно: партеръ, обитый красною каразеею, въ 12 лавкахъ состоявшей, помѣстилъ въ себѣ 400 человѣкъ; въ парадизѣ такая была тѣснота, что смотрители картиною казалися. Актерамъ надавали денегъ столько, что я ихъ теперь въ непостыдное платье одѣть могу. Послѣ комедіи былъ ужинъ, балъ, игра и разговоры о наукахъ. Изъ обѣдавшихъ одинъ преосвященный, за слабостію своею, не ужиналъ“.

„Вотъ, милосердый отецъ, первый день. Теперь опишу послѣдующій, — нельзя мнѣ было всего вмѣстить въ одинъ день. 25-го былъ праздникъ въ гимназіяхъ, а 27-е чрезъ карточки просилъ я 270 человѣкъ знатнѣйшихъ людей духовенства и свѣтскихъ къ вашему высокопревосходительству на загородный губернаторскій дворъ, что на Арскомъ полѣ, далъ имъ холодный ужинъ и фейерверкъ. Прости мнѣ, милосердый государь, что все тебѣ подробно описываю. Я отъ роду столько счастливъ, доволенъ и утѣшенъ не былъ. Могу при смерти сказать, что имѣлъ райскія минуты въ моей жизни. Подумайте — близко 17.000 было тутъ гостей: нѣсколько быковъ, барановъ и живности жареной, съ самыми простыми напитками, которое все въ шестьдесятъ рублевъ не стало, — довольно было ихъ привесть въ такой радостный восторгъ, что кучами по мѣстамъ кричали: „Матушка! Мы у тебя въ гостяхъ! Порадуй тебя самъ Богъ, какъ ты насъ порадовала. То-то, братцы потѣха! кто-бы думалъ, что это можно сдѣлать!“ Въ фейерверкѣ, особливо, какъ неосторожно зажигались въ кучѣ лежавшія 180 ракетъ, не повѣрите, милосердый государь, какое произошло въ зрителяхъ смятеніе.

„Еще днемъ разметалъ я въ два раза двадцать рублевъ размѣненныхъ полушками. Послѣ фейерверка былъ балъ; домъ и садъ были иллюминованы; все сіе стало мнѣ, не считая мой судейскій припасъ, въ 630 рублевъ. Ежели я васъ тѣмъ прогнѣвалъ, что много издержалъ, то прикажите мнѣ не давать жалованья, пока выслужу. Довольно, батюшка, что кроткой государынѣ воздана хотя слабая, но всеусердная почесть. Ты прославленъ, и цѣлый многолюдный городъ погруженъ былъ мною въ никогда небывалое здѣсь веселіе. Въ деньгахъ

у меня крайній недостатокъ; прикажите ихъ поскорѣе переслать изъ положенной на содержаніе гимназій суммы 1.000 рублевъ. Рѣчи, планы столовъ и фейерверка пришлю на другой почтѣ. Прилежнымъ незаписаннымъ (то-есть, на службу) ученикамъ, полагаясь на милостивое обнадеживаніе ваше, я велѣлъ надѣть мундиры. Тронулись бы, всеконечно, видя родителей ихъ. Они плакали, молились Богу за государыню, и вамъ, по справедливости, давали имя отца-благодѣтеля и достойнѣйшаго сына отечества. Челобитныя ихъ всѣ, при отъѣздѣ моемъ, въ комнатѣ вашей остались. Призрите милостивымъ попеченіемъ вашимъ, чтобъ безъ продолженія по командамъ объ запискѣ ихъ въ службы знать дано было. Примите милостиво всѣ посильные труды мои и не лишите меня покровительства вашего. Оно одно у меня въ свѣтѣ семъ пріобрѣтенное, безцѣнное и ни на что не мѣняемое сокровище!“

Это донесеніе весьма интересно во многихъ отношеніяхъ. Оно отчетливо изображаетъ, какими способами пытались тогда провести въ сознаніе общества важность и пользу образованія: аллегоріи, эмблемы, миѳологическія божества считались необходимыми въ такихъ случаяхъ. А между тѣмъ эти Аполлонъ съ девятью Парнасскими сестрами, летящій Меркурій, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, карабкающіеся по преузкимъ и утесистымъ стезямъ, и прочее тому подобное, было понятно развѣ какому-либо десятку человѣкъ изъ числа трапезовавшихъ за столомъ, остальные едва ли знали, кто такое были „господа Ломоносовъ и Сумароковъ“. Безспорно, что представленіе „Мольеровской комедіи въ Тартаріи“ было событіе достойное удивленія, отчасти странное, не менѣе явленія Аполлона съ музами и Меркуріемъ; но мы думаемъ, что „Школа мужей“ на многочисленныхъ „смотрителей“ произвела впечатлѣніе болѣе сильное и положительное, потому что поселяла въ нихъ „людскость“, аллегорическое же изображеніе того, какъ и кто достигаетъ вершины Парнаса, лишь убѣждало, что

Парнасъ — гора высокая
И дорога къ ней негладкая,

пожалуй, даже могло вселить особый страхъ и желаніе уклониться отъ попытокъ пойти по этимъ „преузкимъ и претруднымъ тропинкамъ“.

Съ другой стороны, это празднество, а еще болѣе самое донесеніе о немъ, обрисовываетъ личность Веревкина и его манеру относиться къ начальству. Сынъ своего вѣка, членъ среды, ознакомившейся съ западною „розвязью обращенія“, онъ является предъ нами очень смѣлымъ и рѣшительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покорно-льстивымъ, настойчиво-проситѣльнымъ и откровенно-самохвальнымъ. Его увѣренія, напримѣръ, что „Меркурій, летящій внизъ, такъ искусно на тонкомъ волоскѣ былъ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть“ и т. п., конечно могутъ вызвать улыбку у насъ, людей столь положительно-серьезныхъ, занимающихся „матерьями важными“; но они побѣждаютъ искренностью чувства удовольствія художника, хорошо выполнившаго свое дѣло. Оглядываясь на весь его ходъ, онъ не безъ смущенія замѣчаетъ, что затѣя стоила не дешево, болѣе 630 рублей, — суммы и по нынѣшнимъ цѣнамъ не маловажной, а по тогдашнему весьма значительной, и тѣмъ болѣе серьезной, что, какъ мы знаемъ, гимназія нуждалась въ существенно необходимыхъ предметахъ. Но онъ тотчасъ оправляется отъ этого смущенія, сначала предлагаетъ произвести вычетъ изъ его собственнаго жалованья, потомъ опирается на то, что все это было сдѣлано для возданія кроткой государынѣ всеусердной почести и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, прославленъ былъ самъ кураторъ, — и наконецъ, какъ бы совершенно убѣжденный въ своей правотѣ, уже очень спокойно и положительно говоритъ: „въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ[1]): прикажите ихъ поскорѣе переслать“. Но дабы такой оборотъ не слишкомъ бросился въ глаза, — Веревкинъ, въ заключеніе своего рапорта, проситъ куратора не лишить его своего покровительства, которое у него „одно только и есть въ семъ свѣтѣ пріобрѣтенное и ни на что немѣняемое сокровище“.

Мы не можемъ совершенно утверждать, что всѣ эти ходатайства Веревкина достигли своей цѣли; но, кажется, не встрѣтили они и особенныхъ препятствій. Изъ послѣдующихъ затѣмъ разныхъ бумагъ усматривается, что Веревкинъ съ обычною своею хлопотливостію продолжаетъ заниматься приведеніемъ гимназіи въ надлежащее устройство и огражденіемъ ея отъ

---

[1]) Оставалось всего 17 рублей, какъ видно изъ этого самого рапорта, хотя въ бѣловой экземпляръ это показаніе и не вошло.

различныхъ притязаній другихъ вѣдомствъ. Тогда существовала въ Казани артиллерійская и фортификаціонная школа, командиръ которой сталъ записывать гимназистовъ къ себѣ на томъ основаніи, что многіе изъ нихъ, числясь въ военномъ вѣдомствѣ, отъ военнаго начальства не имѣли „паспортовъ на поступленіе въ гимназіи“. Веревкинъ, донося объ этомъ (2-го и 9-го октября 1760 года) просилъ университетъ „оборонить гимназіи отъ артиллерійской команды, запретивъ ей ловить учениковъ гимназій“. Чѣмъ разрѣшилось это ходатайство — не знаемъ.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ его въ этотъ періодъ было пріобрѣтеніе собственнаго дома для гимназіи или постройка новаго. Званіе губернаторскаго товарища въ этомъ случаѣ дѣйствительно облегчало ему достиженіе такого намѣренія. Наконецъ, въ мартѣ 1761 г., былъ купленъ у помѣщика Шахова довольно обширный деревянный домъ за 350 рублей. Впослѣдствіи прикуплены были еще два сосѣднія пустопорожнія мѣста и въ домѣ сдѣланы разныя поправки и пристройки. Домъ этотъ существовалъ до разгрома Казани Пугачевымъ.

Во внутреннемъ положеніи гимназіи Веревкинъ въ это время также сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Курсы обоихъ отдѣленій гимназіи, дворянскаго и разночинскаго, раздѣлены были тогда на 13 классовъ (то-есть, уроковъ). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ собственно состояло это распредѣленіе. Но чрезвычайно любопытно одно обстоятельство, касающееся учениковъ разночинскаго отдѣленія. Изъ сохранившихся ихъ списковъ того времени видно, что тогда, по примѣру духовно-учебныхъ заведеній, принятъ былъ обычай давать ученикамъ искусственныя прозванія, сочиненныя или по именамъ греческихъ и римскихъ писателей, или по разнымъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ ученика, большею частью переведеннымъ по-латыни. Такимъ образомъ, въ числѣ казанскихъ гимназистовъ встрѣчаются: Аристотелевъ, Сократовъ, Аристиповъ, Діогеновъ, Овидіевъ, Цицероновъ, Гонестовъ, Урбановъ, Прудентовъ, Робустовъ и т. п. Конечно, трудно предположить, чтобы такія фамиліи были родовыя. Кажется, однако, что бо́льшая часть такихъ прозваній, если не всѣ, сохранялись за учениками лишь во время ихъ пребыванія въ гимназіи. По крайней мѣрѣ намъ никогда не случалось встрѣчать прозваній Демосѳенова, Овидіева, Цицеронова даже между лицами ду-

ховнаго происхожденія, хотя списокъ искусственныхъ прозвищъ составленъ нами довольно обширный. Относительно духовно-учебныхъ заведеній замѣтимъ здѣсь, что по нашему заключенію, въ нихъ не допускались прозванія по именамъ знаменитѣйшихъ классическихъ ораторовъ Демосѳена и Цицерона; прозваніе Платоновъ если встрѣчается и часто, то оно производится не отъ „божественнаго“ философа Эллады, а отъ великаго іерарха русскаго.

Въ это же время произошла немаловажная перемѣна въ личномъ составѣ гимназическихъ чиновъ: инспекторъ магистъ Оттендаль оставилъ службу, а вмѣсто его инспекторомъ былъ назначенъ капитанъ Траубенталь, который, какъ мы знаемъ, явился въ Казань еще до пріѣзда туда Веревкина; Траубенталю при этомъ увеличено было содержаніе сотнею рублей. Впрочемъ, Траубенталь инспектировалъ недолго и самовольно уѣхалъ въ Москву; мѣсто его занялъ опять Оттендаль и также тайкомъ отправился въ Москву съ жалобами и доносами на Веревкина. Кромѣ того, тогда же въ гимназію опредѣленъ прапорщикъ Ярославцевъ „для надзиранія надъ классами и карауломъ“, а впослѣдствіи прибавленъ еще такой же смотритель за поведеніемъ учениковъ, при чемъ дана отъ университета и подробная инструкція.

Въ слѣдующемъ, 1761 году, Веревкинъ былъ уволенъ отъ должности директора.

Артемьевъ.

Общество благородныхъ дѣвицъ.

Еще бывши великой княгиней, Екатерина думала о женскомъ образованіи и о подраженіи въ этомъ отношеніи Сенъ-Сиръ, давно извѣстному въ Россіи: еще въ 1717 г. осматривалъ его императоръ Петръ. Такъ какъ внутреннее устройство этого учебнаго заведенія сохранялось во Франціи втайнѣ, то ей казалось, что всего лучше было бы обратиться непосредственно къ французскому правительству съ просьбою доставить его уставы и вызвать изъ Сенъ-Сира преподавательницу, которой поручить одну или двухъ сиротъ, для приготовленія къ педагогической дѣятельности; эти современемъ стали бы приготовлять другихъ, и такимъ образомъ образовалась бы цѣлая группа учительницъ.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императрица учредила въ Петербургѣ Общество благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ манастырѣ, называемомъ Смольнымъ. Въ этой мѣстности, въ началѣ XVIII вѣка, находилась деревня *Смольная,* въ которой устроенъ былъ дегтярный заводъ, отчего она и получила свое названіе; близь этой деревни императоръ Петръ I построилъ въ 1720 году загородный дворецъ, который сталъ также называться Смольнымъ. Въ немъ проживала обыкновенно лѣтомъ великая княжна Елизавета Петровна, а по вступленіи ея на престолъ дворецъ опустѣлъ и въ 1748 году обращенъ былъ подъ помѣщеніе Воскресенскаго женскаго монастыря.

5-го мая 1764 г. утвержденъ былъ уставъ этого учебнаго заведенія, а открытіе его послѣдовало 28 іюня.

Положено было содержать въ немъ 200 воспитанницъ дворянскаго происхожденія, раздѣленныхъ на четыре возраста, по 50-ти въ каждомъ: первый возрастъ отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ, второй отъ 9-ти до 12-ти, третій — отъ 12-ти до 15-ти, четвертый — отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ. Дѣвицы этихъ четырехъ возрастовъ различались цвѣтомъ платья: первый возрастъ носилъ коричневыя, второй — голубыя, третій — сѣроватыя, четвертый — бѣлыя. Пріемъ назначенъ чрезъ каждые три года, и при этомъ родители обязывались не брать изъ училища своихъ дочерей до окончанія ими курса; вообще задачею училища поставлено было возможное удаленіе дѣтей отъ ихъ родителей для избѣжанія дурныхъ примѣровъ.

Курсъ ученія былъ такой: въ первомъ возрастѣ преподавались языки русскій и иностранный, и ариѳметика, во второмъ — географія и исторія, въ третьемъ — словесныя науки, часть архитектуры и геральдики. Зачѣмъ эти двѣ послѣднія науки помѣщены были въ планъ женскаго образованія, въ настоящее время понять трудно; объясняется это только неправильностію и сбивчивостью учебныхъ курсовъ той эпохи; такъ, напримѣръ, и ариѳметикѣ обучались воспитанницы только „для содержанія впредь въ добромъ порядкѣ домашней экономіи“. Въ четвертомъ возрастѣ занятія были исключительно практическія: ежедневно двѣ ученицы этого класса обучали дѣвицъ младшаго возраста, „дабы отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось“.

На каждый возрастъ назначено было по одной надзирательницѣ, а на всѣ четыре 12 учительницъ, которыя должны были обучать дѣвицъ говорить и писать на иностранныхъ языкахъ. Такъ какъ большая часть учительницъ были иностранки, то эта цѣль достигалась легко, и тѣмъ болѣе, что онѣ преподавали не только языки, но и всѣ учебные предметы; но отъ этого страдалъ русскій языкъ, сдѣлавшійся для воспитанницъ совершенно чужимъ. Учителя, или, какъ они названы въ указѣ, „мастера“, допускались только въ видѣ исключенія, когда не было возможности найти учительницу. Впрочемъ, это продолжалось не долго, и число учителей постепенно увеличивалось.

Направленіе, такъ сказать, тонъ этого учебнаго заведенія далъ самый его уставъ: дѣвицъ пріучали, прежде всего, къ свѣтскости, къ избѣжанію застѣнчивости, къ хорошимъ манерамъ, и для этого обязательно, по самому его учрежденію, устраивались въ немъ собранія, концерты, театральныя представленія, и т. п. Въ уставѣ читаемъ, напримѣръ, такое правило: „буде которая дѣвица сдѣлаетъ какое остроумное примѣчаніе“ (то-есть остроту скажетъ, какъ говорится, красное словцо), „то, съ дозволенія, имѣетъ она сообщить о томъ всему классу, ибо изрядно и кстатѣ сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ, и поощреніемъ къ подраженію“.

По просьбѣ императрицы, Вольтеръ обѣщалъ, но не исполнилъ обѣщанія, написать сценическую пьесу для дѣвицъ Смольнаго. Напоминая ему объ этомъ въ 1772 году, Екатерина такъ характеризуетъ институтское образованіе: „не знаю, произведетъ-ли этотъ дѣвичій батальонъ, какъ вы его называете, амазонокъ; но мы весьма удалены отъ мысли сдѣлать изъ нихъ монахинь; напротивъ того, мы воспитываемъ ихъ такъ, чтобы онѣ сдѣлались радостью семействъ, въ которыя вступятъ, желаемъ, чтобы онѣ не были ни излишне застѣнчивы, ни кокетливы, но любезны, и были бы въ состояніи воспитать сами своихъ дѣтей и вести домашнее хозяйство“.

Впослѣдствіи Императрица обращалась съ такою же просьбою къ Дидро, который ограничился также однимъ обѣщаніемъ.

Начальницею Общества благородныхъ дѣвицъ назначена была княжна Анна Долгорукова, а помощницею къ ней, или, какъ она названа въ уставѣ, „правительницею“ вдова Д. С. С. Софья де-ла-Фонъ.

21 ноября 1764 года императрица посѣтила въ первый

разъ это учебное заведеніе; впослѣдствіи она часто въ немъ бывала и знала почти всѣхъ воспитанницъ по имени.

Первый выпускъ изъ Смольнаго былъ 30 апрѣля 1776 года; пять изъ выпущенныхъ дѣвицъ взяты были ко двору.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія Общества благородныхъ дѣвицъ, учреждено было, 31 января 1765 г., при немъ особое училище, такъ называемое мѣщанское его отдѣленіе, для воспитанія молодыхъ дѣвушекъ — дочерей чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, подъ управленіемъ той же начальницы, на 240 ученицъ, раздѣленныхъ на четыре возраста.

Курсъ ученія его былъ попроще: учили только русскому и иностраннымъ языкамъ и ариѳметикѣ. Цѣль же учрежденія опредѣлена та же, именно: „производить новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, въ сходствіе высочайшаго намѣренія Ея Императорскаго Величества“.

Въ 1766 г. императрица пожаловала $2^1/_2$ милліона рублей, съ процентовъ коихъ должны были содержаться воспитываемыя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ дворянскія и мѣщанскія дѣвицы.

Былъ ли похожъ Смольный на Сенъ-Сиръ, какъ того желала когда-то Екатерина, и какъ многіе думаютъ и доселѣ? Это разъяснитъ намъ происхожденіе и дальнѣйшее развитіе Сенъ-Сирскаго института.

Онъ учрежденъ былъ въ 1686 г. въ деревнѣ Сенъ-Сиръ, отстоящей менѣе одной мили отъ Версальскаго дворца, для дочерей лицъ стариннаго дворянства, преимущественно служившихъ въ военной службѣ. Дѣвочки, общимъ числомъ 250, принимались въ это учебное заведеніе отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ, раздѣлены были на четыре возраста, и каждый возрастъ имѣлъ одежду извѣстнаго цвѣта: красный (для младшихъ), зеленый, желтый и синій (для старшихъ).

Сенъ-Сиръ было созданіе г-жи Ментенонъ, которая посвятила ему тридцать лѣтъ своей жизни: когда она проживала въ Версалѣ, то ѣздила туда ежедневно, и часто оставалась цѣлый день, съ шести часовъ утра до вечера, присутствовала при вставаніи ученицъ, маленькихъ сама одѣвала и причесывала, исполняла должность классной дамы въ разныхъ классахъ и входила во всѣ подробности училища.

Въ 1689 г. посѣтилъ Людовикъ XIV въ первый разъ Сенъ-Сиръ, и присутствовалъ на представленіи трагедіи Есѳирь

(Esther), нарочно написанной Расиномъ для его воспитанницъ, былъ въ восторгѣ отъ ихъ игры, и чрезъ три дня повезъ туда свой дворъ на второе представленіе этой трагедіи; впослѣдствіи еще нѣсколько разъ играли эту пьесу. Послѣ этого Расинъ написалъ для тѣхъ же воспитанницъ трагедію Гоѳолія (Athalie); но такъ какъ было замѣчено, что эти сценическія представленія развивали въ дѣвицахъ тщеславіе и излишнюю свѣтскость, то имъ дозволено было играть эту пьесу не иначе, какъ безъ сцены, безъ декораціи, безъ костюмовъ. Вскорѣ всякія представленія запрещены были въ Сенъ-Сирѣ, и это учебное заведеніе постепенно обращалось изъ свѣтскаго училища въ духовную общину, и наконецъ превратилось въ настоящій женскій монастырь.

Свѣтскіе священники замѣнены были въ немъ монахами-лазаристами, которые съ 1691 года поселились въ Сенъ-Сирѣ въ числѣ десяти человѣкъ. Воспитанницы, причисленныя къ ордену августіанокъ, должны были принимать торжественные обѣты монашества, и въ 1692 г. Сенъ-Сиръ обращенъ былъ въ женскій августіанскій монастырь; сначала оставлено имъ было свѣтское платье, съ большимъ крестомъ на шеѣ, но въ 1707 г. онѣ должны были принять полное одѣяніе августіанокъ. Монахини были исключительными преподавательницами всѣхъ предметовъ, и свѣтскіе учителя, конечно, ни въ какомъ случаѣ, не допускались. Въ 1694 г. ихъ положено имѣть 80, считая въ томъ и новиціевъ, поступавшихъ изъ числа воспитанницъ.

Курсъ ученія былъ весьма ограниченный: священная исторія, катихизисъ, французскій языкъ съ грамматикою, исторія, географія, миѳологія, музыка и танцы. Вообще на ученье употреблялось мало времени; оно преимущественно посвящалось на молитву и на церковныя службы; воспитанницы читали почти исключительно сочиненія духовнаго содержанія, и иногда, оканчивая курсъ, не знали порядочно собственнаго языка. Монашескій духъ до того преобладалъ въ Сенъ-Сирѣ, что около четвертой части обучавшихся въ немъ, въ теченіе вѣка, дѣвицъ поступили въ монастырь.

Сравнивая Сенъ-Сиръ со Смольнымъ, найдемъ въ нихъ только то сходство, что оба учебныя заведенія составляли интернатъ для дочерей потомственныхъ дворянъ, что въ оба принимались дѣвочки малолѣтнія, раздѣлены были на четыре возраста,

каждый возрастъ имѣлъ платья особаго цвѣта. Этимъ и ограничивается все ихъ сходство. Напротивъ того, курсъ ихъ ученія и, въ особенности, направленіе этихъ училищъ были не только различны, но даже противоположны: какъ ни недостаточенъ планъ ученія въ Смольномъ, онъ былъ гораздо обширнѣе сенъ-сирскаго; духъ одного учебнаго заведенія былъ совершенно монашескій, а другого — исключительно и слишкомъ свѣтскій. Оба грѣшили крайностями: одно — ультра-монашескимъ характеромъ, другое — излишнею свѣтскостью. Сенъ-Сиръ приготовлялъ изъ дворянскихъ дочерей монахинь, что вовсе не было ихъ назначеніемъ, Смольный — свѣтскихъ дѣвицъ изъ бѣдныхъ дворянокъ, которымъ болѣе приличествовала скромная жизнь, на помощь своимъ семьямъ; изъ одного поступали въ монастырь, изъ другого брали ко Двору.

Нельзя не замѣтить съ самаго ихъ учрежденія и той между ними разницы, что императрица, по своему высокому положенію, могла удѣлить Смольному лишь немногія свои свободныя минуты, а г-жа Ментенонъ, хотя и не объявленная, но законная жена Людовика XIV, отдала всю свою душу Сенъ-Сиру, проводила въ немъ большую часть времени, вникала во всѣ мелочи учебнаго заведенія, и потому была въ состояніи давать наилучшее нравственное направленіе своимъ воспитанницамъ.

Узнавъ новые методъ и способъ преподаванія въ городскихъ училищахъ, императрица не могла не видѣть ихъ преимущества передъ употреблявшимися въ Смольномъ, и потому въ концѣ марта 1783 г. приказала Комиссіи объ учрежденіи училищъ ввести въ Смольный такъ называвшійся нормальный образъ ученія, который, какъ она писала Гримму, столь ненавистенъ невѣждамъ, назначить дѣльныхъ учителей, и одному изъ членовъ Комиссіи посѣщать еженедѣльно классы этого института.

Войдя въ разсмотрѣніе учебной части въ Смольномъ, Комиссія нашла, что большая часть наукъ, какъ-то: исторія, географія, физика и другіе предметы преподаются тамъ на иностранныхъ языкахъ, мало понятныхъ воспитанницамъ, что учительницы, обучающія этимъ наукамъ, сами не знаютъ ихъ основательно, и что въ институтѣ нѣтъ даже распредѣленія уроковъ по днямъ и часамъ.

Поэтому комиссія ввела преподаваніе всѣхъ предметовъ

на русскомъ языкѣ, неспособныхъ учительницъ замѣнила приготовленными учителями, сосредоточивъ сродные предметы въ рукахъ однихъ и тѣхъ же преподавателей, установила точное распредѣленіе уроковъ по днямъ и часамъ и ввела свой методъ преподаванія. 10 апрѣля 1783 г. всѣ эти предположенія Комиссіи были уже одобрены государынею.

Вслѣдъ за тѣмъ Комиссія установила для Смольнаго такой учебный планъ: въ первомъ возрастѣ, въ первые два года, 23 часа ученія въ недѣлю, а въ третій годъ 24 часа, въ томъ числѣ на русскій и французскій языки всего болѣе уроковъ, именно по семи часовъ; во второмъ возрастѣ 27 часовъ, и всего болѣе на русскій языкъ (5 часовъ); въ третьемъ и четвертомъ возрастахъ по 29-ти часовъ.

Примѣч. Объемъ и методъ преподаванія достаточно опредѣлились слѣдующими замѣчаніями: Преподаваніе должно было имѣть характеръ бесѣды или разговора между учителемъ и ученицами. Каждому учителю вмѣнялось въ обязанность заниматься со всѣмъ классомъ, черезъ что поддерживается общее вниманіе, и заботиться о томъ, чтобы сдѣлать ученіе пріятнѣе и легче. Для достиженія послѣдней цѣли, предлагались нѣкоторые совѣты. Такъ, напр., учитель, при чтеніи какого-нибудь отрывка, долженъ былъ постоянно обращаться къ ученицамъ съ вопросами, вызывать ихъ на разсужденія, и вообще вести дѣло такъ, чтобы ученицы затверживали не слова, но усвоивали понятія, ими обозначаемыя. Что касается до прочихъ совѣтовъ, то большая часть изъ нихъ касалась мнемотехническихъ средствъ. Учитель долженъ былъ облегчать работу памяти своихъ ученицъ составленіемъ разнаго рода табличекъ и вообще стараться придумать какія-нибудь чувственные знаки, которые бы облегчали запоминаніе нечувственныхъ представленій. Всѣ эти средства въ настоящее время оставлены, какъ не достигающія цѣли и приносящія болѣе вреда, чѣмъ пользы, но въ то время они были педагогическою новостью, и Россія не только знала о ней, но и прилагала къ дѣлу.

Суббота во всѣхъ классахъ, исключая старшаго, назначалась для повторенія пройденнаго въ продолженіе недѣли. Это повтореніе должно было производиться по способу, для насъ совершенно незнакомому. Преподаватели являлись въ классъ всѣ вмѣстѣ и испытывали учениць, предлагая вопросы по очереди. Такъ, напр., священникъ предлагалъ вопросъ о сотвореніи міра; за нимъ выступалъ учитель географіи и спрашивалъ объ изображеніи міра на глобусѣ; учителя географіи смѣнялъ учитель исторіи, предлагавшій вопросъ о томъ, кто описалъ міръ, когда жилъ святой историкъ и проч. Однимъ словомъ, каждый преподаватель долженъ былъ во-время найти случай предложить вопросъ по своему предмету.

Кромѣ этихъ общихъ совѣтовъ, касательно способовъ преподаванія, въ программѣ изложены были наставленія для каждаго преподавателя отдѣльно. Учитель чтенія знакомитъ сперва ученицъ съ буквами, а потомъ со складами. Пособіемъ для этого служили особенныя таблицы. Потомъ ученицы переходили къ букварю, заключавшему въ себѣ, кромѣ складовъ, различныя статьи, большею частію, нравоучительнаго содержанія. За букваремъ слѣдовала книга, содержащая въ себѣ правила для учащихся, а потомъ — книга, трактующая о должностяхъ человѣка

Для наблюденія за исполненіемъ этого плана назначенъ былъ Комиссіею особый инспекторъ, или „надзиратель ученія“, для котораго Янковичъ составилъ инструкцію, или „наставленіе“, утвержденное Комиссіею.

и гражданина. Вначалѣ чтеніе было механическое: учитель обращалъ вниманіе только на правильное произношеніе словъ и вовсе не заботился о томъ, чтобы ученицы понимали читаемое. Забота объ этомъ начиналась только тогда, когда ученицы пріобрѣтали уже способность читать довольно бѣгло. Отъ преподавателя Закона Божія требовалось прежде всего, чтобы онъ имѣлъ *довольное понятіе о вѣрѣ*, а затѣмъ предписывались правила, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться въ преподаваніи. Такъ, напримѣръ, каждый урокъ онъ обязанъ былъ повторять объясненное въ предыдущій, и особенно стараться убѣдиться въ томъ, что ученицы дѣйствительно поняли объясненное и прочитанное. Наизусть положено было выучивать только символъ вѣры, молитву Господню, десять заповѣдей, молитвы предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, утреннія и вечернія. Заучиваніе же слово въ слово событій изъ священной исторіи и пространнаго катихизиса, что входило въ составъ курса третьяго и четвертаго возрастовъ, не только не считалось необходимымъ, но и не одобрялось. Еще менѣе, конечно, допускалось заучиваніе на память въ такихъ предметахъ, какъ исторія и географія.

Въ преподаваніи грамматики рекомендовался методъ практическій. Онъ состоялъ въ томъ, что учитель заставлялъ которую-нибудь изъ воспитанницъ написать на доскѣ заранѣе заданное сочиненіе или переводъ; сдѣланныя ошибки поправлялись другими воспитанницами или самимъ учителемъ, при чемъ предлагались объясненія и изъ нихъ выводились правила. Пріемъ, нельзя не замѣтить, прекрасный, какъ единственное средство для того, чтобы изученіе такого сухого предмета, какъ грамматика, сдѣлать занимательнымъ.

Въ обученіи ариѳметики требовалось, чтобы учитель не ограничивался сообщеніемъ однихъ правилъ, а показывалъ ихъ приложеніе на дѣлѣ. Исполненіе такого требованія, конечно, лучше всего могло поручиться за успѣхъ преподаванія предмета, который до сихъ поръ считается самымъ сухимъ и труднымъ единственно только потому, что иногда преподаватели ариѳметики все дѣло ограничиваютъ различными упражненіями надъ числами, забывая о томъ, что они не имѣютъ никакого значенія для учащихся, какъ и слова, когда съ ними не соединяется никакого понятія.

Въ преподаваніи физики, какъ необходимое пособіе считались опыты, которые долженъ былъ производить преподаватель предъ учениками, въ доказательство объясняемыхъ явленій.

Преподаватель естественной исторіи также не долженъ былъ ограничиваться однимъ изложеніемъ, а обязывался непремѣнно показывать предметы, о которыхъ шла рѣчь. Однимъ словомъ, составители программы, главнымъ образомъ, заботились о томъ, чтобы преподаваніе отличалось наглядностью, и чтобы воспитанницы вполнѣ усвоивали сообщаемыя имъ познанія.

Въ заключеніи программы высказано желаніе, чтобы для воспитанницъ четвертаго курса была составлена книга, читая которую, подъ руководствомъ своихъ надзирательницъ, онѣ могли бы пріобрѣсти свѣдѣнія, полезныя для нихъ, какъ для будущихъ женъ, матерей, кормилицъ и воспитательницъ, т.-е. познакомиться съ всѣмъ тѣмъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ матерей нашего времени, дѣвушкѣ знать неприлично. *Лядовъ.*

Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ преобразованіемъ принесена была существенная польза учебному дѣлу Смольнаго. Но нельзя не сказать, что Комиссія, такъ много содѣйствовавшая введенію правильнаго ученія, увлекалась иногда весьма непрактичными идеалами. Такъ, напримѣръ, исходя изъ правильнаго взгляда, что дѣвицы должны быть воспитаны такъ, чтобы могли сдѣлаться со временемъ хорошими хозяйками, вѣрными женами и попечительными матерями, она предположила составить руководство, въ которомъ изложить не только педагогическія правила о воспитаніи дѣтей, что, конечно, весьма полезно, но и наставленія, какъ вести себя во время беременности и грудокормленія, что вовсе не соотвѣтствуетъ возрасту воспитанницъ.

Комиссія навѣщала Смольный довольно часто, въ полномъ своемъ составѣ, присутствовала на экзаменахъ, даже производила ихъ иногда не въ урочное время.

Опредѣленіе, увольненіе и награды учителей Смольнаго зависили отъ Комиссіи.

Все это, разумѣется, не могло нравиться главному начальнику Смольнаго И. И. Бецкому, который, однако, впослѣдствіи, долженъ былъ примириться со всѣми сдѣланными въ его учебномъ заведеніи, помимо его, столь существенными измѣненіями. „Въ новость тебѣ скажу“, писалъ въ 1787 г. предсѣдатель комиссіи П. В. Завадовскій графу А. Р. Воронцову, „Бецкій обратился ко мнѣ своимъ благоволеніемъ, зоветъ часто къ себѣ, и я у него бываю. Началъ тѣмъ, что онъ меня любилъ отлично. Я отвѣчалъ: сіе я самъ знаю, а только того не вѣдаю: за что онъ меня ненавидѣлъ“.

Во все царствованіе Екатерины выпущено было изъ Смольнаго окончившихъ курсъ дѣвицъ: въ благородномъ отдѣленіи 440, въ мѣщанскомъ около 410.

Всѣхъ же воспитывавшихся въ обоихъ отдѣленіяхъ въ этотъ періодъ времени было 1316. *Толстой.*

Воспитаніе въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

О первыхъ годахъ внутренней жизни въ Смольномъ монастырѣ сохранился едва ли не единственный источникъ свѣдѣній въ запискахъ, оставленныхъ Ржевскою*). Она писала ихъ, какъ сама говоритъ, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, стало-быть, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ вышла изъ Воспитатель-

*) Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольнаго монастыря. Р. Арх. 1871. № 1.

наго Общества, и писала, по ея словамъ, для самой себя, не имѣя въ виду какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Тогда уже не было въ живыхъ ни императрицы Екатерины, ни вообще кого-либо изъ дѣйствовавшихъ въ то время, когда Ржевская воспитывалась въ Смольномъ, лицъ. Основываясь на этомъ, можно вѣрить тому, что она говоритъ о своемъ воспитаніи и вообще о воспитаніи, которое при ней давалось въ Обществѣ.

По словамъ Ржевской, основою воспитанія въ Смольномъ въ ея время служило совершенное равенство всѣхъ воспитанницъ; „это“ — говоритъ она — „была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ, общимъ для всѣхъ, правиламъ; единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты“. Въ воспитанницахъ развивали природныя дарованія, а также мышленіе, благодаря чему она, Ржевская, сдѣлалась очень строга къ себѣ, и чѣмъ болѣе ее отличали (она была первою въ классѣ), тѣмъ старательнѣе она становилась„ желая усовершенствоваться и сохранить общее расположеніе“. О своемъ пребываніи въ Воспитательномъ Обществѣ Ржевская говоритъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни. Счастье это, по ея словамъ, нельзя сравнить ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ положеніемъ свѣтскимъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся“. Она называетъ Делафонъ умною наставницею, замѣнявшею воспитанницамъ мать, служившею имъ руководительницею и другомъ. Делафонъ предупреждала Ржевскую, что „привычка къ отличію и предпочтенію, которыми она пользовалась въ Обществѣ, какъ первая ученица, можетъ сдѣлать ее гордою и требовательною“. Такъ относилась Делафонъ, по словамъ Ржевской, не къ ней одной, а и къ другимъ воспитанницамъ*). Всѣ къ ней обращались за совѣтомъ и дорожили ея мнѣніемъ о томъ или другомъ своемъ поступкѣ. Вообще, если вѣрить Ржевской, воспитанницы ея времени были очень скромны, несмотря на полную свободу, которую имъ предоставляли. Большей частью, говоритъ она, это были дѣвушки благонравныя; между ними было очень мало дурныхъ, „и то считались онѣ таковыми

*) Это подтверждаютъ и другія, знавшія смолянокъ, лица. Князь Ив. Мих. Долгорукій говоритъ, что и послѣ выпуска онѣ произносили имя Делафонъ съ благоговѣніемъ. (Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Соч. *кн. И. М. Долгорукаго*, стр. 51. — Чт. Общ. ист. и древн. росс. 1872 и 1873).

вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства... О порокахъ же мы и понятія не имѣли", прибавляетъ Ржевская. О Бецкомъ она отзывается какъ объ „удивительномъ человѣкѣ, почтенномъ старцѣ, котораго воспитанницы уважали, какъ отца и защитника, который и самъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ справедливъ безъ малѣйшаго лицепріятія. Такимъ онъ оставался въ стѣнахъ заведенія для всѣхъ воспитанницъ до послѣдней минуты пребыванія Ржевской въ Смольномъ.

Объ отношеніяхъ къ нимъ императрицы Екатерины Ржевская выражается, что „скрывая всегда разстояніе, отдѣляющее подданныхъ отъ государыни, мать и покровительница заведенія не могла лишь скрыть отъ воспитанницъ великихъ качествъ ее отличавшихъ"... Допуская короткое обращеніе дѣтей съ собою, она„ никогда не роняла своего величія".

Екатерина въ первый разъ посѣтила Смольный черезъ пять мѣсяцевъ послѣ его открытія, 21-го ноября 1764 года. Это первое знакомство императрицы съ воспитанницами носило повидимому оффиціальный характеръ. Она пріѣхала со всѣмъ дворомъ въ десять часовъ утра и пробыла въ Обществѣ до часу. Ее встрѣтили четыре попечителя: Ив. Ив. Бецкій, Н. Панинъ, гр. Чернышевъ, С. Козьминъ, а собранныя въ комнату начальницы воспитанницы и учительницы принесли императрицѣ поздравленіе, „яко матери и Государынѣ своей". При этомъ одна изъ воспитанницъ, графиня Вальштейнова, произнесла на французскомъ языкѣ краткую привѣтственную рѣчь. Прослушавъ затѣмъ въ церкви обѣдню и осмотрѣвъ различныя работы воспитанницъ, Екатерина пришла въ столовую и, попробовавъ кушанье, смотрѣла, какъ обѣдаютъ воспитанницы. Впослѣдствіи императрица часто пріѣзжала въ Смольный, и не только въ торжественные дни, а, по выраженію камеръ-фурьерскаго журнала*), „обыденкою"; иногда она пріѣзжала по приглашенію воспитанницъ, которыя приготовляли для нея „сценическіе сюрпризы", разыгрывая разныя французскія и русскія піесы или представляя балеты. Великій князь Павелъ Петровичъ и другіе члены царской семьи также часто посѣщали Смольный, который обыкновенно показывали и пріѣзжимъ иностраннымъ гостямъ. Великая княгиня Наталья Алексѣевна пріѣзжала по два и по три раза въ недѣлю, разговаривала и занималась съ воспитанницами музыкой.

*) *П. Н. Петровъ*, Исторія Санктъ-Петербурга, стр. 793.

Часто навѣщая и бесѣдуя запросто съ воспитанницами, Екатерина не только знала почти всѣхъ ихъ по именамъ, но и переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сохранившіеся и напечатанныя въ Р. Архивѣ[1]) четыре ея письма къ Левшиной (впослѣдствіи княгинѣ Черкасской) такъ ярко рисуютъ отношенія императрицы къ воспитанницамъ и къ Смольному, что мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ. Въ этихъ письмахъ къ тому же есть и подробности, дающія нѣкоторое понятіе о внутренней жизни и бытѣ первыхъ годовъ Общества.

Въ письмахъ Екатерины, такъ же какъ и въ запискахъ Ржевской, есть намеки на то, что первоначальная мысль императрицы объ учрежденіи женскаго учебнаго заведенія, изложенная въ собственноручныхъ ея замѣткахъ, когда она была еще великой княгинею, и была, при основаніи Воспитательнаго Общества, проведена именно такъ, какъ она это предполагала. Екатерина называетъ воспитанницъ 3-го возраста, носившихъ платье сѣраго цвѣта „soeurs grises“ (письма писаны по-французски). У Ржевской также встрѣчается выраженіе „община сестеръ“ (вѣроятно, въ русскомъ переводѣ записокъ, также написанныхъ по-французски, это передача словъ „communauté des soeur“). Эти выраженія, принятыя какъ въ Смольномъ, такъ и внѣ его, вошли въ употребленіе, надо полагать, съ перваго же времени существованія Воспитательнаго Общества, которое такъ и сохранило навсегда названіе Смольнаго монастыря.

Первое изъ упомянутыхъ писемъ Екатерины къ воспитанницѣ Левшиной помѣчено 1770 годомъ. Тогда Левшиной было не болѣе 12-ти лѣтъ[2]). Вотъ это письмо:

„Черномазая Левушка! получивъ ваше милое письмо, мнѣ захотѣлось сѣсть въ коляску и ѣхать прямо въ монастырь, чтобы васъ увидать; но не прогнѣвайтесь, меня удержалъ сильный холодъ. Я рѣзвлюсь немногимъ меньше чѣмъ вы, поэтому нахожу васъ очень любезною; но воздухъ вашихъ большихъ корридоровъ слишкомъ свѣжъ для меня въ этомъ мѣсяцѣ. Какъ только сильные морозы пройдутъ, я пріѣду какъ-нибудь на все послѣобѣденное время присутствовать при разныхъ

[1]) Р. Архивъ 1870. Кн. 3. стр. 529.

[2]) Левшина была дочь маіора отъ его перваго брака съ княжною Кольцовой-Масальскою. Осиротѣвъ на четвертомъ году, она была принята въ Смольный въ 1764 г., шести лѣтъ отъ роду. (Р. Архивъ. 1870, кн. 3, стр. 687).

вашихъ занятіяхъ, если мои, ибо и у меня они есть, мнѣ это позволятъ. Мой поклонъ всему Обществу; поцѣлуйте пожалуйста отъ меня старѣйшихъ моихъ знакомыхъ — сѣрыхъ сестеръ; скажите имъ, что мнѣ пріятно видѣть ихъ всякаго рода успѣхи, это доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе; я имъ это докажу, когда пріѣду какъ-нибудь вечеромъ, чтобы вволю поиграть съ Обществомъ. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ, которой вы столькимъ обязаны и которую вы такъ нѣжно любите".

„Екатерина".

Какого содержанія было письмо Левшиной, на которое отвѣчаетъ императрица, мы не знаемъ. Ея письма, также какъ и другихъ воспитанницъ къ Екатеринѣ, не сохранились; но изъ отвѣтовъ на нихъ императрицы можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ къ ней относились дѣвочки. Ихъ письма очень нравились Екатеринѣ. Въ запискѣ къ графу Н. И. Панину отъ 21-го іюля 1771 года она проситъ его передать великому князю „для любопытства письмо рѣзвыя Левшины"... „Я чаю", прибавляетъ Екатерина, „что на четвертанадцатомъ году не можно болѣе опыта дать живого, веселаго и пріятнаго сложенія". О письмахъ смолянокъ Екатерина писала и Вольтеру. „Мнѣ не разъ хотѣлось", говоритъ она ему въ письмѣ отъ 23 марта 1772 года, „послать вамъ нѣсколько полученныхъ мною отъ нихъ записокъ, которыя навѣрно сочинены не ихъ учителями, ибо въ нихъ очень много дѣтскаго; но ужъ теперь въ каждой строкѣ видна, рядомъ съ невинностью, пріятность и веселость ихъ ума". Въ одномъ изъ писемъ того же года къ Вольтеру Екатерина, восхищаясь воспитанницами Смольнаго, высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, говоря, что онѣ превзошли всѣ ожиданія, что успѣхи ихъ удивительны; что всѣ находятъ, что онѣ становятся столь же любезными, сколь обогащенными знаніями, полезными для общества; что вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обладаютъ безукоризненною нравственностью, однакоже безъ мелочной строгости монахинь". Благодаря Вольтера за пожеланіе ей, въ числѣ другихъ благъ, увеличенія радостей, Екатерина говоритъ ему объ „особеннаго рода радости", очень для ней близкой, въ доставленіи которой Вольтеръ можетъ быть ей полезенъ своимъ совѣтомъ.

Дѣло въ томъ, что въ ряду разныхъ воспитательныхъ средствъ Екатерина считала однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ театръ, какъ школу добрыхъ нравовъ и хорошихъ манеръ.

Театральныя представленія полагались въ обществѣ уставомъ, но были введены тамъ, какъ сообщаетъ Екатерина Вольтеру, только въ 1770 году. По ея словамъ, воспитанницы исполняли свои роли „лучше настоящихъ здѣшнихъ актеровъ и актрисъ“. Но въ выборѣ піесъ для театра начальство Смольнаго встрѣчало большое затрудненіе, ибо „не хотѣлось“, говоритъ Екатерина, „чтобы воспитанницы играли такія піесы, которыя слишкомъ сильно возбуждаютъ страсти“. Поэтому она и просила Вольтера посовѣтывать ей какъ быть, „ибо“, писала она, „дурными и пошлыми піесами можно испортить вкусъ“, а представлять отдѣльныя сцены не такъ интересно, какъ цѣлыя піесы. Вольтеръ обѣщалъ выписать изъ Парижа трагедіи и комедіи лучшихъ французскихъ авторовъ въ листахъ, велѣть сброшюровать ихъ въ перемежку съ бѣлыми страницами, на которыхъ онъ хотѣлъ вписать сдѣланныя имъ самимъ измѣненія, „нужныя“, какъ выразился Вольтеръ, „для охраненія добродѣтели Вашихъ прелестныхъ дѣвицъ“. Съ такою же просьбою Екатерина обращалась и къ Дидро въ бытность его въ Петербургѣ въ 1773—1774 году. Вообще театральныя представленія воспитанницъ живо интересовали императрицу. Въ ожиданіи обѣщанныхъ, сцеціально для Смольнаго написанныхъ, піесъ, воспитанницы играли трагедіи и комедіи Вольтера, а изъ отечественныхъ — Сумарокова „Семиру“ и другія. При исполненіи мужскихъ ролей онѣ надѣвали, какъ разсказываетъ Екатерина Вольтеру, нѣчто въ родѣ длиннаго фрака, который, говоритъ она, „мы называемъ моднымъ въ той странѣ“. Самыя трудныя, по ея словамъ, роли и хуже всѣхъ исполнявшіяся, были роли стариковъ: „большой парикъ и палка“, пишетъ Екатерина, „не придаютъ морщинъ молодому лицу“.

Объ этихъ представленіяхъ Екатерина говоритъ во второмъ своемъ письмѣ къ Левшиной и другимъ воспитанницамъ, исполнявшимъ различныя роли въ піесахъ Вольтера и Брюэ. Письмо ея помѣчено также 1770 годомъ.

„Скажите, Левушка“, пишетъ Екатерина, „могу ли я отвѣчать каждой изъ васъ отдѣльно на вашу болтовню? Вы говорите все, что вамъ придетъ въ голову; вы поздравляете меня съ моимъ праздникомъ; вы меня браните за то, что я поѣхала на дачу, вы приглашаете меня смотрѣть на грязь вашего сквернаго сада, и столько еще всякой галиматьи, что понадобилась бы цѣлая десть бумаги чтобы отвѣчать вамъ

подробно; поэтому я отказываюсь; но продолжайте, сударыня; ваше перо, вашъ языкъ и ваше сердце превосходны и въ самомъ дѣлѣ я васъ очень люблю.

„Алимушка![1]) съ сердцемъ не той субретки, которая взбѣгаетъ каждый день 221 ступеньку, чтобы издали взглянуть на замокъ, столь ненавидимый Обществомъ. Вы заслуживаете, что я вамъ скажу большое спасибо за прекрасные комплименты, которые вы мнѣ дѣлаете, и за то, что вы обладаете искусствомъ выманивать монахинь изъ ихъ келій вашей веселостью и по разнымъ другимъ еще причинамъ.

Госпожа Крупильякъ[2]), повидимому, бережетъ бумагу для своихъ процессовъ; ея почеркъ мелокъ, слогъ ея комплиментовъ сжатъ; однако она выдерживаетъ характеръ и дразнитъ солнце, которому желаетъ затмѣнія — вотъ что значитъ привычка!

— „Еще Лиза, красавица Лиза, такая кроткая, вмѣсто того чтобы радоваться, что она столько разъ выходила замужъ за Ефима Молчакова, также недовольна, несмотря на ея прекрасное привѣтствіе по поводу моего-праздника, тѣмъ, что я живу въ позолоченномъ замкѣ.

„— Ефимъ-сынъ, проѣвъ все свое состояніе съ пріятелями, начинаетъ мнѣ говорить о своемъ сердцѣ; я его принимаю на зло Лизѣ и г-жѣ Крупильякъ, которую я въ одинъ прекрасный день выдамъ замужъ за Фрейнфата, чтобы отомстить за мой оскорбленный замокъ; и на свадьбѣ, волей-неволей, будетъ танцовать дѣвица Барщова[3]) въ наказаніе за то, что она нашла возможнымъ сравнить петербургскій снѣгъ съ снѣгомъ Царскаго села. Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой, феноменъ, который я пріѣду наблюдать вблизи, въ моментъ, когда этого всего менѣе будутъ ожидать и это можетъ случиться скоро, скоро. Молитесь Богу, чтобы ледъ прошелъ какъ можно скорѣе; въ ожиданіи этого, цѣлую разомъ всѣхъ затѣйницъ шума и благодарю ихъ за оказываемую мнѣ пріязнь. Мой поклонъ г-жѣ Делафонъ. 1770“.

„Екатерина“.

---

[1]) Такъ называетъ императрица Алымову, впослѣдствіи Ржевскую, автора Записокъ.

[2]) Эта, какъ и другія, упоминаемыя здѣсь императрицей, фамиліи и имена, относятся къ дѣйствующимъ лицамъ комедій, которыя исполняли воспитанницы.

[3]) Одна изъ воспитанницъ.

Третье письмо императрицы безъ числа; но оно написано въ 1773 году, за три года до перваго выпуска изъ Смольнаго. Въ этомъ году, въ первый разъ съ его основанія, воспитанницъ, по выраженію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1773 года, „предположено было показать публикѣ въ Лѣтнемъ саду“.

Такая ли была въ дѣйствительности цѣль вывоза воспитанницъ, только-что перешедшихъ въ четвертый, т.-е. старшій, возрастъ, неизвѣстно. Но появленіе въ городѣ цѣлаго класса 14—15-лѣтнихъ дѣвушекъ, въ одинаковой праздничной одеждѣ, само по себѣ должно было произвести впечатлѣніе на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ. Кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что учебное заведеніе, въ которомъ эти дѣвочки воспитывались, пользовалось не только покровительствомъ, но и любовью императрицы. По всему этому прогулка воспитанницъ Смольнаго монастыря въ Лѣтнемъ саду была цѣлымъ событіемъ для тогдашняго общества; ее описали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

„20-го мая“, разсказываетъ очевидецъ, „пріѣхало къ Лѣтнему саду много знатнаго дворянства и собралось столько народу, что по берегу Невы и даже на Милліонной стояла толпа. Смолянки ѣхали по Невѣ въ шлюпкахъ, въ сопровожденіи Бецкаго, Лафонъ и надзирательницъ. У пристани, противъ Зимняго дворца, онѣ вышли на берегъ и прошли въ Эрмитажъ, а оттуда пѣшкомъ по Невскому каменному берегу въ садъ“... За ними слѣдовала такая масса народа, что вся улица была запружена и вслѣдствіе этого пріостановлено движеніе экипажей. При входѣ въ Лѣтній садъ, воспитанницъ ожидалъ сюрпризъ: графъ Орловъ разставилъ въ закрытой куртинѣ сада роговую музыку. „Сей Его Свѣтлости поступокъ“ говорятъ С.-Пет. Вѣдомости, „былъ весьма кстатѣ употребленъ, дабы молодыхъ дѣвушекъ, не знающихъ еще свѣта, но хорошо воспитанныхъ, при первомъ шагѣ вступленія ихъ въ свѣтъ, такимъ пріятнымъ образомъ встрѣтить и привыкшій ихъ вкусъ къ нѣжности во время гулянья забавлять музыкою“. Публика, по словамъ автора описанія, замѣтила, что воспитанницы съ большимъ вниманіемъ осматривали мраморныя статуи, „дѣлали примѣчанія и разсуждали знающимъ и похвальнымъ образомъ о скульптурѣ, равно какъ примѣтно было ихъ знаніе изъ разсужденій о живописи и о исторіяхъ

картинъ, которыя онѣ смотрѣли въ Эрмитажѣ и его галлереяхъ". Вообще, если вѣрить „С.-Петерб. Вѣдомостямъ", воспитанницы Смольнаго дали публикѣ очень выгодное понятіе о своемъ воспитаніи и знаніи тѣмъ, что всякій могъ примѣтить въ нихъ благопристойную смѣлость, благородную незастѣнчивость. Многіе говорили съ ними о разныхъ матеріяхъ и онѣ со всѣми и обо всемъ изъяснялися свободно, непринужденно и съ особливою пріятностью и на всѣ вопросы отвѣчали къ удовольствію каждаго любопытствующаго узнать о ихъ понятіяхъ и знаніяхъ"... „И народъ", прибавляютъ „С.-Пет. Вѣдомости", „выхвалялъ самыми простыми и свойственными ему выраженіями сихъ дѣвицъ и данное имъ воспитаніе". Въ своемъ увлеченіи видѣннымъ и слышаннымъ, „С.-Петерб. Вѣдомости", основываясь только на одномъ появленіи благовоспитанныхъ барышень и нѣсколькихъ брошенныхъ ими словахъ, пришли къ заключенію, что „насажденныя Монархинею воспиталища возростятъ Россіи хорошихъ женъ, попечительныхъ хозяекъ; въ мужскомъ полѣ произведутъ хранящихъ истину судей, остроумныхъ министровъ, славныхъ героевъ, вѣрныхъ друзей и сыновъ, прямо любящихъ свое отечество".

До сихъ поръ о Воспитательномъ Обществѣ говорилось лишь въ указахъ, которыхъ публика не читала, да въ протоколахъ Совѣта, ей недоступныхъ. Теперь въ первый разъ заговорила о немъ литература, и если, показывая воспитанницъ публикѣ, цѣль Екатерины была воочію показать русскому обществу результаты 9-лѣтняго воспитанія въ Смольномъ, то цѣль ея была достигнута. Не однѣ „С.-Петерб. Вѣдомости", но и „Живописецъ" Новикова заинтересовались имъ, подкупленные пріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ съ перваго же раза воспитанницами.

О событіи, обратившемъ на время вниманіе общества на воспитанницъ Смольнаго, говоритъ и императрица въ третьемъ письмѣ къ Левшиной. Екатерина пишетъ:

„Вотъ мой отвѣтъ на ваши два письма, сударыня; мимоходомъ замѣчу, что первое изъ нихъ написано такъ мелко, что если вы будете продолжать совершенствоваться въ такомъ родѣ писанія, то введете меня въ расходъ: черезъ шесть мѣсяцевъ я буду принуждена купить себѣ очки, чтобы читать ваши письма; но съ очками или безъ очковъ, они всегда будутъ мнѣ пріятны. Скажите пожалуйста отъ меня г-жѣ Делафонъ,

что та большая, бѣлая дѣвица съ темноватымъ лицомъ, съ носомъ попугая, которая, бывало, испускала цѣлый магазинъ гласныхъ когда я пріѣзжала или уѣзжала изъ монастыря, пишетъ столь же естественно, сколь ея письма наполнены веселостью; я очень люблю, когда прекрасная природа проявляетъ себя безъ афектацій и изысканности и нахожу черномазую Левушку съ ея вѣтренностью и остроумными выходками совершенно въ моемъ вкусѣ. Продолжайте, сударыня, продолжайте: черезъ три года я пріѣду взять васъ изъ монастыря, и какъ бы вы ни кричали, ни сердились, ни плакали, волей-неволей вы увидите Царское село, о которомъ вы теперь такого дурного мнѣнія, и вопреки вашему нраву, такъ какъ вы любите правду, вы принуждены будете согласиться, что это красивое мѣсто, болѣе красивое, нежели тотъ садъ лѣтняго дворца, который украшали собою „бѣлыя“ въ день, когда нѣкія цесарки тамъ прогуливались и вскружили голову всему городу; но смотрите, что натворили эти дѣвицы: съ этого дня городъ наводненъ червями (переводъ французскаго слова — „vers“), но однако не тѣми, которые гложутъ листья у деревьевъ и производятъ такое ужасное разрушеніе здѣсь въ моемъ саду, а тѣми, которые творятъ поэты, когда передъ ними возникаютъ оживляющіе ихъ воображеніе предметы. Я какъ-нибудь пріѣду въ городъ, чтобы посмотрѣть какъ г-жа Делафонъ устраиваетъ всѣ углы и уголки мѣщанскаго помѣщенія*), о которомъ вы мнѣ говорите. Надѣюсь, что ваша мелюзга и впередъ не будетъ мяукать; благодаря вашимъ стараніямъ, какъ видите, я стала употреблять монастырскія, или, по крайней мѣрѣ, ваши выраженія. Не пугайтесь того, что г. Бецкій будетъ настаивать, чтобы вы учились плавать; въ его годы, — это вѣдь упражненіе, для котораго требуется сила и ловкость, — обыкновенно больше шумятъ, чѣмъ дѣлаютъ дѣло. Совѣтую вамъ поймать его на словѣ, и онъ окажется въ бо́льшемъ чѣмъ вы затрудненіи, чтобъ исполнить свое обѣщаніе; увидите что онъ вамъ отвѣтитъ: „прекрасно, прекрасно, сударыня“, и отложитъ исполненіе до другого дня. Вы должны также узнать у него, для чего онъ поставилъ въ мою комнату, въ Зимнемъ дворцѣ, турецкую софу? Обыкновенно, онъ ставитъ въ мои ком-

*) Екатерина говоритъ о перемѣщеніи мѣщанокъ въ перестроенное для нихъ изъ бывшаго Смольнаго монастыря запаснаго дворца зданіе, въ которое онѣ и были переведены въ 1773 году.

наты все, что хочетъ; только ваше личико работы дѣвицы Молчановой я сама поставила; это вещь любимая, которая не исчезнетъ съ мѣста, мною ей даннаго, лучше сказать, вами самою ей даннаго. Если это вамъ кажется непонятнымъ, то спросите разъясненія у вашихъ начальницъ, онѣ не могутъ этого не знать. — Я нахожу что данная вамъ графомъ Орловымъ серенада придумана очень хорошо; онъ любитъ доставлять вамъ удовольствіе, онъ присутствовалъ при вашемъ рожденіи и привязанъ къ вамъ безконечно. Онъ любитъ благо отечества, а ваше воспитаніе тому содѣйствуетъ. Онъ любитъ васъ особенно, знаете почему? Потому что вы любезны. Ну, мое письмо вѣдь достаточно длинно; однако я должна еще вамъ сказать, чтобы вы поклонились отъ меня мелюзгѣ коричневой, приласкали малютокъ голубыхъ, поцѣловали сѣрыхъ сестеръ, и обвились бы руками вокругъ шеи пилигримокъ бѣлыхъ, моихъ древнѣйшихъ пріятельницъ. Сдѣлайте также очень глубокій реверансъ г-жѣ Делафонъ и въ ту минуту выразите всей вашей особой всѣ чувства, которыя она съумѣла вамъ внушить. Это можетъ лишь доставить ей удовольствіе, это ея вѣдь дѣло. Скажите еще тѣмъ, мужчинамъ или женщинамъ, кому не понравится, что я назвала васъ цесарками, что цесарки — это самыя красивыя изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ куръ.

„Екатерина“.

Наконецъ, послѣднее письмо императрицы къ Левшиной написано въ 1775 году, за годъ до перваго выпуска изъ Смольнаго:

„Я думаю сударыня“, пишетъ Екатерина, „что мнѣ слѣдуетъ вывести два заключенія изъ вашего письма: первое — что вы печальны когда меня не видите, и наоборотъ — веселы, когда меня видите. Итакъ, погода показываетъ теперь къ дождю, къ печали: васъ огорчаетъ путешествіе въ Москву, я ужъ въ послѣдній разъ замѣтила слѣды этого. Я исчезла чтобы не оправдать злую поговорку, что какъ только одна женщина заплачетъ, такъ сейчасъ и другія за нею... Посмотрите, какъ свѣтъ несправедливъ и какъ легко обращаются съ нашей чувствительностью. Но, сударыня, не плачьте о томъ, что не увидите меня цѣлый годъ, ибо когда я вернусь и когда наступитъ срокъ, я васъ увезу въ одинъ прекрасный день и вы наглядитесь на меня вдоволь, и вы будете трещать, какъ придворная сорока. Передайте мой поклонъ г-жѣ Делафонъ;

желаю, чтобы ея здоровье поправилось какъ можно скорѣе. Кланяюсь всему Обществу, тѣломъ и духомъ. Замѣтьте, пожалуйста, что хотя я пишу не такъ хорошо, какъ вы, но орѳографію соблюдаю лучше.

„Екатерина“.

Строгій педагогъ найдетъ, быть-можетъ, многое въ письмахъ императрицы несогласнымъ съ теоріями науки о воспитаніи. Въ третьемъ письмѣ Екатерина обращаетъ вниманіе воспитанницъ на то, что онѣ, при первомъ своемъ появленіи въ публикѣ, вызвали удивленіе и похвалы, что поэты написали въ ихъ честь стихи и пр. Все это, скажетъ онъ, должно было содѣйствовать пробужденію въ молодыхъ дѣвушкахъ тщеславія, которое впослѣдствіи и ставили въ упрекъ воспитанію въ Смольномъ. Но такой взглядъ въ данномъ случаѣ былъ бы не у мѣста. Переписка императрицы съ воспитанницами Смольнаго была совсѣмъ другого характера, чѣмъ переписка г-жи Ментенонъ съ воспитанницами Сен-Сира. Екатерина переписывалась просто, безъ всякой цѣли, для своего и воспитанницъ удовольствія и развлеченія; она любила ихъ и ей было пріятно и весело съ ними разговаривать. Но если допустить, что, пиша воспитанницамъ, Екатерина задавалась какою-либо педагогическою цѣлью, то, зная ея педагогическіе взгляды, можно быть увѣреннымъ, что, подчеркивая въ своемъ письмѣ произведенное воспитанницами на публику впечатлѣніе, она сдѣлала это, думая тѣмъ поощрить въ нихъ честолюбіе, которое считала могущественнымъ и похвальнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій.

Такъ же поступалъ и Бецкій; онъ горячо былъ преданъ своему дѣлу и искренно любилъ ввѣренныхъ главнымъ образомъ ему императрицею воспитанницъ. Но какъ у человѣка не столь умнаго какъ она, притомъ человѣка свѣтскаго и придворнаго, какъ въ общеніи, такъ и въ письмахъ къ воспитанницамъ, выступаетъ дѣйствительно даже нѣсколько странный теперь для насъ тонъ. Въ бумагахъ Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ сохранились два его письма отъ 1770 года къ „сѣрымъ“, т.-е. къ 12-лѣтнимъ дѣвочкамъ.

Первое письмо, отъ 3-го мая, написано по тому случаю, что императрица, оставшись довольною успѣхами „сѣрыхъ“, благодарила Бецкаго въ присутствіи всего двора. Бецкій на другой же день пишетъ воспитанницамъ:

„Вы не можете повѣрить, ни представить себѣ, милостивыя государыни, какое удовольствіе я испыталъ вчера, услыхавъ изъ устъ самой всемилостивѣйшей нашей Государыни, въ присутствіи всего двора, полныя доброты похвалы, которыя она мнѣ выразила, оставшись довольною вашимъ классомъ. Судите, милостивыя государыни, какое это было для меня безконечное удовольствіе; я думаю, что сообщу его вамъ, передавъ сего дня же о томъ, что было. Все въ васъ понравилось и польстило ея императорскому величеству; ваше чистосердечіе, ваша скромность, ваши манеры, ваши выраженія, — все въ васъ, до мелочей, нашло отголосокъ въ ея благожелательномъ сердцѣ. Таковъ, милостивыя государыни, удѣлъ добродѣтели, таковы плоды хорошаго воспитанія, даваемаго вамъ г-жею Делафонъ, которой вы обязаны всѣмъ. Повторяю еще разъ, какъ сладко слышать такія похвалы изъ самыхъ устъ одной изъ первыхъ государынь міра; какъ пріятно ихъ заслужить и имѣть возможность получить и въ будущемъ знаки ея покровительства, которыми она всемилостивѣйше соизволяетъ почтить васъ. Я не имѣю времени бесѣдовать съ вами, что было бы такъ лестно для меня; какъ вы любезны, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и остаюсь съ искреннею и безграничною привязанностью, которая вамъ давно извѣстна, вашъ, милостивыя государыни, нижайшій и покорнѣйшій слуга.

„И. Бѣцкій“.

Во второмъ письмѣ, отъ 30-го декабря, Бецкій передаетъ „сѣрымъ“, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, удовольствіе императрицы по поводу публичнаго экзамена и кончаетъ свое письмо сообщеніемъ, что „удовольстіе публики невыразимо“*).

Характерно также письмо къ воспитанницамъ, только что перешедшимъ въ старшій возрастъ (лѣтъ 15—16), шведскаго короля Густава, написанное нѣсколько позже (въ 1778 году) въ отвѣтъ на ихъ письмо, въ которомъ онѣ благодарили ко-

*) Оно также находится въ бумагахъ Восп. Об. благ. дѣв. и хранится въ архивѣ Совѣта по особому, сдѣланному тогда же Совѣтомъ постановленію, въ которомъ сказано: „Уважая столь знаменитаго гостя посѣщеніе и оказанное усердіе къ сему Обществу, которыя достойны суть переданы быть послѣдующимъ родамъ въ незабвенное напоминаніе, постановилъ: записать сія происшествія въ протоколъ и письмо его величества хранить въ Архивѣ Совѣта“.

роля за присланный имъ изъ Швеціи свой портретъ Обществу. Король, путешествовавшій подъ именемъ графа Готландскаго, познакомился съ Смольнымъ въ 1777 году, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ. Письмо написано собственноручно по-французски и помѣчено 6-мъ февраля 1778 года.

„Милостивыя государыни", пишетъ Густавъ, „князь Меншиковъ передалъ мнѣ ваше письмо; я былъ очень польщенъ вашею памятью обо мнѣ; въ ваши года и обладая, какъ вы, талантами и искусствомъ нравиться, можно съ увѣренностью разсчитывать на то, что сдѣлаешь многихъ счастливыми; вы позволили мнѣ испытать это чувство; я приписалъ знаки вашей памяти своей личности, а не моему сану, и въ первый разъ почувствовалъ удовольствіе быть любимымъ для себя; если это заблужденіе съ моей стороны, прошу васъ мнѣ его оставить, оно вамъ не дѣлаетъ зла, а мнѣ приноситъ добро; впрочемъ невинность, свобода и чистосердечіе, въ которыхъ вы воспитаны, служатъ извиненіемъ моей ошибки; я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать зрѣлище, которое вы и ваша Августѣйшая Основательница мнѣ доставили; это, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, быть-можетъ, будетъ нѣкогда причислено къ наиболѣе славнымъ дѣяніямъ Екатерины, за которое справедливое и безпристрастное потомство будетъ во всѣ вѣка прославлять ея память. Я замѣчаю немножко поздно, что говорю съ вами слишкомъ серьезнымъ для вашихъ лѣтъ языкомъ; но онъ понятенъ такимъ чувствительнымъ сердцамъ, какъ ваши. Остаюсь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ къ вамъ, милостивыя государыни, очень благорасположенный.

„Густавъ".

Подъ словомъ „зрѣлище", о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ король, онъ очевидно разумѣетъ не театральное представленіе, на которомъ присутствовалъ въ Смольномъ, а все, что онъ тамъ видѣлъ.

Любовь воспитанницъ къ Екатеринѣ была неподдѣльная и горячо проявлялась всякій разъ, какъ къ тому представлялся случай. Когда она, проведя около года въ Москвѣ, въ концѣ 1775 года возвратилась въ Петербургъ, то первый ея выѣздъ былъ въ Смольный, гдѣ по этому случаю былъ спектакль. Воспитанницы играли „L'ambitieux" и комическую оперу „Le jardinier supposé". Послѣ представленія онѣ бросились къ Екатеринѣ съ такою горячностью, „что чувства ихъ къ ней, яко къ матери, превозмогли почтеніе къ своей государынѣ".

Свидѣтелемъ проявленія любви воспитанницъ къ императрицѣ былъ и шведскій король во время одного изъ своихъ посѣщеній Смольнаго. Объ этихъ посѣщеніяхъ въ протоколѣ Совѣта Воспитательнаго Общества отъ 28-го августа 1777 года сказано, что по случаю пріѣзда высокаго гостя были представлены „различныя вещи, показующія успѣхъ благородныхъ дѣвицъ въ наукахъ и художествахъ, также и многія рукодѣлія". 16-го іюня Густавъ былъ въ Смольномъ при раздачѣ наградъ воспитанницамъ, переходившимъ изъ 3-го въ 4-й возрастъ, а 24-го, въ день именинъ Бецкаго, праздновавшихся въ Смольномъ, присутствовалъ на театральномъ представленіи, которое воспитанницы исполняли то въ комнатахъ, то въ саду, и ужиналъ съ ними. Одна изъ нихъ, Хрущова, изображала „безобразнаго Азора" въ извѣстной тогда оперѣ „Земира и Азоръ" и, по ходу піесы, должна была преобразиться въ настоящій свой видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины. Въ этотъ моментъ, произнося стихи въ честь императрицы, Хрущова невольно заплакала. Это, по всей вѣроятности, и произвело на Густава то дѣйствіе, которое онъ называетъ „единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, за которое потомство будетъ вѣчно благодарить память Екатерины". Густавъ подарилъ Хрущовой брилліантовое сердечко „изъ отмѣннаго своего", какъ сказано въ постановленіи Совѣта по этому случаю, „къ воспитывающимся усердію".

Ужъ одно то, что коронованныя и высокопоставленныя лица такъ относились къ воспитанницамъ Смольнаго, что писали имъ, а еще болѣе тонъ и содержаніе этихъ писемъ, показываютъ, что воспитаніе въ Смольномъ имѣло аристократическій и, преимущественно, свѣтскій характеръ. Екатерина, описывая Вольтеру воспитаніе Смольнаго, говоритъ: „не знаю выйдутъ ли изъ этого, какъ вы выражаетесь, батальона дѣвицъ амазонки; но мы далеки отъ того, чтобы сдѣлать изъ нихъ монашенокъ и вогнать ихъ въ чахотку, заставляя по ночамъ горланить въ церкви, какъ это практикуется въ Сен-Сирѣ. Мы ихъ воспитываемъ, напротивъ, для того, чтобы онѣ были отрадой семействъ, въ которыя вступятъ; мы не хотимъ сдѣлать ихъ ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать собственныхъ дѣтей и вести свой домъ". Въ письмѣ къ Гримму она высказывается противъ того, что у нѣмцевъ называется „Naseweis", по-нашему „умничанье", которое, по мнѣнію Ека-

терины, „непремѣнно должно проявляться у западныхъ женщинъ при томъ воспитаніи, какое имъ дается въ Европѣ“.

Трудно указать, что именно предпринималось въ Смольномъ для того, чтобы сдѣлать воспитанницъ „отрадою семействъ“ и въ особенности „способными воспитать своихъ дѣтей“. Для того, чтобы онѣ могли вести свой домъ, разумѣя подъ этимъ хозяйство, однимъ изъ первыхъ постановленій Совѣта, какъ только воспитанницы перваго пріема перешли въ старшій возрастъ, было то, чтобы „онѣ обучались домостроительству, чтобы сами договаривались о цѣнахъ съ поставщиками припасовъ и плату имъ производили“. Но жизнь воспитанницъ первыхъ пріемовъ, особенно самаго перваго, сложилась такъ, что едва ли у нихъ доставало и времени на сколько-нибудь серьезныя занятія чѣмъ бы то ни было. Главная цѣль основанія Общества — смягченіе нравовъ, развитіе гуманности въ отношеніяхъ между людьми путемъ просвѣщенія ума и сердца, что должно было отражаться и во внѣшнихъ проявленіяхъ у воспитанницъ, — эта цѣль дѣйствительно преслѣдовалась въ стѣнахъ заведенія. Но — и можетъ-быть — въ этомъ нельзя винить исключительно лицъ, стоявшихъ во главѣ воспитанія въ Смольномъ, а столько же и духъ того времени — вторая половина дѣла, та, которая должна была являться естественнымъ результатомъ первой, была поставлена въ Смольномъ главною. Къ выработкѣ внѣшности у воспитанницъ начальствующія въ Обществѣ лица прилагали гораздо больше стараній, нежели къ просвѣщенію ихъ ума, хотя во всемъ, что касается собственно воспитанія, эти лица съ перваго же начала старались дѣйствовать въ духѣ устава.

Относительно обученія можно сказать, что изъ всѣхъ наукъ только на одну было обращено серьезное вниманіе въ Смольномъ. Эта наука, считавшаяся едва ли не самою важною изъ всѣхъ въ глазахъ тогдашняго общества, которой обучали вездѣ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, такъ и въ частныхъ пансіонахъ и при домашнемъ воспитаніи, заключалась въ сообщеніи воспитывающимся умѣнья обращаться и держать себя въ свѣтѣ, въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе въ Смольномъ было обставлено какъ нельзя лучше. Все вокругъ воспитанницъ должно было помогать этой задачѣ воспитанія. Общество людей, въ которомъ онѣ вращались, было избранное; разговоръ и переписка велись преимуще-

ственно на французскомъ языкѣ, который употреблялся не только при дворѣ и въ высшемъ, но и во всякомъ, претендовавшемъ только на названіе „порядочнаго“ обществѣ. Кругомъ себя воспитанницы должны были видѣть людей ласковыхъ, учтивыхъ, пріятныхъ и благовоспитанныхъ. Уставъ предписывалъ учительницамъ не выпускать воспитанницъ изъ глазъ, „дабы онѣ поколику возможно не оставались однѣ со служанками, съ которыми и разговоровъ имѣть не должно. Даже отъ швейцара Совѣтъ, въ особо составленной инструкціи, требовалъ „учтивости, пріятности, благопристойности, правды и совѣстныхъ поступковъ, какъ потому, что швейцаръ Общества имѣетъ двора ея императорскаго величества камерлакейскую ливрею, которая уже показываетъ его въ достоинствѣ офицера, а сверхъ того чинъ и званіе привратника неминуемо требуютъ такихъ качествъ, дабы поведеніемъ своимъ оказывать ихъ всякому безъ изъятія“. Во время публичныхъ собраній въ Обществѣ швейцаръ не долженъ былъ пропускать никого ниже офицерскаго чина.

Если въ матеріальной обстановкѣ воспитанницъ, въ ихъ дортуарахъ и столѣ, не было роскоши, то она допускалась въ ихъ туалетѣ. Кромѣ предписанныхъ Уставомъ (Гл. II, § 20) шелковыхъ платьевъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, воспитанницамъ (всѣмъ 200-мъ, стало-быть и младшихъ классовъ), какъ благороднымъ, такъ и мѣщанскимъ, выдавались не только шпильки, булавки, гребни и пр., но и пудра, перчатки — благороднымъ двухъ сортовъ: однѣ желтыя кожаныя, по три пары въ годъ, другія бѣлыя лайковыя для ассамблей (по парѣ на три года), а мѣщанскимъ замшевыя. Кромѣ того благороднымъ давались шелковые пояса къ праздничнымъ платьямъ (одинъ на три года), лайковые башмаки для ассамблей (по двѣ пары въ годъ), рубашки съ батистовыми манжетами и воротничками (по четыре въ годъ).

Начиная съ третьяго возраста, воспитанницъ практически знакомили съ „свѣтомъ“. Въ особой, составленной въ 1773 году Совѣтомъ, инструкціи начальницѣ и правительницѣ, въ числѣ разныхъ указаній, предписывается (§ 12) приглашать къ своему столу вмѣстѣ съ воспитанницами и постороннихъ особъ для „пріобученія первыхъ къ обхожденію въ обществѣ“. А цѣль ассамблей, концертовъ и пр., устраиваемыхъ въ Смольномъ, объясняется въ инструкціи тѣмъ, что во время ихъ воспитан-

ницы „могутъ пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной дѣвицѣ столь нужны къ достиженію необходимыхъ для ея познаній и для истиннаго воспитанія“. Воспитанницы старшихъ двухъ возрастовъ ѣздили въ сопровожденіи начальницы ко двору, играли въ Эрмитажѣ, обѣдали, и бывали на вечерахъ у Бецкаго и у генерал-директора Шляхетскаго корпуса Пурпура. Въ дневникѣ графа Бобринскаго много объ этомъ подробностей, показывающихъ, что, живя въ монастырѣ, воспитанницы Смольнаго считались въ свѣтѣ ужъ взрослыми дѣвушками. Въ Смольномъ давались балы, на которые приглашались, въ числѣ другихъ лицъ, и кадеты. Послѣ бала обыкновенно бывалъ ужинъ, за которымъ дѣвицы сидѣли вмѣстѣ съ гостями. Къ этому времени, т.-е., когда имъ было, приблизительно, 14—15 лѣтъ и когда ихъ начинали вывозить, онѣ хорошо говорили по-французски, знали музыку, нѣкоторыя пѣли, почти всѣ прекрасно танцовали и хорошо исполняли разныя роли на домашней сценѣ. Однимъ словомъ, въ 15 лѣтъ онѣ считались совсѣмъ „приготовленными для свѣта“, выражаясь языкомъ того времени. Театральныя представленія были тогда въ большой модѣ при дворѣ, у вельможъ и во всѣхъ „благородныхъ“ домахъ. Умѣнье исполнять роли открывало входъ въ эти дома, и даже люди ученые подвизались на этомъ поприщѣ.

Вообще воспитанницамъ жилось хорошо и весело. Для нихъ Екатерина съ 1770 года ввела катанье въ придворныхъ экипажахъ по улицамъ Петербурга, на качели, устраиваемыя на Святой и около горъ на масленицѣ. Кромѣ баловъ и спектаклей, разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ послѣ обѣда онѣ танцовали въ присутствіи публики и родителей. Это были цѣлые балеты, которымъ обучалъ въ Смольномъ (также и въ Шляхетскомъ корпусѣ) знаменитый еще со времени императрицы Елизаветы балетмейстеръ Ландѣ, а потомъ одна изъ первыхъ танцовщицъ въ Европѣ, Лантини. Нѣкоторыя воспитанницы, и между ними извѣстная впослѣдствіи Нелидова, отличались необыкновеннымъ искусствомъ въ танцахъ. На ихъ танцы пріѣзжали смотрѣть и иностранные гости императрицы. Екатерина писала Вольтеру о гостившемъ 1772 году въ Петербургѣ калгѣ-султанѣ, братѣ крымскаго хана, что онъ „по воскресеньямъ послѣ обѣда, когда въ Смольный допускаются на

одинъ часъ посторонніе, отправляется въ монастырь смотрѣть на танцы воспитанницъ". — „Вы скажете", прибавляетъ она, „что это значитъ пускать волка въ овчарню, но не пугайтесь: вотъ какъ это происходитъ. Въ очень большой залѣ поставлена двойная баллюстрада, дѣти танцуютъ внутри, посѣтители размѣщаются вокругъ балюстрадъ, и это единственный случай, когда родители могутъ видѣть нашихъ дѣвицъ, которымъ не дозволяется выѣзжать".

Кромѣ этихъ собраній, въ Смольномъ ежегодно, 20 апрѣля, наканунѣ рожденія императрицы, происходило собраніе совсѣмъ другого рода. По предложенію Делафонъ, съ 1768 года положено было устраивать столъ для ста нищихъ женскаго пола, и воспитанницы, какъ благородныя, такъ и мѣщанскія, должны были имъ прислуживать „въ знакъ человѣколюбія къ ближнему и благодѣянія къ бѣднымъ, дабы чрезъ то каждая воспитываемая болѣе усерднаго попеченія о бѣдныхъ имѣла". На это отпускалось по 50 рублей въ годъ изъ положенной на содержаніе Общества суммы.

Впослѣдствіи комиссіею народныхъ училищъ было обнаружено, что разучиваніе ролей и балетовъ, также приготовленія къ пріемамъ знатныхъ посѣтителей, которымъ обыкновенно показывали Смольный, сильно мѣшали правильному ходу учебныхъ занятій съ воспитанницами.

Лихачева.

Новая австрійская система народныхъ школъ.

Для того чтобы правильно судить, о томъ, какъ примѣнена была въ Россіи австрійская система обученія, необходимо изложить, хотя вкратцѣ, ея происхожденіе, ходъ ея развитія и способы, употреблявшіеся къ ея практическому осуществленію въ самой Австріи.

Въ продолженіе вѣковъ, народное образованіе въ австрійскихъ владеніяхъ было въ рукахъ духовенства, и преимущественно монашествующихъ орденовъ, между коими первенствовали іезуиты и всегдашніе ихъ соперники — піары. Правительство не вмѣшивалось въ педагогическія дѣла; немногіе свѣтскіе учителя въ начальныхъ училищахъ не получали никакого содержанія, а довольствовались ничтожными поборами съ бѣдныхъ учениковъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ въ Грацѣ и Вѣнѣ, было довольно школъ, но эти школы не были педаго-

гически устроены, объ учебномъ планѣ, о системѣ преподаванія не имѣли понятія, каждый учитель училъ чему хотѣлъ и какъ умѣлъ. Нѣсколько лучше стояло учебное дѣло въ присоединенныхъ къ Австріи областяхъ: въ австрійскихъ Нидерландахъ и Ломбардіи. Въ Венгріи же, находившейся въ продолженіе полутора вѣка подъ турецкимъ владычествомъ, въ Славоніи и Трансильваніи почти вовсе не было школъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія австрійское правительство стало учреждать народныя училища, единственно съ цѣлію пропаганды политической и религіозной, на такъ называемой кроатской военной границѣ. Въ каждую деревню, или въ каждую роту на этой линіи назначался учитель, или унтеръ-офицеръ изъ нѣмцевъ, который долженъ былъ учить читать и писать по-нѣмецки, за что имъ назначено было жалованье отъ правительства. Та же пропагандистская педагогическая система, съ несравненно большимъ религіознымъ оттѣнкомъ, примѣнена была въ шестидесятыхъ годахъ на трансильванской военной границѣ; нѣмецкій языкъ сдѣланъ былъ обязательнымъ предметомъ, школы наполнены были базильянами, паулинами, францисканцами, за что правительство платило монастырямъ; валахскимъ унтеръ-офицерамъ выдавались пособія за успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ, равно какъ и родителямъ, посылавшимъ своихъ дѣтей въ нѣмецкія школы. Всѣ эти училища учреждались, очевидно, не въ видахъ просвѣщенія народа, а для обращенія его въ нѣмцевъ католиковъ, а потому не имѣли никакого значенія въ смыслѣ собственно учебномъ, Въ дѣйствительности, такія школы на военной границѣ почти нигдѣ не открывались; нѣсколько успѣшнѣе шло это дѣло въ нѣмецко-банатскомъ полку, но и тамъ съ негодными учителями и безъ всякихъ учебныхъ руководствъ, исключая катихизиса. По валахской границѣ была только одна валахская школа, но ни одной нѣмецкой; по иллирійской границѣ числились три нѣмецкія школы, но только на бумагѣ; зато существовали иллирійскія школы, содержавшіяся на счетъ общинъ. Наиболѣе удачно принялась нѣмецко-католическая пропаганда въ трехъ славонскихъ полкахъ, гдѣ возникло до 50 нѣмецкихъ школъ, но также съ неудовлетворительными учителями, несмотря на то, что, по племенному сродству, ихъ выписывали изъ Богеміи и Моравіи. Піары пропагандировали въ Кроаціи.

Система начальнаго народнаго образованія появилась впер-

вые въ Пруссіи, откуда уже перешла въ Австрію. Во время своихъ войнъ, Фридрихъ Великій убѣдился въ высокомъ значеніи грамотности для унтеръ-офицеровъ, и въ самый разгаръ Семилѣтней войны сталъ думать объ устройствѣ начальныхъ школъ и, прежде всего, о приготовленіи для нихъ учителей. Для этого онъ воспользовался учрежденнымъ въ 1747 году въ Берлинѣ реальнымъ училищемъ, при которомъ устроена была учительская семинарія. Въ этой семинаріи извѣстный въ свое время педагогъ Генъ (Hähn) ввелъ особую методу грамотности, состоявшую въ томъ, что на большой деревянной доскѣ писалъ начальную букву каждого слова, а ученики должны были помнить и сказать каждое слово, означенное этою буквою. Эта метода, быстро распространившаяся тогда въ Саксоніи, давно оставлена, но за нею осталось то важное значеніе, что, для успѣшности обученія грамотности, сознана была необходимость стройной педагогической системы, обдуманности въ пріемахъ преподаванія, учрежденія спеціальныхъ учительскихъ семинарій, которыя съ тѣхъ поръ и начали возникать въ Германіи: въ 1751 году въ Ганноверѣ, въ 1768 году въ Баденѣ. Король Фидрихъ II сдѣлалъ обязательнымъ назначеніе учителей въ начальныя училища изъ обучившихся въ Берлинской учительской семинаріи, или, по крайней мѣрѣ, выдержавшихъ особое на эту должность испытаніе, а въ 1769 году издалъ уставъ о начальныхъ училищахъ (General-Land-Schulen-Reglement).

Въ 1764 году настоятель августинскаго Саганскаго монастыря, въ Силезіи, Фельбигеръ учредилъ такую же семинарію въ своемъ монастырѣ, что сдѣлало возможнымъ распространеніе въ слѣдующемъ 1765 году того же устава на римско-католическія школы Силезіи, съ тѣмъ же непремѣннымъ условіемъ назначенія въ нихъ учителей, такимъ же способомъ подготовленныхъ, т.-е. по Генской системѣ, для чего въ томъ же году открыта была учительская семинарія въ Бреславлѣ. Съ тѣхъ поръ эту методу обученія принято было называть Саганскою.

Силезія, такъ недавно отторгнутая Фридрихомъ отъ Австріи, сохраняла съ нею нравственныя и умственныя связи, австрійскіе учителя ѣздили къ настоятелю Фельбигеру въ Саганъ, иногда даже посылались къ нему для того, чтобы перенять его методу и перенести ее въ австрійскія школы. Съ этою

цѣлію посланъ былъ въ Саганъ въ 1768 году одинъ изъ учителей учрежденнаго въ 1743 году въ Вѣнѣ сиротскаго дома, который и ввелъ ту же методу въ это благотворительное заведеніе. Та же Саганская метода послужила для учрежденнаго въ 1767 году въ Инспрукѣ высшаго народнаго училища для Тироля, и по ней составлено было руководство для учителей; четыре священника посланы были въ 1770 года въ Силезію, чтобы изучить въ подробности устройство тамошней учительской семинаріи, поступивъ подъ руководство Фельбигера, который для этого пріѣхалъ въ Бреславль.

Сознаніе важности системы начальнаго образованія, проникнувъ въ общество, стало усвоиваться и правительствомъ, и въ 1766 году императрица Марія Терезія издала „проэктъ существеннаго улучшенія простонародныхъ школъ“, который, впрочемъ, не получилъ въ то время никакого примѣненія. Только три года спустя началась дѣйствительная дѣятельность по народному образованію. Въ 1769 году епископъ пассаусскій Леопольдъ Эрнстъ представилъ о необходимости для правительства заняться обученіемъ народныхъ массъ, и эта инціатива потому въ особенности имѣла вѣсъ, что епископъ пассаусскій, кромѣ духовной власти, пользовался въ своемъ владѣніи и властью свѣтскою, правительственною, какъ князь въ Пассау. Для разработки этого предположенія употребленъ былъ хорошій педагогъ Іосифъ Мессмеръ, преподаватель школы при соборѣ св. Стефана и ректоръ городскихъ училищъ Вѣны, посылавшій на собственный счетъ одного учителя въ Силезію, для изученія методы преподаванія, подъ руководствомъ самого Фельбигера. Въ 1770 году Мессмеръ изложилъ свои мысли объ улучшеніи вѣнскихъ школъ. Сущность его взгляда состояла въ томъ, что неизбѣжно прежде всего отрѣшиться отъ прежняго механическаго способа обученія наизусть, ввести разумную методу преподаванія, раздѣлить школу на классы, сообразно познаніямъ и способностямъ учениковъ, издать руководства для учителей о томъ, чему и какъ учить, составить и напечатать учебники, сократить число праздниковъ и религіозныхъ процессій, во время которыхъ не бываетъ ученья, завести учебный капиталъ, изъ процентовъ съ коего содержались бы школы, учредить учительскую семинарію и, наконецъ, устроить правительственную учебную комиссію, которая руководила бы всѣмъ учебнымъ дѣломъ.

Проектъ Мессмера былъ разсмотрѣнъ правительствомъ, нѣсколько видоизмѣненъ, по примѣненію къ положенію о римско-католическихъ школахъ въ Силезіи, и наконецъ утвержденъ императрицею 19 мая 1770 года. Открылась учебная комиссія, подъ предсѣдательствомъ помощника вѣнскаго намѣстника графа Лантіери, изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, и при участіи въ ней Мессмера. Первоначально предполагалось не учреждать особыхъ учительскихъ семинарій для приготовленія учителей, а готовить ихъ въ духовныхъ семинаріяхъ, іезуитскихъ и піарскихъ; но вскорѣ, при дальнѣйшей разработкѣ учебнаго вопроса, убѣдились, что весь успѣхъ дѣла зависитъ именно отъ подготовленія къ нему спеціалистовъ, къ чему вовсе не пригодны монашескіе ордена. На первомъ засѣданіи учебной комиссіи, происходившемъ 14 іюля 1770 года, постановлено было собрать прежде всего свѣдѣнія о положеніи существовавшихъ уже школъ, слѣдовать силезской системѣ какъ относительно учебнаго плана и учебныхъ руководствъ, такъ въ особенности и прежде всего относительно приготовленія учителей, и потому начать съ учрежденія учительскихъ семинарій. Тогда издана была для комиссіи инструкція, по которой она подчинена непосредственно императорской власти, должна завѣдывать всѣми начальными училищами Нижней Австріи, вѣдать всѣми учителями начальныхъ школъ, равно какъ гувернерами и гувернантками въ частныхъ домахъ. На эту комиссію возложено было учрежденіе учительскихъ семинарій и составленіе наставленій для учителей и руководствъ для учениковъ, по силезской методѣ.

2 января 1771 года была уже открыта учительская семинарія въ Вѣнѣ, и директоромъ ея назначенъ Мессмеръ; въ нее разомъ поступило 150 мальчиковъ, въ томъ числѣ 60 отъ 5 до 7-ми лѣтъ, которые и составили приготовительный классъ; всего же въ семинаріи было три класса. Восемь мѣсяцевъ спустя происходило уже въ семинаріи первое испытаніе учениковъ, въ присутствіи членовъ учебной комиссіи, и посланъ былъ отчетъ настоятелю Саганскаго монастыря, какъ автору учебной методы.

Наиболѣе затрудненій представляло составленіе учебниковъ. Для закона Божія принятъ былъ Саганскій катихизисъ, но, по разсмотрѣніи его тремя епископами, найдено было нужнымъ нѣсколько видоизмѣнить его, для чего обратились къ са-

мому Фельбигеру, послѣ чего онъ и былъ изданъ, подъ названіемъ „краткаго катихизиса“. Вскорѣ послѣ того (въ 1772 году) изданъ былъ пространный катихизисъ, для учениковъ старшихъ классовъ. Издаваемые учебною комиссіею учебники сдѣланы были обязательными для всѣхъ начальныхъ школъ, въ томъ числѣ и для содержимыхъ монашескими орденами; піарамъ было объявлено, что если они не примутъ этихъ учебниковъ и не введутъ ихъ въ употребленіе, то школы ихъ будутъ закрыты.

Но еще труднѣе было образовать учебный фондъ; явилось множество проектовъ всевозможныхъ родовъ обложенія для составленія капитала, но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не могъ быть принятъ правительствомъ, которое ограничилось обращеніемъ къ монашескимъ орденамъ за добровольными пожертвованіями.

Въ скоромъ времени Вѣнская учительская семинарія сдѣлалась учебнымъ центромъ, куда стали посылать преподавателей школъ изъ разныхъ сторонъ имперіи: изъ Граца, изъ австрійскихъ приморскихъ земель, даже изъ Кроаціи и Трансильваніи; общества и частныя лица въ разныхъ провинціяхъ Австріи стали приготовлять учителей по новой методѣ на свой счетъ; однимъ словомъ, Вѣнская учительская семинарія замѣняла Саганскую. Только въ Моравіи встрѣтилось сопротивленіе новой методѣ со стороны духовенства, но оно устранено было тотчасъ же правительствомъ.

Съ тѣхъ поръ во всѣхъ провинціяхъ Австріи стали учреждаться училищныя комиссіи и открываться учительскія семинаріи.

Богемія дѣйствовала въ учебномъ отношеніи самостоятельно. По сосѣдству съ Силезіею, она заимствовала оттуда непосредственно учебную методу, и школы ея, особенно въ южной ея части, были сравнительно въ лучшемъ состояніи, нежели въ другихъ австрійскихъ провинціяхъ. Тамъ въ маленькомъ городкѣ Каплицѣ появился священникъ Киндерманъ, искренно преданный педагогическому дѣлу; онъ поѣхалъ учиться въ Саганъ къ Фельбигеру, потомъ ѣздилъ въ Вѣну во вновь открытую учительскую семинарію, и, съ теченіемъ времени, образовалъ у себя учебный центръ, куда стали собираться изъ далекихъ мѣстностей Богеміи учителя свѣтскихъ и духовныхъ школъ, для ознакомленія со способомъ преподаванія. Успѣхъ

учениковъ показалъ родителямъ ихъ все превосходство новой системы обученія противъ рутинной; въ три или четыре недѣли мальчики Киндермановской школы выучивали весь катихизисъ, на что прежде употреблялись цѣлые годы.

Саганская метода быстро распространялась въ разныхъ государствахъ Германіи. Въ Баваріи примѣнилъ ее священникъ Броунъ; слѣдуя ей, онъ составилъ книгу для чтенія и начальныя основанія нѣмецкаго языка, за что и получилъ прозвище баварскаго Фельбигера. Въ эрцгерцогствѣ Майнцскомъ издано было въ 1771 году положеніе объ улучшеніи обученія юношества, учреждена была учебная комиссія, составлены учебники по методѣ Фельбигера и открыта учительская семинарія. Въ другихъ католическихъ странахъ, въ Вюрцбургѣ, въ Фульдѣ, также обращено было вниманіе на народное образованіе, и тамъ тоже отчасти перепечатывались сочиненія Фельбигера, отчасти подражали имъ.

Между тѣмъ въ самомъ центрѣ новой училищной системы, въ Вѣнской учительской семинаріи, происходили неурядицы, потому что она не имѣла энергическаго руководителя: преподаватель закона Божія, священникъ Груберъ, поддерживаемый училищною комиссіею, ссорился съ учителями, составлялъ непримѣнимые для дѣтскаго возраста, многообъемлющіе учебники и мѣшалъ введенію въ употребленіе болѣе практическихъ руководствъ, изготовленныхъ другими преподавателями. Нѣкоторые достойные преподаватели должны были оставить это учебное заведеніе.

На это неустройство указано было училищной комиссіи и вмѣнено ей въ обязанность, не отступая отъ Саганской методы, начертать общій учебный планъ. Комиссія подраздѣлила школы на два разряда: сельскія и городскія, предназначивъ для послѣднихъ нѣсколько обширнѣе курсъ; для учительской семинаріи опредѣлила четыре класса, съ тѣмъ, чтобы старшій изъ нихъ служилъ исключительно для приготовленія учителей. Существенная, сдѣланная ею, ошибка состояла въ томъ, что она усложнила курсъ этого училища включеніемъ въ него слишкомъ многихъ предметовъ, какъ напримѣръ: исторіи искусствъ, ремеслъ, фабричнаго производства и т. п., кромѣ значительнаго числа общихъ наукъ; поэтому этотъ учебный планъ не былъ принятъ, а значительно сокращенъ и, вмѣсто четырехъ классовъ, вмѣщенъ въ три.

Въ то самое время, когда австрійское правительство стало усиленно заниматься народнымъ образованіемъ и пролагать для него новые неиспытанные пути, случилось событіе огромной важности для школъ: въ 1773 году уничтоженъ былъ папою орденъ іезуитовъ, въ рукахъ коихъ было воспитаніе народа въ продолженіе двухъ вѣковъ. Это значительно облегчило переходъ руководительства народнымъ образованіемъ отъ владычествовавшаго надъ нимъ духовенства къ правительству, чего сильно желали лучшіе умы того времени, и что убѣдительно, но безуспѣшно, доказывалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ образованный и даровитый австрійскій министръ, графъ фонъ-Пергенъ. Всѣ іезуитскія учебныя заведенія и имущества ихъ поступили въ распоряженіе администраціи и обращены были именно на учебную часть, которая, какъ мы видѣли, такъ нуждалась въ матеріальныхъ средствахъ; часть латинскихъ школъ, заведенныхъ іезуитами — а ихъ было въ Австріи около 200 — положено было обратить въ начальныя народныя школы, ввести въ нихъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, поручивъ его свѣтскимъ учителямъ, по принятой Саганской методѣ.

22 января 1774 года появилось офиціальное сообщеніе объ устройствѣ и усовершенствованіи школьнаго дѣла. Въ этомъ заявленіи излагалось намѣреніе императрицы улучшить обученіе дѣтей въ селеніяхъ и городахъ, указывалось на важное значеніе учительскихъ семинарій и Саганской методы преподаванія и объявлялось объ имѣющихъ открыться при университетѣ курсахъ, на которыхъ будутъ читаться всѣ предметы высшихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, что выслушавшіе ихъ будутъ опредѣлены учителями въ начальныя училища, съ достаточнымъ содержаніемъ. На эти же курсы приглашены были начальные учителя изъ Богеміи, знавшіе, кромѣ своего природнаго, нѣмецкій языкъ, съ цѣлію изученія на практикѣ новой учебной методы и введенія ея впослѣдствіи въ своей странѣ. Въ этихъ курсахъ приняли участіе около ста учителей, какъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовнаго званія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было окончательно установить учебный планъ Вѣнской учительской семинаріи, въ соотвѣтствіе съ новыми требованіями. Священникъ Груберъ, несмотря на отвергнутый его проектъ, представилъ его вновь въ томъ же видѣ, какъ прежде, т.-е. съ тою же многопредметностію, которая вовсе не согласовалась ни съ кратковременностью курса,

ни съ познаніями учениковъ: кромѣ геометріи и естественной исторіи, включены были въ курсъ преподаваніе механики, гидравлики и т. п. Такимъ образомъ, самое главное учебное заведеніе не могло установиться.

Наконецъ императрица рѣшилась пригласить въ Вѣну самого автора новой учебной системы, Саганскаго прелата Фельбигера, и обратилась съ просьбою къ королю прусскому, отпустить его изъ Силезіи. Король исполнилъ желаніе Маріи Терезіи; въ маѣ 1774 года Фельбигеръ пріѣхалъ въ Вѣну и назначенъ директоромъ Вѣнской учительской семинаріи. Вслѣдъ за этимъ, ему же поручено было составить положеніе о начальномъ народномъ образованіи.

Прежде всего Фельбигеръ приступилъ къ составленію учебныхъ руководствъ, нѣкоторыя изъ нихъ написалъ самъ, для другихъ указалъ планъ, по коему они должны быть расположены, потомъ провѣрялъ ихъ и наблюдалъ за печатаніемъ, руководилъ занятіями учителей вѣнскихъ школъ на устроенныхъ для нихъ курсахъ, или поручалъ это руководство, подъ своимъ присмотромъ, двумъ своимъ помощникамъ, вывезеннымъ изъ Сагана. Въ учительской семинаріи прекратились раздоры учителей, и она пошла наконецъ правильно. Самымъ капитальнымъ трудомъ Фельбигера было положеніе о начальномъ образованіи, утвержденное 6 декабря 1774 года императрицею для учительскихъ семинарій, главныхъ народныхъ и общихъ (Trivialſchulen) школъ.

Уже въ слѣдущемъ 1775 году открыто было въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ 14 школъ, по новой методѣ. Такая же школа учреждена была еще прежде въ Шёнбрунскомъ императорскомъ дворцѣ; 25 октября 1774 года посѣтила ее императрица, лично могла удостовѣриться въ преимуществахъ новыхъ способовъ преподаванія, по успѣхамъ учениковъ, и приказала представлять ей ежемѣсячно отчеты объ этой школѣ. Вообще императрица Марія Терезія принимала самое близкое, непосредственное участіе въ начатомъ ею на правильныхъ началахъ дѣлѣ осмысленнаго начальнаго образованія, входила во всѣ его подробности, положительно направляла его, а въ приходахъ, надъ которыми имѣла такъ называемый патронатъ, учреждала школы на собственный счетъ.

Главныя основанія общаго училищнаго устава 6-го декабря 1774 года состояли въ слѣдующемъ:

Во всѣхъ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ и во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся приходскія или филіальныя церкви, должны быть заведены простонародныя школы (Trivialſchulen), въ которыхъ обучаютъ закону Божію, чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики и домохозяйству.

Въ каждомъ уѣздѣ должна быть учреждена главная школа, съ тремя или, самое бо́льшее, четырьмя учителями, въ томъ числѣ директоръ, въ которой дѣти обучались бы, кромѣ предметовъ, положенныхъ для начальной школы, первоначальнымъ основаніямъ латинскаго языка, письменнымъ упражненіямъ, рисованію, межеванію, основамъ земледѣлія, географіи и исторіи, въ особенности отечественной.

По возможности, для дѣвочекъ предполагалось открывать отдѣльныя училища.

Въ каждой провинціи учреждались училищная комиссія и при ней учительская семинарія или нормальная школа (Normalſchulen) отъ латинскаго слова „norma“, т.-е. образецъ, или руководство для всѣхъ остальныхъ школъ страны. Въ этой нормальной школѣ приготовлялись учителя для начальныхъ училищъ и экзаменовались уже прежде преподававшіе въ нихъ учителя. Въ каждой нормальной школѣ полагалось, кромѣ директора, четыре или пять учителей, въ томъ числѣ законоучитель. Въ ней преподавался также латинскій языкъ въ томъ размѣрѣ, какой требовался для поступленія въ гимназію или для экзамена на званіе аптекаря или ветеринара.

Законъ Божій преподавался въ школахъ законоучителями, но такъ какъ они не рѣдко слишкомъ обременены церковными требами, то дозволялось замѣнять ихъ свѣтскими учителями, но съ тѣмъ, чтобы они не дозволяли себѣ, при обученіи этому предмету, никакихъ поясненій, а слѣдовали строго принятому печатному руководству.

Всѣ дѣти отъ 6-ти до 12-ти лѣтняго возраста обязывались посѣщать школу. „Мы очень желали бы“, сказано было въ повелѣніи императрицы, „чтобы родители оставляли своихъ дѣтей въ нѣмецкихъ школахъ по крайней мѣрѣ шесть или семь лѣтъ“. Хотя попечителямъ школъ и было предоставлено побуждать дѣтей посѣщать школы, но правительство не согласилось съ предложеніемъ училищныхъ комиссій налагать на родителей, не посылающихъ своихъ сыновей въ школы, денежный штрафъ, а неимущихъ подвергать даже тѣлесному

наказанію. Послѣдствіемъ этого было несоблюденіе самаго правила, почему обязательность начальнаго обученія не укоренилась въ Австріи такъ, какъ въ Германіи.

Учебные часы назначены были въ школѣ: зимою съ 8 до 11, лѣтомъ съ 7 до 10 и, послѣ обѣда, съ 2 до 4 часовъ. Ежедневно, послѣ ученія или передъ нимъ, ученики должны были присутствовать при богослуженіи въ церкви.

Для однообразія способовъ преподаванія, по всѣмъ учебнымъ предметамъ изданы были руководства и конспекты (Tabellen). Въ основу ихъ положено было правило не обременять память учащихся заучиваніемъ наизусть, но развивать ихъ умъ, объясняя непонятое ими, и пріучать выражать точно и полно то, что выучили. Отмѣненъ былъ существовавшій до того времени неразумный обычай учителей заниматься въ классномъ преподаваніи съ нѣкоторыми только учениками, поодиночкѣ, а было введено одновременное занятіе со всѣми учениками класса, отчего каждый ученикъ пользуется всѣмъ класснымъ временемъ, тогда какъ прежде оно распредѣлялось между многими изъ нихъ, такъ что на долю каждаго отдѣльнаго ученика изъ часоваго преподаванія доставалось едва двѣ минуты. Буквенная метода (die Buchſtabenmethode), о которой было упомянуто выше, была сохранена; она состояла, какъ знаемъ, въ томъ, что писались на большой доскѣ только начальныя буквы тѣхъ словъ и предложеній, которыя ученикъ долженъ выучить. Табличная метода (Eine Tabelle) заключалась въ краткомъ изложеніи всего предмета, въ которомъ всѣ главныя и придаточныя части, съ ихъ подраздѣленіями и опредѣленіями, расположены такъ точно и понятно, что сразу можно, такъ сказать, обнять весь предметъ. Принята была также такъ называемая катехизація, т.-е. вопросы изъ изучаемаго и отвѣты на нихъ, тогда какъ прежде учитель читалъ свой предметъ съ каѳедры, какъ въ университетѣ, не справляясь, понимали ли его ученики.

Наказанія допускались такія: для учениковъ малолѣтнихъ и средняго возраста розги, а для взрослыхъ учениковъ—хлыстъ. Воспрещались же всѣ опозоривающія и опасныя для здоровья наказанія, какъ-то: надѣваніе ослиныхъ ушей, дранье ушей и волосъ, побои кулакомъ, битье линейкою по рукамъ, которыя въ то время были во всеобщемъ употребленіи.

Частное обученіе въ домахъ было подчинено надзору прави-

тельства. Домашніе учителя должны были выдержать экзаменъ въ учительской семинаріи или въ главной школѣ. Для облегченія ихъ въ пріобрѣтеніи надлежащихъ познаній, открыты были чтенія въ учительскихъ семинаріяхъ. Правительство заявило о своемъ намѣреніи поставить частное обученіе на ту же ногу, какъ и въ правительственныхъ школахъ, и потому обязало домашнихъ учителей употреблять принятые въ школѣ учебники и слѣдовать тому же методу преподаванія.

Начальныя школы приведены были въ соотвѣтствіе съ латинскими школами, или гимназіями, тѣмъ, что въ эти послѣднія дозволялось принимать только мальчиковъ, прошедшихъ курсъ начальной школы, имѣющихъ 10-лѣтній возрастъ; такимъ образомъ, начальныя училища сдѣлались какъ бы приготовительными классами для гимназій.

Для повторенія курса велѣно было завести въ школахъ по воскреснымъ днямъ особые уроки, съ тѣмъ чтобы ими могли пользоваться молодые люди до 20-лѣтняго возраста.

Для завѣдыванія каждою школою опредѣлялся попечитель, или наблюдатель за нею (Aufſeher), а надъ нѣсколькими школами главный попечитель (Oberaufſeher).

Въ каждой провинціи учреждалась училищная комиссія (Schulcommiſſion), съ участіемъ въ ней директора нормальной школы. Комиссія эта завѣдывала всѣми начальными училищами провинціи, посылала своихъ членовъ на экзамены въ учительскую семинарію, опредѣляла главныхъ попечителей надъ школами, разсматривала ихъ отчеты, наконецъ завѣдывала учебными фондами. Училищная комиссія собиралась еженедѣльно.

Главное завѣдываніе начальнымъ народнымъ образованіемъ имперіи сосредоточено было въ Вѣнѣ въ учрежденіи, именованномъ Die General-Direction des Deutſchen Schulweſens, а такъ какъ при немъ состояла главная учительская семинарія, то съ нею были соединены, или, лучше сказать, руководительству ея подчинены всѣ провинціальныя учительскія семинаріи.

Для введенія въ дѣйствіе этого учебнаго положенія учреждены были въ началѣ 1775 года, во всѣхъ провинціяхъ, учебныя комиссіи, каждая въ составѣ до четырехъ членовъ, въ томъ числѣ представителя мѣстнаго духовенства, и съ непремѣннымъ участіемъ директора учительской семинаріи. Въ главномъ городѣ каждой провинціи велѣно было устроить учительскую

семинарію, и на этомъ именно предметѣ сосредоточена была вначалѣ дѣятельность учебныхъ комиссій. Успѣху учебной реформы въ матеріальномъ отношеніи много содѣйствовало, какъ уже сказано, уничтоженіе іезуитскаго ордена: на нее были обращены іезуитскія имѣнія, а іезуитскія зданія переданы были подъ вновь учреждаемыя свѣтскія учебныя заведенія. Разнаго рода пожертвованія и поборы, въ родѣ сборовъ съ весьма распространенныхъ въ то время маскарадовъ, не могли составить значительныхъ суммъ и еще менѣе обезпечить училища. Содержаніе начальныхъ школъ отнесено было на мѣстныя средства; но учительская семинарія и главныя народныя училища, какъ имѣвшія общее значеніе, обезпечены были правительствомъ, и именно іезуитскимъ достояніемъ. Матеріальныя средства всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній весьма значительно увеличились тѣмъ, что многія іезуитскія латинскія школы были уничтожены и замѣнены новыми, что произвело, впрочемъ, не мало неудовольствія, какъ ни плохи и ни пусты были эти латинскія школы. Точно также поступлено правительствомъ и со многими школами другихъ монашескихъ орденовъ, какъ-то: піаровъ, премонстранцевъ, бенедиктиновъ, августиновъ, миноритовъ и паулиновъ.

Выборъ директоровъ для учительскихъ семинарій былъ главною заботою Фельбигера, а правиломъ при этомъ служило значительно высшее ихъ научное образованіе противъ опредѣленнаго курса; поэтому и находимъ на этихъ должностяхъ инспекторовъ, даже бывшихъ университетскихъ профессоровъ. Учительскія семинаріи открывались обыкновенно въ составѣ только первыхъ двухъ классовъ. Въ концѣ 1775 учебнаго года, кромѣ учительскихъ семинарій въ Вѣнѣ и Инспрукѣ, находимъ уже учительскія семинаріи въ Линцѣ, во Фрейбургѣ, въ Ровередо, въ Брюннѣ, а въ слѣдующемъ году въ Грацѣ, въ Клагенфуртѣ, въ Троппау и въ Лайбахѣ. Вся учебная система основывалась, и весьма основательно, на приготовленіи способныхъ примѣнять ее учителей; въ нихъ была вся ея будущность, такъ что извѣстное изрѣченіе Jules Simon „l'école c'est le maître“ было осуществлено въ Австріи на дѣлѣ вѣкомъ раньше, чѣмъ оно написано.

Нельзя сказать, чтобы римско-католическое духовенство вездѣ сочувствовало этимъ учебнымъ преобразованіямъ; нерѣдко, напротивъ того, оно имъ противодѣйствовало; но въ та-

кихъ случаяхъ императрица, несмотря на всю свою набожность, смиряла и даже стращала епископовъ.

Въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ, которые не были въ состояніи содержать главное народное училище, устраивались городскія училища, съ курсомъ нѣсколько распространеннымъ противъ обыкновенной начальной школы.

Въ Богеміи новымъ учебнымъ дѣломъ руководствовалъ извѣстный намъ педагогъ Киндерманъ. Въ 1775 году онъ открылъ учительскую семинарію въ Прагѣ, въ зданіи бывшей іезуитской гимназіи. Архіепископъ прагскій издалъ постановленіе, чтобы никто не былъ посвящаемъ въ священники, кто не въ состояніи преподавать законъ Божій по новой методѣ, и чтобы духовенство расположило богослуженіе въ церквахъ такъ, чтобы оно не мѣшало преподаванію въ школахъ. Даже военное вѣдомство стало посылать солдатъ въ Прагскую семинарію и учреждать школы съ новымъ улучшеннымъ способомъ преподаванія. Въ 1777 году приготовленные по этой методѣ преподаватели дѣйствовали уже болѣе чѣмъ въ 500 разныхъ мѣстечкахъ Богеміи, за что императрица пожаловала Киндерману дворянское достоинство съ вполнѣ заслуженнымъ имъ прозвищемъ Schulstein. Киндерману же учебная часть обязана первою мыслію соединенія начальной школы съ ремесленнымъ училищемъ, что было осуществлено впослѣдствіи.

Не такъ успѣшно шло учебное дѣло въ отсталой Венгріи, но однако и тутъ оно подвигалось. Въ 1777 году издано было для Венгріи учебное положеніе, подъ заглавіемъ „Ratio educationis totiusque rei litterariae per regnum Hungariae et provincias eidem adnexas“. Управленіе учебными заведеніями сосредоточено было тамъ въ намѣстническомъ совѣтѣ, при которомъ состояла учебная комиссія; все королевство, съ Кроаціею и Славоніею, было подраздѣлено на девять учебныхъ округовъ, а въ каждомъ округѣ завѣдывалъ учебною частію директоръ, и подъ его начальствомъ состоялъ инспекторъ начальныхъ и нормальныхъ школъ; въ главномъ центрѣ каждаго учебнаго округа учреждалась четырехклассная учительская семинарія, которой подчинялись всѣ учителя начальныхъ училищъ. По истеченіи перваго семестра послѣ введенія учебной реформы, всѣ инспектора начальныхъ училищъ собраны были въ Офенѣ, чтобы совѣщаться между собою о положеніи

училищъ и для составленія инструкцій. Ихъ отзывы и мнѣнія были обсуждены въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, при ихъ участіи, и послужили основаніемъ дополнительнаго указанія по учебной части, изданнаго подъ заглавіемъ „Projectum supplementi beniani instituti litterarii, quod ad scholas normales attinet", или, для краткости, называемаго — Projectum Budense.

Учебный планъ для баната изданъ былъ еще въ 1774 году подъ заглавіемъ: „Regulae directionae für die Verbeſſerung des illyriſchen und walachiſchen nicht-uniirten Elementar- oder Trivial-Schulweſens in den Kaiſ.-Königl. Erbländern".

Самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ по учебной части въ сербской провинціи Австріи, именно въ Темесварскомъ банатѣ, является Янковичъ де Мирьево, съ которымъ мы познакомимся ближе, по пріѣздѣ его въ Россію. Въ качествѣ директора народныхъ училищъ, Янковичъ приглашенъ былъ въ 1776 году въ Вѣну, для того чтобы познакомиться съ тамошнею учительскою семинаріею, ея устройствомъ, пріемами преподаванія, и примѣнить ихъ въ своей странѣ, съ тѣми измѣненіями, какія могутъ потребоваться по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Янковичъ употребилъ съ пользою время своего пребыванія въ Вѣнѣ, не только изучилъ все, что слѣдовало, но добылъ и вывезъ оттуда всѣ тѣ учебныя пособія, которыхъ нельзя было достать на мѣстѣ, что всего важнѣе, перевелъ на сербское нарѣчіе, а также передѣлалъ нѣмецкіе учебники и составилъ руководство для учителей, сообразно съ особенностями его родины. Уѣзжая изъ Вѣны въ маѣ 1777 года, онъ заявилъ, что пришлетъ 17 учителей для образованія въ Вѣнскую учительскую семинарію.

Глубоко соображенная и правильно поставленная система народнаго образованія искажалась тѣмъ, что, вмѣсто конечной благой цѣли просвѣщенія народа, ее употребляли, какъ средство для онѣмеченія и окатоличенія его. Въ Богеміи объявлено было въ 1770 году повелѣніе императрицы, чтобы, при преподаваніи въ учебныхъ заведеніяхъ, употреблять, по прошествіи трехъ лѣтъ съ этого времени, вмѣсто латинскаго — нѣмецкій языкъ, и чтобы никто не допускался въ учительское званіе безъ знанія нѣмецкаго языка. Самая новая система преподаванія названа была нѣмецкою, новыя учебныя учрежденія и учебники также нѣмецкими. Хотя это прозваніе

произошло собственно для отличія новозаводимыхъ училищъ отъ прежнихъ іезуитскихъ, или такъ называемыхъ латинскихъ, но впослѣдствіи извращенъ былъ его смыслъ тѣмъ, что нѣмецкая система и нѣмецкія школы поставлены были въ противорѣчіе со школами національными, мѣстныя нарѣчія допускались только какъ неизбѣжное зло, какъ средство для достиженія цѣли антинаціональной.

Новая учебная система, при улучшенномъ образѣ преподаванія, требовала и иныхъ, согласованныхъ съ нею руководствъ; въ нихъ именно была вся сила усовершенствованнаго метода, они же были необходимы для единообразнаго примѣненія учебныхъ преобразованій. Всѣ усилія Фельбигера на этомъ именно и были сосредоточены: въ теченіе шести лѣтъ, съ 1774 по 1780 годъ, составлены были имъ самимъ, или же подъ его руководствомъ, и напечатаны около ста учебныхъ книгъ и статей.

Учебники продавались по дешевой цѣнѣ, и четвертая часть изданій раздавалась безвозмездно бѣднымъ ученикамъ.

Душою всего дѣла былъ попрежнему Фельбигеръ; по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ онъ докладывалъ о немъ императрицѣ, иногда и чаще, смотря по надобности, и Марія Терезія упрекала его иногда за то, что рѣдко его видитъ. Члены высшей учебной комиссіи, конечно, не были этимъ довольны, такъ какъ умалилось ихъ собственное значеніе, и по временамъ противодѣйствовали ему, но императрица постоянно поддерживала Фельбигера. „Прелатъ этотъ“, писала она комиссіи, „создатель католическихъ школъ, пользуется моимъ довѣріемъ; готовность его оставаться такъ долго здѣсь заслуживаетъ полную мою признательность; поэтому ожидаю отъ комиссіи ревностнаго ему содѣйствія къ довершенію начатаго дѣла“. Въ 1778 году прусскій король, по просьбѣ императрицы, уволилъ Фельбигера изъ прусскаго подданства, и онъ принялъ австрійское.

Такимъ образомъ создалась и практически принялась въ Австріи новая учебная система. Вмѣсто прежней рутины, она внесла новый духъ въ учебное дѣло, оживила его, дала подобающее въ ней мѣсто начальной народной школѣ, возвысила и обезпечила дотолѣ униженный нищенскій учебный персоналъ. Самое же важное значеніе этого учебнаго преобразованія заключается въ томъ, что правительство впервые подумало о просвѣщеніи народа, и распространило свои учебные планы и педагогическія заботы на все народонаселеніе. *Толстой.*

Примѣненіе въ Россіи новой австрійской системы народнаго обученія.

Императрица Екатерина II, съ самаго вступленія своего на престолъ, озаботилась распространеніемъ образованія въ имперіи, поручивъ это важное дѣло И. И. Бецкому, который предался ему вполнѣ, съ отличавшею его любовію къ человѣчеству. Результатомъ его трудовъ было „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества“, утвержденныхъ императрицею 12 марта 1764 года, и на основаніи которыхъ учрежденъ былъ Смольный монастырь и другія учебныя заведенія. Всѣ они принесли и продолжаютъ доселѣ приносить существенную пользу обществу. Но размѣръ вліянія этихъ училищъ былъ и остается вообще ограниченнымъ: какъ сословныя, они имѣютъ дѣйствіе въ замкнутой сферѣ извѣстнаго сословія; притомъ же, по большей части, они были спеціальныя и сосредоточены въ одномъ пунктѣ, въ Петербургѣ. Имперія же продолжала оставаться почти безъ школъ.

Императрица сознавала, что собственно для народнаго образованія, въ обширномъ смыслѣ, еще ничего не сдѣлано, но, по важности предмета, все какъ-то не рѣшалась къ нему приступить, хотя изучала предметъ, собирала свѣдѣнія о заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, хранила ихъ у себя, думая воспользоваться ими, когда наступитъ время, „если Богъ“, писала она Гримму, „дастъ мнѣ долготу дней Маѳусаила“. Такова судьба учебнаго дѣла была и въ Австріи: только въ послѣднее десятилѣтіе своего продолжительнаго царствованія стала заниматься имъ Марія Терезія.

Императрица Екатерина принялась за него въ семидесятыхъ годахъ. По учрежденію для управленія губерній Всероссійской имперіи, утвержденному 7 ноября 1775 года, учреждался въ каждой губерніи приказъ общественнаго призрѣнія, и на него возложено было, кромѣ завѣдыванія благотворительными учрежденіями, „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ“. Предписывалось учредить школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ многолюдныхъ селеніяхъ, „для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ однако же не чинить никому принужденія,

но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу, или оставлять ихъ дома", за ученіе установить умѣренную плату, освободивъ отъ нея бѣдныхъ. Курсъ начальной школы положенъ былъ слѣдующій: чтеніе, письмо, ариѳметика, рисованіе, „дѣтей же греко-россійскаго исповѣданія учить катихизису, для познанія основаній православной вѣры, толкованію десяти заповѣдей, ради вкорененія нравоученія всеобщаго". Продолжительность ежедневнаго ученія опредѣлена была четырехчасовая: два часа до и два послѣ обѣда, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, по середамъ же и субботамъ назначены были только дообѣденные уроки. Учителямъ запрещалось наказывать дѣтей тѣлесно. „Во всякой школѣ надлежитъ имѣть смотрѣніе", сказано въ постановленіи, „дабы горницы были чисты и всякій день выметаны, и воздухъ въ нихъ перемѣнялся открытіемъ оконъ лѣтомъ во весь день, а зимой всякій день на короткое время, дабы дѣти отъ духоты въ горницахъ не претерпѣли въ здоровьѣ своемъ поврежденіе".

Хотя и предписывалось, что „Приказъ общественнаго призрѣнія имѣетъ прилежное попеченіе, чтобы учителя и школы все опредѣленное получали повсюду исправно, нерадивыхъ же и неисправныхъ учителей, по разсмотрѣніи жалобъ, смѣнять и опредѣлять на мѣсто ихъ радѣтельныхъ и исправныхъ", но какъ это, такъ и всѣ остальныя постановленія о школахъ остались мертвою буквою, потому что приказы не имѣли достаточныхъ денежныхъ средствъ (при учрежденіи ихъ отпущено было на каждый приказъ всего по 15,000 р.), и оттого, что не были приготовлены учителя, не составлены руководства и школы не имѣли помѣщеній.

Едва ли и сама императрица смотрѣла серьезно на этотъ бюрократическій обрывокъ многосложнаго законодательства о губерніяхъ, вошедшій въ него какъ бы мимоходомъ, для вида и приличія, и продолжала непосредственно и по собственной иниціативѣ заниматься учебнымъ дѣломъ. Въ особенности пристрастилась она къ нему, когда стала воспитывать любимаго своего внука, великаго князя Александра Павловича, писать для него дѣтскія книги и составлять для него учебныя пособія; всѣ они имѣли близкую связь съ курсомъ начальнаго училища.

Императрица обратилась тогда къ довѣренному и преданному ей Гримму, нѣмцу по происхожденію и образованію, и французскому литератору по принадлежности его къ средѣ

энциклопедистовъ; онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми выдающимися личностями тогдашней европейской интеллигенціи. Въ февралѣ 1775 года императрица писала Гримму: „Вы были бы очень милые люди, господа философы, еслибы соблаговолили начертать планъ ученія для молодыхъ людей, начиная съ азбуки и до университета включительно"; въ іюнѣ того же года Гриммъ прислалъ императрицѣ записку о школахъ.

Въ 1777 году императрица предложила Гримму принять въ свое завѣдываніе учебную часть въ имперіи; но онъ не согласился на это.

Переписка по учебной части Гримма съ императрицею продолжалась; но Екатерина не могла остановиться на опредѣленной учебной системѣ, какъ-то не довѣряла себѣ, старалась изучить предметъ, вникнуть въ него не спѣша, и медлила рѣшеніемъ.

Наконецъ свиданіе императрицы съ императоромъ Іосифомъ II въ Могилевѣ порѣшило дѣло. Императоръ разсказалъ о замѣчательныхъ успѣхахъ австрійскихъ школъ, съ тѣхъ поръ какъ онѣ были преобразованы по новой методѣ, и императрица согласилась принять ихъ за образцы для своей имперіи.

Принявъ австрійскую систему, императрица Екатерина естественно искала въ Австріи опытнаго педагога, который былъ бы въ состояніи ввести ее въ Россіи, устроить всѣ необходимыя учебныя учрежденія, однимъ словомъ — руководить дѣломъ начальнаго народнаго образованія. На такого человѣка указалъ ей еще въ Могилевѣ Іосифъ II: онъ рекомендовалъ ей серба Янковича де Мирьево, доказавшаго практическую свою опытность по учебному дѣлу въ Темесварскомъ банатѣ, какъ наиболѣе подходящаго для русскихъ школъ не только по племенному сродству сербскаго нарѣчія съ русскимъ языкомъ, но и по исповѣдуемой вѣрѣ. Янковичъ не только перевелъ, но и передѣлалъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, нѣмецкія руководства, а въ 1776 году издалъ въ Вѣнѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ручная книга потребна магистрамъ Имперійскихъ неуніятскихъ малыхъ школъ". Кромѣ того Іосифъ II поторопился доставить императрицѣ напечатанные для австрійскихъ школъ учебники. Отъ 7 іюня 1780 года писалъ онъ изъ Могилева графу Бригидо[1]) во Львовъ: „Ея Величество русская императрица желаетъ видѣть всѣ книги, употребляемыя въ

[1]) Графъ Бригидо управлялъ Темесварскимъ банатомъ, а въ 1780 году былъ намѣстникомъ въ Галиціи.

нашихъ нормальныхъ школахъ; потому графу Бригидо поручается прислать съ первымъ отъѣзжающимъ курьеромъ по два экземпляра этихъ книгъ, какъ можно лучше переплетенныхъ". 15 іюня книги эти были уже отправлены, и къ нимъ прибавлено было руководство Янковича.

Долго обдумывала Екатерина важное дѣло народнаго образованія, и только спустя два года послѣ свиданія съ Іосифомъ, рѣшилась выписать Янковича. 8 августа 1782 года Іосифъ писалъ Екатеринѣ: „Вы дали мнѣ знать чрезъ графа Кобенцеля (австрійскій посолъ въ Петербургѣ), что желаете имѣть въ Петербургѣ человѣка, который былъ бы въ состояніи составить планъ преподаванія по методѣ нормальныхъ школъ, и привести его въ исполненіе, и чтобы онъ былъ греческой вѣры. Я избралъ для этого вручителя сего письма, директора моихъ иллирійскихъ школъ, по имени Янковичъ. Я долженъ отдать ему справедливость, что онъ не только способный и знающій въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, но что лучше его я никого не имѣю, можно сказать даже, что онъ единственный для этого человѣкъ среди своего племени". 4 сентября графъ Кобенцель писалъ князю Потемкину: „Директоръ нормальныхъ школъ Янковичъ, посланный сюда его величествомъ императоромъ въ распоряженіе ея величества, пріѣхалъ. Ему поручено передать письмо императора ея величеству императрицѣ. Убѣдительно прошу васъ дать мнѣ знать, когда могу имѣть честь вамъ его представить, и когда онъ можетъ повергнуться къ стопамъ ея величества, и исполнить предъ нею волю императора". Императрица отвѣчала: „Милости просимъ Янковича завтра, въ понедѣльникъ, или же во вторникъ, послѣ обѣда, между 5 и 6 часами вечера, навѣрно во вторникъ, потому что, быть-можетъ, онъ усталъ отъ дороги, или что-либо можетъ ему, по той же причинѣ, помѣшать".

На письмо Іосифа Екатерина отвѣчала 7 сентября: „Я получила чрезъ г. Янковича любезное письмо вашего величества, отъ 8 августа. Выборъ такого, какъ онъ, человѣка, соединяющаго въ себѣ теорію съ практикою, не только возбуждаетъ во мнѣ искреннюю признательность къ вашему величеству, но и заставляетъ меня выразить вамъ, что вы сдѣлали истинное благодѣяніе училищамъ моей имперіи, послѣдствіемъ чего несомнѣнно будетъ просвѣщеніе тысячъ людей и доставленіе имъ познаній, столь же полезныхъ имъ, какъ и обще-

ству, и притомъ самымъ простымъ и легко доступнымъ образомъ".

Въ сентябрѣ же 1782 года открыта была комиссія объ учрежденіи училищъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора, тайнаго совѣтника Завадовскаго, состоявшая изъ двухъ членовъ: Эпинуса и Пастухова; кромѣ того, Янковичъ призванъ былъ принять въ ней участіе.

Петръ Васильевичъ Завадовскій (родился 1739, умеръ 1812 года), получившій въ 1794 году графское достоинство, былъ сынъ священника, въ 1759 году вступилъ въ службу, впослѣдствіи былъ секретаремъ графа Румянцева, который рекомендовалъ его, точно такъ же, какъ другого своего секретаря, Безбородко, императрицѣ; въ 1775 году онъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ, и одно время былъ очень близокъ къ Екатеринѣ. Завадовскій принадлежалъ къ партіи Воронцовыхъ, и по образованію и даровитости своей можетъ почитаться однимъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей Екатерининскаго времени. При учрежденіи министерствъ, въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, онъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и занималъ этотъ постъ съ 1802 по 1808 годъ.

Петръ Ивановичъ Пастуховъ (род. 1739, умеръ 1799 года) состоялъ въ кабинетѣ императрицы у принятія челобитень, а въ 1786 году назначенъ былъ сенаторомъ, съ оставленіемъ членомъ комиссіи.

Эпинусъ и Янковичъ уже намъ извѣстны.

7 сентября 1782 года послѣдовалъ слѣдующій указъ комиссіи: „По намѣренію нашему учредить въ имперіи нашей народныя школы, указали мы собрать и перевести потребныя къ тому книги, и сверхъ того, для удобнѣйшаго изъясненія, призвали мы одного изъ трудившихся въ устроеніи таковыхъ народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія его величества императора Римскаго, директора сихъ училищъ въ Темесварскомъ уѣздѣ, Федора Янковича, знающаго языкъ россійскій и нашъ православный законъ исповѣдающаго. Соизволяя, чтобы сіе полезное и необходимо нужное заведеніе во всей имперіи нашей въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ единообразіи учинено было, признали мы за благо учредить особую комисію, подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ, назначая васъ (Завадовскаго) къ составленію оной, и вслѣдствіе того повелѣваемъ:

1) книги, переведенныя и кои будутъ еще переведены въ пользу сихъ школъ, разсмотрѣть, и все, что въ нихъ потребуетъ исправленія для соглашенія съ закономъ нашимъ православнымъ и съ состояніемъ гражданскимъ имперіи нашей, распорядить, представя намъ, прежде изданія оныхъ въ печать, какія перемѣны и для чего сдѣланы. 2) Изъ тѣхъ книгъ, кои до вѣры касаются, сообщить оныя преосвященному епископу Новгородскому, требуя его мнѣнія къ поправленію оныхъ. 3) Отъ директора Янковича планъ его о школахъ и всѣ представленія и изъясненія принимая, имѣть по онымъ надлежащее разсужденіе, и что положено будетъ, представлять намъ на утвержденіе. 4) Заведеніе народныхъ школъ начать съ здѣшней губерніи, и именно съ той самой, которая въ первой части города на иждивеніи нашемъ учреждена, препоруча помянутому директору Янковичу, подъ вѣдѣніемъ вашимъ, ее устроить; а дабы вы извѣстны были, коликое число учителей къ таковому заведенію можно заимствовать отъ разныхъ мѣстъ, доставлены вамъ будутъ полученные нами списки, по которымъ вы нужное ихъ число истребовать не оставьте, дабы они, подъ руководствомъ означеннаго Янковича, въ образѣ ученія наставлены быть могли".

Итакъ, начало учебнаго дѣла совершенно соотвѣтствовало плану, который былъ принятъ въ Вѣнѣ: какъ тамъ, прежде всего учреждена была высшая учебная комиссія, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы, съ цѣлью объединенія и единообразія учебныхъ учрежденій; заключенія комиссіи поступали на Высочайшее разсмотрѣніе; на одно лицо, т.-е. на Янковича, возложено было составленіе общей учебной системы, какъ въ Вѣнѣ на Фельбигера, точно такъ же, какъ въ Австріи, главное вниманіе обращено было на приготовленіе учителей и на составленіе руководствъ, съ тою предосторожностью, что при переводѣ нѣмецкихъ учебниковъ указано сообразоваться съ правилами нашей вѣры и государственными особенностями страны, представляя всѣ такія измѣненія на разсмотрѣніе императрицы. Екатерина не позволяла себѣ только, подобно Маріи Терезіи, мѣшаться въ книги духовнаго содержанія, указавъ, что они подлежатъ утвержденію архіепископа новгородскаго.

Комиссія собиралась два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ, въ 10 ч. утра, въ домѣ Завадовскаго.

Прежде всего положено было учредить въ Петербургѣ главное народное училище; директоромъ его назначенъ былъ Янковичъ, а ученики истребованы были изъ Александро-Невской семинаріи. Оказались они „искусными довольно въ законѣ Божіемъ, языкѣ латинскомъ и грамматикѣ россійской; что же касается до прочихъ наукъ, положенныхъ къ преподаванію въ училищахъ народныхъ, въ классахъ третьемъ и четвертомъ, то объ оныхъ имѣютъ понятіе весьма малое; а нѣкоторые и вовсе никакого; потому кромѣ классовъ перваго и втораго (т.-е. низшихъ), да и то только чтенію, письму и катехизису, ничему другому сами обучать не въ состояніи, ибо и въ ариѳметикѣ не имѣютъ многіе и самыхъ начальныхъ основаній“; пять учениковъ отосланы были назадъ, а 16 приняты. Въ 1783 году потребованы были 20 человѣкъ изъ Московской Словено-Греко-Латинской академіи, но подъ условіемъ, что они хорошаго поведенія, и по 10 человѣкъ изъ семинарій Смоленской и Казанской. И. И. Шуваловъ прислалъ четырехъ студентовъ Московскаго университета, но они оказались негодными.

Составлены были правила для учащихся, но самое утвержденіе учрежденія главнаго народнаго училища послѣдовало только въ 1783 году. Что же касается до учительской семинаріи, то, хотя комиссія и имѣла ее въ виду, однако она могла образоваться лишь тогда, когда это училище получитъ полное развитіе, ибо только окончившіе въ немъ курсъ ученики были въ состояніи продолжать спеціальное образованіе въ учительской семинаріи. 23 мая 1783 года состоялось слѣдующее постановленіе комиссіи: „Какъ для лучшаго и скорѣйшаго народныхъ училищъ распространенія, комиссія признавала всегда нужду и необходимость предварительнаго постановленія здѣсь главнаго народнаго училища, при которомъ бы, кромѣ вольнообучающихся, содержать и обучать всегда на казенномъ иждивеніи человѣкъ по сту изъ самыхъ бѣдныхъ людей, наставляя ихъ, сверхъ прочихъ въ ономъ преподаваемыхъ наукъ, особливо въ способѣ ученія, такъ какъ и во всѣхъ прочихъ учительскихъ должностяхъ, дабы раздѣлить ихъ потомъ, по усмотрѣнію ихъ способностей, по разнымъ народнымъ училищамъ, и имѣть такимъ образомъ всегда нарочитое число учителей въ готовности, въ коихъ нынѣ, а въ особенности для высшихъ классовъ, совершенный недостатокъ, какъ-то комиссія имѣла случай удостовѣриться при выписываніи ею учителей не токмо изъ семинарій, но и изъ самаго

Московскаго университета. И для сего въ комиссіи о народныхъ училищахъ опредѣлено: „поднести объ учрежденіи главнаго народнаго училища, и при немъ семинаріи учительской, всеподданнѣйшій ея императорскому величеству докладъ, которымъ просить, между прочимъ, ея величество о высочайшемъ соизволеніи брать комиссіи для заведенія сего потребныхъ ей людей, гдѣ можетъ ихъ найдти, и о всемилостивѣйшемъ пожалованіи на первое училище его содержаніе и назначаемыхъ въ учители учениковъ десяти тысячъ рублей“. Въ этомъ докладѣ, представленномъ императрицѣ въ іюнѣ, комиссія, заявляя, что учебныя руководства, нужныя для первыхъ двухъ классовъ народныхъ училищъ, всѣ уже изданы, для третьяго-же и четвертаго классовъ требуютъ еще обработки, прибавила: „но сіе не больше есть, какъ только единые начатки дѣла, сколь по себѣ пространнаго, такъ и важнаго“. Главное затрудненіе состояло въ пріисканіи учителей именно для этихъ двухъ старшихъ классовъ будущихъ училищъ. „Въ семъ дѣлѣ комиссія“, сказано въ докладѣ, „распространяя распоряженія свои на третій и четвертый классы, старалася въ началѣ о пріобрѣтеніи способныхъ учителей, которые бы науки свои знали твердо, выписывала для того изъ разныхъ духовныхъ семинарій молодыхъ, тамо обучавшихся людей, и здѣсь пріискивала всевозможнымъ образомъ, мня изъ большаго числа лучшій сдѣлать выборъ. Успѣхъ, однако-жъ, въ томъ меньшій оказался, нежели какого ожидать могла комиссія, ибо присланные изъ семинарій не имѣютъ потребныхъ для третьяго и четвертаго класса знаній, и комиссіи еще больше свѣдомъ сталъ сей недостатокъ при избраніи учителей для Дѣвичьяго монастыря (Смольный), которыхъ съ большимъ стараніемъ едва можно было найтить; ибо ежели суть люди къ тому способные, то они несутъ должности, отъ которыхъ ихъ взять неудобно, а другіе, лишь успѣютъ въ словесныхъ наукахъ, ищутъ и помѣщаются бо́льшею частію въ гражданской, выгоднѣйшей для нихъ службѣ. И такъ, одними пособіями, каковы нынѣ, чрезъ прилежность и труды директора школъ, Янковича, происходятъ, и кои отъ другихъ мѣстъ могла комиссія взаимствовать, нѣтъ и не будетъ возможности народныя училища воздвигнуть въ полной мѣрѣ, поелику, хотя теперь всѣ почти учебныя книги и для высокихъ классовъ приходятъ переводомъ и сочиненіемъ къ окончанію, слѣдовательно образъ, какъ преподавать науки, угото-

ванъ, но кѣмъ сіе производить, таковыхъ людей потребно много, находить же ихъ трудно, а одно безъ другого не можетъ взять прямаго теченія. Недостатокъ сей въ способныхъ и искусныхъ учителяхъ, чѣмъ далѣе, больше встрѣчаться будетъ, какъ видимымъ образомъ по симъ причинамъ степень учительскаго состоянія часъ отъ часу упадаетъ".

„Для отвращенія такъ важныхъ въ начатомъ дѣлѣ препятствій, принимаетъ комиссія смѣлость просить ваше императорское величество всеподданнѣйше о дозволеніи завести напередъ главное народное училище, которое бы служило всѣмъ прочимъ образцомъ и въ коемъ обучившіеся могли бы быть потомъ употребляемы для заведенія другихъ, оному подобныхъ".

Комиссія просила содержать для этого на казенномъ счету не менѣе ста человѣкъ, набравъ ихъ изъ семинаристовъ, и съ тѣмъ, чтобы не дозволять другимъ вѣдомствамъ переводить ихъ къ себѣ на службу. „Симъ образомъ", прибавлено, „надѣяться можно въ два или въ три года завести въ государствѣ не малое число другихъ главныхъ училищъ, отъ которыхъ потомъ распространеніе сіе будетъ годъ отъ года примѣтно умножаться".

„Но какъ для сего главнаго училища потребны въ высшихъ классахъ довольно искусные люди, какъ-то: въ исторіи, географіи, физикѣ, исторіи натуральной, архитектурѣ, механикѣ и геометріи, каковыхъ сыскать съ воли весьма трудно, то въ томъ разумѣніи, что дѣлу сему помогать должно общимъ трудомъ, да повелите, всемилостивѣйшая государыня, на первый случай употребить къ тому изъ русскихъ учителей или профессоровъ здѣшней Академіи Наукъ, или университета Московскаго, хотя впрочемъ комиссія и не упуститъ стараться о пріисканіи и другихъ, на что однако-жъ не можетъ положить совершенной благонадежности".

Комиссія заключила свой докладъ выраженіемъ убѣжденія, что „введеніе дѣятельнымъ образомъ благонравія и наукъ для цѣлаго народа великой имперіи возвысится своими плодами, и не меньше прочихъ благотвореній вашихъ для Россіи приложитъ новое безсмертіе имени первой зиждительницѣ того".

Этотъ докладъ утвержденъ былъ императрицею 9 іюня, и ассигнована на содержаніе училища просимая сумма.

1 іюля 1783 года поставлено было комиссіею: „Народныхъ училищъ директоръ г. Янковичъ представилъ комиссіи примѣрное распоряженіе главнаго народнаго училища здѣшняго

о заводимой при оной семинаріи для учителей, изъ котораго одобрено комиссіею особливо наставленіе его учителямъ третьяго и четвертаго классовъ, по коимъ имъ науки свои при томъ училищѣ преподавать".

Для помѣщенія главнаго народнаго училища купленъ былъ тогда же домъ на Щукиномъ дворѣ.

Комплектованіе училища продолжало затруднять комиссію. Она обратилась съ просьбою къ намѣстнику харьковскому и воронежскому В. А. Черткову, прислать способныхъ молодыхъ людей изъ его намѣстничества; но найти онъ могъ только четырехъ, да еще Харьковскій коллегіумъ доставилъ трехъ студентовъ. Осталось обратиться къ прежнему источнику — духовнымъ семинаріямъ, изъ коихъ положено было въ 1783 году выслать сто учениковъ не моложе 18 лѣтъ.

Приготовленіе учителей началось съ января 1784 года; но они обучались въ томъ же Петербургскомъ главномъ народномъ училищѣ.

Изъ ста учениковъ 50 лучшихъ предназначено было приготовлять на должность учителей въ старшіе классы (3-й и 4-й) главныхъ народныхъ училищъ, которыя должны были находиться въ главныхъ губернскихъ городахъ; 25 изъ нихъ приготовлялись въ учителя наукъ математическихъ, и столько же въ преподаватели естественной, всеобщей и русской исторій, географіи и русской грамматики. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ отдѣленій былъ репетиторъ (повторитель) изъ способнѣйшихъ учениковъ, который долженъ былъ заниматься повтореніемъ со своими товарищами ежедневно часъ.

Въ 1784 году составленъ былъ уставъ и распредѣленіе часовъ преподаванія въ этомъ училищѣ.

Къ сожалѣнію, Янковичъ не долго оставался директоромъ главнаго народнаго училища: въ маѣ 1785 года онъ былъ уволенъ отъ этой должности. Повидимому, онъ не могъ справиться съ буйными своими учениками: въ то же самое время пять учениковъ, за сдѣланную ему дерзость, посажены были на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду, и переодѣты при этомъ „ради большія остуды въ худые мужичьи кафтаны, вмѣсто обыкновеннаго носимаго ими платья". Хотя, по занятіямъ своимъ въ училищной комиссіи, Янковичъ продолжалъ наблюдать за дѣятельностью этого училища, но участіе его въ управленіи имъ уже не было непосредственное, какъ прежде, и важ-

нѣйшее дѣло въ учебномъ преобразованіи — приготовленіе учителей — выпало у него изъ рукъ.

На его мѣсто назначенъ былъ директоромъ совѣтникъ Академіи Наукъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ (род. 1745, умеръ 1819 года); ему же поручено было завѣдываніе начальными училищами Петербургской губерніи, съ званіемъ директора; онъ исправлялъ обѣ эти должности до 1786 года; въ 1789 году посланъ онъ былъ для осмотра училищъ въ десяти губерніяхъ. Въ 1793 году Козодавлевъ назначенъ былъ членомъ комиссіи о народныхъ училищахъ, а также комиссіи о комерціи. Въ 1797 году получилъ должность оберъ-прокурора Сената; въ 1799 года назначенъ сенаторомъ. Въ 1808 году опредѣленъ былъ товарищемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ князю Куракину. Съ 28 января 1811 года и до самой своей смерти занималъ должность министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ іюлѣ 1786 года послѣдовало отдѣленіе учительской семинаріи отъ главнаго народнаго училища, съ которымъ она была смѣшана, или, вѣрнѣе сказать, съ этого времени слѣдуетъ считать ея учрежденіе, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго учебнаго заведенія. Въ ней преподавались тѣ же предметы, что и въ училищѣ, но болѣе подробно, и въ особенности болѣе основательно, такъ какъ бо́льшая часть ея преподавателей состояла изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ: профессоръ Сырейщиковъ читалъ русскую словесность, адъюнктъ Академіи Наукъ Зуевъ естественную исторію, адъюнктъ Головинъ преподавалъ математику, Гакманъ — географію. Преподаватели, кромѣ учителя исторіи, географіи и нѣмецкаго языка, были природные русскіе.

Главная задача этой семинаріи состояла въ сообщеніи своимъ ученикамъ способовъ преподаванія, или методы обученія, что значительно облегчалось собранными въ ней учебными пособіями, коллекціями, моделями и инструментами. Практически они занимались преподаваніемъ въ с.-петербургскихъ начальныхъ школахъ, замѣняя учителей.

Совмѣстно съ приготовленіемъ учителей, необходимо было изготовить руководства какъ для нихъ, такъ и для учениковъ. И этимъ дѣломъ не только заправлялъ, но и самъ лично, непосредственно занимался Янковичъ.

1 Октября 1782 года постановлено было комиссіею, для руководства учителей первыхъ двухъ классовъ, перевести сочи-

неніе „Kern des Methodenbuch's", по которой впредь можно будетъ приготовляющихся въ учителя нижнихъ школъ наставлять въ способѣ учебномъ и должностяхъ учительскихъ" (напечатано въ 1783 году). Въ томъ-же году Янковичъ составилъ: 1) Россійскій букварь (напечатанъ въ 1782 году); 2) Руководство къ россійскому чистописанію (напечатано въ 1782 году); 3) Сокращенный катихизисъ, для употребленія во второмъ классѣ народныхъ училищъ, который былъ одобренъ архіепископомъ Гавріиломъ (напечатанъ въ 1784 году) и 4) представилъ образецъ евангелія, для употребленія въ третьемъ классѣ народныхъ училищъ (издано въ 1874 году подъ заглавіемъ „Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій"). Въ 1782 же году переводчикъ Академіи Наукъ и преподаватель русскаго языка въ академической гимназіи Свѣтовъ составилъ „таблицы о познаніи буквъ и складахъ, о чтеніи и о правописаніи", которыми и положено было добавить руководство для учителей перваго и втораго класса. Ежу же поручено было комиссіею составить учебникъ русской грамматики „по образцу нѣмецкія, для австрійскихъ народныхъ училищъ изданныя", но онъ вскорѣ умеръ, не успѣвъ исполнить этого труда.

Въ 1783 году изготовлено было „руководство къ ариѳметикѣ, часть 1", (напечатано въ 1783 году) и, какъ всѣ проекты новыхъ учебниковъ, представлено императрицѣ на разсмотрѣніе. 31 января Завадовскій объявилъ комиссіи, что „ея императорское величество поднесенное ей отъ комиссіи „руководство къ ариѳметикѣ, часть 1", для употребленія народныхъ училищъ, предать тисненію указать соизволила, соблаговоляя при томъ, дабы всѣ учебныя, до части математической касающіяся книги, комиссія, для употребленія народныхъ училищъ, опредѣляла и въ печать издавала, не требуя на оныя особливыя отъ ея императорскаго величества конфирмаціи. Екатерина не считала себя компетентнымъ судьею въ математикѣ, какъ и въ богословіи, отличаясь въ этомъ отъ Маріи Терезіи, которая наставляла епископовъ, какъ составлять катихизисъ.

Подъ 11 февраля 1783 года записано въ журналѣ комиссіи: „Г. директоръ представилъ комиссіи сочиненный имъ, для употребленія 3 и 4 класса народныхъ училищъ, *Пространный Катихизисъ* (напечатанъ въ 1784 году) съ доказательствами изъ Священнаго Писанія, который комиссія сей день и начала разсматривать, положивъ, назначенію г. директора Янковича со-

гласно, чтобы въ третьемъ классѣ употребляемъ онъ былъ безъ упомянутыхъ изъ Священнаго Писанія доказательствъ, а въ четвертомъ съ доказательствами, почему и не будетъ нужды сочинять для четвертаго класса катихизисъ особливо, и тѣмъ число книгъ умножать безъ нужды". Подъ 11 марта 1783 года находимъ: „Какъ начатое Академіи Наукъ переводчикомъ Свѣтовымъ сочиненіе *Россійскія Грамматики,* для употребленія народныхъ училищъ, смертію его, г. Свѣтова (онъ умеръ 1 марта 1783), пресѣклось, то комиссія о народныхъ училищахъ, не зная здѣсь другаго къ продолженію сочиненія сего способнаго и въ языкѣ россійскомъ довольно къ тому сильнаго человѣка, который-бы, подъ присмотромъ ея, могъ оное совершить, рѣшилася препоручить сіе дѣло императорскаго московскаго университета профессору краснорѣчія г. коллежскому совѣтнику Антону Барсову, какъ человѣку, въ словѣ россійскомъ много упражнявшемуся и болѣе прочихъ себя въ ономъ оказавшему. Чего ради и сообщить ему начало покойнаго г. Свѣтова, предоставя однако въ полную его волю продолжать начатое г. Свѣтовымъ или начать съ самаго начала, если ему первыя таблицы г. Свѣтова не покажутся, съ тѣмъ чтобы онъ токмо слѣдовалъ расположенію тоя нѣмецкія грамматики, которая, вмѣсто плана, предписана была г. Свѣтову". Барсовъ представилъ Завадовскому въ 1785 г. этимологію, въ 1786 году отдѣлы о словоударенiи и правописаніи, и въ 1788 г. синтаксисъ. Трудъ этотъ не былъ напечатанъ. Въ 1787 году комиссія одобрила сокращенную россійскую грамматику, составленную Сырейщиковымъ, бывшимъ профессоромъ Московскаго университета. преподававшимъ тогда въ учительской семинаріи (Краткая россійская грамматика, напечатана въ 1787 году).

Въ 1783 году утверждено было предложеніе Янковича перевести исторію Шрека: Hilmar Turas, Einleitung zur Universalhistorie, ganz neu umgearbeitet von Johann Matthias Schröckh, а также и пространную его исторію, въ трехъ томахъ, для употребленія ея въ четвертомъ классѣ училищъ (напечатано въ 1787 году). Въ 1783 году Янковичъ написалъ Священную Исторію, которая была разсмотрѣна и одобрена митрополитомъ новгородскимъ Гавріиломъ (напечатана въ 1784 году).

Въ 1784 году переведена была *Геометрія* Головинымъ (напечатана въ 1786 году), и положено было перевести *Физику* Эбергарда (напечатана въ 1785 году).

Въ 1876 году Янковичъ принялъ на себя изданіе картъ и глобусовъ; глобусы впервые появились на русскомъ языкѣ; отдано также въ печать *Описаніе Россійскаго Государства* (напечатано въ 1787 году).

Въ 1787 году введенъ былъ въ курсъ преподаванія учительской семинаріи греческій языкъ; въ журналѣ комиссіи 16 января этого года сказано: „какъ между вновь прибывшими студентами (въ учительскую семинарію) находятся многіе, положившіе основаніе въ греческомъ языкѣ, то разсудила комиссія завести также въ сей учительской семинаріи ученіе греческаго языка, мня, что сей классъ можетъ быть особливо полезенъ для тѣхъ, кои, оставшися за распредѣленіемъ другихъ, по народнымъ училищамъ, пожелаютъ продолжать науки свои для высшихъ училищъ“. Поэтому велѣно было въ 1787 году напечатать *Греческій словарь,* составленный Борисомъ Филоновымъ. Семь лѣтъ спустя изготовленъ былъ новый греческій словарь. Подъ 15 ноября 1794 года записано въ журналѣ комиссіи: „статскій совѣтникъ и кавалеръ Янковичъ поднесъ комиссіи объ учрежденіи училищъ *Краткій греческій лексиконъ древняго діалекта,* сочиненный семинаріи учительской учителемъ Гиляровскимъ, для употребленія той семинаріи и другихъ училищъ, гдѣ греческій языкъ преподается. Одобряя сей трудъ Гиляровскаго, комиссія объ учрежденіи училищъ, находя, что таковаго лексикона на россійскомъ языкѣ нѣтъ, кромѣ одного самаго стариннаго и давно уже разошедшагося, и что училища, гдѣ греческій языкъ преподается, конечно, имѣютъ въ томъ нужду, опредѣлила, по засвидѣтельствованіи доброты его отъ г. статскаго совѣтника Янковича и другихъ людей, сей языкъ знающихъ, коимъ оной лексиконъ отъ него, г. статскаго совѣтника, былъ также для разсмотрѣнія сообщаемъ, напечатать его, въ числѣ тысячи экземпляровъ, и потомъ снабдить имъ семинарію учительскую и Пажескій двора ея императорскаго величества корпусъ, пустя остальное въ продажу для охотниковъ, а особливо для семинарій духовныхъ, по коимъ языкъ сей преподается, и кои, какъ уповаетъ комиссія, возьмутъ онаго знатное число“. Этотъ лексиконъ однако изданъ не былъ.

Въ 1788 году положено было напечатать „Всеобщее землеописаніе. Часть 1-я“, написанное на нѣмецкомъ языкѣ преподавателемъ учительской семинаріи Гакманомъ, переведенное

на русскій языкъ Матинскимъ, переработанное и поправленное Янковичемъ (напечатано въ 1788 году). Въ 1794 году Янковичъ составилъ вторую часть руководства по географіи (напечатано въ 1795 году).

Въ 1789 году издана была греческая грамматика, и велѣно было напечатать составленное преподавателемъ Головинымъ *Краткое руководство архитектуры* (напечатано въ 1789 году.

Въ 1792 году комиссія приказала напечатать сочиненіе преподавателя математическаго класса Гиляровскаго (того самаго, который составилъ греческій лексиконъ) „Новое руководство къ физикѣ“, находя, что сочиненіе сіе гораздо полнѣе руководства къ физикѣ, уже изданнаго ею для ученическаго употребленія народныхъ училищъ, и содержитъ въ себѣ разныя новѣйшія въ физикѣ открытія, такъ какъ и часть, къ химіи принадлежащую, весьма въ общежитіи полезную, потому признала, что книга сія можетъ служить съ пользою не только для учительскаго, въ народныхъ школахъ, употребленія къ объясненію истинъ, въ самой краткости предложенныхъ въ маломъ, напечатанномъ для сихъ училищъ, руководствѣ, но что и оное же пріятно будетъ для всѣхъ вообще любителей наукъ, не имѣющихъ удобности почерпать о сихъ наукахъ свѣдѣнія изъ иностранныхъ книгъ“ (напечатано въ 1793 году).

Въ 1796 году комиссія приказала напечатать, на счетъ автора, сочиненіе преподавателя учительской семинаріи Теряева, подъ заглавіемъ: „*Краткое разсужденіе о минералогіи,* вообще о перемѣнахъ и приращеніи во всѣхъ частяхъ оной, съ присовокупленіемъ главнаго основанія новѣйшей минералогической системы“ (напечатано въ 1796 году).

Изъ учебниковъ священной исторіи краткій катихизисъ и ариѳметика такъ хорошо составлены, что, если бы переложить ихъ на нынѣшнее нарѣчіе, они и теперь были бы полезными руководствами въ начальныхъ училищахъ. Русскія географія и исторія, геометрія, физика, механика, русская и греческая грамматики вполнѣ соотвѣтствовали своей цѣли. Исторія Шрека была бы также не дурнымъ руководствомъ для своего времени, если бъ была лучше переведена. Всеобщая географія и естественная исторія слишкомъ обширны для начальной школы. Наименѣе же удачными учебниками слѣдуетъ признать книжку о должностяхъ человѣка и гражданина, и разсужденіе о минералогіи. Вообще же говоря, эти учебники останутся

навсегда замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи русской педагогической литературы и незабвеннымъ памятникомъ Янковичу, который не только руководилъ этими трудами, но и принималъ въ нихъ непосредственное, личное и самое дѣятельное участіе.

Тотчасъ по открытіи комиссіи объ учрежденіи училищъ, въ первомъ же его засѣданіи, 13 сентября 1782 года, на которое приглашенъ былъ Янковичъ, было постановлено составить общій планъ для народныхъ училищъ, раздѣливъ этотъ трудъ на части: учебную, хозяйственную и политическую, и возложивъ изъ него на Янковича собственно обработку учебной части; „послѣднія же двѣ части“, сказано, „комиссія непосредственно сама выработаетъ, поелику г. директору (Янковичу) гражданское здѣшнее состояніе мало извѣстно“. Черезъ четыре дня Янковичъ представилъ уже свой проектъ, тутъ же принятый комиссіею, которая опредѣлила представить на утвержденіе императрицы только планъ учебной части, „ибо хотя въ разсужденіи политической и хозяйственной“, прибавлено, „комиссія и учинила нѣкоторое начертаніе, но оно объемлетъ одинъ токмо видъ, точнѣе же расположено быть не можетъ, пока нѣкоторое число таковыхъ училищъ въ новомъ ихъ образѣ открыты не будутъ, и самое теченіе дѣлъ всѣхъ нуждъ и потребностей не обнаружитъ, въ которое время комиссія и не преминетъ возобновить по онымъ всеподданнѣйшаго своего донесенія“.

По учебному плану, народныя училища раздѣлялись на три разряда; малыя, среднія и главныя училища. Малыя училища должны были состоять изъ двухъ классовъ, среднія изъ трехъ, а главныя изъ четырехъ, съ двухгодичнымъ курсомъ въ четвертомъ классѣ. „Въ первомъ классѣ“, сказано, „начинающіе ученики обучаются познанію буквъ, складамъ, чтенію и нѣсколько писанію, а во второмъ продолжаютъ чтеніе, писаніе, правописаніе и ариѳметику“; кромѣ того преподавался Законъ Божій. Курсъ среднихъ училищъ предполагался въ двухъ низшихъ классахъ тотъ же, что и въ малыхъ училищахъ, а въ третьемъ прибавлялись: пространный катихизисъ, священная исторія, христіанское нравоученіе, раздѣленныя Евангелія, продолженіе ариѳметики и грамматики, краткая исторія и географія. Въ трехъ низшихъ классахъ главныхъ училищъ положено преподавать тѣ же предметы, какъ и въ среднихъ учи-

лищахъ, а въ четвертомъ классѣ продолжать ихъ и прибавить: геометрію, архитектуру, механику, физику, натуральную исторію и нѣмецкій языкъ. Главное же вниманіе комиссіи обращено было на методу преподаванія, и въ этомъ именно заключается наибольшее достоинство этого плана.

27 сентября императрица утвердила докладъ комиссіи, „съ тою однако перемѣною, или положеніемъ, дабы ученіе языка французскаго оставить домашнему воспитанію, по собственной каждаго воли, и въ народныхъ училищахъ его не вводить“, чего, впрочемъ, комиссія и не предполагала, такъ какъ въ ея планѣ не было и упоминанія о французскомъ языкѣ; „языкъ латинскій изъ училищъ не исключать; греческій завести, по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ: Кіевской, Новороссійской, и Азовской; арабскій въ губерніяхъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской, а языкъ китайскій въ губерніи Иркутской и области Колыванской“. Въ дѣйствительности же, ни греческій, ни восточные языки никогда не преподавались въ народныхъ училищахъ.

Петербургъ, какъ столица, а потомъ Петербургская губернія были естественнымъ образомъ выбраны первою мѣстностію для заведенія школъ. Починъ былъ данъ самою императрицею, которая учредила въ 1781 году на собственный счетъ Исаакіевское училище, и въ томъ же году открыты были въ Петербургѣ еще шесть училищъ.

По утвержденіи императрицею плана ученія въ народныхъ школахъ, комиссія опредѣлила съ наступавшаго 1783 года преобразовать по этому плану эти семь уже существовавшихъ тогда въ Петербургѣ училищъ, опредѣливъ въ нихъ учителями наскоро подготовленныхъ Янковичемъ семинаристовъ (они обучались всего около четырехъ мѣсяцевъ, съ сентября по конецъ декабря 1782 года), и устроивъ въ этихъ школахъ только нижніе два класса, „за неимѣніемъ способныхъ для высшихъ классовъ учителей“, и въ каждый классъ назначить по учителю, съ содержаніемъ въ первомъ классѣ по 80 руб., а во второмъ по 120 руб. при казенной квартирѣ. Но такъ какъ эти учителя не были въ состояніи преподавать всѣ предметы, положенные въ двухъ классахъ училища, то разрѣшено было, по необходимости, оставить въ нихъ прежнихъ учителей ариѳметики и рисованія.

Въ то же самое время положено было напечатать въ С.-Пе-

тербургскихъ Вѣдомостяхъ положеніе объ учреждаемыхъ народныхъ училищахъ, о причинахъ, вызвавшихъ это учрежденіе, о способѣ преподаванія въ нихъ наукъ, о принятыхъ руководствахъ, и заявить о назначенныхъ полугодовыхъ экзаменахъ.

Въ январѣ и февралѣ 1783 года Петербургскія училища были преобразованы: наплывъ учащихся до того былъ значителенъ, что въ томъ же году въ училищахъ Исаакіевскомъ, Симеоновскомъ и Владимирскомъ стало такъ тѣсно, что всѣ ученики не могли помѣститься.

Для распространенія школъ въ Петербургской губерніи предстояло прежде всего устроить для нихъ помѣщеніе, чѣмъ и была озабочена императрица: въ ноябрѣ 1783 года Безбородко сообщилъ комиссіи объ ассигнованіи суммы изъ различныхъ источниковъ, на постройку, покупку или приспособленіе домовъ для училищъ въ городахъ: Рождественѣ, Лугѣ, Гдовѣ, Вытегрѣ, Ямбургѣ, Ораніенбаумѣ, и для нѣкоторыхъ Петербургскихъ училищъ. По примѣру императрицы, стали поступать на этотъ предметъ и частныя пожертвованія; такъ въ 1784 году дворянинъ Лазаревъ построилъ на свой счетъ домъ для училища въ Софіи (Царскомъ Селѣ).

Въ Петербургской губерніи открыты были училища: въ 1783 году въ Шлиссельбургѣ и Кронштадтѣ, въ 1784 году въ Павловскѣ, въ 1785 году въ Нарвѣ, въ 1786 году въ Гдовѣ, Лугѣ, Рождественѣ, Ямбургѣ, Ораніенбаумѣ и Новой Ладогѣ. Всѣ эти училища были такъ называвшіяся малыя училища, т.-е. двухклассныя, и притомъ въ бо́льшую часть ихъ назначено было только по одному учителю, „считая“, сказано въ журналѣ комиссіи, „что на первый разъ и число учащихся велико не будетъ, почему каждый изъ учителей сихъ обучать долженъ будетъ въ обоихъ классахъ всѣмъ положеннымъ тутъ предметамъ“.

Петербургскія училища продолжали наполняться учениками: въ 1785 году ихъ было 1,192.

„Я начинаю заводить“ писала 15 ноября 1782 года императрица Гримму, „нормальныя школы, которыя такъ хорошо идутъ, что теперь преподаютъ въ нихъ двадцать учителей, благодаря брату Іосифу, который снабдилъ меня знатокомъ этого дѣла (un factotum), устроившимъ уже сотню такихъ школъ; онъ православной вѣры и говоритъ по-русски, какъ я, и даже лучше чѣмъ я“.

Воодушевляющее впечатлѣніе произвело открытіе новыхъ, правильно устроенныхъ училищъ не на одну императрицу, но и на все образованное русское общество. „Изъ всѣхъ заведеній“, писалъ 15 марта 1784 года Бездородко графу Семену Романовичу Воронцову, „народныя школы, кои здѣсь нормальными называютъ, стараніями друга нашего Петра Васильевича (Завадовскаго) болѣе распространяются. Здѣшняя губернія уже ими наполнена, и въ окрестныя все то разливается“.

Прошло однако два года послѣ этого письма, прежде чѣмъ можно было дать этой просвѣтительной мѣрѣ всеобщее по имперіи распространеніе; до тѣхъ же поръ новые школьные порядки замыкались въ Петербургѣ и Петербургской губерніи. Между тѣмъ, къ этому времени приготовлено уже было довольно учителей, и изданы, какъ мы видѣли, почти всѣ необходимыя руководства; поэтому мѣстный, такъ сказать, учебный опытъ могъ быть обращенъ въ общую мѣру по начальному народному образованію.

Въ апрѣлѣ 1786 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть главныя народныя училища въ 25-ти губерніяхъ; императрица сама назначила эти губерніи. Для этихъ училищъ приготовлено было сто учителей, значитъ, въ каждое назначено по четыре учителя, такъ, „чтобы онымъ“, сказано въ журналѣ комиссіи, „кромѣ языка *господственнаго,* всѣ прочіе учебные предметы могли быть заняты, не исключая и рисованія, въ коемъ они, равно какъ и въ прочихъ наукахъ, успѣли“. Генералъ-губернаторамъ этихъ губерній предписано было озаботиться пріисканіемъ домовъ для училищъ, „стараясь потомъ отъ сихъ главныхъ училищъ разводить малыя“. Всѣ эти училища положено было открыть 22 сентября, день коронаціи императрицы, „дабы сей день, въ блаженствѣ Россіи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенію“.

Передъ открытіемъ училищъ, императрица обратилась 12 августа съ слѣдующимъ рескриптомъ къ намѣстникамъ губерній, въ коихъ они учреждались: „комиссія объ учрежденіи училищъ, продолжая, по волѣ нашей, труды ея къ снабденію имперіи народными училищами, пріуготовилась уже къ открытію оныхъ въ двадцати пяти губерніяхъ. Утвержденные нами уставъ и мѣста сихъ училищъ, равно какъ и потребныя для

нихъ учителя съ книгами, симъ заведеніямъ присвоенными, будутъ къ вамъ отъ комиссіи присланы. Вслѣдствіе чего, возлагаемъ мы на попеченье ваше, чтобъ къ открытію оныхъ къ назначенному отъ комиссіи времени, т.-е. 22 сентября, все нужное было приготовлено, и хотя не вездѣ приказы общественнаго призрѣнія достаточные капиталы имѣютъ, чтобы изъ процентовъ ихъ удовлетворять всѣмъ предметамъ, попеченью ихъ предоставленнымъ, но какъ доходы оныхъ, при добрыхъ и усердныхъ стараніяхъ начальства и разныхъ обществъ, отъ времени даже могутъ умножаться, сверхъ того, снабдивъ города наши разными выгодами, въ городовомъ положеніи изображенными, доставили мы имъ доходы на ихъ надобности, а между таковыми надобностями просвѣщеніе народное одною изъ первыхъ почитаться долженствуетъ, содержаніе же народныхъ училищъ не требуетъ большаго иждивенія, какъ то въ штатѣ ясно показано, и притомъ на первое время довольно будетъ открытія въ губернскомъ городѣ главнаго, да еще также и по самымъ знатнѣйшимъ городамъ малыхъ народныхъ училищъ, то и увѣрены мы, что вы изыщете средства заимствовать нужное сихъ училищъ содержаніе безъ отягощенія казны и безъ оскуденія и для другихъ полезныхъ заведеній, о чемъ и будемъ ожидать вашего увѣдомленія. Впрочемъ, нашъ тайный совѣтникъ Завадовскій, по предсѣданію его въ комиссіи о народныхъ училищахъ, о всемъ, до установленья оныхъ касающемся, не упуститъ съ вами снестись".

Завадовскій, посылая учителей, писалъ, между прочимъ, намѣстникамъ: „Съ одной стороны, сіе заведеніе (учрежденіе училищъ), яко способствующее просвѣщенію народному, само собою представляетъ свою важность, съ другой стороны, пособія, оному потребныя, какъ ни мало цѣнныя суть, могутъ иногда предложить затрудненія по части хозяйственной, разумѣю симъ нужныя издержки. Въ соображеніе сего сообщу не больше, какъ одну мою мысль, что въ здѣшней губерніи многіе ревнительные о благѣ общемъ граждане, въ пользу сего заведенія добровольнымъ подвигомъ, одни выстроили, другіе дали на школы домы, нѣкоторыя же и денежныя подаянія учинили. Подвигнуть подобное благотвореніе и въ вашихъ губерніяхъ, средствами, поощряющими усердіе и благость, дѣломъ будетъ собственнаго вашего благоразумѣнія. Въ скоромъ времени

нельзя ожидать удобности въ выстройкѣ домовъ для школъ, но какъ для сего не требуются огромныя зданія, а только вмѣстилище учащихся, въ часы для наукъ назначенные, то къ тому и всякое казенное въ городѣ строеніе, отъ употребленія излишнее, или жъ монастырское, по мѣрѣ того испрошенное, употребить весьма возможно.

Въ Петербургской губерніи оставлены въ училищахъ, попрежнему, бывшіе ариѳметическіе учители, конечно потому, что новые учители изъ семинаристовъ были слабы въ математикѣ.

На учебный „планъ“ для народныхъ училищъ, утвержденный императрицею 27 сентября 1782 года, нужно смотрѣть собственно, какъ на учебный опытъ, ограниченный Петербургскою губерніею; притомъ этотъ планъ, какъ уже изложено, былъ не додѣланъ, въ немъ вовсе нѣтъ постановленій по административной и экономической частямъ училищъ, да и сама учебная часть, которая составляла его исключительное содержаніе, въ то время еще не установилась вполнѣ; опытъ, напримѣръ, показалъ, что такъ называемыхъ среднихъ училищъ вовсе ненужно, они и не были нигдѣ учреждены. Поэтому, открывая разомъ главныя народныя училища въ большей части имперіи, комиссія должна была составить для нихъ общее и подробное положеніе, что и было ею исполнено ко времени открытія этихъ училищъ.

На основаніи этого положенія, для завѣдыванія народными училищами учреждалось главное правительство училищъ въ Россійской имперіи, или главное училищное правительство, въ которое переименована была комиссія объ учрежденіи училищъ. Это главное училищное правительство состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государыни и представляло свои доклады императрицѣ. Мѣстное управленіе училищами въ каждой губерніи ввѣрялось, подъ высшимъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, губернатору, въ качествѣ попечителя народныхъ училищъ; ему вмѣнялось въ обязанность ободрять какъ учащихъ, такъ и учащихся, способствовать начальству учебныхъ заведеній въ ихъ устройствѣ и подготовкѣ учителей, расширять курсъ училищъ прибавленіемъ классовъ и, при объѣздѣ губерніи, посѣщать училища, какъ заведенія „не менѣе другихъ пользы въ себѣ заключающія“ (§ 67). „Одна изъ числа первѣйшихъ должностей попечителя (т.-е. губернатора)“, ска-

зано въ положеніи, „есть стараться о распространеніи народныхъ училищъ отъ главнаго, въ губернскомъ городѣ находящагося, не токмо по городамъ уѣзднымъ, но и другимъ селеніямъ, колико способы ему то дозволять будутъ“ (§ 64). Мѣстное управленіе училищами предоставлено приказу общественнаго призрѣнія, въ коемъ предсѣдательствовалъ губернаторъ. Приказъ обязанъ былъ изыскивать денежныя средства на содержаніе училищъ, устраивать для нихъ помѣщенія, содержать учителей и покупать учебники.

Руководство учебною частію предоставлено директору народныхъ училищъ, назначенному генералъ-губернаторомъ. Онъ засѣдалъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, касающимся училищъ, исправлялъ замѣченные имъ въ училищахъ недостатки, а о болѣе важныхъ докладывалъ приказу; наблюдалъ, чтобы никто не былъ опредѣленъ учителемъ, не выдержавъ экзамена въ главномъ народномъ училищѣ въ своихъ познаніяхъ и въ усвоеніи методы, или „способа“ преподаванія. Директоръ училищъ обязывался осматривать училище въ губернскомъ городѣ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, по уѣздамъ же, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, и присутствовать на экзаменахъ, въ училищахъ губернскаго города.

„Для благолѣпія церквей и бо̀льшаго прилѣпленія учениковъ къ молитвѣ и благоговѣнію, стараться директору, дабы они обучаемы были церковному пѣнію внѣ учебныхъ часовъ, а обученные въ церквахъ пѣли и читали“ (§ 82).

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ избирался попечителемъ народныхъ училищъ, съ знаніемъ смотрителя, одинъ изъ гражданъ этого города, для всегдашняго присмотра за училищами, въ томъ мѣстѣ находящимися (§ 86). Онъ долженъ былъ наблюдать собственно за такъ называемыми малыми, то-есть двухклассными училищами; учителя обязаны были доставлять ему ежемѣсячно о нихъ рапорты, которые онъ посылалъ въ приказы для передачи директору. „Смотрителю надлежитъ“, сказано въ положеніи, „осматривать училище каждую недѣлю по два раза и навѣдываться — прилежно ли ходятъ ученики въ училище; въ противномъ случаѣ, долженъ онъ ихъ увѣщевать, и родителямъ ихъ о томъ давать знать. При семъ смотритъ, дабы и учители учебные часы не прогуливали, а ученики въ воскресенье и праздничные дни приходили въ церковь, и, словомъ сказать, все то исполняли, что въ семъ уставѣ имъ

предписано". (§ 88) Смотритель присутствовалъ также при экзаменахъ. Въ обязанность смотрителю поставляется помогать учителямъ, „поступать съ ними ласково и вѣжливо", а, въ случаѣ ихъ неисправности, увѣщевать ихъ, и, если не исправятся, доносить директору. О всѣхъ нуждахъ училища смотритель представлялъ приказу.

Таково было устройство управленія народными училищами.

Что касается до самыхъ училищъ, то они подраздѣлены на главныя и малыя.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ полагалось одно главное народное училище, въ составѣ четырехъ класовъ, съ годичнымъ курсомъ въ трехъ низшихъ классахъ и двухгодичнымъ въ четвертомъ; такимъ образомъ продолжительность всего курса была пятилѣтняя. Курсъ каждаго класса опредѣленъ подробно въ положеніи, и исчислены часы преподаванія, именно по 30 недѣльныхъ часовъ въ каждомъ классѣ.

„Во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ", говорится въ положеніи, „кромѣ правилъ языка россійскаго, яко природнаго, должны еще преподавать основанія латинскаго для желающихъ ученіе свое продолжать въ высшихъ училищахъ, какъ-то: гимназіяхъ или университетахъ; а сверхъ того, ученіе того иностраннаго языка, какой, по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнымъ, по употребленію его въ общежитіи" (§ 11). Изъ общаго числа часовъ въ четырехъ классахъ главнаго народнаго училища 120 отведены на латинскій языкъ 12 и на иностранный 18 часовъ. Въ положеніи означены также и всѣ учебныя руководства. „Сверхъ сего", — сказано, — „пріуготовляются въ каждомъ главномъ народномъ училищѣ къ должностямъ учительскимъ желающіе быть въ малыхъ училищахъ учителями. Тутъ обучаются они способу учебному, какъ въ такомъ мѣстѣ губерніи, гдѣ они въ знаніяхъ своихъ испытуются, и потомъ, съ вѣдома приказа общественнаго призрѣнія, отъ директора свидѣтельства получаютъ" (§ 10). Въ главномъ училищѣ полагалось шесть учителей; каждый изъ нихъ преподавалъ отъ 23 до 29 часовъ въ недѣлю. Въ помѣщеніи главнаго училища назначено имѣть 18 комнатъ, именно: четыре для классовъ, четыре для библіотеки, коллекцій по естественной исторіи, математическихъ и физическихъ инструментовъ, чертежей и моделей, остальныя комнаты — для учителей.

Малыя училища „должны существовать какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ одного главнаго недовольно, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, и гдѣ еще, по усмотрѣнію приказа общественнаго призрѣнія, на первый случай быть могутъ надобны“. Курсъ этихъ училищъ былъ тотъ же, что въ двухъ низшихъ классахъ главнаго училища, кромѣ иностранныхъ языковъ, которые въ нихъ не преподавались. Учителей въ каждомъ маломъ училищѣ было два, по одному въ каждомъ классѣ; „но если число учениковъ будетъ невелико, въ такомъ случаѣ и одного довольно“ (§ 26). Такимъ образомъ учителя были не предметные, а классные, что усиливало ихъ значеніе въ глазахъ учениковъ, такъ какъ каждый учитель имѣлъ въ своемъ завѣдываніи весь классъ по всѣмъ предметамъ, и удешевляло содержаніе училищъ, ибо при предметномъ преподаваніи разными учителями и число ихъ было бы значительно больше. Въ маломъ училищѣ назначено въ каждомъ изъ двухъ его классовъ 27 недѣльныхъ часовъ; въ тѣхъ же изъ нихъ, гдѣ учитель обучалъ оба класса вмѣстѣ, на первый классъ положено 12, а на второй 15 часовъ. Училищный домъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ комнатъ: двухъ для классовъ и двухъ для учителей.

Ученіе было безплатное. Экзамены назначены два раза въ годъ: предъ Новымъ годомъ, съ 26 декабря по 6 января, и Петровымъ днемъ, съ 29 іюня по 9 іюля. Въ положеніи изложены правила для учащихся (глава 4), и учителямъ даны соотвѣтствующія наставленія (глава 3). Въ числѣ ихъ нельзя не остановиться на внушеніи „при самомъ обученіи не пренебрегать дѣтей бѣдныхъ родителей, но всегда имѣть въ памяти, что они пріуготовляютъ члена обществу“.

Главному училищному правительству предоставлено командировать своихъ членовъ, или другихъ состоящихъ въ вѣдѣніи его лицъ, для осмотра училищъ, давъ имъ инструкціи; они должны были доносить, въ какомъ положеніи нашли училища и предлагать мѣры къ лучшему ихъ устройству.

5 августа 1785 года „Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской имперіи“ утвержденъ былъ императрицею.

Положеніе о народныхъ училищахъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины; имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія въ Россіи. Петровскія попытки распространить просвѣ-

щеніе въ странѣ чрезъ цыфирныя школы не удались. Послѣ этого, въ теченіе цѣлаго столѣтія, учреждались только отдѣльныя, бо́льшею частію, сословныя учебныя заведенія, и то въ одной лишь мѣстности, въ Петербургѣ. Въ провинціяхъ существовали лишь духовно-учебныя заведенія, съ своеобразными, по усмотрѣнію архіерейскому, курсами, и при устарѣлыхъ методахъ преподаванія; свѣтскихъ школъ почти вовсе не было.

При такомъ положеніи учебнаго дѣла является цѣлое законодательсто по начальному народному образованію, — законодательство, обдуманное и провѣренное уже опытомъ другихъ странъ. Въ немъ проведена цѣлая система начальнаго народнаго обученія, объяснена, съ мельчайшими подробностями, здравая, разумная метода преподаванія, обязанности учащихъ и учащихся, опредѣлены не только курсы каждаго класса училища, но и часы ученія, наконецъ установлена учебная администрація. Положеніе это не было теоретическимъ, безрезультатнымъ законодательствомъ; ему предшествовали самыя энергическія мѣры для практическаго его примѣненія: приготовлены были учителя, напечатаны учебныя руководства, т.-е. сдѣлано было предварительно то, чего именно не доставало Петровскимъ цыфирнымъ школамъ, и отчего онѣ, не осуществившись въ жизни, остались только памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ.

Не менѣе важное значеніе этого положенія заключается въ томъ, что начальныя училища сосредоточены въ отдѣльномъ вѣдомствѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сочувствовавшей имъ государыни, которая сама занималась дѣтскимъ образованіемъ, сама надъ нимъ трудилась.

Къ сожалѣнію, мѣстные органы учебнаго управленія не могли соотвѣтствовать своему назначенію: генералъ-губернаторы и губернаторы слишкомъ поглощены были дѣлами управленія своихъ губерній, чтобы имѣть досугъ для занятія воспитаніемъ; притомъ весьма немногіе изъ нихъ обладали необходимыми для того спеціальными познаніями и подготовкою. Приказы общественнаго призрѣнія, черезъ которые они должны были дѣйствовать по учебной части, какъ учрежденія хозяйственныя, экономическія, еще болѣе ихъ были чужды учебному дѣлу, и вовсе не способны завѣдывать училищами.

Попечительство надъ школами несомнѣнно можетъ быть для

нихъ благотворно, когда представляется лицамъ просвѣщеннымъ и благонамѣреннымъ; но если оно ввѣряется мало образованнымъ, а иногда и вовсе невѣжественнымъ людямъ изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, а такихъ было въ то время не мало въ званіи смотрителя, то естественно нельзя ожидать отъ нихъ пользы для училищъ.

Едва ли не самая слабая сторона этого учебнаго преобразованія состояла въ томъ, что на него не были назначены особыя денежныя средства: источники городскихъ доходовъ были тогда до того ничтожны, что изъ нихъ не удовлетворялись необходимѣйшія нужды городовъ; поэтому приказы не имѣли возможности содержать училища и производить содержаніе учителямъ, какъ требовало правительство.

Учителей для малыхъ, т.-е. двухклассныхъ училищъ положено было приготовлять въ главномъ, т.-е. четырехклассномъ училищѣ. Оканчивавшіе въ нихъ курсъ, если они были теоретически ознакомлены съ методомъ преподаванія, конечно, были въ состояніи обучать въ начальной школѣ. Но въ положеніи не находимъ вовсе указаній о приготовленіи преподавателей для самихъ главныхъ училищъ, этихъ разсадниковъ школъ въ провинціяхъ. Для снабженія учителями всѣхъ главныхъ училищъ имперіи существовала одна учительская семинарія въ Петербургѣ; конечно, она была для того недостаточна, что и должно было впослѣдствіи отразиться неблагопріяно на личномъ учебномъ составѣ главныхъ училищъ.

Наконецъ, всякій, читающій со вниманіемъ это обширное законоположеніе, состоящее изъ 113 пространныхъ статей, вѣроятно, будетъ пораженъ тѣмъ, что ни въ одной изъ нихъ не упоминается о духовенствѣ, какъ будто христіанско-нравственное просвѣщеніе народа до него не касается. Такое устраненіе духовенства отъ дѣла, столь близкаго церкви, никакъ нельзя объяснить какою-либо преднамѣренною тенденціозностью составителей устава: главный руководитель учебнымъ дѣломъ, Янковичъ, былъ искренній православный христіанинъ; предсѣдатель комиссіи, Завадовскій, происходя самъ изъ духовнаго званія, не могъ быть враждебенъ духовнымъ лицамъ. Очевидно, духовенство не было привлечено къ дѣлу народнаго образованія только потому, что не было къ нему готово, не умѣло и не могло за него взяться; это подтверждается какъ тѣмъ, что всѣ учебники по закону Божію

написаны были не духовными лицами, а Янковичемъ, и только просмотрѣны и одобрены митрополитомъ новгородскимъ, такъ и тѣмъ, что законъ Божій преподавался въ школахъ не священниками, а свѣтскими учителями. Какъ не вспомнить о данномъ императрицѣ академикомъ Эпинусомъ совѣтѣ: одновременно съ просвѣщеніемъ народа возвысить уровень образованія и духовенства, дабы оно могло быть руководителемъ народной школы.

Сравнивая постановленія о народныхъ училищахъ въ Россіи съ устройствомъ австрійскихъ школъ, находимъ, что Саганскій методъ преподаванія выдержанъ въ нихъ вполнѣ, и что учебныя руководства, отчасти переведенныя, отчасти передѣланныя съ нѣмецкихъ, составлены по одинаковому съ нимъ способу. Въ обоихъ государствахъ начальныя училища раздѣлены были на двѣ категоріи: главныя и простонародныя (Trivialſchulen), или малыя, съ тѣмъ же приблизительно курсомъ. Точно также приготовленіе учителей было главною заботою обоихъ правительствъ и происходило посредствомъ тѣхъ же пріемовъ. Но значительное различіе въ этомъ отношеніи состояло въ томъ, что въ Россіи на всю имперію устроена была одна учительская семинарія, тогда какъ въ Австріи въ каждой провинціи открыта была учительская семинарія, снабжавшая учителями всѣ начальныя училища провинціи. Очевидно, что нѣсколько учительскихъ семинарій были въ состояніи подготовить болѣе преподавателей, чѣмъ одна семинарія на все государство. Кромѣ того, всѣ провинціальныя австрійскія семинаріи состояли въ постоянномъ сношеніи съ главною Вѣнскою семинаріею; она руководствовала ими въ однообразномъ направленіи. Главныя же народныя училища, замѣнявшія отчасти мѣстныя учительскія семинаріи, не были поставлены въ какую-либо связь съ Петербургскою учительскою семинаріею и направлялись въ своей дѣятельности разнообразно директорами училищъ, не имѣвшими также между собою никакого общенія. Итакъ, въ этомъ отношеніи нельзя не признать превосходства австрійскаго устройства.

Высшее управленіе училищами сосредоточено было въ Россіи, какъ и въ Австріи, въ отдѣльномъ вѣдомствѣ. Но мѣстное учебное управленіе существенно различалось въ обоихъ государствахъ: въ Россіи завѣдываніе школами предоставлено было общей администраціи, чрезъ посредство вовсе неподхо-

дящихъ для того приказовъ общественнаго призрѣнія; въ Австріи же въ каждой провинціи открыта была учебная комиссія, зависѣвшая отъ главной въ Вѣнѣ и завѣдывавшая мѣстною учительскою семинаріею; такимъ образомъ она приготовляла учителей на мѣстѣ. Несомнѣнно, отдѣльное мѣстное учебное вѣдомство, состоявшее изъ лицъ, исключительно занимавшихся своею спеціальностію, могло управлять училищами успѣшнѣе, чѣмъ губернаторы чрезъ приказы.

Хотя въ обѣихъ странахъ попечительство надъ школами ввѣрялось мѣстнымъ гражданамъ, но весьма различно было это постановленіе въ своемъ примѣненіи и по своимъ послѣдствіямъ: въ Австріи не трудно было найти въ городахъ людей просвѣщенныхъ, приносившихъ дѣйствительную пользу училищамъ; въ Россіи же не рѣдко назначались на эту должность лица вовсе непригодныя, необразованныя, чуждыя учебному дѣлу, и потому совершенно для него безполезныя.

Но всего поразительнѣе разница положенія, занятаго въ обѣихъ странахъ духовенствомъ въ завѣдываніи начальными школами. Въ Австріи во главѣ каждой школы стоялъ священникъ; бо̀льшая часть инспекторовъ народныхъ училищъ выбиралась изъ духовныхъ лицъ, въ каждой мѣстной училищной комиссіи духовенство имѣло своего представителя, съ званіемъ члена ея. Въ Россіи духовенство совершенно устранялось отъ народныхъ училищъ, даже не преподавало въ нихъ закона Божія, не было его и ни въ одной изъ учебныхъ инстанцій по этому разряду училищъ. Въ Австріи самая иниціатива учебнаго образованія шла отъ римско-католическаго духовенства, епископы принимали въ немъ дѣятельное участіе; у насъ, къ сожалѣнію, духовенство апатично бездѣйствовало.

Самый кругъ дѣйствія учебныхъ уставовъ былъ различенъ въ Австріи онъ распространялся какъ на города, такъ и на селенія, съ тою разницею, что курсъ городскихъ училищъ былъ обширнѣе курса сельскихъ; въ Россіи онъ ограничился только городами. Хотя одною изъ статей Положенія и предлагалось губернаторамъ стараться распространять школы и въ селеніяхъ, но, несомнѣнно, правительство не разсчитывало на успѣхъ этихъ внушеній, такъ какъ и курса для сельскихъ училищъ установлено не было, и въ дѣйствительности они почти нигдѣ не возникали. Значитъ, просвѣтительное дѣйствіе учебной реформы значительно сузилось въ Россіи.

Душою всѣхъ учебныхъ улучшеній въ Австріи былъ Фельбигеръ: и какъ творецъ учебной методы, и какъ главный дѣлецъ въ высшей учебной комиссіи, какъ составитель учебныхъ руководствъ, наконецъ, какъ директоръ учительской семинаріи; все учебное дѣло сосредоточивалось въ немъ. Не таково было положеніе Янковича: онъ болѣе занятъ былъ учебниками, работалъ дѣятельно въ комиссіи училищъ и первое время завѣдывалъ учительскою семинаріею; но директорство его продолжалось недолго, и едва ли онъ имѣлъ всегда рѣшительное вліяніе на дѣла комиссіи. Однимъ словомъ, отдавая полную справедливость заслугамъ его по народному образованію, мы не можемъ признать его единственнымъ руководителемъ учебной реформы, каковымъ былъ въ Вѣнѣ Фельбигеръ; а отъ единства дѣйствій и распоряженій много зависитъ и успѣхъ дѣла.

Наконецъ, и матеріальныя средства, отпускавшіяся на училища, были гораздо обильнѣе въ Австріи, чѣмъ въ Россіи: тамъ учрежденіе училищъ счастливымъ образомъ совпало съ уничтоженіемъ іезуитскаго ордена, имущества котораго обращены были на школы; напротивъ того, въ Россіи, и только въ ней одной, этотъ монашескій орденъ былъ сохраненъ, а имущества его и капиталы продолжали возрастать и увеличиваться; изъ казны не было ассигновано суммъ на народныя училища, а мѣстныя для того средства были совершенно недостаточны.

Подводя итоги этому сравненію и не жертвуя историческою истиною въ угоду ложнаго патріотизма, мы должны сознаться, что учебная реформа проведена была и исполнена въ Австріи основательнѣе, нежели въ Россіи, и что, заимствовавъ ее изъ этой страны, слѣдовало бы взять ее вполнѣ и примѣнить всецѣло; тогда и результаты ея были бы плодотворнѣе. Соображая сдѣланныя отъ нея отступленія, нельзя не замѣтить, что въ нихъ-то именно и заключалась слабость новыхъ правилъ, и нельзя не оцѣнить вѣрнаго взгляда академика Эпинуса, который задолго предъ тѣмъ настаивалъ на томъ, чтобы была принята вполнѣ австрійская система, безъ всякихъ измѣненій, чтобы учреждены были нѣсколько учительскихъ семинарій, и, на первое время, безотлагательно, по крайней мѣрѣ четыре въ главныхъ городахъ, чтобы духовенство непремѣнно привлечено было къ дѣлу народнаго образованія,

и чтобы на содержаніе училищъ назначены были правительствомъ значительныя суммы. Тѣ же убѣжденія сохранилъ Эпинусъ и при разсмотрѣніи Положенія 1786 года; онъ, какъ бы нехотя, подписалъ его, съ оговоркою, что мнѣніе его достаточно извѣстно, потому что оно напечатано.

По прошествіи болѣе двухъ лѣтъ со времени открытія училищъ въ 25 губерніяхъ, комиссія въ началѣ 1789 года нашла своевременнымъ командировать причисленнаго къ ней Козодавлева, для осмотра училищъ, въ слѣдующія десять губерній: Новгородскую, Тверскую, Московскую, Тульскую, Калужскую, Владимирскую, Ярославскую, Вологодскую, Рязанскую и Тамбовскую. Козодавлеву данъ былъ подробный „наказъ“ на эту командировку. Козодавлевъ осматривалъ училища съ февраля по августъ, и представилъ отчетъ о ихъ состояніи, а также и нѣкоторыя свои предположенія объ ихъ улучшеніи. Въ этомъ отчетѣ всего замѣчательнѣе заявленіе Козодавлева, что курсъ главныхъ народныхъ училищъ слишкомъ высокъ для потребностей городского общества, почему немногіе ученики остаются въ высшихъ ихъ классахъ. „Во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ найдено мною“, писалъ Козодавлевъ, „что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными или, по крайней мѣрѣ, не нужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однако жъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы, слѣдственно главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы“.

Комиссія не обратила однакожъ вниманія на это столь существенно важное указаніе Козодавлева. По отчету же его послѣдовало слѣдующее ея распоряженіе: „Всѣ осматриванныя имъ главныя въ ихъ губерніяхъ училища найдены имъ со сто-

роны ученія во всякой исправности, вездѣ успѣхи ученія изрядные. Между сими училищами однако жъ отличаются благосостояніемъ своимъ училища: Новгородскія и Тверскія, Рязанскія и Тамбовскія, а за оными Ярославскія и Вологодскія, изъ коихъ училища въ первыхъ четырехъ губерніяхъ, т.-е. Новгородской, Тверской, Рязанской и Тамбовской, не имѣя ни въ чемъ недостатка, назваться могутъ совершенными; что училища Московскія, хотя по части учебной другимъ не уступаютъ, но терпятъ недостатки по части хозяйственной, въ разсужденіи тѣсноты и худого ихъ расположенія, учители оныхъ мало ободряемы, и училищъ, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по городамъ уѣзднымъ заведено число малое и не соотвѣтствующее ни пространству столицы, ни знатности губерніи". Комиссія положила довести объ этомъ до свѣдѣнія государыни, отдавъ справедливость усердію генералъ-губернаторовъ Новгородскаго и Тверского Николая Петровича Архарова и Рязанскаго и Тамбовскаго Ивана Васильевича Гудовича, „изъ коихъ у перваго", — сказано въ журналѣ, — „по губерніи Новгородской является изъ всѣхъ, выключая многолюдство столицъ, самое большое число училищъ, заведенныхъ у него по всѣмъ уѣзднымъ городамъ сея губерніи, замѣтивъ, что сего и въ губерніи Московской, изъ всѣхъ богатѣйшей, нѣтъ, ибо тутъ едва и въ половинѣ городовъ училища заведены, да что и заведенные въ Москвѣ не самымъ лучшимъ образомъ содержатся".

На малоуспѣшность устройства народныхъ училищъ въ Московской губерніи императрица указала Московскому главнокомандующему Еропкину въ рескриптѣ отъ 3 ноября 1788 года: „изъ вѣдомости, представленной намъ отъ комиссіи о народныхъ училищахъ" — писала она — „видимъ мы, что въ Московской губерніи въ нѣсколькихъ только городахъ народныя училища заведены, да и то въ самой столицѣ и во всѣхъ частяхъ оныя открыты, малое же число учениковъ ни пространству, ни многолюдству того города не соотвѣтствуетъ, сравнивая особливо съ здѣшнею столицею, гдѣ оное едва не четверократно превосходитъ".

Осмотръ училищъ Козодавлевымъ былъ единственнымъ, предпринятымъ по порученію комиссіи.

Изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что существенные недостатки въ новомъ устройствѣ учебной части заключались: 1) въ несоотвѣтственности мѣстнаго учебнаго управленія, ввѣ-

реннаго администраціи, настоятельнымъ потребностямъ учебнаго дѣла, 2) въ необезпеченности содержанія училищъ и учителей, 3) въ совершенномъ устраненіи духовенства отъ религіозно-нравственнаго образованія народа, 4) въ недостаточности одной учительской семинаріи, къ тому же постепенно ухудшавшейся, на всѣ главныя училища, которыя, въ противность кореннымъ педагогическимъ правиламъ, должны были приготовлять сами себѣ учителей изъ своихъ же учениковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что курсъ главныхъ народныхъ училищъ, какъ справедливо указывалъ Козодавлевъ, превышалъ образовательныя потребности тогдашняго городского общества, для котораго весьма достаточно было однихъ такъ называемыхъ малыхъ училищъ; это вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія только малыя училища оставлены были, какъ начальныя училища для народа, съ переименованіемъ ихъ въ приходскія и уѣздныя, а главныя народныя училища, для коихъ народъ еще не дорось, обращены были въ среднія учебныя заведенія; ошибка была въ *степени* училищъ: въ томъ, что они поставлены не въ ту категорію, въ которой слѣдовало бы имъ находиться, по потребностямъ и образованности страны. Совершенно противоположное явленіе видимъ въ современной Австріи: тамъ среднія учебныя заведенія, правда плохія, такъ называемыя латинскія школы іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ, низведены были въ высшія народныя, чѣмъ возвышенъ уровень начальнаго образованія до степени тогдашнихъ мѣстныхъ потребностей этого государства, значительно превышавшихъ наши нужды въ просвѣщеніи, отчего, однако, нисколько не пострадало научное классическое образованіе; напротивъ того, очистившись отъ негодной примѣси, оно укрѣпилось и развилось въ правильно устроенныхъ гимназіяхъ.

Но всѣ эти недостатки и погрѣшности нашихъ народныхъ училищъ, какъ они ни существенны, были однако поправимы, какъ время это и доказало, и не могутъ умалить высокаго значенія просвѣщенной мысли Екатерины, обобщить народное образованіе, распространить его на всю страну.

Въ царствованіе императрицы Екатерины учреждено было 223 учебныхъ заведеній. Изъ двухъ пунктовъ — Петербурга и Москвы — народное образованіе выведено было на широкое пространство громадной имперіи. Съ теченіемъ времени учи-

тельская семинарія возвысилась до Педагогическаго института, а главныя народныя училища возросли до степени гимназій, что дало учебному вѣдомству возможность наполнить учащими и учащимися учрежденные въ началѣ этого столѣтія, при существованіи тогда только трехъ гимназій, два университета, Харьковскій и Казанскій, а впослѣдствіи и Петербургскій.

Такимъ образомъ, сѣмена образованія, брошенные въ русскую почву умѣлою и твердою рукою Екатерины, принесли плоды въ просвѣтительное царствованіе Александра I. Екатерининская учебная реформа была не только однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣяній ея царствованія, но, можно сказать, *началомъ* народнаго просвѣщенія въ Россіи, въ обширномъ значеніи этого слова. *Толстой.*

Педагогическая дѣятельность Янковича де Міріево.

Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де Міріево былъ однимъ изъ главнѣйшихъ и неутомимѣйшихъ сотрудниковъ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Императрица Екатерина II, ясно сознававшая, какъ несовершенно было существованіе народныхъ школъ въ имперіи, указомъ 7-го сент. 1782 г. составила комиссію объ учрежденіи народныхъ школъ въ Россіи. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, впослѣдствіи графъ и первый министръ народнаго просвѣщенія, а членами комиссіи дѣйствительные статскіе совѣтники: Ф. И. Эпинусъ, наставникъ и преподаватель математики и физики при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, и П. И. Пастуховъ, состоявшій при комиссіи по принятію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Въ помощь имъ, по волѣ императрицы Екатерины и рекомендаціи австрійскаго императора Іосифа II, былъ вызванъ директоръ Темешварскихъ училищъ въ Венгріи, Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де Міріево, какъ лицо практически знакомое съ организаціей австрійскихъ нормальныхъ училищъ и пріобрѣтшее уже извѣстность въ Австріи своею педагогическою и административною дѣятельностью въ организаціи народнаго образованія въ своемъ отечествѣ.

Задачи комиссіи были многосложны и новы: она должна была составить учебныя книги, завести школы по всей имперіи, приготовить учителей соотвѣтственно новымъ педагогическимъ и дидактическимъ требованіямъ и выработать уставъ народныхъ училищъ. Приложеніе новой системы образованія положено было начать на первыхъ порахъ съ Петербурга. Очевидно, для выполненія такихъ многосложныхъ задачъ требовались и лица, не только образованныя и теоретики, но и практики, уже зарекомендовавшіе себя въ организаціи народнаго образованія. Такимъ лицомъ и былъ Ѳ. И. Янковичъ де Миріево.

Біографическія свѣдѣнія о Ѳ. И. Янковичѣ де Миріево очень скудны и ограничиваются почти только извѣстіями объ офиціальной его дѣятельности по устроенію народнаго образованія.

Родился Ѳ. И. Янковичъ въ 1741 г. въ Каменицѣ-Сремской, мѣстечкѣ, близъ Петервардейна (главный городъ Славоніи, на правомъ берегу Дуная). Окончательное образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ юриспруденцію и камеральныя науки, чѣмъ отчасти и объясняется его любовь къ реальнымъ наукамъ, отразившаяся въ его взглядѣ на сущность народнаго образованія. Въ 1773 г. онъ былъ опредѣленъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ банатѣ (часть нижней Венгріи, по Дунаю, Тиссѣ, Керету и Марошу, съ главнымъ городомъ Темешваромъ). Педагогическая дѣятельность Янковича обратила на него вниманіе правительства, и императрица Марія Терезія въ 1774 году, въ самый разгаръ учебной реформы въ Австріи, пожаловала его дворянскимъ достоинствомъ Австрійской имперіи, съ присовокупленіемъ къ его фамиліи названія де Миріево. Фамилія Янковичей была одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ, владѣвшихъ селомъ Миріево, близъ Бѣлграда, переселившихся изъ Сербіи въ XV в. въ Венгрію, когда турки овладѣли Сербіей. Исповѣдывали Янковичи православную вѣру, и Ѳ. И. Янковичъ отлично владѣлъ русскимъ языкомъ. Послѣднія два преимущества Янковича весьма много вліяли на приглашеніе его русскимъ правительствомъ поступить въ русскую службу по части народнаго просвѣщенія. Послѣднія два преимущества императрица Екатерина II весьма цѣнила, какъ видно изъ письма ея

къ Гримму въ ноябрѣ 1782 г.: „Учрежденныя мною нормальныя школы такъ хорошо пошли, что здѣсь (въ Петербургѣ) обучаются двадцать учителей, благодаря братцу Іосифу (императору австрійскому), который снабдилъ меня фактотутомъ, основавшимъ уже сто школъ. Онъ исповѣдуетъ православную вѣру и говоритъ по-русски, какъ я, или даже лучше меня“ [1]).

Призванный въ Россію императрицею Екатериной, по рекомендаціи императора Іосифа II, Ѳ. И. Янковичъ де Мириево въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ неутомимо трудился на пользу народнаго просвѣщенія въ Россіи, сначала въ званіи директора народныхъ училищъ съ 1 января 1783 г. по 27 авг. 1784 г., когда преемникомъ его былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ Осипъ Козодавлевъ, которому по именному указу 13 авг. 1784 г. повелѣвалось „быть въ вѣдомствѣ комиссіи для употребленія его къ дѣлу по разсмотрѣнію ея“ [2]).

По званію директора народныхъ училищъ Петербургской губерніи, онъ одновременно состоялъ и директоромъ Главнаго народнаго училища, торжественно открытаго въ Петербургѣ 13-го декабря 1783 г., съ учительской семинаріей при немъ, организованной въ учебно-воспитательномъ отношеніи самимъ же Ѳ. И. Янковичемъ де Мириево. Въ званіи директора Главнаго народнаго училища, съ учительской семинаріей при ономъ, Янковичъ состоялъ по 27 мая 1785 г., когда управленіе главнымъ училищемъ, для облегченія Янковича, обремененнаго многосложными дѣлами по части народнаго образованія, было возложено на Козодавлева, директора народныхъ училищъ Петербургской губерніи. Съ 1785 г., состоя въ вѣдомствѣ комиссіи, то въ качествѣ ученаго чиновника комиссіи училищъ, то члена комиссіи, Янковичъ неутомимо продолжалъ трудиться на пользу народнаго просвѣщенія въ Россіи: составлялъ наказы и проекты по учебной части, присутствовалъ при общихъ разсужденіяхъ комиссіи о народномъ образованіи, сносился съ приказами, составлялъ и переводилъ учебники, экзаменовалъ лицъ на званіе учителей народныхъ училищъ, обозрѣвалъ училища, слѣдилъ за учебно-воспита-

1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, акад. Я. К. Грота, статья вторая, Сборникъ Академіи. т. XXI.

2) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, Сборникъ Академіи, т. XXXI, стр. 38—39.

тельною частью въ устроенной имъ учительской семинаріи, составлялъ общіе отчеты о состояніи училищъ въ имперіи. Въ 1802 г., по образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, Янковичъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Правленія училищъ, состоявшаго при Министерствѣ, въ помощь для управленія общими дѣлами. Въ званіи члена Главнаго Правленія училищъ онъ состоялъ вмѣстѣ съ сочленомъ по бывшей комиссіи Пастуховымъ и съ вновь назначенными членами Главнаго Правленія училищъ, извѣстными въ отечественной исторіи, между прочимъ: М. Н. Муравьевымъ и Н. Н. Новосильцовымъ, впослѣдствіи графомъ. Многое изъ того, что выходило подъ видомъ коллективнаго труда членовъ комиссіи или Главнаго Правленія училищъ, было въ сущности дѣломъ Янковича, такъ, напр.: уставъ народныхъ училищъ 1786 г., изданіе учебниковъ и учебныхъ пособій, разнаго рода наказы по учебной части и проч.

Императрица Екатерина II, признательная къ его заслугамъ, пожаловала ему въ 1784 г. прямо чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ Владиміра 4 степени, а въ 1798 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ производствомъ, сверхъ получаемаго жалованья, по 2 тыс. р. ежегоднаго пансіона изъ суммъ комиссіи народныхъ училищъ. Помимо прямыхъ обязанностей по званію директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, директора Главнаго народнаго училища съ семинаріей и другихъ трудовъ по званію ученаго чиновника при комиссіи и Главнаго Правленія училищъ, Янковичъ, по порученію императрицы Екатерины, издалъ второе изданіе Сравнительнаго словаря императрицы Екатерины*), усовершенствованное и пополненное недоставшими въ первомъ изданіи языками Африки и Америки. Кромѣ того, еще въ 1783 г., когда состоялось открытіе Россійской Академіи, Янковичъ числился членомъ Россійской Академіи.

Чрезмѣрные труды, понесенные Янковичемъ на пользу

*) Первое изданіе этого словаря, подъ редакціей Палласа, вышло въ 1787 г. подъ заглавіемъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіятскіе языки. Часть первая. въ С.-Петербургѣ печатано въ типографіи Шнорра 1787 г.“ Словарь былъ напечатанъ въ числѣ 500 экземпляровъ и не былъ предназначенъ для продажи.

народнаго просвѣщенія въ Россіи, надломили его здоровье, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ страдалъ совершеннымъ истощеніемъ физическихъ и умственныхъ силъ. Умеръ Ѳ. И. Янковичъ де Мириево 22 мая 1814 г. Прахъ его погребенъ въ С.-Петербургѣ, на Александро-Невскомъ кладбищѣ. Какъ благотворна была его педагогическая дѣятельность въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ Россіи, можно судить по вышеприведенному письму императрицы Екатерины къ Гримму.

Изъ многосложной и разнообразной дѣятельности комиссіи училищъ остановлюсь преимущественно на тѣхъ ея актахъ, выполненіе которыхъ выпало на долю Янковича.

Учреждая воспитательныя заведенія для особой цѣли, императрица Екатерина приступила къ устройству народнаго образованія учрежденіемъ народныхъ школъ для всѣхъ сословій государства. Первымъ офиціальнымъ актомъ ея заботливости объ учрежденіи народныхъ школъ въ Россіи служитъ ея распоряженіе, въ учрежденіи объ управленіи губерній, объ открытіи народныхъ школъ по всѣмъ городамъ и многолюднымъ селеніямъ. Заботы объ открытіи народныхъ училищъ возложены были на приказы общественнаго призрѣнія „*для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, чтобы неимущіе могли учиться безъ платежа, а имущіе за умѣренную плату*“. Предметы ученія положены: русское чтеніе, письмо, катехизисъ, ариѳметика и рисованіе. Такимъ образомъ ученіе на первый разъ ограничивается пятью учебными предметами, необходимыми для каждаго гражданина, и школьное ученіе предоставляется доброй волѣ желающихъ обучаться въ школѣ. Желая быть примѣромъ для своихъ подданныхъ въ устройствѣ народныхъ школъ, императрица на счетъ собственнаго кабинета учредила въ 1781 г. Исакіевское народное училище. Примѣръ, поданный императрицею, не остался безъ благихъ послѣдствій, и къ концу 1781 г. приказъ имѣлъ капиталъ до 32 тыс. рублей. Въ томъ же 1781 г. были открыты въ Петербургѣ еще 6 училищъ: Вознесенское, Владимирское, Симеоновское, Андреевское, Введенское, Самсоньевское. Но учебная часть не была устроена: не было хорошо подготовленныхъ учителей, не было учебныхъ руководствъ и учебныхъ пособій; ученики не были раздѣлены на классы и учились всѣ вмѣстѣ. Устройство учебной части въ народныхъ школахъ поручено было комиссіей Ѳ. И. Янковичу де Мириево, какъ лицу, вполнѣ знающему это дѣло.

По собственному имъ плану, народныя школы въ учебномъ отношеніи были раздѣлены на три разряда: 1) малыя (или двухклассныя), 2) среднія (или трехклассныя), 3) главныя (или четырехклассныя). Предметами обученія въ первыхъ училищахъ были: чтеніе и письмо, основанія ариѳметики, знаніе церковныхъ и римскихъ чиселъ, катехизисъ (сокращенный), священная исторія (сокращенная), первоначальныя правила русской грамматики и рисованіе. Курсъ ученія во 2-мъ классѣ заканчивался чтеніемъ „Книги о должностяхъ человѣка и гражданина“, вѣроятно составленной самимъ же Янковичемъ. Предметы обученія въ училищахъ второго разряда были тѣ же, что и въ училищахъ перваго разряда, и только въ третьемъ классѣ полагались пространный катехизисъ, чтеніе и изъясненіе Евангелія, всеобщая исторія, всеобщая и русская географія и русская грамматика съ упражненіями въ правописаніи. Въ училищахъ третьяго разряда, кромѣ учебныхъ предметовъ трехклассныхъ училищъ, въ четвертомъ классѣ полагались математическая географія съ задачами на глобусѣ, основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи, архитектуры и русская грамматика съ упражненіями въ составленіи сочиненій, употребляемыхъ въ общежитіи, какъ-то: писемъ, счетовъ, расписокъ и т. п. Кромѣ того, императрица повелѣла ввести въ главныхъ народныхъ училищахъ (четырехклассныхъ) преподаваніе латинскаго языка и одного изъ сосѣднихъ иностранныхъ языковъ, напр. нѣмецкаго — въ губерніяхъ ближайшихъ къ прибалтійскимъ, греческаго — въ южныхъ губерніяхъ. Французскій же языкъ, указомъ 27 сент. 1783 г., былъ предоставленъ домашнему ученію. Всѣ эти учебные предметы вошли въ уставъ народныхъ училищъ, Высочайше утвержденный 5 авг. 1786 года*). Изъ перечня учебныхъ пред-

*) Среднія училища, или трехклассныя, хотя и возникали, напр. Андреевское и Владимирское въ С.-Петербургѣ, но, какъ переходныя, не могли долго существовать и по уставу 1786 г. оставлены два разряда училищъ: главныя народныя училища, или четырехклассныя съ пятилѣтнимъ курсомъ ученія, и малыя народныя училища съ двухгодичнымъ курсомъ ученія. Въ каждомъ главномъ училищѣ по уставу должны „приготовляться къ учительскимъ должностямъ желающіе быть въ малыхъ училищахъ учителями. Въ главныхъ училищахъ преподавался и латинскій языкъ „для желающихъ продолжать въ высшихъ училищахъ, какъ-то: въ гимназіяхъ или университетахъ, и сверхъ того, ученіе того иностраннаго языка, какой по сосѣдству намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе, по употребленію его въ общежитіи“. § 11 устава.

метовъ видно, что Янковичъ имѣлъ въ виду реальное направленіе народнаго образованія: сообщеніе такихъ только знаній, которыя необходимы каждому гражданину въ общежитіи. Эта же мысль выражена и въ уставѣ народныхъ училищъ 1786 г. „Воспитаніе, склоняя волю къ дѣланію добра, руководствуетъ къ жизни добродѣтельной и напояетъ человѣка такими понятіями, которыя ему въ общежитіи нужны". Образцомъ такого устройства народныхъ школъ въ учебномъ отношеніи послужили Янковичу непосредственно ему знакомыя австрійскія школы, реформированныя въ правленіе Маріи Терезіи. Но для успѣшнаго выполненія задачи народныхъ училищъ, какъ уже существовавшихъ, такъ и предположенныхъ къ открытію въ имперіи, нужны были хорошо подготовленные учителя, нужны были учебныя руководства и учебныя пособія. Обѣ эти задачи были возложены комиссіей на Янковича.

Еще до открытія въ Петербургѣ главнаго народнаго училища комиссія поручила Янковичу приготовить молодыхъ людей, вызванныхъ изъ духовныхъ семинарій, къ занятію учительскихъ должностей въ предполагаемыхъ къ открытію въ столицѣ и уѣздныхъ городахъ С.-Петербургской губерніи народныхъ училищахъ. Въ теченіе 1782 и 1783 г. онъ успѣлъ приготовить 65 учителей, соотвѣтственно тогдашнимъ требованіямъ дидактики и педагогики. Всѣ они были помѣщены на частныхъ квартирахъ, близъ Исакіевскаго училища, и содержаніе ихъ было возложено на приказъ общественнаго призрѣнія. Но для обезпеченія народныхъ училищъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ имперіи хорошо подготовленными учителями потребовалось учрежденіе особаго института учителей. Такимъ институтомъ было Главное народное училище съ учительской семинаріей при немъ, торжественно открытое, въ присутствіи членовъ училищной комиссіи, 13 декабря 1783 г.

Главное училище помѣщалось тогда въ Щукиномъ домѣ, купленномъ въ казну отъ купца Щукина и отданномъ императрицею въ вѣдомство комиссіи училищъ. Впослѣдствіи, въ 1794 г., учительская семинарія была переведена на Васильевскій островъ, въ домъ нынѣшней Ларинской гимназіи. При Главномъ училищѣ, кромѣ приходящихъ учениковъ, положено было содержать и обучать на казенномъ иждивеніи не менѣе 100 человѣкъ для приготовленія ихъ къ занятію учительскихъ должностей. Предметы ученія были тѣ же самые, которые, по

плану Янковича, предполагались для училищъ третьяго разряда (или четырехклассныхъ), но готовившимися къ занятію учительскихъ должностей учебные предметы проходились въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, подъ руководствомъ профессоровъ; кромѣ того, такіе молодые люди должны были учиться методикѣ преподаванія предметовъ и разнымъ учительскимъ обязанностямъ: составленію рапортовъ, веденію списковъ и т. п. Для преподаванія наукъ въ низшихъ классахъ были назначены учителями молодые люди, приготовленные Янковичемъ, а для преподаванія наукъ въ высшихъ классахъ были приглашены комиссіей профессора. Воспитанники семинаріи учились вмѣстѣ съ приходящими учениками. Для болѣе яснаго усвоенія семинаристами изучаемыхъ предметовъ, Янковичемъ были введены репетиціи подъ руководствомъ репетиторовъ, избранныхъ самимъ же Янковичемъ изъ отличнѣйшихъ по способностямъ и успѣхамъ семинаристовъ. Подъ руководствомъ репетиторовъ семинаристы ежедневно повторяли лекціи профессоровъ. Для навыка же въ преподаваніи семинаристы давали уроки въ малыхъ народныхъ школахъ, за отсутствіемъ учителя по какой-либо причинѣ. Для практики воспитанниковъ въ иностранныхъ языкахъ и для распространенія ихъ знаній по исторіи, географіи и другихъ наукъ, по мысли Янковича, выписывались въ семинарію газеты: Гамбургскія и Геттингенскія вѣдомости на нѣмецкомъ языкѣ, Лейпцигскія на латинскомъ, С.-Петербургскія и Московскія на русскомъ языкѣ. Любовь воспитанниковъ семинаріи къ научнымъ занятіямъ выразилась въ предпринятомъ ими съ 1 апрѣля 1784 г. ежемѣсячномъ изданіи, подъ названіемъ: „Растущій Виноградъ“.

Ближайшій надзоръ за нравственностью и внутреннимъ порядкомъ въ заведеніи былъ возложенъ на смотрителя училища.

Императрица, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдившая за успѣхами Главнаго училища съ учительской семинаріей при немъ, 21 янв. 1785 г. удостоила училище своимъ посѣщеніемъ. Комиссія въ память этого Высочайшаго посѣщенія постановила прибить мраморную доску къ стѣнѣ залы съ надписью: „*и посѣти вертоградъ сей, его же насади десница твоя*“.

Въ теченіе всего 18-лѣтняго существованія учительская семинарія приготовила свыше 400 учителей для народныхъ училищъ. Закрыта была учительская семинарія въ 1801 г., такъ какъ по уставу народныхъ училищъ 1786 г. въ каждомъ глав-

номъ народномъ училищѣ должны были „пріуготовляться къ должностямъ учительскимъ желающіе быть въ таковыхъ училищахъ учителями“ (§ 10).

Другимъ важнѣйшимъ актомъ дѣятельности Янковича для народнаго образованія въ Россіи было, по порученію училищной комиссіи, ближайшее наблюденіе за изданіемъ учебниковъ, учебныхъ пособій для народныхъ училищъ и введеніе новаго способа ученія.

Наибольшая часть учебниковъ и учебныхъ пособій была составлена самимъ же Янковичемъ; значительная часть учебниковъ была имъ передѣлана съ австрійскихъ примѣнительно къ русскимъ школамъ.

Но какъ бы ни были хорошо составлены учебники, они еще не принесутъ существенной пользы учащимся, если учитель не сумѣетъ разумно пользоваться учебникомъ. Поэтому Янковичемъ было обращено особенное вниманіе на разумное преподованіе учебныхъ предметовъ. Наставленіе, какъ вести изученіе учебнаго предмета и на что слѣдуетъ преимущественно обращать вниманіе при преподаваніи, заключается какъ въ руководящихъ вопросахъ, приложенныхъ къ учебнымъ книгамъ, изданнымъ училищной комиссіей, такъ и въ руководствѣ учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ*). Введеніе новаго способа обученія въ народныхъ школахъ составляетъ громадную заслугу Янковича въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Отмѣтимъ главнѣйшія пріемы этой новой методы ученія.

Сущность новаго учебнаго способа заключалась въ „*совокупномъ наставленіи, совокупномъ чтеніи, изображеніи чрезъ начальныя буквы, въ таблицахъ и вопрошеніи.*“

Подъ совокупнымъ наставленіемъ и совокупнымъ чтеніемъ разумѣется обученіе учениковъ класса или отдѣленія всѣхъ вмѣстѣ, а не по одиночкѣ, какъ это было прежде, для того чтобы они всѣ были внимательны къ тому, что учитель говоритъ, спрашиваетъ или пишетъ. Для соблюденія порядка при совокупномъ наставленіи ученики были раздѣлены на отдѣленія, по которымъ ихъ поперемѣнно должно было учить; напр., всѣ тѣ принадлежали къ одному отдѣленію, которые

*) Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ Россійской имперіи, изд. 2-е, 1789 г.

учились одному чему-нибудь: буквамъ, складамъ, чтенію и пр. Дѣлились ученики и по своимъ успѣхамъ. Когда одинъ ученикъ писалъ или отвѣчалъ, то всѣ прочіе должны были читать за нимъ про себя и быть готовы къ отвѣту. Учитель долженъ былъ выговаривать слова громко, плавно, ясно, „глаза обращать всюду и ходить около всѣхъ учениковъ, дабы видѣть, всѣ ли прилежно его слушаютъ и дѣло свое исполняютъ“. Особенное же вниманіе онъ долженъ обращать на слабыхъ учениковъ и заставлять ихъ чаще отвѣчать. „Но дабы сіи его долго не задерживали, то можетъ онъ продолжать далѣе, есть-ли по малой мѣрѣ двѣ трети учениковъ предъидущее совсѣмъ поняли“. При упражненіи въ чтеніи каждая статья сперва громко прочитывалась учителемъ или однимъ изъ учениковъ, а потомъ читали ее попеременно, то всѣ ученики вмѣстѣ, то поклассно, то нѣкоторые порознь. При чтеніи особенное вниманіе обращалось на правильность произношенія и паузы. По прочтеніи статьи нѣсколько разъ, учителемъ давались вопросы, касавшіеся той же статьи, но только другими словами.

Очевидно, при совокупномъ наставленіи въ чтеніи и письмѣ, имѣлось въ виду достигнуть того, чтобы ученики одного и того же класса или отдѣленія, занятые однимъ и тѣмъ же предметомъ, не развлекались постороннимъ дѣломъ, чтобы учитель заразъ владѣлъ вниманіемъ всѣхъ учениковъ, и чтобы самое ученіе сдѣлать легкимъ и пріятнымъ.

„Изображеніе чрезъ начальные буквы“ состояло въ написаніи на черной доскѣ словъ и рѣчей наизусть только первыми буквами перваго слова. При этомъ пріемѣ учитель долженъ былъ сначала сказать словъ пять-шесть изъ того, что слѣдовало заучить наизусть, сказанное повторить нѣсколько разъ, а потомъ написать на доскѣ первыя буквы каждаго слова, напр.: *Вѣрую во единаго Бога Отца, В в е Б О.* Писать надо было начальную букву того именно слова, которое выговаривалось. Потомъ учитель долженъ былъ заставлять учениковъ, то всѣхъ вмѣстѣ, то порознь, выговаривать написанное на доскѣ чрезъ начальныя буквы столько разъ, сколько потребуется, пока большая часть учениковъ не заучитъ наизусть, что было написано на доскѣ. Тогда уже можно было стереть нѣкоторыя буквы и заставлять дѣтей опять сказывать наизусть, что было написано, и если многіе изъ учениковъ еще ошибались, то надобно было то же самое еще написать или учи-

телю, или одному изъ искусныхъ учениковъ. Польза этого пріема опредѣляется такъ: „Симъ выгоднымъ средствомъ ученія можно дѣтямъ вперить въ одну четверть часа болѣе, нежели инако въ цѣлый день, и притомъ самымъ легкимъ образомъ. Дѣти научаются всему, такъ сказать, играючи. Дѣти становятся отъ того внимательны“...

Ученіе посредствомъ таблицы опредѣляется такъ: „Таблица не что иное есть, какъ выписка, или краткое содержаніе какого ни на есть сочиненія или книги, въ которомъ всѣ главныя части, отдѣленія и сихъ раздѣленія такъ представлены, что всѣ въ надлежащемъ соединеніи легко и удобно видѣть можно“. Таблицы должны были содержать только существенное и главное; онѣ должны быть порядочны, и части должны въ нихъ слѣдовать одна за другою въ естественномъ порядкѣ и быть связны; но слѣдовало избѣгать излишнихъ раздѣленій. При составленіи таблицы учитель долженъ былъ пользоваться условными знаками, какъ-то: римскими числами, большими буквами, обыкновенными числами, малыми буквами, а послѣднія буквы и числа употреблялись еще то съ одною скобкою, то съ двумя, какъ-то:

I. А. 1. а. 1) а) (1) (а)
II. Б. 2. б. 2) а) (2) (б)

Главныя отдѣленія и ихъ раздѣленія различались еще то большею, то меньшею уступкою строкъ. Учитель долженъ былъ знать на память совершенно содержаніе той таблицы, которую онъ написать хотѣлъ. Сначала онъ долженъ написать предметъ, а потомъ его главныя части одну за другою. Когда всѣ статьи первой главной части ученикамъ вразумлены, то для полученія на доскѣ мѣста, всѣ раздѣленія слѣдовало стереть, и написать потомъ статьи слѣдующей главной части. Польза этого пріема ученія опредѣляется такъ: „Содержаніе обширнаго предмета можетъ посредствомъ оныхъ (таблицъ) представлено быть на весьма маломъ пространствѣ и въ знатнѣйшихъ своихъ частяхъ обозрѣно единымъ взглядомъ. Таблицы привязываютъ учителя къ порядку, дабы онъ отъ одной части переходилъ къ другой въ надлежащую пору, не предъявлялъ бы ничего ни рано, ни поздно, не вмѣшивалъ ничего посторонняго и ничего не пропускалъ“. По отношенію къ ученикамъ польза таблицъ опредѣляется такъ: „Порядокъ

частей ихъ и соединеніе представляется чувственнымъ образомъ и потому лучше впечатлѣвается въ разумѣ и памяти учениковъ... Наипаче въ школахъ употребляется таблица (со скобками), дабы вперить въ понятіе юношества, какъ совокупность всего предмета, такъ и связь частей". Пріемъ изображеній чрезъ начальныя буквы и пріемъ таблицъ по преимуществу рекомендовался въ томъ случаѣ, когда въ школѣ не доставало книгъ.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ и безспорно полезныхъ пріемовъ новаго способа ученія былъ пріемъ вопрошенія. Этотъ пріемъ опредѣляется такъ: „Вопрошеніе есть, когда учитель учениковъ о какой ни есть вещи спрашиваетъ, дабы узнать, поняли ли они ее". Отъ учителя по этому пріему ученія требовалось, чтобы онъ самъ ясно и обстоятельно зналъ предметъ ученія; онъ не долженъ былъ ограничиваться только тѣми вопросами, которые содержались въ учебной книгѣ, но долженъ былъ отъ себя давать пристойные вопросы. Длинныя статьи, по этому пріему, требовалось дѣлить на части и вопросы располагать съ великимъ благоразуміемъ, и притомъ давать вопросы сначала лучшимъ ученикамъ, потомъ посредственнымъ и, наконецъ слабымъ. Вопросы должны быть кратки, опредѣленны, безъ возношеній (высокопарности), составлены изъ словъ извѣстныхъ и изъ словъ, взятыхъ въ смыслѣ обыкновенномъ, а не иносказательномъ. Ученики должны были отвѣчать не *да* и не *нѣтъ*, но полною рѣчью. Отвѣты своими словами предпочитались отвѣтамъ, какіе находились въ книгахъ. Если отвѣты неисправны, то учитель долженъ былъ погрѣшности исправлять, различая погрѣшности въ *дѣлѣ* самомъ отъ погрѣшностей въ *словахъ*. Въ первомъ случаѣ ученикъ или ничего не отвѣчаетъ, или недостаточно отвѣчаетъ, или лишнее отвѣчаетъ, или же ложно отвѣчаетъ.

1) „Когда ребенокъ *ничего* не отвѣчаетъ, то долженъ учитель напомнить ему что-нибудь такое, что бы имѣло связь съ требуемымъ отвѣтомъ; буде же не послѣдуетъ и тогда никакого отвѣта, то долженъ онъ отвѣтъ превратить въ вопросъ и смотрѣть, будетъ ли ученикъ отвѣтствовать справедливо, по крайней мѣрѣ чрезъ *да* или *нѣтъ*: тогда раздроби дѣло или скажи ему объ ономъ коротко и спрашивай снова".

2) „Когда ребенокъ *недостаточно* отвѣчаетъ, то недостатокъ извлечь должно новымъ вопросомъ. При семъ случаѣ

не долженъ учитель сказывать ученику скоро, что не достаетъ, но заставлять его подумать".

3) „Когда ребенокъ *лишнее* отвѣчаетъ, то долженъ учитель дать ученику подумать, спрашивалъ ли онъ его о томъ, что онъ сказалъ ему лишнее, и потомъ заставить его отвѣчать снова съ упущеніемъ лишняго".

4) „Когда ребенокъ *ложно* отвѣчаетъ, то надобно дѣлать новые вопросы другими словами и отвѣдывать, не можно ли будетъ получить отвѣтъ вѣрнѣе; есть ли не удастся, то долженъ учитель неправость онаго ученику показать или сдѣлать новый вопросъ и заставить ученика отвѣчать справедливѣе".

Относительно погрѣшностей въ словахъ отмѣтимъ важнѣйшіе совѣты, имѣющіе значеніе и для современнаго педагога.

1) „Отвѣты *должны* быть цѣлы, т.-е. не слѣдуетъ опускать слова, для смысла нужныя".

2) „Отвѣты должны быть грамматически и стилистически правильные".

3) „Слова въ отвѣтахъ слѣдуетъ употреблять въ собственномъ знаменованіи, а не иносказательномъ, и притомъ должны быть ученику знакомыя, а не незнакомыя. Сихъ послѣднихъ учитель или совсѣмъ принимать не долженъ, или по крайней мѣрѣ испытывать напередъ, разумѣютъ ли ихъ ученики".

4) „Ошибки противъ правилъ грамматики учитель долженъ исправлять и по исправленіи заставить ученика отвѣчать еще разъ".

5) „При чужестранныхъ словахъ долженъ учитель испытывать, соединяетъ ли ученикъ съ оными надлежащій смыслъ; буде же нѣтъ, то долженъ ему оный показать".

Вообще же, при объясненіяхъ учитель долженъ избѣгать всякой пространности и долженъ говорить кратко, ясно и вразумительно; на объясненное новыхъ объясненій не дѣлать.

Польза пріема вопрошенія такъ кратко опредѣляется:

1) „Чрезъ вопрошеніе удостовѣряется учитель, что ученики истину его не только содержатъ въ памяти, но и разумѣютъ".

2) „Чрезъ вопрошеніе пріучаются ученики мыслить, разсуждать и порядочно мысли свои изъяснять".

3) „Чрезъ вопрошеніе и отвѣты дѣтей можно узнавать всѣ ложныя ихъ понятія, поселившіяся въ нихъ отъ воспитанія, всѣ предразсужденія и другія заблужденія и потомъ оныя искоренять".

Кромѣ этихъ общихъ пріемовъ ученія, въ руководствѣ учителямъ перваго и второго классовъ народныхъ училищъ и въ учебныхъ руководствахъ помѣщены частные пріемы и наставленія, которымъ учитель долженъ былъ слѣдовать при обученіи чтенію, письму, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, катехизису, правописанію. Наставленія эти, нынѣ общеизвѣстныя, въ руководствѣ перечисляются до мелочей, но они были необходимы, когда школьное дѣло у насъ только что нарождалось. Для примѣра приведемъ нѣсколько наставленій. На урокѣ чистописанія учитель долженъ былъ прежде всего осмотрѣть, такъ ли ученики сидятъ, порядочно ли держатъ перо и не слишкомъ ли глубоко обмакиваютъ перо въ чернильницу; долженъ былъ осмотрѣть, есть ли у каждаго ученика подкладка и закладка, дабы тетрадь отъ рукъ и отъ стола не маралась, близко ли лежитъ передъ всякимъ пропись его, и смотритъ ли ученикъ на оную; крѣпко ли стоятъ чернильницы. Во все время урока учитель долженъ былъ примѣчать, чтобы ученики не марали ни себя, ни товарищей, ни прописей и тетрадей, ни лавокъ или столовъ, чтобы перьевъ своихъ никуда больше не отряхивали, какъ только въ чернильницу. Правда, новый способъ ученія, введенный у насъ Янковичемъ, не принадлежитъ ему лично. Этотъ способъ былъ принятъ въ австрійскихъ школахъ въ правленіе Маріи Терезіи, и руководство учителямъ перваго и второго классовъ народныхъ училищъ есть не что иное, какъ переводъ книги „Lehre des Methodenbuches“, составленной вѣроятно аббатомъ Фельбигеромъ, который былъ приглашенъ Маріей Терезіей для преобразованія австрійскихъ школъ и состоялъ главнымъ директоромъ учебной системы въ австрійскихъ школахъ. Правда и то, что не всѣ новые пріемы ученія могли быть пригодны для школъ и способствовать умственному развитію учащихся; умъ учениковъ не возбуждался, а, напротивъ, подавлялся нѣкоторыми новыми пріемами, отличавшимися механизмомъ и характеромъ средневѣковой схоластики; но все же заслуга Янковича въ введеніи у насъ новаго способа ученія громадна: при совокупномъ наставленіи въ чтеніи и письмѣ учитель одновременно владѣлъ вниманіемъ всѣхъ учениковъ класса или отдѣленія, пріемами вопрошенія онъ способствовалъ ясному и разумному усвоенію изучаемаго учениками предмета.

Къ числу другихъ весьма важныхъ заслугъ Янковича

въ организаціи школьнаго дѣла въ Россіи относится регламентація отношеній учителя къ ученикамъ и послѣднихъ къ своему учителю, опредѣленіе обязанностей учителя, его свойствъ и качествъ и, вообще, правила школьной дисциплины. Остановимся на этихъ вопросахъ.

Учитель по своей обязанности заступаетъ мѣсто родителей и потому онъ долженъ вспомоществовать родителямъ въ наставленіи дѣтей. Онъ долженъ дѣлать ихъ благочестивыми христіанами и вѣрными сынами Церкви и отечества. Для этого онъ долженъ поощрять юношество къ соблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристойно. Не исполняя своихъ обязанностей, учитель согрѣшаетъ передъ Богомъ, правительствомъ, родителями учениковъ, дѣтьми и передъ собою.

Необходимыя качества хорошаго учителя суть: благочестіе, любовь, бодрость, терпѣніе, довольство своимъ состояніемъ и прилежаніе. Любя своихъ учениковъ, онъ долженъ обходиться съ ними съ пріязнію и скромностію, „не казать досады, когда они въ школу приходятъ или когда его предложенія не скоро уразумѣютъ“. Довольствуясь своимъ состояніемъ, онъ долженъ требовать себѣ принадлежащаго не съ грубостію, но добропорядочно; „наипаче же не долженъ поступать неистово съ бѣдными отцами и матерьми, особливо у коихъ много дѣтей“. Отличаясь прилежаніемъ по отношенію къ своимъ обязанностямъ, онъ своимъ примѣромъ дѣлаетъ и учениковъ своихъ прилежными.

Поведеніе учителя должно быть направлено къ тому, чтобы сдѣлать учениковъ ему послушными. Чтобы пріобрѣсти со стороны учениковъ послушаніе, учитель долженъ прежде всего снискать себѣ отъ нихъ уваженіе, почтеніе, любовь, подобострастіе. Послѣднее качество учениковъ по отношенію къ учителю бываетъ тогда, когда они учителя и любятъ и боятся. „Учитель пріобрѣтаетъ себѣ оное, употребляя наказаніе и строгость тогда, когда онъ любовію и добромъ учениковъ своихъ къ ученію или порядку склонить не можетъ. Подобострастіе въ ученикахъ возбуждается и сохраняется, когда учитель наказаніемъ не только грозитъ, но и дѣйствительно наказываетъ, и ежели ученикъ не унимается, то наказаніе еще умножаетъ“. Въ наставленіи о томъ, какъ пріобрѣсти учителю

подобострастіе со стороны учениковъ, сказалось вѣяніе гуманныхъ идей XVIII в. „хотя бы мнѣніе то, будто угрозами и наказаніями можно лучше всего съ дѣтьми управиться и не было ложно, но ростить тварь разумную, какъ скотъ, непристойно. Людей, если они въ поступкахъ своихъ только не упрямы и незлонравны, надобно уговаривать и наставлять на доброе представленіемъ добра съ пріязнію и любовью". Въ случаѣ же безуспѣшности всѣхъ мѣръ къ исправленію ученика, учитель долженъ былъ исключить ученика изъ школы, дабы безпутные не развращали другихъ своимъ дурнымъ поведеніемъ. Если же дурныя склонности ученика происходятъ отъ недостаточнаго распознанія добра и зла, то учитель долженъ подать ему достаточное о томъ понятіе; но если дурныя склонности ученика происходятъ отъ расположенія его ко злу, то учитель долженъ изобразить ему живо опасность оныхъ и вредныя послѣдствія.

Наставленія относительно поддержанія порядка въ школѣ и школьной дисциплины излагаются весьма подробно въ главѣ о школьномъ порядкѣ и школьной строгости. Мѣры, необходимыя для поддержанія порядка, суть слѣдующія: увѣщаніе, предостереженіе, угрозы. Въ примѣненіи ихъ учитель долженъ былъ соблюдать постепенность и сообразоваться со степенью виновности ученика.

Увѣщанія должны быть дружественны и весьма кратки, чтобы не тратить на оныя много времени, нужнаго для ученія. Смотря по свойству проступка, увѣщанія могутъ быть усиливаемы мѣстами изъ св. Писанія и соединяемы съ обѣщаніями награды. При предостереженіи учитель долженъ былъ представлять ученикамъ опасность и дурныя послѣдствія того поступка, къ исполненію котораго они уже были близки. Съ угрозами соединяется уже извѣщеніе о наказаніи, которое можетъ послѣдовать за поступкомъ.

Прибѣгая къ наказаніямъ, учитель долженъ имѣть въ виду только исправленіе учениковъ и всегда долженъ соблюдать справедливость. Въ случаѣ преступленія учитель могъ употреблять слѣдующія наказанія: лишеніе пріятныхъ вещей и устыженіе. Подъ лишеніемъ пріятныхъ вещей разумѣлось исключеніе ученика изъ игры на гульбищѣ и недопущеніе его до прочихъ ученическихъ увеселеній. Подъ устыженіемъ разумѣлось изобличеніе ученика въ проступкѣ или же громкій вы-

говоръ со стороны учителя или начальника. Въ случаѣ сноса какой-нибудь вещи, принадлежащей товарищу, или нанесенія какой-нибудь обиды слѣдовало велѣть обидѣвшему проводить обиженнаго домой, неся за нимъ его книги, „за карауломъ школьнаго сторожа, который, когда они придутъ въ домъ обиженнаго, долженъ объявить тутъ о винѣ провожатаго и заставить его просить въ проступкѣ своемъ у обиженнаго прощенія“. Тѣлесныя же наказанія были запрещены, какъ-то: ремни, палки, линейки, пощечины, толчки, кулаки, дранье за волосы, ставленіе на колѣни и дранье за уши, также всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя, названіе скотины, осла и т. п. Къ наказаніямъ слѣдовало прибѣгать только тогда, когда всѣ другія мѣры были безполезны. Они налагались только за особенно важные поступки, какъ-то: за неисполненіе установленныхъ правилъ, за обиды соученикамъ и всякіе соблазны, за непочтеніе, упрямство и непослушаніе къ начальникамъ, за дурныя слова и рѣчи и за коснѣніе во злѣ. Учитель не долженъ былъ спускать хорошимъ ученикамъ ради хорошихъ способностей; не долженъ былъ спускать и въ томъ случаѣ, когда отъ потачки своей онъ находился въ опасности потерять то уваженіе, которое ученики должны были имѣть къ нему. Но учитель не долженъ былъ наказывать своихъ учениковъ за слабоуміе, худую память и природную неспособность, за недостатки душевныя, какъ-то: робость, вѣтреность, непримѣтливость, если только она происходила не отъ нерадѣнія или шалости, также за погрѣшности, происходящія отъ тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней.

Таковы въ общихъ чертахъ ихъ наставленія, которыя были даны въ руководство учителямъ. Заслуга Янковича въ этомъ отношеніи для успѣховъ народнаго просвѣщенія въ Россіи громадна, если принять во вниманіе, что у насъ до открытія правильно организованныхъ школъ не было опредѣленныхъ пріемовъ ученія, не было опредѣленныхъ правилъ воспитанія народнаго, не было хорошо подготовленныхъ къ своему дѣлу учителей, не было признано за ними воспитательнаго значенія, не были опредѣлены обязанности народнаго учителя, какъ общественнаго дѣятеля и занимающаго опредѣленное положеніе въ государствѣ.

Кипріановъ.

Московскій благородный пансіонъ.

Лѣта, для поступленія въ пансіонъ, положены были отъ 9 до 14. Время пріема — къ началу января и августа, такъ какъ въ немъ черезъ каждые шесть мѣсяцевъ происходили домашнія испытанія и переводы оказавшихъ рѣшительные успѣхи изъ класса въ классъ, независимо отъ публичныхъ экзаменовъ и годовыхъ торжественныхъ актовъ. Размѣщеніе воспитанниковъ по комнатамъ — сообразно ихъ возрасту: *меньшіе,* или, какъ старшіе называли ихъ между собою, *маленькіе* — отъ 9 до 12 лѣтъ, въ одномъ отдѣленіи, *средніе,* отъ 13 до 15 лѣтъ, въ другомъ; *большіе,* отъ 16 до 20 и старше, когда случались, въ третьемъ. Кромѣ этихъ подраздѣленій, по возрастамъ, были еще комнаты: *отличныхъ* и *полу-отличныхъ*. Въ эти поступали уже не по лѣтамъ, а по примѣрнымъ успѣхамъ въ наукахъ, при прекраснѣйшей нравственности, благоразумномъ поведеніи и постоянной кротости. Строгою разборчивостью число отличныхъ и полу-отличныхъ было ограничено и рѣдко простиралось выше 10—12 въ комнатѣ отличныхъ и выше 15 въ комнатѣ полу-отличныхъ. Послѣдніе были, можно сказать, кандидатами первыхъ, послушниками на послѣдней степени испытанія умственныхъ и нравственныхъ силъ, ратоборцами науки и благонравія, въ преддверіи, какъ выражались дѣти между собою, не всѣмъ доступнаго вертограда. Всѣ отдѣленія и горницы были ввѣрены комнатнымъ надзирателямъ. Обязанности ихъ: быть неотлучно при дѣтяхъ въ свободное время отъ ученія и въ часы пріуготовленія и повторенія уроковъ (репетиціи), слѣдить за ихъ занятіями, играми, поступками и обращеніемъ между собою, наблюдать за чистотою, умѣренною теплотою и освѣженіемъ покоевъ воздухомъ, за своевременною явкою дѣтей въ классы и въ столовую къ обѣду, ужину и т. д., за здоровьемъ ихъ и за опрятностью въ одеждѣ, которая, впрочемъ, была довольно разнообразна. Правда, въ первые годы отъ открытія пансіона воспитанникамъ его былъ присвоенъ университетскій мундиръ: краснаго сукна, съ золотымъ шитьемъ вдоль петлицъ на груди и съ бархатнымъ голубого цвѣта воротникомъ. Но нарядомъ этимъ щеголяли только сынки богачей, и онъ скоро вышелъ изъ употребленія.

Порядокъ жизни, занятій и досуговъ былъ такой: въ пять часовъ утра звенитъ будильный звонокъ въ рукахъ бѣгающей по всѣмъ отдѣленіямъ прислуги, и дѣти покидаютъ свои кровати, въ шесть они сбираются, по-комнатно, въ учебныя горницы — повторять и пріуготовлять уроки. Въ семь, по-парно и по старшинству, они идутъ, комната за комнатою, въ столовую, въ сопровожденіи надзирателей; принявъ пищу духовную — прослушавъ, въ благоговѣйной тишинѣ, утреннюю молитву и непродолжительное чтеніе изъ св. Писанія — размѣщаются, по старшинству, за столами, особо для каждой горницы опредѣленными, пить чай съ молокомъ и булками, а иногда, для перемѣны, предпочтительно же въ постные дни, сбитень съ колачами. До восьми часовъ — досугъ. Отъ 8 до 12 классы. Тутъ обѣдъ. Воспитанники идутъ въ столовую также чинно, по-комнатно, по-парно, по старшинству. Отличные и полу-отличные садятся за круглый посреди залы столъ, подъ предсѣдательствомъ *перваго* въ пансіонѣ воспитанника, *отличнаго изъ отличныхъ*. Прочіе — за длинные вдоль стѣнъ столы. Надзиратели — на верхнихъ концахъ — наблюдаютъ за порядкомъ, приличіемъ и тишиною. Пища — простая, здоровая, сытная: *горячее* — похлебка, бураки, лапша съ пирогами, или щи съ кашею; *холодное* — говядина, студень, окрошка и т. п. *жаркое* — телятина, дичина, домашняя птица и проч.; *хлѣбное* — пирожки съ вареньемъ, блинки, посыпанные сахаромъ, *дутики* съ *нѣтомъ*, т.-е. пустые аладьи и т. д. Послѣдняго разряда кушанье особенно было въ чести у юныхъ лакомокъ и часто пріобрѣталось одними отъ другихъ за какой-нибудь трудъ или обѣщанную услугу: переписать набѣло двѣ, три странички учебной тетради, подправить рисунокъ, провѣрить математическую задачу, *подсказать* забытое словцо при отвѣтахъ *новичка* на вопросы учителя и т. п. Послѣ обѣда — свобода. Въ этотъ часъ, зимою, дѣти лепечутъ въ своихъ покояхъ между собою, играютъ въ воланы, занимаются самоучкою музыкою на гитарѣ или поютъ пѣсни, иные, въ сторонкѣ, подальше отъ шума, говора и пѣнья, читаютъ полученныя изъ пансіонскаго читалища книги, другіе упражняются въ учебныхъ горницахъ на фортепьяно, скрипкахъ и флейтахъ, нѣкоторые кропаютъ втихомолку стишки или громоздятъ высокопарную прозу. Въ прочія времена года, когда погода благопріятствуетъ, большая часть изъ нихъ, разсыпавшись по

обширному двору передъ скромнымъ чистенькимъ домикомъ Антона Антоновича, который поглядываетъ на нихъ въ окошечко, бѣгаютъ, борются, играютъ въ кегли, въ свайку, въ чехарду, въ *лапту* — въ мячи, или учатся военнымъ движеніямъ, выстроиваясь повзводно, маршируя въ ногу и выкидывая разные пріемы деревянными ружьями. На одномъ концѣ этого поприща силоразвитія — гимнастической арены: бѣготня, возня, шумъ, хохотъ, горѣлки, а на другомъ безпрестанно раздаются въ торжественной тишинѣ: „слушай!... стройся!... отъ... ноги!... на... плечо!... маршъ!... лѣво! право! разъ! два!... стой!... на... лѣво... кругомъ!... стрѣляй!... оставь!... отъ... дождя!... на молитву!...“ и читается съ обнаженными головами: „Отче нашъ!“, и кончается ученье. Но вотъ пробило два часа — и всѣ по мѣстамъ въ классахъ, до шести. Въ шесть полдникъ: булки. Въ семь — повтореніе уроковъ. Въ восемь — ужинъ, такой же почти, какъ и обѣдъ, только однимъ кушаньемъ меньше. Послѣ ужина — вечерняя молитва и духовное чтеніе. — Молитву поутру произносятъ лучшіе изъ средняго и меньшаго возраста, по-очереди; молитву вечеромъ — лучшіе изъ большого; а чтеніе св. Писанія — уже дѣло *отличныхъ*. Въ 9 часовъ — глубокій сонъ во всѣхъ отдѣленіяхъ пансіона. Только мѣрные шаги дневальныхъ надзирателей, тихо бродящихъ по спальнямъ и длиннымъ путеводамъ (коридорамъ), освѣщеннымъ ночниками, нарушаютъ мимоходомъ легкое журчанье въ воздухѣ, производимое ровнымъ дыханіемъ здоровыхъ дѣтей, изрѣдка прерываемое въ томъ или другомъ углу движеніемъ и лепетомъ сновидѣнія и напоминающее жужжаніе въ ульяхъ трудолюбивыхъ пчелъ. Иногда и самъ Антонъ Антоновичъ заглядывалъ въ тѣ или другія спальни.

Такъ проходитъ учебная недѣля. Въ субботу, послѣ классовъ, дѣти *просятся домой* — и получаютъ увольнительныя отъ инспектора записки до понедѣльника, до 8 часовъ утра. Тѣ, за которыми не прислали родные, или которыхъ некому брать на воскресенье и другіе праздники, послѣ завтрака идутъ къ обѣднѣ, а потомъ, смотря по погодѣ, въ лѣтнее время пользуются прогулкою по городу и за городомъ, въ сопровожденіи надзирателей; зимою же устраиваютъ концерты, балы и театральныя представленія, на которыя приглашаются посѣтители и посѣтительницы изъ близкихъ по родству или отношеніямъ къ дѣйствующимъ лицамъ и прочимъ воспитан-

никамъ. Антонъ Антоновичъ всегда присутствовалъ при этихъ собраніяхъ, радушно угощая всѣхъ чаемъ, лакомствами и прохладительнымъ питьемъ. Соломони, Ламираль, Морелли, Іогель, каждый въ свою пору, зорко наблюдали за плавными поклонами и движеніями — въ менюэтахъ, за мѣрнымъ круженьемъ паръ — въ вальсахъ, за отчаянными прыжками и выкидками — въ перегурдинахъ, гавотахъ и подобныхъ танцахъ. Постановкой пьесъ на существовавшемъ до 1812 года театрѣ въ пансіонѣ особенно занимался Н. Н Сандуновъ.

На Страстной недѣлѣ остающіяся въ пансіонѣ дѣти говѣютъ, Великій постъ и сочельники всегда строго наблюдались. Скоромная пища была уже исключеніемъ для больныхъ и выздоравливающихъ, для немогущихъ переносить постное кушанье и для отпускаемыхъ на воскресенье къ роднымъ, если послѣдніе не имѣютъ грибного или рыбнаго стола. Вотъ и первые уроки терпимости, которою искони отличается православная церковь, — „Не ядущій да не укоряетъ ядущаго!“

Въ вакаціонную пору съ 1-го іюля по 15-е августа, занятія ограничивались чистописаніемъ, рисованьемъ, живописью, музыкой, танцами, фехтованьемъ, верховою ѣздой и живыми иностранными языками — французскимъ, нѣмецкимъ, италіанскимъ и англійскимъ. Чтобы утвердить воспитанниковъ въ правильномъ произношеніи и связномъ разговорѣ, изъ восьми комнатныхъ надзирателей постоянно по два было при нихъ для иностранныхъ языковъ. Упражняли желающихъ также и въ разговорахъ на латинскомъ и греческомъ. Въ заключеніе вакаціи, воспитанники выступали въ лагерь на двѣ, три недѣли, въ рощу близъ Всесвятскаго села. Когда-то этотъ геройскій станъ стоялъ на Трехъ-горахъ, а однажды была выстроена и крѣпость на дворѣ пансіонскомъ, которую одни защищали, а другіе осаждали. Защитниками повелѣвалъ Ханенко, наступателями Магницкій. И начальники и оба войска такъ разгорячились, что природный фельдмаршалъ ихъ — главный смотритель пансіона, долженъ былъ предложить имъ перемиріе; а унявъ такимъ образомъ юный пылъ храбрыхъ витязей, вовсе прекратилъ битву и приказалъ войскамъ возвратиться въ казармы — въ свои горницы. Это стóитъ Наполеоновской игры съ товарищами въ снѣжки — укрѣпленія въ военно-Бріенской школѣ... Въ лагерѣ отставные унтеръ-офицеры обучали дѣтей военнымъ упражненіямъ. Взводы, роты, батальоны и полкъ

въ маломъ видѣ имѣли своихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, повышаемыхъ изъ чина въ чинъ и изъ должности въ должность, по успѣхамъ и способностямъ. Караулы, дежурства, обходы исполнялись во всей точности. Такъ они отъ обязанности рядоваго до генерала узнавали военную службу. Тутъ взрослые воспитанники получали настоящія ружья и иногда стрѣляли въ цѣль.

Также готовили ихъ и къ службѣ гражданской, прилагая правила научныя къ дѣятельнымъ опытамъ. Юные умы и сердца воспріимчивѣе, когда ученье не мертвая буква, а духъ, жизнь и движенье. Отсюда особенное усердіе многихъ учениковъ Горюшкина и Сандунова къ ихъ урокамъ. „Россійское практическое законоискусство“ поглощало все ихъ вниманіе. Имъ весело было проходить, какъ бы въ дѣйствительной службѣ, всѣ степени и чины въ коллегіальномъ порядкѣ, отъ писца до предсѣдателя. И тотъ и другой приносили гражданскія и уголовныя дѣла изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и распредѣляли, такъ сказать, роли между своими учениками. Одинъ — истецъ, другой отвѣтчикъ, тѣ — свидѣтели, тѣ — писцы, повытчики, протоколисты, секретари, члены, стряпчіе, прокуроры и т. д. Дѣйствующія лица въ этихъ судопроизводныхъ драмахъ были проникнуты своими ролями, усердно нападали, защищались, судили, углублялись въ свои обязанности, ревностно вели дѣло — рядили — и впослѣдствіи, конечно, многіе изъ нихъ не одинъ разъ поблагодарили мысленно своихъ учителей за пріобрѣтенныя свѣдѣнія, какъ бы играючи. Сколько выгоды, при вступленіи въ должность секретаря, члена, предсѣдателя какой-нибудь палаты, войти въ нее не ученикомъ, а уже довольно знающимъ канцелярскіе обряды, порядокъ производства, ходъ дѣлъ всякаго рода и коренныя законоположенія.

Также готовили насъ и къ общественной, свѣтской жизни, и къ трудамъ и лишеніямъ, неизбѣжнымъ на вѣку каждаго. Домашніе театры, балы, концерты, чтеніе лучшихъ произведеній на преподаваемыхъ языкахъ, занятіе литературою, рѣчи, стихотворенія и разговоры воспитанниковъ на торжественныхъ актахъ, при стеченіи родителей, родственниковъ, ученыхъ, духовныхъ особъ, гражданскихъ сановниковъ и стороннихъ посѣтителей, — все это вмѣстѣ должно было образовать ихъ для свѣтской, общественной жизни. — Тѣлесныя упражненія, силоразвитіе, борьба, бѣганье, коньки, снѣжки, мячи, свайки, кегли,

фехтованье, верховая ѣзда, походы въ лагерь и военныя движенія достаточно пріучали ихъ къ трудамъ. Отсутствіе всякой роскоши въ помѣщеніи, въ одеждѣ, въ пищѣ, внезапныя перемѣны ея, то изъ скоромной на постную, то изъ постной на скоромную, исполненіе лагерныхъ обязанностей и въ полуденный зной и въ прохладу ночи, — если вовсе этого нельзя назвать положительно лишеніями, то, по крайней-мѣрѣ, все это располагало воспитанниковъ къ умѣренности и, стало-быть, къ благородной рѣшимости свободной, покорной Богу воли: довольствоваться тою участью, какую кому пошлетъ Провидѣніе, не страшиться бѣдности, не завидовать богатству.

Также, наконецъ, дѣятельно сѣялись и сѣмена вѣры въ дѣтскихъ сердцахъ, не однимъ преподаваніемъ богословія питомцамъ, но утвержденіемъ ихъ въ благочестивой привычкѣ творить утреннія и вечернія молитвы, посѣщать Божію церковь, пѣть на клиросѣ, соблюдать посты, слушать внимательно св. евангеліе, читать дѣянія апостоловъ и назидательныя посланія ихъ. Все это, конечно, исполняется въ дѣтствѣ безсознательно, большею частью, по послушанію; но позже, на пути тревожной, печальной, сиротской иногда, жизни, безсознательно принятыя младенческимъ сердцемъ сѣмена приносятъ плодъ въ 30, въ 60 и во сто кратъ! Забытыя въ разсѣянности кипучей молодости, въ вихрѣ суетныхъ страстей, дѣтскія молитвы пробуждаются подъ-часъ въ памяти возмужалаго или уже близкаго къ старости человѣка — и онъ радостно возвращается къ насущной молитвѣ, къ пищѣ духовной, повторяя мысленно простыя слова путеводителя своего въ отрочествѣ: „Молитва, съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ произнесенная, производитъ надъ нами спасительное дѣйствіе и укореняетъ въ насъ страхъ Божій, который есть начало истинныя мудрости“. — (Актъ У. Б. Пансіона 1798). Сладко припоминая себѣ спасительные уроки благочестія, онъ умильно благословляетъ давнихъ наставниковъ.

Какъ многихъ изъ васъ уже нѣтъ!... о! миръ вамъ и вѣчная память, отошедшіе наставники и учители! образователи сердца и просвѣтители ума столькихъ изъ безпрепятственно приходящихъ къ Христу, ихъ же *ангелы на небесахъ выну видятъ лице Отца небеснаго!*... честь и признательность вамъ, еще не совершившимъ своего жизненнаго поприща! благо-

словеніе и любовь всѣмъ и сущимъ и отошедшимъ! Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) *наставники и учители вмѣстѣ:* Антонскій, Страховъ, Геймъ, Снегиревъ, Давыдовъ, Павловъ; 2) *наставники и надзиратели:* Крупениковъ, Курбатовъ, Пальмъ, Панкевичъ, Старынкевичъ, Русановскій, Запольскій, Девильдье, Швенфельденъ, Чернявскій, Свѣтловъ, Азбукинъ, Калайдовичъ, Унковскій, Стопановскій, Ржевскій, Гудимъ-Левковичъ, Шляхтичъ, Бунинъ, Басалаевъ, Палеховъ, Гавриловъ, Шнейдеръ, Оболенскій, Бланшаръ, Бѣликовъ, Конради, Гильфердингъ; 3) *учители:* Барсовъ, Политковскій, Сахацкій, Болдыревъ, Шлецеръ, Баккаревичъ, Тимковскій, Цвѣтаевъ, Горюшкинъ, Сандуновъ, Мерзляковъ, Качановскій, Мягковъ, Двигубскій, Щепкинъ, Загорскій, Кошанскій, Ульрихсъ, Виллерсъ, Клодель, Теріе, Пельтъ, Кистеръ, Эвенсъ, Черепановъ, Чеботаревъ, Перелоговъ, Годфруа, Буринскій, Куницкій, Подшиваловъ, Денисовъ, Перевощиковъ, Чумаковъ, Максимовичъ, Плавильщиковъ, Погодинъ, Раичъ.

Предметы ученія были слѣдующіе: 1) Законъ Божій и священная исторія. 2) Логика и нравственность (нравственная философія). 3) Математика: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, приложеніе алгебры къ геометріи и коническимъ сѣченіямъ. 4) Механика. 5) Артиллерія. 6) Фортификація. 7) Архитектура. 8) Опытная физика. 9) Естественная исторія. 10) Россійская исторія. 11) Всемірная исторія. 12) Статистика всеобщая. 13) Географія математическая, политическая, всеобщая и россійская. 14) Древности. 15) Миѳологія. 16) Право естественное. 17) Право римское. 18) Государственное хозяйство. 19) Основаніе права частнаго, гражданскаго и уголовныхъ законовъ. 20) Практическое россійское законовѣдѣніе. 21) Русскій языкъ, словесность, сочиненія. 22) Иностранные языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и словесность иностранная. Въ первые и послѣдніе годы существованія пансіона преподавался и греческій языкъ. 23) Музыка. 24) Рисованіе. 25) Живопись. 26) Танцы. 27) Фехтованье. 28) Верховая ѣзда. 29) Военныя движенія и дѣйствіе ружьемъ. Кромѣ этихъ предметовъ, въ свободное отъ всѣхъ уроковъ время, одинъ часъ въ недѣлю былъ посвященъ статистикѣ Россіи и одинъ сельскому домоводству. Первую проходилъ ректоръ университета, И. А. Геймъ, послѣднее директоръ пансіона, А. А. П. — Антонскій. Впо-

слѣдствіи классы миѳологіи и права естественнаго закрыты. Всѣхъ классовъ для каждаго предмета было шесть: два нижнихъ, два среднихъ, одинъ подвышній и одинъ вышній.

Расписаніе учебныхъ предметовъ, взятое изъ среднихъ лѣтъ существованія Б. пансіона, показываетъ, что воспитаніе наше было почти энциклопедическое, слѣдовательно, пріуготовительное, общее. Все знать совершенно — выше умственныхъ силъ человѣчества, особенно въ отроческія лѣта, когда обыкновенно заключается въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ образованіе. Воспитанникъ вступаетъ въ службу военную или статскую, придворную или дворянскую, ученую или дипломатическую, горную или морскую, съ прочными началами вообще, съ основательнымъ знаніемъ одной или двухъ, трехъ любимыхъ отраслей науки, сообразно его призванію, вкусамъ, склонности, дарованію, и за тѣмъ, съ поверхностными уже понятіями объ остальныхъ предметахъ или отдѣлахъ знанія. Это пріуготовительно-энциклопедическое воспитаніе, покуда единственно возможное у насъ, такъ торопящихся начать службу, вполнѣ принесло свои плоды. Имѣя, можно сказать, ключи ко всѣмъ наукамъ, воспитанникъ (если онъ не перешелъ въ одинъ изъ факультетовъ университета), смотря по обстоятельствамъ, роду службы и нуждамъ, въ теченіе своей жизни самъ довершаетъ окончательно свое образованіе по русской пословицѣ: „вѣкъ живи — вѣкъ учись!“

Въ заведеніяхъ, которыхъ цѣль, по самому учрежденію ихъ, положительно опредѣлена, разумѣется, и главнѣйшее вниманіе устремлено на главный предметъ ихъ назначенія. Въ нашемъ пансіонѣ было не такъ: въ немъ не стѣсняли природныхъ наклонностей и не требовали отъ ребенка равныхъ во всемъ успѣховъ. Развивая рѣшительно обнаружившіяся въ немъ дарованія, все обстановочное обученіе направляли уже прямо къ цѣли, имъ самимъ себѣ предназначенной. Такъ, одни изъ нихъ предпочтительно занимались математическими науками, другіе углублялись въ богословіе, или судовѣдѣніе, третьи посвящали себя словесности и т. д. При обращеніи особеннаго вниманія на успѣхи каждаго въ предметахъ, входящихъ въ кругъ его учебныхъ занятій, по призванію или личному выбору, и испытанія каждаго были строже собственнаго по этимъ предметамъ. Такимъ образомъ воспитанники, достигая среднихъ и высшихъ классовъ по однимъ отдѣламъ ученія,

по другимъ оставались иногда въ нижнихъ и тѣмъ болѣе старались потомъ догнать, такъ сказать, самихъ себя: скорѣе дойти до всѣхъ вышнихъ классовъ. Конечно, и требованія отъ нихъ были снисходительнѣе. Однако жъ, все-таки лучше были подготовлены, переходя изъ класса въ классъ не вдругъ, не общимъ предвиженіемъ по жребію роковыхъ балловъ, основанныхъ на случайной выдержкѣ вопросовъ, удовлетворенныхъ или неудовлетворенныхъ отвѣтами (какъ это введено во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ: мужскихъ и женскихъ, военныхъ и гражданскихъ, спеціальныхъ и духовныхъ), но отдѣльно и по степени успѣховъ въ тѣхъ или другихъ наукахъ... Здѣсь смѣло можно повторить сказанное мною при изданіи поэмы „Москва“: много наше приуниверситетское училище дало государству образованныхъ сановниковъ, полководцевъ, писателей, ученыхъ, сельскихъ хозяевъ; вскормило нравственно-духовнымъ молокомъ три, четыре поколѣнія; развило вполнѣ высокое чувство благоговѣйной любви къ отечеству въ дѣтяхъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ Россіи къ источнику просвѣщенія и государственныхъ доблестей — подъ отеческое руководство А. А. Прокоповича-Антонскаго... Его уже нѣтъ!... Покуда я поправлялъ по замѣчаніямъ его и дополнялъ по его разсказамъ мои „Воспоминанія“, онъ тихо угасалъ и угасъ, какъ свѣточъ, лишенный пищи: тѣлесныя силы истощались въ немъ, жизненный огонь догоралъ, но бодръ еще былъ духъ его! За два дня до кончины своей онъ твердо, ясно, съ увлеченіемъ, даже съ нѣкоторою живостью, вспоминая о быломъ, передалъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о старинѣ, разрѣшалъ мои вопросы и показывалъ мнѣ свои памятныя отмѣтки на разныхъ листочкахъ бумаги... Да, девяностолѣтній старецъ считалъ воспитанниковъ своихъ *поколѣнными росписями:* дѣдъ, отецъ, внукъ, иногда и правнукъ съ прадѣдомъ — и всѣ изъ Московскаго Университетскаго Благороднаго пансіона, и всѣ, съ его благословенія, пустились, каждый по своему призванію, на свое поприще, на службу отечеству: въ тишинѣ ли учебной храмины, въ шуму ли словесной дѣятельности и журнальныхъ войнъ, на скользкой ли аренѣ драматургіи, на бранномъ ли полѣ среди героевъ родныхъ, въ труженическихъ ли подвигахъ судьи и министра. И какое множество встрѣчается въ спискахъ *его дѣтей* именъ извѣстныхъ, напримѣръ: князей Одоевскихъ, Трубецкихъ, Долгорукихъ, Хованскихъ, Гагари-

ныхъ, Голицыныхъ, Урусовыхъ, Вадбольскихъ, Черкасскихъ, Волхонскихъ, Друцкихъ-Сокольницкихъ, Чернышевыхъ-Кругликовыхъ, Шаховскихъ, Тенишевыхъ, Хилковыхъ, Грузинскихъ, Кантакузеновъ, бароновъ Черкасовыхъ, графовъ Толстыхъ, потомковъ Глѣбовыхъ, Бѣгичевыхъ, Бестужевыхъ, Ермоловыхъ, Головиныхъ, Дашковыхъ, Озеровыхъ, Бахметевыхъ, Свиньиныхъ, Барановыхъ, Кологривовыхъ, Тучковыхъ, Храповицкихъ, Татищевыхъ, Морозовыхъ, Лодомирскихъ, Луниныхъ, Опухтиныхъ, Куприановыхъ, Языковыхъ, Раевскихъ, Соковниныхъ, Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, Граматиныхъ, Воейковыхъ, Молчановыхъ, Сухотиныхъ, Вельяминовыхъ, Кайсаровыхъ, Тургеневыхъ, Карновичей, Шишковыхъ, Потемкиныхъ, Лопухиныхъ, Салтыковыхъ, Офросимовыхъ, Соймоновыхъ, Михайловыхъ, Гурьевыхъ, Муратовыхъ, Столыпиныхъ, Карамзиныхъ, Замятиныхъ, Ржевскихъ, Ушаковыхъ, Шереметьевыхъ, Горсткиныхъ, Аргамаковыхъ, Левашевыхъ, фонъ-Менгденовъ, Челищевыхъ, Назимовыхъ, Мясоѣдовыхъ, Потуловыхъ, Лихачевыхъ, Порошиныхъ, Мятневыхъ, Ладыженскихъ, Лачиновыхъ, Львовыхъ, Сомовыхъ, Четвериковыхъ и т. д.

Было много патріархальнаго въ нашемъ воспитаніи. Въ дѣтяхъ — сыновняя любовь къ наставникамъ, въ наставникахъ — чадолюбивая заботливость о дѣтяхъ. Все было основано на взаимности и довѣріи. Главный же двигатель умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ — сильно возбужденное чувство соревнованія.

Всѣ дѣйствія и распоряженія начальства были до того гласны, что не только искреннія и подробныя свѣдѣнія сообщались родителямъ и родственникамъ, по первому требованію, о поведеніи, ученьи, и здоровьи дѣтей, не только имъ всегда были открыты приходо-расходныя книги, для личной, по желанію, повѣрки употребленія и наличности дѣтскихъ денегъ, вещей, одежды, бѣлья; но даже всѣмъ и каждому изъ посѣтителей во всякое время дня дозволялось обозрѣвать всѣ части заведенія: учебныя горницы, спальни, столовую, поварни, больницу и т. д. Тутъ всякій могъ видѣть порядокъ, опрятность, кушанье, прислугу и проч.

Исправительныя и поощрительныя мѣры были такъ во всѣхъ случаяхъ благоразумны и благородны, что о тѣлесныхъ наказаніяхъ и помину не было. Правда, и шалости случались

чисто дѣтскія. Только закоснѣлая лѣность и бѣшено-злой нравъ подвергали неисправимаго *остракизму* — изгнанію. Однако жъ, по крайней мѣрѣ, въ мое время, едва ли двухъ-трехъ питомцевъ возвратилъ пансіонъ родителямъ по этимъ причинамъ.

Здѣсь нужна оговорка: время, къ которому относится мое повѣствованіе, взятое изъ преданій, достовѣрныхъ источниковъ и особенныхъ воспоминаній, обнимаетъ все протяженіе лѣтъ отъ открытія университета, гимназій и пансіона до 1814 г. Съ этого года по 1830—1833 я уже не вхожу въ подробности, будучи удаленъ службою отъ мѣста моего воспитанія. — Патріархальные, эклого — идиллическіе нравы впослѣдствіи нѣсколько измѣнились введеніемъ въ нашъ пансіонъ нѣмецкой философіи, которой предшествовалъ и отчасти приготовилъ его къ новому направленію мистицизмъ, возникшій, впрочемъ, посреди немногихъ только воспитанниковъ передъ самымъ нашествіемъ Наполеона на Россію. Кто именно были эти религіозные восторженники, не знаю. Они, разумѣется, таились отъ непосвященныхъ въ ихъ ученіе. Помню только, что трое — четверо изъ нихъ бѣжали или собирались бѣжать отъ соблазновъ міра въ монастыри, помышляя даже о пустынно-жительствѣ. Не изъ нихъ ли и появившійся недавно (въ 1857) въ Москвѣ странникъ Д. П. Сумароковъ — внучатый племянникъ писателя А. П. Сумарокова. Прошлымъ великимъ постомъ я встрѣчалъ загадочнаго богомольца въ моей приходской церкви „Стараго Пимена“. Не изъ числа ли также нашихъ мистиковъ былъ и И. И. Палеховъ? Въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 4 марта 1857 (приложеніе XII) о мистическомъ и философскомъ эпизодахъ жизни нашего пансіона, С. П. Шевыревъ говоритъ съ любовью о Палѣховѣ и Сумароковѣ.

Впрочемъ, духовно-мистическое или, правильнѣе сказать, набожно-поэтическое направленіе, особенно же мистическое, таинственно-религіозное по временамъ настроеніе нѣсколькихъ изъ воспитанниковъ Московскаго университета съ его гимназіями и пансіонами проявлялись болѣе или мемѣе, во всѣ почти эпохи университетской жизни. — Самъ Антонскій, какъ одинъ изъ питомцевъ Дружескаго общества, слылъ мистикомъ и масономъ. И. Г. Шварцъ, Н. И. Новиковъ, Н. А. Ладыженскій, И. П. Тургеневъ Ѳ. П. Ключаревъ, Ѳ. И. Глѣбовъ, Г. М. Походяшинъ, А. Ѳ. Лабзинъ, М. И. Невзоровъ, В. И. Баженовъ, М. С. Бронкевичъ, всѣ (кромѣ

развѣ послѣдняго) — также члены или ученики этого общества, извѣстны какъ мистики и масоны. Всѣ они какъ-то особенно пожимали руку своимъ знакомцамъ, при встрѣчѣ и прощаніи съ ними: отвѣтное пожатіе руки обнаруживало въ послѣднихъ *брата или непосвященнаго*. Антонскій, до конца жизни своей, не оставилъ привычки знаменательно пожимать руки и выщупывать, такъ сказать, отвѣты на безгласные вопросы. Такъ и многіе изъ воспитанниковъ университетскаго пансіона, поэты и не поэты, обнаруживали порой или самими трудами, или своею жизнію, иные и трудами и жизнію — то же набожно-поэтическое и мистическое — благодатное, тайнообразующее внутренняго человѣка настроеніе. И. Н. Инзовъ М. Л. Магницкій, Е. А. Головинъ, кн. Н. Н. Хованскій, В. А. Жуковскій, А. С. Норовъ, Віаноръ Бѣликовъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Д. И. Сумароковъ, и еще нѣкоторые. Во времена Александра I, двое — трое изъ нихъ до того увлеклись своими гаданіями, созерцаніями и мудрованіями, что попались даже въ дервише-изступленное общество, которое было устроено извѣстною своей восторженностью и мечтательностью г-жею Татариновой и пламеннымъ сотрудникомъ ея В. М. Поповымъ.

Не станемъ осуждать временнаго, можетъ-быть, заблужденія нѣкоторыхъ изъ павшихъ мистиковъ; паденіе неизбѣжно въ жизни: такова природа человѣческая!...

Преданіе, однако, не укоряетъ ихъ въ лицемѣріи; а только разсказываетъ о странностяхъ, впрочемъ, очень немногихъ изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, Ѳ. И. Глѣбовъ, въ чаяніи видѣній и голосовъ — стóитъ движущихся столовъ въ настоящее время — бѣгалъ по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголъ, нашептывалъ про себя какія-то слова, размахивалъ во всѣ стороны руками и вдругъ останавливался передъ стѣной и нѣсколько минутъ оставался, какъ вкопанный. Ѳ. П. Ключаревъ завѣрялъ своихъ знакомыхъ, что онъ бесѣдуетъ съ духами, и также, углубляясь въ думы, разводилъ передъ стѣной руками, выкидывалъ разныя продѣлки передъ непосвященными. И оба они, добро бы ужъ дома, а то даже и въ гостяхъ такъ иногда проказили. Кн. А. И. Долгоруковъ воображалъ, что онъ въ таинственномъ сообщеніи съ душами отжившихъ друзей своихъ и всякій день оставался часъ или два въ своей комнатѣ, ничего не дѣлая и сидя, – глаза въ потолокъ, — въ со-

зерцательномъ настроеніи духа, изъ котораго часто выводила мечтателя молодая, живая, веселонравная княгиня стремительнымъ вторженіемъ въ кабинетъ мужа и звонкимъ хохотомъ. Порой она подкрадывалась къ нему съ пріятельницами, обѣщая угостить ихъ духами, — и шалуньи помирали со смѣху, глядя на его неподвижную фигуру. — Всѣ эти разсказы я слыхалъ отъ старыхъ людей, въ томъ числѣ и отъ моей тещи Е. Л. Тютчевой (по рожденію Толстой), которая смолоду часто встрѣчалась съ мистиками и масонами въ дому своей тетки гр. А. В. Остерманъ. Съ многими изъ нихъ, особенно съ Глѣбовыми, гр. Ѳ. А. Остерманъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Набожный графъ Ѳедоръ Андреевичъ любилъ духовныя бесѣды мистиковъ, какъ не уклонялся отъ нихъ и митрополитъ Платонъ, который, бывая у него каждые двѣ-три недѣли съ духовенствомъ на трапезѣ, нерѣдко встрѣчался съ ними. — Изъ прочихъ членовъ Дружескаго общества, кажется, никто не славился какими-либо странностями. Укажу развѣ на особенность благотворительности И. В. Лопухина. Послѣдніе годы своей жизни въ Москвѣ онъ затруднялся въ средствахъ къ пособію бѣднымъ и рѣшился втягивать, волею-неволею, въ добрыя дѣла и встрѣчнаго и поперечнаго: пользуясь довѣріемъ богатыхъ и небогатыхъ людей, онъ вошелъ въ долги, и занимаемыя деньги раздавалъ каждый день нищимъ, которыми съ утра всегда была установлена его лѣстница отъ послѣдней ступени крыльца до порога прихожей горницы. — Заимодавцы, по смерти Ивана Владимировича, не очень честили память благотворителя, и мирный мистикъ-масонъ остался въ ихъ мнѣніи злѣйшимъ мартинистомъ. По правдѣ, современники не всегда оттѣняли благочестивыхъ членовъ-мистиковъ Дружескаго общества отъ невинныхъ членовъ-говоруновъ, большей части масонскихъ въ Россіи ложъ (закрытыхъ окончательно въ 1826 г.) и отъ мартинистовъ, философо-политиковъ временъ Екатерины. Да не многіе и въ наше время сумѣютъ отличить въ своихъ понятіяхъ однихъ отъ другихъ. Даже Пушкинъ, эта свѣтлая голова, не объяснилъ себѣ рѣзкаго различія между мистиками и мартинистами самымъ различіемъ ихъ источниковъ, цѣлей и дѣйствій. Вотъ его слова (сочиненія А. С. Пушкина, томъ VII. Изданіе П. В. Анненкова. 1857, стр. 52): „Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ *мартинистовъ*. Мы еще за-

стали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полуполитическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные, политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, а сама ихъ одобрявшая своимъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ не доброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкъ-масонскихъ ужинахъ".

Возвращаюсь къ пансіону моего времени. Вотъ какъ дѣйствовали въ немъ на самолюбіе воспитанниковъ: наблюдалось старшинство мѣстъ — въ классахъ, по степени прилежанія и успѣховъ, въ комнатахъ — по поведенію и благонравію. Въ классахъ почиталось большою наградою пересѣсть выше, съ одной скамьи на другую, или съ нижняго конца своей скамьи на верхній, или хоть на нѣсколько человѣкъ подвинуться впередъ. А стать первымъ или изъ первыхъ между товарищей значило возбудить всеобщее въ нихъ къ себѣ уваженіе. Зато сойти съ мѣста своего ниже, съ первой или второй скамьи на третью или четвертую, было всегда чувствительнымъ наказаніемъ. Взобраться же на *парнасъ* — верхній ярусъ столовъ и скамей, которые прежде были расположены ступенями, — это ужъ неминуемо возбуждало насмѣшки, подчасъ и презрѣнье товарищей. Между тѣмъ, новые ученики, по вступленію или переходу изъ младшихъ въ старшіе классы, нисколько не подвергались нареканію за пребываніе свое на парнасѣ. Также и въ комнатахъ не было выше награды, какъ стать первымъ или изъ первыхъ по списку. Повышеніе и пониженіе мѣста въ горницѣ было слѣдствіемъ какъ отзывовъ учителей, въ похвалу или порицаніе ученика, такъ приличнаго или неприличнаго поведенія его внѣ классовъ. Такія перемѣ-

щенія изъ пары въ пару, или съ конца на конецъ, повторялись каждую недѣлю, по числу *штриховъ* — черточекъ, показывавшихъ противъ каждаго лица: сколько разъ кто попадалъ замѣчанію, выговору, или наказанію. Эти штрихи, подстрекая лѣнивыхъ и сонливыхъ, много обуздывали вспыльчивыхъ шалуновъ. Они страшнѣе казались самыхъ наказаній — и это потому, что Антонскій обращалъ вниманіе: каждую субботу надзиратели при новыхъ спискахъ представляли ему и старые со *штрихами;* а за ними, при первой встрѣчѣ съ *оштрихованными,* слѣдовали отъ него замѣчанія къ пристыженію ихъ не только передъ товарищами по комнатѣ, но и передъ другими воспитанниками чужихъ горницъ. Главный тутъ дѣйствователь — *страхъ любви:* дѣти столь же боялись огорчить Антона Антоновича, сколько уважали его совѣты, гордились его похвалою и дорожили каждымъ словомъ его. Даже: кто-нибудь изъ насъ скажетъ: „идетъ!... прошелъ черезъ дворъ!... ходитъ по классамъ!...“ и всякій говоръ умолкаетъ и глубокая тишина водворяется въ пансіонѣ. Позже онъ признавался многимъ изъ прежнихъ воспитанниковъ своихъ, что иногда, при нездоровьи или по особеннымъ занятіямъ, не имѣя возможности показываться дѣтямъ, онъ отсылалъ свою *шинель* въ прихожую — и дѣти, увидя шинель, думаютъ, что онъ въ той или другой горницѣ и ужъ тутъ нечего заботиться объ удержаніи порядка ни учителямъ ни надзирателямъ: его ждутъ — и это довольно!... Первые въ среднихъ классахъ, если что-нибудь задержитъ профессора, заступаютъ мѣсто его, испытывая товарищей въ пройденныхъ урокахъ, обозрѣвая занятія ихъ и поправляя ошибки въ исполненіи задачъ. Первые изъ высшихъ классовъ, при временной неявкѣ учителей въ нижнихъ, по болѣзни или другимъ причинамъ, замѣняютъ ихъ со всѣми правами учителя. Также и старшіе въ горницѣ наблюдаютъ за товарищами, со всѣми правами надзирателя, при кратковременной иногда отлучкѣ изъ пансіона. Все это льстило самолюбію и усиливало благородное соревнованіе, не развивая однако жалкаго тщеславія. Лѣность, невѣжливость, неряшество, упрямство, вспыльчивость, позднее возвращеніе послѣ праздника изъ отпуска, — все это подвергало наказанію. Прослушать выговоръ, увидѣть занесеніе *штриха,* пойти къ обѣду или ужину ниже своей пары, лишиться лакомаго пирожнаго или полдника, постоять въ углу, не получить увольненія на слѣ-

дующее воскресенье къ роднымъ, или два, три праздника остаться въ пансіонѣ, наконецъ, попасть за *ослиный столъ* — вотъ всѣ наказанія виноватаго. „Надзиратели, какъ сказано въ 23 § Постановленія, исправляютъ проступившагося по собственному своему благоразумію и *отеческой нѣжности* къ юношеству". Передъ столовою въ проходной горницѣ, въ углу близъ двери, накрытъ маленькій столъ; передъ нимъ у стѣны лѣнивый или упрямый *преступникъ*, надъ нимъ листъ бумаги на стѣнѣ съ надписью: „Ослиный столъ". Полтораста, двѣсти паръ воспитанниковъ проходятъ мимо въ столовую и изъ столовой и стыдятъ его. Впрочемъ, рѣдко и очень немногіе подвергали себя такому позору.

До 1818 года нашъ пансіонъ не пользовался никакими особенными правами или преимуществами, хотя еще Н. М. Муравьевъ помышлялъ, кажется, объ этомъ; по крайней мѣрѣ изъ записокъ Михаила Никитича, на которыя С. П. Шевыревъ указываетъ въ исторіи университета, замѣтно желаніе ученаго мужа возвысить пансіонъ, хотя бы болѣе звучнымъ и классическимъ именемъ „Пританея", при чемъ и начальникъ его былъ бы названъ „Пританомъ". Но мысль эта, какъ и намѣреніе назвать лицеемъ академическую гимназію, не приведена въ исполненіе; а между тѣмъ главный смотритель пансіона, помощники его, профессоры, сторонніе учителя, надзиратели и прочія лица, служившія въ немъ, пріобрѣтали ученыя степени и гражданскіе чины по общему порядку производства въ службѣ статской и ученой. Знаки отличія доставались не легко, изрѣдка и очень немногимъ изъ нихъ. Жалованье было меньше, нежели умѣренное. Однако жъ, всѣ трудились, всѣ усердствовали, неутомимо, пламенно, постоянно, безъ личныхъ выгодъ, безкорыстно, изъ чистой, высокой любви къ просвѣщенію, къ дѣтямъ, къ отечеству. Выгоды и награды воспитанниковъ заключались собственно въ домашнихъ поощреніяхъ. Переименованіе студента въ коллежскаго регистратора, позже въ губернскаго секретаря, составляло уже преимущество, присвоенное непосредственно университету, въ которомъ студенты пансіона, по достиженіи этого званія, слушали положенное время профессорскія лекціи, и которымъ они утверждались въ немъ по строгомъ испытаніи, и какъ весело было, надѣвъ на себя въ первый разъ студенческій мундиръ (въ мое время 1808 - 1814 синяго цвѣта, съ малиновымъ

воротникомъ и обшлагами и съ золотыми пуговицами), принять въ университетѣ шпагу изъ рукъ старшаго на годовомъ актѣ лица!

Мнѣ и нѣкоторымъ изъ сверстниковъ моихъ не легко было однако добиться до шпаги, какъ ни усердно мы фехтовали: хотя латинскій языкъ издавна преподавали въ нашемъ пансіонѣ, но изученіе его въ наше время было не обязательно. Нѣкоторые изъ удостоиваемыхъ званія студенты мало имъ занимались; а иные и вовсе не учились латыни. Не задолго до годового у насъ акта въ 1811, постановлено было за правило, чтобы впредь производимые изъ нашихъ воспитанниковъ въ студенты непремѣнно знали латинскій языкъ. Антонскій самъ взялся подготовить насъ — и въ нѣсколько мѣсяцевъ (отъ первой, печальной для не латинщиковъ вѣсти до лѣтнихъ экзаменовъ въ 1812 г.) отсталые изъ нареченныхъ 23-го декабря 1811 студентами, начавъ съ Федра и Корнелія Непота, добрели до Квинта Курція. Испытаніе, на первый разъ, было самое отеческое! А главный *пытатель* нашъ, А. Х. Чеботаревъ, не только не пыталъ новолатинщиковъ, а напротивъ всѣми силами помогалъ имъ, одобрялъ, отстаивалъ ихъ, и ни одинъ изъ *нареченныхъ* не лишился желаемой шпаги. Что до меня, я и теперь, въ старости, съ глубокосердечною признательностью вспоминаю о его снисходительности, и тѣмъ болѣе, что я былъ самымъ плохимъ латинщикомъ, даромъ что въ библіотекѣ моей сохранилась латинская книга „Catilina“ и „Jugurtha“ (заговоръ Катилины и война Югурты). Въ часы раздумья я помышлялъ даже покинуть пансіонъ и вступить юнкеромъ въ какой-нибудь армейскій полкъ.

При выпускѣ воспитанниковъ изъ пансіона, *на торжественныхъ актахъ* его (послѣ годичнаго испытанія въ наукахъ и оцѣнки нравственности и поведенія каждаго) въ присутствіи ихъ родителей и родныхъ, членовъ университета, московскаго митрополита, военнаго генералъ-губернатора и прочихъ извѣстныхъ особъ духовнаго, гражданскаго и военнаго званій, литераторовъ, художниковъ и сторонніхъ посѣтителей и посѣтительницъ, воспитанники, съ возвышенной каѳедры подъ портретомъ царствующаго покровителя наукъ, говорили приличныя торжеству рѣчи на русскомъ языкѣ и на одномъ или двухъ изъ иностранныхъ; потомъ читали наизусть стихи и прозу извѣстныхъ писателей на разныхъ языкахъ, а также и соб-

ственные опыты въ стихахъ и прозѣ; потомъ, посреди залы вступали въ судебное дѣлопроизводство, или драматическіе разговоры (кончавшіеся иногда нѣніемъ) о нравственныхъ, ученыхъ, отвлеченныхъ предметахъ: объ обязанностяхъ гражданина и человѣка къ обществу, о необходимости ученія во всякой службѣ, о пріобрѣтеніи знаній и навыковъ къ разнымъ должностямъ, о преимущественномъ занятіи отечественнымъ языкомъ, о Россіи, о воспитаніи, образованіи сердца, тщеславіи, истинныхъ заслугахъ, счастіи и т. д. Эти разговоры и судебныя дѣлопроизводства представляли именно драматическія явленія: дѣйствующія въ нихъ лица имѣли свои роли, свои имена, свое время входовъ и выходовъ и т. п. Далѣе: нѣсколько паръ поочередно бились, въ проволочныхъ маскахъ, на рапирахъ и эспантонахъ, далѣе: музыка — фортепьяно, скрипка, флейта; далѣе, танцы — плавные менюэты, быстрые вальсы, вычурныя кадрили и мазурки, съ прыжками и разными выходками: entrechats, pas de Zephyrs... Все это заключалось или дѣтскимъ хоромъ, или прощальною рѣчью одного изъ выпускаемыхъ къ товарищамъ, съ изъявленіемъ чувствъ живой признательности и наставникамъ и учителямъ, или напутственнымъ словомъ законоучителя покидающимъ мирный пріютъ дѣтства.

Всѣ эти дѣйствія составляли уже пріятнѣйшую награду отроку за каждый годъ прилежанія его къ наукамъ и наблюденія за собою въ поведеніи: важно для его самолюбія войти на каѳедру профессорскую и сказать рѣчь передъ многочисленнымъ собраніемъ „просвѣщенныхъ слушателей и слушательницъ!“ Упоительно замираетъ юное сердце передъ чтеніемъ своего стихотворенія! Торжественно произноситъ онъ свои мысли въ прозаическомъ сочиненіи! Весело ему стать дѣйствующимъ лицемъ въ драматическихъ явленіяхъ, или блеснуть своею игрой на скрипкѣ, флейтѣ, фортепьяно, или показать ловкость свою и въ битвѣ и въ танцахъ.

Кромѣ всего этого, было еще въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ поощреніе, очень замѣчательное по цѣли, развить въ дѣтяхъ чувство строгой справедливости къ другимъ и смиренной самооцѣнки, по сравненію съ другими себя: воспитанникамъ всѣхъ возрастовъ предоставлено было право выборовъ въ званіе *лучшихъ* изъ товарищей на каждый годъ — и начальство признавало *первыми* въ каждомъ возрастѣ тѣхъ, которые между

лучшими отличались благонравіемъ и прилежаніемъ къ наукамъ. За этими выборами слѣдовалъ выборъ *директоровъ и секретаря для дѣтскихъ забавъ* (театры, концерты, балы и проч.) Такъ, въ 1798 году, когда было совершено освященіе новопостроеннаго каменнаго зданія и были помѣщены въ новой залѣ портреты трехъ первыхъ кураторовъ университета: И. И. Шувалова, И. И. Мелиссино (уже умершихъ тогда) и М. М. Хераскова, въ присутствіи послѣдняго и второго по немъ куратора П. И. Голенищева-Кутузова, на актѣ Б. пансіона дано имя *первыхъ* признаннымъ по свободному выбору товарищей и по большинству голосовъ *лучшими:* Сергѣю Костомарову и Василію Жуковскому — *въ большомъ возрастѣ;* Константину Кириченкѣ-Остромову и Степану Порошину — *въ среднемъ;* Алексѣю Вельяминову и Степану Вольховскому — въ *младшемъ*. Въ *директоры забавъ* тогда выбраны первые четверо изъ лучшихъ, да Павелъ Собакинъ, К. Григорій Гагаринъ и Александръ Хвостовъ. Секретаремъ же назначенъ Семенъ Родзянка — *товарищъ лучшихъ*. Имена *первыхъ* на каждый годъ воспитанниковъ, крупно начертанныя или напечатанныя, выставлялись въ столовой на стѣнѣ въ рамкѣ. Обязанность *первыхъ* — служить примѣромъ во всѣхъ отношеніяхъ своимъ товарищамъ, направляя ихъ на все доброе благими совѣтами и развивая въ нихъ похвальное чувство благороднаго соревнованія. — *Вторыми* послѣ *лучшихъ* признаны тогда — въ *большомъ возрастѣ:* Николай Пафнутьевъ, Александръ Офросимовъ, Василій Поляковъ, Александръ Тургеневъ, Илья Дубовикъ и Іасонъ Храповицкій; въ *среднемъ:* Петръ Лихачевъ, Лука Дьяковъ, Николай Аргамаковъ, Борисъ Замятинъ, Николай Небольсинъ, Сергѣй Фонъ-Визинъ, Григорій Мятневъ и кн. Семенъ Урусовъ, въ *меньшомъ:* Иванъ Петинъ, Василій Новиковъ, Петръ Ольговъ, Иванъ Ромейковъ, Александръ Соболевскій, Павелъ Ханенко, Иванъ Сахаровъ, Иванъ Лазаревъ, Александръ Лазаревъ и Андрей Офросимовъ.

Но вотъ наступаетъ торжественное мгновеніе раздачи наградъ, и сердца родителей и родственниковъ также бьются и замираютъ, какъ и сердца ихъ дѣтей. Вотъ провозглашаются имена заслужившихъ особенное одобреніе въ *нижнихъ* классахъ — и похваленные передъ такимъ стеченіемъ *знаменитыхъ посѣтителей* и *посѣтительницъ* съ гордостью выходятъ на

средину залы. Снисходительное участіе присутствующихъ привѣтствуетъ ихъ. Вотъ безпристрастный Антонъ Антоновичъ беретъ по порядку подарки (призы), и удостоенный, по вызову, приближается, получаетъ присужденную ему награду и слышитъ со всѣхъ сторонъ искреннія поздравленія. Книги, чертежи, атласы, рисунки, рапиры и ноты достаются отличившимся въ *среднихъ* и *подвышнихъ* классахъ. Лучшіе въ *вышнихъ* производятся въ студенты и получаютъ право, независимо отъ занятій своихъ въ пансіонѣ, слушать лекціи въ университетѣ. Отеческая заботливость Антона Антоновича и тутъ ихъ не покидала: онъ требовалъ отъ каждаго всякій день отчетныхъ записокъ о всемъ, что было преподаваемо съ той или другой каѳедры. Похвальные листы, за печатью университета и за подписью его ректора, металлическія глобусомъ чернильницы, съ вырѣзанными на нихъ золотыми буквами именами воспитанниковъ, которымъ онѣ опредѣлены, серебряныя и золотыя медали большею частью раздавались студентамъ. Одинъ или двое изъ выпускаемыхъ „дѣйствительными студентами“ воспитанниковъ оставляли, въ память прежнимъ товарищамъ своимъ и въ назиданіе будущимъ питомцамъ пансіона, имена свои на доскѣ въ залѣ „торжественныхъ актовъ“. И можно сказать, что эти акты, какъ и торжественныя собранія Московскаго университета, вполнѣ были торжественны: не одни воспитанники и студенты, но наставники и учители, директоръ и надзиратели, ректоръ и профессоры, кураторъ и чиновники, всѣ, съ какою-то простодушною торжественностію, съ какою-то восторженною важностію, съ глубокимъ чувствомъ сознанія великости предстоящаго дѣла, заботливо и радостно готовились къ годовому празднику — и эти акты, эти собранія были всегда свѣтлыми днями университета и пансіона.

Только въ 1818 году, послѣ тридцати-девяти-лѣтняго существованія своего, этотъ разсадникъ наукъ, этотъ образецъ, по нынѣшнему типъ, всѣхъ въ государствѣ учебныхъ заведеній для дворянъ: лицеевъ, институтовъ и т. п., удостоился, наконецъ, получить права и преимущества, которыми С.-Петербургскій Александровскій (прежде царско-сельскій) лицей пользовался отъ учрежденія своего, и которыя перешли, по наслѣдству, къ Московскому Дворянскому институту: присвоеніе, при выпускѣ, отличнѣйшимъ воспитанникамъ классовъ 14, 12 и 10, смотря по ихъ успѣхамъ. Но пансіонъ нашъ не долго

пользовался этимъ поощреніемъ. Въ 1830 г. онъ обращенъ въ гимназію (Высочайшій указъ П. Сенату въ 29-й день марта 1830 года, о преобразованіи благородныхъ пансіоновъ при Московскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ въ гимназіи).

Открытіе гимназіи было 25-го іюля 1831. Воспитанники, поступившіе въ нее до указа, не лишились прежде дарованныхъ имъ правъ на пріобрѣтеніе 14, 12 и 10 классовъ, при выпускѣ ихъ на службу изъ гимназіи, которая даже оставлена „по-прежнему заведеніемъ для пансіонеровъ только дворянскаго происхожденія, — изъ снисхожденія къ дворянству, привыкшему считать бывшій пансіонъ исключительно опредѣленнымъ для благороднаго юношества, и дабы оно тѣмъ охотнѣе могло отдавать въ гимназію дѣтей своихъ“. (Отношеніе министра народнаго просвѣщенія, кн Ливена, къ попечителю Московскаго учебнаго округа кн. Р. М. Голицыну отъ 11-го мая 1830, № 3536). Такова, однако жъ, была полувѣковая привычка и любовь къ прежнему пансіону, что, несмотря на всѣ снисхожденія кн. Ливена, многіе изъ родителей перемѣстили своихъ дѣтей въ другія казенныя и даже частныя учебныя заведенія, и эта дворянская гимназія по необходимости и вскорѣ переименована въ Дворянскій институтъ (Высочайшее повелѣніе въ 22-й день февраля 1833 года), который уже въ 1849 опять названъ гимназіей. Она помѣщается въ домѣ, живописно-расположенномъ надъ крутымъ скатомъ высокой горы, испещренной извилистыми тропинками между кустарниковъ, деревьевъ, каменистыхъ возвышенностей и водовмѣстилищъ, въ которыхъ, когда домъ принадлежалъ Пашкову, плескались красивыя разныхъ породъ птицы. Пространство, занимаемое строеніями, дворами и садомъ IV гимназіи заключается между Моховой, Знаменкой и Пашковскимъ переулкомъ: но долго ли-то ей радоваться своимъ роскошнымъ помѣщеніемъ? — Слухи носятся по Москвѣ, что оно будетъ занято сокровищами университета: библіотеками, гербаріемъ, музеумами, кабинетами: физическимъ, зоологическимъ, минералогическимъ и т. п. Куда-то судьба перенесетъ тогда гимназію?... Не возвратится ли она въ колыбель свою — проданныя камергеру Базилевскому зданія университетскаго пансіона? Но возвратитъ ли она значеніе и славу незабвеннаго училища?... „Не станемъ состязаться со временемъ!“ многозначительное выраженіе московскаго пастыря

Филарета, но и не оставимъ безъ сердечно-сладкаго воспоминанія погубленнаго временемъ, воздадимъ безпристрастную справедливость былому хорошему, принесемъ дань признательности мѣсту нашего воспитанія! пожалѣемъ о дѣтской безпечности, о чистыхъ радостяхъ невинныхъ лѣтъ, о добрыхъ руководителяхъ отрочества, о почившемъ въ мирѣ наставникѣ-отцѣ и незабвенномъ Антонѣ Антоновичѣ, какъ жалѣютъ люди подъ старость о ласкахъ и урокахъ отца, матери, о своихъ простодушныхъ пѣстунахъ, о заботливыхъ няняхъ, о дряхлѣющемъ въ развалинахъ домѣ надъ свѣтлымъ прудомъ, въ зеркалѣ котораго отражались верхи развѣсистой ивы, или на скатѣ берега, часто безыменной рѣчки, или на серединѣ двора, прорѣзаннаго по всѣмъ направленіямъ протоптанными тропинками въ волнистой муравѣ и окруженнаго огородами, о зеленыхъ лугахъ и золотистыхъ нивахъ, занесенныхъ пескомъ или изрытыхъ путями сообщеній, о срубленныхъ рощахъ, о липовой прòсади съ большой дороги къ широкому крыльцу... Когда отрокъ покидалъ отчій домъ, все для него дышало въ немъ жизнью полною, свѣтлою, роскошною!... И послѣ многихъ лѣтъ разлуки съ милой родиной воображеніе его рисуетъ тѣ же картины благословенной природы, тотъ же деревенскій бытъ, ту же обстановку сельской жизни, какіе онъ видѣлъ, зналъ и любилъ въ отрочествѣ... Вотъ возвратился онъ къ колыбели своего дѣтства; но сердце и глаза напрасно ищутъ знакомыхъ предметовъ: неумолимое время все или истребило, или измѣнило. Ему жаль и стариковъ, и старухъ дѣдовской прислуги, и ульевъ пономаря, съ заплетенною косичкою, и завѣтной съ дуплóмъ, подъ окномъ стараго дома, рябины, и клубничной гряды въ палисадникѣ, съ его высокими подсолнечниками, и крылатаго великана съ его властелиномъ-колдуномъ-мельникомъ, и заброшеннаго колодца по пути къ сельскому кладбищу, и ветхой церкви, вокругъ которой разсыпались, возвращаясь съ пажити, стада, и часовни на въѣздѣ въ деревню, передъ которой стоялъ старинный образъ Николая Чудотворца съ кружкою: „на Божій храмъ“... И такъ *перестанемъ состязаться съ временемъ,* но вздохнемъ о невозвратно погибшемъ и повторимъ утѣшительныя слова Апостола Павла: „И егоже аще дѣло пребудетъ, еже мзда, мзду пріиметъ: А егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется“.

Сушковъ.

Духовныя школы при Петрѣ Великомъ.

Задавшись мыслію о распространеніи образованія среди духовенства и высказавъ п. Адріа'ну желаніе, чтобы для этого въ Кіевѣ были обучены особые учители, Петръ затѣмъ долго не дѣлалъ никакихъ общихъ распоряженій, которыя бы относились къ устройству духовнаго образованія въ особомъ спеціальномъ видѣ. Всѣ распоряженія, какія относились къ образованію духовныхъ дѣтей, до 1708 г. имѣли въ виду только общее образованіе. Такъ, съ самаго начала шведской войны правительство начало дѣлать между дѣтьми духовенства строгіе разборы съ тѣмъ, чтобы лишнихъ между ними и неспособныхъ къ духовному служенію по безграмотности верстать въ военную службу. Первый большой наборъ изъ нихъ въ солдаты произведенъ былъ въ 1705 г. Съ тѣхъ поръ эти наборы повторялись чуть не каждый годъ. Это было сильнымъ побужденіемъ для духовенства учить дѣтей грамотѣ, чтобы сохранить ихъ въ своемъ духовномъ званіи. Но о духовномъ образованіи въ сословномъ смыслѣ не было пока и рѣчи, что было совершенно естественно, потому что не было опредѣлено еще и самое понятіе о сословности духовнаго чина, не было нигдѣ и школъ спеціально-церковныхъ. Въ полномъ и опредѣленномъ видѣ сословность духовенства, какъ извѣстно, формируется только въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, главнымъ образомъ послѣ опредѣленія церковныхъ штатовъ и послѣ разрѣшенія вопроса, какихъ лицъ духовнаго происхожденія писать въ подушный окладъ и какихъ оставить въ пользованіи свободой отъ податного состоянія. Доселѣ она имѣла только обычный или бытовой характеръ, существуя въ бытовой формѣ наслѣдственности духовнаго служенія, сформировавшейся еще въ допетровское время.

Съ 1708 г. указы о духовныхъ дѣтяхъ получаютъ болѣе опредѣленный смыслъ. Фактическая наслѣдственность церковнаго служенія начинаетъ переходить въ юридическую и притомъ такъ, что уже стѣсняетъ наслѣдникамъ выходъ въ другія профессіи. Образованіе, обязательное для полученія права на церковную должность, прямо пріурочивается къ греческимъ и латинскимъ школамъ, которыя такимъ образомъ сами, въ свою очередь, опредѣляются къ профессіональному назначенію.

„Поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться, сказано въ указѣ 1708 года, въ школахъ греческихъ и латинскихъ; а которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ, и ихъ въ попы и во дьяконы на отцовы мѣста никуда не посвящать, и въ подьячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина (т. е. военнаго), принимать не велѣно. И о томъ во всѣ приказы послать памяти". Черезъ два года указъ этотъ былъ подтвержденъ и, кромѣ священнослужительскихъ дѣтей, распространенъ еще на дѣтей церковнослужителей, церковныхъ сторожей и просвиренъ. Напуганные этими указами и суровыми разборами, дѣти духовенства поспѣшили поскорѣе занимать разныя церковныя мѣста, употребляя для этого всѣ возможныя, даже незаконныя средства: обманы, подкупы и проч. Правительство замѣтило это, и въ 1711 г. выдало длинный указъ о правилахъ, какія нужно наблюдать при поставленіи ставленниковъ, гдѣ о подготовкѣ послѣднихъ говорилось, впрочемъ, глухо, внушалось архіереямъ только вообще при ставленическихъ экзаменахъ „быть опасными и жестокими", подъ опасеніемъ гнѣва государева и даже лишенія каѳедры. Въ 1718 г. вышли два указа, въ которыхъ снова намекалось на духовное образованіе въ школахъ, — кандидатовъ церковной службы указывалось заранѣе учить въ школахъ, чтобы они были годны въ попы и въ случаѣ открытія вакансій готовы къ посвященію. Въ томъ же году монастырскому приказу, который тогда завѣдывалъ всѣми славяно-греко-латинскими школами, предписано было, чтобы онъ удерживалъ учениковъ этихъ школъ отъ преждевременнаго выхода изъ заведенія въ разные чины; онъ обязывался сыскивать и снова отсылать въ школы всѣхъ отставшихъ отъ ученія и даже успѣвшихъ уже записаться въ разные чины, а равно и такихъ, которые будутъ отставать вновь, налагая на нихъ при этомъ наказанія и производя изъ ихъ содержанія вычеты, что причтется, за всѣ прогульные дни.

Между тѣмъ по разнымъ епархіямъ съ первыхъ же годовъ XVIII столѣтія стали возникать самыя школы. Малорусскіе ученые монахи, которые вызывались для занятія архіерейскихъ каѳедръ по епархіямъ Великороссіи, потому именно и вызывались для этихъ постовъ къ великому огорченію мѣстныхъ кандидатовъ архіерейства, что правительство ждало отъ нихъ бо́льшей ревности къ распространенію просвѣщенія. Ожида-

нія эти они оправдывали въ достаточной мѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали къ заведенію школъ и другихъ іерарховъ изъ великоруссовъ. До 1720-хъ годовъ, до времени учрежденія св. Синода, школъ, впрочемъ, открылось немного.

Раньше всѣхъ, въ 1700 г., въ самой Малороссіи возникло черниговская семинарія, устроенная при каѳедрѣ черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ изъ старой школы, переведенной изъ Новгорода сѣверскаго (гдѣ она существовала съ 1636 г. сначала въ видѣ іезуитскаго коллегіума, потомъ въ преобразованномъ видѣ православной школы) еще въ 1689 г. Лазаремъ Барановичемъ. По преобразованіи Іоанномъ Максимовичемъ она стала называться коллегіумомъ, иногда даже collegium Maximovitianum. Курсъ ея устроенъ былъ по образцу курса кіевской академіи съ полнымъ господствомъ латинскаго языка и доведенъ къ 1705 г. до реторическаго класса включительно, на которомъ расширеніе его и остановилось на долгое время. Какъ всѣ малороссійскія школы, черниговскій коллегіумъ былъ заведеніемъ открытымъ для всѣхъ и не имѣлъ церковнаго назначенія. Въ 1727 г. оттуда было донесено въ св. Сунодъ, что школы въ монастырѣ каѳедральномъ обрѣтаются съ 1700 г. по реторику, „а сколько учениковъ было въ школахъ по сю пору, о томъ неизвѣстно, первіе для того, что оныхъ нигдѣ не записывано, другое же — нельзя и записывати, понеже суть отходные люди, — одны зъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторики въ училищѣхъ черниговскихъ, отходятъ въ Кіевъ или въ другія епархіи до вышнихъ школъ и, скончивши школы, нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кіевской, другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ зостаютъ; а другіе проповѣдью слова Божьяго бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которые въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мірскихъ властяхъ зостаютъ“. И входъ и выходъ изъ школы былъ совершенно свободенъ еще и въ 1727 г., такъ что школьное начальство, зная наличное число учениковъ, не знало да и не заботилось о томъ, сколько останется изъ этого числа до окончанія учебнаго года. Съ такимъ же характеромъ устроили школы малорусскіе іерархи и при великорусскихъ каѳедрахъ.

Въ Великороссіи раньше другихъ открыта школа при архіе-

рейскомъ домѣ въ Ростовѣ, обязанная своимъ существованіемъ знаменитому іерарху изъ малороссовъ, св. Димитрію ростовскому. Онъ открылъ ее осенью 1702 г., черезъ полгода по своемъ прибытіи въ Ростовъ, и устроилъ ее тоже по образцу кіевской коллегіи. Учители — трое — всѣ были малороссы; нѣкоторые ученики тоже были изъ малороссовъ, вѣроятно изъ пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Димитріемъ. Оттого въ школѣ слышалась польская рѣчь и изучался польскій языкъ. Но главнымъ предметомъ изученія былъ языкъ латинскій и латинская грамматика Альвара. Въ дошедшихъ до нашего времени экзерциціяхъ ростовской школы говорится о преподаваніи въ ней и греческаго языка, но весьма неопредѣленно, безъ обозначенія какъ числа учившихся, такъ и степени изученія этого языка; сказано только, что „латинское отдѣленіе (pars) училось лучше греческаго“. Изъ тѣхъ же экзерцицій видно, что усиленное занятіе латинью не совсѣмъ благопріятствовало даже изученію и чистотѣ русскаго и церковно-славянскаго языка. Курсъ своей школы всего лучше опредѣляетъ самъ Димитрій, называя ее грамматическою. По грамматикѣ учились и слаганію стиховъ. Только около 1709 г. нѣкоему о. Богомодлевскому поручено было преподать ученикамъ principia риторики. Религіозное образованіе проходило черезъ весь курсъ, было „животворящимъ духомъ ростовскаго училища, который проникалъ и пересоздавалъ въ свойственную себѣ форму даже чуждые ему предметы, неимѣющіе, повидимому, ничего общаго съ христіанствомъ“. Святитель былъ очень привязанъ къ своему училищу, содержалъ его исключительно на счетъ архіерейскаго дома, кромѣ обычныхъ расходовъ назначалъ много подарковъ для поощренія учителей и учениковъ. Отношенія его къ ученикамъ отличались отеческою близостію; онъ самъ занимался съ ними толкованіемъ св. Писанія и наблюдалъ за ихъ успѣхами и религіознымъ воспитаніемъ. Скудость средствъ при каѳедрѣ къ содержанію школы сильно его огорчала; въ 1707 г. школу едва было не пришлось даже закрыть. „Я грѣшный, писалъ онъ къ м. Іову новгородскому, пришедши на престолъ ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское; ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разумѣть недурно, но попущеніемъ Божіимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе; питающій насъ вознегодовалъ, будто много издер-

живается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только вотчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sapienti sat". Школа, впрочемъ, какъ мы видѣли, существовала еще и въ 1709 г. Св. Димитрій очень много разсчитывалъ на нее въ дѣлѣ образованія духовенства своей епархіи, невѣжествомъ котораго онъ былъ крайне пораженъ при первомъ же съ нимъ знакомствѣ. Кончившимъ ученіе онъ давалъ лучшія мѣста при церквахъ. При всемъ томъ и ростовская школа не имѣла характера сословнаго; въ ней учились ученики не только духовнаго, но и другихъ званій, лица „благородныя и неблагородныя", какъ говорится въ одномъ мѣстѣ ростовскаго грамматическаго учебника въ обращеніи учителя къ ученикамъ. Всѣхъ учениковъ насчитывалось до 200. Послѣ кончины св. Димитрія (1709 г.) ростовскимъ епископомъ (съ 1711 г.) сдѣланъ былъ Досиѳей, получившій такую печальную извѣстность по своему суевѣрію и религіознымъ обманамъ и потомъ (въ 1718 г.) кончившій жизнь на эшафотѣ за участіе въ дѣлѣ Евдокіи Лопухиной. Ростовская школа, оставшись безъ поддержки, кажется, тогда же была закрыта; по крайней мѣрѣ, ни при Досиѳеѣ, ни послѣ него до конца Петровскаго царствованія объ ней не имѣется никакихъ извѣстій.

Почти одновременно съ ростовской школой (въ 1703 или 1704 г.) открыта была школа другимъ архіереемъ малороссомъ, м. Филоѳеемъ Лещинскимъ, въ Тобольскѣ. Дѣло объ этой школѣ открыто, впрочемъ, еще раньше его назначенія на сибирскую каѳедру по иниціативѣ правительства, которое еще въ самомъ началѣ XVIII столѣтія обратило вниманіе на состояніе сибирской миссіи между инородцами и вслѣдствіе этого было недовольно крайнимъ недостаткомъ просвѣщенія въ сибирскомъ духовенствѣ. Еще при жизни тобольскаго митрополита Игнатія, въ іюнѣ 1700 г. въ Кіевъ былъ посланъ указъ пріискать ему преемника между учеными монахами, который бы могъ заняться дѣломъ просвѣщенія сибирскаго края христіанствомъ и кромѣ того привезъ съ собою двоихъ-троихъ монаховъ для изученія въ тѣхъ же видахъ монгольскаго и китайскаго языковъ. Потомъ, въ самомъ началѣ слѣдующаго года, еще раньше назначенія новаго митрополита, вышелъ указъ государя объ учрежденіи въ Тобольскѣ школы

для образованія сибирскаго духовенства, указъ, между прочимъ, объясняющій мысль Петра, высказанную въ разговорѣ съ п. Адріаномъ, въ заведеніи именно профессіальныхъ духовныхъ школъ; дворянину тобольскаго архіерейскаго дома Андрею Городецкому поручено было, „для утвержденія и расширенія словесъ Божіихъ“, устроить въ Тобольскѣ „училище поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ дѣтей, робятокъ учить грамотѣ, а потомъ, словенской грамматикѣ и прочимъ на славенскомъ языкѣ книгамъ и катихизису православной вѣры“ (изданія 1696 г.), чтобы они, узнавъ все это, могли, „удостояся въ чинъ священства, народъ учить“. Въ 1702 г. прибылъ въ Тобольскъ новый митрополитъ Филоѳей, вполнѣ раздѣлявшій мысль о необходимости школы въ Сибири; но, какъ и другіе малороссы, онъ желалъ устроить школу общую и латинскую. Въ концѣ того же года онъ отправилъ къ царю длинную челобитную, гдѣ, излагая нужды своей паствы, между прочимъ писалъ, что въ тобольской школѣ слѣдуетъ учить грамматикѣ славянской и латинской, въ ученики же понудить отъ всякаго чина дѣтей. Но государь настоялъ на своей первой мысли, изложенной въ указѣ Городецкому, и отвѣчалъ Филоѳею чрезъ дьяка Виніуса: „преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіи славяно-россійской грамматики, и чтобы вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились и православной вѣры катихизисъ достаточно знали, и по согласію содержащій въ ней артикулъ имѣли и людей мірскихъ учили“. Въ такомъ видѣ школа и была открыта. Преподавателями въ ней, какъ и въ ростовской, были пріѣхавшіе съ архіереемъ и послѣ пріѣзжавшіе малороссы, о свободномъ проѣздѣ которыхъ въ Сибирь Филоѳей нарочно писалъ въ своей челобитной, указывая на то, что безъ проповѣдниковъ и учителей школьныхъ быть невозможно. Число пріѣзжихъ малороссовъ съ теченіемъ времени увеличилось еще ссыльными. Въ 1705 г. подъ ихъ руководствомъ и по примѣру южнорусскихъ школяровъ тобольскіе ученики разыгрывали уже предъ тобольскими гражданами разныя комедійныя акціи. Но латынь не была введена въ преподаваніе до 1728 года, и школа оставалась съ славянскимъ курсомъ, программа котораго начертана была въ царскомъ указѣ, сообщенномъ чрезъ Виніуса. Въ 1707 г. Филоѳей отправилъ миссію въ Монголію и при ней послалъ двоихъ юношей изъ своей школы для изученія монгольскаго языка.

Тобольской школѣ посчастливилось и при преемникахъ Филоѳея, Іоаннѣ Максимовичѣ и Антоніи Стаховскомъ. Основатель черниговскаго коллегіума и въ Тобольскѣ съ любовію занимался школьнымъ дѣломъ, стараясь увеличить число учащихся. М. Антоній довелъ число ихъ до 90, но скудость епархіи сильно затрудняла ихъ содержаніе, такъ что число это пришлось снова сократить до 35. Не мало приходилось, кромѣ того, юному просвѣщенію бороться съ невѣжествомъ и нестроеніями дикаго края. Въ отчетѣ учителей школы отъ 1727 г. говорится: „въ епархіи тобольской дѣти ко обученію вельми тупы; къ томуже многіе объявляютъ дѣтей болѣзненныхъ, которыя по усмотрѣнію въ школу не пріемлются;... екатеринбургскаго вѣдомства священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей къ намъ, въ Тобольскъ, для обученія въ школу не пускаютъ, а употребляютъ въ заводскую работу“. Заводское начальство, радѣя о заводскихъ работахъ, забирало на заводы не только молодежь духовнаго происхожденія, но даже иногда и самихъ духовныхъ лицъ, „что и слышать христіанскому человѣку весьма странно, а духовному чину не безъ утѣсненія и порицанія“. Кромѣ заводскихъ работъ, заводское начальство забирало духовныхъ дѣтей Екатеринбургскаго округа и въ ученье, но въ свою заводскую же школу въ Екатеринбургѣ, гдѣ они приготовлялись главнымъ образомъ для заводскаго письмоводства. Вѣроятно, нѣсколько духовныхъ дѣтей того же округа училось также въ ближайшей школѣ при Далматовомъ монастырѣ, которая была основана монастыремъ собственно для обученія дѣтей монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ. Время ея основанія неизвѣстно; она становится извѣстною съ 1719 г. Въ ней учили чтенію, письму и ариѳметикѣ, очевидно для того, чтобы получать изъ нея грамотныхъ людей для веденія вотчинной экономіи. Учителемъ въ ней былъ мастеръ Ѳалалей Леонтіевъ. Впослѣдствіи школа эта сдѣлалась духовнымъ училищемъ.

Послѣ ростовской и тобольской школъ, третьей великорусской школой при архіерейскомъ домѣ является школа новгородская, основанная уже іерархомъ великоруссомъ, м. Іовомъ, и имѣвшая особенно важное значеніе въ началѣ XVIII в., какъ живая представительница именно великорусскихъ взглядовъ на образованіе и притомъ единственная. Недовольные усиленіемъ черкасъ, какъ звали въ Москвѣ малороссовъ, и ихъ

направленіемъ, великорусскіе іерархи ограничивались однимъ только глухимъ ропотомъ противъ этого усиленія и противъ распространенія нелюбимаго ими кіевскаго образованія, но сами школъ по своему вкусу не заводили, такъ что м. Іовъ въ этомъ отношеніи явился между ними какимъ-то исключеніемъ.

Любовь къ просвѣщенію и къ образованнымъ людямъ, которою всегда отличался новгородскій святитель, особенно обнаружилась въ томъ, что когда въ Москвѣ воздвигнуто было (1690 г.) гоненіе на малороссійскихъ ученыхъ, и они должны были поспѣшно выѣзжать изъ Московскаго государства, онъ одинъ не гнушался ихъ и радушно ихъ принималъ у себя въ Новгородѣ, желая употребить ихъ образованіе и таланты въ пользу для своей епархіи. Такъ, у него нашли пріютъ опальные монахи изъ малороссовъ, — Гавріилъ Домецкій, бывшій прежде симоновскимъ архимандритомъ, потомъ, во время гоненія на малороссовъ, попавшій въ число братіи, ученый и плодовитый писатель, и Ѳеодосій Яновскій, впослѣдствіи преемникъ Іова по каѳедрѣ и первый вице-президентъ Сѵнода. Обрадовавшись пріобрѣтенію такихъ ученыхъ людей, митрополитъ почтилъ ихъ своимъ особымъ благоволеніемъ и полнымъ довѣріемъ и сдѣлалъ ихъ архимандритами первенствующихъ монастырей своей епархіи: перваго — архимандритомъ юрьевскимъ, а второго—хутынскимъ. Представители великорусской партіи остались тогда очень недовольны такимъ возвышеніемъ въ Новгородѣ латынниковъ, подозрѣвали Іова въ измѣнѣ православію и выражали ему эти подозрѣнія прямо въ лицо. Чудовскій іеродіаконъ Дамаскинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ великорусскихъ начетчиковъ и вмѣстѣ горячихъ противниковъ черкасъ, человѣкъ весьма близкій къ Іову и едва ли даже не родственникъ, писалъ ему: „яко блаженство твое сими и сицѣвыми вѣтры, яко трость, наклоняешися и являешися отъ восточной части яко отступающъ, къ западной же склоняющся“.

Пользуясь своимъ значеніемъ при митрополитѣ и ревностію послѣдняго къ дѣлу просвѣщенія, Домецкій рѣшился снова поднять чрезъ него кредитъ югозападной учености и оправдать ее отъ обвиненія въ ереси; съ этою цѣлію онъ написалъ большое опроверженіе на книгу Остенъ, въ которой было высказано послѣднее слово московскихъ ревнителей православія

противъ кіевлянъ и окончательно рѣшенъ главный вопросъ, служившій предметомъ ихъ пререканій съ кіевскими учеными, о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи. Въ 1704 г. опроверженіе это было кончено и представлено для прочтенія митрополиту, но имѣло результаты совершенно противные ожиданіямъ автора. Іовъ разочаровался въ Домецкомъ. Разочарованію этому много помогъ Дамаскинъ, глубоко возмущенный открытымъ латинскимъ направленіемъ Домецкаго и немедленно выступившій на защиту православія. Онъ написалъ противъ Домецкаго 105 отвѣтовъ и послалъ ихъ къ Іову съ убѣжденіями не довѣрять любимцу латыннику, а приблизить къ себѣ снова старыхъ друзей, недаромъ невзлюбившихъ Домецкаго, не увлекаться внушеніями латынниковъ, которые могутъ его самого „сотворить пестра“, ни православнымъ, ни инославнымъ, не читать и книгъ латинскихъ, а лучше прилежать къ книгамъ греческаго языка. Говоря о Домецкомъ, Дамаскинъ постоянно обобщалъ свою рѣчь, стараясь обнаружить вредную односторонность всей вообще кіевской науки и кіевскихъ ученыхъ, исключительную склонность ихъ къ латинскому языку и латинскимъ писателямъ, — явный знакъ недостаточнаго „пріискренства къ восточной церкви“, заимствованіе ими у католическихъ ученыхъ схоластическаго метода и многихъ оттѣнковъ въ манерѣ и сущности богословствованія, непомѣрную ученую гордость, по причинѣ которой они, не разбирая ни сана ни искусства въ писаніямъ, всѣхъ огуломъ честили неуками и невѣждами, говорили, что въ Россіи и Греціи нѣтъ ни книгъ ни ученыхъ людей, какіе есть на Западѣ: „таковый схоластикъ бываетъ попреизлиху пакостникъ церковный и ересеизобрѣтатель, нежели неученый“. Онъ горячо убѣждалъ Іова отстранить отъ себя такихъ людей, окружить себя людьми, знающими греческій языкъ, и не медлить этимъ дѣломъ, — пожаръ уже начался отъ сицилійскихъ головней, которыя залетѣли къ намъ, дмящеся и курящеся, съ запада, — нужно тушить опасный огонь. Бояться, что безъ кіевской учености не будетъ у насъ средствъ къ просвѣщенію, нечего: „благоволи сыскати себѣ греческихъ преводниковъ и писцовъ, и увидиши чудо преславно, узриши бо, коликая полнота писаній обрѣтается на еллинскомъ языкѣ, и нѣсть намъ нужды до латынниковъ никоеяже, мощно и премощно намъ быти безъ нихъ: всуе льстятъ они насъ; не Богъ

ихъ посылаетъ на насъ, но сатана, на прельщеніе, а не на исправленіе".

Увѣщанія Дамаскина не пропали даромъ. Митрополитъ охладѣлъ къ Домецкому и оставилъ „западную часть". Къ тому же еще въ концѣ 1805 г. въ Новгородъ прибыли приглашенные Іовомъ братья Лихуды, лучшіе представители эллинскаго образованія, и своимъ ученымъ авторитетомъ давно стали затмевать гордаго Домецкаго. По всей вѣроятности, охлажденію Іова къ кіевлянамъ немало поспособствовали также тяжелыя отношенія его къ неблагодарному Ѳеодосію Яновскому, котораго онъ облагодѣтельствовалъ, какъ и Домецкаго, но который, заручившись благоволеніемъ царя, знать не хотѣлъ своего престарѣлаго благодѣтеля и сильно раздражалъ его своею заносчивостію. Домецкій не захотѣлъ уступить своего вліянія въ Новгородѣ безъ боя и поднялъ противъ своихъ недоброжелателей безпокойную борьбу. Въ 1708 г. Іовъ писалъ Сильвестру Холмскому (тогда троицкому архимандриту): „всепагубный врагъ діаволъ всегда народъ христіанскій поглотити желаетъ: подобенъ и слуга его, во плоти діаволъ Домецкій, безъ зла не усыпаетъ, на перѣ и словеснѣ всегда кается, а извнутрь всепагубныя души его смертоносный ядъ повсюду износится; не глаголю много о благородныхъ синклитикахъ, но и на духовныхъ премного зіяетъ и уста свои, яко адъ, неправеднѣ лживо расширяя, оглашаетъ". Въ другомъ письмѣ (1709 г.) къ тому же лицу онъ жалуется на опасныя интриги Домецкаго, которыми онъ думалъ поправить свое положеніе, опираясь на силу своихъ земляковъ, особенно какого-то своего всегдашняго заступника, вѣроятно Яновскаго, бывшаго тогда въ большой силѣ у царя. Въ началѣ 1709 г. митрополитъ послалъ его куда-то „во оземствованіе". Послѣ этой непріятной исторіи съ Домецкимъ Іовъ сталъ вообще подозрительно относиться къ кіевскимъ школамъ: школы эти, говорилъ онъ, прежде были хороши, а теперь нѣтъ. Въ 1710 г. проѣзжали чрезъ Новгородъ въ Петербургъ Ѳеофилактъ Лопатинскій и Стефанъ Прибыловичъ, ректоръ и префектъ московской академіи, и посѣтили Іова. Вотъ какое впечатлѣніе произвели они на него: „префектъ, писалъ онъ Римскому-Корсакову, господинъ Стефанъ былъ у насъ и отпущенъ съ достодолжною честію. Благоволи на слово позвати его; мудръ есть человѣкъ и богослова себе нарицаетъ множае паче, неже иные нѣкіе; егда же услышиши, самъ

весьма уразумѣеши, каковы суть богословы являются учащіеся въ кіевскихъ новыхъ аѳинейскихъ школахъ. Изряднаго изъ нихъ быти познахъ Лопатинскаго, яко мужъ кротокъ есть и смиренъ во всяцѣмъ своемъ состояніи, паче же во страсѣ Божіи".

Свои новгородскія школы онъ устроилъ съ помощію Лихудовъ на основахъ славяно-эллинскаго образованія. Школъ этихъ, или точнѣе классовъ, было двѣ; одна была эллино-славянская, считавшаяся главною, первою станицею, другая для малостатейныхъ учениковъ — славянскаго общаго діалекта. На первыхъ порахъ митрополитъ думалъ завести и латинскій классъ, но потомъ, вѣроятно, отложилъ это намѣреніе, — по крайней мѣрѣ при его жизни о существованіи этого класса не имѣется никакихъ извѣстій. Учениковъ съ самаго же начала набрали до 100 человѣкъ изъ разныхъ чиновъ и разныхъ возрастовъ, преимущественно изъ дѣтей духовенства и изъ духовныхъ лицъ; тутъ были и архіерейскіе пѣвчіе, и подьяки, и дьяконы съ дьячками; учился даже самъ митрополичій архидіаконъ: какъ видится, Іовъ энергично принялся просвѣщать свое духовенство. Въ низшей славянской школѣ ученики учились читать, писать и славянской грамматикѣ по руководству М. Смотрицкаго; въ высшей изучали греческій языкъ и греческую грамматику, составленную самими Лихудами, а нѣкоторые проходили и реторику. Курсъ новгородскихъ школъ пользовался особенною популярностію и число учениковъ постоянно держалось на томъ же уровнѣ. Всѣ они содержались на счетъ архіерейскаго дома, откуда брали пищу, одежду и учебныя пособія. Въ 1715 г. на школы обратило вниманіе правительство и стало посылать въ нихъ учиться грамотѣ безграмотныхъ дворянскихъ недорослей; въ теченіе двухъ лѣтъ такихъ недорослей оказалось въ присылкѣ 102 человѣка; они составляли особое отдѣленіе новгородскаго училища, обучались грамотѣ у особыхъ учителей, иподіакона и дьячка, квартиры имѣли въ частныхъ домахъ, но пищей и учебными пособіями довольствовались отъ архіерейскаго же дома, какъ и другіе ученики.

Митрополитъ былъ очень занятъ своими школами и оказывалъ имъ особенное вниманіе. Отношенія его къ Лихудамъ были самыя дружескія. Онъ съ восторгомъ писалъ объ ихъ трудахъ и успѣхахъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ и друзьямъ,

къ Сильвестру Холмскому, къ Мусину-Пушкину, Римскому-Корсакову, Никитѣ Зотову, княгинѣ Меншиковой и др. лицамъ. Къ первому онъ писалъ: „словеснѣйшіе учители, честнѣйшіе іеромонаси, Іоанникій и Софроній Лихудіевы, обрѣтающіеся по указу монаршему въ домѣ Софійскомъ, воистину высокоучени суть, добри же и вѣрни, трезви и бодри, и во ученіи усердни, непрестанно на кійждо день учениковъ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ письмяномъ, безъ всякаго сокрытія, вседушно обучаютъ; при нихъ же и старіи ихъ нѣцыи ученики для ученія и переводу книгъ греко-латинскихъ съ радостію у насъ трудятся... Слава всевидящему и назирательному оку Божію, тако устроившему въ пользу и непроходимую память церкви своей святѣй, о чесомъ выну радуюся“. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ онъ извѣщалъ объ успѣхахъ своихъ школъ Зотова. Лихуды такимъ образомъ, по свидѣтельству писемъ Іова, не оставили совершенно преподаванія латинскаго языка, за которое по милости п. Досиѳея подверглись опалѣ въ Москвѣ, но ихъ преподаваніе было все-таки весьма отлично отъ преподаванія кіевлянъ. Схоластическаго богословія они вовсе не приняли въ свой курсъ и въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ. Реторикѣ, которую они преподавали у Іова, они дали особенную постановку. „Въ основѣ ея лежалъ тотъ же Аристотель, но они его искусно сокращали и приноровливали къ національному характеру своихъ учениковъ: примѣры брались ими преимущественно изъ твореній св. отцовъ, а не изъ сочиненій древнихъ мудрецовъ и риторовъ. Божественное и героическое краснорѣчіе, т.-е.—по ихъ терминологіи — св. Писаніе и творенія отцовъ, они ставили выше человѣческаго, т. е. заключающагося въ твореніяхъ Цицерона, Демосѳена и др. языческихъ ораторовъ, которыми исключительно занимались въ Кіевѣ... Вслѣдствіе этого ихъ реторика, сохранившаяся въ рукописи новгородской Софійской библіотеки, совершенно отлична и отъ древнихъ и отъ современныхъ имъ западныхъ руководствъ по этой наукѣ... Латинскому языку они не давали предпочтенія предъ греческимъ“, преподавали, напротивъ, преимущественно на греческомъ, на которомъ написана была и ихъ реторика. Кромѣ преподаванія въ школѣ, новогородскіе ревнители просвѣщенія занимались еще литературными трудами, составленіемъ и переводомъ книгъ, какія находили нужными по требованіямъ времени. Для распространенія этой дѣятельности

Іовъ намѣревался завести у себя особую типографію и много хлопоталъ объ этомъ передъ царемъ, прося его о присылкѣ изъ Москвы станковъ и другихъ типографскихъ принадлежностей, остававшихся во дворцѣ безъ всякаго употребленія отъ бывшей „верхней“ типографіи Симеона Полоцкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нѣсколько разъ писалъ къ разнымъ сильнымъ лицамъ при Петрѣ, чтобы въ Новгородъ прислали изъ Москвы новыхъ переводчиковъ изъ числа типографскихъ справщиковъ, Николая Семенова Головина, который и самъ просился въ Новгородъ, не уживаясь въ Москвѣ съ латынниками, Карпа Ѳедорова, Германа и Каріона, монаховъ Чудова монастыря. „Азъ ничего иного желаю и прошу, писалъ святитель, точію да будетъ у насъ вѣрному народу благоутишная пристань, роса благодати, дождь душевнаго веселія, сѣмя церковнаго согласія и плодъ богоугоднаго благославія“. Онъ имѣлъ самые широкіе просвѣтительные замыслы, хотѣлъ съ помощію своихъ сотрудниковъ издать новый, болѣе правильный и близкій къ греческому тексту переводъ ветхаго завѣта, перевести разныя нужныя для православія греческія книги, въ числѣ ихъ 18 книгъ, присланныхъ съ востока п. Досиѳеемъ, и вообще сдѣлать Новгородъ средоточіемъ православной греко-славянской образованности. Мечтамъ его не суждено было осуществиться вполнѣ; дѣло новаго изданія Библіи поручено было послѣ другимъ дѣятелямъ; переводчиковъ ему не посылали, отняли у него даже одного изъ самихъ Лихудовъ; типографіи тоже не удалось завести. При всемъ томъ новгородская ученая дружина нѣкоторое время имѣла важное значеніе и съ честію соперничала съ московской дружиной кіевлянъ, завладѣвшихъ московской академіей.

Понятно, какъ долженъ былъ огорчиться митрополитъ, когда на другой же годъ по открытіи новгородскихъ школъ у него вздумали взять въ Москву для вновь открывавшейся тамъ греческой школы самихъ Лихудовъ. Всѣ просвѣтительные планы его могли бы чрезъ это разрушиться окончательно; къ счастію, взяли только одного изъ братьевъ, Софронія, а Іоанникія оставили въ Новгородѣ. Митрополитъ долго хлопоталъ о томъ, чтобы изъ-за московской греческой школы не роняли его новгородскихъ школъ, и нѣсколько разъ принимался писать по этому дѣлу въ Москву къ разнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе что его не переставали тревожить слухи о переводѣ въ Москву

и другого брата Лихуда. Отъѣздъ Софронія, младшаго и энергичнѣйшаго изъ братьевъ, чувствительно отозвался и на переводческой дѣятельности въ Новгородѣ и на школьномъ дѣлѣ. Іоанникій былъ уже очень старъ и требовалъ дѣятельныхъ помощниковъ въ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, а помощниковъ оказывалось мало. Въ школьныхъ занятіяхъ ему помогалъ только ученый монахъ Савватій, да еще ученики высшей школы приглашались къ занятію съ учениками низшей. Въ 1715 г. Іоанникій сталъ уже очень плохъ, отъ старости выжилъ изъ ума, „началъ быть малодушенъ“, какъ выражался Іовъ, между прочимъ сталъ разсылать и раздавать рѣдкія и нужныя книги, какія были въ его библіотекѣ; воспользовавшись его малодушіемъ, около него появились разные греки и другіе иноземцы, старавшіеся выманивать у старика его книжныя сокровища за ничтожную цѣну. Извѣщая объ этомъ кабинетъ-секретаря Макарова Іовъ просилъ, чтобы изъ Москвы прислали Софронія, теперь особенно необходимаго брату. Между тѣмъ самъ Іоанникій, нуждаясь въ братѣ, съ своей стороны выхлопоталъ указъ о переводѣ своемъ въ Москву. Митрополитъ все-таки попытался удержать его въ Новгородѣ и послѣ этого. Въ 1716 году онъ послалъ къ государю свою послѣднюю предсмертную просьбу о любимыхъ своихъ школахъ, чтобы не брали изъ нихъ учителя, „дабы то ученіе, во общую христіанскую пользу еще вкореняющееся, не истребилося, и иждивеніе, на то употребляемое, туне не погибло“. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался, а Іоанникій уѣхалъ въ Москву.

Послѣ смерти Іова школы его стали упадать, несмотря на то, что онъ съ клятвой завѣщалъ управителямъ своего дома поддерживать ихъ въ заведенномъ порядкѣ. Во главѣ школьнаго дѣла сталъ ученикъ Лихудовъ іеромонахъ Іовъ, человѣкъ уже старый и больной, по цѣлымъ мѣсяцамъ не являвшійся въ классъ, такъ что ученики совсѣмъ отстали отъ школы и являлись въ нее лишь за хлѣбами, которые получали отъ ключника архіерейскаго дома. Въ 1718 г. этотъ Іовъ былъ отставленъ и помѣщенъ въ Хутынскую больницу, въ которой вскорѣ затѣмъ и умеръ. При преемникѣ его иподіаконѣ Ѳедорѣ Максимовѣ дѣла пошли нѣсколько лучше. Это былъ старшій и лучшій воспитанникъ новгородской школы, изучившій у І. Лихуда грамматику и реторику и самъ въ послѣднее время

преподававшій эти науки въ школѣ при іеромонахѣ Іовѣ. Послѣ, въ 1723 г., онъ издалъ свою славянскую грамматику, „первый сея школы плодъ“, имѣвшую важное значеніе въ исторіи развитія этой науки послѣ употреблявшейся прежде грамматики М. Смотрицкаго. Благодаря ему, славяно-эллинское и грамматическое ученіе, положенное м. Іовомъ въ основу образованія новгородскихъ школъ, нѣсколько времени продержалось въ нихъ и послѣ того, какъ при новомъ владыкѣ Ѳеодосіи Яновскомъ онѣ подвергнулись преобразованію чрезъ введеніе въ нихъ латинскаго курса.

Послѣ переѣзда изъ Новгорода въ Москву І. Лихудъ вскорѣ скончался. Софроній продолжалъ преподавать въ московской греческой школѣ и заниматься переводами. Около него соединились первые Лихудовскіе ученики-переводчики, Ѳедоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ, монахи Ѳеологъ и Іосифъ, и составили изъ себя дѣятельное переводческое общество. Общество это вмѣстѣ съ греческой школой и было единственнымъ послѣ новгородскихъ школъ средоточіемъ и поддержкой эллино-греческаго просвѣщенія для всей Россіи. Самымъ важнымъ дѣломъ его въ царствованіе Петра были занятія по пересмотру библейскаго перевода для изданія новой славянской Библіи, занятія, впрочемъ, не достигшія своего конца.

Греческая школа Софронія, открытая съ 1708 г., существовала отдѣльно отъ славяно-латинской академіи и составляла самостоятельное учебное заведеніе, хотя ученики той и другой большею частію были одни и тѣ же. Сначала она помѣщалась на Казанскомъ подворьѣ, потомъ съ 1722 г. соединена съ типографіею, гдѣ трудилось переводческое общество. Завѣдываніе ей было предоставлено директору типографіи Поликарпову. Главнымъ учителемъ былъ Софроній Лихудъ, но онъ былъ уже человѣкъ престарѣлый и ослабѣлъ въ преподаваніи, такъ что школа не могла при немъ достигнуть цвѣтущаго состоянія, а тѣмъ болѣе хоть сколько-нибудь сравняться съ славяно-латинской академіей, чтобы выдерживать съ ней конкурренцію и служить ей противовѣсомъ. Въ донесеніи Поликарпова отъ 1715 г. начальнику монастырскаго приказа Мусину-Пушкину читаемъ: „грекъ-учитель старѣетъ, а ученики шалѣютъ. По 7 лѣтъ учатъ грамматику, а листа перевести не умѣютъ. Числомъ ихъ 13 человѣкъ“. Было больше, но 40 человѣкъ бѣжало. Учители подали въ сенатскую канцелярію

роспись этихъ бѣглецовъ съ просьбою, чтобы приняты были мѣры къ ихъ возвращенію въ школу. Но Поликарповъ изъявлялъ сомнѣнія, какъ бы строгія мѣры еще болѣе не повредили греческой наукѣ. Жалованье учителей было ничтожное; такъ, греку Анастасію, котораго хотѣли пригласить въ помощь Софронію, обѣщано было выдавать 10 руб. въ годъ. Школа, очевидно, была какою-то заброшенною. Въ 1722 г. Софроній по старости уволенъ отъ обученія и сдѣланъ архимандритомъ Солотчинскаго рязанскаго монастыря. Намѣсто его поступилъ грекъ Аѳанасій Скіада, но черезъ два года отказался отъ службы, такъ какъ въ 1724 г. вышелъ указъ перевести греческую школу въ академію и поставить ее въ зависимость отъ общаго академическаго начальства. Вѣроятно, служившіе при школѣ боялись, что подъ начальствомъ представителей латинскаго образованія ей будетъ очень плохо. Она, впрочемъ, осталась въ томъ же вѣдомствѣ типографской канцеляріи и по присоединеніи къ академіи; окончательное слiяніе ея съ латинскими школами послѣдовало уже въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія. При А. Скіадѣ и его преемникѣ Алексѣѣ Борисовѣ состояніе греческой школы нѣсколько улучшилось, но она все-таки далеко не могла тягаться съ латинскою. По отчету 1727 г. въ ней училось 35 учениковъ, тогда какъ въ русской школѣ при академіи было 108, а въ латинскихъ классахъ 362 человѣка. Изъ этого же отчета видимъ, что какъ изъ греческой школы ученики переводились въ латинскую, такъ и изъ латинской въ греческую (въ 1725 г. первыхъ переведено было 9, вторыхъ 28 человѣкъ) „для того, чтобы были обучены на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ“, сказано въ поясненіе.

Вслѣдъ за новгородскими школами, около 1714—1715 г.г., митроп. Дороѳей Короткевичъ открылъ школу въ Смоленскѣ. Просвѣщенный архипастырь, урожденецъ и воспитанникъ Кіева, ввелъ въ ней латинское обученіе, собралъ до 35 учениковъ и вызвалъ въ учители монаха Іоасафа Маевскаго, учившагося въ кіевской академіи. Хотя Маевскій и не доходилъ въ академіи до высшихъ классовъ, философіи и богословія, но былъ человѣкъ знающій и полезный для юной школы. Съ помощію его ученіе доведено было даже до реторики. Дальнѣйшимъ успѣхамъ ея помѣшала кончина Дороѳея (въ 1718 г.). Преемникомъ Дороѳея явился Сильвестръ Холмскій, человѣкъ недальняго образованія и извѣстный своимъ нерасположеніемъ

къ черкасамъ. Учитель Маевскій еще до его пріѣзда въ Смоленскъ почему-то почелъ нужнымъ убраться изъ Смоленска за польскую границу. Сильвестръ чрезъ нѣсколько времени опять пригласилъ его пріѣхать „для казанія предики“, но въ школу не опредѣлилъ и держалъ при себѣ простымъ крестовымъ монахомъ. Между тѣмъ школа стала упадать. Десять человѣкъ школьниковъ взяты изъ нея въ архіерейскіе пѣвчіе, да 23 человѣка отпущены учиться въ домы отцовъ. Сильвестръ чрезъ годъ переведенъ былъ въ Тверь, но при его преемникахъ, Варлаамѣ Каховскомъ, человѣкѣ больномъ (умеръ въ томъ же 1721 году), и грекѣ Филоѳеѣ (правилъ до 1727 г., потомъ уволенъ на покой), запустившемъ всю епархію, школьное дѣло шло не лучше. По отчету 1727 г. учениковъ въ смоленской школѣ значилось всего 19, а ученіе ихъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ.

Кромѣ перечисленныхъ школъ, при архіерейскихъ домахъ еще, кажется, не было открываемо ни одной школы для образованія духовенства за все время отъ 1700 до 1721 года.

Въ подмогу архіерейскимъ школамъ для образованія духовенства указаны были школы цыфирныя. Школы эти правительство указало заводить въ 1714 году и назначило для общаго образованія всякаго чина дѣтей, опричь однодворцевъ; цыфирными они названы были потому, что въ составѣ ихъ элементарнаго курса, по странной прихоти законодателя, на первомъ планѣ поставлено было обученіе „цыфири и нѣкоторой части геометріи“ (циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ). Учителями назначались въ нихъ ученики навигацкихъ школъ, которыхъ и велѣно для этого отправить по два въ каждую губернію. Наука цыфирная объявлена до того обязательною, что юношамъ, не получившимъ отъ учителей свидѣтельства объ окончаніи цыфирнаго курса, не велѣно было давать вѣнечныхъ памятей, т.-е. разрѣшенія на бракъ. Самыя школы велѣно было открывать при архіерейскихъ домахъ и знатнѣйшихъ монастыряхъ. Хотя эти школы и объявлены сначала всесословными, но обязательность ихъ курса пала преимущественно на дѣтей духовенства, да еще на дьячьихъ и подьячьихъ дѣтей, потому что, кромѣ однодворцевъ, составлявшихъ народное поголовное ополченіе и уволенныхъ отъ цыфирнаго обученія съ самаго начала, правительство вскорѣ уволило отъ него еще дворянъ, тоже нужныхъ

ему для службы, а потомъ въ 1720 г. дѣтей посадскихъ, чтобы вслѣдствіе держанія ихъ въ школахъ не было ущерба торгамъ и сбору таможенныхъ пошлинъ. Въ 1719 г. завѣдывавшій этими школами Скорняковъ-Писаревъ прямо доносилъ, что въ нихъ исключительно учились дѣти духовныхъ лицъ; къ тому же способствовало самое мѣсто помѣщенія этихъ школъ при архіерейскихъ домахъ.

Не знаемъ, насколько полезны были цыфирныя школы для епархій, гдѣ вовсе не было архіерейскихъ школъ, но, напр., въ Новгородѣ открытіе такой школы едва не уронило школъ м. Іова. Послѣ нѣсколькихъ требованій о высылкѣ духовныхъ дѣтей къ цыфирному ученію, управители новгородскаго архіерейскаго дома въ началѣ 1720 г. вынуждены были отправить въ Сенатъ на царское имя прошеніе съ объясненіемъ, что въ ихъ епархіи 14 лѣтъ уже существуетъ своя собственная школа, „церковничьимъ дѣтямъ весьма свойственная“, что поэтому новгородская епархія имѣетъ отмѣну отъ другихъ, въ которыхъ не обрѣтается такихъ эллино-греческаго діалекта школъ, и не подлежитъ силѣ распоряженій о навигацкихъ или цыфирныхъ школахъ, что кромѣ того „ежели оные церковничьи и прочихъ архіерейскаго суда людей дѣти въ навигацкую школу будутъ опредѣлены, то оной греко-славянской школѣ не только растенія не получить, но и процвѣтающее растеніе принуждено будетъ увянуть“. Между тѣмъ мѣстная губернская администрація, не дожидаясь по этой просьбѣ рѣшенія сверху, торопила архіерейскій разрядъ, чтобы скорѣе приготовлено было мѣсто для цыфирной школы, и сама собой распорядилась разборомъ дѣтей годныхъ въ ученіе, для чего отъ приказной палаты по всей епархіи разосланы были нарочные, которые сейчасъ же начали вызывать духовенство съ дѣтьми въ канцеляріи для переписи, а ослушниковъ, отказывавшихся отъ явки своихъ дѣтей за неимѣніемъ о томъ указа отъ епархіальной власти, забирать подъ караулъ. Управлявшій епархіей викарій Аароновъ съ другими членами архіерейскаго разряда возсталъ противъ этихъ распоряженій и замѣтилъ приказной палатѣ, что въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ цыфирной школѣ вовсе не слѣдуетъ быть да и негдѣ, такъ какъ здѣсь есть своя школа, и что, съ другой стороны, дѣти духовенства „причинны“ къ греко-славянской школѣ, гдѣ они съ извѣстныхъ лѣтъ и начинаютъ обучаться „свойственному

отцевъ ихъ служенію", и если отдать ихъ въ цыфирное ученіе, то некого будетъ посвящать на церковныя мѣста. Но когда палата донесла объ этомъ представленіи въ Петербургъ, Скорняковъ-Писаревъ только разсердился и отвѣчалъ епархіальнымъ властямъ дерзостями. „Дивился я, писалъ онъ, реторическому сложенію онаго представленія; должно-быть, авторъ его много начитался новгородскихъ исторій отъ Рюрика до царя Ивана Васильевича, а дальше не прочиталъ, что было въ 7078 лѣто при архіепископѣ Пименѣ, ибо ожели бы оную гисторію челъ, никако бы дерзнулъ такой отвѣтъ писать, понеже его величество государь нашъ всероссійскій Петръ Алексѣевичъ о своихъ подданныхъ неусыпно трудится, дабы изъ тьмы необученія просвѣтить науками, и того ради милостиво соизволилъ во всемъ своемъ царствіи всякаго чина людей учить ариѳметикѣ и нѣкоторой части геометріи, и обуча отпускать по-прежнему въ достойныя когождо чина служенія,... и тотъ указъ и наука вышезначенная въ ученіи греко-славянскаго діалекта и въ поставленіи священнаго чина дѣтей въ священническій чинъ, а дьячимъ и подъячимъ въ пищикахъ быть не есть препятіе, но и способъ, ибо оныя науки во всецѣлой человѣческой жизни зѣло человѣкомъ надобны, и много времени не требуютъ, а именно понятнѣйшіе могутъ обучиться въ годъ; а вамъ показалась оная за препятіе, не знаю для чего, а чаю, что вы сами оной наукѣ неискусны, то и сладости оной непричастився, и прочихъ всѣхъ вышеозначенныхъ чиновъ дѣтей неразуміемъ своимъ оной науки отлучаешь по писанному: самъ не искусився, како можешь искушаемымъ помощи?" — Возбудивъ такой гнѣвъ „его изящества", епархіальныя власти испугались и послали къ нему извиненіе, въ которомъ ссылались на примѣръ купецкихъ людей, не испытавшихъ на себѣ никакого гнѣва за подобную же, даже менѣе резонную, просьбу объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ цыфирнаго ученія, и просили, чтобы въ эту науку не брали, по крайней мѣрѣ, дѣтей, нужныхъ для архіерейской греко-славянской школы. Послѣ этого ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить требованія „его изящества", отвести для школы мѣсто и послать по духовенству послушный указъ о высылкѣ въ нее требуемыхъ дѣтей.

Въ слѣдующемъ году архіепископомъ новгородскимъ сдѣлался вліятельный Ѳеодосій Яновскій и крѣпко заступился

за новгородскую школу; кромѣ того, дѣло о высылкѣ духовныхъ дѣтей къ цыфирному ученію скоро, какъ увидимъ, было поднято въ самомъ св. Синодѣ и стало рѣшаться въ томъ же сословномъ направленіи, въ какомъ высказывались прежде и правители новгородскаго архіерейскаго дома въ своей перепискѣ съ Сенатомъ и Скорняковымъ-Писаревымъ.

За неимѣніемъ другихъ указаній, мы можемъ считать эту переписку первымъ по времени яснымъ выраженіемъ со стороны духовныхъ властей взгляда на епархіальныя школы съ сословной точки зрѣнія, какъ на школы, назначенныя для приготовленія духовныхъ дѣтей къ духовному же служенію. Само собой разумѣется, что при самомъ заведеніи своихъ школъ архіереи прежде всего должны были разсчитывать на нихъ въ интересахъ духовной службы, но расчетъ этотъ далеко не былъ исключительнымъ; они принимали въ эти школы всѣхъ желающихъ учиться, точно также и выпускали изъ нихъ безпрепятственно на всѣ возможные роды службы; самое образованіе въ этихъ школахъ организовалось въ формѣ образованія общаго, какое было во всѣхъ школахъ древней Руси, какъ въ югозападной Россіи, такъ потомъ и въ московскомъ государствѣ. Когда правительство стало высказывать свою мысль объ устройствѣ именно профессіональныхъ духовныхъ школъ, въ которыхъ бы учились лишь дѣти духовенства для церковной службы, такая постановка школъ показалась на первыхъ порахъ даже неудовлетворительною и вызвала, какъ мы видѣли, возраженіе со стороны Филоѳея тобольскаго, который находилъ лучшимъ устроить у себя школу на старыхъ началахъ всесословнаго обученія, такъ что Петръ почелъ нужнымъ снова подтвердить ему свое распоряженіе въ болѣе ясныхъ чертахъ.

Съ теченіемъ времени мысли правительства касательно этого предмета все болѣе выяснялись и требованія дѣлались настоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ рѣзче опредѣлялось сословное раздѣленіе государственнаго населенія. Съ 1708 г., какъ мы видѣли, профессіональное образованіе въ славено-греко-латинскихъ школахъ сдѣлано для духовныхъ дѣтей обязательнымъ, а въ 1718 г. приняты мѣры и противъ преждевременнаго выхода ихъ изъ этихъ школъ для поступленія на свѣтскую службу. Впрочемъ, касательно этой послѣдней стороны вопроса о духовныхъ школахъ распоряженія правительства, какъ те-

перь, такъ и послѣ, не отличались особенной рѣшительно, стію. При крайнемъ недостаткѣ образованныхъ людей для него было бы крайне невыгодно, если бы выходъ молодыхъ людей изъ духовныхъ школъ на свѣтскую службу остался закрытымъ. Равнымъ образомъ невыгодно было самую обязанность духовныхъ школъ доводить до того, чтобы дѣти духовенства уже не имѣли права поступать ни въ какія другія учебныя заведенія, напр. въ цыфирныя школы или въ медицинскую науку. Но изъ тѣхъ же государственныхъ видовъ оно зато весьма послѣдовательно развивало другую сторону сословнаго значенія духовныхъ школъ, именно ихъ замкнутость для постороннихъ лицъ, которыхъ государству нужно было удержать на своей собственной службѣ, какъ-то дворянскихъ дѣтей. Съ 1715 г. послѣднія должны были исключительно и обязательно поступать въ свои профессіональныя училища,—морскую академію, артиллерійскую и инжерную школы и въ сухопутную гвардію. Въ 1716 г. дворянскимъ недорослямъ, учившимся въ московской академіи славяно-латинской наукѣ, дозволено было кончить въ ней курсъ, если они записались въ нее раньше 1715 года, а поступившихъ туда послѣ 1715 г. штрафовать. Въ 1717 г. всѣ эти недоросли, въ числѣ 213 человѣкъ, были вытребованы изъ академіи въ Петербургъ, гдѣ государь самъ сдѣлалъ для нихъ назначеніе: однихъ помѣстилъ въ морскую академію, другихъ въ гвардію, многихъ отправилъ за границу. Своевольно записавшіеся въ академію ссылались даже на три года въ галерную или каторжную работу. Послѣ этого дворянскія дѣти стали поступать въ духовныя школы только по особому распоряженію правительства, которое, производя имъ смотры, находило между ними столько безграмотныхъ людей, что не находило у себя никакихъ средствъ дать имъ всѣмъ нужное для нихъ общее элементарное образованіе и разсылало ихъ для этой цѣли то въ новгородскія, то въ московскія славено-латинскія школы. Само собою понятно, что обученіе этихъ недорослей при такихъ условіяхъ было не столько правомъ, сколько повинностію духовныхъ школъ въ пользу государственной службы. Въ узаконенный срокъ, лѣтъ въ 16 отъ роду, всѣ подобные ученики должны были выходить изъ духовныхъ школъ и являться или въ свои собственныя школы или на службу. Во время самаго обученія, по крайней мѣрѣ, въ новгородскихъ школахъ, они рѣзко отдѣлялись отъ дру-

гихъ учениковъ, составляя особое отдѣленіе. Нечего и говорить, что приготовленіе ихъ къ церковной службѣ было совершенно немыслимо. О поступленіи въ духовныя школы учениковъ изъ податныхъ классовъ вопроса въ описываемое время не возбуждалось, какъ потому, что по новости школьнаго образованія такихъ учениковъ не было, такъ и потому, что заботы правительства о цѣлости этихъ платежныхъ классовъ и заключеніи выхода изъ нихъ въ привилегированныя состоянія развиваются, главнымъ образомъ, послѣ установленія подушнаго оклада.

Понятно, что при такихъ условіяхъ и духовныя власти съ теченіемъ времени тоже должны были измѣнить свой прежній взглядъ на свои школы, какъ на заведенія общеобразовательныя, и приняться за развитіе сословно-профессіональнаго ихъ назначенія. Но въ то время, какъ правительство въ своихъ интересахъ старалось преимущественно о стѣсненіи доступа къ ихъ профессіональному образованію для постороннихъ людей, нужныхъ для государственной службы, духовныя власти, въ интересахъ церковной службы, обратили вниманіе на другую сторону дѣла, на выходъ своихъ лучшихъ молодыхъ людей въ посторонніе вѣдомства, который, при малочисленности образованныхъ кандидатовъ священства и при слишкомъ частныхъ вызовахъ школьниковъ и вообще грамотныхъ духовныхъ дѣтей со стороны правительства къ разнымъ свѣтскимъ наукамъ и службамъ, былъ весьма невыгоденъ для духовнаго вѣдомства. Напр. въ 1711 г. велѣно было чрезъ монастырскій приказъ взять 50 человѣкъ церковниковъ въ адмиралтейство, грамотѣ и писать умѣющихъ, и опредѣлить ихъ тамъ къ обученію разнымъ мастерствамъ. Въ 1718 г. встрѣчаемъ даже такого рода распоряженіе: „набрать въ адмиралтейскіе плотники изъ церковническихъ дѣтей 500 человѣкъ, въ томъ числѣ чтобы, сколько возможно, было больше грамотныхъ“, а мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому для вѣдома отписать, „чтобы во всей московской губерніи до окончанія того разбору поповыхъ, и дьяконовыхъ, и пономаревыхъ, и сторожевыхъ, и просвирниныхъ и всякихъ церковниковыхъ дѣтей въ духовный чинъ не посвящать до указу“. Стефанъ написалъ на присланномъ къ нему извѣщеніи: „буди указъ великаго государя непремѣннымъ о томъ, что изъ церковниковъ избирать въ плотники, а что не посвя-

щать въ попы, идѣже самая нужда требуетъ, сему дѣлу нѣсть должно быти". Съ 1712 по 1720 г. по подробнымъ присылкамъ было принято въ адмиралтейство къ разнымъ мастерствамъ 836 человѣкъ, но изъ нихъ 524 человѣка бѣжали. Московская медицинская школа при госпиталѣ доктора Бидло была вся укомплектована учениками славяно-латинскихъ школъ; притомъ же въ нее вызывались тѣ изъ нихъ, которые лучше другихъ успѣвали въ латинскомъ языкѣ. Потомъ, съ 1714 г., духовныхъ дѣтей стали повсюду привлекать въ цыфирныя школы.

Всѣ эти вызовы молодыхъ людей естественно должны были возбуждать въ духовной администраціи невольныя сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что изъ духовнаго вѣдомства этимъ путемъ уходили большею частію лучшія его силы, на которыя впереди возлагались большія надежды. Въ 1718 г. вышелъ извѣстный указъ монастырскому приказу о неувольненіи школьниковъ славено-латинскихъ школъ въ разные чины до окончанія ученія По чьей иниціативѣ былъ изданъ этотъ указъ, не знаемъ, но едва ли не по представленіямъ духовной администраціи, которой ближе всего было желать изданія подобнаго указа. Вѣроятно по ея же настоянію въ 1719 г. штатсъ-конторъ-коллегія запретила доктору Бидло принимать учениковъ славяно-латинскихъ школъ въ московскій госпиталь безъ особливаго указа. Затѣмъ, какъ мы видѣли, изъ Новгорода послышались сильныя возраженія противъ набора духовныхъ дѣтей въ цыфирныя школы. На практикѣ, впрочемъ, ни указы 1718 и 1719 годовъ ни представленія духовныхъ властей не имѣли надлежащей силы до самаго учрежденія Синода. Мы видѣли, чѣмъ кончилось новгородское дѣло о цыфирной школѣ. Докторъ Бидло спокойно продолжалъ переманивать студентовъ въ госпиталь и отъ 1719 г. до 1722, когда въ это дѣло вступился св. Синодъ, успѣлъ переманить 108 человѣкъ, число весьма краснорѣчивое, всего лучше показывающее, какъ еще трудно было тогда духовной администраціи соблюсти свои спеціальные интересы при повсюдной нуждѣ въ образованныхъ людяхъ. Самъ Бидло послѣ объяснялъ, что безъ учениковъ славяно-латинскихъ школъ ему рѣшительно было бы невозможно поддерживать комплекта хирургическихъ школъ, и просилъ уволить его отъ запрещенія 1719 года. То же самое говорила и администрація школъ цыфирныхъ.

Кромѣ этого обстоятельства, вызову учениковъ духовныхъ

школъ на свѣтскія профессіи, а равно обученію въ этихъ школахъ учениковъ постороннихъ вѣдомствъ много содѣйствовала еще первоначальная неразвитость профессіональнаго элемента въ самомъ курсѣ этихъ школъ и въ ихъ администраціи. Несмотря на всю ясность, съ какой духовныя власти стали высказывать мысль, что дѣти духовенства „причинны“ именно къ архіерейскимъ школамъ, назначеннымъ для обученія ихъ „свойственному отцевъ ихъ служенію“, курсъ этихъ школъ по-прежнему носилъ на себѣ общій элементарный характеръ, съ прибавленіемъ лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ изученія классическихъ языковъ. Ближайшее управленіе школами было въ рукахъ мѣстныхъ архіереевъ, но высшее сосредоточено въ монастырскомъ приказѣ, — органѣ не духовной, а свѣтской власти, подчиненномъ Сенату и завѣдывавшемъ не только духовными, но и вновь заводимыми свѣтскими школами, напр. нѣмецкими. Онъ долженъ былъ побуждать архіереевъ къ заведенію новыхъ школъ, наблюдалъ за исполненіемъ указовъ объ обязательномъ обученіи въ нихъ духовныхъ дѣтей, принималъ прошенія о поступленіи ихъ въ самую академію, заботился объ усиленіи учебной части, вѣдалъ учителей и учениковъ по суду и заботился о средствахъ ихъ содержанія. Чрезъ него же шло опредѣленіе въ эти школы для науки дворянскихъ недорослей, а равно и отправленіе дѣтей духовенства для обученія въ другія учрежденія. Лѣнивыхъ и не желавшихъ учиться онъ же подвергалъ обычнымъ разборамъ для отдачи ихъ въ военную службу, наблюдалъ даже надъ самими епархіальными архіереями, чтобы не посвящали въ попы и діаконы неученыхъ. Матеріальное обезпеченіе архіерейскихъ школъ производилось, правда, на спеціальныя церковныя средства, на доходы съ церковныхъ вотчинъ, что должно бы было естественно повлечь за собою подчиненіе ихъ спеціальной церковной же администраціи; но всѣ вотчинные и другіе церковные доходы были тогда отписаны отъ завѣдыванія духовныхъ властей въ свѣтское вѣдомство монастырскаго приказа, который выдавалъ изъ нихъ на содержаніе церковныхъ учрежденій только опредѣленные штатные оклады, а всѣ остаточныя отъ нихъ суммы расходовалъ на указанныя ему правительствомъ государственныя и общественныя нужды, въ числѣ которыхъ было и содержаніе школъ, что существенно измѣняло вопросъ о подчиненности послѣднихъ духовному или свѣтскому вѣдомству и дѣлало ихъ

не столько церковными и сословно духовными, сколько государственными учрежденіями, которыми правительство могло чрезъ монастырскій приказъ свободно распоряжаться для своихъ обще-государственныхъ цѣлей.

Въ такомъ положеніи вопросъ о духовныхъ школахъ существовалъ до 1720-хъ годовъ, до времени учрежденія св. Синода.

Знаменскій.

Московская духовная академія въ XVIII столѣтіи.

Съ началомъ XVIII столѣтія въ исторіи академіи происходитъ значительная перемѣна: въ образованіи вліяніе греческаго языка смѣняется латинскимъ, кругъ ученой дѣятельности расширяется, наставниковъ беретъ академія не изъ Греціи, но изъ единоплеменной Руси юго-западной. Краткое время правленія Палладія Роговскаго (1700 — 1703) можно назвать переходнымъ къ новому образованію, — границею, отдѣляющею время Лихудовъ отъ времени ученыхъ кіевскихъ, наполнявшихъ послѣ него академію. Замѣчательно, что въ это переходное время рушилась послѣдняя опора для ученыхъ изъ грековъ: послѣдній патріархъ московскій, стоявшій за идеи Царя Ѳеодора и до самой смерти заботившійся о вызовѣ новыхъ ученыхъ изъ грековъ, въ октябрѣ 1700 года скончался, оставивъ академію въ опасности совершеннаго упадка. Дѣйствительно, непрестанная смѣна наставниковъ въ академіи послѣ Лихудовъ, дошедшая наконецъ до того, что некому было учить, сокращеніе предметовъ ученія, открытое гоненіе на языкъ греческій не могли обѣщать академіи прочнаго существованія, и это до тѣхъ поръ, пока не вступился въ ея участь великій преобразователь Россіи.

Первый изъ учениковъ Лихудовъ и почти послѣдній въ ряду наставниковъ, вышедшихъ изъ ихъ школы, Палладій Роговскій, не могъ напомнить собою Лихудовъ; заграничное образованіе не оставило въ немъ и слѣдовъ греческаго образованія, полученнаго имъ въ Москвѣ, такъ что онъ не зналъ даже языка греческаго. Слушавъ полтора года Лихудовъ еще въ школѣ Богоявленскаго монастыря, Палладій, „желая совершеннаго ученія“, удалился изъ Москвы, снялъ иноческое платье, и учился годъ въ Вильнѣ въ іезуитской школѣ; потомъ въ силезскомъ городѣ Нейссе провелъ еще годъ, „учася піитическому

разуму", отсюда перешелъ въ Ольмюцъ для слушанія реторики. Но ольмюцкіе іезуиты не соглашались допустить его въ школу, если онъ не приметъ уніи, и Палладій рѣшился, изъ любви къ наукѣ, на временное, впрочемъ только видимое, отступленіе отъ православія. Это открыло ему дорогу въ Римъ, гдѣ семь лѣтъ изучалъ онъ философію и богословіе въ греко-уніатской коллегіи, былъ здѣсь посвященъ въ пресвитера уніатскимъ митрополитомъ Онуфріемъ, и, по окончаніи ученія, получивъ степень доктора философскихъ и богословскихъ наукъ, тайно уѣхалъ въ Россію, исповѣдалъ патріарху Адріану свое невольное отступничество, написалъ пространное исповѣданіе своей вѣры въ духѣ православія и проклялъ „ученія, мудрствованія, догматы и толкованія" западныя, несогласныя съ ученіемъ Церкви восточной. 2-го іюня 1699 года патріархъ принялъ Палладія въ нѣдра православной Церкви, а на слѣдующій годъ поручилъ ему должность наставника въ академіи и поставилъ его игуменомъ Заиконоспасскаго монастыря. Палладій училъ только на латинскомъ языкѣ и училъ не долго: изнуренный продолжительнымъ и труднымъ ученіемъ въ школахъ западныхъ, онъ скончался 23 января 1703 года и погребенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ, по смерти патріарха Адріана, во главѣ управленія дѣлами Церкви сталъ митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій, котораго Петръ назначилъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Въ 1701 году царь ввѣрилъ его непосредственному надзору и попеченію московскую академію, и Яворскій первый принялъ названіе *протектора* академіи. Выборъ, сдѣланный Петромъ, оправдался, какъ нельзя лучше: просвѣщенному вниманію Яворскаго обязана академія своимъ возстановленіемъ и распространеніемъ. Лучшій изъ тогдашнихъ воспитанниковъ кіевской академіи, докончившій свое образованіе за границею, Стефанъ внушилъ царю, что лучшимъ образцемъ для устройства академіи московской можетъ быть кіевская, уже засвидѣтельствовавшая долговременными опытами доброе направленіе введеннаго въ ней образованія, даровавшая Церкви многихъ архипастырей и ученыхъ, и Петръ выдалъ указъ (іюля 7-го, 1701 года) „завесть въ академіи ученія *латинскія*".

Сличая это распоряженіе Петра съ распоряженіями царя Ѳеодора Алексѣевича и патріарховъ восточныхъ, имѣвшими

мѣсто при основаніи академіи и послѣ при Лихудахъ, находимъ, что тогда отдавали преимущественное и даже исключительное господство образованію греческому, а теперь вводится образованіе латинское. Нельзя думать, чтобъ поводомъ къ предпочтенію латинскаго языка было непріятное впечатлѣніе, оставленное въ Москвѣ греками Лихудами, потому что патріархъ іерусалимскій, возставая противъ Лихудовъ, продолжалъ крѣпко стоять за образованіе греческое, такъ что, по его вліянію, латинскій языкъ изгнанъ былъ изъ академіи послѣ Лихудовъ: нѣтъ! это было слѣдствіемъ новыхъ вліяній, которымъ подверглась академія. Царь Петръ въ свое путешествіе по Европѣ видѣлъ одни разсадники латинскаго образованія и потому, внося преобразованіе во внѣшнюю жизнь народа, желалъ и науку облечь въ общепринятыя формы. Стефанъ Яворскій, питомецъ школъ кіевской, лембергской и познанской, очевидно, не могъ не сочувствовать порядку, введенному въ сихъ школахъ. Потому, въ силу указа царскаго, Яворскій обратился за учителями къ академіи кіевской, и послѣ смерти Палладія устроилъ академію московскую по образцу кіевской: съ 1704 года до временъ Платона митрополита академія большею частію имѣла наставниковъ изъ Кіева, которые въ преподаваніи слѣдовали учебнымъ руководствамъ кіевскимъ и ввели въ жизнь академіи порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, словомъ, сообщили ей свой духъ, свое направленіе. Есть основаніе думать, что для ускоренія образованія кіевскіе наставники привезли съ собою въ Москву даже подготовленныхъ учениковъ изъ Кіева: въ дошедшемъ до насъ спискѣ учениковъ философіи 1704 года въ числѣ 34 человѣкъ только трое великороссіянъ, а всѣ прочіе имѣютъ фамиліи бѣлорусскія и польскія. Всѣ уроки читались и сочиненія были писаны на одномъ латинскомъ языкѣ: академія утратила прежнее названіе школъ греческихъ, и въ бумагахъ офиціальныхъ, большею частію, именовалась латинскими, славено-латинскими школами. Во второй четверти XVIII вѣка академія получила почетное названіе: Caesarea, Императорская.

Любопытно, что языку латинскому въ то время старались придать особенную политическую значительность и называли его языкомъ „единоначальствія“, т.-е. языкомъ, напоминавшимъ цвѣтущія времена римской монархіи. Въ пользу возстановленія греческаго говорилъ нѣкто іеромонахъ Серафимъ,

грекъ, присланный въ Москву царемъ въ 1704 году изъ-подъ Нарвы. Петръ назначилъ ему жалованье по двѣ гривны на день, однако жъ онъ не оказался нужнымъ ни для училища Нарышкинскаго, въ которомъ училъ Эрнстъ Глюкъ, ни для академіи, въ которой не открывали греческаго класса. Поэтому черезъ полгода ему перестали выдавать жалованье, и онъ въ 1705 г. подалъ царю просьбу, чтобы его отпустили въ Лондонъ, гдѣ прежде онъ имѣлъ пребываніе, и гдѣ, какъ увѣрялъ онъ, намѣренъ заняться печатаніемъ библіи и построеніемъ греческой церкви, и его отпустили. Замѣчателенъ, между прочимъ, его отзывъ объ упадкѣ въ Россіи мнѣнія о грекахъ: „я самъ, пишетъ Серафимъ, вѣрный свидѣтель и очевидецъ, что насъ ставятъ ниже всѣхъ другихъ иноземцевъ“. Школа греческая открыта уже по возвращеніи Лихудовъ изъ Новгорода и помѣщена отдѣльно отъ академіи на Казанскомъ подворьѣ, потомъ, съ 1722 года, переведена въ домъ типографіи; въ ней были особые ученики и наставники. Въ 1724 году греческая школа соединена съ академіею, но не надолго: въ 1740 году опять упоминается въ типографіи училище греческое.

Впрочемъ, говоря о греческомъ и латинскомъ образованіи, мы разумѣемъ только внѣшнюю форму образованія; сущность ученія, православные догматы, строгій взглядъ на западное суемудріе — оставались тѣ же, какъ при Лихудахъ, такъ и въ новомъ періодѣ академіи. Конечно, каждый языкъ имѣетъ обширное значеніе при изученіи наукъ и отчасти сообщаетъ знанію характеръ убѣжденій, господствовавшихъ въ странѣ, гдѣ выработанъ тотъ или другой языкъ; чтеніе твореній греческихъ отцовъ, доступное знающему языкъ грековъ, безспорно приноситъ не тѣ плоды, какъ изученіе Отцевъ запада, пріобрѣтаемое знаніемъ одного языка латинскаго: то же надобно сказать о чтеніи греческихъ и латинскихъ классиковъ. Но при всемъ томъ отрадно высказать мысль, что академія московская, отъ временнаго изгнанія греческаго языка изъ круга преподаванія, не потерпѣла ущерба ни въ наукѣ ни въ православіи, и это зависѣло отъ крѣпости ученія православнаго, внѣдрившагося въ сердце русское и давно принятаго съ убѣжденіемъ непоколебимымъ.

Замѣчательно еще, что кіевскіе наставники, усвоивъ себѣ духъ иночества въ древней столицѣ православія, старались и въ Москвѣ утвердить за монашествомъ господство въ области

науки; вслѣдствіе ихъ вліянія считалось почти необходимостію поручать ученыя каѳедры во всѣхъ классахъ преимущественно монашествующимъ: много было курсовъ, когда въ академіи между наставниками не было ни одного свѣтскаго лица. Любопытный случай представляется въ 1744 году; въ этомъ году всѣ наставники были монашествующіе, кромѣ одного учителя низшаго класса, Григорія Кондакова, которому, вѣроятно, послѣ непринятыхъ имъ убѣжденій вступить въ монашество, послѣдовало на представленіи ректора Порфирія такое опредѣленіе св. Синода: „Григорья Кондакова изъ учителей, понеже онъ монашескаго чина понынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять“. Другой случай относится къ 1753 году: избравъ на двѣ праздныя учительскія вакансіи свѣтскихъ учителей: Аѳанасія Пельскаго и Григорія Драницына, ректоръ Варлаамъ писалъ о нихъ въ св. Синодъ: „сіи учители, хотя бѣльцы, однако люди весьма надежные и какъ житія, такъ и ученія изряднаго“. Такъ Кіевъ, колыбель русскаго иночества, глубоко насаждалъ любовь къ монашеству въ питомцахъ науки, образовавшихся въ виду сонма святыхъ иноковъ, почивающихъ въ его пещерахъ! Правительство дорожило учеными иноками, и старалось поддерживать принесенное изъ Кіева въ московскую академію направленіе: оно признавало, что духъ иночества и нераздѣльный съ нимъ духъ благочестія должны имѣть благотворное вліяніе на воспитаніе всего ученаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ утѣшеніемъ видѣло, что изъ этого разсадника науки уже являлись свѣтильники Церкви, сіявшіе свѣтомъ жизни и ученія. Царь Петръ ясно понималъ пользу, приносимую Церкви ученымъ монашествомъ, и указомъ (1 сентября 1723 года) предписалъ: „во всѣхъ Россійскія имперіи монастыряхъ, переписавъ молодыхъ ниже 30 лѣтъ монаховъ, для ученія, кого какихъ наукъ возможно, въ славяно-латинскія школы собрать“. Въ 1727 году императоръ ПетръII повторилъ тотъ же указъ: въ немъ замѣчено между прочимъ, что цѣлію такого распоряженія поставляется то, чтобъ былъ отъ ученыхъ иноковъ „плодъ церкви Божіей“.

Классическія занятія учениковъ состояли въ чтеніи уроковъ, въ переводахъ съ древнихъ языковъ, въ приготовленіи небольшихъ сочиненій exprompti, преимущественно на латинскомъ языкѣ, и въ „непремѣнномъ употребленіи между собою раз-

говоровъ латинскихъ". Въ низшихъ классахъ до философіи заведены были auditores изъ лучшихъ учениковъ, которые до прихода учителя выслушивали затверженные уроки отъ своихъ товарищей и, написавъ отзывы о каждомъ въ особыхъ запискахъ (notata), представляли учителю. Въ одинъ изъ дней недѣльныхъ въ классахъ богословскомъ и философскомъ были публично при собраніи учениковъ изъ другихъ школъ читаемы наизусть студентами проповѣди и рѣчи латинскія и русскія. Въ образецъ оккупацій, писанныхъ учениками для класса, представимъ двѣ, относящіяся къ 1742 году; одна изъ нихъ писана риторомъ, другая — ученикомъ піитики.

Praxis.

Reges docti et bellicosi aequaliter sunt generosi.

„Еще доселѣ Ѳемида на своихъ неложныхъ вѣсѣхъ сей не объяви правды, яко едали кровавой Беллоны или премудрыя Палляды славнѣйшія суть дѣла и вящіе у міра пріобрѣтаютъ ли славы, и во правду яко гдѣ либо Марсъ язвоноснымъ своимъ пооретъ желѣзомъ, гдѣ либо мужественная Беллона изобильную воинства своего кровь истощитъ, всегда тамо, аще бы были и Алпейскія каменія, неувядаемыя побѣдителей процвѣтутъ лавры; обаче весь свѣтъ исповѣсти нужду имать, яко и Палляда подобная паче является Беллонѣ, яко во славѣ, тако и въ побѣдоносіяхъ. Не всегда бо по истощеніи кровей моря къ блаженному торжеству и блаженныя славы пристанищу Марсъ свой корабль препровождаетъ, но безопаснѣе сѣдше у кормила Паллядова корабля и безъ малѣйшихъ обуреванія страстей намѣреннаго Туллiановыми волнами достигаетъ брега, неутолимое восклицая веселіе: се совершенно ладія приста къ брегу".

Конечно, необработанность языка не позволяетъ видѣть всѣхъ цвѣтовъ тогдашняго краснорѣчія, но припомнимъ, что профессоръ элоквенціи В. К. Тредьяковскій, бывшій въ это же время на верху славы, писалъ не лучше.

Представимъ примѣръ въ другомъ родѣ:

Carmina gratulatoria in diem Nativitatis Christi.

Кій языкъ можетъ молчать, какъ родилося Слово,
Отъ Пречистыя Дѣвы? что есть чудо ново;
Слышно ль, чтобъ неоранна земля плодъ носила:
А Дѣва незамужна отроча родила,

Чему съ родомъ народы ангели дивятся,
А паче темныи дуси трепещутъ, боятся,
Божія Слова Христа нынѣ намъ рожденна,
О Его жъ рождествѣ вся ликуетъ вселенна,
Паче жъ вамъ, благородне, прошу веселиться,
Живъ лѣта Маѳусала, въ небѣ воцариться.

Эта *рацея,* кромѣ классическаго назначенія, какъ опытъ стихотворнаго привѣтствія, могла имѣть не безполезное значеніе для піита и внѣ класса.

Пробнымъ камнемъ для узнанія успѣховъ учениковъ были экзамены и диспуты. Въ двухъ высшихъ классахъ экзаменовъ не было; въ низшихъ и среднихъ испытанія были назначаемы предъ временемъ перевода учениковъ въ слѣдующій классъ, что̀ было въ первой половинѣ іюля. Въ піитикѣ и реторикѣ учениковъ въ это время преимущественно занимали сочиненіями, въ низшихъ судили о нихъ по отвѣтамъ. Для студентовъ богословія и философіи значеніе публичнаго испытанія имѣли диспуты, которые назначались „для лучшаго академіи прославленія, для бо̀льшаго возбужденія прочихъ ко ученію, а паче для защищенія вѣры православныя догматовъ“, какъ писалъ ректоръ Софроній въ 1732 году въ св. Синодъ. Диспуты отправляемы были два раза въ годъ: предъ праздникомъ Рождества Христова и предъ вакаціею. Послѣдніе диспуты были торжественнѣе и продолжались три дня въ собраніи многочисленныхъ посѣтителей. Первый день назначался для диспута богословскаго, второй для философскаго, третій для другихъ классовъ. Диспутъ открывался пѣніемъ духовнаго канта, которое исполняемо было пѣвчими изъ учениковъ академіи, иногда съ присоединеніемъ оркестра. За симъ посѣтителямъ раздавались печатные тезисы, или дедикованныя конклюзіи, въ которыхъ содержались избранныя предложенія изъ системъ богословскихъ и философскихъ. Прежде, чѣмъ начнется ученое состязаніе, ректоръ или префектъ съ каѳедры говорили такъ называемыя Prolusiones, въ которыхъ содержалось краткое объясненіе богословскаго или философскаго вопроса, избраннаго для состязанія. Въ диспутанты избираемы были по два, по три и четыре студента: одни защищали предложенный вопросъ и назывались defendentes, другіе возражали имъ и назывались impugnantes. Право возражать имѣли наставники и

посторонніе посѣтители. Въ случаѣ, если дефендентъ не могъ удовлетворительно рѣшить возраженія, его поддерживалъ ректоръ или префектъ. Обыкновенная форма диспутовъ была силлогистическая; и въ возраженіяхъ и отвѣтахъ опирались всего болѣе на такъ называемыхъ distinctiones: distinguo majorem, distinguo antecedens, nego subsumtum, probo minorem, concedo, nego и т. п. Для образца представимъ нѣкоторыя возраженія и отвѣты изъ диспутаціи de perspicuitate Sacrae Scripturae.

Impugnans. Scriptura simpliciter intelligi non potest; ergo perspicua dici nequit.

Defendens. Nego antecedens

Impugnans. Probo antecedens. Quod indiget expositione, illud simpliciter intelligi nequit. Atqui Scriptura indiget expositione: ergo Scriptura simpliciter intelligi nequit.

Defendens. Distinguo minorem. Scriptura indiget expositione in locis praesertim propheticis et mysteria continentibus, — concedo; ubique, seu in omnibus locis, — nego.

Impugnans. Insto. Scriptura in omnibus omnino locis expositione indiget: ergo responsio non satisfacit.

Defendens. Nego antecedens.

Impugnans. Probo antecedens. Multi Ecclesiae Doctores scripserunt commentaria in omnes totius Scripturae locos: ergo Scriptura in omnibus locis expositione indiget.

Defendens. Distinguo antecedens. Multi Ecclesiae Doctores scripserunt commentaria in totam Spripturam *periphrastica,* — concedo, *hermeneutica,* — nego. Poterant nimirum omnes Scripturae loci uberius deduci per periphrasin, quamvis exprositione non indigebant.

Депутаты реторическіе и піитическіе состояли въ разговорахъ (colloquentia) нѣсколькихъ учениковъ о какомъ-нибудь предметѣ изъ области природы, науки или искусства, въ чтеніи стихотвореній, въ произнесеніи рѣчей. Торжество диспутовъ заключалось духовнымъ пѣніемъ. Конклюзіи, или тезисы, посвящаемы были кому-либо изъ архипастырей и потому назывались дедикованными: въ 1707 году тезисы декабрьскихъ диспутовъ московская академія посвятила имени святителя

ростовскаго Димитрія. „25 декабря“, говоритъ св. Димитрій, „былъ въ Ростовѣ честный іеродіаконъ (?) Стефанъ Прибыловичъ, учитель философіи въ академіи московской, который вмѣсто гостинца принесъ архіерею дедикованную конклюзію подъ титломъ его архіерейскимъ; а подносилъ оную конклюзію публично въ крестной палатѣ, между рождественскими торжествы, 26 Декемврія“. Въ 1742 году конклюзіи были посвящены преосвященнымъ: тверскому митрополиту и новгородскому Амвросію.

Къ торжественнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ были выставляемы на видъ ученики академіи, относятся встрѣчи царственныхъ особъ, великолѣпно устроявшіяся въ древней столицѣ. Послѣ побѣды надъ врагами Россіи или по случаю коронаціи въ Москвѣ составляли подробный планъ торжества, и академія приготовляла канты, которые пѣты были учениками въ назначенномъ мѣстѣ. Такъ, въ 1703 году, кагда Петръ Великій послѣ завоеванія Ингерманландіи пріѣхалъ въ Москву, при академіи устроены были тріумфальныя ворота съ аллегорическими изображеніями и надписями, и ученики говорили государю поздравительныя о побѣдѣ разныя орації. Описаніе этого торжества напечатано въ 1704 году подъ заглавіемъ: Торжество преславное свободителя Ливоніи. Въ 1709 году послѣ Полтавской побѣды также была въ Москвѣ торжественная встрѣча побѣдителю. На Никольской улицѣ, около академіи были опять устроены тріумфальныя ворота, украшенныя эмблематическими картинами съ латинскими и греческими надписями въ родѣ слѣдующихъ: Te decet imperium; Animo coelestibus aequat; Tu spes una salutis; Aequat fama labores и проч. Когда процессія приблизилась къ академіи, ученики въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ вышли на срѣтеніе государю, полагали предъ нимъ вѣнки и вѣтви, и пѣли канты, изъ коихъ приводимъ слѣдующій:

Преславна россійская земле веселися,
Царская держава скипетромъ хвалися,
Святымъ апостоломъ Петромъ данна тебѣ,
Царю россійскому, на земли и въ небѣ;
Благолѣпотную царску діадиму
Воспріялъ отъ руки Божіей возложиму
На главу цареву безсмертныя славы,
Да утверждаются россійскія державы

Христовымъ каменемъ, названнымъ опока,
Его же Богъ посла ко Риму съ востока;
Петръ каменемъ вѣры Христовой названный,
Виватъ царь государь, Богомъ увѣнчанный!
Петръ, Петромъ утвержденъ славный побѣдитель,
Петръ Алексѣевичъ, россійскій ревнитель,
Ревнуя ревнуетъ по Господѣ Бозѣ,
Дондеже покоритъ вся подъ нозѣ.
Торжествуй, Россія, православна сущи,
Красуйся и ликуй, во славѣ цвѣтущи,
Воспѣвай цареви преславными гласы,
Поликратесовы даруй дни и часы,
Да въ благополучномъ долгомъ вѣку
Воспріиметъ отъ небесъ милость велику.

Описаніе всего торжества составлено ректоромъ Θеофилактомъ и напечатано подъ загланіемъ: Политиколѣпная Апотеозисъ и проч. Послѣ Нейштадскаго мира, въ 1711 году, академія опять привѣтствовала государя: ученики при звукахъ музыки пѣли канты, сочиненные на разныхъ языкахъ. Въ 1742 и 1762 годахъ, при вступленіи въ Москву императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, для коронованія, академія выставила у своихъ тріумфальныхъ воротъ по 40 студентовъ, которые пѣли сочиненные на тотъ случай канты.

Для отдыха и развлеченія ученикамъ академіи даваемы были рекреаціи и дозволялось занятіе музыкою и представленіе религіозныхъ комедій. Рекреаціи бывали въ лѣтнее время; ученики изъ всѣхъ школъ, обыкновенно, собирались на дворѣ академіи, и подъ окнами келій ректора пѣли: Reverendissime Domine Rector! Recreationem rogamus. Ректоръ сносился съ префектомъ и увольнялъ ихъ на одинъ день отъ ученія. Регламентъ дозволялъ дѣлать рекреаціи лѣтомъ въ каждый мѣсяцъ одинъ или два раза, совѣтовалъ, чтобъ „гулянье было съ играми честными и тѣлодвижными, чтобъ ученики прогуливались по полямъ и мѣстамъ веселымъ и къ дворамъ загороднымъ: ибо сіе и здравію полезно, и скуку отгоняетъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ регламентъ дозволялъ студентамъ игру на мусикійскихъ инструментахъ, и еще дважды въ годъ „дѣлать комедіи, что зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіесть честной смѣлости“. Изъ комедій, представленныхъ въ московской ака-

деміи, извѣстны намъ четыре подъ слѣдующими названіями: „1. Комедія, ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная. Нынѣ же при запустныхъ пированіяхъ дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцовъ, въ новосіяющихъ славено-латинскихъ Аѳинахъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, явленная. Лѣта 1701. Ноемврія. 2. Комедія, страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю, дѣйствіемъ благороднѣйшихъ отроковъ великороссійскихъ, въ славено-россійскихъ Аѳинахъ, въ Москвѣ, явленное 1702 года Февр. въ 4 день. 3. Комедія, царство міра, идолослуженіемъ прежде разоренное, исповѣданіемъ же и проповѣдію святаго Верховнаго апостола Петра, ангела пресвѣтлѣйшаго государя нашего царя и В. К. Петра Алексіевича, паки возставленное, *въ день же его торжественный* дѣйствіемъ благородныхъ и великороссійскихъ отроковъ въ славено-латинскихъ Аѳинахъ, въ Москвѣ, прославленное 1702 лѣта. 4. Божіе уничижителей гордыхъ, въ гордомъ Израиля уничижителѣ, чрезъ смиренна Давида, о уничиженномъ Голіаѳѣ уничиженіе, вкупѣ же и праведное его въ отцеругателѣ Авессаломѣ наказаніе, при тріумфальномъ торжественномъ вшествіи въ царствующій великій градъ Москву преславнаго торжественника и побѣдителя свѣйскія прекрѣпкія силы разорителя и проч. великаго государя нашего царя и В. К. Петра Алексіевича, дѣйствіемъ его же государевой академіи, ученіемъ греческимъ, славенскимъ, и латинскимъ благолѣпнѣ процвѣтающія изображенное. Въ Москвѣ лѣта 1710 мѣсяца Февраля“. Кромѣ этихъ комедій въ академіи представляли драмы Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ и о Навуходоносорѣ и нѣкоторыя Мольеровы комедіи, изъ которыхъ больше нравилась *Докторъ принужденный*. Комедіи тѣхъ временъ отличаются особеннымъ характеромъ и нисколько не похожи на позднія сценическія представленія. Внѣшняя форма ихъ взята съ греческихъ трагедій; онѣ состоятъ изъ пролога, хора, нѣсколькихъ явленій и эпилога. Хоръ объясняетъ смыслъ явленій, которыя состоятъ въ символико-мимическомъ изображеніи извѣстнаго дѣйствія; часто въ пѣснѣ хора слышатся или нравственное наставленіе, или звуки скорби о дѣлахъ порока и звуки радости о славѣ добродѣтели. Представимъ содержаніе комедіи о богатомъ и Лазарѣ. Она начинается антипрологомъ, въ которомъ образнѣ

является всего дѣйствія вещь и событіе. Въ прологѣ, въ 1-мъ явленіи представляется сластолюбіе, входящее въ міръ на седмиглавной зміи; во 2-мъ является пиролюбецъ въ свѣтлой одеждѣ за трапезою и засыпаетъ при пляскѣ домовыхъ отроковъ. Явл. 3. Во время его усыпленія является Іовъ на гноищи и тщетно увѣщаваетъ его оставить сласти міра. Явл. 4. За симъ опять начинается пиръ въ домѣ богатаго. Приходитъ Лазарь, но, не получивъ ничего отъ богатаго, уходитъ и полагается на гноищѣ. Въ это время среди ликованія богатый видитъ подобное себѣ лицо, мучимое въ геенѣ, устрашается, но вскорѣ „сабельное ликованіе разбиваетъ скорбь его“. Это явленіе заключается пѣснію хора. Явл. 5. Лазарь въ скорби получаетъ подкрѣпленіе съ неба. Явл. 6. Судъ Божій изрекаетъ слово блаженства Лазарю, и опредѣленіе погибели богатому. Явл. 7. Лазарь умираетъ, утѣшаемый ангелами, и при пѣніи ихъ душа его возносится на небо. Явл. 8. ангелъ, имѣющій ключи бездны, угрожаетъ пиролюбцу и отверзаетъ студенецъ геенскій, изъ котораго исходятъ вопли нечестивыхъ, огонь и дымъ. За симъ слѣдуетъ пѣснь хора. Явл. 9. Смерть наливаетъ въ чашу ликующаго пиролюбца смертоносный ядъ, и онъ въ жестокихъ мукахъ умираетъ. Явл. 10. Душа пиролюбца препирается съ тѣломъ о причинѣ своей гибели; но ангелъ смерти низвергаетъ тѣло на землю, а душу во адъ похищаетъ. Явл. 11. Тѣло, пораженное громомъ, пожирается разверзшеюся землею. Явл. 12. Лазарь на лонѣ Авраама, а богатый въ геенѣ. Бесѣда между ними, оканчивающаяся горькимъ рыданіемъ богатаго. Эпилогъ. Церковь скорбитъ о погибели пиролюбца и людямъ, подобнымъ ему, преподаетъ спасительное врачевство отъ тяжкаго грѣха сластолюбія — святый постъ. Въ комедіи 1710 года между прочими лицами являются „и левъ хромый, и слава на орлѣ съ трубою, и лютая гидра, и дѣвы съ тимпанами и гусли срѣтаютъ Давида, поютъ торжественныя пѣсни, и танцуется офицерскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства — интермедіумъ“.

Мы дошли до послѣдняго періода исторіи академіи, въ который ея состояніе представляется самымъ цвѣтущимъ. Возвышеніемъ своимъ, своею славою она много обязана митрополиту Платону, котораго имя тѣсно связано съ ея исторіею. Онъ хорошо зналъ нужды академіи, потому что самъ былъ въ ней воспитанникомъ и потомъ наставникомъ. Его послѣдующія рас-

поряженія, когда онъ сталъ во главѣ управленія академіею, стоятъ въ тѣсной связи съ его предварительнымъ знаніемъ академіи, и потому не безполезно представить очеркъ его знакомства съ академіею, какъ ученика и наставника. Для насъ драгоцѣнны въ этомъ случаѣ собственныя сужденія Платона, имѣющія мѣсто въ его автобіографіи. Въ ней по мѣстамъ онъ представляетъ свой взглядъ на характеръ академическаго образованія, высказываетъ свои убѣжденія относительно ученія и жизни воспитанниковъ, изображаетъ свои личныя свойства, свои наклонности, свой характеръ, котораго развитіе совершилось въ академіи. „По опредѣленіи въ академію“, пишетъ Платонъ о себѣ, „изучился Петръ Левшинъ въ двѣ недѣли читать и писать по-латыни. Обучался потомъ латинскому языку, піитикѣ, реторикѣ, философіи и богословію. Притомъ обучался самъ собою географіи, а знаніе исторіи пріобрѣлъ всегдашнимъ читаніемъ историческихъ книгъ, къ чему прилежалъ чрезъ всю свою жизнь, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе исторіи всей вообще и своей отечественной. По тогдашнему въ академіи порядку, греческому языку обучались ученики особо, чрезъ два года, по окончаніи синтаксиса, и изъ греческаго класса переводимы были въ піитическій. Чрезъ что латинскаго языка ученіе прерывалося. По желанію учителя піитическаго (Амвросія Юматова), чтобъ Петра имѣть у себя въ классѣ, греческій классъ онъ миновалъ, а чрезъ то и лишился знанія греческаго языка. Но дошедъ до философіи и увидѣвъ, что по многимъ встрѣчающимся греческимъ словамъ, языка сего знаніе нужно, а притомъ примѣтивъ, что нѣкоторые товарищи его, впрочемъ въ успѣхахъ ученія и худшіе его, но греческій языкъ хотя нѣсколько знаютъ и тѣмъ предъ нимъ преимуществуютъ, посему горячо принялся, чтобъ желаніе свое исполнить. Но не было грамматики греческой, купить было не на что, и учить некому. Выпросилъ Петръ на время у товарища грамматику греческую на латинскомъ языкѣ, сочиненную архимандритомъ Варлаамомъ Лящевскимъ, и оную всю переписалъ, а чрезъ то и писать по-гречески изучился. Доставъ такимъ образомъ грамматику, началъ самъ себя по ней учить. Потомъ и задачи къ переводу съ россійскаго на греческій самъ себѣ задавалъ, а о словахъ греческихъ спрашивалъ у товарищей и записывалъ. Но какъ сего было недовольно, то вздумалъ онъ ходить въ греческій монастырь на службу Божію,

сколько время дозволяло, и со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ чтенію и пѣнію грековъ, и сіе много Петра воспользовало. Потомъ, когда сталъ учителемъ въ академіи, имѣлъ свободный случай съ греками нерѣдко обходиться, и разговаривая съ ними по-гречески чрезъ то себя поправлялъ и нечувствительно большій успѣхъ пріобрѣталъ. Будучи въ академіи піитики учителемъ, обучалъ учениковъ и греческой грамматикѣ. Въ прочихъ во всѣхъ наукахъ, въ академіи преподаваемыхъ, былъ Левшинъ отлично успѣшенъ и изъ всѣхъ товарищей почитался первымъ. Отъ учителей любимъ былъ за прилежаніе, за всегдашнее въ школу хожденіе, за отличный во всемъ успѣхъ и за благонравіе. Притомъ онъ научился партесному пѣнію и зналъ въ пѣніи искусство. Исправивъ дома задачи, назначенныя отъ школы, Петръ упражнялся въ чтеніи книгъ и въ хожденіи въ церковь на службу Божію. Всегда онъ чрезъ всю жизнь сожалѣлъ, что тогда въ академіи другимъ наукамъ и языкамъ не обучали, а паче сожалѣлъ, что превеликую имѣлъ охоту къ чтенію книгъ, а изъ академіи никакихъ книгъ не давали. Никто ему столько не нравился, какъ апостолъ Павелъ и св. Іоаннъ Златоустъ. Петръ единственно былъ склоненъ къ духовному званію, а паче къ монашеству: сія наклонность была причиною, что, когда, при открытіи въ Москвѣ университета, былъ онъ выбранъ и назначенъ въ студенты въ университетъ, и когда другіе не только того хотѣли, но и искали, Петръ никакъ на то не согласился и совершенно отъ того отрекся, какъ и отъ другихъ свѣтскихъ предлагаемыхъ ему состояній. По окончаніи двухъ лѣтъ ученія въ богословіи, Левшинъ опредѣленъ учителемъ піитики 1757 года, и обучалъ піитикѣ и греческому языку. Но при томъ возложена на него должность, по порядку, принятому въ академіи, чтобъ толковать катихизисъ публично по воскреснымъ днямъ, въ собраніи академіи и всѣхъ со стороны всякаго состоянія людей, для слушанія приходящихъ. Никогда, можно сказать, во всю жизнь не былъ столько счастливъ Петръ, какъ при семъ случаѣ. Онъ испыталъ, что ученіе, дабы было дѣйствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителева“.

Сердце Платона было крѣпко привязано къ мѣсту его образованія, и жаль ему было разстаться со школою, которая оставила въ душѣ его столько пріятныхъ впечатлѣній. Но Промыслъ

возвратилъ академіи ея любимца, — и возвратилъ окруженнаго славою архипастырскихъ доблестей. Поставленный на каѳедру святителей московскихъ, Платонъ указомъ святѣйшаго Синода отъ 18 ноября 1775 года былъ назначенъ полнымъ директоромъ и протекторомъ московской академіи. Дѣятельность его по управленію академіею составляетъ новый періодъ ея исторіи, рѣзко отдѣляющійся отъ временъ предшествующихъ.

Еще до вступленія Платона на каѳедру московскую, академія съ любовію произносила имя его, изучала его богословскіе уроки, и нечувствительно воспринимала на себя вліяніе его свѣтлаго ума. Это замѣтно въ системахъ академіи, писанныхъ въ концѣ предшествующаго періода. Въ то время, какъ онъ былъ архіепископомъ тверскимъ, ученые изъ Москвы и изъ Троицкой лавры писали ему привѣтственныя рѣчи. Но радость академіи исполнилась, когда Платонъ былъ поставленъ святителемъ московскимъ: свидѣтельство сего находимъ въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ академіею имени Платона въ первый годъ его святительства на Москвѣ (1775).

Новый протекторъ, котораго не имѣла академія со временъ Бужинскаго, съ жаромъ принялся за труды управленія ею, и, по его собственному признанію, „почелъ долгомъ стараться о приведеніи ея въ лучшее совершенство“. Тогда какъ отношенія прежнихъ московскихъ святителей къ академіи не показываютъ ихъ непосредственнаго, опредѣленнаго вліянія на ея судьбы, личность Платона ярко выставляется во всей жизни этого ученаго общества, проникаетъ всю его многостороннюю дѣятельность. Это былъ свой Петръ Могила для московской академіи. Безъ воли Платона ничто не было въ ней предпринимаемо. Съ теплымъ, сердечнымъ участіемъ онъ вошелъ въ ея жизнь, съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ученіемъ, поощрялъ и наставниковъ и учениковъ, опредѣлялъ ихъ занятія до мельчайшихъ подробностей. Кругъ наукъ при немъ значительно распространился, введены новые предметы ученія, появились новыя учебныя руководства, духъ схоластики потерялъ силу и уступилъ мѣсто свѣтлому воззрѣнію на предметъ. Зная по собственному опыту всю тяжелость системъ, которымъ время и привычка усвоили права первенства, Платонъ призналъ нужнымъ ввести великорусскій элементъ въ науку и оставить заимствованіе свѣта ученія отъ-инуду. Имѣя много ученыхъ людей вокругъ себя, онъ поло-

жилъ конецъ вызову ученыхъ изъ Кіева, отстранилъ ихъ системы, дотолѣ бывшія образцами для московскихъ богослововъ и философовъ, и образовалъ по своей мысли академію, сообщивъ ей всѣ средства къ пріобрѣтенію новыхъ знаній. Академія, въ первый періодъ именовавшаяся эллинскими школами, во-вторый — славено-латинскими, при Платонѣ съ достоинствомъ носила названіе славяно-греко-латинской. Важнымъ трудомъ въ дѣлѣ ея усовершенствованія было усиленіе русскаго языка въ школѣ: нѣкоторые уроки были составляемы и преподаваемы на языкѣ отечественномъ, который введенъ въ сочиненія и даже на диспутахъ, чего прежде не было. Языкъ греческій, который до Платона или не всегда или слабо былъ преподаваемъ, при немъ сталъ процвѣтать въ академіи, такъ что много явилось воспитанниковъ, свободно говорившихъ по-ромейски. Личная привязанность Платона къ знанію сего языка нашла себѣ подтвержденіе и въ распоряженіяхъ правительства: въ 1784 году изданъ высочайшій указъ о преимущественномъ изученіи греческаго языка въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Что касается до латинскаго языка, то къ нему хотя сохранена прежняя привязанность, но онъ уже не имѣлъ характера исключительнаго преобладанія, и удѣлено время знанію языковъ новѣйшихъ, которые введены Платономъ въ академію и, по его мнѣнію, были важными средствами въ возрастающемъ успѣхѣ науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Платонъ усилилъ знаніе еврейскаго языка. Изъ наукъ введены при немъ въ разныя времена: герменевтика, церковная и гражданская исторія, пасхалія, физика, преподаваніе которой не имѣло почти ничего общаго съ прежними комментаріями на физику Аристотеля, исторія философіи, миѳологія и медицина. Любопытно, что Платонъ, самъ любившій церковное пѣніе и уставъ, ввелъ и сіе въ академію, какъ предметъ ученія. Платонъ желалъ, чтобъ питомцы академіи получили образованіе многостороннее, и дозволялъ имъ собирать медъ познаній и съ цвѣтовъ свѣтской учености: нѣкоторые изъ учениковъ академіи, по его распоряженію, посѣщали лекціи въ университетѣ, а по основаніи „Дружескаго ученаго общества“ число ихъ возросло значительно.

Нельзя оставить безъ вниманія заботъ Платона и о нравственномъ образованіи питомцевъ академіи: хорошо понимая, что одно холодное научное образованіе недостаточно, онъ тре-

бовалъ, чтобы сердца юношей были согрѣты любовію къ добродѣтели, чтобъ наука шла объ руку съ нравственностію; „наблюдайте сей долгъ предъ Богомъ всеприлежно, писалъ онъ начальству академіи, чтобъ учители не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли, также и объ ученикахъ, чтобъ не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали". Отношенія Платона къ воспитанникамъ академіи были отношенія отца къ дѣтямъ: заботливость его о ихъ благосостояніи, постоянное дѣйствованіе въ духѣ кротости привлекали къ нему сердца питомцевъ и услаждали для нихъ трудъ ученія: „наблюдайте, писалъ при другомъ случаѣ Платонъ ректору и префекту, чтобъ болѣе моральными, нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы. Ректору и префекту всемѣрно стараніе приложить, чтобъ въ школахъ всегда была сохраняема чистота и опрятность, и чтобъ въ нихъ зимою надлежащая теплота была". Инструкція, написанная Платономъ для учениковъ, носившихъ фамилію отъ его имени, показываетъ, какъ обширна была его попечительность и глубока привязанность къ учившимся. Онъ первый открылъ для бѣдныхъ учениковъ бурсу, доставилъ имъ всѣ средства безбѣднаго содержанія, поощрялъ учениковъ наградами, наставниковъ — увеличеніемъ жалованья, умножилъ пособія учебныя, обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе библіотеки. При такихъ благодѣтельныхъ попеченіяхъ академія годъ отъ году совершенствовалась, и число учениковъ въ ней умножалось: тогда какъ до Платона оно простиралось большею частію до 300, при Платонѣ доходило до 1600 человѣкъ. Видя, что его заботы увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ, Платонъ, по-справедливости, могъ сказать, что „въ его время славяно-греколатинская академія въ лучшемъ и благоуспѣшнѣйшемъ для церкви состояніи пребывала". Сіе мнѣніе было неоднократно подтверждено отзывами св. Синода. *Смирновъ.*

Петербургская духовная академія въ XVIII столѣтіи.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, указомъ преосвященнаго Ѳеодосія, архіепископа велико-новгородскаго и архимандрита Александроневскаго монастыря, отъ 11 іюля 1721 года предписано было: „учредить въ общую пользу при Александро-

невскомъ монастырѣ, для обученія юныхъ дѣтей чтенію и писанію, словенскую школу, въ которой какъ того монастыря служительскихъ дѣтей, такъ и сиротъ, не имѣющихъ родителей и своего пропитанія, и постороннихъ, кто кого отдать похочетъ, принимая отъ 5 до 13 лѣтъ, учить словенскаго чтенія и писанія по новопечатнымъ букварямъ... И содержать ту школу изъ обыкновенныхъ того монастыря доходовъ".

Въ то же время приказано было: „для содержанія при Невскомъ монастырѣ въ ученіи словено-россійской грамматики школьниковъ убрать при канцеляріи свѣтлицу, со всѣмъ, какъ надлежитъ". Репортомъ отъ 4 ноября монастырская канцелярія доносила преосвященному Ѳеодосію, что вышеписанная свѣтлица убрана со всѣмъ, какъ можно школьниковъ учить.

Первые воспитанники славенской школы были изъ всѣхъ сословій, но, большею частію, служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подьяческіе, посадскіе и монастырскіе келейники. Церковническихъ дѣтей до 1725 г. было очень немного. Для пріема и выпуска воспитанниковъ не было опредѣленныхъ сроковъ: поступали въ разныя времена и продолжали ученіе столько времени, во сколько кто успѣвалъ пройти всѣ хитрости грамоты и цыфири. Впрочемъ, главный начальникъ школы, преосвященный Ѳеодосій, наблюдалъ, чтобы безъ указу неокончившіе грамматики и необучившіеся ариѳметикѣ и несвидѣтельствованные имъ самимъ изъ школы не выходили и ни въ какія службы не опредѣлялись. Отцовъ обязывали не брать изъ школы дѣтей до совершеннаго обученія ихъ. Сироты получали отъ монастыря пищу и одежду; прочіе состояли на содержаніи своихъ отцовъ, которые платили за нихъ въ монастырь по три четверти ржи и по три рубля въ годъ.

Предметы обученія. Въ александроневской школѣ учились азбукѣ, письму, ариѳметикѣ, псалтири, грамматикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. Духовнымъ регламентомъ уже было предположено издать необходимые по симъ предметамъ учебники: скоро такія руководства были приготовлены и напечатаны. Нуждамъ школы по этой части служила монастырская типографія, учрежденная въ 1720 г. ближайшимъ образомъ для печатанія сочиненій духовнаго содержанія и узаконеній духовнаго вѣдомства. Первою напечатанною здѣсь книгою былъ букварь или начальное ученіе отрокомъ.

Порядокъ ученія. Ученіе начиналось азбукой, толкованіемъ десятословія и молитвы Господней; а потомъ, съ разрѣшенія канцеляріи монастыря, восходило къ грамматикѣ, ариѳметикѣ и чистописанію. Въ свободное время воспитанники обучались, по силѣ духовнаго регламента, игрѣ на *мусикійскихъ* инструментахъ и живописи, для чего приглашаемы были особые мастера изъ города.

Первымъ учителемъ грамматики былъ вызванный изъ новгородской архіерейской школы подьякъ Иродіонъ Тихоновъ, словенскую грамматику ученіемъ скончавшій. Жалованья ему полагалось деньгами по 30 рублей въ годъ и по 15 четвертей хлѣба. Но когда число воспитанниковъ увеличилось и одному учителю стало трудно управляться со всѣми, то преосвященный Ѳеодосій въ августѣ 1723 г. вызвалъ изъ новгородской школы другого учителя, Андрея Тишина, который помогалъ Тихонову по должности наставника, обучая, кромѣ того, желающихъ и греческому языку. Канцелярія монастыря возложила на него обязанность, сверхъ занятій въ школѣ, обучать орѳографіи подьячихъ невской канцеляріи. Вмѣстѣ съ ними келейный іеромонахъ Веніаминъ обучалъ старшихъ школьниковъ ариѳметикѣ.

Послѣ новгородскаго архіепископа Ѳеодосія архимандритомъ Александроневскаго монастыря опредѣленъ совѣтникъ св. Синода, Петръ Смѣличъ, родомъ сербъ, бывшій архимандритомъ московскаго Симоновскаго монастыря. По высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины I Алексѣевны, объявленному въ лѣтнемъ домѣ ея величества 10 ноября 1725 года, онъ ввелъ въ александроневской школѣ преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ и переименовалъ ее славено-латинскою семинаріею, съ ближайшимъ назначеніемъ образовать достойныхъ служителей св. Церкви. Монастырь обязался содержать на своемъ коштѣ пятьдесятъ воспитанниковъ, которые частію собраны вновь изъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, частію отобраны изъ наличныхъ учениковъ, а остальнымъ предоставлена свобода избрать родъ жизни или оставаться въ семинаріи на своемъ содержаніи.

Для преподаванія греческаго и латинскаго языковъ, по Высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ 1726 году Аѳанасій Скяда, родомъ грекъ изъ Кефалоніи. Съ 1720 г. онъ служилъ при кавалеріи въ оберъ-аудиторскомъ чинѣ; потомъ по слабости

здоровья перемѣнилъ службу, перешелъ изъ военной коллегіи въ синодальное вѣдомство и опредѣленъ учителемъ греческаго языка въ московское типографское училище, на мѣсто Софронія Лихуда, съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ (1722 г. 9 мая). Въ это время прибылъ въ Россію голштинскій герцогъ Христіанъ Августъ и изъявилъ желаніе осмотрѣть патріаршую ризницу и библіотеку. Св. Синодъ по этому поводу поручилъ своему асессору, игумену Аѳанасію Кондоиди, привести въ порядокъ библіотеку, а Скядѣ — описать греческія рукописи. Въ слѣдующемъ году описаніе было окончено и Скяда удостоился получить за него высочайшее благоволеніе государя императора Петра I-го и отъ св. Синода 50 рублей въ награжденіе. Между тѣмъ въ 1725 г. греческая школа переведена въ московскую академію, и учителемъ на мѣсто Скяды опредѣленъ типографскій справщикъ Алексѣй Барсовъ. Скяда остался было безъ мѣста, но вскорѣ, именно 10 ноября того же года, высочайшимъ изустнымъ указомъ императрицы Екатерины I Алексѣевны былъ опредѣленъ въ александроневскую школу „для обученія младыхъ отроковъ на еллинскомъ и латинскомъ діалектахъ“, съ обязательствомъ содержать въ школѣ ученіе, по своему званію, какъ надлежитъ доброму и довѣренному человѣку, на 3 года. Начальство монастыря поручило ему управленіе школой, и такъ какъ онъ былъ уже извѣстенъ своими учеными и библіографическими трудами, то ему поручено было, сверхъ занятій по школѣ, привесть въ порядокъ и описать монастырскую библіотеку и пополнить ее книгами, какія онъ найдетъ полезными для учебнаго заведенія. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ онъ исполнилъ послѣднее порученіе; по крайней мѣрѣ, описанія александроневской монастырской библіотеки имъ не сдѣлано. Прослуживши, по условію, три года, съ 20 января 1726 г. по январь 1729 года, Скяда оставилъ семинарію, но предъ отправленіемъ въ отечество предложилъ монастырю купить для библіотеки собранныя имъ въ бытность въ Россіи около 90 книгъ на греческомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которыя и куплены за 60 рублей. Годовое жалованье Скядѣ состояло изъ 400 руб. деньгами, 10 саженъ дровъ и одной вари пива въ 7 четвертей. По высочайшему повелѣнію купленъ былъ для него особый домъ, въ которомъ онъ и жилъ съ семействомъ.

Въ то же время, какъ на классъ греческаго и латинскаго

языковъ опредѣленъ Скяда, для преподаванія ариѳметики и геометріи, по прошенію архимандрита Петра, присланъ изъ инженерной роты директоромъ ея, генераломъ отъ фортификаціи Декулономъ, воспитанникъ Иванъ Соснинъ. Вмѣстѣ съ должностію наставника онъ исправлялъ, по порученію монастырскаго начальства, должность префекта школы. Жалованья ему полагалось по 60 р. въ годъ. Но въ 1729 г. и онъ оставилъ семинарію, прослуживши 3 года.

Высочайшимъ указомъ 27 августа 1784 г., даннымъ св. Синоду, повелѣно было усилить въ духовныхъ семинаріяхъ преподаваніе греческаго языка, какъ въ разсужденіи того, что книги священныя и учителей православной греко-россійской церкви на немъ писаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ способствуетъ. Знающимъ греческій языкъ повелѣно отдавать, при опредѣленіи воспитанниковъ на убылыя мѣста, предпочтеніе предъ тѣми, кто ему не учился.

Способъ преподаванія наукъ въ духовныхъ училищахъ опредѣленъ былъ слѣдующими правилами Духовнаго регламента; „опредѣленнымъ и добрымъ учителямъ приказать, чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кая сила есть настоящаго ученія, грамматики напримѣръ, реторики, логики и прочая; и чего хощетъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плювутъ и лучшую бы охоту возымѣли и познавали бы повседневную прибыль свою, такожъ и недостатки. Въ частности о преподаваніи богословія: челъ бы учитель богословскій священное писаніе и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній, и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ писаній. А въ помощь того дѣла челъ бы прилежно святыхъ отецъ книги, да таковыхъ отецъ, которые писали о догматѣхъ, за нужду распрь въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси... Къ тому жъ зѣло полезны дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. И отъ таковыхъ учителей при священномъ писаніи не тщетное будетъ ученіе богословское. А хотя и можетъ богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать: но долженъ не учитися отъ нихъ и полагатися на ихъ сказъ, но только руководство ихъ принимать, какъ они отъ писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляютъ, наипаче въ дог-

матѣхъ, въ которыхъ съ нами иновѣрцы согласны суть; а однако доводомъ ихъ не легко вѣрить, но посмотрѣть, есть ли таковое въ писаніи или въ книгахъ отеческихъ слово, и тую ли имѣетъ силу, въ какой они пріемлютъ. Ммногажды бо лгутъ господа оные и чего не бывало приводятъ". Число и порядокъ классовъ были слѣдующіе: 1) инфима или информаторія, 2) фара, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) реторика, 7) философія и 8) богословіе. Судя по тому, какъ распредѣлены были учебные предметы въ этихъ классахъ, можно сказать, что первые четыре класса — инфима, фара, грамматика и синтаксима — соотвѣтствовали приходскимъ и уѣзднымъ классамъ теперешнихъ нашихъ духовныхъ училищъ, а послѣдніе четыре — семинарскимъ классамъ.

Преобразованіе и переименованіе александро-невской семинаріи въ главную семинарію находится въ связи съ общими правительственными распоряженіями о преобразованіи училищъ.

Въ 1786 году 5 августа высочайше утвержденъ былъ императрицею Екатериною II Алексѣевною уставъ народныхъ училищъ въ Россійской имперіи, предначертанный самою же императрицею и приведенный въ окончательный видъ комиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ. Правилами этого устава опредѣлены способъ и цѣль преподаванія наукъ въ училищахъ, устройство ихъ въ правительственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ и взаимное отношеніе ихъ, какъ частей одного органическаго цѣлаго. Цѣль учрежденія училищъ изложена въ самомъ началѣ устава: „Воспитаніе юношества было у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ толико уважаемо, что почитали оное средствомъ утвердить благо общества гражданскаго: да сіе и неоспоримо; ибо предметы воспитанія, заключающіе въ себѣ чистое и разумное понятіе о Творцѣ и Его святомъ законѣ и основательныя правила непоколебимой вѣрности къ государю и истинной любви къ отечеству и своимъ согражданамъ, суть главныя подпоры общаго государственнаго благосостоянія". Для достиженія этой цѣли положено было учредить народныя училища во всѣхъ губерніяхъ и намѣстничествахъ Россійской имперіи. Училища раздѣлены на главныя и малыя: первыя положено учредить въ каждомъ губернскомъ городѣ, послѣднія, кромѣ губернскихъ городовъ, въ уѣздныхъ и гдѣ, по усмотрѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія, откроется надобность и возможность. Тѣ и другія подчинены вѣдѣнію приказовъ обще-

ственнаго призрѣнія. Предсѣдатель приказа, генералъ-губернаторъ или губернаторъ, сообразно съ его должностію, назначенъ главнымъ попечителемъ училищъ. Онъ избираетъ директора для ближайшаго и непосредственнаго надзора за училищами намѣстничества или губерніи. Главное училище образуетъ учителей для малыхъ училищъ и имѣетъ за ними надзоръ, а комиссія заботится о снабженіи ихъ учебными руководствами и другими пособіями.

Въ сообразность съ устройствомъ главныхъ народныхъ училищъ, преосв. митрополитъ Гавріилъ исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на преобразованіе александро-невской семинаріи въ главную семинарію, ближайшимъ образомъ для здѣшней и новгородской епархій, составлявшихъ въ церковно-іерархическомъ отношеніи одно управленіе, а потомъ и для прочихъ, гдѣ будетъ надобность въ учителяхъ. Во исполненіе высочайшей воли, указомъ св. Синода отъ 27 іюля 1788 года, повелѣно было: присылать въ главную семинарію учениковъ изъ всѣхъ епархіальныхъ семинарій, исключая состоящую въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, также черниговскую, новгородъ-сѣверскую и заграничную при коадьюторѣ митрополіи кіевской, однако не болѣе, какъ по два изъ каждой человѣка такихъ, кои бы надежнѣйшіе были въ благонравіи, поведеніи и въ ученіи лучшаго предъ другими понятія, и притомъ изъ окончившихъ уже ученіе не ниже реторическаго класса, для образованія ихъ къ учительской должности въ высшихъ классахъ; послѣ чего они отпущены будутъ къ симъ должностямъ въ свои семинаріи, а на мѣсто ихъ присланы будутъ другіе, если того, по усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ, востребуетъ польза и надобность. Вышеозначенныя четыре семинаріи исключены потому, что онѣ находились — первая подлѣ московской, послѣднія подлѣ кіевской академіи, куда онѣ съ большимъ удобствомъ могли посылать учениковъ для образованія къ учительскимъ должностямъ.

Способъ обученія, принятый въ народныхъ училищахъ, по происхожденію своему есть способъ австрійскихъ нормальныхъ школъ. Императрица, пригласивши венгерца Янковича де Миріево, бывшаго директоромъ народныхъ училищъ Темисварскаго округа, для образованія училищъ Россійской имперіи, поручила ему устройство учебной части. Янковичъ отлично оправдалъ довѣріе императрицы, такъ что предположенія его

о способѣ преподаванія наукъ, съ небольшими измѣненіями, утверждены для народныхъ училищъ всей имперіи. Достоинство его методы состоитъ въ хорошемъ выборѣ предметовъ, введенныхъ въ кругъ народнаго образованія, и образѣ преподаванія ихъ приспособительно къ постепенно развивающимся смышленности и любопытству воспитанниковъ; съ другой стороны, чрезъ принятіе его во всѣ народныя училища, утверждался полный единообразный порядокъ преподаванія во всѣхъ училищахъ имперіи.

Указомъ святѣйшаго Синода отъ 27-го декабря 1785 года повелѣно было ввести этотъ способъ и во всѣхъ духовныхъ училищахъ. Но это исполнено было, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ здѣшней главной семинаріи, не скоро. Впрочемъ, сдѣланы значительныя, противъ прежняго, улучшенія по учебной части, именно:

1) Въ кругъ наукъ введены нѣкоторые новые предметы, которыхъ прежде не преподавали: церковная исторія, механика и естественная исторія. Тогда же открытъ классъ математики и опытной физики.

2) За руководство въ преподаваніи наукъ приняты были книги, изданныя комиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ; именно — ариѳметика (Спб. 1786), руководство къ геометріи (Спб. 1785), физикѣ (Спб. 1765), механикѣ (Спб. 1785), начертаніе естественной исторіи, съ присовокупленіемъ къ оной рисунковъ на царство животныхъ; всеобщее землеописаніе (2 ч. Спб. 1788—1795), пространное землеописаніе Россійскаго государства съ 9 картами (Спб. 1786 и 1787), всемірная исторія, полушарія или изображенія обѣихъ половинъ земного шара и проч. Книги эти отпускаемы были въ здѣшнюю и прочія епархіальныя семинаріи съ уступкою 30% противъ обыкновенной продажной цѣны, въ уваженіе того, что комиссія при печатаніи нѣкоторой части книгъ пользовалась содѣйствіемъ св. Синода. По тѣмъ наукамъ, для которыхъ не было ни учебниковъ ни руководствъ на русскомъ языкѣ, руководствовались иностранными: по философіи — Винклеромъ; реторикѣ — Лежаемъ; по богословію учебною книгою было сокращенное богословіе Ѳеофана Прокоповича; пособіемъ — богословскіе уроки Турретина.

3) Учители должны были помѣсячно представлять ректору отчеты о предметахъ, пройденныхъ каждымъ изъ нихъ по сво-

ему классу; а ректоръ представлялъ ихъ митрополиту. Въ концѣ года составлялся общій отчетъ о трудахъ наставниковъ и успѣхахъ воспитанниковъ въ продолженіе года. М. Гавріилъ самъ присутствовалъ на экзаменахъ, утверждалъ списки съ раздѣленіемъ воспитанниковъ на разряды и назначеніемъ однихъ къ выпуску, другихъ къ переводу или выключкѣ изъ семинаріи, и потомъ доносилъ о своихъ наблюденіяхъ св. Синоду.

Впрочемъ, и сами наставники составляли учебники по своимъ предметамъ. Нѣкоторые изъ нихъ напечатаны, именно:

1) *Священная реторика* (Rhetorica sacra), соч. архим. Иннокентія Дубравицкаго, на латинскомъ языкѣ. Спб. 1790 г.

2) *Compendium hermeneuticae sacrae,* соч. архим. Антонія Знаменскаго, выбрано изъ первой части Виттенбаховой и дополнено изъ Рамбахіевой герменевтики; въ 1806 г., съ одобренія св. Синода, напечатано для употребленія въ духовныхъ училищахъ.

3) Плодомъ занятій Анастасія Братановскаго по классу церковнаго краснорѣчія былъ *Tractatus de concionum dispositionibus formandis* (М. 1806 г.). Но это сухое и дробное сочиненіе только подтверждаетъ ту мысль, что иногда, творя прекрасное, можно не сознавать ясно, или, по крайней мѣрѣ, не быть въ состояніи сообщить другимъ искусство (технику) своего творенія.

4) *Правила высшаго краснорѣчія*, сочиненіе М. М. Сперанскаго, напечатанное уже по смерти сочинителя усердіемъ одного изъ множества почитателей его имени, бывшаго профессора здѣшней дух. академіи, И. Вѣтринскаго (Спб. 1844 г.). Оно написано въ самую раннюю пору жизни и ученой дѣятельности Сперанскаго, когда онъ имѣлъ еще только 21 годъ и по окончаніи курса только-что опредѣленъ былъ учителемъ словесности въ здѣшней семинаріи. Несмотря на то, сочиненіе имѣетъ много достоинствъ. Признавши главнымъ источникомъ краснорѣчія внутреннее состояніе оратора — твердое убѣжденіе въ истинѣ предмета и глубокое сочувствіе къ слушателямъ, авторъ выразилъ понятія, совершенно соотвѣтствующія характеру новѣйшаго краснорѣчія, особенно духовнаго, въ противоположность ораторскому искусству древнихъ, и выразилъ ихъ въ такое время, когда въ наукѣ словесности господствовала французская теорія, которая, основываясь на древнихъ образцахъ, все въ поэзіи и краснорѣчіи низводила къ однимъ внѣшнимъ

причинамъ и побужденіямъ и главнымъ началомъ искусства признавала подражаніе внѣшней природѣ. Языкъ автора, по своему изяществу, рѣзко отличается отъ большей части сочиненій своего времени. Рѣчь его во многихъ мѣстахъ дѣлается одушевленною, картинною и возвышенною. Обиліе прекрасныхъ примѣровъ краснорѣчія, хотя ограничивающихся главнымъ образомъ произведеніями древней классической и французской литературы, но приведенныхъ съ строгою разборчивостію и съ объясненіями самого автора, вѣрными, умными и живоизложенными, также дѣлаетъ честь его вкусу. Изъ философскихъ сочиненій Сперанскаго, относящихся ко времени пребыванія его въ семинаріи, напечатанъ въ одномъ періодическомъ изданіи отрывокъ: *О силѣ, основѣ и естествѣ.*

Въ 1797 году александро-невская Главная семинарія переименована Александро-невскою академіею. „Попеченіе о благоустройствѣ Церкви и призрѣніе къ служащимъ ей почитая одною изъ главнѣйшихъ обязанностей царствованія“, сказано въ высочайшемъ именномъ указѣ отъ 18 декабря 1797 г., „признали мы за благо, на пользу оной, слѣдующія распоряженія: какъ просвѣщеніе и благонравіе духовнаго чина способствуетъ просвѣщенію и утвержденію добрыхъ нравовъ и въ мірскихъ: то и полагаемъ начальнѣйшею надобностію устроеніе въ лучшемъ, по возможности, видѣ духовныхъ училищъ, и для сего повелѣваемъ: сверхъ бывшихъ донынѣ двухъ духовныхъ академій — въ Москвѣ и Кіевѣ, учредить таковыя же духовныя академіи въ С.-Петербургѣ при Александро-невскомъ монастырѣ и въ Казани, вмѣсто находящихся тамъ семинарій, снабдя ихъ всѣмъ, званію сему соотвѣтствующимъ и для преподаванія наукъ потребнымъ“ *). Другимъ высочайшимъ указомъ отъ 11 января 1798 г. на имя преосвященнаго митрополита Гавріила, повелѣно было: „потребный для благоустройства академій и семинарій порядокъ учредить, во-первыхъ, въ Невской академіи, съ тѣмъ, чтобы, примѣняясь уже къ тому, и въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ такимъ же образомъ ученіе происходило, и чтобъ во всѣ показанныя четыре академіи были присылаемы изъ епаршескихъ семинарій отличившіе себя успѣхами ученики для усовершенствованія себя

*) *Полн. Собр. Зак.* № 18,273.

въ познаніи высшихъ наукъ и образованія къ учительскимъ должностямъ". Для приведенія высочайшей воли въ исполненіе св. Синодъ нашелъ нужнымъ собрать отъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ свѣдѣнія: какимъ порядкомъ и какое ученіе преподается въ каждой семинаріи и можно ли впредь продолжать его такимъ же образомъ, или нужно еще что къ тому прибавить. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія о состояніи епархіальныхъ семинарій показали крайнее разнообразіе въ числѣ и пространствѣ преподаваемыхъ наукъ, въ учебныхъ книгахъ и руководствахъ, въ распредѣленіи наукъ по классамъ и въ способахъ, ученія и — настоятельную нужду въ опытныхъ и благонадежныхъ учителяхъ. По соображеніи сихъ репортовъ и мнѣній, представленныхъ синодальными членами: Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ, и Иринеемъ, архіепископомъ тверскимъ, о лучшемъ и однообразномъ устройствѣ духовныхъ училищъ, св. Синодъ опредѣлилъ:

1) Для усовершенствованія въ наукахъ присылать отнынѣ понятнѣйшихъ изъ семинарій учениковъ въ показанныя четыре академіи;

2) въ академіяхъ, кромѣ общихъ всѣмъ семинаріямъ предметовъ, преподавать особые, а именно: полную систему философіи и богословія, высшее краснорѣчіе, физику и языки: еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій.

3) Полныя системы философіи и богословія, преподавая на языкѣ латинскомъ, оканчивать: философскую въ два года, а богословскую, въ разсужденіи многихъ ея предметовъ, въ три года, съ тѣмъ однакожъ, что успѣвшіе въ богословіи въ началѣ третьяго года могутъ быть отпускаемы въ семинаріи или производимы на мѣста, когда потребованы будутъ.

4) Въ философскомъ классѣ преподавать краткую исторію философіи, логику, метафизику, нравоученіе, натуральную исторію и физику, напечатанную для нормальныхъ училищъ, доколѣ не будетъ назначена пространнѣйшая; въ богословскомъ же — краткую церковную исторію, съ показаніемъ главныхъ эпохъ, герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословіи и пасхалію; сверхъ того — читать св. Писаніе, съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, да книги: Кормчую и о должностяхъ приходскаго священника; толковать публично по воскреснымъ днямъ, предъ литургіею, апостольскія посланія по правиламъ герменевтики, съ присоединеніемъ

нравоученій. А между тѣмъ въ обоихъ сихъ классахъ упражнять студентовъ сочиненіями: въ философскомъ — диссертацій, а въ богословскомъ — проповѣдей, дѣлая примѣчанія о слогѣ и отзываясь учителю краснорѣчія, если бы таковый недостатокъ въ комъ былъ усмотрѣнъ, и заставлять признанныя достойными говорить публично — первыя въ академіи, а послѣднія въ церкви. Сверхъ того, кромѣ приватныхъ, дѣлать — по крайней мѣрѣ два раза въ годъ — публичные диспуты.

5) Въ классѣ высшаго краснорѣчія читать учителю лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, дѣлая онымъ резолюціи логическія и реторическія и по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи.

6) Языкамъ еврейскому и греческому обучаться всѣмъ, а прочимъ — по склонности ученика и по надобности для епархіи, чтобы, по крайней мѣрѣ, одному изъ нихъ всякій студентъ обучался непремѣнно.

7—9) Епархіальнымъ преосвященнымъ, избирая изъ семинарій своихъ лучшихъ учениковъ, чрезъ два года присылать ихъ въ академію, по два человѣка... именно въ С.-Петербургскую академію изъ Новгородской, Псковской, Тверской и Могилевской семинарій.

10) При академіяхъ быть правленію, въ коемъ присутствовать ректору съ префектомъ; а для производства письменныхъ дѣлъ и исполненія по хозяйству быть при ономъ комиссару и двумъ писцамъ изъ учениковъ. Академія и ея ректоръ должны наблюдать за порядкомъ преподаванія въ семинаріяхъ. Окружныя семинаріи поставлены въ ближайшее отношеніе къ академіи, хотя это отношенія было еще весьма неопредѣленно. „Дабы съ лучшимъ успѣхомъ ученіе въ семинаріяхъ происходило — сказано въ синодскомъ указѣ — для сего потребно каждой семинаріи имѣть свѣдѣніе о порядкѣ ученія, преподаваемаго въ той академіи, куда будутъ посылаемы для образованія семинаристы; равно и каждая академія должна также имѣть свѣдѣнія о порядкѣ ученія, въ тѣхъ семинаріяхъ преподаваемаго; ректору же академіи, при всякомъ случаѣ, гдѣ нужда потребуетъ, дѣлая свои замѣчанія, служить тѣмъ семинаріямъ потребными совѣтами и наставленіемъ".

Во всемъ прочемъ предписано было поступать по силѣ Дух. регламента и послѣдовавшихъ отъ св. Синода указовъ, имѣя крайнее попеченіе, чтобы, кромѣ ученія, насаждаемо было

въ юношествѣ благонравіе. На сей конецъ какъ начальниковъ въ училища, такъ и учителей избирать не только въ наукахъ испытанныхъ, но и въ добромъ поведеніи, дабы они, примѣромъ своимъ располагая юношество къ трудамъ въ наукахъ и ко всякому благому дѣлу, старались при всякомъ случаѣ внушать имъ правила благонравія, служащія къ сохраненію ихъ непорочности, сколько въ настоящее время, а наипаче для того званія, къ коему они пріуготовляются; особенно же, вкореняя въ нихъ всегда страхъ Божій, располагали бы ихъ къ трезвости и, удаляя отъ нихъ грубость, обманъ, пьянство и ябеду, приспособляли заблаговременно, какимъ бы образомъ наилучше могли они обращаться въ будущее время съ своими прихожанами*).

Просвѣщенными и дѣятельными исполнителями воли монаршей были здѣшніе архипастыри. Митрополиты Гавріилъ и Амвросій прилагали особенное попеченіе объ усовершенствованіи учебной части въ академіи и добромъ направленіи духовнаго образованія. Первому принадлежитъ представленный нами проектъ академическаго обученія, а послѣднему — измѣненія и дополненія въ немъ, гдѣ они оказались нужными для улучшенія академическаго курса. Въ первый же годъ послѣ назначенія Амвросія на каѳедру С.-Петербургской митрополіи, по распоряженію его, сдѣланы въ учебной части академіи слѣдующія перемѣны: 1) классъ краснорѣчія соединенъ съ философскимъ и одному наставнику поручено преподавать обѣ науки; 2) предметы обученія распредѣлены такимъ образомъ, чтобы въ ходѣ образованія наблюдалась строгая постепенность перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему и чтобы науки основныя были предваряемы вспомогательными; 3) классы раздѣлены на ординарные и экстраординарные: первымъ обучались всѣ, вторымъ — по выбору. Къ первымъ отнесены: богословіе, философія, реторика, поэзія и латинскій языкъ; къ послѣднимъ: физика, математика, исторія, географія, и языки: греческій, французскій и нѣмецкій; 4) положено производить испытанія частныя каждый мѣсяцъ и общія — по третямъ года. Митрополитъ Амвросій далъ наставникамъ всѣхъ классовъ письменныя инструкціи, съ обстоятельными замѣча-

*) *Полн. Собр. Зак.* т. XXV, № 18, 726.

ніями, относительно методы преподаванія и учебныхъ руководствъ по каждой наукѣ.

Въ 1804 г. академическое правленіе составило новый планъ преподаванія наукъ въ академіи и распредѣленія по классамъ, приспособительно къ методу, принятому въ народныхъ училищахъ*). Основанія его состояли въ слѣдующемъ:

1) Какъ латинскій языкъ есть только средство къ просвѣщенію, а не составляетъ самъ по себѣ онаго и при всемъ томъ однако жъ занимаетъ большую часть времени до полудни: то, для удобнѣйшаго успѣха въ наукахъ, обучать ему каждый день только поутру.

2) Положивъ сіе, для соблюденія порядка и единства училища, и главные предметы академическаго курса, какъ-то: поэзію, реторику, философію и богословіе, преподавать также поутру только; послѣ чего остальное время до полудня употреблено будетъ на ученіе другихъ языковъ и наукъ.

3) И какъ методъ ученія требуетъ, чтобы отъ низшаго восходить къ высшему: то и нужно, сколько возможно, начинать пріемы наукъ и другихъ языковъ съ нижнихъ классовъ, дабы ученикъ, повышаясь изъ класса въ классъ, возсталъ во всѣхъ частяхъ знаній. Почему, удерживая разрядъ классовъ по принятому обыкновенію, со степенемъ знанія въ латинскомъ языкѣ соединять должно въ ученикѣ и степень знанія въ прочихъ языкахъ и наукахъ, кои вмѣстѣ составлять будутъ наименованіе каждаго класса, какъ явствуетъ въ приложенномъ при семъ росписаніи.

4) Какъ предметы, показанные въ ономъ росписаніи, довольно занимательны для каждаго класса: то курсъ ученія въ каждомъ изъ четырехъ первыхъ полагается по одному году, а въ трехъ послѣднихъ по два года, не возбраняя, согласно указу св. Синода 1798 года, желающимъ оставаться въ богословіи и на третій годъ.

5) Въ каждомъ изъ сихъ классовъ учители непремѣнно обязаны, въ положенное для курса время, твердо обучить учениковъ всѣмъ предметамъ, назначеннымъ для класса; почему для переводовъ изъ класса въ классъ имѣетъ быть генеральный экзаменъ съ низшихъ классовъ до реторики по окончаніи

*) О примѣненіи метода народныхъ училищъ къ духовнымъ академіямъ и семинаріямъ указъ св. Синода 1785 г. декабря 27 дня.

каждаго года предъ вакаціею, съ реторики — чрезъ два года: таковой экзаменъ будетъ производимъ во всѣхъ предметахъ, назначенныхъ для класса, и безъ вѣрнаго во всѣхъ ихъ успѣха отнюдь никто переведенъ не будетъ.

6) Поелику классъ реторики, расположенный на два года, не можетъ быть достаточнымъ мѣстомъ для образованія проповѣдника: то для учащихся въ философіи и богословіи опредѣляется особый классъ проповѣдническаго искусства, подъ общимъ названіемъ *краснорѣчія*. И какъ *физика* по обширности своей не можетъ быть достаточно изъяснена съ философіей: то она составитъ особый классъ, гдѣ преподаваемы будутъ ея теоретическія и экспериментальныя части. Для надлежащаго жъ разумѣнія механическихъ частей физики нуженъ курсъ *чистой математики,* которую продолжать не далѣе коническихъ сѣченій. Наконецъ въ пособіе физикѣ и врачебной наукѣ присовокупляется *естественная исторія,* которую преподавать для учениковъ реторики и философіи.

7) Въ разсужденіи учителей учредить такъ, чтобы каждый учитель въ одни часы давалъ ученикамъ своимъ лекціи латинскія, въ другія занимался, по знанію и способности своей, преподаваніемъ другихъ языковъ или наукъ того жъ или другого возраста ученикамъ: что все удобно будетъ исполнить, расположивъ порядочно учебное время.

8) Но поелику въ нижнихъ классахъ случиться можетъ, что между тѣмъ какъ дѣйствительный учитель занимается преподаваніемъ науки или языка въ другомъ классѣ, ученики останутся праздны: то въ пополненіе учительскаго курса опредѣлить изъ знающихъ студентовъ одного или двоихъ кандидатовъ, назначивъ имъ, въ таковые часы, обучать самымъ легкимъ предметамъ: чтенію новѣйшихъ языковъ, ариѳметикѣ, чистописанію и нотному пѣнію.

9) По сему расположенію не будетъ препятствія къ повышенію учителя изъ класса въ классъ. Перешедъ въ другой классъ, онъ можетъ остаться при тѣхъ же предметахъ, которыми занимался, кромѣ латинскихъ лекцій.

10) Для поощренія жъ учениковъ и очевиднаго испытанія успѣховъ, каждый мѣсяцъ быть экзамену во всѣхъ наукахъ, на которомъ учитель, назначивъ предварительно на особомъ листѣ все, что имъ прочтено въ прошломъ мѣсяцѣ, спрашиваетъ учениковъ своихъ при полномъ собраніи академіи.

Расписаніе учебныхъ предметовъ въ каждомъ классѣ. — *Въ первомъ классѣ:* чтеніе русскихъ книгъ церковной и гражданской печати; чтеніе латинское и греческое; чистописаніе и правописаніе; сокращенный катихизисъ; начальныя основанія русской и латинской грамматики и нотное пѣніе. *Во второмъ классѣ:* чистописаніе и правописаніе; латинскій языкъ; пространный катихизисъ; краткая священная исторія; ариѳметика до степеней уравненія; греческія склоненія; рисовальный классъ и нотное пѣніе. *Въ третьемъ классѣ:* латинскій языкъ; пространный катихизисъ; ариѳметическія степени и пропорціи и введеніе въ геометрію; греческія склоненія и спряженія; чтеніе французское и нѣмецкое; рисовальный классъ. *Въ четвертомъ классѣ:* начальныя основанія реторики; поэзія русская и латинская; математическая географія; политическая географія Европы; россійская исторія; греческій, французскій и нѣмецкій языки; рисовальный классъ. *Въ пятомъ классѣ:* логика, реторика; всеобщая гражданская исторія и географія всѣхъ частей свѣта; естественная исторія; греческій, французскій и нѣмецкій языки; врачебный классъ, уставъ церковный и пасхалія. *Въ шестомъ классѣ:* исторія философіи; философія; геометрія и тригонометрія; физика теоретическая и практическая; краснорѣчіе; еврейскій, греческій, французскій и нѣмецкій языки; медицина. *Въ седьмомъ классѣ:* церковная исторія; догматическое богословіе; церковная археологія; герменевтика и толкованіе священныхъ писателей; церковное краснорѣчіе и нравственное богословіе; геометрія и тригонометрія; физика; еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій языки*).

Въ расписаніи учебныхъ часовъ 1) назначено для классныхъ занятій по осьми часовъ каждый день, именно, утромъ: 8-й, 9-й, 10-й и 11-й; послѣ полудня: 2-й, 3-й, 4-й и 5-й; 2) важнѣйшіе уроки богословія, философіи, реторики и поэзіи расположены въ утренніе часы; исторія и языки въ послѣобѣденные; 3) первые имѣютъ свои классы каждый день, послѣдніе отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ въ недѣлю.

Митрополитъ Амвросій, на усмотрѣніе котораго представленъ былъ этотъ планъ, сдалъ его съ слѣдующимъ мнѣніемъ: „Пред-

*) Ср. Высочайше утвержденный планъ преподаванія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи въ *Полн. Собр. Зак.* т. XXII, № 16,421.

ставленный новый, для преподаванія ученія въ Александроневской академіи, планъ рекомендую академическому правленію разсмотрѣть въ общемъ всѣхъ гг. учителей собраніи, пріемля каждаго разсужденіе со вниманіемъ, буде оно удостоено будетъ общаго уваженія, и записывая въ журналъ. Затѣмъ совѣтую пригласить почтенныхъ и въ ученіи отличившихся здѣшнихъ духовныхъ особъ и предложить имъ равно все то на разсужденіе и примѣчаніе, и потомъ, съ обстоятельнымъ показаніемъ общаго мнѣнія, представить ко мнѣ на разсмотрѣніе и утвержденіе съ подписомъ всѣхъ. 14 сентября 1804 года". Наконецъ, въ октябрѣ утвержденъ былъ новый планъ митрополитомъ Амвросіемъ. Заботливый архипастырь писалъ: „по сему расположенію, призвавъ Бога въ помощь, науки проходить дозволяется впредь до усмотрѣнія, упражняя въ предметахъ, нынѣ преподаваемыхъ, и употребляя способъ обученія, принятый въ народныхъ училищахъ, во всей точности. О чемъ попеченіе возлагается особо на отца префекта (архим. Израиля). Въ концѣ сего года подать мнѣніе отъ всѣхъ (и каждаго) гг. учителей: благонадежно ли продолжать по сему, или что убавить надобно будетъ. Впрочемъ, о встрѣчающихся затрудненіяхъ, особливо въ разсужденіи часовъ и должностей учительскихъ, на сообразное обстоятельствамъ расположеніе можно согласиться и нынѣ. 14 октября 1804 года".

Въ началѣ слѣдующаго 1805 г., послѣ того, какъ уже цѣлый годъ продолжалось обученіе по новому плану, митрополитъ Амвросій поручилъ преосв. Евгенію, викарію Новгородской митрополіи, обозрѣть обстоятельно академію по частямъ правительственной, учебной, экономической и нравственной, съ тѣмъ, чтобы его преосвященство, по обозрѣніи, представилъ, въ какомъ положеніи что имъ будетъ найдено и что надобно будетъ измѣнить, исправить и дополнить. Преосв. Евгеній отозвался, что нашелъ „по всѣмъ частямъ порядокъ и устройство, въ учителяхъ отличную способность и прилежаніе, въ ученикахъ очень довольные успѣхи, благопристойность и нравственность, методъ преподаванія наукъ ясный и сообразный въ точности нормальному методу народныхъ училищъ и вездѣ — порядокъ и опрятность". Преосвященный Амвросій, заботливости и попеченію коего академія обязана всѣми этими порядками, утѣшенъ былъ такимъ отзывомъ, который свидѣтельствовалъ, что утвержденный имъ новый методъ академическаго обученія приложимъ

съ пользою къ образованію духовнаго юношества и выполняется съ желаемымъ успѣхомъ. „Къ прежде изъясненному (по случаю общихъ экзаменовъ) присоединяю то удовольствіе, — писалъ онъ въ предложеніи академическому правленію, — какое производитъ сіе свидѣтельство. Долгомъ поставляю изъявить признательность мою къ трудамъ гг. учителей и къ прилежанію желаемому учащихся. Что исполнить и поручаю академическому правленію, обязавшему меня особенною благодарностію за введеніе устройства и должнаго порядка. Въ знакъ же онаго удовольствія, за ревностный трудъ гг. учителямъ, семи человѣкамъ, выдать изъ всемилостивѣйше пожалованной суммы, каждому, не въ счетъ жалованья, по сту рублей".

Еще новый годъ наблюденій надъ успѣхами учениковъ подтвердилъ отзывъ преосвящ. Евгенія о достоинствѣ принятаго метода ученія, со стороны легкости его для учащихся. Но открылись и недостатки. Первый и важнѣйшій состоялъ въ томъ, что учитель одного класса долженъ былъ заниматься въ одно время многими предметами, преподавать, напримѣръ, реторику вмѣстѣ съ прочими, отнесенными въ этотъ классъ предметами; а это, по необходимости, развлекало и затрудняло наставниковъ; во-вторыхъ, число учебныхъ часовъ, неравномѣрно распредѣленное между предметами ординарными и экстраординарными, частою перемѣною предметовъ ученія въ теченіе одного дня, приводило учениковъ въ замѣшательство. Воспитанникъ, прослушавши утромъ часъ одинъ урокъ, переходилъ на два часа къ другому, потомъ еще на часъ къ третьему; послѣ обѣда также долженъ быть слушать одинъ за другимъ два или три урока. Наконецъ, множество учебныхъ часовъ (восемь въ сутки) поглощало время, не оставляя мѣста для повторенія и домашнихъ упражненій. Въ отвращеніе сихъ неудобствъ, въ ноябрѣ 1805 г. составлены были въ академическомъ правленіи и представлены м. Амвросію слѣдующія предположенія. (Мы выписываемъ ихъ вполнѣ, съ опредѣленіями преосв. митрополита).

1) Для меньшаго развлеченія учителей, всякій имѣетъ себя опредѣлить на извѣстные предметы, кромѣ языковъ, раздѣленныхъ каждый на высшій и низшій (т.-е. учитель, избравши одинъ предметъ, долженъ преподавать его, по частямъ, во всѣхъ классахъ, гдѣ онъ положенъ, въ разные часы).

2) Для меньшей разсѣянности въ предметахъ по часамъ, на

каждый полагается по два часа. Занятіе жъ будетъ 4 часа поутру и 4 послѣ обѣда.

„*Утверждается*“.

3) Число часовъ, назначенныхъ въ расписаніи для классовъ, отнимаетъ время заниматься по камерамъ; а потому гг. учители и обязаны приспособляться преподавать каждый предметъ такъ, чтобъ избѣгать, сколько возможно, задачъ для изученія наизусть внѣ класса, исключая письменныхъ. Но искусный учитель и тѣми можетъ безъ отягощенія занимать учащихся съ пользою въ классахъ совокупнымъ наставленіемъ.

„*Согласуюсь и на сіе, но смотрѣть на опытъ, тотъ же ли желаемый будетъ успѣхъ*“.

4) Поелику число учениковъ въ двухъ нижнихъ классахъ не велико, а предметы ученія въ оныхъ почти тѣ же: то классъ информаторическій соединить съ грамматическимъ, что составитъ отдѣленіе низшаго латинскаго класса; по немъ будетъ высшій латинскій; третьимъ — низшая реторика, четвертымъ — высшая реторика, пятымъ — философія, шестымъ — богословіе: въ которыхъ помѣщены будутъ всѣ прежде преподаваемые предметы съ прибавленіемъ чертежнаго класса, куда относится и *архитектура*. Другимъ побужденіемъ для соединенія первыхъ двухъ классовъ служитъ и то, что информаторическій классъ замѣнять могутъ *Русскія школы*.

„*Утверждается*“.

5) Продолжать ежемѣсячные экзамены и, по соображеніи членовъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, дѣлать въ концѣ годичнаго курса выписку неспособныхъ продолжать ученіе по дарованіямъ и поведенію — каковыхъ опредѣлять въ русскую школу для образованія ихъ, по пріисканіи мѣстъ, къ причетнической должности. Нерадивыхъ же, но способныхъ учиться, штрафовать взаимною отсылкою въ низшіе классы.

„*По сему поступать и о каждомъ докладывать мнѣ*“.

Чистовичъ.

Ариѳметика Магницкаго.

Первое печатное руководство къ изученію математики принадлежитъ русскому. Такой учебникъ составилъ для своихъ слушателей Магницкій, учитель математики въ навигаціонной школѣ, и въ 1703 году напечаталъ его славянскими буквами,

въ Синодальной типографіи, подъ заглавіямъ: *Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведеная, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ же повѣленіемъ благочестивѣйшаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца: при благороднѣйшемъ великомъ Государѣ нашемъ Царевичѣ, и Великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ Россійскихъ отроковъ, и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произве дена, первое въ лѣто отъ сотворенія міра 7111, отъ рождества же по плоти Бога слова 1703 індикта* ѵі *мѣсяца іануарія. Сочиненная сія книга чрезъ труды Леонтія Магницкаю.*

Несмотря на такое многовѣщательное заглавіе и на форматъ (книга издана in folio), книга Магницкаго была долгое время единственнымъ руководствомъ для учащихся. Она первая познакомила русскихъ съ математикою въ настоящемъ ея значеніи и сдѣлала ее наукою общенародною, общедоступною. Заслуги автора ея не маловажны, и имя его всегда займетъ почетное мѣсто въ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

Книга Магницкаго, несмотря на то, что носитъ скромное названіе ариѳметики, есть возможно, по тому времени, полный курсъ математики, приспособленный къ навигаціи. Въ ней, кромѣ ариѳметики, содержатся начальныя основанія алгебры и геометріи. Для насъ она имѣетъ значеніе любопытнаго историческаго памятника. Прошло уже полтораста лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги, и теперь она сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, немногимъ доступною. Разсмотримъ же подробнѣе содержаніе сочиненія Магницкаго и сдѣлаемъ изъ него нѣсколько выписокъ. Ариѳметика Магницкаго издана in folio, въ форматѣ, въ какомъ обыкновенно издаются церковно-богослужебныя книги; напечатана она славянскими буквами подъ титлами и съ соблюденіемъ всѣхъ, принятыхъ въ славянской просодіи, удареній; цыфры въ задачахъ употреблены арабскія, но счетъ страницъ означенъ буквами славянской азбуки. Ариѳметика украшена картинкою, на которой изображены Архимедъ и Пиѳагоръ, окруженные аттрибутами числительной науки. Надъ этими почтенными мудрецами древности развѣвается государственный гербъ — двуглавый орелъ, осѣненный крестомъ. Подъ картиной слѣдующее четверостишіе:

Ариѳметика политика,
Сихъ и другихъ логистика,
И многихъ иныхъ издателей
Въ разны времена списателей.

На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ кругъ, на вершинѣ котораго сидятъ двое юношей съ цвѣтами въ рукахъ; въ кругѣ изображенъ растущій цвѣтокъ, а вокругъ надпись: *Человѣкъ яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ.* Подъ этою виньеткой помѣщены стихи:

Пріимите, юне, премудрости цвѣты,
Разумныхъ наукъ обтицая вершы,
Ариѳметикѣ любезно учися,
Въ ней разныхъ правилъ и штукъ придержися.
Ибо въ гражданствѣ къ дѣламъ есть потребно,
Лечити твой умъ аще числитъ вредно.
Та пути въ небѣ, рѣшитъ и на мори,
Еже на войнѣ, полезна и въ поли.

Обще всѣмъ людемъ образъ даетъ знати,
Дабы исправно въ размѣрахъ ступати.
О ней ты цвѣти какъ кринь благовонный,
Равно и къ инымъ наукамъ будь хотный.

Затѣмъ слѣдуютъ стихи на предлежащій гербъ, занимающія пять листовъ съ половиною. Въ этомъ громадномъ стихотвореніи авторъ излагаетъ таинственное духовное значеніе двуглаваго орла, осѣненнаго тремя коронами; восхваляетъ Архимеда и Пиѳагора, превозноситъ похвалами ихъ науку, полезную на войнѣ, необходимую въ жизни; въ заключеніе, обращаясь къ Петру, говоритъ:

Тѣмъ же молимъ о самодержце,
Къ чести Богу равный радѣлче.
Дабы сей трудъ въ честь Богу пріялъ,
И въ пользу людямъ въ міръ изліялъ.
О немъ же вѣрный рабъ твой тщился,
Понуждаючи кто трудился.
И имый о семъ дѣлѣ указъ,
Упокоевалъ на всякій часъ.
И въ нуждахъ къ сему онъ помогалъ,
Ради всѣхъ пользы ее содѣвалъ.

Тѣмъ же трудженіимъ убоги,
Предлагаемъ главы подъ ноги
И желаемъ да будетъ сей трудъ,
Добрѣ пользовать Русскій весь людъ,
Иже да поетъ Богу славу,
И величитъ твою державу
За таковую пользу и даръ,
Юже во весь міръ нынѣ издалъ.
Намъ же милость твоя да придетъ
И милостивно трудъ сей приметъ.

Далѣе помѣщено предисловіе къ трудолюбивому и миролюбивому читателю. Въ немъ сочинитель, подкрѣпляя слова свои цитатами изъ твореній св. отцовъ, говоритъ о высокомъ назначеніи и духовныхъ потребностяхъ человѣка, какъ существа разумнаго; разсуждаетъ о намѣреніи Петра преобразовать Россію, ввести полезныя знанія; выставляетъ несомнѣнную пользу, которую принесутъ государству его нововведенія, а въ заключеніе совѣтуетъ учиться ариѳметикѣ. На виньеткѣ, украшающей первый листъ ариѳметики, изображена ариѳметика въ образѣ вѣнценосной жены, сидящей на престолѣ; надъ нею написано еврейскими буквами имя Божіе; на ступеняхъ, ведущихъ къ престолу, начертано: *дѣленіе, умноженіе, вычисленіе, сложеніе, счисленіе;* храмъ, служащій вмѣстилищемъ престола, поддерживается восемью столпами, на которыхъ написано: съ лѣвой стороны: *геометрія, стереометрія, астрономія, оптика;* съ правой: *меркаторія, географія, фортификація, архитектура;* на базисѣ столповъ начертано:

Ариѳметика что дѣетъ,
На столпахъ то все имѣетъ.

Магницкій начинаетъ свою книгу вопросомъ: „что есть ариѳметика?“ и опредѣляетъ такимъ образомъ эту науку:

„Ариѳметика или числительница, есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явльшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное“.

Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь подлинныя слова автора, чтобы показать, какъ въ старинныхъ учебникахъ дѣлали опре-

дѣленіе излагаемой науки; опредѣленіе болѣе похожее на хвалебную пѣснь въ честь науки, чѣмъ на указаніе ея значенія, содержанія, объема. Замѣтимъ, что Магницкій въ учебникѣ своемъ употребляетъ вопросы: такой методъ, вѣроятно, въ то время почитался за лучшій и удобнѣйшій. Далѣе онъ продолжаетъ:

„Коликогуба есть ариѳметика практика?

„Есть сугуба“:

„1. Ариѳметика политика, или гражданская.

„2. Ариѳметика логистика, не ко гражданству токмо, но къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая.

Раздѣливъ такимъ образомъ свое сочиненіе на двѣ книги, Магницкій каждую книгу, въ свою очередь, подраздѣляетъ на нѣсколько частей, а именно: ариѳметику политику на пять частей, а ариѳметику логистику на три. Разсмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ содержаніе каждой части.

Въ 1-й части первой книги излагаются правила нумераціи, четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми числами и способы повѣрки ихъ. Далѣе слѣдуютъ именованныя числа. Изложенію ихъ авторъ предпосылаетъ обширный трактатъ, въ которомъ разсуждаетъ о древнихъ еврейскихъ, греческихъ, римскихъ деньгахъ, мѣрахъ и вѣсахъ; описываетъ происхожденіе и значеніе асса, таланта, сестерція, мины и пр.; сравниваетъ цѣнность ихъ съ современнымъ ему курсомъ и употребительнымъ въ его время вѣсомъ; говоритъ о деньгахъ, мѣрѣ и вѣсѣ краковскомъ, прусскомъ, голландскомъ и, наконецъ, о мѣрахъ и деньгахъ государства Московскаго, разумѣя, конечно, подъ нимъ всю Россію. Для большей ясности прилагаетъ къ своему изслѣдованію три сравнительныя таблицы мѣры, вѣса и денегъ. Вообще весь этотъ отдѣлъ отличается замѣчательною подробностію, ясностію, точностію, доказывающею глубокую эрудицію и начитанность автора.

Вся вторая часть посвящена подробному изложенію значенія и свойства дробныхъ чиселъ. Здѣсь обстоятельно объясняются правила нумераціи дробей, приведенія ихъ къ одному знаменателю и сокращенія въ простѣйшій видъ, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе дробей

Въ 3-й части излагаются тройныя правила, простыя и сложныя, полныя и сокращенныя, правила товарищества и смѣшенія, способы опредѣленія учета векселей и процентовъ. Эта

часть снабжена множествомъ практическихъ задачъ, рѣшаемыхъ съ помощью тройныхъ правилъ, очень остроумно составленныхъ и имѣющихъ ближайшее приложеніе къ житейской дѣятельности или, говоря словами автора, *гражданству потребныхъ.*

Въ четвертой части говорится о правилахъ фальшивыхъ и о *утѣшныхъ нѣкіихъ дѣйствіяхъ чрезъ ариѳметику употребляемыхъ.*

Въ пятой части объясняются прогрессіи, квадратные и кубичные корни и способы извлеченія ихъ. Эта статья обильна примѣрами приложенія корней и прогрессій къ рѣшенію задачъ, относительно перестройки зданій, размѣщенія войскъ, расположенія лагерей, садовъ и пр. Нѣкоторыя задачи снабжены въ текстѣ объяснительными рисунками.

По всей ариѳметикѣ щедро разсыпаны силлабическіе стихи, они слѣдуютъ почти за каждымъ правиломъ; такъ, напр., послѣ таблицы умноженія помѣщены слѣд. вирши:

Аще кто не твердитъ,
таблицы и гордитъ,
Не можетъ познати,
числомъ что множати,
И во всей науки
не свободъ отъ муки.
Колико не учитъ
туне ея удручитъ.
И въ пользу не будетъ,
аще ю забудетъ.

Предъ каждой частью ариѳметики также помѣщено стихотвореніе; напр. вторая часть начинается слѣд. стихами;

О тщателю любезный:
слыши гласъ мой полезный.
Аще бо ты потщился,
добре въ цѣлыхъ учился
И готовъ сый въ отвѣтѣ,
къ вопросившимъ въ совѣтѣ.
Но нѣсть той ариѳметикъ,
иже въ цѣлыхъ отвѣтникъ,

А въ доляхъ сый ничтоже,
отвѣщати возможе.
Тѣмже о ты радѣяй,
буди въ частяхъ умѣяй.
Да негли си получишь
имя (какъ ея научишь
Въ частѣхъ добре познати)
ариѳметикъ ся звати.

Второй книгѣ, содержащей ариѳметику логистику, авторъ предпосылаетъ предисловіе, въ которомъ объясняетъ значеніе ариѳметики логистики, названной логистикою потому, что *она не имѣетъ подлежащихъ вещей наручныхъ и въ гражданствѣ обносимыхъ, но словомъ только объясняетъ искомая, паче же къ движенію небесъ принадлежащая.* Далѣе доказываетъ необходимость изученія ея для инженера и навигатора; опредѣляетъ фигуру земного шара, законы тяготѣнія планетъ, значеніе горизонта, экватора, меридіана, тропиковъ и пр., подтверждаетъ опредѣленія свои ссылками на Аристотеля и отцевъ Церкви: Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и пр. Ариѳметику логистику Магницкій дѣлитъ на три части: *первая ижже о чинѣ ариѳметики алебраики реченныя, и ариѳметики логистики чрезъ градусы и минуты дѣйствующія; вторая о еже чрезъ ариѳметику геометрическомъ дѣйствованіи въ колесѣхъ и углахъ; третья о надлежащихъ къ мореплаванію надлежатъ и глобуса земнаго къ размѣренію.* Начиная алгебру, авторъ замѣчаетъ, что эта наука получила свое названіе отъ имени изобрѣтателя ея, Геберъ называемаго; по-итальянски же она называется *коссика* отъ слова *косса,* вещь; затѣмъ объясняетъ счисленіе или алгебраическій языкъ, четыре основныя дѣйствія надъ цѣлыми и дробными количествами и извлеченіе корней. Въ ариѳметикѣ логистикѣ показываетъ раздѣленіе круга на градусы, минуты, секунды и излагаетъ правила сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія ихъ. Геометрія у Магницкаго изложена очень кратко; въ ней показаны только способы измѣренія площадей и поверхностей тѣлъ и предложено нѣсколько задачъ.

Третья часть сочиненія Магницкаго содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для навигатора и есть какъ бы приложеніе къ мореплаванію прежде изложенныхъ правилъ ариѳметики,

алгебры и геометріи. Авторъ начинаетъ ее опредѣленіемъ горизонта и его математическимъ дѣленіемъ; показываетъ принятые астрономами способы его измѣренія, знакомитъ съ нѣкоторыми свойствами небесной механики и въ подтвержденіе истинности своихъ воззрѣній дѣлаетъ ссылки на Гильберта и Аѳанасія Кирхера; учитъ опредѣлять разными способами разстоянія точекъ горизонта и находить полуденную линію. Къ этому отдѣлу приложены таблицы: 1) склоненія магнита; 2) склоненія солнечнаго; 3) таблица широты востока и запада солнца; 4) таблица сравненія широты востока и запада солнца; 5) таблица рефракціи или преломленія лучей солнца, луны и звѣздъ. Во второй главѣ говоритъ о раздѣленіи земного глобуса по климатамъ, о величинѣ дня въ различныхъ мѣстахъ земного шара, объясняетъ способы опредѣлять время морскихъ приливовъ и отливовъ. Въ третьей главѣ разсуждаетъ о вѣтрахъ, раздѣляетъ ихъ по различнымъ точкамъ горизонта и въ особой таблицѣ показываетъ латинскія, итальянскія и славянскія названія ихъ. Потомъ приводитъ локеодромическія таблицы (таблицы логаріѳмовъ) и учитъ посредствомъ ихъ опредѣлять въ простыхъ и сферическихъ линіяхъ разстояніе мѣстъ и пути корабле-плаванія. Въ заключеніе предлагаетъ четырнадцать проблемъ, содержащихъ приложеніе теоретическихъ правилъ къ практическому мореплаванію.

Чтобы сообщить читателямъ яснѣйшее понятіе о методѣ Магницкаго, слѣдовало бы представить выписки изъ всѣхъ частей его сочиненія; но, стѣсненные объемомъ статьи, мы принуждены ограничиться немногимъ, и потому выписываемъ только изъ одной первой части ариѳметики главу о вычитаніи цѣлыхъ чиселъ.

„Что есть субтракціо?

„Субтракціо, или вычитаніе есть, имже малое число изъ большаго вычитаемъ, и излишнее объявляемъ.

„1. Яко егда случится тебѣ сицевъ перечень 57, вычитати изъ 89, и оставшее объявити; и ты постави меньшій перечень подъ большій сице $\frac{89}{57}$, прочертивъ же подъ нимъ черту, яко же есть $\frac{89}{75}$ и начни вычитати отъ правыя руки умствуя 7 изъ 9, останется 2 еже постави противъ 7 подъ чертою $\frac{89}{\frac{57}{2}}$, потомъ

паки умствуй 5 изъ 8 и останется 3: и ты тое постави противъ 5 подъ чертою же $\frac{89}{57}$ и объявится излишнее большаго перечня предъ меньшимъ подъ чертою.

„Тѣмже образомъ, твори всегда въ таковыхъ перечняхъ якоже и здѣ предложены суть (слѣдуютъ примѣры).

„2. Аще же будетъ перечень большій, имѣющій въ себѣ нѣкая числа меньшая нижнихъ числъ малаго перечня якоже въ предложенномъ $\frac{421}{132}$ и вычитати 2 изъ 1 невозможно: и ты твори тако: вышняго перечня отъ 2, сирѣчь двадесяти единъ возми, къ первому числу 1, того же перечня, и гдѣ было 2, тамо останется 1, а въ начальномъ идѣже былъ 1 будетъ 11, и тогда вычти нижнее 2 изъ 11: и останется 9, еже постави противъ 2 подъ чертою яко же и есть: $\frac{421}{132}{}_{9}$; потомъ возми 1 отъ 4 верхняго перечня и будетъ съ прежде оставшимъ 11 и ты такожде другое число 3 нижняго вычти изъ того 11, и останется 8; еже постави противъ 3 подъ чертою: $\frac{421}{132}{}_{89}$ третье же число нижняго 1 вычти просто изъ оставшихъ 3 верхняго перечня и останется 2, еже постави подъ чертою, якоже здѣ стоитъ (слѣдуетъ примѣръ“).

Далѣе слѣдуютъ *ины образцы ко гражданству належащіе;* выписываемъ изъ нихъ одинъ:

„Нѣкоторый человѣкъ обѣща нищимъ раздати 5604 копѣйки и остатки въ церковь отдати: и нѣсколько раздавъ, обрѣте остатковъ 2981 и восхотѣвъ видати, колико роздалъ нищимъ.

„Вычиталъ сице:

5604 обѣщанное
2981 церковное, что осталось
2623 нищимъ роздано.

„Повѣреніе.

„Аще хощеши извѣститися, добрѣ ли вычиталъ, или погрѣшилъ; и ты сотвори сице: перечень изъ него же ты вычитаеши, сирѣчь большій, вычти по 9, и что въ остаткахъ будетъ, то особенно напиши. Потомъ вычти нижній перечень вкупѣ и другій, яже подъ чертою по 9 же и аще останется

толико же, яко же и въ вышнѣмъ, убо добре вычиталъ еси якоже сице:

245 2
132 2
113

„Инъ образецъ повѣренія.

„Нижній перечень сложи съ нижайшимъ иже подъ чертою: и аще той же великій перечень будетъ изъ него же вычтено: убо право вычиталъ еси: яко же сице:

245 высшій
132 нижній
113 нижайшій

извѣстное повѣ 245 реніе изъ дву сложенъ.

Здѣ конецъ субтракцію,
числъ изъ числъ изъятію.
Имже знай вся уплаты,
безолжи и утраты,
Тщимся же впредь начати,
числомъ что умножати“.

Показавъ содержаніе сочиненія Магницкаго, намъ остается сказать нѣсколько словъ о достоинствѣ его, какъ учебника, назначеннаго для руководства учащимся.

Очевидно, что при подобной оцѣнкѣ мы не должны смотрѣть на трудъ Магницкаго на основаніи тѣхъ условій, какими въ настоящее время опредѣляется достоинство учебнаго руководства. Наука съ теченіемъ времени идетъ впередъ, методъ дѣлается простѣе, точнѣе, удобопонятнѣе. Но въ эпоху появленія книги Магницкаго въ Россіи математика еще была въ младенчествѣ; поэтому и учебники, излагавшіе ее, должны быть слабы, неясны, недостаточны. Естественно, книга Магницкаго для насъ не представляетъ достоинствъ учебника; но по тому времени книга эта имѣла большія достоинства. Главное достоинство сочиненія Магницкаго есть полнота. Это не просто ариѳметика, какъ означено въ заглавіи, но цѣлый курсъ математики съ приложеніемъ ея къ мореплаванію. Въ то время слово ариѳметика было нарицательнымъ для всей математики; вотъ почему и курсъ Магницкаго носитъ это скромное имя. Впрочемъ, ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ большою полнотою; видно, что авторъ особенно заботился объ этой

части своего сочиненія, имѣя въ виду, конечно, болѣе необходимое приложеніе ея къ жизни, чѣмъ другихъ частей математики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и считая ее, не безъ основанія, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ должны зиждиться всѣ высшія математическія знанія. Магницкій преимущественно старался указать тѣ случаи, гдѣ можно счесть или измѣрить что-нибудь при пособіи ариѳметики. Съ этою цѣлію онъ помѣстилъ въ своей книгѣ множество примѣровъ, или прикладовъ, какъ онъ называетъ ихъ, и особенно не поскупился на нихъ при объясненіи тройныхъ правилъ. Въ наше время въ руководствахъ къ ариѳметикѣ содержатся только правила съ немногими примѣрами, а практическія задачи издаются особой книгой подъ именемъ собранія ариѳметическихъ и алгебраическихъ задачъ; но въ то время такихъ сборниковъ не было, поэтому и нужно было въ одномъ руководствѣ соединить и теорію и практическое ея приложеніе. Доказательствомъ, что авторъ, излагая ариѳметику, заботился о полнотѣ, служитъ то, что онъ не оставилъ безъ вниманія ни одного вопроса излагаемой имъ науки. Даже въ книгѣ своей онъ представилъ примѣры *нѣкіихъ увеселительныхъ дѣйствій, чрезъ ариѳметику употребляемыхъ*. Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается, почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся сознательно узнать и вполнѣ убѣдиться въ непреложности математической истины. Но тогда знаніе ариѳметики опредѣляли умѣньемъ дѣлать практическія задачи, и онъ, вѣроятно, полагалъ, что если ученикъ понимаетъ условія задачи и правильно рѣшаетъ ее, то, значитъ, хорошо усвоилъ преподанныя правила. Подобный методъ сохранился у Меморскаго, Войтяховскаго и другихъ, не слишкомъ отдаленныхъ отъ насъ по времени составителей математическихъ руководствъ. Въ изложеніи алгебры у Магницкаго меньше полноты; предложены правила, но примѣровъ и практическихъ задачъ почти нѣтъ. Въ геометріи изложены только самыя необходимыя и поверхностныя свѣдѣнія. Языкъ сочиненія церковно-славянскій, довольно правильный и, для знающаго его, ясный. Причина, почему Магницкій писалъ свое руководство не на языкѣ народномъ, заключается, кажется, въ общепринятомъ тогда обычаѣ писать книги на языкѣ цер-

ковно-славянскомъ, наиболѣе точномъ и обработанномъ. Техническія названія понятій, составляющихъ содержаніе науки, вездѣ латинскія, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ съ русскимъ переводомъ. Въ этомъ автора нельзя и винить: наука его была новостью, и въ языкѣ народномъ не было еще словъ для выраженія ея терминовъ; вводить самимъ составленныя названія надо было осторожно, что хорошо понималъ Магницкій, и потому выражая русскимъ словомъ какое-нибудь понятіе, ставилъ рядомъ съ нимъ и иноземное его названіе. Силлабическіе стихи, щедро разсыпанные по учебнику, помѣщены, можетъ быть, съ цѣлью завлечь вниманіе учащихся, возвысить предметъ науки и крѣпче утвердить въ памяти ихъ предлагаемыя правила. Разумѣется, читая ариѳметику Магницкаго, нельзя не сознаться, что учившимся по ней трудненько было принимать и усвоивать истины науки. Не даромъ дворяне и вообще зажиточные люди не хотѣли добровольно отдавать дѣтей своихъ въ Навигаторскую школу: кромѣ трудностей морской службы ихъ, вѣроятно, пугали и трудности ученія. Но какъ бы то ни было, по руководству Магницкаго учились и выучивались. По ней учился Ломоносовъ, и книга эта первая утоляла любознательность юнаго генія. Для насъ ариѳметика Магницкаго не важна, какъ учебникъ, но достойна полнаго уваженія, какъ историческій памятникъ, какъ первый камень, на которомъ воздвиглось въ отечествѣ нашемъ зданіе математическихъ наукъ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1857-го года).

Учебныя руководства для начальныхъ училищъ въ XVIII столѣтіи.

По важному значенію, какое имѣли учебныя руководства для начальныхъ училищъ, полагаю нелишнимъ остановиться на нихъ и изложить, хотя вкратцѣ, ихъ содержаніе.

1. *Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ Россійской имперіи, изданное по высочайшему повеленію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Въ Санкт-петербургѣ, 1783.

Руководство это составлено, по образцу австрійскаго, *Янковичемъ,* который предварительно собралъ и перевелъ на русскій языкъ разные уставы и инструкціи учителямъ, попечите-

лямъ и визитаторамъ училищъ и представилъ ихъ комиссіи.

„Въ способѣ учебномъ“ говорится въ этомъ „Руководствѣ о совокупномъ наставленіи“ такъ:

„Подъ совокупнымъ наставленіемъ разумѣется то, чтобы учители нижнихъ школъ не учили учениковъ, одного за другимъ порознь, но показывали бы всѣмъ тѣмъ вмѣстѣ, кои одно учатъ; чрезъ что будутъ они всѣ внимательны къ тому, что учитель говоритъ, спрашиваетъ или пишетъ. Напримѣръ, если въ школѣ много учениковъ, показываютъ склады или читаютъ, то всѣ, складамъ и ученію обучающіеся, должны то же самое складывать и читать вмѣстѣ, либо вслухъ, либо про себя; и если учитель одного кого, или многихъ вдругъ спроситъ, то чтобы были въ состояніи продолжать тамъ, гдѣ остановились другіе“ (стр. 2).

Если ученикъ хочетъ что-нибудь сказать, или встать съ своего мѣста, то долженъ онъ напередъ дать знать оное поднятіемъ руки, и ожидать позволенія отъ учителя. Безъ позволенія же никто говорить не долженъ“.

„Когда одинъ ученикъ читаетъ, или отвѣтствуетъ, или спрашивается, тогда всѣ прочіе должны читать за нимъ про себя, и быть готовы къ отвѣту, какъ скоро ихъ спросятъ; почему учитель долженъ многихъ учениковъ вызывать, и то одному то другому приказывать продолжать тамъ, гдѣ остановился его товарищъ. Иногда надобно также, спросивъ о чемъ нибудь одного, спросить о томъ же другаго и третьяго“.

„Учитель долженъ всѣ слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду и ходить около всѣхъ учениковъ, дабы видѣть, всѣ ли прилежно его слушаютъ и дѣло свое исполняютъ“ (стр. 3—4).

„Дѣти должны имѣть одинакія книги. Совокупное чтеніе происходить должно безъ крика и въ умѣренномъ голосѣ, который можно иногда и перемѣнить, однако не выше приличнаго. Статья прочитывается сперва учителемъ или однимъ изъ учениковъ громко. Потомъ читаютъ ее поперемѣнно, то всѣ ученики вмѣстѣ, то поклассно, то нѣкоторые порознь отъ 8 до 10 и 12 разъ, смотря по тому, какъ велика или трудна статья“ (стр. 5—6).

„Изображеніе чрезъ начальныя буквы состоитъ въ написываніи на черной доскѣ словъ и рѣчей, ученія наизусть требующихъ, первыми только буквами каждаго слова. Сказать

имъ изъ того, что написать на доскѣ надобно, словъ пять или шесть, напримѣръ: „Вѣрую во единаго Бога Отца“. Сказанное должно еще повторить, и потомъ написать на доску первыя буквы каждаго слова, напримѣръ: В. в. е. Б. О“ (стр. 8—9).

„*Таблица* ничто иное есть, какъ выписка, или краткое содержаніе какого ни есть сочиненія или книги, въ которомъ всѣ главныя части, отдѣленія и сихъ раздѣленія такъ представлены, что всѣ въ надлежащемъ соединеніи легко и удобно видѣть можно“ (стр. 12).

„Учитель долженъ также опрашивать учениковъ не всегда сряду, но перемѣнно, однако же лучшихъ всегда напередъ, потомъ посредственныхъ и наконецъ слабыхъ“ (стр. 19).

„Ученики должны отвѣтствовать не *да* и не *нѣтъ*, но полною рѣчью“ (стр. 20). „Лучше если они отвѣтствуютъ исправно своими словами, нежели тѣми самыми, какія находятся въ книгѣ; ибо изъ того видѣть можно, что они дѣло понимаютъ“ (стр. 21).

„Въ россійскихъ книгахъ употребительны двѣ печати, а именно: церковная и гражданская. Знаніе какъ той, такъ и другой равно всякому необходимо, и потому обучать должно обѣимъ вмѣстѣ. Но какъ въ ученіи начинать должно всегда съ самаго легкаго, а печать гражданская имѣетъ передъ церковною то преимущество, что она какъ въ чтеніи и складахъ легче, такъ и въ азбукѣ простѣе и короче, то и должно начинать всегда съ печати гражданской“ (стр. 29).

„Сіе познаніе буквъ можно всего легче преподать дѣтямъ чрезъ написываніе на черной доскѣ мѣломъ сперва различныхъ тѣхъ черточекъ, изъ коихъ онѣ состоятъ, а потомъ и самихъ буквъ въ такой величинѣ, чтобы черты и части буквъ представлялися взору ясно. Буквы на доскѣ писать должно не обыкновеннымъ азбучнымъ порядкомъ, но такъ, какъ онѣ одна за другой слѣдуютъ, и какъ показано въ приложенной здѣсь таблицѣ гражданской азбуки.

І, Г, П, И, Н, Ц, Т. Ш, Щ.
і ге пе и ен це те ша ща
Л, Д, М, У, Х.
ель де ем у ха
Ч, Я, К, Ж, Ь, Ъ, Ы, Ѣ, Ю, Р, В, Ф.
че я ка же ы ѣ ю еръ ве ефъ
С, Е, О, А, Б, З, Ѳ.
есъ е о а бе зе ѳе

Здѣсь нужно замѣтить „*новое*“, какъ сказано, „названіе каждой буквы“ (стр. 30—31).

„Если дѣлается, напримѣръ, изъ буквы Г буква П, то сказать и показать ученикамъ должно, что тутъ дѣлается только подлиннѣе верхняя коротенькая черта буквы Г“ (стр. 34).

„На таблицѣ гражданской азбуки представлены четыре ряда буквъ. Первый рядъ заключаетъ въ себѣ буквы изъ однѣхъ прямыхъ чертъ состоящія, второй изъ прямыхъ и косыхъ, третій изъ кривыхъ и прямыхъ, а четвертый изъ однѣхъ кривыхъ. Буквы расположены притомъ такъ въ каждомъ ряду, какъ онѣ одна отъ другой происходятъ“ (стр. 35).

„Для изученія наизусть опредѣляются токмо: символъ вѣры, молитва Господня, десять заповѣдей Божіихъ, молитвы прежде и послѣ обѣда, молитвы на сонъ грядущихъ и отъ сна возставшихъ“ (стр. 50).

„*Приготовленіе учениковъ къ письму*. Учитель долженъ преподать ученикамъ своимъ, изъ руководства къ чистописанію, правила о порядочномъ положеніи при письмѣ тѣла, рукъ и о держаніи пера. Но какъ симъ правиламъ послѣдовать, то долженъ онъ, во-первыхъ, показать своимъ примѣромъ, и для сего сѣсть передъ учениками своими за столъ въ надлежащемъ положеніи, и показать какъ за письмомъ сидѣть надобно, а потомъ приводить тѣло и руки ученика въ такое же положеніе. Учитель беретъ также перо въ руки и показываетъ, какъ должно его брать, на которомъ пальцѣ должно оно лежать, какъ высоко его держать. Онъ заставляетъ учениковъ держать перо, класть оное назадъ и брать опять. Ходитъ самъ вокругъ, поправляетъ, кто сидитъ не такъ, и осматриваетъ прилежно, такъ ли всякъ беретъ перо и держитъ“ (стр. 51). Предписывается употреблять тетради съ печатными линейками (стр. 54). Учитель долженъ заставлять тѣхъ учениковъ, которые слова и небольшія рѣчи уже довольно хорошо пишутъ, писать безъ линеекъ и не такъ крупно, но въ показанную мѣру“ (стр. 63).

Далѣе изложенъ способъ преподаванія ариѳметики (стр. 69—78).

Послѣ говорится о званіи, качествѣ и поведеніи учителя. Тутъ даются наставленія, какъ поступать съ учениками, сообразно съ различными ихъ характерами и способностями (стр. 78—94). „Каждый учитель обязанъ имѣть и вести списокъ дѣтямъ, къ ученію приспѣвшимъ, книгу свойствъ учениковъ,

у него обучающихся, и списокъ прилежанію, по данному образцу“ (стр. 96).

„При всѣхъ ученикахъ, а особливо большихъ, стараться учителя должны болѣе о образованіи и изощреніи разума ихъ, нежели о наполненіи и упражненіи памяти, начинать всегда съ легкаго, и идти потомъ къ трудному“ (стр. 97).

„Каждый учитель долженъ каждый годъ говѣть вмѣстѣ съ учениками своими, для добраго примѣра, и именно на страстной недѣлѣ“ (стр. 98).

„Запрещаются всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были, напримѣръ: а) ремни, палки, плети, линейки и розги, б) пощечины, толчки и кулаки, в) драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши, г) всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя, и названіе скотины, осла и тому подобныя“ (стр. 106).

Часы ученья, исключая среду и субботу послѣ обѣда, когда не полагалось уроковъ, назначены были зимою до обѣда отъ 8-ми до 11-ти, а лѣтомъ отъ 7-ми до 10-ти часовъ, послѣ же обѣда зимою отъ 2-хъ до 5-ти, а лѣтомъ отъ 3 до 6-ти (стр. 108).

„Открытыя испытанія бываютъ въ годъ по-дважды, а именно: предъ Пасхою и въ послѣднихъ числахъ октября“ (стр. 112).

Къ этому руководству приложены „таблицы о назначеніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи“, гдѣ изложены правила объ употребленіи знаковъ препинанія и нѣкоторыя грамматическія, какъ напримѣръ о буквѣ *ъ*, и т. п. Нѣкоторыя толкованія невѣрны, такъ Андреевичъ предлагается писать чрезъ букву *ъ* (стр. 18), *потомъ* раздѣльно и т. д.

2. *Правила для учащихся въ народныхъ училищахъ, изданныя по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Въ С.-Петербургѣ, 1782 года.

Въ этихъ правилахъ заключаются не только указанія на то, какъ ученики должны держать себя въ училищѣ, но и наставленія, какъ слѣдуетъ вести себя дома, въ семействѣ.

„Всѣмъ ученикамъ надлежитъ въ воскресные и праздничные дни прилежно ходить въ церковь на литургію, при чемъ, для лучшаго порядка, учреждается, чтобы никто изъ учениковъ не ходилъ изъ дому прямо въ церковь, но чтобы всѣ, по звону, собирались въ училище и здѣсь смиренно и безмолвно ожидали времени богослуженія (стр. 7). По окончаніи богослуже-

нія ученики должны по два въ рядъ изъ церкви возвращаться въ училище, отсюда же отъ учителя домой отпускаются; и никто да не дерзнетъ безъ вѣдома и дозволенія учительскаго изъ церкви уходить домой или куда-нибудь“ (стр. 10).

Пріемъ въ училище положенъ былъ два раза въ году: лѣтомъ прежде Ѳомина понедѣльника, и зимою къ 1 ноября. „Неявившимся къ своему времени отказывать и отсылать до начатія слѣдующаго учебнаго теченія, дабы ради одного или двухъ учениковъ ученія снова начать не требовалось“ (стр. 11).

3. *О должностяхъ человѣка и гражданина. Книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ, изданная по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Въ С.-Петербургѣ, 1783 года.

Изложеніе начинается объясненіемъ понятій о душѣ, памяти, разумѣ, волѣ, т.-е. сокращенною психологіею, недоступною для понятія дѣтей. Потомъ дѣлаются опредѣленія разныхъ добродѣтелей: праводушія (правота характера), любочестія, спокойствія духа, любовѣдѣнія, и различныхъ обязанностей: дружелюбія, миролюбія, услужливости, искренности, честности, почтительности, порядка, трудолюбія, хозяйства; за симъ слѣдуютъ опредѣленія пороковъ: безмѣрнаго самолюбія, гордости и спеси, тщеславія, подлости, распутства, неучтивости, осужденія, самохвальства и хвастовства, лжи. Всѣ эти опредѣленія весьма сжаты и мало понятны для дѣтей.

Въ главѣ „о здравіи“ изложены медицинскія наставленія о болѣзняхъ и лѣкарствахъ; тутъ говорится и о родимцахъ, о падучей болѣзни и разныхъ прилипчивыхъ болѣзняхъ, о коихъ дѣти не должны имѣть никакого понятія, почти приводятся рецепты; разсуждается о пользѣ привитія оспы, и т. п.

Правила благопристойности, о томъ какъ ходить, стоять, кланяться, какъ одѣваться — едва ли не наиболѣе во всей книгѣ вразумительныя для учениковъ.

За симъ говорится о супружескомъ союзѣ, объ обязанностяхъ родителей и дѣтей, а также слугъ.

Глава о гражданскомъ союзѣ начинается толкованіемъ о томъ, какъ произошли гражданскія общества, при чемъ дѣлается такое опредѣленіе республики: „бывали народы, да нынѣ еще такіе есть, у коихъ многія особы о благосостояніи согражданъ своихъ пекутся, и тутъ же власть имѣютъ, какую имѣетъ въ государствѣ государь, сіи общества называются республиками“.

Въ главѣ „о любви къ отечеству“ разбираются подробно разныя въ государствѣ сословія, и доказывается необходимость подчиненія ихъ верховной власти.

Послѣ этого слѣдуетъ глава „о наукахъ, художествахъ, промыслахъ и рукодѣліяхъ“, гдѣ приведено раздѣленіе наукъ по спеціальностямъ, и сдѣланы опредѣленія различныхъ художествъ.

Наконецъ, въ послѣдней главѣ „о домоводствѣ“ разсуждается о домашнемъ хозяйствѣ, о веденіи приходо-расходныхъ книгъ, о бережливости и т. п.

Вообще, книга эта вовсе не дѣтская, и мало пригодна для чтенія дѣтей.

4. *Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Въ С.-Петербургѣ, 1784 года.

Кратко, въ сжатомъ видѣ, но весьма ясно изложена исторія ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви, въ объемѣ весьма достаточномъ для дѣтскаго возраста.

5. *Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданныя по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Въ С.-Петербургѣ, 1784 года.

Цѣль этого изданія видна изъ слѣдующаго предисловія: „Какъ Евангелія, которыя читаются въ церквахъ, заключаютъ въ себѣ жизнь Христову и поученія его, и потому содержатъ въ себѣ самыя важнѣйшія истины христіанскаго закона, то дѣтей надлежитъ еще съ самыхъ младыхъ лѣтъ руководствовать къ ясному и точному разумѣнію, по крайней мѣрѣ Евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, дабы, при слушаніи въ церкви слова Божія, приводили они себѣ на память спасительное нравоученіе истинъ евангельскихъ. Для удобнѣйшаго же оныхъ истолкованія и въ сердца юношескія вкорененія надлежало прежде всего привести Евангелія сіи въ такой порядокъ, дабы дѣти видѣли сперва краткое оныхъ содержаніе, т.-е. о чемъ Евангеліе, а потомъ какъ оно раздѣляется, и какія въ немъ христіанскія истины и нравоученія находятся. Сіе тѣмъ нужнѣе быть казалося, что нетокмо не всякой учитель учинить то самъ въ состояніи, но иной удалился бы еще при толкованіи своемъ иногда отъ прямого и истиннаго смысла

писанія, если бы оное оставить ему на произволъ. Учитель, читая изъясненіе сихъ Евангелій съ учениками, долженъ раздѣленія оныхъ писать на черной доскѣ изображеніемъ чрезъ начальныя буквы, и имѣть при томъ Новый Завѣтъ, изъ котораго прежде всего прочитывать стихи самого Евангелія, а потомъ заставлять уже читать оныя изъ краткаго изъясненія Евангелій. Учитель изъяснять при томъ долженъ незнакомыя славянскія слова, которыя въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчаются, изображая знаменованіе оныхъ употребительными россійскими словами. При изъясненіяхъ показывать всегда, которое примѣчаніе куда принадлежитъ, а при ученіи христіанскомъ и нравоученіи, что откуда выведено, и какъ, и при какихъ случаяхъ какія правила на исполненіе христіанскія добродѣтели обращать должно. Такимъ образомъ читать должно изъясненіе сихъ Евангелій, какъ и прочія учебныя книги, во время часовъ, для преподаванія катихизиса назначенныхъ, и еще по праздникамъ и воскресеньямъ предъ обѣднею, когда ученики идти въ церковь въ училищѣ соберутся".

6. *Сокращенный катихизисъ для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи, въ царствованіе благочестивѣйшей государыни императрицы Екатерины II.* Спб. 1774 года.

7. *Пространный катихизисъ для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи, въ царствованіе благочестивѣйшей государыни императрицы Екатерины II.*

Пространный катихизисъ отличается отъ краткаго тѣмъ, что въ пространномъ прибавлены свѣдѣнія изъ священной исторіи, которыя ученикамъ были извѣстны изъ другого руководства, а также объясненія и толкованія, которыхъ въ краткомъ нѣтъ. Эти объясненія по большей части многорѣчивы и мало что прибавляютъ, за исключеніемъ подробнаго изложенія таинствъ; въ краткомъ катихизисѣ объясняются только кратко крещеніе, причащеніе и покаяніе.

Въ обоихъ катихизисахъ подлинныя слова св. Писанія приведены внизу страницъ, въ самомъ же изложеніи катихизиса этихъ текстовъ вовсе нѣтъ, а въ пространномъ весьма немного; изъ чего видно, что учениковъ не заставляли заучивать ихъ наизусть.

Вообще, краткій катихизисъ, точно такъ же, какъ и священная исторія, составлены примѣнительно къ возрасту учащихся, и изложены удобопонятнымъ для нихъ языкомъ.

При составленіи катихизисовъ имѣлись въ виду не одни ученики народныхъ училищъ, но и вообще православные люди всѣхъ сословій, потому и находимъ въ нихъ указаніе на господствовавшіе пороки.

Такъ напримѣръ, осьмая заповѣдь объясняется въ краткомъ катихизисѣ слѣдующимъ образомъ: „Въ осьмой заповѣди требуетъ Богъ, чтобы ни явно, ни тайно ни у кого ничего не отнимать, найденной вещи не утаивать, бѣглаго человѣка не укрывать, чужой пашни, сѣнокоса или огорода своею скотиною не травить, чужою землею не владѣть; при продажѣ, покупкѣ и обмѣнѣ никого не обманывать, у работниковъ платы не удерживать, денегъ государственныхъ, церковныхъ и ни чьихъ не красть и не утаивать“.

Еще съ большею подробностію исчислены различные виды воровства, запрещенные восьмою заповѣдью въ пространномъ катихизисѣ. Подъ эту заповѣдь подведены въ немъ слѣдующія категоріи лицъ:

„Разбойники, которые насильно другого грабятъ, и воры, которые окрадываютъ дома, лавки, житницы, дворы скотскіе, рыбныя ловли, сады, лѣса, сѣнокосы и проч“.

„Святотатцы, которые причиняютъ убытки государству, напримѣръ, тайнымъ привозомъ товаровъ, или похищеніемъ казны государственной, также которые окрадываютъ сокровище церковное, монастырское, или больничное; но безсовѣстнѣе всѣхъ тѣ воры, которые съ пожара что-нибудь крадутъ, и тѣмъ бѣднаго и разоряющагося больше разоряютъ“.

„Несовѣстные продавцы, которые въ крайней другаго нуждѣ, напримѣръ: во время голода, хлѣбъ не продаютъ, развѣ за несносную цѣну, или домогаются за то нѣкоторой вещи, какъ то: дома или земли, или коня. Къ симъ надлежатъ также и тѣ, которые въ крайнемъ чьемъ-нибудь бѣдствіи обѣщаютъ помочь дать, да подъ тяжелымъ договоромъ, хотя бы то и не трудно для нихъ было, и которые, видя другого нужду, не даютъ иначе въ заемъ денегъ, или хлѣбъ, или чего другого, какъ токмо съ великою лихвою, или ростомъ, удерживаютъ положенныя къ нимъ въ закладъ вещи и другими тому подобными образами ближняго своего явно обижаютъ“.

„Еще грѣшитъ противъ сей заповѣди тотъ, кто чужую вещь присвоиваетъ обманомъ. Такое хищеніе разнымъ бываетъ образомъ, а именно: когда кто обманываетъ мѣрою и вѣсомъ, или худой товаръ продаетъ за добрый, напримѣръ: мѣшаетъ въ хлѣбъ мякину, и въ вино воду, или монету ложную даетъ за добрую, а особливо кто еще монету поддѣлываетъ, или кто больше противъ надлежащаго беретъ пошлины, выдаетъ ложные векселя, росписки и духовныя, и тѣмъ неподлежащія себѣ присвоиваетъ имѣнія, или сказывая умершаго ближнимъ сродникомъ, дѣлается его наслѣдникомъ. Къ симъ причисляются и тѣ, которые, будучи наняты за довольную плату, невѣрно и нерадиво работаютъ и время проводятъ въ праздности. Также и тѣ хитрые нищіе, которые будучи здоровы и нескудны притворяютъ себя больными и убогими и нѣкоторыя вымышляютъ нужды, аки бы разорились отъ пожара, или ограблены отъ разбойниковъ, или просятъ милостыни на имя другихъ ложно, напримѣръ: на богадѣльню, на искупленіе плѣнниковъ, и проч. Не менѣе причисляться должны къ похитителямъ симъ и лицемѣры, которые, подъ видомъ притворныя святости, простой народъ обольщаютъ къ подаянію. Того же рода суть ласкатели и ябедники, которые ласкательствомъ и ябедами своими стараются только что-нибудь выманить; все то, что они ни получаютъ, почитать должно вреднымъ“.

„Подобно симъ согрѣшаютъ противъ сей заповѣди и властелины, которые у своихъ подчиненныхъ, а сильные у немощныхъ отнимаютъ нагло имѣніе, домъ, рабовъ, землю и проч., или принуждаютъ ихъ продать себѣ то, что они продать не хотятъ, или продать малою цѣною, или понуждаютъ работниковъ къ большимъ трудамъ сверхъ договора и награжденія, или насильно кабалятъ и порабощаютъ свободныхъ людей, или своевольно употребляютъ чужія вещи“.

„Къ сему числу подлежатъ и судьи, которые на мздѣ судятъ, и потому какъ при правомъ, такъ и неправомъ судѣ всегда крадутъ, или которые, смѣняя хорошихъ людей, опредѣляютъ къ мѣстамъ другихъ, недостойныхъ и негодныхъ, ибо чрезъ то у достойнѣйшихъ достойное отнимаютъ, дѣламъ причиняютъ вредъ, а государственной казнѣ наносятъ ущербъ“.

„Къ тому жъ причислить должно и тѣ духовныя власти, которыя на санъ архіерейскій или іерейскій, и иныя степени церковныя посвящаютъ на мздѣ, и сіе беззаконіе именуется

святокупствомъ или симоніею. Вообще, крадутъ всѣ тѣ, кои, нося на себѣ какое ни есть званіе, должность онаго не исправляютъ или исправляютъ, но худо и невѣрно".

8. *Россійскій букварь для обученія юношества чтенію, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1782 года.

Начинается печатными церковными буквами, малыми и большими, по порядку. Потомъ слѣдуютъ гражданскія буквы, также въ азбучномъ порядкѣ; за симъ рукописныя. Послѣ этого помѣщены слоги; затѣмъ слова. Вслѣдъ за симъ напечатаны четыре молитвы: послѣ сна, передъ сномъ, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда. Затѣмъ слѣдуютъ краткое нравоученіе, состоящее изъ различныхъ нравственныхъ истинъ, и краткія повѣсти. Приложена табличка чиселъ церковныхъ, гражданскихъ и римскихъ, и таблица умноженія.

9. *Руководство къ чистописанію для юношества въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданное по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1782 года.

Въ этомъ руководствѣ излагаются правила какъ держать при письмѣ тѣло, руки и перо, и описывается происхожденіе буквъ однѣхъ изъ другихъ (стр. 7). Къ руководству приложены прописи.

10. *Руководство къ ариѳметикѣ, для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданное по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ. Ч. 1-я въ 1783 году, ч. 2-я въ 1784 году.

Изложено ясно и толково, на каждое правило приведены примѣры.

11. *Краткое землеописаніе Россійскаго государства, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1787 года.

Въ этомъ руководствѣ, кромѣ географическихъ данныхъ, есть не мало статистическихъ свѣдѣній о качествѣ земли и произведеніяхъ государства, о торговлѣ, равно и этнографическихъ. Кромѣ того, исчислены намѣстничества, и въ нихъ всѣ города, съ означеніемъ, что есть въ нихъ замѣчательнаго.

Для примѣра, выпишемъ нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній.

„Въ Финскомъ заливѣ, со владѣнія государя Петра I, и стерляди разведены“ (стр. 33).

„Вредное насѣкомое *саранча* опустошаетъ въ нѣкоторые сухіе годы нивы и сѣнокосы земель южныхъ“ (стр. 35).

„Для зданій Петербурга привозится мраморъ по бо́льшей части изъ горъ Олонецкихъ“ (стр. 36).

„Съ 1764 года поселены нѣмцы въ С.-Петербургской губерніи по Невѣ, Ижорѣ и Царскосельской дорогѣ; въ Воронежскомъ намѣстничествѣ подлѣ города Острогожска“ (стр. 46).

„Греки перешли въ 1779 году изъ Таврическаго Херсониса въ Екатеринославское намѣстничество. Съ начала сего столѣтія много ихъ и въ Нѣжинѣ для торговли поселилось“ (стр. 47).

„Армяне переселились изъ Таврическаго Херсониса на Донъ, и тамъ основали городъ Нахичевань“.

„Примѣтить надлежитъ, что обитатели Полоцкаго и Могилевскаго намѣстничествъ суть издревле россіянамъ единоплеменники, хотя и заняли нѣсколько словъ и произношенія отъ польскаго языка, будучи долгое время поляками обладаемы“ (стр. 68).

„Въ Россіи считается жителей по ревизіи 1782 года до 26 милліоновъ, не включая въ сіе число дворянства, духовенства, войска, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ, ученыхъ, кочевыхъ народовъ и разныхъ иностранныхъ жителей и поселенцевъ“.

„При нынѣшней благополучно царствующей государынѣ основаны по губерніямъ и многимъ намѣстничествамъ открыты народныя училища, кои обѣщаваютъ повсемѣстное въ Россіи просвѣщеніе“ (стр. 70—71).

„Всѣхъ вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ считается по цѣнѣ отъ 23 до 24 милліоновъ рублей, а привозимыхъ отъ 19 до 20 милліоновъ; слѣдовательно выигрываетъ Россія въ торгу ежегодно отъ 3 до 4 милліоновъ. Казна же получаетъ со всѣхъ оныхъ товаровъ пошлины до пяти милліоновъ рублей“ (стр. 75).

„Нынѣ все Россійское государство раздѣлено на 41 губернію или намѣстничество, сверхъ коихъ еще находится Таврическая область и земля Донскихъ казаковъ“ (стр. 76).

„Нѣкоторыя весьма обширныя намѣстничества раздѣлены еще сверхъ того на области, именно: 1. Пермское намѣстничество на: а) Пермскую область и б) Екатеринбургскую область; 2. Тобольское намѣстничество на: а) Тобольскую область и б) Том-

скую область; 3. Уфимское намѣстничество на: а) Уфимскую область и б) Оренбургскую область; 4. Иркутское намѣстничество на области: а) Иркутскую, б) Нерчинскую, в) Якутскую и г) Охотскую; 5. Кавказское намѣстничество на: а) Кавказскую область и б) Астраханскую область“ (стр. 77).

„Между Окою и Клязьмою (во Владимирскомъ намѣстничествѣ) столь много густыхъ лѣсовъ, что крестьяне выжигаютъ ихъ для разведенія пашни“ (стр. 135).

„Донского войска состоитъ всегда къ службѣ готоваго до 25.000, а всѣхъ жителей тамъ слишкомъ 200.000. Въ землѣ Донскихъ казаковъ находится 113 станицъ, или селеній“ (стр. 173).

12. *Пространное землеописаніе Россійскаго государства, изданное въ пользу учащихся, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя*. С.-Петербургъ, 1787 года.

Изъ самаго заглавія этой книги видно различіе въ назначеніи этого сочиненія отъ прочихъ руководствъ: въ тѣхъ означено, что они изданы „для народныхъ училищъ“, это же „вообще“ въ пользу учащихся. Дѣйствительно, это изданіе предназначалось не для учениковъ начальныхъ училищъ, а для общаго употребленія, и въ особенности для преподавателей географіи. Эта цѣль изданія выражена въ слѣдующемъ предисловіи.

„Отпечатанное недавно Краткое Землеописаніе Россійскаго Государства есть книга, по которой обучаютъ юношество въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи. Въ пользу учениковъ, старающихся пріобрѣсти основательное свѣдѣніе о своемъ отечествѣ, прибавлены еще девять картъ, изъ коихъ одна общая представляетъ всю Россійскую имперію, а другія восемь частныя содержатъ въ себѣ намѣстничества, съ означеніемъ ихъ намѣстническихъ и уѣздныхъ городовъ“.

„Нынѣ отъ комиссіи о учрежденіи училищъ издается также и Пространное Землеописаніе Россійскаго Государства, къ которомъ порядокъ тотъ же, каковъ и въ ономъ краткомъ, но предметы описаны гораздо обстоятельнѣе“.

„Для удобнѣйшаго употребленія книги сей, пріобщена при ней роспись алфавитная намѣстничествамъ, городамъ, горамъ, морямъ, озерамъ, рѣкамъ, островамъ, народамъ, и вообще всѣмъ примѣчанія достойнѣйшимъ вещамъ. Звѣздочки, находящіяся въ росписи при городахъ, показываютъ, которые города учреждены въ царствованіе государыни императрицы Екатерины вторыя“.

„Книга сія не токмо можетъ удовлетворить полезному любопытству читателя, желающаго знать нѣсколько подробнѣе внутренное состояніе Россійской имперіи, но она послужитъ и учителямъ, при преподаваніи ученія сего какъ въ народныхъ, такъ и другихъ училищахъ, къ объясненію многихъ предметовъ, о которыхъ въ краткомъ землеописаніи нельзя было говорить пространно".

Книга раздѣлена на пять главъ, съ слѣдующимъ содержаніемъ: въ первой о предѣлахъ Россійскаго государства, его пространствѣ, моряхъ, горахъ, озерахъ и рѣкахъ, во второй о качествахъ земли и произведеніяхъ государства, въ третьей — объ обитателяхъ государства, въ четвертой о внутреннемъ устроеніи государства и раздѣленіи его на намѣстничества, а въ пятой главѣ сдѣлано описаніе Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ.

Этнографія Россіи изложена довольно подробно; но всего любопытнѣе въ этомъ руководствѣ — описаніе намѣстничествъ по тремъ полосамъ имперіи сѣверной, средней и южной. Въ каждомъ намѣстничествѣ означены его границы, число жителей, описано вкратцѣ его экономическое положеніе: земледѣліе, скотоводство, промыслы жителей, торговля, и поименованы всѣ города, съ краткими свѣдѣніями, а иногда и съ историческими данными, до нихъ относящимися.

13. *Всеобщее землеописаніе, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Двѣ части. Первая часть, заключающая въ себѣ Европу, напечатана въ 1788 году, а вторая, съ остальными частями свѣта, въ 1795 году.

Въ предисловіи сказано: „Учителю предписывается окончить первую часть географіи (т.-е. Европу) съ учениками своими въ третьемъ классѣ, а въ четвертомъ начать и кончить вторую часть ея (т.-е. остальныя части свѣта), а при томъ повторить еще разъ всю географію".

При описаніи каждаго государства сдѣлано сравненіе, восколько они менѣе русскихъ владѣній въ Европѣ.

Недостатокъ этого руководства состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ обширно и подробно. Въ первой части 312 страницѣ, во второй 364).

14. *Атласъ, изданный ко всеобщему землеописанію, для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему пове-*

лѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя. Часть 1-я. Европа. С.-Петербургъ, 1790 года (въ 8-ю долю листа).

Достойно замѣчанія, что въ этомъ атласѣ, изданномъ во время второй Турецкой войны, имени „Турція“ нигдѣ не упомянуто, а двѣ карты турецкихъ владѣній въ Европѣ озаглавлены такъ: 1) Албанія, Янина, Ливадія, Морея и острова въ Архипелагѣ и венеціанскіе и 2) Трансильванія, Буковина, Молдавія, Очаковская область, Бессарабія, Валахія, Булгарія, Романія, Македонія, Сербія, Славонія, Боснія и Рагузія. Это длинное оглавленіе, очевидно, употреблено для того, чтобы избѣгнуть названія „Турція“.

15. *Шрекова всемірная исторія, для обученія юношества.* С.-Петербургъ, 1787 года.

Этотъ томъ составляетъ только первую часть исторіи Шрека. Начинается она доказательствами пользы исторіи, затѣмъ перечисляются историческіе народы древніе и новые, потомъ дѣлается подробное раздѣленіе исторіи на періоды, наконецъ, излагается древняя исторія до Рождества Христова.

Руководство это было вовсе недурно для своего времени, но переводъ его весьма плохъ.

16. *Всемірная исторія, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* Часть 1 и 2. С.-Петербургъ, 1787 года.

Впослѣдствіи издана была третья часть, вторымъ изданіемъ, въ 1800 году.

При изложеніи событій историческихъ народовъ, сказано въ предисловіи, „воспомянуты великія дѣла ихъ согражданъ, оказавшихъ истинную любовь къ своему отечеству, и означены богослуженіе, законы, обычаи, нравы, науки, художества, торговля и все то, что возводило или низвергало ихъ благосостояніе“.

Преподавателямъ исторіи дается слѣдующее наставленіе:

„При преподаваніи самой исторіи надлежитъ наблюдать слѣдующее:

1) „Чтобы учитель первую часть сей всемірной исторіи начиналъ въ третьемъ разрядѣ (классѣ), и кончилъ оную въ одинъ годъ, а въ четвертомъ разрядѣ долженъ онъ прочесть вторую часть ея въ одинъ годъ, а въ другой годъ еще разъ повторить сію вторую часть, яко важнѣйшую“.

2) „Учитель проходитъ исторію сію по ландкартамъ и по таблицѣ, для сего-то употребляетъ онъ большія изданныя для народныхъ училищъ географическія карты. При изъясненіи земель показываетъ границы, рѣки и мѣста оныхъ, сказывая ученикамъ, какія нынѣ страны заключаютъ древніе тѣ мѣста, о которыхъ въ исторіи говорится, и проводитъ на картѣ мѣломъ бывшія переселенія народовъ изъ одной земли въ другую“. Притомъ

3) „Когда учитель читаетъ исторію сію, долженъ онъ также имѣть большія таблицы, раскрашенныя черною краскою и раздѣленныя по главамъ на колумны, или столбцы. Какъ въ заглавіи сихъ столбцовъ находятся только имена народовъ и государствъ, а на лѣвой сторонѣ таблицъ годы вообще, или тысячные, или сотые, то, при чтеніи исторіи, учитель заставляетъ учениковъ написывать мѣломъ годы, достопамятныя имена и главныя происшествія, въ исторіи означенныя, подъ тотъ вѣкъ, и въ ту клѣтку, коея заглавіе показываетъ государство или народъ описываемый, чтобы ученики тѣмъ легче и тверже могли впечатлѣть ихъ въ памяти и обозрѣть однимъ взглядомъ порядокъ и связь происшествій. При чемъ надлежитъ наблюдать, чтобы написанное не стирать, ибо когда предметы часто глазамъ представляются, то не токмо они дѣйствуютъ сильно на память, но и, при продолженіи исторіи, служатъ къ сообразованію съ онымъ современныхъ достопамятныхъ происшествій, случившихся въ тѣхъ же вѣкахъ у другихъ народовъ“.

4) „Во время преподаванія, долженъ учитель стоять у карты или таблицы съ однимъ ученикомъ, въ рукахъ коего книга и мѣлъ находятся. Онъ велитъ другимъ ученикамъ, сидящимъ на мѣстахъ своихъ, читать одинъ періодъ изъ исторіи поперемѣнно и громко, а прочимъ читать то же про себя. Прочитавъ статью, учитель изъясняетъ ее и указываетъ ученику, стоящему у таблицы, или ландкарты, что написать или провести должно на оныхъ, а потомъ тотчасъ спрашиваетъ о томъ то одного, то другого ученика, чтобы увидѣть, какъ они преподаваемое поняли, и заставляетъ притомъ, чтобъ они своими словами разсказывали порядочно и въ связи то, что они изъ исторіи отъ учителя слышали. Такимъ образомъ продолжаетъ учитель всю исторію и повторяетъ кратко всегда то, что пройдено въ послѣднемъ урокѣ. Въ одинъ же урокъ заставлять написывать и проводить по картѣ-таблицѣ мѣломъ должно не одного уче-

ника, а всѣхъ поперемѣнно, если ихъ въ классѣ не весьма много".

5) „Впрочемъ, паче всего долженъ учитель стараться учениковъ своихъ руководить къ тому, чтобъ они понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ, и какъ истинная любовь и приверженность къ своему отечеству способствовали благосостоянію согражданъ въ древнія и нынѣшнія времена".

Въ первой части этого руководства изложена исторія евреевъ, вавилонянъ, ассиріянъ, финикіянъ, карѳагенянъ, сирянъ, египтянъ, персовъ, грековъ и римлянъ; во второй — исторія Пруссіи, Швеціи, Даніи, Великобританіи, Португаліи, Испаніи и Франціи; въ третьей части исторія Соединенныхъ Штатовъ, Германіи, Швейцаріи, Италіи, Венгріи, Турціи, Аравіи, Индіи, Японіи, Китая, Монголіи, Египта, Варварійскихъ владѣній и Америки.

17. *Краткое руководство къ геометріи, издано для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1786 года.

Изложеніе весьма ясно и понятно; помѣщено много задачъ, и приложены чертежи. Руководство это обнимаетъ собою лонгиметрію, планиметрію и стереометрію.

Въ предисловіи сказано: „Учитель, проходя геометрію по сей книжкѣ, долженъ заставить учениковъ прочитывать каждый періодъ; потомъ изъяснить оный, тотчасъ спрашивать, какъ они истолкованное поняли, а не подаваться далѣе до тѣхъ поръ, пока бо́льшая часть учениковъ не уразумѣли хорошо прочитаннаго. При задачахъ, доказательства требующихъ, надлежитъ сначала истолковать самое предложеніе, потомъ приступить къ доказательству. При чемъ должно напоминать ученикамъ, въ какомъ случаѣ задачу сію въ общежитіи употреблять можно. Если ученикъ сдѣлалъ одну такую задачу, то задавать и больше на нее примѣровъ такихъ, кои можно употребить дѣйствительно въ общежитіи съ пользою. Училище снабжено должно быть упоминаемыми въ сей книжкѣ орудіями, какъ-то: астролябіею, компасомъ и проч., съ коими учителю, вмѣстѣ съ учениками, надлежитъ въ лѣтнее время выходить на поле и тамъ на дѣлѣ показать рѣшеніе практическихъ задачъ, кои въ классахъ разрѣшены были. Если дойдено будетъ до тѣлъ,

то должно сдѣлать ихъ изъ толстой бумаги, показать ученикамъ, и стараться довести ихъ до того, чтобъ они и сами сдѣлали то же; однимъ словомъ, дѣлать все то, что служитъ къ лучшему и легчайшему преподаваемыхъ предметовъ уразумѣнію".

18. *Краткое руководство къ физикѣ, для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданное по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1785 года.

Руководство это изложено весьма толково. Къ нему прибавлена краткая астрономія. Къ книгѣ приложены чертежи.

Въ предисловіи сказано:

„При преподаваніи сея науки, надлежитъ имѣть въ готовности физическіе инструменты, дабы показать ученикамъ ихъ употребленіе, свойства тѣлъ, и явленія изъяснить опытами такъ, какъ онѣ въ самомъ естествѣ оказываются, строеніе міра истолковать посредствомъ художественныхъ машинъ".

„Для пріобрѣтенія же наивящшей пользы, долженъ учащій заставлять своихъ учениковъ прочитывать каждый параграфъ сея книги, изъяснять его по вышесказанному, а наконецъ задавать объ истолкованной матеріи нѣкоторые вопросы, дабы знать, какъ ученики уразумѣли пройденное. Если бо́льшая часть изъ нихъ на сдѣланные вопросы удовлетворительно станутъ отвѣтствовать, то надлежитъ учителю приступить къ новому параграфу и заставлять читать то того, то другого".

19. *Начертаніе естественной исторіи, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1786 года. Двѣ части.

Достоинство этого руководства состоитъ въ томъ, что въ немъ весьма много свѣдѣній, касающихся Россіи, а недостатокъ его заключается въ излишней полнотѣ, не соотвѣтствующей курсу начальнаго училища (въ двухъ его частяхъ 480 страницъ).

20. *Краткое руководство къ гражданской архитектурѣ или зодчеству, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1789 года.

Дѣльное сочиненіе, но для начальныхъ училищъ слишкомъ ученое руководство, наполненное математическими выкладками, мнѣніями разныхъ ученыхъ архитекторовъ и т. п.

21. *Руководство къ механикѣ, издано для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1785 года.

Руководство это изложено весьма ясно, и объяснено примѣненіе механики къ житейскимъ потребностямъ, какъ-то: устройству часовъ, дѣйствію мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ и т. п.

Въ предисловіи сказано: „Надлежитъ стараться имѣть въ готовности модели умомянутымъ въ сей книгѣ машинамъ и показывать ихъ сложеніе, когда нужда того требуетъ. Притомъ, если случай допускаетъ, должно учителю водить своихъ учениковъ въ такія мѣста, въ коихъ машинами какая ни есть работа производится, и изъяснять имъ все, что тутъ ни найдется достойнаго вниманія.

22. *Краткое разсужденіе о минералогіи вообще, о перемѣнахъ и приращеніи во всѣхъ частяхъ оной, съ присовокупленіемъ наконецъ главнаго основанія новѣйшей минералогической системы, сочиненное Андреемъ Теряевымъ, натуральной исторіи магистромъ и Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества членомъ. Въ Санктпетербургѣ 1796 года.* Печатано у Ѳедора Брункова, содержателя типографіи комиссіи объ учрежденіи училищъ.

Посвящено „его высокородію двора ея императорскаго величества камеръ-юнкеру Петру Ѳедоровичу Балку-Полеву“.

Въ сущности, это не руководство для училищъ, а ученое разсужденіе, объясняющее составленную авторомъ „таблицу минераловъ“, тутъ же приложенную.

23. *Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1787 года,

Руководство это содержитъ въ себѣ краткую этимологію, изложенную ясно и снабженную примѣрами.

Начинается это руководство слѣдующимъ предисловіемъ:

„Сколько необходима грамматика для наученія языковъ, то доказывается однимъ ея опредѣленіемъ“.

„Издаваемая нынѣ россійская грамматика, коль ни сокращенна быть кажется, содержитъ однакожъ въ себѣ все нужное, и, сверхъ того, при всей краткости, соблюдена въ ней

такая ясность, что учащимъ малаго весьма труда будетъ стоить преподавать по ней ученіе и самымъ малолѣтнимъ дѣтямъ, а особливо поступая въ томъ по слѣдующему наставленію".

„Учитель, прошедъ въ грамматикѣ истолкованіе о имени, заставляетъ учениковъ, поодиночкѣ, пріискивать въ какой-либо учебной книгѣ имена существительныя и прочія, показывая, какого каждое изъ нихъ рода, котораго склоненія, въ какомъ падежѣ, а прилагательныя въ какой степени уравненія; при чемъ болѣе всего упражняетъ учениковъ своихъ въ склоненіи, сперва порознь именъ существительныхъ и прилагательныхъ, а по времени соединяя ихъ вмѣстѣ и согласуя въ родѣ. Въ разсужденіи жъ именъ прилагательныхъ, заставляетъ учитель учениковъ приводить ихъ въ разныя степени уравненія и въ оныхъ склонять. Сіе упражненіе продолжаетъ учитель и по истолкованіи мѣстоименій, приказывая ученикамъ склонять мѣстоименія, соединивъ съ именами существительными и прилагательными. Напримѣръ, склоняя мѣстоименія *сей, моя, то,* велитъ учитель прибирать къ симъ мѣстоименіямъ пристойныя имена существительныя и прилагательныя, и съ оными склонять мѣстоименія сіи, какъ-то: *сей огромный домъ, моя правая рука, то пріятное время;* ибо въ такомъ соединеніи дѣти удобнѣе удерживать могутъ въ памяти склоненія имянъ и мѣстоименій. Но еще нужнѣе упражненіе въ спряженіи глаголовъ, почему учитель не токмо на каждое спряженіе, но и на каждый залогъ глаголовъ заставляетъ, поодиночкѣ, своихъ учениковъ написать на черной доскѣ, по меньшей мѣрѣ, по одному примѣру. Причастія должны ученики склонять съ именами существительными такъ, какъ имена прилагательныя".

„Въ сочиненіи словъ каждое правило прилежно должно быть изъяснено, и снабжено довольнымъ числомъ примѣровъ, по которымъ учащіеся лучше помнить будутъ сіи правила, нежели бъ учили ихъ наизусть. По окончаніи, такимъ образомъ, всей грамматики, учитель заставляетъ учениковъ разбирать взятый періодъ изъ какой-либо учебной книги, грамматическимъ способомъ, показывая всѣ части рѣчи и правила изъ сочиненія словъ, которымъ оныя части рѣчи соединены; а потомъ, выбравъ учитель самъ одинъ изъ такихъ періодовъ переставливаетъ въ немъ всѣ реченія и заставляетъ ученика приводить оныя реченія паки въ порядокъ, по правиламъ сочиненія словъ; въ сіе же время повторяетъ учитель съ уче-

никами своими таблицу о правописаніи, которая тѣмъ яснѣе учинится для учащихся, что они уже знаютъ грамматику".

24. *Краткая грамматика древняго греческаго языка, изданная по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1789 года.

Изданіе этого руководства объясняется такимъ образомъ въ предисловіи:

„Большую часть древней географіи и исторіи, даже по пятое на десять столѣтіе, почерпаемъ изъ греческихъ писателей".

„Оставшіяся намъ сего народа ученыхъ мужей сочиненія служили также основаніемъ и руководствомъ къ возстановленію наукъ въ Европѣ, почему и нѣтъ науки, которая бы не занимала поднесь хотя нѣкоторыя ея предметовъ наименованія изъ древняго греческаго языка".

„Комиссія объ училищахъ, уважая сіе соразмѣрно монаршему и матерному ея императорскаго величества о распространеніи наукъ намѣренію, и потому почитая знанія древняго греческаго языка преполезнымъ и нужнымъ для приготовляющихъ къ учености, издаетъ нынѣ сокращенную сію грамматику въ пользу тѣхъ училищъ, въ коихъ слѣдуетъ обучать одному языку и приготовлять юношество къ высшимъ наукамъ".

25. *Зрѣлище вселенныя на латинскомъ, россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изданное для народныхъ училищъ Россіиской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1788 года.

Въ этомъ изданіи помѣщено 80 статей, каждая съ эстампомъ, заключающихъ въ себѣ описаніе вселенной, произрастеній, животныхъ, насѣкомыхъ, рыбъ, понятія о земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, рыбной, птичьей и звѣриной ловли, о садоводствѣ, о разныхъ ремеслахъ и производствахъ, и о различныхъ предметахъ, какъ-то: что такое корабль, бумага, типографія, городъ, воинъ, училище и т. п. Въ каждой статьѣ приведены слова на трехъ языкахъ, — русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ — и изъ нихъ составлено нѣсколько предложеній по-латыни, по-русски и по-нѣмецки, остальныя означены полатыни и по-французски.

„Дабы ученіе сихъ языковъ было основательно", сказано въ предисловіи, „то надлежитъ преподаваніе оныхъ начинать въ первомъ разрядѣ главнаго народнаго училища (т.-е. въ первомъ низшемъ классѣ)".

Къ уставу о народныхъ училищахъ, изданному въ 1786 г. приложено весьма пространное „наставленіе главныхъ народныхъ училищъ учителямъ иностранныхъ языковъ“, въ которомъ объясняется имъ, съ мельчайшими подробностями, какъ они должны вести преподаваніе, какіе и какимъ образомъ предлагать вопросы ученикамъ, и т. п.

„Сперва ознакомимъ учениковъ съ именами существительными, безъ дальнихъ грамматическихъ опредѣленій, а все примѣрами, показывая имъ находящіеся, дѣйствительно въ статьѣ прочтенной“.

Грамматикѣ предписано обучать практически, „склоненія и спряженія показывать при самомъ чтеніи“; учителямъ не должно читать грамматики сряду, подробно и нарочно, ниже заставлять учениковъ твердить правила оной отъ слова, наизусть, но токмо показывать имъ мѣста, гдѣ образцы и примѣры оной находятся“.

„Зрѣлище вселенныя“ заимствовано изъ извѣстнаго сочиненія Коменскаго (Comenius) „Orbis pictus“, которое, долгое время, почиталось образцовымъ педагогическимъ трудомъ и служило предметомъ подражанія во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Напомнимъ читателямъ о Коменскомъ, этомъ по истинѣ замѣчательномъ педагогѣ XVII вѣка.

Коменскій родился въ Моравіи въ 1592 году, умеръ въ 1671 года въ Амстердамѣ. Сначала онъ былъ директоромъ школы въ Прерау, потомъ священникомъ братскаго Моравскаго Общества, а съ 1648 года ихъ послѣднимъ епископомъ, такъ какъ, послѣ его смерти, послѣдователи этого ученія перешли въ лютеранство, или реформатскую вѣру. Въ 1628 году, когда всѣ не принадлежавшіе къ католической религіи изгнаны были изъ австрійскихъ владѣній, тридцать тысячъ семействъ должны были переселиться изъ Богеміи въ Польшу, куда перешелъ и Коменскій съ моравскими братьями и оставался въ познанскомъ городѣ Лешнѣ (Лисса). Здѣсь онъ предался занятіямъ педагогіею, и въ особенности обдумывалъ лучшіе способы изученія иностранныхъ языковъ. Его поражала нераціональная рутинность ихъ преподаванія, онъ желалъ ее оживить, осмыслить и сдѣлать яснымъ, понятнымъ и легкимъ для учащихся все то, чему ихъ учатъ. „Начало всякаго знанія“, говорилъ онъ, „мы получаемъ чувственно отъ внѣшняго міра, поэтому недостаточно знать одно названіе предметовъ, нужно

видѣть самый этотъ предметъ собственнымъ глазомъ, и послѣ того, какъ онъ будетъ показанъ, дѣлать устное, ближе разъясняющее изложеніе о немъ; изученіе, такъ сказать, вещное должно идти рука объ руку съ словеснымъ, слова безъ предметовъ — пустыя слова. Такимъ образомъ сущность его педагогической системы заключалась въ наглядности, во внѣшнемъ изображеніи предметовъ, почему къ его изданіямъ и приложены были рисунки или эстампы.

На этомъ основаніи, написано было имъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Janua linguarum reserata“, напечатанное въ 1631 году, излагающее новую методу преподаванія иностранныхъ языковъ, въ особенности латинскаго, состоящую именно въ томъ, что ученіе языка должно вести совмѣстно съ познаніемъ предметовъ, этимъ языкомъ выражаемыхъ.

Эта книга имѣла такой успѣхъ, что была переведена не только на 12 европейскихъ языковъ, но и на многія восточныя нарѣчія. „Quand Comenius n'aurait publié que ce livre-là, il se serait immortalisé“, говоритъ Байль. Излагая тѣ же мысли въ другомъ своемъ трудѣ „Dialectica magna“, напечатанномъ въ 1657 году съ большими педагогическими разъясненіями, Коменскій заявлялъ, что всѣ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, богатые съ знатными ихъ родителяли, или же бѣдные и несостоятельные, имѣютъ право на образованіе, всѣ должны учиться. Едва ли не въ первый разъ услышанъ былъ голосъ въ пользу обязательности начальнаго обученія, которое и доселѣ, къ сожалѣнію, не принято еще во многихъ государствахъ. Нѣтъ у насъ школъ, говоритъ Коменскій, отвѣчающихъ своему назначенію, во многихъ мѣстностяхъ ихъ вовсе нѣтъ, въ другихъ существуютъ онѣ только для дѣтей зажиточныхъ родителей, способъ преподаванія въ нихъ неясный, монотонный, отталкивающій.

Для измѣненія этого несоотвѣтствующаго образа обученія составлено имъ было, на основаніи прежнихъ его трудовъ, руководство, озаглавленное „Orbis pictus“ [1]), и издано въ 1657 году; оно, говоритъ Раумеръ, и до сихъ поръ, по прошествіи двухъ столѣтій, хотя и во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ, осталось любимою книгою юношества. Съ тѣхъ поръ „Orbis pictus“

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія „Orbis sensualium pactus, hoc est omnium fundamentalium in orbe rerum et in vita actionum. Въ 1835 году оно было вновь переработано и издано А. Мюллеромъ въ Нюренбергѣ.

стало какъ бы нарицательнымъ названіемъ дѣтской книги въ литературѣ всѣхъ націй: мы встрѣчаемъ ее въ Англіи, какъ и въ Германіи[1]).

Въ особую заслугу Коменскому слѣдуетъ поставить заботливость его о женскомъ образованіи. Нѣтъ никакого основанія, заявляетъ онъ, отстранять женскій полъ отъ ученія, происходитъ ли оно на народномъ нарѣчіи, или на латинскомъ языкѣ; женщины такія же Божія созданія, и часто болѣе насъ одарены умственными способностями и воспріимчивостію къ образованію; за что же оставлять ихъ на азбукѣ и вырывать у нихъ книги изъ рукъ? Опасаемся ли мы легкомыслія? Но чѣмъ болѣе вложимъ мы въ нихъ мыслей, тѣмъ менѣе мѣста останется для легкомыслія; оно происходитъ отъ умственной пустоты.

Коменскій былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, даже религіознымъ фанатикомъ съ мистическимъ и аскетическимъ оттѣнкомъ; руководства его проникнуты задушевнымъ христіанскимъ направленіемъ.

Всѣ эти сочиненія доставили такую извѣстность Коменскому, что онъ получилъ приглашенія изъ Англіи, Швеціи и Венгріи устроить тамъ учебную часть. Въ 1641 году онъ ѣздилъ для этого въ Лондонъ, но безпокойства въ Ирландіи не дозволили тогда англійскому правительству заняться ученымъ дѣломъ. Въ 1642 и 1646 годахъ онъ ѣздилъ въ Швецію, гдѣ подолгу бесѣдовалъ о своей учебной методѣ съ просвѣщеннымъ канцлеромъ Оксенштирномъ и, по его указаніямъ, передѣлывалъ даже свои педагогическіе труды. Наконецъ, въ 1650 году ѣздилъ въ Венгрію и Трансильванію, оставался тамъ четыре года, и устроилъ образцовую школу по своей системѣ; тамъ именно и былъ написанъ имъ его знаменитый „Orbis pictus“.

Коменскій умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ и погребенъ въ Амстердамѣ. По случаю двухсотлѣтія съ его кончины, въ 1874 году воздвигнутъ былъ ему памятникъ въ Прерау, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ онъ преподавалъ въ начальномъ училищѣ.

Учебная метода Коменскаго, какъ мы видимъ, заключалась въ естественности, наглядности, въ реализмѣ, въ смыслѣ ви-

[1]) Такъ, въ 1795 году въ Лейпцигѣ издано было „The progress of man, — neuer englischer „Orbis pictus“, oder die Geschichte des Menschen und menschlichen Gesellschaft in Bildern zur Belehrung der Jugend. 2 Theile.

димости и пониманія предметовъ, выражаемыхъ извѣстными словами. Онъ возставалъ противъ рутинности механическаго, устарѣлаго и безтолковаго преподаванія иностранныхъ языковъ, какъ новыхъ, такъ и древнихъ, и въ противоположность сему предложилъ различную методу обученія, основанную на знаніи не однихъ словъ, но и самыхъ предметовъ, ими выражаемыхъ. Въ этомъ собственно и состоялъ его реализмъ. Напрасно и невѣрно стараются нѣкоторые представить его реалистомъ въ современномъ значеніи этого слова, увѣряя, что онъ былъ основателемъ какой-то реальной системы, возставалъ противъ какого-то педагогическаго іерархизма, отвергалъ образовательную силу классическихъ занятій. Коменскій, по справедливости, нападалъ на совершенно негодный способъ преподаванія древнихъ языковъ, но такъ далекъ былъ отъ ненависти къ классическому образованію, что находилъ необходимымъ, чтобы ученики писали ежедневно латинскія сочиненія, стараясь подражать Цицерону, и постоянно говорили по-латыни, не только въ школѣ, но и дома; по его мнѣнію, и дѣвочки въ состояніи обучаться по-латыни, точно такъ, какъ мальчики; наконецъ, онъ предлагалъ сдѣлать латинскій языкъ— языкомъ общеевропейскимъ.

„Зрѣлище вселенныя“ есть не болѣе, какъ весьма краткое извлеченіе изъ „Orbis pictus“ Коменскаго: изъ 300 статей этой книги заимствовано всего 80. При этой выборкѣ весьма основательно выпущены статьи, заключающія въ себѣ понятія отвлеченныя, какъ напримѣръ: о божествѣ, о различныхъ религіяхъ, о душевныхъ качествахъ человѣка, опредѣленіе различныхъ наукъ, какъ-то: философіи, геометріи, астрономическія статьи о небесныхъ свѣтилахъ, планетахъ, затменіяхъ, а также и анатомическія о составѣ человѣческаго тѣла, мало доступныя дѣтскому пониманію. Заимствованныя же статьи почти буквально переведены съ подлинника, съ весьма незначительными измѣненіями.

Ранѣе, чѣмъ появилось „Зрѣлище вселенныя“, Шаденъ издалъ „Orbis pictus“ на пяти языкахъ: латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и французскомъ, подъ заглавіемъ „Видимый Свѣтъ. Это было не извлеченіе, а дословный переводъ съ Нюренбергскаго изданія 1755 года, и напечатано въ Москвѣ въ 1768 году. Впрочемъ, переведена была только первая часть сочиненія, а вторая, заключающая въ себѣ, какъ

и первая, 150 статей, осталась безъ перевода. Къ изданію не было приложено рисунковъ, потому что Шаденъ находилъ, что они очень дурно исполнены, и предлагалъ замѣнить ихъ, при преподаваніи, отдѣльными гравюрами и моделями.

26. *Краткое руководство къ математической географіи и къ познанію небеснаго шара, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи, по высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя.* С.-Петербургъ, 1878 года.

Руководство это написано собственно для объясненія сдѣланныхъ тогда глобусовъ. „Комиссія объ учрежденіи училищъ", сказано въ предисловіи, „всѣми мѣрами пекущаяся объ исполненіи ея императорскаго величества устава народнымъ училищамъ, издавая нынѣ въ свѣтъ первые таковые шары, съ россійскимъ надписаніемъ, присовокупляетъ сіе краткое руководство къ математической географіи и къ познанію небеснаго шара, содержащее изъясненія математическаго шаровъ сихъ раздѣленія, и потребныя наставленія къ познанію міра".

Далѣе слѣдуетъ такое наставленіе учителямъ этого предмета: „Въ тѣхъ классахъ народныхъ училищъ, въ коихъ юношество обучается географіи, должно находиться по одному земному и небесному шару, дабы ученики, имѣя ихъ предъ глазами, получали твердое впечатлѣніе о истинномъ строеніи сего міра. Учителя же, обучающіе географіи, должны, во время ученія оной, показывать ученикамъ положеніе каждой области или государства на таковомъ земномъ шарѣ. Первую главу изъ сей математической географіи учитель проходитъ предъ начатіемъ политической географіи, а послѣдующія, такъ какъ и изъясненіе небеснаго шара, предоставляетъ онъ до окончанія истолкованіемъ генеральныхъ ландкартъ, и поступаетъ въ томъ по правиламъ и общимъ преподаванія предписаніямъ, а именно: заставляя учениковъ читать по параграфамъ, долженъ онъ показывать имъ содержаніе параграфа на самыхъ глобусахъ, и разобравъ такимъ образомъ всѣ математическія шаровъ сихъ раздѣленія, велитъ ученикамъ, находящимся въ семъ руководствѣ порядкомъ, рѣшать и доказывать задачи, что и въ § 8 устава народнымъ училищамъ предписано".

Въ первой главѣ этого руководства даются понятія о полюсахъ, экваторѣ, эклиптикѣ, тропикахъ, полярныхъ кругахъ, меридіанѣ, зенитѣ, надирѣ и горизонтѣ; во второй главѣ о раздѣленіи земной поверхности на поясы, по тѣни, по поло-

женію и по климатамъ; въ третьей главѣ объясняется употребленіе шара; въ четвертой главѣ о небесномъ шарѣ и о тѣлахъ небесныхъ, и въ пятой, объ употребленіи небеснаго шара, излагается вкратцѣ астрономія. Къ главамъ третьей и пятой объ употребленіи глобусовъ приложены соотвѣтствующія задачи (къ третьей 24, а къ пятой 23), и указаны способы рѣшенія ихъ.

27. *Исторія Россійскаго государства, сочиненная статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Иваномъ Стриттеромъ.* С.-Петербургъ, 1800—1802 года, 3 части.

„Къ распространенію науки въ Россійской Имперіи", говоритъ Стриттеръ, „комиссія объ учрежденіи школъ, положивъ похвальное намѣреніе издавать нужныя книги разнаго рода для школъ подъ ея веденіемъ, почла за долгъ обратить свое вниманіе на исторію россійскаго государства. О сочиненіи таковой исторіи учинено мнѣ отъ комиссіи объ учрежденіи школъ предложеніе, съ лестнымъ для меня отзывомъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1783 года, и съ того самаго времени посвятилъ я большую часть досуга моего съ такимъ раченіемъ, сколько позволяли мои силы".

Въ предисловіи Стриттеръ излагаетъ, какими правилами онъ руководствовался при составленіи своей исторіи, и исчисляетъ источники, которыми при этомъ пользовался.

„При семъ сочиненіи", поясняетъ онъ, „употреблялъ я всѣ донынѣ отпечатанныя и рукописныя россійскія лѣтописи, вводя ихъ въ примѣчаніяхъ, между коими такъ называемые Ростовскій списокъ и Архивная лѣтопись могутъ почесться превосходнѣйшими. Изъ помянутыхъ архивныхъ записокъ главныя суть такъ именуемыя Статейныя книги, съ достовѣрнымъ повѣствованіемъ о постановленіяхъ съ иностранными дворами, о каждомъ особенно, и состоятъ изъ многихъ частей, начиная съ 1474 до 1699 года, а съ 1474 года находится именно книга, содержащая въ себѣ постановленія между великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ и ханомъ крымскимъ Менглигиреемъ. Древнѣйшія извѣстія въ упомянутомъ архивѣ суть такъ называемыя новгородскія и другія грамоты, т.-е. договоры новгородцевъ съ ихъ князьями, великими князьями, и другихъ князей между собою, духовныя и тому подобное. Сіи извѣстія начинаются съ 1263 года и оканчиваются во время правленія царя Іоанна Васильевича, которыя напечатаны въ книгахъ подъ названіемъ: „Древняя россійская вивліоѳика, и продолженіе оной".

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ недоставало собственныхъ источниковъ, т.-е. россійскихъ лѣтописей, что̀ со мною и случилось только по 1237 годъ, заимствовалъ я изъ Россійской исторіи покойнаго Василія Никитича Татищева, и то, что я бралъ, выражалъ вездѣ въ примѣчаніяхъ, и изображалъ даже знаками. Къ сему приступилъ я тѣмъ паче, что у онаго знаменитаго и ревностнаго издателя Россійской исторіи находилось *богатое собраніе рукописныхъ россійскихъ лѣтописей, которыя послѣ смерти его, къ немалому ущербу исторіи, сгорѣли во время* пожара въ селѣ, принадлежащемъ и нынѣ его фамиліи, называемомъ Грибаново“.

„Кромѣ сихъ собственныхъ источниковъ россійскихъ, приводилъ я иное и изъ достовѣрнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, коихъ по сему предмету хранится въ помянутомъ архивѣ великое множество, и изъ нихъ выбиралъ я то, о чемъ въ нашихъ извѣстіяхъ или совсѣмъ не упоминается, или весьма кратко, а почасту даже въ немногихъ только словахъ повѣствуется, стараяся всевозможно по онымъ же исправить испорченныя въ россійскихъ повѣствованіяхъ имена особъ и мѣстъ“.

„При семъ сочиненіи поставлялъ я за главнѣйшее правило, описать ясно и вѣрно все, что нашелъ примѣчанія достойное въ вышереченныхъ источникахъ. Въ рѣдкихъ только мѣстахъ полагался я на догадки, и тогда только, когда оныя казались связи исторіи соотвѣтствующими. Разность въ повѣствованіи многихъ лѣтописей, гдѣ только было нужно, означилъ я собственными, сочинителей ихъ, словами, и старался невразумительныя мѣста объяснить въ примѣчаніяхъ, а сомнительныя исправить“.

„На концѣ каждаго періода сей исторіи присовокупилъ я краткое описаніе достопримѣчательнѣйшихъ происшествій онаго, кои со временемъ, пространнѣе обработанные могутъ дать вѣрное понятіе о главныхъ перемѣнахъ, каковыя въ Россіи постепенно возрождались“.

„Родословныя таблицы у каждаго періода были для ясности необходимо нужны, которыя показываютъ главныя перемѣны, каковыя случались съ великими князьями и удѣльными“.

Въ первой части этой исторіи изложены событія до 1224 года, во второй — до 1389 года, а третья часть оканчивается 1462 годомъ, т.-е. годомъ смерти великаго князя Василія Васильевича III.

Дѣйствительно, Стриттеръ пользовался не только напечатанными, но и разными неизданными списками лѣтописей и хронографами, а также и другими рукописными актами и документами Московскаго архива, сравнивая ихъ съ лѣтописными сказаніями другихъ странъ, и дополнялъ ими свое изложеніе; въ особенности пользовался польскими лѣтописцами Меховитою, Кромеромъ, всего болѣе Стрыйковскимъ, котораго, какъ слѣдовало ожидать, нерѣдко поправлялъ, а также и столь извѣстными ему византійскими историками. Гдѣ данныя лѣтописи были неясны или неполны, онъ дополнялъ или исправлялъ ихъ по документамъ исторіи Татищева. Почти на каждой страницѣ приводилъ въ выноскахъ варіанты изъ разныхъ лѣтописныхъ списковъ, а иногда дѣлалъ критическія замѣчанія.

Къ первой и третьей частямъ приложены поколѣнныя росписи великихъ и удѣльныхъ князей, и прибавлены двѣ статьи о состояніи Россіи во время описаннаго періода. Эти статьи до того кратки, всего въ нѣсколько страничекъ, что не только не даютъ понятія о внутреннемъ положеніи страны, но и вовсе не вмѣщаютъ въ себѣ сущности изложенныхъ событій.

Исторія Стриттера изложена погодно, такъ сказать лѣтописно. Какъ по этому способу изложенія, такъ и по своей обширности (1500 страницъ in 4^0), она не могла быть удобоприменимымъ для начальныхъ школъ руководствомъ.

28. *Краткая Россійская исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской имперіи.* С.-Петербургъ, 1799 года.

Русская исторія раздѣлена въ этомъ руководствѣ на пять періодовъ: 1) первый періодъ о древнемъ состояніи Россіи до основанія Россійскаго государства великимъ княземъ Рюрикомъ, 2) второй періодъ отъ основанія Россійскаго государства великимъ княземъ Рюрикомъ до нашествія татаръ, или отъ 862 до 1224 года, 3) третій періодъ отъ нашествія татаръ до изгнанія ихъ, или отъ 1224 до 1462 года, 4) четвертый періодъ отъ изгнанія татаръ до вступленія Романова дома на Россійскій престолъ, или отъ 1462 да 1613 года, 5) пятый періодъ отъ вступленія Михаила Ѳедоровича на Россійскій престолъ до нашихъ временъ, или отъ 1613 до 1797 года. Каждая глава подраздѣлена на два отдѣла: 1) о государяхъ и 2) о внутреннемъ состояніи Россіи. Къ изданію приложены три небольшія карты для четырехъ періодовъ.

По своему объему (всего 191 страница) и по способу изло-

женія, руководство это было вполнѣ пригоднымъ для начальныхъ училищъ.

Отмѣтимъ въ немъ сдѣланное въ изложеніи замѣчательныхъ событій екатерининскаго царствованія упоминаніе о комиссіи объ учрежденіи училищъ и объ открытіи народныхъ училищъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ради всеобщаго просвѣщенія своихъ поданныхъ, Екатерина установила, въ 1782 году, особливую, подъ собственнымъ своимъ верховнымъ вѣдѣніемъ, объ учрежденіи училищъ комиссію, которая печется о распространеніи и благосостояніи училищъ въ Россійской имперіи... По всѣмъ городамъ и по многимъ селеніямъ во всей пространной своей имперіи, учредила она народныя училища, въ коихъ молодые питомцы прославляютъ и вѣчно благодарить будутъ виновницу своего блаженства“ (стр. 184 и 187).

Шлёцеръ перевелъ это руководство на нѣмецкій языкъ, и напечаталъ въ Геттингенѣ, подъ заглавіемъ: „Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Rußland, vom Anfange des Stats bis zum Tode Katherine der II“. При переводѣ онъ строго держался подлинника и только сдѣлалъ иное распредѣленіе періодовъ русской исторіи, принявъ за окончаніе перваго періода — смерть Ярослава въ 1054 году, а второго — вторичное нашествіе монголовъ въ 1236 году. Кромѣ того, онъ прибавилъ въ началѣ нѣкоторыя исправленія подлинника (einige Berichtigungen). *Толстой.*

Учебныя руководства второго періода Московской духовной академіи.

Важнѣйшимъ трудомъ наставниковъ академіи, заслуживающимъ особеннаго вниманія и изслѣдованія, должно признать ихъ классическіе уроки, сохранившіеся до нашего времени въ нѣсколькихъ рукописныхъ экземплярахъ.

а) Уроки богословскіе.

Замѣчательнѣе и выше другихъ уроки богословскіе, и по содержанію и по полнотѣ изложенія: они преподаны были на латинскомъ языкѣ; мѣста св. Писанія приводятся въ нихъ по переводу бл. Іеронима. Мы имѣемъ пять такихъ руководствъ, относящихся къ началу, срединѣ и концу разсматриваемаго періода. Вотъ ихъ заглавія:

I. Scientia sacra, disputationibus theologicis SS. Ecclesiæ Orientali, Scripturæ, Conciliis et Patribus consentaneis, speculative et controverse illustrata in collegio Petro-Alexiewiano Mosquensi ann. 1706—1710. *(Наука священная, въ богословскихъ состязаніяхъ, по ученію св. Церкви Восточной, на основаніи св. Писанія, соборовъ и отцевъ, умозрительно и съ опроверженіемъ противныхъ мнѣній изложенная въ Московской коллегіи царя Петра Алексіевича)* [1]).

Это — полная богословская система и, безъ сомнѣнія, принадлежитъ ректору Θеофилакту Лопатинскому. Въ первой части уроковъ, начатыхъ въ 1706 году, въ самомъ началѣ замѣчено, что авторъ прежде читалъ философію: „напередъ изложимъ введеніе въ науки богословскія, *какъ сдѣлали мы и въ философіи*“. Обозрѣніе четырехлѣтняго курса богословскаго представлено въ ней слѣдующее:

Первый годъ.

1. Схоластическое чтеніе о Богѣ единомъ и о Св. Троицѣ. 2. О правѣ и правдѣ. Нравственное чтеніе: о договорахъ вообще и въ частности. Полемическая часть: о Св. Троицѣ, о исхожденіи Св. Духа и о предопредѣленіи.

Второй годъ.

1. Схоластическое чтеніе о воплощеніи. 2. Объ ангелахъ, о блаженствѣ и о дѣйствіяхъ человѣческихъ. Нравственное: о заповѣдяхъ первой и второй скрижали, о совѣсти, о произволѣ и о дѣйствіяхъ человѣческихъ въ практическомъ отношеніи. Полемика: о призываніи святыхъ и о почитаніи мощей и иконъ.

Третій годъ.

1. Схоластическое чтеніе о благодати и о грѣхахъ. 2. О таинствахъ. Нравственное: о таинствахъ, въ особенности о бракѣ и о литургіи. Полемика: объ оправданіи, о таинствахъ вообще и о таинствѣ евхаристіи.

Четвертый годъ.

1. Первое чтеніе о вѣрѣ, надеждѣ и любви. 2. О покаяніи. Нравственное: о исповѣди, о духовныхъ наказаніяхъ вообще и въ частности. Полемика: о Церкви, о Главѣ ея, о мытарствахъ.

---

[1]) Рукоп. Моск. дух. акад. №№ 255, 257, 259, 262, 271, 273, 274.

II. Theologia theoretica de Deo uno et trino, commentariis et disputationibus scholasticis illustrata, ingenuo Roxolano auditori exposita ab anno 1717 ad ann. 1719. *(Богословіе умозрительное о Богѣ тріединомъ, толкованіемъ и состязаніями схоластическими объясненное и благороднымъ русскимъ слушателямъ преподанное* съ 1717 до 1719 г.).

III. Theologia positiva et polemica, tradita in Mosquens Academia a Cyrillo Florinsky (1737—1740). *(Богословіе положительное и полемическое, преподанное въ Московской академіи Кирилломъ Флоринскимъ).*

IV. Theologiæ liber 11 de Deo homine. 1755 г. *(Богословія книга вторая о Богочеловѣкѣ).*

V. Theologia Christiana Orthodoxa, pro diversitate materiarum in varios tractatus et paragraphos divisa, in Imperiali Mosqnensi Academia tradita et explicata. 1767 г. *(Христіанское Богословіе православной Церкви, по различію предметовъ на разные трактаты и параграфы раздѣленное, въ Императорской Московской Академіи преподанное и объясненное* въ 1767 г.).

Прежде, нежели будемъ излагать содержаніе сихъ учебныхъ книгъ, замѣтимъ, что хотя они имѣютъ между собою сходство по содержанію, но каждая изъ нихъ отличается своеобразностію относительно порядка въ изложеніи и даже самыхъ вопросовъ. Какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ существовало обыкновеніе, что каждый преподаватель богословія, оставляя уроки предшественника, составлялъ свои записки, и это продолжалось до изданія въ свѣтъ богословскихъ уроковъ Ѳеофана Прокоповича и митрополита Платона.

Главное направленіе богословскаго ученія въ Московской академіи въ разсматриваемый нами періодъ было схоластическое и принесено въ Москву учеными изъ Кіева. Тамъ еще съ XVII вѣка утвердилось оно, когда кіевскіе воспитанники, отправлявшіеся для довершенія образованія въ коллегіи: римскую, львовскую, краковскую и другія, поступали въ наставники академіи и усвояли себѣ пріемы схоластическаго образованія. Впрочемъ, чистота ученія оставалась неприкосновенною: предварительное образованіе въ отечествѣ, а, главнымъ образомъ, наслѣдственное нерасположеніе къ латинству предотвращали опасность, какая могла приразиться къ ученію право-

славному; скажемъ болѣе: образованіе западное послѣ давало православнымъ оружіе для борьбы съ приверженцами онаго. Потому, въ учебныхъ книгахъ кіевскихъ, и за ними въ московскихъ, изъ школъ западныхъ взяты только тѣ пункты ученія, которые общи и восточному и западному вѣроисповѣданію, и еще заимствованъ методъ схоластическій. Вмѣстѣ съ тѣмъ введена въ нихъ полемика противъ Запада.

При разсмотрѣніи богословскихъ учебныхъ книгъ академіи признаемъ нужнымъ обратить вниманіе, во-первыхъ, на планъ, во-вторыхъ, на содержаніе, то-есть на вопросы, входившіе въ составъ ученія, и на способъ, какъ были рѣшаемы сіи вопросы.

Планъ.

Касательно плана слѣдуетъ замѣтить, что въ системахъ не встрѣчается строгаго логическаго разграниченія между предметами догматическими и нравственными; въ порядкѣ чтеній они перемѣшаны между собою. Богословіе, какъ у западныхъ схоластиковъ, такъ и у насъ, было излагаемо въ *трактатахъ, диспутаціяхъ* и *вопросахъ*, или въ *диспутаціяхъ, вопросахъ* и *пунктахъ*, и во всѣ сіи отдѣлы по произволу вставляли истины, неимѣющія между собою существенной связи. Такъ, въ учебной книгѣ 1706 года между нравственными предметами полагаются таинства (sacramenta). Въ трактатѣ о вѣрѣ говорится о вѣрѣ, какъ о добродѣтели, и вмѣстѣ съ тѣмъ о предметахъ вѣры: о Богѣ, Откровеніи, Преданіи. Ученіе о покаяніи, какъ душевномъ сокрушеніи, и о покаяніи, какъ таинствѣ, преподается вмѣстѣ. Въ трактатѣ о правѣ и праведности, на ряду съ изложеніемъ основаній и началъ права гражданскаго и церковнаго, поставлено разсужденіе о *взаимномъ правѣ ангеловъ, о правахъ ангеловъ и людей*. Причиною такого смѣшенія предметовъ должно признать поставленіе во главу системы категорій Аристотеля; подъ каждую изъ нихъ старались подвести извѣстное общее понятіе, тогда-какъ оно въ анализѣ имѣло свои частности, неподходящія подъ одинъ взглядъ ума.

Ошибка была и въ томъ, что, слѣдуя этимологическому значенію *Θεολογίι*, и признавая исключительнымъ ея предметомъ *ученіе о Богѣ*, схоластики усиливались выводить изъ этого одного понятія ученія о всемъ содержащемся въ Откровеніи

о предметахъ второстепенныхъ и даже отрицательныхъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ идеѣ о Богѣ. Это давало исключительно теоретическій характеръ богословію и вмѣстѣ съ тѣмъ обширное мѣсто произволу въ расположеніи предметовъ. Вотъ отчего богословы впадали въ крайность и подводили подъ идею о Богѣ понятія отрицательныя; вотъ отчего опускали важнѣйшіе вопросы изъ нравственной жизни человѣка, — потому только, что они не могли вытекать строго изъ понятія о Богѣ. Напримѣръ, въ ученіи о грѣхѣ они толкуютъ болѣе о томъ, есть ли Богъ причина грѣха, нежели о способахъ исправлять грѣхи; въ трактатѣ о вѣрѣ говорятъ не столько о свойствахъ вѣры, сколько о Богѣ, какъ предметѣ вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда къ понятію о Богѣ можно было возводить тотъ или другой предметъ богословскаго созерцанія, то схоластики и начинали трактаты съ какого угодно предмета: одни напримѣръ начинали Богословіе трактатомъ о воплощеніи, другіе поставляли впереди ученіе *о Св. Троицѣ*, а иные *о Богѣ единомъ*. Любопытно замѣчаніе Лопатинскаго, высказанное имъ по выборѣ плана (приведеннаго выше) четырехлѣтняго курса богословія: *„такой порядокъ намъ нравится, и мы будемъ его держаться, при всякомъ случаѣ подтверждая свои мнѣнія ученіемъ Церкви, соборовъ и св. отцевъ“*.

Въ этомъ отзывѣ видно только личное мнѣніе наставника, и точно: послѣ него перемѣняли и переставляли трактаты, какъ кому было угодно. Одна система заключала въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой: личное воззрѣніе на предметъ заставляло одного переносить въ отдѣленіе *вопроса* то, что у другого помѣщено въ отдѣлѣ *диспутаціи*, и наоборотъ.

Отъ этой произвольности въ расположеніи предметовъ происходило то, что не могло быть ни связи ни естественнаго перехода отъ одного предмета къ другому, когда предшествующій трактатъ не имѣлъ ничего общаго съ послѣдующимъ. Какой, напримѣръ, возможенъ переходъ отъ трактата о Святой Троицѣ къ трактату о правѣ, или отъ разсужденія объ ангелахъ къ трактату о дѣйствіяхъ человѣческихъ? Ѳеофилактъ Лопатинскій въ предисловіи къ ученію о Богѣ говоритъ: „Во 1-хъ, мы будемъ говорить о Богѣ, какъ Богѣ, то-есть, о Его бытіи, сущности и свойствахъ; во 2-хъ, о Богѣ, какъ познающемъ, или о знаніи Божественномъ; въ 3-хъ, о Богѣ хотящемъ, или

о хотѣніи Божіемъ; въ 4-хъ, о провидѣніи Божіемъ, о предопредѣленіи и отверженіи и кстати (exoccasione) о прочихъ свойствахъ, какъ, напримѣръ, о неизмѣняемости; въ 5-хъ, о Богѣ въ Троицѣ. Здѣсь же будемъ разсуждать о Богѣ, какъ существѣ простомъ. А о невидимости Божіей скажемъ въ слѣдующемъ году". Вотъ какой произвольный планъ ученія! Въ каждой главѣ говорится о свойствахъ Божіихъ и только *кстати,* а не въ слѣдствіе логическаго дѣленія. — Кириллъ Флоринскій, помѣстивъ въ одинъ трактатъ ученіе о добродѣтеляхъ, порокахъ, грѣхахъ, оправданіи, благодати и заслугѣ, оправдываетъ себя въ такомъ расположеніи предметовъ слѣдующими словами: „связывать порокъ съ добродѣтелію, грѣхи съ благодатію, беззаконія съ оправданіемъ и заслугою — чистый парадоксъ. Однако жъ мы хотимъ сіе сдѣлать на основаніи древняго правила мудрецовъ: *образъ ученія о предметахъ противоположныхъ сходенъ,* и еще на основаніи начала: *предметы противоположные болѣе становятся ясными, когда поставляются одинъ подлѣ другого*". Далѣе наставникъ ссылается на Ѳому Аквината, у котораго въ системѣ „при тѣни пороковъ и грѣховъ яснѣе сіяетъ свѣтъ добродѣтелей и благодати". Ясно, что эта оговорка служитъ только щитомъ своеобразности въ изложеніи предмета, а не указываетъ на логическую необходимость подобнаго изложенія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Обращаясь къ содержанію системъ богословскихъ, разсмотримъ, какіе вопросы и какимъ способомъ рѣшали богословы въ своихъ урокахъ. Въ положительной наукѣ, каково богословіе, основанное на ученіи откровенномъ, очевидно, содержаніемъ служатъ истины, заключающіяся въ Откровеніи, раскрываемыя по аналогіи вѣры. Но схоластика привнесла въ науку начала діалектическаго ума и слишкомъ далеко зашла въ приспособленіи ихъ къ истинамъ откровеннымъ. Она не довольствовалась указаніемъ на истины, доступныя разумѣнію и очевидныя: она старалась искать въ ученіи о Богѣ сторонъ трудныхъ и непостижимыхъ, и, вступая въ область богословія съ предзанятыми понятіями, почерпнутыми изъ Аристотеля, задавала себѣ такіе вопросы, на которые нѣтъ отвѣта въ Откровеніи. Эти *вопросы,* происшедшіе отъ предположеннаго закона восхожденія отъ извѣстнаго къ неизвѣст-

ному, во всѣхъ системахъ разсматриваемаго времени составляютъ содержаніе богословія. Когда вопросъ задавалъ разумъ, а отвѣтъ должно было дать Откровеніе, понятно, что̀ выходило изъ странной требовательности разума. Разумъ указывалъ въ разсматриваемомъ предметѣ такія стороны, такіе признаки, къ указанію которыхъ Откровеніе не даетъ ни малѣйшаго повода, объяснялъ мѣста Писанія въ такомъ смыслѣ, который могла отыскать только страсть къ утонченнымъ изслѣдованіямъ. Таковы, напр., вопросы, встрѣчающіеся въ вышеприведенныхъ учебныхъ книгахъ: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ, — посредствомъ соединенія, различенія, или какъ-нибудь иначе? какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? могутъ ли Божескія Лица принять человѣческую природу и природу другихъ существъ сотворенныхъ? въ чемъ состоитъ *сущность* свѣта славы въ жизни будущей? и т. п.

Изъ свойства вопросовъ, какіе предлагала схоластика, можно уже отчасти догадываться о способѣ ихъ рѣшенія. Такъ какъ отвѣта на многіе изъ нихъ нѣтъ ни въ св. Писаніи ни въ ученіи отцевъ Церкви, то богословы признали необходимымъ для рѣшенія ихъ обращаться къ разуму и къ согласію богослововъ схоластическихъ. Разумъ, въ томъ смыслѣ, какъ его понимали схоластики, есть сводъ отвлеченныхъ понятій, взятыхъ изъ системы Аристотеля и дополненныхъ его усердными послѣдователями. Вооруженные симъ разумомъ, богословы не довольствовались тѣмъ, чтобы провести аналогію между видимымъ и невидимымъ, чтобъ при помощи перваго объяснить послѣднее; они хотѣли подчинить невидимое самопроизвольно созданнымъ понятіямъ и опредѣленіямъ предмета и рѣшались доказывать не только то, что такъ есть, но что такъ должно быть, и иначе быть не можетъ. Очевидно, къ чему вело внесеніе логической необходимости въ изслѣдованія о предметахъ вѣры: думая разсуждать о дѣйствительномъ, разумъ скитался только въ мірѣ отвлеченныхъ понятій, соединялъ, различалъ ихъ, но не рѣшалъ недоступнаго для себя вопроса. Форма доводила его до того, что онъ изъ мѣстъ Писанія совершенно ясныхъ построивалъ силлогизмъ, и въ этомъ заключалось рѣшеніе неопровержимое. Что̀ касается до согласія богослововъ схоластическихъ, то при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ или

собирались ихъ мнѣнія, разногласившія одно съ другимъ, и не представлялось изъ нихъ никакого вывода, или эти мнѣнія были оцѣниваемы и разбираемы *порознь* (distinguendo), послѣ чего было принимаемо одно изъ нихъ, какъ *лучшее* (probabilior sententia); въ этомъ случаѣ авторитетъ Ѳомы Аквината стоялъ выше другихъ.

Общіе пріемы, которыхъ держались богословы разсматриваемаго періода, были слѣдующіе: прежде, нежели данъ будетъ отвѣтъ на вопросъ, составляются опредѣленія и дѣленія главныхъ понятій въ вопросѣ, и для поясненія ихъ приводятся иногда мнѣнія схоластическихъ богослововъ и философовъ. Въ системахъ московской академіи этотъ первый пріемъ стоитъ подъ заглавіемъ: *предварительныя замѣчанія*, или *объясненіе положенія*. За симъ слѣдуетъ отвѣтъ на вопросъ, который состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ положеній: *положеніе первое, второе* и т. д. Каждое положеніе *доказывается* мѣстомъ св. Писанія, далѣе доказательство *подтверждается* ученіемъ св. отцовъ и учителей Церкви, иногда мнѣніями богослововъ и умозаключеніемъ богословскимъ (syllogismus theologicus). Послѣ отвѣта на вопросъ слѣдуютъ возраженія, и даются на нихъ отвѣты; возраженія или взяты изъ исторіи церковной полемики, или придуманы самими схоластиками: первыя направлены противъ ученія различныхъ сектъ, возникавшихъ въ Церкви, особенно на Западѣ; послѣднія — противъ различныхъ схоластическихъ тонкостей. Въ предметахъ спорныхъ противъ каждаго доказательства приводятся возраженія, иногда утверждавшіяся на мѣстахъ изъ твореній отеческихъ, такъ что *противоположеніе* (antithesis) представляетъ полную параллель *положенію* (thesis).

Въ доказательство предложенныхъ мнѣній представимъ нѣсколько примѣровъ изъ богословскихъ системъ академіи.

Syllogismus theologicus:

Въ Іисусѣ Христѣ два естества, Божеское и человѣческое. Сіе доказывается 1) словами Іисуса Христа, Іоан. 8, 58: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь,* когда однакожъ Онъ родился гораздо позднѣе, именно во времена владычества Кесаря Августа, и говоря это едва имѣлъ тридцать лѣтъ съ небольшимъ. Отсюда составляется слѣдующее доказательство: сказать, что Онъ по одному и тому же естеству и былъ прежде

Авраама, и не былъ, нельзя, потому что бытіе и небытіе одно другому противорѣчатъ; но если Христосъ не имѣлъ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго, то, значитъ, что Онъ по одному и тому же естеству и былъ прежде Авраама и не былъ. Это противорѣчіе разрѣшится только тогда, когда мы допустимъ во Христѣ два естества — Божеское, по которому Онъ былъ до Авраама, и человѣческое, по которому Онъ родился, какъ потомокъ Авраама, во времена Августа. 2) То же видно изъ словъ апостола Павла къ филипписеямъ, гдѣ онъ говоритъ, что Христосъ, *во образѣ Божіи сый принялъ* на Себя *зракъ раба* (2, 6, 7.), изъ чего составляется такое доказательство: истинный и единственный образъ, подъ которымъ является Богъ, есть Божество (Deitas); образъ раба есть человѣчество; но Христосъ есть образъ Бога и принялъ образъ раба, изъ чего составилось Его ипостасное существо (concretum); слѣдовательно во Христѣ два естества — Божеское и человѣческое. 3) Третье доказательство можно заимствовать изъ словъ Іисуса Христа, сказанныхъ Никодиму: *никтоже взыде на небо, токмо Сшедый съ небеси, Сынъ человѣческій, сый на небеси* (Іоан. 3, 13.). Когда такимъ образомъ Христосъ говорилъ съ Никодимомъ на землѣ, Онъ былъ вмѣстѣ и на небѣ, *сый на небеси;* но быть тамъ по Своему человѣческому естеству Онъ не могъ, потому что оно въ одно и то же время не можетъ находиться въ двухъ мѣстахъ; значитъ, Онъ былъ тамъ по своему Божескому естеству, которое посему въ немъ есть несомнѣнно.

При опредѣленіи понятій, силлогизмъ принимаетъ сухую философскую форму и вмѣсто уясненія понятія затемняетъ его смыслъ.

Въ формѣ силлогизма, большею частію, предлагаемы были и возраженія, напримѣръ: „Скажешь: Сынъ Божій рожденъ. Сынъ Божій есть сущность Божеская. Слѣдовательно, сущность Божеская рожденна. Отвѣтствую: заключеніе не вѣрно и проч.“.

Въ примѣръ произвольнаго и принужденнаго объясненія св. Писанія можно привести слѣдующее мѣсто изъ системы Кирилла Флоринскаго: „идеи, посредствомъ которыхъ ангелы познаютъ, не отъ предметовъ воспринимаются ими, но въ самый первый моментъ творенія сообщены имъ отъ Бога. Сіе доказывается изъ 28 главы Іезекіиля, въ которой первый ангелъ называется *исполненнымъ премудрости отъ негоже дне*

созданъ былъ (ст. 12, 13.). Слова сіи должно разумѣть скорѣе о Люциферѣ, нежели о царѣ тирскомъ. Этотъ ангелъ не былъ бы исполненъ премудрости съ перваго дня, какъ былъ сотворенъ, если бы тогда же не получилъ отъ Бога понятія о предметахъ, подлежащихъ его знанію, но сталъ бы пріобрѣтать знаніе постепенно, въ различное время". На такое объясненіе должно замѣтить, во 1-хъ, что въ неясномъ мѣстѣ Писанія искать отвѣта на темный вопросъ ненадежно: во 2-хъ, слова: *отъ негоже дне созданъ еси* вовсе не относятся къ словамъ: *исполненъ премудрости,* — между ними большой промежутокъ; въ 3-хъ, что слова сіи сказаны о Люциферѣ, сего сочинитель не доказалъ.

Еще примѣръ изъ той же системы: „Сокрушеніе о грѣхахъ (attritio), происходящее отъ страха вѣчныхъ мученій, есть дѣйствіе доброе, честное, похвальное. Сіе доказывается изъ слѣдующаго мѣста Писанія: *начало премудрости есть страхъ Господень*".

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было въ Писаніи найти доказательства на извѣстное положеніе, схоластики приводили мнѣнія богослововъ и часто безъ оцѣнки. Напр., Ѳеофилактъ Лопатинскій, предложивъ вопросъ: въ какое время дается человѣку ангелъ хранитель? — отвѣчаетъ: о времени, когда дается каждому ангелъ хранитель, разногласятъ богословы: одни учатъ, что онъ дается съ момента зачатія; другіе — съ того времени, какъ дается душа младенцу, иные — со времени рожденія на свѣтъ; иные — со времени крещенія".

Доказательства отъ разума при рѣшеніи вопросовъ о тайнахъ вѣры представляютъ, по большей части, безплодное покушеніе ума — объяснить необъяснимое, и составляютъ сборъ умозаключеній и догадокъ произвольныхъ и мало полезныхъ для разумной вѣры. Таково, наприм., стремленіе объяснить изъ началъ разума ученіе объ исхожденіи лицъ Божескихъ (de processionibus divinis). Схоластика не довольствовалась яснымъ ученіемъ Писанія о рожденіи Бога Сына и исхожденіи Бога Духа Святого; она думала проникнуть въ таинственную область Божества съ мудрованіемъ разума и вотъ составила какое ученіе: „Въ Богѣ два дѣйствующія начала: разумъ и воля. Разумъ Божественный, какъ совершеннѣйшій, производитъ единичное вѣдѣніе, вполнѣ равное Его силѣ познающей, такъ что въ умѣ Божіемъ не остается возможности для

произведенія другого вѣдѣнія, другого слова (verbum). Подобнымъ образомъ и воля Божія производитъ единичную, совершеннѣйшую любовь. То, что лица Божескія исходятъ непосредственно отъ разума и воли, такъ какъ и отъ началъ формальныхъ, отдаленныхъ, отъ сущности Божества, есть непрерывное дѣйствіе (operatio) разума и воли, совершающееся въ самомъ дѣйствующемъ, то-есть въ Богѣ".

Излишняя довѣренность разума къ собственнымъ соображеніямъ давала въ системахъ богословскихъ мѣсто и мудрованію языческихъ писателей: странно видѣть подобныя ссылки въ ученіи о таинственныхъ предметахъ вѣры. Такъ, напр., въ трактатѣ о таинствѣ покаяніи приводятся стихи изъ Ювенала и Горація.

Въ заключеніе упомянемъ, что въ ученіе богословское входило и объясненіе разныхъ видовъ волшебства.

Что касается до языка, на которомъ писаны академическіе уроки, то всѣ формы его взяты изъ учебныхъ книгъ схоластиковъ западныхъ. Для выраженія тѣхъ тонкостей и отвлеченностей, которыми полны ихъ системы, очевидно, недостаточенъ былъ языкъ римскихъ классиковъ и отцовъ; потому, схоластика образовала свой языкъ, при чемъ заботилась не о красотѣ и изяществѣ выраженія, но о томъ, чтобы найти формы, равносильныя утонченнымъ понятіямъ. Съ сею цѣлію она изобрѣла новыя слова[1]), или словамъ, употреблявшимся у классиковъ, придавала новое условное значеніе, которое могли понять только посвященные въ таинства схоластики[2]).

Несмотря однако на указанные недостатки, чистота ученія богословскаго въ учебныхъ книгахъ академіи оставалась неприкосновенною и не страдала отъ вліянія западныхъ образцовъ. Принимая отъ нихъ форму, наши богословы сохраняли свою самостоятельность, гдѣ дѣло шло объ истинахъ, поврежденныхъ своеволіемъ Запада, и не щадили никакихъ авторитетовъ, защищая ученіе православное. Такая ревность о чистотѣ ученія видна, напр., въ трактатѣ объ исхожденіи Св. Духа, который во всѣхъ системахъ написанъ въ строгомъ полемическомъ духѣ, также — въ ученіи о таинствахъ (противъ лю-

[1]) Напр: Ubicatio, entitas, quidditas inpricipiatus, aseitas, futuritio.

[2]) Напр: essentia Dei physica означала полноту всѣхъ дѣйствительныхъ совершенствъ Божіихъ, а metaphysica означала несовершенное совокупленіе свойствъ божественныхъ, представляемыхъ разумомъ.

теранъ) и въ частности объ Евхаристіи; здѣсь изложено и опровергнуто ученіе всѣхъ лжемудрствующихъ сектъ.

Вмѣстѣ съ симъ, какъ добрую черту, характеризующую нашихъ богослововъ, должно указать еще ихъ глубокое благочестіе, замѣтное въ ихъ системахъ. Они и начинали и оканчивали свои уроки славословіемъ Богу, Матери Божіей и Святымъ, въ особенности, русскимъ.

Замѣчательно начало уроковъ Θеофилакта: „Мы“, говоритъ онъ: „приступаемъ къ великому дѣлу. Если сотая часть капли высшаго вѣдѣнія приводитъ нашъ разумъ въ крушеніе,— что ему дѣлать, когда предъ нимъ будетъ безмѣрный океанъ всякаго совершенства? Если малѣйшій атомъ кажется огромною массою, подавляющею умъ человѣка,— что сказать, когда онъ представитъ Того, Который держитъ вселенную? Не нашего ума это дѣло: это дѣло — самого неизреченнаго Бога, Который одинъ есть достойный слушатель Своего святого Слова; не время, а вѣчность нужна для возможнаго человѣку познанія о Богѣ. Размышленіе о Немъ только умножаетъ, а не облегчаетъ трудность: это испыталъ древній поэтъ Симонидъ, у котораго когда тиранъ Гіеронъ спросилъ: кто Богъ и каковъ Онъ? то онъ попросилъ у него два дня на размышленіе, и потомъ все откладывалъ отвѣтъ, и требовалъ прибавки срока. Удивленный тиранъ спросилъ наконецъ его о причинѣ, почему онъ долго не отвѣчаетъ на вопросъ; Симонидъ отвѣчалъ: чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ труднѣе для меня кажется рѣшеніе вопроса. Итакъ, не полагаясь на свои силы, но испросивъ помощь отъ Господа, начнемъ о Немъ слово“.

Приведемъ еще сердечную заключительную бесѣду ректора Кирилла съ питомцами академіи: „и мнѣ и вамъ, возлюбленные о Христѣ Іисусѣ, остается всѣми силами, отъ всей души благодарить тріединаго Бога за то, что насъ трудившихся въ продолженіе четырехлѣтняго богословскаго курса сохранилъ Онъ до сего времени, что онъ даровалъ вамъ любознательный умъ, волю и сердце, готовыя къ усвоенію и храненію въ памяти предложеннаго ученія. Дай Богъ всѣмъ намъ, взыскающимъ грядущаго града, молитвами Богоматери и всѣхъ святыхъ, удостоиться вѣчнаго блаженства, ученіемъ о которомъ мы окончили свои богословскіе уроки“.

Остается указать разности въ разсмотрѣнныхъ системахъ, и источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Система Θео-

теранъ) и въ частности объ Евхаристіи; здѣсь изложено и опровергнуто ученіе всѣхъ лжемудрствующихъ сектъ.

Вмѣстѣ съ симъ, какъ добрую черту, характеризующую нашихъ богослововъ, должно указать еще ихъ глубокое благочестіе, замѣтное въ ихъ системахъ. Они и начинали и оканчивали свои уроки славословіемъ Богу, Матери Божіей и Святымъ, въ особенности, русскимъ.

Замѣчательно начало уроковъ Ѳеофилакта: „Мы", говоритъ онъ: „приступаемъ къ великому дѣлу. Если сотая часть капли высшаго вѣдѣнія приводитъ нашъ разумъ въ крушеніе,— что ему дѣлать, когда предъ нимъ будетъ безмѣрный океанъ всякаго совершенства? Если малѣйшій атомъ кажется огромною массою, подавляющею умъ человѣка,— что сказать, когда онъ представитъ Того, Который держитъ вселенную? Не нашего ума это дѣло: это дѣло — самого неизреченнаго Бога, Который одинъ есть достойный слушатель Своего святого Слова; не время, а вѣчность нужна для возможнаго человѣку познанія о Богѣ. Размышленіе о Немъ только умножаетъ, а не облегчаетъ трудность: это испыталъ древній поэтъ Симонидъ, у котораго когда тиранъ Гіеронъ спросилъ: кто Богъ и каковъ Онъ? то онъ попросилъ у него два дня на размышленіе, и потомъ все откладывалъ отвѣтъ, и требовалъ прибавки срока. Удивленный тиранъ спросилъ наконецъ его о причинѣ, почему онъ долго не отвѣчаетъ на вопросъ; Симонидъ отвѣчалъ: чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ труднѣе для меня кажется рѣшеніе вопроса. Итакъ, не полагаясь на свои силы, но испросивъ помощь отъ Господа, начнемъ о Немъ слово".

Приведемъ еще сердечную заключительную бесѣду ректора Кирилла съ питомцами академіи: „и мнѣ и вамъ, возлюбленные о Христѣ Іисусѣ, остается всѣми силами, отъ всей души благодарить тріединаго Бога за то, что насъ трудившихся въ продолженіе четырехлѣтняго богословскаго курса сохранилъ Онъ до сего времени, что онъ даровалъ вамъ любознательный умъ, волю и сердце, готовыя къ усвоенію и храненію въ памяти предложеннаго ученія. Дай Богъ всѣмъ намъ, взыскающимъ грядущаго града, молитвами Богоматери и всѣхъ святыхъ, удостоиться вѣчнаго блаженства, ученіемъ о которомъ мы окончили свои богословскіе уроки".

Остается указать разности въ разсмотрѣнныхъ системахъ, и источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Система Ѳео-

филакта Лопатинскаго, подобно кіевскимъ системамъ 1697 и 1701—1703 годовъ, составлена по руководству Ѳомы Аквината; главныя положенія и рѣшенія вопросовъ взяты изъ него. Но въ изложеніи науки авторъ болѣе всего руководствовался системою Кроковскаго, и послѣдующими записками кіевскими; впрочемъ, есть въ системѣ его значительныя особенности какъ въ планѣ, такъ и въ способѣ изложенія. Въ сравненіи съ кіевскими, система Лопатинскаго полнѣе и содержитъ нѣкоторые трактаты, которыхъ нѣтъ въ кіевскихъ. Что касается вообще до господствующаго характера системы, то она можетъ быть названа въ строгомъ смыслѣ схоластическою. Послѣ Ѳеофилакта мало-по-малу стало оказываться вліяніе системы Ѳеофана Прокоповича на учебники академіи; оно, какъ и естественно, ознаменовалось сперва борьбою между схоластикою и новымъ направленіемъ, заимствованнымъ у Герарда, Голлазія, Квенштедта и другихъ богослововъ лютеранскихъ. Послѣдніе давали исключительное мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ священному Писанію, не признавали нужнымъ обращаться во всякомъ трактатѣ къ доказательствамъ отъ разума, и еще особенность — прибавили въ своихъ системахъ новый отдѣлъ (подъ названіемъ: *usus),* въ которомъ дѣлаются нравственные выводы и приспособленія изъ ученія догматическаго. Сначала схоластика упорно стояла за свои старыя права, потомъ мало-по-малу вводила нѣчто изъ системъ лютеранскихъ, но полнаго преобразованія въ учебныхъ книгахъ богословскихъ, до выхода въ свѣтъ системы Ѳеофана, еще не было. Потому въ системахъ московской академіи послѣ Ѳеофилакта представляется смѣсь схоластики съ свѣтлымъ изложеніемъ науки по руководству Ѳеофана; многіе вопросы схоластическіе отсѣчены, и въ заключеніи каждаго трактата поставлены приспособленія къ жизни. Это видно въ системѣ Кирилла Флоринскаго. У него прежде всего замѣтенъ строгій, систематическій порядокъ: богословіе онъ начинаетъ ученіемъ о религіи и св. Писаніи, что̀ у схоластиковъ занимало мѣсто въ концѣ системы. Въ полемической части замѣтно болѣе стремленіе къ борьбѣ съ римско-католиками; изложеніе отличается ясностію; мѣсто нравственнымъ приложеніямъ дано у него обширное: за разрѣшеніемъ вопроса у него слѣдуютъ *обличеніе, исправленіе, наставленіе и утѣшеніе.* Въ приложеніи перваго рода онъ *обличаетъ* вольномыслящихъ. Здѣсь нѣтъ рѣшенія догматическихъ

возраженій, но содержится обличеніе суемудреннаго разума, взимающагося на разумъ Божій и представляющаго мнѣнія, которыя не стóятъ ученаго опроверженія, а только достойны укоризны. Напр., послѣ трактата о блаженствѣ Божіемъ поставлено такого рода *обличеніе:* „если Богъ нашъ по-истинѣ блаженъ, то въ Немъ нѣтъ никакого зла, и Онъ не есть виновникъ никакого грѣха“. *Исправленіе* означаетъ вразумленіе неправо живущихъ; напр.: „если Богъ по-истинѣ блаженъ, то дурно поступаютъ тѣ, которые не стараются быть подобными Ему, чтобы быть причастниками блаженства“. *Наставленіе* показываетъ, какъ приложить къ дѣятельной жизни раскрытое ученіе; напр.: „если Богъ блаженъ, то намъ должно стремиться къ тому, чтобъ Имъ услаждаться; если желаемъ быть соучастниками блаженства, надобно очищать духъ“. *Утѣшеніе* представляетъ мысли успокоительныя для скорбящихъ, напр.: „Если Богъ блаженъ, то Онъ даруетъ и намъ блаженство послѣ сей жизни. Если Богъ блаженъ, то хорошо тѣмъ, кои приходятъ къ Нему путемъ смерти тѣлесной“.

Сколько однако ни старался Флоринскій освободить изложеніе ученія богословскаго отъ оковъ схоластики, не могъ онъ совершенно выйти изъ-подъ давняго ея вліянія. Поэтому, система его представляетъ опытъ переходнаго состоянія отъ схоластики къ новымъ воззрѣніямъ и пріемамъ, и потому, естественно, нерѣдко содержитъ непримиримыя противорѣчія относительно метода и терминологіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ порицаетъ мнѣнія и вопросы схоластическіе, въ другомъ самъ ихъ предлагаетъ и рѣшаетъ. Напр. во вступленіи въ богословіе онъ говоритъ: „мы опускаемъ пустыя разглагольствія о томъ, къ какому родовому понятію должно относить науку богословія: потому что онѣ не служатъ ни къ какой пользѣ“. Въ трактатѣ объ ангелахъ говоритъ: „О мѣстѣ ангеловъ различныя мнѣнія богословъ схоластическихъ: одни говорятъ, что ангелы находятся въ формальномъ мѣстѣ своею сущностію, другіе — что они занимаютъ мѣсто, поколику дѣйствуютъ и т. п., а мы оставляемъ этотъ темный и странный вопросъ. Также различны мнѣнія богословъ о способѣ, какимъ ангелы сообщаютъ другъ другу мысли; но раскрывать ихъ въ подробности мы не признаемъ нужнымъ, потому что они нисколько не имѣютъ отношенія къ вѣрѣ“. Въ другихъ мѣстахъ схоластическіе вопросы онъ прямо называетъ нелѣпыми, а между тѣмъ самъ толкуетъ о томъ,

есть ли въ умѣ Божественномъ актъ умозаключенія, гдѣ сотворены ангелы, an malitia peccati mortalis sit simpliciter infinita? и т. п. Замѣчательно, наконецъ, что Кириллъ Флоринскій, какъ эклектикъ, руководствовался во многомъ и „Камнемъ Вѣры“ Стефана Яворскаго. Такъ, онъ не излагаетъ ученія о почитаніи, подобающемъ Господу Іисусу Христу, Богоматери и Святымъ, о состояніи Святыхъ по разрѣшеніи отъ тѣла, о иконахъ, о мощахъ, о постахъ, и отсылаетъ своихъ учениковъ къ „Камню Вѣры“.

Послѣ Кирилла новое направленіе, введенное Прокоповичемъ, постепенно беретъ перевѣсъ надъ схоластикою въ системахъ Московской академіи. Въ системѣ 1762 года, писанной, вѣроятно, ректоромъ Гавріиломъ, или однимъ изъ ближайшихъ его предшественниковъ, видно въ нѣкоторыхъ трактатахъ буквальное слѣдованіе системѣ Ѳеофана; таковы трактаты о твореніи и Провидѣніи, о состояніи человѣка до паденія и по паденіи. Въ другихъ трактатахъ примѣчаются легкія измѣненія и въ порядкѣ, и въ изложеніи, и нерѣдко сокращенія того, о чемъ у Ѳеофана разсуждается подробно. Трактатъ о священномъ Писаніи, занимающій у Прокоповича первое мѣсто, въ указанномъ руководствѣ поставленъ послѣ всего. Между тѣмъ въ немъ есть и нѣкоторые новые вопросы, появившіеся въ первый разъ въ системахъ московскихъ, и направленные противъ вольномыслящихъ, волновавшихъ въ то время умы на Западѣ; таковъ, напримѣръ, вопросъ: *достаточно ли богословіе естественное для спасенія?* Система 1762 года, можно сказать, есть послѣдняя, въ которой дано нѣкоторое мѣсто схоластикѣ: къ концу же разсматриваемаго періода она почти совсѣмъ вытѣснена изъ системъ богословскихъ.

Паденіе схоластики ускорено и довершено, между прочимъ, опытами изложенія богословія на русскомъ языкѣ, изъ которыхъ одинъ появился въ 1765 году (митр. Платона). Этимъ снята обманчивая оболочка съ учебныхъ книгъ схоластическихъ, которыя, прикрываясь латынью, не допускали вполнѣ видѣть тяжелость изложенія и безполезныхъ мыслей. Во время господствованія схоластики страдалъ отъ нея и русскій языкъ, на которомъ неудобно было передавать старыя школьныя формы: это доказываютъ *тезисы,* или положенія, писанныя въ Московской академіи съ русскимъ переводомъ и назначавшіяся для диспутовъ. Мы имѣемъ два экземпляра такихъ

тезисовъ; одни писаны ректоромъ Софроніемъ Мигулевичемъ въ 1732 году, другіе ректоромъ Кирилломъ Флоринскимъ въ 1737—41 годахъ. Они любопытны для насъ и потому, что представляютъ вкратцѣ содержаніе ученія богословскаго, и потому, что въ нихъ находимъ образцы тогдашняго богословскаго языка.

Въ заключеніе обзора богословскихъ учебныхъ книгъ признаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, сдѣлала ли что-нибудь полезное схоластика для богословской литературы вообще? Безспорно, что изученіе схоластическаго богословія соединено было съ большими трудностями для воспитанниковъ и подавляло юные умы тяжестію формы; это прямо высказалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ письмѣ къ профессорамъ академіи Кіевской: онъ писалъ, что схоластика занимала учениковъ пустыми спорами и поселяла въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости, что нужно преподавать науку основательно и достойно важности предмета, а не дѣлать изъ нея комедіи. Это правда: но нельзя отвергать, что схоластика имѣла и добрую сторону. Прежде всего можно указать на то, что развитіемъ строгаго логическаго мышленія, твердостію въ сужденіяхъ богословы были обязаны схоластикѣ: логическія формы, сами по себѣ безсодержательныя, въ приложеніи къ наукѣ усиливали твердость доводовъ и если иногда вели къ запутанности при рѣшеніи вопроса, зато способствовали къ тому, что въ системахъ, какъ говорили тогда, исчерпывалось посредствомъ ихъ полное опредѣленіе предмета. Кромѣ того, схоластика много значила и въ томъ отношеніи, что изъ богослова приготовляла крѣпкаго борца въ спорахъ догматическихъ: тонкости діалектики, на которыхъ часто силились утвердить свои положенія враги восточнаго православія, составляли и для православныхъ богословъ оружіе для отраженія противниковъ. Простой способъ рѣшенія возраженій показался бы въ ту пору и самимъ противникамъ недостаточнымъ. Наконецъ строгая, разумная оцѣнка истинъ богословскихъ, разумѣется, когда разумъ держался въ своихъ предѣлахъ, вела къ тому, что эти истины принимали характеръ полной убѣдительности и не оставляли мѣста слѣпому предубѣжденію и довѣрію сужденіямъ, порожденнымъ необразованностію. Перегорѣвъ въ горнилѣ схоластики, вытерпѣвъ этотъ тяжелый процессъ, богословіе явилось въ чистой, свѣтлой одеждѣ, которую оно выработало трудами схоластики.

б) Уроки философскіе.

а) Trivium Aristotelis, ab Alcide Roxolano biennio decurrendum, sive tres Philosophiae species: Logica, Physica et Metaphysica, Athenis Alexievicianis, Sacrae Tzareae Majestatis Moschoviensibus, praelucente Javorsciana Cynthia, elucidari et publice tradi coeptae anno 1704, nona Septembris. (Рукоп. М. Д. академіи №№ 289, 290, 291, 318.). Эти уроки составлены префектомъ Θеофилактомъ Лопатинскимъ, какъ замѣчено на концѣ рукописи № 289, и содержатъ логику и діалектику, метафизику и физику съ метеорологіею и ариѳметикою.

б) Speculum, veritatem scientiarum repraesentans, seu summulae Logicales, anno Verbi incarnati 1708 expositae. (№ 309.).

в) Tractatus physicus in octo libros physicorum Aristotelis ann. 1710. De ortu et interitu Meteorologia. De Ente vero et Ente bono. De anima. (№ 287.), Обѣ рукописи — сборникъ лекцій префекта Стефана Прибыловича, писанный рукою Іоасафа Юркевича.

г) Universa Arisiotelis philosophia, ad regulam Christianae veritatis conformata a Reverendo Patre et Professore erudito hujusque philosophiae Doctore Gedeone Wiszniowsky tradita, per auditorem Gregorium Kulczicky scripta in collegio Caesareae Majestatis Mosquensi, anno 1717 et sequenti. (№ 293.).

д) Philosophia Peripatetica, ad mentem Aristotelis exposita atque in Imperatoria ac Orthodoxa Academia Mosquensi inchoata anno 1743 Septembr. 9 die. Logica minor sev Dialectica. Въ концѣ присоединена Эѳика.

е) Scientia rationalis, sive Logica major anno 1743 die 30 Octobr. inchoata. (№ 305.). Лекціи префекта Іоанна Козловича.

ж) Institutiones-Philosophicae ad usum juventutis scholasticae accommodatae ac in Sclavono-Graeco-Latina Mosqu. Academia traditae ann. 1756 — 1757. Лекціи префекта Владимира Каллиграфа. Содержатъ логику, физику и метафизику и иѳику (№ 296, 297.).

Изъ самыхъ заглавій уроковъ философскихъ видно, что главнымъ образомъ при изложеніи науки признавали Аристотеля. Θеофилактъ Лопатинскій, представивъ во введеніи краткій обзоръ философскихъ сектъ, упоминаетъ изъ новѣйшихъ о Декартѣ, называетъ его vir illustris ingenii, однако не даетъ его изслѣдованіямъ руководственнаго значенія. Замѣчательно однако,

что вліяніе Декарта нечувствительно начинало уже проникать въ школы, и философы, не рѣшаясь оставить освященнаго древностію авторитета стагирскаго мудреца и не вѣруя еще въ новые пріемы школы картезіанской, шли нерѣшительнымъ путемъ эклектизма; и это ясно высказалъ Θеофилактъ: „хотя мы, говоритъ онъ, уважаемъ всѣхъ философовъ и преимущественно Аристотеля, однакожъ не утверждаясь на древнихъ мнѣніяхъ, но желая узнать чистую истину, не полагаемся ни на чьи слова; amici omnes, sed magis amica veritas. Философу свойственно довѣрять болѣе разуму, чѣмъ авторитету; потому, какъ говоритъ Арріага, что привязанность къ тому или другому автору не разъ извращала правильный выборъ мнѣній и дѣлала изъ ученыхъ — обезьянъ. Умъ былъ не у одного Платона или Аристотеля. Въ заключеніе приведу слова изъ Анастасія Синаита: учившіе прежде насъ не суть властелины наши, но только вожди. Истина открыта для всѣхъ и еще не исчерпана: многое осталось отъ нея и для будущихъ поколѣній“. Конечно, такое признаніе показываетъ стремленіе къ совершенству, недовольство старою, избитою колеею схоластики, но схоластика взяла свое и предъ паденіемъ собрала послѣднія силы для борьбы съ новымъ духомъ ученія. Самъ Θеофилактъ не могъ остаться вѣренъ своему воззрѣнію, и Аристотель у него вездѣ на первомъ планѣ.

Методъ изложенія наукъ философскихъ тотъ же, о которомъ мы говорили при разборѣ системъ богословскихъ: здѣсь тѣ же disputatio, quaestio, punctum въ обѣихъ частяхъ ученія — и въ положительной, въ которой statuuntur conclusiones, и въ отрицательной, занимающейся рѣшеніемъ возраженій. Системы начинаются введеніемъ, въ которомъ рѣшаются общіе вопросы о философіи, о ея имени, причинахъ, свойствахъ и раздѣленіи. Θеофилактъ принимаетъ дѣленіе философіи на созерцательную, speculativam и дѣятельную, practicam, и къ первой относитъ метафизику, а къ послѣдней логику и эѳику. Основаніемъ того, что логика составляетъ часть практической философіи, онъ поставляетъ понятіе о составѣ духовной дѣятельности человѣка, которая состоитъ изъ дѣйствій ума (intellectus — logica) и воли (ethica). За введеніемъ слѣдуетъ Dialectica или Logica minor, въ которой разсуждается о трехъ дѣйствіяхъ ума: терминахъ, предложеніяхъ и доказательствахъ, или, что то же, о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ.

Logica major, иначе scientia rationalis отличается отъ діалектики тѣмъ, что въ первой гораздо пространнѣе разсуждается о дѣйствіяхъ разсудка, а діалектика составляетъ compendium Logicae. Въ большой логикѣ имѣютъ мѣсто предварительныя понятія о свойствѣ, предметѣ, раздѣленіи логики и т. п. Кромѣ того въ ней есть часть полемическая, которой нѣтъ въ діалектикѣ. Діалектика представляетъ однѣ сухія формы дѣйствій разсудка, а логика изслѣдуетъ ихъ съ силою доказательною. Діалектика оканчивается объясненіемъ терминовъ философскихъ. Очевидно, какъ неумѣстно схоластическое дѣленіе логики; предметъ ученія одинъ и тотъ же, и потому встрѣчаются въ той и другой части неизбѣжныя повторенія. Что касается до содержанія логики, то схоластика на ней болѣе, нежели на другихъ наукахъ, отпечатлѣла свой тяжелый характеръ: она наполнила логику пустыми формами и отвлеченностями, трудными для изученія; если взять въ разсмотрѣніе даже тѣ части науки, которыя оживлены множествомъ примѣровъ, и тутъ въ разнообразіи формъ запутывается мысль; такова напр. глава о видахъ силлогизмовъ, послѣ Аристотеля до крайности распространенныхъ Галеномъ и схоластиками и означаемыхъ условными терминами: Barbara, Celarent, Darii, Ferio и т. п. Сами схоластики сознавались въ безполезности подобныхъ формъ: Арріага говоритъ въ одномъ письмѣ: „вижу, что у тебя кругомъ голова пошла отъ столькихъ превращеній частей въ силлогизмахъ, и разсудокъ и память забиты повтореніемъ множества согласныхъ и гласныхъ: я 20 лѣтъ былъ въ школахъ и въ знаменитыхъ академіяхъ, присутствовалъ при множествѣ диспутовъ, и не зналъ ни одного, кто бы съ пользою могъ усвоить всѣ формы превращенія силлогизмовъ“. Эти слова приводитъ префектъ Ѳеофилактъ въ своихъ урокахъ, и однакожъ самъ не чуждается изложенія всѣхъ формъ превращеній, и для облегченія памяти цитуетъ уродливые стихи схоластиковъ, содержащіе техническія названія разныхъ силлогистическихъ формъ. Не менѣе тяжелы для изученія и тѣ вопросы, которые предложены въ логикѣ послѣ разсмотрѣнія трехъ дѣйствій мышленія: представимъ въ образецъ слѣдующій вопросъ, котораго рѣшеніе у Ѳеофилакта занимаетъ нѣсколько страницъ: an relatio praedicamentalis identificetur soli fundamento in circumstantia termini extrinseci, intrinsece requisiti, an vero in concreto sumpta identificetur fundamento et termino

complete sumptis in abstracto autem sumpta — soli rationi fundandi et terminandi? Система логики заключается у Θеофилакта толкованіемъ на двѣ первыя книги аналитикъ Аристотеля.

Непосредственно послѣ логики Θеофилактъ читалъ физику, и изложилъ ее, какъ самъ замѣчаетъ, methodo trita a Peripateticis et in scholis usitata. Въ физикѣ прежде всего рѣшаются извѣстные вопросы о началахъ вещей, занимавшіе первое мѣсто еще въ раннихъ схоластическихъ комментаріяхъ на физику Аристотеля: но у Θеофилакта прибавлена рецензія мнѣній новѣйшихъ философовъ, въ особенности Декарта, противъ котораго онъ возстаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ; напр., въ главѣ о началахъ онъ опровергаетъ слѣдующія его положенія, какъ противныя началамъ правой вѣры: что все происходитъ отъ одновидной матеріи, имѣющей троякую мѣру; что нѣтъ движенія, кромѣ мѣстнаго (localis); что покой есть нѣчто реальное, какъ и движеніе. Самъ Θеофилактъ принимаетъ ученіе Аристотеля о матеріи и формѣ, и задаетъ себѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: можетъ ли матерія существовать безъ всякой формы? quid essentia formae et quidditas compositi? и т. п. За ученіемъ о началахъ слѣдуетъ трактатъ de toto physico, или о природѣ, въ которомъ разсматривается значеніе слова: natura, принадлежности природы, противоположныя ея свойства; далѣе разсуждается о искусствѣ, рѣшается вопросъ, что можно сдѣлать помощію искусства и чего нельзя. Первая часть физики заключается трактатомъ о естественной магіи, который встрѣчается не во многихъ учебникахъ. Тутъ первый вопросъ о причинахъ удивительныхъ явленій, которыя излагаетъ Θеофилактъ по Кирхеру, Скотту, Дельріо, Порто и по Тильковскому. Къ симъ причинамъ прежде всего относитъ онъ симпатію и антипатію между предметами, и представляетъ, между прочимъ, въ примѣръ слѣдующее: если поставить два барабана, одинъ обитый воловьей кожей, а другой — бараньей, и ударить въ первый, то кожа на второмъ разорвется сама собою. Вторая причина явленій удивительныхъ — гніеніе и разложеніе тѣлъ; третья — противодѣйствіе, antiperistasis; четвертая — сильное воображеніе; пятая — вліяніе звѣздъ; шестая — дѣйствіе различныхъ врачебныхъ зелій; седьмая — тяжесть и легкость предметовъ, и т. д. Должно признаться, что между вѣрными замѣчаніями въ этомъ трак-

татѣ приведено довольно пустыхъ фактовъ и нерѣдко невѣроятныхъ. Вторая часть физики изслѣдуетъ внѣшнія начала вещественнаго или причины: здѣсь говоритъ авторъ о причинѣ и дѣйствіи вообще, и рѣшаетъ вопросы, больше относящіеся къ метафизикѣ, нежели къ физикѣ, разсуждаетъ напр. о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной, о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ сношеніе съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной и конечной. Третья часть занимается изслѣдованіемъ свойствъ тѣлъ, движенія, покоя, послѣ чего слѣдуетъ трактатъ de infinito, далѣе de continuo, о мѣстѣ, о томъ, можетъ ли существо сотворенное существовать внѣ мѣста (sine ubi), о томъ, что̀ такое пустота и пространство воображаемое. Физика заключается главою о времени. Изъ сего обозрѣнія видно, что содержаніе системъ схоластическихъ не имѣетъ единства и послѣдовательности, и что много безполезныхъ вопросовъ въ этой массѣ разнородныхъ свѣдѣній.

12 Февраля 1706 года Ѳеофилактъ кончилъ чтеніе физики и на другой день открылъ курсъ метафизики, послѣ которой читалъ психологію и метеорологію. Планъ чтеній изъ метафизики слѣдующій: о существѣ вообще, о существѣ возможномъ и дѣйствительномъ, о свойствахъ существа, de subsistentia, de substantia, о Богѣ и ангелахъ, о противоположеніяхъ сущаго, объ отрицаніи существа, о существѣ химерическомъ (примѣръ: hircocervus). Послѣ общихъ метафизическихъ понятій, не строго выдержанныхъ и въ этомъ отдѣлѣ, Ѳеофилактъ излагаетъ новую часть философіи de corpore naturali in specie; по заглавію можно бы подумать, что онъ хочетъ излагать соматологію, но тутъ у него и психологія, и метеорологія, и другія науки. Видно отсюда, какъ строго авторъ слѣдуетъ въ порядкѣ трактатовъ Аристотелю, у котораго послѣ физики слѣдуютъ книги о небѣ, о стихіяхъ, о метеорахъ, о рожденіи, о душѣ. Однакожъ нужно было какъ-нибудь подвести эти разнородные предметы подъ одну идею, и вотъ что говоритъ Ѳеофилактъ во вступленіи: „Непосредственные виды тѣла естественнаго суть: тѣло нерождаемое и неразрушаемое (Аристотель относилъ къ такимъ тѣламъ міръ, небо и звѣзды) и тѣло раждающееся и разрушающееся. Послѣднее подраздѣляется на простое, каковы стихіи, и сложное, каковы: человѣкъ, волъ, камень, дерево. Тѣло сложное раздѣляется на одушевленное (человѣкъ) и неодушевленное. Послѣднее

еще дѣлится на совершенное и несовершенное. Къ несовершенному относятся метеоры. И сложное одушевленное тѣло подраздѣляется также на совершенное (волъ) и несовершенное (червь). На основаніи сего дѣленія мы предложимъ трактаты въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) о тѣлѣ одушевленномъ, или о душѣ; 2) о тѣлѣ рождающемся и разрушающемся; 3) о тѣлѣ простомъ, или о стихіяхъ, и о тѣлѣ сложномъ — метеорахъ; 4) о тѣлѣ нерождающемся и неразрушаемомъ". Очевидно, что при такомъ планѣ не могло быть строгаго научнаго порядка въ изложеніи: и точно, въ психологіи послѣ главы о душѣ слѣдуетъ трактатъ de capillis, о волосахъ; здѣсь главный вопросъ въ томъ, есть ли въ волосахъ сила жизненная, и рѣшаются соприкосновенные вопросы въ родѣ слѣдующихъ: отчего у стариковъ выпадаютъ волосы, отчего у женщинъ не растетъ борода и т. п. Послѣ сего разсуждается о зубахъ, костяхъ, ногтяхъ, о крови и жидкостяхъ и т. п. За симъ слѣдуетъ вопросъ о дѣленіи души; авторъ принимаетъ дѣленіе Аристотелево, и толкуетъ о душѣ прозябательной, чувствующей и разумной. Замѣчательно рѣшеніе вопроса о матеріальности и условной духовности душъ: „Святые отцы, говоритъ Ѳеофилактъ, когда называютъ разумную душу тѣлесною, то разсуждаютъ въ этомъ случаѣ не какъ философы, но какъ проповѣдники, именно: говорятъ такъ въ томъ смыслѣ, что разумная духовность души въ сравненіи съ духовностію Существа Божественнаго есть какъ бы тѣлесная, такъ какъ въ душѣ нашей заключается естественная сила къ образованію тѣла, отъ тѣсной связи съ которымъ духовность ея не вполнѣ чиста и совершенна". Сказавъ послѣ сего о силахъ и дѣйствіяхъ души, авторъ переходитъ къ трактату о душѣ прозябательной, въ которомъ излагаетъ ученіе о пищѣ и процессѣ питанія въ человѣкѣ, о голодѣ и жаждѣ, о кровообращеніи; потомъ о рожденіи живыхъ существъ: въ этой главѣ многіе физіологическіе вопросы могли бы быть опущены, какъ малополезные для строгаго вкуса и тяжелые для чувства цѣломудреннаго. Неумѣстнѣе всего представляется послѣ изложенія разныхъ физіологическихъ тонкостей рѣшеніе вопроса de purificatione Beatissimae Virginis. Ученіе de anima vegetativa оканчивается трактатомъ о возрастахъ, темпераментахъ и смерти. Слѣдующая за симъ disputatio de anima sensitiva представляетъ ученіе опытной психологіи о чувствахъ внѣш-

нихъ и внутреннемъ, о снѣ, бодрствованіи, смѣхѣ и плачѣ. Послѣдняя глава — о душѣ разумной, о разумѣ и волѣ, и о безсмертіи души. Сказавъ прежде о смерти, Ѳеофилактъ опять возвращается къ сему предмету и обобщаетъ его въ главѣ de corruptione corporis: здѣсь онъ разсуждаетъ о тлѣніи, о разложеніи тѣлъ, о измѣненіяхъ составныхъ частей его, о сгущеніи и разрѣженіи матеріи; потомъ переходитъ къ стихіологіи, говоритъ о свойствахъ стихій; присоединяетъ изъ Аристотелевой механики статьи — о центрѣ тяжести и объ ускоренномъ движеніи предметовъ бросаемыхъ. За симъ начинается ученіе о тѣлахъ сложныхъ несовершенныхъ, или метеорологія, которая подвергаетъ разсмотрѣнію метеоры огненные, рѣшаетъ вопросы о блудящихъ огняхъ, о падающихъ звѣздахъ, о молніи, громѣ, кометахъ и т. п.; — воздушные: радуга, вѣтръ, млечный путь; — водяные: облака, дожди, градъ, снѣгъ; тутъ же рѣшается вопросъ о маннѣ. Далѣе авторъ говоритъ о моряхъ, источникахъ, минеральныхъ водахъ. Четвертаго рода метеоры земные: горы, металлы и проч. Уроки по физикѣ оканчиваются ураніографіей, въ которой предлагаются и рѣшаются вопросы о фигурѣ и системѣ міра, о небѣ, числѣ небесъ, о жидкости неба, о движеніи небесъ, о фигурѣ и формѣ неба, о разстояніи неба отъ земли, о числѣ планетъ, о неподвижныхъ звѣздахъ, о созвѣздіяхъ, о вліяніи звѣздъ на предметы земные, о предсказаніяхъ астрологовъ, о солнцѣ и лунѣ, о затменіяхъ и проч. Къ главѣ о системѣ міра прибавленъ вопросъ о предметахъ, которыхъ настоящее существованіе въ мірѣ сомнительно: къ нимъ авторъ относитъ рай, сиренъ, розу безъ шиповъ и т. п. Представимъ рѣшеніе вопроса о раѣ: „существуетъ ли донынѣ рай и каковъ онъ былъ при прародителяхъ? Тостатъ въ толкованіяхъ на книгу Бытія пишетъ, что рай имѣлъ около 40 миль въ окружности. Перейра думаетъ, что онъ былъ похожъ на какое-нибудь царство, напр. на Испанію или Польшу. Вѣроятно, что слѣды рая изглажены Ноевымъ потопомъ. Такъ думаетъ Перейра и другіе писавшіе противъ Беллярмина. Доказательство на сіе представляетъ священное Писаніе, которое говоритъ, что всѣ безъ исключенія горы были залиты потопомъ на 15 локтей. По всѣмъ изслѣдованіямъ на Востокѣ оказывается, что рай занималъ мѣсто въ Месопотаміи. Августинъ противъ Пелагія въ 23 главѣ говоритъ: какъ извѣстно, что Илія и Енохъ живы до сихъ поръ,

такъ не извѣстно, гдѣ они теперь, — въ раю или въ другомъ мѣстѣ". — „Росла ли въ раю роза безъ шиповъ? На это Василій Великій, Амвросій и Дамаскинъ отвѣчаютъ утвердительно: ибо послѣ паденія уже сказалъ Богъ Адаму, что земля возраститъ терніе".

Дополнимъ обзоръ полнаго ученія философскаго разсмотрѣніемъ эѳики, сохранившейся въ лекціяхъ Іоанна Козловича и Каллиграфа. Эѳика раздѣляется, какъ и у Аристотеля, in monasticam, oeconomicam et politicam. Первый вопросъ, предлагаемый въ эѳикѣ Козловича, — о послѣдней цѣли человѣка; II, о дѣйствіяхъ и страстяхъ человѣческихъ, о дѣйствіяхъ разума и воли, о нравственномъ значеніи невѣдѣнія; о любви и ненависти, радости и печали, страхѣ и гнѣвѣ и т. п.; III, о добродѣтеляхъ, о мужествѣ, умѣренности, справедливости и благоразуміи. — Строже по расположенію и полнѣе по содержанію эѳика въ запискахъ Каллиграфа. Вотъ его планъ: часть 1, Philosophia practica universalis. Гл. 1, de acionibus humanis earumque differentia; II, de obligatione; III, de lege naturae; IV, de paenis et praemiis; V, de virtute et vitio hominisque felicitate; VI, de conscientia; VII, de imputatione. Часть 2. Гл. 1, de officiis erga Deum; II, — erga se ipsum; III, — erga alios. Часть 3. Гл. 1, de virtutis studio; II, de medio intellectus perficendi; III, de moderandis affectibus; IV, de temperantia; V, de castitate; VI, de diligentia, liberalitate et parsimonia; VII, de modestia; VIII, de virtutibus in fortuna secunda et adversa. Часть 4. de jure Ecclesiastico. Гл. 1, de idea Ecclisiae; II, de potestate Ecclesiastica; III, de potestate consiliorum; IV, de potestate excommunicandi; V, de membris Ecclesiae; VI, de jure officioque docentium; VII, de jure et officio antistitum.

Нѣтъ нужды разбирать системы философскія, писанныя ближайшими преемниками Лопатинскаго: онѣ представляютъ одно и то же содержаніе, писаны въ томъ же схоластическомъ духѣ, даже во многомъ сходятся между собою буквально. Но нельзя сказать, чтобъ это были различные списки одного учебника: всякая система отличается по изложенію и по объему. Видно, что каждый наставникъ желалъ быть самостоятельнымъ при составленіи уроковъ и не хотѣлъ вполнѣ руководствоваться системою предшественника; но основаніе было одно — книги Аристотеля и комментаріи на нихъ, составленные во множествѣ перипатетиками среднихъ вѣковъ; оставалось по этому

строго опредѣленному плану строить зданіе науки, и наставники не отступали отъ него въ существенныхъ пунктахъ. Они только разнообразили языкъ, сокращали, переставляли трактаты съ одного мѣста на другое, что мы и видимъ во всѣхъ учебникахъ академіи. Ближайшимъ образцомъ для нихъ служили записки кіевскія, и всего болѣе лекціи Іоасафа Кроковскаго, съ которыми по плану сходятся почти всѣ лекціи Московской академіи. Вполнѣ самостоятельной работы нельзя и предположить, если взять въ разсмотрѣніе обширность двухгодичнаго курса философскихъ лекцій: въ нихъ собрана такая масса свѣдѣній, столько энциклопедической учености, что на нихъ надобно смотрѣть, какъ на трудъ многолѣтній, какъ на сборникъ, составленный усиліями многихъ ученыхъ среднихъ вѣковъ. При выборѣ источниковъ для знанія естественнаго философія не ограничивалась руководствомъ разума и опыта: св. Писаніе и ученіе отцовъ Церкви занимали много мѣста въ философскихъ изслѣдованіяхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда разумъ не могъ дать отвѣта на предложенный вопросъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда и въ Писаніи не было яснаго отвѣта на вопросъ, рѣшеніе состояло изъ сбора разныхъ схоластическихъ мнѣній, иногда противорѣчащихъ одно другому: наставникъ не бралъ на себя обязанности примирять эти мнѣнія, даже не хотѣлъ отдать преимущество какому-либо изъ нихъ, а довольствовался однимъ ихъ исчисленіемъ. Уроки философскіе, писанные въ половинѣ XVIII вѣка, хотя не чужды схоластицизма, но въ нихъ замѣтно болѣе сокращенности, болѣе сжатости и ясности; многіе вопросы опускаются: таковы лекціи Козловича и Каллиграфа. Видно, что новая философія Бекона, Декарта, Лейбница и Вольфа начала нечувствительно для схоластиковъ оказывать свое вліяніе и мало-по-малу вытѣснять пустыя школьныя утонченности. У Каллиграфа являются уже новыя названія трехъ дѣйствій разсудка, принимаемыя нынѣ: понятіе, сужденіе и „умословіе“ (умозаключеніе, ratiocinatio). У него строже планъ и послѣдовательнѣе изложеніе. У него ученіе о Богѣ составляетъ особую часть подъ названіемъ: Theologia naturalis. Полемика занимаетъ у него немного мѣста, и старинныя формы ея выпущены. Онъ хорошо уже зналъ философію Лейбница и часто ссылается на нее. Это былъ уже почти послѣдній опытъ схоластическаго учебника по философіи въ Московской академіи, — опытъ, въ которомъ можно

видѣть признаки перехода отъ схоластики къ ясному ученію вольфіанской философіи, вскорѣ послѣ того принятой въ школы въ лицѣ Баумейстера.

в) Уроки реторическіе.

1) Prodromus artis oratoriae, sive praecepta inveniendi, disponendi et eloquendi ea, quae oratori sint necessaria, ad institutionem juventutis Roxolanae tradita in Academia Mosquensi anno 1741. (Руск. Моск. д. акад. № 320).

2) Thesaurus praetiosissimo rerum et verborum pondere suberabundans, ad thesaurisandos oratorum animos comparatus, et cunctis oratoriae facultati in Academia Mosquensi operam dantibus pro laboris praemio constitutus anno 1742. (Ibid).

Оба руководства написаны въ вопросахъ и отвѣтахъ и содержатъ краткія упражненія и примѣры на каждое правило. Авторы слѣдовали преимущественно правиламъ Цицерона и называютъ свои труды arena Tullianae eloquentiae. Планъ уроковъ 1741 года слѣдующій: вопросъ I, О свойствѣ реторики, частяхъ, цѣли и т. п. II, О распространеніи. III, О изобрѣтеніи, о опредѣленіи, о раздѣленіи частей, о значеніи имени, о сочетаніяхъ (de conjugatis), сходство и несходство, противоположеніе, предыдущее и послѣдующее, причина и дѣйствіе. IV, О родахъ краснорѣчія — demonstrativo, deliberativo et judiciali. V, О расположеніи—per syllogismum, per thesin et hypothesin etc. VI, О частяхъ большихъ ораторскихъ сочиненій, о вступленіи и т. д. VII, De elocutione, о рѣчахъ на всякіе случаи. Другой учебникъ (1742), трудъ іеромонаха Самуила Робчановскаго, сходенъ по плану съ предыдущимъ, только отличается изложеніемъ и нѣкоторыми измѣненіями въ расположеніи вопросовъ.

Уроки реторическіе по свойству своему отличаются механизмомъ, а по языку — напыщенностію. Ученику предлагаются строго опредѣленныя формы выраженія мысли, изъ которыхъ онъ не долженъ выступать; кромѣ образцовъ упражненій всякаго рода, онъ долженъ заучить наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи, знать множество оборотовъ и всего болѣе изъ миѳологіи древнихъ. Списокъ словъ содержитъ существительныя, служащія къ похвалѣ или порицанію, nomina laudis et vituperii, напр.: adamas, purpura, radius,

laurum, cristallus и т. п. Для сочиненія демонстрацій указываются различныя стороны предметовъ, которые ораторъ намѣренъ хвалить или порицать; преподаются правила, какъ похвалить цѣлую область, городъ, зданіе, поле, рѣку, ручеекъ, гору, садъ, растенія, драгоцѣнные камни и т. п.: напр. aedificia laudantur: 1) a situ, 2) a prospectu, 3) a figura, 4) ab amplitudine vestibuli, 5) a latitudine, 6) a pulchritudine cubiculorum, 7) a pretiositate lignorum, lapidum viriaque eorum sculptura et ornatu. И въ послѣдней части реторики de elocutione тѣ же механическіе пріемы; ученику не стоило никакого труда написать рѣчь на заданную тему; послѣ краткихъ правилъ въ каждой главѣ реторика предоставляетъ ему большой запасъ матеріаловъ подъ названіемъ: „Supellex eruditionum, supellex sententiarum, supellex symbolorum“. Въ первомъ отдѣленіи собраны примѣры изъ древней и новой исторіи, во второмъ изреченія ученыхъ, въ третьемъ символическія изображенія, надписи, гербы, девизы, относящіеся къ извѣстному предмету. Послѣ этой *рухляди* слѣдуетъ praxis, упражненіе, написанное по правиламъ. Конечно, такой методъ преподаванія по ясности и простотѣ могъ нравиться ученикамъ, но надобно признаться, что онъ мало способствовалъ раскрытію мысли и самостоятельности разсужденія: сочиненія риторовъ были не выше имитацій и отзываются крайнимъ педантизмомъ. Ошибка была въ томъ, что полное развитіе мышленія предоставляли философіи, тогда какъ реторика была наполнена, большею частію, двадцатилѣтними юношами. Что касается до языка, то риторы-схоластики строго руководствовались правиломъ Цицерона: habeatur delectus verborum sonantium et illustrium atque translatorum! Самымъ лучшимъ украшеніемъ рѣчи признавали миѳологическіе термины, безъ которыхъ не обходилось ни одно сочиненіе; напыщенность языка чрезвычайная: вотъ какъ начинаетъ наставникъ первую лекцію новымъ ученикамъ, только что переведеннымъ изъ поэзіи: „superatis bicollibus Parnassi montibus jam in Tullianae eloquentiae descenditis arenam“, и т. д. Отрадно, впрочемъ, видѣть, что при господствѣ латыни въ академіи реторика не оставляла языка отечественнаго: въ системахъ, нами разсматриваемыхъ, особенно въ системѣ Робчановскаго, примѣры упражненій представлены съ русскимъ переводомъ, многіе

написаны на одномъ русскомъ. Вся глава о распространеніи переведена на русскій.

О руководствахъ, которымъ слѣдовали въ низшихъ классахъ, упомянуто въ бумагѣ 1768 года, приведенной нами выше.

Смирновъ.

Учебныя руководства третьяго періода Московской духовной академіи.

Труды наставничества въ третьемъ періодѣ умножены введеніемъ новыхъ предметовъ ученія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчены изданіемъ печатныхъ руководствъ. Начнемъ съ богословія.

а) *Богословскій классъ.* Еще въ концѣ прошедшаго періода было замѣтно въ богословскихъ системахъ стремленіе отрѣшиться отъ узъ схоластики: начало сего стремленія видно въ системѣ Ѳеофана Прокоповича, который нашелъ себѣ много достойныхъ подражателей на поприщѣ наукъ богословскихъ. Первый замѣчательный опытъ изложенія богословія, чуждый схоластическихъ тонкостей, принадлежащихъ самому Платону: его „христіанская богословія“, хотя по цѣли, съ которою написана, походитъ болѣе на катехизическія бесѣды, нежели на систему богословскую, тѣмъ не менѣе была отраднымъ явленіемъ для школы, поколику способствовала окончательному паденію схоластики. У него богословіе отказывается отъ своихъ старыхъ формъ и вмѣсто безпорядочнаго сбора вопросовъ, тезисовъ, доказательствъ, опредѣленій и раздѣленій представляетъ стройное, удобопонятное для всякаго изложеніе ученія откровеннаго. Новостію было и то, что богословіе Платона написано было на русскомъ языкѣ. Академія руководствовалась трудомъ Платона: курсъ богословскаго ученія во время директорства Платонова начинался обыкновенно чтеніемъ первой части его богословія, въ которой разсуждается о богопознаніи естественномъ. Далѣе слѣдовали, большею частію, системѣ ректора Ѳеофилакта Горскаго, читанной имъ въ Московской академіи съ 1769 до 1774 года, и вышедшей подъ заглавіемъ: Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, sei doctrina christiana de credendis et agendis. Система эта составлена изъ различныхъ богословскихъ уроковъ: главнымъ руководствомъ была система

Прокоповича, но Ѳеофилактъ пользовался, какъ ясно видно, и лекціями Кирилла Флоринскаго, Гавріила Петрова и Макарія Петровича. Планъ, избранный Горскимъ, отличается строгою связію и послѣдовательностію. „Послѣ началъ и основаній божественнаго откровенія, говоритъ онъ, мы представимъ 1) ученіе о Богѣ, разсматриваемомъ, какъ въ Самомъ Себѣ, такъ и по отношенію къ дѣламъ Его; 2) далѣе будемъ говорить о происхожденіи и совершенствахъ перваго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ о началѣ всѣхъ вещей, также о паденіи и бѣдствіяхъ, которымъ вслѣдствіе паденія подвергся весь родъ человѣческій; 3) изложимъ ученіе о совѣтѣ Божіемъ спасти человѣка, и раскроемъ, какъ исполнился сей совѣтъ — о благодати Божіей всеобщей и о Христѣ; 4) о усвоеніи спасенія или приготовленіи человѣка ко спасенію, о вѣрѣ, возрожденіи, обращеніи и проч. и о добрыхъ дѣлахъ; 5) о средствахъ спасенія, о законѣ и евангеліи, о таинствахъ и Церкви; 6) наконецъ, изобразимъ, чего человѣкъ долженъ надѣяться и чего страшиться по окончаніи сей жизни — de novissimis“. Это догматика. Нравственное богословіе расположено у него слѣдующимъ образомъ: „сперва, говоритъ онъ, мы будемъ разсуждать о законахъ божественныхъ вообще, далѣе о дѣйствіяхъ человѣческихъ и, въ особенности, о дѣйствіяхъ людей возрожденныхъ, о средствахъ къ соблюденію божественныхъ законовъ, о совѣсти, о наказаніяхъ; потомъ будемъ говорить о законахъ въ частности, изъяснимъ смыслъ десятословія и отдѣльныхъ заповѣдей и скажемъ объ обязанностяхъ христіанина во всѣхъ состояніяхъ. Наконецъ, о пособіяхъ къ соблюденію христіанскаго закона, о средствахъ къ нравственному совершенству, о благоразуміи христіанскомъ“ и т. п. Изложивъ предварительно свой планъ, Ѳеофилактъ не считаетъ нужнымъ дѣлать усилія для связи одного трактата съ другимъ, не допускаетъ нарочитыхъ переходовъ отъ предмета къ предмету. Доказательства онъ заимствуетъ главнымъ образомъ изъ св. Писанія, но приводитъ свидѣтельства и отцовъ Церкви, хотя и не поставилъ ихъ ученіе въ числѣ источниковъ христіанскаго богословія. Онъ избираетъ мѣста ясныя и не требующія дальнѣйшихъ объясненій, отъ чего рѣчь его понятна для ученика, безъ труда — объяснять ее; послѣдовательность изложенія не прерывается вносными мыслями, и раскрытіе мысли составляетъ уже и ея доказательство: въ этомъ отношеніи Горскій

сходенъ съ Платономъ. Такъ называемый *usus* остался въ системѣ Ѳеофилакта и имѣетъ мѣсто въ концѣ трактата. Система Ѳеофилакта держалась въ академіи до начала XIX столѣтія: ректоръ Дамаскинъ, докончившій образованіе за границею, дополнялъ Богословіе Горскаго только нѣкоторыми историческими указаніями. Послѣ 1802 года при изученіи богословія признана руководственною книга Иринея Фальковскаго, изданная подъ заглавіемъ: Theologiae Christianae compendium. Она представляетъ искусно составленное извлеченіе изъ системы Ѳеофана, какъ признается самъ авторъ.

Взглядъ Платона на учебныя книги, въ которыхъ по формѣ оставалось еще подражаніе системамъ, изданнымъ на Западѣ, былъ не совсѣмъ благопріятенъ: онъ говорилъ, что, разныя системы богословскія, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ. А богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ препрѣтельныхъ словахъ, и не въ мудрости человѣческой, но въ явленіи духа и силы". Потому Платонъ въ наставленіи для Виѳанской семинаріи совѣтовалъ обратить преимущественное вниманіе на изученіе св. Писанія, которое и введено было въ кругъ ежедневнаго чтенія въ богословскомъ классѣ съ истолкованіемъ по порядку текстовъ, тогда какъ прежде такое толкованіе было предлагаемо публично по днямъ воскреснымъ.

Въ самомъ же началѣ своего правленія (въ 1776 году) Платонъ ввелъ въ академіи отдѣльное изученіе каноническаго права. Толкованіемъ св. Писанія занимались весьма тщательно. Ректоръ Амвросій въ 1779 году издалъ руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, которое сдѣлалось книгою учебною. Ректоръ Аѳанасій (съ 1786) при чтеніи св. Писанія Ветхаго Завѣта сличалъ славянскій переводъ съ греческимъ LXX толковниковъ, съ Тремелліевымъ и съ еврейскимъ подлинникомъ. Лекціи по классу толкованія св. Писанія студентами были записываемы и выучиваемы. На дни вакаціальные имъ задаваемы были „чтенія" изъ Писанія, т.-е. они должны были внимательно разсмотрѣть извѣстное отдѣленіе изъ книгъ Писанія и послѣ отдать отчетъ въ прочитанномъ: мѣста невразумительныя, по ихъ требованію, были объясняемы наставникомъ. При толкованіи Писанія Платонъ предписалъ соблюдать слѣдующія правила: „1) Открыть буквальный смыслъ, и гдѣ темно, или отъ перевода, или по свойству языка,

объяснять такъ, чтобъ не осталось мѣста, котораго бы студенты не разумѣли, выключая нѣкоторыя весьма рѣдкія мѣста, кои неудобь понятны. 2) Истолковать смыслъ духовный и таинственный, особливо въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оный прямо сокрывается. При семъ надобно остерегаться, чтобы чего не дѣлать съ принужденіемъ, то-есть, и тамъ искать таинственнаго слысла, гдѣ онаго нѣтъ, развѣ по нѣкоторому натягиванію, какъ у многихъ толковниковъ сіе примѣчается; но гдѣ оный прямо и изъ словъ, и изъ связи, и изъ параллельныхъ мѣстъ слѣдуетъ, держась притомъ наилучшихъ толкователей. 3) Для большаго выразумѣнія темныхъ мѣстъ надобно сводить мѣста параллельныя. Ибо сіе весьма облегчитъ понятіе: поелику очень нерѣдко, что въ одномъ мѣстѣ сказано темно или кратко, въ другомъ тѣ же, но уже ясно и пространно. 4) Не забывать при толкованіи, чтобъ выводить и нравоученія, прямо оттуду слѣдующія. 5) Пророковъ толкуя, надобно показывать, когда ихъ пророчества исполнились и при каковыхъ обстоятельствахъ. 6) Гдѣ мѣста св. Писанія найдутся, изъ коихъ одно, кажется, другому противорѣчитъ, тѣ объяснять и соглашать съ помощію на то изданныхъ гармоній. 7) Гдѣ найдутся мѣста, изъ коихъ нѣкоторые выводили превратныя толкованія, и что подавало случай къ расколамъ и ересямъ, надобно тѣхъ мѣстъ прямый и истинный смыслъ показать и опровергнуть мнѣнія и доводы еретиковъ и раскольниковъ. 8) Гдѣ найдутся такія мѣста, на которыя мудрованіе человѣческое можетъ дѣлать нѣкоторыя возраженія, таковыя возраженія не скрывать, но ихъ рѣшать яснымъ и удовлетворительнымъ образомъ. 9) Для помощи всего того надобно учителю прилежно читать лучшихъ церковныхъ учителей и толковниковъ и хорошо знать церковную исторію, а паче всего молить часто и усердно Отца свѣтовъ, да откроетъ очи его ко уразумѣнію чудесъ отъ закона Его". Для вспомоществованія правильному образу толкованія св. Писанія указомъ Св. Синода въ 1798 году введена въ академіи герменевтика.

Указъ 98 года представляетъ важное явленіе въ области учебнаго управленія. До этого времени руководствовались въ порядкѣ преподаванія ученія указомъ 1768 года. Новый указъ содержитъ постановленіе о порядкѣ ученія; касательно богословскаго класса въ немъ предписано: „Въ богословскомъ

классѣ преподавать краткую церковную исторію, съ показаніями главныхъ эпохъ; герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословіи и пасхалію; сверхъ того читать священное Писаніе съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, да книги: Кормчую и: О должностяхъ приходскаго священника". Такимъ образомъ въ составъ богословскаго ученія взошли новыя науки: герменевтика, церковная исторія, пасхалія, пастырское богословіе и каноническое право. Съ 1805 года введена въ употребленіе исторія первыхъ трехъ вѣковъ, архіепископа Меѳодія (Methodii Archiepiscopi Tverenzis liber historicus de rebus in primitiva, sive trium priorum et quarti ineuntis seculorum, Ecclesia Christiana gestis. Mosq. 1805.). При чтеніи исторіи послѣдующихъ вѣковъ съ особенною подробностію было излагаемо повѣствованіе о вселенскихъ соборахъ, о соборѣ Флорентинскомъ и реформаціи, при чемъ иностранными писателями пользовались съ осторожностію, избирая изъ нихъ то, что̀ согласно съ ученіемъ грекороссійской Церкви. Съ того же 1805 года введено въ Академіи изученіе церковной россійской исторіи, сочиненной митрополитомъ Платономъ. Любопытна инструкція, написанная Платономъ для историческаго класса въ 1806 году; предлагаемъ ее вполнѣ: „1) Исторію россійскую церковную читать ученикамъ реторики, философіи и богословіи. 2) Ученикамъ философіи и богословіи читать сверхъ того исторію церковную общую. 3) Начать ихъ въ исторіи экзаменовать съ философіи. 4) Экзаменовать каждый мѣсяцъ одинъ разъ. 5) Экзаменъ не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ испытаніи достопамятныхъ въ исторіи случаевъ, твердо ли оные памятуютъ. 6) Ибо исторія ничего болѣе не требуетъ, какъ чтобъ ученики весьма памятовали, что̀ читали, а особливо достопамятные въ церкви случаи. 7) Сіи случаи напримѣръ: когда христіанство началось? Гдѣ апостолы проповѣдывали? Какова была при апостолахъ церковь? Какія были гоненія, и за что, и сколько, и кѣмъ? Какія были ереси, когда и отъ кого, и какъ они истребляемы были? Какіе были соборы помѣстные и вселенскіе, по какому случаю и когда? Какая была іерархія церковная въ первенствующей церкви и какая при царяхъ христіанскихъ, и какіе когда обряды и праздники установлены; и проч. и проч. 8) А въ россійской церковной исторіи, когда въ Россіи христіанство началось и кѣмъ и какимъ случаемъ? Какая уста-

новлена въ россійской церкви іерархія? Какія и гдѣ были митрополиты всероссійскіе и сколько ихъ по именамъ? Какія когда епархіи учреждены, когда началось патріаршество и когда уничтожено? и проч. и проч. 9) Когда окажутъ ученики, что все, особливо достопамятное, твердо помнятъ и безошибочно отвѣчаютъ, тогда заключать можно, что они въ знаніи церковной исторіи довольно успѣли. 10) Не худо бъ было, ежели бъ учениковъ еще испытывать, все ли они одобряютъ, или въ чемъ не сумнятся ли, или не дѣлаютъ ли на что разумную критику. Въ такомъ случаѣ сумнѣнія объяснять, а разумную критику похвалять, неблагоразумную же поправлять. 11) А чтобъ въ памяти болѣе углубилось, то велѣть всякому для себя россійскую исторію списать, и оную для себя, яко собственную, навсегда беречь". Чтеніе библейской исторіи, которая вкратцѣ преподаваема была въ реторикѣ, происходило въ бо́льшемъ объемѣ въ классѣ богословскомъ. И для другихъ наукъ, преподававшихся студентамъ богословія, были удовлетворительныя печатныя руководства: при изученіи пасхаліи классическою книгою было сочиненіе преосвященнаго Меѳодія, изданное въ 1800 году подъ названіемъ: „Правило пасхальнаго круга, или краткое наставленіе, какъ разумѣть и употреблять церковную пасхалію". Пособіемъ при объясненіи Кормчей книги была книга Beveregii synodicon sev pandectae Apostolorum et consiliorum etc. Для изученія Кормчей книги Платонъ предписалъ особыя правила: „Студентамъ, говорилъ онъ, надобно знать соборныя дѣянія и правила св. отецъ. Для сего рекомендуется Beveregius. При чемъ надобно сводить нашу русскую Кормчую правилъ апостольскихъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ съ показаніемъ, ежели гдѣ съ греческимъ текстомъ у насъ несходно или невразумительно: ибо наша Кормчая очень темно переведена. При чемъ дозволяется учителю употреблять благоразумную и основательную критику: поелику многія правила относились къ настоящимъ обстоятельствамъ, и по временамъ имѣли нужду нѣкоторыя отмѣняемы быть". Кромѣ означенныхъ предметовъ студенты богословія вмѣстѣ съ студентами философіи учились высшему краснорѣчію, медицинѣ, введенной въ Академіи въ 1802 году, и еще древнимъ и новымъ языкамъ.

б) *Философскій классъ.* Схоластика вытѣснена, наконецъ, и изъ системъ философскихъ, въ которыхъ она держалась упор-

нѣе и болѣе долгое время, чѣмъ въ другихъ наукахъ. Вліяніе Декарта, Бэкона и Вольфа еще въ концѣ прошедшаго періода начало оказываться въ области науки, и державный ученикъ Платона писалъ къ нему въ 1764 году: „Несказанно расширилось и возросло ученіе свѣтское съ тѣхъ временъ, какъ ревнующій по правдѣ поборникъ Картезій, отложась отъ порабощенія Аристотельскаго, любопытствующій разумъ на путь явственнаго и бодрствующаго изслѣдованія поставилъ. Взошло новое свѣтило; представилися науки въ новомъ прекрасномъ видѣ и привлекли къ себѣ множество любителей, коихъ до того распростертая по ученому владычеству темнота отъ нихъ удаляла". На мѣсто устарѣвшихъ фоліантовъ, оставленныхъ во множествѣ послѣдователями Аристотеля, право учебнаго руководства дано въ Московской академіи книгѣ Баумейстера, лучшаго изъ учениковъ знаменитаго Вольфа (Philosophia definitiva. Institutiones philosophiae rationalis. Institutiones metaphysicae). Ясность изложенія, отличающагося характеромъ афористическимъ, свѣтлость мысли, хорошій латинскій языкъ сообщили книгѣ Баумейстера руководственное значеніе даже въ Германіи. Бантышъ-Каменскій, чтобъ облегчить занятія студентовъ, которые, по малому числу экземпляровъ Баумейстера, должны были списывать его систему, издалъ въ 1777 году Философію Баумейстера въ Москвѣ, подъ названіемъ: „Baumeisteri elementa philosophiae recentioris". Какъ приняли этого гостя философы московскіе? Судя по отзыву Платона, высказанному въ 1783 году, что „въ продолженіи 8 лѣтъ своего управленія Академіею онъ не встрѣчалъ между учениками еще ни одного достойнаго имени студента философіи", должно думать, что привычная привязанность къ схоластикѣ не вдругъ дозволила видѣть преимущество новаго руководства.

Такъ какъ система Баумейстера не составляла полнаго курса философіи, то наставники философіи почли нужнымъ дополнить ее другими пособіями, и, безъ сомнѣнія, первый почувствовалъ въ этомъ нужду префектъ Дамаскинъ, получившій окончательное образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ. Онъ познакомилъ Академію съ сочиненіями: *Вольфа, Гольмана* (Hollmanni jurisprudentia naturalis. Gotting. 1769), *Бильфингера* (Bilfingeri dilucidationes philosophicae de Deo, anima, mundo etc. Tubingae. 1768), *Канзія* (Canzii meditationes philosophicae et corpus juris civilis) и *Винклера* (Winkleri insti-

tutiones philosophiae universae.). Онъ же первый началъ читать исторію системъ философскихъ по руководству *Брукнера*. Послѣ него кромѣ указанныхъ источниковъ въ дополненіе къ Баумейстеру пользовались *Гаузеромъ* (Hauseri elementa philosophiae ad rationis et experientiae ductum conscripta), *Кригеромъ* (Gottlob. Crügeri philosophia naturalis, experimentis confirmata. 1753. Halae.), *Тюммингомъ* (Thummigii institutiones Philosophiae Wolfianae) и *Мушенброкомъ* (Muschenbrock institutiones physicae). Такъ значится въ академическихъ отчетахъ съ 1776 до 1814 года. Нѣкоторыми изъ сихъ пособій, вѣроятно, по указанію наставниковъ философіи въ Московской академіи, воспользовался и издатель Баумейстера Бантышъ-Каменскій, который внесъ въ учебникъ изъ системы Ѳеофана Прокоповича о законахъ мышленія, изъ логики Вейссенса de distinctionibus logicis, изъ Винклера отдѣлъ физики, и четыре главы нравственной философіи Баумейстера дополнилъ тремя главами de jure oeconomico, publico et ecclesiastico, взятыми изъ Канзія и Гольманна.

Полный курсъ предметовъ, преподававшихся въ философскомъ классѣ, обозначенъ въ указѣ св. Синода 1798 года: „Въ философскомъ классѣ преподавать краткую исторію философіи, логику, метафизику, нравоученіе, натуральную исторію и физику, напечатанную для нормальныхъ училищъ, доколѣ не будетъ назначена пространнѣйшая“. Въ руководство при преподаваніи „нравоученія“ въ 1786 году прислана изъ св. Синода книга: „О должностяхъ человѣка и гражданина“, извѣстное сочиненіе *Пуффендорфа,* имѣвшее у насъ нѣсколько переводовъ и изданій. Тогда же прислано было и „Краткое руководство къ физикѣ для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи“, изданное въ 1785 году. Что касается до нравоучительной философіи, то книга Пуффендорфа могла казаться достаточною, и Платонъ не требовалъ преподаванія ея въ бо̀льшемъ объемѣ, потому что, говорилъ онъ, „мораль человѣческая слаба и недѣйствительна, а должна она почерпаема быть изъ Слова Божія въ богословскомъ классѣ“. Но физика, написанная сообразно съ новымъ взглядомъ на науку, и по содержанію не имѣвшая ничего общаго съ физикою Аристотеля, по краткости имѣла нужду въ дополненіяхъ, какъ признавалъ и св. Синодъ; потому въ Академіи при чтеніи физики въ 90-хъ годахъ брали въ руководство опытную физику

Мутенброка, которая въ 91 году явилась и въ русскомъ переводѣ, и — *Эйлера;* въ 1801 году пользовались еще физикою *Гассенди,* въ 1807 ввели въ употребленіе довольно обширное сочиненіе *Бриссона,* переведенное въ семъ году на русскій языкъ.

в) *Реторика.* Въ реторическомъ классѣ послѣдовало много нововведеній въ разсматриваемый періодъ. Главнымъ руководствомъ была *Бургіева* реторика, напечатанная въ первый разъ въ Москвѣ въ 1776 году; ее дополняли трактатами изъ *Воссія* и изъ реторики Ломоносова. Къ этому присоединяли правила о красотѣ латинскаго языка изъ книги *Лангія:* Hodegus latini sermonis. Порядокъ преподаванія реторики подробно изображенъ въ инструкціи 1787 года, написанной по приказанію Платона; правила въ ней слѣдующія: 1) Обучать въ реторикѣ краснорѣчію россійскому и латинскому по вратиславской реторикѣ; третію часть можно заимствовать изъ другихъ авторовъ, кои яснѣе оную расположили, и всякое правило примѣрами изъясняя. Правила реторическія задавать для выученія на уроки. Къ дополненію оныхъ служить могутъ Воссій и Ломоносовъ. 2) Читать Цицероновы рѣчи отборныя по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, иногда же Мурета, Плинія, Лактанція и Іеронимовы письма, и по обстоятельной реторической резолюціи (разборѣ) дѣлать имитаціи (подражанія) съ замѣчаніемъ фразесовъ и переводовъ; а во вторникъ, четвертокъ и субботу читать рѣчи Ломоносова и проповѣди, вновь отъ Синода изданныя, дѣлая обстоятельныя примѣчанія по правиламъ реторическимъ, которыя всегда для перораціи заставлять читать при всѣхъ. (Съ 1788 года къ сему присоединился разборъ проповѣдей митрополита Платона). При чемъ весьма стараться, чтобъ въ перораціахъ пристойность гестовъ умѣли представлять, что великую живность рѣчи придаетъ, а безъ того и лучшая рѣчь мертва. 3) Къ большему успѣху чаще содержать учениковъ въ реторическихъ упражненіяхъ и имитаціяхъ лучшихъ авторовъ, какъ латинскихъ, такъ и россійскихъ. 4) Изъясненіе древностей греческихъ и римскихъ включать въ резолюціи реторической непремѣнно и послѣ отъ каждаго ученика спрашивать. 5) Наблюдать, чтобы ученики всегдашнее разговоровъ употребленіе имѣли на латинскомъ языкѣ непремѣнно. Если кто изъ учениковъ нарушалъ правило говорить въ классѣ по-латыни, тотъ записываемъ былъ

въ *calculus*, и виновный долженъ былъ на память прочитать учителю нѣсколько стиховъ (иногда по 100) изъ Овидія, Горація или Ломоносова. Въ 1797 году св. Синодомъ одобрена для употребленія въ духовныхъ училищахъ реторика, написанная пасторомъ Франциском Лежаевымъ, и сто экземпляровъ оной прислано въ Московскую академію. Платонъ поручилъ академіи разсмотрѣть новоизданную реторику и представить ему отзывъ, какія она имѣетъ въ сравненіи съ Бургіемъ достоинства и недостатки. Ректоръ Евлампій, префектъ Амвросій и проповѣдникъ Владимиръ, занимавшіеся разсмотрѣніемъ реторики, представили митрополиту слѣдующее о ней мнѣніе: „1) Лейева (Lejay) реторика преимуществуетъ предъ Бургіевою начатками гораздо яснѣйшими и основательнѣйшими: реторика Бургіева изъясняетъ правила о періодахъ и разумноженіи ихъ темно и привязываетъ учениковъ къ однимъ почти словамъ и частицамъ, не показывая, откуда почерпать мыслей для разумноженія періодовъ, но новая показываетъ источники самыхъ мыслей; а только она недостаточна въ сей части тѣмъ, что нѣтъ въ ней правилъ о предложеніяхъ и раздѣленіи оныхъ. 2) Раздѣленіе троповъ и фигуръ гораздо лучше въ новой, нежели въ прежней; ибо прежняя въ опредѣленіяхъ своихъ смѣшиваетъ тропы съ фигурами, а новая раздѣляетъ ихъ подробно и ясно. 3) Также, что касается до второй части, то прежняя реторика въ правилахъ обильнѣе, а сія недостаточнѣе; примѣрами же и подражаніями новая вообще преимуществуетъ предъ Бургіемъ“. Реторика Лежаева введена въ употребленіе и въ Московской академіи, но Бургій не совсѣмъ оставленъ: въ репортѣ учителя реторики Егора Смирнова о преподаваніи ученія въ ноябрѣ 1798 года написано: „по повтореніи первой части кратко Бургіевой, преподаваема была новоизданная реторика, которой первая часть была прочитана вся. По прочтеніи первой части изъясняема была вторая Бургіевой“. Въ концѣ періода въ реторикѣ видимъ опять перемѣны; въ годовомъ отчетѣ за 1813 годъ значится: „Ученикамъ реторики преподаваемы были какъ для латинскаго, такъ и россійскаго языка реторическія правила по руководству Бургія, соображаясь съ методою Ролленя. Для перваго заимствованы были пособія изъ Цицерона de Oratore, изъ Квинтилліана и Гейнекція (Fundamenta styli cultioris); для послѣдняго изъ опыта реторики г. Рижскаго, изъ руководства къ церковному

краснорѣчію и изъ курса словесности аббата Баттё". Такъ скоро Бургій вытѣснилъ новаго соперника! Но вмѣстѣ съ привязанностію къ старому руководству замѣчаемъ поступленіе впередъ въ изученіи словесности: учениковъ реторики начали знакомить съ тайнами эстетики и прежній сухой разборъ проповѣдей подчинили научнымъ правиламъ.

Кромѣ наукъ словесныхъ въ реторикѣ въ силу синодскаго указа отъ 5 января 1786 года введено преподаваніе священной исторіи по руководству, присланному изъ св. Синода. Вмѣсто Голберговой универсальной исторіи тогда же въ реторикѣ введена всеобщая исторія *Фрейера* (переведенная съ нѣмецкаго Чеботаревымъ и въ первый разъ изданная въ 1769 году): къ чтенію исторіи „прилагаемы были по нужнымъ мѣстамъ объясненія изъ географіи". Въ началѣ текущаго столѣтія мѣсто Фрейера заступилъ *Шрекк*. На чтеніе исторіи удѣлялись послѣобѣденные классы по средамъ и субботамъ; но краткость времени не могла не быть препятствіемъ къ отчетливому знанію исторіи: Платонъ еще въ 1786 году замѣтилъ Академіи по сему предмету: omnes Geographiam et Historiam parum callent, ut ex meis quæstionibus apparuit. Поэтому думали учредить особый историческій и географическій классъ, и ректоръ Евлампій въ 1798 году представилъ о семъ мнѣніе въ св. Синодъ. Но дѣло оставлено безъ перемѣны.

Вмѣсто историко-географическаго класса въ этомъ году открытъ *классъ высшаго латинскаго и россійскаго краснорѣчія*. Касательно сего класса въ указѣ св. Синода предписано слѣдующее: „Въ классѣ высшаго краснорѣчія, въ коемъ должны обучаться студенты богословіи и философіи въ особые часы, читать учителю лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ рѣчи, дѣлая онымъ резолюціи логическія и реторическія и по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи. Когда же такимъ образомъ какая рѣчь окончена, и имитація будетъ сдѣлана, то назначеннымъ ученикамъ изучивать наизусть — одному рѣчь автора, другому — имитацію, — и потомъ говорить публично при собраніи Академіи. Сверхъ того, въ семъ же классѣ обучать исправнѣйшему на россійскій языкъ переводу". Цѣлію учрежденія сего класса было — усовершать учениковъ въ знаніи ораторскаго искусства, котораго правила, преподанныя въ реторикѣ, или могли быть забываемы, или не усвоены незрѣлымъ соображеніемъ, какъ бы

надлежало. Особенно это могло быть важнымъ пособіемъ для образованія дара проповѣдническаго. Чтеніе высшаго краснорѣчія предоставлено учителю реторики, которому назначено занимать студентовъ богословія и философіи 4 часа въ недѣлю.

г) *Піитическій классъ.* Въ прошедшемъ періодѣ этотъ классъ преимущественно посвященъ былъ изученію древнихъ классическихъ стихотворцевъ; но при Платонѣ данъ перевѣсъ изученію русскаго стихотворства. Утренніе часы назначены собственно для чтенія русской поэзіи; ученики разбирали стихотворныя произведенія Ломоносова, Кантемира, Сумарокова и Державина. Древнихъ стихотворцевъ переводили на русскій языкъ стихами. При изученіи латинской просодіи прежде всего были объясняемы и выучиваемы наизусть піитическіе термины изъ Institutiones poëticæ; потомъ обучали скансіи, объясняли силлабическій составъ стиховъ, и разбирали произведенія Овидія, Горація и Виргилія. Для лучшаго уразумѣнія древнихъ стихотворныхъ сочиненій съ 1786 года введено въ піитикѣ чтеніе миѳологіи, и руководствомъ служило сочиненіе *Помея,* которое ученики переводили на русскій языкъ, „оставляя непристойныя мѣста“. Изученіе латинскаго языка продолжалось, и состояло въ переводахъ съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языкъ, въ употребленіи латинскихъ разговоровъ, въ имитаціяхъ и т. п. Придаточнымъ предметомъ въ семъ классѣ была географія, которую по указу св. Синода отъ 5 января 1786 года предписано читать ученикамъ піитики, тогда какъ до сего времени она была преподаваема въ синтаксимѣ. Вмѣсто Целляріевой книги, которою руководствовались до того времени, введена въ употребленіе географія Баумана. Кромѣ сего піитамъ преподаваемы были катихизисъ, начала реторики и новѣйшіе языки. Успѣхи по части стихотворства были не неудовлетворительны: опыты русскаго стихосложенія, принадлежащіе піитамъ Академіи, хотя не могутъ быть отнесены къ числу оригинальныхъ, но, какъ подражанія, нѣкоторые изъ нихъ довольно удачны и легко читаются. Только непривычно для требованій современнаго вкуса встрѣчать въ нихъ множество терминовъ изъ области миѳологіи и странную смѣсь христіанскихъ идей съ представленіями языческими; но по духу того времени это считалось достоинствомъ въ стихотвореніи, что доказываютъ нѣкоторыя изъ произведеній Ломоносова.

д) *Синтаксима, или высшій грамматическій классъ.* Предметы, преподаваемые въ семъ классѣ, распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ утренніе часы по понедѣльникамъ, средамъ, пяткамъ и субботамъ были объясняемы учителемъ правила изъ латинской грамматики Лебедева и просодія изъ Альвара. Въ другіе два дня ученики занимались переводомъ съ латинскаго писемъ Цицероновыхъ, сочиненія Ѳомы Кемпійскаго de imitatione Christi и писемъ Еразма Роттердамскаго. Послѣобѣденные часы были посвящены оккупаціямъ и версіямъ. Кромѣ сего, ученикамъ задаваемы были для выученія наизусть изъ Orbis visibilis и латинскіе разговоры. Кромѣ грамматики въ синтаксическомъ классѣ были преподаваемы катихизисъ и вторая часть ариѳметики.

е) *Грамматика, или низшій грамматическій классъ.* Кромѣ первой части грамматики Лебедева, ученики выучивали наизусть слова изъ лексикона Целлярiева и латинскіе разговоры, занимались переводомъ съ русскаго на латинскій языкъ съ предварительнымъ назначеніемъ латинскихъ словъ, слушали первую часть ариѳметики, а на воскресные и праздничные дни имъ задаваемо было выучивать изъ краткаго Платонова катихизиса.

ж) *Информаторія.* Такъ переименованъ классъ, называвшійся прежде инфима и фара. Въ немъ учили начаткамъ латинской и русской грамматики и орѳографіи, задавали ученикамъ примѣры и этимологическія упражненія. Одинъ день въ недѣлю былъ назначенъ для объясненія вопросовъ изъ краткаго катихизиса. Въ 1789 году по причинѣ многочисленности учениковъ информаторія раздѣлена на два класса: высшій и низшій, а въ слѣдующемъ году открыта еще средняя информаторія, но въ 1802 году она закрыта.

з) *Русская школа* открыта въ 1801 году по указу св. Синода и назначена для учениковъ, оказавшихся неспособными къ продолженію наукъ. Ихъ предписано обучить нотному пѣнію, церковному уставу, катихизису и священной исторіи.

и) *Классы языковъ* были общи для студентовъ богословія и философіи и для учениковъ реторики, поэзіи и синтаксіи. Классъ греческаго языка въ 1777 году по представленію Платона раздѣленъ на два: высшій и низшій; причина раздѣленія его была та, что „оному языку иные уже обучились, а инымъ надобно начинать, что и составляло для надлежащихъ

успѣховъ затрудненіе". Въ высшемъ греческомъ классѣ была преподаваема вторая часть грамматики Лящевскаго; ученики занимались переводомъ книгъ Новаго Завѣта съ филологическимъ разборомъ, твореній св. отцовъ и прозаическихъ произведеній древнихъ классиковъ. Болѣе успѣвшіе слушали правила греческаго стихосложенія, читали стихи съ піитическою резолюціею и сами сочиняли оные. Менѣе успѣвшіе переводили съ русскаго на греческій языкъ съ назначеніемъ словъ. Въ низшей греческой школѣ были выучиваемы правила изъ первой части грамматики Лящевскаго и переводимы статьи изъ греческой хрестоматіи. Въ 1789 году введена въ употребленіе „Грамматика, или наставленіе простого греческаго языка, собранная въ Московской славяно-греко-латинской академіи", напечатанная въ семъ году. Въ 1798 году избрана для преподаванія въ низшемъ классѣ новая грамматика подъ заглавіемъ: „Греческаго языка начальнаго познаніе", напечатанная въ 1794 году. Изученіе греческаго языка усилено въ духовныхъ училищахъ съ 1784 года вслѣдствіе указа императрицы, который гласитъ слѣдующее: „Изъ числа языковъ греческій предпочтительнѣе другихъ въ духовныхъ училищахъ преподаваемъ быть долженствуетъ, какъ въ разсужденіи, что книги священныя и учителей православной нашей грекороссійской Церкви на немъ писаны, такъ и потому что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ пособствуетъ. Почему Синодъ нашъ, подтверждая, кому слѣдуетъ, о надлежащемъ того исполненіи, обязанъ будетъ впредь по истеченіи трехлѣтняго времени наблюдать за правило, чтобъ на убылыя мѣста, отъ избранія его зависящія, представляемы были преимущественно такіе, кои въ греческомъ языкѣ совершенное пріобрѣли знаніе". Послѣ сего указа, въ послужные списки должностныхъ духовныхъ лицъ вносимо было свидѣтельство о степени знанія греческаго языка. Такъ, въ послужномъ спискѣ префекта Аѳанасія (1785 года) записано, что онъ обучался въ академіи „и греческому, съ котораго можетъ переводить". Въ самый годъ изданія указа Платонъ, руководствуясь собственнымъ примѣромъ, предписалъ, чтобъ лучшіе изъ учениковъ учились говорить по-гречески и для практики ходили въ греческій монастырь. Тремъ ученикамъ — изъ философіи: Ивану Ставровскому и Семену Протасову, и изъ реторики Аѳанасію Бѣляеву — Платонъ въ томъ же году при-

казалъ для усовершенствованія въ знаніи языка жить въ греческомъ монастырѣ и писалъ къ архимандриту: „*Ἀρχιμανδρίτης Ῥωμαίων Βισσαριὼν ὀφείλει δοῦναι τὸ κέλλιον μόνον τοῖς μαθηταῖς, ὅτι αὐτοὶ μανθάνουσι διὰ τὴν ὀφέλειαν τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς Ῥωσσίας. Μοναστήριον δὲ Ῥωμαῖον πάντα ἔχει παρὰ τῆς Ῥοσσίας· ὀφείλημα οὖν ἔχει διὰ τοσαῦτα εὐεργετήματα μαρτυρῆσαι τὴν αὐτοῦ εὐχαρισίαν*“, то-есть: „Греческій архимандритъ Виссаріонъ долженъ дать келію ученикамъ, потому что они учатся для пользы Церкви и Россіи. А греческій монастырь все получаетъ отъ Россіи, потому и обязанъ за такія благодѣянія свидѣтельствовать свою благодарность“. При такихъ средствахъ изъ Московской академіи вышло довольное число студентовъ, отлично знавшихъ языкъ греческій. Указъ 1784 года подтвержденъ при императорѣ Павлѣ въ 1798 году; св. Синодъ предписалъ, чтобъ „языкамъ еврейскому, а наипаче греческому, яко нужнымъ для разумѣнія св. Писанія обучаться всѣмъ студентамъ академіи“. Руководствомъ для изученія еврейскаго языка служила грамматика *Гемпеля* (Hempillii elementa linguæ Hebraicæ unâ cum doctrina de accentibus. Lips. 1776). Отъ учителя еврейскаго языка Платонъ требовалъ, чтобъ „ученики не только надлежащій успѣхъ имѣли, но чтобъ изъ нихъ и учительское мѣсто могли заступать“.

Классы нѣмецкаго и французскаго языка открыты въ 1781 году, и должность наставника возложена на Іоганна Шмидта. Послѣ него желалъ занять его мѣсто лекторъ университета Геймъ, но Платонъ помѣстилъ на оное одного изъ воспитанниковъ академіи, Николая Соколова. Въ нѣмецкомъ классѣ преподавали грамматику *Готтерпфа* и переводили изъ Галлера, Лессинга и Клопштока; лучшіе изъ учениковъ учились говорить по-нѣмецки. Въ 1800 году нѣмецкій классъ раздѣленъ на высшій и низшій равно какъ и французскій. Въ семъ послѣднемъ въ руководство принята грамматика *Соколовскаго;* для перевода были употребляемы сочиненія Фенелона, Боссюэта и проч. Между прочимъ, чтобы пріучить учениковъ къ разговорному языку, ихъ заставляли писать подъ диктантъ, задавали выучивать французскіе разговоры, переводить съ русскаго на французскій и писать легкія сочиненія на семъ послѣднемъ языкѣ. При началѣ французской революціи классъ французскаго языка закрытъ въ 1794 году и открытъ снова въ 1800 году. Классы новыхъ языковъ не были ординарными:

ихъ посѣщали по произволу студенты богословія и философіи, и ученики реторики, поэзіи и даже синтаксимы. Въ указѣ св. Синода 1798 года касательно сего сказано: „нѣмецкому и французскому обучать по склонности ученика".

і) *Классъ медицины.* На запросъ св. Синода, сдѣланный Платону въ 1798 году предъ составленіемъ штатовъ духовныхъ училищъ: нужно ли какія пріумножить науки въ академіи сверхъ преподаваемыхъ нынѣ наукъ и языковъ, и какія именно? — Ректоръ академіи Евлампій отвѣтствовалъ, что „за полезное признается учить началамъ медицины въ особенномъ классѣ, гдѣ могутъ обучаться не только ученики реторики, но и студенты богословія и философіи". Эта мысль, одобренная Платономъ, приведена въ исполненіе въ 1802 году; указомъ св. Синода предписано открыть въ академіи медицинскій классъ и обучать въ немъ студентовъ богословія и философіи два раза въ недѣлю: въ среду и субботу, во второмъ часу. Въ наставники поступилъ адъюнктъ-профессоръ медико-хирургической академіи, докторъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ. По требованію академическаго начальства контора медицинской коллегіи составила программу для чтенія медицинскихъ наукъ въ академіи и предписала доктору: 1-й годъ читать анатомію, физіологію, общую патологію и терапію; во 2-й ботаническую философію и врачебное веществословіе россійскихъ вещей, а особливо дикорастущихъ въ здѣшней губерніи растеній. Для выполненія послѣдняго пункта предписанія Мухинъ съ воспитанниками ходилъ лѣтомъ по окрестностямъ Москвы и училъ ихъ практической ботаникѣ. За успѣшное преподаваніе медицины онъ получилъ въ 1806 году бриллiантовый перстень, въ знакъ монаршаго къ его трудамъ благоволенія. Въ слѣдующемъ году по множеству другихъ занятій Мухинъ оставилъ должность наставника въ академіи, и его мѣсто заступилъ бывшій воспитанникъ Московской академіи, окончившій курсъ въ Петербургской медицинской академіи, Иванъ Сизовъ. Послѣ него былъ наставникомъ медицины штабъ-лѣкарь Нѣжинецъ, при которомъ указомъ св. Синода отъ 31 Октября 1811 года предписано студентовъ, оканчивающихъ курсъ, обучать способу прививанія коровьей оспы. Въ мартѣ 1813 года мѣсто Нѣжинца заступилъ лѣкарь Илья Дмитричъ Погожевъ, который окончилъ жизнь на службѣ при московской семинаріи въ 1834 году.

к) *Классъ церковнаго устава и нотнаго пѣнія.* Преподаваніе церковнаго „*округа*“ (устава) введено въ академіи въ 1798 году съ назначеніемъ обучать оному учениковъ реторики и піитики. Классъ нотнаго пѣнія простого и партеснаго открытъ ранѣе, именно въ 1786 году: въ него собирались нѣкоторые изъ студентовъ богословія и философіи и ученики трехъ слѣдующихъ классовъ; преподавателемъ былъ студентъ богословія, начальникъ академическаго пѣвческаго хора. Въ 1788 и 9 годахъ сію должность исправлялъ студентъ Григорій Бѣляевъ. Въ 1806 году нотному пѣнію и уставу начали учить и учениковъ низшихъ четырехъ классовъ: въ инструкціи, написанной въ семъ году ректоромъ Моисеемъ, предписаны между прочимъ слѣдующія правила: 1) Всѣ ученики должны знать, а потому и учиться простой нотѣ, для сего и имѣть должны, по крайней мѣрѣ, трое одну изъ нотныхъ книгъ собственную, яко-то: обиходы, ирмологи и проч. 2) По простонапѣвному пѣнію они должны знать и учиться всѣ пѣть гласы стихировъ на *Господи воззвахъ,* прокимены, славники, задостойники, ирмосы, тропари и кондаки и проч. Канонъ же Богородичный весь пѣть знать наизусть, и паче стихиры Благовѣщенскія. 3) За обѣднею пѣніе всякаго рода знать должны, яко-то: *Единородный* и проч., херувимскія всѣхъ, какія только есть, извѣстныхъ напѣвовъ, лѣвой ликъ, *Достойно есть* разныхъ напѣвовъ и причастны также разнообразные. При вечерни великопостной пѣть знать: *Да исправится, Свѣте тихій, Помяни насъ, Господи,* и причастенъ Великаго поста. 4) Должны также знать и уставъ церковный въ силу указа св. Синода, когда что читается или опускается, а для сего учить ихъ, что такое значитъ октоихъ, минея цвѣтная и великопостная и мѣсячныя, и потому нужно знать наизусть и самимъ учащимъ, имѣя у себя книжицу прекрасную о уставѣ церковномъ, изданную бѣлоградскимъ преосвященнымъ Ѳеоктистомъ. Къ сему должно прилагаемо быть нѣкоторое свѣдѣніе по пасхаліи, которая въ богословскомъ классѣ по своимъ началамъ довольно для свѣдѣнія ясно преподается, такъ что студентъ богословія, учащій обиходу, не можетъ отговориться самъ незнаніемъ оныя. 5) Самый способъ ученія для большаго успѣха можетъ быть слѣдующій: учащіе должны недѣли за двѣ впередъ учить учениковъ тѣмъ стихамъ, которые въ слѣдующемъ должны праздникѣ быть, такъ, напр., предъ Введеніемъ Божія Матери недѣли за двѣ

учиться введенскимъ ирмосамъ и проч., или сіе такъ расположить, что по прошествіи одного праздника тотчасъ учить тѣмъ стихамъ, которые принадлежатъ къ слѣдующему праздничному дню, а напѣвы херувимскихъ и *Достойно есть* всякій разъ въ церкви перемѣнять. 6) Въ заключеніе всего „ученикамъ синтаксіи предъ выходомъ въ поэзію дѣлать всегда и по симъ занятіямъ экзамены". Пѣвческій академическій хоръ славился искусствомъ пѣнія и имѣлъ 246 піесъ для партеснаго пѣнія.

Касательно метода преподаванія наукъ въ Московской академіи въ отчетахъ съ 1786 года читается, что „ученіе во всѣхъ классахъ производимо было по присланному изъ святѣйшаго Синода указу, въ силу котораго всѣхъ классовъ ученики обучались *по новому методу,* для народныхъ школъ изданному и духовнымъ училищамъ присвоенному". Подъ симъ разумѣется уставъ народнымъ училищамъ, высочайше утвержденный 5 августа 1786 года. Въ составленіи и исполненіи сего устава участвовала и Московская академія. Въ уставѣ начертаны подробныя правила касательно полнаго состава училищъ и преподаванія ученія, и дѣйствительно методъ, введенный уставомъ, можетъ быть названъ новымъ. Прежде всего, уставъ вводитъ въ преподаваніе языкъ „природный", отечественный, и даетъ легчайшія средства къ ученію въ печатныхъ руководствахъ. Далѣе онъ распредѣляетъ и классы и предметы такъ, что старается о приспособленіи науки къ постепенному развитію разумѣнія учениковъ и изгоняетъ старый схоластицизмъ. Вмѣстѣ съ симъ предписываетъ излагать науку съ цѣлію нравственнаго усовершенія воспитанниковъ и даетъ предпочтеніе методу сократическому, который способствуетъ узнанію и умственныхъ и нравственныхъ свойствъ ученика, тогда какъ прежній схоластическій отдѣлялъ ученика отъ учителя преградою высокопарнаго, безучастнаго чтенія. Уставъ замѣчателенъ по своимъ подробностямъ: вмѣстѣ съ правилами для наставниковъ и учениковъ онъ говоритъ, какія нужно дѣлать *ободренія* тѣмъ и другимъ, разсуждаетъ о части хозяйственной, объ образѣ жизни наставниковъ и учениковъ и между прочимъ преподаетъ особыя правила относительно преподаванія языковъ иностранныхъ, что представляется еще первымъ опытомъ въ распоряженіяхъ правительства. Представимъ образцы новаго метода изъ отдѣленія о томъ, какъ долженъ учитель

учить языкамъ и какъ держать себя въ классѣ: „Во-первыхъ, надобно заставить учениковъ прочесть статью (изъ Orbis visibilis) нѣсколько разъ для упражненія ихъ только въ чтеніи, потомъ приступить къ изслѣдованію словъ, спрашивая, напримѣръ, по-латыни: что здѣсь изображено, quid hic depictum? Ученики должны отвѣтствовать по-латыни: mundus. Учитель, написавъ на доскѣ тѣ реченія по-латыни, повторяетъ сіе то съ однимъ, то съ другимъ ученикомъ. Далѣе говоритъ учитель по-латыни: въ мірѣ находится небо, и спрашиваетъ: что находится въ мірѣ? Отвѣтъ: coelum. Какимъ числомъ означено небо? — numero primo и т. д. Окончивъ всю статью, долженъ учитель о прочтенномъ и извѣстномъ уже имъ предметѣ спрашивать, но всегда языкомъ иностраннымъ, которому онъ обучаетъ“. Касательно пріемовъ, какихъ долженъ держаться учитель въ классѣ при объясненіи уроковъ, замѣчено: „Болѣе всего остерегаться, чтобъ не дѣлать предъ учениками смѣшныхъ тѣлодвиженій, какъ-то: не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу, чѣмъ, смѣша учениковъ, учитель теряетъ почтеніе и возмущаетъ ихъ вниманіе, которое сохранить и безъ того трудно“. Правило это показываетъ, что, вѣроятно, были случаи, побудившіе начертать оное.

Смирновъ.

Учебныя руководства въ Петербургской духовной академіи.

По всѣмъ предметамъ академическаго курса м. Амвросій самъ назначилъ руководства для наставниковъ и учебныя книги для воспитанниковъ, съ точнымъ опредѣленіемъ, въ какой срокъ сколько надлежитъ пройти по тому или другому предмету и какимъ методомъ должна быть преподаваема каждая наука; именно: по догматическому богословію руководствомъ назначена была „Сокращенная система догматико-полемическаго богословія“ преосв. Ѳеофана; пособіемъ — „Богословіе“ Турретина. Въ классѣ герменевтики, послѣ общихъ и частныхъ правилъ сей науки, излагаемы были по „Руководству къ чтенію книгъ св. Писанія“ раздѣленіе и число библейскихъ книгъ, съ изъясненіемъ важнѣйшихъ мѣстъ каждой книги. Въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ, встрѣчающихся при изъясненіи Писанія,

наставники руководствовались сочиненіемъ доктора Вейта, написаннымъ въ защиту св. Писанія и изданнымъ подъ названіемъ: „Sacra Scriptura contra incredulos propugnata“. Чтеніе каноническаго права состояло въ изъясненіи церковныхъ правилъ, по порядку изложенія ихъ въ Кормчей. Уроки церковной археологіи извлекаемы были наставникомъ изъ разныхъ авторовъ и соединялись съ чтеніемъ церковной исторіи. Руководствомъ по этому предмету была книга „Liber Historicus“; но для облегченія памяти дѣлаемы были изъ нея выписки, по которымъ студенты повторяли уроки. Въ 1806 г. преосв. Амвросій, въ донесеніи св. Синоду, съ особливою похвалою отзывался объ успѣхахъ студентовъ въ этомъ предметѣ. Руководствомъ по философскому классу была система Баумейстера съ присовокупленіемъ, для нужнѣйшихъ матерій, дополненія изъ разныхъ авторовъ. Философскіе уроки излагаемы были систематическою методою; то-есть: 1) каждое положеніе превращаемо было въ силлогизмъ; 2) объясняемы были истины прикосновенныя и входящія въ связь той матеріи; 3) на всякое положеніе студенты дѣлали возраженія и 4) по окончаніи каждой статьи составляли лекціи систематическимъ образомъ, т.-е. соединяя истины тѣмъ порядкомъ, какъ одна выводится изъ другой, на латинскомъ и русскомъ языкахъ; каковой порядокъ введенъ и одобренъ на публичныхъ актахъ. Уроки физики преподаваемы были по учебникамъ, составленнымъ и одобреннымъ для народныхъ училищъ, и поясняемы были, сколько возможно, опытами съ употребленіемъ инструментовъ. Въ классѣ высшаго краснорѣчія учащіеся занимаемы были, по руководству Роллэна, разборомъ прозаическихъ авторовъ и стихотворцевъ россійскихъ и латинскихъ, при чемъ показываемы были лучшія мѣста и красоты по правиламъ изящнаго вкуса (aestetice). И поелику сей классъ, по намѣренію его открытія, болѣе клонился къ краснорѣчію проповѣдническому, то на сей предметъ и было обращено нарочитое вниманіе. Руководствомъ для этого назначены были „Начальныя основанія краснорѣчія аббата Антона Генуина“. Для низшаго реторическаго класса учебною книгою была Бургіева реторика, а примѣры заимствуемы были изъ Лежаевой, также изъ Блера, Гейнекція, Каусина, Ломоносова и Рижскаго. По исторіи Русской церкви руководствомъ служила исторія митрополита Платона; по исторіи Россійскаго государства — „Краткое руководство къ Россійской исторіи,

составленное для народныхъ школъ"; кромѣ того даваемы были ученикамъ краткія выписки изъ исторіи Татищева и Щербатова. По общей гражданской — „Всемірная исторія, изданная для народныхъ училищъ", впрочемъ, скоро замѣненная исторіей Шрекка; пособіемъ при ней „Всеобщая исторія" Роллена. Естественная исторія преподавалась по руководству, изданному академиками Озерецковскимъ и Севергинымъ. Для высшаго и низшаго латинскихъ классовъ — учебной книгой была грамматика Лебедева, пособіемъ — грамматика Бантышъ-Каменскаго, а для переводовъ — Корнелій Непотъ, Цицеронъ и Плиній. Для еврейскаго языка — учебной книгой грамматика Фроше, для переводовъ — еврейская библія и письма изъ Бюксторфія; для греческаго — грамматика Лящевскаго, а для переводовъ — Новый Завѣтъ, бесѣды и литургія св. Іоанна Златоустаго; для нѣмецкаго — грамматика Франциска Голтергофа, а для переводовъ — Геллертовы письма; для французскаго — грамматика Соколовскаго и для переводовъ — Телемакъ, также сочиненія Боссюэта, проповѣди Массильйона и творенія нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей. Всѣ вообще ученики пріучаемы были къ порядочному произношенію и правописанію нѣмецкаго и французскаго языковъ, переводили небольшіе отрывки изъ русскихъ авторовъ на сіи языки и пріучаемы были къ разговору*). Въ математическомъ классѣ читаны были ариѳметика,

*) Для удобнѣйшаго обученія новѣйшимъ языкамъ, въ особенности нѣмецкому, и пріученія къ языку разговорному, сами воспитанники изобрѣли домашній, практическій способъ. Вотъ какъ они описали его въ представленіи къ преосв. м. Амвросію.

«Всякую науку, неприспособленную къ практикѣ, понимать трудно, то употребленіе языка надобно начать практически:

1) Научить произносить окружающія насъ вещи; а чтобы легче запомнить названія оныхъ, прилѣпить на каждую вещь карточку, напр. къ кровати: Bett des Schülers NN и проч.

2) Но не всякая вещь случается въ камерѣ, то для сего сдѣлать табличку и перемѣнять на оной слова каждый день, приспособительно къ обстоятельствамъ. Напр. въ воскресенье студенты ходятъ въ городъ, то на сіе слово и прибрать приличныя имена существительныя, прилагательныя, глаголы и проч.

3) Чтобы понудить запомнить хотя главное слово въ сей таблицѣ, напр. городъ, то назвать его патрулемъ, т.-е. кто не знаетъ его, тотъ не нашей партіи.

4) Нечувствительно прибавлять глаголы къ именамъ и произносить цѣлые пункты.

5) Каждый имѣніе свое долженъ написать на такомъ языкѣ, которому обучается. Этотъ реестръ долженъ содержать не одни названія вещей, но и описаніе оныхъ».

прямолинейная геометрія и тригонометрія. Въ рисовальномъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи копировали карандашемъ съ рисунковъ; во 2-мъ рисовали съ бюстовъ; въ 3-мъ писали картины масляными красками; въ архитектурномъ классѣ показываемы были начальныя основанія гражданской архитектуры, виды пропорціи и черченіе орденовъ тосканскаго, дорическаго и іоническаго; снятіе и черченіе легкихъ плановъ и фасадовъ подъ руководствомъ одного изъ архитекторскихъ помощниковъ. Учебными книгами для низшихъ классовъ снабжалъ академію, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій.

Изъ руководствъ, составленныхъ самими наставниками, извѣстны:

1) *Краткая славянская грамматика,* составленная П. Н. Виноградовымъ. Въ 1811 году комиссія духовныхъ училищъ поручила цензурному комитету сличить ее съ *Славянской этимологіей* покойнаго коллежскаго совѣтника Розанова, съ тѣмъ, чтобы лучшую, какая окажется по разсмотрѣніи, ввести учебникомъ въ духовныя училища. Въ 1813 г. комитетъ донесъ комиссіи, что, по сличеніи обѣихъ помянутыхъ книгъ, онъ нашелъ въ послѣдней изъ нихъ слѣдующія несовершенства: а) орѳографія неполна, ибо въ ней означены только количество и порядокъ буквъ, дальнѣйшія же замѣчанія, относящіяся къ правописанію, сочинителемъ не присовокуплены; б) этимологія къ преподаванію неудобна: ибо для перваго склоненія именъ существительныхъ предложено 30 примѣровъ, а для второго 42, что̀ должно по необходимости обременять память учащихся. Тѣ же неудобства примѣнены въ склоненіяхъ именъ прилагательныхъ и въ спряженіи глаголовъ. Напротивъ славянская грамматика Виноградова: а) полнѣе, ибо въ составъ ея входятъ всѣ четыре части грамматики; б) приспособлена къ курсу ученія въ уѣздныхъ училищахъ, такъ что ея расположеніе и правила соображены съ порядкомъ и правилами учебной книги, принятой для россійской грамматики; в) въ правилахъ и замѣчаніяхъ соблюдены надлежащій порядокъ и до-

М. Амвросій на представленіе о семъ академическаго правленія написалъ: «Выдумка похвальна, способъ благонадеженъ, да благословитъ Богъ успѣхомъ. 1807 г. 26 сентября». Профессору Шпехту поручено было руководствовать воспитанниковъ въ разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ по этому способу. На *греческомъ* языкѣ повелѣно было преосв. м. Амвросіемъ совершать въ нѣкоторые праздничные дни богослуженіе въ академической церкви.

статочная ясность; г) трудность въ изученіи склоненій и спряженій облегчена краткимъ и яснымъ изложеніемъ таблицъ; наконецъ д) правила и примѣчанія основаны на древнихъ писателяхъ славянской грамматики и на примѣрахъ, заимствованныхъ изъ славянскихъ книгъ, наипаче изъ св. Писанія. По симъ уваженіямъ грамматика Виноградова введена учебною книгою въ уѣздныя училища, а сочинителю за составленіе ея дано въ награду 500 рублей.

2) *Краткое географическое обозрѣніе всѣхъ частей свѣта*, составленое П. Б. Вигилянскимъ. С.-Пб. 1805 г.; и

3) *Опытъ Священной географіи съ картами, для употребленія въ духовныхъ училищахъ* (С.-Пб. 1808 г.), составленный имъ же. За этотъ послѣдній трудъ сочинитель удостоился получить всемилостивѣйше пожалованные золотые часы, украшенные драгоцѣнными камнями. *Чистовичъ.*

Учебники реторики въ связи съ ея преподаваніемъ въ Троицкой семинаріи при митрополитѣ Платонѣ.

Платонъ смотрѣлъ на классъ реторики съ довольно строгой точки зрѣнія; онъ имѣлъ убѣжденіе, что въ реторикѣ начинаетъ ученикъ мыслить и излагать на бумагѣ свои мысли, что тутъ полагается основаніе развитію его способностей, и потому чрезвычайно былъ внимателенъ, какъ при выборѣ наставника по этому классу, такъ и относительно хода преподаванія. Платонъ требовалъ и отъ наставника философіи, чтобъ онъ не давалъ ученикамъ забывать реторики. Въ 1766 году, когда Платонъ, какъ архимандритъ лавры, получилъ право надъ семинаріею, онъ избралъ въ учителя реторики одного изъ даровитыхъ своихъ учениковъ, Петра Зернова. Изъ перваго донесенія Зернова Платону видно, что онъ въ преподаваніи слѣдовалъ реторикѣ Вратиславской (т.-е. изданной въ Бреславлѣ); въ донесеніи своемъ писалъ онъ: „Методъ, по которому учитель реторики будетъ располагать свои чтенія, слѣдующій: въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, въ утренніе часы, какъ старымъ, такъ и новымъ риторамъ, будутъ объясняемы правила ихъ реторики Вратиславской (elementa oratoria Wratislaviae edita); въ тѣ же дни, послѣ обѣда, будутъ

разбираемы рѣчи Цицерона на Катилину съ обозначеніемъ реторическихъ особенностей. Во вторникъ и четвергъ первые часы будутъ посвящаемы объясненію ораторскихъ правилъ, вторые—чтенію исторіи Курція съ разборомъ. По субботамъ ученики будутъ отдавать отчетъ въ прочитанныхъ книгахъ, именно: изъ какого автора и сколько прочиталъ каждый изъ нихъ. Сверхъ того ученики реторики будутъ занимаемы реторическими сочиненіями, сообразно съ правилами ораторскаго искусства". На этомъ донесеніи Платонъ написалъ: „Методъ, по которому г. учитель реторики установитъ свои занятія, по моему мнѣнію, заслуживаетъ одобренія. Но пусть помнитъ г. учитель, что учениковъ должно занимать больше практикою, нежели теоріею. Поэтому онъ долженъ стараться объяснять каждое правило примѣрами, и притомъ чтобъ ихъ было больше; онъ долженъ приказать, чтобъ ученики не опускали ни одного правила, не усвоивъ его основательно посредствомъ частаго упражненія. А упражненія должно задавать дѣлать на томъ и другомъ языкѣ поперемѣнно, ибо нелѣпо пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать; для этого можетъ служить реторика Ломоносова. Прежде, нежели учитель приступитъ къ чтенію рѣчей Цицерона, я желалъ бы, чтобы онъ началъ съ его писемъ. Такой методъ будетъ удобнѣе. А чтеніе Курція можно предоставить домашнему занятію учениковъ. По субботамъ, когда будутъ давать отчетъ въ прочитанномъ, не мѣшаетъ испытать учениковъ, все ли они помнятъ, что объяснено имъ въ продолженіе недѣли"*). Изъ послѣдующихъ донесеній Зернова видно, что, кромѣ Цицерона, ученики переводили на русскій языкъ рѣчи Мурета.

До какой степени строгъ былъ Платонъ въ выборѣ учителей реторики, показываютъ два случая. Въ 1771 году, когда выбылъ изъ реторики учитель Сергѣй Введенскій, и на его мѣсто представленъ былъ учитель греческаго и еврейскаго языковъ іеродіаконъ Епифаній, Платонъ приказалъ ему написать сочиненіе на латинскомъ языкѣ, какъ опытъ его познаній въ реторикѣ, и далъ тему: Quidquid fit cum virtute, fit cum gloria. На эту тему Епифаній написалъ слѣдующую амплификацію, которую представляемъ въ переводѣ:

---

*) Арх. Троиц. семин. 1766 г. № 11. Субботнія занятія пріобрѣли впослѣдствіи технич. названіе саббатива.

„Краснорѣчіе никогда не потеряетъ своего труда и старанія, если станетъ восхвалять и одобрять то, что носитъ имя добродѣтели. Ибо если похвала есть исчисленіе совершенствъ и только то признается достохвальнымъ, что украшено совершенствами, то по истинѣ должно сказать, что добродѣтель не только заслуживаетъ, но даже превосходитъ всякую похвалу, потому что совершеннѣе и превосходнѣе ея нѣтъ ничего между человѣческими и мірскими дѣлами. Она весьма благородна, прекрасна, пріятна, полезна, и вообще, какія только можно къ сему прибавить совершенства, идутъ къ добродѣтели. Выражусь правильнѣе и точнѣе: добродѣтели сами въ себѣ, по своей природѣ, суть не что иное, какъ чистыя и высокія совершенства, при помощи которыхъ разумныя твари приближаются къ уподобленію Богу; или не только себѣ, но и отечеству, и гражданамъ, и знакомымъ, даже иностраннымъ народамъ (externis nationibus) приносятъ пользу и никому не вредятъ; ими какъ пріобрѣтаютъ земныя блага, такъ достигаютъ участія и въ небесныхъ; онѣ доставляютъ не одно внѣшнее, но и внутреннее счастіе человѣку. Ужели же кто будетъ такъ слѣпъ, чтобы не видѣть, что добродѣтели должно прославлять величайшими похвалами, какъ онѣ по истинѣ и прославляются? Но хотя и случается иногда, что добродѣтель не только не видитъ никакой похвалы себѣ, но еще признается за порокъ людьми злыми и погибшими: чтоже изъ этого? Сама въ себѣ она всегда остается достохвальна и славна, всегда бѣла, какъ лилія, сладостна, какъ нектаръ, благовонна, какъ ароматъ, потому что она лучше всего, она источникъ и основаніе всякой похвалы. Если такъ, то каждый всячески долженъ стараться крѣпко любить добродѣтель и быть ей преданнымъ всецѣло; въ особенности родители должны заботиться, чтобы дѣти ихъ съ самыхъ пеленъ научались добродѣтели; ибо если въ юности они не будутъ напоены добродѣтелію, то погибла для нихъ добрая жизнь, и никакія наслѣдства, никакія богатства не сдѣлаютъ ихъ счастливыми.*). Другой случай относится къ 1778 году. Когда представлены были двое кандидатовъ въ учители реторики, Платонъ далъ на представленіи резолюцію: „Учинить экзаменъ

*) Арх. Троиц. семин. 1771 г. № 20. На этой задачѣ Платонъ написалъ: «Быть реторическимъ учителемъ, притомъ еврейскій языкъ обучать, а жалованья производить 170 руб.».

учителямъ въ прозѣ и стихахъ латинскихъ, а для прозы одну мою проповѣдь перевесть на латинскій языкъ, и оныя specimina ко мнѣ прислать, а между тѣмъ ректору учить и реторикѣ, доколѣ учитель будетъ способный выбранъ; а притомъ ректору въ самой скорости намъ отписать, кого бъ онъ на сторонѣ признавалъ за достойнаго быть учителемъ реторики".

Въ томъ же 1778 году введено было въ употребленіе въ семинаріи „Краткое руководство къ ораторіи россійской" префекта троицкаго Амвросія Серебренникова, которое напечатано было въ этомъ году на счетъ семинарскихъ суммъ. Но книга Амвросія не долго держалась въ семинаріи: ее скоро вытѣснилъ Бургій, который поддерживалъ свою славу до самаго конца существованія семинаріи. Къ концу прошедшаго столѣтія одинъ изъ лучшихъ наставниковъ реторики, Алексѣй (впослѣдствіи Августинъ) Виноградскій, въ своемъ отчетѣ о преподаваніи за два мѣсяца писалъ: „Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ реторикѣ происходило слѣдующее: первыя главы, въ которыхъ говорится о построеніи періодовъ, о тропахъ и фигурахъ, изложены ученикамъ по Бургію съ яснымъ и, по возможности, рачительнымъ толкованіемъ. Но такъ какъ ясное и полное знаніе науки можетъ быть пріобрѣтено не иначе, какъ посредствомъ частаго упражненія, то ученики, которые подъ моимъ руководствомъ узнали правила, упражняли и развивали свой умъ въ практическомъ ихъ приложеніи. Къ сему присоединяемо было тщательнѣйшее объясненіе лучшихъ авторовъ, какъ-то: Цицерона, Плинія и Мурета, и сверхъ того ученики дома внимательно занимались чтеніемъ отличныхъ писателей и оказали въ наукѣ превосходные успѣхи".

Въ 1798 году указомъ св. Синода предписано въ семинаріяхъ, вмѣсто Бургіевой реторики, ввести новоизданную реторику Франциска Лежая. Когда Платонъ потребовалъ отъ ректора Августина и префекта Моисея мнѣнія по сему предмету, они представили такое замѣчаніе: „въ риторическомъ классѣ, по силѣ указа, вмѣсто Бургіевой реторики слѣдуетъ изъяснять новоизданную реторику; однако не благоволено ли будетъ при семъ употреблять и Бургіеву, когда для большаго объясненія потребно будетъ?" Такъ была крѣпка привязанность семинаріи къ авторитету Бургія, по которому учился и училъ самъ ректоръ! Начальство семинаріи изъ увѣренности въ преимуществѣ стараго учебника силится ограничить

обязательность синодскаго указа! Платонъ въ своемъ опредѣленіи далъ реторикѣ Бургія первое мѣсто, какъ книгѣ руководственной, присоединивъ къ ней новую реторику, какъ нѣчто придаточное; мнѣніе начальства семинарскаго онъ поправилъ такимъ образомъ: „Бургіеву преподавать, а для большаго объясненія и дополненія употреблять и новоизданную".

Въ силу того же указа 1798 года открытъ при Троицкой семинаріи классъ высшаго краснорѣчія, въ которомъ должны были въ особые часы обучаться студенты философіи и богословія: предписано было учителю читать рѣчи лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, дѣлая онымъ резолюціи (разборы) логическія и реторическія, и по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи. Относительно этого нововведенія семинарское начальство подало только такое мнѣніе, чтобъ „учителю реторическому называться и писаться въ вѣдомостяхъ учителемъ высшаго краснорѣчія и купно реторики". Платонъ съ этимъ согласился, но прибавилъ: „и какъ философіи и богословіи ученики экзерцируются диссертаціями и проповѣдьми, то ихъ для поправленія и аппробаціи представлять реторики учителю".

Инструкціею 1802 года Платонъ требовалъ, чтобы учениковъ реторики всего болѣе пріучали къ сочиненіямъ: „Само по себѣ разумѣется, писалъ онъ, что объясненія надлежитъ непрестанными примѣрами утверждать, не только учителю въ школѣ при толкованіи, но и ученикамъ задавать, чтобъ они сочиняли по-латыни и по-русски періоды, хріи и большія рѣчи по правиламъ, и на всякой тропъ и на всякую фигуру имѣли бы особые образцы". Въ то же время для домашняго чтенія онъ рекомендовалъ имъ: „Ciceronis de officiis, de senectute et amicitia, consolationem, quaestiones Tusculanas, Cornelium Nepotem, Justinum, Mureti orationes, Faccioati, Paulini, Lactantii opera, epistolas Plinii, Curtii historiam; для россійскаго краснорѣчія: проповѣди Ѳеофановы, Димитрія Ростовскаго, Гедеоновы, Минятіевы, *Платоновы*.

Новая реторика Лежаева не водворилась въ семинаріи. Не прошло и шести лѣтъ со времени изданія синодскаго указа, какъ опять видимъ въ отчетахъ учителей реторики, что они слѣдуютъ своему старому знакомцу — Бургію; въ отзывѣ за февраль и мартъ 1804 года, учитель іеродіаконъ Самуилъ писалъ: „въ тѣ дни, когда по два ученія было, въ ранніе классы

преподаваемы были риторическія *Бургіевы* правила". Тогда же, какъ видно изъ учительскихъ репортовъ, старались дополнять Бургія свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ; читали Лангія о чистотѣ латинскаго языка, а книга Лежая, какъ новость, была переводима понемногу на русскій языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она употреблялась, какъ наказаніе для неисправныхъ учениковъ; такъ, учитель реторики въ отзывѣ за февраль 1808 года писалъ: „за небреженіе о употребленіи латинскаго языка назначаемы были учить отборные періоды изъ реторики Францисковой". Кромѣ Лангія учители руководствовались еще Гейнекціемъ (fundamenta styli cultioris); читали и Квинтиліана, изъ котораго чаще другихъ брали статьи: de oratore, de comparatione Demosthenis et Ciceronis, de pronunciatione, de imitatione. Въ 1812 году, какъ видно изъ донесенія учителя Николая Клементьевскаго (впослѣдствіи Никанора, митрополита новгородскаго), ученіе въ реторикѣ происходило таковымъ порядкомъ: „въ понедѣльникъ, среду и пятокъ (въ мартѣ) преподаваема была большая часть реторики, коей и пройдено до приступа; во вторникъ и четвертокъ занимаемы были ученики исторіею россійскою. Въ поздніе классы переводили по выбору лучшія мѣста изъ стихотворцевъ и ораторовъ. Задачъ въ продолженіе мѣсяца на латинскомъ языкѣ было двѣ, на россійскомъ столько же".

Изъ немногихъ сочиненій ученическихъ, дошедшихъ до насъ отъ конца прошедшаго столѣтія, видно, что риторы при составленіи ихъ прежде и болѣе всего обращались къ общимъ мѣстамъ (loca topica); сюда относились: 1) loca notationis (значеніе имени главнаго предмета въ предложеніи), къ которымъ относились: derivatio, synonimia, aequivocatio и anagramma; 2) loca definitionis et descriptionis, 3) generis et speciei, 4) totius et partium, 5) causarum, 6) effectuum, 7) adjunctorum, 8) circumstantiarum histor., 9) oppositorum, 10) comparationis, 11) exemplorum, 12) testimoniorum.

Смирновъ.

Учебники піитики и реторики въ Тверской семинаріи въ первые годы ея существованія.

Изъ одного уже количества сохранившагося въ Тверской семинарской библіотекѣ учебниковъ піитики видно, что изу-

ченіе поэзіи въ Тверской семинаріи находилось по тому времени въ цвѣтущемъ состояніи съ самаго начала ея, такъ что не даромъ семинарія и впослѣдствіи такъ гордилась процвѣтаніемъ въ ней поэзіи, недаромъ питомцы ея называли свою семинарію „священнымъ Геликономъ, Парнассомъ“ и другими поэтическими названіями. Изъ этого періода исторіи Тверской семинаріи до насъ дошло четыре учебника піитики, написанныхъ на латинскомъ языкѣ, и одна піитика, переведенная съ греческаго.

Всѣ эти піитики носятъ сложныя и заманчивыя названія. Одна изъ нихъ, самая древняя, не имѣетъ заглавнаго листа, но изъ того обстоятельства, что здѣсь помѣщенъ отрывокъ оды Третьяковскаго въ честь императрицы Анны Іоанновны видно, что она написана не позже 1741 года, такъ какъ тогда былъ обычай приводить въ учебникахъ примѣры изъ похвальныхъ одъ въ честь монарховъ, занимавшихъ престолъ и архіереевъ, правившихъ епархіею[1]). Эта піитика носитъ слѣдующее названіе: Phoebus poëticus, Apollineis oraculorum radiis musarum ve jubaris coruscans[2]).

Авторъ вышеозначенной піитики оправдываетъ свое громкое названіе и въ самомъ расположеніи матеріала своего учебника.

Весь научный матеріалъ его онъ раздѣляетъ на три части, которыя онъ называетъ lumina (свѣтила) на томъ основаніи, что было три оракула Аполлона. Каждый lumen онъ раздѣляетъ на нѣсколько radius'овъ (сіяній); каждый radius на нѣсколько jubar'овъ (лучей). Первую часть своего труда (lumen

[1]) Вотъ этотъ отрывокъ изъ оды Третьяковскаго:

Новый годъ начинаемъ,
Радость все ощущаемъ:
Благодать изобильна
Отъ Бога намъ всесильна
Щастіемъ Богомъ данной
Самодержицы Анны.
Въ первыхъ здравіе цѣло
Въ много лѣтъ ей приспѣло,
И желаемъ ей люди
Во вся дни: о, тако буди
Здравіе Богомъ данной
Императрицы Анны.

[2]) Числится по каталогу семинарской библіотеки подъ № 38.

primum) авторъ раздѣляетъ на два отдѣла (radius'a). Въ первомъ отдѣлѣ онъ говоритъ, de origine, natura, utilitate, dignitate, materia, forma, fine et differentia poëmatis, poëtae, poeseos cujusque divisione; во второмъ отдѣлѣ онъ излагаетъ ученіе о тропахъ и фигурахъ. Во второй части этой піитики (lumen secundum) четыре отдѣла (radius'a). Въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ ученіе „de carmine slavonico". Затѣмъ, сказавъ о просодіи, слогѣ, стопѣ (pes) и стихѣ латинскомъ, онъ говоритъ de variis carminum denominationibus eorumque ornamentis ac vitiis in communi. Во второмъ онъ говоритъ о слогѣ и „de variis exercitationum generibus, quomodo quisque poëta suadere potest", при чемъ изложено краткое объясненіе именъ языческихъ боговъ по алфавиту. Затѣмъ онъ говоритъ „de facili brevis sensus amplificatione", разсуждая, между прочимъ, о томъ, „Quomodo sensus sinonimicae sint amplificandi, и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ своей піитики изложеніемъ ученія „de descriptione, comparatione, vituperatione, fabula et imitatione". Въ третьемъ отдѣлѣ (radius) второй части (lumen) своей піитики лекторъ излагаетъ ученіе „de specibus poeseos seu de poesi in particulari". Здѣсь онъ говоритъ de epigrammatica poesi seu epigrammate, de acumine, при чемъ излагаетъ истолкованіе мужскихъ и женскихъ именъ. Потомъ онъ говоритъ „de epitaphio, enigmate, eblemate, symbolo и de carmine hieroglifico". Въ заключеніе онъ трактуетъ de poesi lyrica, epica, bucolica et georgica, satirica, elegiaca et dramatica. Четвертый отдѣлъ второй части авторъ посвящаетъ изложенію ученія „de poesi curiosa". Здѣсь онъ говоритъ: de carmine acrosticho, de carmine, notis musicis exprimendo, de carmine planetis et signis Zodiacis, de carmine parallello simul et quadroto, de carmine echico, arichmetico, cancriso, chronostico, cabalistico, serpentino, labirintico, anaphorico et epiphorico, angelico, leonico, grammatico, climacterico, jocoso, Hipposentico et philomelico. Въ третьей и послѣдней части своей піитики авторъ излагаетъ начала реторики.

Мы по своему образованію и по времени такъ уже далеки отъ вѣрнаго представленія прежней духовной школы, что, не имѣя яснаго представленія о ней, часто имѣемъ очень невѣрныя о ней понятія. Поэтому я и рѣшаюсь дать нѣсколько выдержекъ изъ этой первой по времени піитики Тверской семинаріи. Разсуждая о происхожденіи поэзіи, авторъ отрицаетъ мнѣніе,

что поэзія врождена человѣку самою природою, опирающееся главнымъ образомъ, по его мнѣнію, на томъ, что младенецъ прежде начинаетъ пѣть, а потомъ говорить и на извѣстной поговоркѣ: poëtae nascuntur, oratores fiunt, и приходитъ къ заключенію, что природа безъ искусства и искусство безъ природы не могутъ сдѣлать ничего, и что все совершается при посредствѣ генія, врожденнаго природой и усовершенствованнаго наукой и упражненіемъ. Упомянувъ затѣмъ про мнѣнія ученыхъ, изъ которыхъ одни говорили, что поэзія получила начало отъ Гомера, Орфея, грековъ, македонянъ, Моисея, воспѣвшаго по переходѣ чрезъ Красное море, авторъ устанавливаетъ, что поэзія, получивъ свое происхожденіе отъ Бога, нѣсколько столѣтій собиралась съ силами, пока, наконецъ, ее не прославили Орфей, Гомеръ и Гезіодъ.

Въ трактатѣ о природѣ поэзіи, авторъ, исходя изъ этимологическаго значенія самаго слова (передаваемаго по-латыни глаголами: (facio, fingo et imitor) выводитъ такое опредѣленіе поэзіи, что она есть искусство изложить въ стихахъ какой-нибудь предметъ съ допущеніемъ вѣроятнаго вымысла для пользы и удовольствія слушателей. Въ дальнѣйшемъ разъясненіи этого опредѣленія авторъ устанавливаетъ, что поэзія — наука потому, что, во 1-хъ, она имѣетъ свои опредѣленныя правила и непогрѣшимыя предписанія, установленныя мужами и знаменитыми поэтами; во 2-хъ потому, что она воспѣваетъ въ своихъ стихахъ не только добрыя и злыя дѣла людей, но все сотворенное отъ Бога, и даже самого Бога; въ 3-хъ потому, что поэзія трактуетъ обо всемъ въ стихахъ и этимъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ наукъ, которыя пишутся простою рѣчью (soluta oratione); въ 4-хъ потому, что она все изображаетъ при посредствѣ вѣроятнаго вымысла (verisimilis fictionis), и, наконецъ, въ 5-хъ потому, что она, изображая дѣла людей, или услаждаетъ развязкою произведенія (fine), или приноситъ пользу сообщаемыми ею познаніями. Изъ всего этого лекторъ выводитъ, во 1-хъ, что не всякій, кто пишетъ стихи, снискиваетъ имя поэта, а только тотъ, кто изображаетъ все (res) стихами и при помощи вымысла; кто же пишетъ стихи безъ вымысла, тотъ долженъ быть названъ только версификаторомъ; во 2-хъ, что поэтическій вымыселъ заимствуется изъ области возможнаго подобно тому, какъ живописецъ измышляетъ свой рисунокъ, и

что, слѣдовательно, поэтъ за вымыселъ не можетъ быть названъ лжецомъ.

Въ трактатѣ о поэзіи (jubar tertium) лекторъ устанавливаетъ, что поэзія приноситъ пользу, въ 1-хъ восхваляя славныя дѣянія великихъ мужей, достойныя памяти потомства, какъ, напр., Гомеръ описалъ подвигъ героевъ въ Троянскую войну; въ 2-хъ знакомя съ политикой, такъ что у грековъ, вмѣсто ознакомленія юношей съ политикой, заставляли изучать поэзію, откуда изреченіе: Poeta est magnus politici magister; въ 3-хъ развлекая человѣка во время печали; въ 4-хъ давая знанія и изъ другихъ наукъ, что видно изъ того, что Исидоръ поэтовъ называетъ богословами, а древніе считали поэзію первою философіею; и, наконецъ, въ 5-хъ помогая лучшему устроенію жизни человѣческой, потому что она даетъ пониманіе гражданскихъ и военныхъ дѣлъ.

Въ трактатѣ о достоинствѣ поэзіи (jubar quartum) авторъ говоритъ, что достоинсто поэзіи, очевидное изъ ея пользы, видно и изъ того, что многіе философы, какъ: Линъ, Орфей, Гезіодъ и Гомеръ, утвердили ея превосходство, что многіе св. оо., какъ: Кипріанъ, Григорій Бог., Іоаннъ Дамаскинъ и др., употребляли и стихотворную рѣчь; кромѣ всего этого, достоинство поэзіи видно и изъ того, что она можетъ воспроизводить самое отдаленное прошлое.

Въ трактатѣ о матеріи, формѣ и цѣли поэзіи (jubar quintum) лекторъ говоритъ прежде всего, что въ каждомъ искусствѣ нужно различать двоякую матерію: ближайшую и отдаленную (proximam et remotam), какъ напр., въ искусствѣ ваянія отдаленная матерія — всякій необработанный мраморъ, ближайшая — мраморъ, который посредствомъ дѣйствія оформливается въ образъ человѣка, льва и т. п. Отдаленную матерію поэзіи составляютъ всѣ понятія, входящія въ область возможнаго. Поэтъ можетъ изображать: дѣйствія людей, рѣчи, способности, нравы, страсти, занятія, можетъ писать стихи о высшихъ, естественныхъ, небесныхъ предметахъ, о странахъ, государствахъ, наукахъ, искусствахъ. Отсюда матерія поэзіи — все возможное и вымышленное, словомъ все, что можно допустить, принимая возможнымъ вымыселъ.

Если бы, напр., какой-либо поэтъ сталъ описывать въ стихахъ совѣщаніе животныхъ объ избраніи царя — это и будетъ матерія или предметъ этого поэта. Этимъ поэзія отли-

чается отъ реторики, — ораторъ вращается только въ кругу предметовъ природы. Ближайшую матерію поэзіи составляетъ то, около чего непосредственно вращается поэтъ и что излагаетъ въ стихотворной рѣчи. Форма всякаго искусства различна, поколику матерія одного искусства отлична отъ матеріи другого. Метрическая вѣроятность (metrica verisimilitudo) отличаетъ матерію поэзіи отъ матеріи ораторской и исторической, потому что и ораторъ и историкъ не изображаютъ при помощи вѣроятнаго вымысла и метрической рѣчи, но одинъ краснорѣчиво убѣждаетъ, другой разсказываетъ объ истинныхъ происшествіяхъ; стало-быть, форма поэзіи есть расположеніе и упорядоченіе стопъ (pedum) какого бы то ни было рода по смыслу. Цѣль поэтовъ — поучать, трогать и услаждать при помощи вымысла.

Въ трактатѣ о различіи поэмы, поэзіи и поэта (fubar sextum) лекторъ говоритъ, что сдѣлать это различіе легко. Поэтъ есть авторъ стихотворнаго вымысла или творецъ поэтическаго произведенія. Поэты бываютъ различные: героическіе, лирическіе, трагическіе, эпиграмматическіе и комическіе. Поэзія есть самый вымыслъ или искусство говорить мѣрною стихотворною рѣчью, *или самая поэтическая наука и поэтическія правила*. Поэма, или эпопея, есть описаніе какого-либо героическаго дѣйствія гекзаметромъ съ цѣлью возбужденія любви къ нему и подражанія, или иначе, поэма есть восхваленіе дѣятельности какого-нибудь героя. Такія дѣйствія суть: войны, побѣды, рѣшимость умереть за отечество, истину или за дѣло божіе; они въ поэмахъ разсказываются съ допущеніемъ фабулы для услажденія и пользы слушателей и читателей. Части поэмы суть: praepositio, invocatio, narratio et conclusio. Препозиція есть краткое указаніе сюжета всей поэмы. Инвокація есть обращеніе къ богу и генію съ просьбою о помощи. Инвокація должна быть кратка и ясна. Наррація есть изложеніе самаго предмета или та самая часть, въ которой избранный предметъ, при помощи описанія различныхъ происшествій (eventus) и перемѣнъ, излагается до конца. Конклюзія есть заключительное опредѣленіе взятаго предмета. Достоинства поэмы суть: краткость, ясность и вѣроятіе. Слогъ поэмы бываетъ: низкій, средній и высокій.

Въ трактатѣ о различіи поэзіи (jubar septimum) авторъ дѣлитъ поэзію на натуральную и искусственную (naturalem et

artificialem), на совершенную и несовершенную (perfectam et imperfectam), священную и несвященную (sanctam et profanam). Натуральною поэзія является, когда стихи рождаются вслѣдствіе прирожденнной способности, безъ науки и учителя; она противополагается искусственной. Совершенною называется поэзія, допускающая вымыселъ; а поэзія, не допускающая его, называется несовершенною. Священная поэзія творитъ церковные гимны, псалмы и др. Несвященная описываетъ простые предметы, какъ-то: войны, жизнь царей и др.

Переходя къ изложенію предметовъ, которые авторъ включаетъ во второй радіусъ перваго свѣтила, авторъ говоритъ: „Какъ солнце украшаетъ вселенную, какъ глаза украшаютъ лицо, какъ пища и одежда красятъ жизнь человѣческую, какъ душа украшаетъ тѣло, такъ блескъ троповъ и фигуръ сообщаетъ слову (facundiam) оратора и поэта метафорическій лоскъ и прелесть“. Затѣмъ, онъ опредѣляетъ тропъ, какъ употребленіе какого-либо слова или нѣсколькихъ вслѣдствіе нѣкотораго сходства ихъ по значенію вмѣсто слова, собственно выражающаго это понятіе, и разъясняетъ это опредѣленіе на выраженіи: „цвѣтущая юность“, говоря, что понятіе цвѣсти относится къ травамъ, къ деревьямъ, а юность не цвѣтетъ. Онъ различаетъ 11 троповъ, изъ которыхъ семь обозначаются однимъ словомъ, а остальные четыре требуютъ для своего выраженія большаго количества словъ. Къ первымъ онъ относитъ: метафору, синекдоху, метонимію, антономазію, ономатопейю, катахрезисъ и металепсію; ко вторымъ: аллегорію, перифразисъ, гипербитонъ и гиперболу.

Метафора, по опредѣленію автора, есть перенесеніе слова отъ собственнаго значенія къ несобственному по сходству, напр. Христосъ — левъ. Это слово „левъ“ отъ звѣря переносится на Христа по сходству, потому что имя льва обозначаетъ мужество, чѣмъ обладалъ и Христосъ. Далѣе, онъ различаетъ четыре модуса этого тропа: первый модусъ, когда реченіе отъ одного живого существа переносится на другое, которому оно собственно не свойственно, напр.: человѣкъ лаетъ, левъ гнѣвается, сосна говоритъ и др.; второй модусъ, когда реченіе отъ одного неодушевленнаго предмета переносится на другой, тоже неодушевленный предметъ, которому оно не свойственно, напр.: перуны краснорѣчія, сладкая рѣчь, бренная жизнь, блескъ славы и т. д.

Синекдоха — тропъ, когда отъ одного извѣстнаго названія приходимъ къ пониманію другого названія, напр. въ выраженіи: „поразилъ врага желѣзомъ“, подъ желѣзомъ подразумѣвается мечъ, копье, стрѣла и т. п. Въ синекдохѣ онъ различаетъ 8 модусовъ: первый модусъ, когда часть полагается вмѣсто цѣлаго, напр. крыша вмѣсто дома и др.; второй модусъ, когда одинъ полагается вмѣсто многихъ, напр. врагъ имѣетъ стѣны и т. п.

Метонимія такой тропъ, когда названіе несобственное полагается вмѣсто другого собственнаго названія, ему смежнаго. Метонимія имѣетъ пять модусовъ: первый, когда причина полагается вмѣсто слѣдствія напр.: Нептунъ вмѣсто воды, Вакхъ вмѣсто вина и др.; второй, когда содержащее полагается вмѣсто содержимаго, напр.: знатный домъ вмѣсто фамиліи, кубокъ вмѣсто вина и др.

Антономазія, когда собственное имя употребляется вмѣсто нарицательнаго и нарицательное вмѣсто собственнаго, напр. Иръ внезапно сталъ Крезомъ. Антономазія имѣетъ пять модусовъ: первый модусъ, когда отчество употребляется вмѣсто собственнаго имени, напр.: Пелидъ вмѣсто Ахиллъ, Пріамидъ вм. Гекторъ; второй модусъ, когда прозваніе употребляется вмѣсто собственнаго имени, напр. Богословъ вмѣсто Евангел. Іоанна и т. п.

Ономатопейя есть тропъ, когда какой-нибудь признакъ по сходству переносится на предметъ воображаемый или мыслимый, напр. южный вѣтеръ свиститъ — вмѣсто дуетъ.

Катахрезисъ есть тропъ, когда какому-нибудь предмету, не имѣющему своего (proprii) наименованія (признака) придается чуждый, подобный и близкій по значенію, прзнакъ, напр. тяжелая рѣчь, вмѣсто болѣшая рѣчь и т. д.

Языкъ русскихъ стихотвореній, приводимыхъ въ этой піитикѣ въ видѣ примѣровъ, полонъ полонизмовъ и латинизмовъ. Для образца вотъ два отрывка:

Сколько ни дутца, то быкомъ не бывать лягушкѣ.
Вить больше цѣна въ деньги, нежели въ полушки;
Почто же льву съ зайцемъ въ запуски пускатца,
Тридцати дней февралю во вѣкъ не дождатца.....

Эпитафія.

Въ пивоварнѣ былъ рожденъ, въ кабакы крещенный,
Отъ вина душу изверглъ, въ гною погребенный.

Кто минуетъ его гробъ, изволь сожалѣти,
Буде не можешь и слезъ о такомъ имѣти.

Второй экземпляръ годичнаго курса піитики, сохранившійся въ нашей семинаріи, носитъ слѣдующее названіе: „Idea artis poeticae in Archipraesuleo Slotvinsciano Tferensi Helicone degenti studiosae jnventuti expressa, variis praxibus, seu lugubrationibus publice privatimque institutis illustrata, dum Lux ex coelis terrae respexit in antra (т.-е. 1743 года) publicata mense Novembri feria 1-ma". Этотъ учебникъ раздѣляется на четыре части: 1-я трактуетъ о поэзіи вообще и ея источникахъ; 2-я говоритъ о стихосложеніи, достоинствахъ и недостаткахъ стиховъ, объ изобрѣтеніи и расположеніи ихъ; 3-я говоритъ о видахъ поэзіи и о построеніи искусственнаго стиха; 4-я излагаетъ начатки реторики. Въ этомъ учебникѣ такъ же, какъ и въ предыдущемъ, трактуется о происхожденіи, отличительныхъ чертахъ, матеріи, формѣ, цѣли и пользѣ поэзіи, также излагается ученіе о тропахъ, фигурахъ съ ихъ модусами, о тѣхъ же родахъ стихотвореній (каббалистическомъ напр.); также содержатся сентенціи и краткія свѣдѣнія о богахъ, но языкъ проще, чѣмъ въ предыдущемъ, изложеніе короче яснѣе и больше промѣровъ на русскомъ языкѣ. Въ языкѣ русскомъ примѣровъ ясно видно вліяніе малороссійскаго языка учителей.

Въ этомъ учебникѣ напр. мы находимъ такіе стихи:

Вѣкъ златъ, симъ днемъ данный, будетъ намъ безсмѣнный,
Додоль Митрофаномъ будетъ безотмѣннымъ,
Хранимый постигнеши вѣчности полудень
И явишися Троицѣ драгъ и свѣту всечуденъ[1]).
. . . . . .
Примѣте, музы, примѣте лавръ со листами,
Иже прозябе нашими потами,
Пріемше лаври, сплетше вѣнци полни,
Почіите мало, трудившись дни довольни.
Время престать бряцать громко струны,
Грядете въ покой съ конвоемъ фортуны,
Будите, егда возгремлю, готови
Пастыря дѣлы славити и словы, —

1) Изъ привѣтствія Митрофану.

Видитъ онъ трудъ вашъ, прилежно подъятый
Видитъ на пользу умъ церкви Пернатій[1]).
. . . . . .
Кто небезбѣдно, но мы при покою
Преплыхомъ море хранимы тобою.
Коль тихо мирно — радостны и смѣлы ведро имѣли.
Не страшиша ны сотныхъ трудовъ виды,
Быхомъ Язони твои, Піериды,
Чудно постигши бевъ вѣтра въ Нептуна Златаго руна-
Око пастыря на насъ несмѣрно,
Сердце, огонь, любовь, пламень бѣ къ намъ всеприлежно.
Въ трудѣ съ тобою трудъ благополученъ, здравъ и улученъ.
Убо прошедши путь нашъ безопасно,
Не молчатъ уста съ сердцемъ всесогласно;
Виватъ пастырю, славо музъ, свѣтъ новый, дѣломъ и слови.
. . . . . .

Вотъ еще акростихъ на слова:

„Сердца, не токи пишутъ Ерidана
Слотвинскаго здѣсь имя Митрофана“
Слова стотрубна гремитъ повсягодно
Еже бы имя пастырю природно
Равномѣрными составити словы:
Дѣла бо его толь славни, толь новы
Цѣлому свѣту могутъ быть въ зерцало.
А за что? Онъ есть во Твери начало,
Начало наукъ, помощь церкве...
. . . . . .
Трудъ великаго, трудъ дѣла немала
. . . . . .
Гдѣ присутствіе, гдѣ совѣтъ, гдѣ гласи
Онаго мужа, вездѣ тамъ Парнаси.

Третьимъ учебникомъ нашей семинаріи является „Via, ducens philomusas in Parnassum poeseos, variis solutis et ligatis praeceptionibus strata, sub auspicis illustrissimi, celsissimi Domini Metrophanis, Arhiepiscopi Tferentis et Kaszinensis, in

[1]) Прощальные стихи Аполлона съ музами.

seminario ejus Slotvinsciano ad informationem ortodoxae Roxolanae iuventum patefacta anno 1745 mense Decembri 20 die in annum 1746".

Свой путь на Парнасъ авторъ раздѣляетъ на gradus'ы и шаги.

Содержаніе этого учебника почти такое же, какъ и предыдущихъ, только роды стиховъ нѣсколько уменьшаются, но и здѣсь все-таки находится немало еще стихотворныхъ тонкостей во вкусѣ того времени.

Примѣромъ енигматическаго (ребуснаго) стихотворенія въ честь Митрофана Слотвинскаго служитъ здѣсь слѣдующій стихъ:

Gemina stella, sagitta polique bisornua luna
Praesuleam domum stemmate laurigerant[1]),

выраженный изображеніемъ двухъ звѣздъ, стрѣлы, луны и монаха въ мантіи, идущаго къ дому, изображенному en face.

Встрѣчаемъ здѣсь мы также примѣръ стихотворенія „эхо". Вотъ оно:

Что плачеши Адаме? земнаго края? рая
Чесо въ онь не сходиши, боишься-ли брани? рани.
Не можешь ли внити внутрь сего побѣдно? бѣдно.
Или возбраненъ тебѣ входъ есть Херувими? ими.
Откуду ти дѣется сицева досада? съ сада.
Кто ти въ садѣ снѣдь смертну подаде отъ древа? Ева.
Кто же Еву въ томъ прельстилъ, змѣй-ли вертоградскій?
Адскій
Уже бо сѣешь слезами преступниче поле? Оле.
Отселѣ будеши вся слезами стяжати? жати.
Убо смерти есте вы лютой въ снѣдь преданны? данны.

. . . . . .

Но и въ примѣрахъ этого учебника языкъ стихотвореній еще полонъ латинизмовъ и полонизмовъ.

Аполлинь твой, пастырю, въ лаврѣ зеленѣетъ;
Муза по пути свое щастіе днѣсь сѣетъ,
Видя тебя пастыря не умомъ, но явѣ
(Его же имать всегда за верхъ своей славы)
Цѣла, здрава, счастлива, крѣпка сѣдиною,
Миръ, благословеніе принесша съ собою.

. . . . . .

[1]) Двойная звѣзда, стрѣла, двурогая луна увѣнчиваютъ начальническій домъ.

Твоей святыни пастырю представше,
Неразличній видъ привѣта, ни многій, точію слогій,
Отъ устъ износимъ въ лицѣ сего слова:
Да живетъ въ тебѣ благодать Христова,
Насъ же не лишитъ здрава впредь тя зрѣти многими
лѣти[1]).

. . . . . .

Что есть свѣтъ солнца міру, что цвѣтъ древу, нивѣ
Класъ, то и намъ Митрофановъ приходъ всесчастливый.

Четвертый, сохранившійся отъ этого времени, учебникъ піитики носитъ названіе: „Ars poetica in archipraesuleo Slotvinsciano Tferensi lyceo ad perficiendum studiosae juventutis Roxolanae gentium expressa, variis praxibus tum scholasticis, tum domesticis illustrata anno, cum Deus ac iuvenio nobis ex virgine visus“, т.-е. 1746 г.

Здѣсь расположеніе содержанія уже не то, какъ въ прежнихъ учебникахъ піитики. Здѣсь лекторъ излагаетъ содержаніе піитики въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала авторъ говоритъ „de origine et praestantia poeseos, natura an arte fiunt poetae, de necessitate et utilitate stili, de usu et modo ejus et de variis exertationum generibus“. Далѣе онъ трактуетъ о воображеніи, поэтическомъ слогѣ, тропахъ словъ и мыслей, о фигурахъ словъ и мыслей, о стихосложеніи русскомъ, о поэтахъ героическихъ, о гексаметрѣ, его достоинствахъ и недостаткахъ, о поэтическомъ вымыслѣ, расположеніи эпическаго повѣствованія, правилахъ украшенія его и о паѳосѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ о трагедіи, комедіи и трагикомедіи, о стихахъ трагическихъ, о поэзіи вуколической, элегіи, пентаметрѣ, лирической поэзіи и о эпиграммахъ.

Все изложеніе автора снабжено массой примѣровъ изъ классической поэзіи — изъ Энеиды и Георгикъ Виргилія, Овидіевыхъ Метаморфозъ и т. п., часто съ разъясненіемъ этихъ примѣровъ. Дѣлается даже въ одномъ мѣстѣ сравненіе прозаическаго и поэтическаго разсказа о Лукреціи, для нагляднаго различія поэзіи и прозы (изъ Ливія и Фастовъ Овидія).

Самые трактаты отличаются большею обстоятельностію; изложеніе ихъ, поясненіе примѣрами и раскрытіе ихъ показываютъ большого мастера, но учебникъ этотъ дошелъ до

[1]) Изъ привѣтствія Митрофану.

насъ, къ сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ. Вторую половину этого учебника составляютъ письменныя упражненія одного ученика (подпись: Iohannes Chreptov). Все мѣсто здѣсь занято стихотвореніями русскими и латинскими на всевозможныя темы, съ обычною надписью: Carmina, composita ex hac propositione. Для примѣра выписываемъ нѣсколько темъ, въ которыхъ на первыхъ порахъ давался и планъ изложенія: 1) Не радуется земледѣлецъ такъ утрудженъ отъ зноя сѣнію, какъ бы единакимъ здравымъ многополезнымъ совѣтомъ.

2) Не знали брани, когда злата не имѣли; какъ начали пріискивать злата и въ себѣ содерживать, тотъ часъ возродилися брани, а какъ древяными стаканами еще пивали, о оныхъ неслышно было.

3) Злыхъ дѣлъ и начатка убѣгати надобно: удобѣе есть не начинать зла, нежели престать. Неронъ сначала мухи по стѣнамъ бивалъ; послѣ друговъ убивать началъ; тоже убилъ брата, наконецъ и матерь. Съ малыхъ початковъ такъ великая козрастаютъ, якъ съ малой искры бываетъ пожаръ.

4) Въ человѣческомъ тѣлѣ языкъ наибольшаго береженія требуетъ, какъ въ корабли кормило. Упущено ль съ рукъ малое кормильце? Будетъ судно тамо, гдѣ не хощетъ. Далъ ли еси свободу языку? Скажешь то, о чемъ сожалѣть имашь, да испущенное слово летитъ невозвратно.

5) Море есть житіе наше. Мы плаватели. Не можно, чтобъ не приключилась волна, не можно, чтобъ человѣку не приключилась бѣда.

Здѣсь находимъ мы также много пересказовъ евангельской исторіи въ русскихъ и латинскихъ стихахъ, напр. de vidua и др. Какъ образцикъ самыхъ упражненій, приводимъ начало стихотворенія на тему: Vitia confiteri est sanitatis indicium.

Вотъ оно:

Вси здравіе любятъ, вси его желаютъ;
Паче сокровищъ свѣта жизнь предпочитаютъ.
Но о слѣпоты нашей! Чій языкъ довлѣетъ
Изрещи вся подробно, сколько язвъ имѣетъ
Человѣкъ въ души своей? Вся бо осквернена,
Вся стрѣлы грѣховными лютѣ уязвленна;
Нѣсть уже ни единой здравой части тѣла,
Юже бъ смрадомъ грѣховнымъ какъ не осквернило.

Гдѣ прежняя доброта? Увы вся пропала.
Гдѣ красота, гдѣ слава? Всю ужъ потеряла;
Вся ужъ безобразна, всѣхъ даровъ лишенна,
Нѣту райской одежды, уже обнаженна.

. . . . . .

Кромѣ всѣхъ этихъ учебниковъ піитики на латинскомъ языкѣ въ библіотекѣ нашей семинаріи сохранился еще переводъ піитики, написанной на греческомъ языкѣ. Піитика эта составлена учителемъ старой Новгородской епархіальной школы, іеромонахомъ Іовомъ, и переведена была съ греческаго на русскій учениками греческаго класса подъ наблюденіемъ учителя Ивана Евдокимова. Переводъ этой піитики былъ поднесенъ Иваномъ Евдокимовымъ преосвященному Митрофану въ 1750 году съ приличными посвященіями. Вотъ одно изъ нихъ:

„Архіерейства саномъ украшенный,
Добродѣтельми отовсюду окруженный,
Всѣмъ подчиненнымъ подаетъ ясный свѣтъ
Не отъ давнихъ лѣтъ.

Музы охотно текутъ въ свое дѣло,
Съ востокомъ солнца трудящеся зѣло,
И западъ его онымъ не мѣшаетъ, —
Свѣтъ бо сіяетъ.

Высокостоящъ свѣтитъ всѣмъ обильно,
Равно богатымъ и скуднымъ нескудно,
Ближнимъ и дальнимъ лучи простираетъ
И озаряетъ.

Твой, Пастырю, свѣтъ всѣхъ насъ просвѣщаетъ,
Се тебѣ муза вѣнецъ соплетаетъ.
Живи лѣтъ много, свѣти непрестанно,
Музамъ желанно!“

Предъ началомъ самой піитики помѣщено изображеніе женщины, держащей въ рукахъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Она сидитъ въ комнатѣ; предъ нею стоитъ горящая свѣча и большой букетъ съ цвѣтами, а сверху на нее свѣтитъ солнце, и далѣе слѣдуетъ любопытное стяхотвореніе, изъясняющее эту картину, на греческомъ и русскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „Стихъ антистиконъ, или гликоніонъ на піитику“. Вотъ оно:

„Стихотворна здѣсь наука
Вяжетъ красны цвѣты въ пука,
Дѣла(е)тъ съ простыхъ рѣчей связны
Вирши, стихи, пѣсни разны.
Тѣмъ лаврами ся вѣнчаетъ,
Съ Алмаѳейна та сбираетъ
Рога. Во дни Фебъ на ню зритъ,
Въ нощи свѣча при ней стоитъ.
Фіалъ богатъ со цвѣтами,
Честныхъ вѣнчать дафніами.
Откуду се ей богатство?
Съ пастыревой руки дарство.
Отъ Того свѣтомъ сего лѣта,
Всякимъ тепломъ бѣ огрѣта.
Се Пастырю благодаритъ
И ни за что не постоитъ.
Живи много лѣтъ, Владыка,
Достигая святыхъ лика!“

Піитика эта имѣетъ такое заглавіе:

„Піитика Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, великому господину, преосвященнѣйшему Митрофану Слотвинскому, архіепископу Тверскому и Кашинскому всепокорно приносится отъ семинаріи его“.

Эта піитика сравнительно очень не обширна по содержанію. Въ ней прежде всего говорится о раздѣленіи греческихъ буквъ на гласныя и согласныя и о раздѣленіи гласныхъ, а также о долготѣ и краткости слоговъ, потомъ излагается ученіе о стопахъ, о размѣрѣ стиховъ: героическихъ, элегическихъ, ямвическихъ; далѣе говорится о строфахъ и антистрофахъ, о пѣсни сапфической, стихахъ Анакреоновыхъ и др. Потомъ излагаются грамматическія правила о членѣ, о склоненіяхъ именъ, о мѣстоимѣніяхъ, глаголѣхъ, причастіяхъ, нарѣчіяхъ, предлогахъ, союзахъ, чѣмъ и заканчивается эта піитика. Къ ней приложенъ переводъ подъ заглавіемъ: „Иже во святыхъ отца нашего Григорія еп-па Нисскаго отвѣтное къ Петру брату о шестодневіи“.

И учебниковъ реторики такъ же, какъ и піитикъ, сохранилось до нашего времени нѣсколько экземпляровъ. Изъ этихъ учебниковъ реторики, сохранившихся до нашего времени, пер-

вымъ по времени является „Exemplar artis oratoriae, modos inveniendi, disponendi ac eloquendi in se repraesentans, ad informandos Rossorum animos in seminario Tferensi sub auspiciis Illustrissimi ac Reverendissimi D. Domini Methrophani Slotvinsci Episcopi Tferensis et Kaszinensis, ejusdem seminarii instrauratoris ac protectoris munificentissimi, 1-ma vice expressum. Ex anno, dum vivum exemplar virtutum Christus Dominus de Bethlehemitico antro mortalibus repraesentatum 1741 in annum 1742 dum inchoatu die 7 Octombris".

Расположеніе учебнаго матеріала въ этомъ учебникѣ реторики слѣдующее. Въ первой части своего труда (delineatio) лекторъ говоритъ послѣ опредѣленія науки: „de periodis, amplificatione verborum et rerum, et de inventione propositionis et argumentorum", при чемъ излагается ученіе: de quaestione, statu crinomeno, causa et locis intrinsecis, т.-е. de definitione, enumeratione partium, notatione nominis, conjugatis, genere specie sive forma, similitudine et dissimilitudine, contrariis et repugnantibus, de adjunctis, antecedentibus et consequentibus, de causis et effectibus, de comparatione, et de locis extrinsecis, minus remotis et magis remotis. Далѣе излагается ученіе de inventione argumentorum ex locis Rhetoricis, id est de inventione rationis simplicis et acuminosae. Во второй части своего учебника авторъ говоритъ de dispositione parvae et magnae orationis. Здѣсь лекторъ, изложивъ ученіе о силлогизмѣ и энтименѣ, даетъ правила и примѣры расположенія ораторскихъ рѣчей при ихъ помощи. Далѣе онъ говоритъ de expositione oratoria, atque de prothasi et apodosi; сообщая свѣдѣнія de relinquis modis argumentandi, лекторъ излагаетъ ученіе de inductione, exemplis, epicheremate, sorite et dilemmate. Излагая свое ученіе de modis disponendae magnae orationis онъ говоритъ о расположеніи ораторской рѣчи per chriam et per artem Ciceronis et Plinii; заключаетъ авторъ вторую часть своей реторики изложеніемъ ученія de concionibus, при чемъ говоритъ de modis componendae concionis, litterali, morali et rationali. Третья часть этой реторики содержитъ въ себѣ ученіе de elocutione oratoria communi; здѣсь онъ говоритъ de stylo oratorio, sublimi, medio et infimo, de virtutibus et de ornatu elocutionis per eruditionem, tropos, figuras et affectus. Говоря de elocutione in particulari, лекторъ излагаетъ ученіе de generibus causarum,

demonstrativo, deliberativo et judiciali; далѣе онъ говоритъ: de oratione genethliaca, patroni gratulatione, gratuatoria natalis Christi, novi anni, paschalis, honoris, de oratione valedictoria, de oratione gratulatoria, status matrimonialis, de oratione peritoria, gratiam actoria, de oratione funebri. Излагая далѣе ученіе de elocutione scholastica, онъ говоритъ de encomio, panegyri, praefationibus, dedicationibus, elogio, de varia inscriptione.

Заканчиваетъ авторъ свой учебникъ небольшимъ замѣчаніемъ de memoria et pronuntiatione. Чтобы хотя нѣсколько познакомить съ методомъ сообщенія знаній и самымъ характеромъ ихъ, мы рѣшаемся и на этотъ разъ дать нѣсколько выдержекъ изъ этого учебника въ русскомъ переводѣ. Имя риторики по автору происходитъ отъ греческаго слова ῥέω что значитъ теку или говорю. Она есть наука, учащая хорошо и красиво говорить съ цѣлью убѣжденія; этимъ она отличается отъ другихъ наукъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ.

> Грамматика говоритъ, діалектика учитъ истинѣ, риторика убѣждаетъ, музыка поетъ, ариѳметика считаетъ, астрологія изучаетъ звѣзды.

Риторика бываетъ естественная и искусственная. Естественная есть просто самый свѣтъ природнаго разума; искусственная — способность говорить, выработанная изученіемъ риторики. Искусственная риторика подраздѣляется на учащую (docens) и практически-полезную (utens). Во-вторыхъ она, подраздѣляется на Божественную, человѣческую и героическую, или смѣшанную. Божественная не пріобрѣтается умомъ, а дается милостію Божіей (напр. пророкамъ). Героическая, или смѣшанная, частію почерпается изученіемъ правилъ риторики, частію усовершенствуется Божественнымъ просвѣщеніемъ (у св. отцовъ). Нужно отличать риторику отъ краснорѣчія. Краснорѣчіе есть способность пріятно и убѣдительно говорить о чемъ-нибудь. Риторику составляютъ самыя правила, которыми развивается и направляется эта способность; отсюда реторъ — тотъ, кто изучаетъ правила риторики; а ораторъ,—кто пользуется ими.

Ораторъ можетъ убѣждать тремя способами: уча, трогая и услаждая стройнымъ расположеніемъ и красотою рѣчи.

Ораторское искусство вырабатываестя при помощи природы, науки, упражненія и подражанія.

Періодъ (*Περιοδός*—circumviatio) реченіе, мысль которой начало и конецъ легко могутъ быть схвачены однимъ взглядомъ. Части періода: 1) comma vel incisum; 2) membrum vel colon. Періоды бываютъ собственные и несобственные. Собственные бываютъ: одночленные, двухчленные, трехчленные (tricolos) и четырехчленные (tetracolos). Несобственными называются такіе періоды, въ которыхъ не наблюдается опредѣленнаго порядка и числа членовъ; къ нимъ относятся schinotenes, pneumatica, circumductio, pneuma et thasis.

Amplificatio, или украшеніе рѣчи, есть пріемъ, посредствомъ котораго кратко выраженная мысль раскрывается помощью близкихъ понятій и обстоятельствъ.

Рѣчь можетъ быть украшена посредствомъ синонимовъ, перифраза, опредѣленій, чрезъ образованіе изъ прилагательнаго существительнаго (война гибельна—война приноситъ гибель), чрезъ замѣну одного или двухъ словъ нѣсколькими того же значенія, посредствомъ грамматическихъ падежей, когда извѣстное слово употребляется въ рѣчи во всѣхъ падежпахъ и т. д.

Судя по времени составленія этого учебника реторики, онъ долженъ принадлежать перу знаменитаго Іакова Блонницкаго.

Второй учебникъ реторики, хранящійся донынѣ среди рукописей Тверской семинаріи, имѣетъ слѣдующее названіе:

„Tullius artium liberarium apte excollentium mores humanos Princeps Facundia anno prope elapso diserta et praxibus suis roborata Roxolanae juventuti in gymnasio Tverensi celsissimo sub auspicio Illustrissimi D. Domini Metrophanis Slotvinscy, ejus gymnasii fundatoris munificentissimi, commendatus ex anno, quo rupta aeterni silentii via Divina facundiam parans in exedris mortalium apparuit Orator Deus 1743 in annum 1744 Mense Novembri feria (плодъ досуга) septima Auspicatus sub institutione Magnifici D-ni Professoris Rhetoriceset Poeseos Michael Tychorski“.

Вотъ краткое оглавленіе этого учебника:

Польза краснорѣчія. Опредѣленіе, раздѣленіе, назначеніе и цѣль реторики. Пособія и средства, при помощи которыхъ пріобрѣтается краснорѣчіе. Перечень краснорѣчивыхъ мужей съ указаніемъ ихъ различія (по алфавиту 1-й Аристотель, — послѣдній Іеронимъ). Періоды собственные и несобственные.

Достоинства и недостатки періодовъ. Украшеніе рѣчи. Изобрѣтеніе и предложеніе. Способъ изобрѣтенія и лучшаго выраженія предложенія. Способъ придумыванія доказательствъ. Опредѣленіе. Происхожденіе и значеніе именъ (при этомъ приложенъ списокъ христіанскихъ именъ, кончая Terentius).

Перечисленіе частей. Слова сродныя по этимологическому составу. Родъ, видъ или форма. Сходство и различіе. Противоложность и противорѣчіе. Связь между понятіями. Предыдущее и послѣдующее. Причины и слѣдствія. Сравненіе. Внѣшнія основанія (сужденія). (De locis extrinsecis). Остроуміе.

Расположеніе ораторской рѣчи. Силлогизмъ. Энтимема. Протазисъ и аподосисъ. Наведеніе. Примѣръ. Отдѣлка ораторской рѣчи. Дилемма. Расположеніе большой ораторской рѣчи. Переходы. Способъ расположенія большой рѣчи подобно Цицерону. Проповѣдь. Слогъ (elocutio). Украшеніе рѣчи. Опредѣленіе троповъ и ихъ раздѣленіе. Замѣчаніе о фигурахъ въ словахъ и мыслях. Сентенціи изъ разныхъ авторовъ по алфавитному порядку понятій. Три рода краснорѣчія: восхвалительный или изобразительный, совѣщательный и судебный Названіе, опредѣленіе и раздѣленіе писемъ. Слогъ, достоинства и недостатки писемъ. Способъ составленія важныхъ писемъ. Письма повѣствовательныя. Способъ составленія писемъ оффиціальныхъ. Способъ писанія писемъ секретныхъ. Тайный способъ письма посредствомъ цыфръ.

Третій учебникъ реторики Тверской симинаріи носитъ слѣдующее названіе: „Artis Rhethoricae libri VI informandae gratia Roxolanae juventutis Tferensi in Museo traditi et variis exemplis illustrati. Duce et auspice eminentissimo Domino Domino Mitrophani Archiepiscopo Tferensi Kaszynensi et sacrosanctae synodi Maximo Consiliario, ejusdem Musei conditore ac protectore amplissimo munifecentissimoque. Post reparatam generi humano salutem aeternam anno 1745 in annum 1746.

Въ первой книгѣ этого учебника говорится: de artis Rhethoricae notatione, definitione, materia, fini et officio oratoris de artis ejusdem subsidiis: de lectione librorum, hanc artem juvantium et imitatione. Во второй книгѣ излагается ученіе de amplificatione, de tropis eorumque affectionibus, de figuris verborum et sententiarum, de periodis eorumque eloquentia et usu. Третья книга трактуетъ de inventione; здѣсь авторъ говоритъ: de quaestione, statu quaestionis, causa et cri-

nomino, de argumentis et locis intrinsecis et exstrinsecis de circumstatiis personarum et rerum, de speciali institutione, quomodo ex praedictis locis argumenta erui debent. Четвертая книга излагаетъ ученіе de dispositione in communi et de modis dispositionis. Въ пятой книгѣ трактуется de orationibus, quae vocant officiosas; здѣсь говорится: de gratulatione festorum, tutelaris, sive patroni alicujus, de oratione funebrali. Въ шестой книгѣ излагается ученіе de artificio orationis magnae tam sacrae, quam profanae; здѣсь трактуется: de exordio, propositione, narratione, confiirmatione, confutatione, peroratione et de iis, quae peculiariter duntaxat spectant ad sacram orationem. Въ концѣ этого учебника реторики приложены: praxes et purae elegantes et copiosae latinae linguae phrases, ab Aldo Manutio Pauli filio conscriptae. Этотъ учебникъ реторики принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу Василія Главацкаго.

Четвертый учебникъ реторики носитъ названіе: „Institutiones Rhetoricae, Tferensi in Gymnasio ad tractandum explicandumque Roxolanae juventuti resumptae atque variis exemplis affatim illustratae felicibus sub auspiciis sacralissimae synodi Consiliarii Celsissimi Domini Domini Metrophanis Archiepiscopi Tferensis et Kaszinensis, ejusdem Gymnasii instauratoris ac Nutricii Maximi 1746 года. „Пятый учебникъ реторики носитъ названіе: „Thesaurus, pretioso rerum et verborum pondere superabundans ad thesaurisandos oratorum animos comparatus sub optimis auspiciis perillustris ac maxime Reverendi D. D-ni Metrophanis Slotvinscy, Archiepiscopi Tferensis et Kaszinensis, ejusque Seminario constitutus“, 1751 года.

Не будемъ излагать содержанія послѣднихъ двухъ учебниковъ такъ какъ по существу дѣла содержаніе ихъ очень мало отличается отъ предыдущихъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ учебниковъ реторики, въ библіотекѣ нашей семинаріи сохранился учебникъ реторики, составленный братьями Лихудами, переведенный съ греческаго трудами Ивана Евдокимова и его учениковъ. Эта реторика въ переводѣ Евдокимова носитъ слѣдующее названіе: „Палата царскаго благоязычія или обученія зрѣнія и реторическая размышленія. Толкованіе свѣтлѣйшее всея реторическія силы отъ іеромонаховъ грековъ Іоанникія и Софронія самобратій Лихудовъ, по силѣ издавшееся въ Великомъ Новѣградѣ 1712

года сентября 2-го, нынѣ же по благословенію щедраго отца святѣйшаго правительствующаго синода члена, великаго господина, преосвященнѣйшаго Митрофана Слотвинскаго, архіепископа Тверского и Кашинскаго, въ его епархіальной семинаріи на греко-словянскомъ тщателемъ преподано въ 1751 году". Наверху слѣдующаго листа помѣщено изображеніе en face царскаго дворца, а подъ этимъ изображеніемъ находятся слѣдующія вирши Евдокимова:

Книжица названа „Царская Палата",
Прекрасно убрана отъ чистаго злата.
Въ палаты суть входы, лѣстницы не просты:
Индѣ гладки, индѣ изваяны толсты.
Двери съ порогами, брусы на сторонахъ,
Замки для крѣпости, окна во стѣнахъ,
Полы шахматные покрыты коврами,
Всякими тканями и изъ садовъ цвѣтами.
Трапезы, престолы, вси ту позлащенны,
Поставцы, сосудовъ драгихъ наполненны.
Вся долго счисляти, яже въ домѣхъ царскихъ,
Только дивитися тамъ, какъ въ селѣхъ райскихъ.
Такъ риторскія здѣ мѣста суть якъ двери
Отверзаютъ слово, треба только вѣры.
Періоды, тропосы, фигуры, аффекты
Украшаютъ оно свои діалекты.
Ходящій въ ней тихо все смотритъ прилежно,
Дабы не вотще трудъ нести, но надежно.
Съ таковой палатой никому иному,
Прибѣгаю къ тебѣ, пастырю святому;
Ты ю покрываешь, крѣпко ограждаешь
Всѣми, что потребно, свѣтло наполняешь.
Живи, пастырю, здѣ свято и столѣтно,
Право правя слово правды благолѣпно.
Здѣ тебѣ и въ небѣ пространны палаты,
Духовно дарами отвсюду объяты.

Вслѣдъ за этими виршами помѣщено здѣсь небольшое прозаическое посвященіе Евдокимова слѣдующаго содержанія: „На дѣло сіе хотя и званію моему неприличное, однако же елико къ экзертитаціи учениковъ должное, егда получилъ вашего преосвященства милостивое повелѣніе, а съ тымъ и

благословеніе, чтобы переводить съ греческаго на славенскій діалектъ со учениками сію реторику, абіе геркулесовымъ дерзновеніемъ начахъ сіе съ помощію Божіею совершати дѣло, не взирая ни на какія противности, ниже тщетныя славы желая, ниже большаго награжденія взыскуя, довольствуяся токмо поданнымъ и благославеннымъ отъ вашего преосвященства жалованіемъ. То мнѣ токмо въ дѣлѣ семъ было попеченіе, да сотворю повелѣніе тебѣ, щедраго отца нашего и пастыря, просвѣщающаго свою семинарію различныхъ діалектовъ обученіемъ, и еще да воспомянется во блаженномъ успеніи скончавшихся преосвященнаго Іова митрополита о школахъ тщаніе, такожде и труды учителей нашихъ Іоанникіа и Софроніа самобратій. Имъ убо вѣчная память, а вашему преосвященству многая благополучная и цѣлоздравная лѣта. И тако начатое съ помощію Божіею и совершившееся уже съ благословеніемъ вашего преосвященства сіе риторическое дѣло (написанное всѣхъ трудившихся учениковъ собственными руками) покорно приношу къ стопамъ вашего преосвященства въ призрѣніе и благоразсмотрѣніе. Вашего преосвященства нижайшій рабъ Иванъ Евдокимовъ. Іюля 25 1751 года.

Самая реторика эта послѣ предисловія начинается книгою первою „о стихіахъ риторической силы“. Въ этой книгѣ говорится: „о естествѣ, достоинствѣ и пользѣ риторики или благоглаголанія, о веществѣ риторики, о трегубомъ родѣ взысканій, или предложеній, или винъ, о частяхъ риторики, о обрѣтеніи или о мѣстахъ риторскихъ, о внутреннихъ мѣстахъ (de locis intrinsecis): о опредѣленіи, исчисленіи частей, этимологіи или знаменованіи и о сопряженныхъ, о родѣ и видѣ, уподобленіи и неуподобленіи; противныхъ или противополагаемыхъ, о припряженныхъ или обстоятельствахъ, о предыдущихъ и послѣдующихъ, о противоборимыхъ, о винахъ, о апотелесматахъ; о внѣшнихъ мѣстахъ: о преосужденіи или законѣ и уговорѣхъ прежде суда; о мѣстахъ обще“. Вторая книга этой реторики озаглавливается: „Небо краснословія“. Это „Небо краснословія“ трактуетъ: „о достоинствѣ краснословія, о тропосахъ и схимахъ (фигурахъ) разумовъ (аллигорія, противоположеніе, отвращеніе, прощеніе, правленіе или исправленіе, моленіе или засвидѣтельствованіе, заклинаніе, раздѣленіе, недоумѣніе, изглашеніе, дѣланіе или пребываніе, лѣствица или наращеніе, изображеніе, катара, вопрошеніе, насмѣяніе, дерзновеніе, оста-

вленіе, лицепритворство, молчаніе, размышленіе, подлогъ, прехожденіе). О естествѣ періода, о художествѣ, еже наращати періоды. Приклады періодовъ однокольныхъ (одночленныхъ), двукольныхъ, четверокольныхъ. О изображеніи и образѣ наращенія отъ различныхъ мудрецовъ, о хріи гласной и смѣшенной". Книга третья этой реторики излагаетъ ученіе „о расположеніи и о частѣхъ слова", а именно: „объ общихъ канонѣхъ предсловія, о предсловіяхъ въ показательномъ родѣ, о сущихъ въ совѣтовательномъ родѣ прѣдсловіяхъ, о сущихъ въ судебномъ родѣ предсловіяхъ, о сокращенныхъ предсловіяхъ, о повѣствованіи и его погрѣшеніяхъ, о силлогизмѣ и наведеніи и иныхъ видахъ довода, о надсловіи (эпилогѣ)". Книга четвертая говоритъ: „о веществѣ похвалы или объ оныхъ, ихъ же ради похвала бываетъ (приложено древо слова на владычніи праздники), о похвалѣ отъ человѣка раздѣленныхъ вещей (древо похвальное добродѣтели родственнѣ зримыя и древо похвальное дѣвства и всякія добродѣтели), о художествѣ панигирическаго слова (предсловіе, предложеніе, повѣствованіе, утвержденіе и надсловіе панегирическаго слова); о различныхъ родѣхъ словъ въ похвалительномъ родѣ: о рождественномъ словѣ, ко пріятію коего-либо царя или князя"; этимъ и заканчивается вся реторика Лихудовъ.

Что касается метода изложенія сообщаемыхъ свѣдѣній и самихъ сообщаемыхъ свѣдѣній, то нужно сказать, что и здѣсь часто слишкомъ много вниманія посвящается анализу мелочныхъ оборотовъ искусственной рѣчи, но при изложеніи всѣхъ сообщаемыхъ свѣдѣній все-таки чаще обращается вниманіе на сущность дѣла; самое изложеніе анализа мелочныхъ оборотовъ рѣчи обыкновенно очень коротко, а сущность дѣла и тутъ поясняется больше всего примѣрами, заимствованными въ большинствѣ изъ лучшихъ писателей римскихъ и греческихъ и твореній оо. Церкви. Для примѣра приведемъ нѣсколько выдержекъ: „Тріе убо суть роди винъ", читаемъ мы въ этой риторикѣ, „показательный, совѣтовательный и судебный. Показательнаго убо рода двѣ суть части: похвала явно и гажденіе. Совѣтовательнаго же такожде двѣ части: поущеніе и отвращеніе; и судебнаго подобнѣ двѣ суть: оглаголаніе и отвѣтствованіе. Время показательнаго рода есть не только настоящее, но и прошедшее: понеже убо кійждо можетъ похваленъ или гажденъ быти за та, яже прежде чинилъ, или

за та, яже днесь чинитъ. Время же совѣтнаго рода есть едино будущее, занеже не совѣтуемъ о иномъ развѣ о будущемъ. Время же судебнаго рода есть прошедшее, ниже бо можетъ кто пореченъ быти или отвѣтствовати, развѣ о вещи прежде бывшей[1])". „Части убо риторическія", читаемъ мы въ слѣдующей главѣ, „или свойственная дѣла риторская суть пять, сирѣчь: обрѣтеніе, расположеніе, краснословіе, память и произношеніе. Обрѣтеніе есть еже вымышляти истинныя вещи или же да покажется цвѣтно и достовѣрно тое, еже риторъ тщится показать. Расположеніе есть обрѣтшихся вещей по чину раздѣленіе. Краснословіе есть пристойныхъ глаголовъ къ обрѣтеннымъ вещамъ приличность. Память есть обрѣтенныхъ вещей и глаголовъ твердое воспоминаніе. Произношеніе, наконецъ, есть оная мѣрность тѣла и гласа, ея же обрѣтенныя вещи и глаголы взыскуютъ. Сія убо части риторическія украшатися могутъ естествомъ, художествомъ, обученіемъ и подражаніемъ. Естествомъ зѣло украшается риторика, яже отъ самаго естества многа ищетъ, толико отъ мысли, колико отъ тѣла. Отъ мысли скорая движенія и вины зѣло приличны ко еже обрѣтати, украшати и въ памяти содержати. Отъ тѣла же взыскуетъ крѣпкихъ ребръ, сирѣчь дыханія и силы, гласа полна, языка свободна, приличность и сличность устенъ и всего тѣла. Отъ художества же многа ищетъ риторика, занеже художество совершаетъ тая, яже суть отъ естества, понеже поущаетъ, како требѣ есть всѣмъ вознестися тѣмъ, яже полагаются къ предлежащему нашему концу, являетъ тая, яже обрѣтаются добрая отъ естества и тщанія: и наконецъ творитъ художество, да никогда глаголемъ безъ осмотрѣнія, нехудожнѣ, но да присно будемъ готови. Еще отъ навыканія зѣло устрояется риторика, понеже навыканіе совершаетъ и соблюдаетъ тая, яже художество въ естествѣ украсило. Отъ подражанія, наконецъ, всѣмъ украшается риторика, зане никто же можетъ предуспѣти довольно въ риторикѣ безъ подражанія, но должни мы предложити своему уму нѣкоего крайняго и изящнаго учителя въ силѣ риторической къ подражанію, ему же всѣмъ сердцемъ и разумомъ внимати и оная, яже у него будутъ крайнѣйша и изрядна, да потщимся елика сила

---

[1]) Изъ пятой главы первой части „О трегубомъ родѣ взысканій или предложеній либо винъ".

съ прилежаніемъ изъявити[1])". „Немногшую свѣтлость и украшеніе небо отъ звѣздъ сіяющихъ пространно пріемлетъ, ниже краснословіе отъ схимъ красоту и велелѣпіе", читаемъ мы въ предисловіи къ Небу краснословія". „Звѣзды убо божественными, якоже сице рещи, размышленми одушевлени, своя круги сладчайшею скоростію совершаютъ, но движеніемъ чуждимъ сіяютъ, но не весьма своимъ свѣтомъ: краснословіе же своею свѣтлостію и не яко нищіи, яко же звѣзды, удобряются. Тѣмъ же убо благолѣпіе сіе и украшеніе краснословія, свѣтящееся риторическими стихами, именуемъ, яко Филостратъ, свѣтлѣйшею небесе радостью и какъ бы нѣкоею иконою, знатными и различными свѣты сіяющею[2])".

Изъ содержанія всѣхъ этихъ учебниковъ реторики и піитики нашей семинаріи, сохранившихся до нашего времени, видно, что Тверская семинарія, благодаря неутомимости своего фундатора, съ самаго перваго же времени своего существованія вошла во вкусъ всѣхъ піитическихъ и реторическихъ тонкостей того времени и съ немалымъ успѣхомъ подвизалась на этомъ не особенно плодотворномъ поприщѣ, такъ какъ, по вполнѣ справедливому замѣчанію проф. Знаменскаго, вся эта работа не основывалась „на серьезномъ научномъ анализѣ человѣческой рѣчи", а представляла собою только „сборъ регулъ, цѣлый арсеналъ разныхъ готовыхъ механическихъ пріемовъ, высокопарныхъ фразъ, сравненій, подобій, сентенцій, съ помощію которыхъ риторъ могъ бы безъ особаго затрудненія составить рѣчь на какую угодно заданную тему". Но и на этомъ пути мы должны отмѣтить учебникъ 1745—1746 года, какъ отличающійся самостоятельностью въ обработкѣ педагогическаго матеріала съ цѣлію болѣе сознательнаго усвоенія его учениками. При этомъ Тверская семинарія, благодаря неутомимой дѣятельности Ивана Евдокимова, обладая учебниками старой Новгородской греко-славянской школы, имѣла возможность быстрѣе освободиться отъ массы схоластическихъ тонкостей прежнихъ учебниковъ, что и замѣтно на изложеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Колосовъ.

---

[1]) Изъ главы VI первой части „О частяхъ риторики".

[2]) Изъ предисловія къ II книгѣ риторики.

Юности честное зерцало.

Давно ли стали поучать русскаго человѣка свѣтскому обхожденію и приличіямъ? Давно ли появились тѣ назидательныя руководства, въ которыхъ яснѣе дня излагаются правила, какъ слѣдуетъ благовоспитанному юношѣ улыбаться, зѣвать и сморкать носъ? Кто эти почтенные благодѣтели, наставлявшіе нѣкогда нашихъ предковъ и теперь наставляющіе насъ тайнамъ житейской ловкости и граціи? Безъ нихъ — страшно вымолвить — мы не знали бы, какъ войти въ гостиную, какъ сѣсть въ кресло и протянуть или поджать ноги. Долгъ чувствительнѣйшей благодарности заставляетъ насъ познакомить читателей съ нѣкоторыми сторонами этого любопытнаго предмета и вызвать изъ мрака прошлаго тѣ правила свѣтскости, которымъ учили слѣдовать нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ.

Кто бы подумалъ? суровые и простодушно-грубые люди XVI и XVII столѣтій, боясь зазору и пороковъ, уже подчинялись своимъ особеннымъ *приличіямъ*, хотя и не вѣдали этого слова. „Домострой“ и другое рукописное сочиненіе, къ сожалѣнію мало извѣстное: „Вождь по жизни“, служили имъ въ данномъ случаѣ руководящими кодексами. „Домострой“ уже толкуетъ о вѣжливости: онъ подаетъ благой совѣтъ мужьямъ поучать своихъ женъ плеткой не какъ попало, а *вѣжливенько*, чтобы было и страшно и здорово; „Вождь по жизни“ наказываетъ: „на пиру старой гостьѣ подносить вино при всѣхъ — ей та чара не въ укоръ, а молодую вызвать послѣ обѣда, будто на совѣтъ, да тутъ и подносить въ утай, чтобы безъ зазора было отъ злыхъ людей“... Но мы вовсе не намѣрены вводить нашихъ читателей въ кругъ нравственныхъ убѣжденій до-Петровскаго времени. Всѣ наставленія подобнаго рода, въ силу реформъ Петра Великаго, оказались равно несостоятельными и въ быту семейномъ и въ быту общественномъ. На ассамблеяхъ появились новыя, прежде невиданныя и неслыханныя обыкновенія, заимствованныя изчужи, и получили полное право гражданства. Вмѣсто „Домостроя“ понадобилось иное руководство, иной учебникъ свѣтскихъ приличій, который болѣе согласовался бы съ новыми требованіями.

Въ 1717 году издана въ С.-Петербургѣ книга: *Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собран-*

ное отъ разныхъ авторовъ. Книга эта (какъ видно изъ словъ, припечатанныхъ на заглавномъ листѣ послѣдующихъ ея изданій) составлена „повѣленіемъ его императорскаго величества государя Петра Великаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти“. На первыхъ ея страницахъ находимъ азбуку, склады, нравоученія, выбранныя изъ священнаго Писанія, и цыфирь, то-есть начертаніе цыфръ арабскихъ, римскихъ и церковнославянскихъ; затѣмъ слѣдуетъ самое „Зерцало“. Ясно, что книга назначалась для первоначальныхъ школъ. Неоднократныя ея изданія свидѣтельствуютъ, что долгое время пользовалась она успѣхомъ, читалась, заучивалась и служила дѣйствительнымъ руководствомъ къ познанію житейскаго обхожденія. „Живописецъ“ причислялъ „Юности честное зерцало“ къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя попали на вкусъ мѣщанъ нашихъ и тѣмъ объясняетъ его успѣхъ; но, кажется, вѣрнѣе приписать это обстоятельство учебному назначенію книги. Приведемъ наиболѣе интересные наставленія:

„Наипаче всего должны дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что̀ имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а передъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садиться, и прежде оныхъ не засѣдать. При нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ; не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ въ сторонѣ стоять, *подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга*. — Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумазброды. — Когда родители, или кто другій ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотчасъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: *что изволите, государь батюшка*, или *государыня матушка?* или: *что мнѣ прикажете, государь?* а не такъ: *что, чего? что, какъ ты говоришь, чего хочешь?* и не дерзостно отвѣчать: *да, такъ*, и ниже вдругъ на отказъ молвить: *нѣтъ;* но сказать: *такъ, мой государь, слышу, государь, я выразумѣлъ, государь, учиню такъ, какъ вы, государь, приказали*, а не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ. Но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать“.

„Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ, какъ въ словахъ такъ и въ дѣлахъ, на руку не дерзокъ и не драчливъ; также имѣетъ оной (в)стрѣтившаго, на три шага не дошедъ и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять. Ибо вѣжливу быть на словахъ, и шляпу держать въ рукахъ неубыточно, а похвалы достойно и лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ про котораго: онъ есть спесивый болванъ".

„Молодымъ людямъ при другихъ „на столъ, на скамью или на что иное не опираться, и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется, но стоять прямо. — Неприлично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти, и вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать; но должны тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть. — Младые отроки не должны носомъ храпѣть и глазами моргать, и нижѐ шею и плеча якобы изъ повадки трясти, и руками не шалить, не хватать или подобное неистовство не чинить... ибо такія принятыя повадки младаго отрока весьма безобразятъ и остыжаютъ такъ, что потомъ въ домѣхъ ихъ пересмѣхая тѣмъ дражнятъ. — Никто честно воспитанный возгрей въ носъ не втягаетъ, подобно какъ бы часы кто заводилъ, а потомъ гнуснымъ образомъ оныя внизъ не глотаетъ, но учтиво, пристойнымъ способомъ испражняетъ и вывергаетъ. — Рыгать, кашлять и подобныя грубыя дѣйствія въ лицѣ другаго не чини, или чтобъ другой дыханіе и мокроту желудка, которая востанетъ, могъ чувствовать, но всегда либо рукой закрой, или отворотя ротъ на сторону или скатертію, или полотенцемъ прикрой, чтобы никого не коснуться тѣмъ згадить. — И сія есть не малая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубитъ, или громко чхаетъ, будто кричитъ, и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей или въ церквѣ дѣтей малыхъ пужаетъ и устрашаетъ. Еще же зѣло непристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чиститъ, якобы мазь какую мазалъ, а особливо при другихъ честныхъ людѣхъ".

Когда прилучится молодому шляхтичу или отроку сидѣть вмѣстѣ съ другими за столомъ, онъ долженъ послѣдовать слѣдующимъ правиламъ: „Во-первыхъ, обрѣжь свои ногти да не явится якобы оные бархатомъ обшиты; умой руки и сиди благо-

чинно, прямо, и не хватай первой въ (съ) блюдо (а), не жри какъ свинія, и не дуй въ ушное*), чтобъ вездѣ брызгало, не сопи егда яси... Руки твои да не лежатъ долго на тарелкѣ, ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить — не утирай губъ рукою, но полотенцомъ, и не пій, пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ и ни грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукой прикрой ротъ, когда зубы чистишь; хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжь; ѣшь что̀ передъ тобою лежитъ, а индѣ не хватай. Надъ ѣствою не чавкай, какъ свинья, и головы не чеши; не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже... Около своей тарелки не дѣлай забора изъ костей, хлѣба и прочаго. — Также когда въ бесѣдѣ или въ компаніи случится въ кругу стоять, или сидя при столѣ или между собою разговаривая или съ кѣмъ танцуя, не надлежитъ никому неприличнымъ образомъ въ кругъ плевать, но на сторону. А ежели въ каморѣ, гдѣ много людей, то пріими хархотины въ платокъ, а такъ невѣжливымъ образомъ... не мечи на полъ, чтобы другимъ отъ того не згадить или отъиди для того къ сторонѣ, или за окошко выброси, дабы никто не видалъ, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно“.

Неизвѣстный составитель „Зерцала“ обратилъ вниманіе и на упражненіе въ иностранныхъ языкахъ, необходимость чего особенно сильно чувствовалась въ эпоху Петра, когда впервые настежь отворены были двери иноземцамъ и европейскому образованію. „Младые отроки (совѣтуетъ онъ) должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли... и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать; ибо каждый купецъ товаръ свой похваляя продаетъ, какъ можно“ — и въ другомъ мѣстѣ: „младые отроки, которые пріѣхали изъ чужестранныхъ краевъ и языковъ съ великимъ иждивеніемъ научились, имѣютъ подражать и тщаться, чтобы ихъ не забыть, но совершеннѣе въ нихъ обучатися, а имянно чтеніемъ полезныхъ книгъ и чрезъ обходительство съ другими, а иногда что-либо въ нихъ писать и компоновать, дабы не позабыть языковъ“.

Выписанное нами выше полное заглавіе „Зерцала“ указы-

*) Уха, супъ.

ваетъ, что правила, вошедшія въ составъ этой книги, собраны изъ разныхъ авторовъ; нѣкоторыя статьи и по содержанію своему и по выраженіямъ обнаруживаютъ заимствованіе изъ иностраннаго источника: въ этомъ нетрудно убѣдиться даже изъ сейчасъ приведенныхъ выписокъ. Тѣмъ не менѣе, занесенныя сюда наставленія и правила приличій для насъ любопытны, ибо заимствованный изчужи матеріалъ въ сочиненіи этомъ вовсе не передается въ голомъ переводѣ, а, большею частью, передѣланъ составителемъ сообразно съ мѣстными потребностями, приспособляясь къ тѣмъ особенностямъ русскихъ нравовъ, которыя должны были поражать своею откровенной грубостію и устраненіе которыхъ было главною задачей книги. Самое изложеніе скрѣплено во многихъ мѣстахъ народными пословицами и поговорками; напримѣръ, совѣтуя не ходить на пиры и свадьбы безъ зова, составитель прибавляетъ: „ибо говорится: *кто ходитъ не званъ, тотъ не отходитъ не дранъ*“; совѣтуя строго исполнять обѣщанное, онъ прибавляетъ: „понеже пословица гласитъ: *не молвя слова крѣпись, а давъ слово держись*. А особливо должны шляшетные сіе хранить, оныхъ бо постоянство имѣетъ быть безмѣрно и непремѣнно, а не имѣетъ глупой оной пословицѣ слѣдовать, что говорится: *обѣщать — то дворянски, а слово держать — то крестьянски*“.

„Юности честное зерцало“ оканчивается статьей: „Дѣвическія чести и добродѣтелей вѣнецъ, состоящій въ послѣдующихъ двадесяти добродѣтеляхъ“. Къ этой статьѣ, въ видѣ особыхъ прибавленій, присоединены два краткія разсужденія о дѣвическомъ цѣломудріи и смиреніи. До половины прошлаго столѣтія, если не болѣе, „Зерцало“ имѣло постоянныхъ читателей; послѣ него появились въ разное время другія руководства къ житейскому обхожденію, и всѣ они съ одинаковою ревностію заботились о рѣшеніи важныхъ вопросовъ, какъ сморкаться и куда протягивать ноги. Новые наставники свѣтскихъ приличій болѣе и болѣе вдавались въ разборъ частностей, преслѣдовали каждый жестъ, каждое движеніе, и, наконецъ, опутали жизнь, во всѣхъ ея мелочахъ и случайностяхъ, такими строгими и положительными правилами, что бѣдному *благовоспитанному юношѣ* буквально нельзя сдѣлать ни одного свободнаго шага. Они какъ бы нарочно задали себѣ задачу — уничтожить свободу, простоту и естественность, эти главныя

и необходимыя условія настоящей свѣтскости; формализмъ дошелъ до того, что одинъ рецензентъ, разбирая книгу г. Соколова, подъ заглавіемъ: „Свѣтскій человѣкъ или руководство къ познанію правилъ общежитія“ (С. П. Б. 1847) и выписавъ изъ нея нѣсколько наставленій, какъ держать руки и ноги, пришелъ къ тому заключенію: *житье, подумаешь, безногимъ и безрукимъ въ свѣтѣ!*

Кажется, давно бы пора убѣдиться въ несостоятельности подобныхъ учебниковъ. Книги не научатъ свѣтскому обхожденію, ловкости и граціи движеній, это дѣло опыта и обращенія въ порядочномъ обществѣ. Несмотря на то, на дняхъ появилась новая книга съ тѣми же устарѣлыми претензіями, подъ заглавіемъ: *Истинный другъ духовнаго юноши. Практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ.* С. П. Б. 1858 г. въ 8-ю д. Явленіе въ высшей степени любопытное и назидательное. „Истинный другъ“ не только повторяетъ наставленія, высказанныя въ „Юности честномъ зерцалѣ“, но нѣкоторыми своими положеніями прямо переноситъ насъ въ давнозабытый вѣкъ „Домостроя“ и „Вождя по жизни“. Недавно напечатанное сочиненіе это, по характеру своему, принадлежитъ отдаленной старинѣ. Подобно древнимъ поученіямъ и царскимъ окружнымъ граматамъ XVI и XVII столѣтій, оно вооружается противъ хороводовъ, народныхъ пѣсенъ, игръ, музыки, плясокъ, переряживанья и употребленія табаку (см. §§ 214, 215, 117, 122 и 79); въ изящныхъ произведеніяхъ искусства оно видитъ нечистые вымыслы воображенія и потому не совѣтуетъ читать повѣстей и романовъ, смотрѣть картины и посѣщать театральныя зрѣлища (§§ 182, 71); ибо-де „сценическія представленія, *самыя невинныя,* по опыту и отзыву людей благомыслящихъ (?), сильно напечатлѣваясь въ юномъ воображеніи, надолго оставляютъ въ немъ это впечатлѣніе, невольно занимаютъ его, безпокоятъ, а иногда явно способствуютъ къ его разстройству“.—Не скучай тѣмъ (говоритъ авторъ своему воспитаннику), что ты не наученъ танцовать, шаркать ногою... Хорошо ли, если бы голубь сталъ держать себя ястребенкомъ или какъ сорока?“ Подобно стариннымъ разсужденіямъ *о злонравныхъ женахъ,* „Истинный другъ“ въ красотѣ женской видитъ одинъ только соблазнъ и совѣтуетъ дѣвы не зазирать, а отвращать отъ нея око: „при разговорѣ съ молодыми женщинами и дѣвицами не смотри имъ прямо въ глаза,

чтобы не выразить какой-нибудь нескромности". Живя въ прошедшемъ, онъ совершенно забываетъ, что въ настоящее время уже не считаются мѣстами, и строго приказываетъ: „садись за столомъ *ниже* другихъ" (§§ 116 и 120). На страницѣ 29-й читаемъ слѣдующее наставленіе, весьма близкое къ нравоучительнымъ статьямъ „Домостроя": „Хорошо бы было, если бы, перекрестившись въ постелѣ, ты пріучилъ себя и засыпать съ перстами, сложенными для крестнаго знаменія. Это привлекало бы на тебя въ ночи покровительство Божіе и помогало бы тебѣ и во время сна сохранять благоговѣйное положеніе".

На всѣхъ правилахъ „Истиннаго друга" лежитъ печать формализма, а въ самомъ распредѣленіи ихъ царствуетъ схоластика; вездѣ видно желаніе уловить всѣ житейскія мелочи и связать ихъ извѣстными опредѣленіями. „Не протягивай ногъ далеко отъ стула, говоритъ „Истинный другъ духовнаго юноши", и не прячь ихъ подъ стулъ; неприлично сидѣть, положивши одну ногу на другую; не размахивай руками, не упирайся ими въ бока и не прячь ихъ въ карманъ; но если стоишь, то опусти свои руки, *или пальцы одной руки положи за пуговицы сюртука твоего;* когда же сидишь, держи ихъ на колѣнахъ; не облокачивайся на столъ, не прислоняйся грудью къ столу или стулу твоего сосѣда; не разваливайся на стулѣ и не сгибайся; удерживайся отъ зѣвоты, а если не можешь, то дѣлай это, закрывъ ротъ свой платкомъ или рукою", и проч., и проч.

Не всѣми однако сторонами разбираемая нами книга принадлежитъ старинѣ; нѣкоторыя статьи очень ясно указываютъ, что авторъ наблюдалъ современные нравы хотя одного общественнаго кружка, въ среду котораго наиболѣе удобно было проникнуть его ученой любознательности. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, что правила, изложенныя въ „Истинномъ другѣ", собраны имъ изъ дѣйствительнаго міра, и въ этомъ отношеніи сочиненіе его получаетъ несомнѣнный интересъ. Приведемъ выписки: „Людямъ высшимъ услуживай: подыми платокъ, если онъ уронитъ. Вошедъ въ пріемную къ начальнику, дожидайся, а не выражай нетерпѣнія своего кашляніемъ и подобными знаками. Когда онъ выйдетъ, поклонись; свои руки опусти, ноги не отставляй, по сторонамъ не смотри, *а смотри на его грудь и въ глазахъ своихъ выражай къ нему любовь и довѣренность.* Если начальникъ станетъ говорить

съ тобою (въ обществѣ), то послушай и отвѣчай ему стоя, пока не позволитъ тебѣ сѣсть. Съ высшими говори голосомъ нѣсколько тише, чѣмъ какъ они говорятъ, *и никогда не оспаривай ихъ мнѣній, хотя бы они были противны твоимъ убѣжденіямъ*“ (§§ 86, 88, 116. 135). Не тому поучало „Юности честное зерцало“; оно совѣтовало: „ежели чье мнѣніе достойно и годно, то похвалять, и въ томъ соглашаться; а ежели въ чемъ оспорить можно, то учинить съ учтивостію и вѣжливыми словами и дать свое разсужденіе“. Но времена переходчивы, а люди измѣнчивы; бываютъ и такіе наставники и учители, которые считаютъ за неприличное: смѣть свое сужденіе имѣть.

Аѳанасьевъ.

Письмовникъ Курганова.

Слово великаго поэта, хотя бы мимоходомъ сказанное, вѣско и вліятельно: цѣлыя поколѣнія, воспитывающіяся на его произведеніяхъ, принимаютъ на вѣру его сужденія, повторяютъ его мнѣнія, усвоиваютъ даже тонъ ихъ, — отнесется онъ съ уваженіемъ къ чему-нибудь — это уваженіе переходитъ изъ рода въ родъ, часто не подвергаясь ни малѣйшей провѣркѣ, — посмѣется онъ надъ какимъ-нибудь общественнымъ или литературнымъ фактомъ — и презрительно-насмѣшливое отношеніе къ этому факту удерживается еще легче и провѣряется еще меньше.

Пушкинъ наклеилъ насмѣшливый ярлыкъ на книгу Курганова, и съ тѣхъ поръ не было образованнаго человѣка, который не зналъ бы этой книги по имени, и почти не было людей, губы которыхъ не складывались бы въ насмѣшливую улыбку при одномъ названіи „Письмовникъ“.

Въ недоконченной повѣсти-шуткѣ „Исторія села Горохина“, Пушкинъ говоритъ (не про себя, конечно): „Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, ничего никогда не читали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе „Письмовника“ долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, несмотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя незамѣченныя красоты. Послѣ генерала NN., у котораго ба-

тюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Курганов казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ, и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству: никто не зналъ его лично"... Далѣе авторъ разсказываетъ, какое представленіе составилъ онъ себѣ о Кургановѣ, и какъ, попавъ въ деревню впослѣдствіи, онъ по страсти къ литературѣ, воспитанной въ немъ „Письмовникомъ", упражнялся въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы, пока не надумалъ писать лѣтопись своего села. Читателю дается понять, что вычурный, старообразный стиль и педантически-формальное отношеніе къ литературѣ унаслѣдовано авторомъ лѣтописи отъ „Письмовника" Курганова. „Письмовникъ" является, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ квинтъ-эссенціи старомоднаго литературнаго вкуса.

Очевидно, самъ Пушкинъ „Письмовника" („Новѣйшимъ" онъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изданіи не называется) не читалъ, а развѣ только держалъ въ рукахъ, убѣдился, что въ немъ вовсе нѣтъ образцовыхъ писемъ и дѣловыхъ бумагъ, и что онъ заключаетъ въ себѣ теорію поэзіи и образцы ея, и по году изданія заключилъ о литературныхъ взглядахъ составителя. Разумѣется, мы не имѣемъ никакого права претендовать на Пушкина за такое слишкомъ легкое отношеніе къ почтенной въ своемъ родѣ книгѣ, которая ко времени его дѣтства и юности давно уже перешла изъ гостиныхъ и кабинетовъ въ каморки мѣщанъ и старыхъ дворовыхъ; Пушкинъ оказалъ услугу памяти „Письмовника", обративъ вообще вниманіе на фактъ необыкновенной популярности этой книги въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — книги, которая находилась даже въ такихъ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ никакихъ книгъ не было. Пушкинъ не отнесся къ ней повнимательнѣе, раздѣляя общее предубѣжденіе противъ книгъ, спустившихся въ лакейскія, и столь же общее предубѣжденіе противъ книгъ устарѣлыхъ, особенно понятное въ періодѣ великой литературной революціи.

Предубѣжденіе противъ „Письмовника" Курганова раздѣляли съ Пушкинымъ всѣ литераторы его времени, — всѣ, кромѣ тѣхъ немногихъ, кто читалъ „Письмовникъ" или хоть внимательно перелистывалъ. Вотъ два примѣра иного, болѣе справедливаго отношенія. В. К. Кюхельбекеръ, извѣстный декабристъ и пріятель Пушкина, одинъ изъ образованнѣйшихъ и

умнѣйшихъ (по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи) людей своего времени, получилъ „Письмовникъ“, отсиживая свой срокъ въ тюрьмѣ, прочелъ его и вотъ что записалъ въ свой дневникъ[1]): Письмовникъ „вовсе не такъ дуренъ, какъ я воображалъ; напротивъ, по времени, когда былъ написанъ, можетъ назваться очень порядочною, даже хорошею книгою. И нынѣ можно въ немъ найти довольно много любопытнаго, не говорю уже объ очень полномъ собраніи русскихъ пословицъ, между которыми я нашелъ много мнѣ вовсе неизвѣстныхъ и чрезвычайно замысловатыхъ; но и анекдоты, т.-е. тѣ, которые у него названы анекдотами, а не повѣстями, всѣ почти хороши, по крайней мѣрѣ гораздо лучше большей части печатаемыхъ книгъ“.

Но для того, чтобы рѣшиться прочесть „Письмовникъ“, нужно было сидѣть въ одиночномъ заключеніи или быть присяжнымъ критикомъ журнала. Такой присяжный критикъ отыскался въ 1831 году въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и по поводу новаго изданія „Письмовника“ далъ о немъ весьма благопріятный отзывъ, какъ о книгѣ замѣчательно умной и полезной для своего времени. Если кто виноватъ въ пренебреженіи къ „Письмовнику“ и его автору, то скорѣе современные намъ историки литературы, которые такъ мало обращали вниманія на книгу, воспитавшую цѣлыя поколѣнія, — книгу, безпримѣрную по своей распространенности и вліянію, къ тому же написанную человѣкомъ, далеко не заурядnымъ. Но и ихъ винить нельзя: русская литература второй половины XVIII вѣка, чрезвычайно богатая по содержанію, интересная даже для уразумѣнія главныхъ теченій западно-европейской литературы, у насъ скорѣе затронута, чѣмъ изслѣдована! Жатва обильна, но жателей мало.

Біографія автора „Письмовника“ весьма небогата фактами, да и эти факты не легко очистить отъ ошибокъ. Двѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ, весьма неудовлетворительны: Берхъ, книжка котораго вышла въ 1829 году, пользовался весьма немногими документами и весьма недостовѣрными разсказами младшихъ современниковъ Курганова; г. Колбасинъ отнесся къ своей задачѣ чрезвычайно небрежно и не вѣрно передаетъ факты, почерпнутые имъ изъ книгъ, — можно ли вѣрить сооб-

[1]) Печатался въ „Русской Старинѣ“ за 1875 годъ, тт. XIII и XIV.

щаемымъ имъ преданіямъ? Такъ какъ дѣла прошлаго столѣтія въ архивѣ Морского Министерства не разобраны, я не могъ достать никакихъ бумагъ, касающихся службы Курганова. Къ счастью, Ѳ. Ѳ. Веселаго, извѣстный авторъ „Исторіи Морскаго Корпуса“ и издатель „Описи архива Морского Министерства“, былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя трудъ навести справки, и сообщилъ мнѣ нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, о спеціальныхъ трудахъ Курганова (см. ниже), о достоинствахъ которыхъ я судить не въ состояніи.

Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ въ 1725 году (Берхъ) или въ 1726 году (Колбасинъ); онъ былъ сынъ унтеръ-офицера; воспитаніе получилъ онъ въ Школѣ навигаціонныхъ наукъ, которую основалъ Петръ Великій въ 1701 году. Эта школа долго была излюбленнымъ дѣтищемъ преобразователя Россіи, первой и самой важной изъ всѣхъ спеціальныхъ школъ, въ которыхъ онъ подготовлялъ себѣ сотрудниковъ. Онъ не жалѣлъ на нее денегъ: туда были выписаны три профессора изъ Англіи, и главному изъ нихъ Фарварсону, кромѣ хорошаго жалованья, было назначено 50 фунтовъ стерлинговъ за каждаго успѣшно окончившаго курсъ ученика. Школа сперва помѣщалась за Москвой-рѣкой, а черезъ пять лѣтъ была переведена въ Сухареву башню, гдѣ и оставалась до своего закрытія. Въ 1715 году, когда гавань была переведена изъ Воронежа въ Петербургъ, Петръ основалъ Морскую академію и перевелъ туда Фарварсона. На новомъ мѣстѣ служенія Фарварсонъ сталъ ссориться съ барономъ Сентъ-Илеромъ, но Петръ, повидимому, сталъ на сторону опытнаго преподавателя Навигаціонной школы, и Сентъ-Илеръ въ 1717 году былъ „отпущенъ“. Послѣ открытія Морской академіи, школа Сухаревой башни не закрылась, а стала подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ для академіи. За отъѣздомъ Фарварсона, главной педагогической силой въ ней остался извѣстный составитель ариѳметики Магницкій, у котораго Кургановъ, по всей вѣроятности, и учился математическимъ наукамъ; знаніямъ французскаго языка, ариѳметики и русской словесности Кургановъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ обязанъ профессору (?) Михаилу Васильевичу Попову*).

*) Берхъ, Жизнеописаніе Н. Г. Курганова, стр. 4—5. Здѣсь несомнѣнная ошибка: профессора Михаила Попова не было, а были: въ Москвѣ, — профессоръ

„Онъ училъ меня изъ любви къ отечеству, полагая, что я тому могу быть полезенъ“.

Въ 1739 году математическія науки въ Россіи потерпѣли большой ущербъ вслѣдствіе смерти Фарварсона въ Петербургѣ и Магницкаго въ Москвѣ. Конечно, легче было замѣнить Фарварсона, нежели Магницкаго: за хорошее жалованье въ новую столицу легче было выписать знающаго человѣка, а Навигаціонная школа, послѣ смерти Магницкаго, естественно должна была падать; къ счастію для Курганова, онъ оставался въ ней не долго. Въ 1741 году онъ поступилъ въ Морскую академію, очевидно, съ очень хорошей подготовкой, такъ какъ уже черезъ два года преподавалъ астрономію въ гардемаринскихъ классахъ „и обучалъ дѣтей въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ“ (Берхъ). Въ 1744 году Курганов уже ученикъ „большой астрономіи“, кромѣ содержанія (5 руб. въ мѣсяцъ), получалъ жалованье (2 руб. въ мѣсяцъ) за свои педагогическіе труды въ стѣнахъ академіи. Черезъ два года онъ снова повышается въ должности, его дѣлаютъ ученымъ подмастерьемъ (отъ мастеръ, въ средневѣковомъ значеніи этого слова magister) математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, съ жалованіемъ 180 руб. въ годъ, — такимъ образомъ, онъ изъ ученика старшаго класса превращается въ штатнаго преподавателя, хотя изъ низшаго разряда, въ нѣчто въ родѣ лаборанта или адъюнкта.

Курганов въ то время былъ полезнымъ дѣятелемъ уже не въ одной Морской академіи: въ томъ же 1746 году онъ, вмѣстѣ съ адъюнктомъ Академіи наукъ Красильниковымъ, ѣздилъ въ командировку опредѣлять берега Балтійскаго моря. Въ 1750 и въ 1752 годахъ профессоръ Гришовъ былъ командированъ той же Академіею наукъ для астрономическихъ работъ на островъ Эзель; по его желанію, съ нимъ былъ посланъ и Курганов. Въ 1752 году Морская академія указомъ была преобразована въ Морской корпусъ, куда Курганов былъ

Михаилъ Поповскій, извѣстный переводчикъ Попа и Локка и въ Петербургѣ профессоръ астрономіи Никита Поповъ. Здѣсь же разумѣется, по всей вѣроятности, писатель Михаилъ Поповъ, работавшій вмѣстѣ съ Чулковымъ. О немъ въ словарѣ Новикова сказано: „Поповъ Михайло, коллежскій регистраторъ, при комиссіи сочиненія проекта новаго уложенія, написалъ довольно весьма изрядныхъ стихотвореній и сообщилъ не мало переводовъ“ и т. д. „Nachricht von einigen russischen Schriftstellern“ etc. 1768. („Библ. Зап.“ III, стр. 609 и слѣд.), называетъ его ehemaliger Hofacteur.

„написанъ“ въ той же должности ученаго подмастерья. Трудно было въ то время человѣку изъ незнати пробиваться педагогіей въ офицерскіе чины; но Курганов, очевидно, отличался не заурядными способностями и энергіей. Въ 1756 году онъ получилъ чинъ подпоручика, а въ 1760 — поручика. Раньше этого послѣдняго повышенія онъ началъ свои издательскіе труды: въ 1757 году онъ издалъ составленную имъ „Универсальную ариѳметику“, книгу которой предстояла долгая жизнь и большое распространеніе: она была принята въ Морскомъ корпусѣ и, безъ сомнѣнія, въ другихъ школахъ, гдѣ проходилась математика въ такомъ объемѣ; она вытѣснила хорошую въ свое время, но устарѣвшую ариѳметику Магницкаго. Курганов вовсе не слѣдовалъ примѣру тѣхъ неблагодарныхъ учениковъ-авторовъ, которые въ видѣ рекомендаціи своимъ книжкамъ предпосылаютъ упреки предшественникамъ въ невѣжествѣ и нелогичности; напротивъ, эпиграфъ для своей ариѳметики онъ взялъ изъ книги Магницкаго. Въ 1761 году Курганов издалъ, переведенное имъ, „Новое сочиненіе о навигаціи“ Бугера, которое было переиздано потомъ три раза: въ 1785 году, въ 1798 и 1802 годахъ. Въ томъ же году онъ представилъ въ канцелярію Корпуса новое математическое сочиненіе, которое въ прошеніи своемъ характеризовалъ такимъ образомъ: „собралъ я изъ новѣйшихъ и иностранныхъ изданій книгу, содержащую въ себѣ основательное ученіе геометріи, тригонометріи и геодезіи“; онъ проситъ сочиненіе это напечатать въ количествѣ 600 экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы 500 пустить въ продажу въ пользу Корпуса, а сто предоставить ему въ видѣ авторскаго гонорара. Такъ скромны были требованія тогдашнихъ составителей учебниковъ! Книга эта была напечатана подъ именемъ „Генеральной Геометріи“ въ 1765 году, а онъ былъ пожалованъ чиномъ капитана и произведенъ въ учители. „Генеральная Геометрія“, не въ примѣръ другимъ литературнымъ трудамъ маленькихъ людей XVIII столѣтія и даже не въ примѣръ другимъ книгамъ самого Курганова, посвящена не какой-либо высокой особѣ, а слушателямъ автора. Въ 1767 году начальство Корпуса поручило ему разобрать разныя вещи, накопившіяся за долгіе годы подъ куполомъ Адмиралтейства. 1769 годъ, чрезвычайно важный въ исторіи русской мысли и просвѣщенія, имѣлъ большое значеніе и въ научно-литературной дѣятельности Курганова. Онъ издалъ цѣлыя

двѣ книги: „Грамматику россійскую, универсальную“, превратившуюся впослѣдствіи въ „Письмовникъ“, и переведенные съ французскаго „Элементы геометріи по Евклиду“, которые вскорѣ были приняты въ качествѣ учебника. Вообще, въ это время учебники Курганова были въ большомъ ходу въ мѣстѣ его служенія: по программѣ 1765 года, кромѣ ариѳметики, по его же книгѣ — „Бугеровой навигаціи“ проходятъ астрономію, географію, навигацію плоскую, меркаторскую и круглую. Нельзя думать, чтобы его учебники были въ такомъ ходу вслѣдствіе его служебнаго вліянія: съ 1762 года Морскимъ корпусомъ начальствовалъ Голенищевъ-Кутузовъ, человѣкъ очень образованный, мечтавшій о томъ, чтобы ввести въ курсъ подвѣдомственнаго ему заведенія humaniora; если бы учебники Курганова были изложены варварскимъ языкомъ и не имѣли педагогическихъ достоинствъ, Голенищевъ-Кутузовъ едва ли позволилъ бы сдѣлать ихъ обязательными. О „Письмовникѣ“ мы будемъ говорить ниже, а теперь покончимъ съ службой и научными сочиненіями Курганова. Въ маѣ мѣсяцѣ 1770 года капитанъ Кургановъ за переводъ съ англійскаго книгъ Саверьени „О счисленіи ходу корабля“ и Гариса „О часахъ для счисленія времени на морѣ“ и за календарь „съ астрономическими и эфемеридными табелями“ получилъ въ награду сто рублей. Въ 1771 году зданіе Морского корпуса сгорѣло, и онъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, гдѣ кадетамъ было удобно практиковаться въ своей спеціальности, но гдѣ, вдали отъ столицы, двора и даже отъ главныхъ своихъ начальниковъ — Голенищевъ-Кутузовъ не счелъ возможнымъ переѣхать въ Кронштадтъ, посѣщалъ корпусъ сравнительно рѣдко, такъ что къ его пріѣзду офицеры подготовляли кадетъ — воспитанники дичали, и нравы ихъ грубѣли, какъ видно, между прочимъ, изъ статьи Мельницкаго: „Адмиралъ Рикордъ и его современники“ („Морской сборникъ“ 1856 г., ч. 2-я). Кургановъ, который во время пожара, какъ пишетъ самъ въ своемъ прошеніи, лишился домишка въ 16-й линіи, былъ назначенъ исправлять должность инспектора классовъ. Повидимому, начальство поручило ему эту должность не потому, что считало его безусловно способнымъ къ ней, а за неимѣніемъ лучшаго, такъ какъ не всѣ служащіе въ Морскомъ корпусѣ согласились оставить столицу и переселиться въ Кронштадтъ; насъ убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что черезъ четыре

года, въ 1775 г., Кургановъ былъ отставленъ отъ должности инспектора и остался только профессоромъ. Но особыхъ провинностей на этомъ административномъ посту за нимъ не оказалось, судя по тому, что онъ, въ 1772 году, былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и при оставленіи должности инспектора ему была объявлена благодарность въ приказѣ. Онъ и во время инспекторства не оставлялъ своихъ литературно-ученыхъ трудовъ: въ 1773—1774 годахъ онъ издалъ переведенныя съ французскаго книги: „О точности морского пути“ и „Наука морская“ [1]), въ предисловіи къ которой онъ бранится стихами со своими будущими критиками [2]). Въ томъ же 1774 году, 7-го марта, ему былъ выданъ патентъ отъ Академіи наукъ на званіе профессора, который мы здѣсь приводимъ цѣликомъ:

„Симъ свидѣтельствуемъ, что находящагося въ Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ учителемъ, правящаго дѣйствительно должность профессора высшей математики и навигаціи, господина маіора Николая Курганова, по усмотрѣнію нашему, въ разсужденіе достаточнаго въ тѣхъ наукахъ знанія, и уважая его похвальные труды въ искусномъ сочиненіи и переводахъ многихъ полезныхъ учебныхъ, къ помянутымъ наукамъ принадлежащихъ, книгъ, признаваемъ за человѣка ученаго и достойнаго быть дѣйствительнымъ профессоромъ оныхъ наукъ“.

Подписали: профессоръ И. Эйлеръ.
Профессоръ С. Кательниковъ.

Берхъ увѣряетъ, что Кургановъ получилъ этотъ патентъ по экзамену; этого не видно изъ самаго текста, да и трудно представить себѣ, какимъ образомъ можно было экзаменовать секундъ-маіора, о знаніяхъ котораго свидѣтельствуютъ его книги и прежнія работы въ сообществѣ съ членами Академіи? Съ этихъ поръ Кургановъ былъ матеріально обезпеченъ: жалованья получалъ онъ 700 руб. и 200 руб. добавочныхъ за классъ морской тактики; по тогдашнему времени это было содержаніе

---

[1]) „Наука морская, сирѣчъ опытъ о теоріи и практикѣ управленія кораблевымъ и военнымъ флотомъ“. Оригиналъ напечатанъ во Франціи въ 1765 году; русскій переводъ посвященъ наслѣднику престола. (Берхъ, стр. 14.)

[2]) Охота въ васъ дѣла чужія порицать
Понудила перо противъ васъ изощрять;
Нѣтъ въ васъ къ трудамъ любви, слѣпа любовь къ самимъ,
Теряете свою, отъемля честь другимъ и пр.

очень хорошее, въ особенности для человѣка, такъ мало избалованнаго въ молодости. Если прежніе ученые труды Курганова можно было мотивировать желаніемъ выбраться въ люди, добиться *приличнаго* общественнаго положенія и оклада, то послѣдующія его работы ясно доказываютъ, что это былъ не единственный и даже не главный мотивъ, такъ какъ Кургановъ и теперь издаетъ книжку за книжкой. Въ 1777 году онъ напечаталъ книгу „О наукѣ военной“[1]), въ предисловіи къ которой высказываетъ замѣчательную литературную откровенность. „Г. читатель!—говоритъ онъ въ самомъ началѣ — здѣсь ничего нововыдуманнаго мною нѣтъ, что мудрецы называютъ сочиненіемъ, а все старое, потому что издано преложеніе изъ разныхъ иноземныхъ книгъ“. Далѣе онъ разъясняетъ, что взялся за эту работу по необходимости, такъ какъ прежнія руководства устарѣли. Указавъ на главныя свои пособія и изложивъ планъ своей книги, онъ пользуется случаемъ, чтобы высказать свою ненависть къ педантскому способу обученія, при чемъ ссылается на любимую свою книгу: „Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества“ (1774 г.).

Книга Курганова посвящена начальнику корпуса, вице-адмиралу Голенищеву-Кутузову; но въ этомъ скромномъ, свободномъ особенныхъ восхваленій, на которыя такъ были щедры литераторы и переводчики XVIII вѣка, посвященіи нельзя видѣть желанія выслужиться, а лишь покорность обычаю и проявленіе чувства благодарности къ умному и гуманному начальнику, съ которымъ Кургановъ имѣлъ, кромѣ того, и частныя отношенія: судя по тому, что 3-е изданіе своей ариѳметики онъ посвятилъ сыну Кутузова, едва ли послѣдній не былъ его ученикомъ.

Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Кургановѣ есть только хронологическій перечень наградъ, имъ полученныхъ, и его изданій.

Въ 1784 году онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, въ 1785 году получилъ владимирскій крестъ. Въ 1790 году онъ напечаталъ „Пополненіе къ Бугеровой наукѣ мореплаванія“

---

[1]) На второмъ листѣ напечатано другое заглавіе: „Книга Морской Инженеръ, т.-е. ѳеорія и практика о укрѣпленіи напольныхъ и приморскихъ мѣстъ, о защищеніи флотовъ въ укрѣпленныхъ гаваняхъ“ и пр.

и занялся 4-мъ изданіемъ „Письмовника“, между прочимъ, чтобы сдѣлать его непохожимъ на контрафакцію, вышедшую въ 1788 году. Въ 1791 году произведенъ онъ въ подполковники, а въ 1792 году, когда Морскому корпусу былъ подаренъ государыней ораніенбаумскій дворецъ и всѣмъ служащимъ были увеличены оклады, Николай Курганов былъ сдѣланъ инспекторомъ. Теперь отправленіе этой должности требовало еще большей энергіи и бо́льшаго искусства, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, такъ какъ съ 1783 г., вмѣсто 360 учениковъ, въ корпусѣ полагалось 600[1]); но начальство лучше узнало и оцѣнило Курганова, и онъ оставался инспекторомъ до самой смерти.

Въ 1794 году онъ вновь издалъ свою ариѳметику, при чемъ, какъ пишетъ въ предисловіи, „по совѣту добраго человѣка, купца Ивана Петровича Глазунова“, рѣшился откинуть всѣ позднѣйшія измѣненія и добавленія и повторить первое изданіе 1757 года. Въ 1796 году, отпечатавъ 6-е изданіе своего „Письмовника“, онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду. Женѣ его была назначена пенсія.

О дѣтяхъ Курганова имѣются только крайне скудныя свѣдѣнія: одинъ изъ біографовъ увѣряетъ, что всѣхъ его дѣтей крестилъ Михаилъ Вас. Поповъ, другой (Колбасинъ) упоминаетъ только объ одномъ его сынѣ Петрѣ, предававшемся излишеству въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ и бывшемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія субъ-инспекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Я справлялся о немъ черезъ проф. А. С. Лебедева въ архивѣ университета. Помощника инспектора Курганова не оказалось, но былъ Курганов, имя не обозначено, преподаватель военныхъ наукъ, аттестованный при опредѣленіи его на эту должность (въ 1806 г.), какъ „испытанный въ математическихъ наукахъ, а также довольно знающій и рисовальное искусство“; чиномъ онъ былъ капитанъ 2-го ранга. Послужной списокъ его пропалъ. Какое же представленіе можемъ мы составить объ авторѣ знаменитаго „Письмовника“ на основаніи этихъ скудныхъ біографическихъ свѣдѣній и преданій, сообщенныхъ г. Колбасинымъ? Что Николай Гавриловичъ Курганов былъ человѣкъ выдающихся спо-

[1]) Послѣ шведской войны думали комплектъ ихъ довести до 1000 человѣкъ, но это не состоялось.

собностей и рѣдкой энергіи, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; пробить себѣ такую дорогу безъ особенныхъ связей, безъ знатныхъ покровителей не могъ умъ заурядный. 15-лѣтній унтеръ-офицерскій сынъ прибылъ въ Петербургъ съ такой научной подготовкой, которая давала ему право надѣяться или на должность мастера не въ тогдашнемъ, а въ современномъ значеніи слова, или при благопріятныхъ условіяхъ на первый офицерскій чинъ во флотѣ. Въ вѣкъ безусловнаго господства иностранцевъ или ихъ учениковъ въ русской наукѣ, Курганов, ученикъ Магницкаго, избираетъ ученую дорогу. Онъ отлично понимаетъ, что безъ знанія языковъ ничего невозможно сдѣлать, и устремляется за этимъ знаніемъ съ огромной затратой не только своихъ неисчерпаемыхъ силъ, но и съ затратой своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ. Результатъ извѣстенъ: онъ не только овладѣлъ четырьмя языками (французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и латинскимъ), но, реалистъ по воспитанію и по природнымъ склонностямъ, онъ пріобрѣлъ филологическую сноровку и вкусъ къ филологическимъ занятіямъ, какъ это показываетъ его универсальная грамматика. Говорятъ, бѣдность закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его стойкимъ въ борьбѣ; это вѣрно: при равныхъ условіяхъ, юноша, дѣтство котораго протекло въ наемномъ углу, или въ мѣщанскомъ домишкѣ, легче достигнетъ первой цѣли, окончанія курса и независимаго положенія, нежели дитя достаточной семьи; но зато люди, не испытавшіе бѣдности, и представить себѣ не могутъ, какъ трудно удержаться отъ искушенія отдохнуть на лаврахъ послѣ дорого купленной побѣды. Молодой Курганов, получавшій около 200 рублей жалованья, имѣвшій уроки въ „знатныхъ домахъ“, не разъ бросаетъ покойный Петербургъ и знатные дома, чтобы ѣхать то по берегамъ Балтійскаго моря, то на островъ Эзель, гдѣ ему, какъ маленькому подначальному человѣку, конечно, приходилось и нужду терпѣть, и видѣть, какъ за его труды награждали другихъ. Но Курганов, очевидно, имѣлъ благородную страсть къ работѣ, которая съ годами и съ увеличеніемъ средствъ, какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ, не слабѣла, а, напротивъ, крѣпла.

Сдѣлавшись преподавателемъ Морского корпуса, Курганов медленно, но вѣрно подвигался впередъ; но это движеніе нельзя сравнивать съ тѣмъ правильнымъ, безпрепятственнымъ дви-

шинство такихъ самородковъ кончаетъ жизнь подъ заборами, не додѣлавъ дѣла; другіе, болѣе сильные, успѣваютъ проложить себѣ дорогу, но далеко не столь широкую, какъ этого можно было бы ожидать по ихъ способностямъ и энергіи; да и на этой дорогѣ, давая волю своему чудачеству, они отталкиваютъ отъ себя людей и представляются не столько полезными дѣятелями, сколько образчиками русской самобытной, но не культивированной силы; передъ этой силой благоговѣютъ патріоты извѣстнаго пошиба, но большинству она скорѣе внушаетъ жалость, чѣмъ удивленіе.

Г. Колбасинъ представляетъ Курганова человѣкомъ огромнаго роста, грубымъ по виду и по обращенію, въ какомъ-то архалукѣ съ металлическими крючками, въ красномъ плащѣ, съ толстой дубиной въ рукѣ. Онъ держался вдали отъ общества, жилъ по-своему, сильно работая и сильно пьянствуя. Кадеты прозвали его „шкивидакомъ“ — такъ называютъ матросовъ, нанимающихся на частную службу.

Анекдоты, приводимые Колбасинымъ о томъ, какъ Курганова прогналъ отъ себя Эмина, который пришелъ съ нимъ знакомиться послѣ изданія „Письмовника“, какъ онъ отзывался о своихъ сочиненіяхъ — „Это пустяки! такую ли еще книжонку можно написать!“ — изображаютъ его исключительно чудакомъ, не особенно симпатичнымъ.

Такой портретъ Курганова не совсѣмъ сходится даже съ тѣми скудными біографическими свѣдѣніями, которыя приведены нами выше. Положимъ, что на святой Руси возможно встрѣтить людей, которые, пьянствуя полстолѣтія, сохраняютъ до конца жизни всю силу умственныхъ способностей; но трудно допустить, чтобы образованный и гуманный Голенищевъ-Кутузовъ держалъ профессоромъ, а потомъ слѣлалъ инспекторомъ, такого пьянаго чудака. Еще труднѣе представить себѣ, какимъ образомъ въ франтоватый екатерининскій вѣкъ могъ быть терпимъ подполковникъ, постоянно ходящій въ красномъ плащѣ, съ толстой дубиной. Да и вообще свѣдѣнія, сообщаемыя г. Колбасинымъ, становятся подозрительными, когда мы рядомъ съ этими „сказаніями очевидцевъ“ читаемъ, что Курганов въ анекдотахъ своего „Письмовника“ пишетъ сатиру на вельможъ екатерининскаго времени или изображаетъ собственную неприглядную судьбу, тогда какъ намъ хорошо извѣстно, что эти анекдоты только переведены Кургановымъ.

Къ счастью, мы имѣемъ другой портретъ Курганова, портретъ, написанный не словами, — разумѣю рисунокъ перомъ, сдѣланный въ 1789 году кѣмъ-то изъ слушателей Курганова, воспроизведенный въ книгѣ Ѳ. Ѳ. Веселаго. Этотъ портретъ, хоть и сбивается на добродушную карикатуру, вполнѣ подтверждаетъ то, что сказано выше о недостовѣрности сообщеній г. Колбасина.

Передъ нами человѣкъ въ форменномъ кафтанѣ (а не въ архалукѣ), съ пуклями и съ косой, съ сильно развитымъ лбомъ, съ крупными энергическими чертами лица, съ чѣмъ-то въ родѣ иронической усмѣшки на крупныхъ губахъ; въ рукѣ онъ держитъ книгу собственнаго изданія. Подпись — навигаторъ, обсерваторъ, астрономъ, морской ходитель, корабельный водитель, небесныхъ звѣздъ считатель — плодъ кадетскаго остроумія — свидѣтельствуетъ о томъ страхѣ, который питали къ великой учености Курганова, можетъ быть, о его страстишкѣ похвалиться этой ученостью, но мы знаемъ, что такая похвальба вовсе не была пустымъ хвастовствомъ. Во всякомъ случаѣ, ни изображеніе ни подпись не имѣютъ ничего общаго съ медвѣдеподобнымъ чудакомъ въ красномъ плащѣ и съ дубиной въ рукахъ и ничѣмъ не противорѣчатъ фактамъ біографіи Курганова, честнаго и усерднаго дѣятеля, 50 лѣтъ съ огромной энергіей и важными результатами поработавшаго на пользу русскаго просвѣщенія. Въ Курановѣ особенно симпатичны двѣ черты: неустанное трудолюбіе и прямота характера, поразительная для человѣка, который долженъ былъ бы выслуживаться въ Петербургѣ того времени. Конечно, это черты природныя, но, пожалуй, онѣ не сохранились бы въ такой чистотѣ и не развились бы до такой степени, если бы Курганову пришлось пробивать дорогу въ иномъ вѣдомствѣ, а не среди моряковъ. Въ морякахъ даже и теперь, при всей силѣ нивелирующей культуры, пріятно поражаютъ обѣ эти черты, такъ сказать, разлитыя въ массѣ, пропитывающія все сословіе. Огромная важность науки въ ихъ дѣлѣ заставляетъ ихъ трудиться для ея пользы и уважать всѣ ея отрасли. Опасности во время плаванія, сплоченность человѣческой семьи на небольшомъ кускѣ дерева развиваютъ въ нихъ простоту въ обращеніи, отсутствіе чванства, фатовства, уваженіе къ человѣческому достоинству и дружелюбную откровенность. Понятіе объ интригѣ — хотя, конечно, и тамъ, какъ и во всякомъ человѣ-

ческомъ обществѣ, бываютъ интриги — какъ-то плохо вяжется съ понятіемъ о морской службѣ и о кружкѣ моряковъ. Строгая дисциплина во врмея работы, огромная власть начальника и товарищескія отношенія съ тѣмъ же самымъ начальникомъ въ каютъ-компаніи, отсутствіе невѣждъ и трусовъ, жизнь на виду у всѣхъ, рѣзкіе переходы отъ нужды и опасностей къ изобилію и полной свободѣ и, можетъ быть, больше всего этого продолжительное удаленіе отъ большихъ центровъ, жизнь лицомъ къ лицу съ природой и со смертью придаютъ обществу морскихъ офицеровъ нѣчто симпатичное, особенно рѣзко бросающееся въ глаза тому, кто въ первый разъ заглянетъ въ это общество или войдетъ въ сношенія съ нѣсколькими его представителями. Эти симпатичныя черты морского общества услаждали долгіе досуги русскихъ литераторовъ, какъ, напримѣръ, г. Григоровича и г. Гончарова во время ихъ кругосвѣтныхъ плаваній. Если моряку приходится перемѣнить родъ службы и даже взяться за дѣло, къ которому онъ очень мало приготовленъ (что у насъ бывало сплошь и рядомъ), онъ можетъ надѣлать массу ошибокъ, можетъ проявить вовсе не симпатичныя стороны своего личнаго характера, но уваженіе къ наукѣ, къ труду и прямота, отсутствіе фальши, ненависть къ интригѣ у него остаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Примѣромъ этого можетъ служить извѣстный министръ народнаго просвѣщенія и литераторъ Шишковъ, почти такъ же много, какъ и Кургановъ, потрудившійся надъ наукой о морскомъ дѣлѣ.

Еще разъ повторяю: развитіемъ двухъ великихъ достоинствъ — прямоты характера и любви къ научному труду, Кургановъ, какъ и Шишковъ, мнѣ думается, многимъ обязаны тому кружку, въ которомъ пришлось имъ дѣйствовать. Но этотъ отрадный духъ сословія стоитъ въ зависимости не только отъ условій жизни, на которыя указано выше, но и отъ традицій, отъ взглядовъ, которые передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. А такими хорошими традиціями нашъ флотъ обязанъ не только своему великому основателю — какой безумный порицатель можетъ отказать Петру въ прямотѣ характера и въ уваженіи къ научному труду! — но и тѣмъ скромнымъ, сравнительно съ нимъ безвѣстнымъ труженикамъ, которые въ слѣдующихъ поколѣніяхъ поддерживали традиціи своимъ примѣромъ. Въ ихъ рядахъ не послѣднее мѣсто занимаютъ и Кургановъ, и Шиш-

ковъ, и люди, еще нынѣ работающіе на пользу русской морской науки.

Первое изданіе знаменитаго „Письмовника“ Курганова, вышедшее въ 1769 году, не называется письмовникомъ; книга носитъ заглавіе: „Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей“. Эпиграфъ выставленъ латинскій: Clericos es! legito haec, Gaicus, legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles. D. Collis.

Если исключить слово libenter, получится правильный дистихонъ. Виньетка перваго изданія изображаетъ тритона, что указываетъ на мѣсто служенія Курганова, а, можетъ быть, въ то же время и на типографію морского вѣдомства.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ рядъ изреченій мудрецовъ о значеніи грамматики. Книга начинается съ „Приношенія читателю“, подписаннаго иниціалами Н. К. За нимъ слѣдуетъ Предисловіе, въ которомъ авторъ разъясняетъ, что онъ взялся не за свое дѣло по необходимости, а именно, начавъ учить дѣтей своихъ грамматикѣ, усмотрѣлъ, что прежде изданная очень трудна для пониманія юношества, потому задумался составить свою. Затѣмъ слѣдуетъ оглавленіе; за нимъ „Краткій повѣстный лѣтописецъ“, оканчивающійся 1752 годомъ, годомъ основанія корпуса; а затѣмъ начинается самая грамматика.

Грамматика изложена очень ясно и съ большимъ педагогическимъ тактомъ, хотя и не приспособлена къ пониманію дѣтей. Авторъ ея рѣзко отличаетъ славянскій языкъ и формулы отъ русскихъ, пользуется параллелями изъ малорусскаго, цитируетъ распространенныя въ то время книги и журналы, вообще популяризируетъ грамматику Ломоносова, приспособленную только для пониманія хорошихъ студентовъ-классиковъ.

Первое присовокупленіе состоитъ изъ довольно большой коллекціи русскихъ пословицъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Второе и самое важное, болѣе всего способствовавшее успѣху грамматики, присовокупленіе называется: „Краткія замысловатыя повѣсти“, въ числѣ 321. Николай Курганов (ниже, на стр. 185) самъ заявляетъ, что онѣ почти

всѣ переведены съ иностраннаго, такъ что большой оригинальности искать въ нихъ нечего и еще съ меньшимъ правомъ можно видѣть въ нихъ важный памятникъ для исторіи сатиры въ вѣкъ Екатерины II, какъ это дѣлаетъ г. Колбасинъ. Нѣкоторыя изъ замысловатыхъ повѣстей, напримѣръ №№ 17, 120, 130, отличаются изрядным неприличіемъ; послѣдній, такъ же какъ и № 154, выкинутъ изъ послѣдующихъ изданій, можетъ быть, изъ опасанія духовной цензуры: нѣкоторыя переданы далеко не удачно, напримѣръ №№ 36, 42, 81, 113, 204 и пр. Нѣкоторые анекдоты, напримѣръ 31, 36 и другіе, даже мало понятны, зато во многихъ другихъ, напримѣръ въ №№ 47, 70, 100 и проч., какъ это чувствуется и при первомъ чтеніи, французское острословіе очень коротко и сильно передано порусски[1]). Многіе изъ этихъ заимствованныхъ съ иностраннаго анекдотовъ, до появленія „Письмовника“ Курганова, имѣли многовѣковую жизнь; иные пришли въ Европу изъ далекой Индіи, пережили въ латинскихъ сборникахъ, французскихъ фабліо и нѣмецкихъ швенкахъ средніе вѣка, попадались въ фацеціяхъ эпохи Возрожденія (напр. у Поджіо), пріурочивались къ разнымъ забавникамъ, въ родѣ Тиля Эйленшпигеля, и не одинъ разъ совершили путешествіе изъ народа въ литературу и обратно. Разбирать обстоятельно ихъ исторію здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не является у Курганова въ формѣ особенно удачной или искусно распространенной; я ограничусь только указаніемъ на нѣкоторыя замысловатыя повѣсти, русское происхожденіе которыхъ или творчество Курганова болѣе чѣмъ вѣроятно, и затѣмъ укажу на вѣроятные, посредственные или непосредственные, источники нѣкоторыхъ другихъ разсказовъ. № 79: „Двое ученыхъ, одинъ русакъ, а другой пруссакъ, спорились о старомъ и новомъ штилѣ. Пруссакъ многими доводами доказывалъ, что григоріанское счисленіе вѣрнѣе стараго, говоря, что въ 1592 году отъ искусныхъ математиковъ найдено 10 дней излишка въ старомъ календарѣ, начиная отъ Юлія Кесаря, по сіе время. „Тѣмъ для насъ лучше,

[1]) № 100: «Мошенникъ, увидя богатаго купца, идущаго въ комедію, пошелъ за нимъ и сталъ позади, чтобы обрѣзать у него съ кафтана золотыя пуговицы. По окончаніи перваго дѣйствія, воръ началъ промышлять, а купецъ, усмотря, вынулъ ножичекъ и, улуча свое время, отрѣзалъ у вора ухо. Воръ вскричалъ: «Мое ухо! мое ухо!» А тотъ: «Мои пуговицы! мои пуговицы!»—«Вотъ на, возьми ихъ». — Вотъ изволь и твое ухо!“

отвѣчалъ русакъ; ибо когда новое счисленіе вѣроятно, то послѣдній судъ будетъ у васъ ранѣе, нежели у насъ, когда дойдетъ до насъ, то уже адъ будетъ полонъ". Судя по тому, какъ Курганова занималъ вопросъ о григоріанскомъ календарѣ, анекдотъ принадлежитъ ему самому. № 10: „Старуха, хватя добрую чару вина, пришла къ вечернѣ и тамъ, задремавъ, всхрапнула; другіе толкнули ее, чтобъ проснулась, тогда она возгласила: „Подносите внучкѣ, а я болѣе не стану". № 244, выкинутый уже во второмъ изданіи, есть довольно грубый и для насъ не вполнѣ понятный пасквиль, повидимому, на какихъ-то двухъ товарищей Курганова, учившихся за границею; напротивъ того, туземная острота о благородствѣ[1]) должна почесться по тому времени очень удачной. № 226: „Нѣкоторый пасторъ, приказавъ своему слугѣ Давиду взять въ долгъ у мясника къ обѣду кишокъ, самъ пошелъ въ кирку; будучи въ оной, приводилъ онъ для изъясненія своей проповѣди многихъ пророковъ и въ заключеніе того сказалъ громко: „Посмотримъ, слушатели, что намъ скажетъ на то Давидъ". Слуга лишь пришелъ тогда въ кирку и, думая, что попъ говоритъ ему, закричалъ: „Батько! вѣдъ мясникъ не даетъ безъ денегъ кишокъ".

№ 226, такъ же какъ и № 10, встрѣчается до сихъ поръ въ народѣ, но, какъ будетъ доказано ниже, они попали не въ „Письмовникъ" изъ народа, а изъ „Письмовника" въ народъ, — то же надо полагать и относительно № 262: „Нѣкій мызный пасторъ похоронилъ на кладбищѣ любимую свою собаку. Епископъ хотѣлъ было его наказать за такое беззаконіе. Но попъ, видя, что онъ корыстолюбивъ, объявилъ: „Ваше преподобіе! ежели бы вы знали, какъ эта собака была умна, вы бы ее почли за разумное животное: она сдѣлала духовную, по которой вамъ оставила серебряную чашу, изъ коей она ѣла. И такъ я вамъ ее вручаю. Епископъ, убѣжденный симъ подаркомъ, предалъ тотъ грѣхъ забвенію". Едва ли нужно говорить, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ анекдотѣ, въ народной

[1]) „Одинъ арлекинъ говорилъ, что: «ежели бы Адамъ былъ съ приписью подьячей, или бы купилъ комиссарскій чинъ, то бы мы были благородные; а когда бы онъ былъ мурза, то бы сіятельные". Въ уста арлекину эта острота влагается не безъ литературнаго основанія, какъ это можно видѣть, напр., хоть изъ такой библіографической справки: въ 1694 году вышла книга «Arliquiniana» ou les bons mots, les histoires plaisantes et agréables, recueillies des conversations d' Arliquin. Livre sans nom, divisé en 5 dialogues, 2 vv.

редакціи пастора замѣняетъ попъ. Весьма распространенный анекдотъ о лучшемъ снѣ (№ 227), пріуроченный Кургановымъ къ русскому и поляку, въ народныхъ устахъ, какъ извѣстно, пріурочивается къ русскому и татарину. Историческій анекдотъ о князѣ Ромодановскомъ (№ 160) самъ выдаетъ свое происхожденіе. Повѣсти подъ №№ 13 (о подьячемъ и раскольникѣ) и 141 (объ иностранныхъ учителяхъ изъ кучеровъ и парикмахеровъ), если выдуманы не самимъ Кургановымъ, то какимъ-нибудь его соотечественникомъ и современникомъ, а № 262 о какомъ-то „подлаго и нищаго отца сынкѣ“, женившемся на служанкѣ командира и нажившемся взятками „лучше, нежели профессорствомъ“, лишенный соли, но зато изобилующій желчью, очевидно, есть плодъ личнаго раздраженія Курганова противъ какого-то взяточника.

Въ 1760 году въ Кёльнѣ у книгопродавца Pierre Marteau вышла книжка: Roger Bontems en belle humeur, donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leurs ennuis et aux joyeux le secret de vivre tousiours (sic) contens. Она была перепечатана тамъ же въ 1708 году съ прибавкою къ титулу словъ: nouvelle édition, augmentée considérablement въ 1734 году. Авторъ сборника скрылъ свое имя подъ буквою M. съ тремя звѣздочками, которая явилась, впрочемъ, только при второмъ изданіи. Въ предисловіи онъ заявляетъ читателю, что цѣль его книги не въ томъ, чтобъ сообщить что-нибудь полезное и нужное, а въ томъ, чтобъ изгнать скуку со свѣта. Въ книгѣ безъ счету и безъ оглавленія помѣщенъ длинный рядъ анекдотовъ, болѣе или менѣе веселыхъ и далеко не всегда приличныхъ, пересказанныхъ большею частью съ французскимъ изяществомъ и веселостью. Barbier (Dictionaire des ouvrages anonymes, vol. III. № 16.649) говоритъ, что авторомъ слѣдуетъ считать не герцога Рокелора (Roquelaure, ум. 1732 г.), но скорѣе г. ле-Руа, извѣстнаго плагіатора. Дѣйствительно, сравнивъ эту книгу съ болѣе ранними сборниками XVII вѣка. съ Reveille Matin face tieux (въ Публичной библіотекѣ имѣются изданія 1643 и 1673 гг.), съ Contes du Sieur d' Ouville (изд. 1657 и 1699) и съ разными Contes à rire и Contes aux heures perdues (маловажныя передѣлки Contes d' Ouville), я имѣлъ полную возможность убѣдиться въ этомъ: изъ одного Reveille Matin сюда заимствована, по крайней мѣрѣ, десятая часть и заимствована безъ всякихъ измѣненій. Между исторіями сбор-

ника много фабліо и италіанскихъ новеллъ, разумѣется, въ обезображенномъ и сокращенномъ видѣ.

Довольно внимательное сличеніе Рожера Bontems съ „замысловатыми повѣстями“ показало мнѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной стороны, съ несомнѣннымъ и близкимъ родствомъ, а съ другой — съ довольно смѣлой и искусной попыткой воспользоваться заимствованнымъ матеріаломъ для своихъ цѣлей.

Изъ 300 слишкомъ повѣстей 1-го изданія, по крайней мѣрѣ, 30 заимствованы Курановымъ или непосредственно изъ Рожера Bontems, или изъ той неизвѣстной мнѣ книжки, которую жестоко обобралъ Рожеръ, не дававшій себѣ труда передѣлывать заимствованное [1]), а именно:

Roger Bontems.	Курановъ [2]).	Roger Bontems.	Курановъ.
I стр. 22	№ 8 (?)	II стр. 2	№ 55
— „ 78	№ 138	— „ 10	№ 314
— „ 96	№ 113	— „ 10—11	№ 289
— „ 100	№ 228	— „ 40	№ 85
— „ 116	№ 97	— „ 50	№ 100
— „ 17	№ 221	— „ 53	№ 27
— „ 119	№ 224	— „ 64	№ 153
— „ 137	№ 24	— „ 102	№ 86
— „ 145	№ 72	— „ 105	№ 164
— „ 149	№ 67	— „ 129	№ 183
— „ 153	№ 75	— „ 129	№ 297
— „ 158	№ 80	— „ 133	№ 197 (?)
— „ 164	№ 10	— „ 135—136	№ 233
— „ 186	№ 166	— „ 137	№ 81
— „ 194	№ 46	— „ 137—138	№ 114
— „ 232	№ 171	— „ 142	№ 109

Приведемъ хотъ одинъ примѣръ анекдота, заимствованнаго съ очень малыми измѣненіями. Roger Bontems II, 64: Un paysan plaidant contre un autre porta un bon pot de lait à son Procu-

[1]) Въ случаяхъ, гдѣ Contes d' Ouville или Reveille Matin представляютъ иныя редакціи разсказовъ, Курановъ отъ нихъ дальше, чѣмъ отъ Рожера.

[2]) Рожера я цитирую по 3-му изданію 1735 года, такъ какъ больше вѣроятности, что именно оно было въ рукахъ у Курганова, а „Письмовникъ“, по 4-му изданію, которое уже не подвергалось переработкѣ, и стало-быть представляетъ „Письмовникъ“ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ пользовался огромнѣйшею популярностью, и теперь находится во множествѣ частныхъ библіотекъ.

reur, le même jour que sa Partie lui porta un petit cochon. Le premier ayant perdu son Procès se mit à dire en pleurant: Où est mon lait? Le Clerc du Procureur répondit, le cochon l'a tout bû. Pardonnez moi, Monsieur, repliqua-t-il, c'était une plus grosse bête.

Кургановъ: „Мужикъ, будучи обиженъ отъ сосѣда, пошелъ къ воеводѣ жаловаться и подарилъ ему кувшинъ молока, а виноватый, снеся поросенка, выкрутился. Тотъ, сожалѣя, спросилъ подьячаго: Ахъ гдѣ-то мое молоко? Подьячій, открывъ тайну, сказалъ: Выпилъ поросенокъ.—Ека мерзкая скотинка, пострѣлило бы ее горой".

Значительное большинство „повѣстей" подверглось со стороны Курганова передѣлкѣ и, надо отдать ему честь, очень удачной: онъ обыкновенно выпускаетъ болтовню и ненужныя подробности, выдвигаетъ впередъ основной мотивъ и сильными русскими выраженіями придаетъ анекдоту энергію и до нѣкоторой степени національный характеръ. Вотъ, напримѣръ, Рожеръ разсказываетъ: Одинъ крестьянинъ попросилъ у сосѣда на время осла, тотъ отвѣчалъ, что его нѣтъ у него въ домѣ, такъ какъ два дня назадъ онъ отдалъ его своему двоюродному брату. Пока онъ это говорилъ, оселъ началъ кричать и производить такой шумъ, будто волкъ хваталъ его за ляжки. — Какъ-же? — сказалъ крестьянинъ, — а вы увѣряли, будто дали его на время одному изъ вашихъ двоюродныхъ братьевъ? — Чортъ возьми, — отвѣтилъ сосѣдъ, — развѣ вы болѣе вѣрите моему ослу, чѣмъ мнѣ"?

Кургановъ переводитъ: Мужикъ просилъ своего сосѣда, чтобъ его ссудилъ осломъ. Сосѣдь на то: я-де его послалъ другому и сожалѣю, что ты не сказалъ прежде. Но въ то время оселъ заблеялъ.—А! молвилъ сосѣдъ: вотъ и твой оселъ говоритъ, что это неправда; видно, братъ, какъ ты ссудливъ. — Какъ тебѣ дураку не стыдно,—молвилъ другой,—что ты болѣе вѣришь ослу, нежели мнѣ".

Приведенный выше, въ примѣчаніи, анекдотъ о пуговицахъ и ухѣ у Рожера выраженъ много хуже, а именно: „Одинъ дворянинъ, бывши въ соборѣ Парижской Богоматери, поймалъ вора, который у него съ плаща обрѣзалъ золотыя пуговицы, и, вынувъ свою шпагу, отрѣзалъ у него совсѣмъ ухо и, показывая ему его, сказалъ: „Держи! вотъ твое ухо; оно не пропало, возврати мои пуговицы, и я тебѣ его возвращу". Хорошо

было бы, если бъ воръ могъ такъ же пришить свое ухо, какъ дворянинъ свои пуговицы".

Кто не согласится, что Курановъ проявилъ въ передѣлкѣ этого анекдота положительный талантъ? Комедія удачно замѣнила Божій храмъ, гдѣ подобныя остроты неумѣстны; злая иронія больше прилична хладнокровному купцу, чѣмъ вспыльчивому дворянину; ножичекъ для такой нѣжной операціи гораздо удобнѣе шпаги; діалогъ, начинающійся крикомъ вора, исполненъ жизни и драматизма; указаніе, что уха нельзя пришить, излишне и ослабляетъ впечатлѣніе.

Имена, мало извѣстныя русской публикѣ, Курановъ обыкновенно замѣняетъ указаніями на занятіе или свойство человѣка (забавный бѣднякъ, риѳмачъ, неублюдокъ, шляхтичъ, нѣкоторый шутникъ), старается придать анекдотамъ фривольнымъ болѣе цензурности, а главное — понимаетъ, что сила анекдота въ его сжатости. Кое-гдѣ онъ окрашиваетъ разсказъ своими взглядами (напримѣръ, въ № 297 высказываетъ свое сочувствіе къ Діонисію Тирану за его невѣріе въ идоловъ), и въ одномъ случаѣ (№ 233), если не ошибаюсь, вводитъ фактъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія, именно намекаетъ на Ломоносова. Рожеръ разсказываетъ (II, 135), какъ на собраніи чиновъ лангедокскихъ пикировались 2 епископа; одинъ упрекнулъ другого низкимъ его происхожденіемъ; тотъ отвѣчалъ: „если бъ вы были сыномъ моего отца, вы вмѣсто того, чтобъ быть епископомъ, теперь пасли бы свиней". У Курганова „славный Витія" вступаетъ на пиру въ препирательство съ „нѣкоторымъ именитымъ судьей". Тотъ рекомендуетъ Витіи вспомнить свою породу. — Я очень ее помню, — отвѣтилъ ему мудрецъ, нимало не усумнясь, — и знаю, ежели бы вы были сыномъ моего отца, то вы бы и понынѣ ловили съ нимъ моржей, или пасли у него свиней". Недостатокъ общаго (филологическаго) образованія въ анекдотахъ, заимствованныхъ Курановымъ изъ Рожера, сказывается въ томъ, что два изъ нихъ въ „Письмовникѣ" лишены не только соли, но почти и смысла. А именно № 113: „Зело брюшистаго, монаха идущаго улицею, спросила нѣкая насмѣшница: „Отче святый! когда вы родите?" — „Когда найду повивальную бабку", отвѣчалъ онъ.

По-французски здѣсь непереводимый каламбуръ въ словѣ sage femme — повивальная бабка и умная женщина.

№ 314. „Нѣкій грубаго свойства кавалеръ, увидя дорогой

алмазъ на рукахъ пригожей госпожи, сказалъ: „Для меня перстень пріятнѣе руки“. Дама, смотря на него, отвѣчала: „А мнѣ нравится ольстра лучше скотины“. Во-первыхъ французское слово licou—недоуздокъ, веревка—здѣсь не вѣрно переведено словомъ ольстра (кабаръ, кожаный чехолъ), и во-вторыхъ, анекдотъ потерялъ смыслъ, такъ какъ Курановъ забылъ сказать; что этотъ кавалеръ былъ украшенъ орденской голубой лентой. А между тѣмъ, помимо этихъ ошибокъ, оба анекдота лучше пересказаны у Курганова, чѣмъ въ оригиналѣ.

Два вышеуказанные разсказа (№ 10 и № 226), ставшіе у насъ народными анекдотами, заимствованы Курановымъ у Рожера, гдѣ они имѣютъ такой видъ: (№ 10) „Одна женщина, порядкомъ подвыпившая за обѣдомъ съ своими кумушками, отправилась слушать проповѣдь. Пары Бахуса начали въ ней дѣйствовать; она заснула и стала храпѣть, такъ что проповѣдникъ, находившійся противъ нея и обезпокоенный ея храпомъ, сказалъ ея сосѣдямъ, чтобъ ее разбудили; когда ее потянули за руку, она, воображая, что все еще находится за столомъ, громко сказала: Подносите кумѣ, я не могу пить больше“.

(№ 226). „Деревенскій священникъ, имѣвшій простоватаго слугу, сказалъ ему въ воскресенье утромъ, что онъ пойдетъ служить обѣдню, а что тотъ долженъ готовить ему обѣдать. Слуга спросилъ, что ему угодно имѣть къ обѣду; священникъ заказалъ блюдо кишокъ (tripes). Когда слуга спросилъ денегъ, священникъ отвѣчалъ, что денегъ не надо: пусть онъ пойдетъ къ его куму Давиду и скажетъ, что это для него; тотъ повѣритъ ему въ долгъ. Священникъ отправился служить обѣдню, и когда онъ съ каѳедры приводилъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, слова пророковъ, процитировавъ нѣсколькихъ, онъ вдругъ возвысилъ голосъ, говоря: „А что объ этомъ, господа, говоритъ Давидъ?“ Слуга, пришедшій въ это время, и подумавшій, что хозяинъ обращается къ нему, сказалъ громко: „Ей Богу, господинъ, онъ говоритъ, что коль нѣтъ денегъ, нѣтъ и кишокъ“.

Чтобы покончить съ замысловатыми повѣстями, я перейду прямо къ 4-му изданію „Письмовника“ 1790 года, гдѣ ихъ коллекція была значительно пополнена и приняла тотъ составъ, въ которомъ она существовала болѣе 40 лѣтъ. Въ этомъ изданіи къ 320 разсказамъ прибавлено еще 34, но въ томъ числѣ одинъ изъ 40 слишкомъ страницъ. Это повѣсть о 3-хъ мад-

ридскихъ женщинахъ, которыя на пари обманули мужей своихъ, при чемъ не только не нанесли порухи ихъ чести, но даже исправили ихъ отъ ихъ недостатковъ, вредившихъ счастію ихъ семейной жизни. Первая — молодая жена фактора, который имѣя собственное независимое состояніе, проводилъ все время на службѣ у банкира и изнурялъ себя ненужной работой, устроила такъ, что онъ счелъ себя мертвымъ, а потомъ временно помѣшавшимся отъ усиленныхъ трудовъ; вторая, жена разгульнаго живописца, послала мужа ночью за лѣкаркой, а въ это время измѣнила наружность дома и превратила его въ трактиръ, такъ что мужъ, вернувшись, не узналъ собственнаго своего жилища, былъ отъ него прогнанъ, а на другой день увѣрился, что онъ кутежами довелъ себя до галлюцинаціи; третья, жена стараго ревнивца, заключила мужа въ монастырь, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и самъ сталъ вѣрить, что онъ изстари монахъ, пока голосъ, говорившій ему во мракѣ кельи, не увѣдомилъ его, что все это было наказаніемъ за его безумныя подозрѣнія и грубое обхожденіе съ женою. — Эта повѣсть переведена тоже съ французскаго, съ нѣкоторыми очень удачными сокращеніями, изъ книги L'Elite des Contes du Sieur D'Ouville, seconde partie. Rouen 1699, гдѣ она начинается съ 191 стр. За нею, послѣ двухъ небольшихъ нравоучительныхъ разсказовъ (о побѣдѣ цѣломудрія нѣкой Клои и рѣдкомъ великодушіи одного крестьянина), слѣдуетъ „Повѣсть потѣшная о Педантѣ“ Гортензіи (стр. 245—252), надъ которымъ насмѣялась одна богатая дѣвица; она переведена изъ того же сборника D'Ouville со стр. 273; затѣмъ „Повѣсть о юношѣ, котораго его друзья увѣрили, что онъ ослѣпъ“, „Повѣсть объ удаломъ молодомъ солдатѣ“ и безъ заглавія повѣсть о нѣкоемъ Фабрисѣ, поступившемъ въ лакеи къ старому мужу своей возлюбленной и пользовавшемся, благодаря ея хитрости, неограниченнымъ довѣріемъ своего хозяина. Эти 3 повѣсти, переведены довольно близко, но хорошо, опять-таки изъ книги Рожера Bontems (I, 165 и слѣд., I, 44 и слѣд. и I, 56 и слѣд.)[1]); 2-я и 3-я изъ этихъ повѣстей чрезвычайно долговѣчные разсказы о невѣрныхъ женахъ, встрѣчающіеся и между наиболѣе популярными фабліо, швенками и у италіанскихъ новеллистовъ. Первому изъ нихъ особенно по-

[1]) D'un homme qui fut cocu, battu et content.

везло въ новой русской литературѣ, такъ какъ онъ превосходно передѣланъ Далемъ подъ именемъ сказки о нуждѣ[1]).

Изъ послѣдующихъ разсказовъ, прибавленныхъ въ 4 изданіи, я могу съ достовѣрностью указать источникъ только № 330 (о проповѣди монаха къ разбойникамъ), который переведенъ изъ того же Рожера Bontems I, 105 и слѣд. (Sermon d'un Pere Cordelier fait à des brigands, pour sa rançon). Между замысловатыми повѣстями встрѣчаются остроты античныя, поздніе философскіе миѳы, апофѳегмы, нисколько не забавныя, часто попадаются стихи, и иные анекдоты существуютъ только ради ихъ, въ другихъ случаяхъ анекдотъ заканчивается дубоватымъ двустишіемъ, какъ нравоученіемъ.

Нельзя не обратить вниманія на пестроту стиля, особенно замѣтную въ этомъ отдѣлѣ: Курганов, такъ прекрасно умѣвшій излагать научныя истины въ своихъ серіозныхъ книгахъ, между прочимъ, и здѣсь въ грамматикѣ, иногда такъ удачно владѣвшій стихомъ, тутъ же рядомъ не можетъ передать понятно самаго простого анекдота. Это не личная черта Курганова, а черта времени, или, по крайней мѣрѣ, общая черта писателей XVIII вѣка, не получившихъ правильнаго филологическаго образованія и упражнявшихся въ литературѣ только отъ времени до времени; извѣстно, какъ тяжелъ и некрасивъ слогъ во многихъ мѣстахъ записокъ Державина, исписавшаго на своемъ вѣку столько бумаги.

Послѣ замысловатыхъ повѣстей, во всѣхъ изданіяхъ слѣдуютъ „различныя шутки“, тоже, очевидно, переводныя; ихъ не много; и онѣ не отличаются особымъ остроуміемъ; затѣмъ идутъ разномысленныя предложенія, т.-е. собственно предложеніе о планетахъ, выраженное на разныя манеры; затѣмъ достопамятныя рѣчи (изреченія), небольшая глава о женщинахъ и бракѣ, опредѣленія и сравненія, хорошія мнѣнія, опись качествъ народовъ (тамъ, между прочимъ, голландцамъ приписанъ „золотой демонъ“ на сырномъ тронѣ, въ табачной

---

[1]) Мнѣ помнится, что я встрѣтилъ этотъ разсказъ въ видѣ русскаго народнаго анекдота; но теперь я не могъ найти его у Аѳанасьева; только въ разсказѣ „Дорогая Кожа“ (1-го изд. VII, стр. 331) встрѣчается одинъ disjectum membrum этой повѣсти: ловкій малый спроваживаетъ любовника хозяйки, придавъ ему видъ чорта.

Объ этой сказкѣ см. недолговѣчный журналъ Archiv für Geschichte deutscher Sprache u. Dichtung, 1873 года, Juni — Juli-Heft, стр. 326.

коронѣ), загадки и древнія апофѳегмы и Епиктитово нравоученіе. Все это главы, за исключеніемъ послѣдней, коротенькія, набранныя случайно, но полезныя и назидательныя для малограмотнаго, медленно читающаго человѣка. Честный составитель въ заключеніе объясняетъ, что древнія апофѳегмы взяты изъ книжки „Витіеватыя и нравоучительныя повѣсти“, изданной въ Москвѣ, въ 1711 г., и переизданной много разъ Академіей, а Епиктитовы правила выбраны изъ Беллегардова французскаго перевода. Затѣмъ слѣдуютъ Учебные разговоры[1]), изъ которыхъ интереснѣй другихъ послѣдній, гдѣ авторъ высказываетъ убѣжденіе своего вѣка, что миѳологія выдумана стиходѣями, но приводитъ съ нѣкоторыми подтвержденіями и мнѣніе, что миѳологія взята изъ св. Писанія; изъ славянскихъ божествъ авторъ приводитъ только одного Перуна, котораго онъ считаетъ равнозначущимъ съ Юпитеромъ[2]); „должности“ музъ онъ разграничиваетъ не только прозой, но и стихами, очевидно, собственнаго сочиненія[3]). Затѣмъ слѣдуетъ Разговоръ о различіи изрѣченія и писанія — нѣчто въ родѣ введенія къ наукѣ о языкѣ, съ прибавленіемъ свѣдѣній о книгопечатаніи и краткой реторики, піитики и метрики. Съ этой метрикой въ естественной связи слѣдующій крупный отдѣлъ: Сборъ разныхъ стиходѣйствъ[4]). Это очень интересный отдѣлъ: съ одной стороны, составъ его показываетъ, какія произведенія россійской музы считалъ занимательными для своихъ читателей такой умный, опытный человѣкъ и такой искусный педагогъ, какъ Н. Г. Кургановъ, а съ другой стороны, огромная популярность „Письмовника“ дѣлала выбранныя Курановымъ стихотворенія общеизвѣстными и воспитывала на нихъ цѣлыя поколѣнія. Кургановъ, естественно, старался угодить на всякій вкусъ: въ его „Сборѣ“ есть и высокая лирика всѣхъ видовъ, и пѣсни, и басни, и эпитафіи, и анекдоты въ стихахъ, и загадки, однимъ словомъ — всѣ виды и роды, кромѣ поэмы и

1) Въ 1-мъ изданіи ихъ 4: „Между книжникомъ и мальчикомъ“ (тема, извѣстная еще въ санскритской литературѣ — превосходство разсудка надъ ученостью). „Между бодрымъ и сонливымъ“ Кевита, ученика Сократова, о картинѣ (аллегорія, своего рода Roman de la Rose) и о миѳологіи.

2) Зато цѣлый рядъ славянскихъ божествъ (въ томъ числѣ Симаергла, Колядо и пр.) въ стихотвореніи „Древнее суевѣріе“ (1-го изд. стр. 290—291).

3) Напр. Кліа „точны бытія въ память предаетъ поя“ и т. д.

4) Съ 4-го изданія: Сборъ разныхъ стихотворствъ, и тамъ съ него начинается 2-я часть.

драмы; кое-что бралъ онъ изъ печатнаго матеріала (не подписывая именъ авторовъ), а больше заимствовалъ изъ рукописныхъ сборниковъ и, вѣроятно, изъ своей, весьма хорошей, памяти, а кое-что, повидимому, есть плодъ его собственнаго вдохновенія; кромѣ того, тамъ много его стихотворныхъ переводовъ. Интереснѣе всего, конечно, пѣсни, какъ такой родъ поэзіи, который не прочитывается, а заучивается, усвоивается даже неграмотными людьми; пѣсня есть или мертворожденный продуктъ, или народная (хотя бы и не простонародная) поэзія; она и мотивомъ и содержаніемъ, или хоть однимъ изъ двухъ, выражаетъ поэтическое настроеніе массы людей. Въ „Сборѣ“ Курганова есть нѣсколько пѣсенъ или, вѣрнѣе, романовъ XVIII вѣка, вовсе не народныхъ по своему содержанію, но ународившихся, благодаря популярности „Письмовника“. Въ дѣтствѣ я слыхалъ отъ совершенно неграмотной няньки двѣ пѣсни, въ одной изъ которыхъ дѣйствуютъ пастухъ и пастушка, въ другой Венера, Амуръ и пастушка; онѣ запомнились мнѣ, какъ запоминается все, что слышишь въ дѣтствѣ, и потомъ, вспоминая ихъ и старуху-няньку, недоумѣвалъ, откуда къ ней могли попасть эти памятники архи-псевдо-классической поэзіи, недоумѣвалъ, до тѣхъ поръ, пока не познакомился съ „Письмовникомъ“ Курганова.

Въ рукописныхъ пѣсенникахъ, которые до сихъ поръ въ ходу въ глухой провинціи, на заводахъ, въ казармахъ и даже въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ, часто попадается хоровая пѣсня:

Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ;
Страсть картежну въ сердца наши всѣялъ...
Дайте намъ карты: здѣсь олухи есть! и т. д.

Она тоже обязана своей популярностью „Письмовнику“. Обращаю вниманіе читателей, напримѣръ, на слѣдующую пѣсню неизвѣстнаго (по крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстнаго) поэта на тему о суетѣ мірской:

Только явятся солнца красы,
Всѣмъ одѣваться придутъ часы.
Боже мой, Боже! всякій день то же.
Къ должности водитъ всякаго честь,
Полдень приходитъ: надобно ѣсть.
Боже мой, и т. д.

Тамъ разговоры насъ веселятъ,
Вѣсти и ссоры время дѣлятъ.
Боже мой, и т. д.
Ложь и обманы сѣетъ злодѣй,
Рвутъ, какъ тираны, люди людей.
Боже мой, и т. д.
Строги уставы мучатъ насъ вѣкъ:
Денегъ и славы ждетъ человѣкъ.
Боже мой, и т. д.
Тотъ богатится, нагъ тотъ бредетъ,
Тотъ веселится, слезы тотъ льетъ.
Боже мой, и т. д.
Счастье находимъ, счастье губимъ,
Чѣмъ жизнь проводимъ? — ходимъ да спимъ.
Боже мой, и т. д.
Время, о время! Что ты? — мечта,
Вѣкъ нашъ есть бремя, все — суета.
Боже мой, и т. д.
Сколько ни видимъ въ мірѣ суетъ,
Не ненавидимъ, любимъ мы свѣтъ.
Боже, о Боже! Любимъ и то же.

Если мы примемъ въ расчетъ, что эта пѣсня, можетъ быть, на четверть столѣтія старше Фелицы, Вельможи и пр., мы должны признать, что „забавный русскій слогъ“ изобрѣтенъ вовсе не Державинымъ, и нѣкоторыя пѣсни, болѣе книжныя по языку, любопытны, какъ вѣрныя картинки нравовъ эпохи: таковы, напримѣръ, пѣсни съ указаніями, что пьяныхъ приказныхъ ихъ свѣтское начальство, а пьяныхъ монаховъ — духовное, для вытрезвленія сажало на цѣпь желѣзную.

Въ „Сборѣ“ есть особый отдѣлъ пѣсенъ подъ характернымъ заглавіемъ кіево-каликсія, — подъ заглавіемъ, которое указываетъ и на школьное (изъ кіевскихъ школъ) происхожденіе нашихъ духовныхъ стиховъ, и на ихъ пѣвцовъ — каликъ перехожихъ; въ этотъ отдѣлъ помѣщена духовная пѣсня, еще не успѣвшая стать стихомъ, и веселыя пѣсни, пародіи о комарѣ, свалившемся съ дуба, и о тонущей мухѣ.

Въ число свѣтскихъ пѣсенъ, или „дѣло отъ бездѣлья“, Курганов счелъ нужнымъ внести и нѣсколько пѣсенъ народныхъ, какъ-то: взятіе Казани, „Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ

полѣ“, о боярынѣ Шереметевѣ (слич. Кирѣевскаго, VIII, 133) и проч.; число этихъ пѣсенъ при слѣдующихъ изданіяхъ не уменьшалось, а, напротивъ, увеличивалось; такъ была прибавлена пѣсня: „Что пониже было города Саратова“, которая впослѣдствіи примѣнялась къ Аракчееву. Любопытенъ фактъ внесенія въ книгу, предназначенную для большой публики и именно для просвѣщенія этой публики, нѣсколькихъ образцовъ народной поэзіи; но, какъ извѣстно, фактъ этотъ далеко не единичный: образованные люди екатерининскаго времени относились къ народной поэзіи вовсе не съ такимъ презрѣніемъ, какъ воображали въ сороковыхъ годахъ. Любопытна, кромѣ того, одна пѣсня, именно помѣщенная подъ № 19:

Ты безсчастный добрый молодецъ (2),
Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ:
Что ссылаютъ меня съ корабля долой.
Отъ тебя ли, отъ безсчастнаго,
Сине море взволновалося,
(Всѣ) волны въ морѣ разыгралися.
(Но) какъ возговоритъ безсчастный молодецъ:
Мы притянемте всѣ въ веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко часту кусту ракитову,
И мы срѣжемте по прутику,
И мы сдѣлаем(те) по жеребью,
Кои кинемте во сине море;
Ужъ какъ всѣ жеребья поверхъ воды,
А безсчастнаго, какъ ключъ, ко дну.

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ мотивовъ былины о Садкѣ; это не есть disjectum membrum, но одинъ изъ такихъ бродячихъ эпизодовъ или общихъ мѣстъ, которыми пользовались составители былинъ. Обращаемъ вниманіе на нѣсколько солдатскихъ пѣсенъ, попавшихъ въ „Сборъ стиходѣйствъ“; онѣ не замѣчательны сами по себѣ, но замѣчателенъ фактъ ихъ распространенія въ прошломъ столѣтіи и ихъ посредствующее мѣсто между лирикой искусственной и народной. Давно бы слѣдовало обратить на нихъ серіозное вниманіе и подвергнуть ихъ обстоятельному изученію, тѣмъ болѣе,

что это такой видъ народной поэзіи, который удобно распредѣляется хронологически.

Наконецъ, чтобы покончить съ стихотворною хрестоматіей, обращу вниманіе читателей на чье-то, не особенно остроумное, стихотвореніе противъ масоновъ (№ 43, начинается: „Полны лжи ваши законы оказались, франкмасоны; Въ томъ тайна ваша и честь, что шестьсотъ шестьдесятъ шесть“, и т. д.) и на приписку Курганова въ концѣ „Сбора“: „Сверхъ сего съ пріятностью можно читать на русскомъ нравоучительные Попіевы стихи подъ именемъ: „Опытъ о человѣкѣ“, переводъ г. Поповскаго“, за которымъ слѣдуетъ изложеніе содержанія этой поэмы и отрывокъ изъ нея.

Г. Поповскій, ученикъ Ломоносова, высокодаровитый профессоръ Московскаго университета (род. 1730 г., ум. 1760 г.), одинъ изъ первыхъ облеченныхъ въ мундиръ борцовъ за свободу русской мысли; его переводъ поэмы Попа, изувѣченный духовной цензурой, съ напечатанными особымъ шрифтомъ стихами самого цензора, въ свое время надѣлалъ много шума.

Затѣмъ въ „Письмовникѣ“ слѣдуетъ „Всеобщій чертежъ наукъ и художествъ“, нѣчто въ родѣ систематики наукъ и въ то же время краткая энциклопедія. Здѣсь-то Кургановъ могъ вполнѣ проявить свой педагогическій тактъ и, дѣйствительно, проявилъ его: его опредѣленія сжаты и ясны, выборъ фактовъ для того времени очень удаченъ. Изложивъ вкратцѣ науку о поэзіи, онъ переходитъ къ философіи, гдѣ останавливается, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ образомъ на философіи моральной, при чемъ высказываетъ мысли вѣрныя и по тому времени либеральныя. Но особенно много останавливается онъ на естествознаніи и преимущественно на томъ его отдѣлѣ, который, будучи знакомъ ему въ подробности, наиболѣе способствуетъ уничтоженію суевѣрій, именно на астрономіи; долго останавливается онъ на доказательствахъ шаровидности земли; энергично возстаетъ противъ нелѣпаго страха, который внушаетъ появленіе кометъ. Зная, что русскіе книжные люди руководятся болѣе всего св. Писаніемъ, и что извѣстный эпизодъ объ Іисусѣ Навинѣ плохо мирится съ астрономіей, онъ возстаетъ противъ буквальнаго пониманія св. Писанія и приводитъ рядъ выписокъ изъ отцовъ церкви, примиряющихъ науку и религію. „Правда и вѣра, говоритъ онъ, родныя сестры, дщери Всевышняго Родителя“. Въ концѣ

этого отдѣла помѣщенъ небольшой „Наказъ медицинскій“ и перепечатанъ откуда-то „Рудометъ нѣмецкій“, т.-е. изображеніе человѣческой фигуры, съ обозначеніемъ, въ какой мѣсяцъ изъ какой части тѣла полезно и изъ какой вредно пускать кровь. Въ срединѣ этого отдѣла помѣщена табель затменіямъ солнечнымъ и луннымъ на тридцать лѣтъ впередъ, которая почему-то въ послѣдующихъ изданіяхъ выброшена. Затѣмъ идетъ словарь иностранныхъ и славянскихъ словъ съ русскими толкованіями; словарь этотъ для историка русскаго языка любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя далеко не всѣ толкованія можно признать удачными, а нѣкоторыя положительно не вѣрны, — амфитеатръ — зрѣлище; амбра — янтарь, антраша — крыжескокъ, бракъ — осмотръ, опытъ; брандмейстеръ — огнеблюдъ; булычъ — мѣханоша, куминъ мужъ, и т. д. За этимъ словаремъ слѣдуетъ прибавокъ къ нему, потомъ „Толкъ днямъ и мѣсяцамъ“, потомъ „Оговорка“, т.-е. объясненіе къ словарю, въ которой авторъ ссылается на знаменитаго писателя въ доказательство ненужности иностранныхъ словъ и цитируя: „Трутень“ и „Адскую почту“, насмѣхается надъ модниками, уродующими родной языкъ. Книжку онъ кончаетъ словами:

„Все тутъ, нѣтъ больше. Только конецъ“. Таковъ составъ книги: посмотримъ на ея дѣйствіе, но при этомъ сдѣлаемъ необходимую оговорку, что это дѣйствіе происходило не столько отъ 1-го ея изданія, сколько отъ послѣдующихъ (вышедшихъ до конца столѣтія), о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Время перваго изданія „Письмовника“ время знаменательное въ исторіи русской литературы: извѣстно, что въ томъ же 1769 году появилась масса русскихъ сатирическихъ журналовъ, свидѣтельствовавшихъ о пробужденіи русскаго самосознанія, о важномъ поворотѣ въ исторіи нашей цивилизаціи. Но здѣсь объ этомъ поворотѣ говорить не мѣсто, такъ какъ „Письмовникъ“ служитъ ему лишь косвенно: сатира, обличеніе играетъ въ немъ слишкомъ слабую роль. Его цѣль увеличить число истинно грамотныхъ людей и пріохотить къ чтенію; появленіе его именно въ годъ рожденія сатирическихъ журналовъ почти случайно.

Что касательно до вкуса къ легкому чтенію, который въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія проявился съ такой необычайной силой, что даже до сихъ поръ многія классическія про-

изведенія имѣются по-русски исключительно въ переводахъ, сдѣланныхъ въ то время, — во время появленія „Письмовника“ онъ былъ развитъ еще довольно слабо, судя по количеству выходившихъ въ свѣтъ книгъ этого рода и по медленному ихъ распространенію. Книги для легкаго чтенія, какъ извѣстно, у насъ стали выходить еще при Петрѣ Великомъ, а къ началу царствованія Екатерины II можно насчитать, можетъ быть, до сотни слишкомъ названій; но что же значитъ эта цыфра сравнительно съ количествомъ книгъ дѣловыхъ, назидательныхъ и учебныхъ? Первые годы царствованія Екатерины плодовиты даже и въ этомъ отношеніи: назову, между прочимъ, „Политическія и нравоучительныя басни Пильная, философа индѣйскаго“, съ французскаго переведены Академіи Наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ (сокращенная редакція Панчатантры), вышедшія 176 (?) году, и появившіяся 2 года спустя „Нравоучительныя басни“ извѣстнаго З. Эмина, который за годъ передъ тѣмъ выпустилъ свой нравоучительный и политическій тенденціозный романъ: „Приключенія Ѳемистокла“ и проч. (2 изд. 1781).

Извѣстно, какъ въ обществѣ малограмотномъ смотрятъ на книгу: книга только поучительная — скучна и имѣетъ опредѣленный, не широкій кругъ читателей; книга только забавная — не внушаетъ уваженія, — на нее какъ-то совѣстно тратить и деньги и время. Книга Курганова понравилась именно тѣмъ, что, заключая въ себѣ массу полезныхъ свѣдѣній для людей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, будучи необходимой книгой для человѣка, стремящагося къ литературному образованію, она въ то же время доставляла и развлеченіе своими „замысловатыми повѣстями“, стиходѣйствами и пр. Она такимъ образомъ расчищала дорогу серіознымъ и поучительнымъ книгамъ съ одной стороны, съ другой — доказывала воочію людямъ, которые смотрѣли на чтеніе, какъ на тяжелый трудъ, что чтеніе можетъ доставлять удовольствіе, и подготовляла публику для всякихъ „Сопутниковъ и Собесѣдниковъ веселыхъ людей“, „Увлеченій женскаго пола“ и пр. и пр. Если Пушкинъ и плохо зналъ „Письмовникъ“, — онъ вѣрно понялъ его значеніе, указавъ, что помѣщичій сынокъ, основательно усвоившій эту книгу, получилъ отъ нея вкусъ къ литературнымъ занятіямъ; мало того, онъ и въ другихъ областяхъ знанія долженъ былъ считаться человѣкомъ для того времени образованнымъ.

„Замысловатыя повѣсти и стихотворства“ списывались въ особыя тетрадки[1]) и распространялись между людьми, которые „Письмовника“ въ цѣломъ видѣ въ глаза не видали, усвоивались, какъ было выше указано, даже людьми безграмотными, проникали въ народъ; а въ то же время универсальная грамматика и статьи по реторикѣ и піитики служили учебникомъ въ школахъ; по словамъ одного изъ младшихъ современниковъ, дѣловая часть „Письмовника“ для такого употребленія часто вырывалась и переплеталась отдѣльно. Можетъ ли какая-нибудь другая книга XVIII вѣка имѣть притязаніе на бо́льшую популярность.

Два слова о послѣдующихъ изданіяхъ.

Первое изданіе „Письмовника“, вѣроятно по обычаю того времени, небольшое, расходилось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Второе вышло въ 1777 году, подъ заглавіемъ „Книга Письмовникъ, а въ ней наука россійскаго языка съ седмью присовокупленіями“, напечатана она въ книгопечатнѣ Морского общества благородныхъ юношей. Приношеніе читателю почему-то перешло изъ перваго лица въ третье и получило эпитетъ: общее, такъ какъ за нимъ слѣдуетъ приношеніе особое: „Его высокородія статскаго совѣтника высокопочтеннаго Алексіа Аѳанасьевича г. Дьякова любезнымъ дѣтямъ“ (ученикамъ Курганова?) Въ предисловіи, которое тоже перешло въ третье лицо, два иностранныхъ слова: грамматикъ и историкъ, признаться сказать, далеко не удачно переданы русскими словами письментарь и спищикъ. Любопытно это изгнаніе иностранныхъ словъ и замѣна латинскаго эпиграфа русскимъ, не совсѣмъ удачнымъ его переводомъ[2]), какъ заря будущей дѣятельности Шишкова и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показатель измѣненія круга читателей: успѣхъ выводитъ книгу изъ школьной сферы въ болѣе широкую, общественную.

Въ общемъ измѣненія сдѣланы небольшія: Кургановъ выкинулъ двѣ „повѣсти“; къ чертежу наукъ прибавилъ священную исторію (около 10 страницъ); послѣ этого отдѣла прибавилъ нравоучительныя размышленія изъ сочиненій канцлера графа

[1]) Между рукописями кн. П. П. Вяземскаго, составляющими теперь собственность Общества любителей древней письменности, есть толстая тетрадь XVIII вѣка (№ 291), куда изъ «Письмовника» вошла чуть не половина повѣстей.

[2]) «Духовный ли, мірской ли ты? Прилежно се читай;
Все найдешь здѣсь тотъ и другой, но разумѣть смѣкай».

Оксенштирна. Въ самомъ концѣ онъ прибавилъ небольшую статью о религіи, которая оканчивается указаніемъ полезныхъ книгъ; въ немъ говоритъ онъ: „а изъ свѣтскихъ книгъ первою нравоучительною книгою почитаю божественныя указанія о воспитаніи и образованіи россійскаго юношества, изданныя въ двухъ томахъ въ С.-Петербургѣ въ 1774 году". Это изданіе, вѣроятно, сравнительно большое, расходилось еще дольше: весьма вѣроятно, Курганов, отвлеченный другими работами, не имѣлъ досуга заняться имъ и тѣмъ далъ поводъ чуть-чуть не къ контрафакціи: третье изданіе[1]) вышло въ 1788 году; перемѣнъ въ немъ противъ второго ровно никакихъ нѣтъ; на заглавномъ листѣ сказано, что оно печатано съ согласія автора; цѣна за него назначена почти вдвое дороже противъ второго (то стоило 15 гривенъ, а это 2 руб. 95 коп.).

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" за 1787 годъ (стр. 900, № 61) напечатано объявленіе Николая Курганова Морского шляхетнаго кадетскаго корпуса профессора и кавалера, что „это изданіе сдѣлано самовластно, безъ его, Курганова, согласія"; но что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ чистой контрафакціей, а съ какимъ-то недоразумѣніемъ (можетъ быть, Курганов на словахъ далъ кому-нибудь изъ пріятелей условное дозволеніе, которымъ поспѣшили воспользоваться), и что Курганов какимъ-то образомъ былъ хотя отчасти удовлетворенъ за потерпѣнные убытки, доказывается тѣмъ, что въ 4 изданіи онъ поминаетъ московское изданіе, вышедшее въ типографіи Фридриха Гиппіуса, безъ всякихъ рѣзкихъ словъ и какъ бы молча признаетъ его своимъ.

4-е изданіе, вышедшее въ 1790 году, подверглось, сравнительно, большимъ перемѣнамъ и дополненіямъ; его полное заглавіе, впослѣдствіи не измѣнявшееся, таково: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія. N. N. изданіе, вновь выправленное, пріумноженное и раздѣленное въ двѣ части". Въ этомъ изданіи, кромѣ 30 слишкомъ повѣстей, о которыхъ была рѣчь выше, прибавлено: разсужденіе Сенекино о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ, три разговора (о любомудріи, о навигаціи и о геральд-

[1]) Его не имѣется въ Публичной библіотекѣ, но я могъ воспользоваться имъ, благодаря любезности В. И. Саитова.

дикѣ), распространена научная часть и, кромѣ того, внесено нѣсколько мелкихъ статей: объ академической библіотекѣ, о кунсткамерѣ, о „знатныхъ изобрѣтеніяхъ послѣдняго времени“ и проч.

5-е и 6-е изданія, вышедшія при жизни Курганова, и 7-е, вышедшее въ 1802 году, ничего новаго въ себѣ не заключаютъ. Въ 8-мъ изданіи (въ 1809 году)[1]) прибавленъ новый, довольно большой отдѣлъ: „Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты русскихъ“. Это нѣчто въ родѣ хрестоматіи изъ русской исторіи, состоящей изъ 47 разсказовъ, расположенныхъ не вполнѣ хронологически; больше всего анекдотовъ о Петрѣ и Суворовѣ; есть разсказы и объ иностранныхъ высокихъ особахъ, къ русской исторіи отношенія не имѣющихъ.

Прибавка доказываетъ, что книга въ прежнемъ своемъ составѣ уже не удовлетворяла публику, а ея патріотическій характеръ и широковѣщательное заглавіе если и стоятъ въ зависимости отъ духа того времени, то съ другой стороны ясно свидѣтельствуютъ и объ измѣненіи состава читателей. „Письмовникъ“ началъ замѣтно опускаться въ низшіе слои, но онъ продолжался и много послѣ того: какъ было указано въ началѣ статьи, еще въ 1831 году понадобилось его новое изданіе. Г. Геннади указываетъ еще, кромѣ того, 11-е изданіе въ 1837 году; другіе, повидимому, преувеличивая, считаютъ цѣлыхъ 18 изданій.

Нѣтъ сомнѣнія, что когда у насъ еще болѣе разрастется интересъ къ памятникамъ нашей отечественной литературы, „Письмовникъ“ Курганова вновь увидитъ свѣтъ и на полкахъ ученыхъ библіотекъ заживетъ новою, хотя и скромною жизнью. Извѣстная поговорка: „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ“ и пр. несправедлива относительно человѣка общественнаго, которому волей-неволей приходится сходиться съ множествомъ людей, нисколько ему не симпатичныхъ: точно также варіантъ ея — „Скажи мнѣ, что ты читалъ, и я тебѣ скажу, кто ты“ — непримѣнимъ къ современному читателю: чего только не перечитываетъ онъ, и какъ онъ незлопамятенъ относительно прочитаннаго? Не такъ было съ нашими дѣдами и прадѣдами: они читали не многое, но помногу, и прочитанное, дѣйстви-

[1]) Оно такъ же, какъ и предыдущее, напечатано „иждивеніемъ Ивана Глазунова“, того самаго „добраго человѣка“, съ которымъ былъ въ сношеніяхъ Курганов въ послѣдніе годы своей издательской дѣятельности.

тельно, обусловливало ихъ умственный складъ. Если мы желаемъ знать, кто они были, мы не можемъ отнестись съ пренебреженіемъ къ книгѣ, которая для многихъ изъ нихъ, какъ для горохинскаго помѣщика, была единственной книгой, энциклопедіей всякой мудрости — моральной, литературной и реальной.

Кирпичниковъ.

Греческая гимназія въ XVIII столѣтіи.

Разносторонняя образованность Румовскаго, его умъ и дарованія открыли ему широкое поприще для общественной дѣятельности. Ученыя общества и учебныя заведенія обращались къ его содѣйствію, признавая его указанія важными и полезными какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи.

Румовскому обязаны своимъ окончательнымъ образованіемъ по астрономіи нѣсколько учителей навигаціи, присланныхъ адмиралтейскою коллегіею въ Академію Наукъ для изученія практической астрономіи. Блестящіе успѣхи, оказанные ими въ занятіяхъ избранныхъ ими предметовъ, коллегія приписывала главнымъ образомъ просвѣщенному руководству Румовскаго. За труды свои по образованію моряковъ-астрономовъ Румовскій награжденъ, по представленію морского вѣдомства, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, — отличіемъ весьма рѣдкимъ въ тѣ времена, когда и чинъ коллежскаго асессора считался весьма видною наградою, а орденъ св. Владимира получали изъ рукъ самой императрицы, пріѣзжая для этого въ столицу изъ отдаленныхъ краевъ Россіи.

На Румовскаго возложено было, съ званіемъ инспектора, устройство учебной части въ замѣчательномъ училищѣ, основанномъ въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и называвшемся Греческою гимназіею или гимназіею для чужестранныхъ одновѣрцевъ. Училище это заслуживаетъ вниманія какъ по своему составу, такъ и по цѣли учрежденія. Основаніе его относится къ той эпохѣ нашей исторической жизни, когда умы людей, заправлявшихъ русскою политикою, находились подъ впечатлѣніемъ побѣдъ надъ поработителями грековъ; турецкая война, по убѣжденію Шлецера и другихъ тогдашнихъ ученыхъ, была однимъ изъ великихъ событій не только русской, но и европейской исторіи. Екатерина II и ея

литературные сотрудники, опровергая въ антидотѣ напраслины, взводимыя на русскій народъ иностраннымъ путешественникомъ, указываютъ на то обстоятельство, что наши моряки, плывя въ Средиземное море и огибая Финистерскій мысъ, слагали пѣсни, въ которыхъ предсказывали себѣ взятіе Константинополя:

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Вы, буйные вѣтры, осенніе!
Успокойся ты, море синее,
Не волнуй ты, море средиземное!
Ты постой, постой, лѣто теплое,
Не теки, постой, солнце красное:
Не я самъ велю, вамъ указъ велитъ, —
Со страны указъ пришелъ, съ страны сѣверной.
Хоть давно течетъ солнце красное,
Что давно вѣютъ вѣтры буйные,
Не видали вы такого дива:
По указу ли царя бѣлаго,
Наказать врага вѣроломнаго,
На восточную дальну сторону
Снаряжался флотъ со бѣлой Руси,
Со береговъ Невы, рѣки славныя;
Снарядившись, протекалъ моря,
Всѣ препятства ни во что вмѣнялъ.
Приближаяся ко Царю-граду,
Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
Ой ты гой еси, невѣрный царь!
Прогнѣвилъ ты своею гордостью
Нашу мудрую государыню,
Прогнѣвляешь ты самого Творца:
Я за то присланъ наказать тебя;
Поспѣши упасть ко стопамъ ея,
Ты успѣй просить прощенія:
Не успѣешь ты просить прощенія,
Опровергну тронъ невѣрнаго.

Давнее преданіе о томъ, что владѣтелемъ Константинополя будетъ пришедшій съ сѣвера царь Константинъ, получило новую жизнь, и дѣйствовало тѣмъ сильнѣе на чувство и воображеніе, что рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ русскими,

открывали имъ путь въ столицу турецкой имперіи. И въ Россіи и въ западной Европѣ многіе вѣрили тому, что дни мусульманскаго владычества въ европейскихъ предѣлахъ сочтены, и что на развалинахъ его утвердится могущественная, одновѣрная съ Греціей, христіанская держава. Греки и другіе народы, порабощенные турками, ожидали избавителя, который, по общему вѣрованію, долженъ былъ прійти съ сѣвера и называться священнымъ для византійцевъ именемъ Константина. Въ русскомъ обществѣ мысль о взятіи Константинополя не оставалась одною только праздною мечтою, а готова была, повидимому, перейти въ дѣйствительность. Екатерина II, Потемкинъ и другіе государственные умы Россіи восемнадцатаго столѣтія видѣли въ осуществленіи этой мысли историческое призваніе Россіи. Державинъ въ одѣ своей на взятіе Измаила говоритъ, что русскіе предназначены судьбою

Отмстить крестовые походы,
Очистить іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину.

Послѣдніе два стиха самъ Державинъ объясняетъ такимъ образомъ: „городъ Аѳины возвратить богинѣ Менервѣ, подъ которою разумѣется Екатерина; Константинополь подвергнуть державѣ великаго князя Константина Павловича, къ чему покойная государыня всѣ мысли свои устремляла“. Самое воспитаніе Константина Павловича и вся его обстановка направлены были къ тому, чтобы образовать достойнаго правителя державы византійскихъ императоровъ. Съ первыхъ дней жизни великаго князя (род. въ 1779 г.) и во время его дѣтства всѣ окружающія лица: кормилицы, няньки, гувернантки, учителя и т. д. были гречанки и греки, постоянно говорившіе съ своимъ питомцемъ по-гречески; греческій языкъ сдѣлался для него роднымъ съ самой колыбели. Убранство дѣтской комнаты, въ которой великій князь Константинъ жилъ съ братомъ своимъ Александромъ Павловичемъ, вело къ той же цѣли, напоминая о будущемъ призваніи царственныхъ юношей. Противъ изголовья ихъ, прямо передъ ихъ глазами висѣли портреты, на которыхъ изображены: Александръ Павловичъ, будущій царь Россіи, — въ роскошной шубѣ, съ царскимъ скипетромъ

въ рукѣ и съ царскою короною на головѣ, а Константинъ Павловичъ, будущій владыка Византіи, — въ греческомъ нарядѣ и держащимъ въ рукахъ знамя (labarum) Константина Великаго и ключи отъ св. Софіи.

По случаю рожденія Константина Павловича Потемкинъ устроилъ великолѣпное празднество, въ которомъ пѣлись гимны на греческомъ языкѣ:

Ὁ ἔῦπνον θάλλει,
Δειμῶν ἀνθηρόν κρίνον,
Ἑίκελος κάλλει στίλβει
Σπαργάνοις Κωνσταντίνος.

Какъ благовонный израстаетъ
На полѣ цвѣтоносномъ кринъ,
Подобной красотой блистаетъ
Во колыбели Константинъ...

Яркимъ выраженіемъ сочувствія къ судьбѣ грековъ и другихъ христіанъ, бывшихъ подъ турецкимъ владычествомъ, служитъ открытіе въ Петербургѣ училища съ тою цѣлью, чтобы греки, которые намъ „доброхотствовали“ во время турецкой войны, и всѣ одновѣрцы наши, лишенные способовъ къ воспитанію дѣтей, могли постоянно пользоваться защитою и покровительствомъ Россіи. Въ греческой гимназіи научное образованіе должно было итти рука объ руку съ развитіемъ національнаго чувства, и наставники обязаны были не терять изъ виду политической судьбы грековъ и напоминать своимъ питомцамъ, что они — потомки древнихъ грековъ, и что слава ихъ отечества въ лучшую пору его исторической жизни основывалась преимущественно на процвѣтаніи въ немъ наукъ и искусствъ. Въ учредительномъ актѣ находятся черты, знакомящія съ тогдашними понятіями о научномъ и нравственномъ образованіи. Тамъ говорится: „Языкамъ обучать въ сей гимназіи: россійскому, нѣмецкому, французскому, италіанскому, турецкому и греческому; но не всѣмъ вдругъ, а распредѣляя такимъ образомъ, чтобъ учащіеся не болѣе двухъ языковъ въ одно время были обучаемы, дабы множествомъ чужестранныхъ словъ не затмить понятія и тѣмъ не отнять способности къ обученію другихъ полезныхъ наукъ. Ариѳметика, алгебра простая и геометрія — науки, изощряющія разумъ, ежели не всему ученію, то по крайней мѣрѣ многимъ языкамъ

должны предшествовать. Знаніе исторіи и географіи политической нужно также всякому, въ какую бъ кто службу себя ни приготовлялъ, изъ коихъ первая откроетъ имъ великихъ мужей, отмѣтившихъ себя ученіемъ и важными дѣлами, служащими въ пользу ихъ государей и отечества, а вторая подастъ знаніе о качествахъ и свойствѣ всякаго народа, о состояніи ихъ земель, и въ чемъ они имѣютъ изобиліе или недостатокъ. Тѣхъ, которые будутъ имѣть дарованія и охоту къ словеснымъ наукамъ и высшей математикѣ, обучать при семъ училищѣ, трактуя логику, мораль, красный слогъ, физику и прочія нужнѣйшія части нравоучительной философіи, на россійскомъ и французскомъ языкахъ, а высшую математику до интеграла и диференціала; для обученія же оныхъ и прочихъ математическихъ высшихъ наукъ имѣющихъ особливую склонность и природную остроту отсылать въ Академію Наукъ... Учителей въ сію гимназію безъ строгаго экзамена отнюдь принимать не должно, хотя бъ они отъ прежнихъ мѣстъ и аттестаты себѣ имѣли. Свирѣпость, вспыльчивость и досадительныя учительскія слова затмеваютъ въ дѣтяхъ понятіе, смущаютъ вниманіе и наконецъ приводятъ къ тому, что ученіе кажется имъ несносною работою. Надлежитъ почасту имъ внушать, чего отъ прилежанія къ ученію и отъ небреженія объ ономъ ожидать должно; представлять достохвальные примѣры изъ исторіи о предкахъ ихъ, грекахъ, доказывая, что бывшею ихъ великостію одолжены они были наукамъ и художествамъ, а презрѣніе оныхъ подало причину къ паденію".

При учрежденіи греческой гимназіи начальникомъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса, при которомъ открывалась гимназія, былъ Мордвиновъ, генералъ инженеръ и директоръ строенія государственныхъ дорогъ, пріобрѣтшій большую опытность на педагогическомъ поприщѣ. По убѣжденію Мордвинова, существенный вопросъ для училища заключается въ счастливомъ выборѣ инспектора, которому должно предоставить самую полную свободу и независимость при устройствѣ учебной части. Но для этого должно быть избрано лицо, вполнѣ заслуживающее довѣрія по своему уму, по обширности и глубинѣ своихъ познаній и по нравственному достоинству. Въ докладѣ, представленномъ Мордвиновымъ, сказано: „Ничто такъ не приноситъ пользы при обученіи юношества, какъ порядочное

расположеніе времени ученія и всегдашнее надъ онымъ надзираніе, для чего необходимо должно имѣть такого инспектора, который бы не только что въ наукахъ и разныхъ языкахъ имѣлъ довольное знаніе, но и служилъ бы всегда примѣромъ въ поведеніи своимъ подчиненнымъ. Всѣ учители имѣютъ состоять подъ точнымъ его управленіемъ, и никакихъ въ ученіи перемѣнъ безъ повелѣнія инспектора дѣлать не должны. Учители по классамъ зависятъ во всемъ отъ инспектора, и никому, кромѣ его, ни въ чемъ отвѣтствовать не должны", и т. д. При такой требовательности въ отношеніи къ инспектору, избраніе въ эту должность нашего академика служитъ очевиднымъ доказательствомъ того уваженія, которымъ онъ пользовался въ образованномъ кругу тогдашняго общества.

Румовскій былъ инспекторомъ классовъ греческой гимназіи съ 1776 по 1783 годъ; въ этомъ году послѣдовалъ указъ о переводѣ гимназіи въ Херсонъ подъ главное начальство Потемкина, но распоряженіе это было отмѣнено по разнымъ причинамъ, и училище осталось попрежнему въ Петербургѣ. Директоромъ назначенъ въ 1789 году Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, сочленъ Румовскаго по Россійской академіи. Благодаря Мордвинову, Румовскому и ихъ достойнымъ преемникамъ, гимназія для чужестранныхъ одновѣрцевъ была въ свое время однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, и пользовалась большимъ довѣріемъ въ обществѣ; многіе изъ дворянъ отдавали туда дѣтей своихъ пансіонерами.

Сухомлиновъ.

Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ.

Фельдмаршалъ графъ Минихъ, вступившій въ россійскую службу еще при императорѣ Петрѣ I-мъ и достигшій личными заслугами первѣйшихъ степеней въ государствѣ, оставилъ бы по себѣ незабвенное имя уже тѣмъ, что былъ основателемъ перваго Кадетскаго корпуса. Удостоенный высокой довѣренности императрицы Анны Іоанновны, онъ въ самомъ началѣ царствованія сей государыни, въ бытность ея въ Москвѣ, послѣ празднества коронаціи, убѣдилъ ее исправить упомянутый недостатокъ, важный тѣмъ, что россійскіе дворяне въ собственномъ своемъ отечествѣ не превидѣли для себя блистательнаго поприща, и невольно уступали первенство чужестранцамъ. По

представленію графа Миниха о необходимости учредить заведеніе, которое бы доставляло арміи свѣдущихъ офицеровъ, императрица, указомъ 29-го іюля 1731 года, повелѣла основать оное, подъ названіемъ Кадетскаго корпуса, для 150 дворянъ россійскихъ и 50 эстляндскихъ и лифляндскихъ.

Въ томъ же году, 18 ноября, состоялся *Регламентъ* корпуса, по которому кадеты были раздѣлены на двѣ роты, въ каждой 100 человѣкъ, въ томъ числѣ прапорщикъ, подпрапорщикъ, 4 капрала и 13 гренадеръ, и обучались слѣдующимъ предметамъ: Закону Божію; языкамъ россійскому, нѣмецкому, французскому и латинскому; географіи, исторіи, математикѣ[1]), физикѣ, военнымъ наукамъ[2]), архитектурѣ, чистописанію, рисованію, фехтовальному искусству. Сверхъ того, смотря по способностямъ, полагалось обучать нѣкоторыхъ кадетъ юриспруденціи и музыкѣ, волтижированію и верховой ѣздѣ[3]).

Главное начальство надъ корпусомъ было поручено виновнику его учрежденія, графу Миниху, а директоромъ или подполковникомъ онаго назначенъ генералъ-маіоръ баронъ фонъ-Люберасъ, знаменитый строитель канала Петра Великаго въ Кронштадтѣ. На годовое содержаніе корпуса полагалось 33.846 р. 72 к., и сверхъ сего на первое обзаведеніе онаго отпущено Миниху 15 тысячъ руб.

Для помѣщенія кадетъ, императрица назначила въ С.-Петербургѣ, на Преображенскомъ (нынѣ Васильевскомъ) островѣ, большой каменный домъ, съ садомъ и службами, принадлежавшій первоначально знаменитому любимцу Петра Великаго, князю Меньшикову.

По опредѣленіи числа кадетъ и прочихъ чиновъ, учебныхъ предметовъ, содержанія и мѣста для помѣщенія корпуса, чрезъ день по подписаніи регламента (20 ноября 1731) обнародованъ указъ о приглашеніи дворянскихъ дѣтей записываться въ Кадетскій корпусъ: въ Москвѣ у дежурнаго генералъ-адъютанта, въ С.-Петербургѣ у графа Миниха, въ Лифляндіи и Эстляндіи у губернаторовъ. При семъ случаѣ императрица назначила сама въ кадеты 12 пажей незадолго предъ тѣмъ скончавшихся царицы Евдокіи Ѳеодоровны и царевны Параскевіи Іоанновны.

---

[1]) Ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, астрономіи и механикѣ.

[2]) Артиллеріи и фортификаціи.

[3]) Сей послѣдней обучались 50 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, и потому назывались *конными* кадетами.

4-го декабря того же года послѣдовалъ вторичный указъ о приглашеніи въ кадеты, съ подробнымъ изложеніемъ выгодъ, какія предоставлялись дворянству учрежденіемъ корпуса.

Благодѣтельный призывъ монархини былъ услышанъ съ радостію, и дворянство поспѣшило онымъ воспользоваться. Сенаторъ Новосильцевъ первый представилъ своего сына къ опредѣленію въ кадеты. Примѣру его послѣдовали многіе, и въ теченіе одного мѣсяца списокъ записавшихся въ корпусъ заключалъ въ себѣ самыя почетныя фамиліи.

17-го февраля 1732 года послѣдовало открытіе корпуса. Въ этотъ день явились впервые 56 кадетъ, которые и были помѣщены въ приготовленныхъ для нихъ комнатахъ.

Между тѣмъ, какъ начальство сего новаго заведенія занималось внутреннимъ онаго устройствомъ, число записывавшихся въ кадеты увеличивалось съ каждымъ днемъ, до того, что въ мартѣ ихъ состояло по списку 308 человѣкъ. Желая доставить всѣмъ имъ способы къ образованію себя для военной службы, графъ Минихъ исходатайствовалъ у императрицы указъ объ увеличеніи числа кадетъ до 360 человѣкъ. По штату 12-го мая того же 1732 года, корпусъ раздѣленъ на 3 роты, каждая въ 120 человѣкъ, въ соразмѣрности съ симъ умножено число чиновниковъ и служителей, и на содержаніе корпуса положено 63.403 руб. $12^1/_2$ коп.

14-го іюля послѣдовало открытіе *Рыцарской академіи*: такъ назывались кадетскіе классы. До того дня, по неимѣнію учителей, кадетъ занимали экзерциціею. Время ихъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: въ $4^3/_4$ часа, съ пробитіемъ зари, они вставали; въ $5^1/_2$ молились и завтракали; въ 6 уходили въ классы, и оставались тамъ до 10-ти; съ 10-ти до 12-ти занимались экзерциціею; въ 12 обѣдали; въ 2 отправлялись опять въ классы; въ 4 собирались вторично для экзерциціи, продолжавшейся два часа; въ $7^1/_2$ ужинали; въ 9, съ вечернею зарею, ложились спать.

Кадеты жили по шести и семи человѣкъ въ одной комнатѣ, и имѣли позволеніе держать при себѣ, сверхъ казенной прислуги, своихъ крѣпостныхъ или наемныхъ слугъ. Одежду ихъ составляли: темно-зеленый суконный кафтанъ съ краснымъ подбоемъ и золотымъ по борту позументомъ, лосиннаго цвѣта суконный камзолъ и такое же нижнее платье; гренадеры носили шапки, мушкетеры — шляпы. Упражнявшіеся въ верховой ѣздѣ

надѣвали во время оной, сверхъ кафтановъ, суконные лосиннаго цвѣта супервесты (на подобіе кирасъ) съ черными суконными же орлами.

Въ воскресные и праздничные дни кадеты ходили съ парадомъ въ церковь и, по окончаніи литургіи, увольнялись изъ корпуса въ числѣ 15-ти или 20-ти надежнѣйшихъ изъ роты. Таковымъ строжайше подтверждалось: *соблюдать на улицахъ установленную форму, и отдавать честь не только офицерамъ, но и всѣмъ знатнымъ кавалерамъ и дамамъ.* Кромѣ сего, по воскресеньямъ, являлось къ графу Миниху по одному кадету изъ роты на ординарцы; удостоенныхъ сей чести посылали предварительно къ танцмейстеру: *учиться, какъ къ начальнику подходить и ему комплиментъ дѣлать.*

Графъ Минихъ и баронъ Люберасъ неусыпно заботились объ устройствѣ и пользѣ ввѣреннаго имъ заведенія. Послѣдній жилъ въ ономъ и былъ неотлучно съ кадетами, въ ихъ спальняхъ, въ классахъ, при экзерциціи, во время обѣда и ужина; строжайше наблюдалъ за нравственностію и прилежаніемъ воспитанниковъ; словомъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ своему важному назначенію. Сама императрица обращала особенное вниманіе на Кадетскій корпусъ и, въ знакъ благоволенія своего къ оному, пожаловала ему въ исходѣ лѣта 1732 г. знамя.

Вскорѣ послѣ сего пожалованы знамена остальнымъ двумъ ротамъ, а конные кадеты получили богатый штандартъ.

По медленности, съ каковою производилась сдача дома въ корпусное вѣдомство, по исправленіи и передѣлкѣ комнатъ, не всѣ кадеты могли помѣститься въ корпусѣ, а жили большею частію по близости онаго, въ частныхъ домахъ, нанимая квартиры на собственный счетъ, что̀ продолжалось до самой зимы 1732 года. Для учебныхъ пособій кадетъ учреждена Люберасомъ небольшая библіотека, предпочтительно изъ латинскихъ книгъ; для практическаго ученія артиллеріи присланы въ корпусъ двѣ 12-фунтовыя пушки, кои были поставлены на набережной, передъ большимъ подъѣздомъ, у нынѣшней греко-россійской церкви; надъ фронтономъ дома сдѣланъ государственный гербъ; для верховой ѣзды устроенъ большой *рейтбанъ,* а дабы корпусъ имѣлъ своихъ музыкантовъ, прислано въ оный нѣсколько малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей. Для переѣздовъ чрезъ Неву даны корпусу перевозныя суда, и всѣ принадлежавшіе къ оному получили право проходить безденежно Исакіевскій мостъ.

Императрица, до самой кончины своей, удостоивала вниманіемъ корпусъ, и къ чести онаго можно сказать, что августѣйшая его учредительница имѣла утѣшеніе видѣть плоды заботъ своихъ о его пользѣ. Уже въ первые годы по его основаніи, начальства разныхъ частей государства старались, наперерывъ, имѣть въ своемъ вѣдѣніи воспитанниковъ корпуса, и кадеты оправдали таковые выборы ревностною службою.

Въ 1737-мъ году повелѣно испытывать кадетъ въ наукахъ два раза въ годъ: 15-го марта и 15-го сентября, въ присутствіи одного сенатора, одного члена Санктпетербургской Академіи Наукъ и двухъ учителей, отъ Адмиралтействъ-Коллегіи и Инженерной школы. Достигшихъ 16-лѣтняго возраста, но оказавшихся неспособными къ наукамъ, повелѣвалось отсылать въ матросы, безъ выслуги, „*ибо*“ сказано въ указѣ, „*отъ того никакой пользы ожидать невозможно, который въ обученіи такихъ безтрудныхъ наукъ никакого радѣнія не показалъ*“. Въ этомъ же году командированы отъ корпуса два офицера и 34 кадета къ капитану лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка фонъ-Зихгейму для снятія подробнаго плана С.-Петербурга.

Въ десятилѣтнее существованіе корпуса при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оный доставилъ государству 357 офицеровъ. Изъ нихъ многіе служили съ честію въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ татаръ и турокъ, подъ начальствомъ фельдмаршаловъ: Миниха и Лассія; при чемъ почти всѣ они были употреблены по квартирмейстерской и инженерной частямъ и въ адъютантскія должности. Въ то же время нѣкоторые изъ нихъ находились волонтерами въ австрійской арміи. Такимъ образомъ менѣе нежели чрезъ десять лѣтъ по учрежденіи корпуса отечество уже чувствовало всю пользу сего заведенія, ибо имѣло свѣдущихъ военныхъ офицеровъ, не изъ иностранцевъ, но изъ среды дворянъ русскихъ и изъ уроженцевъ Эстляндіи и Лифляндіи, чуждыхъ первымъ по нарѣчію и обычаямъ, но не менѣе ихъ ревностныхъ къ службѣ и славѣ Россіи.

Кратковременное правленіе принцессы Анны Карловны ознаменовано въ исторіи корпуса только тѣмъ, что графъ Минихъ сложилъ съ себя званіе главнаго директора, и мѣсто его заступилъ супругъ правительницы, принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгъ-Волфенбиттельскій.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны главное начальство надъ корпусомъ поручено генералъ-фельдцейхмейстеру принцу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому, при коемъ въ 1743 году послѣдовало повелѣніе о переводѣ кадетъ дворянъ Новгородской губерніи въ Морской кадетскій корпусъ. По сдѣланнымъ справкамъ таковыхъ оказалось 130; но какъ сіе число превышало треть всего комплекта кадетъ, то и были изъ нихъ выбраны и перемѣщены только 34 человѣка, въ томъ числѣ И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій впослѣдствіи адмираломъ, президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи и директоромъ Московскаго Кадетскаго корпуса. Въ семъ же году, первый Кадетскій корпусъ для отличія отъ Морского началъ именоваться *Сухопутнымъ кадетскимъ*. Въ 1745 году повелѣно въ случаѣ недостатка въ инженерныхъ офицерахъ употреблять армейскихъ, воспитывавшихся въ Сухопутномъ корпусѣ. При семъ же начальникѣ произошло перемѣщеніе бывшихъ при корпусѣ греко-россійской и евангелической церквей въ зданія, понынѣ ими занимаемыя, первой въ 1744, а послѣдней въ 1745 годахъ.

Въ августѣ 1745 года, по случаю увольненія принца Гессенъ-Гомбургскаго въ отпускъ для излѣченія болѣзни, главнымъ директоромъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеръ князь В. Н. Репнинъ. По его ходатайству, тѣ изъ кадетъ, кои обучались по склонности юриспруденціи, были освобождаемы отъ занятій другими науками и экзерциціею, и назначались прямо въ гражданскую службу. Въ 1750, февраля 19-го, главное начальство надъ корпусомъ поручено князю Юсупову. Имя сего достойнаго вельможи заслуживаетъ быть незабвеннымъ въ исторіи перваго Кадетскаго корпуса. Обращая все свое вниманіе и употребляя все время на воспитаніе ввѣреннаго ему юношества, онъ входилъ во всѣ подробности корпусного управленія: удалилъ неспособныхъ чиновниковъ, улучшилъ содержаніе кадетъ, ввелъ лучшій порядокъ въ преподаваніи наукъ, приказалъ при ротахъ вести списки штрафованныхъ воспитанниковъ, узнавалъ отличнѣйшихъ по наукамъ и поведенію; короче сказать, не было предмета, на который бы достойный вельможа сей не обращалъ вниманія. Его управленіе корпусомъ примѣчательно многими обстоятельствами. Въ 1756 году выпущенные изъ корпуса 68 кадетъ отправлены въ главную Межевую канцелярію для черченія картъ и межеванія земель.

Въ слѣдующемъ году, 11-го апрѣля, по старанію князя Юсупова, состоялся указъ объ учрежденіи при корпусѣ типографіи для печатанія учебныхъ кадетскихъ книгъ. Въ томъ же году, 23-го мая, по представленію генералъ-прокурора князя Трубецкого, что недоросли изъ дворянъ записываются преимущественнѣе въ Сухопутный корпусъ, нежели въ Морской, отчего въ первомъ въ числѣ кадетъ было излишество противъ комплекта, а во второмъ недостатокъ, — повелѣно принимать въ оба корпуса уравнительно. Но главнымъ, примѣчательнѣйшимъ обстоятельствомъ въ начальствованіе князя Юсупова было слѣдующее:

Въ то самое время, когда Ломоносовъ первый изъ россіянъ знакомилъ своихъ соотечественниковъ съ правильною, звучною, высокою поэзіею ихъ языка, кадетъ Сумароковъ, прельщенный красотами первоклассныхъ французскихъ трагиковъ, рѣшился писать русскія трагедіи, и первыми опытами восхитилъ своихъ слушателей. Ихъ похвалы послужили ему ободреніемъ, и плодомъ онаго были его драматическія творенія, кои еще понынѣ сохранили и конечно сохранятъ навсегда свои достоинства. Товарищи Сумарокова, находя удовольствіе въ чтеніи его произведеній, занялись въ свободное время декламаціею его стиховъ, потомъ перешли къ представленію его комедій сначала отдѣльными сценами, а послѣ и цѣлыми пьесами. Сіи занятія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были для кадетъ однимъ изъ любимѣйшихъ увеселеній. Однажды, когда Сумароковъ уже былъ офицеромъ, кадеты сыграли въ его присутствіи трагедію *Семира,* и сыграли прекрасно. Авторъ, восхищенный искусною игрою кадетъ, донесъ о томъ покровителю своему, графу Разумовскому, а сей почелъ долгомъ извѣстить императрицу о таковой новости: ибо до того времени при дворѣ находились только италіанскіе и нѣмецкіе актеры. Это происходило въ 1750 году.

Желая видѣть представленія на русскомъ языкѣ и русскихъ трагедій, императрица повелѣла кадетамъ представить въ своемъ дворцѣ трагедію Сумарокова *Хоревъ* и пригласить къ представленію автора. Удостоенные таковой чести кадеты были: Меллиссино, Свистуновъ, Бекетовъ и еще нѣкоторые. Государыня велѣла имъ выдать изъ царской кладовой богатыя одежды и собственными руками убирала Свистунова, игравшаго роль Оснельды. Императрица и всѣ зрители пришли

въ восторгъ. Сумароковъ, удостоенный благоволенія монархини, и осыпанный громкими похвалами всѣхъ присутствовавшихъ, почувствовалъ въ себѣ новый жаръ, новыя силы къ подвизанію на поприщѣ русской трагедіи, и успѣхъ увѣнчалъ его дальнѣйшія представленія въ корпусѣ и во дворцѣ.

Примѣръ Сумарокова нашелъ послѣдователей между кадетами, и достойно примѣчанія, что лучшіе русскіе трагики: Херасковъ, Озеровъ и Крюковской, были воспитанники корпуса, — Княжнинъ учителемъ. Вскорѣ императрица повелѣла учредить Россійскій театръ и директоромъ онаго назначила Сумарокова. Первые русскіе балеты были также даваемы кадетами, подъ руководствомъ корпусного танцмейстера Ланде. Первые выписанные въ С.-Петербургъ для русской труппы актеры были помѣщены въ корпусѣ и образовались подъ руководствомъ оставленныхъ при ономъ офицеровъ: Меллиссино, Остервальда и Свистунова. Ихъ стараніямъ обязанъ русскій театръ своимъ бытіемъ и знаменитымъ Дмитревскимъ. Такимъ образомъ первый Кадетскій корпусъ, колыбель славы многихъ героевъ и знаменитыхъ мужей Россіи, былъ колыбелью ея трагедіи и театра.

Но раздѣляя забавы кадетъ и ободряя ихъ склонность къ драматическому искусству, императрица не упускала изъ виду главной, существенной цѣли ихъ воспитанія и, желая примѣнить увеселенія кадетъ къ военнымъ наукамъ, повелѣла, чтобы они занимались практически артиллеріею и инженернымъ искусствомъ. Для сего имъ было отпущено изъ С.-Петербургской крѣпости нѣсколько полевыхъ пушекъ, а въ саду устроены ими же самими небольшія земляныя укрѣпленія, кои имъ приходилось поперемѣнно оборонять и атаковать. Сверхъ сего бывали при корпусѣ карусели, на которыхъ воспитанники имѣли случаи показывать свое проворство и ловкость въ присутствіи государыни и великаго стеченія зрителей. Можно сказать, что въ царствованіе Елизаветы Сухопутный кадетскій корпусъ составлялъ часть Двора ея. При семъ нельзя не упомянуть, что по волѣ государыни, нѣкоторые изъ кадетъ были по выпускѣ опредѣляемы въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, для изученія языковъ, не только тѣхъ европейскихъ, коимъ не преподавали въ корпусѣ, но и восточныхъ.

Самымъ главнымъ, самымъ незабвеннымъ знакомъ вниманія императрицы Елизаветы Петровны къ Сухопутному кадет-

скому корпусу было подчиненіе онаго, съ 12 февраля 1759 г., великому князю и наслѣднику Петру Ѳеодоровичу, вмѣсто Князя Юсупова, находившагося на одрѣ смерти. Назначеніе сіе имѣло благодѣтельныя послѣдствія. Великій начальникъ корпуса проводилъ съ кадетами бо́льшую половину своего времени, присутствовалъ при ихъ занятіяхъ и играхъ, ознакомился съ каждымъ воспитанникомъ и доставилъ корпусу многія значительныя выгоды.

По ходатайству великаго князя, для увеличенія доходовъ корпуса, повелѣно, въ 1759 году, печатать въ типографіи онаго патенты на всѣ воинскіе чины. Въ 1760 году, по неимѣнію подробнаго географическаго описанія Россіи, трудъ сей возложенъ на Сухопутный корпусъ. Въ томъ же году, 2-го декабря, состоялся новый штатъ, по которому кадеты раздѣлены на пять ротъ: гренадерскую, три мушкетерскія и одну конную; въ первыхъ четырехъ ротахъ полагалось 409 человѣкъ, а въ послѣдней 81, всего 490; на годовое содержаніе корпуса опредѣлено 88.722 руб. 92½ коп. и при оном учреждена публичная аптека для продажи медикаментовъ. Въ 1761 году, 30-го апрѣля, повелѣно для снабженія арміи мастеровыми людьми обучать при корпусѣ 150 солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей изъ особо опредѣленныхъ на сей предметъ 6 т. руб. въ годъ. Наконецъ, для защиты кадетскихъ имѣній отъ неправедныхъ притязаній и обидъ, великій князь исходатайствовалъ указъ сената (1-го іюня 1761 года) объ удовлетвореніи по прошеніямъ кадетъ въ Юстицъ-Коллегіи и Юстицъ-Конторѣ, кои о ходѣ и рѣшеніи таковыхъ дѣлъ обязывались увѣдомлять корпусъ.

Вниманіе наслѣдника къ кадетскому корпусу не прекратилось и по восшествіи его на престолъ. Но не имѣя уже возможности, по великому числу государственныхъ занятій, удѣлять для корпуса столько же времени, какъ прежде, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая ввѣрить оный лицу, наиболѣе достойному и способному начальствовать заведеніемъ, гдѣ воспитывался цвѣтъ русскаго дворянства, императоръ Петръ III назначилъ, 14-го марта 1762 г., главнымъ директоромъ корпуса И. И. Шувалова, знаменитаго покровителя наукъ и художествъ. Шуваловъ оправдалъ въ полной мѣрѣ столь лестный выборъ.

Но и посреди важныхъ дѣлъ, стекавшихся со всѣхъ частей обширнаго Россійскаго государства, императоръ не переста-

валъ обращать на корпусъ особое вниманіе, любилъ посѣщать его и проводить съ кадетами немногіе часы своего досуга.

Славное царствованіе императрицы Екатерины II незабвенно въ исторіи перваго Кадетскаго корпуса. Помышляя о приведеніи въ дѣйство предначертаній Великаго Петра, она, посреди сихъ важныхъ занятій, не замедлила обратить особенное вниманіе на полезное заведеніе, основанное Минихомъ. Находя нужнымъ сдѣлать въ ономъ перемѣны, императрица повелѣла сочинить новый штатъ корпуса и утвердила его 29 августа 1762 года. По сему распоряженію кадеты раздѣлены на пять пѣшихъ ротъ, каждая изъ 104 человѣкъ, и одну конную изъ 80 человѣкъ, всего изъ 600 человѣкъ. Сумма на содержаніе корпуса увеличена до 126.589 руб. 35 коп.

Въ 1765 году, 7-го марта, корпусъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе самой императрицы; управлять же онымъ повелѣно И. И. Бецкому и Философову. Въ августѣ сего же года состоявшіе при корпусѣ 150 мастеровыхъ расформированы; вмѣсто ихъ, изъ той же суммы 6 т. руб., положено содержать 40 классныхъ и 10 гимназическихъ учениковъ, для доставленія современемъ корпусу свѣдущихъ учителей и гражданскихъ чиновниковъ.

Поступленіе корпуса въ непосредственное вѣдѣніе императрицы было предвѣстникомъ тѣхъ великихъ милостей и того вниманія, какихъ оный удостоивался до самой ея кончины. Бецкій, съ 10 мая 1766 года уже одинъ управлявшій корпусомъ, занялся по Высочайшей волѣ сочиненіемъ для онаго новаго устава и штата, до окончанія и утвержденія которыхъ императрица повелѣла учредить при корпусѣ *Правленіе*. 11-го сентября 1766 года послѣдовалъ ожиданный *уставъ*, истинно драгоцѣнный даръ государству. Написанный во всемъ сообразно своему времени, оный принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, кои, принеся собою наивеличайшую пользу, сохраняютъ всегда и вездѣ свою цѣну и достоинство. Въ немъ изображено обстоятельно и ясно: когда и чѣмъ руководствоваться при воспитаніи кадетъ; ничего не забыто, что̀ могло служить къ образованію нравственному, ничего не упущено и для развитія способностей тѣлесныхъ.

Въ силу сего Устава, корпусъ, наименованный *Императорскимъ Сухопутнымъ шляхетнымъ кадетскимъ*, былъ порученъ управленію *Совѣта*, коего члены назначались самою

императрицею, и *генералъ-директору*. Число кадетъ не измѣнилось, но вмѣсто прежнихъ шести ротъ учреждены пять *возрастовъ;* вмѣсто пріемовъ во всякое время, когда только были вакансіи, положено принимать въ кадеты не иначе, какъ чрезъ каждые три года и не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Воспитанникъ поступалъ въ 1-й возрастъ, по прошествіи трехъ лѣтъ переходилъ во 2-й, чрезъ столько жъ времени въ 3-й, и, слѣдуя таковымъ порядкомъ далѣе, оставлялъ корпусъ не прежде, какъ пробывъ въ ономъ пятнадцать лѣтъ. Кадеты 1-го возраста были подчинены женскому надзору, а въ четырехъ остальныхъ — воспитателямъ изъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. При вступленіи кадета въ 4-й возрастъ, ему предоставлялось избирать воинскую или статскую службу, но не иначе, какъ по уважительнымъ причинамъ, какъ-то: по склонности, состоянію, здоровью и т. п. Воспитанникамъ двухъ старшихъ возрастовъ дозволялось въ большіе праздники и церемоніальные дни являться по нѣскольку человѣкъ ко дворцу, въ сопровожденіи директора корпуса, офицеровъ или профессоровъ. Увольненіе кадетъ со двора было прекращено, но для свиданія ихъ съ родственниками назначены особые часы по воскреснымъ днямъ; впослѣдствіи же времени отстроенъ для сего большой залъ, называвшійся тогда *собраничнымъ,* а нынѣ занимаемый музеумомъ корпуса. Кругъ учебныхъ занятій кадетъ былъ значительно распространенъ, приведенъ въ лучшую систему и приспособленъ къ понятіямъ воспитанниковъ каждаго возраста.

Кадеты, окончившіе курсъ воспитанія, поступали на службу, смотря по ихъ поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, прапорщиками, подпоручиками и поручиками. Экзаменъ производился въ присутствіи генералъ-директора и одного изъ членовъ Совѣта. Отличившіеся на ономъ получали медали: въ 5-мъ возрастѣ золотыя, а въ 4-мъ серебряныя. Удостоенные таковой награды носили на кафтанахъ золотыя и серебряныя нашивки, состоявшія изъ лавроваго вѣнка, а внутри онаго — корпусного герба. Раздача медалей производилась съ большимъ торжествомъ старшимъ членомъ Совѣта, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ обоего пола и при собраніи чиновниковъ и кадетъ корпуса. Кромѣ сего лестнаго и поощрительнаго одобренія, воспитанникамъ, окончившимъ курсъ наукъ, разрѣшалось путешествовать три года въ чужихъ краяхъ, на счетъ казны.

Еще достойно примѣчанія, что во время собраній Совѣта, у дверей залы онаго становили на часы двухъ кадетъ.

Къ достопамятному сему Уставу приложены разныя разсужденія, наставленія и примѣчанія, относящіяся до воспитанія и ученія кадетъ, извлеченныя изъ лучшихъ по сему предмету сочиненій и основанныя на опытѣ.

Въ 1767 году 20 января послѣдовалъ и штатъ корпуса, увеличившій сумму на годовое его содержаніе до 165 т. руб. По нахожденіи въ корпусѣ значительнаго числа взрослыхъ кадетъ, не могшихъ подойти подъ правила, предписанныя Уставомъ, — пріемъ и выпускъ продолжались по самый 1770 годъ; но къ сему времени все уже было приведено въ порядокъ. Пріемъ прекращенъ на три года, и первый выпускъ послѣдовалъ не прежде 1782 года.

Между тѣмъ какъ корпусъ, преобразованный по новому уставу, готовилъ отечеству образованныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій съ турками уже гремѣли многія имена воспитанниковъ времени Миниха.

Назначеніе графа Ангальта есть одна изъ примѣчательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи перваго Кадетскаго корпуса. Знаменитый вельможа сей совершенно посвятилъ себя воспитанію кадетъ; обходился съ ними какъ отецъ попечительный; наставлялъ ихъ, какъ мудрецъ опытный, и умѣлъ дѣйствовать на всѣ ихъ чувства. Онъ размѣстилъ по заламъ корпуса полезныя и наставительныя книги; окружилъ воспитанниковъ бюстами великихъ людей, которые вдыхали въ нихъ желаніе познать ихъ дѣла и подражать онымъ, и наконецъ заставилъ говорить съ ними, и говорить поучительно, самыя стѣны. Большая стѣна, окружающая корпусной садъ, была исписана сверху донизу поучительнѣйшими изреченіями на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, хронологіею важнѣйшихъ открытій и происшествій, разными эмблематическими изображеніями и т. п. Такимъ же образомъ исписаны были стѣны большого рекреаціоннаго зала[1]). Время начальствованія сего вельможи оставило по себѣ многія драгоцѣнныя воспоминанія, и самое имя его передается съ величайшимъ уваженіемъ отъ одного

[1]) Всѣ сіи надписи сохранились въ двухъ небольшихъ книгахъ, напечатанныхъ при Первомъ Кадетскомъ корпусѣ, подъ заглавіями: La Muraille Parlante à la Salle de Récréation.

поколѣнія кадетъ къ другому. Корпусъ лишился сего благодѣтельнаго начальника 24 мая 1794 года.

Въ то время, когда графъ Ангальтъ съ такою заботливостью управлялъ корпусомъ, почти половину важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ занимали бывшіе воспитанники сего заведенія: одни начальствовали въ арміяхъ, другіе засѣдали въ Совѣтѣ императрицы, въ сенатѣ, въ коллегіяхъ; управляли намѣстничествами; предсѣдательствовали въ важныхъ комиссіяхъ и, наконецъ, начальствуя кадетскими корпусами, оставили по себѣ въ оныхъ незабвенную память.

Императрица Екатерина II, излившая столько милостей на юношество, воспитывавшееся подъ благотворнымъ покровомъ ея, въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ нерѣдко удостоивала оный своимъ посѣщеніемъ и неоднократно присутствовала при ихъ каруселяхъ, кои давались въ корпусѣ при стеченіи самой многочисленной и блистательной публики. При видѣ великаго числа полезныхъ и знаменитыхъ людей, получившихъ образованіе въ семъ заведеніи, Великая Екатерина почтила оный самымъ лестнымъ названіемъ *разсадника великихъ людей Россіи*. Слова многозначащія, но оправданныя на дѣлѣ.

Корпусъ доставлялъ свѣдущихъ офицеровъ не только арміи, но и флоту. Кромѣ 34 кадетъ, поступившихъ въ Морской корпусъ, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1788 году, значительное число корпусныхъ воспитанниковъ было выпущено на флотъ, большею частію, на гребной, дѣйствовавшій противъ шведовъ, подъ начальствомъ извѣстнаго принца Нассау-Зигена. Всѣ они служили съ похвалою на новой для нихъ стихіи, а нѣкоторые были впослѣдствіи флагманами.

Годъ, предшествовавшій кончинѣ графа Ангальта (1793), примѣчателенъ въ исторіи корпуса по двумъ обстоятельствамъ: въ ономъ былъ послѣдній выпускъ въ офицеры, на основаніи Устава 1766 года, и въ числѣ удостоенныхъ къ производству 12 человѣкъ поступили на службу прямо капитанами[1]). Мѣсто графа Ангальта заступилъ генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ, мужъ знаменитый своими заслугами и безсмертный по войнѣ 1812 года[2]). *Висковатовъ.*

[1]) Кадеты сіи были: И. Л. Елагинъ, В. Л. Ивановъ, А. Я. Минутъ, И. Г. Гогель, Г. А. Стахѣевъ, С. М. Ушаковъ, А. А. Стахѣевъ, Г. И. Фроловъ, В. Ф. Молчановъ, Н. М. Ушаковъ, А. Ф. Вольфъ, А Н. Черняевъ.

[2]) Достойно примѣчанія, что сей начальникъ учредилъ при корпусѣ классъ тактики.

Морской шляхетный кадетскій корпусъ.

Высочайшимъ указомъ августѣйшей дочери Петра Великаго, императрицы Елизаветы Петровны, 1752 года, декабря 15 дня, основанъ Морской шляхетный кадетскій корпусъ. Съ учрежденіемъ его упразднилась Московская школа или Академія на Сухаревой башнѣ, С.-Петербургская Морская академія, гардемаринская рота и Морская артиллерійская школа, имѣвшая комплектъ до 150 человѣкъ и приготовлявшая, на основаніи регламента, учениковъ, „которые годились бы не только въ унтеръ-, но и въ оберъ-офицеры артиллеріи“. Въ эту школу поступали дворянскія дѣти прямо отъ родителей, или изъ Морской академіи.

Въ Морской корпусъ перевели изъ Московской школы только дворянскихъ дѣтей, а разночинцевъ опредѣлили въ мастерскія школы при адмиралтействахъ и въ штурманскую роту. Выбранные гардемарины и ученики Морской академіи и Артиллерійской школы поступили въ число воспитанниковъ корпуса. Зданія Морской академіи и все имущество ея гардемаринской роты передано также въ корпусъ.

На этомъ основаніи и рѣшено было уничтоженіе отдѣльнаго существованія гардемаринской роты.

Комплектъ воспитанниковъ корпуса, по Высочайше утвержденному штату, положенъ 360 человѣкъ, которые въ строевомъ составѣ раздѣлялись на три роты, а въ учебномъ на три класса. Каждая рота и каждый классъ состоялъ изъ 120 человѣкъ.

Воспитанники *перваго* класса кончали высшія морскія науки и назывались *гардемаринами*. Во *второмъ* классѣ проходили навигацію и начинали другія науки, и воспитанники назывались *кадетами втораго класса*. Въ *третьемъ* классѣ были *кадеты третьяго класса,* учившіеся тригонометріи и другимъ низшимъ наукамъ.

Кромѣ этого, изъ кадетъ второго класса выбиралось „не свыше 30 человѣкъ въ артиллерійскіе кадеты такихъ, которые по окончаніи въ совершенство по регламенту всѣхъ наукъ за взрослыми лѣтами не благонадежны со основанія обучать не только теоріи, но и практики“. Изъ одного класса въ другой переводили по экзамену только на открывающіяся вакансіи,

такъ что и достойные по наукамъ, въ случаѣ неимѣнія свободныхъ вакансій, должны были сидѣть въ прежнемъ классѣ.

Каждая рота состояла изъ 40 гардемариновъ, 40 кадетъ 2-го класса и 40 кадетъ 3-го класса. Изъ гардемариновъ, лучшихъ по наукамъ, выбирали въ каждой ротѣ: каптенармуса, подпрапорщика, фурьера, 4-хъ сержантовъ, 4-хъ капраловъ и 8 ефрейторовъ. Каждой ротой командовалъ капитанъ 3-го ранга; подъ его начальствомъ состояли капитанъ-лейтенантъ, унтеръ-лейтенантъ и прапорщикъ, производимый изъ кадетскихъ унтеръ-офицеровъ. Сверхъ ротнаго штата при корпусѣ былъ адъютантъ.

Дирекцію надъ Морскимъ корпусомъ, по примѣру Сухопутнаго, положено имѣть „изъ Морского генералитета, кому Ея Императорское Величество повелѣть соизволитъ“. Второе лицо по директорѣ былъ капитанъ 1-го ранга; эту послѣднюю должность исправлялъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ, который по неимѣнію директора и управлялъ корпусомъ.

Кромѣ классныхъ занятій въ корпусѣ, предполагалось всѣхъ гардемариновъ и до 30 кадетъ 2-го класса, готовящихся въ артиллерію, отправлять, для практики, лѣтомъ на эскадру въ кампанію. Артиллерійскихъ кадетъ посылали, „яко констапельскихъ учениковъ, дабы чрезъ такое дѣятельное обученіе теоріи и практики, какъ гардемарины во флотѣ, такъ и констапельскіе ученики въ артиллеріи въ произвожденіи слѣдовать могли“.

Для помѣщенія корпуса пожалованъ императрицею (1743 г., марта 4) каменный двухъ-этажный домъ, бывшій Миниха, находящійся на Васильевскомъ островѣ, на углу набережной большой Невы и 12-й линіи.

Домъ этотъ былъ построенъ Остерманомъ, и у него вымѣненъ Минихомъ на другой домъ на Адмиралтейской сторонѣ. По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, онъ взятъ въ казну, и въ немъ была помѣщена придворная италіанская труппа.

Во время могущества гордаго фельдмаршала Миниха не только внутреннія, но и наружныя стѣны этого дома были разукрашены знаменами, пушками, скованными турками и тому подобными атрибутами побѣдителя оттомановъ; фигурные столярные карнизы украшали фасадъ; на возвышеніи, въ родѣ фронтона, красовались четыре деревянныя статуи, и по обѣимъ

сторонамъ возвышенія были деревянные же трофеи, расположенные въ видѣ двухъ полукруговъ. Однимъ словомъ, послѣ великолѣпнаго дворца князя Меншикова, домъ Миниха едва ли не былъ лучшимъ на всей Васильe-островской набережной.

Всѣ наружныя украшенія, разумѣется кромѣ живописи, остались и при помѣщеніи корпуса; и внутри нѣкоторыя комнаты сохранили богатыя изразцовыя печи, позолоту на потолкѣ и лѣпную работу.

Учрежденіе Морского корпуса, на мѣсто Морской академіи, можетъ показаться простымъ переименованіемъ того же заведенія; но на самомъ дѣлѣ это было полное преобразованіе, или, правильнѣе, дѣйствительное „основаніе“ новаго училища, хотя въ составъ его и вошли части старыхъ.

Мы видѣли прежнюю академію съ самыми ограниченными денежными средствами, не имѣющую иногда необходимыхъ учителей, безъ своего лазарета и церкви; видѣли учениковъ въ крайней бѣдности, разсѣянныхъ по городу безъ надзора; учителей, хотя усердныхъ и знающихъ, но безъ общаго направленія, и, наконецъ, заведеніе, не имѣющее настоящаго ближайшаго начальника.

Императрица, основательница Морского корпуса, штатомъ, дарованнымъ этому заведенію, отстранила всѣ бывшія непорядки и повелѣла устроить корпусъ по образцу Сухопутнаго, то-есть въ общихъ чертахъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, на какихъ и теперь существуютъ военно-учебныя заведенія.

Всѣ служащіе въ корпусѣ офицеры производились въ чины и получали жалованье и прочее довольствіе наравнѣ съ флотскими офицерами. Прапорщикамъ (которые были изъ воспитанниковъ), сверхъ ординарнаго жалованья, равнаго съ прапорщиками Сухопутнаго корпуса, положено прибавочнаго 30 руб. въ годъ, — изъ этихъ денегъ вычитали у нихъ только на позументъ къ мундиру; сержантамъ, сверхъ ординарнаго жалованья, положено прибавочнаго 24 руб.; каптенармусамъ — 18 руб.; капраламъ — 12 руб.; подпрапорщикамъ и фурьерамъ — 13 руб.; ефрейторы и гардемарины получали жалованья — 30 руб. Кадеты 2-го класса — 24 руб. и 3-го класса — 18 руб. У кадетъ все жалованье вычитали на одежду и ихъ содержаніе, а гардемаринамъ выдавали по 6 рублей въ годъ „для лучшаго къ трудной морской службѣ куража и дабы въ обученіи ревностнѣе простирались“.

Въ учебномъ штатѣ корпуса, для преподаванія математическихъ и навигацкихъ наукъ, положенъ одинъ профессоръ, съ жалованьемъ 700 руб.; 2 учителя, съ жалованьемъ по 500 руб., и при нихъ 6 подмастерьевъ, съ жалованьемъ 180 руб., и 6 учениковъ „большой астрономіи“ (изъ которыхъ производили въ подмастерья), съ жалованьемъ „по разсмотрѣнію“, но не болѣе 120 руб. Для обученія артиллеріи и фортификаціи назначено 2 учителя, съ жалованьемъ по 250 руб., и при нихъ 2 подмастерья, съ жалованьемъ 120 руб.

Въ числѣ корпусныхъ офицеровъ одинъ полагался изъ артилеристовъ, хорошо знающій артиллерію и фортификацію; онъ долженъ былъ имѣть надзоръ за преподаваніемъ этихъ наукъ.

Еще было назначено два учителя, съ жалованьемъ 200 руб., для преподаванія „географіи, генеалогіи и для ученія въ штилѣ и въ реторикѣ, исторіи, политикѣ и въ толкованіи авизей, въ морали, геральдикѣ и прочихъ шляхетскихъ наукъ“. Какимъ образомъ учителя могли справляться съ такимъ множествомъ наукъ, и какія, кромѣ поименованныхъ, еще были „прочія шляхетскія науки“ — это остается загадкою.

Для иностранныхъ языковъ, французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, положено, на каждый, по 2 учителя, съ жалованьемъ по 200 руб., и для русскаго языка и правописанія 1 учитель съ жалованьемъ 150 руб. Кромѣ этого, было два учителя рисованія, фехтмейстеръ, танцмейстеръ и боцманъ для обученія такелажной работѣ. Корабельной архитектурѣ должны были учить корабельные мастера изъ адмиралтейства. Для перевода математическихъ книгъ съ латинскаго языка назначенъ переводчикъ, съ жалованьемъ 200 руб.

При корпусѣ положено имѣть мастеровыхъ по всѣмъ болѣе необходимымъ мастерствамъ; оставлена также бывшая академическая типографія съ словолитней, и для нихъ 35 человѣкъ рабочихъ. Въ типографіи должны были печататься книги, карты, патенты и другія работы для флота; и за все это корпусу платили деньги.

Въ зданіи корпуса положено имѣть церковь и лазаретъ, для котораго назначены и медицинскіе чины; только лѣкарства велѣно брать изъ адмиралтейской аптеки, съ извѣстнымъ вычетомъ денегъ. Наконецъ, положенъ канцелярскій и хозяйственный, или экономическій, штатъ. На всѣ отдѣльныя статьи расходовъ назначены суммы; но дозволено, съ разрѣшенія

коллегіи, излишками однихъ статей пополнять недостатки другихъ.

Къ исходу 1755 года кончили новыя постройки и исправленія корпусныхъ зданій, и всѣ они отъ Апрѣлева сданы по описямъ Нагаеву.

Покуда продолжалась работа, Нагаевъ заготовилъ всѣ вещи, необходимыя для жизни воспитанниковъ въ корпусѣ; мебель, одежду, бѣлье, посуду и пр., даже провизію. Во время исправленія зданій ученики или кадеты попрежнему жили на обывательскихъ квартирахъ, а въ классы ходили въ старый домъ въ 3-ю линію, гдѣ еще находилась канцелярія, классы и все корпусное хозяйство.

Въ половинѣ 1755 года часть воспитанниковъ ввели въ новый корпусный домъ, другіе же оставались на вольныхъ квартирахъ и получали помѣсячно деньги на пищу и квартиру по новому штату. За „добропорядочнымъ“ поведеніемъ ихъ на квартирахъ наблюдала канцелярія. Въ началѣ 1756 года кажется уже всѣ воспитанники жили въ корпусѣ.

Нагаевъ, какъ старшее лицо въ корпусѣ, занялся выборомъ воспитанниковъ и формированіемъ всѣхъ чиновъ сообразно новому штату. Изъ бывшихъ гардемариновъ и учениковъ С.-Петербургской академіи и Московской школы 60 человѣкъ, старыхъ, неспособныхъ къ наукамъ и дурного поведенія, представилъ къ выключкѣ, а остальныхъ принялъ въ число воспитанниковъ корпуса, дополнивъ недостатокъ недорослями, присылаемыми попрежнему изъ Герольдіи. Но какъ дѣтей присылали не много, то въ 1758 году двумя указами Сената повелѣно было „для скорѣйшаго укомплектованія Морского кадетскаго корпуса всѣхъ являющихся недорослей, кромѣ онаго корпуса, пока наполнится, въ другія ни въ какія службы не опредѣлять, а отсылать въ тотъ корпусъ.

Оставшіеся за штатомъ „геодезіи служители“ отправлены были въ Москву въ Правительствующій Сенатъ. Классъ геодезіи, учрежденный государемъ Петромъ Великимъ, существовалъ съ самаго основанія навигацкой школы до основанія Морского корпуса. До 1715 года онъ былъ въ Москвѣ, а съ этого времени въ Петербургѣ. Преподавалъ въ немъ Фарварсонъ, а послѣ него другіе учители. Геодезисты, выбираемые преимущественно не изъ дворянъ, соединяли въ себѣ званія гидрографовъ, топографовъ и землемѣровъ и исполняли всѣ порученія Сената и Адмиралтействъ-Коллегіи, требующія свѣдѣній въ гео-

дезіи. Хотя по спискамъ геодезисты состояли въ вѣдѣніи академическаго начальства, но, отсылаясь по распоряженіямъ Сената въ долголѣтнія посылки, они нерѣдко терялись совсѣмъ изъ вида морского начальства. Геодезисты по распоряженіямъ коллегіи дѣлали морскія съемки; по повелѣніямъ Сената составляли карты цѣлыхъ областей, размежевывали губерніи, описывали лѣса, и пр. При каждомъ посольствѣ, отправлявшемся въ малоизвѣстныя страны, и при каждой ученой экспедиціи назначались геодезисты. При отправленіи въ посылки Морская академія снабжала ихъ необходимыми инструментами, которые ей возвращались по окончаніи работы.

Собственно „геодезистами“ назывались старшіе ученики геодезіи, окончившіе курсъ; изъ нихъ производили въ офицерскіе чины: прапорщики геодезіи, поручики и далѣе.

Выборомъ офицеровъ въ Морской корпусъ занялась сама коллегія, и, слѣдуя словамъ штата, назначила въ корпусъ офицеровъ дѣйствительно „хорошихъ и знающихъ“. Прежніе академическіе учители и прочія лица заняли соотвѣтствующія штатныя мѣста въ корпусѣ, а на оставшіяся вакансіи малопомалу пріискивали новыхъ служащихъ. Профессоромъ математическихъ и морскихъ наукъ выписали изъ Лондона англичанина Ньюбери, а учителями этихъ наукъ остались Кривовъ, Четвериковъ, также подмастерьи Расторгуевъ, Бильцовъ, Бухаринъ и Кургановъ. Фортификацію и артиллерію, до пріисканія артиллериста, знающаго „совершенно оныя науки“, продолжалъ читать Василій Красильниковъ. Учителя рускаго языка выписали изъ Московской славянско-греко-латинской академіи. Иностраннымъ языкамъ, судя по фамиліямъ, учили иностранцы. Нашелся даже преподаватель „географіи, генеалогіи и прочихъ наукъ“ — нѣмецъ Гейльманъ. Затруднительнѣе всего было сыскать танцмейстера и кухмейстера, которые не явились даже и по вызовамъ газетъ, но, наконецъ, и этотъ недостатокъ былъ пополненъ.

Воспитанники Морской академіи и потомъ Морского корпуса, по неимѣнію своей церкви, приписаны были къ церкви святого Николая Чудотворца, находившейся на Морскомъ полковомъ дворѣ. Въ 1761 году указомъ Сената (января 22) велѣно было изъ этой церкви иконостасъ и всѣ церковныя вещи перенести въ церковь Морского корпуса, которая и была освящена того же года, марта 4 дня.

Первое десятилѣтіе съ основанія корпуса прошло въ устройствѣ помѣщенія и приведеніи всѣхъ частей управленія въ состояніе, требуемое Высочайше дарованнымъ штатомъ. По многимъ причинамъ все дѣлалось довольно медленно, и даже въ 1762 году нѣкоторыя вещи по строевой части еще не были сдѣланы. Новость дѣла, недоимки въ ассигнованной суммѣ и личныя, не совсѣмъ пріязненныя, отношенія Нагаева съ членами коллегіи нѣсколько вредили новому корпусу. По принятому порядку Нагаевъ ни одного даже самаго мелочнаго распоряженія не могъ привести въ исполненіе безъ разрѣшенія коллегіи; а тамъ рѣдкое изъ его представленій не было измѣняемо. Напримѣръ: онъ представлялъ нѣсколько дурныхъ воспитанниковъ къ выключкѣ изъ корпуса, а ихъ для исправленія увольняли на два года въ отпускъ; или Нагаевъ своего же корпусного сержанта по экзамену не находилъ достойнымъ въ мичмана, — тотъ жаловался коллегіи, былъ переэкзаменованъ и произведенъ, и т. п.

Кромѣ управленія корпусомъ, Нагаевъ присутствовалъ въ комиссіи о Рогервикскихъ строеніяхъ, занимался составленіемъ сигналовъ, производилъ безчисленное множество экзаменовъ и т. п. Надо полагать, что годы управленія корпусомъ были для Нагаева самымъ тяжелымъ и непріятнымъ временемъ изъ всей его службы: тяжелымъ по безпрерывнымъ трудамъ, несходнымъ съ его характеромъ, непріятнымъ, потому что, при искреннемъ желаніи пользы, онъ нерѣдко видѣлъ малоуспѣшность своихъ трудовъ и, вмѣсто признательности, встрѣчалъ непріятности отъ своихъ недоброжелателей.

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ былъ человѣкъ ученый, кабинетный, копотливый гидрографъ, всю жизнь свою проводившій въ серьезной работѣ; а исполненіе обязанностей директора, тысячу разъ въ день отрывало его отъ любимаго дѣла и заставляло входить въ разборъ и рѣшеніе тысячи мельчайшихъ бездѣлицъ, неизбѣжныхъ при воспитаніи. Очевидно, дѣятельность такого рода не могла нравиться Нагаеву.

Ученый авторитетъ Нагаева былъ такъ великъ и извѣстенъ, что ему безпрестанно дѣлали разнородныя служебныя порученія, требующія свѣдѣній въ наукахъ. Особенно много трудился онъ по части гидрографіи: съ 1730 по 1734 годъ описывалъ Каспійское море; въ 1739 г. съ Люберасомъ былъ при описи Финскаго залива; въ 1744 г. разсматривалъ журналы

членовъ Беринговой экспедиціи и составилъ карты Камчатскаго моря и американскаго берега; наконецъ, въ 1746 году, когда коллегія „запотребно разсудила“ привести морскія карты здѣшняго моря „въ самую аккуратность“, тогда рѣшено было разсмотрѣть и исправить прежнія карты и, гдѣ нужно, пополнить ихъ новыми съемками: исполненіе этого дѣла поручили также Нагаеву, „яко доброму зейману (моряку)“. Слѣдствіемъ его трудовъ былъ извѣстный атласъ Балтійскаго моря, надъ которымъ Алексѣй Ивановичъ работалъ шесть лѣтъ.

Дальнѣйшая служба и труды Алексѣя Ивановича ставятъ его на такую высоту, что до сихъ поръ всякій морякъ произноситъ съ уваженіемъ имя перваго нашего гидрографа, бывшаго первымъ въ должности директора Морского кадетскаго корпуса.

Миниховъ домъ, пожалованный корпусу, по набережной Невы, занималъ около половины нынѣшняго протяженія корпуса.

Въ классныхъ занятіяхъ корпуса, кажется, оставался тотъ же общій порядокъ, который былъ и въ Морской академіи, только съ большимъ надзоромъ, нежели прежній. Дежурные офицеры смотрѣли за порядкомъ, записывали непришедшихъ въ классы преподавателей и т. п.

Конечно, въ сравненіи съ нынѣшнимъ класснымъ порядкомъ, организованнымъ въ строгой системѣ до послѣднихъ мелочей, въ сравненіи съ этимъ строгимъ контролемъ каждаго отвѣта, почти каждой мысли воспитанника, тогдашній порядокъ былъ близокъ къ безпорядку. Но, несмотря на отсутствіе привычныхъ для насъ формъ, успѣхи преподаванія у хорошихъ учителей были весьма удовлетворительны. Способный воспитанникъ, желавшій учиться, и тогда могъ получить хорошія теоретическія свѣдѣнія, и съ пособіемъ практическихъ познаній, пріобрѣтенныхъ въ морскихъ кампаніяхъ, могъ быть прекраснымъ морскимъ офицеромъ.

Какъ доказательство этого мнѣнія, разсмотримъ экзаменъ сержанта Степанова въ мичмана. Правда, это былъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ корпуса, но лучшіе-то и опредѣляютъ достоинство и преподаванія и преподавателей.

Въ экзаменной тетради, представленной въ коллегію и состоящей изъ вопросовъ экзаминатора и отвѣтовъ экзаменуемаго, прежде всего находится слѣдующая выписка изъ формулярнаго списка. „Сержантъ Петръ Степановъ отъ роду имѣетъ 25 лѣтъ,

изъ дворянъ; въ 1743 опредѣленъ изъ недорослей въ Морскую академію въ ученики; 1745 году написанъ въ гардемарины, изъ науки сферики; въ 1753 году пожалованъ въ Кадетскій корпусъ сержантомъ изъ науки круглой навигаціи. Артиллеріи, фортификаціи, рисованію корабельныхъ членовъ, экзерциціи ружейной и пушечной обучался. На морѣ служилъ 8 кампаній". Вслѣдъ за этимъ приложены аттестаціи командировъ и далѣе вопросы экзаминатора, отвѣты Степанова и резолюціи на эти отвѣты.

Вотъ вопросы, дѣланные Степанову: 1) О приливахъ и отливахъ. 2) Объ исправленіи румбовъ. 3) О дрейфѣ корабля при данной парусности. 4) Объ опредѣленіи теченія моря, на якорѣ и со шлюпки. 5) Объ опредѣленіи скорости корабля. 6) О повѣреніи склянокъ. 7) Объ опредѣленіи склоненія компаса на берегу и на морѣ. 8) Задано нѣсколько примѣровъ изъ вопроса 7-го. 9) Объ опредѣленіи широты мѣста (находилъ ее по меридіональной высотѣ солнца, которую измѣрялъ квадрантомъ). 10) задача: „1720 года мая 1-го дня ниже объявленные плаватели, будучи въ разныхъ мѣстахъ, усмотрѣли высоту солнца: 1-й, сѣверный край солнца; 2-й, южный край солнца, въ своихъ зенитахъ; 3-й, нижній край солнца въ полночь; 4-й, верхній край солнца въ полдень, на своихъ меридіанахъ въ горизонтахъ, желаю знать въ какихъ ширинахъ (широтахъ) плаватели находились?" Это ужъ родъ астрономическаго фокусъ-покуса, который, вѣроятно, тогда задавался только отличнымъ ученикамъ; однако Степановъ разрѣшилъ задачу. 11) Исправленіе высотъ солнца. 12) Примѣръ опредѣленія широты мѣста по меридіональной высотѣ солнца. 13) О меркаторскомъ счисленіи. 14) Объ исправахъ счисленія. 15) По разности долготы, сдѣланной по параллели въ извѣстной широтѣ, сыскать плаваніе? 16) Сколько въ градусѣ земномъ разныхъ мѣръ? 17) Примѣръ исправъ счисленія и плаванія по дугѣ великаго круга, для котораго вычислено 18 курсовъ. 18) Задача: „когда звѣзда Сиріусъ восходитъ и заходитъ въ одно время съ солнцемъ на московскомъ горизонтѣ, и въ какой широтѣ восходитъ вмѣстѣ съ звѣздою Капеллою?"

Изъ морской практики спрашивали: 1) Нагрузку; опредѣленіе длины и толщины главныхъ частей рангоута и такелажа; вѣсъ канатовъ и якорей. 2) Сняться съ якоря. 3) Съ фордевинда привести въ бейдевиндъ. 4) Поворотить овергъ-штагъ.

5) Поворотить черезъ фордевиндъ. 6) Въ бейдевиндъ подъ всѣми парусами принять шквалъ. 7) Что дѣлать, идя въ бейдевиндъ подъ всѣми парусами, если вѣтеръ свѣжѣетъ? 8) Рыскливый корабль исправить нагрузкою. 9) Идя на фордевиндъ, стать на якорь. 10) Стоять на якорѣ въ свѣжій вѣтеръ. 11) Стать фертоингъ. 12) Что дѣлать въ случаѣ потери мачтъ, вдали отъ порта? 13) Какъ замѣнить потерянный въ морѣ руль? 14) При открывшейся сильной течи спасти корабль. 15) Приготовить военный корабль къ походу. 16) Въ отдаленіи сравнить силу своего судна съ непріятельскимъ. 17) Сравнить скорость непріятельскаго судна со скоростію своего. 18) Узнать, свое или непріятельское судно при сближеніи выиграетъ вѣтеръ. 19) Ежели непріятель побѣжалъ на фордевиндъ, какъ его лучше догнать? 20) Гдѣ мѣсто репетичнаго фрегата или брандера во время ходу и сраженія? 21) Построиться въ линію баталіи. 22) Исправить линію баталіи при перемѣнѣ вѣтра. Отвѣты на это написаны весьма отчетливо, даже съ большею подробностію, нежели требовалось по вопросамъ. Если въ экзаменной тетради все написано самимъ Степановымъ, въ чемъ нѣтъ причинъ и сомнѣваться, то въ Морскомъ корпусѣ и въ первые годы его существованія учили и учились съ пользою для флота.

Въ это время Курганов уже началъ обращать на себя вниманіе начальства. Бывши въ классѣ учителя Вентурини, котораго ученики вообще мало успѣвали, Курганов такъ усердно занимался французскимъ языкомъ, что перевелъ съ него на русскій: „Элементы геометрическіе, Физическую астрономію и часть Свѣтильника морского (лоціи)“. Кромѣ того началъ изучать нѣмецкій языкъ, и на латинскомъ могъ читать астрономическія книги. Посланный для астрономическихъ наблюденій съ профессоромъ Гришевымъ, онъ показалъ столько свѣдѣній и способностей, что Академія Наукъ, по представленію Гришева, просила перевести Курганова къ себѣ „навѣчно“; но корпусъ отказалъ, представляя, что онъ и ему нуженъ. Это требованіе было тѣмъ полезно Курганову, что его сдѣлали „подмастерьемъ математическихъ и навигацкихъ наукъ“, съ жалованьемъ по 180 руб. въ годъ. Въ 1755 году представилъ онъ въ Адмиралтействъ-Коллегію сочиненную имъ „Универсальную ариѳметику, содержащую основательное ученіе, какъ легчайшимъ способомъ разныя вообще случающіяся,

математикѣ принадлежащія ариѳметическія, геометрическія и алгебраическія выкладки производить". По разсмотрѣніи и одобреніи профессоромъ Поповымъ, книга эта, по указу коллегіи, напечатана, въ 1757 году, „на коштъ его, Курганова". Она была принята для руководства въ корпусѣ и вытѣснила ариѳметику Магницкаго, державшуюся въ классахъ до сихъ поръ.

Въ 1760 году А. И. Нагаевъ сдалъ управленіе корпусомъ капитану 1-го ранга Андрею Михайловичу Давыдову. Какъ Нагаевъ, такъ и Давыдовъ занимали въ штатѣ корпуса мѣсто капитана 1-го ранга, а настоящаго директора не было. Коллегія, замѣтя въ корпусѣ нѣкоторыя неисправности, хлопотала о скорѣйшемъ назначеніи директора, и съ этою цѣлію положено было: представя императрицѣ списокъ всѣхъ адмираловъ, просить о выборѣ одного изъ нихъ въ директоры Морского корпуса.

Между тѣмъ, въ ожиданіи Высочайшаго назначенія, коллегія поручила контръ-адмиралу Ѳедору Сергѣевичу Милославскому привести корпусъ въ должный порядокъ. Милославскій, судя по его прежней службѣ, былъ хорошій морской офицеръ, а судя по распоряженіямъ въ корпусѣ, человѣкъ умный и образованный. Вступя въ управленіе, онъ немедленно представилъ коллегіи все, что должно было исправить, и просилъ объ исправнѣйшемъ доставленіи суммъ, назначенныхъ на содержаніе корпуса, отъ штатсъ-конторы.

По причинѣ недоимки въ этихъ суммахъ, воспитанники не могли быть хорошо обмундированы и не было полнаго числа учителей иностранныхъ языковъ. Кромѣ этого, по малому числу корпусныхъ офицеровъ, за воспитанниками не всегда былъ должный надзоръ и т. п.

Милославскій просилъ дозволить ему самому выбрать ротныхъ командировъ, и для надзора за преподаваніемъ иностранныхъ языковъ и работами типографіи назначить извѣстнаго профессора Миллера. Всю хозяйственную часть корпуса онъ началъ приводить въ порядокъ; принялся за исправленіе ружей и амуниціи; просилъ сдѣлать казенные тюфяки тѣмъ кадетамъ, которые не имѣли собственныхъ; для похода сшить синія суконныя епанчи и пр. Для содержанія ротныхъ вещей предлагалъ опредѣлить каптенармусовъ изъ морскихъ солдатскихъ командъ, а воспитанниковъ отъ этой должности освободить, потому что она не позволяла имъ лѣтомъ ходить въ кампанію. Просилъ на Васильевскомъ острову назначить мѣсто

для огорода, которое и отыскалъ за 25-ою линіею „мѣрою, какъ по рѣкѣ Невѣ, такъ и отъ оной рѣки къ лѣсу, на 100 саженъ, а лѣтомъ сколько пожелается“. На всѣ его требованія коллегія соглашалась безпрекословно и приказала приводить все въ исполненіе; но кончина императрицы Елизаветы Петровны многое измѣнила.

Государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, по кончинѣ Елизаветы Петровны, желая дать одно общее направленіе всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ, указомъ 1762 года, апрѣля 24, повелѣлъ соединить Сухопутный и Морской кадетскіе корпуса, и Инженерное училище, подъ одну главную дирекцію графа Ивана Ивановича Шувалова, генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера.

Вслѣдствіе этого указа коллегія рѣшила, отдѣля часть корпусной типографіи для необходимыхъ работъ по флоту, сдать Морской корпусъ въ вѣдѣніе Шувалова. Іюля 5-го, присланный отъ новаго начальника полковникъ Фрейманъ принялъ всѣхъ служащихъ и воспитанниковъ Морского корпуса въ свою команду, и, до окончательнаго перевода кадетъ въ Сухопутный корпусъ, назначилъ къ нимъ капитана Ржевскаго. Имущество же корпуса осталось до времени не сданнымъ. При вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, іюля 6-го 1762 года, Морской корпусъ только по спискамъ состоялъ въ вѣдѣніи Шувалова, а на самомъ дѣлѣ управлялся Адмиралтействъ-Коллегіею, отъ которой отпускались деньги на содержаніе корпуса и зависѣла вся хозяйственная часть.

Давыдовъ (въ августѣ мѣсяцѣ того же года), требуя разрѣшенія коллегіи на нѣкоторые хозяйственные вопросы, писалъ, „что соединеніе Морского съ Сухопутнымъ корпусомъ и понынѣ не чинится, да и впредь когда будетъ настоящее соединеніе, неизвѣстно“.

Въ управленіе Шувалова, кажется, сдѣлано имъ только одно распоряженіе, именно: переведены четыре воспитанника въ Сухопутный корпусъ, но и тѣхъ коллегія долго не отпускала, отговариваясь способностію ихъ къ морской службѣ. Августа 8 дня императрица, присутствуя въ Сенатѣ, повелѣла отдѣлить Морской корпусъ отъ Сухопутнаго и быть ему отдѣльно, на основаніи прежняго штата. Августа 19 коллегія потребовала изъ Сухопутнаго корпуса обратно въ свое вѣдѣніе старшаго изъ корпусныхъ морскихъ офицеровъ капитана 2-го ранга

Голенищева-Кутузова со всѣми служащими и воспитанниками Морского корпуса.

Это былъ Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ „средній“, названный такъ для отличія отъ двухъ его однофамильцевъ: Кутузова большаго и меньшого. Онъ былъ сынъ флотскаго лейтенанта, родился въ 1729 году и началъ свое образованіе въ Сухопутномъ корпусѣ, куда поступилъ на 13-мъ году. Но потомъ вскорѣ, какъ дворянинъ Новгородской губерніи, которымъ еще Петромъ Великимъ повелѣно служить на флотѣ, Кутузовъ переведенъ въ Морскую академію. Въ 1743 году онъ произведенъ въ гардемарины и въ 1746 г. въ мичмана. Два года Кутузовъ служилъ подъ начальствомъ Нагаева и участвовалъ въ съемкѣ Финскаго залива; потомъ 1753—54 годахъ, командуя самъ пинкою, ходилъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Послѣ былъ адъютантомъ у адмирала Мишукова и, наконецъ, по слабости здоровья, уволенъ въ годовой отпускъ. По возвращеніи изъ отпуска, въ 1761 году, апрѣля 22, Кутузовъ, имѣя уже чинъ капитанъ-лейтенанта назначенъ въ Морской корпусъ, потому что „въ здоровьи еще слабъ и въ кампаніи быть не можетъ, а при корпусѣ быть ему можно, и коллегія усматриваетъ его къ тому за способнаго“. Вскорѣ, по назначеніи въ корпусъ, онъ произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга; а когда коллегія повторила свое представленіе о необходимости назначенія въ Морской корпусъ директора и приложила списокъ адмираловъ, тогда императрица Высочайше повелѣть соизволила: „капитану 2-го ранга Голенищеву-Кутузову быть въ ономъ корпусѣ впредь до указу, вмѣсто положеннаго по штату капитана 1-го ранга“, и „помянутому Кутузову отъ интенданта Давыдова Морской шляхетный кадетскій корпусъ принять“.

Давыдовъ, сдѣланный незадолго передъ этимъ интендантомъ, нѣсколько разъ просилъ коллегію дозволить ему сдать корпусъ; но какъ хозяйственная часть была на его рукахъ, то ему и велѣли дожидаться полной сдачи всего въ Сухопутный корпусъ или новаго распоряженія. Назначеніе Кутузова было для корпуса большимъ счастіемъ.

Съ назначеніемъ въ Морской корпусъ Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова все приняло другой видъ; вмѣсто прежней медленности и робкихъ отдѣльныхъ распоряженій, были приняты быстрыя, рѣшительныя мѣры — слѣдствія одного хо-

рошо обдуманнаго плана. Иванъ Логиновичъ получилъ превосходное воспитаніе, зналъ совершенно языки французскій и нѣмецкій и страстно любилъ русскую литературу. Въ гостиной Кутузова можно было встрѣтить почти всѣ наши русскія и иностранныя знаменитости: ученыхъ, литераторовъ и художниковъ.

Милость Императрицы, а также служебныя и родственныя связи, ввели Ивана Логиновича въ высшій петербургскій кругъ, и впослѣдствіи онъ жилъ настоящимъ вельможею вѣка Екатерины.

Но вся эта блестящая обстановка, въ первые годы его директорства, не отвлекла его отъ скромныхъ занятій по воспитанію, которыя онъ высоко цѣнилъ во всю жизнь, хотя впослѣдствіи и не имѣлъ возможности посвящать имъ много времени.

Прекрасны были первыя донесенія Кутузова о состояніи корпуса, хотя въ нихъ, можетъ быть, нѣсколько и сильно говорилось о бывшихъ недостаткахъ. Такъ и видно въ нихъ человѣка пылкаго, умнаго, который попалъ въ любимую сферу дѣятельности и которому счастье улыбается со всѣхъ сторонъ.

Какая разница между утомительной, безплодной борьбою Нагаева, и успѣшными дѣйствіями Кутузова? Но не будемъ же, здѣсь, судить по однимъ успѣхамъ, а обратимъ должное вниманіе и на средства: у Нагаева не было ничего, кромѣ собственныхъ силъ; — Кутузову все благопріятствовало.

Въ сентябрѣ (25 числа) 1762 г. представилъ онъ коллегіи донесеніе о настоящемъ состояніи корпуса, съ своими „примѣчаніями“, въ которыхъ предлагалъ многія измѣненія, „не осмѣливаясь подавать своего мнѣнія о учрежденіи новаго расположенія, но буде государственная Адмиралтействъ-Коллегія, принявъ оныя за полезныя, соизволитъ повелѣть мнѣ (Кутузову) учинить оныя расположеніи и представить къ апробаціи: сіе останется на благоусмотрѣніе оной коллегіи. Не могу умолчать, что нѣкоторыя изъ моихъ примѣчаній нѣсколько можетъ быть удаляются отъ учиненнаго о Кадетскомъ корпусѣ штата, но тѣмъ не меньше обратиться могутъ въ пользу корпуса, въ такомъ случаѣ Государственная Адмиралтействъ-Коллегія не соизволитъ ли представить Ея Императорскому Величеству, дабы получить Высочайшее повелѣніе генерально о учиненіи новаго всему расположенія“.

Такъ это и было сдѣлано; всѣ примѣчанія Кутузова, съ ничтожными измѣненіями, вошли въ новый штатъ Морского корпуса, который, по докладу Морской россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія комиссіи, Высочайше утвержденъ 1764 года іюня 18.

Новый штатъ былъ истиннымъ благодѣяніемъ государыни, потому что корпусъ получилъ роскошное содержаніе въ сравненіи съ прежнимъ. Для обученія тѣхъ гардемариновъ, которые пойдутъ на большой эскадрѣ, велѣно построить корпусу трехмачтовую яхту. И наконецъ, по неудобности и тѣснотѣ настоящаго помѣщенія корпуса, предполагали на недоимку штатсъконторы исправить для него бывшіе канатные сараи; но это послѣднее распоряженіе не было приведено въ исполненіе.

Изъ числа воспитанниковъ, вмѣсто 30 артиллерійскихъ кадетъ, положено было имѣть 60, какъ число, болѣе соотвѣтствующее открывающимся въ Морской артиллеріи вакансіямъ. Корпуснымъ офицерамъ даны сухопутные чины. Ротнаго командира назвали капитаномъ, а офицеровъ — капитанъ-поручиками, поручиками и подпоручиками.

Испрашивая корпуснымъ офицерамъ жалованье наравнѣ съ Сухопутнымъ корпусомъ, Кутузовъ писалъ: „понеже Морской корпусъ есть во всемъ равенъ Сухопутному, имѣя оный своимъ основаніемъ, и офицеры, неся на берегу равную тягость Сухопутнымъ кадетскимъ, сверхъ того должны на морѣ служить какъ морскіе. Смотрѣніе и воспитаніе молодыхъ людей совершенно можетъ назваться тягостію, потому что оное безпрестанно попеченія и присмотру требуетъ и потому кадетскій офицеръ ежедневно при своей должности быть обязанъ, и тако они противъ морскихъ на берегу излишне трудятся, отъ которыхъ зимою, кромѣ карауловъ и обыкновенныхъ по командѣ исправленій не требуется; къ тому же кадетскіе офицеры излишне въ чистотѣ содержать себя должны, находясь всегда въ экзерциціи; но и при самой ихъ должности, какъ-то въ дежурствѣ, въ караулахъ, въ парадахъ излишняго бѣлья и мундировъ требуется, такъ что они почти всегда въ мундирахъ быть принуждены, да и воспитываемымъ въ кадетскомъ корпусѣ молодымъ дворянамъ во всемъ, какъ и въ чистотѣ одежды, собою образъ давать должны“. Коллегія согласилась съ его представленіемъ, и въ новомъ штатѣ офицерамъ Морского корпуса назначено жалованье „равное“ съ офицерами

Сухопутнаго корпуса, то-есть большее противъ флотскаго. Прапорщики, сержанты и капралы остались попрежнему изъ старшихъ воспитанниковъ, а каптенармусовъ, имѣвшихъ на рукахъ ротную амуницію, и фурьеровъ, завѣдывавшихъ одеждою и бѣльемъ, положено впредь назначать изъ солдатскихъ унтеръ-офицеровъ; ефрейторы же вовсе уничтожены.

Прибавочное жалованье осталось: унтеръ-офицерамъ и гардемаринамъ — 6 р., и артиллерійскимъ кадетамъ — 4 р. въ годъ. Форма воспитанниковъ оставлена того же цвѣта, только съ измѣненнымъ покроемъ, и кромѣ этого всѣмъ унтеръ-офицерамъ убавили по одному ряду позумента. Штабъ- и оберъ-офицеры не различались ничѣмъ между собою, и въ ихъ формѣ измѣненъ только цвѣтъ шарфовъ, положенный вмѣсто зеленаго съ серебромъ черный съ золотомъ.

Кромѣ директора, въ корпусѣ положенъ „полковникъ“ съ чиномъ капитана 1-го ранга, и „маіоръ“ или батальонный командиръ. Каждой ротѣ даны знамена: первой ротѣ бѣлое, а второй и третьей желтыя штофныя, на знаменахъ изображенъ былъ орелъ со скипетромъ и державою, въ срединѣ его корпусной гербъ, то-есть руль, градштокъ и шпага, положенные крестообразно и увѣнчанные короною. Подъ орломъ расположены трофеи. При батальонѣ положена и музыка. Вообще увеличено число и прибавлено содержаніе всѣмъ чинамъ корпуса. Въ классахъ положенъ инспекторъ; учитель эволюціи и морской практики, изъ корпусныхъ офицеровъ; учители корабельной архитектуры, механики, артиллеріи и фортификаціи; для словесныхъ наукъ, къ которымъ отнесена философія, географія, генеалогія, реторика и пр., положено 5 учителей, для иностранныхъ языковъ: французскаго — 2 учителя, а для датскаго, шведскаго, англійскаго и нѣмецкаго по одному; положены также учители чистописанія и правописанія, танцмейстеръ, фехтмейстеръ и для обученія такелажному дѣлу боцманъ. По особенному настоянію коллегіи оставленъ при корпусѣ классъ „геодезіи“ въ числѣ 50-ти человѣкъ не изъ дворянъ; для нихъ назначенъ учитель и три геодезиста. Изъ этого класса способные къ наукамъ выходили въ подмастерьи и учители разныхъ наукъ въ корпусъ, а другіе, менѣе способные, въ типографскіе рабочіе и въ разныя мастерскія. Кромѣ ученья въ классахъ, эти ученики должны были прислуживать при кадетскомъ столѣ. Продовольствовать ихъ пищею

полагалось также остатками отъ кадетскаго стола, съ прибавкою къ этому 10 руб. въ годъ на человѣка. На одежду каждаго ученика положено также 10 рублей.

Эта школа была безспорно полезна для образованія мастеровыхъ и даже знающихъ практическихъ съемщиковъ; но для образованія учителей она кромѣ выгодной стороны имѣла и вредную. Выгодна она была тѣмъ, что приготовляя знающихъ преподавателей по такимъ спеціальнымъ предметамъ, для которыхъ нельзя было сыскать постороннихъ учителей; а вредна тѣмъ, что эти преподаватели, при всемъ ихъ достоинствѣ, выходя изъ рядовъ прислуги, не пользовались должнымъ уваженіемъ въ глазахъ воспитанниковъ, и, передавая науки, не могли пособлять благородному воспитанію, потому что сами его не имѣли. Отъ этого, разумѣется, теряли и науки. Къ счастію корпуса, между учителями было довольно исключеній въ хорошую сторону, но большинство ихъ, при достаточномъ знаніи своего предмета, почти совсѣмъ не имѣли образованія.

Всѣхъ служащихъ въ корпусѣ по разнымъ частямъ, какъ-то: по канцеляріи, по экономической части, по различнымъ мастерствамъ и т. п., новымъ штатомъ положено весьма достаточное число. Въ типографіи прибавили два стана и назначили 3000 руб. на первое обзаведеніе съ тѣмъ, чтобы на будущее время она содержалась доходами отъ печатанія книгъ по заказамъ флота и частныхъ лицъ. При типографіи находились инструментальная мастерская, словолитня, переплетная, граверы и т. п.

Но какъ ни роскошенъ былъ новый штатъ, а предложенія Кутузова были еще роскошнѣе. Исчисляя въ своемъ представленіи науки, необходимыя и полезныя морскому офицеру, онъ писалъ: „сколь нужныя науки философія, мораль, исторія и географія для человѣка и гражданина — всякому извѣстно, а тѣмъ паче для такого училища, каковъ есть Кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывается благородное юношество и пріуготовляется къ произведенію въ высшіе степени, и для того полагаются здѣсь профессоръ гуманіорумъ, съ жалованьемъ 600 р., адъюнктъ — 400 р., три учителя, съ жалованьемъ 300, 250 и 200 р. Имъ проходить кадетамъ исторію мореплаванія“. Коллегія, „въ разсужденіи того, чтобы учрежденіе Морского шляхетнаго кадетскаго корпуса не походило на академію или университетъ, профессора и адъюнкта къ обу-

ченію словесныхъ наукъ при ономъ корпусѣ имѣть не разсуждаетъ", а вмѣсто ихъ положено имѣть простыхъ учителей.

Только что новый порядокъ установился въ корпусѣ, и, подъ непосредственнымъ надзоромъ Кутузова, все пошло хорошо, какъ неожиданное обстоятельство помѣшало дѣлу.

Въ 1771 году 23 мая сдѣлался на Васильевскомъ острову пожаръ. Сильный восточный вѣтеръ помогалъ огню; отъ этого пожара выгорѣла съ 7-й до 21-й линіи почти половина острова и въ томъ числѣ зданія Морского корпуса. Изъ нихъ нѣкоторыя сгорѣли совершенно, отъ другихъ остались однѣ стѣны. Корпусное имущество, канцелярскій архивъ, кадетская амуниція, платье — все было истреблено, и кадеты выведены въ лагерь въ Галерную гавань.

Вслѣдствіе этого корпусъ назначено было перевесть въ Кронштадтъ, и для помѣщенія его отданъ Италіанскій дворецъ (гдѣ нынѣ штурманскій полуэкипажъ) и губернскіе флигели, въ скобѣ по западную сторону канала. Все это было исправлено и передѣлано въ продолженіе лѣта на адмиралтейскія деньги, которыхъ пошло 11.834 руб. Къ 1-му ноября воспитанники уже были переведены въ новое мѣсто жительства.

Переводъ корпуса изъ столицы въ Кронштадтъ, въ то время не имѣвшій и тѣни настоящаго своего вида и значенія, былъ очень невыгоденъ заведенію: во-первыхъ, потому что корпусъ удалился съ глазъ директора, который заботился о немъ и имѣлъ средства сдѣлать все полезное; во-вторыхъ, ни одинъ отличный профессоръ или учитель, не служившій въ корпусѣ, не захотѣлъ бы для преподаванія ѣздить въ Кронштадтъ. Кромѣ этого, воспитатели и воспитанники, заключенные въ тогдашній Кронштадтъ, при трудности сообщенія съ Петербургомъ, неминуемо грубѣли, и, наконецъ, самое содержаніе корпуса въ Кронштадтѣ стоило дороже. Одна выгода перемѣщенія была близость адмиралтейства, находившагося подлѣ самаго корпуса, и гаваней, въ которыхъ стояли и вооружались корабли; но и этими выгодами за глазами главнаго начальства почти не пользовались. Вообще говоря, переводъ въ Кронштадтъ сдѣлалъ для Морского корпуса несравненно болѣе худого, чѣмъ хорошаго.

Въ 1783 по случаю увеличенія нашихъ морскихъ силъ, положенное по прежнему штату число воспитанниковъ, 360 человѣкъ, сдѣлалось недостаточнымъ; а потому (3 февраля),

Высочайшимъ указомъ повелѣно было Адмиралтействъ-Коллегіи составить для корпуса новый штатъ на 600 человѣкъ, который и былъ утвержденъ императрицею того же года, августа 4 дня. Этотъ штатъ составленъ по прежнему штату 1764 года, съ увеличеніемъ всего, по пропорціи увеличенія числа воспитанниковъ на 240 человѣкъ. Кромѣ этого сдѣланы небольшія прибавки и измѣненія въ числѣ служащихъ лицъ, и, по причинѣ увеличенія цѣнъ на всѣ предметы, увеличено и годовое содержаніе корпуса на 45.840 руб. 45 к.; такъ что теперь корпусъ сталъ получать 112.362 р. 19½ к. въ годъ.

Для лучшаго надзора въ классахъ положенъ помощникъ инспектора и вообще по числу воспитанниковъ прибавлено учителей. Введены въ курсъ новыя науки и назначено проходить морскую практику, нравственную философію и права, также обучать языкамъ: италіанскому, по случаю частыхъ посылокъ въ Средиземное море, и латинскому, для ознакомленія учениковъ, готовившихся въ преподаватели, съ древними классиками, на томъ основаніи, что „нѣтъ ни одного учителя искуснаго, который бы не снискивалъ великаго успѣха въ оныхъ (словесныхъ наукахъ) отъ чтенія латинскихъ древнихъ писателей". Наконецъ, по случаю предстоявшей войны со шведами, усилено преподаваніе шведскаго и нѣмецкаго языковъ. Кстати замѣтимъ, что въ этомъ штатѣ классные ученики названы „гимназистами", и что они это названіе сохранили до уничтоженія учительской гимназіи.

Изъ прибавленныхъ 240 человѣкъ составились двѣ новыя роты, такъ что корпусъ съ этого времени имѣлъ 5 ротъ. Въ числѣ воспитанниковъ было 20 сержантовъ и въ томъ числѣ фельдфебели изъ солдатскихъ унтеръ-офицеровъ, 5 подпрапорщиковъ, 5 каптенармусовъ и 5 фурьеровъ; послѣдніе два чина также изъ солдатскихъ унтеръ-офицеровъ; 20 капраловъ, 145 рядовыхъ гардемариновъ, 60 артиллерійскихъ кадетъ и 340 морскихъ кадетъ. Кромѣ нихъ, оставлено попрежнему 30 гимназистовъ и классныхъ учениковъ.

По тѣснотѣ столоваго зала и классныхъ комнатъ, положено сдѣлать пристройки, на которыя по смѣтѣ требовалось 14.059 р. 71 к. Новыя работы предположено дѣлать такимъ образомъ, чтобы онѣ могли пригодиться послѣ адмиралтейству, потому что собственно для корпуса хотѣли построить новое зданіе, а теперешнія его владѣнія отдать адмиралтей-

ству; однакоже по причинѣ войны со шведами это предположеніе не состоялось.

Шведская война на опытѣ показала пользу и необходимость гребного флота и заставила значительно увеличить комплектъ его; при чемъ и комплектъ Морского корпуса предположено увеличить до 1000 человѣкъ, и каждое лѣто тѣхъ воспитанниковъ, которые обучаются морскимъ наукамъ, положено для практики посылать на гребной эскадрѣ въ кампанію, въ шхеры Финскаго залива и на озеро Сайма.

Для составленія штата была назначена комиссія изъ директоровъ: Кутузова — Морского корпуса; Мелиссино — Артиллерійскаго; графа Ангальта — Сухопутнаго кадетскаго; Мусина-Пушкина — директора корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, и Болтина. Штатъ былъ представленъ императрицѣ въ февралѣ 1792 г., но его вскорѣ возвратили, съ повелѣніемъ убавить 400 человѣкъ, то-есть оставить прежнее число 600.

Между тѣмъ въ апрѣлѣ (24 числа) Морской корпусъ удостоился величайшей монаршей милости. Слова рескрипта императрицы, написаннаго по этому случаю, директору корпуса такъ лестны и драгоцѣнны для всякаго моряка, что мы приведемъ ихъ вполнѣ.

„Иванъ Логиновичъ! Извѣстно вамъ, что по представленіямъ покойнаго адмирала Грейга предположили мы по тѣснотѣ и ветхости дома, гдѣ нынѣ помѣщенъ Морской кадетскій корпусъ, построить въ Кронштадтѣ, на другомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ, новое для онаго зданіе. Но воспослѣдовавшая потомъ война препятствовала произвесть оное въ дѣйство. По возстановленіи же желаннаго мира, имѣя въ виду заслуги оказанныя намъ и отечеству питомцами Морского кадетскаго корпуса, вездѣ съ похвалою служившими, восхотѣли мы оказать оному корпусу особый знакъ нашего благоволенія и милости пожалованіемъ для удобнѣйшаго его пребыванія домъ нашъ въ городѣ Ораніенбаумѣ. Вслѣдствіе чего и повелѣваемъ вамъ помянутый дворецъ со всѣми къ оному принадлежащими службами, каменными оранжереями, также домъ, гдѣ картины, каменные два флигеля, Петерштадтскую крѣпость съ состоящими въ ней строеніями, лютеранскую церковь, пасторскій домъ, конюшенный дворъ, построенный вновь во время войны госпиталь, со всѣми имѣющимися въ ней вещами, и театръ принять въ ваше вѣдомство, до самаго отдѣленія новаго сада;

кромѣ большой каменной кухни, принадлежащей къ новому дворцу, который со всѣми въ немъ строеніями остается попрежнему въ вѣдѣніи у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Стрекалова. А какъ по нынѣшнему того дворца расположенію недостаетъ тамъ къ помѣщенію классовъ и для стола кадетамъ большихъ залъ и прочихъ необходимо-нужныхъ по числу кадетъ пространныхъ комнатъ, то и поручаемъ вамъ, по соображеніи всѣхъ надобностей для Морского кадетскаго корпуса, сочинивъ планъ и смѣту, какъ новымъ пристройкамъ, такъ и возможнымъ передѣлкамъ изъ нынѣшняго строенія, вмѣщая въ сіе послѣднее все то, что годнымъ и способнымъ признано будетъ, представить намъ на аппробацію. Впрочемъ пребываемъ вамъ всегда благосклонны".

Ораніенбаумъ подаренъ былъ государемъ Петромъ Великимъ любимому своему сотруднику Александру Даниловичу Меншикову, которой отстроилъ и украсилъ это мѣсто, и любилъ проводить въ немъ лѣтнее время. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны Ораніенбаумъ отданъ былъ въ Адмиралтейское вѣдомство и занятъ подъ госпиталь, но впослѣдствіи императрицею Елизаветою Петровною (1743 г. ноября 16) подаренъ наслѣднику престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу. При немъ построенъ былъ здѣсь большой дворецъ, лютеранская церковь, картинная галлерея и оперный домъ; разведенъ большой садъ и устроены оранжереи. Въ 1792 г. это роскошное загородное мѣсто со всѣми угодьями отдано было Морскому корпусу.

Даръ государыни принятъ съ полнымъ восторгомъ. Директоръ корпуса, немедленно по полученіи монаршей милости, писалъ въ Кронштадтъ къ Ѳедорову, управлявшему тогда корпусомъ: „сей день имѣлъ я счастіе получить высочайшій Ея Императорскаго Величества именной указъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи Морскому шляхетному кадетскому корпусу Ораніенбаумскаго дома. Спѣшу передать вамъ столь радостное извѣстіе, какъ изъявленіе Высочайшаго благоволенія и милости Морскому кадетскому корпусу, и всѣмъ его питомцамъ объявите сіе въ корпусѣ. Съ симъ поздравлено ваше превосходительство, поздравляю и себя и всѣхъ учавствовавшихъ въ воспитаніи и ученіи. За таковую Высочайшую милость не можемъ воздать достойнѣйшей благодарности Богоподобной нашей и всего отечества щедрой матери и попечительницѣ".

Въ концѣ лѣта пожалованныя ораніенбаумскія строенія были сданы корпусу, а для починокъ и перестроекъ, необходимыхъ при новомъ ихъ назначеніи, составлена смѣта въ 196.051 рубль; но самыя постройки не были приведены въ исполненіе.

Милости великой царицы не ограничились этимъ щедрымъ даромъ: 12 іюня того же 1792 года утвержденъ былъ новый штатъ Морского корпуса, въ которомъ на содержаніе прежняго числа 600 воспитанниковъ прибавлялось еще 76.124 руб. 55½ к. Такимъ образомъ годовое содержаніе корпуса дошло до 187.486 руб. 75 к. Эта прибавка дала возможность еще увеличить число служащихъ и улучшить ихъ содержаніе.

Ротнымъ офицерамъ дали столовыя деньги; въ классномъ штатѣ уничтожили званіе „подмастерьевъ“, обративъ всѣхъ ихъ въ учители. Положили проходить морскую практику и гражданскую архитектуру и уничтожили преподаваніе датскаго и шведскаго языковъ. Назначили 2-хъ учителей къ класснымъ ученикамъ для практики ихъ въ разговорахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Къ церковному штату, кромѣ бывшаго іеромонаха, прибавленъ священникъ изъ бѣлаго духовенства и для лютеранъ — пасторъ. Почти всѣмъ чинамъ, не исключая и воспитанниковъ, прибавили жалованья, или суммы на пищу и одежду.

Въ обоихъ послѣднихъ штатахъ типографія уже не положена при корпусѣ, а осталась въ Петербургѣ въ адмиралтейскомъ вѣдѣніи; но инструментальная мастерская и переплетная оставлены попрежнему при корпусѣ.

При утвержденіи новаго штата, кирхшпиль Угоніеми, доходами котораго пользовался корпусъ, сданъ въ вѣдомство Казенной палаты; но и безъ деревень новый штатъ былъ вполнѣ достаточенъ.

Такимъ образомъ Морской корпусъ съ избыткомъ имѣлъ не только необходимое, но и все для него полезное; оставалось воспитателямъ и воспитанникамъ трудиться для пользы флота и стараться, по мѣрѣ силъ, заслужить дарованныя имъ милости.

Директоръ корпуса, бывшій въ это время уже вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, пользовался постоянною довѣренностію государыни и искреннею любовію и уваженіемъ государя наслѣдника. Завѣдывая управленіемъ всего флота, Кутузовъ не забывалъ и корпусъ и дѣлалъ все, что находилъ для него полезнымъ. Самъ великій князь, какъ генералъ-адми-

ралъ флота и президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи, принималъ живѣйшее участіе во всемъ касающемся до флота и особенно до корпуса. Обо всѣхъ экзаменахъ, переводахъ, выпускахъ, однимъ словомъ, о всякомъ сколько-нибудь важномъ происшествіи въ корпусѣ, докладывали Его Императорскому Высочеству и испрашивали его разрѣшенія. Посѣщая корпусъ, государь наслѣдникъ бывалъ въ классахъ, слушалъ преподаваніе и обращалъ особенное вниманіе на морскую тактику и корабельную архитектуру. Нерѣдко великій князь изволилъ опредѣлять въ корпусъ сыновей бѣдныхъ дворянъ и, до поступленія ихъ въ комплектные воспитанники, вносилъ на содержаніе ихъ сумму изъ своего генералъ-адмиральскаго жалованья. Каждую субботу и воскресенье, кромѣ лѣтняго времени, къ великому князю являлся изъ Кронштадта на ординарцы кадетскій офицеръ.

По переводѣ корпуса въ Кронштадтъ воспитанники не могли уже пользоваться благодѣтельнымъ личнымъ надзоромъ августѣйшаго генералъ-адмирала, и даже самъ директоръ, по множеству своихъ занятій, не могъ часто пріѣзжать въ Кронштадтъ; но когда пріѣзжалъ, то многое исправлялъ и взыскивалъ за вкравшіеся безпорядки. Кутузова принимали въ корпусѣ съ большимъ почетомъ; къ его пріѣзду все заранѣе готовилось и оправлялось, и во все время пребыванія его въ Кронштадтѣ стоялъ почетный караулъ изъ гренадеръ.

Распоряженія Кутузова по всѣмъ частямъ, на бумагѣ, были превосходны, и когда онъ самъ могъ наблюдать за ихъ исполненіемъ, то они и на дѣлѣ выходили вполнѣ успѣшными. Но за глазами, при неимѣніи исполнителей, хорошо понимающихъ важное дѣло воспитанія, многія изъ его распоряженій не приносили ожидаемой пользы.

Нельзя сказать, чтобы положеніе и управленіе корпуса въ Кронштадтѣ было очень худо, но должно замѣтить, что при умѣ, образованіи и силѣ Кутузова и при своихъ значительныхъ денежныхъ средствахъ Морской корпусъ, находясь въ Петербургѣ, можетъ быть, ни въ чемъ бы не уступилъ Сухопутному кадетскому, приведенному въ блистательное состояніе графомъ Ангальтомъ; но у насъ далеко не было такого совершенства, и не было именно потому, что корпусъ находился въ Кронштадтѣ, вдали отъ ближайшаго надзора высшаго начальства.

Лѣтомъ гардемарины и старшіе кадеты (въ числѣ ихъ артиллерійскіе) ходили въ походъ, а остальные выводились въ лагерь

къ Петербургскимъ воротамъ, на то мѣсто, гдѣ теперь построенъ госпиталь. Въ лагерѣ занимались фронтовымъ ученьемъ и ружейной экзерциціею, иногда съ пальбою. Малолѣтніе кадеты сначала лѣто, а потомъ круглый годъ жили въ Ораніенбаумѣ.

По возвращеніи изъ лагеря въ корпусъ вся амуниція отбиралась въ арсеналъ, и начинались классы. Гренадерской амуниціи хранилось въ арсеналѣ человѣкъ на 70. Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ полномъ парадномъ строю корпуса или при спускахъ кораблей, пріемѣ высокихъ посѣтителей и тому под., выбранные бравые и стройные воспитанники, подготовленные предварительно во фронтовой службѣ, одѣвались въ красивую гренадерскую форму и составляли гренадерскій взводъ, при которомъ, въ подобной же формѣ, были офицеры, барабанщики и флейтщики. По окончаніи церемоніи амуниція отбиралась въ арсеналъ, а офицеры и воспитанники поступали въ число прочихъ. На спускъ кораблей гренадеръ перевозили изъ Кронштадта въ Петербургъ на яхтѣ Адмиралтействъ-Коллегіи, на которой они и жили въ Петербургѣ. Во время спуска гренадеры составляли какъ бы почетный караулъ, и изъ нихъ ставились часовые къ палаткѣ императрицы.

Въ классахъ теоретическая часть педагогики была довольно развита: Кутузовъ писалъ дѣльныя инструкціи и приказы, составлялъ комиссіи для улучшенія порядка преподаванія, заботился о руководствахъ, иногда удачно выбиралъ людей, и всегда измѣнялъ и улучшалъ, что замѣчалъ худое. Ему обязанъ корпусъ введеніемъ необходимѣйшихъ для морского офицера наукъ, о которыхъ до него не было и помину; по его порученію Кургановъ принялся за составленіе своего морского курса и извѣстный Тредьяковскій переводилъ исторію римскихъ императоровъ; наконецъ, Кутузовъ положилъ основаніе корпусной библіотекѣ и употреблялъ всѣ средства, чтобы поднять преподаваніе иностранныхъ языковъ.

Покуда корпусъ былъ въ Петербургѣ, Кутузовъ приглашалъ для чтенія лекцій извѣстныхъ ученыхъ, какъ напр. Эпинуса, Миллера и др.; но, по переводѣ корпуса въ Кронштадтъ, необходимость заставила ограничиться своими учителями и изъ нихъ, сколько можно догадываться, возвышали и отличали дѣйствительно достойныхъ.

Съ 1764 года главнымъ инспекторомъ надъ классами былъ Григорій Андреевичъ Полетика. Онъ, при вступленіи въ свою

должность, предложилъ сдѣлать многія улучшенія въ классномъ порядкѣ, желалъ по всѣмъ предметамъ ввести печатныя руководства, усилить власть учителей въ классахъ, награждать и отличать прилежныхъ воспитанниковъ медалями и подарками, а лѣнивыхъ подвергать нѣкоторымъ наказаніямъ. Во время стола предлагалъ читать морской и воинскій уставы, и „для знанія прежнихъ обращеній свѣта и вкорененія благонравія, читать хорошія историческія и нравоучительныя книги“ и т. п. До него тоже читали регламентъ, но обыкновенно по субботамъ, съ 10 до 11 часовъ утра.

Въ классы воспитанники ходили отъ 7 до 11 утромъ, и отъ 2 до 6 пополудни. Вообще уроки были расположены такимъ образомъ, чтобы воспитанники имѣли возможность, въ классахъ же, повторить все пройденное въ три или четыре дня. Математическія и нѣкоторыя морскія науки и иностранные языки преподавались утромъ, а часть морскихъ наукъ и такъ называемыя тогда „словесныя науки“ проходились вечеромъ. Это раздѣленіе было основано на томъ, что труднѣйшіе предметы, которые требуютъ большаго напряженія умственныхъ способностей воспитанника, лучше объяснять ему утромъ, когда голова еще не утомлена; а легчайшіе и болѣе занимательные предметы — вечеромъ. Такой порядокъ сохранялся очень долго и измѣнился только въ послѣднее время.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, программа, предложенная Полетикою въ февралѣ 1765 года и тогда же утвержденная Кутузовымъ. Ариѳметику проходить по Кургановой Универсальной ариѳметикѣ; геометрію по руководству Крафта и лѣтомъ ходить въ поле для практическихъ приложеній геометріи. Тригонометрію проходить: плоскую — по руководству де Парсія, а сферическую (до напечатанія новой)—по запискамъ. Астрономія, географія, навигація плоская, меркаторская и круглая, и „журналъ“, были раздѣлены на три класса и проходились по Бугерову новому сочиненію о навигаціи, переведенному Кургановымъ. Въ первомъ классѣ учили 2-ю и 3-ю книгу; во второмъ 4-ю и въ третьемъ 5-ю. Разумѣется, при этомъ занимались и практическимъ употребленіемъ навигаціонныхъ и астрономическихъ инструментовъ. Для астрономическихъ наблюденій, на зданіи корпуса, по представленію Курганова, устроена была и обсерваторія. Артиллерія и фортификація проходились по запискамъ. Профессоръ Котельниковъ читалъ по своимъ запис-

камъ высшія математическія и морскія науки тѣмъ воспитанникамъ, которые уже окончили обыкновенный курсъ у учителей.

Въ преподаваніи иностранныхъ языковъ весь корпусъ дѣлился на 3 класса: въ 1-мъ учили азбуку, склады и чтеніе; во 2-мъ — грамматику, то-есть, правописаніе и произведеніесловъ; въ 3-мъ продолжали грамматику — о сочиненіи словъ. Въ каждомъ классѣ были назначены соотвѣтствующія курсу практическія занятія.

Морскія эволюціи учили по сочиненію Госта, переведенному съ французскаго языка самимъ Кутузовымъ. Карабельную архитектуру проходили болѣе въ практическомъ отношеніи; географію читали по книгѣ, изданной отъ Академіи Наукъ; исторію по сокращенной книгѣ Лакроцовой. Замѣчательно, что изъ географіи и исторіи уроковъ не задавали, а велѣно стараться обучать „чрезъ затверженіе при сказываніи поочередно всѣхъ въ классѣ". Изъ исторіи давали только краткія хронологическія таблички.

Въ правописаніи велѣно наблюдать, чтобы „оное хотя не во всемъ, однако какъ возможно ближе къ словесному правописанію подходило". Такелажной работѣ училъ боцманъ подъ надзоромъ офицера, преподававшаго эволюціи. Относительно рисованія курсъ имѣлъ два отдѣла: въ первомъ рисовали различныя части человѣка по Прейслеровой книгѣ, а во второмъ — ландшафты, виды береговъ и проч. карандашомъ, тушью или красками, смотря по успѣхамъ. Наконецъ учили фехтовать и танцовать.

Должно замѣтить, что въ этомъ распредѣленіи предметовъ всѣ науки положено было проходить, примѣняясь къ будущей службѣ воспитанниковъ Морского корпуса. Впослѣдствіи программа Полетики хотя нѣсколько измѣнялась, сообразно большему или меньшему требованію офицеровъ для флота, но въ главныхъ чертахъ долго оставалась та же самая. Введеніе въ преподаваніе новыхъ наукъ, или оставленіе прежде проходимыхъ, указаны нами при каждомъ новомъ штатѣ.

Корпусные экзамены дѣлались черезъ полгода комиссіею, состоявшею изъ инспектора классовъ, его помощника, учителей и корпусныхъ офицеровъ. Выпуски дѣлались, съ рѣдкимъ исключеніемъ, одинъ разъ въ годъ.

Въ этотъ періодъ времени Николай Гавриловичъ Курганов успѣлъ написать и, частію, перевести цѣлую математическую и морскую учебную энциклопедію. Кромѣ ариѳметики, о которой мы упомянули, онъ написалъ геометрію, плоскую и сферическую тригонометріи; перевелъ Бугерову

навигацію и даже составилъ руководство для преподаванія фортификаціи. Курганов долго былъ старшимъ математическимъ учителемъ, потомъ профессоромъ и, наконецъ, въ 1771 году, за неимѣніемъ главнаго инспектора надъ классами, исполнялъ и эту должность.

До Курганова, въ началѣ 1771 года, профессоромъ былъ Котельниковъ, написавшій также нѣсколько учебныхъ руководствъ, а въ 1772 году, англичанинъ Робинзонъ, и послѣ него опять Курганов. Въ 1775 году смѣненный Кутузовымъ съ инспекторства, Курганов оставался только профессоромъ. Въ приказахъ по корпусу хотя отдана ему при этомъ благодарность, но въ самомъ дѣлѣ смѣна, кажется, произошла по нерасположенію директора, вѣроятно, имѣвшаго къ тому какую-нибудь существенную служебную причину.

До назначенія настоящаго инспектора велѣно исправлять его должность корпусному „маіору“ Голостенову, человѣку образованному, который даже преподавалъ нѣкоторые предметы государю наслѣднику.

Такой необыкновенный человѣкъ, каковъ былъ Николай Гавриловичъ Курганов, поставленный судьбою на другое, болѣе видное мѣсто, по справедливости пріобрѣлъ бы себѣ громкую извѣстность, полное уваженіе современниковъ и почетное имя въ литературѣ. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языкъ и могъ читать по своему предмету латинскія и англійскія книги. Науки математическія и морскія ему были извѣстны въ совершенствѣ, и множество сочиненій и переводовъ Курганова по этой части доказываютъ, что онъ умѣлъ съ пользою употреблять свою ученую дѣятельность. Какъ писатель, Николай Гавриловичъ отличался необыкновенною добросовѣстностью и яснымъ взглядомъ на науки. Почти въ каждомъ его трудѣ тѣ страницы, въ которыхъ онъ говоритъ отъ своего лица, дышатъ искреннимъ, теплымъ желаніемъ пользы читателю и отсутствіемъ мысли — выказать самого себя и произвести эффектъ. Своей наивной, но безпощадной ироніей Курганов казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту науки и самъ старался по возможности упрощать ее и передавать занимательно.

Какъ хорошо Курганов понималъ требованія тогдашней публики, доказываетъ его *Письмовникъ*, книга, заключающая въ себѣ множество разныхъ разностей, чрезвычайно занима-

тельныхъ, шутливыхъ и поучительныхъ. Письмовникъ имѣлъ восемнадцать изданій. Ученики, добросовѣстные и вѣрнѣйшіе цѣнители своихъ наставниковъ, любили и уважали Курганова.

Въ 1792 году Николай Гавриловичъ былъ сдѣланъ настоящимъ инспекторомъ классовъ и исполнялъ эту обязанность до самой смерти, то-есть до 1796 года. Морской корпусъ долженъ гордиться Кургановымъ: въ темное время Морской академіи онъ умѣлъ пріобрѣсти обширное современное образованіе, и относительно пользы, принесенной корпусу, а черезъ него и флоту, на ряду съ Кургановымъ можетъ стать развѣ только одинъ Гамалѣя. Кромѣ Курганова, замѣчательными лицами въ Морскомъ корпусѣ были инспекторъ классовъ (съ 1784 г.) Василій Никитичъ Никитинъ и помощникъ его Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ; оба изучали морскія науки въ Англіи, слушали курсъ въ Эдинбургскомъ университетѣ и получили тамъ степени магистровъ. Они пользовались особеннымъ расположеніемъ Кутузова и исполняли съ пользою свои должности. Ими переведены съ греческаго языка Стихіи Эвклидовы и составлена плоская и сферическая тригонометріи. При Никитинѣ въ прохожденіи математики сдѣлана одна значительная перемѣна, именно, что ариѳметику начали проходить послѣ геометріи.

Въ управленіе Кутузова, въ классномъ штатѣ корпуса, кромѣ главнаго инспектора и помощника его, имѣвшихъ надзоръ за всѣми классами, былъ „профессоръ“, наблюдавшій за ходомъ обученія собственно математическихъ наукъ, и еще особенный инспекторъ надъ классами иностранныхъ языковъ.

Въ Кронштадтѣ дѣйствительно управлялъ корпусомъ такъ называемый по штату „подполковникъ“ и помощникъ его, вѣдывавшій фронтовою частію и называвшійся „маіоромъ“. Первую должность въ управленіе Кутузова занимали Шубинъ, Голостеновъ, (съ 1784 г.) Ѳедоровъ и (1793 по 1797) П. К. Карцовъ.

Въ Морской корпусъ иногда посылали для обученія морскихъ наукъ офицеровъ, преимущественно изъ грековъ, и также унтеръ-офицеровъ изъ гвардейскихъ полковъ; такъ напр. въ 1793 году прислали сержантовъ Семеновскаго полка 21, и Измайловскаго 31 человѣкъ.

Воспитанники, кромѣ парадной формы, имѣли будничные сюртуки. Головы пудрили, стриглись „алаверже“ не свыше одного дюйма, а косы носили не долѣе осьми дюймовъ.

Здѣсь можно упомянуть, что въ шведскую войну 1790 года, когда въ Кронштадтѣ ожидали нападенія непріятеля, взрослые воспитанники Морского корпуса также состояли въ числѣ защитниковъ Кронштадта. Они были разставлены къ орудіямъ на стѣнкѣ купеческой гавани и провели тамъ цѣлую ночь въ ожиданіи нападенія.

Въ управленіе Кутузова воспитанники, еще находясь въ Кронштадтѣ, начали нѣсколько отвыкать отъ грубыхъ шалостей бывшей Морской академіи. Случалось иногда, что уходили изъ корпуса, безъ позволенія, погулять, или въ холодныя зимы топили комнаты дровами, взятыми изъ сосѣдняго Адмиралтейства; можетъ быть случалось и въ лавкахъ забирать безъ спроса хозяина, — но это уже были слабые остатки прежнихъ продѣлокъ и сохранились только потому, что считались, какъ въ Спартѣ, молодечествомъ, а не порокомъ.

О непомѣрныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ (по крайней мѣрѣ официально) не было и помину; по корпуснымъ приказамъ видно, что наказанія были: оставить безъ обѣда, не увольнять „за корпусъ“, посадить въ „пустую“, то-есть въ карцеръ; одѣть въ особенное платье, въ родѣ сѣрой куртки; наконецъ, разжаловать изъ гардемариновъ въ кадеты. За большіе проступки наказывали однакожъ тѣлесно и даже исключали изъ корпуса.

На самомъ дѣлѣ все было гораздо суровѣе, чѣмъ на бумагѣ, и эта двойственность особенно замѣтна при сравненіи письменныхъ документовъ съ разсказами очевидцевъ, тогдашнихъ воспитанниковъ корпуса. По свидѣтельству архива, состояніе корпуса въ Кронштадтѣ было почти такое же, какъ въ настоящее время: тотъ же внимательный надзоръ за нравственностью и ученьемъ воспитанниковъ, та же отеческая заботливость объ ихъ здоровьѣ, пищѣ и одеждѣ и та же безукоризненная чистота въ заведеніи. Очевидцы далеко не подтверждаютъ этого, и всѣ согласно свидѣтельствуютъ, что государь императоръ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ великое благодѣяніе для Морского корпуса, возвративъ его въ Петербургъ и обративъ на него свое личное, непосредственное вниманіе.

Веселаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Русская образованность при Петрѣ Великомъ, *Пекарскаго* 1
Обзоръ предположеній относительно распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ Великомъ, *его же* 6
Взглядъ на профессіональное образованіе въ Петровскую эпоху, *Владимірскаго-Буданова* 12
Мѣры Петра Великаго къ распространенію техническаго образованія въ Россіи, *Соколовскій* 28
Школа математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, *Веселаго* 43
Цыфирныя школы, *Владимірскаго-Буданова* 51
Морская академія, *Веселаго* 72
Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, *Висковатова* 705
Морской шляхетный кадетскій корпусъ, *Веселаго* 718
Училище Глюка, *Пекарскаго* 82
Учрежденіе Академіи Наукъ, *его же* 88
Академія Наукъ до царствованія Елизаветы Петровны, *его же* 101
Академія Наукъ при Елизаветѣ Петровнѣ, *его же* 114
Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, *Д. Толстого* 158
Выборъ студентовъ въ Академическій университетъ, *Сухомлинова* 222
Устройство Академическаго университета и бытъ студентовъ, *его же* 226
Академическій университетъ въ XVIII ст. *Толстого* 245
Значеніе Академіи Наукъ въ XVIII столѣтіи, *Веселовскаго* 273
Учрежденія, предшествовавшія Россійской Академіи, *Сухомлинова* 278
Основаніе Россійской Академіи, *его же* 284
Княгиня Дашкова, какъ директоръ Россійской Академіи, *его же* 289
Значеніе Россійской Академіи въ исторіи умственной жизни Россіи, *его же* 304
И. И. Шуваловъ, *Соловьева* 312
Проектъ И. И. Шувалова объ учрежденіи гимназій и школъ. *Толстого* ... 322
Шляхетный кадетскій корпусъ, *его же* 327
Московскій университетъ, *его же* 335
Университетская гимназія, *Страхова* 338
Казанская гимназія во время директорства Веревкина, *Артемьева* 353
Греческая гимназія въ XVIII столѣтіи, *Сухомлинова* 700
Общество благородныхъ дѣвицъ. *Толстого* 368
Воспитаніе въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, *Лихачева* 376
Новая австрійская система народныхъ школъ, *Толстого* 394
Примѣненіе въ Россіи новой австрійской системы народнаго обученія, *его же* 410

Стран.

Педагогическая дѣятельность Янковича де Миріево, *Кипріанова*..... 442
Московскій благородный пансіонъ, *Сушкова*..... 459
Духовныя школы при Петрѣ Великомъ, *Знаменскаго*..... 481
Московская духовная академія въ XVIII столѣтіи, *Смирнова*..... 505
Петербургская духовная академія въ XVIII столѣтіи, *Чистовича*..... 521
Ариометика Магницкаго. *(Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1857 года)*..... 539
Учебныя руководства для начальныхъ училищъ въ XVIII столѣтіи, *Толстого*. 550
Учебныя руководства второго періода Московской духовной академіи, *Смирнова*..... 579
Учебныя руководства третьяго періода Московской духовной академіи, *его же*..... 606
Учебныя руководства въ Петербургской духовной академіи, *Чистовича*.... 624
Учебники реторики въ связи съ ея преподаваніемъ въ Троицкой семинаріи при митрополитѣ Платонѣ, *Смирнова*..... 628
Учебники піитики и реторики въ Тверской семинаріи въ первые годы ея существованія, *Колосова*..... 633
Юности честное зерцало, *Аванасьева*..... 658
Письмовникъ Курганова, *Кирпичникова*..... 665

